Александр
ЗОРИЧ

Топоры и Лотосы

Александр
ЗОРИЧ

Топоры и Лотосы

Александр
ЗОРИЧ

Александр
ЗОРИЧ

ТОПОРЫ И ЛОТОСЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХРАНИТЕЛЬ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
З-86

Зорич, А.
З-86 Топоры и Лотосы : [сб.] / Александр Зорич. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. — 927, [1] с.

ISBN 978-5-17-045442-6 (ООО «Издательство АСТ») (С.: Под Дозоры)
ISBN 978-5-9713-5835-0 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)
ISBN 978-5-9762-4081-0 (ООО «ХРАНИТЕЛЬ»)
Серийное оформление А.А. Кудрявцева
Художник Евгений Деко
Компьютерный дизайн С.В. Шумилина

ISBN 978-5-17-045441-9 (ООО «Издательство АСТ») (С.: БМФ)
ISBN 978-5-9713-5836-7 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)
ISBN 978-5-9762-4080-3 (ООО «ХРАНИТЕЛЬ»)
Компьютерный дизайн С.В. Шумилина

Александр Зорич.

Псевдоним, под которым скрывается тандем Дмитрия Гордевского и Яны Боцман.

Многогранность этого творческого союза способна привести в восторг самого капризного знатока отечественной фантастики — ведь дуэту «Александр Зорич» принадлежат произведения в жанре фэнтези, космической оперы и альтернативной истории, приключенческой, философской и иронической научной фантастики... список можно продолжить.

В этот сборник вошли романы, повести и рассказы, представляющие собой самые разные грани таланта Александра Зорича...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© А. Зорич, 2007
© ООО «Издательство АСТ», 2007

ВКУС ВИНОГРАДА

У Александра Зорича непростая писательская судьба. Поднимался он медленно, обильно поливая потом каждый шажок по лестнице литературной карьеры. Учился играть на любых полях и при любых условиях, предлагаемых судьбой. Некоторые двери таранил по нескольку раз, но в конечном итоге всегда прорывался.

Александра Зорича оценили не за то, в чем он был сильнее всего. Наградили не за лучшие его тексты. Признали там, где он поначалу и не думал искать признания. Господь долго не разрешал подняться насмешливому, тонкому, лукавому Зоричу и выставил на его пути высокие стены и глубокие пропасти, заселил тропу, по которой пришлось ему совершать восхождение, опасным зверьем. А потом, когда все препятствия остались позади, открыл дорогу совсем другой личности... Люди, пытаясь прорваться вперед и вверх, обдирают пальцы, локти, колени... Зорич ободрал с ребер кожу с мясом. Но оставив кровь на камнях, он изменился, стал мудрее.

А значит, самые высокие горы у этого скалолаза еще впереди.

* * *

Собственно, никакого Александра Зорича нет.

Вот начало биографии этого фантомного персонажа, взятое с его собственного сайта:

«Александр Зорич — псевдоним писательского тандема Дмитрия Гордевского и Яны Боцман... Оба соавтора родились в 1973 году в Харькове в семьях преподавателей Харьковского государственного университета. Имеют по два высших образования: математическое и философское. Оба — кандидаты философских наук, до осени 2004 г. — доценты философского факультета Харьковского национального университета. Вопреки распространенному заблуждению, соавторы не состоят в браке... Дуэт дебютировал циклом прозаических и стихотворных миниатюр «Heraldica» (Харьков, 1996; позднее издавался в «Митином журнале»). В следующем году вышел первый роман автора, написанный в жанре эпического фэнтези — «Знак Разрушения»...»

На всю карьеру Александра Зорича отбрасывает тень тот факт, что он чрезвычайно образованная личность. Это зверь изысканный, благородный, он любит входить в тонкости и рисовать тонкие вещи, легонько посмеиваясь над публикой, разинувшей рты. Патентованный фэнтезист, он то и дело норовит срубить дерево повыше — публикуется в первосортных мэйнстримовских изданиях «Митин журнал» и «Знамя», переводит работы классиков современной философии, философской антропологии и гендерных исследований, от Дэвида Гилмора до Терезы де Лаурентис, выступает в качестве сценариста игрового блокбастера «В тылу врага», созданного по мотивам реальных событий Второй мировой войны. И все это время продолжает писать академические по стилю статьи, впрочем, не оставляя и научную общественность без маленьких милых розыгрышей: научные тексты Зорича написаны порой весьма сложным языком и оснащены научным терминологическим аппаратом полного профиля... Однако, если их расшифровать, выяснится забавная штука — автор имел в виду вещи простые, почти очевидные, но должен был позаботиться о том, чтобы заумь академического неудобьговорения подействовала на коллег зачаровывающим образом: это трудно понять вот так сразу, следовательно, это глубоко научно.

До определенного уровня изощренный ум и утонченность помогали Александру Зоричу делать литературную карьеру. Что, в сущности, соответствует его самоощущению: умный, талантливый человек должен быть награжден в этом мире, а если мир не понимает этого, то он (мир) — дурак. И награду из него придется выбить более грубыми способами.

Первую славу Александру Зоричу принесли фэнтезийные циклы о Сармонтазаре и Своде Равновесия:* «Знак Разрушения», «Семя Ветра», «Пути Звезднорожденных», «Люби и властвуй», «Ты победил», «Боевая машина любви» и «Светлое время ночи» (1997—2001).

Об этих циклах писали очень много. Их успех объясняется тремя составляющими:

Во-первых, необыкновенной сочностью видеоряда: Зорич выдает не менее красочную картинку, чем это бывает в лучших колодах Таро, ставших полноценными памятниками современной живописи.

Во-вторых, цикл затопляет стихия эротизма. Зорич — воплощенное сладострастие, сладострастие, сладострастие... неожиданно сменяющееся любовью и любовь венчающее короной госпожи.

В-третьих, Зорич, отлично образованный и очень озорной гуманитарий, постоянно с наслаждением взламывает все каноны фэнтези, а заодно и догматы приключенческой матрицы. Он непредсказуем. В отличие от 99 % отечественных фэнтезийщиков.

В жанре романа очень много обязательного. В наши дни фантастический роман со всех сторон обложен правилами, как волчья стая красными флажками. Объем: от сих до сих. Крепкий сюжет. Если не форматность в самом прямом и незатейливом смысле, то хотя бы приближение к формату... И, наконец, главное: если хочешь считаться писателем-фантастом в глазах издателей и «мэйнстрима» читающей публики, твои романы должны выходить регулярно. Для мэтров возможны определенные послабления, для всех остальных — ни в коем случае. Нет книги — нет писателя. Давно ничего не выходило — считай, «выпал из обоймы». В шоу-бизнесе звезде, полузвезде и даже какому-нибудь подзвездочку следует регулярно появляться на TV-экранах, давать концерты, напоминать о своему существовании. Те же законы вошли в плоть и кровь фантастики.

Если на протяжении двух лет у тебя не вышло ни одной книги в твердом переплете, считай, ты не существуешь. Более того, два года — очень щадящая норма, на пределе. Тому, кто мечтает о литературной карьере, следует перекрывать ее в несколько раз.

Пиши, родной, бери в руки отбойный молоток и пиши! Давай стране угля, хоть мелкого, но много. Изготовление романов представляет собой конвейерное производство. Душу туда вложишь, совесть и талант — конвейерная лента заберет и потащит к печатному станку; просто успеешь к оговоренному издателем сроку — заберет совершенно так же.

---

* Своего рода магическая госбезопасность в одной из стран вторичного фэнтезийного мира.

Роман живет богато, но слишком часто должен вытягиваться по стойке смирно и отдавать часть. Повесть бедна, судьба ее неприглядна. Зато и вольности в ее жизни больше: хочет — хиппует, а хочет — мажорит. Сборников в последние два-три года выходить стало несколько больше, чем прежде, кое-какие площади отведены под повести и в наших журналах, но, в принципе, «устроить» повесть труднее всего. И чаще всего именно ее пишут ни на кого и ни на что не оглядываясь, на полной скорости и без тормозов. Хотите знать душу писателя — читайте его повести. Это правило в России справедливо для девяти десятых «реестровых» писателей.

В 2005 году Александр Зорич выпустил сборник «Ничего святого», состоящий из девяти повестей. Работая на книжном рынке, умудренный жизнью Зорич проявил очевидный талант, разумную осторожность и тонкое лукавство. В романах (кроме знаменитой дилогии «Карл, герцог») Зорич умел к стихии авторского чутья примешать расчет: дать читателю то, чего он хочет. Мне кажется, в повестях Зорич гораздо менее рассудочен, повести сработаны в большей степени «наотмашь». Две отличительные черты его авторского стиля в повестях выражены рельефнее, ярче.

Это, во-первых, интеллектуализм письма. Зорич — гуманитарий, превосходно разбирающийся в современной культурологии, социологии, философии истории. Повесть дает ему наилучшие возможности для популяризации собственных философических идей. Так, например, блестящая «художественная статья» **«Топоры и Лотосы»** осторожно подводит читателя к схеме, прямо сформулированной лишь в самом конце: цивилизация мертва без культуры, а искусство — душа культуры; следовательно, разумная раса без искусства либо вымрет, либо превратится в неразумную. А повесть «Конан и Смерть» представляет собой ироническую полемику с образом супермачо работы Роберта Говарда, своего рода медитацию модернистов на тему: «боже, как все это примитивно...»

Вторую характерную черты стиля «от Зорича» точно назвать очень трудно. Это стихия жизни, прорывающаяся через интеллектуализм, требующая прихотливых, во всем избыточных декораций; движений души, сильных и в добродетели и в злодействе; изысканности и мощи в действиях людей и вещах, им принадлежащих. Так, в повести «Ничего святого» харьковский дуэт поднял темную, страшную месть до высот классической трагедии. В «Сером Тюльпане» — лучшем тексте сборника и, возможно, лучшем во всем творчестве Зорича, — жизнь представлена как тупое и беспощадное побоище. Люди злы, грубы, бесперечь делают другу больно, и даже дети ходят между мертвых тел, разбросанных по полю битвы, до

того огрубев душой, что трупье воспринимается ими лишь как объект мародерства... Очень маленькое бытовое добро расцветает настоящим чудом на этом фоне. Раз такое хотя бы иногда возможно, значит, весь мир может быть оправдан...

Я написал в предыдущей главке: хотите понять современного писателя-фантаста — читайте его повести. В отношении Зорича это и правда и... неполная правда одновременно. А неполная правда — сущая ложь. Ведь существует роман, в котором, как в драгоценном ларце, заключены душа и сердце Зорича, его горячая кровь и его прихотливые страсти. Даже хитрости романного конвейера хитрый Зорич обошел по кривой, добиваясь права подать на книжный рынок этот роман. Он прежде опубликовал несколько фэнтезийных хитов, усыпив златолюбивый разум издателя, а уж потом толкнул в зенит главное дело своей жизни. Издатель, пребывая в дремоте, пропустил нечто умное и абсолютно неформатное.

Это дилогия «Карл, герцог» — «Первый меч Бургундии» (2001)*.

На месте исторической Бургундии у Зорича вырастает идеальная страна. Здесь последним цветом расцветает великолепное рыцарство; здесь ценят силу, красоту, отвагу, ум, здесь имеют вкус к жизни. Здесь любят всем сердцем и сражаются, не помышляя об отступлении. С самого начала видно: рыцарственная страна заражена гибельной хворью и движется к падению. На нее наплывает скаредное, узкодушное Новое время в лице французского королевского двора. Но катастрофа Бургундии обретает черты средневековой триумфальной гибели, будто смерть Роланда, уходящего из жизни непобежденным. И победителю грешно сочувствовать, а ведь именно дух этой победы ныне окружает нас со всех сторон.

Роман вызывает устойчивую ассоциацию с разглядыванием налитой виноградины... и последующим ее поеданием. Всё собрано в солнечной мякоти: особенный аромат земли, капли ветра и свет неба, ласка человеческой ладони. Съешь виноградину! Жизнь хлынет в тебя, цвета покажутся ярче, а любовь обретет терпкость.

Роман филологичен в лучшем смысле этого слова. Он наполнен экспериментами с языком, порой довольно рискованными, он избыточен, как длинная строка Иосифа Бродского, — в духе посмодернистского необарокко**.

---

* Собственно, один роман, разделенный на две книги по причине колоссального объема.

** Жаль, что дилогию пронизывает темный эзотеризм. Впрочем, христианство еще войдет в творчество Зорича.

Дилогия была удостоена диплома украинских филологов как лучший роман 2001 года. Несмотря на это, думается, она еще не оценена по достоинству. Она ждет не заметок в профильных журналах, а серьезного литературоведческого исследования. Поскольку стоит того.

«Карл, герцог», по большому счету, оказался слишком умной, слишком сложной вещью, чтобы удостоиться внимания и благодарности со стороны массового читателя. В этом состоял жестокий урок: выше Зорич мог подняться только двумя путями — либо уйти в «основной поток» и совершенствовать художественную технику до филигранного утончения, либо, напротив, конвертировать полученную добрую славу в тиражи, т.е. перевести имя в деньги. Разумеется, второй путь предполагал значительное упрощение стиля, его... как бы получше выразиться?.. наверное, демократизацию.

Из двух маршрутов писатель выбрал... третий. Этот би-фантом раздвоился не только в персональном, но и в творческом отношении.

С 2002 по 2006 годы у Зорича выходит четыре романа, выполненных в формате космооперы.

Одновременно появляется целый сонм повестей и рассказов, отличающихся от космоопер, как небо и земля. Часть этих текстов вышла в сборнике «Ничего святого», о котором уже говорилось, но помимо этого вышли также рассказ **«У солдата есть невеста»** и повесть **«Дети Онегина и Татьяны»**. В малой и средней формах Зорич продолжает оставаться интеллектуалом, эстетом, умельцем создавать философское кружево. Одним словом, писателем-для-умников.

Что же касается космоопер... тут совсем другое дело. Если ты согласился работать космооперу, придется обтесать самого себя...

Первым полноценным опытом стал **«Консул Содружества»**.

Этот роман насыщен батальными сценами как никакой другой в творчестве Александра Зорича. В то же время, Зорич несколько дистанцируется от сюжетных перипетий. Такого рода работа ему еще в новинку, и в этих условиях Зорич экранирует себя от непривычных ощущений сарказмом. Некоторым направлениям в фантастической литературе внутренняя ирония не присуща по определению. Это прежде всего героическая фэнтези и космическая опера. То есть, конечно же, автор имеет полное право заставить своих персонажей иронизировать; никто не скажет худого слова, если ирония будет относиться ко всему вторичному миру, в котором происходит действие. Но если автор начинает демонстративно хихикать над соб-

ственными героями, происходит выход за пределы формата. Читатель героической фэнтези и космооперы слишком ценит, чтобы все было «взаправду», и негативно относится к смешливым кайфоломщикам. Зорич этого не убоялся и сделал нечто, приближающееся по духу к «Осе» Эрика Фрэнка Рассела.

«Консул Содружества» важен прежде всего тем, что именно с этого фундамента Зорич поднялся на более высокую ступень — к трилогии «Завтра война» — «Без пощады» — «Время — московское!». За нее знатному харьковчанину присудили с полдюжины премий на конвентах «Портал» (Киев), «Басткон» (Москва) и «Звездный мост» (Харьков). Мало того, вместе с разного рода стекляшками и чугуняками Зоричу досталась гораздо более редкая добыча — народная любовь. И многие ниточки тянутся от знаменитой трилогии к роману «Консул Содружества»

«Завтра война» — космоопера очень высокого качества, один из лучших русскоязычных образцов. Отлично продумана «стратегическая сторона»: Зорич разворачивает масштабное полотно ойкумены, раскинувшейся по Вселенной. По всей книге разлит «аромат аутентизма», отработан профжаргон военных и с хорошим драйвом передана динамика батальных сцен. Прописаны характеры, а фигура энтузиаста военно-конструкторской мысли Эстерсона выстроена со всяческими аппетитными психологическими завитушками, это настоящая находка Зорича. Конечно, в паре мест автор пытается намекнуть читателю, мол «это я... как бы понарошку... ни один умный... и т.п.» Чего стоит один адмирал Канатчиков... или выспренняя фразочка одного из главных героев: «Горжусь Россией!» Но в целом Зорич удержал свою внутреннюю иронию в рамках разумного, и книга от этого, думается, много выиграла. Более того, Зорич уже совершенно серьезно ввел в роман философскую начинку на тему «мистика войны», причем сделал это с безупречной художественной аккуратностью.

Роман представляет собой начальную книгу сериала о столкновении двух родственных (человеческих) цивилизаций XXVII века в жестокой войне. В двух следующих романах видна не столько трансформация персонажей, сколько изменение авторского отношения к циклу. Если в первом романе Зорич держит дистанцию между собой и вторичным миром весьма жестко (почти так же, как и в «Консуле Содружества»), во втором несколько сокращает ее, то в третьем она фактически исчезает.

Изначальная осторожность автора понятна: цикл разрабатывает тему русского патриотизма, имперства, и сначала Зоричу кажется органичным сближение православия, перенесенного в космические

просторы, с советской державностью. А красный цвет, почва, авторитарные модели общественного устройства — совсем не то, что нравилось раннему Зоричу с его подчеркнутым европеизмом, с его любовью к постмодернистскому экспериментированию. Однако в третьем романе «краснина» занимает естественное для нее место, отойдя на второй план повествования. И сам Зорич явно переходит с одной стороны большой духовной баррикады на другую. То, что в первой книге было предметом иронии, признаком архаизации массового сознания, в последнем рассматривается под иным углом: так ли все это смешно? может быть, напротив, за авторитарной реальностью стоит реальность архетипическая? «Время — московское!» отличается ото всех прочих текстов Зорича глубоко продуманным введением Церкви в жизнь людей далекого будущего. До того христианскую тематику в его произведениях и отыскать-то трудно. Перу Зорича принадлежит образ крупного ученого, из соображений веры тормозящего милитарный радикализм большого начальства и готового душу положить «за други своя». В нашей фантастике хватает воинствующего православия: само время, видимо, из года в год перчит набатным гудом христианскую тему... Сколько праведного гнева кругом! А милосердия огорчительно мало. Очень кстати, как раз тогда, когда это требовалось, появился из-под пера Зорича персонаж, вкладывающий в свои действия веру, надежду и любовь, а не один лишь огонь миссии...

Метаморфозы трилогии, по всей видимости, надо объяснять «сменой сезонов» в социальной реальности наших дней. А может быть, и переменами в мировидении самого автора.

В лукавце-Зориче жизни много. Вот он играет, играет, играет с читателями, а потом украдкой показывает им свое сердце — любящее и уязвимое. Зорич обожает славу и роскошь, платит за них сполна, честно. Зорич — хитрый насмешник, но совсем не злая личность. И... вот еще что:

Зорич талантлив.

Дай Бог ему удачи!

Дмитрий Володихин

КОНСУЛ СОДРУЖЕСТВА

ОТ АВТОРА

Когда писатель-фантаст говорит, что его интересует будущее Человечества, читатель обыкновенно воспринимает его слова как дежурную банальность. Мне легко понять этого читателя! Поскольку интересоваться будущим — это, согласно сложившейся в двадцатом веке традиции, обязанность писателя-фантаста, это, так сказать, поведенческая норма, как для врача-окулиста интересоваться состоянием глазного дна забредающих в кабинет пациентов. От писателя-фантаста требуют рассказов о будущем, у него буквально вымогают разумных инопланетян, рассекающих черную даль больших космических кораблей и, конечно, мудрых прозрений относительного того, «куда всё идет». Можно даже сказать, что мы, писатели-фантасты, торгуем будущим оптом и в розницу... Если принять и продолжить эту прилавочную метафору, то можно сказать, что моя книга «Консул Содружества» — одна из самых неожиданных торговых позиций в магазинчике «Зорич & Зорич». Она на несколько лет старше моей самой знаменитой трилогии «Завтра война»

(которая тоже о будущем!), а значит сам я, писавший ее, был на несколько лет моложе. И веселее. И жизнерадостнее. И бесшабашнее. Пожалуй, этот ряд можно продолжить еще двумя десятками пригожих прилагательных, но, я полагаю, мессадж и без них ясен. В интервью газетам и журналам я люблю — от застенчивости — порассказать журналистам, что моя двойная личность — это не слишком важный комментарий к моим книгам, но сам-то знаю страшную правду: он важный, и хотя книгу можно понять и без него, с ним понимать куда легче. Итак, во дни «Консула Содружества» сам Зорич был куда более бойким и веселым, и драгоценные бусины этого веселья — они рассыпаны по страницам текста. «Консул Содружества» — веселая и молодая книга.

Ее главного героя, Сережу, я, как это нередко случается у писателей, писал с себя. Причем не с того себя, каким я был в свои двадцать лет, а с того, каким я хотел бы являться. Не исключаю, именно поэтому Серж ван Гримм симпатичен мне до сих пор — гармоничным, архивезучим и очень полезным Человечеству балбесом я лично так и не стал, и вряд ли стану (ну разве что в последнем пункте еще есть надежды), а вот Сергей стал и останется теперь таким храбрецом и душкой навсегда, бодро прогуливаясь по грядкам букв, карабкаясь на уступы абзацев...

Мир, в котором живет Серж ван Гримм, я тоже писал как лучший из тех миров будущего, что возможны «при сохранении текущих тенденций». Это мир глобализованного и умиротворенного Человечества, где границ между культурами не существует, где все народы и нации давным-давно выяснили отношения, помирились, переженились и обзавелись жизнеспособным потомством, где нет отдельных, стеклянными стенами отгороженных друг от друга культур — русской и немецкой, англо-американской и иранской, а есть одна большая, общая для всех культура-коммунальная-квартира, этакий «глобалистический капитализм с человеческим лицом», понятный всем (потому что простой как мать-природа) и не обременительный ни для кого. Человечество из «Консула Содружества» занято, по преимуществу, трудом и потреблением. Ни о чем особенном оно не мечтает, однако нисколько не страдает от этого, налицо «триумф маленького человека», каким, кстати, и является главный герой. И если бы не коварные инопланетяне-кроверны, жить бы этому выдуманному капиталистическому раю да поживать, добра наживать, тысячелетия и тысячелетия...

Через несколько лет после издания «Консула Содружества» я изобрел «Завтра войну». Вселенная этой трилогии в чем-то похожа на вселенную «Консула Содружества», а в чем-то — совсем непохо-

жа. Вместо «общечеловечества» там народы — самостоятельные, самоуглубленные, озабоченные каждый своим. Вместо приукрашенного капитализма — просвещенный социализм, а главный герой «Завтра войны» не «московский пустой бамбук», а «юноша бледный со взором горящим», натура цельная и вдумчивая (собственно, таким меня лично воспитывали семья и школа в позднем СССР). Однако, в мире «Завтра войны», как и в «Консуле», в жизни человека есть место подвигу, потому что война, потому что любовь, потому что любое будущее — это будущее, где живут люди, человеки. С этой точки зрения отличия между «Консулом Содружества» и «Завтра войной» косметические, что бы там ни говорили критики, как бы ни настаивали на различиях «славянофилы» и «западники»...

Собственно, на встречах с читателями, реальных и виртуальных, мне частенько приходится отвечать на вопрос «так в какое же будущее вы, лично вы, Александр Зорич, действительно верите — в будущее «Консула Содружества» или в будущее «Завтра войны»?». Для таких случаев у меня есть дипломатичный ответ: Настоящее Будущее будет лежать где-то посередине между двумя описанными мною вариантами, так сказать «с бору по сосенке». А тем, кто не верит, я предлагаю дожить до двадцать седьмого века, осмотреться там как следует, а затем лично опровергнуть меня с фактами на руках.

Глава 1

РЯДОВОЙ ВТОРОГО КЛАССА

We have the ship, and we have men,
*And we have money too...**

Нарастающая вибрация, которая чувствовалась даже сквозь амортизированную экоброню, говорила о том, что командование все-таки решилось перейти к активной фазе операции. Крейсерский транспорт «Румба» подрабатывал импульсной тягой, в последний раз оптимизируя параметры десантирования.

Через несколько минут оптимизация завершится. Десантные катера будут катапультированы точно в яблочко — «зону L». От перегрузок в глазах померкнет свет, в ушах заревут голодные демоны смерти. Сегодня они нажрутся досыта.

— Джентльмены! Перед нами — четыре свежих бифштекса с кровью. Командование еще не видело их в деле. А потому не считало необходимым знать их имена. Мы звали их номерами. Вы догадываетесь, о ком идет речь. Номера GAI-7036, GAI-7037, GAI-7039, GAI-7041**.

---

* И корабль у нас, и люди. Даже деньги есть у нас... — песенка английских шовинистов колониальной эпохи.

** GAI — Government Assault Infantry (*класс. амер.*), Gavmen Asolt Infantri (*интерл.*) — правительственная штурмовая пехота.

GAI-7039 — это я.

Произносится «Гай Тридцать Девятый». «Семьдесят» отбрасывают, это код батальона, что толку его повторять? Хотя надо бы не «гай», а «джи-эй-ай», как объяснил мне один коренной землянин с Лос-Анджелесских островов.

Остальные номера — рекруты моей вербовки. Два пробела в нумерации, GAI-7038 и GAI-7040, пришли в учебную роту вместе со мной.

Гай Тридцать Восьмой — стройный паренек из веганцев. Мастер был художественной резьбы по мясу, татуировки, стало быть. Изукрасил пол-учебки сисястыми русалками и свастиками. Еще девизы умел. Вроде «Порок — это удовольствие, которое не надоедает» или «Бог — это победа!». Тридцать Восьмой был старше меня на два биологических года. Расстрелян за трусость перед лицом условного противника, проявленную во время учебной тревоги.

Гаю Сороковому по удивительному совпадению было ровно сорок лет — баснословный возраст даже для бронесил, не то что для штурмовой пехоты. Погиб во время тренировочного десантирования на Альфанге.

Официальная причина гибели — разгерметизация экоброни. Ходили слухи, что он поднялся в полный рост на ползковом треке, прямо под практическими пулеметами сержантской команды. Зачем он это сделал?

— Номер GAI-7036!

— Сениор! Номер GAI-7036 здесь, сениор!

— Назови свое полное имя.

— Сениор! Антонио Страда, сениор!

— Вы слышали, джентльмены? Поприветствуем Тони, самого тяжелого бойца в рядах правительственной штурмовой пехоты!

Захлопали и засвистели довольно оживленно. Рядовой первого класса Зигфрид Рунге выдудел из своей губной гармошки что-то мажорное.

Вообще-то играть Зигфрид не умеет. Даже «хэппи бёздэй ту ю» без фальши не изобразит. Да и гармошка та еще. На Марсе в похожие штуки дуют обычно болельщики на метабольных матчах. Звук — тошнотворнейший.

— Номер GAI-7036!

— Сениор! Номер GAI-7036 здесь, сениор!

— Отставить «номер». Отныне ты — рядовой второго класса Страда. Для меня и для нашего взвода — Тони Сицилия. Твой позывной — Этна. Введи новые данные в милитум. Пароль доступа — один-девять-восемь-ноль-ноль-четыре-семь-семь.

— Сениор! Так точно, сениор!

— Без первого «сениор». Понял? Повтори.

— Так точно, сениор!

— Номер GAI-7038!

— Сениор! Номер GAI-7038 здесь, сениор!

— Назови свое полное имя.

— Сениор! Чентам Делано Амакити, сениор!

— Поприветствуем рядового второго класса Амакити, джентльмены! Клянусь шевронами, это самый молчаливый пехотинец в Пространстве! Теперь ты — Чен Молчун. Твой позывной — Меч-рыба. Введи новые данные в милитум. Пароль доступа — один-девять-восемь-ноль-ноль-четыре-семь-семь.

Пароль был такой же, как и у Тони. Интересно, все сержанты такие ленивые или только наш? Наверное, и мой пароль...

По поводу Амакити у взвода особой реакции не было. Он с самого начала держался очень замкнуто. Только один раз, когда Заг прицепился к нему с расспросами «насчет вест-японских баб, у которых, говорят, это дело поперек», Амакити соизволил сказать нечто неуставное.

Заг хотел было применить свое излюбленное оружие — кулак размером с голову. После чего выхватил от вест-японца мировых пенделей. Только боязнь разбирательства на уровне полка удержала Зага от того, чтобы обратиться в госпиталь. Два треснувших ребра он заращивал походя, как собака.

Теперь моя очередь.

«Номер!»

«Сениор-твою-мать, раздолбай номер такой-то, твою-мать-сениор...»

«Имя!»

«Серж ван Гримм, прозванный марсианскими девочками Страходуем, а за что — не скажу».

Как обычно, короче.

— Серж ван Гримм, для тебя я припас пару особых слов. Скажу честно: лучшее, что ты можешь сделать, — подставить свою цельнолитую башку за своего командира. Тогда тебе повесят посмертный «Огненный Крест», а матушка твоя получит правительственный пансион и будет ходить на золото всю оставшуюся жизнь. Потому что твои геройства из личного файла наводят меня на интересные мысли. Думаю, трибунал тебе обеспечен...

Тут включилась ротная связь. Поток сержантских пророчеств благополучно прервался, и в наушниках зачирикал наш лейтенант. Двухминутная готовность, вот ведь как, оказывается.

— Рядовой второго класса ван Гримм!

— Я, сениор!

— Поговорим позже. Будешь Сержем. Прозвище можешь выбрать сам. Быстро!

— Сениор, я полагаю, вы правы, сениор. Трибунал мне обеспечен, сениор. Самое подходящее прозвище для меня — Висельник, сениор!

Кое-кто из наших позволил себе тихонько реготнуть.

— Отставить! В моем отделении не было и не будет дохлятины! Пусть у Феликса служат разные «зомби», «лазари», «вурдалаки»! У меня в отделении — крепкая закваска! Мне нужны живчики! Барракуда! Ты понял меня? Серж Барракуда! И чтобы в бою ты дрался так, как дрался в учебной роте! Двадцать две потасовки! Вы слышали, джентльмены?! Этот моральный урод однажды разогнал семерых танкистов! В одиночку! И чем?! Обломком антенны, который он вывернул из танковой башни! Он спасся от распыла только потому, что все семеро жестянщиков были под кайфом! Дознавателям оставалось только развести руками! Барракуда!!!

— Я, сениор!

— Если ты просрешь та-акое прозвище, я отправлю тебя в линейную пехоту! В дезактиваторы! В говнососы! Трапперов гонять! Ты понял?!

— Да, сениор! Благодарю за доверие, сениор!

Позывные четвертого свежеиспеченного рядового по имени Георгий я прослушал, потому что возился с милитумом своей экоброни. Пароль был тем же самым, что у Антонио-Тони и Чентама-Чена. Один-девять-восемь-ноль-ноль-четыре-семь-семь.

Лазерный проектор выбросил на внутреннюю поверхность смотрового окошка экоброни, справа, полную информацию по взводу.

Нас — двадцать три. У Георгия позывной — Пальма, у меня — Клык.

Надо полагать, Георгий получил прозвище Джо Папуас.

Ага, точно — его и получил. На что еще могло хватить фантазии нашего сержанта? Правду говорит народная мудрость: «Кто в армии служил, тот в цирке не смеется»...

— Захлопнуть шлемы!

Укол в шею — это экоброня ввела стимуль — и сразу же вслед за ним — обмотки магнитной катапульты аж взвизгнули! — мы начали! — мы начали! — пошли! — мамаааааааа!..

* * *

Это позже я узнал, что график операции пополз по швам, когда наш катер, наши крохотные по меркам воздушно-космических сил «Пунцовые губки» в первый раз поцеловались с атмосферой Глокка.

А тогда, под семикратной перегрузкой, разглядывая в дюйме от своей переносицы стайку размазанных ускорением инфузорий псипроисхождения и вслушиваясь в рев демонов смерти, — что я мог знать? Что я мог знать, если даже имя свое от страха позабыл?

Потом подействовал стимуль.

О! Я — тигр! Я — орел! Я — барракуда!

Барракуда? Да-а!..

Серж Бар-ракуда!.. Супер-Барракуда!.. Мега-Барракуда! Барракуда форевер!

Я скорее всего запел. По крайней мере рот мой был широко распахнут. И очень зря. Зубы мои лязгнули так, что пол-языка могло бы остаться в аккурат на смотровом стекле.

Ничего, язык у меня крепкий...

— Пошли!

Ох и красиво же раскрывается десантный катер! Будто бутон лилии или какой другой розы-мимозы. Только побыстрее, побыстрее...

Поднялись керамитовые плиты, кое-где присобираясь гармошкой, кое-где проворачиваясь-доворачиваясь и вытягиваясь по сторонам вверх. Как лепестки.

Одновременно с этим выплеснулись вверх на телескопических мачтах и сориентировались по сторонам света рокет-автоматы — наше непосредственное прикрытие. Точь-в-точь — тычинки с увесистыми коробочками пыльцы.

Потом шесть секций десантного отсека вывернулись из нутра «Пунцовых губок», и все мы посыпались в близкую изумрудную траву с экзотическим синеватым проблеском.

Это заняло меньше пяти нормативных секунд. Вокруг нас на почтительном удалении уже бушевал огонь. Вырезанные низовыми взрывами грандиозные пласты матерого дерна, теряя на лету клочья пылающей травы, подымались в воздух. Переворачивались. Разваливались на куски. Осыпались пылью.

Значит, рокет-автоматы не засекли противника в непосредственной близости и ведут типовой заградительный огонь. На всякий случай.

Глидеры автоматически включились и подстроились под высоту здешней травы.

Я обнаружил, что весь наш взвод болтается где-то в метре над самыми высокими выстрелами местных одуванчиков с такими пушинками, что из них можно было бы делать парашюты для хурманчей и других лилипутских псевдогуманоидных рас.

Я тоже болтался там вместе с остальными. Как кусок говна.

— Глидерам — минус пять! — приказал лейтенант.

Его слышал весь взвод, но сержанты все равно отрепетировали приказ.

Разумно. Даже я — сопля зеленая, скатий десерт, салабон — понимал, что разумно.

«Одуванчики» здесь росли довольно редко. Несмотря на внушительные размеры этой оголтелой травки, я бы не сказал, что за нею можно заподозрить особую крепость. На моих глазах Чен Молчун сшиб головку одного из одуванчиков ленивой отмашкой глидера.

Похоже, даже на большой скорости столкновения с этими одуванчиками ничем не чреваты. Для нас. А для местной флоры — извините.

Итак, мы все переместились на пять метров вниз. Чем ниже пойдем — тем больше у нас шансов добраться до Копей Даунинга живыми. А то ка-ак саданет стрекошвейка...

Рокет-автоматы прекратили пальбу и настороженно замерли.

Далеко за горизонтом ухало посерьезнее. Судя по зарницам, работал Флот Большого Космоса* — фрегаты, а то забирай и покруче.

— Посмотрите направо, джентльмены. Посмотрите налево. Посмотрите куда угодно. Седьмая эскадра ведет плановую огневую работу по изоляции «Зоны L». Сквозь такое пеклище не смогут прорваться не то что турбоплатформы, даже червь-танки кровернов! — Сержант Гусак был на подъеме.

Интересно, опытным воякам тоже вкалывают стимуль, или их уже безо всяких стимулей колбасит, по привычке?

— Только что пришел приказ из батальона, — это уже был лейтенант. — Действуем согласно плану. Отделение Альфа разворачивается на правом фланге и идет строем «коса», курс двести пять, скорость сто пятьдесят. Отделение Бета — левый фланг, строй фронта, курс двести, скорость сто пятьдесят. Огневая секция — строго за отделением Бета. Движение начинать по моей команде. Огонь открывать либо по моему приказу, либо в ответ на огонь кровернов. Стреляйте только по ясно различимым целям. Денек будет длинный. Как поняли?

* Флот Большого Космоса — собирательное название ударных сил Космофлота (КФ), состоящих из крупных боевых кораблей большого радиуса действия.

Поняли, поняли. Кому-то денек будет длинный, а кому-то — до первого термита...

Вскоре мы уже мчались вперед, за считанные мгновения оставив развороченную рокет-автоматами полосу за спиной. Антигравитационные ботинки, они же — глидеры, они же в некоторых батальонах — «коньки», тащили нас в проклятущую неизвестность.

И хотя неизвестность эта выглядела как залитая оранжевыми лучами солнца саванна, на душе у меня все равно скребли кошки. Очень большие тигрообразные кошки с налитыми кровью глазами.

Признаться, я бы предпочел оказаться в огневой секции, за спинами долдонов сержанта Феликса из отделения Бета. Тех самых, с загробными погремухами: Зомби, Эль-Дьябло, Крюгер, Лешак...

Но, к сожалению, при всех моих поддавках на тестировании мне все-таки насчитали повышенный коэффициент общего развития. К нему добавился удвоенный рейтинг агрессивности. А это значило, что долбаный номер GAI-7039 достоин почетного места в долбаном отделении смертников Альфа.

Альфа всегда впереди. Альфа лучше всех.

Альфа наносит удар первым!

Если только коварный враг сам не ударит в спину стрелкам огневой секции и отделению Бета. Но такое случается редко. А потому солдаты из альфа-отделений — это семьдесят процентов потерь любого взвода. Неплохо, да?

На такой скорости пейзаж не успевает наскучить. Мы проскочили равнину с «одуванчиками» за несколько минут.

За нашей спиной грузно валились в траву огромные семена-парашютики, а мы уже перескочили через гряду безлесых холмов. Я ахнул от восторга.

Спору нет — это было красиво.

ВАС ОТВЕЗУТ В КРАСИВОЕ МЕСТО.
ВАМ ДАДУТ ОРУЖИЕ, ВЫ ВСТРЕТИТЕ ДРУЗЕЙ.
ВЫ БУДЕТЕ СВОБОДНЫ.
АРМИЯ — ЭТО СВОБОДА.

Агитка лгала: армия — это каторга. Друзей не будет. Выбирать за тебя будут сержанты. Но в красивое место тебя все-таки притащат.

Озеро. И немаленькое. Налево и направо оно тянулось почти до самого горизонта. На противоположном берегу виднелись несколько оранжевых черепашек. «Геодезическая станция», — вспомнил я.

Благо вспоминалось легко: навигационная подсистема милитума регулярно комментировала местность. В полном соответствии с базой данных и той информацией, что поступала от бортовых сенсоров и внешних источников по каналу Оперативный Штаб — батальон — рота — взвод. Компьютер моей экоброни видел местность не хуже, а пожалуй, и лучше, чем я сам.

Но геостанция это ерунда. Главное — лес.

Деревья с раскатистыми плоскими кронами высотой метров под семьдесят напомнили мне картинку с замшелого диска, который я во время оно раскопал в дедовском барахле. Кажется, она принадлежала художнику эпохи Раннего Освоения, но, возможно, я путаю с Ранним Возрождением.

На картинке был вот такой же точно лес, даже ракурс и освещение показались мне знакомыми. Тогда, в детстве, я чуть не расплакался — до этого я не встречал ничего прекраснее. Кроме девочек, конечно.

Девочки у нас в нулевой школе попадались очень хорошенькие. Прямо секс-мутантки какие-то. Половое чувство во мне проснулось лет в пять.

Но, возможно, лес был прекраснее даже моих одноклассниц. По крайней мере в памяти моей все перемешано: золотистые прядки Мишель, загорелые лягвии Яси, худенькие предплечья Клариссы и густо-зеленые облака листьев на узловатых ветвях толщиной с женский торс...

— Повторяю: скорость — ноль, все на грунт! Барракуда, тебе что, персональное приглашение выслать, говорящей открыткой?

Только теперь я сообразил, что успел изрядно удалиться от берега. В то время как пунктир красных точек, обозначающий на лазерном планшете моих корешей-по-оружию, замер вдоль кромки воды.

— Виноват, сениор! Похоже, связь барахлит!

Я поспешно повернул назад и бухнулся в мягкий песочек. Что такое, почему остановка?

— Я тебе устрою «барахлит»! Я же тебя до последней косточки вижу! У тебя все работает, как Солнце!

В сержантской экоброне есть дополнительный экранчик, где написано и про наше здоровьице, и про работу нашей простой солдатской экоброни. Гусаку лучше не врать, а то можно попасть под циркуляр «О сознательном саботаже перед лицом врага».

Этот документик в последнюю войну работает, что твоя циркулярная пила. «Вжжжик» — и голова с плеч.

— Сейчас появятся «Фалькрамы», — сообщил сержант Гусак. — Советую всем включить полные фильтры, а новеньким — заткнуть задницу.

Фильтр я включил, два раза просить не надо было. Хоть я и салабон, но что такое «Фалькрамы», знаю.

Как и положено настоящим штурмовикам, «Фалькрамы» появились практически бесшумно. Даже когда они пролетали прямо над нашими заткнутыми задницами, я не услышал ничего, кроме едва уловимого гудения.

И исчезли все три сквада штурмовиков практически мгновенно, уйдя свечкой вверх и с разворотом через две «полубочки» — назад, туда, откуда явились.

Они улетели, освободившись от боезапаса, составлявшего половину их полетного веса. Всего лишь несколько секунд потребовалось кассетам, чтобы щедро разбросать бомбы. Тем временем из-под оранжевых куполов геодезической станции потекло нечто блестящее.

Не потекло, это мне только показалось, что потекло. Фильтр мешает. На самом деле — побежало.

Пресловутые термиты кровернов, многоцелевые роботы размером с собаку.

Там все-таки была засада! Может, весь лес ими кишмя кишит. Молодцы штабисты, предусмотрели, держали наготове тяжелую авиацию!

А на том берегу... На том берегу!..

Если бы лес был нарисован на стекле и потом кто-то пшикнул на картинку плавиковой кислотой... Или если бы стекло швырнули в кипящую сталь...

Все, что я видел, стремительно *потекло* вниз, растворяясь в жирном фиолетовом тумане. Потом силуэты деревьев подросли. Превзошли почти вдвое свою первоначальную высоту. И исчезли в жарком мареве.

Озеро пыхнуло клубами пара, будто в него уронили уголек размером с астероид.

Милитум запиликал и сообщил, что температура воздуха близка к критической. Он, видите ли, вынужден задействовать дополнительное охлаждение. Казалось, мне прямо в позвоночный столб заливают жидкий гелий. Ноги чуть не отнялись.

Однако уже совсем скоро я почувствовал себя как в сауне. Морозилка экоброни работала вовсю, но даже ей приходилось нелегко. Если бы у меня в руке была сырая индейка, на тот берег озера я принес бы уже жареную.

Хорошо, что индейки не было. Все равно пожрать мне бы не дали, пришлось бы выбросить.

И хорошо, что «Стил Скин Девелопмент» — проверенная фирма. Подозреваю, экоброня «Дженерал Урал-Мадрас Моторз» скисла бы вместе со своим содержимым.

Фиолетовый туман удивительно быстро выпал на землю черными хлопьями. Коагулировал, значит. Водяной пар резво раздергало по сторонам сильными порывами ветра.

Геостанции больше не было. Термитов — не было. И леса тоже. Вообще.

Земля, на которой лес стоял, — и та исчезла. Озерная вода, стремительно замутняясь от тяжелых спекшихся крупиц того, что раньше было лесом и почвой, заполняла новое ложе.

Ложе было неглубоким, но просторным.

Пейзаж адский, просто адский.

В агитационном ролике вербовщиков не помешали бы, пожалуй, такие слова:

ВАМ ПОКАЖУТ КРАСОТУ И УБЬЮТ ЕЕ
НА ВАШИХ ГЛАЗАХ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ?
ПРЯМО НА ВАШИХ ГЛАЗАХ!

Путь был свободен.

Через одиннадцать минут отделение Альфа вышло к объекту атаки, то есть к Копям Даунинга. И атаковало его.

Промышленный объект, занятый противником, — это страшный сон любого офицера штурмовой пехоты. Нельзя вызвать штурмовики, чтобы они стерли с лица земли проклятые сортировочные блоки и стоящие под погрузкой челноки кровернов. Танкам нельзя стрелять на полную мощность — можно уничтожить ценнейшее сырье, из-за которого затеяна вся операция.

К тому же в индустриальном лабиринте любой безвредный кибермех сослепу сойдет за боевого робота противника. Расстреливать приходится каждую подозрительную железяку. А ведь после неаккуратной стрельбы на тебя то и дело норовит завалиться башенный кран!

И наконец, в любое мгновение ждешь грандиозного взрыва. Кто знает, как поведут себя кроверны? Почему бы им не взорвать свой корабль вместе с половиной местного плюгавого континента?

Почему бы им, в конце концов, не растормозить любой из промышленных реакторов? Почему не удрать, предоставив выжечь эту фабрику «однодышащих» своим планетарным крейсерам?

К счастью, нас было много. Только для боя непосредственно в Копях Даунинга командование выделило больше дюжины взводов.

Были и танки. Эти, впрочем, не столько воевали, сколько стояли на стреме. Оно понятно: танк в промзоне — что слон в посудной лавке.

Мы выходили к Копям одним из самых длинных маршрутов. За это время с севера, запада и востока к ним успели уже подойти взводы других ударных рот нашего батальона.

Это было что-то! Громадный по площади, но сравнительно скромной высоты купол, накрывающий всю производственную территорию. В куполе здесь и там — преизрядные дырки.

Число дырок стремительно росло. В промзоне шел бой.

Когда кроверны внезапно обрушились на Копи, охрана и рабочие все-таки оказали сопротивление. Судя по обрывочным сообщениям, которые они успели выплюнуть через запасной узел связи, им даже удалось завалить несколько скатов. Я в это не очень-то верю, но если все-таки удалось — честь им и слава.

Но самым главным были не убитые скаты, то есть кроверны. А то, что примерно триста человек персонала смогли собраться в пределах аварийного контура. Аварийный контур — это вместительный герметичный бункер, который любая компания обязана строить на внеземном промышленном объекте.

Случаи-то разные бывают: землетрясение, радиоактивная опасность, вирусы, неразумные хищные существа, которых в свое время проморгала биоразведка. О, какие бывают хищные существа! Очень неразумные и ужасно прожорливые...

Итак, нашей целью было уничтожить противника. Это первое.

Второе: принять тяжелые транспортные катера, которые вывезут отсюда иридиевый концентрат и прочие вещички подороже золота.

Третье, самое щепетильное: эвакуировать из аварийного контура тех, кому повезло пересидеть оккупацию.

План Копей Даунинга был введен в наши милитумы с точностью, доходящей до абсурда. Более того: для каждого из нас были расписаны основной и пять-шесть запасных маршрутов движения с вариантами перехода с маршрута на маршрут.

И даже более того, джентльмены! Штаб проанализировал и забил в милитумы все потенциальные опасности, которые должны подстерегать солдата по мере прохождения им своего маршрута...

Мы вломились под купол Копей Даунинга через свежую дымящуюся дыру размером с танкодесантный катер. Дыру пробили пушки бронированных монстров из знаменитого батальона «Крестоносцы».

Все по плану. Вот он — мой основной маршрут!

Узкий проход между двумя шагающими погрузчиками. Я хотел было рвануть прямо в него на полной скорости, да милитум намекнул, что надо бы садануть по кабинам обоих шагоходов.

Тоже дело. Подаю команду голосом.

Я привык голосом, а многие пользуются так называемым пальцеванием. Выходит чуть-чуть быстрее, зато голосом — надежнее, да и навыков особых не нужно.

Из спинного обтекателя экоброни выдвигается и подлазит в аккурат под правую руку мое штатное стрелковое оружие — реактивный автомат «Сьюздаль».

Скорость активной пули, выпущенной из этой штуки, такая, что все три центнера экоброни вместе с пехотинцем должны из-за отдачи улетать на полкилометра. Либо, если стрелять от бедра, правую руку отрывает на хрен, вместе с ключицей.

Кстати, бывали случаи.

Но чтобы случаи такие бывали редко, в амортизаторе «Сьюздали» при каждом выстреле происходит микровзрыв и реактивная струя бьет из-под правого локтя стрелка, компенсируя энергию пули.

Потому и называют «Сьюздаль» реактивным автоматом. А вовсе не потому, что она стреляет ракетами, как полагают некоторые репортеры. Пустобрехи, мать их так.

Два одиночных выстрела. Кабины погрузчиков разносит вдребезги.

Активная пуля — это вам не какая-то дурацкая «ракета». Это подлинная квинтэссенция смерти, как говаривал наш лейтенант. Знать бы еще, что такое «квинтэссенция».

Что дальше, милитум?

Сто метров вперед.

За погрузчиками — остановка.

Четыре термита.

Стреляю, сразу ухожу влево вверх. У этих уродов отличная реакция, но сервоприводы вертикальной наводки отстают от систем наведения.

Нас так учили. Но передо мной, кажется, усовершенствованные модели.

Луч — точнее, сверхтонкая струя — кислотного лазера впивается мне в левую ногу чуть пониже колена. Так быстро?!

Завывает «Сьюздаль».

Взмывают куски термитов вперемежку со страховидными ошметками черно-желтой металлической конструкции. Один из них проходит совсем близко от моей головы.

Сразу же падаю на землю. Еще не хватало, чтобы на уровне складских крыш стрекошвейка на мне крестики вышила. Рожденному ползать лучше летать пониже.

Экоброня спешно латает дырку. Это плохо.

То есть хорошо, что латает. Но очень плохо, что мне досталось при первом же огневом контакте. В этой операции запас регенератива нам снизили до минимума. Вместо этого добавили по два навесных аккумулятора и вибробур.

Командование успокаивало: кровернов на заводе мало, активность низкая! Вражеские подкрепления к Копям Даунинга не пройдут! Их не пропустят отряды огневого контроля Седьмой эскадры, «Фалькрамы» и «Спаги». А вот повозиться с эвакуацией людей из подземного аварийного контура придется, да. И вибробуры будут там полезнее, чем целые баки регенератива.

Что верно то верно. Когда подали горячее, регенератив нашему взводу не потребовался.

Самое противное — я не знаю, дошел луч-струя до самой ноги или нет. Экоброня могла сразу же заблокировать мою нервную систему вокруг участка поражения. Так делается, чтобы пехотинец вместо распускания соплей продолжал бой.

Пальцы на ноге шевелятся вроде. И на том спасибо.

Дальше маршрут проложен вдоль трубы в два моих роста. Здесь рекомендовано перевести глидеры в режим пешей ходьбы, жаться к трубе и смотреть в оба.

Иду. В наушниках — обычная боевая трепотня. Пока вроде все нормально.

На трубе написано:

ДЕРЖИТЕСЬ ПРАВОЙ СТОРОНЫ
ПЕРЕСЕКАТЬ ЖЕЛТУЮ ЧЕРТУ ЗАПРЕЩЕНО
ОХРАНЯЕТСЯ РОКЕТ-АВТОМАТОМ

Эге. А желтой черты что-то не видать. Параллельно трубе, на расстоянии метров эдак в пятнадцать, тянутся однотипные черные кубы без окон, без дверей. Между кубами — узкие проходы. Сквозь них видно, как кто-то по кому-то стреляет.

В воздухе вспыхивают трассы от активных пуль. Скорость у них такая, что след в любой атмосфере видно — воздух ионизируется и слабенько так искрит.

Ясно, эти кубы — какие-то химические блоки скорее всего. Секретные?

На матовой поверхности одного из кубов — длинный свежий потек. Микротрещина? Какая дрянь из нее подтекает?

И где же обещанная желтая полоса?

Тут только я замечаю, что желтая полоса все-таки есть. От нее осталось не сказать чтобы очень много. Нет-нет да и проглянет тусклое пятнышко, еле различимое на темном полимериде.

Почему *так?* Кажется, здесь произошла маловразумительная реакция. Некая жидкость вытравила напрочь краску, которой была нанесена желтая полоса.

В голове мельтешат неоформленные мысли о всякой химии, в которой я разбираюсь как прозектор в косметической хирургии. Вспоминаю некстати, что кроверны иногда используют при климатизации планет так называемые химические реакторы.

Кроверны — короли планетарных преобразований. Мы тоже это умеем, но у кровернов подход покруче.

На образцовую климатизацию Марса Содружество потратило восемьдесят лет. Наши двоякодышащие недруги сварили Эсквемелин за десять стандартных суток.

Говорят, кроверны могут «просчитать» целую планету. С ядром и мантией, плитами континентов и океанами, вулканами, горами, впадинами и ледниками. И якобы благодаря этим своим расчетам кроверны знают, как одним пальчиком разрушить на планете прежний экобаланс. На всей планете! И устроить новый, по своему вкусу...

Много думать вредно. Здоровенная «мамаша» выпрыгивает из прохода между двумя кубами. Да так неожиданно, что задумавшийся о премудростях химии салабон Серж ван Гримм даже не успевает как следует перетрухнуть.

Любопытно: проход таки охранялся рокет-автоматами. Но самое любопытное: они были включены!

Кто и когда привел их в действие — знать не знаю. Может даже статься, что их никто не включал, а кровернам просто не хватило ума их выключить. За целую неделю? Сомнительно.

«Мамаша» поймала сытный заряд, разваливший ее на куски прямо в воздухе.

Лохмотья неопрятной, хлюпающей плоти завалили меня с ног до головы. Слабенькие разряды затрещали между металлизированным костяком монстра и трубой.

А вот если б эта улиточка была, так сказать, в сборке, меня ожидал бы мегавольтный электрический разряд.

Не могу сказать, что экоброня на это не рассчитана. Я, пожалуй, немного еще потрепыхался бы. Но что бы я делал в тяжеленной мертвой скорлупе, у которой отказала вся энергетика?

Успел бы, наверное, пару раз матернуться. А потом крепкий, как закрылки «Фалькрама», клюв меоравиоля отыскал бы слабое место в моих умерших доспехах...

Меоравиоль — так «мамаша» называется. Но кто же это выговорит?

Дальше — больше. Вслед за электрическим моллюском из прохода выскочил... человек. И никакой рокет-автомат его не срезал.

Просто — человек. Не штурмовой пехотинец.

Он был одет в рабочий комбинезон, густо замазанный кровью и, кажется, содержимым этих перегонных кубов. Комбинезон аж дымился.

Да на нем даже перчаток не было, не то что экоброни! Впрочем, левая кисть отсутствовала, что снижало потребность в перчатках ровно вдвое.

Неизвестный герой довольствовался легкой кислородной маской. В правой руке он держал ажурное железное бревно. За бревном волочился шланг толщиной в три пальца.

Кому, как не мне, бывшему монтажнику-подводнику, было узнать в этом варварском агрегате сварочный плазмомет старой модели! Отличная штука. Можно скалы резать, можно при должной квалификации консервы открывать.

Изредка применяется и по прямому назначению. А сегодня вот оказалось — в качестве импровизированной замены рокет-автомата тоже сгодится.

Мужик — а это был, конечно, здоровенный, смуглокожий мужичара, иначе как бы он уволок в одной руке эту хреновину? — подковылял ко мне.

Я показал ему большой палец. Молодчина. Спасибо. Ты — номер один. Я твой должник. Двойной бурбон — за мой счет.

Он что-то орал и вид имел скорее гневный, нежели обрадованный спасением жизни правительственного штурмового пехотинца. Что за язык такой?

Милитум осведомился, требуется ли перевод. Он еще спрашивает!

«Язык — испанский. Встречаются слова из индейского языка «киче», — сообщил милитум. Какого еще, к черту, «киче»?

— Уматывайте! Быстро! Тут никого нет! Никого! — орал мужик на этом самом языке.

С виду вроде не сумасшедший. Как же это — «никого нет»? А он кто? Да если кроверны позволили разгуливать здесь персоналу Копей, так, может, и все остальные уже на поверхность вылезли, а?

— Сейчас всему крышка! Тернарный компонент потек! Ты что, не видишь?! — Он гневно завращал глазами, тыча своей железкой прямо под ноги.

Тернарный компонент чего? Я, конечно, олух, но, по-моему, для крупных неприятностей нужны еще по меньшей мере два. Два компонента, два других сорта химического дерьма. Иначе какой же он «тернарный»?

— Объясни внятно! — рыкнул мой речевой синтезатор на испанском. — Кто ты? Что здесь происходит?!

Мужчина наконец скумекал, что лучше перейти на интерлингву.

— Офицер биологической безопасности Чака Дюмулье. Вчера они прорвали контур. Здесь все не так, как вы думаете. Людей больше нет. Последние передачи были не от нас, это обман кровернов. Мы ничего не могли сделать. Шибальба!

— А что компонент?

Дюмулье аж зарычал от злости. Кризис коммуникации у нас наметился, значит. Не петрит ничего собеседник. Ка-акой тупой солдафон попался, это ж надо!

— Им не нужен иридий, — просипела его кислородная маска. — На Копях их интересовали только синтез-машины. Благодаря нашей трофейной технике кровернам не пришлось завозить почти ничего своего. В синтез-машинах, — Дюмулье кивнул на черные кубы, — уже наработаны реагенты. Осталось меньше часа. Возможно — минуты. И кроверны начнут климатизацию. Но неуправляемая климатизация будет прямо сейчас, потому что я выкрутил пару предохранителей.

— Вы понимаете, что подставили по меньшей мере восемьсот человек?

— Откуда же я знал о вашей операции? Я думал, что убью сотню кровернов и целую армию термитов. Я вывернул предохранители. Вышел из аппаратной. И тут раздались первые выстрелы. Да я понятия не имел о вашем десанте! Я думал, что честно исполнил свой долг.

— До того, как идти в аппаратную, вам следовало бы задержаться на одну чашечку кофе.

Дюмулье не улыбнулся.

— Я выполнял свой долг, — повторил он.

Ага. Это типаж. Герой-самоубийца. Умираю, но не сдаюсь типа.

Впрочем, его можно понять. В самом деле, сам факт операции был строго засекречен. Не говоря уже о точном времени.

Он думал — кровернам удастся уйти от возмездия. И сам решил стать карающим мечом.

— Можно ли вернуть предохранители на место?

— Уже поздно. Компонент потек.

Мое дело — не думать, а доводить информацию до командования.

— Альфа-один, вызывает Клык! Вызывает Клык! Повторяю: Клык на связи. Бета, Кси: кто меня слышит?

Ни гугу. Я расширил диапазон до батальонного уровня. Имею право — информация экстренная.

Вот будет сейчас климоклазм... Вот окажусь прямо в эпицентре... Ураганный ветер — сильнее того, что был в дни творения, — отделит кожу от мяса, мясо от костей. Разберет меня по кусочкам. Растреплет по всей планетке.

Но если мое сообщение засекут в штабе — «Огненный Крест» мне гарантирован. Посмертно, конечно.

И матушка моя, по меткому замечанию сержанта Гусака, будет всю оставшуюся жизнь ходить на золото. Даром что она майор специальных сил и получает от правительства такие бабки, рядом с которыми компенсация за непутевого сынка-рядового просто не угадывается... пара фаршированных омаров и шубка-шар от престижного модельера...

— Взвод-два рота-один вызывает батальон. Всем, кто меня слышит. Всем, кто меня слышит!

А никто не слышит.

Ну и дела...

Может, всех уже того?

Ума хватило — запустил телезонд. Это мои запасные глаза, уши, а если повезет — то и язык.

Ясно же, что эфирная обстановка в таких местах может быть любой степени говенности. Да и кровернам уже пора было глушилки включить.

Телезонд повис под арматурой поврежденного купола и сообщил, что приступил к сканированию.

Ну наконец-то. Отозвались. Оказалось, мой разговор с Дюмулье слушал Гусак.

Интересно только, как он нас слышал, если я только что докричаться не мог и до батальонного начальства? А, не чешет. Значит, у меня на выход все работало нормально, а коротковолновый вход был перекрыт. Может, электрический кусок «мамаши» что-то не то закоротил, я же себя со спины не вижу.

Ну, прекрасно. Гусак в курсе, лейтенант в курсе, эдак скоро и до Оперативного Штаба дойдет. В любом случае — не пришлось пересказывать всю историю с начала. Наверху, как оказалось, уже жутчайший переполох.

Соображали там, впрочем, на удивление быстро. Итак, приказ номер раз: все прочь с площадки синтез-машин. Зарыться в землю, да поглубже!

Меня просить два раза не надо было.

Я приказал Дюмулье выбросить плазмомет и вцепиться в меня покрепче.

Он расстался со своим оружием весьма неохотно. Думаю, если б был уверен, что длины шланга хватит — оставил бы при себе.

Глидерам пришлось малость поднапрячься. Мы — я и пристроившийся на моей левой ноге как орангутанг на пальме Дюмулье — взмыли над трубой.

Я скосил глаза вправо, изучая тактическую разметку, спроецированную милитумом на смотровое стекло. В тяжелую годину климоклазма я буду рад сдохнуть вместе со своими задушевными корешами: Загом, Зигфридом и Гусаком.

Ага, вот и они. Скучились в районе второго вентиляционного ствола.

Ох, что я увидел, пока летел!

Наша пехота сновала над заводом целыми стаями. Мне, похоже, достался один из самых глухих маршрутов — возможно, как новенькому. Потому что в основном наши работали секциями по три — пять человек.

И сейчас все эти секции спешили убраться от синтез-машин подальше.

Я прошел на бреющем полете над сворой неподвижно замерших термитов. Как новенькие — только черные. Это потрудилась плазменная пушка, главный козырь огневых секций.

А вот кому-то из наших не повезло. Голова отдельно, тело выдавлено наружу через трещины в экоброне. Внутренний взрыв.

Интересно, чем это его так?

Оставшийся без хозяина «Сьюздаль» носился как заводной, стукаясь с оглушительным звоном о штабеля швеллеров.

В «Сьюздале» закоротило разделитель стрельбы. Автомат плевался реактивными струями, но не стрелял.

Вот это ярость, я понимаю.

Тут-то вибробуры и пригодились.

Когда я подлетел к своему отделению, то обнаружил, что под фундаментом свинофермы — да-да, там была свиноферма, рабочие Копей не желали жрать консервы! — под фундаментом уже выкопан великолепный бункер. В него-то мы с Дюмулье и занырнули.

— Это он? — осведомился Гусак.

— Ясный перец... эхм, виноват... Так точно, сениор!

Гусак смерил Дюмулье взглядом.

— Лучше бы вы, офицер, не аппаратную захватили, а узел связи, — проворчал он. — И растолковали нам что к чему.

— А вы-то сами узел связи захватили? — парировал Дюмулье.

С моей точки зрения, разговор был исчерпан.

Ан нет. Сержант утащил Дюмулье в глухой уголок и стал у него что-то потихоньку выпытывать, отключив передатчик. К моему удивлению, не прошло и минуты, как к ним присоединился возникший словно из-под земли капитан.

Капитан, джентльмены! Капитан Рафаил де Веракрус собственной персоной! Похоже, командование жаждало от Дюмулье новых откровений.

Тем временем Тони Сицилия посвятил меня в дела наши скорбные.

Эвакуировать нас просто не успевали. И судя по всему, не очень-то хотели. Мы прилетели сюда не для того, чтобы сразу дернуть обратно, а чтобы вывезти вещички подороже золота.

Бой за взлетную полосу другие взводы закончили вот только что. И теперь, несмотря на угрозу климоклазма, хапали все, что только можно было захапать.

А челноки кровернов пришлось сбить при попытке к бегству. Жаль, конечно, — в идеале их тоже следовало бы захапать.

Кроме того, наверху не желали мириться с тем, что целая планета превратится в бурлящее варево из гиперактивных биохимических компонентов и вторичных реагентов. Глокк считался очень перспективной колонией.

Так что вместо эвакуации командование придумало кое-что покруче — термическую обработку. Будь нам заранее известно, что кроверны сумеют использовать наши синтез-машины в своих целях, с этого следовало бы начинать всю операцию.

Кто успеет быстрее — «Фалькрамы» или неумолимо растущее давление, которое вскроет емкости с остальными двумя компонентами тернарной смеси?

Чтобы штурмовики смогли влететь прямо на территорию завода, танковые пушки полностью размолотили северный и южный скаты купола. Стеклопластик испарялся огромными кусками — от каждого выстрела ухало так, что ходила ходуном земля под ногами.

Хорошо, что все свиньи на ферме сдохли еще во время нападения кровернов. Отравились местной атмосферой из-за разгерметизации купола, а может, от страха окочурились. Не то от их свинячьего визга мы бы все там на месте и чокнулись бы, точно говорю. Я сам хотел визжать, как резаный — так страшно было.

Не хочу «Огненный Крест»! Хочу домой, на базу, к резиновым бабам.

Мы снова включили фильтры.

Сразу вслед за тем рвануло так, что мало не показалось. Я потом только узнал, что то была еще не бомбардировка — просто один из «Фалькрамов» не вписался в дыру в куполе.

А потом что-то тихонько свистнуло-пискнуло вдалеке. И наступила тишина.

Бомбы «Фалькрамов» сделали с синтез-машинами то же самое, что незадолго до этого — с лесом. Грубо вырезали из ландшафта и переместили в небытие.

Успели!

Успели, короли воздуха, драная гвардия поднебесья!

Говорят, за тот вылет всех пилотов четырнадцатого сквада повысили в звании. Всех уцелевших пилотов, я имею в виду.

Они спасли всех нас, а заодно и планету Глокк. Даром что ненадолго.

Мне бы так! Нажал на пару кнопок — и уже лейтенант.

Командование на то и командование, чтобы командовать. Если события развиваются в соответствии с намеченными планами — зачем нужны командиры? Знай слушай себе милитум и делай, чего он скажет.

Но планы — их любят сперва составить, а потом на лету поменять. Для этого нужно вдохновение, а вдохновение компьютеру иметь по уставу не положено.

Сперва план был все захватить, кровернов перебить... Э, ребята, а видел ли кто живого кроверна? Не, здесь не видели. Только меоравиолей. И термитов, ясно.

Да. Кровернов, значит, перебить и всех людей из мрачных подземелий вывести к свету и радости.

Потом наложили в штаны и думали, что планы уже не нужны будут: всех климоклазм накроет.

Климоклазм проехали. А тем временем и Дюмулье допросили.

Он не уверен, что все погибли. Точной уверенности у него нет. То есть присягнуть в том, что триста восемнадцать женщин, мужчин и детей были растерзаны термитами, он не может.

Присягнуть — не может. Но если головой подумать, вот просто взять и подумать: герметичность аварийного контура нарушена, кислородных масок — только на каждого пятого.

И термиты...

Они дурные, конечно. Но тепловые сенсоры у них имеются, заодно с прочими. Даже если там была тьма кромешная — все равно ведь всех видно как на ладони. Засек термит красное пятнышко — и кислотным лазером туда!

В общем, правильно Дюмулье считает, что погибли абсолютно все.

Сам он, если ему, конечно, верить, отстреливался до последнего патрона. В отсеке перебили всех, прямо на его глазах. Потом отрубился свет.

Дюмулье приготовился к встрече с демонами смерти, но прогремел взрыв.

Он нашел себя в кольцевом коридоре периметра. Там аварийное освещение все-таки работало.

Дюмулье спасся благодаря баллону с жидким гелием и офицерской закалке. Он ведь все-таки офицер, хотя и не правительственный!

Заливая пол гелием, чтобы погасить свой тепловой след, он добрался до переходника из аварийного контура к лифтам. Термитов там, к счастью, не оказалось.

Лифты, конечно, не работали. Зато сыскался секционный силикатовый баллон.

Обычно такие используют, когда нужно наглухо залепить отсек, через который происходит утечка воздуха. Загоняют в него гелий под давлением, баллон раздувается, силикат благодаря своей аморфности принимает в точности форму отсека и прилипает ко всем поверхностям. Разумеется, так он законопачивает и все дыры в стенках поврежденного отсека.

Ладно, Дюмулье никаких дыр конопатить не собирался. Наоборот, ему было нужно, чтобы силикат ни к чему не прилип. Для этого он обрызгал его гелием снаружи, а потом уже подогнал секции баллона под диаметр шахты лифта и накачал его. Так он и выбрался на поверхность — через шахту, на своем персональном воздушном шаре.

Звучала история дико. Может, потому Дюмулье и не очень-то поверили насчет гибели остальных рабочих.

И тогда наше благородное командование, ведомое соображениями высокого гуманизма, вернулось к первоначальному плану.

Поскольку внезапную климатизацию планеты удалось предотвратить, а Копи Даунинга были вроде как захвачены, возникло желание все-таки послать под землю один взвод на предмет общей разведки и спасения тех, кого — кто знает? — может, еще можно спасти.

Не зря я хотел назваться Висельником. Как чуял! Потому что эту сомнительную честь поручили нашему взводу. Он, видите ли, был единственным, который до сего момента не имел потерь в личном составе.

Все должно быть по справедливости. Решительно все.

Глава 2
АВАРИЙНЫЙ КОНТУР

Небо и Земля беспощадны.
Лао-Цзы

— Заг, дай свет.

И стал свет.

— Заг, еще.

И стало еще.

Несколько пятнышек крови на полу. Оплывший под кислотными лазерами пластик. Все как-то скособочено. Потолок и пол местами присобраны гармошкой. Неподвижный термит в углу. Несколько рваных дыр в полу вокруг него — похоже, от обычного огнестрельного оружия с разрывными пулями.

Кое-где пол покрыт светлыми пятнами. Следы гелия, который разбрызгивал Дюмулье.

Проходим кессонный отсек.

Это впечатляет. Сами бронедвери — крепчайшие, монолитные плиты — кроверны взломать не смогли. Но термитам или каким-то другим роботам удалось подкопаться под керамический фундамент отсека.

Двери просто не вынесли собственной тяжести. А может, кроверны помогли им для верности хорошим направленным взрывом.

Так или иначе, весь отсек ухнул в черную бездну, открыв кровернам свободный проход внутрь аварийного периметра.

Светим вверх — туда, где раньше находилась крыша отсека.

Ничего не видать. Сонары сообщают, что над нами — внушительная пещера с оплавленными стенками.

Ну вроде ясно. Отсек был подкопан снизу, а сверху термиты вырыли камору для подрывного заряда. Пещера, которую мы имеем удовольствие зреть, образовалась после того, как взрыв выжег порядочный объем породы.

До базальтовой плиты здесь довольно далеко. Под слоем земли и глины — в основном туф. Впрочем, термиты справились бы и с базальтом, сомнений нет.

Продвигаемся до пересечения с кольцевым коридором.

Контрольный выстрел влево. Вправо стреляет Заг Дакота. Вверх, в черный отвор технологического канала — шедший третьим Чен-там. Точнее, Чен Молчун, извиняюсь, сержант.

Такая вот у нас подобралась тройка. Так мы и топаем: впереди я, за мной Заг, потом — Чен. Чен все больше пятится раком, чтобы нас с тыла никто не обидел.

Пока все нормально. Никаких признаков движения. Ни термитов, ни кровернов, ни людей.

Вполне доверять нашим датчикам нельзя — здесь есть чему экранировать и радио-, и тепловые волны. И даже микросейсмическая локация не всегда точна. Однако есть все-таки надежда, что нам не грозит встреча с большими стаями термитов.

Проходим по кольцевому коридору сорок метров вправо — до первой двери жилого отсека. Дверь отсутствует, в отсеке — темнота.

Возвращаемся к пересечению с радиальным коридором.

Проходим сорок метров влево — там тоже, совершенно симметрично относительно радиального коридора, расположена дверь другого жилого отсека.

Везде одна и та же картина: разгром.

Уже видели первые трупы. Чен несколько раз без выражения повторяет: «Выблядки сатанаиловы». А еще Молчун.

Снова возвращаемся к пересечению с радиальным коридором. Туда уже подтянулись остальные солдаты нашего отделения во главе с сержантом Гусаком.

С ними сразу чувствуешь себя как-то веселее.

Блицразведка выполнена. Заходить дальше мы пока что не имеем права.

Пора подозвать от лифтов отделение Бета. Оно займет узловую точку на пересечении коридоров, и только тогда мы продвинемся на всю катушку.

Это очень трусливая тактика. Но иначе нельзя. В закрытых помещениях, а тем более под землей, штурмовая пехота сразу теряет и скорость, и три четверти своей наступательной мощи. Огневая секция со своими громоздкими плазменными пушками на гравилафетах сюда просто не пролезет. У тяжелого оружия свои недостатки.

Воздушной разведки нет. И космической нет. Засада может ожидать где угодно. Вырвался чуть вперед — и покойник.

Главное, что даже отомстить за тебя не успеют. Термит выстрелил — и убежал в вентиляционный канал. А ты лежишь с дыркой в груди, и кругом — никого, ничего.

— Чен, Серж, попробуйте-ка вызвать лейтенанта, — просит Гусак.

Лейтенант ждет вместе с огневой секцией у входа в шахту. По идее — чтобы координировать операцию через свой командирский милитум и держать связь с капитаном Веракрусом.

Его трудно заподозрить в трусости. И все-таки мы знаем — иные лейтенанты считают делом чести лезть вместе с передовым отделением своего взвода в самое пекло. Наш не из таких.

Голос у Гусака спокойный. Как обычно. Но его просьба говорит о том, что с ротной связью снова начались неполадки.

Мы вызываем. Тишина. А ведь крошечный мобильный ретранслятор на присоске — вон он, его отсюда видно. Мимо него сейчас как раз проходит сержант Феликс, возглавляющий отделение Бета.

Я машинально повторяю: «Клык вызывает роту», — и вдруг замечаю, что по плечам Феликса ползет отблеск. В шахте лифта — красный сполох.

Когда мы спускались сюда, я при помощи вибробура превратил крышу кабины лифта в труху. Там уже была дыра, через которую выбрался на поверхность Дюмулье. Но дыра несерьезная, кроличья, поэтому для удобства я сделал так, чтобы шахта лифта открывалась прямо в коридор. На случай, если бы пришлось очень быстро драпать.

Время вдруг замедляется. Я отдаю себе отчет в том, что воспринимаю происходящее с нечеловеческим тактом, по миллисекундам, как сверхчуткая видеокамера.

Красный сполох становится все ярче.

Мои мышцы начинают непроизвольное сокращение. Им нужно:

— инстинктивно поднять левую руку, чтобы защитить лицо, то есть смотровое стекло экоброни;

— опрокинуть мое тело на спину;

— заставить его откатиться вбок по кольцевому коридору.

Тугая, неистовая, вся свитая из пунцовых, кровавых, порфировых жгутов струя огня наконец достигает дна шахты.

Выплескивается в коридор. Я вижу, как она поглощает парней из отделения Бета.

Захлестывает сержанта Феликса.

Пламя — полупрозрачное. Сквозь него по-прежнему просматриваются и силуэты пехотинцев, и даже шахта лифта.

Длинная заостренная штуковина, немного подотставшая от ор-
ненного потопа, входит в пол кабины лифта.

Я успеваю узнать в этой штуковине носовой обтекатель «Фальк-
рама». Потом пламя густеет и плотным валом катится по коридору,
минуя разрушенный кессонный отсек.

Я больше ничего не вижу, потому что моя ладонь — а точнее,
механизированная перчатка экоскафандра — наконец-то заслони-
ла смотровое стекло от огня.

Пламя — уже на излете — бьет мне в грудь. Захватывает меня и
сержанта Гусака в свои призрачные объятия. И — иссякает.

Я все-таки успеваю упасть и откатиться за угол по кольцевому
коридору.

Второй взрыв сильнее первого.

Ударная волна несет меня по коридору прочь. Я ударяюсь о не-
подвижного ремонтного кибермеха, я видел его во время нашей
блицразведки.

Мимо меня по коридору проносится раскаленным болидом пы-
лающий сгусток плоти. Похоже, это сержант Феликс.

В моих наушниках — густой человеческий рев.

Пол несколько раз делает вверх-вниз. Как кровать в хорошем
борделе.

Когда я поднялся на ноги, мне показалось, что я уже достаточно
хорошо представляю себе всю мерзость нашего положения.

Невесть откуда взявшийся и невесть кем сбитый «Фалькрам»
угораздило упасть ровно в шахту лифта. Попутно у него взорвался
двигатель. А потом, с какой-то мизерной задержкой, остатки боеп-
рипасов.

Не исключено также, что...

Я подбежал к пересечению коридоров.

Так и есть. В районе бывшего кессонного отсека произошел об-
вал породы.

Но — хорошие новости! — обвал небольшой. Даже не до потол-
ка. Тут можно и без вибробура управиться.

Я подпрыгнул и заглянул поверх кучи черного, сплавленного в
горячую пластичную массу туфа.

А теперь — плохие новости.

Отделение Бета, похоже, спеклось в полном составе. В шахте
лифта бушует лютый пожар. От жара оплывает, как свечка, остов
«Фалькрама». Вьются голубые искры размером с откормленного го-
лубя.

Стоит ли говорить, что от нашего ретранслятора — того, который на присоске, — не осталось и воспоминания?

В лучшем случае шахта останется непроходима еще часа полтора. Такого жара экоброня не выдержит, вот и милитум с этим согласен. Может быть и хуже: порода потечет, снизу наглухо залепит шахту спекшейся коркой, а сверху придавит оползнем.

Ладно, вибробурами справимся. К тому же наверху о нас не забудут. Помогут. Позаботятся.

Хватило бы только кислорода.

Судя по матюгам в наушниках, сержант Гусак был жив-здоров и собирал наше отделение в кольцевом коридоре.

— Задача у нас прежняя: поиск и спасение уцелевших рабочих. Ясно?

— Да, сениор, но как мы?..

— Не понял?

Переспросить Зигфрид не решился. Но Гусак все-таки снизошел до комментариев.

— Кислорода у каждого из нас еще на шесть часов. Одного часа нам хватит, чтобы обойти весь аварийный контур. Даже если мы не найдем здесь ни людей, ни кислородных баллонов, ни дополнительного земнопроходного оборудования — все равно у нас будет еще целых пять часов, чтобы вернуться к нашим. Да за такое время хороший штурмовой пехотинец башкой до поверхности продолбится!

Не смешно. Но мы все-таки погыгыкали. И даже не для профформы, а от всей души.

На войне чувство юмора становится таким же примитивным чувством, как страх или ненависть. Боишься — смерти, ненавидишь — врага, смеешься — над доисторическими шутками про однояйцевых близнецов, у которых одно яйцо на двоих...

Нас осталось семеро — от всего взвода. Ясно ведь, что лейтенанта и огневую секцию падающий самолет-амфибионт тоже накрыл.

Гусак, я, Чен, Заг, Зигфрид, Джордж и Тони.

В нашем отделении тоже есть жертвы. Одного ударной волной так в стенку впечатало, что шейные позвонки не выдержали. Да, внутри экоброни тоже бьются насмерть, абсолютной защиты не существует.

А второй совсем глупо погиб. Тонюсенький, крохотный осколок обшивки «Фалькрама» на космической скорости прошил его экоброню насквозь.

Стена напротив радиального коридора была вся изъязвлена небольшими выщербинами, в которых поблескивали расплющенные

осколки. Это еще хорошо, что под эту картечь только один человек попал, а не пол-отделения.

Итак, мы пошли. Всемером, компактной группой. Дробиться на несколько секций в нашей ситуации было неразумно.

Мы обследовали помещение за помещением. Двое оставались у входа, пятеро шарили по всем углам. И находили людей.

Эти картины остались со мной навсегда.

Люди, умершие от отравления атмосферой.

Люди, разобранные термитами на косточки, позвонки и хрящики. Они так иногда делают.

Зачем? Слухи ходят самые тошнотворные.

Люди, сожженные кислотными лазерами. Испепеленные меоравиолями. Застреленные в суматохе своими же.

Женщина и мужчина, застигнутые нападением термитов врасплох, прямо в постели. Мужчина застыл над своей подругой. Чем-то смахивает на выпрыгивающего из воды дельфина.

Такое впечатление, что мужчина задушил женщину, но так только кажется. Скорее всего он вцепился ей в шею во время последних судорог. Оба отравились атмосферой Глокка, как и большинство других.

Я подумал, что если кто-то сейчас брякнет шуточку про Отелло и Дездемону, я просто застрелю кретина. Но, похоже, о том думали и все остальные, даже Заг, король сортирного юмора.

— Надо бы их разнять, — пробормотал Заг.

— Нет, — отрезал Гусак.

Он поднял простыню и осторожно накрыл любовников. Получилось похоже на занавешенную статую в мастерской скульптора. Кажется — вот сейчас придет мэтр с бородкой и в берете, снимет покрывало, тюкнет пару раз молоточком во имя совершенства формы...

— Идем дальше.

На кухню я заходил первым.

Термитов почуял даже быстрее, чем увидел.

Отскочил в сторону от дверного проема, упал на колено и выпустил очередь из «Сьюздали». Три твари издохли, разбрызгивая снопы красных искр.

На кухню влетели Чен, Зигфрид и Гусак.

Зигфрид выпустил слепящую гранату. У меня тоже две штуки были, в маленьких таких мортирках, в левом рукаве экоброни. Но я сэкономил.

Граната разорвалась. Облако металлизированной пыли заволокло полкухни.

Я подскочил на глидерах к самому потолку и увидел по ту сторону разделочного стола не меньше двух десятков термитов, затянутых искрящимся маревом.

«Сьюздаль» заревела, выжигая реактивной струей стену за моей спиной. Меня даже немного потянуло вперед, но глидеры скомпенсировали избыток тяги. Значит, милитум жив-здоров и занят своим делом.

Чен и Гусак присоединились ко мне, тоже подпрыгнув под самый потолок, но в другом углу кухни.

Термиты кое-как сообразили, что в них стреляют, и даже худобедно нащупали меня в оптическом диапазоне. Все-таки облако от Зигфридовой гранаты не смогло полностью ослепить их лидары.

Уцелевшие пятеро термитов — остальные были разнесены в клочья нашими активными пулями — одновременно пульнули в меня из кислотных лазеров.

Вот для этого-то и нужно экранирующее облако! Его твердые частички рассеивают большую часть энергии луча-струи кислотного лазера. Он в состоянии сохранять достаточную эффективность в обычном тумане, но в металлизированном уже никак.

И хотя все пять лучей попали мне в область солнечного сплетения, экоброне было хоть бы хны. А через несколько секунд наши пули разнесли в клочья последнего урода из этой стаи.

Кухня была свободна. Но настроение у нас сразу испортилось.

Все-таки в нас теплилась надежда, что все термиты отсюда ушли на поверхность и там были истреблены нашим батальоном во время штурма. Оказалось, не все.

А вдруг их здесь еще тысячи?

На кухне тоже сыскались мертвецы. Два повара в белых опрятных комбинезонах и молодая женщина в халате.

Четвертым мертвецом был мужчина в кислородной маске. Шеврон, нашитый на плечо форменной тужурки со стоячим воротничком, свидетельствовал, что передо мной — еще один офицер биологической безопасности. Везет же мне на них!

Мужчина лежал у белой шеренги холодильников. В лице его мне почудилось что-то нездешнее, надмирное. Интересно, какие чудеса он видел перед смертью?

В одной руке мужчина сжимал что-то вроде пластиковой трубки для капельницы с длинной тонкой иглой.

Да не «что-то вроде», а именно трубку и именно для капельницы, там еще медицинская маркировка была. «Только для рас Т и Ц».

А вокруг мужчины лежали... битые бутылки. По меньшей мере дюжина бутылок отличной русской водки. И даже две целых было.

Я опустился на корточки.

В затылке у мужчины темнел пулевой вход. Застрелен, причем из легкого огнестрельного оружия. Судя по ожогу вокруг отверстия входа — стреляли практически в упор.

Кобура офицера была пуста.

Я перевернул его. «Чака Дюмулье, офицер ББ*» — сообщала нашивка на его нагрудном кармане.

Ну ни хрена себе.

Я стащил с него кислородную маску. Чем-то он отдаленно смахивал на того мужика, который выдавал себя наверху за Дюмулье. Те же крупные черты лица, узкие, раскосые глаза, такой же сливообразный нос, смуглая кожа... Но на этом, пожалуй, сходство и заканчивалось.

Вот так. Если это Дюмулье, то кто же тогда тот, второй? Если же не Дюмулье, то зачем напялил на себя его форму? Братья они, что ли? Со сна костюмы перепутали?

Я приказал милитуму сделать несколько снимков с улучшенным разрешением. У моего правого виска несколько раз мигнула вспышка — милитум посчитал свет обычных фар экоброни недостаточным для качественной съемки.

— Во дела, — пробормотал Гусак. — Я сразу заметил, что этот Дюмулье какой-то странный. И, кстати, акцент у него очень подозрительный.

— Сержант, он на моих глазах разнес в клочья «мамашу», которая собиралась сделать из меня гуляш. Прошу это учесть.

— Мало ли. Может, он в тебя целился, а не в «мамашу».

— Это вряд ли. С того места, откуда псевдо-Дюмулье шмальнул по «мамаше» из сварочного плазмомета, он меня просто не видел.

— Ладно, разберемся.

Гусак тоже сделал несколько снимков. Мы пошли дальше.

На большой электроплите стояли кастрюли с готовым мясным супом весьма аппетитного вида. Морковь была нарезана могендовидами, лук — кольчиками, кораллы цветной капусты висели у дна, сверху плавала зажарка и куски копченой свинины, с жирком. У меня даже слюнки потекли.

«А вот если бы электричество не отрубилось — суп выкипел бы до донца; а свинина превратилась бы в мерзкую спекшуюся массу», — это было единственное, что тогда пришло мне в голову.

На самом деле с момента падения «Фалькрама» моя психика пребывала в состоянии шока. Легкого, тяжелого — трудно сказать.

---

* ББ — биологическая безопасность.

Оставив в покое кастрюльки, я невесть зачем начал проверять содержимое всех холодильников. Может, свинина эта сработала...

В одном из холодильников я обнаружил несколько ящиков фузи-колы. Достал одну баночку, положил в левый набедренный карман. Что я себе думал? «Сувенир на долгую память»?

Я даже открыл морозильную камеру — вот до чего я дошел.

Кого я надеялся встретить там, в морозилке? Начальника Копей Даунинга, господина Севиньи, в токсидо и с призовым чеком на миллион талеров на имя своего спасителя Сергея ван Гримма?

В морозильной камере находились бутылка русской водки и внушительный металлический контейнер. Едва ли не в метр длиной.

Я поглядел себе под ноги.

Ну да. Этот застреленный в затылок человек, в форме офицера Дюмулье, ворвался на кухню. Открыл дверцу холодильника. Открыл морозильную камеру. В спешке выгреб содержимое морозильной камеры на пол — у него явно не было ни времени, ни желания переставлять бутылки на стол.

Потом он положил в камеру контейнер. Закрыл ее. Закрыл холодильник.

Кто-то — почти наверняка тот мужик, который выдает себя за Дюмулье, — в этот момент оказался у него за спиной и незаметно достал из его кобуры пистолет.

Застрелил офицера.

Что он хотел сделать потом? Достать контейнер, да?

Но ему помешали. Кто? Да наверняка термиты, какие еще могут быть варианты!

Все это я прокрутил в голове, пока извлекал контейнер из морозильной камеры.

Я не сразу сообразил, *что* перед моими глазами.

Это была спасательная капсула для грудных детей. С автономным жизнеобеспечением. С полной теплоизоляцией. И с аккумуляторами на 108 часов — так гласила надпись в красном прямоугольнике под окошком.

Из окошка на меня смотрело... Нет, это я «смотрел». Глаза у маленького человеческого детеныша были закрыты, так что он на меня не смотрел. А я все пялился на него, как хурманч на проститутку, и слова не мог вымолвить. Потом все-таки родил нечто вроде «Эврика!».

Три минуты шумной возни пятерых придурков из штурмовой пехоты...

И мы наконец-то сообразили, что ребенок жив!

Честь этого открытия принадлежит Зигфриду, мир праху его. Он первым догадался вскрыть ячейку с контрольным терминалом, которая находилась в торце капсулы. Индикаторы свидетельствовали о том, что ребенок жив-здоров и пребывает в теплой гибернации.

Мы все словно по двести тяпнули. Развеселились, забегали, даже защебетали.

«Мальчик или девочка...» — «Да мальчик, конечно». — «Почему «конечно»? По-твоему, Зигфрид, девочек служба доставки привозит?..» — «Нет, просто... вид у него очень уж мужественный». — «Не говори, чистый бычара!» — «Глазки, наверное, голубые». — «Не-е, серые». — «Зеленые». — «Золотые!» — «Красные!» — «Ёханые!» — «Может, усыновить?» — «А почему не «удочерить»?» — «Укрокодилить!»

Га-га-га.

Нам стало весело.

Потому что появился смысл.

Цель.

Надежда.

Что бы там ни говорилось вечерком за стаканчиком, но война с кровернами доставляла удовольствие только горстке сумасшедших офицеров флота. Остальные хорохорились, петушились, но во вкус *этой* войны войти не могли — это читалось в лицах сержантов и рядовых, как в открытом файле. Только слепец мог не замечать тоски и отрешенности, которая пряталась под ресницами наших военных профессионалов.

Даже если предположить, что любой хороший вояка в каком-то смысле садист, влюбленный в душегубство, то и хорошему вояке удовольствие в конфликте с кровернами найти было непросто.

Потому что в основном штурмовой пехоте приходилось сражаться либо с боевыми автоматами, либо с синтетическими существами вроде меоравиолей.

Временами начинало казаться, что человечество предстоит пресловутому бунту квазиживой кибернетической материи, о котором обожали распространяться философствующие шоумены нон-стоп новостей в своих «аналитических» программах. С той лишь разницей, что расхожая байка повествовала о бунте «наших» киборгов, киборгов Содружества. А здесь киборги были инопланетные, чужие.

Кроверны в сетку наших прицелов попадали редко, очень редко. А если и попадали, то честь поджарить пару дюжин кровернов доставалась флоту. Потому что кроверны, то есть *настоящие* разумные, двоякодышащие скаты составляли в основном только экипажи боевых кораблей.

Кроверны не доверяли эти громадные машины разрушения одним лишь кибернетическим системам. Видимо, как и мы, боялись фатальных сбоев в работе систем управления.

А возможно, и полуфантастического «дистанционного перепрограммирования». Не очень-то приятно, когда ваш дредноут размером с гору вместо того, чтобы атаковать неприятельский флот, разворачивает свой главный калибр против родной колонии.

В турбоплатформах, боевых машинах вроде наших самолетов — это были здоровенные корявые блины, не построенные, а *выращенные* из колоний полижелезистых микроорганизмов в их гадских океанах — тоже сидели обычно настоящие скаты. И в червь-танках — тоже настоящие.

Но турбоплатформ и червь-танков у кровернов было немного. Либо они предпочитали делать вид, что их немного.

Поэтому у штурмовой пехоты на этой войне пока что задачи были скромные, а цели, как правило, — неодушевленные. Казалось бы, что мешает нашим стратегам тоже применять киборгов? Выпустить против кровернских термитов каких-нибудь «муравьиных львов» с двумя реактивными автоматами на поворотном станке — и пусть дерут друг друга во славу кибернетики!

Применялись, применялись киборги и с нашей стороны.

Я знал об этом, хотя знать мне было не положено. Потому что Закон Куско — Золинштейна запрещал производство и применение автономных кибернетических боевых устройств без открытых каналов управления.

Разумеется, такие «устройства» производились.

Их производство не афишировалось, сборочные цеха были вынесены за пределы Метрополии и Ближней Периферии. Когда информация об этом просачивалась в гражданский мир, наши военные выставляли универсальную отмазку: речь-де идет о дистанционно управляемых, а не об автономных боевых машинах.

Чушь, конечно. Какой идиот оставит открытый канал управления? Чтобы любой, даже не самый интеллектуальный противник получил возможность заглушить ваши управляющие сигналы или, того хуже, самому порулить вашим кибернетическим танком, развернуть башню и пострелять от души?!

Не-ет, это были настоящие, полноценные кибернетические организмы!

У нас были «муравьиные львы». У нас были сигомы: человекообразные истуканы, рассчитанные — для простоты и стандартизации — под размещение внутри стандартной экоброни. Были само-

движущиеся мины с мозгами среднего сенатора и автономные подлодки с интеллектом шахматного гроссмейстера.

Однако! У военных существовал неписаный закон — а «неписаный» значит «неукоснительно исполняемый», — ограничивающий применение этих весьма недешевых и не вполне надежных агрегатов.

Их нельзя было использовать одновременно с людьми.

Либо — либо. Либо операция полностью проводится кибернетическими устройствами, либо — сапиенсами.

Нетрудно догадаться почему. Как ни старались кибернетики, как ни мудохались спецы по искусственному интеллекту, в реальных боевых условиях распознавание целей давало пятнадцать — двадцать процентов ошибок.

На полигоне-то они ошибок почти не делают, верно. Но в бою, да еще при наведенных противником помехах, — запросто.

А ну-ка, что это значит? Правильно. На каждые пять-шесть уничтоженных вражеских целей приходится одна своя. И хорошо, когда эта «своя» цель — просто кусок железа, кремния и пластика. А вот если человек в экоброне?

По этой же причине кибернетические устройства не используются в операциях типа «освобождение и эвакуация», когда речь идет о спасении пострадавших, заложников или очистке населенной сапиенсами территории от просочившегося вглубь противника.

Отправляясь на Глокк, никто из нас не верил, что это — по-настоящему полезная операция. Ясно было: аварийный контур вряд ли спасет рабочих Копей Даунинга.

Таким образом, высадка на Глокке представлялась чем-то сродни эвакуации любимого прадедушкиного рояля с линии огня. Утомительно, чертовски опасно и не очень-то осмысленно. В батальоне шел шепоток, что уж на такое-то дело могли бросить сигомов, пусть бы и возились с иридиевым концентратом.

И вот теперь, посреди разгромленной кухни, каждый из нас наконец-то понял, зачем он здесь.

Это глупый Серж ван Гримм мог открыть морозильную камеру. Сигом — не мог.

Синтетический гуманоид слишком умен. Он чересчур славно оптимизирован для того, чтобы позволить себе лишние движения.

Это глупый солдат вначале делает, а потом думает. Сигом всегда предпосылает действиям выбор по дереву событий. Его выбором был бы переход в следующее помещение.

Что в общем-то мы и сделали. Но лишь после значительного количества лишних движений, одним из которых было обнаружение ребенка неопределенного пола, неопределенного цвета глаз, неведомой судьбы.

Если на войне чему-то обрадовался — жди крупных неприятностей. Потому что ты на войне.

Мы снова тащились по кольцевому коридору. Мне, как первооткрывателю нашей чудесной находки, доверили почетную миссию быть ее персональным лордом-хранителем.

Спасательную капсулу примотали к моей груди при помощи сверхпрочной универсальной крепежной пленки, какой у каждого из нас были десятки метров. Конечно, лучше было бы повесить капсулу с дитятей мне на спину. Так ему было бы безопаснее, а мне — удобнее.

К сожалению, мешали оружейные обтекатели — «Сьюздали» вдоль моей правой лопатки и дальше до самых ягодиц. И могучего «Тандера» — слева, в аналогичной компоновке. Их нельзя было перекрыть спасательной капсулой, иначе лорд-хранитель остался бы без толкового оружия, с одним только огнестрельным пистолетом в кобуре на правом голенище. А это как-то не того.

Поскольку я обладал самой ценной ношей, меня определили в центр нашего, если можно так выразиться, боевого построения.

Впереди шли трое, сзади — тоже трое. Впервые с начала операции я почувствовал себя в относительной безопасности.

Мы обследовали штабной отсек, госпиталь на двадцать коек и процедурную — в задней комнате за госпиталем.

Из всех помещений внутри аварийного контура только госпиталь и процедурная имели собственную систему герметизации. Только в них мы еще и могли надеяться на встречу с живым человеком.

Но нас встретили одни лишь мертвецы.

Герметичная дверь-диафрагма госпиталя была неряшливо прогрызена. Ровно настолько, чтобы в образовавшуюся дыру мог пролезть термит. Нам же, людям, потребовалось пустить в ход вибробуры.

В госпитале, сваленные в одну страшную кучу посреди палаты, громоздились останки. Видимо, некогда здесь лечилось довольно много людей — те, кто получил ранения во время первого нападения кровернов, и те, кому все-таки удалось спастись в пределах аварийного контура.

Что в госпитале случилось на самом деле — я не понял. Кажется, ищейки кровернов что-то вынюхивали, что-то искали. Причем не

где-нибудь, а в желудках у мертвецов. Иначе зачем было потрошить трупы?

Койки тоже были искромсаны. Процедурное оборудование разбито. В бубль-ванне с осыпавшейся крышкой плавал яркий резиновый мячик.

Мы вышли прочь, тяжело сопя в две дырочки и помалкивая.

В штабном отсеке было и то как-то легче. Там тоже нас встретили одни лишь трупы, но все-таки сохранившие хоть внешнюю целостность.

Кстати, в штабном отсеке мы нашли два неповрежденных компьютера и даже несколько инфокристаллов. Сержант Гусак с важным видом сгрузил инфокристаллы себе в набедренный карман — в таком точно у меня болталась баночка фуззи-колы.

Еще! Рядом с компьютерами стояла клетка. Обычная клетка безо всяких наворотов.

В клетке лежали две мертвые длинноногие птицы. В общем-то обычные аисты, только цвета какого-то нереального — темно-темно-синего, почти кобальтового. Посинели, видать, от местной атмосферы.

Больше ничего достойного внимания в штабном отсеке не сыскалось.

Я не могу описать точно, как это началось.

Кажется, первым завелся сейсмодатчик Зага.

Я услышал его сигнал в своих наушниках, перепутал с зуммером захвата цели системой наведения «Тандера» и удивился, у кого это активирован гранатомет. Вроде ведь договорились без крайней необходимости ими не пользоваться?

К тому моменту, когда я сообразил, что это не зуммер захвата, запиликал и мой датчик.

— Отходим к выходу! К радиальному коридору! — рявкнул Гусак.

Я не знаю, как и что он почуял. Ну, все-таки сержант, человек опытный. Мог не только шестое, а и седьмое с восьмым чувства в себе пробудить и выпестовать.

Нас два раза просить не надо было.

Я помню, был слабый хлопок — где-то в районе кухни.

Мы находились примерно в тридцати метрах от радиального коридора, когда с немалым удивлением обнаружили, что пол залит текучей маслянистой жидкостью.

На всякий случай мы подскочили на полметра вверх и полетели на глидерах. Хотя милитумы и сообщили, что жидкость является обычной водой с некоторым количеством низкотоксичных мине-

ральных масел, рисковать не хотелось. Уж больно это было неожиданно: вода — здесь.

Как прикажете это понимать? Какие-то небольшие запасы питьевой и технической воды в аварийном контуре, конечно, оставались. Но пол был залит уже едва ли не по колено! Значит, вода поступала откуда-то снаружи!

Но откуда именно? Контур-то был разрушен только в одном месте, в районе кессонного отсека, верно? И никакой воды там не сочилось!

Значит, где-то появилась вторая пробоина? И сюда поступает... что??? Грунтовые воды? Есть здесь, под Копями Даунинга, подземный водоем? Может, и есть, но я что-то не припомню...

Но главное: если вода поступает через пробоину, значит, кто-то эту пробоину устроил.

Это уже совсем никуда не годилось. Потому что даже термиты не нашли ничего лучше, как подкопаться под кессонный отсек. Даже им было не по силам прогрызть мощную многослойную — и керамитовую, и сталевольфрамовую — рубашку, в которую была одета несущая «линза» аварийного контура.

Так кто же это сделал???

Громкое хлюпанье у нас за спиной свидетельствовало о том, что некто совершенно беспардонным образом, не таясь, преследует нас, скрытый плавным скруглением коридора.

Судя по датчикам, это была «мамаша». И возможно, не одна. Большое счастье, что мы в глидерах и можем лететь над водой. А то нас бы уже так долбануло!

— Тони, Зигфрид, — к бою! Уничтожить преследователя! Джордж, Заг, — наблюдать за левой веткой коридора! Разрешаю применять «Тандеры»!

Мы были уже на пересечении с радиальным коридором. После прогулки по тошнотворному кладбищу, которое представлял собой аварийный контур Копей Даунинга, это место показалось мне почти родным. Теперь требовалось скоренько расправиться с завалом и убираться подобру-поздорову.

Мы с Ченом запустили вибробуры, а Гусак взял «Сьюздаль» на изготовку, прикрывая наши задницы. Воды, к слову сказать, было уже едва ли не до пояса.

В кольцевом коридоре ухнул «Тандер». На несколько голосов завыли «мамаши». Это они умеют!

Потом — несколько выстрелов из «Тандера» подряд. Ох, да это же просто шквал огня! Ребята, вы что — сдурели? Да что же вы там увидели, а?

Все заволокло густым паром. Еще бы! Пять-шесть гранат из «Тандера» должны были разворотить стены, пол, потолок и выпарить целую цистерну воды! Кстати, при стрельбе на малую дальность в закрытых помещениях — и стрелка заодно зажарить. Только экоброня от таких неприятных эксцессов и в состоянии защитить.

И вот тут я почувствовал, как меня потянуло вниз. Что, глидеры сварились? Милитум засчитался?

— Сержант, проход открыт! — отрапортовал Чен, оборачиваясь.

Никто не отозвался. Подозрительно глухо и гулко бухтела «Сьюздаль».

«Неужели под водой?» — догадался я, неловко пытаясь глядеть себе под ноги. Одновременно с этим боковым зрением я приметил, что сержанта Гусака как-то не того... не видать...

Мама моя дорогая!

Мой правый глидер был обвит полупрозрачным щупальцем. Казалось, сама вода потемнела, сгустилась и тащит меня вниз. Да с такой силой, что антигравитационные движки глидеров ничего не могут сделать! Вот и милитум каким-то занебесно равнодушным тоном об этом предупреждает...

Разумеется, думать тут было нечего. И некогда.

Удивляюсь, как я вообще себе не отстрелил глидер вместе с ногой. Активные пули из моей родной «Сьюздали» исполосовали непроглядную, затянутую паром воду вдоль и поперек.

Полагаю, именно своей панической пальбой я спас жизнь сержанту Гусаку.

Подводный монстр — а может, точнее было бы сказать «монструозное *продолжение* кроверна», — на некоторое время утратил (утратило?) стабильность структуры и выпустил Гусака.

После чего тот не замедлил вылететь из воды, как ошпаренный.

Вот теперь стало слышно, как он орет. Раньше вода глушила наш стандартный диапазон, сержанту до нас было не докричаться.

Орал Гусак не то от радости, не то от испуга. А скорее всего от взрывчатой смеси этих несовместных эмоций.

А за его спиной — там, где тонул во мраке кольцевой коридор, — вырастал... вырастало... да я не знаю и знать не хочу!

Я мгновенно отлетел к стене, чтобы выбрать выгодную позицию для стрельбы. Не мог же я стрелять сквозь Гусака — хорошо хоть на это мне соображения хватило. Могло бы и не хватить, между прочим.

Пока левый обтекатель экоброни раскрывался, услужливо подставляя мне спусковой рычаг «Тандера», я молотил по омерзитель-

ному видению из реактивного автомата. А когда в мою левую ладонь наконец ткнулся спусковой рычаг, я дернул его без перерыва трижды.

Я понял, почему ребята — Тони, Заг, Зигфрид — так щедро гасили из «Тандеров». Иначе реагировать на эту херовину было просто невозможно. Даже будь я уверен, что твари хватит одной пистолетной пули, я все равно предпочел бы выжечь ее ионной струей из сопел десантного катера.

Четыре глаза, расположенные в вершинах ромба. Или, скорее, то, что можно было бы назвать «глазами» — фиолетовые круги, внутри которых — чернота.

В центре ромба из «глаз» — крестообразная щель, по краям которой быстро-быстро суетятся в нескончаемом беге с препятствиями сотни мелких щупиков.

Далее четыре неожиданно массивные, тумбообразные конечности.

Две конечности уходили под воду и где-то там упирались в пол. Но самым отвратительным, несообразным с человеческим восприятием было то, что две другие упирались в потолок.

Чувствовалось, что этому существу совершенно все равно, как именно перемещаться, — пожалуй, с равным успехом оно могло бы двигаться, упираясь своими раскоряченными лапищами в стены.

Было в этом что-то паукообразное, хотя, строго говоря, на паука тварь похожа не была.

За остальные части тела я расписываться не берусь — они скорее домысливались, нежели действительно были мною увидены. Тело, например, показалось мне составленным из каких-то бахромчатых оборок алого и фиолетового цвета.

А еще у него, возможно, были не только ходильные конечности, но и длиннющая хватательная лапа — или все-таки хвост? — которая как раз и летела точнехонько в спину Гусаку в тот самый момент, когда ее раскрошили активные пули моей «Сьюздали». Ну а гранаты «Тандера» окончательно покончили с этим ходячим тестом на трусость.

Гусака мягко отшвырнуло взрывной волной на Чена. Это было хорошо — я, как-никак, повторно спас сержанту жизнь.

Может, удастся все-таки отхватить «Огненный Крест» не посмертно, а, так сказать, очно?

Но вот что плохо: у Гусака была разрушена броня на правой ходильной конечности экоскелета. Это если в технически точных терминах. А нормальным языком — ногу нашему сержанту разнесло до

самой кости. Из дырок в экоброне стекала вода, которой Гусак успел набраться в объятиях подводного урода.

Правда, если милитум правильно оценил обстановку, система регенерации должна была залатать наглухо зазор между кожей Гусака и внутренней поверхностью экоброни. Поставить эдакую перепоночку выше колена, чтобы воздух не выходил, короче говоря. Или хоть помедленнее выходил.

Я машинально проверил счетчики боезапаса в «Сьюздали» и «Тандере». Хотя уж по «Тандеру» так точно мог бы и сам сообразить, что семь гранат еще есть.

Информация по «Сьюздали» была не столь радостной. Основной боекомплект в рукаве двухпотоковой подачи был почти исчерпан, оставалось всего девятнадцать патронов.

Дополнительный боекомплект в пяти магазинах по двадцать патронов был на месте. Но их нужно было менять вручную, что не очень-то удобно. При этом два магазина из пяти были маркированы как поврежденные.

В принципе не удивительно. В такой молотиловке их могло испортить что угодно, даже компенсаторная струя чьей-то «Сьюздали». Магазины-то носятся на поясе, вне основной теплоизоляции.

— Сениор Гусак, ну как вы там?

— Ничего. Терпимо. Спасибо, Серж. Ты — настоящая барракуда.

Говорил Гусак отрывисто, что было не в его манере. Значит, ему очень больно. Значит, ранение очень серьезное. И притом нервные окончания заблокировать полностью не удается, потому что умный милитум боится обдолбить сержанта наркотой до потери сознания.

— Настоящая барракуда, похоже, там, в воде. Как ей и положено.

Более подходящих слов для этой ситуации у меня не нашлось. На самом деле я был тронут словами Гусака. И — одновременно — мелькнула неожиданно ясная и простая мысль: нам отсюда не выбраться.

События не позволили мне предаваться унынию слишком долго.

Дважды рявкнула «Сьюздаль». И ровнехонько там, где я несколько мгновений назад расстрелял четырехглазого монстра, появился мокрый, как воробей, оборванец-здоровяк. В котором я спустя еще одно мгновение признал... Зага!

Его экоброня была разрушена почти полностью. Собственно, от нее остались только невнятные крошащиеся лохмотья на плечах, правый спинной обтекатель, брюшной сегмент брони с плоскими кислородными патронами и ботинки с глидерами.

Последние, к моему грандиозному изумлению, работали, — Заг летел над водой. Из этого вытекало, что цел и милитум, прилепленный поверх черного трико из «умной кожи» на животе.

Я сообразил, что его милитум перевел все системы, какие мог, на запасные источники энергии, расположенные непосредственно возле глидеров. Увы, на них Загу не протянуть и пятнадцати минут.

Шлем на Заге отсутствовал. К счастью, экстренная кислородная маска успела залепить Загу всю морду. Выглядел он в ней приблизительно как закатанный в пленку мороженый палтус. И все-таки был жив, сукин кот!

Итак, нас четверо, а не трое.

Заг подлетел к нам и промычал сквозь свой прозрачный намордник что-то вроде «Полундра!».

Да кто ж спорит? Натурально, полундра.

Тут я разглядел, что его бока располосованы так, как в страшном сне не приснится. На фоне «умной кожи» кровь была не то чтобы очень уж видна, но сквозь разрезы отлично просматривались рваные раны с алыми краями.

Атмосфера на Глокке ядовитая, но хорошо хоть не шибко агрессивная. Только какого-нибудь хлористого фтора беззащитной коже Зага сейчас недоставало.

Да и температура была терпимая. Как говорят в штурмовой пехоте, «сорок плюс-минус сорок». То есть хрен поймешь сколько, из жара в холод швыряет в основном от страха. Не морозно, но и на ракетном топливе вроде пока не поджаривают. Сносный диапазон, короче, для белковых форм жизни.

Замотал я дырки в боках Зага крепежной пленкой и по плечу похлопал.

— Все будет хорошо! — через внешний речевой синтезатор прокричал. Что мне еще оставалось, а? «Хэппи бёздэй ту ю» спеть?

Заг, кажется, расслышал и махнул рукой. Качаный он все-таки парниша, бицепсы как дыни!

Устроить вечер воспоминаний старых боевых товарищей нам не дали.

Вода дошла уже до наших глидеров, хотя мы висели под самым потолком. Маслянистая мутная дрянь стояла вровень с нижним срезом прохода, проделанного вибробуром Чена в туфовом завале.

Вода явно намеревалась устремиться дальше — в направлении шахты лифта. Там, кстати, царила кромешная темень. Похоже, мои наихудшие опасения оправдались: оплавленная жаром горящего «Фалькрама» порода стекла вниз, перекрыла шахту и залепила наш единственный выход на поверхность.

— Все забито наглухо. Порода твердая, как стекло, — подтвердил мою догадку Чен, вернувшись с рекогносцировки.

Датчики совсем взбесились.

Если им верить, невидимая смерть была уже совсем рядом, где-то под водой. Кроме этого, вдалеке — а на самом деле не так уж и далеко — снова кто-то топал по кольцевому коридору.

Это было озарение. Настоящий «приход».

— Сержант! Единственная дорога — наверх!

— Ты что, Серж, с ума сошел? Куда наверх? — После ранения Гусак соображал плохо.

Чен тем временем выпустил в воду несколько длинных очередей, после чего его «Сьюздаль» музыкально пиликнула и заглохла.

У него кончились патроны основного боезапаса. Зато и движение под водой прекратилось. По крайней мере временно.

Все это я ловил где-то на краю сознания, в то время как мой речевой синтезатор уже отвечал сержанту. Четко и внятно, будто мы вели показушную беседу в аудитории в присутствии инспекции Генштаба.

Видимо, в тот момент я почувствовал, что, если буду излагать свои мысли неуставным образом, сержант меня просто не послушает. Чтобы показать, что он круче всех, отдаст любой другой приказ. И тогда мы все — покойники.

— Сениор! Над нашей головой находится огромная каверна, сениор! Она образовалась вчера после направленного взрыва, устроенного кровернами для вскрытия кессонного отсека. Сениор, породы здесь мягкие! Вибробур берет туф отменно, как раскаленный нож — масло, сениор!

— Отставить! Рядовой второго класса Серж ван Гримм!

— Я, сениор!

— Сдаю тебе командование отделением Альфа! Твой заместитель — рядовой второго класса Чентам Делано Амакити!

— Так точно, сениор!

— Раненый сержант Милош Гусак. И раненый рядовой первого класса... — У сержанта снова начались проблемы с речью. Он еле ворочал языком. — Захария Вучовски. Поступают под твое. Командование.

— Так точно, сениор!

Это Гусак хорошо придумал. Почувствовал, что уже лыка не вяжет, и по-честному доверился мне. Молодчина сержант.

— Чен, Заг, сержант Гусак!!! — заорал я так, что впервые осознал сермяжную подлинность выражения «выкатить зенки на лоб». — Слушай приказ! Десять метров — в направлении шахты. Быстро!

Уверен, они не поняли, куда это Серж Барракуда клонит, но теперь командиром отделения был я. Мои приказы не обсуждались. Их можно было либо выполнять, либо получить пулю в лоб за попытку мятежа перед лицом противника.

Когда они, воспользовавшись проделанным Ченом проходом, оказались за завалом, под прикрытием внушительной груды туфа, я приказал:

— Чен, Гусак, закройте Зага своей броней!

Выбрал ракурс удобнее — так, чтобы меня не завалило ожидаемой килотонной разрушенной породы.

Направил в черную пустоту ствол своего «Тандера», скорректировал наводку по данным лидара и выпустил одну за другой пять гранат. С небольшими интервалами.

Все гранаты ушли по одному и тому же лучу.

Во-от эт-то я понимаю!

Языки огня расцвели высоко-высоко под сводами пещеры. Да, лидар не лгал: лакуна здесь выжжена просто-таки грандиозная.

Раскатистый грохот и эхо с многократными переливами бросились вниз наперегонки с огромными, разваливающимися на лету кусками туфа.

К счастью, мой расчет оказался верен. Гранаты были такими мощными, что большая часть туфа просто испарилась. Меньшая же часть шуровала сверху в сторону ближайшего ко мне фаса завала и аккуратненько так валилась в воду, которая споро заполняла коридор уже и по эту сторону, поближе к шахтам лифта.

— Чен, Гусак! Наверх, быстро! Работать вибробурами по очереди, сменять друг друга каждые две минуты. Общее направление бурения намечено коническим туннелем от пяти гранат «Тандера». Пока один работает — другой с выключенным вибробуром наблюдает за нижней полусферой.

— Так точно. Сениор. Только не надо. Так многословно.

Не подозревал, что у Гусака есть чувство юмора.

— Р-разговорчики!

— Заг, ты слышишь меня?

Заг утвердительно кивнул.

— Сядь здесь. — Я указал на еще возвышающийся над водой склон туфовой горы, прикинув, что именно туда порода осыпаться не должна. — Выключи глидеры и отдохни. Закатай себе вот это. — Я передал ему разовый инъектор из своей наружной аптечки. — И просто отдохни. Наблюдай за водой. Какое-то подозрительное движение — стреляй. Но только не очередью, а одиночными.

Я прикинул, что будет, если Заг в сидячем положении шмальнет хоть раз из «Сьюздали». Реактивная струя ударится в туф за его спиной. Частично отразится от породы. Сожжет ему спину — экоброни-то на нем наполовину нет. Да вдобавок еще и сбросит его в воду, потому что глидеры не успеют подработать в нужном направлении.

— Знаешь, стрелять можешь все-таки очередью. Но лучше из этого. — Я протянул ему свой огнестрельный пистолет. Свой-то Заг потерял вместе с кобурой.

Заг понимающе кивнул, но принял оружие в левую руку, оставив правую на рукояти «Сьюздали». Его можно понять — случаи разные бывают. Пожалуй, лучше сжечь себе полспины, чем оказаться в скользких объятиях *кое-кого*.

Ну а сам я занял позицию на той стороне завала, которая была обращена к кольцевому коридору. То есть в самом опасном месте.

Для себя я решил, что мое дело — продержаться здесь хотя бы минут восемь. Потом можно будет подменить Чена. А вест-японец, как единственный, кому удалось сохранить в неприкосновенности полный боекомплект «Тандера», подменит меня здесь.

Прямой необходимости подставлять свою задницу именно на этом самом месте вроде и не было. Но я решил, что за коридором следить нужно. Оставалась ведь крошечная надежда, что повезло не только Загу, но и еще кому-нибудь из наших.

Чтобы как-то развлечься, я принялся тихонько бубнить в рацию:

— Взвод-два, рота-один, вызываю всех, кто меня слышит. Вызываю всех, кто меня слышит. Взвод-два, рота-один... Вызываю батальон... Вызываю капитана Веракруса...

Ясно, мне никто не отвечал.

Что было потом?

Я высадил полный магазин «Сьюздали» по трем щупальцам, которые пытались цапнуть меня за горло. Какая наглость! Прямо за горло!

Я убедился, что щупальца эти имеют загадочную физическую природу и со всей определенностью не принадлежат четырехглазому монстру. А жаль.

Тогда я мог бы надеяться, что, уничтожив монстра, можно гарантировать и отсутствие таких вот подарочков из-под воды. Ан нет — вода вроде как сама в щупальца собиралась по воле таинственного существа, наделенного способностью к телекинезу.

Правда, активные пули на некоторое время путали карты этого самого существа. Но в целом такая война мне не нравилась. Воду можно расстреливать до бесконечности.

Потом щупальца добрались до Зага и, видать, хотели отхватить ему ногу до колена вместе с глидером. Он открыл огонь одновременно и из пистолета, и из «Сьюздали». Как я и предчувствовал, Зага швырнуло в воду.

Я всполошился, прискакал к нему со своей стороны завала и вытащил Зага на поверхность. Дьявол, ну откуда я мог знать, что эти щупальца *наводятся* кровернами столь виртуозно? Я-то думал, что опасна только моя сторона завала!

Как говорят русские, «хорошая мысля приходит опосля». На скорую руку мы выдолбили в стене нашей грандиозной каверны нишу и усадили в нее рядком Чена и Зага, слегка прибалдевшего от просочившейся из-под края кислородной маски местной атмосферы.

Так было безопаснее. Теперь отдыхающих отделяли от воды по меньшей мере десять метров.

Но вот что ужасно: потоп продолжался, причем вода прибывала все быстрее и быстрее. Это при том, что ей приходилось заполнять весь внушительный объем аварийного контура, а плюс к тому метров сто радиального коридора и расширитель возле лифтов!

Я, как и собирался, сменил Чена.

На пару с Гусаком мы работали вибробурами. Система навигации милитума показывала, что мы находимся на глубине всего-то восьми метров, когда наши вибробуры уперлись в крепкую плиту.

Оказалось — добротный керамитовый фундамент какого-то здания. Впервые с начала операции я принялся за основательное изучение карты Копей Даунинга.

Вскоре мы с милитумом на пару сообразили, что находимся под большой мастерской. В старое доброе мирное время в ней проводился ремонт оборудования и многочисленных кибермехов завода.

Если бы мы сейчас находились под центром фундамента, то, пожалуй, пора было бы запевать отходную. Потому что продолбать фундамент было нечем — гранаты «Тандера» тут тоже были не помощники.

И вбок мы прокопаться не успели бы — на электронной карте мастерская представляла собой квадрат со стороной сто двадцать метров. Аккумуляторы вибробуров неумолимо садились, а перевести их на глидерные источники питания означало довольно скоро остаться без глидеров и ходить пешком. Что в вертикальной плоскости было не очень удобно, скажем так.

Наша кривая-косая рукотворная шахта, выдерживающая средний наклон в пятнадцать градусов, благополучно вывела нас почти к самому краю фундамента. Оставалось пройти метра четыре к северу!

Мы были настолько близки к поверхности, что наши приемники начали даже шипеть нечто осмысленное. Вроде как «А-а!» или «Уводи людей!». Нам это, конечно же, не понравилось. И вот тогда я вернулся вниз, чтобы бросить последний взгляд на новообрященный круг отнюдь не Дантова ада по имени «аварийный контур».

Вода стояла высоко. На ее поверхности качался всякий мусор. Помимо прочего — пачка сигарет «Lucky Strike» и использованный презерватив. Воистину, вездесущие знаки дерзновенного полета человеческого разума к звездам!

Мои фары выхватили из темноты ладонь с раздутыми, посиневшими пальцами — это вынесло из аварийного контура один из многочисленных трупов.

В то же мгновение маленькая зубастая пасть вцепилась в эту сомнительную добычу и уволокла ее прочь, в глубину.

Это было так неожиданно, что меня передернуло. Милитум, который не любит таких вот дерганых пехотинцев, посчитал, что я приметил где-то смертельную угрозу. Он самовольно бросил управляющий импульс на глидеры, и меня плавно снесло вбок, одновременно с этим разворачивая в сторону.

Мимо меня пронеслась и плюхнулась в воду черная тень.

Но я не отреагировал, потому что в той самой нише, которую мы продолбили специально для Чена и Зага, я увидел *его*.

Это было создание не прекрасное и не уродливое. Оно пребывало за рамками наших привычных эстетических категорий (от Эверта Вальдо я потом и не таких словечек набрался).

Скорее кобра, чем скат. Существо, мало чем похожее на свои карикатурные образы, преподанные нам плакатами Управления Психологических Операций.

И даже виртуальные реальности учебных тренажеров создавали, с моей точки зрения, совершенно превратное впечатление о кровернах.

Он висел в воздухе, видимо, при помощи устройств, аналогичных нашим глидерам.

По крайней мере половина его тела была скрыта под блестящими металлизированными поверхностями с массивными наплывами.

Что находилось под этими наплывами? Оружие? Дыхательные смеси? Энергоемкости? Наверняка и первое, и второе, и третье.

Когда нам рассказывали о кровернах, нам показывали их типовые скафандры. Но именно такого я что-то не припомню.

Нижние хвостообразные конечности кроверна покоились на полу ниши. Они лоснились от толстого слоя полупрозрачного желе. Конечно, это был биоскафандр. Между прочим, таких у нас делать

не умели, а защитными свойствами биоскафандры обладали, по слухам, просто сказочными.

Лицо кроверна имело достаточно развитые индивидуальные черты и отнюдь не было мордой тупого кровожадного монстра. И несмотря на то, что, кроме рта и глаз, оно ни в чем не совпадало с гуманоидным типом, все-таки можно было назвать этот сброд усов, усиков, щупов, цепочек перламутровых и ярко-алых крапинок именно *лицом*. Лицом, снабженным неким даже, как бы это сказать... *выражением*.

Об этом выражении можно говорить примерно в том же смысле, в каком морда сома кажется нам флегматичной, а ерша — задиристой.

Так вот кроверн смотрел на меня... Надменно!

Передние и средние пары конечностей я как-то не вычленил из общей картинки. Возможно, они были убраны в подбрюшные мешки или еще куда — не знаю.

Ну вот и все.

Я нажал на спусковой крючок «Сьюздали».

Одинокая активная пуля покинула ствол моего автомата, который сразу же запищал, сообщая, что боезапас в текущем магазине исчерпан.

На кроверна обрушился удар поистине космической мощи. Все произошло настолько быстро, что я могу лишь догадываться: он отлетел к задней стене ниши, биоскафандр спружинил, скат скользнул вниз.

Внизу хлюпнула вода — это вывалился автоматически отщелкнутый пустой магазин автомата.

Сразу вслед за тем раздался куда более громкий всплеск — достигло воды и тело кроверна.

Я был уверен, что убил его. Но где же клочья скатьего мяса в биоупаковке?

Это настораживало.

Активная пуля должна была разнести такую тушу весьма наглядным образом. Как говорится, одни ушки доехали бы.

А тут на тебе — пшик какой-то! Неужели эти их биоскафандры и впрямь такой супер?

Эх, если б в магазине оставалось хотя бы пяток патронов, я бы успел всадить в него разом все пять! Меньше, чем за полсекунды! Тогда точно конец двоякодышащему.

Я зарядил «Сьюздаль» предпоследним магазином и полетел вверх — делать здесь было больше нечего.

Хотел напоследок выпустить в воду гранату из «Тандера», да подумал, что наверху она еще может пригодиться.

И верно — пригодилась. Я, наивный, тогда еще и не догадывался, что же на самом деле происходит.

Глава 3

МЫ ЧУТЬ НЕ СЪЕЛИ ЛЕЙТЕНАНТА

...и кукушка безмолвствует. Упаси, впрочем, нас услыхать, как она кукует.

И. Бродский

Вырвались на поверхность. Сразу же вжались в близкую стену ремонтной мастерской. И наложили в штаны.

Все ходило ходуном — и земля, и воздух, и сами небеса. От купола, большая половина которого еще была цела, когда наше отделение спускалось в аварийный периметр, осталось лишь воспоминание. Ничего вообще!

Левый сектор обзора закрывала колонна черного, жирного дыма, сквозь который пробивались узкие языки химически синего огня.

Прямо перед собой, поверх искореженной арматуры разрушенных жилых корпусов, мы видели кусочек неба. Теперь вместо родных «Фалькрамов» и десантных катеров там маячили несколько кровернских турбоплатформ, похожих на протравленные кислотой летающие коралловые рифы.

Воздух под ними дрожал, как над раскаленным полимеридом космодрома, и кровавился спиралевидными малиновыми сполохами. Потому и «турбо», значит.

То один, то другой летающий риф исторгал ослепительный фонтан огня. Что твой хамелеон, слизывающий свою жертву длинным красным языком.

А как же наша воздушно-космическая оборона?

Где многоцелевые «Фалькрамы» и истребители «Спага»?

Куда смотрят, в конце концов, корабли Седьмой эскадры? Нам ведь обещали «абсолютную изоляцию района боевых действий»! Дескать, муха не пролетит!

Ответом на эти вопросы служил предмет, занимающий правый сектор обзора.

Из огромной воронки, окруженной оплавленным валом глины, на закопченном пилоне торчал... двигатель импульсной тяги космического корабля.

Могучая рельефная надпись из керамитового литья сообщала, что двигатель изготовлен фирмой «Дженерал Урал-Мадрас Моторз», да.

По заказу Министерства Военного Флота, да.

И установлен на крейсерский транспорт «Румба», да.

На наш... наш, наш родной транспорт, с которого нас десантировали... я спросил у милитума... три часа двенадцать минут назад!

И что двигатель этот является собственностью правительства, керамитовый рельеф тоже сообщал. Напоследок, маленькими такими буковками.

Вот ведь как, оказывается.

Я вызвал роту, батальон, всех, кто меня слышит.

О чудо! В кои-то веки мне ответили сразу.

Сквозь душераздирающие помехи и хриплый клекот демонов смерти пробился далекий, малость дремотный голос.

Продиктовал координаты «Малой зоны Е» и время до отлета.

Снова продиктовал координаты «Малой зоны Е». И снова — время, уменьшенное на три секунды.

Пожурил меня за некорректную постановку вопроса и продиктовал координаты «Малой зоны Е».

Я наконец сообразил, что общаюсь с бортовым милитумом десантного катера, мусорящим в эфир по экстренному алгоритму «Всем, кого это касается». И параллельно выдающим элементарные справки.

Пришлось задать вопрос корректно. Я назвал свой полный идентификационный ключ и спросил, не предусмотрено ли прикрытие для отходящих боевых групп. И не собираются ли они выслать эвакуаторов? У меня, дескать, раненые.

— Передаю ваш запрос вышестоящей инстанции, — сказал милитум. Больше ничего мне от него добиться не удалось.

Из увиденного и услышанного следовало, что кроверны крепко надрали нам задницу. Насколько именно крепко, я еще до конца не въехал, но уже начинал въезжать. Я припомнил загадочное падение «Фалькрама» прямо в шахту лифта и подумал, что уже тогда можно было бы озадачиться.

Ну ничего. Теперь-то я командир, имею право кое о чем спросить.

— Сержант Гусак!

— Я, — вяло отозвался тот.

— Скажите, вы ведь знали, что наверху у наших нелады?

— Нет.

— Но догадывались?

— Только идиот мог не догадываться. После того как. Целый штурмовик упал. Но у нас выбора не было. Мы имели приказ. Обследовать периметр. Приказ никто не отменил. И мы его. Выполнили.

У Гусака зуб на зуб не попадал. Неужели он потерял столько крови, что уже начало морозить? Снаружи вроде не заметно...

— Полностью согласен с вами, сениор. Как думаете, удастся нам отсюда ноги унести?

— Барракуда, теперь ты. Командир. Ты и думай.

И то верно. Я быстро посоветовался с милитумом насчет оптимального маршрута.

— Отделение! Слушай мою команду! Нас ожидают десантные катера. Наша задача — пробиться к ним. Координаты зоны эвакуации вы слышали. Но если кто не слышал, повторяю...

«Малая зона Е» была довольно далеко от того места, где мы вылезли из нашей кроличьей норы. Кроме того, у Зага скисли резервные источники питания глидеров.

Пришлось ему подсесть на левую ногу к Чену — примерно так же, как Дюмулье (или псевдо-Дюмулье, один хрен) ко мне каких-то два с половиной часа назад. Ох и давно же это было!

Даже без большей части своей растерзанной экоброни Заг весил будь-будь. Он сильно перегрузил глидеры Чена. Но все-таки это было куда лучше, чем идти пешком. Так мы могли держать скорость ну хотя бы в семьдесят километров. А без глидеров не дали бы и десяти.

Мы утвердили своим милитумам маршрут и понеслись.

Все происходило быстро. О-о-о, очень быстро!

Брызнула в стороны пластобетонная шрапнель — разлетелся вдребезги угол ремонтного цеха. И, двигаясь не вполне управляемым юзом, перед самым нашим носом пронесся один из «Крестоносцев».

Танк был великолепен и страшен. Темно-оливковое стелтс-покрытие на его боках текло и летело брызгами, не выдерживая напора огня, который рвался из дыры в районе кормового отсека. Дым бил куда-то вбок ощутимо материальной, плотной струей. Из такого дыма можно шить брюки и саваны.

Башня, разворачиваясь на ходу с завораживающей стремительностью, метнулась вправо. Красный крест в белом щите блеснул, казалось, на расстоянии вытянутой руки.

Пушка выплюнула невидимый заряд энергии — об этом можно было судить только по неприметной вспышке вокруг стабилизирующего кольца на дульном срезе. Куда танк стрелял — я не увидел.

В этот самый момент мы резко приняли в сторону, чтобы не влететь прямо в исполинский костер, в который на глазах превратилась корма танка.

Как раз вовремя!

Турбоплатформа кровернов высадила в танк, кажется, десятикратную норму своего разового бортового залпа.

Под перепуганное пищание тепловых датчиков мы заскочили в ремонтный цех через пролом, проделанный танком. Милитумы на предельной скорости загнали нас под прикрытие массивного испытательного стенда, на котором был распят горный робот-проходчик — гибрид крота, ужа и ежа.

Стена белого пламени прошла сквозь стену ремонтного цеха, как сквозь лист бумаги, и прокатилась по всему помещению, надорвавшись только в двух местах — вокруг испытательного стенда.

Завихряясь в этих точках разрыва, несколько язычков пламени — каждый длиной с анаконду — станцевали вокруг нас пляску маленьких адских лебедей.

Пронесло!

Мы уже поняли, что главное — нигде не задерживаться дольше одного вздоха.

Вдоль северной стены цеха мы уже пробежались — когда были снаружи. Ее больше не было.

С восточной стеной нам тоже было по пути. Более того, славно было бы пройти вдоль нее внутри цеха. Но оказалось, что цех кишмя кишит термитами.

Чен выдал гадам три гранаты, я прикрыл нас экранирующим облаком, и мы пулей вылетели под открытое небо.

К моему изрядному удивлению, горящий танк все еще был жив.

Правда, гордую эмблему батальона с его башни как корова языком слизала. Да и сама башня была больше похожа на подтопленную плазмометом сахарную голову.

Башню, конечно же, заклинило — как и приводы вертикальной наводки пушки. Но упертые, как бараны, танкисты загнали нос своей машины на вал... задрали таким образом свою пушку в небеса... и, подрабатывая остатками гравитационной тяги, совместили с чем

надо перекрестие, так сказать, своего прицела. Хотя какой там «прицел», какое «перекрестие»!

Сверкнуло стабилизаторное кольцо пушки.

Наушники затопило оглушительным треском — выброс энергии был за пределами критического максимума.

Далекая турбоплатформа, которую я в первое мгновение принял за черную мушку в собственном глазу, расползлась по небу кудрявым розоватым облачком.

Виват, «Крестоносцы»!

Конечно, кроверны не преминули ответить...

Мы улепетывали прочь из этого пекла в еще худшее пекло и потому не увидели, как именно сгинул этот стопятидесятитонный огарок воинской доблести.

Но то, что его прикончили, — гарантия. Обломки, которые обогнали нас на первой космической скорости, принадлежали танковой пушке и ничему иному.

Дальше нам предстояло пройти через эллинги рекультивации.

Как я понимаю, компания-владелец Копей Даунинга, равно как и любая другая контора, лакомая до содержимого иноземных недр и околопланетных пространств, согласно Экологическому Кодексу Содружества обязана компенсировать ущерб, наносимый биосфере.

Или хотя бы делать вид, что она этот самый ущерб компенсирует.

Угробил миллион гектаров леса — посади рощицу местных березок и рябинок. Отравил море — налей искусственное озеро. Слопал железный астероид — запусти новый. Хоть из говна.

Копи Даунинга портили в основном почвы. Это мне стало ясно за те семь минут, в течение которых наше отделение — тогда еще целое-невредимое — летело от сожженного леса к заводу. Тогда выяснилось, что лес был последним оплотом местной природы в районе Копей.

В радиусе тридцати километров вокруг завода поверхность Глокка представляла собой обезвоженную, загаженную, замусоренную полупустыню.

Вдали то и дело мелькали существа, подозрительно похожие на мутировавших крыс. Притом — прямоходячих.

Кроме этого, поближе к Копям было полно котлованов, готовых поспорить в живописности с хорошим лунным цирком.

Ясное дело, котлованы не являлись результатами метеоритных или ядерных бомбардировок. Это проседала почва в районах особо активных выемок породы...

Так вот, в рекультивационных эллингах компания готовила новые плодоносящие земли взамен загаженных. Всякие полезные бактерии и простейшие, а также червячки, жучки и паучки — и притом все сплошь местные, а как же иначе? — освещаемые, обдуваемые и облучаемые специальными машинами, должны были превратить суглинок, смешанный с туфом, в полноценные глиноземы.

Чистая алхимия.

Правда, на пути сюда я что-то не заметил следов этой благородной алхимической деятельности.

Допускаю, что начальство Копей планировало осуществить свою алхимию в будущем.

На следующей неделе.

Через месяц.

Допускаю.

Как бы там ни было, эллинги компания построила. И действительно заполнила разновсяческой гнусью вперемежку с буйной флорой.

Но первым, что мы увидели, когда вломились в эллинг, был опрокинутый набок гравилафет плазменной пушки. Первого взвода нашей же роты.

Вот они, родные цифирьки и родной значок: трезубец с насаженной на него скатообразной рыбкой. Смешно, что эмблемка эта была придумана лет за семьдесят до первой встречи человечества с кровернами.

Ни противника, ни нашей пехоты, ни трупов поблизости не было. Просто лежит себе выключенный гравилафет без видимых повреждений и — ничего подозрительного. Если не считать некоторого количества крупных звездообразных следов. Существ или технематов, оставляющих подобные следы, в базе моего милитума не сыскалось.

А прямо перед нами высилась стена здешней синюшной зелени, эдакие своеобразные банановые деревья небывалых размеров.

И плоды были соответствующие — вроде перезревших кабачков в человеческий рост длиной. Сок из кабачков так и струился. Да и вся рекультивируемая почва была завалена переспевшими плодами.

Ну, бананы-кабачки нам не помощники, а вот с такой дурой, как гравилафет, жить можно!

Гравилафет тем хорош, что запас мощности у него троекратный. Он может плазменную пушку с двумя пехотинцами расчета тянуть. А может — громадный ротный радар дальнего обнаружения. Или ракетный комплекс ближней противокосмической обороны.

Вес у обычной спаренной плазменной пушки не такой уж и большой, так что на лафете, кроме операторов, можно возить еще целое отделение.

Во время штурмовых бросков так обычно не делают. Чтобы противник не мог одним удачным попаданием угробить все отделение. Но на марше или в особых условиях — пожалуйста.

Конечно, в нашем случае условия были особые, с индексом «ДУ» — «в Дерьме по Уши».

Теперь у нас был свой, персональный VIP-транспорт. И слава богу. Потому что индикаторы глидеров уже мигали муторным желтым цветом. И энергии с кот наплакал, и перегрев немаленький.

Дуракам везет. Уверен, если б с нами Зага не было — нашли бы мы хвост от горелого кроверна, а не гравилафет.

Включили. Милитум проснулся, сказал «здрасьте» и попросил пароль.

Тут уже сержант выручил, наплел всякой тарабарщины. «ОК», согласился милитум.

Машина приняла вертикальное положение и пошевелила стволами пушек.

Сержант и Заг, как самые опытные, заняли сиденья операторов — соответственно водителя и стрелка, — а мы с Ченом примостились по бокам.

Как там Гагарин говаривал? «Наливай?» «Раздевай?»

«Заводи!»

Удивляло, что в стене псевдобананових зарослей не виднелось ни малейшего просвета. Стены, прозрачный потолок и самые обычные раздвижные ворота, через которые мы пробрались в эллинг, тоже были с виду более или менее целыми.

Правда, ворота заклинило, и в неширокий зазор между створками мы протиснулись не без труда. Особенно туго пришлось мне — мешала спасательная капсула с найденышем.

Как же сюда попала пушка? И соответственно, куда прикажете двигать нам?

Вначале я хотел пробить стену и идти по открытой местности. Но встреча с летающими рифами кровернов не входила в мои планы. Поэтому я приказал двигаться на малом ходу вдоль зарослей.

Эллинг был настолько широким, что в нем спрятался бы целый крейсер. Выяснилось, что с того места, где мы нашли пушку, просто невозможно было заметить оросительный канал, проходящий через эту искусственную чащобу из одного конца эллинга в другой.

Над этим-то каналом мы и полетели.

Над этим-то каналом мы и засекли ходячую стрекошвейку.

Вот дрянь!

Учили меня, учили, ага. Знал я, знал, что ее в некоторых батальонах еще называют «призрачным сверчком». И что в большинстве случаев этот синтетический техномат *в буквальном смысле невидим*.

И не только визуально — тепловые, магнитные, ультразвуковые датчики тоже бессильны. Обнаружить стрекошвейку можно, тупо врезавшись прямо в нее, что бывает очень-очень редко.

Либо при помощи тяжеленного квантометрического оборудования, которое могут позволить себе только танки и спецмашины.

Либо — «по косвенным признакам».

Страшно было до ужаса. Потому что мы обнаружили дьявольский техномат именно «по косвенным признакам».

Заросли на том конце канала вдруг посыпались серым пеплом. Почти сразу же вслед за этим из них, пятясь раком, выступили два пехотинца.

Они двигались пешкодралом, глидеры были выключены.

Их «Сьюздали» лупили вверх — в пустоту, клянусь! — короткими, но частыми, отчаянными очередями.

Хрупкий потолок эллинга разлетался на куски величиной с мегапиццу из сети закусочных «Ням-ням».

Раздался громкий стрекот — ну точь-в-точь кузнечик.

Гусак — бывалый бродяга, ничего не скажешь! — мгновенно сообразил, чем пахнет, и уронил лафет в оросительную канаву.

Мы с Ченом оказались по горло в воде, но Гусака это не взволновало.

Одного из пехотинцев резко развернуло к нам лицом. Я поначалу не сообразил, что именно вижу — соображалка моя прокрутила несколько холостых оборотов.

Но потом понял: я вижу ровный ряд дырок, пересекающих экоброню бедолаги от наплечника до подвздошья. Сквозь дырки виднелись беленькие ворота эллинга.

Второй пехотинец упал, где стоял, — его даже не крутнуло.

Заг, которому особого приглашения не требовалось, навел пушки примерно в ту же точку, куда только что пытались засадить по полному боекомплекту погибшие пехотинцы.

— Замрите, — еле слышно прошептал Гусак.

Стрекошвейка нас все-таки не заметила — уж больно увлеклась расстрелом этих двоих. Это ее единственное слабое место: будучи

сама невидима, она не очень-то здорово засекает цели. Особенно в боковых секторах обзора.

И все равно эта дрянь небось посреди банановых зарослей уже целое отделение положила! И уж почти наверняка расчет той самой пушки, на которой мы все сейчас сидели...

Новая туча пепла взметнулась вверх и повисла в воздухе.

А вслед за тем вода в канале возле убитых пехотинцев всколыхнулась. Похоже, техномат вышел из укрытия полакомиться.

Я чуть не ахнул, когда половина тела одного из убитых пехотинцев на моих глазах растворилась в пустоте. Разумеется, вместе с экоброней.

— Огонь, — приказал Гусак.

Он снова принял командование — и правильно. Я слова не мог вымолвить от страха. Кроме того, у меня не было опыта в таких гнилых раскладах.

Все мы выстрелили почти одновременно.

Чен выпустил гранату, я — очередь из «Сьюздали».

Жахнули плазменные пушки — Заг мгновенно перебросил стволы из прежней точки прицеливания в новую.

Не стрелял только Гусак — ему было совсем несподручно, с водительского-то места.

Зато Гусак сразу же дал «вверх» и почти одновременно «самый полный вперед».

От такого обращения машина наша недовольно зарычала. И рванула так, что я едва удержался на скользкой от тины подошве гравилафета.

Над условно поврежденной стрекошвейкой мы прошли так высоко, что едва не зацепили перекрытия эллинга.

Ничего внятного я так и не успел увидеть. Единственное — я наконец понял, почему тела убитых операторов пушки исчезли бесследно.

И еще я понял, что бывают ходячие стрекошвейки. Которые оставляют неглубокие звездообразные следы.

Во всех тактических наставлениях, выпущенных до операции на Глокке, сообщалось, что техноматы с аморфной структурой перемещаться не могут в силу специфики своих свойств. Их, дескать, тогда сразу же можно будет увидеть, воздух вокруг них засветится, исказится и «оконтурит» движущийся техномат.

Какое там! Эта стрекошвейка замечательно двигалась, была снабжена дополнительным дезинтегратором, и при этом ее ровным счетом ничего не «оконтуривало».

Если так пойдет дальше, мы проиграем войну.

* * *

За нашей спиной растекались расстрелянные из плазменных пушек ворота эллинга.

Впереди все тонуло в клубах подозрительно красной пыли, поднимающейся высоко-высоко и затмевающей солнце напрочь.

По бокам без движения лежали несколько наших в расквашенной экоброне. Вряд ли имело смысл останавливаться, чтобы проверить у них пульс.

В глубокой воронке с остекленевшими краями горел танк, развернутый кормой к Копям Даунинга.

«Эге, не одни мы пытались отсюда улепетнуть», — это было первое, что я успел подумать.

«Может, хоть эта пылюка нас прикроет?» — такой была вторая мысль.

И точно. Десантный катер, до отлета которого, если верить сладчайшему голоску, оставалось девяносто секунд, находился где-то там — в недрах завихряющегося красного бурана. Либо за ним — тут милитум был бессилен что-либо подсказать, не хватало данных.

Сержант Гусак твердой, прямо скажем, деревенеющей рукой направил гравилафет ровнехонько по касательной к густым потокам летучей мути.

Мой лидар сразу же «ослеп», что, впрочем, неудивительно — мы находились внутри распотрошенной, разболтанной в воздухе горы красной глины. Твердые частички этой глины благополучно заглушили все: и лазер, и звуковой радар, и термосенсоры. И — на закуску — радиосвязь.

Единственное, что работало, — инерциальная навигационная система. Она зависела только от спидометра и компаса.

Гусак знал главное: какой курс держать, иначе сгинули б мы посреди мряки. Как, полагаю, многие другие наши товарищи.

Впрочем, кто знает? Может, к тому моменту на всем Глокке вообще не осталось живых людей, кроме нас.

Здесь, внутри пыльной бури — как потом выяснилось, искусственной, — ветер был такой, что пушка еле-еле тянула. Ее все время норовило увести вбок или утащить наверх.

Армейское — значит, отличное. Думаю, мало найдется в Галактике летательных аппаратов, которым хватило бы мощности удерживать курс в подобной болтанке.

Ну ничего. Кое-как продержались. И внезапно выскочили в кубатуру, заполненную чистым-чистым, прозрачнейшим воздухом.

Момент истины.

Мы находились внутри круга метров трехсот в диаметре. Вокруг бесновались потоки пыли, но здесь было спокойно, как в гробу.

В центр круга входила... как бы это получше выразиться... водяная труба. То есть столб из чистой воды. Столб сечением с наш гравилафет. Он уходил ввысь, насколько хватал глаз, и исчезал... честное слово, не знаю где.

Думается, в каком-то исполинском летательном аппарате, космическом водовозе, а?

Но каждая атмосфера имеет предел прозрачности, а объект этот, водовоз, находился по ту сторону этого предела. Так что видно его не было.

Кроверны накачивали Глокк водой. *Своей* водой.

Вот так вот. Тогда я даже подумал, что тот странный кроверн в биоскафандре и свора монстров, которые на нас напали в аварийном контуре, тоже спустились прямо из космоса по этой трубе.

Хотя трубы никакой не было. Одна лишь вода. Которую удерживало... я бы сказал — силовое поле... сказал бы, если б сам себе верил.

Мне представить просто страшно, какая для этого нужна энергия. Да Фратрия, местное солнце, столько за месяц не нажигает, вот что!

Все оставшееся место между стенами из пыли и трубой было занято. Во-первых, конусами цвета оловянной бронзы, расположенными в вершинах правильного шестиугольника. Во-вторых, наполовину вылезшими из земли червь-танками.

Червь-танков было не меньше дюжины.

Рядом с ближайшим из них я успел заметить раздавленный корпус десантного катера земной модели.

Широкое жерло нейтронного бластера червь-танка плавно поползло в нашу сторону.

Вот такая картинка. Вот все, что я увидел и запомнил.

Не спрашивая «А можно ли, сениор Серж?» и даже не предупредив о своей придури, Заг перебросил стволы влево и всадил в эту химерическую трубу добрую порцию плазмы...

Хорошо, что труба была водяная, а не медная, еханый осел.

Есть такие системы — динамически стабильные. Например, юла. Стоит себе, стоит, пока крутится. Крутиться стала медленнее — и упала-покатилась.

Не знаю, что мы там кровернам сломали, но эта трижды драная водяная труба явно представляла собой динамически стабильную систему. А от выстрела Зага всей стабильности пришел каюк.

Гусак успел увести наш гравилафет из-под надвигающегося фокуса нейтронного бластера, когда хлынул настоящий ливень.

Вперемежку с градом.

Вперемежку со снегом.

Вперемежку с ледяными глыбами и потоками жидкой грязи.

Вода из разрушенной силовой трубы выпадала в том виде, какой более приличествовал температуре на той высоте, на которой ее застала катастрофа. Вдобавок влага местами перемешалась с пылью, которую, похоже, технологическое колдовство кровернов тоже подняло до самых стратосферных высот.

Наша пушка рванула прочь. Заг орал как резаный — сперва его окатило потоками ледяной воды, а потом накрыло градом.

Градины, к его счастью, были не очень крупными — с ноготь. Зато твердыми, как гранит: в них вмерзла глиняная пыль.

За нами погнались — как не погнаться? Да только в таком бардаке видимость была еще хуже, чем на дне черной дыры!

Все кончается — и слава богу.

Кончается даже самое плохое.

Свежий воздух открыл нам свои объятия, показал солнышко и новую картинку.

Вот она, «Малая зона Е»! Вот она, родная!

Радость моя сгорела, как архаическая серная спичка, — ее хватило на две секунды.

Вместе с ней погасло солнце, и нас нагнал шквальный ливень. Буйство имени Разрушенной Водяной Трубы продолжалось.

Большой танкодесантный планер на двенадцать машин со все той же эмблемой «Крестоносцев». Вокруг него — уничтоженная в полном составе танковая тетрария. Все машины разбиты однотипно, ударами с воздуха. А может, и из космического пространства.

А дальше — целое кладбище. Насколько хватает глаз.

Мне плакать захотелось. Выть — так, чтобы кишки вывернуло через уши.

Еще сгоревшие танки. Наши, пехотные, десантные катера. Ротный радар, перерубленный пополам потерявшим управление обгоревшим гравилафетом.

Людей — довольно мало. Видимо, в отличие от тяжелой техники, они либо не смогли выбраться из Копей Даунинга, либо так и не получили приказа об отступлении. И все — мертвецы.

Раскуроченные эвакуационные танковозы, которые должны были забрать тяжелую технику обратно на транспорты. Раз их успели сюда прислать, значит, полагали, что операция завершена, сражение выиграно...

Дьявол, да что же здесь произошло, пока мы торчали под землей? Как кроверны смогли прорваться в зону высадки?! Куда смотрела Седьмая эскадра?

Но главное: нигде, насколько хватал глаз, не было и намека на работающий, целый, способный утащить наши геройские задницы прочь с Глокка десантный катер. А ведь, судя по силе сигнала и пеленгу, он находился где-то в радиусе двухсот метров! Едва ли не на том самом месте, где торчал громоздкий танкодесантный планер.

Неужели ловушка?!

Я мог бы подумать об этом сразу!

— Пушку на грунт! — приказал я не своим голосом. — Чен, за мной! Сержант Гусак, если мы не вернемся — поступайте по своему усмотрению.

О, это одна из величайших глупостей, какие я говорил в своей жизни! Можно подумать, были какие-то особые варианты и связанные с ними «усмотрения»!

Вариантов было ровно два: пустить себе пулю в лоб или попытаться сдаться в плен. Второй вариант был в конечном итоге равносилен первому.

Ливень не утихал. Когда мы с Ченом достигли танкодесантного планера, я оглянулся. Гравилафет полностью растворился в серой невнятице.

«До отлета осталось двадцать секунд», — сообщил милитум катера-невидимки.

Если здесь притаилась стрекошвейка — чего ты ждешь, стерва? Ну, стреляй, пришивай!

— Сениор, а вот и он, — сказал Чен.

Остроумно. Я, может, и не догадался бы. А Чен не поленился проверить.

Аппарель танкодесантного планера была полуприкрыта. Содержимое его вместительнейшего брюха с земли не просматривалось. Но мне, слишком умному олуху, и без того было ясно, что там ничего нет и быть не может.

Потому что планеры делают рейсы только в один конец.

Они доставляют тяжелую технику на планету. После этого о планере забывают. Он больше никому не нужен, ведь своим ходом в космос выйти уже не может — на то и планер.

Если технику после боя нужно с планеты забрать, это делают другие специализированные катера-эвакуаторы.

Неудивительно: в Генштабе давным-давно подсчитали, что в среднем на поле боя не выживает и половины тяжелой техники. То есть «доставить танки» и «забрать танки» — две большие разницы.

Так вот. Какой-то умник — скорее всего бортовой милитум — загнал пехотный катер внутрь грузового отсека планера. Спрятал его там от воздушно-космического наблюдения. И прикрыл аппарель.

Последние секунды — самые вязкие.

Невыносимо медленно сквозь располосованный красноватым ливнем воздух проявляется гравилафет.

Сержант Гусак все-таки потерял сознание, и Загу пришлось взять управление на себя, через дублирующую систему на месте наводчика.

На полу транспортного отсека танкодесантного планера лежит пилот воздушно-космических сил с нашивками лейтенанта. Пилот мертв. Следы насилия на теле отсутствуют. Рядом валяется сорванная кислородная маска...

Что бы это ни значило, ясно одно: живых людей на борту катера не предвидится.

Чен препирается с милитумом катера. Тот соглашается отложить вылет на тридцать секунд и открывает один из лацпортов. Чен затаскивает мертвого пилота внутрь.

Мы с Загом возимся с сержантом. Сержант в несознанке. Его милитум отказывается внимать нашим увещеваниям и глидеры не включает.

Экоброня Гусака заодно с самим Гусаком сразу же превращается в три центнера абсолютно бессмысленного, неуклюжего барахла.

Мощности моих глидеров еще хватает, чтобы тащить Гусака за транспортировочную ручку, выдвигающуюся из экоброни у основания шеи. Но мне самому уже недостает ловкости пропихнуть нескладную ношу в зазор между поднятой аппарелью и корпусом планера.

Матерщина. Просто удивительно, как нас пока еще не отыскали червь-танки.

В любое мгновение мы можем получить призовую порцию сверхбыстрых нейтронов. Ведь кроверны повсюду!

Заг советует расстрелять аппарель из пушки. Тогда Гусак точно пролезет. А десантный катер — точно вылезет. Все равно ведь мы не уверены, что компьютеры катера смогут эту клятую аппарель опустить — за нее ответственны другие устройства, на борту планера. Не факт, что они между собой договорятся.

Хуже идеи и придумать нельзя. Пальбу из плазменной пушки кроверны точно засекут. Но других вариантов нет.

Под дождем стрельба выглядит особенно эффектно. Будто мы собрались маячить таинственным внеземным цивилизациям в соседнюю галактику.

В потоках плазмы капли дождя перед гибелью запускают во все стороны ослепительные разноцветные лучи — ну точно рекламные лазеры. Над планером встает яркая, сочная радуга.

Полнейшая демаскировка!

Аппарель поддается плохо; как-никак, она рассчитана на солидные термические перегрузки при входе в плотные слои атмосферы. И хотя основная термоизоляция планера благополучно рассыпалась при посадке на Глокк, остается еще второй, страховочный слой.

Наконец, после дюжины выстрелов аппарель не выдерживает и падает. Она похожа на сгоревшую книгу. Слоистая изоляция торчит из нее, как черные испепеленные страницы.

Мы в катере. И все еще живы.

Я наконец-то могу швырнуть Гусака на пол. Прямо на тело пилота. Мне безразлично. Всем безразлично: и Гусаку, и мертвому лейтенанту — но по разным причинам.

— Внутренние помещения герметизированы и проветрены. Время до отлета — девять секунд.

«Вас повезет автоответчик». Старинная шутка. Ее очень любил в молодости мой папаша — по словам моей мамаши.

Попутно выясняется, что дверь в пилотскую кабину катера закрыта. Ни апелляции к бортовому компьютеру, ни кнопки ручного управления дверью не дают эффекта. Это, впрочем, без разницы: никто из нас не имеет пилотского сертификата.

Сертификат, кажется, есть у сержанта, но сержанта с нами уже нет. Переутомился.

Чен воткнул разъем своего милитума в гнездо интерфейса и продолжает общение с бортовым компьютером катера на птичьем языке секретных кодов и запрещенных командных последовательностей.

По-моему, это лишнее. Еще сломает что-нибудь, ка-ак гробанемся!

— Чен, убери лапы!

Чен не реагирует.

Но тут уже возмущается милитум:

— Попытка несанкционированного проникновения в ядро головной системы. Порт отключен. Рапорт о служебном проступке рядового второго класса Чентама Делано Амакити будет направлен вышестоящей инстанции.

И тут же, без передышки:

— Двигатели переводятся в режим горячего ожидания. Всем занять места в десантном отсеке.

— Железо, — говорит Чен.

В этот момент мне кажется, что он готов выпустить последние гранаты «Тандера» прямо в электронную начинку катера. Главное — я не понимаю, чего он хотел добиться своей возней. Похоже, и сам Чен не в состоянии дать внятный ответ.

Вест-японец прячет разъем и садится в амортизированное сиденье десантного отсека. Заг падает рядом с Ченом.

Я тоже пытаюсь последовать их примеру, но спасательная капсула, по-прежнему примотанная к моей груди, цепляется за стойки подлокотников. Плохо пока еще приспособлены наши десантные катера для нужд одиноких отцов с грудными детьми! Чудный заголовок для проблемного репортажа...

Катер уже вздрогнул и пополз. Чена и Зага тут же прихватывает коробчатая стальная арматура с резиновыми прокладками. Жесткая фиксация — чтобы во время тряски-болтанки не влететь головой в брюхо соседу.

Надо было бы усадить еще и сержанта, да я как-то упустил из виду. Менять что-либо уже поздно — пока катер не выйдет из атмосферы, жесткая фиксация не отпустит.

Единственное, что успокаивает мою совесть: я, как и Гусак, вынужден усесться на пол. Прихватываю свою левую руку универсальной пленкой к подлокотнику ближайшего кресла. А ногу приматываю к здоровой ноге Гусака.

Импровизация, идиотская импровизация, конечно. Но надо же что-то делать?!

Новый приступ страха. Вот теперь в нас точно вмажут. Так вмажут, что одинокие, осиротевшие молекулы наших тел разнесет по всему Глокку. Сольемся с природой в экстазе.

Катер швыряет в сторону. Неужели и правда стреляют?

Ничего. Летим вроде пока.

Начинаем стремительный набор высоты. Пол отсека задирается под победительным углом в шестьдесят градусов. Труп лейтенанта летит мимо пустых сидений и расшибается о двери двигательного отсека. Ну мы мясники...

Нас с Гусаком тоже сейчас обо что-нибудь расплющит. А как же?!

Пленка трещит и тянется. Это отличный материал, его удельная прочность в сто семнадцать раз выше стали — так говорили в учебке. Сейчас проверим.

Пленка пока держит.

Заг срывает кислородную маску и орет песню. Он ничего лучше не нашел, как исполнить своим гнусавым баритоном «Прощание землянина». Тупой слезоточивый шлягер позапрошлого сезона.

Сожми меня в объятиях, родная,
Я очень ненадолго улетаю.
Мы встретимся — ты, главное, не верь,
Что для таких, как я, возможна смерть...

Какой умственно отсталый, интересно, слова сочинял — «возможна смерть»? Когда тут уже с трудом верится, что жизнь в принципе возможна! Что жизнь «есть форма существования белковых тел», а не смерть. А что, тоже неплохо: «смерть есть форма существования белковых тел»...

Хорошо хоть Чен не подпевает.

Набор высоты прекращается. Зато катер закладывает чертовски крутой вираж. Усиливается и болтанка.

Мертвый лейтенант летит ровно в морду Загу. Так тому и надо, певуну.

Интересно, наш катер улепетывает от кровернов или все-таки заприметил один из наших транспортов и хочет к нему подцепиться?

— Рядовой второго класса Серж ван Гримм запрашивает катер LAS-18* «Кленовый лист». Доложи обстановку.

— Курс... высота... скорость... крен... тангаж...

Катер сыплет цифрами. Из всей этой муры о чем-то говорит высота. Мы идем примерно на границе стратосферы и тропосферы.

Если бы в десантном отсеке были окна, мы б увидели уже не синее небо, а темную скатерть Пространства и блеклые звезды на ней.

— Ты видишь противника?

— Наблюдаю множественные скопления искусственных объектов. Девяносто два процента по принадлежности опознать не могу, поскольку они находятся за пределом разрешающей способности пассивных СОН**. Активные не применяю в целях маскировки. Восемь процентов объектов опознаны.

— Доложи результаты опознавания.

— Объекты противника: два линейных крейсера типа «Каравелла», два корвета типа «Лиса», восемнадцать истребителей-амфибионтов типа «Дзета», три корабля неопознанного типа. Наши объек-

* LAS — Landing Assault Shuttle (*классич. амер.*), Lendin Asolt Shatl (*интерл.*) — десантно-штурмовой катер.

** СОН — средства обнаружения и наблюдения.

ты: три истребителя-амфибионта типа «Спага», пять десантных катеров типа LAS, крейсер «Лиепая», крейсер-носитель «Маршал Жоффр», танкодесантный транспорт «Тарава».

— Что там происходит?

— Общий вопрос. Прогноз по развернутому ответу в аудиорежиме: 74 стандартных часа. Начинать?

— Нет! Конкретизирую вопрос! Мы направляемся к транспорту «Тарава»?

— Нет.

— Мы направляемся к какому-либо из кораблей Седьмой эскадры?

— Нет.

— Куда мы направляемся? М-м, нет!.. точнее: доложи полетный план.

— В настоящее время я, используя маскирующие свойства третьего слоя Хевисайда планеты Глокк, направляю катер на ночную сторону планеты. Там я намерен произвести окончательный отрыв от атмосферы Глокка и направить катер в направлении планеты Фратрия-4. В непосредственной близости от планеты я направлю катер на ее ночную сторону. Там я переведу катер в режим минимального энергопотребления.

Я понимаю стервеца. В общих чертах.

Кроверны имеют нас и спереди, и сзади. Их эскадра, которая, по данным разведки, была в районе Глокка небольшой и слабо вооруженной, неожиданно оказалась мощной, многочисленной ордой.

Как подобное превращение случилось и почему его считали невозможным штабисты Флота Большого Космоса — не моего ума дело. Но результат, как говорится, на лице: кроверны нанесли комбинированный контрудар. Отогнали, а может, и уничтожили наше космическое прикрытие, выбросили свой десант в районе Копей Даунинга и одновременно начали трусить Седьмую эскадру.

И все-таки там по-прежнему полно наших кораблей! Они ведут бой! И еще вполне могут смыться! Подобрать нас — и смыться, уйти в подпространство, оставить кровернов с носом! Та же «Тарава»!

А милитум что — повредился в своем искусственном умишке? «Уйти на ночную сторону... Направиться на Фратрию-4...»

— Дай связь с Седьмой эскадрой.

— Не могу выполнить ваш приказ.

— Почему?

— Не могу применить активные средства. При включении внешних излучающих устройств вероятность обнаружения катера про-

тивником повысится на сорок четыре процента и составит девяносто девять целых девяносто девять сотых процента.

— Я настоятельно приказываю тебе дать связь с Седьмой эскадрой.

— Назовите свой код особого доступа.

Приехали. Ну откуда у меня может быть код особого доступа? Он был вот у этого самого мертвого лейтенанта ВКС*, да и то не факт.

А голый понт не поможет?

— Ты обязан подчиняться любому бойцу правительственной штурмовой пехоты, — говорю я вкрадчиво-вкрадчиво, требовательно-требовательно, как колеблющейся девственнице. — Особенно если твое подчинение может спасти жизнь этому бойцу. И даже целым четырем.

— Код не принят.

— Это был не код, кретин. Это было, м-м... напоминание. О твоих базовых алгоритмах.

— Не говорите глупостей.

Я понимаю, что милитум лишен сознания. И даже способностей к самообучению. Все его слова, все его фразы — это клише, заложенные в него людьми. В конечном итоге такими же придурками, как я сам.

И это его менторское «не говорите глупостей» — всего лишь одна из предусмотренных реакций на определенные обстоятельства.

С тем же успехом милитум мог бы сказать «абубыбу». Ему все равно, что говорить, ведь со мной разговаривает *ничто*. У него нет *ума*. Он не может сам говорить «глупости» или «умности». Он лишен способности к подлинной оценке чужих слов. И так далее...

Но такие рассуждения не очень-то успокаивают, когда железяка собирается вас утащить в черную пустоту, где нет и не может быть ни наших кораблей, ни баз, ни автоматических спасательных аппаратов, ни даже простеньких разведзондов.

Десантные катера типа LAS — это новые, очень хорошие летательные аппараты-амфибионты. Они могут летать в двух средах: в

---

* ВКС — воздушно-космические силы. Независимый вид вооруженных сил Содружества, который не следует путать с Космофлотом. В сферу ответственности ВКС входит преимущественно высадка и оперативно-тактическая поддержка планетарных десантов, а также обеспечение боевых действий сухопутных линейных частей и Сил Самообороны. Космофлот (КФ) занимается решением стратегических задач как в конкретных звездных системах, так и в Большом Пространстве: уничтожением кораблей противника, защитой транспортного флота, дальней разведкой и общим прикрытием планетарных десантов.

атмосферах (различных типов) и в вакууме, то есть межпланетном пространстве.

У них достаточно большие запасы энергии, чтобы совершить посадку, взлет, а затем еще преодолеть расстояние, например, от Земли до Марса.

Однако ни проколоть Альбертову сетку, чтобы достичь какой-либо базы Содружества, ни даже просто выйти на гиперсвязь с Оперативным Штабом наш катер не может. Не тот уровень энергооснащенности. На четыре порядка не тот.

Иными словами, катер LAS в крайних случаях способен служить маленьким межпланетным корабликом. Раньше пехотные десантные катера и этого не умели — их хватало только на посадку, взлет и сближение со своим «материнским» транспортом.

И вот теперь хитроумный милитум хочет использовать возможности катера на всю катушку! Улепетнуть от кровернов и спрятаться за соседней планетой. Но и — одновременно — обречь нас всех на смерть от удушья, холода и голода!

Потому что ясно: эту звездную систему Содружество потеряло. Контроль над ней окончательно перешел к кровернам.

Ясно: никто нас не найдет.

Потому что искать не будет.

Спустя неделю мы начнем дышать через маски с регенеративными патронами. Спустя десять дней — съедим Амакити. Но уже сегодня нам придется найти способ законсервировать мертвого лейтенанта. Как-никак, это девяносто килограммов человечины. Ну, без костей и требухи пускай сорок. Да это жратвы на полжизни!

Ладно, последняя попытка.

— Рядовой второго класса Сергей ван Гримм приказывает катеру LAS-18 «Кленовый лист». Игнорировать все прочие факторы, в том числе угрозы любых степеней. На предельной скорости сблизиться с транспортом «Тарава» и произвести стыковку. Разрешаются любые маневры. В частности, и те, которые совершаются с закритическими перегрузками. Твоя единственная задача — скорейшая стыковка с транспортом «Тарава».

— Выполнить задачу невозможно.

— Почему?

— Транспорт «Тарава» уничтожен.

— Корректирую задачу. Ты должен достичь любого корабля Содружества межзвездного класса и произвести стыковку.

— Выполнить задание невозможно.

— Почему?

— В пределах разрешающей способности моих пассивных СОН нет кораблей Содружества межзвездного класса.

— Что произошло с «Жоффром» и «Лиепаей»? Э-э, нет! Стой! Уточняю вопрос. «Жоффр» уничтожен?

— Нет определенных сведений.

— «Жоффр» ушел в подпространство?

— Восемнадцать процентов вероятности — «да».

— «Лиепая» ушла в подпространство?

— Нет.

— «Лиепая» уничтожена?

— Да.

У меня ползет крыша. Чем дальше-дальше — тем лучше.

Я готов на любую, на любую самоубийственную авантюру, на один шанс из миллиона, лишь бы достичь своих. Лишь бы не коротать последние деньки на борту этой болтливой, нелюбезной калоши.

Осторожно подбираю слова.

— Приказываю тебе изменить курс. Ты должен направить катер... в зону скопления неопознанных объектов... в районе планеты Глокк... и отыскать среди них... корабль Содружества межзвездного класса.

— Назовите свой код особого доступа.

Ну ясно. Приплыли. Этот кибер-осел запрограммирован вполне стандартно. При любых обстоятельствах он обязан наилучшим образом спасать правительственную собственность, а именно солдат, катер и себя.

Милитум посчитал вероятности и заключил, что «наилучшим образом» он сможет спасти все это, если полетит на Фратрию-4.

Его решение может быть оспорено только офицером, которому известны коды доступа к произвольному голосовому управлению.

Некоторое время я молчу. Кажется, даже сплю. А может, просто из моих мозгов выветрились последние мысли и меня нет ни в бодрствовании, ни во сне. Серж Барракуда, как настоящая барракуда, спит с открытыми глазами и ничегошеньки не думает.

Еще некоторое количество болтанки и маневров. Малость невесомости.

Потом включаются межпланетные двигатели. Ускорение вначале довольно жестокое, под три g. Оно постепенно уменьшается и, судя по ощущениям, приходит к мягенькому, детскому ноль пять — ноль шесть g.

Подымаются фиксаторы сидений. Чен и Заг сразу же вскакивают на ноги.

— Катер LAS-18 «Кленовый лист» приветствует правительственную штурмовую пехоту. Поздравляю: вероятность уничтожения нашего летательного аппарата противником резко снизилась и в настоящий момент составляет пятьдесят четыре процента. Вы можете покинуть сидячие места, разоблачиться и отдохнуть. Скорость полета... Температура межзвездного газа...

Тра-ля-ля. Бла-бла-бла. Что такое «разоблачиться»? Перед кем разоблачиться? Это как — «покаяться»? А, «раздеться»! Хорошо излагает, сволочь. Литературно!

Первым делом мы с Ченом срываем шлемы. Загу с себя срывать особо нечего, кроме остатков экоброни. И все равно эту операцию приходится проделывать при помощи двух отверток и нескольких специальных электроключей.

Чен помогает Загу. Я сразу же снимаю с себя капсулу с дитем и начинаю потихоньку раскручивать экоброню сержанта.

Спохватываюсь, ищу большой холодильник для мертвого лейтенанта. «Хопкинс» — написано на нагрудной нашивке лейтенанта, я наконец удосужился прочесть.

Хопкинс важнее. Хопкинс — наш завтрак, обед и ужин. Начиная с первых чисел стандартного апреля.

А сержант Гусак — так, тля. Всего-то лишний едок.

Для Хопкинса на катере места нет. Холодильник здесь один, и притом небольшой. Правда, жратвы в нем полно. Виднеются и бутылочки. Но это теперь — не для меня.

О! Шлюз! Точно, между дверью и лацпортом. Там хо-о-олодно.

Лейтенант спрятан в космическую морозилку, возвращаюсь к сержанту. Субординация превыше всего.

Гусак по-прежнему без сознания.

Ну что с ним делать? Я не доктор. Специального медицинского оборудования на катере нет.

Ну хорошо. Покрываю синеющие клочья разодранной сержантской плоти мазью «Живец». Делаю перевязку. Колоть ему что-либо сейчас — не лучшая мысль. Инфрабиотик? Ну ладно, на тебе инфрабиотик.

Больше я ничего сделать для тебя не могу, сержант Милош Гусак. Поссать только поверх «Живца». Говорят, это эффективно. Раса В, веганцы, те вообще на уринотерапии поведены. Да ребята не поймут, особенно Заг.

Вот она, баночка моя заветная. С фуззи-колой.

— Ребята, я эту штучку нашел в аварийном контуре на Копях Даунинга. Когда мы наверх лезли, поклялся: год спиртного в рот не возьму! А свое спасение отмечу с вами фуззи-колой.

— Мы еще не спасены. Просто приговор отсрочен, вот и все, — равнодушно сообщает Чен.

Заг пожимает плечами и принимает надпитую мной фуззи-колу. Пьет.

— Фффууу. — Шумно сплевывает. — Да она тухлятины набралась! Из атмосферы Глокка!

— Подумаешь, лишняя унция сероводорода. Чен, хлебни с нами. Для меня это важно.

Чен делает крохотный глоточек, словно я дал ему микстуру.

Я, не меняясь в лице, допиваю до дна. Слава богу, баночка крохотная. Но все равно меня вот-вот стошнит.

Заг идет в соседний отсек, своего рода офицерскую каюту, и копается в том самом холодильнике, который я уже осматривал.

— Серж, ты уверен, что год спиртного в рот не возьмешь? А то тут есть некоторое количество.

— Я поклялся.

Заг распрямляется и смотрит на меня с прищуром. По моему опыту, он изучает таким образом объекты, которые собирается звездануть своим кулачищем. Обычно изучению подвергаются сапиенсы.

— Но ты же клялся на случай спасения?

— Ну да.

— А Чен тебе, кстати, верно сказал, что это еще не спасение, а отсрочка приговора. Может, нас сейчас кроверны догонят и — в распыл.

Заг прав. Бортовой милитум так и сказал: «Вероятность уничтожения пятьдесят четыре процента». Для простоты скажем — пятьдесят на пятьдесят. Либо долетим до этой проклятой Фратрии и будем жрать дохлого лейтенанта, либо сразу в пекло.

Бросил монетку, выпала «решка» — и умер. «Орел» — поживи до четверга.

И хотя дела обстоят отвратительно, я вздыхаю с облегчением. По крайней мере я жив и от своей идиотской клятвы свободен.

Мы уселись за откидной столик и разлили водку с загадочным названием «Первак» в пластиковые стаканчики для колы. Когда Заг разливал, я приметил — у парня дрожат руки.

Чен — тот, напротив, был воплощением олимпийского спокойствия. На мой вкус, даже слишком буквальным воплощением. Он развернул свое кресло к стене и с интересом наблюдал за происходящим. На глухой серой стене.

— Чен, водку будешь? — спросил я.

Мне тогда казалось, что я — воплощение психической адекватности.

Я даже аргументы себе приводил, что типа я не ранен, как Гусак. Не целовался взасос со скатом, как Заг. И не потерял друга, как Чен (я помнил, что с Ларри из палубной команды нашей «Румбы» он был не разлей вода, а Ларри, ясно, накрылся вместе с «Румбой»).

Но Чен словно бы меня не расслышал.

— Что, глухих повезли? — ехидно переспросил я. — Чен, я к тебе, между прочим, обращаюсь. Водка стынет!

Чен молчал. Он даже не пошевелился.

Не знаю, чего меня тогда пробило поволноваться? Но мне вдруг вспомнилось, что бывают такие виды оружия, которые действуют уже потом, когда вроде никто не стреляет.

У таких штук и название есть в классификаторах — «оружие отложенного действия». А вдруг Чена таким вот «отложенным»...

В три прыжка — и откуда только силы взялись — я подскочил к Чену и, схватив его кресло за спинку, что было дури крутанул его на себя.

Чен повернулся ко мне лицом, к стене — задом. Как ведьмин дом из сказки, что читала мне мама, когда моя голова была чуть больше кулака Зага. Я невольно вздрогнул.

Вишнево-черные, раскосые глаза Чена были открыты. И эти черные дыры в обрамлении кроваво-красных белков смотрели на меня с такой всепобеждающей ненавистью, что я невольно отпрянул.

«Потише, мудила!» — явственно читалось в этих глазах, но губы Чена не пошевелились.

Я покраснел, как мальчишка. Почему-то я ожидал увидеть на глазах Чена слезы. Короче говоря, в образчики психической адекватности надо было записывать кого-то другого. Но только не меня.

— Чен, слушай, ты извини, что я так... Но я подумал, что как-то это странно... ты уже десять минут сидишь не шевелясь. Ну и молчишь... Я подумал, может, ты ранен, мало ли...

Чен грыз меня своим взглядом еще с минуту.

И вдруг заговорил. Голос его прозвучал так резко, что я вздрогнул:

— Серж, я не хочу водки. Я думаю.

— И правда, Серж, отстань от него, — подал голос Заг из-за столика. — Поговори лучше со мной.

Мы выпили стоя и вдобавок молча.

Когда-то я слышал, что именно так пьют за погибших товарищей. Наверное, слышал такое и Заг, поскольку мы с ним приобщились к этому непомпезному ритуалу, не сговариваясь. А может, есть такой рефлекс у мужчин Т-расы, учеными еще не изученный.

— Ты сказал «поговори со мной», Заг? — переспросил я с некоторым, правда, запозданием. Водка ударила по мозгам с какой-то бронебойной мощью.

— Ну да. — Заг сощурился и замотал головой — тоже, видать, осмыслял выпитое. — Не то ведь и с ума сойти недолго...

Я бросил быстрый взгляд на стонущего на полу Гусака. Вот кто у нас был главным кандидатом на схождение с ума. После Чена.

— Тогда — представь, Заг. Вот завтра вернемся на Декстра Порту. Нам дадут увольнение, и мы с тобой дернем прямиком в сауну. Там возьмем по пузырю пива...

— Слушай, Серж, — довольно резко перебил меня Заг. — Давай не будем про «завтра». Сомневуха меня берет, что оно вообще наступит... Не разговор, а переводня хороших слов...

Я сразу заткнулся. Черт возьми, Заг был прав. При слове «завтра» у меня самого начинало тоскливо ныть сердце.

И сомневуха меня тоже брала. С первых же минут здесь меня сверлило предчувствие, что катер «Кленовый лист» — последнее место, где мы с Загом можем взять себе «по пузырю».

Наши с Загом глаза встретились. Одновременно с этим моя понятливая рука потянулась к бутыли «Первака». Мы выпили по второй. И тоже молча.

— Тогда говори ты, — предложил я. — А то и правда непорядок. Мы с тобой на базе все больше рожи друг другу драили. А поговорить так времени и не нашли...

— Это потому, что ты мне казался каким-то придуренным, типа как отморозком... — пояснил Заг.

— Ну спасибо, — буркнул я.

— Теперь не кажешься. После всего этого, — успокоил Заг. — А что, ты правда русский?

— Наполовину. Моя мать русская. Майор спецназа, между прочим. А отец — для простоты можно сказать, что голландец.

— Значит, ты должен знать, что такое «Первак». Это же русская водка? — спросил Заг, указывая на початую бутыль.

— Конечно, знаю! — соврал я. Надо сказать, это вранье для самого меня было неожиданностью. Это потом я сообразил, что мне ужасно не хотелось разочаровывать Зага в последние минуты его жизни. — Первак Грозный — это такой русский царь.

— Царь? — недоверчиво сощурился Заг.

— Ну да. Такой древний царь, как Сталин. Этот Первак был очень жестоким мужиком. Покорял разные страны, даже Китай завоевал. Говорят, он лично придумал такую пытку, когда человека сажают в железного быка и накаляют этого быка на огне. А когда

человек внутри поджаривается и начинает орать, кажется, что это живой бык ревет-надрывается... Представь себе, Заг, моим древним предкам это казалось прикольным... Я читал, что человек поджаривается в таком быке за две минуты...

— Это как в экоброне, когда термозащита в отключке, что ли? — выдвинул гипотезу Заг.

— Ну, примерно так. За свою жестокость Первак и получил прозвище Васильевич, — ввернул я.

Заг посмотрел на меня по-новому, вроде как с удвоенным уважением.

— Родился на Земле? — предположил он.

— А то! — дружелюбно оскалился я.

— Я так и подумал. Уж больно ты умный. Завидую, — сказал Заг и потупился.

— Постой, что значит «завидую»? — Я не понял.

Когда-то я своими ушами слышал, что Заг — землянин, американец, оттого и «Дакота». Зигфрид даже шепнул как-то по секрету, будто Заг такой упертый шовинист, что даже трусы у него цвета национального американского флага. Красные, что ли?..

— Да то и значит, что завидую. Белой завистью. На самом деле я ведь не на Земле родился. А на станции возле Бетельгейзе. Называется «Шао-Линь-8».

— Но как же идентификационная карта? Там же написано...

— Ну да. Мои родители-то сами земляне. Отец как раз из Дакоты. Из Северной. Когда мои родители женились, они поехали навестить моих бабку и деда, у них там ферма была. На той ферме родаки меня и заделали... — хохотнул Заг. — А потом улетели обратно, на Бетельгейзе, талеры им нужны были до зарезу. Я там и родился. Но они попросили доктора написать, что я родился еще на корабле, разницы там — всего три дня. А корабль-то был американский. Тоже из Дакоты. Северной. Типа родился я на американской земле. Ну доктор и сделал такое им одолжение. Типа как подарок мне на день рождения...

— А-а... Понятно... Но, знаешь, по-моему, разницы особой нету... На Земле, на Центавре, на Бетельгейзе...

— Это ты думаешь, что разницы нету. Потому что у тебя есть родина. А у меня родина, выходит, какая-то консервная банка улучшенной планировки. Вот завтра решат, что станция неперспективна. Законсервируют ее или еще хуже — в Бетельгейзе загонят, чтобы не болталась понапрасну, пилотов не пугала. И не будет у меня родины вообще никакой...

Чтобы как-то замять неприятную тему, я разлил по третьей.

К счастью, из видеоокна слева от нас не было видно абсолютно ничего, кроме звезд. Он был сейчас ориентирован в полностью противоположный Глокку октант космоса. Еще одной неприятной темой для разговора меньше...

— Так что, ты там в этом «Шао-Лине-8» всю жизнь и просидел?

— Типа того. Ну, бывал еще кое-где. На Марсе был один раз — деньги лишние тогда водились...

— А девушка у тебя там имелась? — Я все пытался нащупать какие-то жизнеутверждающие темы для разговора, психоаналитик хренов.

— А как же! — сразу оживился Заг и тут же пригладил волосы, будто девушка ждала его прямо здесь, в аккурат за дверью в двигательный отсек.

Его смуглое лицо расцвело в довольно бесстыдной улыбке. Я сразу заметил, что на нижней челюсти Зага не хватает двух зубов. Видать, остались скату в качестве сувенира. Как шутили у нас на курсе рукопашного боя, «итоги операции: минус два». Впрочем, чего ему — фарфор...

— Как ее звали? Твою девушку?

— Лилиана, — произнес Заг, смакуя каждый звук.

— И где она теперь?

— Да там осталась. На «Шао-Лине-8». Она там работает. Младшим координатором системы жизнеобеспечения. Кофе разливает, на связи сидит, начальнице, лесбе старой, спину массирует...

— Перезваниваетесь?

— Ясный перец! На той неделе по видеосвязи с ней чирикал. Поправилась моя Лилечка, но так, немножко. Мне так даже больше нравится. Завивку сделала, покрасилась, блузка такая на ней была, с вырезом. — Заг показал, какой именно вырез был на блузке, получилось, что вырез довольно-таки порнографичный. — Сказала, что начальство ее послало в командировку. На Большой Ариман. Типа контролировать сборку новых систем биофильтрации. Есть такая планетка в тройной системе КР-11. Оттуда и звонила. Говорит, жарища там такая, что кондиционеры не выдерживают, текут...

— Известное дело... — поддакнул я.

— Вот дадут мне увольнение — так я сразу к ней мотну. Она говорит, что без меня просто подыхает! — старательно скрывая распирающую его гордость, сказал Заг. — Ну, я тоже за ней соскучился. Она в постели знаешь какая? Огонь! С ней не заснешь! Может, думаю, как отслужу — женюсь на ней. Уедем с этого траханого Шао-Линя на Землю. Хочу назад, в Дакоту! Человеческой жизни хочу!

— Значит, это у вас серьезно?

— А ты как думал — у нас любовь! — Заг поднял вверх указательный палец. Лицо его сделалось пунцовым от выпитого. А может, это была запоздалая реакция кожи на атмосферу Глокка...

— Ну а у тебя как с этим делом? Я имею в виду, с бабами?

Мы снова выпили. Водка привычно обожгла горло и медленно соскользнула в желудок.

Надо сказать, цель была достигнута. Ни я, ни Заг больше не помнили о том, что мы — на волосок от смерти. Что наш катер могут распылить в любую секунду. Что там, на той стороне планеты Фратрия-4, нас ждет та же самая, хорошо знакомая мадемуазель с косой наперевес.

От водки или просто от психического изнеможения мы с Загом сделались по-хорошему равнодушными.

И даже на Чена мне стало совершенно наплевать — я больше не оборачивался в его сторону. Пусть смотрит в свою стенку сколько влезет.

И Гусака я жалеть тоже перестал. Я знал: ему по крайней мере не больно.

Лишь одна вещь меня по-прежнему беспокоила, невзирая на водку. А именно: судьба найденыша. Интересно, какие сны он видит в своей теплой гибернации? Кто его мама и папа? Неужели кто-то из тех синерожих утопленников из Копей Даунинга?

— Эй, Серж, ты вообще что, на связи?

Благодаря Загу я быстро всплыл со дна своих незатейливых мыслей на поверхность разговора. Заг активно тряс меня за плечо, перегнувшись через стол.

— Конечно, на связи! Просто задумался. Так о чем мы там?

— О бабах.

— Ах, ну да... — Я хлопнул себя ладонью по лбу. — Короче, была у меня девушка, Заг. Красавица невероятная. А умная, так вообще как бес! Северина Стаковски-Кинджер ее звали.

— Красивое имя — Северина. Редкое, — заценил Заг.

— Ну да. Мы с ней встречались ровно две недели. Но это были лучшие две недели в моей жизни, чем хочешь могу поклясться! Влюблен я был в нее по уши. Она на Эсквемелине была в составе правительственной инспекции по разумным негуманоидам. А у нас возле Верона Нова там таких было до чертей и больше. Мы их «ежиками» называли.

— Типа хурманчей, что ли?

— Плюс-минус. Только ростом поменьше, пошустрее и трусливые невероятно. И — *не* гуманоиды. Перекатывались, как ежи...

— Да ты не отвлекайся, — вставил Заг и подпер щеку ладонью. Чувствовалось, что мой рассказ его увлек. Я всегда подозревал, что Заг в душе романтик...

— Ну и вот... Мы познакомились, когда меня отрядили ее на скутере отвезти на газодобывающую платформу, совсем близко от нашей основной. Оттуда прекрасно видны были островки, на которых эти гады, «ежики», свои брачные дела устраивают. Содружество в лице Северины хотело знать, не нарушаем ли мы права «ежиков». Проще говоря, не мешаем ли мы им трахаться этой нашей газодобычей.

— И что? Проверили, как там справедливость?

— Проверили. Но мне тогда было не до «ежиков»... Когда она сзади меня на сиденье скутера уселась своей аккуратной поджарой попкой, когда она прижалась лицом к моей спине и обхватила меня сзади своими ласковыми лапками, чтобы не свалиться, у меня все внутри перевернулось. Мой член стал величиной с вышку гиперсвязи! И я понял, что если в лепешку не расшибусь, чтобы завоевать хотя бы один ее поцелуй, то буду последним пидором нашей Галактики...

— И что, дошло у вас до этого?

— Хм! — Я глянул на Зага очень самодовольно. — Правда, только в последний день. Ей уже уезжать надо было, когда она наконец решилась. Я ее, конечно, умолял погодить. Заклинал красотами Верона Нова, своей любовью... Она своему начальству и говорит: «Мне нужно остаться хотя бы на пару дней». А они ей — категорический отказ. Сволочи! Твари! Срочно, мол, необходимо ваше присутствие, госпожа Северина. Обстоятельства, мол, на планете Хрен С Изюмом чрезвычайные. Содружество должно вынести решение... И все в таком же духе, ну ты понимаешь...

— Ясен пень! — мрачно отозвался понятливый Заг.

— На посадке моя зайка плакала так, что у меня сердце напополам раскалывалось. Все коллеги-инспекторы на нее смотрели в три глаза. Типа она же у них начальница была, главный специалист. А тут — рыдает, как девчонка... Я даже помню, как тот проклятый корабль назывался — «Ривадавия».

— И что?

— Корабль из подпространства не вышел. Говорят, какие-то неполадки были с МУГ-конвертером*... Меня еще утешали, что типа по статистике из тех кораблей, что заходят в подпространство, гиб-

* МУГ — масса-ускорение-гравитация. МУГ-конвертер — основа энергетики межзвездного корабля и одновременно компенсатор значительных перегрузок, возникающих при маневрировании и движении по разгонному треку перед проколом Альбертовой сетки пространства.

нет один корабль из пятисот четырнадцати с половиной... Будто мне от этого легче... — Я сглотнул сопли.

— Ё-моё! — взвыл Заг. По его пунцовой щеке ползла пьяная слеза.

Из-за кулис моего рассказа снова показалась безносая рожа мадемуазель с косой наперевес.

Я разлил еще водки. Получилось почти по полному стакану, но мы не отливали.

А потом Зага вырубило прямо в кресле — он заснул, положив голову на стол.

А я остался «в сознании». Правда, в весьма относительном сознании — где-то на два балла по десятибалльной шкале Вилбера.

Мои мысли разбегались в разные стороны, как мыши, но я не переживал.

Я уже вообще ни о чем не переживал.

У моего переносного переживающего устройства душа-17-ПРС (персональная) был полностью выработан ресурс.

Конечно, я сразу догадался, что Заг соврал мне про свою Лилиану...

В отличие от Зага, предпочитающего «Глобальным Вестям» спортивные каналы, я знал, что гигантская удушливая планетища под названием Большой Ариман, куда начальство якобы послало Лилиану в командировку за системами биофильтрации, вот уже полгода как успешно пережила климоклазм, виртуозно обустроенный скатами после отвоевания планеты у Содружества.

И теперь на Большом Аримане, собственно, как и на Эсквемелине, тишь, гладь и скатья благодать. И уж точно никаких систем биофильтрации там не производят. Плевать скатам на биофильтрацию!

И сам я наврал насчет Северины...

Да, была у нас одна такая — только звали ее Доминика. Действительно инспектор. При воспоминании о тонких чертах ее лица, о грации ее движений у меня до сих пор внутри теплело.

Но она никогда не подходила ко мне ближе чем на два метра! Да и видел-то я ее всего четыре раза — даром что помню эти случайные встречи поминутно!

Увы, дружище Заг, такие изысканные девушки, как госпожа Доминика, не интересуются недоразвитыми монтажниками. И между собой называют их «одноклеточными» и «кобелями». А монтажникам социальная справедливость предоставляет богатый выбор между проститутками, официантками, школьницами, еще не пропетрившими, что почем, и такими же, как они сами — монтажниками.

Итак, ни Лилианы, ни Доминики не существовало в природе. Но какое это имело значение в свете ближайшего локального апокалипсиса в виде неизбежного энергетического коллапса нашего катера?

На этой радостной ноте я закрыл глаза...

Смерть — это очень капризная девушка. Смерть приходит, только когда *она* хочет, а не когда ты ее ждешь. Так было и в этот раз.

Я открыл глаза от того, что за шиворот моего комбинезона тонкой струйкой лилась вода. Причем лилась уже не первую секунду. Ручеек вытекал из правой штанины комбинезона и устремлялся в ботинок.

— Что за херня? — пробурчал я, осматриваясь.

Я сидел в том же кресле того же офицерского отсека, в котором и заснул. Пара пластиковых стаканчиков валялась на полу.

Пустая бутылка смотрела на меня своим единственным глазом.

Заг проснулся раньше. Он сидел напротив меня, тупо пялясь в одну точку. Из уголка его рта невзначай капала слюна.

«Если его сфотографировать, получится неплохая иллюстрация для «Пособия начинающего нарколога». К разделу «Похмельный синдром. Острая и подострая формы», — подумал я.

Только тут до меня дошло, что комбинезон на мне полностью мокрый. Я с трудом поднял глаза.

Надо мной стоял Чен. Он прижимал к груди пятилитровую емкость с питьевой водой. Такие же, только горлышком вниз, составляли неотъемлемую деталь обстановки всякого десантного отсека.

На дне бутыли плескалось что-то около литра жидкости.

«Значит, остальные четыре пошли на купание нас с Загом», — догадался я и тупо уставился на пол. И правда — там стояла лужа.

Прошла минута, и мои органы чувств окончательно пробудились. Сразу выяснилось, что в отсеке ужасно холодно — почти как в Копях. Меня сразу бросило в дрожь.

Словно бы вторя моим мыслям, Заг вслух удивился, как это лужа под ним еще не заледенела.

— Что происходит, Чен? — спросил я севшим со сна голосом. — Ты разве не в курсе — воду надо экономить!

— Решил вас разбудить, — отвечал Чен, опуская емкость на пол. По лаконизму этот ответ не знал себе равных.

— Зачем это? Пьяным сдохнуть гораздо приятнее... — возмутился Заг.

— Сдохнуть отменяется, — неохотно процедил Чен.

Мы с Загом переглянулись — что это он имеет в виду? Вроде бы холодина в командирском отсеке красноречивее всего свидетельствовала о том, что наш конец близок.

Холодина — это значит бортовой милитум перевел энергосистему в аварийный режим. Аварийный режим — это значит топить не будут. То есть будут, но очень и очень мало. Как раз столько, чтобы мы не сдохли сразу...

А еще холодина означает, что мы больше никуда не летим, а просто висим в пространстве над «безопасной» стороной планетки Фратрия-4. А наш милитум орет на полкосмоса: «Спасите наши задницы!» Только после всего, что случилось на Глокке и поблизости от него, едва ли найдется кто-то, кому будет до наших задниц дело. Но, строго говоря, это уже к холодине не имело отношения...

— Чен, скажи мне, что это значит — «сдохнуть отменяется»? — спросил я, с трудом разминая затекшую шею.

— Это значит, что наш катер кто-то затягивает в свою док-камеру, — бесстрастно ответил Чен. — Минут двадцать назад милитум сказал...

Мы с Загом снова переглянулись. Но теперь на наших лицах вместо отчаяния и недоумения отражались совсем другие эмоции.

Похмелье враз как рукой сняло. И притом без всякой химии!

А еще я подумал: «Господи, какой же этот Чен тормоз!»

— Чен, что это значит — в чью-то док-камеру? В чью это? — Радость была настолько нежданной и настолько оглушительной, что, как обычно, хотелось скрыть свое ликование за интересом ко всяким малозначимым деталям.

— Я знаю об этом корабле только то, что называется он «Корморан».

— Это же фрегат! — проявил сообразительность Заг.

— Первый раз слышу про такой, — бесцветным голосом сообщил Чен и уселся в свободное кресло.

— Выговор тебе с занесением, Чентам Делано Амакити. Нужно было лучше учиться, — прохрипел из своего угла сержант Гусак, и мы все застыли как громом пораженные. Кто как, а я в глубине души был уверен, что капут нашему свирепому Милошу...

А потом мы все четверо, прилипнув к видеоокну, с замиранием сердца наблюдали за тем, как великодушно распахивается ярко освещенная утроба корабля, как ворочают своими хлопотливыми конечностями стыковочные серверы «Корморана»...

О, в тот день было на что поглазеть. Увы, ни у кого из нас не было сил кричать от радости и удивляться...

Я взял капсулу с безмятежно окуклившимся найденышем и шагнул навстречу четверым людям в форме флаинг-офицеров Флота Большого Космоса.

И тогда я подумал, что, возможно, если бы не этот малыш, смерть не стала бы миндальничать с пушечным мясом вроде меня, Зага, Чена и сержанта Гусака.

Глава 4

Я ПОПАДАЮ В ТОП-10

Несчастная любовь — украшение любой биографии.

Александр Зорич

Стоило мне добраться до теплой койки, как мною овладела апатия. Я больше ничего не слышал и слушал. Никому не отвечал. Говорят, следующие двое суток в госпитальном отсеке «Корморана» я только и делал, что ел и спал. А выспавшись, снова наедался до отвала и укладывался дрыхнуть...

— Типичный травматический синдром! Вот увидишь, через несколько часов сменится маниакальной гиперактивностью!

— Да нет же, я тебе говорю! Это гипоактивность наступила как следствие стрессового перевозбуждения...

У моей койки шептались двое молодых интернов. Иногда к ним присоединялся доктор Леви — высокий худощавый человек с широкой лысиной, признаком большого ума.

Я делал вид, что никого не узнаю. Это давало мне преимущество — я мог не здороваться.

Моя «гипоактивность», впрочем, совершенно не мешала банде медиков использовать меня в качестве подопытной морской свинки — меня облепили датчиками, как рождественскую елку шарами. Но я не возражал. На самом деле я был настолько доволен жизнью (именно жизнью — тем, что жив!), что даже операцию на яйцах, наверное, перенес бы без ропота.

А вот от психосканирования я наотрез отказался. Правда, это было уже несколько дней спустя на нашей оперативной базе Декстра Порта.

Доктора «Корморана» настолько свыклись с моей молчаливостью, с моей прожорливостью и сонливостью, что когда я по прибы-

тии на внутренний рейд Декстра Порты самостоятельно отстегнул все датчики, встал, надел комбинезон и довольно многословно поблагодарил их за заботу, они просто языки проглотили. От неожиданности. Интересно, они думали, что на Глокке я заразился болезнью Дауна?

Любезное предложение доктора Леви выдать мне направление в пехотный госпиталь я решительно отверг. Не надо было мне их «одолжений». Сачковать службу в мои планы не входило.

— Ну, как хотите, — прогнусавил интерн по имени Виктор. Он явно не понимал, отчего я так рвусь в бой.

— Тогда счастливого пути, — пробормотал доктор Леви, озадаченно чухая лысину. — Я, между прочим, слышал, что вас, молодой человек, представили к награде. К «Огненному Кресту». Как спасшего командира отделения и ребенка.

Я тоже это слышал. От Зага, который приходил меня навестить. Но я сделал вид, что удивлен.

— Кстати, а что с тем ребенком, которого я спас?

— Мы благополучно открыли капсулу теплой гибернации.

— И что?

— Ничего. В смысле, оказался здоровым, жизнеспособным...

— ...мальчиком?

— Девочкой.

— А родители нашлись? Вы уже связались? Выяснили? — не отставал я.

— Ну... — замялся Виктор, — я, конечно, делал запрос. Но пока никакой информации нет. Детей с соответствующей ДНК-матрицей в базе данных Копей Даунинга не значится. Впрочем, это ни о чем не говорит. Скорее всего информация, которая была мне доступна, уже устарела. Может быть, родители вместе с ребенком прибыли на Глокк незадолго до катастрофы. Их, как положено, зарегистрировали, только данные не успели покинуть информационную систему Копей. Вы же знаете, как это бывает... Кроверны сбили спутники протокола или еще что-нибудь в этом духе...

— Ну дела... — Я, честно говоря, опешил.

— Но вы не волнуйтесь, молодой человек, — увещевал меня доктор Леви. — Думаю, на базе в два счета разберутся. У них и средства имеются, и каналы связи получше...

Чувствовалось, что судьба ребенка тут мало кого волнует. Про себя я такого сказать не мог. После стрекошвеек, после вод из поднебесья этот ребенок, то есть эта девочка... в общем, я даже немного разозлился.

— И что с ней теперь будет?

— С кем?

— Ну... с девочкой?

— Обычным порядком. Отправим ее в госпиталь флота. А там пусть разбираются... Там у них есть специалисты. Должны быть.

— То есть вы ее просто с рук спихнете — и все?!

— А вы, молодой человек, предлагаете мне ее здесь оставить? — с издевкой спросил доктор Леви. — Может быть, мне ее выкормить собственной грудью?

Я потупился. Он, конечно, был прав. С обычной точки зрения.

— Знаете, тогда давайте мне. Я хочу сам отнести ее в госпиталь, — постановил я.

Все трое театрально вылупились на меня, будто я предлагал им прямо так, прямо тут заняться групповым сексом.

— Какие-то проблемы? — переспросил я.

— Любые проблемы. Какие только скажете, — изрек доктор Леви. У него даже лысина покраснела. От работы мысли. — Начнем с того, что это воспрещается уставом Медицинской Службы.

— Что именно воспрещается?

— Передача детей посторонним лицам.

— «Посторонним лицам»? — взвился я. — Да если бы не я, малышка сейчас дрейфовала бы в своей капсуле по лабиринтам Копей Даунинга наподобие брошенной подводной лодки. Капсула, рассчитанная на сто восемь часов, уже прекратила бы работать, а даже если бы не прекратила... Кто ее нянчил бы? Кроверны? А может, меоравиоли?

— Да разве ж я спорю... — отозвался доктор Леви. — Но ведь устав есть устав... Вы — постороннее лицо. Вы не родственник, не опекун...

— А откуда вы знаете, что я не родственник?! Вы ведь даже имени ее не знаете!

— Да что вы так кипятитесь, молодой человек?

— Потому что я чуть не сдох там, на Глокке, из-за этой девчонки. Я носил ее на животе, как беременный, когда в меня стреляли из всего, что стреляет! Я чуть не погиб при старте нашего катера, тоже из-за нее. И я хочу знать, что с ней будет! Мне необходимо знать, что я не напрасно рвал свою задницу, чтобы вылезти из той мясорубки! Я хочу знать хотя бы, как ее зовут!

— Если это станет известно, вам непременно сообщат, — вставил словцо второй интерн.

Я покраснел и медленно сжал кулаки. Больше всего мне хотелось залепить этому молодцу в лоб. Чтоб знал, как умничать. А потом и доктору, чтобы меньше думал про устав.

Доктор Леви быстро понял, чем пахнет.

— Хорошо. Будь по-вашему. Пусть на моей совести будет значиться лишнее нарушение устава, — сказал он и добавил: — Виктор, принесите девочку.

Так я и вышел в холл Третьего терминала космопорта — с девчонкой на руках.

Доктора напялили на нее ушитый серебристый комбинезон самого маленького размера, какой смогли найти. Такие, слыхивал, держат на кораблях Космофлота для хурманчей. Ну, по-любому ее маленькое тельце болталось в этом комбинезоне, как палец в кармане пальто. Зато на плече комбинезончика красовалась крохотная надпись «Корморан».

Девчонка лопотала что-то невнятное и жадно смотрела по сторонам своими лучезарными васильковыми глазами, то и дело норовя ухватить меня за ухо. В тот момент, когда единственной выжившей обитательнице Копей Даунинга удалось осуществить свою маленькую мечту, на меня насели репортеры...

— Немедленно снимай! Посмотри, какой кадр! Солдат со спасенным ребенком!

— Это вы — Сергей ван Гримм?

— Не могли бы вы посадить ребенка на правую руку? Чтобы было видно ваше лицо?

— Что вы думаете о боеспособности армии Содружества после катастрофы на планете Глокк?

— Скажите, сколько щупалец у настоящего кроверна?

— Считаете ли вы себя героем?

Поначалу я пытался отвечать по существу...

Потом я пытался отвечать кратко...

В конце я пытался просто что-то отвечать...

Но когда моя девчонка начала тихонько хныкать, испугавшись этих информационных гогов с магогами, я довольно беспардонно растолкал говорливых долбодятлов и надушенных пигалиц локтями и пошел своей дорогой.

Отойдя на безопасное расстояние, я обернулся.

Чен Молчун как раз выходил из свинцового капонира службы биоконтроля. Естественно, весь этот беспрерывно болтающий муравейник двинулся к нему, старательно вытягивая навстречу новому герою щупальца трехмерных сканеров.

— Кажется, они не на того нарвались, а, красавица? — спросил я у моей девчонки, указывая головой в сторону Чена. Я был совер-

шенно уверен в том, что уж кто-кто, а Чен не скажет им ни одного слова.

Ребенок, словно бы понимая, о чем я, ясноглазо улыбнулся и проагукал мне что-то на своем младенческом диалекте интерлингвы.

В госпиталь флота я, конечно, не пошел — пусть там лечатся эти флаинг-придурки.

А пошел я в свой родной, пехотный госпиталь. И хотя моя девчонка вроде бы к пехоте не относилась, я чувствовал, что там ей будет лучше.

— Меня зовут Аля Лаура Омаи. Меня назначили лидер-врачом вашей девочки. Я только что прочла ее файл с «Корморана». Конечно, я постараюсь сделать все, от меня зависящее, чтобы побыстрее отыскать ее родителей или хотя бы дальних родственников. А до выяснения личности она будет находиться в «желтом» отделении под моим присмотром.

— А если личность так и не выяснится?

— Не может этого быть! Думаю, к завтрашнему утру мы будем знать о ней все.

— Значит, мне можно будет завтра утром зайти?

— Конечно, можно. А сейчас, уважаемый господин...

— ...Серж. Серж ван Гримм, — подсказал я, пожирая ее глазами.

— Да-да, господин ван Гримм. А сейчас я должна вернуться к исполнению своих прямых обязанностей.

— А можно я еще сегодня вечером заскочу? Может, что-то уже выяснится?

— Если это так для вас принципиально — заходите, — бросила уже на ходу Аля Лаура.

Она ушла, а я остался стоять у входа в приемное отделение. Истукан истуканом. Таких красивых женщин я видел раньше только по видеокубу. А вживую — никогда.

Волосы до плеч, чудо из густого солнечного цвета.

Каштановые брови — как две норовистых кометы.

Даже не намекающие на чувственность губы. Губы, равнодушные к поцелуям.

Взгляд сразу в душу.

От такого взгляда, я думаю, млеют даже киборги. Вот что это за взгляд.

Походка доктора Али Лауры Омаи была быстрой, подлетающей, пластичной. Я буквально слизывал взглядом ее тень, бежавшую за ней по больничному коридору.

Мне хотелось расхохотаться. Или заплакать. Или застрелиться тут же, от невозможности преодолеть разделявший нас стеклянный барьерчик.

То есть физически я-то мог перескочить через этот барьерчик. Или, например, разбить стекло.

Но я совершенно твердо знал: это не приблизит меня к Але Лауре Омаи ни на сантиметр. Я вспомнил плешивого доктора Леви. Какими все-таки разными бывают доктора!

В душе у меня все перевернулось. Мне даже начало казаться, что весь этот Глокк — не впустую. Пройти через ад было необходимо, чтобы в конце концов оказаться в приемном отделении.

На негнущихся ногах я вышел из госпиталя. И сразу же попал в железные лапы к нашим особистам...

Эти сволочи хотели знать все. Как любил напевать мой папа, монстр военной инженерии,

From my first cigarette
Till my last dying day.

Пожалуй, офицеры Особого отдела были даже хуже журналистов.

— Где и при каких обстоятельствах вы познакомились с человеком, выдававшим себя за Чаку Дюмулье?

— На каком основании сержант Гусак передал вам командование взводом?

— На чем основывается ваша уверенность в том, что вы ранили кроверна?

— Как именно вам удалось достичь пехотного катера?

— Не кажется ли вам странным повышенный коэффициент выживаемости вашего взвода?

Те же дурацкие вопросы. Только, в отличие от щелкоперов, растолкать особистов локтями мне не светило...

Когда я наконец выбрался на волю из кабинета капитана Арагве, меблированного в лучших традициях школы «пустого дизайна», была уже глубокая ночь. Навстречу мне топали рабочие третьей смены с красными от привычки к кофеиновой инъекции глазами.

Вроде любому нормальному человеку на моем месте было бы ясно: нужно идти в родную казарму и делать бай-бай. Но, видно, от нормального человека во мне осталось после Глокка всего ничего.

Итак, я снова отправился в пехотный госпиталь.

— Доктор Омаи? — спросил меня дежурный медбрат, сдерживая зевок. — Она в «желтой» палате. Ночное дежурство. Но туда нельзя! Там рядом операционный блок!

— Так будьте добры вызвать ее сюда!

— Не имею права. Ее приемные часы окончились. А дежурство началось. Она не имеет права покидать палату еще три часа.

— Что же мне делать?

— Ждать утра. Пока у нее снова начнется приемное время.

— А во сколько оно начнется?

— В двенадцать по местному.

— Ничего себе!

— Если хотите — можно здесь, на креслах прикорнуть. — У медбрата буквально слипались глаза; он и сам был не прочь «прикорнуть».

— Уж лучше тогда в казарму.

— Ну, мое дело предложить, — пожал плечами медбрат.

— Послушайте, — снова завел волынку я, щурясь от света лампбактериофагов. — Я Серж ван Гримм. Мне срочно нужно увидеться с доктором Омаи. Я тут кое-что узнал про найденыша, ребенка с планеты Глокк...

— Ван Гримм? Серж ван Гримм? — Сонливость медбрата как рукой сняло. Он заулыбался во всю пасть и даже вскочил с места. — Как я вас сразу не узнал? Я ж полчаса назад видел вас по кубику! Вы у нас теперь топ-десять недели! Господи, как я рад! Наш парень, простой пехотинец — и в «Глобальных Вестях»! Скажите, могу ли я вам чем-нибудь помочь?

Я понял, что нужно срочно осваивать роль героя, не то — прощай Аля Лаура! Если бы я знал, какую службу сослужит мне эта «роль героя»!

— Спасибо тебе, дружище, — прочувствованно сказал я. — А вообще, мне действительно требуется помощь.

— С превеликим удовольствием!

— Пропусти меня в «желтую» палату, — попросил я, доверительно подмигивая.

По настоянию братишки я посетил стерилизационный лучевой душ. Лишь после него, заручившись моим честным-пречестным словом, что я не буду никуда заходить по дороге, парень разблокировал стеклянную дверь в коридор, ведущий в ту самую «желтую» палату, и пожелал мне удачи.

Честно говоря, когда я шел по коридору, мое сердце стучало так, как не стучало, наверное, и в аварийном контуре Копей Даунинга.

Наконец, вот она, дверь. Я открываю ее. Вхожу.

Освещенный тусклым, канареечно-желтым светом с выраженным биостимулирующим эффектом зал. В зале — спящие дети. Кое над кем — купол. Кое-кто дрыхнет по-обычному, крепко обнявшись с плюшевым медведем.

Все сплошь — эвакуанты, ясное дело. Откуда бы еще взяться детям в *пехотном* госпитале, где до войны с кровернами место было только взрослым долбодятлам?

Вывезенные на десантных транспортах из-под удара кровернов. Спасенные во время контрударов вроде нашего. Не все ведь операции были такими провальными...

Найденные, в конце концов, на борту терпящих бедствие коммерческих звездолетов. Впрочем, нет, заговариваюсь. «Космические» найденыши обычно попадали под юрисдикцию Космофлота.

Где-то среди этих несчастных (и все равно чертовски счастливых — спаслись ведь все-таки!) ребятишек — моя девчонка.

А за стеклянным столиком у входа в палату сидит, то есть, скорее, лежит... Аля Лаура Омаи.

Ее правая щека покоилась на мануальном интерфейсе нейрокомпьютера. Золотые волосы тревожно разметались по плечам.

Меня невольно передернуло. Военно-полевой рефлекс: лежащий в необычной позе человек после Глокка в самую последнюю очередь ассоциируется со спящим...

Но прошла секунда, и я просто-таки залюбовался. Спящая Аля Лаура была такой привлекательной!

Ее длинные, густые каштановые ресницы безмятежно отдыхали на щеках, усыпанных веснушками. И как я умудрился не заметить этих одуванчиковых полей на щечках доктора Омаи, когда беседовал с ней днем?

Итак, доктор Омаи заснула на рабочем месте. Крадучись, я приблизился к столу и очень тихо встал рядом.

Размеренное, как прибой, дыхание. Я невольно заслушался.

Пожалуй, я простоял так минут десять, пока сообразил, что на столе находится нечто очень неожиданное.

Чашка с остывшим индюшачьим бульоном. Плитка минус-калорийного шоколада с обгрызенным краем на пластиковой тарелке. Карликовая орхидея, цветущая черными туфельками с оранжевыми стелечками, в гидропонной мензурке.

Да я поначалу глазам своим не поверил — белые, длинные пальцы девушки с коротко обрезанными розовыми ногтями покоились на корешке толстенной книги, раскрытой на середине и положенной корешком вверх!

Да, это была книга! Самая настоящая бумажная книга!

Странно было наблюдать эту музейную штуку в наше просвещенное время, когда каждый третий житель Содружества вообще не умеет читать (а остальные читают в основном только этикетки, если есть охота сэкономить на товарах в говорящей упаковке), на самом обычном столе. Это было как арбалет какой-нибудь приметить у сержанта линейной пехоты!

К счастью, я относился к двум третям «условно грамотных» граждан Содружества. Я медленно прочел название: «Человек без свойств». И фамилию автора: «Роберт Музиль».

Хотя на меня никто и не смотрел, мои щеки как по команде запунцовели.

Ни фамилия автора, ни название не говорили мне ровным счетом ничего. Вдобавок книга была не на интерлингве, как я привык. А на... немецком. Если бы мой отец не был голландцем, я бы вообще хрена с два понял, что там написано...

Ай да баран я! Ай да лох! А еще нос деру в компании Зага Дакоты...

Не знаю, до каких глубин самоуничижения я бы дошел в своем психоанализе, если б доктор Омаи вдруг не пошевелилась.

Я вздрогнул и уставился на нее, ожидая пробуждения. Впрочем, не знаю, чего в моем взгляде было больше — желания, чтобы она проснулась, или страха, что она действительно сейчас проснется.

Но Аля Лаура лишь тихонько застонала во сне и переложила голову с правой щеки на левую. Бугорки между клавиатурными сенсорами (их делали специально для того, чтобы могли печатать слепые и осязательно-ориентированные негуманоиды) отпечатались на щеке доктора Омаи дюжиной розовых шашечек.

Это было ужасно трогательно. До такой степени трогательно, что я до крови закусил нижнюю губу. Смесь тоски, желания и растерянности, забурлившая в моей душе, была невыносимо едкой.

В ту же секунду я принял решение: немедленно уйти. Поскольку сама мысль о том, чтобы разбудить сейчас Алю Лауру, показалась мне кощунственной.

А через четыре часа я снова сидел в кабинете капитана Арагве. На казенном языке все это называлось «доуточнением хода операции по субъективным данным».

— Кому именно пришла в голову идея использовать гравилафет в качестве транспортного средства?

— Почему вы называете «случайным» свой интерес к морозильной камере, где был найден ребенок?

— В отчете флаинг-офицера с фрегата «Корморан» говорится, что, когда вы вышли из катера, ваш комбинезон был мокрым. Почему?

И так далее, и в том же духе, чтоб они все передохли!

Если без эмоций, то особистов, как и всякую Божью тварь, можно было понять. Не так-то много нас, пехтуры, осталось в живых после Глокка.

С другой стороны, разве из этого следует, что я должен сканать в этом унылом кабинете, отвечая на двухсотый за сутки вопрос?

Я был настолько зол, что выложил капитану Арагве все, что думал.

— Не ожидал, что уровень сознательности наших рядовых настолько низок, — выдал мне на это капитан, демагог чертов. — А ведь вас еще к «Огненному Кресту» представили!

— Не понимаю, сениор, при чем здесь одно к другому, — буркнул я.

Капитан, видимо, тоже не понимал. Поэтому постарался перевести разговор на другую тему. Разве что интонация осталась укоряющей.

— В таких архаических методах, как прямой опрос, не было бы никакой необходимости, ван Гримм, если бы вы дали свое согласие...

— ...на психосканирование, — с ехидцей подсказал я.

— Совершенно верно!

— Только, сениор, я его не дам.

— Почему?

— Потому что шесть месяцев назад мне уже делали психосканирование, сениор. После того, как Эсквемелин превратился в заповедник скатов... А я свой мозг не на свалке нашел. Сканировать представителя расы Т чаще одного раза в три года запрещено Медицинской Службой.

— Я не знал, что на Эсквемелине вы...

— Это ложь, сениор. Эта информация проходит в моем личном деле под грифом «Важно». Вы обязаны были прочитать хотя бы раздел «Важно» перед тем, как приступить к беседам со мной.

Капитан Арагве сидел напротив меня и флегматично двигал желваками. Как и всякий самоуверенный человек, он не любил, когда его уличают во лжи. Особенно когда уличитель — гораздо ниже по званию...

— Вы свободны, — наконец выдавил он.

Я вышел из кабинета Арагве, не испытывая никакого раскаяния. Хотя если бы я тогда знал, что нажил себе врага, то, наверное, раскаялся бы.

Вообще говоря, до Глокка я никогда бы не решился сказать капитану «это ложь, сениор!». Но после аварийного контура... После контура я был готов обложить матом хоть адмирала.

Что же до психосканирования, так от одной мысли о нем меня тянуло блевать. И вообще, я заметил, чем более высокого ранга перед тобой персона, тем больше у нее охоты залезть в твои мозги по самые локти. А вот дудки! Нет моего согласия — и никогда не будет!

А может, я был таким смелым потому, что знал — скоро я снова увижу Алю Лауру Омаи.

— К сожалению, ничего нового о вашей девочке мне узнать не удалось, — сообщила Аля Лаура. Личико у нее было невыспавшееся и, наверное, поэтому казалось строгим.

— Что же делать? Может быть, направите запрос еще куда-нибудь? — не отставал я.

— Честно говоря, даже не знаю куда. По-моему, нам нужно остановить поиски на какое-то время. Это все равно что биться головой о стену. Я направила детальный запрос в Бюро Розыска. Но оттуда ответят не раньше, чем через неделю. Из-за этих проклятых кровернов у них работы невпроворот. Все ищут всех!

— Что ж, выходит, моя девочка неделю будет безымянной?

— Знаете...

— ...Серж, — подсказал я. Ну когда она запомнит мое имя?

— Да-да, Серж... Если вас это смущает, вы можете пока назвать ее сами. Мне и самой не нравится звать ее IL-RR-67.

— Что это за имя такое? — скривился я.

— Это просто внутренние аббревиатуры, они говорят об отсутствии сложных имплантатов, о типе обмена веществ и реакции на инфрабиотики, а 67 — это так называемый индекс здоровья по стобалльной педиатрической шкале. Помимо этого, было бы нелишним присвоить ей индекс UP.

— Индекс?

— Этот индекс означает, что девочка ультрапсихосенситивна. Интенсивность излучений ее мозга во много раз превышает средний показатель не только для детей, но и для взрослых.

— Это значит, умная девчонка будет, когда вырастет, да? — предположил я.

— И умная тоже, — увлеченно откликнулась Аля Лаура. — Понимаете, очень редко случается встретить такое пси-поле у гуманоида. Единственное, что меня останавливает, это моя совесть. Если ей действительно присвоить этот индекс, ее тут же поставят на особый учет. Поскольку таких детей, как, впрочем, и взрослых, очень мало. Боюсь, нашу малышку просто затаскают по всяким лабораториям — будут исследовать, что к чему. Вы же знаете эти басни про эсперов?

— Слыхал краем уха. Но, честно говоря, я в них не очень-то верю.

— Я тоже, в том-то все и дело. Но поиском эсперов, особенно после начала конфликта с кровернами, заняты очень высокие инстанции. — При упоминании «инстанций» выражение лица Али Лауры стало по-детски беспомощным. — В общем, девочку жалко. А наука и без нее переживет. Так что лучше бы ей зваться просто IL-RR-67 — без всяких добавочек.

— Все равно ерунда какая-то. Человека должны звать по-человечески. А потом, если выяснится ее настоящее имя, мы это просто вычеркнем. Так же?

— И что же вы предлагаете?

— Северина. Северина ван Гримм... — выпалил я.

Я принял это решение еще по пути в госпиталь — мне как раз вспомнился наш «откровенный» разговор с молодчиной Загом на борту катера. Должна же быть в моей реальной жизни хоть одна Северина?!

— Неплохой выбор. Я бы даже сказала — с большим вкусом!

Я с замиранием сердца отметил, что впервые за все время нашего знакомства она посмотрела на меня с одобрением. Это прибавило мне смелости.

— Может, выпьем чего-нибудь? Я имею в виду, бульона? Или, может, горячего вишневого сока?

— Знаете, это неплохая идея, — ответила Аля Лаура.

У меня от неожиданности отвисла челюсть. Я не мог понять, чем заслужил такой подарок судьбы.

— У меня есть десять свободных минут, дорогой...

— ...Серж.

Мы сидели в пропахшем медикаментами кафетерии госпиталя. Рядом со мной дымилась чашка бульона. Рядом с ней — чашка чаю. Меня удивил ее выбор. Ну кто сейчас пьет чай? Едва ли можно найти напиток, столь же неактуальный... Впрочем, с книгой на ее столике это гармонировало. И даже очень.

Невдалеке от нас вещал видеокуб. Он был повернут к нам аналитическим каналом новостей.

В иное время я не упустил бы случая попялиться. Но в обществе Али Лауры мне даже в голову это не пришло! В отличие от доморощенной «аналитики», посмотреть на такую красавицу можно было отнюдь не каждый день.

А вот Аля Лаура тут же влипла — она даже не смотрела на вазочку с солеными крекерами, из которой ее проворные пальцы таскали

и таскали. Приходилось признать, что о моем обществе она не очень высокого мнения.

Не успел я отхлебнуть из своей чашки, как Аля Лаура всплеснула руками:

— Не могу поверить! Там же вас показывают! И IL-RR-67! То есть Северину!

Я нехотя оторвался от созерцания веснушек на ее точеном носике и повернул голову в сторону видеокуба.

— ...Вчера днем мы встретили нашего героя в космопорту Декстра Порта. Он показался нам немного рассеянным... — отчитывалась журналистка с переливающимися волосами, та самая, вчерашняя.

А потом снова показали меня.

Никогда не думал, что лицо мое настолько же далеко от симпатичного, насколько и от интеллектуального. Что нос у меня такой неровный, а лицо такое отечное. Что небритость смотрится на экране так омерзительно...

О ужас! Моя нижняя губа была выпячена вперед, а мою прическу в учебке наверняка назвали бы «ураганом в веганской сельве». Я что, причесаться забыл?

Мой комбинезон показался мятым и грязным. Но он ведь был чистым? Неужели эти гады в новостях чего-то там нацифрили-нахимичили?

В довершение всего оказалось, что моя девчонка самозабвенно дергает меня за ухо! Да уж, вид у меня и впрямь был «рассеянный» до комического. Форменный клоун! Но самое ужасное началось потом.

— Это правда, что ваш батальон погиб в полном составе?

— А-а... Да... нет... Это фигня какая-то... То, что вы говорите... Конечно, нет! То есть погибли почти все... Но чтобы уж в полном составе... Не-е... Ерунда... Я не знаю... Наверняка кто-нибудь выжил...

Я не узнавал своего голоса. Он был хриплым, низким, каким-то вязким, с пролетарской протяжкой. Это был голос настоящего тупого вояки. Настолько тупого, что даже не смешно. Настолько тупого, что даже слово «бравый» к нему не подходит...

— Как вам удалось найти ребенка на огромной территории Копей Даунинга? — спросила журналистка, и камера взяла крупным планом улыбающуюся мордашку Северины.

— Знаете, как оно бывает... Просто открыл холодильник... а там в морозилке она лежала...

— Ну вот, дорогие мои зрители. Улыбнемся же вместе с героем недели, рядовым второго класса Сержем ван Гриммом! А теперь — новости из системы Пелопоннес-К.

Замельтешил новый сюжет. Я молча лакал свой бульон и злился — проклятым журналистам удалось сделать из меня полного олигофрена. Наверное, таким и должен быть, по их мнению, «герой недели»...

Конечно, на телезвезду я не тянул, как ни крути. Но я точно помнил: прежде чем сказать про холодильник, я более или менее сносно объяснил, где этот холодильник стоял.

Но этим гадам не нужно было моих объяснений. Не нужно было никакой «информации».

Им требовалось сделать топ-десять, защитника Содружества, готового пожертвовать всем, чем надо, ради того, что надо... Только как объяснить все это Але Лауре?

— Это что, правда про холодильник? — как-то неприязненно спросила Аля Лаура после долгой паузы.

— Ну... до какой-то степени правда... — Я покраснел до корней волос.

— Что ж, очень занятно...

И тут удача совсем меня покинула. Моя красавица увидела кого-то у дальнего входа в кафетерий и приветственно замахала ему рукой.

Я присмотрелся.

В ответ Але Лауре сигналил мужчина в форме сквад-мастера бронетанковых войск, высоченный обладатель квадратной челюсти и новомодных тонких усиков.

Мое сердце наполнилось черным ядом ревности.

— Знаете, уважаемый...

— ...Серж...

— Ах да, Серж! Мне, пожалуй, пора. — С этими словами Аля Лаура вскочила с места.

— Послушайте, Аля Лаура, я хотел пригласить вас... — заторопился я. Со всей мыслимой нежностью я пытался удержать ее за локоть, облеченный в рукав лилового пиджачка.

— Об этом не может быть и речи, — строго сказала Аля Лаура и выдернула свой локоток из моих ласковых клешней.

— Но можно я тогда зайду вечером? Справиться про ребенка... Про Северину?

— Вся необходимая информация будет у дежурного медбрата, — отчеканила Аля Лаура. — Если вы мне понадобитесь, я сразу свяжусь в вами...

— Но, может быть, завтра вечером? Мой товарищ, его зовут Заг, говорил, что в варьете новая программа... — не унимался я.

Аля Лаура сверкнула своими бездонными голубыми глазами и воззрилась на меня с такой серьезностью, что я невольно поежился.

— Буду с вами откровенной, Серж. У вас нет никаких шансов. Совершенно никаких.

Вот это была новость так новость...

Глава 5

УВОЛЬНЕНИЕ НА МАРС

Когда в марсианских парках зацвели первые яблони, под ними уже дежурили шлюхи.

Жо-Жо

— Ваше имя?

— Ван Гримм. Сергей ван Гримм, — недовольно буркнул я.

Вот чего ненавижу, так это тупых вопросов. Можно подумать, в документах, которые мой собеседник как раз изучал на контроллере, нет моего имени.

— Номер идентификационной карты?

— Не помню. У меня новая. Не успел выучить.

— Что ж, к следующему разу выучите. Такие вещи нужно знать на память. — Мудила с нашивками рядового первого класса марсианских Сил Самообороны кивнул, не отрываясь от контроллера. — Длительность увольнения?

— Шесть дней.

— Цель визита на Марс?

— Сексуальный туризм, — не моргнув глазом, отвечал я.

Все это начинало меня раздражать. Я проливал кровь за этого тылового служаку, а он мне указывает, что мне «нужно выучить»! Да если сюда доберутся скаты, Силы Самообороны даже свои «Китежи» похватать не успеют, а уже глядь — что это за крылатые мальчики парят над облаками и что это за добрый дедушка со светящимся колечком над лысиной и ключами на поясе?

— Секс-туризм? Что вы имеете в виду? — вытаращился тот.

— То, что сказал. Приехал снять себе девушку или, может, нескольких.

— Видите ли, — задыхаясь от возмущения моей откровенностью, начал контроллер, — основным профилем моей родной планеты является реабилитация и активный отдых солдат и офицеров...

— Вы хотите сказать, сексуальный туризм — это пассивный отдых?

— Я хочу сказать, что есть специализированные колонии, куда вам следовало бы, учитывая ваш моральный облик...

— У тебя забыл спросить!

Я выхватил свою идентификационную карту из контроллера и решительно направился в зал для встречающих.

Цивильный космопорт — самое холодное место на любой планете. Можете мне поверить — на своем веку я их навидался. Даже когда среднегодовая температура на поверхности равняется плюс 150 по Цельсию, в космопорту только что изморозь на стеклах не выступает!

Почему так? А черт его разберет. Может, от близости Пространства у работяг, которые настраивают систему кондиционирования, не в ту сторону съезжает крыша?

Я поежился, поплотнее застегнул куртку, но уходить не уходил. Хотелось попрощаться со Спайком, который как раз проходил мимо того же морально озабоченного рядового-марсианина.

За Спайка я не беспокоился. Этот на вопрос о цели визита наверняка возьмет под козырек и гаркнет «Активное оздоровление, сениор!».

Правильный, в общем. Неудивительно, что танкист. В танкисты только таких и берут, лояльных.

Спайк и мне что-то такое весь полет вкручивал — про футбол, про общечеловеческие ценности. Благо у нас и сиденья, и капсулы были рядом. За весь полет он не выпил и бокала пива. Зато витаминизированный попкорн жрал как землеройка, целыми кульками.

Может, подозревал во мне сыскаря из Службы Внутренних Расследований? Приставленного его проверять? А может, и правда на моем мужественном лице нет-нет да и проскакивает какое-нибудь подленькое выражение? Кто знает...

— Ну что? Чего так долго? — спросил я, когда Спайк наконец вышел из-за турникета, волоча свой тяжеленный чемодан на воздушной подушке.

— Сениор рядовой первого класса спрашивал, что у меня в чемодане, — отрапортовал Спайк. — Сениору рядовому первого класса показалось подозрительным, что я захватил с собой полный комплект индивидуального спецснаряжения.

— Гм... Мне бы это тоже показалось странным...

— Видишь ли, Серж, после того, как кончится мое увольнение, я должен буду прибыть прямо на линию огня.

— Ты думаешь, там тебе спецснаряжения не дадут? Пожадничают?

Моя-то дорожная сумка вообще ничего не весила. Я даже гражданского костюма с собой не взял — решил купить что-нибудь помоднее на месте.

— Конечно, дадут! Но ведь свое-то я волокно к волокну, контакт к контакту сам перебирал. Я там все блоки лично тестировал. Ты представляешь, если перед лицом врага у меня откажет подсистема сканирования цели?

— Представляю... — вздохнул я.

На то, что бывает, когда перед лицом врага у тебя отказывает какой-нибудь жутко важный агрегат, я успел до не хочу насмотреться во время выбросок в учебной экоброне. Там сержанты дистанционно отключали нам все подряд, а милитум верещал, что это, дескать, результат меткой стрельбы противника. И все-таки вредно быть таким непроходимым занудой, как Спайк!

Мы подошли к выходу из космопорта.

— Ну и пейзаж! Ну и виды! — взвыл от восторга Спайк.

За распахнутыми воротами из мозаичного стекла сияло нестерпимой медью рукотворное термоядерное солнце. Гордость Марса, притча во языцех Раннего Освоения.

Солнце щедро заливало столицу Марса, Анаграву, жидким золотом. Элегантные стеклянные пирамиды города отвечали светилу помпезными отблесками, в которых смешивались все цвета космической радуги.

Эффектно, но глаза утомляет. Марсиане только что не спят в солнцезащитных очках. Неудивительно.

Эту ослепительную картину я имел счастье наблюдать не менее сорока раз (именно столько дней я совокупно пробыл на Марсе за свою недолгую жизнь) и потому особых восторгов не высказал.

— Красиво, правда? — не отставал Спайк.

— Правда, — кивнул я, хотя было ясно: танкист не знает, что значит слово «красиво».

— Счастливо тебе, Спайк! — Я сделал шаг в направлении стоянки кэбов.

Водилы постарше меланхолично почесывали репу в ожидании клиентов. Молодые азартно дрючили свои плай-стации.

— Если будет одиноко, заходи, погутарим, — предложил Спайк. — Заведение называется «Тихая пристань». Недалеко от космопорта.

Я дружелюбно оскалился на прощание. Только такой идиот, как Спайк, мог поверить, что пристань неподалеку от космопорта и вправду «тихая».

Хоть я и брякнул Спайку, что собираюсь сымпровизировать свой отдых, но на самом деле план у меня был. Я просто боялся, как бы дружелюбный и положительный представитель наших во всех смыслах непробиваемых бронесил не набился ко мне в компанию.

По четкости мой план значительно превосходил средний тактико-операционный лист вроде тех, что выдает на-гора наше родное командование.

План был таким: снять комнату в отеле «Счастливчик». Желательно на последнем этаже (в целях экономии).

Затем рвануть в бар «У Кролика». Снять там красивую девушку. Желательно находящуюся при исполнении. А там уже и впрямь можно импровизировать...

Заведение «У Кролика» было моим любимым местом на планете Марс. Пожалуй, если бы мне кто предложил туда переселиться, я бы не колебался с ответом ни минуты.

Стоило мне переступить порог и попищать на металлоискателе своим штатным пистолетом-пулеметом «MS-247», как во мне буквально начинала бурлить энергия. Меня распирало силой и счастьем. Словно кто-то ударял меня по гипофизу и надпочечникам эдакой энергетической суперкувалдой.

Я даже название придумал этому пси-эффекту: «кроликовый буммм!»

Однажды я слышал, что «У Кролика» при кондиционировании в воздух добавляют газообразную фракцию цирота-4, легкого энергайзера. Того же самого цирота-4, что входит в состав раствора, которым наполнены «бубль-ванны», самые популярные релаксационные машины сапиенсов Галактики.

Но мне не верилось в эту басню.

Во-первых, уже неоднократно выяснялось, что у меня от цирота-4 болит живот, поэтому бубль-ванне я предпочитаю «Черный сплин» (две части — черничный сок, одна часть — водка).

А во-вторых, что-то я не видел, чтобы все были такими уж веселыми в этом танцбаре. Один я ходил улыбался, как дебил. Остальные были озабочены пьянством и собственными сексуальными проблемами, нависая над автоматами компании «Шикарный выбор!», вмонтированными в столики. Непохоже, чтобы цирот-4 действовал только на рядовых вроде меня.

Но в тот день все было как-то не так.

Пропищал металлоискатель, негуманоидный швейцар (диковиннейшая диковина в Метрополии!) прошамкал речевым синтезатором свое «доброго времени!», я оккупировал автоматизированный столик и даже пригубил «Черный сплин».

А «кроликовый буммм» все не наступал. Я с перепугу заказал еще стакан впрок и прикурил сигарету от предыдущей. И что?

Через полчаса, когда в моей голове навострил свои бдительные ушки маленький сержант Гусак, я с ужасом обнаружил, что успел порядочно набраться. Выяснилось также, что настроение у меня отвратительное.

Очень некстати вспоминалась мясорубка на... Ну там... Ясно где...

Воспоминания, черт бы их побрал, были такими реалистичными, такими непричесанными, такими жуткими... Пожалуй, я бы поверил, что с некоторых пор в кондиционерах бара «У Кролика» начали использовать сильнодействующие депрессанты.

Мне стало гадко и грустно до изнеможения. Вроде бы на то и война, чтобы... Но почему смерти так много?

«Ничего себе увольнение! Надо подумать о чем-то приятном. Чтобы было о чем вспомнить на том свете», — постановил я.

Тут же перед моим мысленным взором встало омерзительное видение: неотразимая Аля Лаура Омаи, в лиловом комбинезоне Медицинской Службы, с забранными в лихой конский хвостик золотыми волосами целуется взасос с усатым сквад-мастером, обладателем квадратной челюсти и молодцеватой выправки профессионального мегакиллера. Сквад-мастер расстегивает зиппер на груди Али Лауры, и его блудливая рука, нырнув в просвет, начинает жадно разминать правильную грудку моей зайки, задыхающейся от быстрого вожделения. А на заднем плане что-то вроде рекультивационных эллингов...

— Еще «Черный сплин»? Не желаете ли попробовать наше фирменное блюдо? Черви-усатики с перечной заливкой? — поинтересовался робот-кольпортер, дружественно мигая всеми лампочками.

— А что еще есть... пожрать? — поинтересовался я, с трудом подбирая слова.

— Могу предложить тушеный тюлений хвост с капустным гарниром, картошку-фри по-марсиански, соевую отбивную, запеченную с биосыром. Рекомендую также фирменное блюдо «Содружество наносит ответный удар»...

— Название какое-то слишком... патриотическое.

— Уверяю вас, это очень вкусно! Скаты-малютки, запеченные в собственном соку с добавлением соевого масла. Пряные на вкус, очень изысканное мясо...

— А гарнир?

— Паштет из куриной печени, улитки и зеленые оливки, начиненные крабьими шейками. Это новое блюдо, но его все заказывают! Настоящий деликатес!

На грудном табло робота-кольпортера высветилась цена: 54 талера. «Ну ни хрена себе!» — ужаснулся я, но виду не подал.

— Мне, пожалуй, лучше хвост... тюлений... с кровью, — распорядился я. — Так скатов ненавижу... мне даже жрать их противно!

— Полностью с вами согласен, сениор. Полностью с вами согласен. — Робот укатил на кухню.

Недоступная, неласковая Аля Лаура... усатый танкист... какое это, черт возьми, мучение — подозревать себя влюбленным!

«Ну и пусть катится вместе со своим сквад-мастером! Да хоть с реджимен-мастером! К черту вообще эту любовь! Какая любовь, когда каждую секунду тебя могут распылить десять тысяч полноценных раз?» — вот что я вслед за этим подумал.

Я нахмурился, отставил пустой бокал и повернул свой столик на девяносто градусов. Панель автомата «Шикарный выбор!», в простонародье звавшегося «сутенером», пришлась вровень с моим животом.

Сенсоры автомата тут же отреагировали на мой потный палец, подернутый коричневой патиной сигаретного дегтя.

— Доброго времени суток! Лучшие девочки Марса приветствуют вас! — начал свой конферанс электрический сутенер.

— Здоров, — отвечал я, вставляя свою кредитку в бабкоприемник.

— Мы рады, дорогой господин Серж ван Гримм, что вы предпочли нашу систему...

— Послушай, давай ближе к делу, — перебил его я.

— Как скажете, уважаемый господин Серж. Раса?

— Террастрал. Субраса: неколониальная европеоидная.

— Цвет волос? Глаз? Кожи?

— Не блондинка. Не голубые. Не бело-розовая.

— Возраст?

— До двадцати.

— Костюм? Макияж? Стиль?

— Лишь бы не военный и не медицинский...

Я был пьян. И потому не сразу сообразил, что все приметы соблазнительной представительницы расы Т, мною названные, были названы по принципу «полная противоположность доктора Али Лауры Омаи»...

* * *

Мой электронный сутенер клялся, что не пройдет и пяти минут, как в баре «У Кролика» появится «моя» девушка.

Увы, я знал цену этим клятвам. Мой опыт свидетельствовал, что я вполне успею усвоить шмат тюленьего хвоста, а может, и еще пару фирменных блюд, прежде чем появится моя «единственная».

Я не ошибся.

Сытый и немного протрезвевший, я вот уже десять минут стоял у аквариума с крупными акулами, который был главным украшением танцбара. Собственно, на крыше этого аквариума, куда вели хрупкие с виду лесенки из стекла, и происходили по ночам танцы-зажиманцы.

Рядом со мной развлекалась компания подвыпивших и не на шутку сексуально озабоченных курсантов-летчиков. Они каламбурили, тыкали пальцами в стекло аквариума, громко восхищались хищными тварями и цеплялись ко всему, что движется...

— Эй, зайка, присоединяйся! Не хочешь? Ну, дело твое...

Пустая трата времени!

По собственному опыту я знал, что любителям дармовщины, то есть любовных экспромтов, «У Кролика» делать нечего. Ведь с первого взгляда ясно, что все особы женского пола в прямой видимости от тебя либо на работе, либо ангажированы кем-то пошустрее да побогаче, либо просто виртуальные трансвестаи: мужики в голографическом женском обличье.

Последних, кстати, я узнавал с одного беглого взгляда. По избыточным габаритам.

Самый заводной курсант стал вызывающе громко клеиться к менеджеру зала — высокой спортивной брюнетке в красной с золотом униформе. Зайка вежливо отбрехивалась. Я отвернулся — уж лучше смотреть на акул.

Со времен работы на подводке я терпеть не мог акул, чья тупость может конкурировать разве только с их прожорливостью. Но хозяин бара, худощавый, патлатый веганец по имени Пепикс с методично продырявленными по тамошней моде бровями, как и все представители его расы, считал акулу символом великодушия и благородства...

Я так засмотрелся в аквариум, набитый зубастым великодушием, что даже не заметил, как появилась она.

— Господин ван Гримм? — пропел за моим плечом мелодичный женский голосок.

Я обернулся. Передо мной стояла девушка приблизительно моего роста, одетая по моде конца прошлого века: тяжелое, с турнюром,

приталенное платье из поляризованной серебристой ткани, и высокий стоячий воротник, стилизованный под стекло-кружево.

Шею красотки обвивала змейка из черного металла, хвост которой уходил вверх, к скуле, имитируя древний кронштейн с микрофоном. Волосы ее переливались всеми оттенками рыжего.

Несмотря на затейность костюма, лицо у девчонки было простоватым и вовсе не порочным.

Откровенно говоря, я впервые видел проститутку с такими ясными, детскими глазами. На вид ей никак нельзя было дать больше восемнадцати, хотя с нынешними-то технологиями ей могло быть хоть шестьдесят.

«Плати и молодей!» — как поется в рекламном ариозо одной молодильной компании...

— Привет, — улыбнулся я. Девчонка мне сразу понравилась. — Ну и вырядилась!

— Вы же сами сказали, что стиль не имеет значения, — смутилась девушка.

«Значит, точно недавно в бизнесе! — отметил я. — Опытная проститутка даже разыграть смущение обычно ленится».

— Знаешь, зови меня лучше Серж, — попросил я. От «ван Гримма» на меня пахнуло родной казармой. Кровью. Кошмаром Копей.

— А я — Джонни, — представилась она.

— Неплохо. А почему имя мужское?

— Меня родители так в детстве называли, пока не погибли. Я привыкла. Даже после операции имя решила не менять.

«Значит, снова трансгендер», — сокрушенно вздохнул я.

Я, конечно, знал, что вот уже триста лет медицина позволяет осуществить полную качественную смену пола, вплоть до нормальной репродуктивной функции. И все-таки первые десять минут в компании трансгендерной девушки, да и трансгендерного юноши, я всегда чувствую себя немного не в своей тарелке. Это потом — привыкаешь и все как всегда.

«А что, если и Аля Лаура трансгендерная?» — некстати подумал я. Но тут же отогнал эту мысль прочь. Мне почему-то до смерти хотелось верить, что Аля Лаура настоящая, самая обыкновенная девушка.

— Ну что, пойдем ко мне? — предложила Джонни.

— Куда нам торопиться? Вся ночь впереди, — возразил я.

Мне нравилась Джонни. Но заниматься любовью с совершенно незнакомым человеком мне не нравилось совершенно.

— Как хочешь... — пожала плечами девушка и залилась румянцем.

Я предложил ей выпить за знакомство. Она согласилась. Я направился к ближайшему роботу-кольпортеру, оставив Джонни возле аквариума.

В тот вечер мне не хватило сообразительности просчитать, что будет дальше.

Уже возвращаясь к «акульему» аквариуму с двумя невыливашками «Простофили» (сливки с крыжовниковым ликером и белым тмином), я заметил, что мою Джонни обступили те самые курсанты. Их было трое.

— Зай, ну зай, ты посмотри с кем ты связалась! Или ты по нашивкам нормального мужика от дегенерата отличить не можешь? — гнусил, изображая тертого сердцееда, самый рослый летчик, обладатель классического марсианского загара. — Тебе не стыдно вообще крутить с пехотинцами? Туда же приличный мужик не пойдет, там одни педики. Нравится им вся эта дружба мужская, братство штурмовое, туды-сюды. Не знаешь, что ли?

Все трое курсантов одобрительно заржали. Видимо, мысль показалась им выдающейся.

Джонни стушевалась и вжалась спиной в аквариум. Ей хватало благоразумия не отвечать. Как и все девушки по вызову, она панически боялась неприятностей.

— Да ты вообще знаешь, лапка, зачем Содружеству нужна пехота? — подхватил второй курсант, с густыми каштановыми бакенбардами, щегольски заплетенными в косички. — Чтобы на боевых роботах экономить!

Еще один взрыв смеха, в котором выделялось высокое евнуховидное хихиканье третьего курсанта, тихони. Мой взгляд повстречался с затравленным взглядом Джонни.

— Зай, пойдем лучше с нами, пока твой хахаль не вернулся. Мы тебя угостим по-человечески! Узнаешь вообще, что почем! А ему, если будет вякать, коробку звездюлей распечатаем — и всех делов!

Рослый уперся кулаком в стекло аквариума и интимно навис над моей Джонни, дыша ей в лицо перегаром. Весь его вид должен был, по его мнению, выражать доверительность и готовность к любви и дружбе.

И вот тут я не выдержал. Наверное, просто лопнула струна, до не могу натянутая еще на Глокке. А может, программу поменяли и в «Черный сплин» робот-бармен намешал вдвое больше водки, чем всегда.

Я осторожно поставил бокалы на пустующий столик и решительным шагом направился к акулам.

— Джонни, немедленно отойди, — сказал я.

— Это еще почему?.. — вскинулся рослый.

— Потому что перпендикуляр!

Вместе с этими словами я всадил свой локоть в грудь тихоне.

Удар был таким мощным и неожиданным, что тихоня не успел ни закрыться, ни уйти.

Громко крякнув, он потерял равновесие и завалился на спину, грохнувшись затылком об пол. К счастью для него, здесь имелось квазикаучуковое покрытие: драки «У Кролика» тоже были обычным делом.

Когда первый шок прошел, усатый курсант попробовал провести прямой удар на поражение. Его увесистый кулачище ринулся в сторону моего многострадального носа, но не тут-то было!

Не знаю, чему там учат этих летчиков в секции физической подготовки, но нас, пехоту, ту самую, благодаря которой Содружество, не исключено, действительно экономит на боевых роботах, учили закрываться и бить на опережение.

Мне хватило доли секунды, чтобы сориентироваться и уклониться.

Спустя еще одну долю секунды я провел свой коронный апперкот из полуприседа, одновременно «выключая» его рослого товарища ударом армейского ботинка (а весит солдатская обувка будь-будь!) в подколенную чашечку.

Джонни, к моему удивлению, и не подумала спасаться бегством. Не успел я как следует сунуть самому языкастому летчику в челюсть, а она уже лупила красавчика с бакенбардами, предпринимавшего попытки встать и продолжить, своими жеманными кулачками по темени, без стеснения помогая себе коленом.

Вспышка моей ярости была такой мощной, что я и не думал останавливаться на достигнутом.

Бог знает, чем бы это все кончилось, если бы в конце зала, там, где светил зеленым неоном служебный вход на кухню, не появилась пара охранников с электрошокерами. Лица у них были будничными и озабоченными, как у всех, кому остохренела собственная работа.

Я помнил, что одного из них — чернокожего — зовут Рор.

Рор был из тех парней, с которыми лучше не иметь общих тем для разговора. Болтали, что однажды левым прямым он уложил на одной из охотничьих планет Меча Ориона тамошнего носорога-«зомби»...

Мысленно оценив расстояние, отделявшее нас с Джонни от приближающихся укротителей носорогов, и, соответственно, время, которым мы располагаем для бегства, я все-таки пошел на поводу у

собственного безумия и что было дури поддал ногой по ребрам харкающему кровью обладателю шикарных бакенбард.

— Это тебе от пехоты, — прошипел я и, крепко схватив Джонни за руку, потащил девчонку к выходу.

— Ничего квартирка! — сказал я, когда элеватор довез нас до пятьдесят четвертого этажа и растворившиеся двери привели нас прямо внутрь жилища Джонни.

— Да уж, ничего, — грустно вздохнула девушка. — Ползарплаты. А без Лейлы я вообще не знаю, что делала бы...

— Кто такая Лейла? — Почему-то я подумал, что так зовут какую-нибудь морскую свинку или киберкошечку.

— Лейла Кахтан — моя подруга. И компаньонка, — пояснила Джонни, элегантно сбрасывая кружевную накидку со своих правильно оголенных плеч.

«Компаньонка — это значит тоже проститутка», — перевел для себя я.

— Она что, живет с тобой?

— Уже давно. Мы вместе платим за квартиру. Сейчас она на работе. Придет ночью и ляжет спать. К ней домой не так часто клиенты приходят, ей на работе бананов хватает — так что ты не волнуйся. Она работает в Институте Здоровья.

— А-а, понятно, — улыбнулся я.

«Институтами Здоровья» церемонно именовались заведения для тех, кто стеснялся использовать систему «Шикарный выбор!» и ей подобные. Бордели для пай-мальчиков вроде Спайка, которые любят, чтобы минет именовался «оральным массажем».

Вдруг мы с Джонни, не сговариваясь, почувствовали неловкость. Ну, я-то понятно. При всем напускном плейбойстве бабник из меня, откровенно говоря, тот еще. В смысле, я слишком переменчивый бабник — в последний момент девушка может мне попросту разонравиться. Да и потом, все эти мои поиски «ее», «единственной». А вот что с Джонни, черт возьми?

Она стояла передо мной и хлопала своими гигантскими, как крылья бражника, ресницами. Сама растерянность напополам с невинностью.

— Послушай, я у тебя что, первый в жизни клиент? — попробовал пошутить я.

— Второй, — проблеяла Джонни и опустила глаза.

Моя челюсть отвисла едва ли не до носков ботинок. Я, конечно, догадывался, что она в этом бизнесе новичок. Но чтобы до такой степени...

— Может, еще выпьем? — предложила Джонни дрожащим голосом.

— В меня уже не лезет, — признался я. — Лучше скажи, чем ты раньше занималась?

— Танцевала в одном заведении, недалеко от «Кролика».

— В «Русском балете» или, может, в «Макарре»? — Мне ужасно хотелось показать ей, что я знаю Анаграву и кое-что петрю в искусстве.

— Да нет... Если бы в «Русском балете»! Я была «Леди Холод» в... «Сиреневой Осени».

— Там, где нон-стоп стриптиз?

— Ну да. После операции я была настолько влюблена в свое тело, что мне хотелось показать всем, какое оно роскошное! Говорили, что я делала неплохие сборы. А потом меня из «Осени» выперли — две недели назад.

— Плохо танцевала?

— Что-то вроде этого. Наш менеджер сказал, что мой образ, «Леди Холод», вышел из моды. Дескать, отпускникам из действующей армии нужно чего-нибудь погорячее. Мы начали ставить номер «Протуберанцы Победы». Ну, там все голые и мотают оранжевыми шарфами — такой вот номер. Но какие-то старые крысы из Комитета Солдатских Сестренок написали в мэрию, что, дескать, шлюхи из «Осени» взялись порочить своими непристойными телодвижениями славный символ Победы... Короче, какая разница. Главное, что выперли.

Лицо у Джонни было таким тоскливым, что я с ужасом осознал: если мы продолжим вести этот безрадостный разговор, через пять минут я начну рассказывать ей про аварийный контур, про погибший взвод, про то, как всерьез намеревался съесть лейтенанта Хопкинса. То есть заниматься тем, что культурные люди называют «распахнуть душу», а в нашей грубой учебке звали «жопорванством». И тогда проблема приятного досуга окончательно отступит на второй план...

— Может, станцуешь для меня? — предложил я.

— А что, это идея! — оживилась Джонни.

Еще две минуты она с прытью бешеного кенгуру носилась по гостиной, постреливая по сторонам двумя пультами дистанционного управления, как Ковбой Мальборо — Кольтами Майкрософт в знаменитой рекламной адвентюре колониального жидкострельного оружия.

Забилась в угол стайка перепуганных кресел.

В центр гостиной выбрался коктейль-столик, который до этого прятался где-то в стенной нише.

Выбрались из подполья и приземистые ночные торшеры.

Исчез видеокуб.

Наконец, панель верхнего света погасла. Лишь три ночника флюоресцировали на полу, словно гнилушки девственного тропического леса...

Воздух наполнился очень необычной ритмической музыкой и приятным цветочным ароматом. Я откинулся на рыхлую спинку дивана с водоподогревом, плеснул себе джина с тоником и приготовился внимать.

А внимать было чему.

Джонни, которая выпорхнула из двери в противоположной стене гостиной, была совсем не той девушкой, которую я встретил какой-то час назад в баре «У Кролика». Я был готов поклясться в том, что она — другая. Хотя «умом» вроде бы знал, что это все та же Джонни...

Перевоплощение было полным.

На ней больше не было того серебристого ретро-платья, в котором я увидел ее возле аквариума с акулами. На ней вообще ничего не было, кроме ажурного лифчика, не закрывающего ровным счетом ничего важного, и таких же условных трусиков. Сквозь слабо флюоресцирующее кружево пробивались аккуратные черные кудряшки.

На руках и ногах у Джонни сверкало не менее трех дюжин браслетов из многоцветного электростекла.

Браслеты тихонько звенели, сообразуясь с пластикой ее движений. И от этого волшебного звона на душе становилось покойно и весело.

В какой-то момент мне даже показалось, что меня настигает упущенный «кроликовый буммм»!

Впрочем, как выяснилось довольно скоро, то, что я счел «кроликовым бумммом», было лишь жалким подобием того подъема, который удалось вызвать в моей душе Джонни с ее танцами, с ее бескорыстной, избыточной нежностью.

Но главное — это не костюм с аксессуарами. И даже не тело, которое у Джонни было воистину восхитительным: стройные, сильные ноги балерины, прямой без жиринки живот, прелестные длинные руки. Главным было выражение ее лица.

Это лицо принадлежало существу, неспособному дарить любовь и наслаждение. То была маска легендарной Леди Холод.

Надменные, высокие скобы бровей. Правильные, плотно сжатые губы, покрытые лазурно-голубой помадой. Прямой, тонкий нос с эстетично вздымающимися ноздрями.

Первозданная дикость овала лица. Ни кровинки на щеках и прямой, сияющий взгляд бездонных глаз, лучащихся силой и превосходством.

Позднее я понял, что *выражение лица* Леди Холод было удивительно похоже на то *общее впечатление*, которое произвел на меня кроверн, встреченный в Копях Даунинга. Но как бы взятое со знаком «плюс».

Трудно это передать на словах...

И трудно, практически невозможно было рассчитывать на любовь этого небесного существа!

— Джонни, ты гений! — воскликнул я и зааплодировал. Восхищение из меня так и перло.

Но Джонни сделала вид, что не услышала. Не обратила ни малейшего внимания!

Каждое движение ее глаз, ее рук, ее торса, казалось, источало надменное презрение ко всему, что не является ее совершенным телом. Что ей было до моего энтузиазма!

Ритмично покачивая бедрами в такт музыке, Джонни начала по одному снимать браслеты со своей правой руки и при каждом музыкальном акценте грациозно швырять их на кресло.

Я уже настроился на любование немыслимым изяществом ее движений, как вдруг она, не сняв и половины браслетов, повернулась ко мне спиной и, воспользовавшись низеньким коктейль-столиком в качестве подставки... сделала самое настоящее сальто через голову!

Конечно же, на Марсе сила тяжести несколько меньше, чем на Земле или на каком-нибудь мерзком Глокке. Чтобы сделать сальто на Марсе, вовсе не нужно быть профессиональным акробатом. И все равно я был вне себя от переполнявшего меня восторга!

Джонни приземлилась на обе ноги так легко и так чисто, что мне ничего не оставалось, как снова зааплодировать. Но Джонни не удостоила меня даже кивком головы. Даже улыбкой!

Музыка стала другой. Теперь ритм был более настойчивым, внятным, напористым. Мелодия, уже давно норовившая развалиться на три самостоятельных голоса, наконец-то состоялась как трио.

Самым обольстительным образом прокрутившись в фуэте, Джонни завела руки за спину. Клацнув застежкой, ее расшитый стеклярусом лифчик полетел на пол.

Зрелище было таким эффектным и, как ни странно, нежданным, что я невольно ахнул.

Грудь у Джонни была по-настоящему, без всяких там риторических фигур великолепна — она была невелика, упруга, соблазнительна.

Напрягшиеся от столкновением с прохладным воздухом гостиной соски самой правильной, самой эталонной земной формы смотрели на меня, обещая невесть какие райские наслаждения.

Лицо Джонни при этом оставалось таким же бесстрастным, таким же высокомерным. От этого контраста на душе у меня стало теплеть с третьей сверхсветовой скоростью...

Не отрывая взгляда от танцующей Джонни, я залпом опрокинул свой бокал джина и вдруг со всей очевидностью осознал, что так сильно и так безыскусно я не хотел ни одной женщины в своей жизни.

На какую-то секунду мне даже показалось, что за один час любви с Леди Холод я готов заплатить своей драгоценной жизнью!

А когда она сбросила трусики, я, честно выслушав мольбы своей изнуренной плоти, решил воззвать к милосердию танцовщицы. Ибо был уверен, что не дотерплю до конца этого сумасшедшего представления.

— Пожалуйста, милая, самая милая Джонни, подойди, пожалуйста, ко мне, — попросил я негромко. Невесть откуда взявшаяся хрипотца в моем голосе сообщила моей мольбе элемент трагизма.

И Джонни вняла моим мольбам. Спустя минуту она уже сидела у меня на коленях, пытливо заглядывая в мои глаза.

— Что-то не так? — спрашивала она, снова превратившись в перепуганную пичугу. — Тебе надоело?

— Не в том дело... Ты не понимаешь, — довольно-таки невпопад ответил я и впился в ее лазурные, безвкусные губы со всей ненасытностью человека, никогда не знавшего подлинной взаимности.

От дикого, нечеловеческого желания у меня в буквальном смысле помутился рассудок. В том смысле, что в голову мне стали приходить самые разные, сумасшедшие идеи насчет нас с Джонни (признаться, в тот миг я додумался чуть ли не до свадьбы!).

И все-таки какая-то часть меня оставалась совершенно трезвомысленной.

И эта часть диктовала мне, что именно следует делать, чтобы и Джонни не упустила своего клинышка от сладкого пирога наслаждения. Теперь я был уверен: Джонни не из тех девушек, которым все равно, чем именно все оканчивается.

Я покрыл медленными горячими поцелуями надменные глаза Леди Холод, ее белый висок, на котором, в унисон моему дыханию,

играла шальная черная прядка, ее идеально красивую шею, оформленную танцами и молодостью, ее разлетные ключицы и ее грудь, которую хотелось обессмертить любым доступным образом — от сонетов до голографической копии, — и честно попросил Джонни помочь мне с комбинезоном.

Ласковая, такая ласковая Джонни в два счета избавила меня от одежды. Прикосновение ее рук было таким шелковым, что у меня сразу же пересохло во рту.

Притворно ойкнув при столкновении с самым бдительным выступом моего тела, Джонни снова залезла мне на руки и прильнула ко мне доверчиво и безгрешно, как умеют только дети.

Желание покатилось по моему позвоночнику сверху вниз, словно охваченный сиянием звездолет по разгонному треку.

Я чувствовал: если я тотчас же не решусь на экстренную интервенцию, еще некоторое время решаться на нее мне будет незачем.

К счастью, мой план пришелся по душе Джонни. Она легла на бок, по-балетному восставив в потолок вытянутую в носке ножку, и жестом пригласила меня последовать природе.

Когда я вошел в нее, окружающий мир окончательно обессмыслился. Оставалась только Джонни, Леди Холод, чей лед хотелось растопить своим судорожным дыханием. Самая лучшая девушка Пространства. И даже о существовании Али Лауры мне в тот миг помнить не хотелось...

Моя голова гудела так, что можно было заподозрить, будто там началась цепная реакция саморазрушения. Мучительно медленно я открыл глаза.

Небольшая, чужая комната. Через звездчатые жалюзи просачиваются крохи нового дня. «Это комната Джонни», — вспомнил я.

Джонни рядом со мной не было. «Может, завтрак соображает?» — предположил я и медленно осмотрелся.

Мой комбинезон, мои ботинки — валяются на полу. Там же двумя замершими черными лягушками сидят мои носки с антигрибковым эффектом.

На тумбочке рядом с моим правым плечом — два бокала грушевидной формы с недопитым молочным коктейлем. Мы с Джонни принялись за коктейль, когда начало светать, но почему-то не допили. То есть я знал, почему именно мы не допили...

— Послушай, солнышко, — сказал я, прихлебывая из своей «груши». — У меня к тебе предложение.

— Умгу? — Джонни подняла на меня глаза. С жадностью ручного зверька она поглощала вязкую, холодную молочную смесь.

Небось проголодалась — шутка ли, заниматься любовью три часа подряд!

— Ты не будешь против, если я куплю тебя на ближайшие пять ночей?

Джонни закашлялась — от моих предложений бедняжка, кажется, поперхнулась.

— Нет, если ты против, я не буду настаивать...

— Я не против... — ответила Джонни, тяжело дыша. — Я даже очень «за». Но...

— Что «но»?

— Но я подписала контракт с системой...

— С «Шикарным выбором!», что ли?

— Ну да.

— И что из этого?

— А то, что это будет тебе дорого стоить. Ты же знаешь, какие это жулики! Понимаешь, я не могу не ходить на работу, если ты имеешь в виду, что заплатишь на мой персональный счет. Короче говоря, это выйдет тебе гораздо дороже, чем брать разных девушек на каждую из этих пяти ночей... Да и потом, разве тебе не хочется познакомиться с другими? У нас в системе работают такие крали, что у мужчин пальцы на ногах немеют... Да и у меня, признаться... — Джонни засмущалась.

— Совершенно не хочу ни с кем знакомиться! Пусть пальцы на ногах немеют без меня. Поверь, проблема накопления сексуального опыта у меня в прошлом.

— Это я заметила, — хохотнула Джонни.

— А деньги — плевать на них! Куда мне, живущему за казенный счет, девать свое жалованье? Маме посылать? Так она получает за неделю больше, чем я за год... Но, главное, если завтра меня убьют, куда, спрашивается...

— Не надо, пожалуйста. Не надо про такие вещи.

— Хорошо. Допустим, меня не убьют. Допустим, я бессмертный. Значит, считай, что у меня такая блажь — провести с тобой эти пять дней! Согласна?

— Но это же будет... больше тысячи трехсот талеров!

Вот тут-то я и призадумался. Конечно, еще тысяча у меня на счете оставалась. Но если к этому прибавить расходы на отель, то получалось, что никакой подводной охоты в обществе Джонни, которую я замыслил буквально только что, но уже успел в свою придумку влюбиться, мне не видать, как собственных ушей...

Я поделился своими соображениями с Джонни. Но она лишь азартно махнула рукой:

— Ерунда! Мы сделаем вот как. Сейчас ты свяжешься с отелем, расплатишься за эти сутки и скажешь, чтобы они привезли твои вещи сюда. А жить пока будешь у меня. Тогда и на озера съездить нам денег хватит. — Джонни казалась очень серьезной.

Правда, белесые усики, которые остались на ее губах после молочного коктейля, придавали этой серьезности налет пикантного комизма.

— А Лейла? — спросил я.

— А что Лейла... У нее своя жизнь, у меня — своя.

— А ее клиенты?

— Не волнуйся. У нее комната с тотальной шумопоглощающей системой.

— А у тебя?

— А у меня — нет. Дорого это, понимаешь?

Я кивнул. В целом предложение Джонни приходилось признать многообещающим.

Я вскочил с кровати в чем был и, нашарив в кармане кредитку, направился к панели коммунальной связи, что была рядом со входом в комнату загадочной Лейлы.

Не успел я произвести все необходимые формальности вроде проведения платежа и ругани с менеджером этажа из «Счастливчика» (он считал, что доставка моих вещей должна осуществляться за мои деньги, козел несчастный), как почувствовал, что Джонни тихо подкралась ко мне сзади и, положив руки мне на плечи, призывно целует меня в основание шеи.

Быстрые пальцы моей мимолетной возлюбленной побежали по моей груди вниз, на живот, и ласковым арпеджио понеслись еще ниже, вызывая во мне новый прилив желания...

...Я снова закрыл глаза. Мне не хотелось расставаться с собственными воспоминаниями — наверное, у каждого человека в жизни бывают такие моменты.

Во второй раз я проснулся от смутного осознания того, что в соседней комнате разговаривают два человека. Мужчина и женщина.

Речь мужчины была несколько натужной, а интонации выдавали в нем, насколько я в этом разбирался, немолодого, хорошо образованного центаврианца. Речь женщины, напротив, была быстрой, хаотической и немного развязной.

Говорила не Джонни. А кто? Лейла? А если не Лейла?

Помимо воли я прислушался.

— Даже не понимаю, чего ты лезешь в бутылку. Чего ты надулся? Двое рядовых второго класса, один младший мастер, два лейте-

нанта и даже один флэг-лейтенант! Ты чего? По-моему, неплохой улов, — сказала женщина. Голос ее был недовольным.

— Этот улов я назвал бы «неплохим» еще неделю назад. Но теперь я попросил бы вас, госпожа Лейла, удвоить темпы.

— А деньги? Сначала удвой деньги, а потом будешь требовать темпы!

— Смею вам напомнить, госпожа Лейла, что вами еще не произведен полный расчет по заключенному ранее договору. Таким образом, если перейти на язык, более понятный особам вашего склада личности, вы еще не отработали то, что я вам давал.

— А когда отработаю — удвоишь?

— Тогда мы, возможно, и пойдем на пересмотр вашего контракта, — заключил центаврианец.

— Подумаешь, какой важный, — буркнула женщина себе под нос, я едва расслышал.

— А сейчас мне нужно спешить, госпожа Лейла. Поэтому я хотел бы поскорее получить контейнер.

— Сейчас принесу.

Женщина зашаркала домашними тапочками в направлении дальней комнаты. Задержалась там на минуту и снова вернулась в крохотную прихожую.

— Вот, — сказала женщина.

Несколько мелодичных нот возвестили, видимо, открывание контейнера. Некоторое время оба молчали. Надо думать, центаврианец изучал принесенное.

— Что ж. Действительно неплохо, — заключил центаврианец, и контейнер, промурлыкав свою ключ-мелодию, захлопнулся. — На будущее хотел бы дать вам, госпожа Лейла, один совет: забудьте о рядовых, младших мастерах и флаинг-офицерах. Сосредоточьтесь на рыбке покрупнее.

— Будто это от меня зависит, — процедила женщина.

— Всего доброго. До встречи через четыре дня.

Я слышал, как за центаврианцем закрылись двери элеватора.

Не будучи суперстеснительным, я тем не менее не любил неловких положений. А положение, в котором оказался я в квартире Джонни, было как раз из таких.

Эта мерзавка бросила меня один на один с не очень-то любезной Лейлой, даже не потрудившись сказать ей, что в квартире дрыхнет гость!

Ведь наверняка, если бы Лейла знала, что в квартире посторонний, она разговаривала бы со своим сутенером (а тогда я почему-то решил, что центаврианец — ее сутенер) не в гостиной, а в своей

комнате с тотальным шумопоглощением! Ведь должно же это шумопоглощение, в конце концов, окупаться?

Конечно, из этого разговора я ни хрена не понял, поскольку был уверен, что понимать там в принципе нечего. Но мне было неловко ощущать себя бессовестным соглядатаем!

Вдобавок мне нестерпимо хотелось в туалет...

И тогда я решил встретить грозу в лоб.

Я встал с кровати, быстро натянул свои трусы армейского фасона и, изобразив немыслимую сонливость, приоткрыл дверь и вышел в гостиную. В гигиеническом отсеке горел не погашенный Лейлой свет.

— Эй, — неуверенно сказал я. — Есть кто?

Не успел я как следует оглядеться, как ощутил своим коротко стриженным затылком ледяное жерло парализатора.

«Ничего себе — оперативность!» — подумал я.

— Что ты здесь делаешь, мудила? — спросил женский голос у меня за спиной.

Я догадывался, как именно следует уворачиваться от парализатора, зажатого в хрупкой женской руке. И, конечно, мог обратить ситуацию в свою пользу — да так, чтобы девчонка и пискнуть не успела.

Но поступать подобным образом мне совершенно не хотелось. Поскольку это значило нажить в лице Лейлы непримиримого врага. А ведь мне предстояло проторчать с ней под одной крышей несколько дней!

— Послушайте, вы... Лейла? — робко начал я.

— Ну.

— Тогда я Серж.

— Ну?

— Я друг Джонни.

— И что с того? Что ты делаешь в моем доме? — начала выходить из себя Лейла.

«Еще активирует ненароком, чисто от раздражения», — с опаской подумал я.

— Дорогая Лейла...

— Я тебе не «дорогая»! — мрачно отрезала она.

— Хорошо... Уважаемая Лейла! Я купил... то есть заказал Джонни на пять дней. Но так как у меня не очень много денег, Джонни разрешила мне пока пожить у нее...

— А у меня эта сучка спросила — не возражаю ли я, что какой-то мудак будет жить у меня?! — ехидно осведомилась Лейла. Парализатор от моего затылка она, однако, не убирала.

Я с трудом подыскивал слова, но они словно бы куда-то все поразбежались.

К счастью, в эту же секунду двери элеватора отворились и в квартиру вошла Джонни — черные очки, белое платье, флюоресцирующие сапожки на немыслимой платформе... В руках у нее была прозрачная коробка с мегапиццей «Съедобный остров».

При виде полуодетой Лейлы, наводящей парализатор на полуодетого меня, она отчаянно всплеснула руками. Мегапицца выскользнула у нее из рук и увесисто брякнулась на пол. На моем предплечье нарисовались особенно дальнобойные брызги майонеза.

— Всем привет. Что здесь происходит?

Мы сидели в центре гостиной и пожирали «Съедобный остров», на котором «росли» марсианские овощи. В сырных озерах острова водились продукты марсианского рыбоводства: тушеные осьминоги, жареные рапаны, сладкие актинии.

Все это было залито сверху сливовым кетчупом и майонезом, заплавлено чеддером и засыпано укропом. В общем, пицца как пицца. Разве что, как и многое на Марсе, слегка пересоленная.

Когда-то, еще в учебке, один яйцеголовый капрал объяснял нам, что от различных геоклиматических условий у людей на разных планетах слегка мутируют вкусовые рецепторы. Неудивительно, говорил капрал, что на Марсе народ обожает соленое, на Центавре — горькое, а, допустим, веганцы поведены на пряном и сладком.

— По-моему, вкусно, — сказал я, заглатывая щедро перченный кусок ветчины.

— Умгу, — ответили хором Лейла и Джонни, активно двигая челюстями.

Разговор в общем-то не клеился.

Лейла вроде бы сменила гнев на милость. Правда, для этого мне пришлось разыграть целую сцену, из которой явствовало, что проснулся я уже после того, как центаврианец убрался со своим контейнером.

Тогда я понятия не имел, почему для нее так важно знать, спал я или нет. Но заметил, что, как только мне удалось ее убедить, она сразу же повеселела. Но хоть Лейла больше и не злилась, а разговорчивее от этого не стала.

Джонни тоже молчала. Кажется, ночь любви ее совершенно извела.

Кэб, который мы заказали для поездки на озера Галея, должен был прибыть через полчаса. Конечно, можно было добраться и более дешевым способом — на надземке, в общем вагоне, на чем на-

стаивала рачительная Джонни. Но я стоял на своем: гулять так гулять!

И потом, тоже мне удовольствие! Четыре часа страдать тошнотой в обществе туристических групп, состоящих сплошь из пенсионеров и школьников, интересующихся жидкой фауной родной планеты!

Вещи были собраны. Пицца — съедена. Все вопросы — обсуждены. Делать совершенно нечего. Поэтому за мою идею попялиться в видеокуб все ухватились, как за спасительную соломинку.

Лейла по-разбойничьи свистнула в два пальца. Повинуясь ее зову, из-под потолка выехал кронштейн с лучшим другом всякой гуманоидной семьи — видеокубиком.

Повернувшись к каждому из нас одним из своих экранов, видеокуб застыл, ожидая дальнейших указаний. Я деловито напялил наушники. Моему примеру последовали Лейла и Джонни.

Единодушия во вкусах не намечалось, и каждый из нас по-честному решил смотреть свое.

Простодушная Джонни остановилась на семнадцатом марсианском канале. Там давали земной фильм «На космических пастбищах».

Фильм был таким старым, что даже мой дед, когда я был маленьким, иначе как «барахлом» его не величал. Но какое-то обаяние в нем все-таки было. Иначе с чего бы я сам смотрел его дважды? Может быть, мне просто нравились романтические истории? Вот чего-чего, а романтики напополам с пафосом Раннего Освоения там хватало...

Планетка Бонн близ Гамма Ориона. Заливные луга, деревни колонистов, обшарпанный порт с надписями на староанглийском. Мордатый ковбой по имени Бак Стэнли влюбляется в грудастую блондинку по имени Джейн Малинофски, которая живет на соседней ферме.

Бак желает жениться на Джейн. Но у той уже есть муж — старый отвратительный капитан местных Сил Самообороны Рэд Малинофски. Разумеется, импотент, не дающий девчонке развода. Прознав о наличии у себя ветвистых рогов, бедняга Рэд, используя служебное положение, подставляет молодчину Бака под срочную мобилизацию, и того забривают на передовую, в батальон смертников...

Короче говоря, в конце фильма целый и невредимый, накачавший невероятные бицепсы Бак Стэнли возвращается на родные пастбища. Не беда, что вместо ноги у него биопротез, а полбашки заменил дешевый имплант-суфлер. Главное, что он стал патриотом, полон решимости убить Рэда и жениться на Джейн...

Лицо у Джонни было очень сосредоточенным. Я подозревал, что она не в первый раз сострадает несчастным возлюбленным из «Космических пастбищ».

Лейла смотрела викторину «Будь проще!». Чен Молчун наверняка сказал бы, что суть викторины состоит в выяснении пределов человеческой тупости.

Ведущий, квазигуманоид и всегалактический любимец Жо-Жо, обладатель огромной лысой балды и узких пупырчатых ушей, задавал тройке соревнующихся вопросы, а те должны были выдавать ответы. Каждый из вопросов стоил сколько-то там талеров.

Вопросы были очень тупыми, наподобие «Сколько ног у собаки?». Вопросы были такими, на какие среднестатистический гражданин Содружества просто не мог не ответить. А вот участники викторины — могли.

Для передачи нарочно отбирались самые тупые представители сапиенсов (клинических олигофренов, правда, не брали; как и пресловутых эсперов, хотя кто их видел?). При этом денежные призы были впечатляюще большими. Таким образом, тупицы были вынуждены работать на пределе своих умственных способностей. Они все время хмурили брови, выдвигали «версии», пыхтели и советовались друг с другом, что, видимо, обеспечивало зрителям дополнительную порцию удовольствия.

В викторине «Будь проще!», в отличие от остальных викторин, зрители получали удовольствие не от созерцания того, кто и как на какой вопрос ответил. А от созерцания того, кто и как на какой вопрос *не* ответил.

«Будь проще!» стояла в Топ-10 самых популярных передач Содружества. Почему людям так нравится смотреть на тупиц?

Лейла быстро включилась в действо на экране — на ее лице расцвела очень девчоночья улыбка.

То и дело она азартно хлопала себя ладонями по бедрам и хихикала. А иногда она не выдерживала и кричала нам:

— Эй, знаете, тут только что один не мог сказать, на какой планете расположен Атлантический океан!

— Атлантический океан? — наморщила лобик Джонни.

— Ну да! — ликовала Лейла. — А ведь любому дегенерату ясно, что на Венере!

Я лично смотрел канал нон-стоп новостей. Поначалу сенсациями вроде бы и не пахло.

«На встрече, посвященной памяти жертв Освоения, лидеры Содружества и представители колониальных властей приняли коммюнике...»

Скучно. Терпеть не могу внутриполитическую болтовню.

«Всегалактический центр фундаментальных исследований выдвинул политически актуальную теорию, объясняющую происхождение шарового звездного скопления Геркулеса...»

Если бы я послушал маму и папу и пошел после школы учиться, мне, наверное, было бы ужасно интересно знать, что там за теория и как она связана с происками скатов, а так...

«На Ганимеде испытан новый вид бактериологического оружия, который, как сообщили нам в медиацентре Объединенных Сил Содружества, возможно, будет применен против кровернов, если последние...»

Вот! Наконец-то хоть что-то интересное!

«Неудачу недавней операции по спасению гражданского персонала Копей Даунинга на планете Глокк согласился прокомментировать лично адмирал Понтекорвино...»

На экране появилась чертовски фотогеничная, но, увы, донельзя унылая физиономия знаменитого начальника медиацентра Объединенных Сил.

«Не следует недооценивать профессионализм нашего командования, офицеров, пилотов и простых солдат. Первая фаза, то есть операция обеспечения, прошла полностью в соответствии с планом. Седьмая эскадра уничтожила в районе Глокка не менее десяти крупных целей противника. Остатки сил прикрытия кровернов были вытеснены за пределы зоны проведения десантной операции. Также удалось эффективно подавить противокосмическую оборону противника на поверхности планеты. Однако уже после выброски основных сил десанта в системе появилось огромное свежее соединение кровернов. Седьмая эскадра была готова и к такому сценарию развития событий, но, к сожалению, корабли неприятеля за счет применения неизвестного ранее оружия получили подавляющее огневое превосходство. Связав боем наши силы прикрытия, кроверны сразу же приступили к выброске второго десанта, который благодаря огневой поддержке своих кораблей и воздушно-космических сил быстро нейтрализовал подразделения нашей штурмовой пехоты в районе Копей Даунинга».

Я навострил уши. Что еще за «неизвестное ранее оружие»? Редкий случай: объяснения не замедлили последовать.

«Сводная экспертная группа, обследовавшая захваченный во время операции обеспечения десанта на планете Глокк корвет кровернов, пришла к выводу, что новое оружие кровернов скорее всего воздействует непосредственно на МУГ-конвертеры наших кораблей, вызывая неуправляемую трансформацию массы в излучение».

Я весь внутренне собрался и подался вперед, хотя и не надеялся увидеть в видеокубе что-то отличное от дигитальной симуляции захваченного корвета (кто же нам настоящий-то покажет!).

«Но подлинной сенсацией стало заявление профессора Бхуд-Масави о том, что это новое оружие, это оружие-икс, не могло быть произведено кровернами, чья цивилизация ориентирована на принципиально иные научные, технологические и производственные решения. В таком случае остается неясным, кто и где произвел оружие, которое нанесло поражение Седьмой эскадре Флота Большого Космоса близ планеты Глокк».

Кроверны, значит, нам «нанесли поражение»... Нет бы сказать честно: разгромили, разделали, как Бог черепаху, оттрахали по полной программе...

Последний раз, кажется, Содружество выхватило в таких масштабах во время эмансипации Центавра двести с лишним лет назад. Или нечто подобное все-таки случалось и в Ругеланском конфликте? Кто ж тебе расскажет, зеленому, что там творилось, в этом клятом Ругелане...

Уже давно начался новый сюжет про успешное кондиционирование малых планет Сектора Паньгу, а я все еще переваривал услышанное.

Не исключено, конечно, что оружие-икс не более чем уловка, утка, наскоро состряпанная пропагандистами медиацентра с целью обеления Космофлота, который так показательно облажался на Глокке.

Это, конечно, не исключено. Но если все-таки дела обстоят именно так, как сказал ведущий? Если профессор Бхуд-Масави, признанный эксперт по кровернам, прав?

Я вспотел от своих мрачных мыслей. Даже сигарета не привела меня в чувство.

Мне вдруг стало стыдно. Стыдно за то, что я, рядовой первого класса Серж ван Гримм, спокойно сижу здесь, на Марсе, в компании двух симпатичных телочек, сытый и здоровый. Моя дорожная сумка набита новенькими шмотками, купленными специально для поездки на престижный курорт Галея, а мое брюхо — пиццей и прочей вкуснятиной.

В то время как мои товарищи, мои совершенно мертвые товарищи...

От некоторых из них не осталось даже ногтя. Даже хоронить нечего...

Если бы, конечно, появилась возможность их хоронить по солдатскому обычаю — там, где они встретили свою судьбу. На Глокке...

— Серж, что с тобой?! Серж! — Джонни трясла меня за плечо. Ее лицо казалось испуганным.

Я поднял на нее глаза:

— Ничего, милая. Все в порядке. Просто мне стало неловко...

— Да брось! Лейла уже не злится!

— Не могу понять, чем я заслужил все это... — шепнул я, но она, по-моему, не расслышала.

— Там ваш кэб прилетел, граждане влюбленные, — заявила Лейла, заглядывая в окошечко видеосвязи.

Стоя у закрытых еще дверей элеватора, я тщательно причесался — на это занятие я потратил минуты три, что при моей длине волос было гм... несколько неоправданно. Я заметил: в плохом настроении у меня всегда случаются приступы старательности и наблюдательности.

Так было и в этот раз. Я заметил, что выше и левее зеркала в стене утоплен унифицированный счетчик энергопотребления, модель СК-459/45.

Некстати вспомнилось, что такие счетчики наша вечно поддатая и обкуренная бригада монтировала на Эсквемелине, на заводах Вероны Нова. И было это, кажется, за тысячу лет до Глокка...

«Ничего себе у них потребление! Как у фабричного цеха!» — присвистнул я.

Впрочем, ведь в каком-то смысле квартирка Джонни и Лейлы и так была своего рода фабрикой. Фабрикой по производству удовольствия. «Услада Плоти» — вот как назвал бы я такую фабрику.

ОХОТНИЧИЙ СЕЗОН ЗАКРЫТ В СВЯЗИ С ЭПИЗООТИЕЙ

Такая надпись встретила нас у въезда на охотничью базу «Русалки».

Ворота были заблокированы. Защитный периметр недружелюбно искрил вправо и влево — куда хватал глаз. Ни кэбов, ни школьников с их обычной суетой и витаминизированным попкорном. Ни туристов с камерами и пахнущими илом трофеями, ни-ко-го. Только озеро, звавшееся «Лавандовым» из-за цвета своей воды, подмигивало нам из-за леса своим гигантским лиловым оком.

Видать, не судьба нам была поохотиться.

— Надо было связаться с ними сразу, из дома, — вздохнул я. — Но мне даже в голову не приходило, что могут быть какие-то проблемы!

— Мне тоже. Кстати, а что такое «эпизоотия»? — спросила Джонни.

— Это то же самое, что эпидемия, но только у животных. Например, у подводных животных, — объяснил я.

— А-а, понятно. А что такое «эпидемия»?

Мы летели в кэбе по направлению к Лидии, центру курортной зоны озер, и время было девать совершенно некуда. Вот я и взялся объяснять Джонни, что такое эпидемия и с чем ее едят.

Надо сказать, рядом с Джонни я со своим средним, очень средним образованием чувствовал себя почти профессором. Увы, это чувство доставляло мне совсем немного морального удовлетворения.

Впервые я всерьез пожалел о том, что рядом со мной сейчас не доктор Аля Лаура Омаи. Вот она-то точно знает, что такое эпизоотия, и уж подавно — что такое эпидемия. И, наверное, не перепутает при случае «дискурс» и «дискус», а постоянную Планка с постоянной планкой...

— Что же мы теперь будем делать?

— Имеется масса вариантов! Во-первых, никто не мешает нам просто снять номер в мотеле, уже в Лидии, и побродить по берегам озер. Должен тебе сказать, там ужасно красиво!

— Да ну, красиво! — фыркнула Джонни, брезгливо подернув плечом. — Скучища одна — бродить можно и по городу.

— Ну, как знаешь. Тогда мы можем пойти в аквариум и посмотреть, чего там нового. Я люблю здешний аквариум — говорят, в Лидии самый большой аквариум во всей Солнечной системе! Чего там только нет! Вот ты, например, когда-нибудь видела морского верблюда с планеты Кастель-де-Лион?

— Не видела, а что, интересно? — с сомнением спросила Джонни, укладывая голову мне на плечо. Мне показалось, она сейчас заснет.

— Еще как! Морской верблюд — зверь очень забавный и совершенно неагрессивный! Более того, он способен устанавливать с человеком телепатический контакт. Правда, говорит он очень простые вещи — что любит чистую воду, что проголодался. Представь себе, Джонни, верблюд говорит с тобой изнутри твоей же собственной головы!

— Не очень-то приятно, когда кто-то говорит в твоей голове, — дернула плечиком Джонни.

Я растерялся. Признаться, продуманного запасного плана у меня не было. Я смолк и уставился в окно кэба.

Мы мчались с огромной скоростью очень низко над землей. Благо местность здесь была совершенно безлюдной. Под брюхом кэба простиралась величественная Равнина Спокойствия, окаймленная с обеих сторон горами Шварценеггера.

Вдруг водитель сбросил скорость. Да так резко, что только ремни безопасности нас и удержали в пределах задней секции сидений.

— Сто кровернов вам в задницу, бездельники еханые! — взревел из жерла динамика водитель, до этого смиренно молчавший за своей стеклопластиковой загородкой. — Мало вам места, что ли? Висит же знак! Какого ляду на трассу залетать! У-у, доберутся до вас копы!

— Что случилось? — спросил я, но вопрос был излишним.

Спустя секунду я и сам увидел, что случилось: в двухстах метрах от нашего кэба приблизительно на нашей высоте фланировала пара ярко-алых «летающих крыльев».

Случайно или намеренно они покинули зону, отведенную для таких полетов, и вторглись на трассу гравитранспорта? Мне по крайней мере хотелось думать, что они сбились с курса совершенно случайно...

Кажется, это были парень и девушка — хотя доподлинно с такого расстояния было не разобрать.

Они эстетично парили в ослепительно медовых лучах термоядерного солнца, словно два ангела, случайно занесенных сюда из неведомых миров, где не обитают ни кроверны, ни люди.

Гармония. Безмятежность. Между небом и землей, между Временем и Вечностью...

Медленно и степенно они двигались в сторону Нью-Йоркского хребта, несомые ленивым ветром. А там, на хребте, таких разноцветных крыльев было великое множество!

На фоне бежево-кофейной горной породы охряно-желтые, рубиновые, густо-синие и салатовые «летающие крылья» походили на лепестки неведомых цветов, украденные ветром из райского сада. Мне стало не по себе от этой разъедающей сердце красоты, и я закрыл глаза...

— Серж, а Серж! Может, полетаем? — с робким восторгом в голосе спросила Джонни. Глаза ее сияли детским азартом.

— А что — хорошая мысль! — кивнул я, предвкушая наш совместный полет и стараясь не думать о цене этого очень недешевого удовольствия.

— Водитель, мы хотели бы изменить маршрут! Нам больше не нужно в Лидию. Будьте добры, доставьте нас на одну из тех баз, на Нью-Йоркском хребте, — потребовал я.

— Вот, и вы туда же... Ну молодежь пошла! Только бы деньги трынькать да жизнью рисковать! — недовольно проворчал водитель, подымаясь на скрестную трассу и закладывая крутой вираж вправо.

* * *

Если бы за пределами Соединенных Провинций Центавра слово «аристократ» значило что-то конкретное, такой вот крылатый отдых на Марсе наверняка назывался бы «спортом аристократов».

Из «Энциклопедии Прошлых Времен» я знал, что когда-то, еще до появления Экологического Кодекса, объявившего лошадей свободным видом, не подлежащим эксплуатации, «спортом аристократов» называлась верховая езда.

Наверное, на многих планетах и сейчас, по сей день, в обход Экологического Кодекса, седлают и взнуздывают всяких там иноходцев и рысаков. Думаю, на Центавре, например, среди нобилей что-то подобное в ходу, хотя вряд ли дождешься от них официального признания.

А вот «крылатый» курорт имеется только один — и тот на Марсе.

И дело здесь не только в том, что мягкий климат Марса, его роза ветров и сила тяжести благоприятствуют таким развлечениям. Просто желающих попробовать себя в полете на «летающих крыльях» сапиенсов не так уж много. И наскребется их ровно на один такой курорт. На самом деле, зачем летать «самому», когда есть куча машин, которые с удовольствием повозят тебя?

Короче говоря, мы с Джонни оказались в числе избранных. Этот факт льстил моему самолюбию. И я легко смирился с тем, что за два дня удовольствия придется заплатить девятьсот талеров...

Весь первый день мы летали под руководством инструктора, который сопровождал нас на гравере. Точнее сказать, не летали — учились летать. Дело это оказалось довольно утомительным и опасным.

Например, все время нужно было бдить, чтобы ненароком не оказаться на пути у кэба (выход на трассу — штраф двести талеров).

Нужно было научиться маневрировать и правильно приземляться, то есть не ломать себе ноги (что при отсутствии у Джонни медстраховки было особенно желательно). К счастью, мы оба были в превосходной спортивной форме, иначе все обучение растянулось бы на недели!

Помимо прочего, нужно было не забывать сверяться с браслетом, измеряющим силу и направление ветра. Ибо ветер в этих местах при всей своей ленце имел коварный нрав. Блуждающая турбуленция, эдакий карманный ураган, могла безжалостно пригвоздить тебя к ближайшей скале.

На наших глазах двое инструкторов сняли с зубастой стены труп летуна-неудачника. А может, и не труп, а рекламную симуляцию. В

любом случае коктейль соответствующих эмоций удался на славу. Ибо, скажите, что за удовольствие без опасности?

За наши труды мы были вознаграждены сполна. Таким красивым я не видел Марс никогда.

Вроде бы те же пейзажи, что за окном кэба. И все-таки совсем не те, лучше. Наверное, так устроены люди, что, для того, чтобы что-то в жизни понять, их телам нужно участвовать во всем, а особенно в любви и боли, без посредников.

Кстати, о любви. В первый день мы с Джонни так налетались, что заснули, едва добравшись до постели.

Я даже поцеловать по-человечески ее не смог. Мои губы, облепленные, как и вся поверхность моего тела, биостимулирующим кремом, не способны были на этот скромный подвиг...

Зато поутру, бодрые и сильные, словно потомки древних титанов, мы совершили наш первый самостоятельный полет.

Крыло Джонни было цвета белого золота. Мое — переливалось семью цветами марсианского флага. Теперь мы тоже были похожи на лепестки, украденные ветром из райского сада.

Может быть, на какую-то минуту мне даже удалось почувствовать себя бессмертным.

В том смысле, что среди этой рвущей душу красоты мне вдруг стало совсем не страшно умирать. Вроде как все самое стоящее в этой жизни я уже увидел.

Мы облетели вокруг знаменитого трехперьевого Пика Серафимов и неспешно пересекли самое маленькое из озер Галея — Зеркальное.

Поверхность его и впрямь была изумительно гладкой. Благодаря уникальному сочетанию цвета дна и коэффициента преломления горькой, перенасыщенной солями воды озеро отражало мир во всем его скрытом, умопомрачительном, жестоком величии. Даже мы, две цветастые фигурки, были отражены с какой-то неожиданной десятикратной щедростью и предстали собственным взорам как огромные огненные фениксы из Большого Красного Пятна.

Я медленно повернул голову.

Вдалеке, справа от меня, исполинским ящером разлегся хребет Бетховена, за ним — еще один, неизвестный мне, набранный из череды черных вулканов. Этот второй хребет, кажется, был антропогенным...

А где-то очень далеко в той же стороне рвалась вверх, в термоядерные объятия своего солнца Анаграва — город, где родилась Джонни.

Вспомнив о Джонни, я перевел взгляд на девушку. Лицо ее казалось возвышенным и радостным. Впрочем, не знаю, было ли оно таким на самом деле. Прозрачное забрало ее шлема сильно бликовало.

Я почувствовал, как из глубин моей души растет искренняя симпатия к моей замечательной проститутке. Ко всем замечательным проституткам и шлюхам мира!

«Но это лишь симпатия», — вздохнул я. Вдруг мне стало совершенно ясно: бессмертие, которым я только что грезил, — фикция, самообман, дешевые сопли молодого эстета.

Мне нелегко было признаться себе в том, что настоящее бессмертие может подарить только любовь.

Глава 6

РОМАН С ПСИХОСКАНЕРОМ

По крайней мере не мешайте этому юноше прийти на помощь извращенному веку.

Вергилий

— Идет салага. Несет букет синтетических роз с ароматическим покрытием лепестков. Сержант его спрашивает: «Куда идете, джентльмен?» Салага говорит: «Вот, бабу иду поздравлять. Сегодня ж День Ромео и Джульетты!» Сержант удивился и спрашивает: «Так цветы же синтетические?» А салабон ему: «Так и баба-то у меня резиновая!»

— Ну и что, что она резиновая? Многие люди не могут себе позволить настоящих женщин, таких, как Лейла, например, — без тени улыбки сказала Джонни.

— Ну Джонни, солнышко, — набравшись терпения, начал объяснять я. — Это же анекдот. Понимаешь? А-нек-дот!

— Все равно не понимаю, что здесь смешного?

— Ну как, — растерялся я, — смешного здесь то, что мужик на полном серьезе несет своей бабе искусственные цветы... Понимаешь, здесь комизм ситуации в том, что людям все равно нужна любовь, пусть даже к резиновой бабе. Ну даже не знаю, что именно здесь смешного, но все смеются!

— Может, у меня что-то с чувством юмора...

Все, кому я рассказывал этот анекдот раньше, смеялись. Хотя, наверное, он был ровесником первой искусственной женщины, тогда еще безголосой и немеханизированной, выставленной на продажу в секс-шопе.

Точно можно утверждать одно: в Древнем Египте этот анекдот еще не рассказывали, поскольку резина была еще не изобретена. А может, я и не прав. Мало ли тогда было материалов — глина, пластик...

— Может, поговорим о чем-нибудь другом? — предложила Джонни.

Мы тряслись в надземке. Возвращались в Анаграву. Напоследок мы промотали в Лидийском казино последние деньги. Оно и неудивительно: я ставил на имя «Джонни», а она на имя «Серж» — теперь я думаю, если бы я ставил на имя «Аля», я бы так не продул. Выйдя из казино и пересчитав мелочь в карманах, мы едва наскребли на надземку.

Вообще от бешеного темпа отдыха у меня лично начали закипать мозги.

Сначала «летающие крылья», затем — безумный, безостановочный, изматывающий секс (на второй день, когда первая усталость прошла и биостимулирующие препараты наконец-то начали действовать на полную катушку, мы просто как с цепи сорвались!). И вот сегодня мой внутренний голос, старательно подделываясь под голос моего отца, сказал мне: «Притормози!»

Вот мы и притормозили.

Мы ехали в общем вагоне рядом с регочущими старшеклассниками, хурманчами и малосостоятельными семейными парами. По контрасту со стремительным летом кэба мне все время казалось, что мы вовсе не движемся к Анаграве со скоростью 250 км/час, а просто стоим на месте.

— Давай поговорим о тебе, — предложила Джонни. — Ты такой классный!

— Знаешь, может, лучше поговорим о тебе?

Не то чтобы у меня взыграла скромность. Просто надоело рассказывать истории, в которых Джонни не понимает половины «умных» слов, и травить анекдоты, соль которых ей не по вкусу.

— А что — с удовольствием! — просияла Джонни.

— Например, почему ты все-таки подписала контракт с системой «Шикарный выбор!»? Ведь у тебя есть профессия. Ты — танцовщица. И притом хорошая. Надоело танцевать? Просто нравится вся эта суета — клиенты, бары, все время предохраняться, чтобы не подцепить турбо-трип или чтобы не залететь? Такой вот бестактный вопрос...

— Да чего — вопрос нормальный, — отмахнулась Джонни. — Нравятся ли мне клиенты? Не знаю. Ты мне точно нравишься. А вот предыдущий, один козел с Первой Лунной станции, требовал, чтобы я отдалась ему в ванне. Прикинь?!

— По-моему, довольно стандартная и притом невинная фантазия. Половина порноканалов только ванны с бассейнами и показывает.

— Но только тот тип хотел, чтобы в ванне вместо воды были консервированные овощи. Брокколи, зеленый горошек, молочная кукуруза. Потом он еще туда куриных сосисок навалил и вылил десятилитровую бутыль фуззи-колы. Скажи, тебе бы такое понравилось? — гневно сверкнув глазами, осведомилась Джонни.

«Мне — нет. Но я ведь и не шел в проститутки», — промолчал я.

— И потом, я два с половиной года работала танцовщицей. Каждое утро разминалась по два часа, диета, все такое. Тогда я подружилась с Лейлой, которая работала в своем Институте. И оказалось, у нее все это время денег было в десять раз больше, чем у меня! И я подумала, что так — несправедливо!

— Ну и?.. Хорошо платят в «Шикарном выборе!»? Я имею в виду, сбылась мечта о справедливости?

— Держи карман шире, — надула губки Джонни. — Шестьдесят процентов забирает система... Да и клиентов негусто...

— Выходит, ты не прочь вернуться к танцам?

— А то как же! Что хорошего — дыру напрокат сдавать! — воскликнула Джонни так громко, что на нас тут же вытаращились полвагона. Даже пенсионеры попросыпались и навострили уши — то ли слово «дыра» на них так подействовало, то ли слово «напрокат»?

— Так почему ты не ищешь работу?

С минуту Джонни молчала. Если бы рядом со мной была какая-то другая женщина, я бы решил, что она обдумывает, что бы мне такого покультурнее соврать. Но относительно Джонни я был уверен: врать она не умеет. Для этого нужно иметь мозг чуть более развитой, чем куриный.

— Сказать по правде, я не знаю, как искать работу, — наконец призналась она.

— Но как-то же ты нашла работу в «Шикарном выборе!»?

— Мне позвонил агент, предложил, ну я и согласилась...

— А в «Сиреневую Осень» как ты попала?

— Менеджер «Осени» всегда ходил на просмотры в наш хореографический интернат... Ну, он меня и выбрал.

«Во дает! Девчонке восемнадцать лет, а она понятия не имеет, как искать работу!»

— Послушай, Джонни, а если бы я нашел тебе работу танцовщицей, ты бы бросила «Шикарный выбор!»?

Не то чтобы я считал проституцию «безнравственной». Просто мне казалось, что такая славная девчонка, как Джонни, заслуживает

лучшей участи, чем быть естествуемой среди сосисок, зеленого горошка и молочной кукурузы.

— Пожалуй, бросила бы. Только как этих жуликов бросишь?

— Как-как... Просто расторгни контракт. Скажи, что заразилась веганской гонореей, и они сами его аннулируют, не успеешь чихнуть...

— Эх, знать бы только что такое веганская гонорея, — вздохнула Джонни и уставилась в окно. Кажется, глаза ее наполнились слезами.

— Это то же самое, что турботрип.

— А-а...

Глядя на ее худенькое личико с рельефно очерченными скулами, я сразу понял, что она ни на секунду не верит в то, что я всерьез стану заниматься ее судьбой. Что-то для нее подыскивать...

За эти дни мы успели немного узнать друг друга. Девчонка, осиротевшая в пять лет и всю свою сознательную жизнь проторчавшая в интернате, понятия не имела, что такое негосударственная, человеческая забота. Даже операцию по смене пола она сделала на деньги Фонда Эффективного Гендера.

Она плохо представляла себе, что такое любовь, что такое опека. Что такое дружба, в конце концов! А кем был для нее я? Просто клиентом. Любовником на час. Заплатил деньги — и прости-прощай!

Я обнял Джонни за плечи и какое-то ранее незнакомое чувство ответственности затопило мою душонку. Неглубокую, согласен. И все-таки.

И тогда я подумал, что буду последним мудаком, если не попытаюсь помочь ей.

— Что-то вы рано, — без особого восторга приветствовала нас Лейла, когда мы вывалились из дверей элеватора.

— Деньги кончились, — отвечал я.

— Зарабатывать надо больше, молодой человек, — буркнула Лейла, наводя последнюю ретушь на свою физиономию перед большим стереозеркалом.

Лейла собиралась на свидание, в пользу чего достаточно красноречиво свидетельствовал ее вид. Каблуки — что твои башенные краны; ноги — гладко выбритые, сдобренные лосьоном «Нюх-нюх» и обтянутые «волосатыми» чулочками; целлофановая юбка веселенькой расцветки на кружевных подвязках самого модного в этом сезоне изумрудно-зеленого цвета.

Вязаная мохеровая курточка на змейке, не доходящая до пупа, выгодно подчеркивала супергрудь труженицы оздоровительного фронта.

Прическа тоже стоила отдельного описания. Впрочем, она поразила меня еще в первый день нашего с Лейлой знакомства. В основном тем, что прекрасно гармонировала с Лейлиным парализатором.

Лейла была стрижена почти «под ноль». Но не все так просто. На теменных просторах этой стриженой головки была тщательно выбрита вычурная композиция из арабских букв.

Поначалу мне, недалекому, показалось, что эта усатенькая картинка — не более чем бессмысленное украшение. Но Джонни, осведомленная лучше меня, что случалось с ней нечасто, еще во второй день нашего знакомства поведала мне, что надпись на голове у Лейлы вовсе не бессмысленная.

«Аллах велик» — вот что значил теменной «узор» на языке фарси, родном языке родителей Лейлы.

Потом и вовсе оказалось, что Лейла — весьма религиозная девушка.

Например, перед тем как отправиться на свидание, она достала из ящичка небольшую, размером с широкий носовой платок черную вуальку на неприметной резинке и напялила ее таким образом, что вся нижняя половина лица, начиная от переносицы, оказалась скрытой черным флером.

В комплексе с подвязками и юбкой, едва прикрывающей сочный зад, этот рудимент земного фундаментализма смотрелся довольно чужеродно.

— Ты не понимаешь, это же Коран, — многозначительным шепотом пояснила мне Джонни.

Она, конечно, хотела сказать «шариат», но немного перепутала...

Двери элеватора закрылись за Лейлой, и мой оставшийся без дела пытливый взгляд снова впился в счетчик энергопотребления, модель СК 459/45.

Ну зачем-зачем-зачем им именно эта модель? Они что здесь — экстратолуол из дельфиньего молока производят путем выпаривания электрокипятильником и последующего холодного термоядерного синтеза? Для исламского движения «Зеленый Космос»?

В квартире у Джонни и Лейлы вообще-то энергопотребляющих приборов было раз-два и обчелся. Ну видеокуб с музыкальной системой. Кухня со всякими тостерами, комбайнами, коктейлемешалками и утилизаторами посуды. Ну осветительные панели. И все?

— И все, — подтвердила Джонни. — Нет, забыла, еще моя электрорасческа. С устройством для сушки, гофрирования и завивки.

— Тогда скажи, зачем вам с Лейлой промышленный энергосчетчик?

— Понятия не имею. Лейла говорит, что мы много тратим. — По недоумевающему виду Джонни я понял, что она считает тему исчерпанной.

Оставив Джонни откисать в ванне, я взял в прокате дешевый мобиль и помчал (хотя после кэба слово «помчал» мне просто не легло бы на язык) в клуб «Три семерки».

Цель у меня была самая богоугодная. Я намеревался предложить Николь, владелице клуба, которую я знал еще со школы как любящую мать моего лучшего друга Бруно, взять на работу Джонни в качестве дешевой рабсилы.

Почему-то я был уверен, что Николь мне откажет — протеже из меня как из вилки станнер. Поэтому особых надежд я не питал. И уж совсем не знаю, почему этот чертов энергосчетчик совершенно не шел у меня из головы.

«Три семерки» располагались недалеко от космопорта. Выйдя из мобиля, я едва не оглох — какой-то серьезный корабль шел на взлет, и никакие стены шумопоглощения не могли полностью заглушить рев его планетарных двигателей.

В ближайшем автомате я купил себе новенькие беруши. Говорят, их продают специально для приезжих. Поскольку местные жители уже давно освоились с обстановкой...

Николь не продала своего заведения. Николь нашлась в своем кабинете. Она приняла меня, как только узнала, кого к ней занесло.

Мы расцеловались и до оскомины навосхищались успехами Бруно, который только что получил степень магистра футурологии (то есть это у меня после всей этой чуши появилась оскомина, ей, как обычно, хоть бы хны! Мне кажется, если бы Бруно предложил ей выйти за него замуж, она ни секунды не колебалась бы перед тем, как сказать «Да! Да! Да!»). Мы даже раздавили бутылочку абсента.

Наконец мы заговорили о делах, не имеющих к Бруно никакого отношения..

— А что, хорошая танцовщица мне бы не помешала. А ты хоть видел, как она танцует?

— Видел, Николь. Еще как видел! Пальцы на ногах немеют!

— Ну если даже пальцы немеют, — заговорщически подмигнула мне Николь, — то веди свою Джонни. Завтра утром я ее посмотрю. Откровенно говоря, тех коров, которые зажигают у меня сейчас, давно пора разжаловать в кухонные автоматы...

Я вышел из «Трех семерок» в приподнятом расположении духа. Абсент, быстрая удача...

Однако возвращаться в квартиру Джонни мне отчего-то совершенно не хотелось. Не то чтобы ее общество мне надоело. И даже не сказать, что «как женщина» она перестала меня интересовать.

Пожалуй, самым правильным было бы сказать, что я объелся Джонни. Как какой-нибудь клубники со сливками.

Идти в бар «У Кролика» после той разборки, что я учинил, надраив рожи курсантам-летчикам, тоже было стремно.

Мало ли что?! Оштрафуют еще задним числом. И потом, не исключено ведь, что обиженные курсанты терпеливо дожидаются меня там, возле аквариума, совершенно трезвые, прихватив с собой более искушенных в рукопашной приятелей. Хотят, значит, чтобы я за козла им ответил...

В стороне космопорта снова загудело на низкой ноте.

Судорожно похлопав себя по карманам, я нашел беруши и тут же осчастливил ими свои многострадальные органы слуха.

«Только такой идиот, как Спайк, способен полагать, что пристань возле космопорта может быть тихой», — вспомнилась мне моя же собственная сентенция четырехдневной давности.

Спайк. Тяжелый чемодан. Настолько тяжелый, что даже здесь, в условиях щадящей марсианской силы тяжести, Спайк предпочел включить воздушную подушку. Чемодан с индивидуальным спецснаряжением танкиста.

И тут мне в голову пришла примечательная по своей абсурдности идея.

Танкистам, как известно, экоброня не полагается. Дорого, тяжело, да и бессмысленно — столько места в танке не напасешься.

В отличие от штурмовой пехоты, наши доблестные глухари воюют в обычных гермаках повышенной защиты. Конечно, героям полагается с полмешка дополнительных примочек: всяких медицинских датчиков, сканеров, станнеров, «блокировщиков боли». И вот среди этих примочек есть интроочки.

Интроочки работают и в оптическом, и в инфракрасном, и, главное, в высокочастотном электромагнитном режиме. Если накрылся бортовой милитум, без таких очков танкист не определит, что и где сломалось. А в очках можно видеть, каковы повреждения системы энергоснабжения, где нарушено прохождение сигнала, где поле искажено...

И вот что приятно: при помощи этих очков я мог бы наверняка получить ответ на вопрос, который волновал меня не первый день. А именно узнать, какого черта в квартире у двух девчонок без твер-

дых моральных устоев поставлен промышленный счетчик энергопотребления?

Если бы кто-то сказал мне, что я просто бешусь с жиру и ищу приключения на свою задницу, я бы честно ответил: «Так и есть».

Мы со Спайком сидели в фитобаре «Тихой пристани» и пили отвар листьев целебной лианы, названия которой я не запомнил бы даже за миллион талеров.

Спайк, казалось, был действительно рад меня видеть. Наверное, совсем дошел от скуки.

Вот уже полчаса я выслушивал обстоятельнейший доклад о том, как именно и чем его здесь лечат, кормят и развлекают.

В качестве гвоздя программы Спайк подробно изложил мне недельный распорядок оздоровительных мероприятий с детальным объяснением сути каждого.

Увы, заведение было далеко не стандартным Институтом Здоровья. Вместо симпатяг институток в соблазнительных просвечивающих халатиках здесь всем заправляли немолодые тетеньки и дяденьки из медицинских колледжей. Их честные, сосредоточенные лица не вызывали у меня никаких эмоций, кроме страстного желания встать на четвереньки и тоскливо завыть по-волчьи.

Но Спайк от всего этого просто балдел.

Казалось, «Тихая пристань» и Спайк Дулли были созданы друг для друга. Чего стоили только агитационные стереоплакаты, коими были украшены стены фитобара!

На одном из них краснощекий капрал с гладко зачесанными от лба вверх волосами попирал ногой дымящуюся сигарету величиной с бревно. В то время как его мускулистые лапы с закатанными по плечи рукавами комбинезона раздирали напополам, а если точнее, то ломали, словно сухой соленый крекер величиной со сковородку, окарикатуренного ската. Весь вид инопланетного изверга выражал нечеловеческие муки при полном отсутствии искреннего раскаяния.

Подо всем этим героическим великолепием переливалась сотней оттенков красного надпись:

ЛОМАЯ ПРИВЫЧКУ, ТЫ ЛОМАЕШЬ КРОВЕРНА!

С точки зрения Управления Психологических Операций логика во всем этом бреде была: вроде как, бросив курить, ты здоровеешь и кабанеешь, следовательно — начинаешь бить кровернов с удвоенной, утроенной мощью.

Да только после того, как самому здоровому лоботрясу в нашем взводе, чемпиону Сектора Скорпиона по армрестлингу, Тони Сицилии в Копях Даунинга оторвало голову, в эти байки не очень-то верилось...

— А еще мы здесь с ребятами играем в футбол. Ты бы видел, как наша команда вчера сделала ребят из «Солнечной Долины»! Мы им засадили всухую четыре раза! — захлебываясь от восторга, рассказывал Спайк. — И, между прочим, доктор Абдулкадыров, куратор нашей смены, считает, что основная причина наших побед — в спирулиновом массаже. Ты, наверное, не в курсе, но спирулиновый массаж — это массаж с маслом водоросли спирулины. Наше питание построено с преобладанием зародышей пшеницы...

За все время нашего общения я пока что не сказал ни единого слова, кроме «Привет, Спайк!».

По пути к «Тихой пристани» я усиленно придумывал, как бы поделикатнее подвести Спайка к мысли одолжить мне свои интроочки. Но за столиком фитобара я понял, что если не выложу свою просьбу сейчас же, то вот-вот окочурюсь от никотинового голодания.

Ясное дело, курение на территории «Тихой пристани» было категорически запрещено. Точно так же, как бубль-ванны, потребление алкоголя, внебрачный секс и прочие радости жизни...

— Слушай, Спайк, одолжи мне свои интроочки, — быстро сказал я, когда в его словесном поносе образовалась пауза длиной в секунду.

Я весь внутренне сжался, готовясь к тому, что сейчас на меня обрушится водопад всяких занудств по поводу того, какая это важная и недешевая вещь и как он, Спайк, собственными руками тестировал свою драгоценность блок за блоком...

Аллилуйя! Обошлось без водопада.

— А надолго? — спросил Спайк после увесистой паузы.

Когда я возвратился в квартиру Джонни, самой Джонни там не оказалось.

Кислая Лейла сообщила мне, что, не дождавшись меня, Джонни слиняла пожрать оладий с грибами в кафетерий на первом этаже. Сама же она заявила, что собирается принять душ.

— Но ты располагайся. Думаю, она сейчас явится, — сообщила Лейла, выхватывая из покорно выехавшего ящичка полотенце.

Хозяйской походкой я ввалился в гостиную и бухнулся в кресло.

И только закинув руки за голову, я, черт возьми, сообразил, что в кресле напротив меня сидит... корветтен-капитан Флота Большого Космоса.

То есть в переводе на язык без чинов и званий очень и очень большая шишка.

Я не сразу сообразил, как так получилось, что я не заметил его сразу.

Может, всему виной тот шибучий абсент, который я потребил в обществе вечно влюбленной в сына мамаши Николь. А может, Спайк так задурил мою несчастную голову, что я совсем потерял ориентацию в Альбертовой сетке пространства.

Но скорее дело было в другом: корветтен-капитан сидел не шевелясь, как хамелеон на ветке, да и глаза его были закрыты. Более же всего бывалый волк Пространства походил даже не на хамелеона, а на покойника.

Когда я уселся, он даже не шелохнулся. Разве что открыл глаза.

Наши взгляды встретились. На секунду нам обоим стало немного неловко. И вроде бы обычное дело — встретить нашего брата у девок, а каждый раз таращишь глаза.

— Здравия желаю, сениор корветтен-капитан! — оттарабанил я.

— Поменьше официоза, юноша, поменьше официоза...

Корветтен-капитан был явно не в себе. Гримаса боли змеилась по его костистому, сухокожему лицу человека с очень верхним образованием. Да и потом, он назвал меня «юноша», хотя я был в форменной куртке!

— Как скажете, сениор! — молодцевато гаркнул я.

В гигиеническом отсеке зашумела вода — это Лейла начала смывать со своих сочных ягодиц продукты желез внутренней секреции затраханного до полусмерти корветтен-капитана.

— Слушай, парень, ты что, пехотинец, что ли? — дошло наконец до жирафа.

— Так точно!

— А стандартной аптечки у тебя при себе нет?

— Есть, сениор! — отвечал я. Хоть мне и приказано было «без официоза», но рефлексы были сильнее приказов.

— Значит, там должен быть ксеноверин в ампулах... — Корветтен-капитан, страдальчески щурясь, растирал виски пальцами.

— Голова болит? — предположил я.

— Болит — не то слово, — проскрипел капитан. — Будто там электровеником прошлись. Чисто так... И эхо гуляет от каждого слова, как в сосновом бору.

— Да-а...

Я, как ни странно, знал, что такое «электровеник в голове» и что такое «эхо». В моей памяти всплыла кверху брюхом передряга на Эсквемелине...

Когда все окончилось, озабоченные дятлы из разведки делали мне глубокое психосканирование, поскольку вспомнить я мог немногое, а информации нашему командованию, как обычно, катастрофически не хватало. О да, я тоже познал это самое «эхо» вместе с «электровеником»! Короче, я проникся к корветтен-капитану глубоким сочувствием.

— Чего расселся?! — одернул меня страдалец. — Аптечку неси!

Как ошпаренный, я вскочил со своего кресла и помчался в комнату Джонни.

Через полминуты я уже совал под нос доходяжному корветтен-капитану ампулу ксеноверина.

Я даже инъектор расторопно к ней присобачил, как положено настоящему холую. Хотя, если так подумать, какого черта я должен тут ему прислуживать на квартире у шлюх? Вот пусть бы Лейла ему и подносила...

Выверенным движением корветтен-капитан закатал себе дозу в височную вену, и очень скоро лицо его преобразилось.

— Вот так-то лучше, — сказал он и показал мне зубы в окантовке ярко-розовых, чуть воспаленных десен. Я не сразу догадался, что он попросту хотел улыбнуться, но ксеноверин внес коррективы в его психомоторику. — А ты чего тут, тоже к Лейле?

— Нет, сениор. Я к Джонни.

— Гм... Ну, твое право. — Корветтен-капитан изобразил «понимание».

— Джонни — это ее подруга, девушка.

— А-а, тогда сам Бог велел. Видать, ты поумнее меня будешь. Лейла эта, — капитан обернулся в сторону ванной, чтобы удостовериться, что Лейла по-прежнему плещется, — Лейла эта — просто чума. Стар я уже для таких фокусов.

Я вежливо улыбнулся. Не иначе как корветтен-капитан изволит шутить. В смысле — кокетничать. Я, хоть меня убей, не мог понять — как можно быть «старым» для «фокусов»?

— Мне пора. — Корветтен-капитан встал с кресла и, едва удержав равновесие, поплелся к дверям элеватора.

Спина у него была такой прямой, будто он по оплошности надел пиджак вместе с плечиками.

Весь вечер я косился на этот проклятый счетчик энергопотребления, модель СК 459/45.

Загадки множились с каждой секундой, словно счетчик был заколдованным. Например, за то время, пока я навещал Спайка и Николь, он умудрился насчитать столько, что мне лично было ясно:

такого количества энергии хватило бы на освещение десятка пентхаузов.

Загадок было много, а вот объяснительных теорий на этот счет — негусто.

Может, все дело было в моей врожденной тупости?

И все же, преодолевая врожденную, а заодно и благоприобретенную в штурмовой пехоте тупость, с какого-то момента во мне поселилась уверенность, что корветтен-капитан, Лейла и показания счетчика как-то связаны. Но как?..

К счастью, наша ночь с Джонни выдалась неожиданно бурной.

Я так увлекся освоением новых акробатических номеров, что и думать забыл о своей мульке. Уверен, если бы не Джонни, я провел бы всю ночь в размышлениях. Или, что еще хуже, мучился бы кошмарами по мотивам Копей Даунинга.

А утром настал час моего торжества.

Лейла ускакала в свой Институт Здоровья. Джонни отправилась на пробы в «Три семерки». Я был предоставлен сам себе.

Ясное дело, я сразу напялил интроочки Спайка.

С диапазонами пришлось помудохаться. Я, конечно, не совсем уж ботаник. Просто умница Спайк перестроил очки под себя и забыл предупредить.

И тем не менее я все-таки сообразил, как включить нужный мне режим. И был вознагражден за это...

Счетчик сидел на силовом кабеле толщиной в три пальца. Кабель тянулся в комнату Лейлы.

В гостиную и комнату Джонни расползались непредставительные червячки.

Еще одна змейка средней толщины уходила к центральному кондиционеру и окошку видеосвязи.

Ежу было ясно, что самое интересное — в комнате Лейлы. В той самой, с шумопоглощением. Интересно, зачем ей шумопоглощение? На стеснительную Лейла никак не смахивала.

Я снял очки. В глазах омерзительно рябило. Но, как и всякий герой, я не желал потакать себе в своих недомоганиях.

Я бросился к дверям в комнату Лейлы, одержимый здоровым любопытством.

Увы, мерзавка заперла дверь перед тем, как смыться.

Я осмотрел замок.

К счастью, замок был стандартным, типовым. Будучи монтажником первой категории, я знал толк в этой ерунде в объемах главаря средней молодежной шайки из неблагополучной колонии. Все, что требовалось мне для дальнейших подвигов, — это длинный разде-

лочный нож, стакан воды и пластиковая посадочная карточка с вооруженного коммерческого лайнера «Эрфурт», на котором я имел счастье прилететь на Марс.

Очень скоро я уже был внутри.

Боже, что там был за будуар!

В центре спальни Лейлы стояла огромная деревянная кровать в стиле, кажется, земного рококо. Или что там у них было во времена Людовиков.

«Рабочая» кровать Лейлы была аккуратно застелена розовым атласным покрывалом, густо засиженным кремовыми бантиками да розочками, и имела балдахин.

Самый настоящий балдахин!

Последний раз я видел такое в адвентюре «Мадам Помпадур».

Четыре деревянных стойки с красивой резьбой уходили к потолку и поддерживали еще один дубовый потолочек. К этому фальшивому потолочку крепились кисейные занавеси такого же слащавого розового цвета, как и покрывало. Занавеси художественными складками уходили вниз, спускаясь до самого пола.

Композиция выглядела внушительно. Наверное, это и называется словом «роскошь».

Кровать с балдахином как бы намекала, что вы имеете дело не с какой-нибудь дешевой соской, которую можно запросто пялить на заднем сиденье взятого напрокат мобиля, на мусорке или в сквере. А с дорогой, очень дорогой супершлюхой. Что перед вами товар высшего качества, сениор корветтен-капитан...

«Однако, — одернул себя я, — все это лирика».

Я вновь запустил очки. И комната предстала моим очам в принципиально ином залоге...

Тот самый силовой кабель шириной в три пальца шел по полу до угла кровати. Затем, проходя внутри ближайшей ко мне деревянной стойки, он поднимался к потолочку балдахина, чтобы как следует питать энергией нужные приборы.

О да, в этом самом потолочке было полно приборов!

А точнее, все то, что я поначалу принял за множество приборов, при детальном осмотре оказалось одним сложным агрегатом с множеством условно самостоятельных блоков. Неудивительно, что этот комплекс жрал так много!

Я продолжил осмотр.

Стойки, с четырех сторон ограждающие кровать, тоже были не просто так деревяшками. Каждая из них была напичкана сенсорами и блоками коррекции психосигнала — уж их-то я узнал, их ни с чем не спутаешь.

Да и под кроватью обнаружилось целое созвездие электронных устройств весьма хищной конфигурации, эдакий спрут-кровопийца. Кровать в свете последних показаний моих интроочков больше всего смахивала на капсулу... на капсулу для психосканирования!

В довершение всего выяснилось, что этот алтарь разврата соединен с прикроватной тумбочкой пучком проводов, проложенных под натуральным сосновым паркетом.

На тумбочке в беспорядке валялись пузырек с жидкой помадой, студенистые шарики геля для волос, два гигиенических тампона в стерильных обертках и давно початый тюбик анального крема с земляничным запахом «Весна в Фиальте»...

А на полу между кроватью и тумбочкой лежала вылущенная упаковка из-под ксеноверина.

Так вот почему у корветтен-капитана болела голова после свидания с Лейлой! Наш религиозный зайчик просто забыл прикупить новую упаковку обезболивающего!

А может, даже круче: хитрые жучки-паучки из непрозрачного сектора анагравской экономики не успели раздобыть для нашего зайчика новую упаковку, поскольку ксеноверин продается только по рецепту доброго дяди доктора. Ведь у нормальных людей *такие* головные боли возникать просто не могут!

Я подергал дверцу тумбочки, но она не открылась.

Взламывать этот замок мне было лень. И без того было яснее ясного, что там — рекордер, заносящий результаты психосканирования на объемистые инфокристаллы...

На инфокристаллы, которые потом кладутся в контейнер и передаются тому центаврианцу!

Ай да Лейла! Ай да раба любви!

Я осмотрелся. Стены будуара были обклеены раритетными бумажными обоями в розовый цветочек.

Где-то там, под ними, скрыты сотовые панели пассивного шумопоглощения и, вероятно, активные компенсоры. Да, точно: поэкспериментировав с режимами очков, я увидел и соответствующую компенсорам сеточку проводов питания.

Что ж, теперь мне было понятно, куда идут деньги честных шлюх! А ведь действительно, без шумопоглощения в работе Лейлы было совершенно не обойтись. Ведь орут клиенты, когда их сканируют, как какие-нибудь бабуины в пик брачного сезона!

А как иначе?

Ведь воспоминания во время психосканирования должны быть полными, «живыми». Вот и вспоминаешь ты какую-нибудь мясорубку типа Глокка. И ревешь благим матом, за Зага, за Гусака, за всех!

А Лейла ведь наверняка в первую очередь такими и интересуется. Которые только-только с линии огня вернулись. И вопят они небось так, что у половины Анагравы несварение желудка от этих криков запросто сделается...

Однажды мне довелось быть свидетелем одного психосканирования. Как раз после Эсквемелина.

Наш инженер, Ли Ван Чжо, личность, понятное дело, образованная, изнеженная, вспоминал в реальном масштабе времени, что произошло с ним, когда во время нападения скатов его ремонтный бот сначала притопило на километровой глубине, а затем, покореженный, звездануло волной прямо о платформу нашей базы. Бедняге Ли при этом оторвало правую руку и выбило глаз. Естественно, когда ему на сканировании их отрывало и выбивало повторно...

В будуаре Лейлы на меня нахлынуло форменное половодье полезных мыслей.

Впрочем, все мало-помалу становилось на свои места. Все новые и новые фрагменты добавлялись к общей мозаике смысла.

Получилось в итоге вот что.

Лейла — шпионка, работающая скорее всего на кровернов. Образованный центаврианец — ее пособник и связной. Если это вообще центаврианец-сапиенс, а не сигом.

Я — идиот, поскольку догадался об этом только сегодня.

Джонни — тоже идиотка, поскольку прожила в гнезде шпионажа два года и вообще ни о чем не догадалась.

Вряд ли Джонни заодно с Лейлой. В противном случае у меня во рту каждое утро стояла бы специфическая миндальная горечь — побочный эффект применения ксеноверина. А у самой Джонни было бы побольше денег и скорее всего получше с мозгами.

И наконец, последнее: если вспомнить тот разговор Лейлы с образованным центаврианцем (который сказал, что придет через четыре дня), то выходит, что именно сегодня он и явится. Только вот вопрос: когда именно? Может, уже приходил?

А еще я подумал: «Срочно надо что-то предпринять!»

В качестве первого шага я запер за собой дверь в комнату Лейлы, спрятал в дорожную сумку интроочки и вытер образовавшуюся на полу под дверью в будуар лужицу...

Шпионы — такие же люди, как мы. По крайней мере ненамного умнее.

Вроде бы именно эту нехитрую мысль талдычат во всех адвентюрах про шпионок и шпионов. И слабости у них человеческие. А просчеты-то и вовсе детские.

И все-таки когда я столкнулся с этой братией сам, то не поверил.

Подростковый миф о всемогущих и всеучитывающих резидентах растаял как дым. Мне даже стало немного обидно. Нам всегда обидно, когда ветшают наши мифы.

Короче говоря, видеопамять входящих сообщений Лейлой даже не была заблокирована. Может, забыла. А может, и вовсе никогда не умела этого делать. Так или иначе, я быстро обнаружил и прокрутил разговор Лейлы с центаврианцем.

Беседа имела место прошедшей ночью в 3.23 по местному времени.

Она говорила с подельником из своего розового будуара. Впрочем, могла бы говорить и из гостиной. Мы с Джонни были так увлечены друг другом, что, наверное, проморгали бы и высадку кровернов.

— Йом? Тебе хорошо меня слышно, Йом? — Лейла пыталась перекричать помехи.

— В чем дело, госпожа Лейла? — спросил центавриянец прохладным тоном, когда изображение наконец установилось. — Я же просил не беспокоить меня без особых обстоятельств!

Этот самый Йом (так вот, значит, как его зовут!) находился в кэбе.

На заднем плане мелькали хорошо освещенные окрестности, смутно напомнившие мне въезд в Марсианский национальный парк. Тот самый, где имеется знаменитая популяция летающих драконов, эндемиков планеты Сира.

— Тебе лучше завтра ко мне не приходить, — быстро сказала Лейла.

— Неужели нет ничего нового? Так, госпожа Лейла, у нас с вами дела не пойдут... — Центавриянец вздернул свои белесые брови и наморщил высокий лоб.

— Очень даже есть, — поспешила заверить центавриянца Лейла. — Новое есть! Один корветтен-капитан, один премьер-лейтенант и один сквад-мастер. И все это за четыре дня!

Лейлу распирало от гордости.

— О-о! Это очень хорошо! — оживился центавриянец. — Какая в таком случае проблема?

— У моей подруги сейчас живет один тип...

— Что за тип? — насторожился Йом.

— Да так... один придурок... клиент.

— Он не опасен?

Лейла расхохоталась.

— Да когда я на него парализатор наставила, он просто в штаны наложил! Он вообще ничем, кроме жратвы и секса, не интересуется. Штурмовой пехотинец. Рядовой...

— Так бы сразу и сказали, госпожа Кахтан, — захихикал центаврианец, вроде как ему «все понятно».

— Поэтому я и говорю, не нужно ко мне заходить. Давайте встретимся где-нибудь в городе. Не то нарветесь на этого дебила.

— Разумно, госпожа Лейла, разумно. Четыре часа дня — вас устроит?

— Годится. Как раз буду с работы идти...

— Тогда договорились. На детской площадке, что возле «Макарры». Встретимся под Волшебным Деревом, — сказал центаврианец. — И еще одно. При людях лучше не называйте меня Йом, госпожа Лейла.

— А как лучше, Хоми?

— И Хоми тоже не называйте. Лучше вообще меня никак не называйте...

Экран погас.

— Повторный просмотр записанного сообщения? — предложил приятный женский голос.

— Не надо, — буркнул я.

Что я, спрашивается, склеротик, чтобы не запомнить такую элементарную информацию?

В целом просмотренный ночной разговор лишь укрепил меня в мысли, что мои догадки верны.

Лейла производит психосканирование предварительно заклеенных офицеров. Затем при помощи психотранслятора вводит им в башку воспоминания о сеансе сумасшедшей любви с кучей порнофокусов, потом — колет своим подопытным кроликам ксеноверин. А после складывает инфокристаллы с результатами психосканирования участков так называемой новейшей памяти в тот самый мелодичный контейнер из-под клубники и передает их центаврианцу.

Тот ей за это дает бабки. А может, расплачивается с ней своей неземной любовью. Впрочем, что-то непохоже...

А уже потом, продолжал размышления я, в каком-нибудь уютном подводном бастионе кровернов под вывеской «Департамент Истребления Однодышащих» результаты этого психосканирования аккуратно анализируются. И делаются соответствующие выводы, от которых нашему брату с каждым днем становится все хуже и хуже...

— А вот хрен вам, а не выводы! — решил я вслух.

До четырех было полно времени. Я вполне успевал съездить к Спайку, отдать ему очки и даже пообедать с дурашкой Джонни. В конце концов мне было интересно, чем кончатся пробы.

Нет, я вовсе не собирался устраивать импровизированного задержания шпионов в духе Ковбоя Мальборо.

«Каждый должен делать свою работу», — любил талдычить сержант Гусак. В общем-то я был с ним согласен. В свете чего мое намерение связаться с полицией было несгибаемым.

Однако я был совершенно убежден: прежде чем беспокоить полицейских, мне необходимо самолично убедиться в том, что Лейла действительно передает контейнер центаврианцу. Может, мне этот контейнер вообще со сна примерещился? По крайней мере про него в видеозаписи не было ни слова.

А ведь наличие или отсутствие этого контейнера принципиально меняло весь расклад! Если контейнер существует и Лейла действительно передает его этому типу, значит, она шпионка.

Если его нет, возможно, Лейла — просто сумасшедшая шлюха, скопившая своим нелегким трудом на устаревшую модель психосканера. Может, она скрашивает себе вибросеансы путем ознакомления с грязным бельем своих мимолетных любовников?

Разумеется, личное пользование психосканерами запрещено законодательно. Ну, значит, и оштрафуют Лейлу по статье «Незаконное вторжение в частную жизнь». И хурманчу ясно, что «незаконное вторжение» и «шпионаж» — не вполне одно и то же.

Уж очень не хотелось мне выставиться перед полицейскими пенсионером, одержимым шпиономанией...

К счастью, Спайка мне лицезреть не пришлось. «Господин Дулли сейчас на поле. Его нельзя беспокоить. Он же форвард!» — с благоговением сообщила мне строгая медсестра лет эдак шестидесяти.

Слово «форвард» она произнесла с такой значительной интонацией, словно за этим крылся для посвященных «архангел» или «генерал-фельдмаршал».

Я оставил очки медсестре, надиктовав для Спайка самые отборные слова искренней и безграничной благодарности.

А потом мы с Джонни ели апельсиновое мороженое и паштет из тунца и пили шампанское. Николь ее взяла! В свете чего шампанским меня угощала Джонни.

Это было очень мило с ее стороны. Лично у меня денег оставалось с гулькин шиш.

На прощание Джонни подарила мне бесстыжий поцелуй, а я пообещал ей скоро вернуться для прощального свидания тет-а-тет. Свидание обещало быть кратким, ведь в десять вечера мне нужно было стоять на регистрации в космопорту...

В половине четвертого я уже мчался в своем мобиле к детской площадке, возле индийского паба «Макарра».

Я припарковался возле входа и, старательно изображая из себя невидимку, двинулся искать Волшебное Дерево.

На дне моей дорожной сумки отдыхал пистолет-пулемет «MS-247», знаменитое детище концерна Microsoft. Я знал — на оружие Microsoft можно смело положиться. Да и потом, с полицией ведь можно было связаться через любое публичное видеоокно.

Глава 7

СЬЮЗДАЛЬ, КИТЕЖ, МАЙКРОСОФТ

Случается, что судьбу забегов на длинные дистанции решает огневая мощь оружия ближнего боя.

Сержант Милош Гусак

— Дядя, помоги мне вон ту коробочку сбить! — Курносый мальчишка, крепыш лет десяти, экспрессивно дергал меня за штанину и совал мне под нос свой игрушечный, хотя и довольно увесистый бумеранг.

— А сам что? Каши мало ел?

— Мне вон ту коробочку хочется, а не ту! — насупился мальчишка, указывая на одну из ветвей Волшебного Дерева, особенно густо засаженную всякими интересностями.

— Извини, герой, но я спешу.

— Это же быстро! А ты такой высокий и сильный! Ну пажа-а-алуйста, дядя!

— Ну ладно, ладно! Убедил! Только не ной!

Я прицелился и что было дури метнул бумеранг в цель. Представьте себе, со второй попытки мне удалось осчастливить мальца на ближайший час — в свалившейся коробочке оказалась новенькая киберстрекоза. Возвратившийся бумеранг едва не огрел меня по башке. И огрел бы, если б я не увернулся.

— Ура-а-а! — завизжал мальчишка и, даже не сказав мне «спасибо», умчался к своим исходящим черной завистью товарищам.

Пожалуй, такими темпами я посбивал бы и все остальные сюрпризы, но тут мой взгляд упал на часы.

До минуты «М» оставалось сорок секунд.

Очень скоро я вычленил из праздно слоняющейся толпы знакомые крутые бедра институтки.

Они, двое, стояли невдалеке от разноцветного Волшебного Дерева, излюбленного аттракциона всех несовершеннолетних жителей Анаграды. Я сразу узнал их — центавриан ца и Лейлу.

В окружении десятков разновозрастных ребятишек, лупящих бумерангами — кто ввысь, а кто и во все остальные стороны света, — в надежде сбить себе какой-нибудь киндерсюрприз, на фоне их благообразных мамаш, папаш и электронных Мэри Поппинс, скучающих на лавочках поодаль, выглядела эта пара зловеще.

По крайней мере одного случайного взгляда, брошенного на них, хватало, чтобы определить: эти озабоченные, хмурые люди не имеют к резвящимся детям, к этой залитой солнцем площадке, к конфетти и попкорну, к киберстрекозам и киберчервячкам никакого отношения.

Лица у них были такие, словно оба дожидались, когда же наконец все вокруг сгорит в липком пламени термоядерного фугаса.

Лейла была, как всегда, при черной вуали, на профессиональной высоты каблуках и с вызывающим декольте. А вот центавриан ец, напротив, оделся нарочито строго. На нем мешком висел сталистого цвета костюм с высоким воротником и широкими рукавами. Его ноги, несмотря на жару, были обуты в высокие черные полусапожки государственного служащего. Костюм был застегнут на все пуговицы. А в руке центавриан ец сжимал... тот самый мелодичный контейнер.

Залетный бумеранг с гулом стукнулся о стенку контейнера.

Какой-то мальчонка лет тринадцати полез извиняться.

Лейла непедагогично зашипела в его адрес. Центавриан ец скривился и пригрозил озорнику пальцем, приговаривая какие-то гадости.

«Контейнер при нем! Значит, не ошибся! Не ошибся!» — твердил я, не сводя глаз с Лейлиного крупа.

Но особого ликования почему-то эта мысль в моей душе не вызвала.

Напротив, у меня в животе вроде как все вмиг опустело. Горло сжал такой знакомый по Глокку спазм. Помнится, наш ротный психолог называл такой спазм «физиологической интуицией»...

Только тогда, в парке, до меня наконец дошло: на протяжении всей этой охоты на Лейлины секреты я все-таки в глубине души надеялся, что это не всерьез.

Что Лейла просто сексуальная маньячка со странностями. Что их дружба с центавриан цем не имеет никакого отношения к психосканированию наших вояк. И тэдэ, и тэпэ.

Мы верим только в то, во что нам удобнее верить. Вот такие мы страусы.

Но теперь же сомнений совсем не оставалось — удобно, не удобно, а изволь хавать правду. Увы, вместе с осознанием этого факта в моем мозгу начала крепнуть уверенность, что я снова вляпался в дерьмо по самые не балуйся.

Лейла и центаврианец оглашали детскую площадку темпераментной руганью. Наверное, опять не сошлись в цене. А может, очередной залетный бумеранг шлепнул Лейлу по крепкой заднице.

Я же на негнущихся ногах человека, открывшего «страшную тайну», направился к загодя взятому на заметку окну видеосвязи, которое располагалось метрах в пятидесяти от Волшебного Дерева. Согнувшись в три погибели и едва не касаясь носом экрана — конспиратор хренов, — я прошептал нужный номер.

— Это полиция?

— Да. Участок двести восемь.

— Девушка, я хотел бы заявить на центаврианца по имени Йом Хоми.

— Тип правонарушения?

— Шпионаж.

— Как вы сказали? Говорите громче! Не шепчите!

— Шпи-о-наж. У меня есть сведения, что Йом Хоми и Лейла Кахтан вошли в преступный заговор с целью незаконного психосканирования военнослужащих правительственной армии.

В этот момент я вдруг со всей ясностью осознал, каким олигофреном сейчас выгляжу. В глазах гуляющих родителей и их чад, в глазах этой девушки из полиции... Безумный взгляд, отрывистый шепот...

Шпионы. Спрашивается, ну какие могут быть шпионы в такой чудесный день? Но мне ничего не оставалось, как гнуть свою линию.

— Все это очень интересно... но дело в том, что мы не занимаемся подобного рода правонарушениями, — мило улыбнувшись, отвечала полицейская. По этой улыбке я сразу определил, что она уже поставила мне диагноз: очередной чокнутый фантазер, одержимый шпиономанией.

— Если не вы, то кто тогда занимается подобными правонарушениями?

— Ну... это всем известно. Шпионаж находится в ведении Управления Оперативной Разведки.

— Тогда подскажите мне номер контактной службы...

— Сейчас, минуточку... Хотя в принципе на вашем месте я бы...

— На моем месте вы делали бы то же самое, милая девушка! — не выдержал я. — Потому что я только что собственными глазами видел, как эта самая Лейла Кахтан передала центаврианцу Йому

Хоми контейнер, набитый инфокристаллами с результатами психосканирования моих, наших с вами коллег! Я лично видел незаконно установленный психосканер в комнате у Лейлы Кахтан!

— Не нужно так нервничать, молодой человек! Сейчас, одну минутку...

Но не успела девушка одарить меня номерком информатория оперативной разведки (а ведь я мог и сам догадаться, растяпа, что звонить нужно в первую очередь туда!), как моя шея вздрогнула от холодного металлического прикосновения.

«Неужели ствол пистолета? Черт возьми, да это как в комедии про агентов национальной хурманчианской безопасности!»

Однако смеяться мне почему-то не хотелось. Так всегда бывает, когда кинокомедия перемещается с экрана видеокубика в гущу твоей персональной, единственной жизни.

— Не шевелиться, — сказал мужской голос у меня за спиной.

Сразу вслед за этим облеченная в серебристую перчатку рука нырнула мне под мышку и, метнувшись к панели управления видеоокном, нажала на кнопку «Конец связи».

С характерным электрическим шорохом экран погас, а у меня вдоль хребта поползли предательские мурашки.

— Хреновые твои дела, парень, — объяснил тот же вкрадчивый голос. Если бы змеи могли говорить, уверен, голоса у них были бы такие же точно. — Сейчас ты отдашь мне свою сумку с «Майкрософтом» и медленно, очень медленно, пойдешь по направлению к тому черному мобилю. Видишь? Да-да, к тому, который припаркован на стоянке «Макарры». И не вздумай брыкаться и строить тут передо мной бэтмэна, рядовой Сергей ван Гримм...

«Боже, они уже и имя мое вынюхали! — ужаснулся я. — Да ладно имя. Они знают даже марку моего пистолета-пулемета! А ведь я его еще и не доставал!»

Это довольно-таки неприятная ситуация. Когда «они» про тебя знают все, а ты про «них» — ничего. Кроме того, что «они» — шпионы.

Не оборачиваясь, я покорно отдал ему сумку. Увы, теперь я оказался совершенно безоружен. С деланной непринужденностью шагая в сторону указанного мобиля, я бросил косой взгляд в сторону Лейлы и центавриан ца.

Они все еще разговаривали и, кажется, вообще не видели меня и моего конвоира! А может, и видели, но делали вид, что их это не касается...

Я уже мысленно составлял завещание, как вдруг отчетливо услышал глухое «б-бац!», вроде как стекло треснуло.

Вслед за этим «бац» мой конвоир взорвался отборной руганью. Между прочим, судя по характерным прищелкиваниям языком, матерился он на каком-то из веганских диалектов.

Но главное, хищное дуло неведомого ствола на секунду рассталось с моим затылком! Наконец-то суровые капитаны оперативной разведки восстановят пошатнувшуюся справедливость!

Но, как говорится, на кэпа надейся, а сам не плошай.

На этот раз реакции мне хватило с избытком. Не прошло и трети секунды после неожиданного «бац», а я уже развернулся к моему конвоиру лицом.

Не успела окончиться вторая треть, а мое колено уже врезалось во вражеский живот, в то время как локоть правой руки уже молотил гада по хребту в отменно болевую точку между лопатками!

Упал на землю пистолет. Сразу вслед за этим разжавшиеся пальцы шпиона выпустили конфискованную у меня сумку.

Я успел не только отметелить его по первому разряду, но и рассмотреть. Действительно веганец. Длинные патлы, узкие плечи, перекачанные ноги и руки, непредставительно хилый торс...

Я даже в лицо ему заглянул — между двух хуков, так сказать. Такое себе, обыкновенное лицо. Разве что глаз серьезно подбит, да и другой тоже кровоточит.

Оно и понятно: в глазное яблоко впился оптический пластик темных очков. Да еще и губы раскровенены... Будет дураку наука, как надевать на дело солнцезащитные очки.

Особо не размышляя, я снова наподдал веганцу под дых. Интересно, как полиция квалифицирует мои действия? Хорошо, если как самооборону. А если нет?

И только тут до меня доперло, что же, собственно, произошло. Один из беспризорных бумерангов — тот самый, при помощи которого я буквально только что помогал выбить стрекозу-сюрприз из Волшебного Дерева, — волею случая врезался моему обидчику прямо в очки, очки врезались в глаза, а дальше — как положено...

Однако волею случая ли?

Я медленно обернулся. На расстоянии в десять шагов от нас стоял, широко улыбаясь, тот самый крепыш, который недоел каши! Тот самый, что позабыл сказать мне «спасибо». Вот оно, значит, какое «спасибо» оказалось!

— Ну ты крутой пельмень, честное слово! — крикнул я, для острастки еще раз насаживая грудь веганца на свое колено.

— А ты думал. — Он махнул мне рукой и смешался с толпой быстрее, чем я успел сказать еще что-нибудь.

Толпа в парке между тем успела сориентироваться. Над детской площадкой поднялся несусветный визг.

Мамаши хватали в охапку своих детей. Папаши поддерживали падающих в обмороки мамаш. Киберняни накрывали вверенных им чад защитными куполами и звонили по всем доступным номерам: в экстренную медпомощь, в полицию, в управление ЧС и дальше по восходящей вплоть до Господа Бога.

Не обращая на весь этот переполох никакого внимания, я добивал незадачливого веганца. Еще один апперкот... И еще...

Он упал на землю бесчувственным кулем с удобрениями и больше уже не рыпался. Я, взвинченный животным страхом, в последний раз добавил ему по ребрам..

Не знаю, чем бы это все кончилось для веганца, если бы на другом конце площадки не произошло нечто, направившее мои мысли в другую сторону.

Вместе с паникующей толпой я услышал звуки четырех выстрелов и, оставив в покое не представляющего более опасности веганца, обернулся.

Ну да! Так я и думал!

То есть ничего такого, лупцуя веганца, я, конечно, не думал. Но мог бы предположить.

Быстро-быстро перебирая своими длинными ножищами, центавриянец Йом Хоми направлялся в сторону шикарного оранжевого мобиля. А на белых плитах детской площадки, в сени Волшебного Дерева лежала, истекая кровью... Лейла. Ее правая нога судорожно скребла землю, а руки были раскинуты в сторону буквой «Т».

Восстановить мотивы Йома Хоми было несложно. Увидев нашу драку, он понял, что ситуация выходит из-под контроля, и решил сматываться, попутно заметая следы. Вот, значит, замел.

Четыре пули были всажены в привычное к мужским ласкам тело Лейлы по всей науке. Одна — в живот, в солнечное сплетение. Одна — в сердце. Одна — в шею. И еще одна — в голову.

Чтобы даже самый искусный реаниматор из оперативной разведки не смог вернуть мозг излишне информированной девушки Лейлы к призрачной жизни мыслящего тростника. Мыслящего и помнящего.

Так вот, значит, чем центаврианские шпионы расплачиваются со своими наивными помощницами...

И тут я осознал, что если позволю этому гаду центаврианцу уйти, меня перестанет уважать даже моя собственная фотокарточка.

Я поднял с земли оброненный веганцем пистолет и помчался к черному мобилю. К тому самому, к которому пытался отвести меня мой незадачливый конвоир.

* * *

Превышая все городские ограничения скорости, мы мчались по бульвару Рождества, украшенному статуями санта-клаусов различной степени бородатости и упитанности. Я — на уведенном черном мобиле веганца, центаврианец — на своем оранжевом.

Мы двигались в сторону космопорта — в этом у меня сомнений не было. Хотя центаврианец и закладывал немыслимые виражи, то и дело заскакивая на периферийные улочки и развязки, обставить меня ему не удалось.

Между прочим, во время этой сумасшедшей погони выяснилось, что я неплохо ориентируюсь в Анаграве. По крайней мере центаврианец знал столицу ненамного лучше.

Дважды он едва не заехал в тупик, один раз ему пришлось разнести в щепу заграждение ремонтников и выехать на изрытую колдобинами полосу, с которой мы оба едва съехали...

Вообще было видно, что во время вождения загадочный Йом Хоми *думает*. В то время как любому водителю Анаграны ясно, что *думать* за манипулятором мобиля совершенно незачем.

Жалеть приходилось только об одном: гнаться за Йомом Хоми пришлось на обычном, ну, может, чуть более скоростном и комфортабельном, чем обычно, мобиле. А не на гравикаре.

Я льстил себе мыслью о том, что на гравикаре догнал бы Хоми в два счета. И на счет «три» уже приставил бы к уху мерзавца свою пушку...

Что именно я буду делать, когда наконец-то настигну центаврианца, я так и не решил — времени на размышления у меня не было.

Бить рожу?

Стрелять на поражение?

Держать под прицелом до приезда соответствующих лиц?

Все это вместе или все это по порядку?

Однако я был совершенно уверен: настигнуть Йома Хоми необходимо. Потому что если бы полиция могла или хотела сделать что-нибудь, она бы уже, черт возьми, сделала!

А так... Где хоть один патруль дорожной службы? Где? Ведь по городу с бешеной скоростью носятся два представляющих опасность для окружающих мобиля?

Где была охрана парка, когда мудак веганец брал на мушку праздно гуляющего рядового Сержа ван Гримма, находящегося в увольнении? Когда другой мудак расстреливал в упор институтку Лейлу Кахтан на глазах у детей и простых обывателей?

Где, в конце концов, хоть какая-нибудь контрразведка, для вящей стратегической маскировки именуемая «разведкой»? Ведь кто-то же должен *в принципе* ловить шпионов?

Ответов на эти вопросы я не знал. Я просто давил на газ и пожирал взглядом упитанный круп оранжевого мобиля со странными, очень странными номерами...

Мы были уже у самого космопорта на улице Космического Спокойствия.

Мы промчались мимо «Тихой пристани» с гигантским футбольным полем, которое просвечивало сквозь частокол желто-бурых кипарисов. Где-то там на синтетически-зеленом поле давал дрозда в составе временной сборной команды правительственной армии форвард Спайк Дулли.

Я некстати задумался о том, что если бы во время полета на Марс наши со Спайком капсулы не располагались рядом, я никогда не познакомился бы с этим праведным работоголиком-танкистом.

А значит, никогда не достал бы интроочки и никогда не уличил бы Лейлу.

А значит, не мчался бы сейчас по улице Космического Спокойствия, высунув язык от напряжения и тревоги. Выходит, если бы не прихоть компьютера, выдавшего нам со Спайком билеты на соседние места, Лейла была бы жива.

Правду говорят: наша жизнь — нагромождение случайностей. Иногда — счастливых, иногда — не очень.

Мы ехали вдоль длинного стеклокерамического забора, высотой метра эдак в четыре. Как и положено забору, этот был разукрашен затейными граффити. Там было на что посмотреть: видеоряд не ограничивался простенькими «мазафака». В частности, квант моего внимания отожрал откровенно подстрекательский призыв:

Если ты герой в натуре —
Так нассы в прокуратуре!

Были и политически неактуальные мысли, выраженные в форме детской считалочки. Каждая буква стишка имела метра три в высоту.

Раз, два, три,
Раз, два три,
Жопу скату подотри!

Оранжевый мобиль уверенно лидировал, поднимая тучи красной марсианской пыли.

Я не особо торопился сокращать дистанцию — куда ему деваться? Левых поворотов не намечалось, справа тянулся забор космопорта.

А что там впереди? Ну, заправочная станция кэбов. Да закусочная «Ням-ням» с десятком мирно припаркованных мобилей.

За ними — несколько километров пустой дороги, упирающейся в юго-западные, самые непопулярные среди трудящихся и курортников Марса грузовые ворота космопорта. Откровенно говоря, я *очень* надеялся, что вот там-то нас точно поджидает какой-нибудь занюханный кордончик полиции...

Промчавшись мимо закусочной, я снова погрузился в облако красно-розовой пыли. Из-за этого-то облака я не сразу понял, куда делся оранжевый мобиль.

Не мог же он уйти в подпространство, в самом деле! А что, если «мог»?

Чушь собачья!

Я резко остановился. Слева от дороги — каменистая, не облагороженная никакими агрофокусами пустошь.

Вдалеке, в бурой дымке — унылая промзона.

Справа — забор с сильно поредевшими и содержательно поскучневшими по мере удаления от города граффити.

Впереди — тоже пусто. Может, центаврианец в небо взмыл, как жаворонок?

Подозрительно озираясь, я вышел из мобиля и поднял глаза к небу.

Небо как небо. Радуга, слепящее термоядерное солнце, рядом — еще одно солнце, богоданное. Бледное, правда, и маленькое...

Вдруг на мои издерганные уши обрушилась настоящая лавина звуков. Впрочем, к мобилю это снова-таки не имело никакого отношения. Уж я-то знал это ритмичное фырканье! Взлетал не очень вместительный космический кораблик...

Я повернулся в сторону скрытого забором космопорта и... обмер. На заборе прямо перед моими глазами висела неброская, особенно на фоне ярких граффити, синим по белому, табличка.

«Вход-32». Рядом — тускло переливающийся значок в виде парящей в пространстве розы: «эстетическая голограмма».

Это значит, что из эстетических соображений (хотя при чем тут эстетика — ведь пустырь же?!) вход замаскирован под стандартный участок забора. Кому надо — те знают, где вход. А кому не надо — тот и не узнает...

Не требовалось быть Эйнштейном, чтобы определить: именно туда, в этот лаз, и зарулил Йом Хоми, пока я предавался пустым мечтам о спасительном полицейском кордоне.

Я пытался повторить подвиг центаврианца и заехать в космопорт по-человечески, но потерпел поражение.

Замок «Входа-32» требовал какую-то загадочную «дипломатическую карту». Неужели эта центаврианская сволочь еще и дипломат, ко всем своим достоинствам?

Ну да. Странные номера на оранжевом мобиле — дипломатические. Я мог бы и быстрее догадаться...

Может, попросту перелезть через забор?

Однако внимательный осмотр препятствия говорил о том, что это не лучшая идея. Густая сеть биошокеров наверху не оставляла надежды, что мне удастся спуститься с той стороны целым и невредимым.

«Ну кому нужна такая жестокая защита? Подумаешь, какой-то драный коммерческий космопорт! Какие там могут быть секреты?» — проворчал я себе под нос.

Правда, справедливости ради нужно сказать, что, судя по обилию граффити, по вечерам возле этого забора наверняка полно подвыпивших и обкуренных подростков. И посредством биошокеров муниципалитет Анагравы спасал не столько призрачные секреты космопорта, сколько жизни своих не вполне половозрелых жителей.

Что же делать?

Толковая мысль пришла в мою голову, как обычно, неожиданно.

«Если я не могу перелезть через забор, значит, нужно через него перелететь!»

Спустя минуту мой мобиль уже мчал к закусочной.

Словно заправский рейнджер из антитеррористической группы, я пулей выскочил из кабины мобиля, вставшего аккурат рядом с новехоньким кэбом.

Облюбованный мною аппарат не был беспризорным. Более того, водитель сидел на положенном ему месте и уплетал горячую лапшу с креветками из ведерка с эмблемой системы закусочных «Ням-ням».

— Извини, дружище, но мне очень нужен твой кэб, — буркнул я, словно коршун хватая несчастного за шиворот и не очень-то деликатно выволакивая его из кабины.

Не успел водитель окончить свою тираду, смысл которой в целом сводился к описанию моей родословной, а я уже уселся на его загаженное лапшой и креветками сиденье и что было дури дернул на себя манипулятор.

Завывая холодными двигателями, кэб неохотно пополз вверх.

Для кэба преодолеть забор космопорта было делом плевым. Разве что штраф за такие развлечения был равен тысяче восьмистам талерам.

Впрочем, до денег ли мне было в тот день?

Даже самый тихоходный кэб быстрее любого, даже самого быстроходного мобиля. Вот почему на месте шпионов я пользовался бы только кэбами.

Впрочем, шпионов я тоже понимаю. Конспирация, легче затеряться среди таких же мобилей простых трудяг и тому подобное.

Но в этот раз конспирация сыграла с центавриан цем Йомом Хоми злую шутку.

Я не только быстро обнаружил его, но и быстро догнал.

Йом Хоми мчался в направлении двадцать четвертой, приватной взлетно-посадочной зоны по служебной, транспортной полосе, исполинской змеею вихляющей между стоящими под погрузкой и недавно севшими транспортами.

Даже в кабине кэба было слышно, как разоряются диспетчеры двадцать второй и двадцать третьей зон — тех самых, по которым он проезжал. Да они вопили как резаные! Вся их работа шла коту под хвост — вместо царства порядка космопорт превращался в вертеп хаоса!

Диспетчеры диспетчерами, а ни одного полицейского я все еще не приметил, хотя и выворачивал шею во все окна.

«Они как сговорились! У нас за такие дела уже оставили бы без зарплаты всю роту!» — подумал я.

Не то чтобы я был таким уж асом в пилотировании кэбов, но зависнуть над оранжевым мобилем центавриан ца на высоте тридцать метров и держать приблизительно ту же скорость, что и он, мне умения хватило.

Впрочем, не успел я подивиться своей ловкости, как брюхо кэба с характерным металлическим звуком чиркнуло о пролет невесть откуда выехавшего погрузочного крана. Фонтаном полетели искры, я порядочно струхнул и поначалу даже потерял управление.

Но — обошлось. На самом деле, пройди мой кэб на три миллиметра ниже, это столкновение стало бы для меня фатальным. И тогда здравствуй, молодчага Зигфрид! Привет, Тони Сицилия! Как у вас тут, в раю? Свеж ли нектар, не забродила ли амброзия?

Теперь уже было совершенно ясно, что Йом Хоми правит к небольшой центавриан ской яхте, стоявшей на приватной взлетной площадке двадцать четвертого уровня в полной взлетной готовности. Мы были так близко, что я даже смог прочитать название: «Скорта».

Мне показалось, что надо нагло приземлиться прямо перед Йомом Хоми и остановить его машину парой очередей из пистолета-пулемета. Повязать мерзавца и дотащить до тыквообразного здания космопорта — того самого, что сияет колдовским светом в половине рекламных роликов, превозносящих каникулы на Марсе.

И наконец-то сдать негодяя властям. Там-то уж наверняка должна быть полиция! Ну хотя бы таможенники!

Однако моему плану не суждено было осуществиться. Поскольку с борта такой смирной с виду «Скорты» по моему кэбу открыли огонь!

Собственно, я понял, что в меня стреляют, только когда первые пули прошили ветровое стекло кэба и просвистели над моей садовой головой. И ежу было ясно: срочно нужно взять повыше.

Я и взял. Но на излете моего виража треск автоматных очередей сменился плотоядным ревом... ревом «Сьюздали»!

«Но откуда? Откуда-а-а-а-а???»

Не успел я выровняться, как в дисплее заднего обзора показались веселые картинки. В меня попали. И теперь узкий задок моего кэба пушился дымом с огненной жилкой.

К счастью, попали не из «Сьюздали». А из ее брата меньшого по имени «Китеж». Да и попадание было, похоже, касательным. Меня всего-то зацепило. Но ведь и кэб — не танк, это любой Спайк Дулли вам подтвердит!

Господи, если бы я догадывался, что мое увольнение на Марс, которое началось так шикарно, окончится воздушным боем, ноги моей не то что в Анаграве, но и вообще в этой долбаной Солнечной системе не было бы еще лет десять!

«Садиться любой ценой!» — стучало у меня в мозгу.

Я всем корпусом навалился на манипулятор. Кэб камнем ухнул вниз...

Я знал — когда огонь доберется до гравидвигателей, которые расположены под брюхом, произойдет неизбежный взрыв, после которого от рядового Сержа ван Гримма останутся одни лишь не очень приятные воспоминания.

По моим расчетам, до взрыва было не более двадцати секунд.

Пятнадцать секунд... Мой подбитый кэб падает в двухстах метрах от «Скорты».

Десять секунд... Поскребывая брюхом о шероховатый базальт взлетно-посадочного поля, аппарат с горем пополам останавливается, влипнув вмиг смявшейся мордой в заграждение, отделяющее зону двадцать четыре от зоны двадцать пять.

Шесть секунд... Я хватаю в зубы пистолет-пулемет, открываю дверь кабины и, мобилизовав всю волю к жизни, набираю полные легкие мерзкого химического дыма и совершаю последний рывок...

Три секунды... Мою ногу пронзает дикая, обжигающая боль.

Уже потом, после, мне скажут, что в этот момент в мою правую ногу впились одновременно четыре «кусачих», хорошо хоть не разрывных, пули...

Со «Скорты» продолжают стрелять. Я думаю, если бы не дым от сжираемого пламенем кэба, одной простреленной ногой я бы не отделался...

Одна секунда... Завывая от боли, я откатываюсь в сторону и, втиснув закопченное лицо в базальт, закрываю голову руками.

Да, мой кэб все-таки взорвался. Правда, не через секунду, как я рассчитывал. А немного позже. Что, впрочем, не так уж принципиально.

Взорвался он с особым чавкающим звуком, словно тысячекилограммовый спрут отрыгнул после сытного завтрака кашалотинкой.

В какую бы укромную щель заползти, чтобы по крайней мере меня не доставали очереди со «Скорты»?

Я поднял голову.

То, что я увидел, сильно обогатило мои представления о жизни и людях.

Нет, оранжевый мобиль центавриан ца не доехал до «Скорты».

Судя по потекам копоти, его достали из «Китежа» приблизительно в то же время, что и мой кэб. А судя по обилию потеков копоти, именно в него с борта «Скорты» в основном и метили.

Я увидел и самого Йома Хоми.

Каким-то чудесным образом ему, уже раненному, удалось выбраться из горящего мобиля. И теперь он полз по направлению к «Скорте», хрипя что-то очень невнятное на центаврианском. А может — и на интерлингве. С обгоревшими губами, с пузырящимся от ожогов лицом, ему было не до правильной дикции.

Учитывая, что руки Йома превратились в обугленные культи, что его серебристый костюм местами тлел, а местами — на спине и на плечах — нехотя горел, Йом просто-таки ставил рекорд ползучести. Пожалуй, если б мои ноги и руки превратились в головешки, мне вообще не пришло бы в голову рыпаться...

Контейнер с инфокристаллами, узнаваемый, хотя и порядком закопченный, валялся на полпути между пожарищем мобиля и ползущим Йомом.

Видимо, поначалу он рассчитывал прихватить контейнер с собой, на «Скорту». Но потом передумал.

До моего слуха донесся вой полицейских сирен и родное металлическое грюканье. С трудом ворочая шеей, я проявил любознательность.

Мама моя дорогая!

Со всех сторон ограждения двадцать четвертую зону окружали люди в экоброне. Не менее трех десятков «Сьюздалей» глядело на «Скорту» со всех сторон. А по въездному серпантину ползла... целая колонна бронетехники с опознавательными знаками марсианских Сил Самообороны!

«А вот теперь «Скорта» благополучно включит планетарные двигатели, обставив всю эту банду, поспевшую к шапочному разбору. Жаль, что во время ее взлета я скорее всего поджарюсь, как гренок, брошенный в доменную печь!»

На мгновение зона двадцать четыре погрузилась в гнетущую тишину. И если бы не свист планетарных двигателей «Скорты», от которого на моей беззащитной голове загорелись волосы, я бы вообще подумал, что все уже окончилось.

Когда пекло стало просто невыносимым и я наконец-то поднял голову, а случилось это минуты эдак через две, я с удивлением обнаружил, что это был отнюдь не старт «Скорты». А ее взрыв.

Это очень в их традициях — я имею в виду, в центаврианских. Не сдаваться врагу — никогда, ни за что, ни при каких усло...

...Двое в экоброне уволокли меня прочь, в душистые объятия медицинских сестер, наркоза, кондиционированного воздуха.

— А теперь, сениор ван Гримм, мне хотелось бы знать, почему вы сразу не сообщили в полицию или в Управление Оперативной Разведки.

— Ну я ведь уже объяснял лейтенанту Чориари...

— Я ознакомился с вашими объяснениями. Они показались мне неубедительными...

— Чего же вы от меня хотите? Чтобы я повторил еще раз свои неубедительные объяснения?

— Нет. Этого я не хочу. Я планирую услышать от вас более внятный рассказ о том, как получилось, что за несколько дней, которые вы провели рядом со шпионкой Лейлой Кахтан и ее подельницей Джонни Боссик...

— Да кто вам сказал, что Джонни ее подельница?! Кто это сказал?! Она совершенно ни о чем не подозревала! Вы же ничего не доказали!

— Не спорю, сениор ван Гримм. Прямых доказательств ее вины у нас еще нет, — кивнул майор Зонн, и три его подбородка на мгно-

вение превратились в пять. — И все-таки нам кажется подозрительным, что за несколько лет...

— Послушайте, сениор Зонн, а не кажется ли вам подозрительным, что ни один из чинов Космофлота, пехоты, танковых войск ничего не заподозрил после психосканирования? Интересно, если тетрарху не хватило подозрительности докумекать, что его мозги как следует промыли в этом гнезде разврата, то чего требовать от Джонни, она же еще девчонка?!

— Скажете тоже, «девчонка», — презрительно скривился майор Зонн. — Да будет вам известно, сениор ван Гримм, что Джон Боссик медицинским путем...

— Мне об этом известно. Но, насколько я знаю, трансгендер пока что не запрещен законодательно.

— При чем тут законодательство?! Я вам говорю о моральной оценке! — вроде как обиделся на меня майор Зонн.

— Видать, плохо у меня с моралью.

Помолчали.

— Мы отклонились от темы, — встрепенулся майор. — Итак, вернемся к тому дню, когда вы обнаружили психосканер...

— Мне добавить нечего. Я уже все подробнейшим образом изложил. Лучше вы мне скажите, наконец, в чем меня обвиняют? Вот уже два дня никто из ваших не в состоянии это четко сформулировать! Мурыжите меня тут... А мне, между прочим, жалованье в это время начисляют на мой бригадный счет в Декстра Порта!

— Хотите формулировок — пожалуйста. Пункт первый. Своими действиями, невольными или намеренными, вы, рядовой Серж ван Гримм, способствовали тому, что рухнула целая ветвь шпионской сети центавриан цев...

— А вы бы предпочли, чтобы я своими действиями эту ветвь бережно и нежно взлелеял? — не выдержал я.

— Не перебивайте, сениор ван Гримм, — строго сказал майор. — Если бы вы своими действиями в парке, намеренными или невольными, не спугнули центаврианского резидента, орудовавшего в Анаграве под дипломатическим прикрытием, мы могли бы раскрыть и обезвредить крупную шпионскую и, вероятно, террористическую группировку...

— Значит, пусть бы тот веганец меня попросту убил, да?

— Я этого не говорил.

— Нет уж — говорили! Мои действия в парке, «намеренные или невольные», как вы изволили выразиться, были обусловлены тем, что мне в затылок смотрело дуло пистолета! Между прочим, тогда в парке на меня глазело не менее пятидесяти человек. Любой из них

подтвердит — так все и было! И потом, каким, интересно, образом вы могли бы раскрыть и обезвредить эту самую группировку, если о самом ее существовании вы не знали?

— Рано или поздно мы вышли бы на ее след!

— Рано или поздно! Это все равно что сказать: «Рано или поздно Содружество победит кровернов»! Если бы не я, вы бы никогда вообще об этой «ветви сети» не узнали. Поэтому спокойно можно считать, что вы ничего не потеряли. А наоборот — приобрели! Не станете же вы отрицать, что тот контейнер, который остался на взлетно-посадочной площадке, содержал инфокристаллы?

— Не стану.

— И, наверное, не станете отрицать, что вам в руки попали два отпетых шпиона — собственно Йом Хоми и веганец, которого я отделал тогда в парке!

— А вот здесь вы ошибаетесь, сениор ван Гримм. Они попали к нам в руки уже мертвыми...

— Рассказывайте сказки! Я, конечно, не доктор. Но я знаю, что такое смертельные ожоги! Йом Хоми еще ползал, когда подлетели ваши соколы в экоброне. Это значит, вылечить его было — раз плюнуть...

— Дело не в ожогах, сениор ван Гримм.

— А в чем? Или, может, вы скажете, что я того веганца до смерти избил?

— И Хан Соро-Соро, и Йом Хоми покончили жизнь самоубийством, когда поняли, что обречены попасть в наши руки. Они активировали ампулы с ядом, которые были имплантированы в их ротовые полости.

— Я об этом не знал.

— То-то же! Любой, кто хотя бы интересуется тем, чем живет родная разведка, знает, что главной и самой неприятной особенностью центаврианского шпионажа является готовность всех его субъектов расставаться с жизнью при малейшей опасности. И если бы вы это знали, вы не наломали бы столько дров!

— Если бы у бабушки были яйца, она была бы дедушкой, — буркнул я. — В таком случае скажите мне, почему, если Лейла Кахтан была центаврианской шпионкой, Йом Хоми застрелил ее, когда увидел, как я разбираюсь с этим вашим... Соро-Соро... Почему же Лейла не приняла яд?

— Ну... я нарочно упростил ситуацию, когда говорил, что Лейла Кахтан — центаврианская шпионка. На самом-то деле этот Йом Хоми держал ее на крючке...

— ...на денежном крючке?

— Не только денежном, сениор ван Гримм. Мы недавно выяснили, что братья Лейлы принадлежат к опасной религиозной террористической организации «Калам». Сейчас они оба находятся на Центавре. Ожидают, пока им выберут меру наказания: девять месяцев в сурдокамере или горячее распыление.

— А при чем здесь Лейла?

— По моей гипотезе, Йом Хоми, кстати сказать, занимавший у себя на родине пост в Исполнительном Собрании, обещал Лейле Кахтан, в случае ее успешной работы, посодействовать смягчению наказания.

— Гипотеза что надо! — Я поднял вверх большой палец. — Только непонятно, зачем при этом Лейле платили деньги.

Честно говоря, после разговоров с майором Зонном и лейтенантом Чориари я был не очень высокого мнения об оперативной разведке. Все гипотезы у них были какие-то кособокие, все претензии ко мне — нелепые...

Но самым ужасным было осознание того, что на Декстра Порта, куда меня скорее всего все-таки отпустят (не сажать же меня в девятимесячную сурдокамеру с последующим горячим распылением!), моего возвращения наверняка дожидаются старые знакомцы под руководством капитана Арагве. С теми же самыми дегенеративными вопросами!

— Вижу, вам не нравятся мои гипотезы, — построжел майор Зонн. — Тогда я вернусь к главному. Помимо прочего вас обвиняют: в угоне и приведении в негодность кэба; в противозаконном нарушении границ космопорта; в вождении кэба в нетрезвом виде... И еще тут фигурирует непроверенная информация о драке в танцбаре «У Кролика»...

Все-то этим гадам было известно!

— А в браконьерстве и совращении несовершеннолетних меня, случайно, не обвиняют? — спросил я.

Майор Зонн юмора не понял. Он пошуршал своими бумагами и ответил:

— Нет. Таких пунктов в обвинении нет. Но если вы готовы к добровольному признанию и по этим пунктам...

— Нет-нет-нет! — Я отчаянно замахал руками.

Майор Зонн, который, конечно же, юмор понял — я наконец увидел это по его смеющимся глазам, — немного смягчился.

— Тюрьма вам, конечно, не грозит. Отделаетесь штрафами, — разоткровенничался он.

— Можно подумать, у меня деньги есть... Там как накалькулируют наши неподкупные — потом за всю жизнь не расплатишься!

— Ничего, займете у кого-нибудь... Или продлите контракт с правительством... Или кредит возьмете...

— Можно подумать, хоть один банк даст кредит потенциальному смертнику...

— Кому?

— Ну, я хотел сказать, рядовому первого класса...

— Да вы не расстраивайтесь так, — еще больше смягчился капитан Зонн. — Лучше думайте о положительных сторонах дела...

— Это о каких, например? — с ехидцей спросил я.

— Например, о том, что все-таки именно благодаря вашим не вполне корректным действиям мы получили представление о том, какого рода информацией торгует шпионская организация «Гон»...

— Кто?

— Организация, к которой принадлежали Йом Хоми и его компаньоны с яхты «Спарта»...

— «Скорта».

— Ах, ну да, конечно же «Скорта»!

— И какой же?

— Те инфокристаллы, что попали к нам в руки, содержали преимущественно результаты сканирования участков моторно-динамической памяти. Грубо говоря, тех участков, которые отвечают за навыки вождения транспортных средств, в том числе космических, за обращение со сложными приборными комплексами и системами...

— Не понимаю, кому это нужно, — пожал плечами я.

— Это как раз элементарно. Всем, кто по тем или иным причинам имеет желание, но не имеет возможности обучаться, например, вождению планетолета, пилотированию десантного катера или стрельбе из «Сьюздали».

— Что, есть и такие идиоты в нашем родном Содружестве?

— Представьте себе, есть. И немало. Как правило, речь идет о гражданах автономных колоний, которые располагают технологиями, но не имеют лицензий на изготовление современных вооружений. В частности, о центаврианцах и веганцах. Наконец, можно заподозрить и представителей других цивилизаций с повышенным индексом агрессивности...

— Вы хотите сказать, что, возможно, где-то в глухих лесах сидят, скажем, хурманчи и обучаются стыковать два космических крейсера, используя как руководство к действию информацию, снятую с мозгов какого-нибудь корветтен-капитана, вроде того, которого я как-то видел у Лейлы Кахтан?

— Грубо говоря, так...

— Ну дела! — сказал я и прикурил очередную — наверное, десятую за наш разговор — сигарету.

Тогда я не очень-то поверил майору Зонну. Уж больно фантастично звучали его рассказы. Тогда меня больше волновала сумма штрафов, которую мне начислят наши долбаные стражи мировой справедливости.

Вполуха слушая болтливого не по званию Зонна, я размышлял о том, где бы найти адвоката позубастее, да еще о том, что перед отлетом на Декстра Порта хорошо бы выкроить минутку и зайти к Джонни попрощаться. Интересно, как она будет платить за квартиру в одиночку?

Идиот! Если бы я знал, с какими субчиками мне придется иметь дело в самом скором времени, я бы слушал майора Зонна повнимательнее...

Глава 8

КАК Я СТАЛ КАПРАЛОМ

Гордыня — страшное зло. Она заставляет нас предпочитать глупым людям опасных.

Michael Baytalsky

«Опять эти траханые кабинеты!» — взвыл я, когда двери за мной закрылись.

Так уж вышло, что последние недели я, почитай, только и делал, что перелезал из логова одной очень важной персоны в логово другой, еще более важной персоны. И получал при этом пендели.

На сей раз я даже толком не знал, кто меня «приглашает». И это добавляло ситуации пикантности.

«Только бы не капитан Арагве», — заклинал я судьбу, нервически вертя в руках портсигар.

Нет, капитан Арагве тут был ни при чем.

— Вы Серж ван Гримм? — спросил, вставая мне навстречу, высокий блондин с умными серыми глазами.

«Высокий» — это, пожалуй, мягко сказано. Правильнее было бы «высоченный». Росту в моем собеседнике было не менее 2,15 метра. Коренной марсианин, что ли?

Кандидат в марсиане был одет в штатское. Поколебавшись чуток, я отверг уставное долдонство и ответил без выкрутасов:

— Да, это я.

— А я — Эверт. Эверт Вальдо, — представился блондин, приветственно протягивая мне руку-лопату.

Рукопожатие у него было крепким, но каким-то невоенным. Да и с каких это пор незнакомые военные здороваются друг с другом за руку?

— Я капитан аналитической разведки, — пояснил блондин с неуместной, на мой взгляд, улыбкой.

На какую-то секунду у меня отвисла челюсть — ни фига себе!

— Рад знакомству, сениор! — Я вытянулся во фрунт.

— Отставить «сениор». И всю прочую армейскую чушь — тоже отставить, — скривился Эверт. — Так мы далеко не уедем.

Ну, отставить так отставить — согласился я.

— В таком случае мне можно сесть?

— Садитесь. Если хотите — можете курить, — добавил Эверт. — Будет еще лучше, если вы и меня угостите сигаретой. Видите, такая прорва работы, что некогда спуститься в холл к автомату.

Я ухмыльнулся и протянул ему свой портсигар. Я сразу просек: этот капитан Эверт Вальдо — очень необычный военный. Не было в нем ни строгости, ни высокомерия. Это, кстати, меня отнюдь не обнадежило, а, наоборот, насторожило.

Как вскоре выяснилось — не напрасно.

— Перейдем к делу. — Эверт глубоко затянулся. — Я предлагаю вам, Серж, перейти под мое начало. Мне поручено возглавить разведывательную экспедицию в сектор АН-9007. В основном персонал уже подобран. Не хватает только заместителя командира взвода.

— Взвода?

— Да. Взвод, правда, у нас размером с отделение. Человек восемь — десять, не больше. — Эверт довольно обаятельно улыбнулся. Вроде сказал «такая вот херня».

— Вы, наверное, что-то путаете, сениор, то есть, прошу прощения, господин Вальдо... Мне и рядового первого класса только недавно присвоили... А чтобы взводом командовать, даже из восьми человек, нужно быть сержантом. Ну хотя бы капралом...

— Так в чем проблема? Будете капралом! — пожал плечами Эверт.

— Но ведь боевого опыта у меня совсем мало... Собственно, Глокк был единственной...

— Один Глокк стоит десяти других операций, ведь так? Также я знаю о ваших похождениях на Марсе. И в отличие от Особого отде-

ла полагаю, что вы действовали единственно верным образом. Вы ведь не располагали всей полнотой информации. В другой ситуации проявленная вами инициатива, возможно, могла бы спасти целое соединение Флота.

«Кажется, вся Галактика скоро будет знать о моих «похождениях на Марсе», — подумал я. Мое тщеславие это, конечно, тешило, но, судя по последним словам, Вальдо мне бессовестно льстил. Это насторожило меня еще сильнее.

— А если я откажусь?

К чести Эверта нужно сказать, что скрывать свою растерянность он даже не пытался.

— Знаете, Серж... Об этом я как-то не подумал... Что будет? Да что будет — пошлют вас через четыре дня на какой-нибудь Освальдхоф... Или скорее на Короллу, недели через две... И будете вы там красную грязь месить да из «Сьюздали» меоравиолей гасить...

«Интересно, — подумал тогда я, — он сроки и названия планет из головы берет, просто для примера? Или на самом деле есть такие планеты и там назначены операции?»

— А потом на Королле или на Освальдхофе вас скорее всего убьют, дорогой Серж, — сказал Эверт. — Потому что в войне с кровернами мы пока не выиграли ни одной планетарной битвы. Эта информация, к слову, является правительственной тайной и разглашению не подлежит.

Ни иронии, ни цинизма. Сухая констатация фактов. А во втором смысловом слое — тревожный красный маячок: «Серж, правительственные тайны кому попало не доверяют. А если случайно доверили кому *не тому* — Особый отдел может занервничать и проследить, чтобы носитель секретов прогулялся без гермошлема на несвежем воздухе».

— А если я соглашусь? — спросил я. На самом деле в глубине души я уже согласился. А спрашивал все больше для проформы. — Что меня ждет хорошего?

— Хорошего? Стандартное жалованье капрала пехоты плюс надбавки. Между прочим, одни только надбавки помогут покрыть ваши гигантские марсианские штрафы. — Вальдо подмигнул мне, дескать, он в курсе. — Так что я бы на вашем месте соглашался.

— Ну а что делать-то?

— Да что всегда. Убивать плохих и защищать хороших, — усмехнулся Эверт.

— Это нам еще в учебке рассказывали. На первом занятии курса «Этика военнослужащего». А поконкретнее можно?

— Можно. Охранять меня от разумных гуманоидов и негуманоидов — в частности, кровернов. И от неразумных тварей — тоже охранять. Во время моей исследовательской деятельности.

— Не служба, а курорт. А что запрещено?

— Запрещено нарушать приказы. Мои или комвзвода ворэнта Свечникова. А еще — запрещено быть тупым и бесчувственным. И это не шутка.

В крайней задумчивости я прикурил новую сигарету от подаренной Ченом зажигалки, выполненной в форме обнаженной женщины с тремя грудями — символ плодородия у хурманчей, да? И задумался...

Положим, с чувствами у меня порядок. Но кто поручится, что этот самый мегаинтеллигентный капитан не сочтет меня тупым до бесчувствия после второго же разговора?

— Скажите, господин Вальдо, а почему вы вообще выбрали меня? Ведь много же солдат кругом...

— Хотите я совру, что по результатам психометрии выяснилось, будто вы, Серж ван Гримм, — то, что доктор прописал? И швец, и жнец, и на дуде игрец? Или что вы — сигом нового поколения, который сам не подозревает о том, что он не человек?

— Честно говоря, нет.

— В таком случае наберитесь терпения. Когда-нибудь я расскажу вам правду.

Ясно и ежу, что с такими вводными я просто не мог отказаться. Эверт Вальдо был обаятелен, словно профессиональный актер, воспитан и сдержан, словно центаврианский нобиль, и вдобавок как бес умен. Я уже заметил: встретив в человеке сочетание этих качеств, я готов идти за ним на край света. Так что прощай, зануда Чен! Пока, простофиля Заг! Выздоравливайте, сержант Гусак! Мы обязательно встретимся снова!

Если выживем, конечно.

Рейдер дальней разведки «Юнгер» — место что надо.

Кормят неплохо, да и команда нескучная: Эверту Вальдо хватило смелости (и, главное, влияния) набрать «гендерно-смешанный» экипаж.

После завтрака мы занимаемся на тренажерах, в том числе и на «пазловых»* — чтобы не терять интеллектуальной формы. Потом — с расстановкой обедаем. Далее следует свободный час, который я, как какой-нибудь безмозглый хурманч, провожу за видеокубом.

Большинство моих новых боевых товарищей предпочитают личную жизнь (удивляюсь, когда все они успели, так сказать, «пере-

* От *интерл.* pazzl — головоломка, загадка (*классич. амер.* puzzle).

знакомиться»). Следующие полтора часа мы балуемся с командой «Юнгера» метаболом. А там, после ужина и трепа за бутылочкой безалкогольного пива, пора и на бочок.

Комвзвода Свечников, невысокий коренастый русский, очень старательно изображает из себя постороннего. А Эверта я вообще видел два раза, да и то мельком.

Одна тошнота: прыжки. «Юнгер» запускает маршевые двигатели. Нас загоняют в капсулы. Мы совершаем оперативный переход. Мы вылезаем из капсул и идем доедать завтрак. Через восемь часов нас снова загоняют в капсулы. Один прыжок, другой, третий...

На восьмом я сбился со счета.

Что за планеты видят астрогаторы корабля после этих прыжков? Почему мы так часто входим в подпространство? Отчего «Юнгеру» сразу не войти в сектор АН-9007? Не хватает дальности прямого прыжка? Так какая же Тмутаракань, должно быть, этот таинственный сектор, если рейдер *дальней разведки* не может достичь его одним махом!

Или мы просто путаем следы? Сбиваем с толку неведомых соглядатаев противника? Ни Эверт Вальдо, ни старшие офицеры «Юнгера» не считают своим долгом ставить нас в известность. Сколько дней, а может быть, недель мы проведем в Пространстве — даже этого нам не выведать.

Наш взвод предоставлен самому себе. Может быть, про нас просто забыли?

В таком режиме мы прожили пять дней, пока не наступил шестой.

После очередного прыжка мы отправились в зал для метабола, размять наши бездельные мускулы.

На каждом из нас, помимо противоударного комбинезона, был надет гравипояс, что позволяло нам парить и плавать в воздухе, бросаться наперерез игроку вражеской команды не хуже ястребов и зависать под потолком не хуже скатов.

Правила метабола были простыми, как раз по мне. Беги, лети, хватай, лягайся и рвись к цели с прижатым к груди сокровищем — уведенным мячом!

Желательно только не выбить кому-нибудь из «гномов» глаз локтем. Нельзя также устраивать большие свалки с битьем по лицу. А жаль, между прочим.

Фактически метабол представляет собой нечто среднее между традиционным американским футболом, волейболом и регби. Соответственно имеются две пары ворот и три типа игроков — «высотники», «гномы» и «отбиралы».

«Гномы» отвечают за нижние, «футбольные», ворота, которые, правда, расположены на высоте в два метра. А «высотники» — за «волейбольную» корзину (семь с половиной метров). «Отбиралы» профессионально отбирают мяч. Остальным «отбирать» (но не «хапать»!) запрещается.

Чтобы допрыгнуть до «волейбольной» корзины с мячом, нужно проявить большую ловкость, поскольку искусственно ограниченная линия максимальной высоты, на которую могут затащить гравипояса, оканчивается на два с половиной метра ниже корзины, а опереться в воздухе не на что — только на плечи своих «гномов» и «отбирал».

Слава богу, в тот день по жребию мне досталась роль «высотника».

— Ну давай, давай! Ну давай же! Ну что ты за мудила?! Сунь же ему как следует! — это наш специалист-подрывник Эстер Карлскрона в запале игры подбадривала рядового Файзама Рахими, «отбиралу».

Мгновение назад, дерзко профланировав почти под самым потолком, Файзам спикировал вниз и попытался завладеть свободно летящим мячом на вражеской территории.

Через секунду двое плечистых «высотников» из палубной команды «Юнгера», чьих имен я еще выучить не успел, уже держали его за ноги, а третий, «отбирала», пытался выдрать мяч у свернувшегося ежом над добычей Файзама.

— Да лягни его как следует! Нечего миндальничать! Правильно, Эстер?! — кричала сержант Медицинской Службы Беата Даль. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы заметить, что Беата и Эстер спят друг с другом. Я лично понял это в первый же день.

— Чем орать, так лучше полетели поможем. А, ч-черт! Я же сегодня «гном»! — взвыла рядовая первого класса Тайша Вассерфаль, в отчаянии треснув себя кулаком по бедру.

Она была прелесть как хороша — коротко остриженные кудрявые волосы, ясные зеленые глаза, дивные формы... Но увы: меня, кажется, опередил рядовой Джо Топак, землянин из Мюррейской автономии австралийских аборигенов.

Топак прорвался на помощь Файзаму. Спустя секунду доблестный абориген профессионально раскидал свалку (недаром же он был тренером по греко-римской борьбе!) и отдал мне пас.

— Мне! Серж! Давай мне! — верещала Тайша, взмывая на недопустимую для «гномов» высоту.

— Не слушай ее! Ей же «нарушение» вкатают! — возражал центаврианец Кизи Кен Аман, очень рассудительный молодой человек.

Пока я соображал, кому же дать пас, а длилось это доли секунды, на спину мне бросился водитель-пилот Абубве.

— Там еще один! Серж! Я сейчас! — кричал мне Файзам, что было мочи выгребая в мою сторону.

Я и не заметил, как «высотник» команды супостата, которым оказался не кто иной, как флаг-лейтенант Иштван Радуль, между прочим, первый комендор «Юнгера», уже подобрался ко мне снизу и — о ужас! — схватил меня за ноги, чтобы облегчить работу своим «отбиралам»...

— Не сдавайся, Серж! Держись! — советовала мне Тайша, оживленно жестикулируя.

— Я уже иду! — заверил меня Лесь-Николай Гайдамака...

Тем временем добытый с такими трудами мяч у меня все-таки вырвали. И в два паса пилот посадочного катера Дюваль вае Литта, с огромными, как у гориллы, лапами, вбросил его в волейбольную корзину прямо над моей головой, в нашу родную корзинку...

— Мудила!

— Наша взяла!

— Маздай!

— Козел!

— Победа!

— Дегенерат!

— Ура-а!

В общем, как и на всех матчах по всем видам спорта, кричали разное... В зависимости от принадлежности к той или иной команде.

Гвалт стоял такой, что никто из нас не заметил, как в зал для метабола вошел ворэнт Свечников.

Он никогда не играл с нами, говорил, не умеет. Не знаю, кто как, но я лично понимал: не играет Свечников потому, что боится потерять авторитет во вверенном ему взводе. Попробуй его сбереги, этот авторитет, когда каждые десять минут двое молодчиков раздирают тебя напополам, как жареного краба в ресторане, на глазах у твоих подчиненных...

Что же до «умений», то никаких особых навыков для игры в метабол не требуется. Кроме владения техникой перемещений в гравипоясах. Ну да этому всех учат в первую же неделю в учебке...

— Взвод, слушай мою команду! — пробасил Свечников.

Но его никто не услышал. У нас были занятия и поинтереснее — например, выяснить, кто больший дегенерат, а кто — меньший.

Мы, как проигравшие, начали качать права и орать что-то про нарушение правил. Наши противники из команды рейдера, как и положено победителям, высокомерно кивали в сторону электронного арбитра, который нарушений со стороны «юнгеровцев» не зафиксировал... В общем, все как всегда.

— Взво-од, ма-алчать! — попробовал еще раз Свечников.

Но никто даже не обернулся в его сторону — Тайша как раз взялась мылить шею хамовитому младшему комендору «Юнгера», запамятовал его имя. Я, естественно, тоже не отреагировал на призыв Свечникова — Тайша нравилась мне все больше, а уж как она молотила своими кулачками...

И тогда Свечников пошел на самую настоящую подлость.

Он решительным шагом двинулся к координационному щитку гравипоясов и, громко выругавшись, дернул рубильник вниз...

В тот же миг гравипояса прекратили свое действие, искусственная сила тяжести «Юнгера» завладела нашими телами, и все мы попадали на пол, что твои переспевшие груши.

— Матьево! — прорычала Эстер.

— Это нечестно! — заныл Кизи, потирая ушибленный бок.

— А при чем тут мы, ворэнт?! — возмущался Иштван Радуль. И было от чего: в отличие от нас, упавшие вместе с нами «юнгеровцы» не состояли в подчинении у Свечникова.

— Что за дела, Святослав? — наистервознейшим тоном поинтересовалась Беата.

Сам я счел за лучшее промолчать — я ведь тоже как-никак теперь «начальство».

— Капитан Эверт Вальдо вызывает всех в кают-компанию. Сбор на месте через пять минут.

Эффект от слов Свечникова был таким, будто ворэнт вместе с гравипоясами выключил, к чертовой матери, заодно и звук. Повсеместно. Никто больше не орал и не препирался — все усиленно думали.

Было ясно: раз Вальдо вызывает в кают-компанию, значит, кончился метабол, кончились обеды-ужины, кончился весь наш расслабленный «режим».

— Мы находимся в секторе АН-9007. С завтрашнего дня все вы, — Эверт обвел наш взвод властным взглядом, — начнете честно отрабатывать свое жалованье. Наверное, кое-кому интересно, что такое АН-9007 и где мы на самом деле находимся?

Я, Свечников и Беата сдержанно кивнули. Да, нам было интересно. Настолько интересно, что никто не решился перебивать Эверта.

— Кстати, кто знает, за что Содружество платит нам с вами жалованье и плюс к нему — астрономические надбавки? — продолжал интриговать капитан. — Мысли есть?

Никто и не пикнул. Какие могут быть мысли, когда Вальдо решил наконец обнародовать военные тайны?

Ни тени улыбки не было на лице Эверта, когда он изрек:

— Военнослужащим штурмовой пехоты Содружества надбавки обычно платят за четыре ситуации. Первая: пребывание в зоне боевых действий. Вторая: пребывание на линии огня. Третья: пребывание в тылу противника, то есть *за* линией огня. Четвертая: плен.

Т-твою дик-кую дивиз-зию! Да он же над нами просто издевается! А мы так надеялись на откровение...

— Наша ситуация — третья, — продолжал Вальдо, наблюдая, как на наших разочарованно-озлобленных физиономиях проступает испуг. — Мы сейчас находимся... в тылу кровернов?!

— Начну, для наглядности, издалека. Предположим, у вас есть ручная обезьянка. Представили?

— В общих чертах, — подал голос Абубве.

— У вас также есть два одинаковых апельсина, — продолжал Эверт. — Вы кладете один рядом с обезьянкой, а другой — на расстоянии два метра от нее. Спрашивается, какой апельсин она возьмет?

— Что тут думать — ясно, возьмет тот, который ближе, — подал голос Файзам Рахими. — У меня на Лофелии был ручной питон. Настоящий, не это киберфуфло. Так ему мышь нужно было прямо в пасть закладывать, иначе он ее не жрал. Такой был ленивый.

Все заулыбались. Видимо, представили себе Файзама, заталкивающего мышь в глотку питону.

— Верно, Файзам. Животные очень ленивы. Точнее, они эргономичны. Из двух одинаковых апельсинов обезьяна всегда выбирает тот, что ближе. Но скажите, Файзам, что бы вы подумали, если бы обезьяна взяла вдруг не ближний, а дальний апельсин?

— Ну... что у нее крыша съехала, — неуверенно предположил Файзам, все больше смущаясь.

— А если бы было очевидно, что с соображением у обезьяны все в порядке? Что бы вы тогда подумали? — не отставал Вальдо.

— Ну даже не знаю...

— Что там, в дальнем апельсине, наркотики. Или какой-нибудь другой кайф обезьяний. И она это чует! — ответил за Файзама Джо Топак, лучась радостью познания.

Кстати сказать, еще на Декстра Порта я однажды застукал его с косяком в зубах. Видимо, тема кайфа Топака интересовала отнюдь не в общепознавательном аспекте. Ну и вкусы у Тайши Вассерфаль!

— А как бы вы узнали, что второй, дальний апельсин с кайфом? — допытывался Эверт.

— Я? Как бы я узнал? — переспросил Топак, глупо озираясь. Хотя было ясно, что вопрос обращен к нему. — Ну... понюхал бы этот второй апельсин для начала. А там видно будет...

— Правильно! То есть вы начали бы исследование второго апельсина.

— Типа того.

— Ну а если бы вы убедились в том, что второй апельсин ничем не пахнет? Что это совершенно обычный апельсин из универсального магазина?

— Ч-черт, да хрен его знает, что тогда... — смущенно потупился Топак.

И ежу было ясно, что с соображением у нашего австралийского аборигена Топака не очень-то.

Хотя в принципе я его смущение понимал. Эти разговоры про апельсины нас всех дезориентировали. Мы-то ожидали лекций о «глобальной обстановке», о «галактической безопасности». С кучей умных слов и намеков, вроде «мы же понимаем, что». А тут — какие-то обезьяны...

Я и сам не мог понять, к чему клонит Эверт. И тогда я решил взять огонь на себя — хватит издеваться над рядовыми, сениор Вальдо. Я вежливо поднял руку, прежде чем предложить свою версию.

— Я слушаю вас, Сергей. — Вальдо бросил на меня благосклонный взгляд. Это меня ободрило.

— Если бы я увидел, что дальний апельсин совершенно обычный, я начал бы исследование ближнего апельсина. Может, он-то как раз особенный! Может, он отравой какой-нибудь воняет. И обезьяна его есть не хочет, а потому потянулась за дальним. Известно же, что яблоки запахи впитывают. Может, и апельсины тоже...

— Верно, Серж! — просиял Вальдо. — Именно так! Так вот цель нашего разведывательного рейда, а точнее — исследовательской экспедиции, как раз и состоит в том, чтобы определить, не воняет ли чем ближний апельсин. Чтобы понять, почему им не интересуется обезьяна. В нашем случае обезьяна — это кроверны. Дальние апельсины — планеты Глокк, Эсквемелин, Ханако-4 и другие. Кроверны уже климатизировали их. Продлевая наше сравнение, обезьяна уже съела несколько дальних апельсинов.

— Хоть бы подавилась, — тихо прошипел Лесь-Николай Гайдамака. Я знал, что он потерял на пассажирском корабле в окрестностях Ханако-4 семью и двухлетнего сына.

Эверт тем временем продолжал:

— Наша обезьяна проглотила их быстрее, чем за год! При том, что под самым ее носом лежит несколько вполне съедобных плодов. И эти плоды находятся здесь, в секторе АН-9007. Их имена — Грин, Блю, Оранж. Еще вчера ни у одной из этих планет не было имени. Но сегодня имена есть. Их дал я. Ни одна из этих планет не пригодна

для жизни кровернов. Ни одна из них не населена. Кроверны могли бы климатизировать их без всяких военных потерь — Содружество не интересуется этим сектором космоса. Содружество и бровью не повело бы, если б кроверны взорвали эти планеты ко всем чертям! Им не нужно было бы пускать в дело ни термитов, ни стрекошвеек. Достаточно было просто высадиться — и начать климатизацию. Но они предпочитают летать за тридевять земель, вторгаться на территории, уже населенные людьми, воевать там, терять своих собратьев. Лишь бы климатизировать пустыни Глокка или изгаженные людьми океаны Эсквемелина! Зачем? Ответ на этот вопрос и должна дать наша экспедиция. В случае, если мы узнаем, чем же отличаются эти планеты, ученые Содружества, возможно, смогут изобрести способ отвадить кровернов от наших колоний.

— А если мы не узнаем ответа? — предположила Эстер Карлскрона.

— Тогда нашу миссию можно будет считать невыполненной.

Я зашел в душевую самым последним — вверенный мне и Свечникову взвод уже давно успел помыться и разбрестись по своим каютам.

Такое единодушие в деле гигиены было феноменом объяснимым. Мало ли — может, прямо завтра бой со скатами. Так и помрешь грязным. А там кто знает? Вдруг на тот свет с нечищеными ногтями не берут?

Один только задумчивый, если не сказать отмороженный, Кизи Кен Аман тщательно вычесывал свою длинную шевелюру возле термосушки в излюбленном центаврианском темпе — то есть очень и очень медленно.

От прочих же остались только лужи возле ящичков в гардеробной. А от Свечникова еще — нашейный платок ворэнта, который он забыл возле кибермеха для чистки ботинок.

Перебросившись с Кизи Кен Аманом парой дежурных острот, я побрел в кабинку, которую за последние несколько дней уже привык считать «своей», и включил воду.

Я давно заметил: под душем особенно хорошо думается.

Какие только мысли не лезли мне в голову!

Вот, например, вода. Известно же, что воду после наших омовений не «выливают» за борт, как думают некоторые хурманчи. А гонят через рециркуляционные фильтры. Так что она снова становится чистой, совершенно прозрачной, пригодной даже для питья. А затем — мы снова идем принимать душ. И снова моемся этой же самой водой.

«Так вот интересно, — размышлял я, — какой водой я сейчас моюсь? Той, которой мылся с утра? Или та вода, которой мылась Тайша Вассерфаль с полчаса назад, уже успела пройти фильтрацию и теперь касается моего тела?»

Мысль была дурацкой. Но мою не очень требовательную душу согрела.

Я сам себе улыбнулся, методично растирая мыльную пену по груди и животу. Жизнь прекрасна!

Я уже решил закругляться, когда обнаружил, что у меня появилась соседка — в кабинке рядом кто-то деятельно плескался. Это была определенно «соседка», а не «сосед», судя по тому уморительному мурлыканью, которым сопровождала она свое мытье.

«Эстер? — спросил себя я. — Да нет, чтобы она мурлыкала? Не похоже на нее!»

«Беата? Так я ее вроде бы только что видел на выходе...»

«Какая-то из космофлотских краль? Но чего им делать в нашей душевой?»

Я не решался ни поверить в свою догадку, ни проверить ее.

Так я и стоял истуканом в своей кабинке, по привычке меняя температуру воды с ледяной на теплую, с теплой на прохладную. Уходить мне почему-то совершенно не хотелось.

Так прошло еще пять минут. А когда я в очередной раз задал себе вопрос, что бы такое себе еще помыть, дверь моей кабинки распахнулась настежь и на пороге показалась... Тайша Вассерфаль.

Абсолютно неодетая.

Абсолютно мокрая.

Абсолютно неожиданная.

— Привет, Сережа, — старательно изображая отсутствие смущения, сказала Тайша.

— Привет, Т-Тайша, — отозвался я. — Рад тебя видеть в столь... неожиданном виде... то есть месте.

Не так уж легко мне далась непринужденность. Поскольку от созерцания ее соблазнительного, загорелого тела, обернутого в тугой корсет хорошо развитых мускулов, все мои мысли, не сговариваясь, отправились в одном общеизвестном направлении.

Я не был сексуальным обжорой. Но рядовая Тайша Вассерфаль была так хороша, что, мне кажется, от одного ее вида возбудился бы даже стодевяностодвухлетний паралитик. Не говоря уже о двадцатидвухлетнем капрале без особо вредных привычек.

Фигура у Тайши и впрямь была блеск!

Это я еще в первый день знакомства с ней приметил. Даже под стандартным армейским комбинезоном с умопомрачительной однозначностью рисовалась ее развитая высокая грудь.

Даже увесистый «напоясный комплект рядового» не в состоянии был замаскировать ее осиную талию. Не говоря уже о ее попке, отлитой гимнастикой в самую совершенную форму!

Да когда она занималась на велотренажере, все, кто был рядом — включая «условно гетеросексуальных» Беату и Карлскрону, — только и делали, что украдкой пялились на нее!

Да она одна была в состоянии обеспечить наш взвод первоклассными эротическими фантазиями на несколько месяцев глухой гибернации! И ни одна из этих фантазий, я уверен, не повторялась бы с фантазией соседа!

И тут это воистину небесное создание, покрытое жемчужными каплями воды, искрящимися от навязчивого света галогенных светильников с бактерицидным эффектом, оказывается на расстоянии вытянутой руки от меня! В моих, так сказать, похотливых лапах...

Нужно ли говорить, что лучшая из моих трех ног тут же воспрянула к новой жизни?

— Вообще, Серж, извини, что потревожила, — продолжала смущаться Тайша, однако и уходить не уходила, — но...

— ...но у тебя случайно упало мыло, правильно? — подсказал я, хотя прекрасно знал, что все мыльницы в корабельных душевых оснащены исключительно жидким мылом и в довершение всего намертво привинчены к стене.

— Нет... с мылом все в порядке. Просто... я хотела поговорить с тобой! — наконец-то окончила свою нехитрую мысль Тайша. И опустила глаза, словно бы на ее прекрасной груди с предательски напрягшимися сосками содержался краткий дайджест того, что она собиралась обсудить.

— Поговорить? Это... Прекрасная идея! — Я ответил ей деревянной от возбуждения улыбкой. — Значит, заходи — будем разговаривать.

Чуть помедлив на порожке, Тайша невозмутимо шагнула внутрь, словно бы я приглашал ее не в душевую кабинку, а в роскошные апартаменты с балдахинами, как у Лейлы. Словно бы на ней, как на королеве, было бархатное платье с длинным шифоновым шлейфом, волочащимся по полу самым изысканным образом.

Кстати, воду я так и не выключил. На нас обоих лило и лило, но мы не замечали этого. Как бегемоты какие-нибудь.

— Что-то не так? — вдруг спросила Тайша. Она положила свои теплые, мокрые руки мне на плечи, и внутри меня вроде как

оборвалась тысячекилограммовая гиря. — Я делаю что-то неправильно?

— Да что ты... Все хорошо! Ты все делаешь прекрасно! Только я почему-то думал, что ты... Разговариваешь обычно с Джо Топаком...

— Ах это! Нет... То есть да... То есть раньше мы с ним действительно часто разговаривали. Но потом... Ты меня слушаешь, Серж?

— Конечно, слушаю, — с некоторым запозданием откликнулся я, оторвавшись от ее божественной ключицы.

Сантиметр за сантиметром я исследовал при помощи поцелуев ее сильную шею, с прекрасно вылепленными мышцами. Я осторожно пробирался вниз, к бутончику правого соска, стараясь оставаться в сознании.

— Да... ну так вот... — неуверенно продолжила Тайша. Я с удовлетворением заметил, что благодаря моим ласкам она становится все более безразличной к теме разговора. — Ну так вот... А потом мы с Джо Топаком... как бы это сказать... не сошлись характерами!

— Ах вот оно что! — отозвался я, становясь перед ней на колени.

Душевая была такой узкой, что мой зад проскользил вниз по ее керамической стене с характерным взвизгивающим звуком. Однако поместились.

Аккуратный, начисто безволосый низ живота моей богини физкультуры и спорта оказался прямо напротив моих жадных, искрящих желанием глаз. Привычка моих сестер по оружию очищать свой лобок от волос озадачивала меня еще с учебки — мне казалось, что это делает женщин похожими на школьниц младших классов. Но в случае Тайши данное обстоятельство меня отчего-то совершенно не смущало!

— ...И тогда я решила... Что, может, все мы завтра погибнем. Так ведь, Серж?

— Ну, может быть, конечно, и погибнем, — отозвался я, целуя правильную впадинку ее пупка со всей возможной заинтересованностью.

— И тогда я уже не смогу... поговорить с тобой, как мне этого хотелось бы...

— М-м... Логично...

— И будет очень обидно умереть, так и не узнав тебя как следует, Серж, — постановила Тайша. Чувственно облизнувшись, она сунула себе в рот указательный палец и начала настырно сосать его, как леденец «с сюрпризом».

Не давая Тайше опомниться, я быстро поднялся и подхватил свое мокрое сокровище на руки. Накачанные ножки рядовой первого класса Тайши Вассерфаль приветливо раздвинулись мне навстречу.

Наши губы встретились — впервые за всю экспедицию. И нужно сказать, от этой встречи кровь моя в прямом смысле начала закипать.

Целоваться она умела.

И даже полупрофессионалка Джонни сильно уступала ей по этой части. Да где же ты была раньше, моя прекрасная Тайша? Мы потеряли так много драгоценного времени! Ведь вместо того, чтобы пялиться в этот уродский видеокуб, я бы мог...

— Не торопись так, — промурлыкала Тайша.

Губы Тайши были требовательными и в то же время послушными.

В ее движениях не было ни торопливости вчерашней девственницы, ни ленцы бывалой победительницы мужчин вроде Лейлы. Она знала, что такое правильный темп разговора. И требовала от меня такой же размеренности чувств.

— Ты хорошо целуешься, Серж, — шепнула Тайша, улучив момент, когда я ненадолго оставил ее сладкие губы в покое. — Ты знаешь, как нужно действовать. Даже смешно вспомнить, но сначала я подумала, что ты...

— Что «я»? — С трудом превозмогая природу, я оторвался от ее груди и взглянул снизу вверх в ее лучистые зеленые глаза.

— Понимаешь, — Тайша кокетливо сощурилась, — сначала я почему-то подумала, что тебе вообще не нравятся девушки.

— Вот как? С чего ты взяла?

— Нет, ты не подумай, но... ты так смотрел на капитана Эверта Вальдо, что...

Я не сдержался и прыснул со смеху.

— Мои чувства к капитану Эверту Вальдо носят исключительно платонический характер. Ограниченный вдобавок временем нашей совместной службы, — отрапортовал я с самым наиказеннейшим выражением лица.

— Слишком многословно для правды. Так «да» или «нет»?

— Нет, Тайша. Нет. Могу поклясться. Поклясться хоть бы и на этой... мочалке!

Тайша темпераментно расхохоталась, тяжело дыша и сотрясаясь в моих объятиях всем телом.

Интересно, когда мы вместе кончим, это будет выглядеть приблизительно так же?

От одной этой мысли я едва не эякулировал, как иной слушатель ускоренных курсов «Психологии и физиологии сексуальной жизни» при внесении в класс наглядных пособий.

И тут я понял, что если немедленно не предприму самых решительных действий, то мы — я и Тайша — не ровен час проговорим

здесь до самого утра, так и не перейдя к главному пункту нашей незапланированной беседы.

Заручившись тихим воплем энтузиазма со стороны Тайши, я запер дверь в душевую кабинку, чуть переместил ее мокрое тело в сторону от зоны, покрывавшейся конусом душа, и для вящего удобства прислонил ее достойную быть отлитой из платины и выставленной во всех пантеонах Содружества попку к прозрачной стене кабинки.

Увлеченная предощущением того же самого, что владело и моими мыслями, Тайша схватилась руками за хромированный брус едва теплой полотенцесушилки — чтобы, значит, не упустить свой шанс на активность.

И, подарив моей нечаянной возлюбленной еще один — последний, самый последний и очень небезгрешный поцелуй, я ринулся вперед, мечтая только об одном: чтобы этот миг повторился.

Ни я, ни Тайша, естественно, не заметили, как ворэнт Свечников забрел в душевую в поисках своего нашейного платка.

Сориентировавшись в обстановке, ворэнт покраснел до корней волос и, бормоча под нос что-то про однообразие досуга штурмовых пехотинцев, быстро вышел вон...

Блю, Оранж и Грин были обнаружены и каталогизированы в позапрошлом веке нашими автоматическими разведывательными зондами. Следы присутствия или деятельности разумных рас на этих планетах отсутствовали. Или, выражаясь осторожнее, не были обнаружены сенсорами зондов в ходе стандартной процедуры каталогизации.

Все три планеты гражданский Департамент Пространства маркировал как «Землеподобные. Потенциально колонизируемые. Экономически бесперспективные». Грин также получил красную метку повышенной опасности: «На периферийных планетоидах системы обнаружены гнезда парусников». После этого и Блю, и Оранж, и Грин были благополучно забыты, как и тысячи других скучных планет и планетоидов.

И только каких-то двадцать лет назад — уже после первых встреч с кровернами и примерного определения зоны их галактического расселения — выяснилось, что все три планеты фактически принадлежат кровернам. Поскольку находятся даже не на границах, а *внутри* их зоны.

Оранж*, чье название как нельзя лучше отвечало незамысловатой задачке Вальдо об апельсинах и обезьяне, мы обследовали первой.

---

* *Интерл.* «oranzh» — оранжевый, созвучно *классич. амер.* orange — «апельсин».

Планета как планета. Очень горячая, но благодатно удаленная от Оранжа на полмиллиарда километров центральная звезда этой системы обогревала планету ровно в той мере, чтобы превратить ее моря и океаны в теплый тридцатиградусный бульон, кишащий колониями жизнерадостных простейших. Эти твари собирались в гигантские светящиеся колеса таких размеров, что, по уверениям офицеров «Юнгера», с низкой орбиты на ночной стороне Оранжа их можно было разглядеть невооруженным глазом.

Кроме простейших-гигантоманов, морей-океанов и пяти меридиональных вулканических колец, породивших чертову тучу курящихся сернистым дымом островов и островков, на одном из архипелагов Оранжа нами также были обнаружены:

— отработанные энергоблоки старинных разведзондов (изготовитель: «Майкрософт Энерджи Груп»; этот кусочек знаменитой корпорации, насколько я помнил экономическую историю, был передан Общественному Совету больше ста лет назад, после чего, разумеется, благополучно разорился);

— один горный кроулер центаврианского производства, ровесник финансового коллапса «Энерджи Груп» (кстати, центавриан-цы — по нашим данным — здесь никогда не бывали; так что вот она: долгожданная первая неожиданность! но какие выводы?).

И более ничего.

А на Блю — и того меньше. Кочующая за низким холодным солнышком черная ползучая травка. Жуткие магнитные бури. Тучи маленьких прозрачных тварей, плавающих в воздухе точно медузы, норовящих облепить со всех сторон любой движущийся предмет и... как вспомню, так тошнота к горлу подступает... и обслюнить его со всех сторон едкой кислотой. Это они так питаются: коллективное внешнее пищеварение называется.

С Блю мы разобрались очень быстро. Все замеры зондов подтвердились с точностью до десятого знака. Это Богом обиженное небесное тело можно было назвать «землеподобным» только с очень большой натяжкой. Кровернам на него было плевать — так же, как и нам.

Когда Вальдо сказал, что назвал планету «Грин», я подумал, что фантазия у нашего капитана не очень-то богатая. Но когда наш планетолет несся на высоте орлиного полета, а я вместе с остальными пялился в видеоокна, я нашел в себе честность признаться, что сам вряд ли назвал бы ее иначе.

Под нами расстилались огромные массивы зеленки, спеленатые белесым, с салатными отсветами, туманом. И даже воды океана здесь были густо-зелеными, с изумрудным отблеском.

— От зелени в глазах рябит, — пожаловалась мне Тайша.

— А ты поспи пока. Все равно смотреть не на что. — Я подмигнул ей и нежно провел ладонью по ее кудрявым волосам.

Увы, доктор Аля Лаура Омаи по-прежнему не шла у меня из головы. Но я, как и всякий мужчина, предпочитал руководствоваться старой доброй мудростью про синицу в руке...

Тайша последовала моему совету и, кажется, задремала.

Я и сам был бы не прочь подремать. Какое-то странное умиротворение гвоздило мне по мозгам с самого утра. Несомненно, причина крылась в наших с Тайшей ночных подвигах. Если бы не взвинченный Вальдо, который ерзал в своем кресле напротив меня, я так и сделал бы.

Ничего не оставалось, как снова вериться в видеоокно и скроить заинтересованную мину.

Планетолет терял высоту и двигался к месту, которое на единственной и довольно-таки неточной карте планеты именовалось Кратером Юноны.

Мы двигались сравнительно медленно — чтобы вся наша внешняя аппаратура могла вести съемку повышенного качества.

— С такими темпами трястись будем до вечера, — не открывая глаз, буркнула Тайша.

Но я не успел ей ответить. Потому что в этот момент у самого моего видеоокна из тумана вынырнула и унеслась прочь (а точнее, это унесся прочь наш планетолет) небольшая птица кобальтового цвета. И еще одна. И еще... Стая!

Что-то в этой птице показалось мне... знакомым, что ли?!

Я потребовал от бортового компьютера передать свежеотснятый кусочек моему персональному милитуму — совершенно механически, почти не отдавая себе отчета в том, за каким хреном во мне вдруг проснулся интерес к орнитологии.

Говоря по правде, уровень моих познаний в этой области характеризуется способностью отличить курицу от петуха.

— Ты чего там? — поинтересовалась Тайша.

— Подожди секунду, — отмахнулся я. Я был поглощен изучением распечатки только что каталогизированного объекта L-458-12-RA, которая оказалась в моих руках стараниями услужливого милитума.

Да, та самая, похожая на очень небольшого, коренастого аиста птица кобальтового цвета!

Объект: позвоночный, теплокровный, однодышащий, биосовместимый. Прогноз по классу объекта: квазиптица, птица. Вид: не идентифицирован.

«Как это «не идентифицирован»? — спросил себя я. — Как это «не идентифицирован»?! Если эту же самую птицу, вот именно ее, вот именно такую, только дохлую, я видел тогда возле компьютеров, в Копях Даунинга?»

Видать, лицо у меня скривилось в такую кислую, а может, недоуменную гримасу, что даже Вальдо это заметил.

— Что там у вас, Серж? — спросил он.

— У меня — птичка. — Я передал ему распечатку.

— Я так и знал... Я так и знал... — одними губами произнес Вальдо. Лицо его сразу стало чужим, озабоченным.

У кого хочешь лицо станет озабоченным, если в первые же минуты на «случайно» выбранной планете ты обнаруживаешь неизвестный науке вид птиц. Вид, впервые и единожды встреченный официальными представителями правительства (то есть моим отделением) в аварийном контуре Копей Даунинга.

Капитан аналитической разведки Эверт Вальдо осознавал всю головокружительную нелепицу этого факта куда лучше меня.

Пока Эверт Вальдо шел на рекорд, высмаливая десятую за утро сигарету и самопоглощенно размышляя, мы добрались-таки до Кратера Юноны.

В центре кратера, а точнее, великолепного, величественного горного цирка (больше сотни километров в диаметре, ага) располагался огромный безымянный водоем, который я, в честь нашего первого открытия, предложил назвать Озером Синего Аиста.

Аистов там было видимо-невидимо! Они хлопотливо кружили в вышине, издавали сомнительной мелодичности звуки и уносились куда-то в сторону укрытых густой пеленой тумана берегов. А потом снова галдящим кагалом возвращались из тумана, хлопая крыльями и распевая свои смурные песни о вкусной рыбке.

Из-за этого-то самого тумана Содружество, между прочим, так и не сумело в свое время толком исследовать самые интересные уголки планеты Грин.

Зондам, которые без устали снимали со своей верхотуры все самое интересное, не хватало мощности разглядеть мелкие детали на поверхности планеты в районе Кратера Юноны. А так называемым основным ресурсам — то есть разведчикам из плоти и крови — всегда находилось применение и на меньшем удалении от сферы колонизации Содружества. Что толку с местной зеленки? Уверен, если бы не война с кровернами, никто и не вспомнил бы про этот Грин еще лет пятьсот. А теперь — вот, мы здесь...

От таких рассуждений меня даже гордость взяла: экие мы канальи, экие первопроходцы!

Теперь как минимум у Вальдо и Свечникова были шансы обессмертить свои гордые имена в названиях каких-нибудь гор и речек. А может, повезет и мне — как замкомвзвода. «Пик ван Гримма» — звучит очень даже ничего!

— Почему стоим? — спросила Тайша.

— Опустили гидрофоны, прослушиваем толщу воды, — пояснил я шепотом.

— Не понимаю, что Вальдо надеется услышать. Как рыбы друг другу былички травят?

— Вода — лучший проводник акустических волн, чем воздух. Разве тебе этого не говорил в школе твой учитель физики?

— Если бы я училась в школе, мой учитель физики наверняка не упустил бы такой возможности, — надула губы Тайша.

— Ну чего ты, я же не знал...

Если бы так шло дальше, Тайша наверняка бы обиделась. Но тут Файзам Рахими, которому было поручено наблюдение за данными гидрофонов, обернулся к нам. Глаза у него были размером с ядро Галактики каждое.

Рахими раздельно проговорил:

— Я слышу человеческие голоса.

Вальдо вскочил из своего кресла так стремительно, что ударился головой о край осветительно-вентиляционной панели — та даже не успела отъехать и скрыться в соответствующей нише.

— Файзам, ты уверен, что это человеческая речь?

— Естественно! Да послушайте сами, капитан, — такие модуляции в состоянии давать только...

— ...ладно, верю. На каком языке говорят?

— А кто его знает? — пожал плечами Файзам. — Милитум сообщил, что стандартному лингвоанализатору не удается подобрать адекватную аналогию...

— Попробуйте подключить дополнительные словари... Я бы начал с нестандартных гуманоидных. А впрочем, можно и негуманоидные. Все равно потянет!

— Никакого результата. Я уже подключил все пять языков дельфинов, хурманчей и даже, извиняюсь, роша — да не простит их Всемилостивый.

Ну, роша-шмоша! Зачем же так горячиться?.. Он бы еще демонов смерти вспомнил!

— А мертвые языки? Вы попробовали дополнительный блок словарей мертвых земных языков? — настаивал Вальдо.

Мне, как и большинству невольных свидетелей этого диалога, идея Вальдо показалась слегка... как бы это мягче выразиться... неадекватной! Кажется, наш капитан решил перещеголять в глупости Файзама с его роша.

Ну при чем здесь древние, совершенно мертвые земные языки, когда мы находимся на таком чудовищном удалении от Земли, что, не будь открыт принцип подпространственных перемещений, нам бы пришлось добираться до этой планеты триста тысяч лет? Мы с Тайшей переглянулись.

У остальных лица тоже поскучнели.

Лесь-Николай Гайдамака — так тот вообще с отсутствующим видом выковыривал отсутствующую грязь из-под ногтей своим десантным ножом. Типа «меня это не касается».

— Вот. Подключил, — с облегчением отрапортовал Файзам. — Но сомневаюсь...

Файзам не успел окончить. Поскольку в этот момент из динамиков вместо ритмичного урчания полились осмысленные человеческие слова. Правда, порожденные речевым синтезатором нашего милитума. Но все-таки настоящие человеческие слова и словечки...

— Ах, Шибальба! Что ты делаешь?! Что ты делаешь?! Правду говорят, что твоя мать спала с грязным псом Бомбалем! Ты же видишь — цууц приближается! Залазь обратно, Альмесов сын!

— А ты чем орать, так лучше бы подал знак родне, чтобы убирались подальше... А то цууц не только нас скушает, не освежевав, но и нашу родню заодно! А-а-а! Шибальба-а-а-а!

Если б я стоял, я бы, наверное, упал.

Вот так.

Ехали-ехали и наконец приехали.

Нужно было забраться на самый край обитаемых территорий, за тысячи световых лет от Земли, чтобы услышать обычную земную брань и разговоры людей, которым угрожает, по-видимому, нешуточная опасность!

— Что это за язык? — поинтересовалась Беата Даль.

— Модифицированный в четвертой степени язык народа майя, населявшего Центральную Америку три тысячи лет назад, — севшим голосом отвечал Файзам. — Сениор капитан был прав — не хватало дополнительного словаря древних языков Земли.

Не в последний раз подивился я интуиции капитана Эверта Вальдо, которая позволила найти единственно верное, но совершенно неочевидное решение.

А может, интуиция тут была ни при чем и все дело было в его осведомленности?

* * *

Мы примчались к месту происшествия через пару минут — благо Абубве был с нашим планетолетом на «ты».

— Если это люди и этим людям угрожает опасность, мы должны помочь им, — заявил Вальдо.

Мы были так ошарашены нашими открытиями, что даже не стали доискиваться, что за опасность имеется в виду. Люди!.. Помочь!.. Что может быть благороднее?!

Вальдо отдал приказ, и все наши видеоокна слились в одно грандиозное обзорное окно. Стоит ли и говорить о качестве изображения? Оно было таким, будто весь борт планетолета просто исчез. Между прочим, небезопасная иллюзия: через несколько секунд Джо Топак, забывшись, едва не выстрелил в стену из карабина.

Дело было невдалеке от берега.

Двое полунагих аборигенов планеты Грин в доходящих до середины икр, запахивающихся на талии юбках, спешили к берегу на выдолбленной из ствола большого дерева лодке.

Они энергично работали веслами. Пот полноводными потоками струился по их шеям и плечам.

Милитум дал увеличение — я увидел в деталях лицо одного из «майянцев» (так я сразу окрестил для себя местных аборигенов; как их еще было называть?! Раз язык — «майя», значит, сами они — «майянцы»!).

Смуглое, с особенным, необычным разрезом глаз лицо. Нос с горбинкой. Густые черные брови. Длинные, прямые волосы до самого пояса. У лба прядь заплетена в косицу.

Лицо майянца было искажено гримасой ужаса.

Второй — тот, относительно происхождения которого его товарищ строил смелые гипотезы, связанные с собачьим племенем, — был очень похож на первого. И возможно, приходился ему братом (хотя я уже давно заметил, что *все* китайцы и хурманчи кажутся мне братьями). Он тоже выглядел испуганным.

Аборигены тяжело, с хрипами, дышали, но гребли к берегу без перекуров. Короткие весла, кажется, плетенные из лозы, а не цельнодеревянные, шустро выпрыгивали из воды и тут же снова вонзались в нее, почти не подымая брызг.

Правда, никто из нас пока не понял, от кого же майянцы так темпераментно улепетывают. Ну не от нас же — ранее невидимых благодаря расстоянию и туману? Неужели все-таки от нас?

Как вдруг прозвучал тихий голос центаврианца Кизи Кен Амана, который, в отличие от нас, смотрел не в видеоокно, а на приборы.

— Сзади!

Покладистый милитум тут же развернул перед нами панораму задней полусферы.

— Ой-ой, — прошептала Тайша.

Из толщи оливково-зеленых вод медленно поднималось существо, которое я, полный профан в палеозоологии, назвал бы гибридом плезиозавра, диплодока и тираннозавра.

Широкая пасть, густо усаженная зубами разных калибров. Тупые глазки с вертикальными зрачками. То есть это были «глазки» только в том смысле, что на фоне остальной туши они выглядели маленькими. А вообще-то каждый глазище был величиной с мою голову! Заподозрить существо в том, что оно травоядное, не пришло бы в голову ни одному трезвомыслящему человеку.

— Теперь хоть буду знать, что такое «чудовище», — тихо сказала Тайша.

— Лучше бы не знать, по-моему, — вставил Свечников.

— Живой кроверн пострашнее будет, — успокоил Лесь-Николай Гайдамака.

— Между прочим, как и синие аисты, этот вид по сей день не каталогизирован! — торжествовал Вальдо.

Шкура у некаталогизированного чудовища была бурой, пупырчатой, с серыми полосами вдоль хребта. Из лиловой пасти, раззявленной явно в честь аборигенов, ручьями лила вода. Видимо, водоплавающая тварь не считала обязательным закрывать рот во время ныряния.

«Так вот кто такой «цууц», — сообразил я.

Тут-то Топак и выстрелил. Хорошо, что сработал фирменный майкрософтовский предохранитель для систем небоевого оружия: подствольный сенсор распознал преграду на директрисе огня, и подача пуль сразу же была заблокирована. Раздался оглушительный хлопок отпугивающего выстрела — так уж наши карабины запрограммированы. И спасибочки.

Мы все наперебой крыли Топака матом, а речевой синтезатор милитума тем временем исправно доносил до нас разговоры майянцев, впрочем, начисто потерявшие содержательность. Состояли они теперь из одних «а-а-а-а!», «о-о-о!» и «Шибальба!».

Впрочем, чего можно требовать от двух безоружных мужиков, за которыми гонится такая вот тварь? Обсуждения «Критики чистого разума»?

— Абубве, мы должны зависнуть над их лодкой и открыть для них нижний шлюз с лесенкой! Тогда они смогут забраться к нам! — скомандовал Вальдо.

— А вдруг они не захотят забираться? — вполголоса предположила Эстер.

— Тогда ими позавтракает этот... как его... некаталогизированный, — вставил Файзам.

— Цууц! — подсказала памятливая Беата.

— В крайнем случае расстреляем тварь из карабинов. Или плазмой. Минуты полторы у нас, пожалуй, есть, — сказал Свечников.

— А почему бы сразу не расстрелять? — поинтересовался прагматичный Лесь-Николай Гайдамака.

— А как же «контакт»? Мы же должны показать им, что мы — «друзья всего живого, не только разумного»?

Когда наш планетолет завис над лодкой аборигенов, те, к моему величайшему удивлению, не особо разнервничались.

Может, сравнение с цууцем было явно в нашу пользу. А может, им такие планетолеты не были в диковину... Но эту версию наивный капрал Серж ван Гримм отмел сразу как совершенно несостоятельную.

Майянцы побросали весла, поднялись в полный рост и приветственно махали нам руками. Кажется, они призывали нас поторапливаться.

— Странно! Я, честно говоря, думала, что их удар хватит при виде нашего планетолета! — обрадовалась Тайша.

Эверт, вызвавшийся быть главным дипломатом, теперь стоял на ступенях лестницы, выехавшей из жерла нижнего шлюза, и, придерживаясь правой рукой за поручень, вещал:

— Люди! Братья! Вы можете спастись от чудовища, если сейчас подниметесь по лестнице в наш летающий дом!

Речевой синтезатор повторял все это на майянском.

Аборигенам два раза объяснять не надо было.

Один из них, тот, что был постарше и побесстрашнее, уже ступил на нижнюю ступень лесенки и сделал шаг доброй воли навстречу Вальдо, как вдруг произошло следующее.

Цууц вдруг остановился, извлек из-под воды хвост с ершистым плавником нереальной величины и что было дури ударил им по воде. Порядочной высоты волна покатилась к лодке, к планетолету, и остановить ее было совершенно невозможно!

Это я еще на Эсквемелине понял — толково бороться с волнами человечество за всю свою многотысячелетнюю историю так и не научилось. Волнорезы, контргенераторы, «криозаливки», «амортизационная крошка» — на Эсквемелине этого добра у нас были килотонны. А толку — как покойнику от курса инфрабиотиков.

Пока Вальдо и аборигены устанавливали первый контакт, а мы, как выражались у нас в учебке, клацали клювами, волна докатилась до нас и, подхватив лодку, рванула ее к берегу.

Второй абориген истошно завопил и ничком упал на дно лодки.

Нашему планетолету тоже досталось бы, если б Абубве не продемонстрировал свою хваленую реакцию пилота. Планетолет подскочил на два метра вверх за секунду до того, как волна лизнула его брюхо. Слава пилоту Абубве! Не то хороши б мы были — выкупаться с разгерметизированным салоном!

Да, нам повезло остаться сухими. Но майянец и, главное, Вальдо кубарем свалились с лестницы и полетели в воду!

— Эверт тонет! — с трагическим надрывом выкрикнула Тайша и бросилась к шлюзу.

— Погоди, не лезь! — строго сказал Свечников, поймав ее за локоть. — Сейчас зависнем нормально, я сам все решу.

Через секунду Лесь-Николай Гайдамака уже стоял рядом со Свечниковым, прижимая к груди автоматический карабин.

Фыркая и отплевываясь, капитан Вальдо и майянец барахтались в воде.

А наш зубастый гибрид хоть в целом и безмозглый, но кое-что, видать, добирающий приобретенными рефлексами, вновь поднимал свой исполинский хвост для нового цунами.

— А вот хрен тебе на рыло, — проворчал Лесь-Николай, пристроившись на нижней ступени лесенки.

Секунду спустя он хладнокровно разрядил весь магазин в распоясавшегося цууца.

Тварь громогласно захрюкала и замотала башкой — видимо, кое-что до нее все-таки дошло. А нам всем стало совершенно очевидно, что пульками от чудовища никак не отделаешься. Слишком много мяса...

Видимо, это же самое еще до пальбы Леся-Николая понял Свечников. Пока Лесь-Николай перезаряжал карабин, ворэнт успел подключиться к пушке через свой милитум и даже в общих чертах дать целеуказание.

«Ш-ш-шик!» — Башенная пушка исторгла первый заряд плазмы.

— Мимо! — взвыла Тайша, в отчаянии ломая руки. Я заметил — она волновалась за шефа чуть ли не больше всех нас! Будь я ревнивцем, я бы сделал из этого «выводы».

«Ш-ш-шик!»

И снова мимо! Мне лично было ясно: на автоматику больше надеяться нельзя. Милитум, кажется, плохо понимал, *что* нужно расстрелять. Оно и понятно: цууц отсутствовал в базе данных потенциальных целей. Следовало наводить вручную.

— Давай руками! — закричал я Свечникову.

Но было уже поздно... Новая волна, поднятая суперхвостом цууца, подхватила Вальдо и майянца. И утащила прочь от нас, в неизвестность.

Эта же волна играючи перевернула лодку со вторым аборигеном. Из его судорожных барахтаний явствовало, что плавать он, как и его «брат», либо не умеет вовсе, либо со страху разучился...

Тем временем Свечников внял голосу разума и перешел на ручное наведение.

«Ш-шик! Ш-шик!» — дважды прошипела пушка.

— Ура! — заорала Беата.

— Е-е-е-есть! — взвыл Файзам.

— Ты еще разок, в жопу ему вмажь, — посоветовал Лесь-Николай, как всегда далекий от неконструктивных восторгов.

Замечание мудрого укра было отнюдь не риторическим.

Первым же выстрелом нашему морскому гибриду оторвало башку. Вторым разворотило грудь. Но хвост, прилепленный к огромной заднице, покоящейся на чудовищной длины ногах-тумбах, которые, по-видимому, преспокойненько себе топали по дну озера, по-прежнему мотылялся туда-сюда по поверхности воды, порождая очередное стихийное бедствие.

— Сейчас будет, — заверил нас Свечников.

«Ш-шик!»

На месте цууца взметнулся фонтан воды и лилово-серого мяса высотой метров эдак пятнадцать. Вот это было смертельно! В самую задницу!

Не теряя времени, мы занялись спасением утопающих. К счастью, ни шаровых кашалотов, ни морских кабанов, которыми кишмя кишел океан на Эсквемелине, в озере не обнаружилось. Иначе вместо Вальдо и аборигенов мы не ровен час выловили бы только бесхозное ухо и две непарных ступни ног.

А так — ну мокрые. Ну перепуганные. Главное, что живые!

С майянцев и Вальдо на пористый пол планетолета стекала вода болотного цвета и такого же запаха. Тайша колдовала с пищевым автоматом-псевдосинтезатором в попытках извлечь из него «стимулирующий + горячий + релаксационный + вкусный» напиток.

Видимо, запросы у Тайши, по мнению автомата, были вызывающе противоречивыми. «Надо было пятьдесят пакетиков заварного чая в него засунуть, отдельной аварийной обоймой. И безо всякого псевдосинтеза», — подумал я.

После трех минут препирательств из жерла автомата в пластиковый стаканчик налилась... горячая витаминизированная водка, на-

стоянная на спирулине и подслащенная медом диких пчел с планеты Шивананда.

Тоже в общем-то... Вкусно... Мням-мням... М-да...

Под глухое ворчание промокшего Эверта Вальдо планетолет приближался к северному побережью Озера Синих Аистов.

Ну дела!

За какой-то час мы нашли материнскую биосферу загадочных кобальтовых аистов с планеты Глокк, открыли разумную гуманоидную форму жизни, болтающую на языке древних майя, едва не искупались всем взводом и разнесли на клочки цууца. Но на этом сюрпризы и не думали оканчиваться.

На берегу озера нас поджидал целый город.

Ума не приложу, каким образом вышло, что ни один из восьми зондов, которые побывали на орбите планеты Грин, не засекли здесь присутствия людей. Ведь помимо явных есть же еще и косвенные признаки присутствия поселений гуманоидов! Их же в школе проходят!

Как же, например, «плеши Шумахера» в биосфере? Или, допустим, «теплые меты», ведь костры прекрасно просматриваются со спутников, да и трудно их перепутать с лесным пожаром!

Ворэнт Свечников объяснял все туманами — дескать, в такой мгле и члена своего не разглядишь, не то что всяких там поселений. А вот сообразительная Беата пошла в своих гипотезах дальше.

— Знаешь, Серж, — доверительным шепотом сказала она мне, — когда я работала лаборанткой в Биометрическом отделе Департамента Пространства, я поняла одну вещь...

— Какую, Беата?

— Никому до этих дальних территорий нет дела.

— Зачем же тогда посылать зонды, рейдеры и все такое?

— Для проформы. Чтобы никто не подумал, что нам нет до них дела. Понимаешь, Серж, некому, просто физически некому анализировать все эти многочисленные данные. Таких планет, как Грин, — десятки тысяч. Каждый зонд дает гигабайт гигабайтов информации за день работы. Кто будет все это обрабатывать?

— Ну машины.

— Естественно — машины. А кто потом, после того, как обработали машины?

— Ну ученые там... аналитики.

— Правильно. Но ведь они же не машины! Они не в состоянии быть в курсе всего, что творится во Вселенной! Просматривать все записи. Даже читать все результаты анализа у них времени нет! Их

ведь какие-то сотни, ну от силы — тысячи человек. Ведь финансирование сам знаешь какое...

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, что автоматический анализатор наверняка засек и «плеши Шумахера», и все остальное. Только в силу того, что некому было интересоваться этой информацией, она просто прошла по категории «К сведению» или «Непроверенное». И была уничтожена во время очередного месячника «Хлам долой!». А когда появился сениор Вальдо, которому до всего этого было дело, в базе данных планет и планетоидов все было стерильно, как в мозгах у наших шоувуменов.

— Ну, знаешь... не может быть, чтобы даже в аналитической разведке царило такое разгильдяйство! — возмутился я.

С детства я привык, что слово «разведка» ассоциируется в первую голову с порядком, дисциплиной и субординацией. Вроде как в разведке не бывает ничего «неважного».

Впрочем, сама жизнь свидетельствовала о том, что Беата права.

Наш планетолет тем временем степенно приземлился, шурша прибрежным песочком.

Я поднял глаза вверх — о да, мы были в городе.

Пористая, буро-красная скальная стена Кратера Юноны была облеплена домами, выстроенными из зеленоватой глины. Дома тулились друг к другу тесно-тесно. Их овальные окна глядели на нас и на озеро неприветливо и дико.

Местное население — низкорослые, но крепкие мужчины, миловидные, сильные женщины, чумазые ребятишки — бодренько спускалось к нам по веревочным лестницам. Ни страха, ни ажиотации.

Очень скоро наш планетолет густо обступили люди.

Многие мужчины были вооружены луками, некоторые — дротиками и своеобразными деревянными мачете с рубящими поверхностями из каких-то стекляшек. Кое-кто горделиво покручивал бола. Горожане, как и двое наших найденышей, говорили на майянском. Значит ли это, что они все — потомки древнего народа майя? Или, может быть, древний народ майя — потомки этих странных людей? Но на эти вопросы, похоже, и сам капитан Вальдо не знал ответа.

«Они проморгали целую цивилизацию. Человеческую цивилизацию, — оторопело подумал я. — Разве это не фантастика?»

Вот мы и вышли к ним — стройные и величественные. Похожие на героев старых земных фильмов, которые крутят во всяких «Ретропанорамах».

Впереди — Вальдо, успевший переодеться в сухой комбинезон. Высокий, широкоплечий и непоколебимый, как и положено посланнику Старшей Расы.

За ним — угрюмый битюг Свечников и двое спасенных аборигенов, которые словно языки проглотили при виде всего этого столпотворения.

Позади них — я, Беата, Джо Топак, Тайша. Замыкал нашу делегацию Лесь-Николай Гайдамака, с автоматическим карабином наперевес.

Впрочем, вооружены были мы все. Кто «до зубов», а кто и обычным ножом, для уверенности.

А вот Абубве, Файзам и Карлскрона остались на хозяйстве, в планетолете. А заодно — присматривать за обстановочкой. Мало ли чего можно от этих майянцев ожидать? Из луков, конечно, они нас не расстреляют — кишка тонка. Ну а как науськают на нас какую-нибудь телепатически управляемую мегаядовитую мошку? Или ручного цууца?

Навстречу нам уже шествовала делегация из трех человек самого что ни на есть зловещего вида.

— Быстро сориентировались, — шепнула мне Тайша.

Во главе знатных майянцев вышагивал сгорбленный, но с виду довольно бодрый старикашка, одетый в традиционную длинную юбку с бахромой, разве что расцветкой побогаче, чем у остальных. На плечах у него была шкура, цветом и фактурой смахивающая на кожу с пениса цууца. Старец опирался на жезл, увенчанный человеческим черепом.

Нет, это был не «стилизованный» под человеческий череп предмет.

Не какая-нибудь пластиковая поделка.

Это был настоящий человеческий череп, разве что вместо глаз — две пластины розового нефрита. Кое-где на черепе еще дотлевало вполне человеческое мясцо. И запах у всего этого дела был соответствующий.

За старцем шли двое подтянутых юношей.

Их волосы были украшены перьями тех самых кобальтово-синих аистов, а их бахромчатые юбки были богато расшиты бусинами. Плечи, животы и грудь юношей обволакивала, словно густая паутина, обильная татуировка: косяки фантастических (фантастических ли?) рыб и фигуры зверей, среди которых я без труда различил леопарда (на левой груди) и медведя (на правой)...

Наконец, они приблизились к нам на расстояние, достаточное для просвещенной беседы.

Но начинать ее ни мы, ни они не торопились. Нам помолчать посоветовал наш милитум, который кое-что нарыл по поводу обычаев архаических сообществ. А им? Наверное, их собственные осторожные мозги.

Настроение у меня было в общем-то неплохим. Мне почему-то казалось, что все будет происходить как в тех самых фильмах из «Ретропанорамы».

Сначала они выяснят, кто мы и откуда.

Затем, оценив перспективы натурального обмена — золото, специи и шкуры на ножи, водку и видеокубы, — признают в нас старших братьев по разуму, друзей и союзников.

Потом они покажут нам город и свои достижения, а мы подарим им для начала какую-нибудь ерунду — стеклянные бусы, ножик, жестяную баночку с фуззи-колой. Они научат нас говорить «здравствуйте» на своем языке. И пошло-поехало!

Культурный обмен, дары цивилизации, первая партия молодых майянцев готовится к тому, чтобы поступить в «нормальную» школу в ближайшей обитаемой системе. На Грин приезжают доктора и прочие инженеры... Сейчас даже противно вспоминать, каким наивным ослом я был!

Наконец, старец решился прервать сильно затянувшуюся паузу.

Его резкий баритон сразу же покончил с моими засахаренными прогрессистскими мечтаниями. Что-то было в этом голосе несовместимое с мечтаниями.

— Мы благодарим людей Хищного Тулана за то, что они спасли наших соплеменников, — перевел милитум слова старца. — И за то, что убили цууца, мы благодарим их тоже. А теперь пусть возвращаются в свой летающий дом и улетают. Так говорю я, Чаниаколон, что означает «Тот, кто носит жезл с черепом». Это — Вун-Ах, а это — Тоб-Ачи. Они мои сыновья. И они говорят то же. Люди Хищного Тулана — да улетят скорее в своем летучем доме из нашего города!

У меня челюсть отвисла от таких заявлений.

Но тертый-катаный сениор Вальдо даже бровью не повел. Он вежливо кивнул старцу и двум юношам, выступившим вперед — тем самым, которых старец назвал своими сыновьями. И спросил:

— В чем причина вашего негостеприимства, о мудрый Чаниаколон? О мужественные Вун-Ах и Тоб-Ачи? Мы пришли к вам с миром. Мы — люди Земли, ваши братья. Мы прилетели к вам издалека. Чтобы разделить с вами пищу, чтобы мир и союз были между нами.

«Небось наш Эверт специальный курс прослушал. Что-то типа «Теория и практика контактов с представителями слаборазвитых гуманоидных цивилизаций», — с восхищением подумал я.

Но на старца слова Вальдо, кажется, не произвели должного впечатления.

— Между нами не может быть союза, — медленно сказал Чаниаколон, уходя все-таки от ужасно неуютной косвенной формы обращения «Люди Хищного Тулана то да се». — Но и войны с вами у нас тоже не может быть. Потому забирайте свой мир и уходите.

— Но почему, о мудрый Чаниаколон? — состроил скорбную гримасу Вальдо.

— Потому, что наш друг — летающая рыба. Вы враждуете с летающей рыбой, хотя это знающее, благородное существо. Как же мы можем верить, что вы будете дружить с нами, если вы столь несправедливы к благородной рыбе?

Вот тут-то вся наша делегация в осадок и выпала.

Мало того, что этот слаборазвитый народ, болтающий на майянском, не испытывает никакого благоговения перед нами и нашими планетолетами, так он еще и в курсе того, что мы воюем с кроверна-ми! Ведь ясно, что «летающая рыба» — это кроверны! Но откуда, скажите на милость? Они что, тоже видеокубы по своим пещерам смотрят? Неужто нас уже опередили какие-то конкурирующие центаврианские проходимцы? Те самые, которые позабыли на Оранже горный кроулер?

Вальдо первым оправился от потрясения.

— О мудрый Чаниаколон! Откуда же тебе ведомо, что мы воюем с «летающей рыбой»?

— Ты слушаешь меня невнимательно, человек Хищного Тулана, — строго сказал старец. — А ведь я сказал тебе, что летающая рыба — наш друг! Разве не так?

— Так, — подтвердил Вальдо.

— Друг не станет скрывать от друга свою правду. Ведь верно?

— Верно.

— Летающая рыба не скрывает от нас, что враждует с вами. И потому мы не хотим оказывать вам гостеприимство. Потому что нашему другу — летающей рыбе — это будет неприятно. Летающая рыба может разгневаться на нас. И обрушить кару свою на наши поля и на наш город. Тогда наш народ уйдет в Шибальбу.

— Где это — Шибальба? — рассеянно спросил Вальдо.

Старец и двое его сыновей посмотрели на Эверта, как на умственно отсталого.

— А еще говоришь, что брат нам, — укоризненно сказал старец и цокнул языком. — Шибальба — это место ужаса. Место, где живут умершие люди.

— Прошу простить мое невежество, — смиренно кивнул Вальдо.

Нужно сказать, что я даже начал получать удовольствие от всей этой этнографической комедии. Особенно от роли Вальдо. Безумно хотелось узнать, чем же все это кончится. И видать, не только мне. Тайша — та даже губу прикусила, так ей было интересно.

Майянцы-горожане, стоящие на почтительном отдалении от старца и его сыновей, тоже слушали в три уха.

— Твое невежество я прощаю, — сказал наконец старец. — А сейчас прошу вас уйти. Я устал вести пустые речи.

— А что, о мудрый Чаниаколон, если мы не уйдем? — спросил тогда Вальдо. — Если мы останемся, не вняв твоим словам?

Старец склонил голову набок и поднес к лицу череп, что венчал жезл. С минуту он молчал, внимательно вглядываясь в его нефритовые глазницы. Совета просил, что ли?

— Если вы не уйдете, тогда, о человек Хищного Тулана, мои воины начнут стрелять в вас из луков. И метать дротики.

— Ведомо ли мудрому Чаниаколону, что мы располагаем оружием более сильным, чем луки и дротики?

— О да, мне ведомо. И про флейту, стреляющую железными ягодами. И про бревно, мечущее голубые молнии. И про палец, который делает человека бесчувственным, как камень. Обо всем этом я знаю.

— Отчего же ты думаешь, что твой народ сможет победить нас при помощи луков и дротиков? — напирал Вальдо.

— Я не думаю, что мой народ сможет победить вас. Но я думаю, что вы, люди Хищного Тулана, не станете стрелять в нас — людей, у которых нет флейт, стреляющих железными ягодами. Вы сможете остаться здесь, на Яшкине, только если убьете всех нас. Но вы не убьете всех нас. Ибо ваш *олль*, качество вашего духа, не велит вам делать это. Поэтому вы уйдете.

— Поэтому вы уйдете, — повторил за старцем Вун-Ах.

— Поэтому вы уйдете, — повторил Тоб-Ачи.

Пока мы стояли и обдумывали происходящее, старец поднял свой жезл, увенчанный черепом, высоко над головой.

В ту же секунду все воины вмиг натянули луки, угрожающе выставили свои древостеклянные мечи и нацелили на нас дротики. Ай да гвардия!

А старец и его сыновья повернулись к нам спиной и, сохраняя достоинство, скрылись среди почтительно расступившихся лучников.

За ними опрометью бросились двое спасенных нами от цууца аборигенов, предатели чертовы.

Бледный как смерть Вальдо не выдержал и обернулся к нам. В его глазах читался вопрос, начертанный, как уверяла моя мать, на русском гербе. Вопрос «Что делать?».

Увы, все средства, предлагаемые земным искусством дипломатии, наш шеф уже исчерпал.

— Старик прав, Эверт. Возвращаемся в планетолет, — тихо сказал Свечников.

— Пожалуй, так, — кивнул Вальдо. В глазах его полыхнули искры тихого бешенства.

Никогда я еще не чувствовал себя таким беспомощным. И даже на Глокке было как-то... более объяснимо.

Глава 9

БОЛЬШИЕ СУМЧАТЫЕ ПОСЛАНЦЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Ошибаются те, кто ожидает
на войне одних успехов.

Гай Юлий Цезарь

К высокому совету были допущены: ворэнт Свечников, Беата Даль на правах сержанта (хоть и медслужбы), я на правах заместителя командира и Эстер Карлскрона. На каких правах к нам примазалась последняя — понятия не имею.

Не удивился бы, если б оказалось, что ворэнт думает, будто ее позвал Эверт, а Эверт — что позвал ворэнт. Когда в товарищах армейских и штатских согласья нет — это нормально. Впрочем, какой там Эверт «штатский»! Капитан аналитической разведки приравнивается к пехотному мастер-майору.

— Какие будут соображения? — поинтересовался Свечников.

Ворэнт обвел нас своим цепким, внимательным взглядом.

— Мы должны немедленно вернуться на борт «Юнгера», связаться с базой и запросить инструкции, — сказала Эстер. Как припечатала. — Удивляюсь, почему мы этого до сих пор не сделали.

Как у младшей по званию, ее ария стояла в нашей вечерней программе первой — на то и военный совет.

Эверт саркастически усмехнулся, но промолчал.

— Развивайте свою мысль, Эстер, — поощрил Свечников.

— Мы встретили внеземную, ранее неизвестную и притом разумную форму жизни. Надеюсь, с этим все согласны? Я не буду напоминать старшим по званию о положениях наших, армейских инструкций. Но ведь даже старинный кодекс CETI-2 предписывает:

при встрече с любыми неизвестными носителями разума или с подозрительными на разумность объектами немедленно покинуть непосредственную зону контакта и связаться с вышестоящими инстанциями. Подчеркиваю: немедленно покинуть и связаться.

— Благодарю вас, Эстер. — Свечников церемонно кивнул. — Теперь вы, Беата.

По званию Беата Даль была, конечно, старше меня. Но по должности стояла ниже. Все верно, ей — высказываться второй.

— Я полностью разделяю мнение Эстер. Мы не имеем права оставаться на планете. Тем более что нас вполне недвусмысленно попросили убраться.

Эверт снова усмехнулся. Судя по его ядовитым гримасам, он был отнюдь не в восторге от образа мыслей своих подчиненных.

— Капрал ван Гримм, прошу.

— Не вижу смысла «убираться». Если уж командование любезно предоставило сениору Вальдо мощный корабль и наши зад... э-э, ценные боевые единицы в нашем лице, значит, командование надеется извлечь из нашего рейда определенную выгоду. А какая может быть выгода от разведки? Информация. Вы же предлагаете вернуться на «Юнгер» и сообщить: так, мол, и так, нашли каких-то людей, чирикающих на древнем земном языке. Люди попросили оставить их в покое, что мы и сделали. А теперь, пожалуйста, господа адмиралы и генералы, подбросьте нам пару ценных идей. Неплохо? А между нами говоря, ни один адмирал — хоть из Оперативного, хоть из Генерального Штаба — по таким данным ничего мудренее, чем «взять языка! захватить побольше предметов материальной культуры! искать! вынюхивать!», не посоветует. Времена-то военные, о вашем распрекрасном CETI-2 и не вспомнят. Да еще и сениору Вальдо по рогам настучат за безынициативность.

— Капрал ван Гримм, следите за своей речью. Постарайтесь выражаться более... формально.

— Виноват, сениор ворэнт. Забылся. Позвольте закончить мысль?

— Валяй, Сережа.

Я почувствовал: хоть Свечников меня и одергивает, он — на моей стороне. Ну что же, мое дело простое, солдатское: выслуживаться!

— Я думаю, надо остаться на планете. Как следует выспаться, плотно позавтракать. В шесть ноль-ноль по местному времени выслать разведгруппу на глидерах в направлении обнаруженного поселения. Цель группы: панорамная съемка, прослушивание при помощи направленных микрофонов, сбор сопутствующей информации. При благоприятных условиях предлагаю захватить одного-двух май-

янцев. Или скажем мягче: пригласить в гости. Лучше все-таки двух: мужчину и женщину.

Наивный Сережа! Я был уверен, я просто не сомневался, что мы со своими глидерами, карабинами и планетолетами — безраздельные хозяева положения. Мы можем наблюдать и оставаться незамеченными. Брать в плен — и оставаться безнаказанными. Хозяйничать на планете, об обитателях которой не знаем ровным счетом ничего!

— Серж, как тебе не стыдно?! Они же нам ничего плохого не сделали! Мы не можем посягать на их неотъемлемые права разумных субъектов! — Эстер прямо-таки подпрыгнула от негодования.

— Карлскрона, вам слова не давали, — заметил ворэнт.

— Извините, забылась.

— Теперь скажу я, — начал Свечников. — С моей точки зрения, капрал ван Гримм прав. Я полностью разделяю предложенный капралом план действий. И назначаю его командиром разведгруппы.

Наконец заговорил Эверт:

— Таких отъявленных глупостей я не слышал с того самого дня, когда меня пригласил на коктейль адмирал Понтекорвино. Похоже, ворэнт и капрал полагают, что они вольны на свой вкус перекраивать кодексы и уставы одним мановением замозоленного спусковым крючком пальца.

У нас с ворэнтом просто в зобу дыханье сперло от обиды! Эстер пришлось отвернуться, чтобы спрятать ликующую улыбку.

Но ликовала она недолго.

— Прекрасная и, несомненно, лучшая половина нашего общества ближе к истине. Но, увы, сказывается недостаток опыта. Например, как вы можете называть встреченных нами гуманоидов «внеземной» цивилизацией, если они используют хорошо известный нашим ученым, — да что там, даже милитумам! — язык? Но это еще ерунда, это ладно. Сейчас я вам кое-что покажу.

Эверт завозился со своим милитумом, приказав тому прокрутить кадры съемки нашей ошеломляющей встречи с майянцами. Через минуту встроенный принтер выкатил на ладонь Эверта глянцевый листик микронной толщины.

— Вот, извольте видеть. Это растение вам ничего не напоминает?

Очищенные от дымки и приближенные к нам возможностями цифровой экстраполяции, с распечатки на нас глядели милые розовые цветочки, гнездящиеся на низеньком кустике с жизнелюбивой зеленой листвой и толстыми стеблями.

— О боже... — вздохнула Эстер. — Это же картошка!

— Да. Это картофель. И ничто иное. С этим согласен не только я, но и милитум. Самый обычный картофель, безо всяких «мутаций». Итак, вы по-прежнему предлагаете считать встреченных нами людей «внеземной цивилизацией»?

— Так ведь и я о чем! Какой там кодекс! Это же свои, наши! — не сдержался я. — Не про них закон о внеземном разуме писан. Небось разбился тут в эпоху Раннего Освоения какой-нибудь корабль с мексиканцами. Те, кто выжил, вконец одичали. Картошку растят. Стрелы строгают. Нашу Землю-матушку позабыли. Они нам только спасибо скажут, когда мы им растолкуем что почем!

— Надо было в детстве меньше макулатуры Атомной Эры читать, Сергей, — улыбнулся Эверт.

— Да я в детстве все больше подводным плаванием увлекался... — сболтнул я быстрее, чем успел сообразить, что в глазах Вальдо это мне чести не делает.

— Да? В таком случае у вас хорошая фантазия! Только в Атомную Эру некоторые «научные» фантасты могли всерьез полагать, что экипаж большого межзвездного корабля в состоянии одновременно и выжить, и одичать. Да знаете ли вы, что одного универсального станка, спасенного с борта колонизационного транспорта, хватило бы, чтобы за десять — пятнадцать лет вывести колонию на нормативный технологический уровень? И что если б все было так, как вы сказали, мы бы здесь увидели не гордых варваров с костяными амулетами, а купол атомной электростанции, автоматчиков и какую-нибудь «экстренную комиссию по контактам с инопланетным разумом» на белом бронированном лимузине?

— А вдруг им не посчастливилось спасти ни одного универсального станка?

— Сергей, Сергей... Похоже, с историей вы не в ладах. Любой колонизационный транспорт уже в те времена комплектовался по меньшей мере четырьмя спасательными ботами. В комплект снаряжения каждого бота входили два таких станка. И много других полезных вещей. Например, законсервированные яйцеклетки и сперматозоиды в контейнерах со свинцовыми рубашками. Поэтому одно из двух: либо во время катастрофы гибли все или практически все и никакой варварской цивилизации не основывали. Либо выживал хотя бы один бот, и тогда уже об одичании не могло быть и речи. Да вы захотите одичать — не одичаете, когда у вас под рукой надежное оружие, портативные электростанции, полно инфокристаллов, компьютеры, семена растений... Или, по-вашему, «благородный дикарь» — это и впрямь то самое «естественное» состояние, к которо-

му человек сразу же скатывается, удалившись от видеокуба и гамбургера на пару сотен парсеков?

— Беру все свои слова обратно, — сдался я. Но все-таки не смог промолчать и ехидно добавил: — Как младший по званию.

Вальдо сделал вид, что пропустил мое последнее замечание мимо ушей.

— То-то же. А теперь вернемся к нашему военсовету. Как командир наших рейдовых сил я бы мог просто отдать приказ, отказавшись от каких-либо комментариев. Но я хотел бы, чтобы вы понимали, что происходит. Встреченное нами племя — конечно же, люди. В прямом смысле слова — вид Homo Sapiens, раса... да, в общем-то раса Т. Абсолютную гарантию, конечно, может дать только анализ ДНК, но сомнения тут могут быть разве чисто теоретические, один шанс из триллиона. Откуда здесь люди? Моя гипотеза: две, а может, три, а может, и четыре тысячи назад Землю посетили очередные инопланетяне...

Насчет «очередных» оговорка была интересная. Даже для тупого вояки Сергея ван Гримма. Нас-то всю жизнь учили, что любые подозрительные на пресловутое Посещение археологические находки на Земле — туфта и дешевая пожива для медиакорпораций. А вот аналитическая разведка в лице капитана Эверта Вальдо явно полагала обратное.

— ...По неким причинам инопланетяне вывезли один из кланов майя или каких-то близких родственников майя на Грин. Зачем? Этого мы не знаем. Но ставлю сто талеров против одного, что этими инопланетянами были кроверны.

Ничего себе у кэпа котелок варит! Ладно бы хоть какие-то гуманоиды. А кровернам-то зачем?

— Вы спросите меня: «А зачем?» Скажу откровенно: этого я не знаю. И пустые гипотезы строить не буду. Но, я полагаю, раз Грин находится в сфере влияния кровернов, а кровернов, по нашим данным, опасаются все известные нам носители разума, включая роша, — если только мы признаем их разумными, — значит, любая другая цивилизация предпочла бы подыскать для поселения вывезенных с Земли людей какой-нибудь уголок поуютнее да от кровернов подальше. Главное же, с чего бы иначе наши майянцы считали «летающую рыбу» своим «другом»? Устраивает вас такая концепция?

Интересно, до чего бы мы договорились, если б кто-то из нас осмелился пикнуть, что такая концепция ему не по душе?

— А теперь вот что. — Лицо Эверта посуровело. — Дано: люди, не желающие вступать в контакт с другими людьми, но при этом поддерживающие контакты с кровернами. Требуется найти: что за-

ставило кровернов вывезти этих людей с Земли и почему кроверны общаются с ними, вероятно, уже не первую тысячу лет? Возможно, именно это позволит найти ключ к загадке нашей войны. Понять, в чем причина такой ненависти кровернов к нашей цивилизации. А для того, чтобы это понять, я завтра отправлюсь в поселение майянцев. Возьму только милитум, «маячок» и радиотрубку. Пойду босиком, без кислородной маски. И без эскорта. Один. Если я в течение трех дней не дам о себе знать — вернетесь на корабль и отправите рапорт начальству. И CETI-2 не пострадает, и армейские уставы.

Ну ничего себе! Кэп совсем сбрендил. Да всадят ему стрелу между глаз — на том вся разведка и закончится. Он что же думает — если сегодня нас послали по матушке, то завтра его примут с распростертыми объятиями? Мученик науки хренов...

— Может, взять «языка»? Это ж куда проще. И безопаснее, — предложил ворэнт.

— «Язык» может откусить себе язык. Каламбур, — скупо улыбнулся Эверт. — Знаете ли вы что-нибудь о религиозных представлениях архаических обществ? Известно ли вам, что такое табу, например? Или священная клятва перед лицом божества?

Ладно-ладно, университетов мы не кончали, но тоже не пальцем деланные. Мысль стала нам ясна. Мы все воодушевленно закивали.

— Если у них и впрямь существуют табу на общение с людьми из «Хищного Тулана», то пленник скорее умрет, чем скажет правду. Можно уповать на психосканирование. Но здесь тоже есть загвоздка. А вдруг пленник сам не знает никакой особой правды? Если он — простой, ограниченный земледелец? Который знает только историю про могучего Кетцалькоатля, который привез сюда Людей Орла на своей широкой спине и научил их семи великим ремеслам, из которых седьмое — никогда и ни о чем не говорить с другими людьми, потому что они — посланники Альтокоба, великого и ужасного? Что тогда? Вызвать сюда батальон штурмовой пехоты? Ловить и сканировать всех подряд? А вдруг у майянцев есть какие-то неизвестные нам способы связи с кровернами? И сюда нагрянет пара-тройка кровернских крейсеров?

Эверт Вальдо был, как всегда, прав.

— Поэтому единственная наша надежда докопаться до истины — войти в доверие к этому Чаниаколону, к его сыновьям, к их правителю (который, я уверен, следил за нашим разговором со стариком из укромного местечка) и жрецам. Если только у них есть жрецы, конечно. Мой план на грани безумия — я не спорю. И все-таки я обязан начать именно с этого.

Знал бы Вальдо, какую чушь он несет!

* * *

Пока мы принимали самое бессмысленное решение в истории рейдовой разведки, наши низшие чины (как это сладко звучало для моего капральского уха!) разбили лагерь по всем уставным канонам.

В центре — наш бесценный планетолет. Главный калибр зачехлен, зато к зеленым небесам вознесена телескопическая мачта с «вороньим гнездом» для караульного.

Вокруг планетолета — четыре трехместные палатки. Дальше — двадцатиметровой ширины кольцо биологического отчуждения, вытравленное многовонючими и зело ядовитыми для всякой ползучей дряни химикатами.

Внутри и снаружи кольца — датчики. Сейсмические и тепловые, лазерные и ультразвуковые. Информация от датчиков непрерывно поступает на главный пульт планетолета и на второй пульт, караульному в «вороньем гнезде».

Внутри кольца степенно прогуливаются охранные кибермехи, пошевеливая направленными в глубь леса лазерами-пугачами. Муха не пролетит!

Одну палатку мы традиционно и вполне по-джентльменски предоставляли Беате и Эстер. В другой спали Кизи Кен Аман, Джо Топак и Лесь-Николай Гайдамака. Третью не вполне по-джентльменски, но по праву старшего занял я, в нее же рассчитывал пригласить и Тайшу.

Мне не повезло. По жеребьевке Тайше выпала первая стража, и она отправилась в «воронье гнездо». «Придется заниматься целибатом», — взгрустнул я. Дождаться возвращения Тайши я никак не рассчитывал — к окончанию ее дежурства я должен был уже видеть третьи сны.

Файзам Рахими и Абубве спали в четвертой палатке. Ну а наши мозги и командирские интонации, Вальдо и Свечников, как и положено, занимали самое защищенное место в лагере: спальные места планетолета.

По идее, там же полагалось находиться и мне. Но с одной стороны — Тайша. С другой стороны, я опасался богатырского храпа Вальдо. Его даже сквозь стены планетолета было слышно. Ума не приложу, как с этой проблемой справлялся Свечников. Уши жвачкой закладывал, что ли?

Не успела палатка самопроветриться и выбросить зеленую надпись «Атмосфера в норме», а я уже сорвал опостылевший респиратор биологической защиты, отшвырнул прочь очки-мультивизор и заснул, кажется, прямо на пороге...

...Сигнал общей тревоги, видимо, надрывался уже минуты две. Но проснулся я, только когда динамик моей палатки дошел до сотни децибел.

Дурея от его воплей, я не сразу нашел нужную кнопку. Автоматически вспыхнувший яркий свет под полукруглой аркой палаточной крыши спросонья ослепил меня. Поэтому когда моя левая ладонь вместо ложа автоматического карабина повстречалась с чем-то податливым и мягким, я заорал как резаный. Чужие уже здесь!!!

Чужие ответили мне невнятной матерщиной с приятной женской хрипотцой. Тайша — дошло до меня.

Одновременно с этим я сразу открыл и вторую Америку: заветную кнопку «отбой». Щелк! — и сигнал оборвался на душераздирающем «...повторяю: несанкционированное проникновение в лагерь!».

Сквозь звон в ушах я сразу же услышал и кое-что похуже: длинную карабинную очередь. Стреляли по другую сторону от планетолета.

— Что происходит? — поинтересовалась Тайша, путаясь в штанинах моего комбинезона.

— Это мой! — рявкнул я. — Что происходит — не знаю! Сиди здесь, держи вход под прицелом!

Отобрал комбинезон у Тайши и заскочил в него практически мгновенно. Так, если Тайша здесь, значит, уже по меньшей мере середина ночи.

Теперь, когда барабанные перепонки малость отпустило, я слышал еще кое-что: гудение, шуршание, поскрипывание. Со всех сторон.

Что бы это значило? Мы оказались в желудке у очередного цууца? Или... неужели мы таки доигрались, на Грин высадились кроверны и лагерь захвачен термитами?.. Но что же тогда датчики? Кибермехи? А караульный в «вороньем гнезде» — заснул, что ли?

Бросил взгляд на часы. Так и есть — три пятнадцать по местному времени.

Проверил патроны в магазине. Нацепил мультивизор, на респиратор махнул рукой. Все равно атмосфера здесь чистая, а у меня от медикаментозного запаха из фильтров нос закладывает.

— Серж, я с тобой!

— Рядовая Вассерфаль, оставаться на месте! Это приказ!

Я выскочил наружу. Темень кромешная. Не видно даже лампочки перед входом в соседнюю палатку.

Переключил режим мультивизора. Эге, да видимость-то препаршивая... Мельтешение... Массы каких-то холодных тел в воздухе...

А это чей силуэт? Да здесь кто-то есть! Я вскинул карабин.

— Эгей, парни, слышит меня кто?!

Нет ответа.

Под ногами раздался хруст, будто я раздавил улитку. И тут меня облепило с ног до головы.

Господи, дрянь-то какая!

Я сразу понял, откуда взялся гудящий-шелестящий звуковой фон: насекомые. Грандиозная масса насекомых.

Я припомнил те две стаи «саранчи», которые мы наблюдали издалека, когда двигались к Кратеру Юноны. Сейчас эти хитиновые мерзавцы копошились прямо у меня в волосах!

Но ведь тогда летающие истребители зелени шли на запад, перпендикулярно нашему курсу? Они что — за нами погнались? А вдруг это плотоядная саранча? А почему ее не отпугнули наши химикаты?

Отчего да почему... Меньше думать надо!

Один из хитиновых мерзавцев укусил меня за ухо. Больно, черт возьми!

Слева от меня послышался громкий хруст. Дурея от нездорового сюрреализма происходящего, я перебросил на звук ствол карабина.

Человеческий силуэт — на такой малой дальности, несмотря на мятущуюся саранчу, возможностей мультивизора доставало.

— Стой! Кто здесь?!

Вместо ответа я получил почти одновременно два удара: один отвел в сторону ствол карабина, другой пришелся ровно в солнечное сплетение. Били чем-то твердым, но не заостренным — шестом, что ли?

Мой палец дернулся, пули глухо ушли в саранчовую массу. От второго удара я едва не потерял сознание и упал на колени.

Выскочившая из палатки Тайша споткнулась об меня, вскрикнула и, по-моему, не удержала равновесие. Дура, приказы надо исполнять!

Явно человеческая, по крайней мере гуманоидная пятерня ухватила меня за волосы. Но тут все-таки включились и заработали хваленые рефлексы штурмового пехотинца.

Я двинул в темноту левый апперкот и, по-моему, попал ровно по чьему-то мужскому достоинству. Обиженный вопль был тому свидетельством.

Костяшки моего кулака во время удара тоже жестоко пострадали: на нападающем был фартук, а может, штаны из шершавой, очень грубой кожи, простеганной с изнанки чем-то вроде проволоки. Скорее все-таки фартук, потому что такими штанами он все там себе в песок стер бы.

Ага, все-таки гуманоиды! Братья по пенису! Ах вы сапиенсы трахомудрые, ну, сейчас я вас!

...Увы, это была единственная победа в той бесславной драке...

Пытаясь закрепить успех, провести подсечку и одновременно вскочить на ноги, я получил зверский удар по уху, упал на яростно мычащую Тайшу и был ловко связан.

На этот раз гуманоиды орудовали в четыре руки.

Я успел только предупредить нападающих, что представляю на этой планете вооруженные силы Содружества. Также я собирался сообщить, что возмездие за недолжное обращение с пленными будет ошеломительным, ужасным, беспощадным, неотвратимы... мымумммыыы... ммму...

«Мудаки! Сучье! Аборигены со священными правами, так вас перетак за ногу! Вернусь на Землю, проведу в Сенате поправку к CETI-2: при первой встрече с инопланетным разумом открывать огонь без предупреждения», — все это и многое другое я мог передавать разве только мычанием. Потому что рот мне забили кляпом с отчетливым горьковатым привкусом древесных волокон.

В том, что это наши новые майянские знакомцы из города в Кратере Юноны я почему-то не сомневался. Я был прав и не прав одновременно.

Сухой, темный и не очень теплый мешок, несущийся сломя голову через лес, — не лучшее место для склонного к размышлениям джентльмена. Особенно когда джентльмен этот связан и лишен возможности проговаривать свои мысли вслух, как он к тому привык в часы уединенных раздумий над бутылочкой бурбона.

Кстати, о бутылочке бурбона. Ее недоставало, и притом сильно!

Но кое-какие умозаключения мне все-таки удалось сделать. Несмотря на обстановку.

Например, можно было надеяться, что с нашей стороны невозвратных потерь нет. По крайней мере уцелели многие. Когда меня запихивали в брюхо к большой прямоходячей гадине, я слышал вокруг себя разноголосое мычание.

Достоверно опознать всех мне не удалось. Все-таки мычание оно и есть мычание. Но, кажется, в числе плененных были Свечников, Карлскрона и Тайша. Этих я вроде бы узнал по тембру мычания.

Судьба остальных мне была безразлична, если не считать Эверта Вальдо.

Нет, дело не в том, что я — бессердечная скотина, хотя иногда я веду себя как бессердечная скотина. Просто остальные, во-первых, были рядовыми, а с моей капральской точки зрения рядовой... ну, скажем так, не очень интересный человек. Салабон. Нытик. Слабак.

Во-вторых, Тайша, например, мне нравилась, и ее мне было бы жаль. А к другим я подобных чувств не испытывал, хотя умом — не

сердцем! — признавал, что Карслкрона красивая женщина, а Беата — проницательная.

И наконец, в-третьих: что значили все мы по сравнению с Эвертом Вальдо? Какие-то скучные тупицы, мясо Содружества. А Эверт был наше солнышко ясное. Человек, который мог — или по крайней мере верил, что сможет — изучить кровернов и остановить их безудержную экспансию.

Это называется субординация. Когда ты, крепкий молодой парень, должен отказаться от своего гонора и согласиться с тем, что какой-то штатский с пройдошистой физиономией стоит целого батальона, набранного из таких, как ты.

А может, и не стоит — в высшем духовном смысле. В том-то все и дело, что это не важно. Вот что такое субординация!

Итак, я был связан, и притом очень искусно. Я не мог вымолвить ни слова. И находился я в кожаной сумке на брюхе у прямоходячей скотины внушительных размеров.

Как детеныш в сумке мамы-кенгуру. Только и «мама», и «детеныш» были куда крупнее, чем их земные, мм-м... аналоги.

Создавалось даже впечатление, что я был усыновлен одним из видов крупных сумчатых травоядных динозавров, которых на Грине водилось не менее девятнадцати видов — именно столько успели насчитать наши зонды, пока мы катались туда-сюда на планетолете. Ну кто бы мог подумать, что эти твари поддаются дрессировке!

А может, идея в другом? Может, эти существа, в которых нас затолкали, вовсе не дрессированные? Их просто изловили, детенышей отобрали, а нас подбросили вместо потомства? Теперь стадо добежит до своих пастбищ, полезет утречком за детками и... ужас! Обнаружит вместо детей нас и перетопчет, как кутят-подкидышей!

Нетрудно вообразить, что у аборигенов в ходу такая ритуальная казнь. Например, у них табу на пролитие чужой крови. Очень даже запросто. Как у хурманчей. И поэтому они доверяют «грязную», «табуированную» работу этим сумчатым.

И называют они этих сумчатых как-нибудь поэтично. Например, Звери Пу-Пу. Что в переводе означает Хозяева Леса. Или Живые Горы Правосудия. Или — о, еще лучше! — Большие Сумчатые Посланцы Справедливости. Звучит?

Итак, казнь. Именно эта гипотеза показалась мне самой близкой к истине. В самом деле, ведь майянцы на озере предупреждали нас. Предупреждали? Да. Не хотели видеть-слышать? Да. А мы не послушались. Отлетели от Кратера Юноны совсем недалеко. Вот и получили...

А все-таки ловко они нас сделали! Куда глядели наши охранные кибермехи? Датчики? Что, в конце концов, думал себе часовой на

телескопической вышке? Куда смотрели Эверт и Свечников в своем планетолете?

Ну, Серж, подумай. Саранча. Огромная туча саранчи. Случайно ли ее появление?

Нет. Конечно же, не случайно. Саранча слушается дикарей. Почему? Как? Не знаю.

«Почему» и «как» — предположим, не важно. Ясно — «зачем». Чтобы в буквальном смысле слова «затмить солнце». Но только не солнце, а наши системы обнаружения. Чтобы создать полную сумятицу и неразбериху, «ослепить» наши датчики и нас самих. И вслед за тучей насекомых ворваться в наш лагерь.

Все равно странно. Чтобы надежно экранировать тепловое и электромагнитное излучения, эти насекомые должны быть... металлизированы. В том или ином виде.

В их тканях, или крови (есть же у насекомых какая-то мутная дрянь вроде крови), или на лапках должно быть полным-полно молекул железа. Или алюминия. Или чего-то подобного.

Миллионы молекул. Вкрапления и напластования металлов или металлических солей. Вот так-то. Можно ли в это поверить?

Я не знаю... Слышал краем уха, что и в первородной человеческой крови железа полно, а у расы Ц — едва ли не вдвое больше... Еще какие-то бактерии есть вроде железоносные... А другие — свинцовоядные...

Сто-оп. Стоп!

Про соли алюминия и охранные системы полевых лагерей — это все знаешь *ты*, Серж. Капрал штурмовой пехоты, выпускник школы второй ступени, монтажник-подводник. Тебя учили технике, основам физики, у тебя есть опыт рабочего и солдата.

А вот что ты, Серж, на месте майянца можешь знать о типах земных датчиков? Охранных кибермехах? Известны ли тебе дальность и другие параметры работы инфракрасных датчиков, которые, в числе многого прочего, являются военной тайной Содружества?

Ты — простой охотник или рыболов, земледелец или тунеядец. Лопаешь местные бананы, трахаешь свою племянницу, изобретаешь колесо. Но ты не можешь, *не должен* по идее знать о железистом налете на трахеях местной саранчи, о Ночном Глазе и Длинном Ухе людей-из-большого-летающего-дома. Да или нет???

Да, не можешь и не должен. При условии, что племя твое видит таких вот людей первый раз в жизни. И очень даже можешь знать многое, если только контакты с людьми-из-больших-летающих-домов для твоего племени или для тебя лично — дело обыденное.

Но как же тогда увязать то, что нам сегодня в контакте было отказано, с тем, что с подобными нам (но с кем?) местные аборигены раньше преспокойненько общались?

Вот Эверт небось уже разгадал все эти загадки. Трясется в «сумке» соседнего динозавра и понимающе ухмыляется. С многомудрой ухмылкой Эверта перед глазами я и... заснул.

Нас вытащили на белый свет, как кутят — за шкирку.

Да-да, черт подери! Сильная лапа ухватила меня за ворот комбинезона и, пока я просыпался, обмирал от ужаса, ждал рева разъяренного динозавра и последнего многотонного удара его задней конечности, опустила меня на затоптанную траву.

Что же я увидел?

Опушку леса, ближнее болотце и лиловую полоску гор у горизонта. Светало.

Увидел я и майянцев. Вооруженных, между прочим, по большей части нашими карабинами.

Причем держали они их отнюдь не как дубины. А как настоящие профи! Заправские трапперы! Эдак расслабленно-небрежно: приклад — под мышкой, правая рука — на рукояти, палец — на спусковом крючке, а левая ладонь слегка поддерживает оружие под цевье.

Но главное, я увидел всю нашу экспедицию в полном составе! Не хватало только пилотов катера, лейтенантов Дюваля вае Литта и Акопа Мерсье.

Оно и понятно. Катер, видимо, по-прежнему стоял в двухстах пятидесяти километрах от нас, дожидаясь контрольного сеанса связи. Едва ли аборигены успели до него добраться. Если вообще знают о его существовании, в чем я не уверен.

Все живы! Это главное.

Хоть я для храбрости и воображал, что мне на всех наплевать, хоть и пытался внушить себе, что я — бессердечная скотина, но если бы вдруг оказалось, что ублюдки аборигены кому-то из наших проломили череп... я просто не знаю...

Нас всех поставили кружком.

За нашими спинами возвышалось не менее трех десятков мощных травоядных ящеров. Метров восьми в холке каждый, мамочки! Из «сумок» некоторых ящеров выглядывали аборигены с черными повязками на головах.

Выходило, что сумчатых используют не только для транспортировки пленных, но еще и для езды. Только не верховой, а как бы это сказать... для «внутряной», что ли?

Еще человек пятнадцать, а может, больше — посчитать было непросто — прогуливались возле ящеров. Некоторые были вооружены разномастным огнестрельным оружием архаических моделей. Некоторые вообще вооружены не были. Многие довольствовались или причудливым топориком, или дубинкой, или ножом.

Имелись и шестеро лучников, и пара копейщиков. Копья, кстати, имели широченные наконечники устрашающей длины.

Одежда наших похитителей тоже представляла собой дикое сочетание сомнительной «цивилизованности» и варварства.

Примерно треть рядилась в пестрые, узорчатые мешки с разрезами вдоль бедер, подпоясанные очень высоко, под грудью.

Еще треть предпочитала одежде полосатую маскировочную (возможно, заодно и ритуальную) раскраску темно-серыми и темно-зелеными полосами. Из собственно одежды на них был только широкий пояс.

У некоторых к поясу была привешена спереди полоса такой же грубой кожи, как и та, из которой был сработан пояс. Похоже, именно о такую полосу я ободрал себе кулак, когда наносил в ночной драке удар в пах невидимому нападающему.

Однако у других аборигенов «раскрашенной модели», как я сразу же классифицировал их для будущего отчета особистам, срам свободно болтался, открывая взору всякие неаппетитные, но, видимо, высоко ценимые увечья, которые наносили себе местные мужчины из страсти к... к прекрасному, так, что ли?

Особенно меня впечатлил один член, в который была вживлена целая низка не то камушков, не то жемчужин. Вот это стильно!

Но весь маскарад — и даже наличие у аборигенов легкого огнестрельного оружия производства компаний Содружества — удивил меня меньше, чем облик последней трети наших победителей.

Потому что облик этот практически ничем не отличался от привычного гражданского. А именно: совершенно обычные, недорогие тишотки, рубахи-«гавайки» и штаны различных курортно-туристических фасонов. На застиранной футболке одного из аборигенов угадывался таинственный ребус:

«Шлаки кишечника» — продуй уши!

Прошла секунда, и я вспомнил, что «Шлаки кишечника» — название популярного сезонов эдак пять назад панк-хора...

Короче, если бы не крайне редкая для расы Т бананообразная форма носов и массивные, жирные подбородки, я бы не ровен час принял наших пленителей за заблудившихся туристов. Вот так: гуляли-гуляли по Пространству — и отбились от группы. Осели на планетке Грин посреди саранчи и динозавров, пустили корни, завели

огородик, разбили цветник и доживают свой век скучными бездельниками-рыболовами. Из серии «Ни фига себе — путевочку купил!».

Тем временем нас принялись тщательно, вдумчиво обыскивать, невзирая на негодующее мычание Карлскроны, Тайши и Беаты.

Собственно, ничего эдакого (вроде термоядерного фугаса) никто прихватить с собой по сигналу тревоги не успел. Только у Вальдо сыскался милитум, у Беаты — патрончик помады, а у Абубве — перочинный ножик и упаковка презервативов неясного назначения.

И вот тут начало-ось... Благодаря тому, что путы на ногах нам все-таки немного ослабили, Тайша исхитрилась и ударила малоцеломудренно шарившего по ее бедрам аборигена коленом в кадык.

О, лучше было ей от этого воздержаться!

Абориген упал на спину. Вскочил. Отпустил Тайше звучную плюху.

Как же! Его, придурка с богато инкрустированным членом, ударила женщина! Это уж-ж-жасное оскорбление!

Я — благо был неподалеку — не сдержался. Трудно сдержаться, когда лупят твою девушку!

Я дважды неуклюже прыгнул — путы-то были ослаблены, но не сняты. Быстрее, чем все кругом осознали происходящее, оказался рядом с аборигеном. И боднул его головой прямо в печень. Да так, что он наверняка увидел свою прабабушку, плывущую в небесах на Большой Лодке Блаженства.

Ну, ясно: штурмовая пехота непобедима в рукопашной. Один капрал Серж ван Гримм стоит трех танкистов, семерых пилотов и десяти аборигенов занюханной планеты Грин. Но когда руки скручены за спиной, а на лодыжках — веревка, делающая невозможным нормальный удар ногой, соотношение сил не в пользу штурмовой пехоты.

Но что умудрилась провернуть Тайша!

Пока абориген падал, роняя карабин, а другие раздумывали, не срезать ли нас на месте очередями своих старых добрых «Майкрософтов-19», Тайша тоже упала. Извернувшись угрем, она смогла связанными за спиной руками нащупать упавший карабин.

В итоге: я прижимаю аборигена к земле коленями. Ствол карабина смотрит ему ровнехонько в висок. Пальцы Тайши — на спусковом крючке карабина. Я, бешено вращая глазами, издаю горлом мерзкие и яростные клокочущие звуки, но выдвинуть ультиматум не могу: кляп-то по-прежнему на месте!

Аборигены держат на мушке всех: и нас с Тайшей, и Эверта, и Свечникова, и других.

И вот тут один прилично одетый абориген (в шортах и майке болотного цвета с эмблемой одиозного боксерского клуба тяжело-

весов «Буйволы с Сириуса») демонстративно кладет свой автоматический пистолет на землю. Расставляет руки в стороны в универсальном для всех гуманоидных рас жесте, обозначающем нечто среднее между «все нормально» и «я безоружен». И говорит:

— Все будет хорошо. Имейте разумение не стрелять. Иначе мы всех убьем. И ничего больше не случится познавательного.

Говорит «буйвол» с сильным акцентом — это факт. И подбор слов какой-то вычурный, что верно, то верно.

Но говорит-то он все это — на интерлингве!

На интерлингве, мама моя дорогая!

У меня во рту — по-прежнему кляп. И у Тайши тоже. Таким образом, мы ему ответить не в состоянии. У нас даже есть заложник, но мы не можем выдвинуть своих условий!

Абориген между тем неспешно приближается. Что делать? У нас — козырь, но как его разыграть?!

— Мы знаем закон, — продолжает «буйвол». — Плохого не будет. Посланцы Хищного Тулана вернутся на свой хип. Небольшое взаимодействие — и все отправятся на хип.

Черт, да «хип» — это же он «ship» так произносит, корабль то есть! Значит, он, сволочь, хоть и дикарь, а знает, в отличие от того Чаниаколона с черепушкой, что у нас не какой-то драный «летающий дом», а нормальный корабль.

У Тайши во взоре — панические вопросы. Стрелять? Не стрелять? Что делать-то?

А что делать? Прицельно выстрелить она может только в голову аборигену, которого я прижимаю к земле. На лице его, кстати, застыло спесивое, я бы даже сказал — брезгливое выражение отстраненности от происходящего.

Больше ни в кого Тайша все равно не попадет. А главное, даже если и попадет, то тогда нас всех точно перестреляют. И на психику аборигенам давить нечем, потому что главный инструмент давления, наряду с оружием — человеческая речь, этому любого штурмовика учат. Мычанием же сильно на психику не надавишь, разве что особо впечатлительной корове...

Я смотрю Тайше в глаза и отрицательно мотаю головой. Дескать, не стреляй.

Вот и все. Ничего не происходит.

Майянец подходит вплотную. И вместо того чтобы отобрать у Тайши карабин — а она, конечно, уже мысленно с этим согласилась, — развязывает у меня на затылке кожаный ремешок кляпа.

Странный он, ей-богу! Ведь он собственными руками вверил мне главное оружие: речь!

Я ожесточенно выплевываю кляп. И включаю программу первую основную, для таких случаев Управлением Психологических Операций сочиненную:

— Еще одно движение — и твой товарищ труп. Она не задумываясь разнесет ему череп. Немедленно развяжи мне руки.

— Все не то. — Абориген хмурится.

— Повторяю: немедленно развяжи мне руки. Наше могущество превосходит пределы мыслимого. Если мне или моим товарищам будет причинен вред, прилетит много-много таких, как мы. И испепелит вас небесным огнем.

— Есть с вами кто-нибудь из Западного Тулана? — спрашивает абориген.

Я в отчаянии. Ему наплевать на мои угрозы! Но делать нечего. Я вынужден говорить глупости до самого конца:

— Последний раз требую, а потом начинаю убивать...

— Я так и думал, — перебивает меня абориген.

Он наклоняется, чтобы отобрать у Тайши карабин.

И гремят выстрелы.

Вход в пещеру невозможно было заметить даже с десяти шагов.

Да что там с десяти! До самого последнего момента мне казалось, что идущие впереди майянцы просто растворяются в скале, как будто это не скала, а отличная камуфляжная голограмма, какую не так-то просто настроить даже при помощи самой современной техники Содружества.

Я так толком и не понял, откуда взялась высокая клинообразная расселина, в которую человек за человеком втягивался наш отряд. Точнее, отряд аборигенов, конвоирующий своих пленников, то есть нас.

Как и следовало ожидать, здесь было темно, словно в кишечнике цууца. Аборигены зажгли несколько электрических фонариков. Ага, значит, у них есть и фонарики!

Правда, ощутимо светлее от этого не стало. Мы поминутно спотыкались и чертыхались. От кляпов нас, кстати, милостиво избавили, так что мы могли отводить душу вовсю.

Шли мы довольно долго. Преодолели несколько спусков и несколько подъемов. Везде, кроме отлогих участков лаза, были вырублены ступени.

За моей спиной что-то бубнил Вальдо. Кажется, он пытался дознаться, куда нас ведут. Сопровождавшие его воины не понимали интерлингвы. А может, просто дурака включили.

Наконец вдалеке показался маленький пятачок нормального света. «Нормального» по меркам Кратера Юноны: это было рассеянное туманом свечение местного солнца.

Я думал, впереди нас ожидает берег озера. Но я ошибался.

Когда мы вышли из лаза, я ахнул. И не я один.

— Боже мой... это невероятно... боже мой... — с ходу запричитал Вальдо.

Мы находились у подножия огромной пирамиды, выстроенной в сердце горы. В каковом сердце, разумеется, некто или нечто предварительно выдолбило (выдуло? выплавило?) соответствующих размеров полость.

Если от пресловутой египетской пирамиды отпилить верхушку и присобачить на одну из граней гигантскую каменную лестницу до самого верха, получится нечто отдаленно похожее.

Правда, в отличие от египетских древностей, грани сооружения были ступенчатыми. Таких ступеней, или, точнее, ярусов, я насчитал девять. На его вершине — собственно на «спиленной» верхушке, стояло нечто вроде сарая с крытой тростником покатой крышей. Сарай выглядел опрятно, стены его не без экспрессии были расписаны необычными узорами. Именно к этому сараю и вела лестница, у подножия которой мы оказались.

— На вершине стоит храм, — шепотом пояснил Вальдо. — И по-видимому, сейчас они будут отправлять в нашем присутствии какие-то свои обряды.

— А-а... обряды... Надо же! А я думал — они там живут, — указывая на сарай, проворчал Топак.

— Сдается мне, сениор Вальдо, речь идет не о каких-то абстрактных «обрядах». А о жертвоприношении, — процедила Беата.

Черт бы побрал этих умников! Спустя минуту оказалось, что Беата права...

— Мне имя Вок. Мои братья зовут меня Хозяином Намерений, — начал низкорослый кряжистый мужчина в футболке («RAF» — кичилась на ней загадочная аббревиатура), поношенных джинсах и теннисных туфлях цвета электрик. — Права женщина. Сейчас будет жертвоприношение. Наши боги охочи до человеческой крови.

Мы переглянулись. Ну и слух у мужика — ведь только что он был в пятнадцати метрах от нас, во главе процессии!

— Вы что, собираетесь зарезать нас тут, как баранов? Вы это хотите сделать, да?! — вспылила Тайша.

Мы с Вальдо бросили на нее неодобрительные взгляды — типа нас в школе сдержанности учили. Из носа Тайши текла струйка крови — той самой, до которой охочи местные боги...

— В самом деле, — Вальдо пустил в ход свою подкупающую улыбку, — ведь вы же цивилизованные люди, я вижу. Мне дано это знать. — Вольно или невольно, Вальдо начал стилизоваться под речь аборигенов. — Вам ведомы интерлингва и электричество. Высокое искусство обращения с оружием...

— Не стоит все это, человек, — перебил его Вок. — У тебя не получится заменить наше решение.

— Но это же бессмысленно! — не выдержал я. — Зачем нужны эти кретинские жертвоприношения?! Зачем убивать без смысла?!

— Ты ошибаешься, молодой воин. — Вок бросил на меня взгляд, от которого меня, признаться, пробрал холодок. — Смысл есть. И этот смысл нужен нам, Воинам Обновления.

— Тогда хоть объясните, в чем он, этот смысл! Я хочу знать, ради какой бредовой идеи меня собираются убить на этот раз!

— Не кричи так, молодой воин, — спокойно сказал Вок. — Если у тебя есть интерес, я скажу тебе. Кровь из чаши помоет жертвенный камень, потом Кетцалькоатль изопьет ее. Голос его окрепнет, благоволение пробудится. Кетцалькоатль даст указ. И тогда четыре вестника, четыре совы, чьи имена Чаби-Тукур, Хуракан-Тукур, Холом-Тукур и Какиш-Тукур, принесут нам знание. И Хоб-Тох, которого мы называем также Хозяином Знания, — Вок указал на человека в линялом комбинезоне центаврианского пехотинца, — растолкует нам, что мы должны делать с вами...

— Но почему с нами обязательно нужно что-то делать?! — не выдержал я. — Почему бы не разрешить нам просто возвратиться на наш корабль и убраться восвояси?

— Мы готовы принести свои извинения за все те неверные поступки, что мы здесь совершили, — вставил Вальдо.

— Нам не нужны извинения. Мы не в обиде на вас, — отвечал Вок. — Но мы, Воины Обновления, должны знать, зачем наши боги послали вас, людей Хищного Тулана, сюда, на Яшкин. В вашем явлении здесь должен быть смысл. Ибо в мире не происходит ничего бессмысленного. И мы, Воины Обновления, хотим знать, что это за смысл...

— А ваши боги не могут так, просто сказать... без жертвоприношения? — ехидно поинтересовалась Тайша.

Меня не могла обмануть деланная раскованность Тайши. Я видел, что она нервничает. Наверное, боится, что ее назначат на заклание — как самую красивую и отрывную.

— Ты говоришь неумные вещи, женщина, — отрезал Вок. — А теперь надо приступать к деланию.

Хвала «Майкрософт»! Хвала «Майкрософт»! Трижды хвала! И нам, и Тайше очень повезло: подствольный предохранитель был ус-

тановлен и на той модели карабина, из которой она намеревалась разнести череп своему заложнику. Датчики определили, что владелец карабина намерен стрелять в упор в человеческую голову, и, как и во вчерашнем случае с Топаком, перевели оружие в режим предупредительной пальбы. Так что в том инциденте на поляне абориген отделался временной частичной глухотой, а все мы — дурацким нервическим смехом.

Мы стояли у нижнего края лестницы. Пока Воины Обновления исправно держали нас под прицелом карабинов, Вок и тот человек, которого он назвал Хозяином Знания, шептались с высоким мужчиной, который держал в руках богато украшенный ларец.

Впрочем, присмотревшись получше, я с ужасом обнаружил, что тот, с ларцом, никакой не мужчина, а женщина! Разве что одета и причесана по-мужски. Но главное, лицо у нее было свирепым донельзя. Довольно скоро я узнал, что зовут эту местную красавицу тигрицу Шканиль.

Тем временем Вок вынул из ларца расшитый золотой нитью мешочек и высыпал его содержимое себе на ладонь. Мы с Вальдо вытянули шеи и вытаращили глаза, силясь разглядеть, что там у него за сокровища.

Это были зерна кукурузы — около двух десятков.

Вок подал знак, и к нему подошли еще две женщины — теперь-то я сразу их вычислил. Жёнщины, одна из которых была довольнотаки фигуристой и даже миловидной, развернули широкий, скупо орнаментированный платок и разложили его на полу перед Воком.

Тот поднял над головой раскрытую ладонь, и все стихли.

Даже мы перестали шептаться и напряглись. Только тихо ругался вполголоса Лесь-Николай да тяжело, надрывно дышала Тайша.

Вок собрал зерна в горсть и метнул их на платок. На несколько секунд он неподвижно застыл в позе вбрасывания. А потом словно бы оттаял и снова зашевелился. Он осмотрел результаты броска, приблизился вплотную к Хозяину Знания и шепнул что-то ему на ухо. Тот, сохраняя непроницаемую мину, ответил.

Мы, естественно, ни черта не поняли — милитумов-то у нас теперь не было! А по расположению зерен кукурузы, которые, на мой вкус, были разбросаны по платку как попало, понимать, что происходит, мы еще не научились.

«Вообще, если так пойдет дальше, — с тоской подумал я, — не исключено, что скоро научимся...»

Спустя секунду те же две женщины, которые стелили платок перед Воком, направились прямиком к... ворэнту Свечникову. И, подхватив его, упирающегося и неистово сквернословящего, под белы

рученьки, крепко-накрепко завязанные у него за спиной, потащили к лестнице.

Интересно, каким образом кукуруза сказала Воинам Обновления, что зарезать нужно именно ворэнта Свечникова, а не рядового Джо Топака? Впрочем, были вопросы и более насущные. Например, как спасти ворэнта. Как спасти себя?

Тем временем мне в голову пришла одна идея.

Выгорит или нет, я старался не думать. В крайнем случае, решил я, потяну время. Может, хоть получится отсрочить гибель Свечникова. А за это время мы что-нибудь еще изобретем. Например, Лесь-Николай перепилит свои веревки ногтем большого пальца левой ноги...

— Эй, Вок! — закричал я, мячом подпрыгивая на месте, чтобы привлечь к себе внимание. — Во-ок! Подойди ко мне! Ваши боги тоже кое-что мне сказали! Я тоже знаю кое-что важное!

Спиной я, однако, почувствовал острие копья одного из сопровождающих. Видимо, на местном языке это означало «прыгай, но не слишком высоко».

Как ни странно, на меня обратили внимание и Вок соизволил приблизиться. Правда, на судьбу Свечникова это пока не повлияло. В сопровождении двух девиц и Хоб-Тоха, Хозяина Знания, двое полуголых парней в фартуках волокли нашего ворэнта по лестнице вверх, к сарайчику на вершине пирамиды.

— Что ты делаешь, Серж? — шепотом спросил меня Вальдо. Он выглядел растерянным и даже отчаявшимся. Видимо, на такой тип критических ситуаций его в аналитической разведке надрессировать забыли.

— Все в порядке, Эверт, — сказал я. — Просто поторговаться захотелось.

Тем временем Вок снова оказался рядом.

— Что ты имеешь мне говорить, молодой воин? — спросил он.

— Ты же сказал, что вам, то есть вашему богу, нужна чаша крови. И тогда прилетят четыре совы. Правильно?

— Да, я сказал это, — кивнул Вок.

— И жребий указал на него. — Я кивнул в сторону бедняги Свечникова. — Правильно?

— Нет, не правильно. Жребий указал на то, что Кетцалькоатль не возражает принять нашу жертву.

— Тем лучше! — засиял я. — Тем лучше!

— Я вижу, ты мужественный воин, — одобрительно отметил Вок. — Я вижу, ты хочешь предложить себя вместо своего товарища? Ты хочешь, чтобы мы взяли твою кровь, а не его?

— Нет, ты меня не правильно понял, Вок, — поторопился откреститься я. — Я не собираюсь предлагать себя. Но если я правильно

понял, вам нужна чаша свежей крови, а не лично ворэнт Свечников. То есть вам не нужен именно ворэнт Свечников?

— Ты путаешь меня своими вопросами, — нахмурился Вок. — Но если ты хочешь знать, я скажу: мы взяли этого воина потому, что природа его тела слизиста и мясиста. У него будет надежда. Может быть, наши боги дозволят ему остаться жить после жертвоприношения. А вот у нее, — Вок указал на Тайшу, — шанса не будет. Слишком многое подвергает сомнению.

— Но если речь идет о чаше крови, — наконец-то Вальдо сообразил, к чему я клоню, и подключился к агитации, — тогда я могу предложить вам, могучим Воинам Обновления, две чаши крови! У нас на борту корабля много-много законсервированной крови...

— Две чаши крови нам не нужны. Мы не пьем ее, — отрезал Вок и собрался уходить.

— Постой, Вок! Постой! — взмолился я, и тот снова обернулся. — Две чаши крови — это лишнее. Но, может быть, лучше, если вы возьмете у каждого из нас по такой небольшой чашечке крови? Нас же много! С каждого по чашечке — будет большая чаша! Ведь это будет лучше, правда? — не отставал я.

И тут произошло нечто, чего я, несмотря на все свои старания, совершенно не ожидал. Вок с минуту поразмышлял, предварительно полуприкрыв глаза, — и согласился!

— Ты умен, молодой воин. Мне открылось, что наши боги будут восторжены разнообразием.

Он тут же подал знак конвоирам Свечникова, которые остановили свое движение в районе пятого яруса пирамиды. Я уже было подумал, что сейчас нам развяжут руки (я наивно полагал, что кровь они будут брать из правой руки, как у нас в госпиталях заведено) и вот тут-то мы им и устроим по первое число... Но Вок добавил:

— Мы зарежем мочки ваших ушей. Боги любят кровь ушей. Она самая чистая.

Это было уже кое-что. По крайней мере Свечников занял почетное место в воображаемых Скрижалях Моих Вечных Должников. Сразу после сержанта Гусака и Северины ван Гримм...

Не быстрое это дело — жертвоприношение.

Мы пробыли в гигантской подземной пещере еще несколько томительных часов. Чудовищно хотелось есть, а еще больше — пить. За стакан фуззи-колы я готов был отдать свое месячное жалованье капрала... Наверное, так и рождаются рекламные сюжеты?

Сначала нас окурили каким-то едким дымом, от которого у меня зверски разболелась голова, а у Эверта начался астматический кашель.

Затем худощавый и сутулый абориген, которого Вок назвал Шулу и представил Хозяином Слов, пробубнил над каждым из нас какое-то непонятное заклинание. От его гортанного говора в сердце моем, как на дрожжах, разрасталось уныние.

Потом под руководством мудака в цветастой байковой пижаме, которого Вок окрестил Хозяином Действия, две женщины вскрывали ритуальными каменными ножами наши несчастные уши.

Нет, это было не больно. Ночная саранча кусалась больнее. Не говоря уже о москитах из болот Эсквемелина.

Зато кровь хлестала так, словно надрезали шейную артерию. Медный тазик с двумя ручками по бокам, который Вок помпезно именовал чашей, наш доблестный взвод во главе с капитаном Вальдо наполнил в два счета.

На сей раз никто из нас не сопротивлялся и не выступал. Слава богу, хватило ума.

Только понурый Эверт бормотал что-то про традицию жертвоприношений, сформировавшуюся у культур Мезоамерики к концу первого тысячелетия до нашей эры, да что-то про особенности этих самых культур... Помню, он трижды счел необходимым повторить, что кортецы в ту пору, когда их застал какой-то Ацтек, громоздили целые горы из человеческих сердец и что нам крупно повезло: кроверны вывезли наших знакомцев с Земли еще до того, как пошла-поехала вся эта кровавая колбаса.

А может, наоборот: ацтеки и Кортец. Оба словечка как нарочно придуманы, чтобы в них порядочные штурмовые пехотинцы путались...

В общем, у Эверта от едкого запаха благовоний крыша закачалась. Ну кому сейчас было дело до его Мезоамерики?

Затем Вок и пятеро наиболее влиятельных его приспешников, к которым, по моим наблюдениям, относились Хозяин Действия, Хозяин Слов, Хозяин Знания, Хозяин Спокойствия и женщина по имени Шканиль, с самым величественным видом двинулись вверх по лестнице — к крытому соломой храму.

Нас оставили внизу. Наверное, решили, что вся наша орава в небольшом храме не поместится.

А может, что тоже логично, побоялись, что если нас выпустить на лестницу, то держать нас под прицелом будет гораздо труднее. И мы не ровен час снова начнем брыкаться и предпримем попытки поскидывать разновсяческих «хозяев» с высоты (ведь перилец-то на лестнице предусмотрено не было!). А потом забаррикадируемся на вершине — и пошло-поехало...

Так или иначе, мы остались ждать, пока вожаки вооруженной банды, именующей себя Воинами Обновления, окончат содержательное общение со своими богами-кровопийцами.

Все попытки, предпринятые мной, Беатой и Вальдо к тому, чтобы разговорить наших конвоиров (мало ли, может, в отсутствие начальства у кого-нибудь невзначай развяжется язык?), провалились. Никто, кроме Хозяев, на интерлингве не изъяснялся... Что же делать?

При помощи языка жестов мы кое-как смогли донести до майянцев свою наинасущнейшую потребность. Наша охрана милостиво разрешила нам посидеть.

Топак и Файзам тут же воспользовались этим разрешением и растянулись на спине прямо в густой пылище. Абубве уселся потурецки и затянул вполголоса заунывную песню своей лесистой родины — планеты Сира.

Эстер Карлскрона при поддержке Беаты и Тайши выпросились в туалет в ближайший полутемный угол. Мне, конечно, было интересно, как они провернут это дельце со связанными руками и в комбинезонах, но джентльменство взяло верх: я не подглядывал.

А мы с Вальдо принялись рассматривать росписи на ближней к нам стене пещеры.

Нужно сказать, там было чем повосхищаться!

Там были не только росписи, но и резьба, и мозаика, и даже фрески. Манера художника изображать людей, правда, отдавала тенденциозностью: что за огромные носатые головы, непропорционально маленькие, упитанные конечности, странные позы? Но в целом выполнено все это было довольно умело и даже вычурно. Я невольно залюбовался. А вот Вальдо явно интересовало совсем другое.

— Эти изображения являются чем-то вроде энциклопедии их народа. Здесь и история, и правила производства ритуалов, и прорицания... Не просто картинки — пиктографическая письменность! Эти стены — настоящее хранилище ценнейшей информации. Как жаль, что у нас нет возможности все это заснять!

— А что такое... пиктографическая письменность?

— Каждая из этих картинок — отдельное сообщение. Вот, например, здесь, — Вальдо кивнул в сторону ближайшего к нам квадрата, где были изображены двое мужчин: один передавал другому небольшой тугой мешочек, — пиктограмма передает не букву и даже не слог, а понятие. Эта пиктограмма наверняка означает «дружба».

— А может — «взятка»? Может, в мешочке деньги? — предположил я.

— Может, и «взятка», — улыбнулся Эверт. — Для того, чтобы узнать наверняка, нужно быть экспертом по данной письменности...

— А что, по-вашему, здесь? — Я кивнул в сторону масштабного средоточия палочек, черточек и квадратиков, занимавшего площадь десять на десять метров.

— Ну, это как раз просто, — отмахнулся капитан. — Это Цолькин.

— Что-что?

— Цолькин. Великий галактический календарь майя. Да и не только календарь. Двести шестьдесят элементов матрицы Цолькина и их взаимное расположение отражают представления майянцев о природе Вселенной, о галактических константах, об энергетическом взаимодействии ведущих элементов мироздания. Между прочим, это не только красивая метафора. Не только теоретический, но и практический инструмент, который...

Эверт говорил еще долго. О том, что астрономы древности были не глупее наших, что Цолькин и китайская гадательная система И-Цзин дополняют друг друга... К сожалению, я не понял из его вдохновенной лекции и одной трети. В итоге я осмелился задать ровно один робкий вопрос:

— Скажите, капитан Вальдо, если все это действительно так точно и замечательно, почему же мы используем десятичный счет, метрическую систему единиц и Единую Теорию Поля Эйнштейна — Ратковского? Может, нам нужно вернуться к Цолькину?

Спросил — и наивно так на Эверта посмотрел. А он в точности скопировал мой невинный взгляд и грустно ответил:

— Это просто совершенно другая логика. Логика, в которой нет места штурмовой пехоте. И аналитической разведке тоже места нет.

Так и поговорили. О Цолькине.

Ясное дело, мы оба очень обрадовались, когда добрались до картинок более забавных и менее информативных...

От самой земли вверх, покуда хватал глаз, тянулось нечто вроде таблицы. В таблице было три столбца. В первом столбце, самом узком, имелись множественные сочетания палочек, раковин и точечек.

— Это цифры. Одна точка означает единицу или число, которое кратно двадцати. Горизонтальная черточка — это пятерка, раковина — это ноль...

— Ну-ну... — промямлил я.

От этих ракушек и точечек у меня рябило в глазах. А вот во втором столбце я приметил нечто позабористей ракушек и точечек. Именно — портрет ската собственной персоной.

— Что думаешь, Сережа? Здесь нарисован кроверн? — нахмурив брови, спросил Вальдо.

— Он самый, — ответил я.

— А что же тогда значит вот это? Во втором столбце?

Я всмотрелся. Кроверн, под ним еще один кроверн, под ним еще один кроверн, под ним два. Потом из двух снова получается один, потом еще один и так далее. Я насчитал двенадцать кровернов между двумя парами.

Более всего второй столбец был похож на ветку генеалогического дерева. От одного кроверна к другому следовали пунктиры наподобие следов.

— Генеалогическое дерево, говоришь? — Вальдо на минуту задумался. — Да откуда им знать его — генеалогическое дерево каких-то кровернских аристократов?! Если только у кровернов вообще есть аристократия!

«А откуда им было знать галактические константы, которые они запихали в свой Цолькин?» — подумал тогда я, но промолчал.

— А это что тогда, по-твоему, в третьем столбце?

У меня уже мозги кипели от наблюдений и размышлений. Но я не подал виду. На самом деле, в кои-то веки образованный капитан Вальдо держал меня за равного!

В том самом третьем столбце сам черт ногу сломит. Напротив каждого кроверна было втиснуто по тринадцать рисунков. Или, как изъяснялся Вальдо, пиктограмм.

Рядом с самым жирненьким кроверном я приметил сцену, изображающую горящий город, двух дерущихся рептилий, человека, строящего стену, и много чего другого. Еще помню кроверна с цепью перевернутых треугольников и кроверна с руками. Тринадцать рук, по-разному согнутых и с разными комбинациями из пальцев. Был среди них, кстати, и банальный кукиш.

А рядом с парой кровернов (папа и мама, что ли?) — в самом низу — были нарисованы две раздельные группы рисунков. В первой были тучка, извержение вулкана и нечто вроде дороги, которая вела от горы до неба. А во второй группе — переплетенные колечки. Примерно как олимпийские. Только было их семь штук: в верхнем ряду два, в среднем — три, в нижнем — еще два.

Рисунок был совсем свежим — по крайней мере пыли на нем скопилось гораздо меньше, чем на тех, которые находились выше. И краски еще не успели потускнеть.

«Странные фантазии все-таки у этих Воинов Обновления», — подумал я.

— Как вам, сениор Вальдо, нравится эта парочка скатов, которые... — Но не успел я окончить свою мысль, как нашим вниманием завладела Тайша.

— Эй, господа искусствоведы, хозяева возвращаются! — сообщила она.

И в самом деле: по ступеням, ведущим к подножию пирамиды, степенно спускались наши новые знакомцы. Только без тазика. Лица у всех были постными и сосредоточенными. Одна Шканиль сияла, словно бы ее только что причислили к лику бессмертных. Неужто кровушки полакать дали?

— Жертва принята, — произнес Хозяин Слов.

— Вы были искренни, когда давали кровь, — сказал Хозяин Действий.

— И теперь мы знаем, зачем вы здесь, — промолвил Хозяин Страха.

— Нам показали, что делать с вами, — добавил Хозяин Мысли.

— Боги были милостивы к нам. Ибо среди вас — Прикасавшийся к Вукуб-Цикин, — окончил этот безумный отчет о проделанной работе Вок, он же Хозяин Намерений.

— И кто же этот счастливчик? — не удержался я.

— Это ты, молодой воин, — замогильным голосом промолвил Вок.

Правда, в выражении его лица мне почудилось нечто вроде благоговения. Осталось только выяснить, что это за херня такая — Вукуб-Цикин...

Глава 10

«ЮНГЕР» НА СЛУЖБЕ КОСМИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Нет, широк человек, слишком
даже широк, я бы сузил.

Ф.М. Достоевский

На груди Кокамеля, Хозяина Страха, была закреплена бомба. Плоская темно-серая пластиковая коробка с ушками по углам.

К ушкам крепились ремни, при помощи которых коробку можно было повесить на спину или грудь диверсанта так, что она полностью скрывалась под одеждой. Если не присматриваться, заметить бомбу было непросто.

Собственно, бомбу эту нам аборигены продемонстрировали мельком, объяснили, что да как, после чего она скрылась под просторной курткой-дождевиком Кокамеля.

Я не специалист по армейским подрывным спецсредствам. У нас по ним была только пара ознакомительных занятий. И все-таки я знал, что такая бомба, а точнее, целое семейство бомб различного калибра и комплектации называется «Циклон».

Это отнюдь не «устаревшие», а самые что ни на есть свежеразработанные устройства, которые предназначены для нанесения фатального ущерба крупным целям. Например, если бы средненький такой «Циклон» (скажем, модификации 2 Bat) был подложен кем-то внутрь аварийного контура Копей Даунинга, то могущества боеприпаса хватило бы, чтобы в образовавшуюся воронку провалился весь надземный заводской комплекс.

Одним словом, это была чертовски дорогая и мощная штука. Как ее занесло на Грин, в лапы этих буйных психов, я не знал и знать не хотел. И с большим удовольствием обменял бы разгадку этой паршивой загадки на то, чтобы никогда не встречаться с Эвертом Вальдо и не слышать ни о каком Грине.

Правила игры были простыми и жестокими.

Если мы попытаемся подать сигнал тревоги на «Юнгер» — бомба будет взорвана без промедления. То, что при этом вместе с нами и нашим катером в молекулярную пыль превратится и вся банда из девяти сумасшедших Воинов Обновления, их главаря совершенно не смущало.

— Смерть неизбежна, — заметил по этому поводу Вок. — А потому нам нет нужды о ней беспокоиться. Смерть будет рада прийти, если только вы ее позовете.

С моей точки зрения, подобное объяснение было самым невнятным из всех, слышанных мною когда-либо. Но недаром Вок назывался у них Хозяином Намерений. Его ясный, отнюдь не «безразличный к происходящему», а наоборот, внимательный, любопытствующий взор говорил о том, что с головой у него лады.

И если человек, пребывающий в трезвом уме и здравой памяти, полагает логичным, что «ему нет нужды беспокоиться о смерти», поскольку «она будет рада прийти», значит, так и есть. Значит, Воинам Обновления лучше не перечить.

Пилоты катера объявили о пятиминутной готовности к контакту со стыковочными серверами «Юнгера».

Мы приближались к родному кораблю, на борту которого ни одна собака не подозревала, что на планете Грин нами обнаружена форма разумной жизни. О том, что эта форма разумной жизни агрессивна и располагает средствами для уничтожения корабля, на «Юнгере» не знали и подавно.

Славно мы смотрелись! Пассажирская палуба повышенной комфортабельности этого типа катеров, LSSR*, была посимпатичнее, чем у штурмовых машин LAS. Но принцип расположения кресел оставался тем же: в два ряда вдоль стен, лицом друг к другу. В одном ряду сидел весь наш злополучный взвод, к счастью — в полном составе. В другом ряду — Отряд Обновления, в неполном составе.

Всего их было девять: пятеро мужчин и четыре женщины. Всю компанию мы уже успели узнать во время жертвоприношения.

У одного из мужчин, значит, была бомба. У всех остальных — обычное стрелковое оружие. У каждой женщины, в придачу к автоматическому пистолету, имелся еще походный мешок из домоткано-го полотна. Содержимое мешков оставалось загадкой, равно как и содержимое их инопланетных, хотя вроде бы и человеческих, мозгов.

Семеро Воинов были с нами в десантном отсеке, еще двое — женщина и мужчина — контролировали действия пилотов в носовой кабине катера.

В общем-то это было хорошо. Пилоты могли с перепугу начудить. Рассказать, например, о подлинном положении вещей капитану «Юнгера».

А тот, точнее — та (поскольку звали ее Мэрион Голдсмит) прикинула бы, что лучше потерять катер и наш взвод, чем рисковать целым рейдером. И просто расстреляла бы нас, пока мы еще не подошли вплотную.

Или, например, Голдсмит могла постараться нейтрализовать «террористов» (а с точки зрения любого устава Воины Обновления, конечно же, сейчас представляли собой именно заурядных террористов) прямо в док-камере рейдера, при выходе из катера. Тоже ничего хорошего. Потому что бомба разнесла бы рейдер в клочья и в этом случае.

Ума большого, увы, не требовалось. При остановке сердца Кокамеля бомба взрывалась. При резком хлопке ладонью по ее поверхности продавливалась мембрана-детонатор. Бомба опять же взрывалась.

Да что там говорить! В конце концов взрыватель мог инициировать и Хозяин Намерений, послав кодовый радиосигнал со своего милитума. Да-да, этот варвар умел обращаться и с милитумом!

— Эверт, и что мы будем делать дальше? — спросил я вполголоса. По идее, *разговоров* правила игры нам не запрещали.

— А что? По-моему, наши друзья высказались совершенно однозначно: мы должны предоставить «Юнгер» в их распоряжение.

---

* LSSR — Landing Shuttle, Short Range (*классич. амер.*), Lendin Shatl, Shot Renzh (*интерл.*), — высадочный катер малого радиуса действия.

Одна из женщин — насколько я понял, ее звали каким-то лягушачьим именем Тепеу — не сводила с меня глаз. Но неудовольствия тем, что мы снова начали болтовню, не выказала.

— Неужели у нас нет никаких шансов нейтрализовать бомбу? Тогда с какими-то разумными потерями мы могли бы исправить ситуацию.

— Никаких «разумных потерь», — сказал Эверт тихо, но твердо. — Я уже говорил и повторю еще раз: мы должны сделать все, чтобы избежать кровопролития. Поверь мне, Серж: эти люди — именно то, что я искал.

— Выходит, мы искали банду головорезов с бомбой «Циклон»?! — фыркнул я. — Да таких «находок» можно было навербовать в любом притоне Дальней Периферии! К тому же раньше вы нас уверяли, что мы ищем изъяны в каких-то апельсинах. А теперь оказалось, что нашей целью были люди. Вы, Эверт, что-то недоговариваете.

— Вы правы, Серж, недоговариваю, — примиряюще улыбнулся Эверт. — Потому что я капитан аналитической разведки, а вы всего лишь капрал.

В клетках, которые стояли у двери в двигательный отсек, забеспокоились два ублюдка. Длинноногие прямоходячие динозаврики снежно-белого цвета с кожистыми «воротниками» вокруг сплюснутых, вытянутых головок. В пастях — частокол острых зубов, на хвостах — соцветия шипов. Не исключено — ядовитых.

Отродясь подобной мерзости не видел. Если не считать кровернов и той развеселой флоры-фауны, которая сопровождала их экспансию.

Это были, видите ли, подарки. Которые Воины Обновления посчитали необходимым взять с собой на небо. Кому и зачем они собрались этих тварей дарить — разумеется, не признались. Посчитали ниже своего достоинства.

Я бы не удивился, если бы оказалось, что подарочки предназначены кровернам. Кто еще заинтересован в такой «гыдоте», как верно определил белых дьяволят Гайдамака? Может, кроверны в них души не чают, как мы, земляне, в щенках и котятах?

Последние две минуты полета меня всего трясло. Хотелось бы верить, что от злости, но, боюсь, от страха. Не знаю почему, но после напоминания Вальдо о том, что я «всего лишь» капрал, на меня тигром накинулось раздражение.

Я — маленький глупый капрал, который вляпался в премерзкую историю. Мне даже непозволительно знать, как, собственно, обстоят дела. Все кончено... Команда рейдера с перепугу начнет пальбу и — конец...

Как только стыковочные серверы завели наш катер в док-камеру и отошла вверх арматура жесткой фиксации, Вальдо поднялся. Он подошел вплотную к Воку и принялся что-то шепотом ему втолковывать.

Вок нехотя кивнул.

— Лечь на пол, руки за голову! Внимание: если вы не выполните приказ, все мы погибнем. Они не шутят! Повторяю: не шутят!

— Я держу его на прицеле!

— Бышковиц, не стрелять!

— Не стрелять, подтверждаю приказ!

— Мы можем снять обоих!

— На пол! Как капитан аналитической разведки я приказываю...

— Ребята, да не лезьте же в бутылку!!!

— Мы должны связаться с капитаном...

— Это не кроверны и не сигомы! Это люди. Внимание: люди, раса Т! У них бомба. Они взорвут ее, если вы немедленно не выполните моих указаний!

А теперь самое смешное: сами-то Воины Обновления как воды в рот набрали. За них разорялись капитан Вальдо и ворэнт Свечников. Переговорщики долбаные!

А до чего же тупые все-таки эти космофлотчики оказались! Просто как задница меоравиоля, я не знаю...

Эверта Вальдо по просьбе самого же Вальдо — именно об этом он перешептывался с Воком — выволокли из катера две женщины-воина. Одна пряталась у него за спиной, другая вела его под локоть. Рядом с двухметровой дылдой Эвертом обе смотрелись просто козявками.

Но каждая козявка располагала пистолетом.

Ствол одного смотрел Вальдо в затылок, второго — в висок. Всякие там мичманы-флаинги из палубной команды, которым полагалось контролировать стыковочные серверы, встречать нас традиционной стопкой водки и прислеживать за разгрузочными кибермехами, похватались за оружие.

Рефлексы у космофлотчиков оказались что у твоего штурмового пехотинца. А вот мозгов — еще меньше, увы.

Стоим мы, значит, под двойным прицелом. Среди нас — Воины Обновления со стволами на взводе, которые смотрят прямехонько в наши головы и сердца. А в довершение всего среди Воинов — Хозяин Страха, который уже и ладошку отвел, чтоб по бомбе хлопнуть.

Тут уже я не выдержал. Отпустите, говорю, я все улажу.

К моему удивлению, молодой вихрастый Воин Обновления, с именем которого я пока еще ознакомиться не удосужился, меня понял и отпустил.

Я сделал пять шагов по направлению к ближайшему флаинг-офицеру с пистолетом в трясущейся руке и — хрясь ему по морде! Рефлексы-то хорошие, а пистолет — на предохранителе.

Забрал пистолет, снял с предохранителя, чтобы все видели, что я не шучу, приставил к балде и говорю:

— Вни-ма-ни-е. Сейчас мы все выглядим так. То есть как конченые дятлы. Сами себе приставили к виску по стволу и трясемся-уссыкаемся. Команды ждем от горячо любимой сениоры Голдсмит, чтобы наконец дружно застрелиться. Братья-сапиенсы, если кто не понял, объясняю: мы — в заложниках. Корабль захвачен группой граждан нейтрального государства... Грин. К сожалению, мы все должны выполнять приказы этих граждан, иначе они взорвут «Циклон». Есть такая бомба, очень мощная. Кто не знает.

Вок сделал знак Хозяину Страха. Тот поднял-опустил нижний край своего дождевика. На секунду показался серый корпус «Циклона». Невзрачный с виду, как и любое по-настоящему опасное оружие.

Тут до палубной команды наконец-то дошло.

Аплодисменты.

Так горстка дикарей из дегенеративной ветви расы Т проникла на борт рейдера дальней разведки «Юнгер» и сломила вялое сопротивление палубной команды.

Правда, оставалась надежда, что управлять кораблем они самостоятельно не смогут. И соберись Воины Обновления, например, направиться к Земле, а потом разрядить в нее торпедные аппараты рейдера, у них бы ничего не получилось.

Если это соображение можно было признать успокаивающим — я был спокоен.

Наиболее забавным было то, что самое веское слово при захвате корабля выпало сказать мне. Таким образом, при большом желании со стороны кренделей типа капитана Арагве мне можно было пришить преступный сговор с жителями Грина. Правда, с другой стороны, выходило, что я спас от уничтожения ценный корабль Космофлота. Как обычно: меня можно было либо отправить под трибунал, либо представить к награде.

О награде я не думал. Хватит с меня одного «Огненного Креста». Я уповал всего лишь на жизнь. Потому что намерения Вока и его присных по-прежнему оставались тайной и вызывали нешутейные опасения.

На борту рейдера, помимо нашего взвода и Отряда Обновления, находился еще сорок один человек.

В это число входили офицеры и низшие чины Космофлота — собственно экипаж и обслуживающий персонал корабля, а также шесть младших офицеров ВКС: два основных и один запасной экипажи высадочных катеров.

Всю эту публику требовалось срочно и внятно оповестить о перемене власти на борту корабля, потому как любой инцидент был смертельно опасен. Одно неправильно истолкованное движение — и масенькая искорка сто двадцать шестой звездной величины на пару мгновений внесет разнообразие в унылую астрокарту этого сектора Галактики.

А примерно через четыре тысячи лет взрыв маршевых гипердвигателей «Юнгера» будет зафиксирован одним из орбитальных телескопов в окрестностях матушки-Земли. Чей это будет телескоп — наш или кровернов? Редкий случай: кажется, от нас в этом вопросе что-то зависело.

Когда мы предстали перед командиром корабля, корветтен-капитаном Мэрион Голдсмит, чарующей и необузданной негритянкой средних лет, она была уже оповещена Эвертом Вальдо о сложившемся статус-кво по интеркому. Корветтен-капитан, однако, не спешила поделиться этой новостью со своими подчиненными. Чтобы представить друг другу Вока и Мэрион, мы и оказались в кают-компании.

В «боевой рубке», как по традиции назывался ИНБП-1, «интегрированный навигационно-боевой пост номер один», Голдсмит принять нас наотрез отказалась. Оно понятно: пуще смерти капитану не хотелось пускать чужаков в святая святых своего корабля.

Нас было шестеро: Эверт, я, Свечников, Вок, Хозяин Страха и свирепая красавица Шканиль.

Офицеров Космофлота — двое. При Голдсмит находился первый комендор Иштван Радуль. К счастью, оба воздержались от бессмысленных и утомительных потрясаний табельным оружием перед носом Хозяина Страха.

— Приветствую тебя, хип-водительница, — церемонно произнес Вок и даже не поленился учтиво поклониться Голдсмит.

— К черту приветствия! Немедленно объясните мне, кто вы такие! Нет. Лучше сразу послушайтесь моего совета. Поставьте бомбу на предохранитель. Вернитесь на борт того катера, на котором сюда прибыли. Наши пилоты, так и быть, отвезут вас домой. А потом вы сможете направить к нам официальное невооруженное посольство. И сказать то, что хотите сказать.

— Твое предложение лишено смысла, хип-водительница. Говорить нам не о чем. Равно как и нет нужды возвращаться с небес на Яшкин. Мы хотим, чтобы ты и все твои люди подчинились нашей

воле. Потому что у нас много воли. Отдай нам оружие, которое висит у тебя на поясе. И пусть твой хип отвезет нас к Вукуб-Цикин.

На лбу Голдсмит выступили микроскопические капельки пота. Кажется, для негроида это означает «побагроветь от ярости». Но Вальдо поспешил опередить вспышку ее гнева:

— Сениора корветтен-капитан, не следует обижаться на жителей Грина. Они выражают свои мысли в предельно доступной форме, отчего иногда кажется, что они хамят. Однако с ними можно найти общий язык. В сложившейся ситуации наша задача — сохранить корабль и людей. Сдайте, пожалуйста, оружие. И попросите экипаж сделать то же самое. Мы обсудим все в спокойной обстановке и придем к взаимовыгодным решениям.

— Сениор Вальдо, я не знаю, чему вас учили в аналитической разведке, но в Космофлоте считается, что оружие офицера — это его честь. Сдать оружие я не могу. Также я не вправе отдавать подобные приказы старшим офицерам корабля. Даже под угрозой уничтожения.

— Сениора корветтен-капитан, вы должны понять...

— Сениор Вальдо! Вы слышали мой ответ.

Шканиль вопросительно смотрела на Вока. По-моему, она была уверена, что сейчас получит от него указание застрелить Голдсмит и комендора Радуля на месте.

— Хип-водительница, слово для тебя важнее жизни. Не так ли? — поинтересовался Вок.

— Я не понимаю.

— Честь — это слово. Значит, слово важнее жизни. Верно?

— Можно так сказать, — после небольшой заминки кивнула Голдсмит. Кажется, она не была готова к столь резкому переходу в сферу абстрактных обобщений.

— Это странно, — процедил Вок и замолчал.

Похоже, Хозяин Намерений крепко призадумался. Во дает!

Вердикт Вока был изумительно прост:

— Видимо, для вас это действительно важно. Но скажи, а вот эти люди — у них тоже была честь? — Он беспардонно ткнул в меня и Свечникова указательным пальцем.

— Да, — согласилась Голдсмит.

— Тогда они, лишившись оружия, должны были бы искать смерти. Но они ее не искали.

— У нас честь другая. Маленькая, — поспешил вклиниться я, лихорадочно соображая, чего б еще такого приврать. — К тому же наше оружие вы получили в честном бою, значит, оно принадлежит вам по праву. Наши обычаи позволяют нам сохранить себе жизнь в

этом случае. А хозяева хипа — они так не могут. Они из другого... рода.

— Сословия, — поправил Вальдо.

— Хозяева хипа из Западного Тулана? — полюбопытствовал Вок. — Обличьем вы не похожи.

— Мы не знаем, что такое Западный Тулан, — устало вздохнул Вальдо.

— Западный Тулан это Сени-та-вири. Сентавр, так.

Ну ничего себе! Значит, и о Центавре они что-то знают! И центаврианские шмотки на одном из них — это не случайная находка, выуженная из гробанувшегося с центаврианского корабля аварийного контейнера.

— Хозяева хипа с Земли, — ответил за Голдсмит Вальдо. — Но представления о чести у них действительно напоминают центаврианские. Это, однако, не важно. Я нашел выход. Капитан и ее офицеры могут дать слово чести, что не употребят свое оружие во вред Воинам Обновления. То есть нарушить это слово для них будет хуже смерти.

На том и сошлись. Таким образом Голдсмит и еще несколько старших офицеров выторговали себе право ходить с пистолетами. И пообещали отвезти Вока, куда он попросит. Хотя, признаться откровенно, никто понятия не имел — куда же именно?

Глава 11

ХОЗЯИН УЧЕБНОЙ СМЕРТИ

С самого начала знакомства однодышащие нас не понимали.

Сеятель

Ни в учебке, ни раньше, на Эсквемелине, ни уж тем более в школе я не подозревал в себе «центрового парня». «Центровыми» всегда были другие — более плечистые, более языкастые, более сообразительные, наконец.

Но «Юнгер», кажется, решил сломать мои застарелые предрассудки. Наши аборигены просто помешались на капрале Сергее ван Гримме. Поэтому когда в зал для метабола, где вынужденно прохлаждался под дулами карабинов наш взвод, явился Вок в сопро-

вождении бомбиста Кокамеля и заявил, что желает сообщить мне нечто важное, я не удивился. И не испугался.

Я даже в душе торжествовал: наши отчаянные террористы хотят поговорить со мной. Не с Вальдо! И не со Свечниковым! И не с Голдсмит! Чуют, значит, самого делового человека!

Пока я шел к выходу, Вальдо и Свечников провожали меня недоуменными взглядами — что это типа за нарушение субординации? Одна только Тайша, когда поймала мой рассеянный взгляд, очень эротично чмокнула воздух — вроде как послала мне воздушный поцелуй.

— Хотим говорить с тобой без свидетелей, Серж-ачи, — вполголоса прокомментировал Вок, когда мы вышли в коридор.

— Ясное дело! — ухмыльнулся я. — Если бы вы хотели говорить со свидетелями, лучше было бы остаться там. — Я кивнул в сторону спортзала. — И потом, что это еще за «сержачи»? Меня зовут Серж ван Гримм!

— Я не хотел обижать тебя, Серж-ачи. «Ачи» на нашем языке означает «воин». Когда я прибавляю к твоему имени «ачи», я лишь хочу усилить свое уважение.

— А-а... Понятно, — отозвался я. — Вроде «сениора» нашего — так?

— Так, — серьезно отвечал Вок. — Только гораздо почетнее.

Наш серьезный разговор «без свидетелей» должен был состояться в персональной каюте капитана Вальдо — губа у майянцев была не дура.

Меблированная по последнему слову «нежной волны» колониального дизайна, каюта Эверта была чудо как уютна. Даже потолок в ней был вдвое выше, чем в той конуре, где проживали я, Свечников и Файзам Рахими. Не говоря уже о всяких там кондиционерах, массаж-матрасах, самоходном банкетном столике и баре с пятьюдесятью наименованиями напитков.

Особенно меня поразило количество спиртного в берлоге непьющего Вальдо. А вот майянцев оно, кажется, оставило полностью равнодушными — ни одной початой бутылки я в комнате не увидел.

И еще одно: в каюте было ужасно холодно. Кончик носа у меня сразу стал пунцовым.

Я бухнулся на пружинистую капитанскую койку, скрестил руки на груди и приготовился внимать. Вок, сохраняя свою излюбленную геморройную рожу, уселся в кресло напротив.

Хозяин Страха, то есть Кокамель, сел на высокий вертящийся стул прямо возле автоматически раззявившего пасть бара и ласково возложил руки на свою набрюшную бомбу, скрытую дождевиком, — ни дать ни взять беременная матрона.

— Ну? — спросил я, когда пауза перевалила через сто двадцатую секунду и пошла на рекордную третью минуту.

— Мы надеялись, ты расскажешь нам про Вукуб-Цикин, — сказал Вок, сверля меня въедливым взглядом.

— Я бы с удовольствием рассказал про этот ваш Вукуб. Если бы имел хоть какое-то представление о том, что это такое!

Хозяин Намерений и Хозяин Страха переглянулись, словно ища поддержки друг у друга.

— Но ты же видел ее! — наконец возмутился Кокамель. — Ты был последним воином, прикасавшимся к ней!

— Вы хотите сказать, что этот Вукуб — женщина?

Майянцы как по команде кивнули.

— Но я никогда и пальцем не прикасался к вашим женщинам!

— Эта женщина — не наша. Она из Западного Тулана. Точно если — с планеты Догеус.

— Все равно! Вы хоть понимаете, к скольким женщинам я прикасался! Последним мужчиной я был или не последним, откуда мне знать...

— Я вижу, ты не понимаешь, Серж-ачи, — строго сказал Вок.

— Он не понимает, — поддакнул Кокамель и зачем-то погладил свою бомбу ладонью.

— Ты видел Вукуб-Цикин на планете, которую вы называете Глокк. Ты держал ее в своем объятии. Так сказала молодому Хозяину Слов сова Чаби-Тукур, — пояснил Вок. — Сова Чаби-Тукур не может ошибаться.

— Подумаешь, блин, авторитет! Сова какая-то! — раздраженно сказал я. — Запросто могла ваша сова ошибиться! На Глокке я не видел ни одной живой женщины. И уж тем более ни к одной из них не прикасался. С нами не было женщин! Не уверен, что Воины Обновления знают, что такое «гендерно-гомогенная операция». Но операция на Глокке была именно гендерно-гомогенной! На языке нормальных людей это означает «никаких баб»! Бабы в это время преспокойно себе воевали на другой планете! Спрашивается, к кому там я мог прикасаться? Разве что резиновую бабу кто-то с собой для прикола прихватил и пакет с инсталляцией дал мне подержать, еще в катере...

— Не повышай голоса, Серж-ачи. Мы хорошо слышим, — сказал Вок.

Сила внушения в этих словах была такой, что я сразу же остыл. И добавил, на сей раз гораздо миролюбивее:

— Короче, фигню вы какую-то парите, ребята.

Я снова уселся на койку и понял, что ужасно замерз.

— Послушай, Вок, можно я включу кондиционер на обогрев?

— Можно, — ответил Вок, пристально рассматривая меня.

Я подошел к климатической панели и выкрутил верньер до самого упора — чтобы быстрее потеплело.

— Ты к ней прикасался, Серж-ачи. Твоя кровь рассказала мне об этом. А теперь я вижу и знак на лбу твоей головы. Ты нашел Вукуб-Цикин после того, как Хозяин Слов расстался с ней...

— Хозяин Слов — это Шбаланке, что ли?

— Нет. Шбаланке — это новый Хозяин Слов. А к Вукуб-Цикин прикасался старый Хозяин Слов. Он и его раб погибли на той земле — на Глокке...

— Знаешь, Вок, — сердито сказал я. — Принцип у меня такой есть. Ни за какими мужиками баб не подбирать. А то член отвалится. Небось слышал про возвратную гонорею?

— Не слышал.

— И плохо. Потому что если бы слышал, то... Короче, знать не знаю, кто такая эта ваша Вукуб. «Потерял»... «Подобрал»... Что за разговор?..

Я пылал бы праведным гневом еще долго. Если бы в этот момент до меня, жирафа эдакого, наконец не дошло, что Вок имеет в виду Северину ван Гримм... Найденыша... Девочку...

Черт бы побрал этих свихнувшихся майянцев! Могли бы сразу сказать — «младенца женского пола». Или «бэбика», как покойный Зигфрид, будь проклятый Глокк ему пухом, выражался. А то заладили: «женщину, женщину». Невдомек дегенератам, что младенец у нормального мужчины с «женщиной» совершенно не ассоциируется...

— Я рад, что ты наконец вспомнил, — с видимым облегчением вздохнул Вок. — Это хорошо.

— Это хорошо, — откликнулся Кокамель.

Кондиционер подозрительно жужжал, но исправно делал свое дело. Краем глаза я заметил, что Кокамелю, который сидел ближе всего к вентиляционному отвору, стало жарко. На лбу у него выступили капли пота, и он ослабил воротник своего придурочного дождевика.

— А теперь расскажи нам, какая судьба унесла Вукуб-Цикин после того, как она подарила тебе счастье быть рядом с ней?

Я на секунду задумался. Вок выразился настолько вычурно, что я не сразу сообразил, что он имеет в виду.

— Что с ней стало после Глокка, да? Ну... После Глокка я и мои друзья спаслись. Я взял Северину... эту вашу Вукуб... и отдал в пехотный госпиталь. На нашей базе, на Декстра Порта.

— Вукуб-Цикин сейчас там, на вашей базе? — спросил Вок. В его взгляде была крайняя заинтересованность.

— Может, там. А может, и нет. Зависит от того, заходил ли на базу эвакуационный транспорт. Сами посудите, не может же совершенно гражданская девчонка, да еще такая крохотная, находиться в пехотном, военном госпитале вечно. Думаю, в самое ближайшее время ее попытаются эвакуировать в Метрополию. Если вы понимаете, что такое «метрополия».

Кокамель и Вок снова переглянулись и, глядя друг на друга, застыли, словно две ящерицы перед ничейным куском падали. Не иначе как брали совместным мозговым штурмом значение слова «метрополия».

Пока они страдали своей телепатией (а я подозревал, что эти их переглядки — как раз и есть простейшая телепатия), я рассматривал две фотографии в дорогих гравирамках, которые художественно висели в воздухе над рабочей панелью каюты капитана Вальдо.

На одной из фоток во все зубы улыбался атлетически сложенный молодой человек в купальных шортах. Подловатый прищур прекрасных глаз довершал лицо преуспевающего ловеласа.

На другой — повышенной смазливости девушка в так называемом условном платье (как и положено, сшитом из совершенно прозрачного стелс-шелка по последней моде) прижимала к щеке откормленного ротвейлера.

Кем эта полуголая соблазнительная парочка приходилась капитану Вальдо — вот что меня в тот момент заинтересовало. Я лично был готов побиться об заклад: детьми Эверта Вальдо двое этих демонов соблазна не были. Бог знает, до чего я там додумался, если бы моя сообразительность не удружила мне и в этот раз.

«А ведь есть шансы увидеть полуголыми и Вока и, главное, Кокамеля!»

На самом деле никакого особого желания смотреть на щуплые телеса наших звезданутых братьев по расе Т у меня не было. Но со стратегической точки зрения это было бы ой как выгодно! И что особенно хорошо, все, что нужно для осуществления моей задумки, — это не выключать раздухарившийся кондиционер!

Наконец безмолвный военный совет окончился. И Вок снова переключил свое внимание с Кокамеля на меня.

— Нам нужно, чтобы ты помог нам найти Вукуб-Цикин, Сержачи, — сказал Хозяин Намерений. И его поза, и его лицо выражали стопудовую серьезность. — Потому что она нам необходима.

— Необходима? Почему она вам «необходима»? Зачем вам маленькая девочка, которая единственное, что умеет — это говорить «мама» и «дай»?

— Если у тебя есть интерес, у меня есть слова, — степенно кивнул Вок. — Вы, люди Хищного Тулана, враждуете с кровернами. Вы думаете, что кроверны не любят вас...

— Не хочешь ли ты сказать, что кроверны убивают нас потому, что любят до охренения?! Как Отелло Дездемону! — не удержался я.

— Дездемону не знаю, — не понял юмора Вок. — Но я скажу тебе, Серж-ачи, что они не видят в вас, людях Хищного Тулана, врагов. Они просто убивают вас.

— Но ведь «враг» — это и есть тот, кого убивают!

— Не всегда. Не всегда, Серж-ачи, — покачал головой Кокамель. По щеке Хозяина Страха стекала струйка пота.

— Правильно, не всегда. Когда тля поедает дерево, а садовник брызгает на дерево серной водой, считает ли садовник тлю своим врагом?

— Ну... Это смотря какой садовник... — замялся я. — Но «врагом» все-таки вряд ли.

— Правильно. Не считает, — подытожил Вок.

— Потому что тля не умеет говорить, — подсказал Кокамель.

— Не пойму, при чем тут садовники и эта ваша тля... Ты что, Вок, хочешь сказать, что садовник — это кроверны, а мы — это тля?

— *Это* я и говорю.

— Но мы-то умеем говорить! — нашелся я.

— Это вы так думаете. А кроверны думают иное. Они думают, что вы, люди Хищного Тулана, как тля налетаете на планету и съедаете ее. Портите. Превращаете в испражнения. Планета становится уродливой и начинает болеть. Ее части умирают... И тогда Мастер Мысли, тот, кто главный по мыслям у кровернов, решает прийти на помощь больной планете. Прилетают кроверны, уничтожают вас, как тлю. А ты говоришь «враги»...

У меня даже дыхание перехватило от скотской болтовни этого самоуверенного Вока!

Это ж надо, назвать нас, цивилизованных граждан Содружества, «тлей»! Сравнить наши героические подвиги на Глокке с сопротивлением мерзопакостных насекомых, на которых брызгают из распылителя купоросом!

Но потом перед моими глазами встал Эсквемелин. Долина Камоэнса...

Иногда мне приходилось бывать там по работе. Когда-то долина Камоэнса была одним огромным заливным лугом, заросшим цветами наподобие наших маргариток. Только величиной эти маргаритки были каждая с колесо трака. А стебли у них были короткие, мясистые и напоминали слоновью ногу.

«Ежики» обожали надгрызать эти стебли у самого венчика цветка и нацеживать себе в ладошки сок — лакомились, стало быть. Когда я только прибыл на Эсквемелин, в долине Камоэнса кое-что еще росло. Не маргаритки, нет — они остались только на фотографиях.

Вместо маргариток там тогда уже росли бурые папоротники с хищными коготками вдоль стебля. Эти папоротники косили, измельчали и отдавали на нашу свиноферму в качестве корма. А потом и папоротники перестали расти — даже «ежикам» было ясно, что виноват в этом наш суперэкологичный перерабатывающий завод. Наш завод сцеживал слишком много «экологически нейтральной» жидкости в воды местной речки-вонючки.

А потом, уже после того, как от экологически чистого папоротникового комбикорма передохли одна за одной все наши свиньи и мы перешли на консервы, долина Камоэнса стала похожа на воистину адский уголок.

Полгода она была озером зловонной бурой грязи, в которой копошились рогатые двухвостные черви. Полгода — равниной, покрытой огромными зловещими трещинами. В зависимости от того, жарило солнце или просто светило... Как-то мой скутер сломался прямо на границе равнины Камоэнса. Я думал — сдохну. Моя кислородная маска накрылась, запасной не было, пришлось дышать атмосферой. Невыносимо вонючий ветер дул мне прямо в харю, от него так и жгло легкие...

Короче говоря, вспомнил я эту равнину и подумал: а вдруг то, что говорит мне Вок, не такая уж безумная ерунда? В принципе ведь и безумцы иногда способны говорить правильные вещи? Может, и правда наше издевательство над землей Эсквемелина и нападение кровернов на Эсквемелин как-то между собой связаны?

Впрочем, тут же нашелся и аргумент против. И как я сразу о нем не подумал?!

— Послушай, Вок, ты говоришь форменную чушь! Допустим, мы, земляне, дураки и сволочи. Допустим, я согласен: мы превращаем планеты в куски дерьма. Но не все, конечно. А только некоторые, периферийные. Из Марса-то мы, наоборот, конфетку сделали! Но, допустим, я с тобой согласен: мы испортили Глокк. Но скажи, разве кроверны его облагородили? Ты-то сам видел, что они сделали с Глокком? А с Эсквемелином? А-а, молчишь! И ты, Кокамель, не видел? То-то! А я вот видел! Я сам видел эту самую «климатизацию»! Извержения вулканов, цунами, землетрясения, миллионы молний, дождь из бурой грязи четверо суток. Да несчастный Эсквемелин от благородной помощи твоих любимых кровернов трясло так, что по нему ходили волны восемьдесят метров высотой! Одних только «ежиков»

там погибло тысяч десять, в первые же минуты климатизации. Скажи, Вок, ты когда-нибудь видел садовника, который сначала аккуратненько истребляет всю тлю на дереве, а потом вытаскивает это дерево из земли вместе с корнями и сажает его ветками вниз, а корнями вверх? Нашел спасителей планет! Ты бы еще водородную бомбу в качестве особо действенной пилюли кроверам посоветовал!

Никогда не думал, что мне удастся толкнуть такую длинную и прочувствованную речь. А вот же — удалось. Наверное, тема оказалась, что называется, «наболевшей».

Однако Кокамель и Вок не особо прониклись моими аргументами. Они даже переглядываться не стали.

— Говоришь ненужное, Серж-ачи. Неправильно видишь жизнь, — резюмировал Вок. — Кроверны никогда не делают плохо планете. До «ежиков», до людей, до хурманчей дела им нет. Но планете они помогают. Знаешь ли ты, Серж-ачи, что для того, чтобы гнойник зажил, нужно разрезать его и дать гною выйти?

— Ну, допустим, знаю, — нехотя сказал я.

— Так делают и кроверны. Они вскрывают все гнойники больной планеты. И вся грязь, все ненужное, все лишнее выходит на поверхность. И как это сказать... Превращается в безвредное! Так нужно, чтобы планета выздоровела. Зачем удивляться, что поначалу ей приходится трудно? Вы делаете планету грязной. Вы стараетесь десятилетиями. Как же могут кроверны вылечить ее за один час?

— Можно подумать, они в принципе в состоянии ее вылечить, — фыркнул я.

— Теперь они могут вылечить любую планету, — убежденно сказал Вок.

— Что значит «теперь»? А раньше что — не могли?

— Раньше могли не всякую. А теперь могут — всякую.

— Это еще почему? Добрее стали, да?

— Потому что в этом бактуне их Мастер Мысли родился великим Властелином Погоды...

— Я очень рад за него — за этого Мастера Мысли. Только не видел еще ни одной планеты, которая стала красивее после того, как на ней побывали кроверны.

— Потому что ты не захотел увидеть.

— Что это значит, Вок?

— Если бы у тебя был настоящий интерес, ты вернулся бы на Эсквемелин. И посмотрел бы своими глазами, как там теперь.

— И как? Там город кровернов?

— Нет. Кроверны не живут там. Только иногда бывают. Им не нужен Эсквемелин. У них много планет для жизни. Где суша — там

растут цветы. Цветы величиной с мельничные жернова. Красивые! Где море — там плавают шаровые кашалоты и морские кабаны. Очень красивые! На островах кувыркаются «ежики». Они выжили. Не все выжили. Но ты должен знать — они хорошо размножаются. И ни одного человека там больше нет.

— Но откуда ты знаешь про шаровых кашалотов, Вок?! — в недоумении спросил я.

Сам-то я видел шарового кашалота один раз в жизни, хоть провел на Эсквемелине два года. Одного несчастного как-то занесло умирать в окрестности нашей газодобывающей платформы.

— Я совсем недавно был там, Серж-ачи!

— Разве туда летают космические корабли? — с сомнением спросил я.

— Нет. Но нам, Воинам Обновления, не нужны хипы для того, чтобы летать куда нам вздумается.

— На чем же вы летаете? На метле?

— Нас переносят парусники, Серж-ачи, — это подал голос из своего угла Кокамель.

Вот это уже действительно не лезло ни в какие ворота. Парусники? Переносят? Эти гигантские безмозглые твари в состоянии кого-то переносить, как какие-нибудь кони?

Вспомнилось, как Чен рассказывал мне о своем брате, который служил на санитарном рейдере, в обязанности которого входило уничтожать гнезда парусников вблизи густонаселенных колоний. Да нет, я точно знаю — они совершенно безмозглые! Одно непонятно: каким местом эти полуодухотворенные куски материи соображают, когда им следует свернуться для того, чтобы войти в подпространство, а когда — развернуться, чтобы из него выйти...

— Ты можешь не верить мне, если не хочешь. Можешь думать, что нас переносят хипы, — миролюбиво сказал Вок.

— Пожалуй, и правда — лучше мне в это не верить.

— Хотя на твоем месте я бы задумался над тем, каким образом наш Хозяин Слов попал вместе с Вукуб-Цикин на Глокк!

— Допустим, я задумался. И что? Ты хочешь сказать, что моя Северина вместе с каким-то мудаком прилетела верхом на парснике с планеты Грин на планету Глокк?

— Не «на» паруснике. А «в» паруснике. Мы используем их желудки, — вставил Кокамель.

— Ах желудки? Вы используете их желудки?! — вдруг взорвался я, меня аж передернуло от картины, которая встала перед моим мысленным взором: отвратительный исполинский парусник и моя малышка в розовых ползунках и с соской во рту. — А не стыдно вам, взрослым

мудакам, было запихивать маленького ребенка, совсем маленькую девочку, в желудок этой безмозглой твари? К паруснику в желудок?

— Парусник вовсе не безмозглый.

— Да как у вас рука поднялась подвергать малышку такому испытанию! Она же маленькая! — психовал я.

— Она была не одна, Серж-ачи. С ней был Чок-Ба. Он был опытный воин. Он не позволил бы злу случиться с ней.

— Ага. Не позволил бы. Интересно, где был ваш еханый Чок-Ба, когда я девчонку из холодильника доставал...

— Вы, люди Хищного Тулана, помешали Хозяину Слов осуществить его миссию. И Чок-Ба нашел свою смерть. Но он спас Вукуб-Цикин! Он позволил тебе найти ее, направив твою мысль и твое намерение в нужную сторону. Это вы, люди Хищного Тулана, помешали Вукуб-Цикин сделать свое предназначение. Но она сделает его теперь. Именно за этим мы здесь.

— О каком предназначении ты говоришь, Вок? Какое может быть «предназначение» у грудного ребенка?!

— Ты мало в этом понимаешь, Серж-ачи, — сурово сказал Вок.

— Ну так объясни мне, дураку! — Я даже покраснел от возмущения. А может, во всем виноват был кондиционер, поднявший температуру в комнате до 41 градуса по Цельсию. Но я был так захвачен разговором, что даже не обратил внимание на то, как Кокамель снял свой дождевик.

— Я пытался объяснить тебе, когда рассказывал про садовника и тлю. Но твоя невоздержанность увела мою мысль далеко.

— Что ж, я готов помолчать.

— Тогда я окончу свое объяснение. — Лицо Вока из взволнованного снова стало степенным. — Кроверны не считают вас врагами. Потому что вы, люди, для них тля.

— Но вас-то, Воинов Обновления, скаты, конечно, держат за равных! За братьев по разуму! — не утерпел я. Не знаю почему, но молчать в тот день мне определенно удавалось хуже всего.

— Ты ошибаешься, Серж-ачи. Нас кроверны тоже считают тлей, — спокойно сказал Вок. — Но, в отличие от вас, мы об этом знаем. Есть еще одно различие. Вы — вредоносная тля. А мы — просто тля. Поэтому кроверны никогда не трогали Яшкин. Мы спокойно живем на Яшкине вместе с Тихими и под боком у кровернов. Хотя даже мы все еще не научились говорить с Мастером Мыслей.

— Как это прекрасно! Настоящая идиллия! Скат и человек — братья навек! Неплохой слоган для социального плаката послевоенного периода. Но при чем тут Северина? То есть, тьфу, Вукуб-Цикин?

— Вукуб-Цикин — это существо, у которого есть сила мысли.

— А у нас что — мыслей нет?

— Мысли есть. Но нет той силы мысли, которая нужна. Такой, чтобы кроверны могли понять, что это мысль мыслящего воина. У Вукуб-Цикин сила мысли пятисот воинов. Ее кроверны услышат и поймут. Только ей нужны слова. Для этого рядом с Вукуб-Цикин должен находиться Хозяин Слов.

— Почему бы тогда просто не собрать пятьсот воинов? Тут-то кроверны и поймут, что мы, люди, мыслящие существа. И что мы можем говорить, а?

— Потому что пятьсот воинов-людей никогда не могут мыслить одну мысль. Мы, Воины Обновления можем. Но нас слишком мало для того, чтобы привлечь Мастера Мысли кровернов. А ждать долго мы не имеем времени.

— Все-таки не пойму, почему пятьсот солдат не могут сосредоточиться на одной мысли? Чего проще — построить батальон и дать команду: «Батальон! Мыслить мысль «кроверны, убирайтесь вон с Глокка!» — Я сам не смог сдержать улыбки, настолько забавным показалось мне мое предложение.

— Не получится, — серьезно ответил Вок. — Потому что большинство людей Хищного Тулана не могут направлять мысль дольше, чем одно мгновение. Даже когда вас много, все вы мыслите разное. Поэтому кровернам кажется, что вы — тля. Если бы все тли в саду собрались на одном дереве и смогли издать разом один звук — например, одновременно почесать лапкой о брюхо, то вышло бы довольно громко. Это убедило бы садовника. Если бы садовник услышал этот звук, он смог бы уважать тлю. Видеть в ней врага. А так — садовник презирает ее.

— Гм... Пожалуй, в случае с садовником ты и прав. Вот только...

— Поэтому, Серж-ачи, нам и нужна Вукуб-Цикин. Она может подхватить мысль настоящего воина, а потом промыслить эту мысль с огромной силой. И тогда она обязательно дойдет до Мастера Мысли кровернов. Если он будет где-то поблизости. И тогда мы сможем сказать ему свои важные слова.

— Ты хочешь сказать, что один такой Мастер Мысли кровернов был на Глокке, когда я нашел там Северину?

— Да.

— В таком случае он должен был попытаться войти со мной в контакт, когда Северина была со мной, а он что-то не очень-то спешил...

— Сожми в кулаке свою память, и она скажет тебе правду, — тихо сказал Вок.

И тут меня просто как громом поразило одним воспоминанием, которое девальвировало к чертовой матери всю мою браваду...

...это был он — то самое равнодушное исчадие Копей Даунинга. Не прекрасное, не уродливое. Это его тело показалось мне пребывающим за рамками наших привычных описательных категорий. Это был он — скорее похожий на кобру, чем на ската, и уж совсем непохожий на то, что создавали виртуальные реальности наших учебных тренажеров.

О да... Это он, Мастер Мыслей кровернов, висел в воздухе, словно бы при помощи глидеров. Это его тело было наполовину скрыто блестящими металлизированными поверхностями с массивными наплывами.

Это его нижние хвостообразные конечности доставали до самого пола и лоснились от толстого слоя полупрозрачного желе, которое я счел биоскафандром. Его лицо, состоящее из усиков, усов, щупов и перламутровых крапинок, не показалось мне кровожадным. Лицо было надменным и одновременно — любознательным...

Неужели это и был контакт, инициированный Севериной?

Неужели этот кроверн, непохожий на всех других кровернов, и есть прямое свидетельство того, что майянцы не лгут?

Свидетельство того, что Воины Обновления знают о кровернах значительно больше, чем мы?

А что, если это действительно так?

— Вспомнил? — спросил меня Вок, когда я наконец стряхнул с себя эти воспоминания.

— Да уж...

— Поэтому я хочу, чтобы ты помог нам найти Вукуб-Цикин на своей базе. Мы хотим поговорить с тем кроверном, которого видел ты в том подземном городе на земле Глокк. Мы знаем, где Мастер Мыслей кровернов будет в следующий раз...

— Не пойму только, о чем вам говорить с этой тварью. Вы-то живете с ними мирно... Скорее это нам имело бы смысл искать контакта... — задумчиво сказал я. После воспоминания о встрече в Копях Даунинга на меня накатила лавина черной меланхолии.

— Вы хотите мира?

— Конечно, мы хотим мира! Думаешь, прикольно это — усираться под огнем всяких стрекошвеек?

— Не думаю, — покачал головой Вок.

— Так чего же, черт возьми, хотите вы? — не отставал я.

— Мы хотим, чтобы кроверны вылечили Яшкин так же, как они вылечили землю Эсквемелина. Наши дети месяцами не видят солнца. Это нехорошо. После того как в начале этого бактуна хип Сентавра упал в наше озеро, люди Яшкина становятся лысыми, а наши женщины все чаще приносят ублюдочных детей. Это очень нехорошо...

— А я и не знал об этом...

— Ты много о чем не знал, Серж-ачи. Но теперь наступила пора знать. И лететь на Декстра Порта. За Вукуб-Цикин. — Голос Кокамеля прозвучал так резко, что я невольно вздрогнул и обернулся в его сторону...

«Наступила пора знать», — эхом звучали в моем мозгу последние слова Кокамеля. Я не отрываясь смотрел на бомбу, приросшую к дрябловатому животу Хозяина Страха.

О да! Пока мы с Воком обсуждали тонкие материи, мой толстый план сработал! Кокамель снял свой дождевик, чтобы легче было терпеть устроенную мной парную!

Теперь бомба открылась всеобщему обозрению. Стараясь не обнаружить свой интерес, я бросал на Кокамеля косые взгляды, пока Вок толковал мне что-то очень философское.

Мне, как, впрочем, и всему экипажу «Юнгера», было интересно знать, *какая именно* бомба держит нас всех в заложниках. Ибо от этого напрямую зависели конкретные действия по нашему вожделенному освобождению. «Циклоны»-то разные бывают! Я лично помню, что есть «Циклон-2», есть «Циклон-2 Bat», а есть, например, «Циклон-4». И это очень разные устройства!

Ни глазастая подрывница Эстер Карлскрона, ни тертый-катаный Свечников не сумели выяснить правду — сколько ни приглядывались. Может, мне повезет?

Как у всякой бомбы, изготовленной на заводах Содружества, у этой должна быть маркировка. У большинства бомб маркировка украшает именно лицевую сторону корпуса. Но бомба Кокамеля была явно не из таких — иначе даже с такого расстояния я разглядел бы, что маркировка там есть.

У некоторых бомб — маркировка на боку. Может, и у этой тоже? Оставалось только надеяться, что она все-таки не на той стороне корпуса, которая соприкасается со смуглокожим брюхом Хозяина Страха.

Невпопад ответив Воку, я выпросился к бару — поближе, значит, к Кокамелю.

— Горло нужно промочить. Пить ужасно хочется, — пояснил я.

— Большая жара, — страдальчески отозвался Кокамель.

У меня внутри похолодело. Если я сейчас включу кондиционер на охлаждение, он снова оденется. И прости-прощай моя дерзкая идея! А Вок словно читал мои мысли!

— Нужно сделать, чтобы жары не было, — посоветовал или, скорее, приказал он.

— Сейчас. Только выпью немного водки с соком, — проблеял я.

Как я ни старался, а руки у меня все-таки подрагивали. Сложное это дело — одновременно наливать себе виски с фризером и рассматривать взрывное устройство на чужом брюхе. На контрразведчика-то я не учился. И, кажется, напрасно.

Да. Маркировка на бомбе была. На той ее грани, которая смотрела в подбородок Кокамелю. А когда я как следует разглядел циферки и буковки, я вообще едва не выронил бутылку «Ultimeit Absolut».

GIIK-12-17/TRN

Ну у кого, интересно, не отвиснет челюсть после ознакомления с такой ошеломительной информацией? У кого, интересно, не расплавится мозг после таких известий? Да у любого контрразведчика расплавится!

Самым непринужденным образом я подался вперед и еще раз перечитал маркировку.

GIIK-12-17/TRN

Нет, этого не может быть! И тем не менее это есть.

Я сделал большой глоток водки. Водка неохотно, кажется, что даже с остановками, потекла в желудок.

— Серж-ачи, твоему телу плохо? — спросил участливый Вок.

«Нет, дорогой мой Хозяин Намерений. Моему телу хорошо. Очень даже хорошо. Теперь». Но эту фразу я, конечно, не озвучил. Я мучительно осмысливал увиденное.

Это было совершенно невероятно, но бомба на животе у Кокамеля была учебной. Самой обыкновенной учебной бомбой.

Именно на это указывала маркировка TRN — «Treinin».

Полная копия настоящей. У нас в учебке таких было — завались. Это значило, что сейчас я могу задушить Кокамеля голыми руками. И ничего не будет. Совершенно ничего.

А если она не учебная? Ведь все-таки имеется один шанс из ста? Ведь бывают в жизни ошибки — вот и ошиблись маркировщики?

Вот этот-то самый один шанс из ста и удерживал меня в состоянии ступора.

— Серж-ачи, прошу тебя уменьшить жару, — донесся до меня голос Кокамеля.

— Сейчас-сейчас, — сомнабулическим голосом сказал я и побрел к панели кондиционера.

Я закрутил верньер. Сразу повеяло прохладой. Что делать теперь? Бежать и звать на помощь? Типа ложная тревога? Бомба оказалась «деревянной»?

Тут мой взгляд упал на красную пожарную кнопку.

«А что, если...»

Я даже не успел додумать эту мысль до конца — так быстро большой палец моей правой руки утопил кнопку до самого упора.

Спустя секунду в псевдомраморном потолке каюты капитана Вальдо открылись шесть отверстий, из которых выползли стволы локального пожаротушения. С быстротой молнии я метнулся к двери каюты. Я успел! Я был уже на пороге, когда начался потоп.

Через пять секунд вся каюта Вальдо была залита густой розово-желтой пеной с запахом авокадо. А я уже был снаружи.

Через окошко я видел — пена погребла под собой беспечно развалившихся в креслах Кокамеля и Вока. Сердце мое колотилось в таком бешенстве, что казалось, от него одного способны сдетонировать все взрывчатые вещества, которые только находились на борту «Юнгера».

Секунда тишины. Вторая секунда тишины. Третья...

Нужно ли говорить, что взрыва не произошло?

•

— Устав не оговаривает ситуаций, подобных той, в которой мы оказались. Тем не менее мое *видение* Устава говорит мне, что лучшее, что мы можем сделать с этими людьми, — посадить их на любой из наших катеров и выпроводить на все четыре стороны!

— Но ведь они даже приземлиться не смогут! Они не знают, как управлять катером!

— Капрал ван Гримм! Я попросила бы вас оставить свое мнение при себе.

Это была капитан Мэрион Голдсмит — наша черная фурия. На импровизированном судилище, где в подсудимых значились недавние захватчики нашего корабля, она пиликала первую скрипку. Стены кают-компании тряслись от ее обвинительных рулад.

— Между прочим, — продолжила свирепая Мэрион, — ради того, чтобы оставить этих выродков, которые едва не взорвали наш корабль, в живых, нам придется пожертвовать катером. Он стоит денег. Притом немалых. Но я все равно обеими руками «за» эту жертву. Потому что мое чутье подсказывает мне: пока эти люди на «Юнгере», нам гарантированы проблемы.

— Откровенно говоря, — подхватил мысль своего командира Иштван Радуль, — после всего, что эти люди устроили здесь, мы вправе лишить их жизни, не вдаваясь в разбирательства. Но, учиты-

вая мнение капитана, я готов согласиться с бескровной депортацией представителей коренного населения планеты Грин на родину. И этих ужасных тварей, которых они привезли с собой, — тоже.

Никогда не подозревал, что Иштван такой подхалим. Раньше он казался мне более... более интеллигентным, что ли.

Впрочем, можно ли узнать человека, играя с ним в метабол? Только дураки думают, что можно. А всем остальным, особенно тем, кто служил в армии, известно: чтобы узнать человека, нужно посмотреть, как он будет себя вести, когда ему представится возможность безнаказанно кого-нибудь укокошить.

Какие грани души тут сразу раскрываются! Даже когда их в общем-то раскрываться никто и не просит.

Следующим номером этой гнусной программы стало выступление флэг-лейтенанта Кумара Упадхьи, старпома-астрогатора.

Он оказался самым миролюбивым из тех, чей голос что-то значил на борту «Юнгера». Впрочем, я уже давно заметил: если какая-то нация расы Т еще сохранила столь редкое качество, как миролюбие, так это, кажется, индусы...

— Я ценю мнение сениоры Голдсмит и сениора Радуля. Однако хотел бы заметить, что наилучшим выходом из данной щекотливой ситуации было бы помещение наших непрошеных гостей в состояние холодной гибернации. По прибытии на Декстра Порту мы сможем подвергнуть их психосканированию, что, несомненно, обогатит нашу науку новыми и — уверен — сенсационными данными.

— Может быть, лучше теплая гибернация? — поинтересовалась Беата Даль с идеально-медицинским выражением лица. — Разве вы не знаете, сениор Упадхья, что помещение в холодную гибернацию людей, не прошедших полного медицинского обследования, категорически запрещено Медицинским Кодексом Содружества? Ведь мы даже не знаем достоверно, какого типа межклеточный обмен следует поддерживать! Я лично побывала на планете Грин и должна вам сказать, что микроэлементный состав воды там достаточно сильно отличается от привычной для расы Т. Кто поручится, что стандартная холодная гибернация не приведет к необратимым изменениям и вместо объектов для психосканирования на благо науки мы не привезем на Декстра Порту десяток хладных трупов?

— Сениора Даль права, — подал из угла голос лилипут Ян Лян Ши, бортврач «Юнгера». Голос этот был довольно тоненьким. — Однако, к сведению сениоры Даль, мы не имеем нужного количества камер теплой гибернации для того, чтобы поместить туда террористов.

— В таком случае идеальным является вариант, предложенный мной, — заявила Мэрион Голдсмит и победительно сложила руки на груди. Ни от ложной скромности, ни от фатальных психологических последствий заниженной личностной самооценки сениоре капитанше умереть явно не светило. — Предлагаю вынести такое решение: отдать в распоряжение аборигенов планеты Грин второй катер и принудительно провести его отстыковку от рейдера «Юнгер».

Весь наш взвод смотрел на Эверта Вальдо, ожидая его реакции.

Странное дело, несмотря на то, что это *мы*, а не космофлотчики тряслись в сумках у динозавров вверх ногами, несмотря на то, что *мы* по преимуществу служили безоружными мишенями для наших террористов, пока космофлотчики спесиво расхаживали с пистолетами, несмотря даже на то, что *нам* резали уши, чтобы жертвоприношение удалось на славу, именно космофлотчики громче всех ратовали за то, чтобы выкинуть майянцев в Пространство. Обречь их на верную смерть!

Не скажу, что Вок или там какой-нибудь Шбаланке были так уж мне симпатичны. Да, все они были немного свихнувшимися. Да, они были странными. Но...

Кажется, уже тогда я начал понимать: эти свихнувшиеся майянцы поступали единственно возможным для себя образом. Они имели несгибаемое намерение осуществить свой план. Эти майянцы, наконец, знали гораздо лучше нас, таких образованных и припонтованных, перекормленных и перевооруженных, чего они хотят и как этого добиться...

Мне было странно признаться даже самому себе, но после разговора с Воком и Кокамелем в каюте капитана Вальдо я посмотрел на все, что произошло со мной за последние годы — на Эсквемелине, на Глокке, в учебке, — другими глазами.

Как ни куражился я над рассказами Вока про садовника и тлю, как ни гоношился, когда речь заходила о моей Северине, то бишь о мистическом существе Вукуб-Цикин, обладающем силой мысли пятисот воинов, но теперь я чувствовал: в словах Воинов Обновления есть правда. Какая-то совершенно новая правда! По крайней мере я уже был уверен: правды там гораздо больше, чем во всех мудреных «конфликтологических концепциях», которыми по поводу войны с кровернами забивали мою несчастную башку «знающие люди».

И еще я понял: мы и Воины Обновления — не враги. Даже больше: мы могли бы стать партнерами.

Когда Вальдо наконец-то заговорил, я вздохнул с облегчением.

— Уважаемая Мэрион, уважаемый Кумар, уважаемый Иштван. — Вальдо подкупающе улыбнулся. Насколько я успел узнать

Эверта, это означало только одно: он намерен говорить резкости. — Хотел бы вам напомнить: мы все здесь имеем самое непосредственное отношение к экспедиции в сектор АН-9007. Мы прибыли на Грин для того, чтобы исследовать его. Чтобы установить возможные контакты с населением, если таковое обнаружится. Чтобы узнать о нем и о кровернах все. Мы сами — я и мой взвод — напросились на контакт с этими людьми. Мы не знали, что контакт с ними приведет к захвату «Юнгера». Таким образом, можно сказать, что захват «Юнгера» есть следствие нашей — моей и моего взвода — преступной халатности. Таким образом, я считаю, что вину за захват «Юнгера» не следует перекладывать на этих малообразованных людей, которые не в состоянии отличить учебную бомбу от настоящей. Это раз. Далее. Аборигены планеты Грин не причинили вреда ни одному из нас. Они никого не застрелили, не зарезали и не избили. Они не повредили нашим планам. Они не повредили наш корабль — их угрозы фактически оказались блефом. Напротив, общение с ними — пусть и в экстремальных условиях — обеспечило нашу экспедицию огромным количеством ценнейшей информации. В других условиях — если бы не Воины Обновления — нам, возможно, пришлось бы добывать эту информацию долгие годы. Все это дает мне моральное право настаивать на том, чтобы эти люди были изолированы в одном из жилых отсеков и не вводились в опасное для их жизней и здоровья состояние холодной гибернации.

— Я категорически протестую! — воскликнула Мэрион Голдсмит, высоко воздев свою лиловую руку.

— Я тоже протестую, — это был Иштван Радуль.

И тогда Вок, доселе сидевший с отсутствующим видом в круге лазерного ограждения рядом со своими соплеменниками, поднялся с места.

В его фигуре сквозило некое неожиданное величие. Что-то в нем было, не позволявшее попросту его игнорировать, хотя именно это нам, по идее, и полагалось делать. Не знаю, понял ли Вок хотя бы треть из того, что говорилось. Но он наверняка уловил: дело пахнет керосином.

Вок посмотрел на Вальдо, потом на меня, обвел медленным взглядом все наше судилище и сказал:

— Если вы не убьете нас, если вы не выставите нас за двери своего хипа в железной раковине, мы расскажем вам много о кровернах. Ничего из этого вы не знаете. Решайте.

— Можно подумать, они сами что-то знают о кровернах! — презрительно всплеснула руками Мэрион Голдсмит.

Глава 12

ПАРУСНИКИ, БРАТЬЯ НАШИ БОЛЬШИЕ

Хорошо, что они не используют
парусников в военных целях.

Эверт Вальдо

Не знаю, чем бы все это закончилось. Может, и выкинули бы мудрого старикана Вока вместе с его отрывными ребятами прямо в Пространство, парусникам на прокорм.

Но тут на «Юнгере» сыграли боевую тревогу.

Рефлексы, господа, рефлексы! Они у каждого — свои.

Все офицеры Космофлота, которым по боевому расписанию «Синей тревоги» вменялось находиться там-то и там-то, вылетели прочь из помещения что твои «Фалькрамы». Воздух заискрился!

Вальдо тоже подскочил, как в задницу ужаленный. Потом сообразил, что по-женски и по-офицерски мстительный корветтен-капитан Мэрион Голдсмит ни за что не пустит его в боевую рубку, то бишь в ИНБП-1, и опустился обратно в кресло.

Свои телодвижения Вальдо сопроводил эдакой небрежной отмашкой длиннющей руки-плети. Дескать, все нормально, нормально. Делать нечего, сидим пока что дальше. Все происходящее очень, конечно, интересно. И можно даже сказать тревожно. Но чем мы можем тут помочь, когда за дело берутся настоящие волки Большого Пространства?

Ну а я, Свечников и еще пара ребят из нашего взвода продолжали делать свое, если можно так выразиться, дело. То есть с каменными рожами держали под прицелом всю шайку-лейку Обновления.

— Это Вальдо. Что у вас происходит? — Наш мозговой центр все-таки не утерпел и связался по интеркому с боевой рубкой.

Вальдо, между прочим, мог запросто остаться без ответа. Потому что если на «Юнгер» действительно совершено нападение, командир корабля просто обязан заниматься боем, а не трепом с каким-то там капитаном аналитической разведки.

Голдсмит, однако, ответила:

— Мы засекли выход из подпространства неопознанного объекта. Объект невелик, на таком расстоянии уточнить параметры невозможно. Сейчас мы постараемся подойти ближе.

Час от часу не легче. Двое суток назад необитаемая планета оказалась обитаемой. Теперь захолустная, никем не посещаемая звездная система оказалась не такой уж захолустной.

Потому что один космический корабль в одной звездной системе — это великолепное уединение на задворках Галактики. А вот два корабля — это уже небезопасная и скорее всего неслучайная встреча в окрестностях стратегически важного пункта. Особенно если тот, второй корабль — не наш.

Бывали случаи, когда во время подобных случайных встреч корабли двух разных цивилизаций оба выходили на гиперсвязь со своими флотами. И тогда в необитаемую, унылую, никому не нужную звездную систему за полчаса набивались два до смерти перепуганных, вооруженных до зубов флота.

Однажды именно таким образом, без всякого повода, на ровном месте, началась большая война, о которой не принято вспоминать.

— Наши боги хотят, чтобы вы оставили этот хип в покое, — неожиданно заявил Хозяин Знания Хоб-Тох.

Можно подумать, кому-то сейчас это было интересно: мнение богов Яшкина о маневрировании и оперативных действиях рейдера «Юнгер»!

А действия были ого-го! Судя по нарастающей тяжести, которая вдавливала всех нас в кресла кают-компании, «Юнгер» азартно рванул к неопознанному объекту на всех шести каскадах мощности планетарного двигателя.

— Это посланец смерти, — добавил Хозяин Страха Кокамель.

— Его следует бояться, — подхватил Хозяин Действия Шулу.

— Лучшее спасение — раствориться, как это делают ваши хипы и посланцы небес, — дал ценный совет Хозяин Слов Шбаланке.

— Потому что это хип кровернов. За ним могут прийти другие. Глухим, незрячим людям Хищного Тулана несдобровать, — строго заключил Хозяин Намерений Вок. — Скажи черной хип-водительнице, чтобы убиралась прочь от Яшкина и от солнца Яшкина. Нам нужна Вукуб-Цикин, вам нужна Вукуб-Цикин. А хип кровернов нужен только сам себе. Пусть летит куда ему вздумается.

— Вы уверены, что это корабль кровернов?

Любопытно, что Вальдо проявил к словам Воинов Обновления куда меньше скепсиса, чем они того заслуживали. Подумаешь, какие проницательные!

Может, из подпространства вывалился всего лишь парусник или, например, крейсер Содружества с поврежденными антеннами? Из-за этого на запросы «Юнгера» он ответить не смог. А на самом деле — это наш, обычный крейсер! Который командование выслало сюда после того, как «Юнгер» пропустил очередной сеанс гиперсвязи из-за нападения Воинов Обновления.

Если, конечно, существовала подобная договоренность. Меня, капрала, в оперативный режим нашего рейдерства никто не посвящал и посвящать не собирался.

— Да, это хип кровернов. Мы слышим их страх.

— Дайте боевую рубку, — снова потребовал Вальдо по интеркому.

— ИНБП-один на связи.

— Эверт Вальдо вызывает корветтен-капитана Голдсмит.

— Слушаю, — нехотя отозвался интерком.

— Вы опознали объект?

— И да, и нет. Это кроверн, совершенно точно. Но в нашей базе данных нет кораблей этого типа. Похоже, это и не крейсер, и не транспорт. А нечто вроде наших скоростных яхт. Не удивлюсь, если на ее борту находится какая-то важная шишка.

— На хипе нет кровернов, владеющих высокими силами, — покачал головой Шбаланке.

— Что там бормочут ваши любимцы? — раздраженно поинтересовалась Голдсмит.

— По мнению достойного Шбаланке, на яхте кровернов нет важных шишек, — без тени улыбки пояснил Вальдо. — Сениора корветтен-капитан, если я правильно понимаю, вы намерены атаковать неприятеля?

— Более того, сениор Вальдо, — я намерена захватить яхту. И, клянусь Белым Космосом, мы сделаем это!

— Это достойное намерение. Просто замечательное, сениора корветтен-капитан. Не могли бы вы разрешить трансляцию оперативного планшета на кают-компанию?

— Нет. Это секретная информация, к которой ни личный состав штурмовой пехоты, ни уж подавно ваши варвары права доступа не имеют.

— А если я, Эверт Вальдо, предоставлю им это право?

— Тогда мне останется лишь подчиниться. Но у вас нет подобных полномочий, сениор Вальдо.

Эверт приосанился. В глазах его на мгновение блеснула какая-то не подмеченная мною ранее сумасшедшинка, и он рявкнул:

— Корветтен-капитан Голдсмит! Властью, данной мне Верховным Командованием и Действительным Правительством, я приказываю вам вскрыть пакет двенадцать-семь-семь и ознакомиться с его содержимым. Разрешительный код: «Танцуй, мышка, танцуй».

— Приказ принят. — Голдсмит была явно обескуражена. — Код подтверждения: «Покуда у кошки свирель».

И Голдсмит, и капитан Вальдо на минутку заткнулись. Капитан с невинными такими глазками изучал то свои ногти, то пластик на потолке.

Воины Обновления перебросились несколькими фразами на своем птичьем языке.

— Да тут недетские игры начались, Серж, — пробормотал тихонько Свечников. — Кажется, Вальдо еще на пару-тройку рангов выше, чем представлялся.

— Не обязательно, — отозвался я. — Он, может, действительно капитан. Но — с одноразовыми экстренными полномочиями. У них там, в разведке, бывает и не такое. Мне мать когда-то рассказывала...

К этому моменту Голдсмит, видимо, дочитала писульку из пакета двенадцать-семь-семь. Видимо, полномочия Вальдо оказались не такими уж экстренными, потому что голос ее немного повеселел:

— Сениор Вальдо, предписание о разграничении полномочий принято к сведению. Мое решение остается прежним: догнать и по возможности захватить яхту кровернов. Теперь я готова выслушать ваши приказы и учесть ваши пожелания.

Формулировка насчет «приказов» и «пожеланий» показалась мне в высшей степени странной, такой в армии мне встречать не приходилось. Мы же не в Институте Здоровья — какие тут, к чертовой матери, «пожелания»? Но, видимо, в офицерском корпусе существовал какой-то особый этикет, о котором мы, младшие чины, и не подозревали.

— Вот и хорошо, — кивнул Вальдо. — Приказ: дайте трансляцию оперативного планшета на кают-компанию. Пожелание: оставьте кровернов в покое и уводите корабль в сектор оперативной базы Декстра Порта.

— Приказ исполняю. Пожелание принимаю к сведению.

Голдсмит, кажется, хихикнула — а может, мне послышалось — и добавила:

— Сениор Вальдо, вы уверены, что у вас там никто не обделается?

— Уверенности твердой нет. Но все равно включайте!

Вот он — язык небожителей! Голдсмит и Вальдо — два совершенно разных человека, черный и белый, мужчина и женщина, рожденные на разных планетах, друг друга понимали с полуслова. А я не понимал и трети, хотя говорили они на стандартной, внятной интерлингве, а вовсе не на каком-нибудь «гули-гули» вроде языка Воинов Обновления.

Шшшарах!

Я вывалился из корабля! На хрен! В пасть Пространства!

Я падаю с высоты в сто тысяч парсеков на острые гвоздики звезд!

Прямо мордой об них навернусь! Об самый Арктур! Выколю глаз Мицаром! Раздеру голень о хищные жальца Гиад! Кишки мои сварятся в Ядре Галактики! Через миллион миллионов дней...

Как это случилось? Почему я еще жив? Почему я вижу то, что вижу? Мои глаза не вывалились на щеки, мне не разорвало легкие, а ноги мои — по-прежнему по щиколотку в синтетическом ворсе коврового покрытия.

Ну техника, ну Космофлот...

Вот что такое, значит, «трансляция оперативного планшета». А я-то думал, из потолка просто пара видеокубов опустится...

Стены, потолок и даже большая часть пола вдоль стен полностью растворились в грандиозной голографической модели мирового пространства вокруг «Юнгера». Мебель и та часть пола, на которой эта мебель находилась, при помощи «хамелеоновой» технологии слились с обступившей нас чернотой и напрочь перестали восприниматься как что-то чужеродное космосу.

В кои-то веки Воины Обновления продемонстрировали нечто, отдаленно напоминающее испуг.

— Шибальба! — сдавленно вскрикнул молодой Хозяин Слов.

— Альмесовы мороки, — успокоил его Вок, но и его голос немного дрожал.

На том, впрочем, все «дикарские» испуги вперемежку с восторгами и закончились.

Ну хорошо... Я присмотрелся к окружающему нас вселенскому великолепию повнимательнее. Звезды всякие там, Млечный Путь в диковатом ракурсе, пара туманных цацок Магеллановых Облаков — всем этим удивить меня было непросто.

А вот что тут у нас поближе? Ага, Грин — вот он, далеко справа, над ухом то есть у Вальдо. Зеленовато-серый шарик, располосованный облаками. Судя по размерам шарика, «Юнгер» уже изрядно от него удалился — на пять-шесть диаметров планеты.

Ну а что там у нас впереди? Где, собственно, пресловутая яхта?

А вот яхты как таковой при сохранении оптических масштабов я увидеть, конечно же, не мог. То есть если бы я действительно вывалился из рейдера хоть и с пехотным биноклем в лапах, даже крошечной звездочки, светящейся пылинки не разглядел бы.

Слишком далеко потому что. Разрешающей способности ну никак не хватило бы! На таком расстоянии и пятикилометровый трезубец крейсера-носителя ушел бы в геометрическую точку.

Но для того-то и нужны оперативные планшеты — громадные голограммы, которые создаются бортовыми компьютерами на осно-

вании самой разной информации, поступающей одновременно и из корабельной базы данных, и от средств наблюдения.

Гравитационные сканеры, обычные радары и сверхмощные оптически-лазерные телескопы в разных ЭМ-диапазонах, с разными скоростями и на разных дальностях собирают информацию в радиусе нескольких сотен миллионов километров вокруг корабля. Все сведения суммируются, обрабатываются, классифицируются как мусор и как нечто ценное и ложатся в основу той картинки, которую выбросят бортовые компьютеры на оперативный планшет.

И разумеется, бортовой компьютер старается подать всю собранную информацию как можно нагляднее.

Поэтому яхту кровернов все мы увидели.

Красная мушка, заключенная в два вложенных мерцающих треугольника, с виду неподвижно висела прямо по курсу «Юнгера».

Тактическая информация под треугольниками сообщала, что дальность до объекта — 17.6, скорость его 0.04 с, а прогнозируемое время выхода на дальность торпедной атаки — 57.

Много было и другой цифири, но в ней я уже совсем ничего не понимал. А тут было ясно, что уже через минуту Голдсмит получит возможность засадить по супостату торпедой. Если, конечно, пожелает. Потому как вроде бы до этого речь шла о захвате, а не об уничтожении кровернов.

Жаль, пузырей не увижу. Если Голдсмит выпустит настоящую аннихиль-торпеду, от яхты останется только свет и тучка обломков размером с гречневое зернышко.

Кроверны — двухсредные существа. Они в состоянии поглощать необходимые для их метаболизма аммиак, кислород и углекислоту как из воды, так и из воздуха. Но все-таки их родная «атмосфера» — вода. Ядовитая для земных существ вода.

И потому — да-да! — их летательные аппараты и космические корабли заполнены водой, им так комфортнее. Правда, кровернам все равно приходится возить с собой дополнительные запасы сжиженного родного воздуха, чтобы обогащать воду всякой полезной для них дрянью вроде того же аммиака.

Поэтому-то поврежденный корабль кровернов и начинает «пускать пузыри». Из пробоины хлещет вода, которая, разумеется, сразу же рассыпается в вакууме на мириады мелких ледяных шариков.

Иногда, если дело происходит в окрестностях звезды с мощным корпускулярным излучением, такой поврежденный корабль становится похож на маленькую лиловую или золотистую комету.

Один лейтенант ВКС уверял, что это жутко красивое зрелище. Правда, редко кому удавалось увидеть его воочию: обычно атако-

ванный корабль сразу разлетается на кусочки поменьше молекулы. А такие вот нефатальные повреждения, как обычная пробоина, наносят только спецбоеприпасы.

— Оставьте кровернов, — еще раз повторил Вок.

Но было поздно.

Треугольники вокруг красной мушки полыхнули ярким серебристым светом и замерцали часто-часто.

Дальность — 14.5, прогнозируемое время выхода на дальность торпедной атаки — 0.

«Цель захвачена», — сообщил оперативный планшет.

Он еще и говорящий, а как же!

«Стопорные торпеды выпущены».

Прогнозируемое время подрыва — 47...51. Это была очередная надпись, которая вкупе со старыми загромоздила уже изрядный кусок звездного неба вокруг тактической отметки несчастной кровернской яхты.

Интересно, как выглядели планшеты наших кораблей во время бойни у Глокка? Когда десятки, даже сотни целей мельтешили повсюду? Небось у капитанов и комендоров мозги просто плавились... Или в таких случаях управление полностью перебрасывается на компьютерные системы?

Хорошо быть простым пехотинцем! Меня такая ответственность просто расплющила бы, как видеокуб — таракана.

— Что такое «стопорные торпеды»? — спросил я у Вальдо.

— Забавная придумка, — хмыкнул тот. — У них кластерные боевые части. Каждая серия кластеров имеет свою начинку. В некоторых — графитовая пыль, в других — ледяная, в третьих — какой-то тяжелый инертный газ, кажется, ксенон. Идея в том, что торпеды эти не рассчитаны на прямое попадание. Они взрываются впереди по курсу цели, создавая своего рода «карманную туманность» из всякого микроскопического мусора.

— Ну и зар-раза! — хохотнул Свечников, который уже сообразил, к чему клонит Вальдо.

А я вот тупой. Я не понял.

— Ну и что?

— Да то, что противометеоритная защита легких кораблей не рассчитана на такие плотные по меркам вакуума облака! Они рискуют просто сгореть, как сгорают метеоры даже в верхних, разреженных слоях атмосферы! На тех бешеных скоростях, с которыми летают космические корабли, ни о каком энергичном маневрировании речи быть не может, верно? В лучшем случае — только о попытке отвернуть от ядра искусственной туманности в сочетании с эк-

стренным торможением, во время которого уши выворачиваются на щеки, а ресницы превращаются в щетку из свинцовой проволоки! И даже тогда ничего хорошего кровернам не светит. Параметры подрыва кластерных боевых частей задаются милитумами торпед, а это хитрые бестии, их не обманешь. Даже включив полный реверс тяги, кроверны влетят с разгону в нечто вроде головы небольшой кометы! И знаешь, что произойдет?

— Сгорят, наверное, — неуверенно предположил я.

— Именно «наверное», — ухмыльнулся Вальдо. — Я тоже не знаю — что конкретно. Если им сильно не повезет — сгорят. А могут просто получить множество пробоин... Пустят пузыри... Система жизнеобеспечения откажет... А тут уже и мы подлетим, стыковочные серверы включим...

«Первая инициирована... вторая инициирована... третья инициирована...»

Итак, торпеды взорвались.

— Вы своего добились — кровернам сейчас больно, — неодобрительно заметил Хозяин Слов. — Но они еще живы. У вас еще есть возможность избежать смертей — своих и чужих. Передайте хип-водительнице эти слова.

Скорость цели — 0.01 с. А расстояние — совсем уже плевое, всего-то 6.5.

Мы уверенно настигали неприятеля.

Я покосился на Вальдо. На его лице отразилась ожесточенная борьба весьма противоречивых чувств.

С одной стороны, он явно был захвачен погоней и боем. Не говоря уже о том, что, наверное, Вальдо был готов правую руку отдать, а может, и ногу в придачу, за то, чтобы захватить яхту и пообщаться с пленными кровернами, хоть бы и на языке жестов.

С другой стороны, слова Шбаланке вернули Вальдо из Пространства обратно на борт корабля. Да и меня они заставили призадуматься, если честно.

В самом деле, если Воины Обновления мгновенно смогли учуять в неопознанном объекте яхту кровернов, то, может, они и другие корабли кровернов, как бы это сказать, «слышат»? Может, не врут «боги Яшкина»?

Вальдо наконец принял решение:

— Корветтен-капитан! Сколько времени потребуется на сближение с яхтой и на ее захват?

— Десять — пятнадцать минут.

— Вы можете точно оценить ее размеры?

— Да. Мы получили телеметрические данные, переданные с борта стопорных торпед перед подрывом. Объект имеет сто пятнадцать метров в поперечнике, предельную высоту — девятнадцать.

— То есть целиком он в док-камеру «Юнгера» не поместится?

— Почему же? Если выбросить за борт оба планетарных катера и сложить переборки между боксами — поместится. Но я на это никогда не пойду. У нас нет специалистов, которые могли бы гарантировать полное выключение всех энергосистем трофейного корабля. Останется риск, что мы имеем дело с миной замедленного действия.

— Таким образом, мы можем рассчитывать только на досмотр яхты, захват отдельных предметов и в самом лучшем случае — парочки вареных кровернов?

— Именно так.

— Тогда я повторяю свое пожелание: изменить курс, выйти на разгонный трек и немедленно убраться отсюда, даже не пытаясь сблизиться с поврежденным кораблем неприятеля.

Но ответить Голдсмит не успела. Потому что снова по коридорам и боевым постам «Юнгера» разнеслись трели «Синей тревоги».

Трансляция оперативного планшета автоматически прекратилась. Секретность, всюду секретность, будь она неладна! В самом деле, а вдруг в Пространстве появилось что-то *эдакое*? Чего зреть не положено даже таким непростым смертным, как Вальдо?

Вместо звезд нас снова окружал обычный пластик «под ясень». И нервное мерцание синих огней тревоги.

— Из растворения собрались два больших хипа кровернов, — сообщил Хоб-Тох. — Они пришли помочь своему маленькому брату.

— Незрячие, глухие люди Хищного Тулана накликали беду, — грустно пробормотал Вок.

— Голдсмит, дайте трансляцию! — крикнул Вальдо.

Интерком не удостоил его ответа.

— Не только кроверны. Я слышу и посланцев небес тоже. Они пришли, чтобы увидеть, как погибнет хип людей Хищного Тулана, — сказал Шбаланке и вопросительно поглядел на Вока. Кажется, по его мнению, это в высшей степени информативное заявление содержало нечто важное.

Вопросительно поглядел на Вока и Хоб-Тох.

Вок едва заметно кивнул.

— Я хочу, чтобы нам вернули наши вещи, — сказал Хозяин Слов.

— Какие такие вещи? — В мыслях я уже составлял завещание.

Мою любимую музыкальную зубную щетку — Джонни, живую копию «Завтра́ка на траве» — Загу (хотя на фига ему живопись?), а

дневник, который я вел в последнем классе школы, — маме, будет над чем порыдать. Эверту Вальдо и Тайше я не завещал ничего — им не пригодится. Было ясно: «два больших хипа кровернов» не оставят от нашего рейдера и воспоминания.

— Вещи — это сумки. С которыми прилетели сюда Тепеу, Шкик, Шканиль и Чи.

— В сумках Дым Легкой Смерти, да? Тогда оставьте мне пару затяжек!

— Глупый человек, — усмехнулся Вок. — Легкая смерть может прийти к искусному воину безо всякого дыма. Искусный воин попросит тело — и тело сделает. Но ты угадал: дым в наших сумках есть. И многое, кроме дыма.

— Выдайте им все, что они просят, капрал. — Вальдо был сер с лица и очень нервен.

И то подумать: в любую секунду «Юнгер» может исчезнуть в светозарном смерче абсолютного распада, а нам даже не позволяют поглядеть своей смерти в глаза!

Дела шли так плохо, что я даже не стал проверять содержимое сумок. Если б там лежали какие-нибудь хитроумные отравленные иглы, Воины Обновления могли бы запросто всех нас прикончить.

Впрочем, о таких глупостях, как отравленные иглы, может думать только человек Хищного Тулана. А мудрые Воины Обновления думали совсем о другом.

Как только сумки вернулись к законным владельцам, Хозяин Слов и Хозяин Знания бесцеремонно вывороти ли их содержимое прямо на белоснежные ковры кают-компании.

Вот что я успел заметить и узнать:

— два старых четырехмерных компаса центаврианского производства;

— много маленьких завязанных мешочков, размерами от шарика для пинг-понга до грейпфрута;

— корешочки длинные-тонкие и короткие-толстые во множестве;

— начатую упаковку обезболивающих таблеток «Элизутал»;

— тонкие дощечки с картинками, похожими на те, которые мы видели в подземном храме;

— несколько мелких белых костей;

— семь магазинов для разного стрелкового оружия;

— тростниковые не то дудочки, не то пневматические ружьишки;

— не меньше восьми курительных трубок;

— деревянные ларцы — тоже не меньше восьми.

Больше я не успел опознать ничего, хотя там было до чертей подозрительных и просто-таки пугающих предметов.

Например, мокрое красное нечто, удивительно похожее на свежевырванное и притом живое сердце. Хотя как оно могло остаться свежим, а тем более живым, а?

Или вот пара каких-то крючков и кусок металлической мелкоячеистой сетки. Психопатический дизайн этих предметов недвусмысленно указывал на то, что перед нами — плоды технологии кровернов. Зачем они варварам — эти крючочки и сеточки? Рыбу ловить?

Или, наконец, желтые яйцеобразные штуковины со сморщенной поверхностью. Я бы сказал — лимоны, если б только эти «лимоны» не... пищали!

Короче говоря, по всему было видно: Отряд Обновления на славу подготовился к своей судьбоносной миссии.

Быстро-быстро замелькали руки Шбаланке и Хоб-Тоха. Через несколько мгновений все ненужные предметы собрались отдельной кучей в сторонке. Тепеу и Чи принялись без разбору рассовывать их по сумкам.

Больше ничего я разглядеть не успел. Но и Шбаланке с Хоб-Тохом не дали мне заскучать.

Первым делом Шбаланке проглотил тот алый комок, который в первое мгновение показался мне живым сердцем. После этого — как я почему-то и ожидал — Шбаланке упал на спину. Он раскинул руки-ноги и впал в транс. А может, притворился — не берусь судить.

Хоб-Тох тем временем распотрошил два мешочка размером с апельсин. На ковре образовались две горки пудры — черной и красной.

Хлоп-хлоп — пудра взвилась в воздух, цвета частично перемешались. После чего сушеная отрыжка небес удивительно быстро осела на ковер, образовав не менее удивительный узор.

Вроде бы пятно как пятно. Но красные и черные нити, рукава и островки на ковре при определенной фантазии, особенно если расфокусировать зрение, можно было принять... можно было принять за стилизованное человеческое лицо!

Подозрительно напоминающее лицо Шбаланке, черт возьми!

Совпадение, ясное дело. Вся наша жизнь — череда совпадений. То унылых, то жутких.

Теперь в ход пошла пудра из других мешочков. Хоб-Тох ловко оконтурил «лицо» желтым кругом. Заключил круг в черный квадрат. В тех местах, где у «лица» угадывались глаза, разместил два черных камешка. А в змеистый «рот» — верхняя губа черная, нижняя красная — вложил плоский лопатообразный корешок нежно-розового цвета.

Ага, вот и язык появился. Можно, значит, говорить.

«Небеса-небеса, вас вызывает Отряд Обновления. Спасайте наши задницы! Как слышите? Прием...»

Шутки шутками, но мне было не до шуток. И даже если бы кайфующий Шбаланке в тот момент повторил эту чушь дословно, я бы не захихикал. Не прыснул в кулак. И даже не ухмыльнулся бы.

«Юнгер» трясся, как припадочный меоравиоль после плотного завтрака штурмовым пехотинцем.

Где-то за стеной потрескивали сервоприводы перезарядки торпедных аппаратов. Потом раздалось несколько глухих щелчков. Не то мы дали торпедный залп, не то уже потихоньку посыпались переборки.

Сила тяжести, которая с самого начала преследования тысячеклятой яхты, по моим субъективным ощущениям, болталась в районе полутора-двух g, неожиданно уменьшилась и вернулась к привычной норме.

Похоже, заработал МУГ-конвертер.

Ой-ой-ой! Да это же значит, что маршевые двигатели, предназначенные для прокола Альбертовой сетки Пространства, гонят рейдер по прямому как игла разгонному треку. Ни о каком маневрировании теперь не может быть и речи! Мы сейчас — идеальная мишень!

Потому что даже с учетом запаздывания света и нелинейных эффектов мы полностью *вычислимы*. Принять правильное упреждение в таких условиях сможет даже престарелый кретин сенатор из Комиссии По Борьбе с Кариесом, если только на его наручных часах есть немодный нынче калькулятор. Один выстрел в расчетную точку пространства — и нас больше нет.

Актуальное ускорение относительно Альбертовой сетки тем временем быстро завинчивается до десятков и даже сотен g.

Такие перегрузки превращают человека в громадный блин толщиной полтора-два миллиметра. Да и несущие конструкции корабля должны «потечь» внутрь самих себя. Обитаемому модулю, например, с космической скоростью положено улететь в зону вакуумтрансформаторов прямо сквозь иридиевые изоляционные плиты.

Для того-то и нужен МУГ-конвертер, чтобы обмануть законы природы и преобразовать в районе корабля гравитационную компоненту мирового поля в световое излучение. «Выпарить массу», как говорят заправские волки Пространства.

О, со стороны это зрелище! Корабль, берущий разгон для прокола Альбертовой сетки, выглядит словно взбесившаяся звезда.

Кванты, кварки и «парные фотоны» всех цветов и энергий хлещут мегаэргами. Нити «вакуумного газа» закручиваются спиральными протуберанцами.

Корабль-звезда подмигивает и мерцает. Меняет цвет от тусклокрасного до аквамаринового и лилового. Сжигает подвернувшиеся кометы вперемежку с метеорами и астероидами.

Трещит борода Белого Космоса. На семантической изнанке Вселенной мамочка рожает обратно Мирового Змея.

«Все всадники Апокалипсиса в одной упряжке», — так говаривал по этому поводу мой папаша.

В кают-компанию ворвался Вальдо. А я и не заметил, что он выходил.

— Черт, они были совершенно правы! Со-вер-шен-но! Мы — глухие и слепые кретины! Со всеми своими радарами и детекторами масс, с радиоперехватом и фотометрией — да мы просто глухари, слепошарые кроты, чер-рви! У нас «на хвосте» — два линейных крейсера кровернов класса «Каравелла»! «Юнгер» выпустил все фантомы, какие были на борту, и только благодаря этому мы пока что живы. Но самая свежая новость! Внимание! Еще два неопознанных объекта — спереди по курсу, на острых носовых углах! Кто угадает, что это за объекты — тому приз: золотой гроб и хрустальные тапочки!

— Эверт, сколько у нас времени?

— Секунды две. Шутка. До прокола сетки осталось... — Вальдо мгновенно переключился с истерики на холодную деловитость и скосил глаза на часы, — ...шесть минут пятнадцать секунд. Но уйти в подпространство мы не успеваем. По самым оптимистическим расчетам, нам осталось жить минуты три.

Воины Обновления на слова Вальдо не отреагировали.

Может, просто не видели смысла захламлять последние мгновения жизни общением с дураками из Хищного Тулана.

Они были полностью поглощены своим камланием. Которое после рисования картинок и просыпания порошков свелось к негромкому мычанию в нос и попыхиванию табачком из трубок. Курили все, кроме отключившегося Шбаланке.

Что же они все-таки делают? Перед нами сакральный обряд подготовки к переходу в Мир Смерти? Сходка нарков, решивших втемно раскумариться напоследок? Или все-таки нечто иное?

— Да, совсем забыл сказать. Оказывается, тут были и парусники. Они где-то на полминуты показались в нашем поле зрения, а потом всем скопом провалились в подпространство. — С этими словами Вальдо опустился в кресло и застыл.

Что ему ответить, я не знал. Страха не было. В голове вращалась на холостом ходу одна и та же мысль: если бы Голдсмит сразу же прислушалась к словам Воинов Обновления, мы, в своем актуаль-

ном биологическом времени, уже пили бы кофе с видом на навигационные спутники Декстра Порта.

Уж не знаю, какие на то были соображения и куда выбегал Вальдо, но оперативный планшет вдруг включился вновь.

Из-за дыма, который напустили Воины Обновления, картинка вышла сюрреалистическая: казалось, в Пространстве расцвели новые туманности, которые клубятся-эволюционируют с жуткими сверхсветовыми скоростями.

Из-за этой квазикосмогонии я не сразу разобрался где, кто и что. Но потом въехал.

Наш разгонный трек проходил сравнительно недалеко от крупной планеты — кажется, пятой и последней в этой звездной системе. Несколько светло-зеленых пятен на ее оливковой поверхности отчего-то напомнили мне «лицо» из разноцветной пудры, вокруг которого сейчас галлюцинировали обдолбившиеся Воины Обновления.

Не успел я отмахнуться от этой ассоциации, как от крайне неуместной для того последнего гибельного мига, когда «перед моим внутренним взором» должна «пронестись вся моя жизнь», как зловещее мерцание тактической разметки полностью завладело моим вниманием.

Вот они: наши расстрельщики, наши могильщики.

Истерика Вальдо имела под собой более чем уважительные основания: это действительно были два свежих корабля кровернов! Компьютеры их уже опознали и разукрасили стереокартинку своей излюбленной ахинейной цифирью.

Суперприз — золотой гроб и хрустальные тапочки — отходит телезрителю Эверту Вальдо на борт рейдера «Юнгер»!

Если даже мы включим полный реверс тяги, если даже МУГ-конвертер спасет корабль от приливной волны отрицательного ускорения, инерция протащит нас еще очень и очень далеко. На этом пути пять, пятнадцать, двадцать пять торпед нам гарантированы.

А специфика нашей сверхскорости такова, что противокосмическая оборона «Юнгера» не сможет отбить массированную торпедную атаку. Потому что материя корабля уже дрожит на грани двух миров, уже «стекает» в безразмерность подпространства, этой глухой изнанки Вселенной...

Ни лазерные батареи, ни сверхскорострельные электромагнитные пушки в таких условиях работать не могут. Их, если угодно, в привычном смысле слова уже «нет». Как, впрочем, и нас.

Если же мы продолжим разгон, то получим все те же торпеды, но еще в два раза быстрее.

— Прекратите материться, капрал.

Голос принадлежал Свечникову. О его существовании я и вовсе успел позабыть.

Кто матерится-то? Какой капрал? Я, что ли?

— А в чем, собственно, дело? — окрысился я. — Вы хотите произнести подобающую случаю речь?

— Серж, давай помолчим, — миролюбиво предложил Свечников.

Разумно, конечно. Не хватало еще устроить мочилово посреди собственного погребального костра.

Цифры.

Клубы дыма.

Гудение и пришепетывания Воинов Обновления.

Ползущие в Пространстве роковые отметки.

Размеренная болтовня оперативного планшета.

У меня закружилась голова. Поплыл фокус зрения.

От дыма ли, от работы ли МУГ-конвертера начало ломить в висках. Я поднес к глазам показавшуюся невесомой ладонь.

Сморгнул. Ладонь, кажется, чуть-чуть просвечивала.

Что-то легонько толкнуло меня в висок. Я повернул голову. Это был автоматический пистолет, который парил столь же свободно, как и мешки Воинов Обновления, как и пепельница в окружении кордебалета бычков.

Невесомость. Один из симптомов близости прокола Альбертовой сетки и ухода в подпространство. Но почему так быстро?

Я скосил глаза на часы. Э, да по расчетам Вальдо, нас уже должны были грохнуть! Что происходит?!

Согласно моему внутреннему чувству времени, куда-то провалились три с половиной минуты.

Я вскочил и, конечно же, влетел головой в потолок. Вот теперь я испугался!

Ладно — потерять сознание, а потом прийти в себя. Но я не зафиксировал, я вообще не заметил того момента, когда мое сознание выключилось. И когда включилось. А вот это уже страшно: полная потеря чувства личности и чувства действительности.

Может, нас уже прикончили? Может, по ту сторону жизни все-таки что-то есть?

Даже оперативные планшеты там есть, вот что. «Еще две плотные группы парусников. Оценка: пятьдесят — семьдесят в каждой», — сообщил планшет.

У меня отвалилась челюсть. И продолжала отваливаться дальше, потому что планшет тараторил без умолку. Теперь уже на два голоса — мужской и женский.

Включился, значит, параллельный канал звуковой индикации — один голос не успевал озвучивать весь этот цирк.

«Три новые плотные группы парусников. Курсовые углы... азимут... скорость...»

«Контакт с целью четыре потерян...»

«Гравитационный фон неконтрастен. Селекция целей невозможна...»

Там, где я до этого видел наших расстрельщиков, сияли два громадных новоявленных шаровых скопления. Из-за разновсяческой тактической разметки разобраться в деталях было невозможно. Но общий смысл мало-помалу прояснялся: в Пространстве происходила грандиозная сходка парусников.

Может быть — крупнейшая из когда-либо зафиксированных с борта корабля Содружества.

И вот что удивительно: для своей вечерины парусники не нашли места лучше, чем на директрисе огня кровернианских крейсеров.

Кровернам пришло время стрелять, да. Но вместо рейдера «Юнгер» они могли рассчитывать подстрелить только парочку субматериальных существ. И я не думаю, что их прельщала перспектива иметь дело с сотней-другой жителей Пространства, каждый из которых сейчас пылал и искрился, как дредноут с включенным МУГ-конвертером.

Парусники танцевали свое космическое танго. Дирижировал, похоже, Шбаланке...

Глава 13

ПОЛТОРА ЧАСА КИДНЕППИНГА

Информация — горючее операции.

«Военные каламбуры».
Сборник под общей редакцией
контр-адмирала
Гремауна Клот Гремауна

Ходят басни, что после актуализации корабля в Альбертовой сетке пространства пассажиров тошнит.

Некоторые уверяют, что у молодых появляются седины, а у старых возможны микроинфаркты. Один тип наркозависимого вида в космопорту Анагравы однажды жаловался, что у него после прыжка перстень сжался и врос прямо в палец.

Может, что-то такое и случается иногда, но по моему личному опыту — чушь. Выход из подпространства — процедура безболезненная и безопасная.

Неприятности в другом: первые несколько минут после актуализации корабль находится в состоянии полной невесомости.

Если летишь комфортабельным пассажирским лайнером под присмотром блудливых стюардесс или если боевой корабль совершает степенный, плановый оперативный переход из одного сектора Пространства в другой, невесомость толком даже распробовать не удается. Для того и придуманы капсулы, в которые приличные люди обязательно залезают перед переходом, чтобы ни о какой невесомости не заботиться. И покидать капсулу следует только тогда, когда корабль при помощи двигателей и МУГ-конвертера восстановит баланс искусственной тяжести и естественного ускорения в районе нормы.

А вот если корабль гонялся за неприятелем, а потом сам подставился своре вражеских крейсеров, если гробы были единственным родом капсул, о которых заходил разговор, — яхху! Летай по каюткомпании и не обижайся, если кто-то с непривычки залепит тебе сапогом в ухо.

Вторая неприятность — сугубо психологическая. Самый сложный объект, который находится на космическом корабле, — человеческий мозг.

Когда инвариантный полевой кокон входит обратно в Альбертову сетку и корабль вместе со всем содержимым «разворачивается» в привычные трехмерные объекты, человеческий мозг воссоздается с крошечным запаздыванием. Но этого запаздывания хватает, чтобы сознание *отследило* свое собственное «разворачивание».

Вот тут-то как раз и проносится «вся жизнь». Или, точнее, самые бронебойные и душераздирающие ее фрагменты.

У разных людей это происходит по-разному. Кто-то орет, как новорожденный, которому перерезал пуповину неласковый доктор. Кто-то взахлеб плачет — вспомнил, как его в трехлетнем возрасте папа ремнем по заднице обидел. У кого-то радость: воскресла мимолетная влюбленность в соседку по парте и она, о чудо, кажется, отвечает взаимностью, недаром же ручку просит и врет, что свою дома забыла...

Процент разводов с последующим новым браком у людей, часто летающих на кораблях межзвездного класса, выше, в несколько раз выше, чем у домоседов. Из-за этого и возникли две знаменитые басни, оптимистическая и пессимистическая. Дескать, подпространство — ура! — повышает потенцию. И — о ужас! — вызывает сумасшествие.

А я после прыжка всегда веселею. Уж такими, видать, счастливыми были мои младенчество и детство.

— Есть! Мой палец! Еще один! Моя ладонь! Рука! Нога! — Я был в экстазе.

Вопил я в левом верхнем углу кают-компании, между заключенными в прозрачные эллипсоиды моделями «Юнгера» и флагмана Пятой Эскадры крейсера-носителя «Конквест». В угол мое новорожденное тело занесло после того, как меня брыкнул Кизи Кен Аман, переживающий актуализацию в припадке мрачного буйняка. «Куда ты дел деньги, сука! Куда ты дел деньги, сука!» Вот у него детство, наверное, не сложилось.

— Я знаю буквы! Меня зовут Сережа! Я люблю коньяк и мороженое!

Воины Обновления не оправдали моих ожиданий. Я уже успел привыкнуть к их собранности и спокойствию. К их «психической стабильности». В глубине души я уже признал, что их мудрость и особые навыки во многих случаях позволяют добиться большего, чем наши сверхпродвинутые технологии в сочетании с самонадеянностью и наивностью.

Но прыжок их доконал. А может, в том было виновато магическое действо в секторе Грина.

Все они — и мужчины, и женщины — издавали замогильные клокочущие звуки, кувыркались и складывались-раскладывались, как химерические человекообразные креветки. Только Шбаланке в этой эпилепсии участия не принимал, а медленно дрейфовал под потолком в мою сторону, словно утопленник из Копей Даунинга. Похоже, он по-прежнему находился в сильно измененном состоянии сознания.

В меня врезался Вальдо. Я заключил его в дружеские объятия быстрее, чем успел обдумать эту идею как следует. Ведь капитану аналитической разведки подобное панибратство со стороны капрала может показаться оскорбительным! Да-да!

— Мы их сделали! Эверт, у тебя вся рожа черная! Ты на черта похож!

Вальдо не обиделся. И в свою очередь сжал меня так, что захрустели мои бедные косточки. И тихо-тихо сообщил мне на ушко:

— Серж, я в тебе не ошибся. Вот тебе намек: ты никогда не спасся бы с Глокка, если б с тобой не было девочки. Остальное — домыслишь. Ты не такой дурак, каким иногда пытаешься казаться.

Судя по неуместной трезвости мыслей, Вальдо принадлежал к редчайшей породе людей, у которых все комплексы были перерабо-

таны и интегрированы в цельную картину мира. Ха, а я и впрямь не такой дурак!

Тут, быстрее чем я ожидал, появилась нормальная тяжесть. Мы с Вальдо грохнулись на пол, как влюбленная парочка — в койку. Не размыкая объятий.

И только оказавшись на полу и обретя относительную ясность сознания, я заметил, что на потолке... На потолке — та-акое...

Прежде своей гладкостью и прозрачной голубизной потолок наводил на мысли о закрытом заведении для солдат, получивших психическую травму индекса F (Fatal) во время боевых действий в Пространстве. Теперь же на нем проявился кое-какой дизайн, в духе немодного в последнее десятилетие ретростиля «этно».

На потолке красовался тот самый ритуальный знак, который во время встречи с кровернами напоминал мне лицо Шбаланке. С немыслимой, запредельной внятностью.

Казалось, в какой-то момент красная и белая пудра, камешки и корешок-язык со скоростью активной пули сорвались с ковра вверх и вплавились в несгораемый и, между прочим, тугоплавкий пластик потолка!

Вот так. Хорошо еще, ритуальный знак-«лицо» не прошел через весь «Юнгер» насквозь.

В кают-компании царил жутчайший бардак. Пепел из внушительных трубок Воинов Обновления после сеанса невесомости покрыл неряшливым налетом кресла, диванчики и столы.

Один из их мешков, видимо, был завязан неплотно, и теперь его неаппетитное, скользкое содержимое, похожее на рыбью чешую, попадалось под ноги в самых непривычных местах. Прикасаться к попискивающим лимонам и кровернским крючочкам мне было как-то боязно.

Воины Обновления потихоньку приходили в себя, растирая поясницы и ушибленные колени, когда в кают-компанию ворвалась Голдсмит.

Свечников сразу же вскочил и вытянулся во фрунт:

— Взво-од... Равняйсь! Смирно!

Мы повскакивали на ноги, хотя взвода было всего ничего. Гайдамака и наши боевые подруги отсутствовали. Они провели все время боя с кровернами в душевых кабинах, куда их милостиво отпустил Свечников сразу после возврата власти на «Юнгере» в наши руки.

У меня у самого все тело зудело и чесалось — последний раз я мылся, так сказать, вместе с Тайшей Вассерфаль. Учитывая, что после этого мы мотались по Грину, катались на динозаврах и тэдэ, я вонял, как стретorианский болотный скунс.

Ну ладно. Настоящий солдат, как говаривал в свое время душка Зигфрид, должен быть сильным, свирепым и потным кабаном. Хочешь быть чистеньким — устраивайся работать референтом к звезде трансвидения. Если пройдешь тест на тренированность анального сфинктера, конечно.

Голдсмит была насуплена и сердита. В первое мгновение мне даже показалось, что она жаждала геройской смерти в неравном бою, а нечаянное спасение сломало ей весь кайф.

— Сениора корветтен-капитан! Отдельный взвод номер двести тридцать два приветствует командира корабля в зоне актуализации! Благодарим за приятный прыжок! — отчеканил Свечников стандартные формулы межзвездного этикета.

— Благодарим за приятный прыжок! — гаркнули все мы.

— Благодарю за приятный прыжок, корветтен-капитан, — прижав ладонь к сердцу, поклонился Вальдо.

Так повелось еще со времен Раннего Освоения. Любой старший офицер, находящийся на борту, любое подразделение любой армии — не обязательно правительственной — после прыжка обязаны выразить благодарность командиру корабля за удачный прокол Альбертовой сетки и последующее возвращение из вселенского Ничто к новой жизни.

Голдсмит сдержанно кивнула и вошла. Брезгливо поглядывая себе под ноги, как бы вступить в чешую и не наступить на какой-нибудь из загадочных предметов, заполонивших ковер, она прошла к настенному шкафчику бара.

Команды «смирно» от нее пока что не последовало.

Медленно поворачиваясь на каблуках вслед за капитаншей, мы, в соответствии с командой «равняйсь», по-уставному пожирали ее глазами.

Отвлекшись на секунду от пожирания, я сделал пару отчаянных знаков Воку. Дескать, старик, ну что же ты, ну скажи «спасибо», ну что тебе стоит.

Вок степенно повел бровями. Мол, понимаем, не варвары.

Голдсмит взяла стакан, плеснула себе рому и осушила его одним залихватским глотком. Налила еще и, смахнув с одного из ближайших столиков пепел, уселась на него, фривольно заложив ногу за ногу. Ноги у нее были сильные, мясистые, обтянутые черными «волосатыми» колготками, какие носят шлюхи вроде Лейлы. Ну да ей, капитанше, можно хоть «ню» расхаживать — никто и не пикнет...

— Ты вела себя неумно, хип-водительница, — прокаркал Вок. — Но все равно Отряд Обновления благодарит тебя. Мы уважаем чужие обычаи, даже когда считаем их глупыми.

Голдсмит невозмутимо пригубила рому.

— Я семнадцать лет летаю на боевых кораблях Космофлота. Я горела на «Черном Принце» в пекле Ругеланской битвы. Во время «дела трапперов» я два года выслеживала базы браконьеров на фрегатах «Лейбниц» и «Чаттануга». Я стала третьим капитаном Космофлота, которому удалось самостоятельно уничтожить крейсер кровернов.

Голдсмит хлебнула еще и наконец отставила стаканчик в сторону.

— Вы не знаете, что такое «дело трапперов»? — осведомилась Голсдмит у Вока. — Не знаете, — ответила она сама себе. — Всякое отребье сбилось в банду, которая переоборудовала две гражданские яхты в корабли-охотники. При случае они грабили небольшие пассажирские и транспортные корабли. Нападали на слабо защищенные колонии. Но главное — они вели незаконный отстрел парусников. Знающие люди, точнее, нелюди, потому что такие промыслы — прерогатива негуманоидных цивилизаций, — умеют делать из парусников удивительные вещи. Какие — я вам не скажу. Когда мы выслеживали трапперов, я видела много, очень много этих межзвездных бродяг. Мы проходили мимо гнездовий парусников в кольцах планет-гигантов и поясах астероидов. Однажды разведывательный катер с «Лейбница» попал под свертку молодого парусника и мы потеряли двух пилотов вместе с машиной. Я не люблю этих тварей, холодных и глупых, как звезды. Я и сейчас не верю, что их можно считать живыми существами, хотя видела своими глазами, как они размножаются. Это ничего не доказывает, потому что айсберги тоже «рождаются» из ледников, а элементарные частицы — удваиваются.

Голдсмит поиграла стаканом, подбивая его легонько указательным и большим пальцами. Стакан заскользил по столешнице: вперед-назад, туда-сюда.

— Но я никогда раньше не слыхала, чтобы парусники садились на планету с атмосферой. Вчера я видела это своими глазами на Грине. Я никогда не встречала косяков из ста особей, которые вели себя разумно, точнее, целесообразно. Я по-прежнему не верю, что они разумны. Но я не стану отрицать, что они управляемы. Пока я вела бой, из кают-компании на ИНБП-один велась встречная трансляция. Краем глаза я видела, что здесь творилось. И я вынуждена признать, что без вашей помощи, — Голдсмит указала пальцем на Вока, — «Юнгер» был бы уничтожен одиннадцать минут назад; по нашему биологическому времени, конечно.

— Это мы знаем, — степенно кивнул Вок. — Не было нужды сообщать всем известное.

Но Голдсмит, видимо, уже привыкла к той манере, в которой Хозяин Намерений ведет разговоры с людьми из Хищного Тулана. Или

пережила настолько сильный стресс, что перестала обращать внимание на подобные мелочи. Короче, она проглотила это хамство, не поведя бровью.

— Я пришла, чтобы сказать: я признаю, что сильно заблуждалась относительно вашей чумной команды. Также я признаю вас в качестве полномочного посольства вашего народа. И готова серьезно рассмотреть все ваши соображения насчет того, как нам справиться с кровернами.

Голдсмит, увы, не поняла притчи — это даже я сообразил. И Вок не замедлил указать ей на это:

— Мы не воюем с кровернами. Мы не собираемся с ними «справляться». И не советуем делать это людям Хищного Тулана.

Повисла неловкая пауза.

И что бы они все делали без капрала Сержа ван Гримма, а? Может, пора мне в Нижнюю Палату баллотироваться?

— Сениор ворэнт! — выпалил я. — Разрешите обратиться к сениоре корветтен-капитану!

— Разрешаю, капрал.

— Сениора корветтен-капитан! Война с кровернами — это наше дело, дело Содружества. Народ Яшкина не враждует с кровернами. Единственное их желание: встретить Мастера Мыслей кровернов и поговорить с ним. Но, сениора корветтен-капитан, я полагаю, что Содружество сможет извлечь большую оперативную и политическую выгоду, если поможет Воинам Обновления.

Эверт Вальдо щелкнул пальцами. Его лицо выражало нечто среднее между согласием, досадой и одобрением.

— Именно это я и хотел сказать, Голдсмит. Слово в слово.

«Юнгер» болтался на дальнем рейде Декстра Порты, а это значило, что у меня снова солирующая партия. Под названием «Серж ищет Вукуб-Цикин».

Я сидел перед видеофоном, напряженный и гладко выбритый. Вальдо даже настоял, чтобы я надел парадную форму — для солидности. Я знал, что в парадной форме похож на альфонса, находящегося в режиме поиска богатых старушек, но все-таки послушался. В последнюю неделю я вообще стал послушный, как кибермех. Уж больно все кругом крутые.

В глубине кают-компании, вне фокуса камеры, расселись майянцы и наши лоботрясы. Всем было интересно — даром что их общество меня сильно смущало.

— Пехотный госпиталь?

— Да. Доброго времени суток.

— Взаимно. Я хочу справиться о состоянии здоровья ребенка, девочки.

— Кем она вам приходится?

— Племянницей моей сестры, — соврал я.

— Назовите ваше имя, должность, имя девочки и свой идентификационный номер. — Дежурный медбрат деловито скосил глаза на экран своего милитума.

Я отчеканил всю требуемую информацию. Озабоченно сопя, медбрат начал войну с интерфейсом милитума. Я и вся наша братия следили за манипуляциями информатора со смесью презрения и алчности на лицах. Презирали мы бюрократию, алкали — новостей.

Наконец информатор поднял на меня свои соловые глаза и ответил:

— Прошу прощения, сениор ван Гримм. Но информация, связанная с Севериной ван Гримм, запрещена к свободной циркуляции.

— Это значит, что я даже не могу узнать, где она?

— Извините, конечно, — замялся медбрат. — Я понимаю, это вроде бы полная глупость, но...

— Скажите мне тогда, какой умник засекретил эту информацию? А заодно — как я могу оспорить это решение.

— Я... я... честное слово, не знаю, как вам помочь. Может, вам имело бы смысл обратиться к лейтенанту Валрусу? Только он сейчас вроде бы в отпуске... Тогда, может быть, к сержанту Абу-Касиму? Впрочем, он, кажется, будет только завтра утром, он сейчас в рестора... то есть на совещании.

Все это очень и очень дурно пахло.

У меня даже зародилось нехорошее подозрение, что о мыслительных сверхспособностях моей Северины уже пронюхали ответственные дяди и тети из оперативной разведки.

А ведь права была Аля Лаура, когда говорила мне, что не хочет присваивать девчонке UP индекс, отвечающий за ультрапсихосенситивность! Видать, пришлось Але Лауре этот индекс все-таки присвоить. Под давлением снова-таки ответственных дяденек. И я решил сменить тактику.

— В таком случае мне нужна доктор Аля Лаура Омаи.

— Доктор Омаи на дежурстве, — развел руками информатор.

— Все равно, я настоятельно прошу соединить меня с ней.

— Но у меня нет такой возможности! — Медбрат отвел взгляд, из чего я сделал вывод, что он врет.

— Что значит «нет возможности»?!

— Дело в том, что доктор Омаи в желтой палате. Вы, конечно, не знаете, что такое желтая палата, а ведь...

— Не пудри мне мозги, приятель, — довольно резко перебил его я. — Бывал я в этой вашей желтой палате — и притом неоднократно. И знаю, что у доктора Омаи помимо книжек и цветочков на рабочем столе имеется экран видеосвязи! А вот твои действия можно квалифицировать как саботаж и подать заявку в Особый отдел о твоем служебном несоответствии. Что за ерунда?! Я не только не могу узнать о состоянии здоровья моей девочки, но я даже с лидер-врачом связаться не могу? А ведь терминал видеосвязи на ее столе я видел собственными глазами!

Это был чистейший блеф. В ту ночь, когда мне в единственный раз посчастливилось лицезреть спящую над загадочной книжкой Алю Лауру, мне и в голову не приходило присматриваться — есть там видеосвязь или нет.

Но как бы там ни было, а сработало! Что значит вовремя перейти на «ты». Вот она — волшебная сила наезда! На месте Вальдо я бы диссертацию об этом написал.

Нажевав в экран с полмешка извинений, медбрат попищал своим милитумом. Не прошло и минуты, как я уже смотрел на нее. Или правильнее было бы сказать — «на Нее»?

— Аля Лаура Омаи?

— Да, это я, — близоруко щурясь в экран, отвечал мне предмет моего вожделения. — Извините, а кто это?

— Это Серж! Серж ван Гримм.

Пауза.

— А-а, — наконец-то вспомнила Аля Лаура. — Вы тот парень, который спас IL-RR-67-UP? Как же ее звали, подождите... Северина ван Гримм, правильно?

— Правильно. А потом мы с вами пили бульон в кафетерии.

— Что-то припоминаю... да... конечно, я помню вас! — Аля Лаура приветливо улыбнулась и перебросила волосы с груди за спину.

В ее движениях было так много изящества и силы, что у меня сладко засосало под ложечкой. Мучительно хотелось остаться с ней наедине — хотя бы в рамках этого сеанса видеосвязи.

Но две дюжины пар глаз, следящих за мной из темноты, не предоставляли мне даже такой возможности. Ничего не оставалось, кроме как забыть о личном и перейти к общественному. «Первым делом, первым делом самолеты», — помнится, мой дед по матери частенько напевал этот древний гимн российского космофлота.

— Дорогая Аля Лаура, мне нужно знать, что случилось с ребенком.

— Извините, Серж, но я не вправе разглашать эту информацию. Мой профессиональный долг не позволяет мне...

— Но вы же рассказывали мне о ней раньше! Что же случилось теперь? Неужто этот чертов индекс ей присвоили?

— Вы угадали, Серж, — кивнула Аля Лаура и сразу как-то помрачнела. — Теперь жизнь у малышки будет нелегкой. Тем более что она, по-видимому, сирота. А как сирота с индексом UP, она переходит на особое попечение правительства. Именно вследствие этого статуса — «особое попечение» — я и не могу вам ничего рассказывать.

— Аля Лаура, но я же собирался усыновить ее! Я даже заявку подал на усыновление! — Насчет заявки, которую я «уже подал», я, конечно, соврал. Но в остальном я не кривил душой. — Неужели вы даже не расскажете мне, жива ли девочка, которая находится сейчас в трех метрах от вас!

— Серж, к сожалению, она уже не находится в трех метрах от меня, — после некоторого раздумья ответила Аля Лаура.

— Значит, ее уже эвакуировали на одну из планет Метрополии? Я угадал?

— Если вы так настаиваете... — замялась Аля Лаура. — Видите ли, транспорт «Дайяна» сейчас как раз стоит под погрузкой. Шесть часов назад я лично сопровождала детей, подлежащих эвакуации, до отсека теплой гибернации.

— Значит, моя малютка в норме?

— Конечно! Думаю, на Атрее ей будет куда комфортнее, чем здесь. Там хороший климат...

— Значит, ее эвакуируют на Атрею?

— Да, Серж... На Атрею. Вот я и выболтала вам все, что знала. Но это произошло как-то помимо моей воли! — артистично всплеснула руками Аля Лаура. И лукаво улыбнулась.

Эта улыбка не оставляла у меня сомнений в том, что если бы она *не* хотела выболтать мне сведения о местонахождении Северины, я бы из нее и клещами их не вытащил.

— Спасибо вам, дорогая Аля Лаура. Если бы вы знали, как я волновался!

— Не нужно волноваться, уважаемый...

— Серж.

— Ну да, Серж. С вашей девочкой все будет нормально. Разве что пройдет на пару-тройку тестов больше, чем другие дети...

— Будем надеяться... — Я смотрел на Алю Лауру как завороженный.

Каждый ее жест рождал во мне ураган позитивных эмоций. Каждое ее слово — вдохновляло. Я был готов разговаривать с ней о чем угодно. Лишь бы иметь возможность видеть ее лицо часами, неделями, годами. А вот об Але Лауре вряд ли можно было бы сказать не-

что подобное, Кажется, она не возражала бы окончить этот затянувшийся разговор. Впрочем...

— Знаете, Серж, — вдруг сказала Аля Лаура. — Я прошу прощения, но меня срочно вызывают к пациенту.

— Спасибо вам, Аля Лаура... Если бы не вы, я даже не знаю...

— Если снова будете на Декстра Порта — заходите. Мне очень одиноко здесь. Друзей ну совершенно нет... Снова попьем бульону, поболтаем...

Не успел я рассыпаться в любезностях и заверить Алю Лауру в том, что обязательно, совершенно непременно воспользуюсь ее несусветно приятным приглашением, не успел я сказать ей, что, будь моя воля, я бы, не теряя ни минуты, сел бы сейчас в катер и дернул прямо к ней, оставив этих чокнутых вариться в собственном соку... Не успел я сказать что бы то ни было душевное, как экран погас. Видать, доктор Аля Лаура нажала на кнопку «конец связи»...

«Вот так дела! — подумал я. — Неужели моя красавица поссорилась со своим усатым чудовищем в чине капитана?»

Впрочем, минуту спустя мои мозги занимали уже совсем другие, гораздо более прозаические мысли. В большинстве своем они были связаны с захватом транспорта «Дайяна». Ибо я был уверен: Вальдо, Вок и компания будут настаивать на том, чтоб обрести Вукуб-Цикин любой ценой.

Если бы эвакуационный транспорт «Дайяна» пришел в Декстра Порта хотя бы на час раньше и соответственно раньше стартовал в направлении Атреи, наша карта была бы бита.

Ибо перехватить вошедший в подпространство корабль нет никакой, ну совершенно никакой возможности.

Пришлось бы тогда и нам самим лететь на Атрею. А Атрея, между прочим, не ближний свет.

Но главное даже не это. А то, что тогда рейдер дальней разведки «Юнгер» окончательно показал бы всему свету, что действует малозаконным, если не противозаконным образом. А так, у нас еще оставались основания надеяться, что наши загадочные маневры на внешнем рейде Декстра Порты можно кое-как затолкать в прокрустово ложе соответствующих уставов.

Тем временем Вальдо довольно убедительно доказал нам, что захватить Северину на «Дайяне» мы сможем, и вполне легитимно. Поскольку корабли Космофлота по законам военного времени имеют полномочия останавливать и досматривать любые гражданские транспорты (к числу которых, к счастью, относилась и «Дайяна»). Мы сдержанно кивали. Уж больно гладко все на словах получалось...

Стыковка с «Дайяной» прошла без сучка без задоринки, спасибо Мэрион Голдсмит. Переговоры с капитаном «Дайяны» — тоже. Ушлый Вальдо вывалил на капитана три короба убедительной державной чуши.

Однако моя интуиция подсказывала мне, что на борту «Дайяны» нас ждет какая-то пакость.

И точно. Пакость эта называлась капитаном Арагве.

До сих пор не могу понять — почему эта сволочь появлялась на моем жизненном пути с такой частотой? Чен сказал бы «карма». Но я-то в карму не верю!

Капитан Арагве материализовался перед нами, членами липовой «досмотровой партии», у самого входа в отделение теплой гибернации, в котором-то, по нашим расчетам, и должна была находиться малышка Северина.

— Сениор капитан, я намереваюсь досмотреть «детский» отсек, — начал Эверт Вальдо, элегантно проводя перед считывающим устройством входного интерфейса своей картой доступа капитана аналитической разведки.

Рожа Арагве, покосившегося на экран интерфейса, вытянулась и стала какой-то ужасно кислой. Однако двери в отсек не открылись, вопреки всем нашим — моим, Свечникова и Кизи Кен Амана — ожиданиям. Похоже, они были загодя заблокированы бдительным капитаном Арагве.

— Я полагаю вашу карту доступа поддельной, — заявил он и сложил руки на груди.

— Это еще почему? — поинтересовался Вальдо.

— Потому, что мне так удобнее полагать!

Нечего сказать, довод Арагве был воистину неотразимым!

— Тогда мне придется связаться с капитаном корабля. Он откроет мне доступ в этот отсек вместо вас!

— Можете вызывать. Вы ничего этим не добьетесь. Детский отсек находится под моим патронатом. Власть командира «Дайяны» на него не распространяется. Могу освежить в вашей памяти содержимое соответствующих разделов «Постановления об Особом отделе».

— Нет, благодарю вас, я знаю «Постановление» наизусть. Я один из его авторов.

— Не верю ни одному вашему слову.

— Ваше право. И все-таки, почему вы не допускаете досмотровую группу к месту исполнения ее прямых обязанностей? Это заставляет заподозрить в ваших действиях преступный умысел!

— Преступного умысла нет — напротив, я точно следую «Постановлению» и другим инструкциям. Но дело в том, что в составе вашей группы находится рядовой второго класса ван Гримм.

— С вашего позволения, не рядовой, а капрал, — вставил я, высоко задирая нос.

— Не важно, молодой человек. Если мне не изменяет память, совсем недавно я лично вел дело о вашей неблагонадежности...

— И даже так?! А я думал, мы с вами просто беседовали, — удивился я. — Но в итоге-то дело закрыли, верно?

— Верно. Закрыли за недостатком улик. Но это совершенно не отменяет моего *личного* недоверия к вам.

— Если все дело в капрале ван Гримме, то он может подождать нас здесь, — пожал плечами Вальдо, дипломат хренов.

— Нет. Дело не в капрале. А в том, что я не собираюсь пускать вас в этот отсек ни при каких обстоятельствах.

Логики в словах капитана Арагве почти не наблюдалось. Впрочем, замутненность содержимого мозгов Арагве я заметил еще тогда — на Декстра Порта. В каких дурках, интересно, вербуют наших особистов?

Судя по растерянной мине Вальдо, он думал приблизительно о том же. Кизи Кен Аман с отсутствующим видом отошел в сторону и начал пялиться в аквариум, где куролесили ручные осьминоги радужных расцветок. Типа это все его не касается.

В общем, время шло, а мы препирались у самой цели с особистом-параноиком!

Вальдо глубоко вздохнул — я так понял, он решился на следующий виток переговоров.

— В таком случае я буду вынужден арестовать вас, капитан Арагве, — сказал Вальдо. — Уверяю вас, у меня есть полномочия это сделать. Прошу вас сдать табельное оружие. И разблокировать вход в систему.

Вот это да! Меня вмиг покинули и тоска, и скука. В кои-то веки присутствуешь при аресте особиста капитаном аналитической разведки!

Но Арагве сообщение Вальдо не проняло нисколечко. Вместо того чтобы сложить оружие, он выхватил свой двухцелевой пистолет и... упер ствол прямо в лоб Вальдо.

К чести Эверта, он даже бровью не повел. Разве что капли пота у него на лбу выступили — типа физиологию не обманешь.

— Значит, вы оказываете сопротивление аресту? — спросил он.

— Да. Ибо за этот отсек я отвечаю головой. Я знаю, зачем вы явились. Я знаю — вам нужна эта девочка. Если вы заберете ее, со

мной произойдет нечто худшее, чем просто какой-то там «арест». Как вы понимаете, у меня свое начальство. Очень требовательное и очень, очень могущественное. Поэтому сейчас я начну считать до трех. Если на счет «три» вы не покинете это помещение, я открою огонь...

— Не слишком ли это круто, а, капитан? — не удержался я.

В качестве ответа бойкий Арагве перевел ствол пистолета с Вальдо на меня.

— А на твоем месте, предатель, кровернский наемник, я бы вообще помолчал. И задрал бы руки к потолку, гнида...

— Молчу, молчу, — согласился я и выполнил требование.

— Р-раз, — сказал капитан Арагве. Лицо его побагровело от ярости.

Мы с Вальдо переглянулись. Ситуация была патовой. Переговоры провалились, дело дошло до оружия... «Что-то неладно в Датском королевстве», — как сказал по сходному поводу английский классик.

— Два!

Вальдо медленно зашагал к выходу из отсека. Я несолоно хлебавши двинулся за ним.

Как это все-таки паскудно — быть побежденным! А все, между прочим, из-за нашей самонадеянности! Если бы мы не были такими самовлюбленными козлами и предположили, что Севериной может серьезно интересоваться кто-то, помимо нас, мы бы так не прокололись! Мы бы по крайней мере держали оружие наготове, а не в кобуре...

— Тр.. А-а-а-а! — Капитан Арагве не успел окончить свою считалочку.

Его лицо исказилось гримасой нечеловеческой боли. Он нелепо взмахнул руками, выронил свой двухцелевик, захрипел и рухнул на пол, взбрыкнув напоследок обутыми в тяжелые ботинки ногами...

Мы с Вальдо обернулись.

Кизи Кен Аман по-прежнему стоял возле аквариума с осьминожками. Только теперь он был повернут к нему спиной. В руках у него был обыкновенный парализатор — в точности такой, каким некогда угрожала мне Лейла.

Ни улыбки, ни торжества в глазах. Ничего в облике центавриан-ца не указывало на то, что он увлечен происходящим. Вообще, специфические это люди — представители расы Ц. Как Кизи, например, устроил все так, что не только капитан Арагве, но и мы с Вальдо и Свечниковым начисто забыли о его существовании? Эспер он, что ли? Впрочем, у них на Центавре, по слухам, в средней школе даже предмет такой лженаучный есть: «Основы телепатии и прикладной психокинетики».

Вальдо резко метнулся к считывающему устройству и сделал мне знак рукой вроде «отставить тормозить!». И впрямь нужно было спешить. На то, чтобы разблокировать двери в отсек, найти Северину и убраться с «Дайяны» восвояси, у нас было двадцать минут. Потому что именно на такой срок выводит из строя особо отрывных представителей расы Т парализатор дамской модели.

В кают-компании находились четверо: я, Вок, Шбаланке и Вальдо.

Была глубокая ночь. Вверенный нам со Свечниковым взвод спал. Спали космофлотские, за исключением, конечно, вахтенных офицеров. Под охраной нашей медички Беаты Даль спала с соской во рту Северина, ставшая за то время, что я ее не видел, еще более трогательным улыбчивым существом. Она даже узнала меня, честное слово!

После всего, что произошло «днем», у меня самого слипались глаза. Не помогали ни кофеиновые инъекции, ни женьшеневый пластырь, ни сигареты — за последние сутки я высмалил две пачки. А вот двужильный Вальдо был свежим и разговорчивым. Он курил сигары и чирикал, как киберщегол на свежих аккумуляторах.

Воины Обновления тоже выглядели собранными и отдохнувшими. Короче говоря, я находился в обществе сверхчеловеков.

— Мы доставили вам то, что вы требовали, — девочку, — говорил Вальдо, раскуривая очередное бревно, набитое первосортным колониальным табаком. — Мы проявили полное доверие к вам, Воинам Обновления. Пока что это доверие я могу назвать вполне оправданным. Помнится, уважаемый Вок говорил мне, что знает, где будет Мастер Мысли кровернов в следующий раз. Теперь мне хотелось бы услышать, где *именно*.

— Сложно сказать, — после некоторых раздумий сообщил Вок. — Но сказать можно.

— Что это значит?

— Это значит — нужно посчитать. Из счета родится точность.

— Разве вы еще не посчитали? — подозрительно прищурился Вальдо.

— Еще нет, — сообщил Шбаланке. — Времени не было.

«Вот так да... — подумал я. — Хороша анаша... Мы чуть ли не на абордаж взяли транспортник «Дайяна». Совершили массу служебных проступков, нарываемся всем «Юнгером» на неприятности... Мы, в конце концов, рискуем всем ради полубредовой идеи. А у Воинов Обновления не было времени посчитать, куда мы направляемся!»

Но я благоразумно промолчал. Наверное, просто не было сил снова лезть в бутылку.

— Есть трудность, — сказал Вок. — Для расчетов нам не хватает важного знания. Если вы дадите его нам, мы посчитаем быстро. Потому что у нас есть си-сте-ма.

— Хорошо, — откликнулся Вальдо. — Какого рода дополнительная информация вам требуется?

— Скажите нам, какие еще земли чистили кроверны после Глокка.

— Гм... Вот это вопрос! — задумался Вальдо. — По моим данным, следующей планетой была Королла. Возле Гаммы Лисички. И Освальдхоф, в шаровом скоплении GY-3568.

— А потом?

— Это пока все. Даже кроверны не в состоянии поддерживать более высокие оперативные темпы.

— А что там, на Освальдхофе, делали люди Хищного Тулана? — поинтересовался Шбаланке. — Я хочу знать, какой у них там был интерес?

— Не понимаю, какое это имеет отношение к обсуждаемой теме, — с плохо скрываемым раздражением бросил Вальдо.

— Имеет. Говори, — припечатал Вок.

— Хорошо. Освальдхоф — главный центр выработки гелия и других инертных газов. Также на трех его естественных спутниках — восхитительные, уникальные условия для добычи редкоземельных металлов открытым способом. Достаточно?

— Нет. Ты не рассказал еще, что портят люди Хищного Тулана, когда добывают свои газы.

— Насколько я знаю, наибольший урон аналогичные производства наносят атмосфере планеты. Это связано с...

— Достаточно. Нам все ясно, — заключил Вок. — Атмосфере — это значит воздуху.

— «Атмосфере — это значит воздуху», — с ядовитой улыбкой повторил Вальдо. — Ничего не скажешь, глубокая мысль.

— Смешного не увидел, — это был Шбаланке. — Воздух — это четвертый элемент. Предыдущей планетой была Королла. Там портили воду. Убили всю воду, потому что выращивали очень много растений. Правильно?

— Ну... это очень грубо... однако допустим, — кивнул Вальдо. — И что с того?

— Подожди. Еще раньше был Глокк. Там добывали тяжелые камни недр. Как это у вас?.. Оран, и-ри-дий. Верно?

— Уран, — поправил Вальдо. — И не только. Еще палладий, молибден, хром... Да чтобы все перечислить, нужно до утра рассказывать... Но если ставить вопрос таким вот примитивным образом, то...

— Не примитивный образ. Нормальный, — перебил его Вок. — А теперь слушайте внимательно. Вы помогли закрыть нашу систему. Теперь все стало прозрачным. Глокк — элемент «земля». Королла — элемент «вода». Освальдхоф — элемент «воздух». Следующая планета будет иметь элемент «огонь». Такая наша система.

— Маловато прецедентов для системы, — недоверчиво покачал головой Вальдо. Чувствовалось — он не очень-то проникся выкладками Воинов Обновления.

— Если тебе недостает — будет еще. Планета, которую вы называете Большой Ариман, — это элемент «земля». Я был на этой планете. Вы изрыли ее, как кроты. А когда начались песчаные бури, просто убежали, бросили города. После Аримана был Эсквемелин. Это элемент «вода».

— Серж, это правда? — переспросил, повернувшись ко мне, Вальдо. — Я не успел ознакомиться с информацией.

— Э-э-м-м-м... правда, Эверт, — откликнулся я эдак через минуту. Когда до меня наконец доперло, что это ко мне обращаются. — Девяносто процентов поверхности Эсквемелина занято водой. Океаны очень мелкие, шельф очень богатый... Наша газодобыча умудрилась засрать все это менее чем за семьдесят лет. Когда туда попал я, катастрофа перебросилась уже и на те десять процентов суши, которые...

— Ясно, Серж. Спасибо. Продолжай, Вок.

— Серж-ачи подтвердил правильно. Эсквемелин — это элемент «вода». Дальше была Зетта. Это — «воздух». Взрыв, который случился там из-за неразумия людей Хищного Тулана, сжег всю атмосферу... А потом — Ханако-4. Там вы разбудили все вулканы и убили все леса. Зачем?

— Не время вдаваться в подробности, — потупился Вальдо. — Тем более что главную мысль я уже понял. Кроверны климатизируют, или, как вы говорите, «лечат» планеты, сообразуясь с последовательностью «Земля — Вода — Воздух — Огонь». В зависимости от того, к какой стихии, с их точки зрения, имеет непосредственное отношение катастрофа на той или иной планете. Так?

— Хорошо думаешь. Правильно, — кивнул Вок. — Такая наша система. До того, как кроверны перешли на ваши земли, они делали так же.

— Но скажите, как мы вычислим, где эта самая планета, которая соответствует стихии «огонь»?

— Теперь, когда мы слышали про Освальдхоф, легко вычислить, — сказал Шбаланке. — Следующей будет та, откуда улетают парусники. Я хорошо знаю парусников. Я друг парусников. Я знаю, сейчас они улетают из систем... — Шбаланке на некоторое время

погрузился в общение со своим милитумом, — ...OR-654 и VI-245. В одной из них и находится та планета, которая «огонь».

— А почему парусники улетают из этих систем?

— Разные причины. Обычно они чувствуют: там будут много убивать. Парусники не любят, когда много убивают. Им неприятные лучи жгут тело.

— Ты хочешь сказать, Шбаланке, что когда кроверны готовят экспансию на планету, парусники первыми замечают это и дают деру? Как крысы с тонущего корабля?

— Про крыс не знаем. А про парусников — так. Мы видим: ты тоже человек знания, великан Эверт. И мы хотим узнать от тебя, в какой из этих двух систем располагается планета «огонь».

— Не знаю, как насчет «человека знания», — улыбнулся Вальдо, кажется, он был польщен. — Но как капитан аналитической разведки я могу сказать, что на месте экологически озабоченных кровернов я выбрал бы планету Виндхайм из системы OR-654, колонизированную центаврианцами около ста лет назад. В системе VI-245 имеется одна колонизированная планета, но там лишь несколько самоуправляющихся аграрных зон. А вот на Виндхайме делают МУГ-конвертеры. Знают ли мудрые Шбаланке и Вок, что такое МУГ-конвертеры?

— Не знаем. Но чувствуем — плохая, вредная вещь, — пробурчал Вок.

Глава 14

ВЕРХОМ НА КОМЕТЕ

Но есть иной язык — язык
железных птиц,
Наречье танков, говор
пулеметов...

Н.А. Заболоцкий

Плана у нас не было. А когда плана нет — действуют стандартно. То есть так, как рекомендовано уставом для соответствующей ситуации.

Ситуация ожидалась примерно такая же, как на Глокке: ДУ.

Прыжок к Виндхайму был рассчитан таким образом, чтобы «Юнгер» актуализовался на границе звездной системы Рубрука, за ор-

битой последней, седьмой планеты по имени... ну конечно же, Рубрук-7!

Кому было не лень выдумывать персональное имя для промороженной насквозь каменной глыбы размером с Меркурий?! От которой проку еще меньше, чем от раскаленного соседа нашего Солнца.

Актуализация, в полном соответствии с расчетами, произошла в том же секторе орбиты, где должен был находиться Рубрук-7 в этом сезоне своего сорокатрехлетнего «года». Как и фрегат «Корморан» во время рекогносцировки в районе Глокка, «Юнгер» собирался использовать эту планету в качестве щита от средств наблюдения кровернов.

Это, конечно, не гарантировало нашу невидимость, а тем более неуязвимость, и все-таки минимизировало вероятность быть уничтоженными в первые же минуты пребывания в системе Рубрука.

Тяготы этого прыжка мы с полным комфортом перетерпели в капсулах. Потом, как обычно, собрались в кают-компании, куда Голдсмит уже без всяких препирательств дала трансляцию оперативного планшета.

Виндхайм — четвертая по счету от Рубрука планета системы — находился от нас черт знает где. Для того чтобы заглянуть за нашу планету-щит и провести все необходимые наблюдения, беспилотным зондам требовались девять часов.

Поначалу мы, затаив дыхание, пялились на оперативный планшет, глядя, как ползут наши зонды над черными равнинами Рубрука-7. Но обстановка в Пространстве была потрясающе унылой. Ни кораблей кровернов, ни каких-либо вообще техногенных объектов не наблюдалось.

Итак, мы прибыли туда, где, по уверениям Воинов Обновления и Эверта Вальдо, должна была проводиться очередная десантная операция кровернов и где следовало искать встречи с пресловутым Мастером Мыслей. Но поскольку мы трусливо выбрали себе самый тихий уголок звездной системы, нам требовалось запастись терпением, чтобы все как следует разнюхать.

Даже если сейчас в районе Виндхайма творится настоящее светопреставление, мы узнаем об этом только следующим стандартным утром.

Воины Обновления попыхивали своими трубками и делали вид, что происходящее их совершенно не касается.

— Не ответит ли почтенный Хоб-Тох на мой, возможно, не вполне своевременный вопрос... — начал Вальдо.

— Не ответит, — отрезал Хоб-Тох.

Если Воины Обновления и почуяли кровернов, делиться своими соображениями о происходящем в системе Рубрука они не спеши-

ли. Вок, неодобрительно покосившись на своего неучтивого брата по оружию, тихонько сказал Вальдо:

— Если появится угроза — мы вас предупредим. Угрозы для хипа пока что нет. Пусть хип-водительница увидит все сама, при помощи своих летающих глаз. К тому времени и мы будем знать больше.

В общем, как я понял, кроверны в системе Рубрука имелись. Но сказать твердое «да» Воины Обновления не спешили.

В самом деле, конкретные маневры «Юнгера» все равно зависели от точной информации в азимутах, дистанциях и курсовых углах, которую могли дать только зонды.

Мы с Тайшей многозначительно переглянулись и тихонько выскользнули из кают-компании.

Сигналы тревоги застали нас с Тайшей за сладостным занятием, до которого со временем доходит у большинства любовников расы Т. Мы с наслаждением курили, малоосмысленно глядя в потолок каюты.

Тайша вскочила первой.

— А ч-ч-черт, — зашипела она, напоровшись своим нехрупким плечом на мою сигарету.

Уголек свалился мне прямо на грудь.

— Ч-ч-черт! — подхватил я, неловко скатываясь с кровати.

Тайша тоже потеряла равновесие, и в итоге мы с ней оказались на полу. Она шлепнулась на меня сверху, и я обнаружил ее великолепные груди прямо у себя на ключицах.

Мы поцеловались.

Сигналы тревоги не утихали.

— Представляешь, если это — смерть? — спросил я, почему-то широко улыбаясь.

— Представляю, — серьезно ответила она. — У меня такое чувство, что Рубрук — это последнее солнце, которое я увижу в своей жизни.

— Да брось ты, — сердито сказал я. — У меня такие «чувства» каждый раз! Я на Глокке себя раз пять мысленно хоронил. Между прочим — с большими почестями, с оркестром даже.

— Замолчи. — Она поцеловала меня так замечательно, что я сразу же заткнулся...

Все время, пока трещала и улюлюкала тревога, мы с Тайшей провели на полу. Должен сказать, что это был самый экстремальный секс в моей жизни. Ведь и вправду каждый наш вздох мог стать последним.

И только когда Тайша, удовлетворенно зевнув, сообщила, что она не хочет опоздать на последний спасательный катер, мы отпустили друг друга.

В кают-компании шло удивительно оживленное общение. Планшет был включен, а потому казалось, что между собой общаются звезды и туманности. Что меня сразу успокоило: планшет помалкивал, а тактическая разметка не содержала ничего интересного, кроме одного маркера уничтоженной цели и шести зондов, болтающихся в районе терминатора Рубрука-7.

— ...Но Вок сам сказал, что если будет опасность — он предупредит! — обиженно воскликнул Вальдо.

Ему вторил Свечников:

— В самом деле, ну нельзя же так! Сказали бы сразу, что в системе есть кроверны!..

— Мы не можем слышать то, что не дышит. Я не мог знать, что неживой хип кровернов затаился внизу. И Хозяин Знания не мог. И Хозяин Слов не мог. Никто не услышит мертвое.

Одновременно Шбаланке по-своему резонно отвечал Свечникову:

— В том не было бы проку. Наше предупреждение ничего не могло изменить. Не прибавило бы зрячести вашему хипу, не подарило мыслей вашим хип-водителям. Ты сам это понимаешь.

Несмотря на то что Воины Обновления были, как всегда, спокойны, в их голосах звучали растерянность и недоумение.

«Вот теперь вы видите, что и ваши таланты не безграничны, дорогие Воины Охренения, — злорадно подумал я. — А то пускали тут пыль в глаза... Хозяева Хищного Тулана тупые и глупые, жадные и злые... Одни скаты, вашу мать, хорошие!»

— Скажите, сениор ворэнт, что тут стряслось? — поинтересовалась Тайша у Свечникова.

— Лучше вы мне скажите, почему не явились сразу по сигналу тревоги, рядовая первого класса Вассерфаль!

— Разве это что-то изменило бы, сениор ворэнт? — ответил я за Тайшу. — Или с сегодняшнего утра наш взвод введен в штат экипажа «Юнгера»?

— Отставить, ворэнт, — поддержал меня Вальдо. — Мало того, что разницы никакой, так еще и уставу действия ван Гримма и Вассерфаль не противоречат.

— По-моему, ворэнт кое-кого к кое-кому ревнует, — проницательно заметила Беата Даль. Тихонько так, вполголоса. И, чтобы не задерживать всеобщего внимания на этой неожиданной, неуместной и щепетильной теме, сразу же продолжила, погромче: — Нас атаковали с поверхности Рубрука-7 торпедами.

— Ничего себе! — Я повалился на диванчик рядом с Вальдо, поджентльменски рассчитав, чтобы местечко рядом со мной, побольше да получше, досталось Тайше. — Кто, кроверны?!

— Да, — ответил Вальдо. — Автоматический модуль противокосмической обороны. Он дал четырехторпедный залп. Батареи «Юнгера» сработали отлично, все торпеды были сбиты почти сразу после старта. А потом мы сожгли мерзавца. Но самое любопытное другое. Из-за того, что на борту модуля не было ни одного кровернa, его не смогли «услышать» наши мудрые спутники из Травоядного Тулана.

Кое-кто из наших прыснул. Я из дипломатических соображений сжевал улыбку.

— А почему «Юнгер» сразу не засек этот треклятый модуль?

— А вот это нам сейчас расскажет сениора корветтен-капитан, — официальным тоном сказал Вальдо. — Вы меня слышите, Голдсмит?

— Слышу. И вижу, — отозвалась наша черная богиня покорения Пространства. — По данным торпед, которыми был нанесен контрудар, модуль ПКО находился на дне метанового озера. На планете полно метана. Есть водоемы насквозь промерзшие, есть — покрытые ледяной коркой толщиной от двух до нескольких десятков метров. Этот модуль прятался под многометровым панцирем льда. Наружу он вывел только пассивные средства наблюдения — слишком малозаметные, чтобы их можно было засечь с такого расстояния. Учитывая, что магнитный фон Рубрука-7 неконтрастен, обнаружить модуль ПКО мы просто не смогли.

— Нет ли на планете других подобных сюрпризов?

— Пока что не обнаружено, — уклончиво ответила Голдсмит. — В любом случае ночную сторону Рубрука-7 больше нельзя считать надежным убежищем. Более того, у нас нет гарантий, что модуль ПКО не связался перед гибелью с главными силами кровернов. Кстати, они уже обнаружены нашими зондами. И если только этот модуль или другие замаскированные на Рубруке-7 станции слежения действительно сообщили кровернам о нашем появлении, можно ждать гостей в любую минуту.

Вот так-то! Не ошиблись, значит, Воины Обновления в своих расчетах-прорицаниях! Все-таки Виндхайм.

Подтвердили эту мысль и Воины Обновления.

— Очень хорошо. Я услышал Мастера Мыслей, — широко улыбнулся Шбаланке. — Его хип только что возник из растворения!

— Боги не лгут, — удовлетворенно кивнул Хоб-Тох.

Не очень-то меня обрадовала божественная правдивость.

До последней минуты оставалась надежда, что удастся спустить это щепетильное дело на тормозах. Проскочить. Проехать. Ну там, полетать туда-сюда по Галактике в приятной компании Тайши, Валь-

до и Воинов Обновления, послушать байки о кровернах и поучительные истории сениоры Голдсмит.

Полетать-полетать — и возвратить наших друзей на Яшкин. А самим вооружиться их знаниями и всыпать кровернам по первое число.

Как? Да понятия не имею. Научиться, например, говорить с парусниками. И натравить их на кровернов. Или придумать супердетектор Мастера Мыслей, застать его врасплох на какой-нибудь яхте и навалиться целым флотом, чтобы другим Мастерам неповадно было.

Именно таким хищным бредом я успокаивал себя в районе Декстра Порта.

А теперь оказалось, что шастать по Галактике незачем. Потому что Мастер Мыслей — совсем рядом; по космическим меркам — в соседней комнате.

Но чтобы попасть в эту комнату, Храбрый Портняжка должен сразиться с целой бандой свирепых людоедов.

— Я полагаю, нужно выйти на гиперсвязь с Декстра Порта, — сказала Голдсмит.

— Сениора корветтен-капитан, нам требуется срочно, повторяю, предельно срочно скорректировать наши планы. Я запрещаю вам выходить на гиперсвязь под угрозой блицтрибунала. Я запрещаю вам уходить от Рубрука-7 до того момента, пока зонды не соберут полную информацию о противнике. И я принимаю оперативное командование кораблем на себя.

Это сказал Эверт Вальдо.

Подобный тон не допускает возражений. Подобный тон означает, что у его обладателя полный рукав козырей. Секретных пакетов и кодов доступа. Мандатов Генштаба и предписаний Верховного Командования.

Так изъясняются адмиралы, члены Действительного Правительства и Консулы Содружества.

Сегодня «Юнгер» празднует свой трехлетний юбилей. По меркам боевого корабля — это молодость, расцвет сил и потенции. И в этом смысле мы с «Юнгером» ровесники.

Текущее рейдерство «Юнгера» — не самое затяжное, но самое тяжелое. Это откровение я услышал от флаинг-офицера Бышковица. Впрочем, и без него было ясно, что рейдер устал.

Дальность и частота прыжков втрое превысили стандартный оперативный режим. Запасы конвертируемых веществ — главного горючего межзвездного корабля — подходили к концу. А самым

мрачным было то, что гвоздь программы по-прежнему ожидал нас впереди. Торчал из стула где-то посреди Виндхайма, если уж разводить литературщину.

Цель приближалась. Но не так быстро, как нам, измотанным вынужденным бездельем, того хотелось бы.

Если бы мне кто-то сказал, что корабль Содружества безнаказанно провел семь суток в планетной системе, оккупированной кровернами, я бы двинул в рожу брехуну, честное слово.

Вторжение кровернов — это смешанные с радиоактивным пеплом батальоны, вычеркнутые из боевых списков эскадры, выжженные климоклазмами колонии... С такими вещами не шутят.

Рейдер «Юнгер» находился в системе Рубрука уже сто семидесятый стандартный час. Если не считать обстрела с замаскированного модуля ПКО, нас пока что и пальцем не тронули.

Решение было найдено. Мы стали невидимками.

Система Рубрука среди бывалых космофлотчиков известна как «кометный суп». В ней одна звезда, семь планет, два пояса уникальных железных астероидов и — слабонервным усесться поудобнее! — свыше одиннадцати тысяч комет.

Кометы, как и положено кометам, в основном состоят из замерзшей воды, углекислого газа и метана. Иногда имеют мелкодробные каменные ядра. Они мотаются по эллиптическим орбитам вокруг центральной звезды, то бишь Рубрука, и довольно часто, по космическим масштабам, сталкиваются с планетами и друг с другом.

Благодаря всезнающему астрогатуму «Юнгера», который обсчитывает в реальном масштабе времени все крупные и мелкие небесные тела исследованной части Пространства, Голдсмит удалось быстро подыскать подходящую комету. Это было внушительных размеров небесное создание с коротким, но пушистым хвостом.

Хвост, правда, с каждым часом становился все длиннее и разгорался все ярче. Склонные к поэтизации непоэтизируемого, офицеры «Юнгера» с легкой руки Иштвана Радуля окрестили комету Лорелея.

Комета обращалась вокруг местного светила под углом всего лишь в полтора градуса к плоскости орбиты Виндхайма и ближайшего, внутреннего пояса астероидов. Сейчас Лорелея стремительно неслась «снаружи» орбиты Виндхайма «внутрь», поближе к Рубруку, отчего, собственно, ее хвост и удлинялся-пушился.

В свою очередь, Виндхайм несся из своего «лета» в свою «зиму», навстречу комете.

Благодаря этому удачному обстоятельству, скорости убегания кометы и Виндхайма суммировались. Сближение космических тел

происходило с более чем пристойной скоростью девять миллионов километров в стандартный день.

Когда мы совершили прыжок от Рубрука-7 к Лорелее, комету и Виндхайм разделяло солидное расстояние, примерно равное дистанции от Земли до Марса в период противостояния. При этом точка актуализации рейдера вновь была подобрана с таким расчетом, чтобы целый рой комет прикрыл «Юнгер» от наблюдения с Виндхайма.

Ясно, все равно оставался риск, что нас обнаружат с борта одного из кораблей кровернов, которые патрулировали сферическую зону безопасности вокруг захваченной колонии.

И все-таки маневр Голдсмит удался. Бывалая сукина дочь, что там говорить!

Из-за обилия комет и астероидов система Рубрука напоминала огромный архипелаг, в котором один верткий кораблик с умелым экипажем может прятаться от целого флота. Но благодаря тому, что все острова местного «архипелага» были, как бы это сказать, плавучими, кораблик мог не только прятаться, но еще и подкрадываться к своей цели, прикрываясь облюбованным островком.

Ядро кометы, уже начавшее под напором здешнего солнечного ветра активно истекать пылищей и ионизированным газом, надежно укрыло нас от самых проницательных вражеских глаз.

Смертельный трюк заключался в том, чтобы предельно быстро и в то же время предельно осторожно сблизиться с ядром кометы, уравнять скорости по модулю и направлению и временно «стать одним».

Трюк этот Голдсмит провернула столь же виртуозно, как и прыжок к самой комете.

«Юнгер», конечно, потрясло немного. И даже раскокало один из планетарных двигателей вместе с пилоном. Ну, камушками еще по обшивке настучало. И лифт между зоной маршевых двигателей и обитаемым модулем изрешетило, будто из стрекошвейки.

Но в целом ничего. В целом Голдсмит выполнила маневр филигранно.

Между прочим, это была первая в истории намеренная стыковка боевого корабля Содружества с ядром кометы. И, надеюсь, последняя...

— К вам можно? — сдержанно осведомился я у интерфейса каюты капитана Вальдо. Признаться, сдержанность стоила мне немалых усилий: меня распирало новой сенсацией.

— Мм-м... Серж? Входи.

Эверт лежал на диване. Он оторвался от какой-то бумажной книги и вперил в меня отсутствующий взор. Мысли его, похоже, были очень и очень далеко.

— Разрешите сесть?

— Конечно.

После того как я в этой самой каюте устроил тушение несуществующего пожара, залив пеной Вока и Кокамеля, шикарный интерьер утратил большую часть привлекательности. Обиталище Эверта было теперь похоже на наспех подчищенное стойло хурманчианских болотных пони.

Среди четырех выехавших из стен кресел я присмотрел себе самое чистое и опустился на краешек.

— Капитан, я только что говорил с Шбаланке. И можно сказать невзначай, сам того не желая, узнал такое!

Эверт нехотя переменил лежачее положение на полусидячее.

— Ну-ну.

— Майянцы не были завезены на Грин кровернами или какой-либо другой цивилизацией.

— Вот как? — Мне почудилось, что удивление Эверта было деланным. Так отец «удивляется» сообщению сына о том, что, оказывается, у всех жуков и бабочек одинаковое число лапок. — И каким же образом они попали на Грин?

— Население двух древних городов майя переселилось туда... самостоятельно!

— Пешком дошло?

— Нет! Шбаланке клянется молоком своих нерожденных дочерей и семенем зачатых сыновей, что майя перенесли на Грин... парусники! Причем по приказанию тогдашних Хозяев Слова и Хозяев Знания, а не по чьему-либо еще!

И вот тут Эверт — вместо того чтобы заорать: «Как я раньше не догадался?!» или: «Да это же открытие всемирно-исторического масштаба!» — нагло улыбнулся и изрек:

— Ну и брехуны эти наши новые союзнички.

Словно ушат ледяной воды на меня вылил.

— Паа-пачему брехуны?

— А папачему нет? — передразнил Эверт.

— Потому что Шбаланке поклялся! К тому же мы ведь знаем, что предыдущий Хозяин Слов, его «раб» и Северина были переправлены на Глокк на борту, точнее, в брюхе у парусника...

— Это мы «знаем» со слов Воинов Обновления. Хоть одна запись, подтверждающая данный факт, есть?

— Вам виднее.

— Нет записей. А клятвы Шбаланке — в той форме, как ты их воспроизвел, — вообще не имеют никакой доказательной силы. И

ладно бы только это! Главное: я уже несколько раз имел возможность убедиться, что наши попутчики при внешней открытости и эдакой архаической наивности в действительности многого недоговаривают. А порой и просто лгут. Чего стоил один только спектакль с узнаванием в тебе «человека, прикасавшегося к Вукуб-Цикин»!

— А что? Им боги рассказали...

— Угу. Боги с Девятого канала глобальной информации. Ты представляешь, сколько раз повторяли на всю Галактику тот замечательный сюжет: небритый рядовой Серж ван Гримм со спасенной малюткой на руках?

— Представляю... Но откуда у Воинов Обновления видео? И разве есть возле Грина наши телебакены?

— А откуда у них «Циклон»? Пусть даже и учебный? А как это Вок, интересно, летал на Эсквемелин, чтобы воочию насладиться кувырканием «ежиков» в сочной травке?

— Снова же — на паруснике!

— А почему не на центаврианском фрегате?

— Это невероятно.

— Это более чем вероятно. Потому что, по *МОИМ* данным, существует — и уже довольно давно — большая центаврианская программа. Называется она скромно: «Перспективные исследования». Руководит ею некто Хормейг Авар Ойгаш. Между прочим, доктор общего богословия. Тебе это имя ни о чем не говорит?

— Нет.

— Разумеется. Потому что программа — закрытая. «Перспективным исследованиям» принадлежит не менее десяти боевых и коммерческих кораблей Центавра, а общая численность персонала, по нашим оценкам, достигает двух тысяч человек. Чем все они заняты? Шпионажем в обитаемых мирах Содружества — это можно сказать совершенно определенно. Кстати, твой друг Йом Хоми работал именно на «Перспективные исследования».

— А мне в оперативной разведке говорили, на каких-то религиозных террористов...

— Больше слушай. Марсианская ветка работала непосредственно на Хормейга Авар Ойгаша, а этот эксцентричный рыцарь богословия часть полученной информации, судя по всему, благополучно передавал аборигенам Грина. Равно как и чудесного ребенка Вукуб-Цикин. Как бы она попала к майянцам, если ее родная планета — центаврианский Догеус?

— Вы хотите сказать, что центаврианцы втихаря открыли разумную расу на Грине задолго до нас?..

— Именно. И в нарушение всех писаных и неписаных законов Содружества утаили это от всех — и от своего народа, и от правительства Содружества.

— Но зачем центаврианцам делиться с майянцами украденными военными секретами и оружием?

— Этика.

— Этика?

— Да. Кодекс чести спиритуалов и нобилей Центавра.

— Не понимаю.

— Восемьдесят лет назад центаврианцы сильно напакостили на Грине. Их корабль — похоже, это был официально «пропавший без вести» рейдер «Южный Крест» — потерпел аварию в районе Грина. Собственно, сам факт падения какого-то «хипа» в Озеро Синего Аиста наши попутчики не отрицают и даже наоборот: используют его, чтобы оправдать свое стремление пообщаться с кровернским Мастером Мысли. Однако в некоторых деталях наблюдаются серьезные нестыковки. Например...

— Погодите, сениор Вальдо, и что этот «Южный Крест»? Ведь если бы у него взорвался МУГ-конвертер, то не осталось бы ни озера, ни Кратера Юноны, ни майянцев!

— Я не знаю и не могу знать подробностей. В «Перспективных исследованиях» умеют хранить тайны. Но гипотеза у меня такая: рейдер пытался совершить аварийную посадку на поверхность озера, но вместо этого разбился и затонул. Учитывая смешанное метеорно-вулканическое происхождение Кратера Юноны, можно предположить, что рейдер прошел сквозь мягкие осадочные породы и погрузился в одну из трещин в материковой платформе, вне всякого сомнения существующих под озером.

— А это возможно?

— Твой скепсис поубавился бы, если б ты был знаком с теорией «гидрологических окон», которыми, по сути, являются многие «бездонные» трясины в заповедных болотах Сибири, например. Сибирь — это не планета, а старинное название одной из областей России.

— Я в курсе. Я даже знаю, как устроены трясины — прочел в одном из гайд-файлов во время обучения на «паззловом» тренажере.

Впервые с начала разговора Вальдо воззрился на меня с интересом.

— Да? Тогда что тебя смущает в моей теории о погружении центаврианского рейдера в недра Грина?

— То, что Озеро Синего Аиста *СОВСЕМ* не похоже на сибирское болото. Например, по дну озера спокойно могут разгуливать цуцы. Значит, дно надежное, твердое. Рейдер должен был бы просто

лежать на дне — и тогда «Юнгер» сразу обнаружил бы такую плотную, компактную массу металла методом спин-резонансного сканирования во время облета планеты.

— Что значит какой-то цууц по сравнению с огромным рейдером? Не говоря уже о том, что при такой площади озера легко вообразить себе неоднородный характер дна. Скажем, у берегов оно и впрямь надежное, а ближе к центру имеет несколько крупных «гидрологических окон». В одно из которых и провалился «Южный Крест». А провалившись... Серж, ты можешь представить себе, что происходит на этом рейдере *СЕЙЧАС*, на глубине в пять, семь, а то и пятьдесят километров?

— Не могу. Вы думаете, рейдер опасен?

— Я думаю, он *ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО* опасен. Это биосферная бомба замедленного действия. Или, если угодно, капсула с ядом, которая постепенно растворяется в желудке планеты. Поэтому у центавриан есть все основания тяготиться виной перед обитателями Грина. Очень легко предположить, что они снабжают Воинов Обновления разными полезными вещами, перевозят их на своих кораблях и поставляют информацию, необходимую для встречи с кровернским Мастером Мыслей.

— А как произошел первый контакт майянцев с представителями Центавра, если «Южный Крест» гробанулся?

— По меньшей мере трое членов экипажа с «Южного Креста» спаслись.

— Откуда вам это известно?!

— Пока мы болтались на внешнем рейде Декстра Порта, я имел плодотворное общение с нашей дипломатической резидентурой в Соединенных Провинциях. По каналу правительственной спецсвязи. Центаврианскую конспирацию частенько губит традиционализм. Так случилось и на этот раз. У них есть отдельное кладбище — что-то вроде старинного американского Арлингтона, только куда более пышное — где хоронят йориров. Ну, воинов то есть, ты знаешь. Там стоят весьма помпезные памятники, попадаются полноростные статуи и даже целые фамильные склепы. Так вот о традиционализме: на этом кладбище разрешено хоронить только физические останки йориров. Никаких пустых запаянных гробов, никаких символических «кортиков и наград», как у веганцев! Понимаешь, к чему я клоню?

— Неужели там лежат йориры с «Южного Креста»?!

— Да. Пара бездельников из нашего посольства совершила познавательную прогулку на свежем воздухе и в кои-то веки окупила часть правительственных денежек, потраченных на их содержание. Наши резиденты нашли три почти одинаковых обелиска. Там, ко-

нечно, не написано, что, дескать, «вот здесь лежат офицеры с «Южного Креста». Только имена и даты жизни. Имена, конечно, вымышленные — после возвращения с Грина все три йорира жили под прикрытием «Перспективных исследований». Но даты рождения — они в точности совпадают с датами рождения трех членов экипажа «Южного Креста»! У центавриан вообще много суеверий. Одно из них: ни в коем случае нельзя менять даты своего рождения, даже сменив имя!

— А откуда вы взяли список экипажа «Южного Креста»? Это ведь, наверное, военная тайна Центавра?

— Никоим образом. Когда корабль пропадает без вести, а именно это произошло поначалу с «Южным Крестом» с точки зрения центавриан, полные списки членов экипажа рассылаются по всем колониям и провинциям сапиенсов. Это стандартная практика, которая выгодна всем. Сам посуди, что будет, если на какую-нибудь веганскую «дикую колонию» свалится с неба спасательный катер с обгоревшими в атмосфере опознавательными знаками? Да его экипаж запросто могут линчевать как симулятивных гуманоидов роша! А так шериф поглядит в оперативную сводку, увидит, что чумазые Джо и Жан официально числятся пропавшими без вести, — и по крайней мере не поленится отогнать от них кровожадную толпу поселенцев.

— Ясно. Выходит, и впрямь какие-то центавриане побывали на Грине, вступили в контакт с майянцами, а потом вернулись домой. Как они вернулись?

— Разумеется, в район Грина со временем был выслан второй корабль. А спасшимся с «Южного Креста» офицерам, надо полагать, удалось прихватить с собой средства локальной связи и приводной маяк. Скорее всего эти трое покинули рейдер на высадочном катере еще до того, как он разбился на Озере Синего Аиста. Сам понимаешь, при таких условиях спасательному кораблю было несложно их обнаружить.

— М-да... Теперь как-то легче верится в то, что их предыдущий Хозяин Слов действительно смог прикинуться Дюмулье... Если Воины Обновления заблаговременно получили от центавриан результаты психосканирования какого-нибудь офицера биологической безопасности...

— Именно, Серж, именно. Что меня поражает, так это потрясающая обучаемость Воинов Обновления. Выучить интерлингву, проникнуться реалиями нашей технократической современности, разобраться с нашей терминологией... Кто знает — может, они располагают куда более широкими познаниями, чем прикидываются? Мо-

жет, им по силам пилотировать наши катера? А то и водить в бой межзвездные ударные корабли?

Эверт Вальдо посмотрел на меня с особенным, фальшиво печальным выражением красивых глаз.

Ясненько. Капитан Вальдо боится хозяев Яшкина и не доверяет им.

А я, Серж ван Гримм?

Я боюсь капитана Вальдо. И не доверяю ему.

От этого внезапного открытия я поперхнулся фуззи-колой.

Я принадлежу к той непоседливой породе сапиенсов, которой быстро приедаются знакомые места и люди. Возможно, это и заставило меня отказаться от протекции отца по поступлению в Высший военно-технический колледж и записаться в штурмовую пехоту.

Устал я и от общества Воинов Обновления, и от Эверта Вальдо, и от своего взвода. Правда, не могу сказать, что мне наскучила Тайша Вассерфаль. Кажется, я даже успел в нее влюбиться.

Или все-таки нет, не влюбился. Может, сработал вовремя поставленный блок интимофобии.

Чтобы чем-то занять часы между Тайшей и Тайшей, я прибился к палубной команде «Юнгера». К тем самым флаинг-офицерам и мичманам, которые чуть не перестреляли всех нас в док-камере, когда на борту корабля впервые появились Воины Обновления.

— Королевский триплет! — объявил я торжественно, выкладывая перед очумевшим Бышковицем свои великолепные карты.

Мичман Юрасов присвистнул. Пак поскреб в затылке.

Деньги лишними не бывают. Даже если их запаяют вместе с тобой в цинк — все ж уютнее как-то.

На новой сдаче мне в руки снова приплыли такие шикарные карты, что стало даже как-то неловко. А еще — боязно. Вот увидят они, какой я счастливчик, — и пошлют на все буквы кровернского алфавита. Или решат, что я замаскированный эспер-гипнотизер, и намнут бока.

Публика на этих рейдерах весьма крутая, между прочим. Это только среди романтически настроенных репортеров принято считать, что у всех космофлотчиков безупречные послужные списки, тугоплавкие моральные качества и звездный интеллектуальный индекс.

Может, это и верно по отношению к старшим офицерам, астрогаторам и комендорам. Но в палубные команды служивых загоняют отнюдь не за особые заслуги.

Та же каторга — только хуже.

Вот Юрасов в свое время чуть в распыл не попал за мародерство на нейтральном судне. А кореец Пак — так вообще, по слухам, быв-

ший траппер. Тем только себе шкуру и спас, что вовремя зачуял, откуда ветер дует, и перебежал к нашим.

Заложил корешей своих закадычных и, хитролисо извернувшись, пролез на ускоренные курсы обслуживающего персонала Космофлота. Эх, чего только в жизни не бывает...

Но не могу же я свои замечательные карты слить в подпространство. И натянуть себе оттуда всякой баккары! Не мо-гу.

По мере отыгрыша кона лица моих новых друзей по-нехорошему деревенели. Мне везло, как... как... как в канун крупных, огромных неприятностей!

Чувствовалось, что планы у Пака, Бышковица и Юрасова зреют самые недобрые.

Я косился по сторонам, прикидывая, какой инструмент из развешанных по стенам катерного бокса поухватистее. Выходило, что легче всего будет отмахаться от этой публики массивной насадкой молекулярного напылителя.

Вернулся флаинг-офицер Шарон, который ходил за пивом.

Вообще-то права на алкоголь у нас не было. Теоретически мы восьмые сутки находились в состоянии непрерывной боевой готовности «зеро». И за алкоголь старшие офицеры имели право вытянуть нас линьком под барабанную дробь.

Но, понимая, что перед лицом противника вряд ли кто-то станет устраивать подобные экзекуции, мы особо не волновались. Я — так вообще был вне юрисдикции всех этих долбаных флотских «традиций».

Кто меня тут пороть станет? Свечников? Или Вальдо? Или сержант Даль?

Ну, последняя разве что в алькове. Проносились в ее рысьих глазках всякие такие фантазии. Она временами разве что не трещала от загадочной вихревой циркуляции своих бисексуальных энергий. Я, возможно, был бы и не против, однако есть у меня правило...

М-да. Пиво!

Пиво взорвалось у меня руках, половина ячменного нектара пенно пролилась на пол.

Я залпом осушил полбанки и деликатно срыгнул в кулак.

Шарон крепко проигрался. Тогда-то он и выставил на кон свои секретные, не положенные флаинг-офицеру запасы пива по баснословному спекулятивному курсу: одна банка — двадцать талеров.

Продул и их. Вот, принес, расплатился.

— Ну, что там слышно? — осведомился я.

— Все по-прежнему. Дрейфуем. Этот ваш штатский капитан слоняется мрачнее тучи по осевому коридору, под нос матюги бормочет. Еще я краем уха зацепил разговор Радуля с Упадхья. Говорят,

метеоритная эрозия сильная началась. Мы-то все ближе к Рубруку подбираемся, вот ядро у кометы и крошится. Больше сорока часов мы здесь прятаться не сможем.

— А сколько до Виндхайма?

— Уже рукой подать. Ближе, чем от Луны до Земли.

— Это ж как не повезло парням с Центавра, которые здесь работали, — к разговору подключился сердобольный Бышковиц.

— Так им и надо, — проворчал Пак. — Все эти центаврианцы, догеанцы, майянцы твои, — Пак недобро зыркнул на меня, — марсиане... Не люди они вовсе! У них мозги уже давно съехали на жопу! Это надо же было додуматься: приперетъся сюда, неближний свет от Центавра, между прочим, чтобы за метеорами гоняться и целые горы на Виндхайме спиливать. Будто бы другого места, поближе да поуютнее не нашлось.

— А что им было делать? — резонно возразил Шарон. — Это же закритические технологии. Ты смеешься — производство МУГ-конвертеров! Ты представляешь, сколько нужно материи транскомпрессировать, чтобы сделать одну такую «микроволновку», какая у нас на рейдере? А изменение масс макрообъектов в системе может разболтать орбиты. Представь, если б такими вещами занимались прямо в Солнечной системе. Тут и оказалось бы, что Луна должна свалиться на Землю лет эдак через пятьсот, а до этого Венера с Меркурием обнимутся и поцелуются.

— Какой ты умный! Тебя бы к нам на «Ласточку» в свое время... Дерьмом все пахнет. Дерьмом, — заключил Пак. — Вся проклятая система ходуном ходит, кроверны рыщут, а мы в комету спрятались и думаем, что умнее всех. Это добром не кончится.

Бышковиц смял банку из-под пива, поднялся и засунул ее в ближайший утилизатор.

— Я другого не понимаю, — сказал он, возвращаясь. — Колония эта — центаврианская, верно? И охранялась она не правительственными войсками, а, как их...

— Йорирами, — подсказал я.

— Ну да, драчунами этими. Когда мы здесь появились, кроверны как раз наваляли их сторожевой флотилии по первое число. Потом кроверны блокировали Рубрук-7 — недаром же мы на их модуль ПКО напоролись. Изучили, гады, нашу тактику. А потом они высадили десант, верно?

— Вроде верно, — кивнул я.

— Так почему же, черт побери, неделя уже прошла, а центаврианцы не попытались взять реванш? Кишка тонка? Это ж их колония, насквозь родная! Я понимаю — была бы корпоративная, Со-

дружества. Или там частная, какого-нибудь Жо-Жо зеленоухого. Тут ясно. После Глокка в штабах боятся этого нового оружия кровернов, которым они Седьмую эскадру сделали. Но у центавриан-цев — у них же честь! Гордость! Столько про это рассказывали... Такие сказки... Один центаврианский корвет стоит двух крейсеров Содружества!.. Йориры кровернов пачками трескают и гвоздями закусывают!.. И многое прочее. А теперь выясняется, что нобили и йориры Центавра — то же дерьмо! У них самую прибыльную колонию оттяпали, а они уши поприжали и сидят себе, не жужжат.

— Не зна-аю. И знать не хочу. — Я демонстративно зевнул. — Скорее бы уже все это закончилось, что ли. Да, вот, чуть не забыл. У меня большая квинта.

Я открыл карты. Знал бы я, *насколько* быстро «это все» закончится!

Меня звезданули по уху. Ногой. Видимо, нога принадлежала Паку, потому что на такую подлость способен только бывший траппер.

Я, понятно, упал со своей сидушки, сымпровизированной из кибермеха-уборщика.

— Эспер вонючий! — завыл, кажется, Юрасов. — Сейчас я тебе коробочку звездюлей-то распечатаю...

Ну, корешки, держитесь.

Глупо махать кулаками после драки. Но и перед — неумно.

Не успел я подумать насчет «держитесь», как мне сунули по ребрам. И почти одновременно — по почкам.

Эге, да с такими звездюлями можно и в госпиталь отправиться.

— Вы чего?! — Один приличный человек все-таки нашелся, Шарон. — Ну нельзя же так, джентльмены!

— А гипнотизировать нас, чтобы карты подменять, можно?! — рявкнул Бышковиц.

Злость во мне вскипела, как гелий в сверхновой. Я поймал чью-то стопу и крутнул так, что затрещали сухожилия. Юрасов — это была его стопа — заверещал.

Ага, не ожидал?!

Это штурмовая пехота, дружок! Не трофейная, бля, команда, которая только и умеет, что в бронированной скорлупе по чужим сусекам перекатываться.

Я уронил Юрасова на Пака и уже почти вскочил, когда в игру включился Бышковиц. Одним кулаком-моноблоком из сложенных в замок ладоней он хлопнул меня по макушке. Удар дилетантский, но, учитывая бычью силу Бышковица, очень убедительный. Спасибо, дорогой, что хоть не рукоятью пистолета.

Второго его удара я не зафиксировал. Вероятно, в ход все-таки пошла рукоять пистолета, только мое сознание отключилось быстрее...

...Невольные слезы и кровь из рассеченной брови застили взор, а потому я не сразу сообразил, что за люди набежали в бокс. И вообще — что тут происходит?!

— Серж-ачи, с тобой, я вижу, все в порядке. Это радует меня несказанно. Боялся, что ваши рабы проломили тебе череп. Впредь не играй в дурные игры с рабами, они того не стоят, — говорил это скорее всего Вок, но, возможно, и Хоб-Тох, очень уж у них голоса похожи.

Для начала я поднялся.

— Они не рабы, — пробормотал я. — Они такие же члены экипажа, как и остальные. Только из обслуживающего персонала, а не из летно-боевого.

Можно подумать, это либеральное уточнение имело какой-то смысл!

Я осматривался, потирая ушибленную голову. Ссадина там прощупывалась преизрядная.

— Я полагал, что за машинами у вас присматривают рабы, как у людей Сентавра. А вы, воины и хип-водители, составляете высшее сословие.

Я, Серж ван Гримм, представитель высшего сословия, наконец вполне осмотрелся. Все четыре «раба», в том числе ни в чем не повинный миротворец Шарон, скрючились на полу в позах, сомнений в диагнозе не оставляющих: нефатальный паралич.

Единственное, что я нашел непривычным, — это улыбки сытых даунов, которые прилипли к малость посиневшим будкам моих партнеров по играм в крутых мужиков. От обычных парализаторов вроде бы так не скалятся. Пиво, что ли, пилюлю подсластило?

Бокс был освещен, как на праздник. Из док-камеры выглядывали плоские верхние панели катерных корпусов, их крыши, так сказать. Крыша ближайшей, ни разу не использованной в этом рейдерстве машины, блестела оранжевой, вызывающе демаскирующей лакировкой.

По корпусу второго катера, на котором мы добирались до Грина, тянулись подпалины, оставленные неласковым перегревом. Запасной люк за пилотской кабиной был открыт. В темном проеме только что скрылся кто-то из Воинов Обновления — кажется, молчаливый Шулу.

Мимо меня прошли Шкик, Шканиль и Чи. Они волокли к катеру клетку с двумя белыми дьяволятами.

Слова Вока — а это был именно Вок — насчет «высшего сословия» я почему-то нашел ослепительно смешными. И расхохотался так, что едва не упал обратно на пол, откуда только что поднялся.

Вок похлопал меня по плечу:

— Все нормально, Серж-ачи.

Словечко «нормально» он, кажется, усвоил от меня. В начале нашего знакомства Хозяин Намерений изъяснялся более высокопарно.

— Нормально, нормально. — Не прекращая хохотать, я одобрительно показал большой палец.

Меня не покидало ощущение, что каждое слово Вока — остроумнейшая шутка. А действия других Воинов Обновления — подготовка к какому-то розыгрышу, не хватает только шутовских колпаков, поролоновых носов и розовых ушей на резинке.

— А что это вы делаете? — осведомился я, отсмеявшись.

— Собираемся на встречу с Мастером Мыслей. Шбаланке уже переговорил с ним через Вукуб-Цикин.

— Ай да Шбаланке! Ай да переговорщик! Ну, счастливого пути, значит! Крепости вашим намерениям, истины — глазам!

И снова я с подозрительной искренностью обрадовался. Тут вдруг щелкнул в голове один из многочисленных тумблеров, и вместо прикумаренного картежника Сережи включился наконец капрал штурмовой пехоты.

— Постой-ка, Вок... Постой!.. Что значит «собираемся на встречу»? А что сказал Вальдо? Голдсмит? Кто пилотирует катер?! Вы же разобьетесь!!!

— Катер поведут Шбаланке и Шулу. Они хорошие кормщики. А Вальдо и Голдсмит ничего не сказали, Серж-ачи. Я думаю, они узнают о нашем странствии, только когда откроются двери хипа.

Хм. Удивляться тому, что катера полностью заправлены, загружены и энерговооружены, не приходится. Хотя бы по той простой причине, что на рейдерах ради экономии места высадочные катера заодно выполняют и роль дежурных спасательных средств.

Но чтобы катер повели Шбаланке и Шулу?..

— Да что за ерунда?..

— Я не думаю «ерунда». Я думаю, вам надо побыстрее убирать хип отсюда. После разговора с нами Мастер Мыслей понял, что здесь есть хип Хищного Тулана. Мы не предатели. Мы не говорили ему прямо. Но Мастер умный. Он догадается и скажет братьям. Братья начнут искать и отыщут. Однако, когда двери откроются, хип-

водительница повстречает истину. Ей достанет быстроты размышлений и твердости руки, чтобы понять и успеть.

Как глубокомысленно заметил Пак, «дерьмом все пахнет, дерьмом». Сдается, декорации нашей драмы уже в полной сборке. И занавес ползет вверх...

— И еще я думаю, — продолжал Вок, — что нам пора попрощаться, Серж-ачи. Ты родился в проклятом Хищном Тулане, но ты умеешь мыслить и видеть. Я был горд знаться с тобой. О Вукуб-Цикин мы позаботимся. Пусть боги помогут вам счастливо раствориться. Прощай.

Кажется, патетические жесты излишни. Если я постараюсь их остановить, они вырубят меня из парализатора точно так же, как и палубную команду. Если же...

— Вок, я с вами! Я нашел Вукуб-Цикин на Глокке, я имею право быть с ней до конца!

— Ты с нами, Серж-ачи? Уверен? — Вок лукаво улыбнулся и еще раз дружески хлопнул меня по плечу.

И вот тут мое сердце ухнуло в бездну того же неизъяснимого ужаса, который навели на меня Воины Обновления во время боя с кровернами в секторе Грина. Только тогда из моего сознания оказался изъят небольшой фрагмент времени, а сейчас, похоже, треклятые эсперы Яшкина сработали поизящнее.

Ракурс, под которым я наблюдал бокс и приготовления к отлету, полностью изменился. Я сообразил, что нахожусь на полу, в такой же внутриутробной позе, как и «рабы» из палубной команды.

Мой рот был ощерен в той же ничего не значащей ухмылке. Тело одеревенело. Правда, какая-то чувствительность сохранилась. Например, разбитая макушка болела, и эта боль доходила до моего сознания. А еще взывала о медицинской помощи правая ключица, в которую, похоже, была всажена не то иголка, не то нечто вроде целой репейной головки.

Разглядеть я ее толком не мог, поскольку веки мои были смежены и даже сверхчеловеческим усилием воли не размыкались.

Кто-то затараторил над моим парализованным телом. Это был не Хозяин Намерений, а, видимо, Хоб-Тох. Тараторил он на языке Яшкина, а потому я был лишен сомнительного удовольствия насладиться смыслом его тирады.

Но Вок ответил ему на интерлингве. Уж не знаю — просто по инерции или сознательно, чтобы я проникся значением происходящего. Наверное, все-таки сознательно.

— Представь, ему хватило ясности осознания, чтобы его *урчич* повстречался с моим. Мы поговорили. Серж-ачи сильный человек.

Хоб-Тох что-то прокурлыкал.

— Ты прав. Он заслужил движение, — ответил Вок.

Я ощутил, как иголка (репей?) покидает мою ключицу. Вновь попытался пошевелиться... Куда там!

— Если ты все еще слышишь меня, Серж-ачи, хочу, чтобы ты принял наши извинения. Мы не можем взять тебя на встречу с Мастером Мыслей. Это не связано с нашей недоброй волей, мы добры к тебе. Но Мастер не потерпит общества человека из Хищного Тулана, как ты не снес бы нашего общества, явись мы к тебе с диким ягуаром без ошейника. Еще раз прощай.

Шаги удалялись. Я еще раз постарался пошевелить пальцами левой руки.

По-прежнему — отказ. Но зато веки вроде бы малость ожили.

Ну же! Ну!..

Через минуту, после сотни понуканий, увещеваний и приказов, рассылаемых отдельным частям тела и даже отдельным мускулам, я смог открыть глаза и повернуть голову.

На стенах бокса горели предупредительные надписи и мельтешили ядовито-зеленые сполохи проблесковых ламп. Хорошо хоть зеленые. Значит, герметизация шлюзов — полная, а все предотлетные операции проходят нормально.

Катер с опаленной спинкой почти полностью скрылся под палубой. Вот растаял последний оранжевый островок, уползли вниз вертикальные стабилизаторы...

Выскользнули из пазов две пары герметичных дверей и наглухо заперли катерный порт. Где-то там, в док-камере, машина опустилась на направляющие рельсы катапульты...

Надписи изменились.

Готовность тридцать секунд.

Палубному персоналу покинуть помещение

Эт-то еще зачем? Ведь герметизация вроде бы должна сохраниться? Конечно, сейчас откроется док-камера, но катерный порт был загерметизирован на моих глазах!

Все ведь в норме, ребята! А? Или я чего-то не понимаю?

Хорошо было бы его покинуть, это самое помещение, раз просили. Да вот беда: к тому моменту, когда надписи выбросили «СТАРТ», я только и смог, что приподняться на локте.

Я вздохнул настолько глубоко, насколько позволяла моя полупарализованная грудь, и зажмурился. Неужели и впрямь у рейдера такая хилая конструкция и сейчас сюда хлынет снаружи кометный газ или выхлоп катерных двигателей?

В таком положении я провел секунд пятнадцать. Потом открыл глаза.

Старт произведен.

А я ни щелчка не услышал, ни толчка не ощутил! Да, отличная здесь док-камера и совершенно обычная к тому же! Шумоизоляция, амортизация, герметизация — все на месте! Что имели в виду разработчики рейдера, когда программировали надпись «Персоналу покинуть помещение»?

Ответ был один: перестраховка. Чтобы если катер в момент старта взорвется прямо на катапульте, в боксе никого не грохнуло.

Можно подумать, катера часто взрываются на катапультах. И можно подумать, после такого взрыва в док-камере две трети рейдера не превратятся в металлолом.

Я сплюнул.

Да! Отлично получилось!

А еще раз?

Великолепно! Челюсть меня слушается!

На ноги я поднялся совсем скоро.

И как в комедии положений, где одна и та же комическая ситуация отыгрывается по десять раз с небольшими вариациями, мой повторный триумф прямохождения снова совпал с появлением в боксе свежей порции народу.

Наш взвод в полном составе. В компании пары пилотов ВКС. Во главе с Эвертом Вальдо, взор которого пламенел яростью и ликованием.

Глава 15

ВИНДХАЙМ

Не удивлюсь, если скоро начнут делать фильмы, в которых ядерная война испепеляет род человеческий, — но в финале У ВСЕХ ВСЕ В ПОРЯДКЕ...

Харуки Мураками

— Взвод полностью экипирован! Боепитание и энергосистемы в норме, сениор капитан! — доложил Свечников.

— Планетолет к экстренному спуску подготовлен! Обитаемый контур герметизирован! Боепитание и энергосистемы в норме, сениор капитан! — отрапортовал Лесь-Николай Гайдамака.

— Борт-два к ускоренному старту подготовлен! Энергосистемы в норме, сениор капитан! — отчеканил старший пилот катера, лейтенант ВКС Дюваль вае Литта. Веганец, между прочим.

— Голдсмит! Обстановку, быстро!

Вальдо был сосредоточен и неучтив. Он начинал свою приватную войну, о которой, думаю, мечтал не один год. Поражение в этой войне означало нашу смерть, гибель «Юнгера» и со временем всего Содружества.

Путей к победе я не видел. Вальдо, вероятно, смотрел на вещи шире.

— Борт-один приближается к Виндхайму. Его ведет корвет кровернов типа «Лиса». Огонь не открывает. Не понимаю...

— Вас не просят понимать, Голдсмит!.. Чем заняты остальные патрули кровернов?

— Кроме корвета, сопровождающего борт-один, в районе Виндхайма осталось всего два патруля, тоже «Лисы». Они по-прежнему занимают стационарную позицию над южным полюсом климатизации.

— Новая информация о флоте Центавра поступила?

— Ожидается в течение трех минут.

— Сениор капитан, позволю себе еще раз напомнить, что кроверны могли обнаружить «Юнгер»...

— Отставить, капрал ван Гримм! Ваше донесение уже было принято к сведению. Голдсмит!

— Слушаю, сениор капитан.

— Боевая задача рейдеру «Юнгер» корректируется. Как только стартует борт-два, вы покидаете Лорелею в направлении строго от Виндхайма. Достигнув минимально безопасного удаления, уничтожаете комету планетарными торпедами. Сразу после этого вы, используя маскировочные свойства образовавшегося газового конуса, начинаете сближение с планетой. До момента нашей посадки на планету — или до того момента, когда борт-два будет уничтожен, — приоритетными целями являются корветы кровернов. Вы должны обеспечить прорыв борта-два к Виндхайму любой ценой. Если потребуется — используйте весь боезапас стопорных торпед для создания газопылевых завес между нами и корветами. Если представится возможность — уничтожайте корветы. Наконец, если ради прикрытия борта-два потребуется подставить «Юнгер» под удар, — вы обязаны это сделать. Протокол ведется?

— Протокол ведется автоматически и всегда, — с некоторой напыщенностью ответила Голдсмит.

— Очень хорошо. Властью, данной мне Действительным Правительством, я разрешаю вам жертвовать кораблем и экипажем. Итак, завершаю постановку боевой задачи. Координаты зоны экстерминации считать совпадающими с местом посадки борта-один. Если борт-два будет уничтожен, вы должны нанести массированный удар всеми средствами поражения. Подчеркиваю: всеми средствами поражения. Если все средства вооруженной борьбы будут исчерпаны, я обязываю вас совершить посадку в зоне экстерминации с расторможенным МУГ-конвертером, включенным на максимальную конверсию масса — энергия. Вы осознаете, о чем идет речь, Голдсмит?

— Да, сениор капитан.

— Хорошо. Если мы достигнем поверхности Виндхайма, но канал связи потеряет стабильность, вы должны выждать тридцать минут и действовать так, как если бы борт-два был уничтожен. Если канал связи сохранит стабильность, но при этом лично я с «Юнгером» по каким-то причинам связаться не смогу — и в этом случае вы должны считать борт-два уничтоженным. То есть стремиться к экстерминации всеми доступными средствами.

Плохо я понимаю язык официальных приказов такого уровня, да еще после мордобоя и паралича. Но основную мысль я понял.

Мы — взвод смертников.

«Юнгер» — корабль-смертник.

Все подчинено одной цели: чтобы Вальдо живым-здоровым добрался до пси-мастера.

А если Вальдо не повезет и по дороге его пришьют, тогда «Юнгер», в свою очередь, должен угробить пси-мастера.

При этом, если в игру вступит «Юнгер», пси-мастер будет уничтожен заодно с Воинами Обновления. Ведь аннихиль-торпеде не скажешь: «Голубушка, вот этого, этого и этого, пожалуйста, аннигилируй. А добрых дяденек и тетенек с Яшкина не трогай».

И если Вальдо готов пожертвовать Воинами Обновления, значит, и Вукуб-Цикин, то есть Севериной, тоже. А какие варианты?

Хорош гусь наш капитан... Я, признаться, был об Эверте более высокого мнения.

— Сениор капитан!

— Слушаю, Голдсмит.

— Новая информация о флоте Центавра. В системе Рубрука задействованы две оперативные группы. Первая, которую мы вначале посчитали ударной, видимо, действует как отвлекающая. После подхода подкреплений ее численность оцениваю по косвенным данным в пятнадцать боевых единиц. Действует за пределами дальности на-

ших СОН, в районе временной базы кровернов на спутнике Рубрука-6. Вторая, ударная группа обнаружена только что. Находится на пределе дальности наших СОН в районе внешнего кольца астероидов. Отчетливо различаю двадцать две боевых единицы, в том числе по меньшей мере один крейсер-носитель...

Переговоры между Голдсмит и Вальдо были полностью открытыми, то есть транслировались каждому из нас. Видимо, Вальдо хотел, чтобы мы поконкретнее прониклись важностью момента. Куда уж конкретнее!

— ...Фактически Центавр отважился направить сюда главные силы колониального флота. Это делает честь их мундиру, но с военной точки зрения...

Единственным настоящим центавриан цем на борту «Юнгера» был Кизи Кен Аман. Вот такая диковина: центавриан ец в правительственной пехоте! Практически всегда представители расы Ц выбирали для службы свои национальные, или, точнее сказать, колониальные войска.

Услышав о появлении главных сил флота соотечественников, Кизи Кен Аман вскочил и выкрикнул некий динамичный, видимо, рифмованный лозунг на своем родном языке.

— От Магеллановых Облаков до Гиад, от Плеяд до туманности Андромеды все разумные существа боятся бронзовых воинов чистой крови!.. — автоматически перевел милитум. — А кто не боится — тот лишен разума, — заключил милитум с непривычным притормаживанием в конце каждого слова. Даже машина, кажется, была обескуражена центавриан ским прямодушием.

«А кто не боится — тот лишен разума, — повторил я по инерции. — В данном случае это как раз про самих центавриан цев. Так что, Бышковиц, ты был не прав: йориры Центавра — не трусливое дерьмо. И с ушами у них все в порядке. В смысле, не прижаты они вовсе, а гордо расправлены от Магеллановых Облаков до туманности Андромеды. Сколько *минут* они намерены продержаться против кровернов, интересно?»

— Отлично, Голдсмит! Лучше не бывает! Время выступать. Лейтенант вае Литта... ускоренный старт!

— Слушаюсь, сениор капитан!

Мы находились в планетолете, который, в свою очередь, находился на грузовой палубе высадочного катера. Все было амортизировано: и грузовая палуба, и планетолет, и наша экоброня. Но тряска пошла такая, будто мы снова оседлали галопирующего тиранно завра.

Маршевые двигатели катера были запущены прямо здесь, внутри док-камеры! Мы еще сохраняли полную неподвижность на направляющей стартовой катапульты, но уже газовали вовсю.

Ага. Вот сейчас от катерного бокса действительно лучше держаться подальше. Наша ионная струя может, пожалуй, и герметизацию дверей нарушить...

А потом — пинок!

Клюшкой — по спине!

Бейсбольной битой — по груди!

Кувалдой — по голове!

Честное слово, и в десантном катере штурмовой пехоты летать несладко. Но вот ускоренного старта на мою долю раньше не выпадало. Иначе разорвал бы контракт. Плюнул бы на пять лет штрафных каторжных работ — и разорвал!

От Лорелеи до самого Виндхайма шли непрерывным скользящим зигзагированием, из-за чего сердце то вваливалось в легкие, то размазывалось по грудине.

Меня вырвало. И, думаю, не одного меня.

Не знаю, что творилось в Пространстве. Вальдо закрыл канал переговоров с Голдсмит и пилотами катера.

Он, наверное, получал едва ли не ежеминутные доклады из обоих источников, но делиться с нами информацией не желал. Оберегал, видать, нашу этическую и интеллектуальную невинность. А может, просто по-хорошему не хотел, чтобы мы наложили в штаны.

Оно и верно: что толку нам было бы услышать, например, что «Юнгер» агонизирует, а корветы кровернов готовятся поджарить нас вместе с катером секунды через полторы?

А потом катер ка-ак рванул! И я подумал: вот оно, наше «счастливое растворение».

Оказалось: вошли в атмосферу. Колотун был такой, будто совершаем жесткую посадку на галечный пляж. Гасим скорость, стало быть, витки над головами кровернов наматываем. Ой, саданут по нам сейчас...

Минут пять еще свиста и рева, а потом — повторный рывок!

Вошли во вторую атмосферу? Так она вроде бы одна.

— Катер поврежден! Лейтенант, открывайте аппарель грузовой палубы, а затем катапультируйтесь! Гайдамака, покидаем борт на ходу!

Вот так. Как Гайдамака — так можно и общий канал связи открыть. В самом деле, чего уж скрытничать теперь-то? Ясно: всем

каюк. Какое там «покидаем на ходу», ты что — сдурел, капитан? А, Эверт?

Планетолет — машина, конечно, летающая. Но отнюдь не специализированный высотный летательный аппарат все-таки. А то зачем был бы нужен высадочный катер? Знай прыгай с рейдера на своем планетолете прямо в Пространство...

Как он на такой скорости стабилизируется? Да турбуленция планетолет на куски разорвет!

— Тайша, прощай!

— Прощай, Сережа!

— Джентльмены, до встречи в... — вознес свой мужественный голос ворэнт Свечников.

— На Виндхайме! — оборвал Вальдо. — Отставить мелодраму! Лейтенант, подтвердите приказ!

Молчание.

— Гайдамака! Есть контакт с бортовым милитумом?!

— Есть, сениор...

— Открывай аппарель!

Ой-ой-ой. Теперь сердце подползает к самому горлу. Бьется в кадык. Кажется, сейчас меня вытошнит самой полезной частью организма...

Да мы валимся в пике, джентльмены!

— Аппарель пошла, сениор!

Мог бы и не говорить. Грузовая палуба разгерметизирована, вихри колотят по бортам планетолета. Тяжко, гибельно стонут наши сталепластовые бока...

— Лейтенант, как слышите меня?!

А хреново, видать, слышит. Молчат гады пилоты. Влепили в нас кроверны, от души влепили!

— Сениор капитан, при таком угле пикирования покинуть катер невозможно!

— Может, и невозможно, а очень хотелось бы, Лесь-Николай, — негромко, без прежних приказных обертонов сказал Вальдо. — Если ты нас сейчас не вытащишь, Голдсмит выполнит мой приказ и проведет торпедную обработку Виндхайма. Погибнут совершенно непричастные к нашей войне люди. В том числе девочка, которую мы сняли с гражданского транспорта.

Хорошо хоть Вальдо осознает, что приказ, который он отдал Голдсмит, — преступный. А то я уже начал терять надежду на взаимопонимание с нашим безумным гением войны...

По корпусу катера словно чугунные слоны бегают. Обшивка громыхает и трещит. Разваливается наша скорлупка, что попишешь!

— Сениор капитан, вы еще можете отменить свой приказ, — говорю я, пугаясь собственного голоса. — Мы-то на войне, — продолжаю я, — а им с кровернами делить нечего. Сениор капитан, в конце концов гибель этого пси-мастера ничего не изменит! Только озлобит кровернов еще больше! Одного убьем — но все прочие-то останутся!

— Все прочие кто? — тихо спрашивает Вальдо. Похоже, он улыбается. Псих чертов.

— Все прочие пси-мастера!

— У кровернов только два пси-мастера, Серж. Один сейчас здесь, на Виндхайме. Он чувствует планеты. Он *мыслит* их, понимаешь? Ни человек, ни обычный кроверн, ни суперкомпьютер не смогли бы просчитать полный экобаланс планеты с такой точностью. Просто не хватило бы данных! Это под силу только одному пси-мастеру. Одному! И он не только *может*. Пси-мастер — единственный кроверн, который *хочет*!

Я ничего не понимаю. По-моему, Вальдо действительно тронулся перед лицом смерти. Такое случается, еще как случается!

— Сениор капитан, у нас нет времени! Отмените приказ, вы же знаете кодекс чести!

Ликующий звон снаружи оповещает о том, что очередная полезная деталь катера оторвалась, повисла на сопле и колотит по корпусу планетолета.

Под аккомпанемент этого звона катер переворачивает вверх тормашками.

Теперь мы висим почти отвесно вниз головой. Спасибо фиксаторам — держат нас на местах, не то было бы здесь Суперлото шариками из штурмовых пехотинцев.

Но, с другой стороны, это же означает, что нас вынесло из пикирования! И теперь мы скользим горизонтально, хотя и вверх тормашками!

Как? Почему? Да какая разница!

— Гайдамака, давай, родимый! Пошел!

Это верно. Сейчас или никогда.

Гайдамака рвет с места вперед на полной скорости. Воющий волчарой ветер тут же подхватывает корпус планетолета и волочит прямо в ад.

Нас закручивает сразу в трех плоскостях. Кизи Кен Аман снова орет свою речевку. Насчет того, что бронзовые люди круче всех. Воспитаньице...

— Высота, скорость?! — требует Свечников.

— Восемь тысяч метров. Девятьсот километров в час.

Э, детские цифры. На самом деле, считай, что уже сели. Я-то думал, что нас понесет километров с тридцати пяти на скорости в шесть-семь тысяч...

А так — отделались легким стрессом, можно сказать. И хотя вращение вокруг продольной оси продолжается, в двух других плоскостях мощные глидеры планетолета нас уже выровняли.

— Координаты?! — это уже потребовал Вальдо.

Ох и быстро соображал этот липовый капитан аналитической разведки с полномочиями Консула! Ему, видать, сразу было ясно, что если нас в первые секунды не разорвала турбуленция, то дальше будет только легче. Эх, почему я не пошел учиться?

Итак, мы снова с вами, господа телезрители.

Бла-бла-бла. Гайдамака дает координаты.

— Лучше не придумаешь! — ликует Вальдо. — До южного полюса климатизации всего сто двадцать километров!

Действительно, если учесть, что нас подстрелили невесть где, еще в верхних слоях атмосферы, наше попадание — в десятку. Но мне это неинтересно. Я думаю о том, что сталось с лейтенантом Дювалем вае Литта и его напарником.

Катапультировались? Были убиты на месте, когда нас подстрелили? А может, сейчас катер кубарем несется по Виндхайму, распыляя пилотов по окрестным сопкам или что тут у них вообще?

Раньше были сопки, если верить карте. А после климатизации — сам черт разберет...

Дневная сторона планеты Виндхайм.

Тяжесть — одна целая три десятых g.

Температура — триста двадцать четыре градуса по Кельвину, пятьдесят один градус выше нуля по Цельсию.

Атмосфера — пригодна для дыхания при условии фильтрации летучих цианидов. Оптическая проницаемость — полтора-два километра, а попросту говоря: сильная дымка. Свет — рассеянный, неживой.

Наверху — ветер ураганной силы. Переменчивые, нескончаемые плотные облака бирюзового и бледно-лимонного цвета клокочут в водоворотах высотных вихрей.

У восточного края горизонта — грозовой фронт, налитый глухой фиолетовой яростью.

Внизу, у поверхности земли, почти полный штиль. Что это — фантастическая случайность, затишье перед бурей? Или расчетный, естественный, с точки зрения пси-мастера, режим для данной фазы климатизации?

Снизились мы беспрепятственно. Но наивно полагать, что кроверны считают нас уничтоженными вместе с катером.

Конечно, заметность нашего планетолета относительно невелика. И все равно я думаю, что сейчас дорогим гостям пошлют пару хот-догов с разделяющимися боеголовками.

Вальдо думает о том же.

Поэтому на планетолете остаются двое: водитель, Лесь-Николай Гайдамака, и стрелок — Беата Даль. Нам не повредит огневая поддержка тяжелого оружия, установленного в бронебашне планетолета. Но остальным оставаться на его борту рискованно. Кроверны могут накрыть всех одним попаданием. Ну а это им слишком жирно будет, хвостатым.

Мы спешиваемся, окружаем Вальдо подковой и мчимся по пеленгу борта-один на предельной скорости. Следом за нами скользит планетолет.

Местность в высшей степени неприятная.

Неясно, кто больше напортачил в пейзаже и экологии Виндайхма — центаврианцы до климатизации или кроверны в ходе климатизации.

Ясно только, что давным-давно здесь были пологие вулканические сопки, поросшие растениями, напоминающими гигантские хвощи и плауны. Потом большинство сопок как по команде взорвалось и на некоторое время превратилось в действующие вулканы.

Теперь повсюду громоздятся черные, рыжие, серые каменистые холмы с криво-косо срубленными верхушками. Потоки запекшейся лавы, растрескавшиеся от жара базальтовые валуны. Изредка попадаются черные головни размером с хорошее бревно.

А стоят разрушенные сопки в воде, которая, похоже, натекла из многочисленных гейзеров. А может, пси-мастер по своей привычке устроил Виндхайму хорошее вливание-промывание из своих небесных водовозов. Впаял планетке пару клизм, поэтически выражаясь.

И вот в ней, в этой неприглядной, смолисто-черной воде — мертвые, обветшавшие заросли гигантских папоротников. Возможно, их убило изменение химического состава воды или воздуха, возможно — остаточная радиация (здесь сильно фонит), а может, и направленная нейтронная бомбардировка. Брр-рр...

Мы стараемся держаться между мертвыми лесами и склонами сопок. Это хоть в какой-то мере снижает нашу заметность.

— Сениор капитан, один вопрос.

— Да, Серж.

— Перейдите, пожалуйста, на закрытый канал.

— Говори.

— Может, лучше все-таки закрыть?

— Я теряю терпение.

Итак, наш разговор слышат все. Ну что ж, так тому и быть.

— Хорошо. Почему вы считаете, что у кровернов один пси-мастер?

— Генеалогия, Серж, генеалогия. Вспомни рисунок в подземном храме!

— Помню. Ну и что?

— Я уже догадалась, — отзывается Беата из бронебашни. — Сениор капитан полагает, что один из вертикальных столбцов той «таблицы» отражал линию преемственности между самыми талантливыми кровернами, то есть пси-мастерами. Действительно, в большинстве случаев на каждое поколение там приходилось по одному кроверну. Но как раз последний, самый нижний рисунок показывал двух! Поэтому я не согласна с сениором капитаном. Пси-мастеров двое. Да и вообще, это только одна возможная трактовка...

— Да, сениор капитан, их там было двое!

— А как же знаки ремесла, джентльмены? Вы не берете их во внимание!

— Джентльмены и леди, — поправляет Беата.

— Джентльмены и леди, вспомните рисунки, которые окружали самую нижнюю пару. Рядом с одним кроверном были изображены символы климатизации: вулкан, туча, водяной столб. А что было рядом с другим кроверном?

— Олимпиада какая-то, — пробормотал я, припоминая семь переплетенных колец.

— Верно! Кто возьмется уверять, что это символ климатизации?

— Может, это символ тотального уничтожения семи миров, — предположила Карлскрона, извечная пессимистка.

— Я тоже полагаю, что кольца — это миры, — согласился Вальдо. — Но только вряд ли такой знак обозначает уничтожение. Не та семантика. Имейте в виду: кольца рисовались людьми, а для человеческого мышления существуют незыблемые семантические универсалии. Будь этот человек землянин, веганец или Воин Обновления.

— Хорошо. Но если пси-мастеров и вправду всего лишь двое, почему майянцы не сообщили нам об этом сами?

— Они что — идиоты, Сережа? Они же понимают, что в этом случае останутся без специалиста по спасению своей планеты! А значит — без «обновления»! Потому что первой мыслью, которая придет в голову людям Хищного Тулана, будет уничтожить пси-мастера, вдохновляющего экологическую экспансию кровернов! Нет пси-мастера — нет войны! К чему мы, собственно, и стремимся!

Слишком просто. Не верю.

Подобный научный диспут на скорости сто пятьдесят километров в час не мог продолжаться долго. Милитумы предупреждают, что впереди — компрессор-19. Первое искусственное сооружение на нашем пути.

Сопки нехотя расступились в стороны. Большое озеро, заполненное той же мертвой водой. Растительности нет и в помине.

Из дымки на нас рывками надвигается стеклянистый колосс, голова которого тонет высоко-высоко в свистопляске облачных потоков.

О Белый Космос!

Суперкомпрессор материи, работающий с метеорным железом, ураном, кобальтом. Мечта любого колониального правительства. Средоточие инженерного гения. Венец закритических технологий, бля.

Эта грандиозная конструкция, отдаленно напоминающая многократно увеличенную доменную печь, предназначена для преобразования обычного атомарного вещества в квазивещество, поддающееся конверсии по схеме масса — ускорение —гравитация. Все понятно? Мне тоже.

Конвертируемое квазивещество — это топливо, на котором работают МУГ-конвертеры. Это реакторы, вырабатывающие антибарионы для военных и промышленных нужд. Это основа энергосердец глидеров, планетолетов, кэбов. Залог могущества нашей цивилизации.

Во всем Содружестве только три планеты располагают производственными комплексами такого масштаба. Одна из них для Содружества потеряна — Виндхайм.

Компрессоров здесь было построено тридцать пять штук, если «штука» — подходящее слово для такого колосса. Тридцать пять. По числу роев гигантских полиметаллических метеоритов, которые центаврианцы аккуратно заваливали на поверхность планеты из ближайшего пояса астероидов.

В общем-то неудивительно, что тут сопки взрывались...

— Скорость — ноль! Все на грунт! — внезапно командует Вальдо.

Что такое? Сенсоры не выдают ничего даже отдаленно похожего на кровернов.

Падаем. За нашими спинами приземляется планетолет.

Громадная башня компрессора окружена подозрительными валами. Они вздымаются прямо из воды и по виду состоят из спекшегося ила. Или глины, или вулканического пепла — на глаз трудно

определить. Больше всего субстанция напоминает мягкий пластик, но происхождение у него — явно естественное.

Валы высокие. Самый близкий к компрессору — метров пятнадцать над уровнем воды.

Следующий, отстоящий от первого метров на двести, — примерно вдвое ниже. И вот таких валов, из которых каждый последующий вдвое ниже предыдущего, — еще пять.

Больше всего это похоже на волны, вот что.

На волны, разбежавшиеся от брошенного в воду камня, и вдруг — застывшие навек. Только пропорции какие-то непривычные, будто сила тяжести была очень мала и волны получились неожиданно высокими. Будто не камень в воду бросали, а «Циклон-2 Bat»...

— Даю целеуказание! — Вальдо просто вне себя почему-то. Ярость? Страх?

Моя экоброня принимает пакет данных, переданный его милитумом. «Тандер» автоматически наводится на один из технологических балконов компрессора.

Пустой балкон с металлическими перильцами, опоясывающий башню примерно в первой трети видимой высоты. Что Вальдо там углядел? И как?

— Огонь!

Стреляют все. Беата добавляет из плазмомета.

Балкон тонет в огне. Я даже успеваю испугаться, не перерубили ли мы башню пополам и не свалится ли она прямо на наши многострадальные головы.

Такая толстуха — и свалится? Ничего подобного. Загудела вся надрывно, точно великанский камертон, но стоит как стояла.

Никто, кроме Вальдо, не понимает, что за оказия. Чем мы заняты? Отрабатываем групповую стрельбу по площадной цели?

А вот и оказия.

Стрекошвейки. Первый раз в жизни вижу одну из них воочию, с дезактивированной маскировочной кожей.

Паук размером с танк, с короткими ногами-станинами и тремя длиннейшими суставчатыми хоботами, в которые имплантированы огневые блоки. Так выглядит единственная частично уцелевшая дрянь. От прочих остались только горящие клочья. Они-то в воду и валятся.

Шокированный, но еще живой техномат проявляет чудеса ловкости. Падая, он успевает у самой воды, там, где основание башни расширяется, снова прилепиться к стенке.

Прежде чем Беата перебрасывает ствол плазмомета, единственный исправный огневой блок цепкого исчадия кровернов принима-

ется молотить плюс-минус в нашем направлении. В хорошем темпе, но неприцельно.

Плазменный протуберанец, исторгнутый бронебашней планетолета, слизывает гадину вместе с частью ближайшего к компрессору вала.

— Вроде все... — облегченно вздыхает Вальдо.

— Но как вы их углядели, сениор капитан? — спрашивает ворэнт. Для Свечникова это, видать, самая главная проблема в нашей лишенной забот и треволнений прогулке по Виндхайму.

— Правительственная тайна. Но я вам тонко намекну, так и быть. Моя обычная с виду офицерская экоброня — экспериментальный образец нового поколения полевой экипировки. Стоит она, как целый штурмовой танк. Зато и может многое. Так что если я на ваших глазах превращусь в облако радиоактивного газа — не удивляйтесь. Экспериментальные образцы всегда немножко барахлят.

Вальдо шутит. Значит, Вальдо доволен. Не делая паузы, он продолжает:

— Взвод, внимание!..

Но его перебивает Свечников:

— Оглянитесь, сениор капитан.

Все мы начинаем оглядываться, не только сениор капитан. И понимаем. Что.

Стрекошвейка стреляла вслепую и все равно не промахнулась. Рядовой второго класса Джо Топак погиб при выполнении кое-какого задания в кое-каком секторе Пространства.

На наших часах запущен отдельный таймер — время пребывания в зоне боевых действий. Мы находимся на поверхности Виндхайма девятнадцать минут. Как-то не верится.

Майянцы, в свою очередь, по данным «Юнгера», приземлились двадцать шесть минут назад. Всего-то!

Забранный бронепластиковым переплетом бублик диспетчерской. Сюда нас забросил вполне исправный скоростной лифт, прилепившийся между внешней обшивкой башни и внутренним монолитом собственно технологического блока.

Кизи Кен Аман шипит проклятия и, кажется, плачет. Здесь, внутри, мы нашли его продырявленных соотечественников. Много, человек сорок. Больше половины — женщины, очень красивые, хоть и мертвые. Длинные каштановые волосы одной покрыты инеем, а лицо спокойное и внимательное — ни дать ни взять Спящая Красавица.

В ясную погоду вид отсюда, наверное, захватывающий. Сейчас нам мешает дымка. Правда, здесь, на высоте полутора километров, воздух чище. Это позволяет разглядеть смутные очертания больших гор. В стороне от них, за заливом местного моря-океана, находится южный полюс климатизации.

Но и залив, и даже низину вокруг компрессора дымка скрадывает полностью. Не видно и того места, на котором мы приняли бой со стрекошвейками.

Занимаем круговую оборону.

Выносные средства наблюдения — микрокамеры, пару розеточек компактных радаров-пеленгаторов — аккуратно вывешиваем на втором технологическом балконе. Маскируемся. Где можно — выставляем пленочные экраны.

Лесь-Николай Гайдамака и Беата Даль тоже с нами. Вальдо изменил план операции, и пилотируемый человеком планетолет нам стал вроде как не нужен.

Башня компрессора навела нашего босса на одну здравую мысль. Признаю: свой мандат Консула Вальдо получил не за красивые глаза.

Планетолет на всякий случай притоплен между первым и вторым глиняными валами.

Вальдо снизошел до объяснений: во время выработки конвертируемых веществ в районе компрессора градиент гравитационного поля пляшет джигу. Эти глиняные валы-волны — результат приливного воздействия компрессора.

Весело тут ребята время проводили, природу-мать во все дыры... Извиняюсь.

Вальдо подходит к консоли контроля технологических процессов и подключает свой милитум к инфосистеме компрессора. Из небольшого, неприметного обтекателя на его правом предплечье выдвигается антенна чудной конструкции: ажурная двойная спираль, насаженная на телескопический штырь. Капитан созерцает что-то на экране консоли.

Подходить неудобно, да и боязно: больно наш Вальдо борзой стал. Может и пристрелить, если сунешь свой нос куда не просят.

Мы переминаемся в сторонке. Наблюдаем за местностью, выражаясь казенным языком. На самом деле — молимся, маемся, нервничаем.

— Гроза идет, — говорит Карлскрона.

— Скорость? — спрашивает Свечников.

— Километров сто — сто двадцать. Фронт пройдет здесь примерно минут через десять.

В этот момент Вальдо приказывает:

— Все ко мне! Рахими и Карлскрона — на месте, продолжают наблюдение.

Мы подходим.

На экране... О, это не так просто... Это совсем непросто — сказать, что же мы увидели.

Картинок не одна, а целых девять. Экран разбит на прямоугольники, в каждом из них — трансляция с отдельной камеры. Три камеры вынуждены работать в инфракрасном режиме, остальные — в обычном оптическом.

Ага, ясно. Трансляцию ведут контрольные камеры, установленные на борту высадочного катера.

Четыре наружных дают картинку южного полюса климатизации. Пять других — сканируют внутренности катера: пилотскую кабину, пассажирскую и грузовые палубы.

В полюсе климатизации творится такая чертовщина, что только одна камера способна принять нечто внятное в оптическом диапазоне. Остальные автоматически перешли в инфракрасный режим. В оптике не видно ни зги, мешает какая-то дрянь. Пыль или дым, это ясно. Но какого именно сорта — не понять.

Первое, что бросается мне в глаза, — улыбающееся лицо Вока. Вот уж не чаял когда-либо вновь увидеть Хозяина Намерений! Тем более улыбающимся.

— Битва последних дней произойдет здесь и сейчас. Пси-мастер кровернов в данный момент находится на борту высадочного катера, угнанного нашими майянскими друзьями с «Юнгера»...

Вальдо медленно, подчеркнуто четко выговаривает слова. Словно бы лекцию нам читает. О вреде табакокурения и полового разврата в условиях Пространства.

Незнакомый, чужой, принципиально *чуждый* человеческому восприятию видеоряд рвется в мой несчастный, травмированный мозг с ураганной скоростью.

В кадре — два таких же конуса цвета оловянной бронзы, какие я видел когда-то на Глокке. Воздух над ними трясется в лихорадке — видимо, конусы раскалены. Примерно раз в секунду с их острых верхушек срывается и уходит в небеса тонкий зеленый луч...

Лекция Вальдо тем временем продолжается. Похоже, происходящее на экранах его совершенно не заботит.

— ...Благодаря тому, что на вершине нашей компрессорной башни находится мощный комплекс связи, мне удалось установить контакт по закрытому шифрованному каналу с милитумом борта-один. Этим милитумом Воины Обновления пользоваться не умеют. Либо

не считают нужным им пользоваться. Так или иначе, при посадке их пилоты использовали ручное управление...

Полюс климатизации расположен недалеко от моря. Видимо, на скалистом, обрывистом берегу, потому что плавного перехода суши в море не видно. Зато за конусами-лучеметами то и дело вздымаются гребни громадных волн.

Различаются также группы вполне симпатичных растений. На первый взгляд они выбились прямо из прибрежных скал, но, присмотревшись, я вижу...

Ну ничего себе! На самом деле на экране колышутся исполинские кустистые водоросли, длиннейшие стебли которых то и дело маячат на обращенном к берегу клокочущем отроге очередной волны.

А еще мористее, почти совсем уже сожранные дымкой, возвышаются циклопические колонны, соединенные хрупкими с виду перемычками. Назначение этих сооружений никоим образом из их внешнего вида не следует. Но вид этот — принципиально нечеловеческий. Ясно, кроверны наворотили...

Камера расширяет полосу захвата. Одновременно с этим детали уменьшаются, скрадываются. Зато в кадр попадают новые объекты, находящиеся справа и слева от главной оптической оси.

— ...Как высокое должностное лицо я располагаю кодами доступа к любым бортовым устройствам любых летательных аппаратов Содружества. Таким образом, я могу сейчас, не сходя с места, дистанционно поднять высадочный катер в воздух. Вместе с пси-мастером, разумеется. Выдернуть его из сверхзащищенного полюса климатизации и доставить прямо сюда, к компрессору-19. Что я и намерен сделать...

Летательные аппараты кровернов. Уродливые борта дремлющих до поры до времени турбоплатформ.

Свежая посадочная площадка, залитая темно-зеленым вроде бы бетоном. На ней стоит большая приплюснутая лохань — воздушно-космический катер кровернов.

Возле катера в лучистом желтом шаре, парящем над землей, я вижу одинокого кроверна. Это, видимо, охранник. В кои-то веки — настоящий, живой кроверн!

Огромная орда неподвижных термитов под прозрачной пленкой.

Несколько меоравиолей, ползущих мимо турбоплатформ. Размяться решили, да?

И — густой молочно-белый пар, клубящийся по обоим краям кадра. Видимо, тот самый, который полностью ослепил три других камеры наружного наблюдения.

— ...Как только катер приземлится у основания компрессорной башни, я прикажу его бортовому милитуму открыть все двери и заблокировать управление. Мы совершаем амортизированный прыжок прямо отсюда, из диспетчерской...

Но самое любопытное — это, конечно, не инопланетная техника. А то, что творится внутри катера.

Свободная от планетолета часть грузовой палубы представляет собой скопление тошнотворной, жуткой плоти. Свита пси-мастера, состоящая из таких же точно отвратных существ, какие наше отделение повстречало в аварийном контуре Копей Даунинга.

Их не меньше дюжины, а возможно, больше. Они пребывают в полнейшей неподвижности, прилепившись четырьмя своими массивными тумбообразными конечностями к потолку, служащему, разумеется, и полом пассажирской палубы заодно.

Их бахромчатые купола вывернуты наизнанку и свешиваются вниз, обнажая омерзительные складчатые тела сухопутных медузомоллюсков. Или как их еще назвать?

А на пассажирской палубе, судя по всему, идет оживленная светская беседа. Оживленная по крайней мере по понятиям Воинов Обновления.

Шбаланке сидит, прикрыв глаза и откинувшись на спинку кресла. На руках он держит Вукуб-Цикин, мою Северину. Северина вдумчиво рассматривает бусы на шее у Шбаланке. Ну хоть не плачет, солнышко мое.

Крошка одета в ладный детский гермокостюмчик — один из трех, которые мы в свое время прихватили про запас на борту «Дайяны». Мудрые Воины Обновления тоже не забыли про них, когда сматывались с «Юнгера».

Люди Яшкина вообще проявили чудеса предусмотрительности. На случай непредвиденной аварии они защитили не только драгоценную Вукуб-Цикин, но и сами разобрали аварийный комплект легких гермокостюмов, находившийся на борту высадочного катера. Так что даже если бы катер при посадке получил пару-тройку пробоин, им удалось бы избежать отравления летучими цианидами атмосферы Виндхайма. И тогда Отряд Обновления погиб бы не от отравления, а от множественных телесных повреждений. Шутка, шутка.

Итак. Шбаланке держит Северину на руках и неспешно проговаривает вслух фразы на сакральном языке Яшкина, который не в состоянии перевести даже наши милитумы. Вряд ли этот язык понимает и пси-мастер. Общение с ним наверняка ведется на телепатическом уровне.

Видимо, Шбаланке пребывает в одном из многочисленных фазисов транса, а вслух проговаривает обращенные к пси-мастеру фразы непроизвольно. Как некоторые ветераны выкрикивают во сне «Скорее, скорее в катер!» или «Патроны давай, песья кровь!».

Остальные Воины Обновления чинно сидят на корточках у ног Шбаланке и ритмично кивают. Трудно решить, содержится ли в этом кивании какой-то смысл, существенный для энергетической поддержки переговоров с пси-мастером. Или это пустая формальность векового ритуала?

Пси-мастера я узнаю сразу.

Но вид его настолько несуразен и дик, что до последнего мгновения мне не хочется концентрировать внимание на этом порождении далекой, чуждой бездны. И верить очевидному мне тоже очень не хочется.

Два белых прямоходячих динозавра, похоже, пришлись ко двору.

Дары, подбор которых представлялся мне верхом наивности пусть мудрых, но, мягко скажем, *несовременных* Воинов Обновления с Богом забытого Яшкина, пси-мастером не отвергнуты. И более того, в соответствии с неким загадочным этикетом, дары эти потребляемы прямо на глазах дарителей.

Свежесодранная шкура одного динозавра наброшена пси-мастером на «плечи» или, точнее, на тот кобрин воротник, который окружает его голову. Кровавые останки ободранного бедолаги тоже в кадре...

А над вторым динозавром пси-мастер трудится вот прямо сейчас.

В одной конечности он сжимает нечто вроде небольшой циркулярной пилы на изогнутой рукояти. Другой — крепко держит трепыхающегося динозавра за холку. Пила визжит. Динозавр — тоже...

Вок не солгал — я уже встречался с ним. Ошибки быть не может.

Тот же металлизированный скафандр с наплывами. Та же масть, расцветка и расположение крапинок, задумчивое и высокомерное, с позволения сказать, лицо.

Но главным аргументом является, конечно же, отметина от моей неразорвавшейся пули. В том самом месте, где металлизация заканчивается и скафандр превращается в полупрозрачное желе, облекающее его не лишенное монструозной грации тело.

Темное пятно в асимметричном звездообразном углублении на фоне нежно-песочной кожи. Справа. Именно там, куда отправилась пуля из моей «Сьюздали» в пещере над разрушенным кессоном аварийного контура.

Когда понимаешь, что имя твое — Судьба, под ногами разверзается пропасть.

Я мог убить пси-мастера. Даже после того, как не сработавшая в полную мощь пуля швырнула его в мутную водицу под моими ногами. Хватило бы двух-трех выпущенных наугад гранат из «Тандера».

Кроверны живучи, но они тоже уязвимы, тоже смертны.

Если Эверт Вальдо прав насчет уникальной специализации пси-мастера — в тот день война закончилась бы.

У меня в голове это просто не помещается. Трудно вообразить, что тогда под моим пальцем была Самая Большая Красная Кнопка.

У маленьких мальчиков — маленькие проблемы.

У больших мальчиков — большие проблемы.

У горстки штурмовых пехотинцев, которые взялись в одиночку выиграть войну, — проблемы любые вплоть до летального исхода.

Карлскрона и Рахими тревогу вовремя не подняли. Впрочем, и не могли.

Патрульный сквад из трех турбоплатформ, который шел на предельно малой высоте между сопками, был замечен нашими радарами лишь на катастрофически близкой дистанции в считанные километры. Видать, расстрелянные нами стрекошвейки в последние мгновения все-таки успели связаться со своими творцами.

Засекли нас турбоплатформы или нет?

Прятаться или бежать?

Куда бежать? Как прятаться?

Чтобы заметить нас внутри диспетчерской, надо специально приглядываться. Зависнуть буквально на расстоянии вытянутой руки от бронепластикового переплета — и вынюхивать, вымерять, прислушиваться.

Потому что пленочные экраны. Потому что стелтс-технологии. Потому что притаившийся внутри помещения пехотинец — объект в высшей степени неконтрастный.

— Всем замереть! — приказывает Свечников, опережая Вальдо, вроде как старшего офицера в нашей банде. Старший-то он старший, но Вальдо — мыслитель и стратег, а в банальной тактике мы со Свечниковым побольше смыслим.

Никто не против. Кроме Вальдо.

— Может, разумнее все-таки спуститься вниз на лифте и спрятаться под водой? — тихонько спрашивает Вальдо. Признает, значит, что по турбоплатформам он не эксперт. Тут уж Свечников в законе.

— Слишком поздно. Они засекут движение лифта.

Турбоплатформы приближаются. Они идут прямо на компрессорную башню. Точно, настучали на нас эти поганые стрекошвейки. Как пить дать настучали!

А может, и не только стрекошвейки. Я прикидываю...

Если наш высадочный катер подстрелили в нижних слоях атмосферы, значит, на экранах кровернской воздушно-космической обороны мы точно засветились. Если засветились, то радары воздушно-космической обороны вели наш разваливающийся катер, а потом скорее всего и планетолет до момента посадки. Вслед за тем они могли передать нас менее дальнобойным, но более точным радарам патрульного сквада.

Кровернскому патрулю не составляло, конечно, труда сопровождать такую контрастную цель, как планетолет, от района приземления до компрессора-19. Это хорошо еще, что они не догнали нас на переходе.

После этого планетолет оказался под водой, исчез с их экранов и больше не появлялся. Выводы очевидны: где исчезла машина — там и проклятые однодышащие тли!

— Этого мало, ворэнт, — говорю я шепотом, словно кроверны могут услышать мой голос прямо так, непосредственно. — Они начнут искать и найдут. Они знают, что наш планетолет здесь.

До Вальдо доходит мгновенно. Тут же его великолепный ум принимает единственно верное решение:

— Значит, милитум планетолета должен увести машину подальше.

Чудная антенна связи по-прежнему торчит из экоброни кэпа. Планетолет совсем близко, так что никаких усилителей не требуется.

— Послушайте, а кроверны не запеленгуют нас при передаче командного пакета? — вполне резонно интересуется Тайша.

— Не должны. Я постараюсь настроить фокусировку импульса предельно точно.

Турбоплатформы уже видны невооруженным глазом. Они идут вровень с диспетчерской. Мы их видим — они нас нет. Но если кроверны нас все-таки заметят, мощи их плазмометов хватит, чтобы от нашей башни остался скромный огарочек.

Вальдо не комментирует свои действия — он просто *действует*.

Мы не знаем: установил он связь с планетолетом или нет. Загрузил ли командный пакет в бортовой милитум? Поднялся ли планетолет из-под воды?

Я проверяю таймер. Мы находимся на поверхности Виндхайма двадцать семь минут.

Еще три минуты — и южный полюс климатизации превратится в огненный котел. Если, конечно, «Юнгер» по-прежнему цел, на что рассчитывать особо не приходится.

Турбоплатформы уже так близко, что можно в деталях рассмотреть длинную косую борозду, оставленную центаврианской зенитной установкой на лобовом фасе лидера сквада.

В узких щелях между отдельными острыми зубьями летающего «кораллового рифа» ворочаются плазмометы. Думаю, не одному мне при виде таких игрушек захотелось сходить по-маленькому.

Вдруг сквад резко меняет направление полета.

Тянутся скрипучие секунды... Несмотря на неожиданный маневр, два плазмомета наводятся в аккурат на диспетчерскую. И все то время, которое требуется турбоплатформам, чтобы обогнуть башню, плазмометы продолжают проворачиваться в своих бронемасках, удерживая башню под прицелом.

А потом дрожащий воздух под днищем «коралловых рифов» пропитывается сотнями крошечных малиновых вспышек. И весь сквад резко уходит ввысь.

Вслед за чем плазмометы начинают беглую залповую пальбу.

К счастью, не в нас. А в сторону тех сопок, через которые мы выходили на компрессор-19.

Не прекращая испепелять остатки лесов в затопленной долине, они споро набирают скорость и растворяются в дымке.

— Получилось! — Вальдо в восторге. — Планетолет все-таки увел их!

— Кроверны решили, что все мы находимся на борту планетолета? — Мне лично очень хотелось в это верить.

— Именно, Серж! Именно! Проблема только одна: не вернутся ли турбоплатформы сюда после того, как сожгут планетолет? Ведь они его, увы, завалят, и довольно скоро. Ладно, к черту. Все равно мы тут...

Вальдо засекается. Ага. Сам понимает, что чудес не бывает. Убьет он пси-мастера кровернов или нет — вопрос тонкий. А вот всех нас точно замочат.

Вальдо, может, памятник поставят. Я так и представляю такой себе уютный сквер в Анаграве или Москве... Петуньи да настурции на клумбах, ручные суслики попкорн клянчат. Голуби курлы-курлы, подростки над руководством «Азбука петтинга» пыхтят...

А над всем этим наш красавец Эверт из стеклостали, опираясь на колонну, возвышается. И лицо у него такое — печальное и задумчивое. Типа «мне б ваши проблемы!». А под памятником надпись

золотится: «Эверту от спасенного Человечества». Потом еще интеркнигу напишут: «Смерть поправ». А потом и адвентюру сочинят.

Но все это про Эверта. А наши фамилии затеряются в длинных списках младших комбатантов, погибших в кое-каком секторе Пространства при исполнении.

Нет? Тогда вспомните, как звали тех спартанцев, которые помогали царю Леониду держать персов в Фермопильском ущелье. Никак?

— Итак, пора заканчивать нашу прогулку, леди и джентльмены, — меняет тему Вальдо и с этими словами вновь включает консоль контроля технологических процессов.

На экране все по-прежнему. Только в одном секторе летят кровавые брызги, которых раньше не наблюдалось. Пси-мастер свежует второго дьяволенка.

Когда бортовой милитум, повинуясь приказаниям Вальдо, выдернул высадочный катер из полюса климатизации, до расчетного удара «Юнгера» оставалась одна минута.

Не завидую я Воинам Обновления. Когда до пси-мастера дошло, что скорлупка земного производства оторвалась от поверхности планеты и очень-очень быстро рванула в неизвестном направлении, он отшвырнул прочь динозавра и сразу же метнулся в пилотскую кабину.

Держи карман шире! Дверь захлопнулась прямо перед его носом. Открыть ее сейчас мог только член Действительного Правительства.

Моя Севериночка заплакала в голос.

Ну держитесь, мучители всех рас и физиологий, никому мало не покажется! Да за слезу сиротки правительственный штурмовой пехотинец готов разнести полмира, если хотите знать!

Шбаланке, похоже, пытался пси-мастера как-то урезонить, но контакт был утрачен. Атмосфера доверительных переговоров враз сменилась глубокой взаимной подозрительностью и неприязнью, хе-хе.

Скафандр пси-мастера покраснел, по нему побежали быстрые желтые искры.

Желеобразный герметик замутнился и потерял прозрачность...

— Вальдо вызывает «Юнгер», вызывает «Юнгер»...

Связи с рейдером не было. Таймер пошел на тридцать первую минуту, но по-прежнему ничто не намекало на массированный удар по полюсу климатизации...

Выжигая воздух дюзовым выхлопом и оставляя широкий флюоресцирующий след, высадочный катер, как чудной низколетящий метеор, на мгновение показался в нашем поле зрения и сразу исчез где-то внизу, у подножия башни.

Ну что, пошли?

Пошли!

Широченный пояс бронепластика был выпарен взрывом одной-единственной гранаты «Тандера». И все мы прыгнули вниз. Одновременно. С полуторакилометровой высоты.

— Ура-ааа!

— Убью!

— Люблю!

— Гады!

— Центавр!

А что еще кричать, когда летишь вниз, как глупый тяжеленный мешок костей и высоких технологий, без парашюта, и надеешься только на быстроту милитума и чуткость сенсоров?

Не пустые страхи, между прочим.

У нас-то глидеры включились исправно. И аккуратно погасили на последних пятидесяти метрах всю инерцию падения.

А вот у Файзама Рахими сбойнул управляющий контур — он грузно вошел в воду, расплескивая ее с такой всепобеждающей мощью, что на мгновение открылось неряшливое дно. Там он и сгинул.

Произнести нечто подобающее случаю мы не успели. Потому что прямо перед нами был катер.

Он совершил полужесткую посадку примерно в том месте, где мы прятали планетолет.

Катер значительно выше планетолета и поэтому ушел под воду не больше чем на треть. Левый хвостовой стабилизатор при посадке оторвался. Вместе с ним разрушилась часть обшивки пассажирской палубы. От пробоины вниз тянулась трещина, которая пересекала по вертикали и грузовую палубу.

— Ты зачем разбил катер, Эверт?! Там же Северина! — Я с удивлением обнаружил, что осатанел до самой точки закипания. Еще немного — и превращусь в чистую энергию ненависти.

— Я не мог посадить его иначе, Серж! — пролаял Вальдо. — Милитум — тот вообще отказался бы совершать посадку в таком месте! Скажи еще спасибо, что я не грохнул катер вместе с пси-мастером о ближайшую сопку! Эх, погубит Содружество мое малодушие...

Люки катера были распахнуты настежь. Аппарель грузовой палубы Вальдо перед нашим прыжком заблокировал, чтобы монстры из свиты пси-мастера не могли вырваться на волю.

Однако, судя по чавкающим звукам, медузомоллюски не желали мириться со своей участью похороненных заживо.

Неужели тварям достанет дури разрушить дебелую обшивку катера и выбраться на волю? Но для этого ведь требуется воистину дьявольская сила!

Кто их знает, сволочей. Удалось же им тогда продраться внутрь аварийного контура вместе с небесным наводнением... Свечников, видимо, думал о том же:

— Карлскрона, на гребень вала! Наблюдать за трещиной. Если оттуда полезет всякая плесень — крой ее из «Тандера»!

Ну а мы, конечно, рванули к пассажирским люкам.

Куда там! Взметнулись сплетенные из воды щупальца. Одна группа щупалец перегородила шевелящимся хищным частоколом дорогу к катеру, другие начали охоту за нами.

— Стреляйте в них из «Сьюздалей»! Это помогает! — крикнул я и подал положительный пример, поливая взбесившуюся воду активными пулями. — И уходите на высоту, там не достанут!

С такими же щупальцами мне довелось повстречаться в аварийном контуре Копей Даунинга. Только тогда пси-мастер был, наверное, не в ударе. Потому что сейчас щупалец было больше и действовали они куда успешнее.

Все потонуло в вое реактивных автоматов.

Заорал как резаный Лесь-Николай. Бухнул «Тандер» Карлскроны. И еще два раза.

Я с ужасом увидел, как верхняя часть туловища разорванного надвое Гайдамаки шмякнулась на крышу катера. «Сьюздаль» в его судорожно сжатых пальцах продолжал стрелять. Пули рвали из компрессорной башни куски раскаленного пластика...

А не пошли бы вы все! Краем глаза отметив, что с Тайшей все в порядке и она, умница, пытается держаться поближе ко мне, я резко пошел вверх и вперед.

Завис прямо над катером. Благо высота, на которую я поднялся, позволяла избегнуть встречи с направляемой пси-мастером безликой смертью.

Несколько водяных щупалец бесновались у верхнего люка, перекрывая проход на пассажирскую палубу катера. Другой дряни, правда, видно не было.

Ну здоров воевать пси-мастер! Спасибо еще, он прямо по нашим мозгам влепить своей телекинетической энергией не может, а то вообще передавил бы нас, считай, ногтем, как ту самую тлю.

Ни Вальдо, ни Свечникова, ни Беаты, ни Кизи... Никого.

И только Карлскрона, занимавшая сравнительно безопасную позицию на гребне вала, напряженно всматривается в развороченный борт возле грузовой палубы.

В сумбуре боя вечно упускаешь что-то важное. Может, опытные сержанты и умеют замечать абсолютно все. Я — не умею.

— Карлскрона, где наши?

Ответа я не получил. Огненный смерч стер Карлскрону с Альбертовой сетки пространства, обернул пышным саваном белого пара, подарил экосфере Виндхайма.

Турбоплатформы вернулись! И на этот раз они своего не упустят.

Пришла пора логики для бедных.

Пси-мастер жив — потому что щупальца по-прежнему ворочаются. Будут ли кроверны стрелять в катер, где находится их лучший из лучших, самый-самый главный родич?

Правильно. Значит, спасение — внутри катера.

— Тайша, за мной!

Вслед за этим я рванул вниз на полной скорости, притираясь к борту катера почти вплотную. Моей целью была дыра, проделанная гранатами Карлскроны.

Мне было не до объяснений. Я — старший, я отдаю приказы, которым нужно подчиняться, вот и все. Рядовая Тайша Вассерфаль, как и любой дисциплинированный солдат, обязана была последовать за мной.

Я не знаю, что случилось.

Может быть, замешкалась на одно роковое мгновение.

Возможно, перепугалась до смерти и решила, что лучшее укрытие — глиняный вал или башня компрессора.

У меня над головой сверкнула вспышка. Еще один разряд — рассеянный такой, щадящий, пришелся аккурат на два метра левее моего плеча. Не могли кроверны лупить по катеру на полную мощность! Не могли, тряслись за своего драгоценного многомысленного папочку!

А вот Тайшу, которая находилась выше катера, они распылили на молекулы.

Я ожидал встретить на грузовой палубе не меньше полудюжины разъяренных монстров и вместе с ними — свою смерть. Вместо этого я увидел жуткое побоище.

— Отличный денек, — сказал Вальдо, выступая из-за оплавленного борта планетолета.

Он стоял по грудь в воде, как, впрочем, и я. Он был жив, хотя его экоброня обгорела и украсилась несколькими глубокими вмятинами. Ствол его «Сьюздали» смотрел мне в грудь.

Больше здесь не было ни одного живого существа.

Что могло гореть — испарилось сразу же от гранат «Тандеров». Останки свиты пси-мастера в жидком виде украшали потолок. На воде болтались куски блевотворного жаркого.

Кизи Кен Амана опознать можно было только по нагрудному знаку. Он стоял в дальнем углу, прислонившись к стене. Голова отсутствовала.

— Где Свечников? — спросил я.

Вальдо сделал неопределенный жест. Типа «везде».

— Эверт, скажи, что ты не сошел с ума.

— Я не сошел с ума. Серж, я должен закончить нашу работу.

Ствол его «Сьюздали» по-прежнему смотрел мне в грудь. Тут только я сообразил, что моя поза полностью, зеркально повторяет позу Вальдо. И моя «Сьюздаль» точно так же готова в любое мгновение разнести Вальдо на куски.

У нас накопились определенные разногласия. Мы оба это понимали.

— Эверт, я вот забыл сказать тебе спасибо. За то, что ты посадил катер, а не разбил его о ближайшую сопку.

— Пожалуйста, Серж.

Вальдо был человеком власти. Я — разменной фигурой меньше пешки. Вальдо был гением, я, мягко скажем, таковым не являлся. И хотя нас, таким образом, разделяли две пропасти — служебная и интеллектуальная, — сейчас мы были равны как никогда. Наверное, с этой целью неандертальцы и придумали оружие. Чтобы пропасти заузить.

В углу, поблизости от обезглавленного Кизи, послышалось громкое «плюх». Мы, не сговариваясь, перебросили стволы туда.

— Вы все испортили, — строго сказал Шулу. — Но если я крикну вам «уходите!», вы все равно не уйдете.

Это была не то пятая, не то шестая фраза, слышанная мною от Хозяина Действия за все время нашего знакомства.

Над головой Шулу я только сейчас заметил люк. Ну да, все правильно, там запасной ход и расположен. Оттуда он и спрыгнул к нам.

Снаружи донесся победительный рокот. «Неужели «Юнгер»?» — обрадовался я.

Нет, это был всего лишь грозовой фронт, приближение которого десять минут назад пророчила нам Карлскрона. Удивительное дело — каких-то десять минут назад! А самой Эстер уже и нетути...

С сокрушительным ревом ударил ливень. Судя по аритмичной дроби — вперемежку с градом.

Мы поднялись на пассажирскую палубу. Шулу я взял под мышку. Без моей помощи вернуться наверх ему было бы непросто — легкую откидную лесенку «Тандеры» выжгли начисто.

«Вечно я посреди всякого дерьма катаю на себе этих Воинов Обновления», — подумал я, вспомнив Глокк и полеты с псевдо-Дюмулье.

В первое мгновение мне почудилось, что Воинов Обновления убила жесткая посадка. Останки Шканиль и Чи выглядели именно так: как будто их расшибло резким ударом о стену, а потом швырнуло на пол.

Но потом я заметил Шбаланке с выпущенными наружу бурыми кишками.

И Тепеу, буквально разорванную на куски.

И Чи, сильно обожженную и изувеченную. Бедняжке наверняка досталось раскаленными газами от разрывов наших гранат.

— Вот так, Эверт. Вот так, — пробормотал я.

Черт, а что еще сказать?! Я искренне пожалел, что не пристрелил проклятого капитана там, внизу. Сейчас клинч прошел. Только болело сердце по погибшей Тайше.

Дальше проход загораживала неподвижная туша медузомоллюска. Он выглядел каким-то сдувшимся, уменьшившимся едва ли не в четыре раза.

— Это он их убил? — поинтересовался Вальдо у Шулу.

— Да.

— Как вы его остановили?

— Хозяин Действия умеет обращаться с любыми животными, — гордо ответил Шулу. — А Мастер Мыслей, как оказалось, нет. Когда малый хип полетел, твари взбесились. Когда упал — одна полезла сюда. Я бы успокоил ее быстрее, да долго искал свой ветерок смерти. Нашел.

А вот и пси-мастер. Ну слава богу, хоть одна живая душа!

Я уже не знал — плакать или начинать потихоньку смеяться. На этом уроде по-прежнему висела нелепая и страшная свежая шкура белого динозавра. А сам пси-мастер был в высшей степени ловко втиснут в невиданную сетку, состоявшую из живых волокон.

Эти удивительные волокна, вроде толстой паутины, но, по всей видимости, исключительно прочные, тянулись... к тем самым «лимонам», которые я в свое время видел попискивающими на полу кают-компании «Юнгера»!

Только теперь эти штуки не пищали. Они были прилеплены к полу и потолку, прочно заякоривая спеленутого сетью пси-мастера.

Верховного кроверна держал под прицелом Хоб-Тох. У мирного Хозяина Знания был в руках предмет, напоминающий две большие расчески, укрепленные на рожках по бокам пистолетной рукояти. Такой штуки я раньше не видел. Вместительными оказались мешки у Воинов Обновления...

Напряженность позы Хоб-Тоха и, главное, действующее на нервы жужжание-дребезжание, которое создавали мелкие искорки, перебегающие между зубьями «расчесок», подсказали мне, что в руках у Хозяина Знания — смертоносное оружие, а не какой-нибудь там фен-стерилизатор.

Ну и хитрецы! «Разговаривая о мире, готовься к войне», — это Воины Обновления, похоже, понимали очень хорошо. И, направляясь на мирные переговоры с пси-мастером, запаслись не только подарками, но и пилюлями. Вот и Шулу некий «ветерок смерти» упоминал, и «лимончики» эти антикварные...

Вок, Хозяин Намерений, сидел на полу в огромной луже воды. Его раскосые глаза были прикрыты. Там же, рядом с ним, копошилась на полу Вукуб-Цикин. Она возила «лимоном» по полу, словно игрушечной машинкой, и приговаривала «дрррын-дын-дын!».

Живая!

Моя Севериночка столько вытерпела, что даже не плакала. Отшвырнув «машинку», она стала теребить Вока за рукав и тихонько залепетала нечто вроде «па-па».

Душераздирающее зрелище.

Я подхватил крошку на руки. Стоило мне это сделать, как я ощутил толчок удивительного, волшебного тепла. Мягкая волна подкатила к затылку, с легким покалыванием вошла в мозг... А потом, отразившись от черепного свода, опустилась вниз по позвоночному столбу.

— За что вы его так? — спросил я у Шулу.

— Мастер Мыслей вел себя неразумно. Он приказал воде убивать. Вода пришла в малый хип и напала на Хозяина Намерений. Пришлось попросить Мастера Мыслей не делать этого.

— Хозяин Намерений мертв?

— Хозяин Намерений жив. Но очень утомился.

— Вы убьете Мастера Мыслей?

— Нет. Всем надо успокоиться и поговорить. Но Хозяин Слов повстречал свою смерть. А Хозяин Намерений отдыхает. Поодиночке ни я, ни Хоб-Тох не можем хорошо говорить с Мастером Мыслей. Вы все испортили, люди Хищного Тулана. Я говорил, когда мы улетали: надо убить ваш хип. Хозяин Намерений не позволил. Он

набрался лишней чести от вашей хип-водительницы. Хищный Тулан портит...

— Конец прекрасной эпохи, — резюмировал Вальдо.

Его «Сьюздаль» была нацелена кроверну точно в центр груди. Вальдо оставалось лишь нажать на спусковой крючок. Что он и сделал.

Щелчок, писк.

Я машинально покосился на индикаторы его «Сьюздали».

В обоих рукавах автоматической подачи закончились патроны! Хорошая штука, наверное, эта экспериментальная экоброня, да вот только чудес не бывает. Боезапас у нее в два раза меньше, чем у обычной!

Вальдо выматерился на своем родном португальском языке и полез за магазином.

— Эверт, не надо! Пленных не убивают!!!

Вальдо достал магазин.

Хоб-Тох, который до этого не проронил ни слова, резко обернулся.

— Мастер Мыслей должен жить, — тихо сказал он. — Не шевелись, иначе я убью тебя.

Снаружи раздался нарастающий грохот. Не очень-то похожий на гром...

Пси-мастер не собирался ждать милостей от природы. Он уже не верил Воинам Обновления. А кроме того, он видел прямо перед собой двух опасных животных с реактивными автоматами.

Хищных, отвратительных тварей, которые несли планетам экологические катастрофы, противились справедливости и были в высшей степени неразумны. Твари пришли убить его! В этом пси-мастер, конечно, не сомневался.

Стоило Хоб-Тоху отвлечься, как вся вода, разлитая по полу пассажирской палубы, мгновенно схлопнулась в тонкую длинную змею.

Переливчатый бросок — и Хоб-Тох отлетел к стене. Несколько витков водяной змеи ломали кости его правой руки.

Вальдо сразу же вставил магазин. Щелкнул фиксатор.

Как я до этого додумался? Да никак.

Все решилось, похоже, без участия моего разума. Я почувствовал новый толчок теплоты во всем теле и выстрелил.

Активная пуля вошла Вальдо в толстенную подошву правого глидера, где проходят контуры управления и энергоснабжения экоброни.

Взрыв подбросил Вальдо вверх. Когда он шмякнулся обратно на палубу, то не мог шевельнуть ни ногой, ни рукой.

Его «Сьюздаль» тоже была обесточена. Вальдо, таким образом, оказался пленником собственной экоброни, совершенно беспомощным при заглушенных сервоприводах и очумевшем милитуме. Неплохо придумано, правда, Эверт?

Притихшая Северина по-прежнему сидела у меня на сгибе левой руки. В правой я сжимал «Сьюздаль».

Я подскочил к пси-мастеру вплотную. Ствол «Сьюздали» уткнулся ему прямо в брюхо.

— Кого один раз недострелили — того повторно не расстреливают, слыхал преданье старины глубокой?! — заорал я, будто пси-мастер мог понять мои дикарские завывания. — Убирайся отсюда со всей своей блядской бандой, ты понял?! Ты понял меня?! Я хочу сохранить тебе жизнь, рыба ты безмозглая!

«Однодышащий из числа убивающих планеты умеет говорить?» — шевельнулась у меня в мозгу слабая, какая-то слепая мысль.

Мысль была явно не моя. Так чья же???

— Это ты сказал???

«А это ты сказал?»

— Да, это сказал я, Сергей ван Гримм. Мы встречались в подземельях на Глокке.

«Помню. Как ты говоришь?»

— Все дело в ней. — Разумеется, я имел в виду Северину.

Там, снаружи, в окрестностях компрессора-19, творилось что-то ужасное. Ревел приблудный ураган. Катер крепко тряхнуло взрывной волной.

Я подумал, что там, наверное, уже полным-полно кровернов. Патрульный сквад вызвал подкрепление. Мы окружены. У нас нет и одного шанса из миллиона. И все такое...

«Дело не только в ней, — ответил кроверн. — *Ты умеешь говорить и сам, я чувствую это. Иначе маленькое существо не смогло бы помочь тебе. Правда, без маленького существа ты пищал бы так тихо, что я мог бы и не расслышать».*

— В таком случае я не знаю, что ответить. Я не знаю, как именно говорю.

«Очень любопытно...»

Очень любопытно! Ему, висящему на волосок от гибели, было, видите ли, «любопытно»!

Зря Вальдо убить его собирался. Очень зря. Эти два ученых психа нашли бы общий язык.

И они, кстати, его нашли. Но это уже совсем другая история.

«Выходит, среди убивающих планеты есть разумные существа. Отчего же вы ведете себя столь неразумно?»

— Мы постараемся исправиться, — сбрехнул я первое, что подвернулось на язык. — Но теперь ты видишь, что нельзя нас убивать. Мы, например, убивали кровернов только ради самообороны.

«Да. Я начинаю сожалеть, что спасал планеты, убивая при этом потенциально разумных существ. Но вам придется заняться планетами собственноручно».

— Может быть, ты научишь нас этому?

Я чувствовал, что пора ковать железо, пока горячо. Ведь сейчас я был главным дипломатом Содружества, черт побери!

«Нет».

— Почему?

«Технологии вы знаете и без меня. Остальное — это дар, а не навык. Ему научить нельзя. А теперь отпусти меня. Я чувствую близость своего брата. Он зовет меня к себе».

— Чем занимается твой брат?

«Другим искусством, не знаю, как тебе объяснить. Я могу вылечить мир. Он может его построить».

— Как?!

«Он зажигает звезды и делает планеты. По ту сторону времени».

По ту сторону чего? Вре-ме-ни? Что он хочет этим сказать?!

«По ту сторону» — это либо в Вечности, либо в Прошлом, либо в Будущем. Я бы так понимал...

Неожиданное, колючее и страшное подозрение шевельнулось в глубинах моего сознания. Пси-мастер воспринял его как прямо поставленный вопрос. Слов мне не потребовалось.

«Я полагаю, что сообщил уже достаточно. Все, что я могу сообщить про своего брата, не будет иметь отношения к тебе и твоим родичам. К тебе и твоим родичам имеет отношение такое мое слово. Вы будете занесены в наш кадастр потенциально разумных рас. Мы не будем убивать вас, я не буду лечить ваши планеты. Это продлится треть того времени, которое требуется свету, чтобы преодолеть расстояние от этой планеты до вашей...»

«Примерно сорок стандартных лет», — прикинул я.

— Ван Гримм, ты с ума сошел? Болтаешь сам с собой, чушь какую-то молотишь! Сережа, эй! Э-ге-гей!

Этот новый голос прозвучал в моих наушниках, отнюдь не в моем сознании. Неожиданный и нежданный. Не менее десяти секунд мне

потребовалось, чтобы вернуться к реальности и сообразить: говорит Иштван Радуль, первый комендор «Юнгера».

— «Юнгер»?! Где вы?!

Радуль шумно выдохнул. Кажется, он испытал грандиозное облегчение.

— В километре от тебя, солдафонская твоя башка.

— Вы сели на планету?!

— Пришлось. Благо это рейдер, а не крейсер. Не уверен, правда, что нам посчастливится взлететь. Почему не отвечают Вальдо и Свечников?

— Ворэнт, кажется, погиб, а Вальдо... У Вальдо повреждения. Экоброня обесточена. Что там снаружи происходит?

— Это надо видеть. Но в целом — ситуация под контролем. Пока что. Вам нужна помощь?

— Нет. То есть д-да. Да́, нужна! Пришлите человек шесть на каком-нибудь транспортном средстве!

— Ишь, чего захотел... Разве что на шагающем погрузчике?

— Да хоть на инвалидной коляске. Я Вальдо в одиночку не дотащу, это ж три центнера! А с местными g — и все четыре. Главное, у меня тут еще один подарочек... Который, хм, вовсе не подарочек...

И в этот момент уста разлепила моя бесстрашная Севериночка. А может, она сказала то, что сказала, не размыкая губ:

— Хороший. Убью.

И махнула на страшного кроверна ручкой.

Я ожидал увидеть что угодно, но только не это.

Дождь и ветер ослабли, град совсем прекратился. Дымка исчезла. Местность теперь просматривалась на десятки километров.

Проступило даже полукружие залива. Вдали, у противоположного берега, угадывались циклопические сооружения кровернов.

Посадочные гусеничные группы «Юнгера» уходили глубоко в размякшую, жирную землю. Рядом с компрессорной башней рейдер не казался таким уж большим.

Между озером и сопками зияли три громадные воронки. Лаконичное свидетельство гибели патрульного сквада турбоплатформ. Там смешались с четырьмя стихиями убийцы нелюбезной Карлскроны и моей отчаянной красавицы Тайши Вассерфаль.

Сомневаться в том, что над турбоплатформами потрудились батареи ближней обороны «Юнгера», не приходилось. Точнее — потрудилось то, что от этих батарей осталось.

Рейдер смахивал на кашалота, который выдержал схватку с грандиозным спрутом, а потом долго уходил от целой своры оголодавших касаток.

Антенна гиперсвязи огромной угольно-черной кляксой растеклась по корме. Выгоревшая до каркасов правая группа планетарных двигателей походила на клетки, из которых только что вырвались на свободу осатаневшие от бескормицы драконы планеты Сира. Две из трех батарей ближней обороны тоже были сожжены.

Весь корпус «Юнгера» был покрыт черными и рыжими полосами, вмятинами, выбоинами. В нескольких местах виднелись обугленные заплаты из так называемого быстрого стекла, которым система живучести автоматически латала пробоины...

— Сениор флэг-лейтенант, как вы отважились идти на посадку? Ведь «Юнгер», похоже, взлететь уже не сможет?

— У нас не было выбора, капрал. Мы выполняли приказ.

— Чей? — малость втупил я. Что, впрочем, было вполне простительно для экс-вице-покойника.

— Разумеется, капитана Вальдо.

— Так ведь приказ был уничтожить пси-мастера кровернов любой ценой!

— За ценой мы не постояли. Под огнем станций противокосмической обороны «Юнгер» вышел на позицию для торпедной атаки южного полюса климатизации за две минуты до назначенного срока. Но все наши торпеды были сбиты. Рейдер был вынужден спешно отступить под угрозой уничтожения корабля. В этот момент к Виндхайму прорвался центаврианский крейсер. Он связал боем кровернские корветы, благодаря чему нам удалось оторваться от преследователей. Боезапас тяжелого оружия классов «космос — космос» и «космос — поверхность» был израсходован полностью. Тогда корветтен-капитан Голдсмит приняла решение совершить посадку в зоне экстерминации. И взорвать пси-мастера вместе с рейдером. Космофлот выполняет приказы всегда, капрал.

В этих словах Радуля мне послышался укор в мой адрес. Не хотел ли лизоблюд Иштван намекнуть, что живой кроверн, который сейчас маячил рядом со мной на спине посадочного катера, свидетельствует о моей измене?

— Штурмовая пехота тоже, сениор флэг-лейтенант, — вставил я, типа как намека не понял.

— Разумеется, капрал. Так слушайте же. Мы рассчитали траекторию и уже вошли в атмосферу, когда получили уточненные ко-

ординаты борта-один. Оказалось, что они изменились и полностью совпадают с координатами вашей боевой группы, которые транслировались в автоматическом режиме с компрессора-19. У нас с корветтен-капитаном возникли разногласия. Голдсмит полагала, что пси-мастер по-прежнему находится в южном полюсе климатизации. Я же ратовал за то, чтобы совершить посадку рядом с компрессором-19. Другие офицеры согласились со мной. Мы с Кумаром временно отстранили Голдсмит от управления кораблем — и вот мы здесь. Красный скат рядом с тобой свидетельствует о том, что мы не ошиблись.

...Грозовой фронт, который прошел здесь, не был обычным грозовым фронтом. Дождь не был обычным дождем, град не был градом.

Мы стали свидетелями последней фазы климатизации Виндхайма.

И сопки, и глиняные валы в озере, и вся равнина до самого моря была засыпана толстым слоем рыхлых, неряшливых хлопьев ядовитого синего цвета.

На уцелевшем хвостовом стабилизаторе катера сидела Беата Даль. С сигареткой в зубах. Без гермошлема. Живая!

Это не умещалось в голове.

Требовались разъяснения.

Срочно.

Немедленно!

— Когда мы во главе с Вальдо попытались прорваться на грузовую палубу, я шла замыкающей в группе. Одно из водяных щупалец выдернуло меня из пробоины и утащило на дно. Какое-то время я отбивалась от него под водой. Потом щупальце исчезло и я вырвалась на поверхность. Милитум сообщил, что экоброня разрушена, система регенерации вышла из строя. Обзорное стекло и то было разбито. Экстренная кислородная маска тоже отказала. И тут пошел этот удивительный дождь, посыпались семена...

— Какие семена?

Беата протянула мне открытую ладонь. На ней лежал граненый наконечник стрелы длиной четыре дюйма.

Конечно, не наконечник стрелы, нет.

Семя неизвестного растения, заключенное в твердую черную кожуру с мелкими шипами. Там, где у этого «наконечника» полагалось находиться древку стрелы, из семени торчали три острых желто-зеленых хвостика-ростка.

— ...И когда я уже почти потеряла сознание от отравления, дышать неожиданно стало легче. В дождевых каплях содержался ка-

кой-то удивительный катализатор. В результате химической реакции летучие цианиды были связаны и выпали в твердом виде как синие хлопья. А из воды, находящейся на поверхности и в почве Виндхайма, выделился дополнительный кислород. Теперь на Виндхайме можно дышать полной грудью, Серж. Только виски ломит и уши болят, — как-то виновато усмехнулась Беата. — Давление в полтора раза выше стандартного.

Кто-то тронул меня за локоть. Я вздрогнул. Этого просто не может быть, ведь я в экоброне! Она не позволяет ощущать прикосновения непосредственно!

Пси-мастер, о котором я как-то уже начал забывать. Обновленный пейзаж Виндхайма, «Юнгер», Беата — все это полностью поглотило мое внимание.

Да и Северину я тоже перестал воспринимать как что-то отдельное от моего тела, *значимое самостоятельно* — так ладно она усиделась на моей левой руке. Усталости я не чувствовал ни малейшей, ведь Северину удерживали силовые приводы экоброни, а не мои мышцы.

И вот — это прикосновение пси-мастера.

Его хвост даже не касался экоброни, оставаясь в нескольких дюймах от моего правого предплечья. Но у меня возникло отчетливое ощущение, будто он прошел сквозь нее и вступил в прямой контакт с моей кожей!

— Что?!

«Ты, твои люди, твой корабль пришли сюда, чтобы убить меня, — сказал пси-мастер. — *Но ты отвел смерть. Ты спас не только меня, но и всю свою потенциально разумную расу. Потому что на мою смерть мой брат ответил бы полным уничтожением твоих родичей. Мой брат очень любит меня. Итак, ты заслужил право на истину. Я хочу, чтобы ты увидел то же, что вижу я сам. В меру твоей слепоты, разумеется, ибо полная мера истины тебе недоступна. Удали покровы со своей головы».*

Я покосился на Беату. Жива старушка и без «покровов». Вроде даже чувствует себя неплохо.

Огляделся по сторонам. Хоб-Тох, оклемавшийся Вок и Шулу уже успели снять шлемы своих легких гермокостюмов. Тоже вроде в добром здравии пока что.

Эх, была не была!

Я приказал милитуму откинуть шлем на спину. Тот переспросил. Я повторил. А надо ли все-таки? — не унимался милитум. Зона боевых действий, как-никак! И фонит чуть выше обычного.

Да надо, надо.

Чпок!

Шлем шмякнулся за спину. Мне в рожу, словно ложножелудок растения-хищника на длинном стебле, сразу же бросилась экстренная кислородная маска.

Содрал и ее. К черту! Хочу раз в жизни подышать воздухом зоны боевых действий!

Но не успел я насладиться сложным ароматом жженой плоти, горелой брони и морской свежести, как на мою макушку легла...

...Я утратил человеческую телесность. Но и кровернской не обрел, хотя ожидал чего-то в этом духе.

Пять человеческих чувств выродились в одно-единственное: осязание. Но это чувство перестало быть привычным, «одномерным» осязанием.

Пожалуй, его следовало бы назвать «умным» осязанием. Я обрел целое соцветие новых непривычных ощущений, которым вряд ли смог бы найти имена и доктор философии.

Я ощущал свои многослойные внутренности и все разнообразие своей новой «кожи», различая при этом тончайшие оттенки происходящих во мне процессов.

Если бы у человека нервные окончания в кровеносных сосудах, в легких и внутри сердца получили каждое по отдельному милитуму-анализатору — вот тогда что-то подобное мы бы и чувствовали, наверное.

Я ощущал, как струятся во мне жизненные соки: магма и вода, сжатый грандиозным давлением метан, жидкие литий, натрий, железо. И не просто «ощущал», но понимал еще и смысл этого сложнейшего метаболизма. Метаболизма целой планеты.

Мое знание не было бесстрастным. Я испытывал эмоции. Их было три: гордое спокойствие, наслаждение происходящими внутри меня процессами и радость от знакомства с самим собой. Самим собой — равным возрастом звездам, почти бессмертным, почти неуязвимым.

Я бы сказал еще вот как: меня радовал *прирост сложности*.

Я помнил, что некогда был шаром, купающимся в беспощадных лучах во много крат большего шара, который, в отличие от меня, горел ослепительным светом. Я же по сравнению с ним был холоден и мал. Я даже, кажется, тогда еще не понимал, где «я», а где «он». Временами мне казалось, что есть только «мы», которое равно «мне».

Потом я постепенно становился «самим собой» и обнаруживал, что делаюсь все сложнее. Моя поверхность покрылась твердой под-

вижной корой. Кое-где на этой коре появилась вода. Выше, над корой и водой, клубились газы.

И все это тоже был я!

Я заканчивался где-то высоко, на границе вечного холода, из которого некогда возникли мои чувства и моя память. Но отчетливой границы не было. Я словно бы растворялся в этом холоде, врастал в него, а он — в меня. И это тоже было интересно.

Большой ослепительный шар жегся теперь не так сильно. Его лучи прогревали мою поверхность, трепали (словно гриву — подсказало *человеческое* сознание, сознание Сержа ван Гримма) мою газовую оболочку.

Эти лучи были вполне осязаемы. Я чувствовал, что моя и без того нечеткая верхняя граница под их давлением размазывается еще больше. Там, в холоде и пустоте, в нее иногда входили плотные тела маленьких чужаков: ледяных, каменных, железных.

Иногда эти чужаки растворялись в моей оболочке. Иногда — падали прямо на меня, мне было щекотно. Двум крупным созданиям удалось даже проломить мою каменную броню до самой теплой мантии. Это тоже был прирост сложности, и поначалу я обрадовался.

Но потом я познал четвертую эмоцию — страх. Я понял, что если бы создания, прилетающие из холода, были крупнее, они смогли бы разорвать меня на части.

Я был немного знаком с разрушением. Я чувствовал, как разваливаются некоторые чужаки в моей газовой оболочке. А время от времени обмен веществ внутри моего организма приводил к выбросу огромных камней. Они сталкивались друг с другом и разлетались вдребезги.

Но крупные чужаки потом не появлялись вовсе, и я успокоился. Тем более что на границе твердой и воздушной поверхностей начались некие новые процессы. Интереснее всех предыдущих!

Возникла *жизнь*.

Я знал, что произвел ее сам, но в то же время не знал, как именно. А можно было считать иначе: жизнь возникла помимо моего участия. В том же смысле, в каком «помимо моего участия» дули ветры и выплескивались из меня потоки магмы.

В конце концов я воспринял новую жизнь как неотъемлемую часть себя.

Сложность прирастала теперь куда быстрее. Наслаждение росло. Формы жизни были очень мелки, но в высшей степени любопытны.

Они отличались от всего известного мне ранее тем, что умели воспроизводить самих себя с большой точностью, и при этом постепенно, исподволь изменялись, приходя к новым, еще более интересным формам. Меня веселили эти новшества.

Я научился немного им подыгрывать, управляя ветрами, магнитным полем, циркуляцией воды и химических элементов. У меня возникло нечто, напоминающее созидательную, а не созерцательную волю. Или мне лишь *казалось*, что дождь идет по моей воле? Но *чья же* воля в таком случае стояла за всем этим, если я уже постиг понятие воли, и...

(Тут я, Серж ван Гримм, и без того актуально «потерявший сознание», едва не потерял его повторно и окончательно. Эта область планетарного мышления, видимо, относилась к «полной мере истины», которую мне познать было не суждено. Мои восприятия оборвались и возобновились в совсем другом «соцветии осязаний».)

...И тут снова появилось нечто новое. Это были подкидыши — формы жизни, не имевшие ко мне никакого отношения. Они появились в маленьких горячих железных чужаках. Но эти чужаки не растворились во мне и не разбились о мою кору.

Они опустились плавно. То есть так, как — я знал это! — не бывает и не может быть.

И хотя опускались они плавно, жглись эти чужаки так, словно были кусочками того большого лучистого шара, с которым мы некогда делили одно «я» на двоих.

Кажется, они могли сжечь меня без остатка!

И снова пришел страх.

Потом стало еще хуже.

Сложность этой чуждой жизни была мне недоступна и, следовательно, не интересна.

Кроме того, жизнь эта была не во всем схожа с жизнью на моей поверхности. Много предметов из железа и недоступных моим восприятиям веществ, мертвых веществ, вели себя не так, как я привык.

Они двигались, будто живые. Они умели взлетать в воздух и подыматься вверх по склонам гор. Действовать подобным образом — свойство жизни, я знал. Но жизни в них не было.

Из этих предметов настоящая, но чужая жизнь иногда выходила, иногда заходила обратно внутрь. Я пытался сделать так, чтобы чужая жизнь стала моей жизнью, но ничего не...

(Здесь снова был обрыв. Какая-то леденящая тайна содержалась и в этой области планетарного мышления.)

А потом чужая жизнь начала убивать меня. Они не могли убить меня сразу. Однако действовали очень успешно.

Я испугался, как никогда раньше.

На мою поверхность обрушились сотни чужаков из холода. В тех местах возникли острые иглы высотой с гору. Иглы время от времени вспыхивали невиданным пламенем, от которого, казалось, веет самим *небытием*. Жизнь на поверхности возле этих игл исчезала полностью.

Чужаки разрушали все. Из-за них изменилась циркуляция жидкостей внутри и снаружи моего тела. Моя воздушная оболочка испортилась. Часть жизни ушла из нее насовсем. Потом жизнь стала убывать и на моей поверхности.

Так моя сложность, достигнув своего предела, пошла на убыль. И все по причине чуждой сложности, которая не вызывала у меня ни наслаждения, ни ликования.

По моим меркам, я бы умер удивительно быстро. Потому что вдруг узнал еще одну страшную истину: «я» и мое тело, мои недра — это не одно и то же. Похоже, стоит жизни уйти из моей поверхности, а самой поверхности утратить некоторую долю сложности, — и я останусь почти совсем без осязания.

Что произойдет после этого — я не знал. Но легко было предположить, что осязание со временем будет потеряно окончательно. Смогу ли я жить без наблюдений над собой? Или же вернусь в то состояние, когда «меня» не было? Может быть, я стану частью чьего-то большего, но уже не «моего» сознания?

И вдруг я ощутил присутствие Его.

Будучи тоже частью другой, чуждой жизни, Он соединил свое сознание с моим. Он узнал мою боль и мои страхи.

С ним пришла Его жизнь. Эта жизнь тоже появилась на моей поверхности в раскаленных чужаках и тоже принесла предметы из неведомых веществ.

Но страха больше не было. Потому что Он дал мне понять: сложность не прервется.

Новые гости быстро превратили чуждую жизнь, грозившую мне гибелью, в неживую часть меня. И сделали так, чтобы из страшных игл, воткнутых в мою поверхность, ушло *небытие*. И хотя эти иглы остались стоять на своих местах, в них больше не содержалось ничего пугающего. Вода, почва, ветер и моя жизнь рано или поздно сделают их крошечной и безопасной частичкой меня.

А потом началось нечто совсем уж необычайное.

Мою воду, мою почву, мой ветер пронзили частички неведомого, но жизнетворящего пламени.

Новые вещества вошли в меня. То, на что моей воле потребовалось бы огромное время даже в том случае, если бы я смог эту волю задействовать, произошло почти мгновенно...

Дальше шел настоящий припадок радости по поводу очередной суперсложности, а еще дальше — полнейшая невнятица. Оргазм, можно и так сказать.

Пси-мастер не смог больше удерживать мое сознание. Я заорал благим матом и свернулся до размеров старого доброго сапиенса по имени Серж ван Гримм.

Но я так понял: то, что провернула техника кровернов под руководством пси-мастера, больше всего походило на ухватки китайских медиков. Кроверны сделали несколько умелых растираний сложносоставными мазями в сочетании с интенсивной прицельной иглотерапией. Но — в масштабах планеты.

А можно было понять и совершенно иначе. Пси-мастер вступил с планетой в технически сложные эротические отношения.

Но это совсем уже не лезло в ворота моего скромного восприятия, а потому я покраснел до корней волос. Редкий случай, когда подобные мысли меня смутили. И показались едва ли не кощунственными, хотя, с другой стороны...

«Действительно, понимать можно по-разному. В обоих случаях ты не совершаешь грубой ошибки, — успокоил меня пси-мастер. — *Я думаю, ты еще лучше поймешь нас, если...»*

Хвостовая присоска пси-мастера снова потянулась к моей несчастной макушке.

— Спасибо тебе. Спасибо, — зачастил я. — Но я чуть не сошел с ума. Думаю, этот полезный эксперимент было бы интересно повторить. Но позже. Позже. — Я умоляюще поглядел на летающую рыбу в красном скафандре так, как, наверное, в два года смотрел на свою мамочку, подносящую к моему рту ложку вязкой детской каши «Беовульф». — Лучше просто ответь мне на два вопроса. Два элементарных вопроса. Хорошо?

«Хорошо». — Пси-мастер убрал присоску и свернул хвост калачиком. Кажется, он немного обиделся.

— Так что же это получается: планеты действительно, по-настоящему мыслят? Как мы?

«Ха-ха-ха-ха-ха, ха, ха-ха», — примерно так я воспринял телепатему пси-мастера. Хотя, конечно, он не смеялся, а просто источал образы, которые казались ему смешными.

Как я узнал позже, смешными вещами кроверны считают в основном логически несовместные объекты. Например, круглые квадраты, черных белых меоравиолей и созданные Всемогущим Существом камни, которые Всемогущее Существо не в состоянии поднять. То есть, с моей точки зрения, скучную и несмешную головоломщину.

Вся прелесть пси-конвертера, который жил где-то в непостижимых недрах головки Вукуб-Цикин, заключалась в том, что он, этот условный конвертер, был в состоянии осуществлять взаимную трансляцию двух принципиально различных семантических систем!

«Планеты не мыслят, потому что у них нет головы, — ответил пси-мастер, отсмеявшись. — *Как и у тебя, судя по всему».*

Это он так пошутил.

Черт с ним. Все равно второй вопрос интересней. Тщательно подбирая слова, я произнес целую речь:

— Ты спасаешь планеты. Это благородно и согласуется с этикой моей расы. Хотя, возможно, с твоей точки зрения многие представители моей расы действуют неразумно. Но сегодня я видел, как ты умертвил двух живых существ. Шкура одного из них и сейчас украшает твои... твое тело. Этика моей расы гласит, что это дурной поступок. Как это совместить: ты спасаешь целые планеты, но ты все равно убиваешь жизнь ради своего удовольствия?

«Не понимаю вопроса».

Хм. Видимо, вышло чересчур витиевато. Я решил быть проще.

— Почему ты убил двух ящеров, которых тебе подарили эти люди? — Я бесцеремонно ткнул пальцем в Вока и Хоб-Тоха.

«Чтобы снять с них шкуры», — ответил пси-мастер с подкупающим простодушием.

— Не кажется ли тебе, что это дурно: убивать ради собственного удовольствия?

«Это уже третий вопрос».

Ладно. Что я к нему прицепился, в самом деле?

К катеру подошел шагающий погрузчик с «Юнгера». На нем я разглядел Бышковица, Юрасова и других ребят из палубной команды. Видать, горе-картежники, каждый из которых получил час назад по парализующей игле от Воинов Обновления, уже успели оклематься.

— Какие люди — и не в карцере! — сказал я вместо «здрасьте».

В ответ каторжники из палубной команды гнусно загоготали. Весельчаки — что твой пси-мастер.

Глава 16
СЕЯТЕЛЬ И ЗОДЧИЙ

Когда уже ни капли краски Земля
не выжмет на холсты,
Когда цвета веков поблекнут
и наших дней сойдут цветы,
Мы — без особых сожалений —
пропустим Вечность или две,
Пока умелых Подмастерьев
не кликнет Мастер к синеве.

Редьярд Киплинг

— Честно говоря, тогда я решил, что всему конец. — Вальдо нахмурился. — В обесточенном состоянии у моей экоброни даже смотровое стекло шлема становится непрозрачным. Пока энергия поступала исправно, зрение мое было в сотни раз острее обычного. Я даже смог увидеть стрекошвейки воочию. Но когда ты поразил меня, как Парис Ахилла, в самую пяту...

— Кто-кто? Кого-кого?

— Давным-давно, в Древней Греции, жил один юноша, его звали Ахилл...

— Ахилл? Ну конечно, я знаю! Тот Ахилл, которого его мать, Фетида, купала в реке бессмертия, держа за пятку? А потом его в эту же самую пятку стрелой поразили враги, так? Я просто недослышал, Эверт.

— Слушай, Серж, давно хотел спросить. Что ты делаешь в штурмовой пехоте?

— Служу Содружеству. Как ты мог заметить.

— Да уж заметил. По-моему, тебе пора подать рапорт о переводе в аналитическую разведку. Результаты твоих тестов явно не соответствуют реальному уровню эрудиции и интеллектуального развития.

Я промолчал о том, что при тестировании на половину вопросов нарочно ответил как дегенерат из Большого Парижа. Потому что хотел попасть в комбатанты, а не в скучные войска противокосмической обороны.

Еще не хватало! Пить кофе перед тридцатью дисплеями и присматривать за компьютерным комплексом, который и без твоего надзора в мириад раз быстрее соображает, в какой подсистеме пора заменить микрочип индекс язык-сломаешь номер хрен-упомнишь.

На откровенность меня, в отличие от Вальдо, не тянуло.

— Не хочу, — коротко ответил я. — Так что там насчет конца?

— А вот что. Я лежал на спине: немой, слепой и глухой. Я кричал, что у меня экстраординарные полномочия. Что ты пойдешь под трибунал. Что «Юнгер» должен приземлиться по моему пеленгу и растормозить МУГ-конвертер. Но, конечно, никто меня не слышал, потому что и микрофоны, и передатчики тоже были мертвы. Потом я сорвал голос и заткнулся.

Я прикинул, что примерно к тому моменту, когда Вальдо вдоволь наматерился внутри своей экоброни, мы с пси-мастером стояли на спине высадочного катера. И вот тут меня на откровенность все-таки потянуло:

— Ты еще легко отделался, Эверт. Я был готов пристрелить тебя по-настоящему. Не в пятку, а в сердце.

— За что я тебя и ценю, — усмехнулся Вальдо. — Успокоившись и поразмыслив, я был вынужден признать, что моя игра была далека от безупречности. И что твоя стратегия оказалась куда более последовательной.

— То есть?..

— Объясняю. Существовало две выигрышных стратегии. Первая — твоя: во что бы то ни стало спасать девочку. При этом промежуточной подзадачей являлось спасение жизни пси-мастера, который служил живым щитом против плазменного удара кровернских турбоплатформ. Вторая стратегия: при *первой* возможности убить пси-мастера.

— Эверт, но вторая стратегия и была твоей!

Я совершенно не понимал этого проклятого капитана. Совершенно!

— Неверно мыслишь, капрал. Первую возможность экстерминировать пси-мастера я получил, как только захватил канал управления высадочного катера. Но я ею не воспользовался. Я был непоследователен в своих действиях. Мне не хватило решимости.

— То есть второй распрекрасной выигрышной стратегией ты называешь циничное, групповое убийство десяти сапиенсов, один из которых — крошечная девочка?! Да ты просто бешеный пес!

— И об этом я тоже думал. В тишине и безмолвии, — хладнокровно согласился Вальдо. — Думал о том, что мой разум помутился. И что надо бы принести извинения всем, кто еще может их выслушать. Начну, пожалуй, с тебя. Серж...

— Извинения приняты, — торопливо согласился я. Отчего-то я почувствовал ужасную неловкость. — Кто старое помянет — тому

глаз вон! Если бы не ты, мы бы никогда не замирились с кровернами. Просто потому, что до Виндхайма не добрались бы.

— Если бы не *ты*, — возразил Вальдо. — Впрочем, меня это не удивляет...

— Что ты хочешь этим сказать?

— Разработанные мной критерии отбора во взвод Свечникова позволяли надеяться, что один из вас — Консул.

Точно! Я ведь как раз хотел спросить у Вальдо, как же, черт побери, отбирались бойцы во взвод. Он же обещал мне тогда, еще на Декстра Порта, рассказать когда-нибудь всю правду!

— Так какие же это были критерии? — Я заглянул в лукавые глаза Вальдо.

— Секретные. Совершенно секретные. Но Консул Содружества имеет соответствующий уровень доступа.

Я вопросительно вздернул брови. Говори, Вальдо, не томи!

— Сергей ван Гримм, торжественно сообщаю вам, что вы не существуете.

Я машинально посмотрел на свои ладони. Мало ли — вдруг сквозь них просвечивают стены каюты? Вдруг от меня остался один лишь *урчич*, как выражаются Воины Обновления?

После пси-трансформаций в катерном боксе и на Виндхайме я бы не удивился...

Да нет, ладони как ладони. Совершенно непрозрачные.

— И Беаты Даль тоже не существует. И других бойцов нашего взвода. Последнее, впрочем, теперь уже вполне очевидно и *актуально*, — грустно заметил Вальдо.

— А мы с Беатой?

— Как посмотреть. С точки зрения эмпирической — вы есть. И слава богу. А вот с точки зрения статистической вероятности вас нет. Вы исчезающе малые величины. Фантомы. Понимаешь?

— Нет.

— Еще до начала войны с кровернами был начат проект «Фортуна». Разумеется, секретный, как и все проекты аналитической разведки. Ты, наверное, догадываешься, что на каждого солдата Содружества ведется грандиозное досье?

— Само собой.

— Но ты вряд ли знаешь, что «досье» — это не просто личная история солдата, выраженная в копиях донесений, в наградных листах, взысканиях и видеоматериалах.

— А что же еще? Впрочем, могу заподозрить, что вы храните весь информационный мусор без исключения. Например, все ви-

деозаписи, сделанные персональными камерами экоброни, показания физиологических датчиков, радиопереговоры...

— Да. И много чего еще. Но «хранить» значит «выбросить». В рамках проекта «Фортуна» было решено весь старый информационный мусор обработать. А новый — продолжить обрабатывать по мере поступления. Долго ли, коротко ли, но два года назад были получены первые результаты. Удалось создать полную математическую модель вооруженных сил Содружества, основанную на экстраполяции реальных данных. Вдумайся.

Я попробовал. Получилось, что мой электронный двойник живет и здравствует где-то в недрах суперкомпьютеров. И двойник Али Лауры. И, если уж на то пошло, двойник самого Эверта Вальдо.

Они летают на боевых кораблях и гибнут в боях с кровернами. Они получают увольнения на Марс и на Луну. Обедают и спят с сослуживцами...

Ой-ой-ой. Не знаю, зачем это потребовалось аналитической разведке, но чую: плохая вещь, вредная, как говаривал старина Вок.

Эверт словно бы перехватил мои мысли:

— Мы сами еще не ведаем полного спектра применимости этой модели. Я даже допускаю, что она таит потенциальную угрозу такой природы, с какой еще никогда не сталкивалось человечество. Совершенно ясно, что для скромных задач проекта «Фортуна» модель получилась несколько избыточной. Но, так или иначе, проект благополучно достиг по меньшей мере одной цели: мы научились рассчитывать степень *достоверности* человека.

— Ну и какая она, эта степень?

— В среднем удивительно высокая. У меня, например, перед вылетом из Декстра Порта была девяносто восемь и семь десятых. А у покойников ясно какая: ноль, потом сорок четыре нуля после запятой и троечка. Или единичка.

— Радоваться надо, — тупо пробормотал я, неспешно догоняя, куда же Эверт клонит. — Тебе до покойника еще очень и очень... Слушай, а почему у покойников не просто ноль и бесконечный хвост нулей после запятой?!

— Потому что достоверность и актуальность — разные вещи. Но не будем углубляться в эти темные материи. Ты понял главное, да? Исходя из известных событий жизни данного солдата и из опасностей, которым он подвергался, мы определяем, насколько соответствует эмпирический факт его существования ожидаемой, высчитанной судьбе.

— Ага. Если кто-то зашел на борт корабля, но в последний момент выбежал из него с криком «Мамочки, живот болит!», а корабль

взорвался через три секунды после взлета, вы считаете вероятность и связность событий. Получается, что по всему раскладу парень должен быть мертв. А он жив. И тогда достоверность у него низкая. Ну и чушь это, Эверт.

— Полнейшая чушь, Серж, — с легкостью согласился Вальдо. — Над проектом «Фортуна» хохотали все генералы. Я сам покатывался. И все равно вместе с профессором Бхуд-Масави лоббировал «Фортуну» изо всех сил, потому что танцы на грани абсурда — в моем вкусе. И вот когда мне потребовалось набрать взвод для разведывательного рейда, я задумался. Можно было отобрать дюжину сорвиголов из спецназа. Или взять самых результативных комбатантов, пресловутых «мегакиллеров». Или девушек с самым развитым интеллектом. Или целую свору сигомов. Или отказаться от услуг правительственных вооруженных сил и обратиться к центаврианцам. У меня есть связи, я бы мог получить двадцать йориров с леденящей кровь репутацией, безупречными родословными и ошеломительными пси-показателями. Но я подумал: а зачем мне идеальные убийцы или многомудрые воины? Мне нужны везунчики! Судьба должна быть на моей стороне — вот что главное!

— Мистика... Но даже если принять такую логику, ты должен был, наверное, выбрать наиболее достоверных солдат. Тех, кто живет по праву. Тех, у кого наибольший «запас прочности»!

— Я тоже так в первый момент подумал. Но самыми достоверными оказались, сам понимаешь, лентяи из линейной пехоты. И тогда я решил перевернуть все с ног на голову. Я решил: пусть со мной пойдут мертвецы. Те, у кого достоверность около одной тысячной и меньше.

— Судя по нашим потерям, благосклонность Судьбы не беспредельна...

— Да. Но если взглянуть на конечный итог операции...

— Постой-ка. Так какова все-таки была моя достоверность?

— Своевременный вопрос. Ноль, еще восемьдесят один ноль после запятой и двойка. Вернувшись с Марса, ты был мертвее среднестатистического мертвеца на сорок порядков. Ты абсолютный рекордсмен штурмовой пехоты. Да и во всех вооруженных силах только два человека могут с тобой тягаться. Один бешеный премьер-лейтенант, командир эскадры истребителей «Спаги» с крейсера-носителя «Лоэнгрин». И, что забавно, его же заместитель и заодно супруга. Веселая парочка. Если бы я планировал боевую операцию с воздушно-космическим прикрытием, обязательно взял бы их в команду.

— А Беата?

— Жалкая посредственность. Ее достоверность — около одной двухтысячной.

Спрашивать про других я не стал. Какая разница, если актуально, без казуистики, их треклятая достоверность теперь равна бесконечной веренице нулей?!

В каюту, где мы с Эвертом давились одной бутылкой безалкогольного вина на двоих, без стука вошел Иштван Радуль.

Щелкнул каблуками, отдал честь. Его лицо выражало смесь сдержанного ликования, глубочайшего уважения и трепета перед сильными мира сего. Каменная рожа с выпученными глазами, проще говоря.

— Сеньоры! Временный кессон готов. Костюмы подготовлены. Вас ждут.

Второго пси-мастера, который, строго говоря, не был таким уж мастером по части «пси», мы с Эвертом условно окрестили Зодчим. Первого, «нашего» — Сеятелем.

Согласен, не самые удачные имена. Но Том и Джерри, предложенные мной в качестве первого варианта, не прошли. А подлинных, кровернских имен я от Сеятеля добиться не смог.

Я даже не понял толком, есть у них вообще имена в нашем понимании или нет.

Была у них, конечно, какая-то система личной идентификации. Но, похоже, даже «пси-конвертеру», моей Северине, адекватный перевод не давался.

Как я и ожидал, самостоятельно взлететь с Виндхайма «Юнгеру» оказалось не по силам. Но тут уж кроверны подсобили.

Грандиозная, фантасмагорическая летающая резиденция Зодчего подняла нас с Виндхайма в гравитационной люльке. Белый Космос! Да никто в Содружестве и не подозревал о том, что у кровернов есть *такие* космические корабли и *такие* технологии!

Впрочем, чуть не схлопотавшая инфаркт Мэрион Голдсмит могла утешиться тем, что резиденция Зодчего была уникальным объектом даже во флоте кровернов. Корабли эскорта представляли собой весьма внушительную силу и все-таки лишь немногим превосходили наши линейные крейсера.

Как объяснил наш друг Сеятель, его возлюбленный брат сейчас направляется за неудобопонятной надобностью в центральное шаровое скопление Галактики. И намерен взять его, Сеятеля, с собой.

При этом сообщении морда у ската сделалась лазоревой, полупрозрачной. Насколько я успел поднатореть в скатьей физиогномике, это означало наивысшую степень самодовольства.

По первоначальному плану Зодчий намеревался быть на Виндхайме «спустя пятнадцать отрезков времени, потребных свету для преодоления расстояния от седьмой планеты этой системы до центральной звезды». То есть через пару стандартных суток. Но наше нападение и связанное с ним сенсационное открытие новой «потенциально разумной расы» заставило Зодчего поторопиться...

— Скажи мне, Вок, а кто же будет лечить Яшкин? — поинтересовался я. — Ведь Мастер Мыслей улетит далеко и надолго?

— Будь Серж-ачи поумнее, ему удалось бы дослышать все сказанное верно, — строго ответил Вок. — Что случится, когда Воины Обновления вернутся на Яшкин? Когда Вукуб-Цикин вернется туда, откуда привели ее боги? Сможет ли Серж-ачи вести свой народ к разумному поведению, если в ушах у него воск, а в зеницах — туман?

— Вок, я всего лишь простой капрал. И никого никуда не собираюсь вести.

— Всю жизнь ты проживешь, как деревянный чурбан, которым женщины толкут зерно. Тюх-тюх, рылом в землю. А потом тебя нарежут на лучинки.

Вок надменно выпятил губы и отвернулся. Тяжело было спорить с Хозяином Намерений, ох тяжело. Я помалкивал.

Наконец Вок обратил ко мне свое темное лицо и сказал:

— Хочешь ты этого или нет, Серж-ачи, выбор уже сделан. Наш Хозяин Слов ушел. Новым Хозяином Слов станешь ты.

— Спасибо, Вок, но у меня вряд ли выйдет. Я недостоин!

— Научишься.

— Я не могу оставить армию! У меня контракт!

— Мы ждали много-много лет, подождем и еще немного. Ты недослышал важного: Мастер Мыслей обретет новую степень совершенства и вернется спустя пять лет. Когда это произойдет, мы позовем тебя и научим власти над словами. Точнее, поможем твоим способностям развиться, потому что кое-чем ты уже владеешь.

— А разве Мастер Мыслей не может вылечить Яшкин просто так, без моего участия? Зачем Воинам Обновления нужен Хозяин Слов, если с Мастером Мыслей уже все оговорено?

— Серж-ачи, ты вызываешь у меня уважение. Но от твоих вопросов у старого койота бурчит в желудке. Это булькает мое уважение перед тем, как отправиться койоту под хвост. Давай лучше выкурим по трубочке и оставим вопросы будущему.

...Полупрозрачная силовая диафрагма кессонной камеры растаяла, и мы шагнули в яркий призрачно-голубой свет.

Нас было семеро.

Консул и Полномочный Посланник Содружества Эверт Вальдо.

Консул Содружества Сергей ван Гримм, неразлучный с Севериной, своим талисманом и толмачом, и с бутылочкой детской молочной смеси «Бебикорм» в кармане.

Экстренный уполномоченный Соединенных Провинций Центавра контр-адмирал Гремаун Клот Гремаун.

Старший представитель Космофлота корветтен-капитан Мэрион Голдсмит.

Старший представитель наземных родов войск сержант Беата Даль.

Старший представитель воздушно-космических сил лейтенант Дюваль вае Литта.

Сукину сыну повезло катапультироваться. Бедняга едва не обделался, когда его разыскали турбоплатформы кровернов. Он-то не знал, что предварительное соглашение о прекращении огня уже достигнуто! К счастью, Сеятель успел предупредить пилотов своих патрульных сквадов.

Все мы были в парадных гермокостюмах и при символических кортиках. Все-все, включая Северину, которая большую часть церемонии баловалась кортиком, а потом весьма символично его сломала.

Я поначалу решил, что все дело в паршивом качестве побрякушки, раз даже младенцу по силам вырвать клинок из рукояти. Проверил потом на досуге. Куда там! Мне, здоровенному облому, кортик оказался не по зубам. Загадка природы моя Севериночка, тринадцатое чудо света.

Совсем забыл! Сеятель тоже был с нами, а как же! Но он хоть и сапиенс, а все ж таки не хомо. Так что не считается.

Собственно, вся содержательная часть церемонии в том и состояла, чтобы передать нашего почетного пленника братцу из рук в руки.

Короткий круглый коридор быстро закончился. Его стены, покрытые чем-то вроде мозаики из мелких аккуратных стеклышек, разошлись в стороны и вверх грациозным изгибом.

Голдсмит ахнула.

Дюваль издал клокочущий горловой звук, но все-таки промолчал.

Гремаун Клот Гремаун, разумеется, уязвил все святыни мира крепчайшим центаврианским богохульством. И прибавил вполголоса на интерлингве, что такой корабль он мечтал завалить всю свою жизнь.

Доблестного контр-адмирала можно было понять. Такие корабли в длиннейшем списке жертв человечества не значились.

Зал, в котором мы оказались, был не столь уж велик. Видал я залы и побольше. Но не на межзвездном корабле, Белый Космос!

Здесь могли поместиться друг над другом четыре «Юнгера». И еще осталось бы достаточно места для драки двух батальонов стенка на стенку.

Центр зала занимал бассейн неопределенной глубины. Дна я не увидел. И не удивился бы, если б мне сказали, что дно *отсутствует*.

Я уже привык, что кроверны умеют проделывать с водой, своей родной стихией, удивительные штуки. И все равно был потрясен.

Вода выходила из бассейна, как бы это выразиться... как веник? Как охапка пышных страусиных перьев? В общем, вода была не только внутри бассейна, но и вне его.

Но занимала она отнюдь не весь объем зала, а лишь некоторую его часть, приняв облик громадной ажурной конструкции. Когда я пригляделся, то понял, что конструкция частично состояла из огромных параболических полуарок, одна опора которых уходила в бассейн, а вторая исчезала в стене на головокружительной высоте — там, где потолок зала смыкался со стенами.

Эти арки были прохвачены поперечными пандусами и в нескольких местах перемежались колоннами из малопрозрачной воды. Колонны имели спиральную «резьбу» и неспешно вращались, из-за чего казалось, что это громадные сверла, взявшиеся во что бы то ни стало продырявить потолок.

Поскольку вода великолепно держала форму без каких-либо видимых стенок, я поймал себя на том, что в этом зале имени Трех Великих Галлюцинархов я начисто утрачиваю чувство реальности. Довольно скоро мне начало казаться, что эти колизеи и парфеноны высечены изо льда. Понятно, со *льдом* моему рассудку мириться было проще.

Кроме этих циклопических и, с моей точки зрения, совершенно бессмысленных ледяных дворцов, в уютной кают-компании на борту резиденции Зодчего не было ничего и никого. Ни один кроверн не казал хвоста, ни один монстр не прямил щупалец по стойке «смирно».

«Следуйте за мной», — сказал Сеятель и с воистину рыбьим проворством плюхнулся в воду прямо в центре бассейна. В аккурат туда, где брали свое начало опоры полуарок. Туда, где, по моему мнению, отверзался бездонный колодец.

Соображения дипломатических приличий требовали подчиниться. Если б не этикет, послал бы я друга и любовника всех страдающих планет Галактики куда подальше.

Мы опасливо подошли к краю бассейна.

Первым переступил барьер иррационального ужаса Полномочный Посланник, за ним — Дюваль вае Литта (браво, лейтенант, не ожидал!), а потом и все мы.

Оказалось, что воды всего-то по пояс. По крайней мере наши подошвы дальше в глубину не пошли, хотя *визуально* мы просто ходили по воде. Не по самой ее поверхности, как Иисус, а по какой-то второй, так сказать, ложноповерхности, которая находилась примерно в метре под первой.

Сеятель, нисколько не стесняясь нашим обществом, поспешно содрал с себя опротивевший скафандр и швырнул его прямо в колонну из темной воды. Где тот и сгинул — совершенно бесследно.

После этого Сеятель пару раз нырнул. Причем, вот ведь наваждение, он без проблем проходил сквозь «второе дно», на котором мы стояли, и заплывал на такую глубину, что превращался в еле заметное туманное пятно.

И атмосфера, и химический состав воды здесь, разумеется, были кровернскими. Для нас — ядовитыми, для Сеятеля — благотворными, домашними.

Сеятель вынырнул, громко пофыркал сквозь жаберные щели и... снова ушел на глубину, стервец! Увы, на этот раз он, дойдя до размеров туманного пятна, продолжил уменьшаться и скрылся с глаз без следа.

Мы занервничали.

— Вот и все, — криво ухмыльнулся контр-адмирал. — Теперь нас скаты сварят и подадут к праздничному обеду в качестве блюда дня. Мой флот вероломно расстреляют прямой наводкой. А из вашего «Юнгера» сделают памятник своим гениальным братьям.

«Не каркал бы уже, — подумал я. — Если бы не мы и не этический кодекс скатов, твой флот к сему моменту и безо всякого вероломства кроверны закрутили бы третьим поясом астероидов вокруг Рубрука. Пояс вышел бы жиденький, зато ужасно радиоактивный».

— Кроверны имеют представления о чести, — в высшей степени серьезно ответила Голдсмит. — Если вы помните, за всю кампанию они ни разу не попытались атаковать крупные города Метрополии.

Эверт только хмыкнул.

«Эй, где ты там?!» — изо всех сил позвал я Сеятеля, но ответа не получил.

И тут мы понеслись вниз! Да как!

Вода мгновенно изменила структуру, и мы вдруг обнаружили себя мухами в янтаре. Совершенно твердый кус воды, в которой мы оказались *вплавлены* неведомой силой, ухнул в бездну.

В глазах потемнело.

Северина тихонько, мелодично засмеялась. Ангелическое дитя!..

...Эверт достал бутылку безалкогольного красного вина и поставил ее на столик.

— Увы, шампанского нам нельзя, хоть мы его и заслужили. Через полчаса переговоры.

Он раскупорил ее и расплескал красные безградусные чернила по бокалам. Я собрался было выпить, но он неожиданно резко бросил:

— Поставь.

Эверт извлек из настенного шкафчика свой продвинутый милитум. Повозился с ним полминуты. И аккуратно положил черную коробочку рядом с бутылкой.

— Сергей ван Гримм, властью, данной мне Действительным Правительством, назначаю тебя Консулом Содружества. Тебе предоставлено право выступать от лица Содружества на предстоящих переговорах с разумной расой кровернов. Тебе предоставлено право преимущественного приказа в отношении любых офицеров вплоть до генералов и адмиралов. Тебе также выдана разовая лицензия на убийство представителя расы Т. Должность Консула не является гласной. В официальной системе званий ты остаешься капралом вплоть до очередного повышения или разжалования. Ты не имеешь права разглашать лицам не консульского ранга свою должность и свои полномочия без веских на то оснований. Ты обязан применять свои полномочия только в интересах Действительного Правительства и ничьих больше.

Я молчал. Я просто не понимал, что происходит. Да и сам тон Эверта не подразумевал, что в этой каюте будут раздаваться какие-либо звуки, кроме властных обертонов капитанского голоса.

— Должность Консула не является пожизненной и не предоставляется на заранее установленный срок. Ты можешь быть лишен консульских полномочий в любой момент без объяснения причин. Сделать это может только физическое лицо и только в явной, гласной форме. Лицо должно иметь статус Полномочного Представителя Содружества или выше. Соответствующие коды доступа, коды взаимной идентификации лиц в высшем эшелоне власти, полный список прав, обязанностей, поощрений и штрафных санкций будет предоставлен тебе немедленно по возвращении на борт «Юнгера» после переговоров. Положи правую руку на сенсорную плоскость моего милитума для принесения присяги.

— Постой, Эверт, а если я не хочу никаких полномочий?

— А я не спрашиваю, хочешь ты или нет. Я тебе приказываю.

И, смягчившись, Эверт добавил:

— Никто и никогда по своей воле не отказывается от власти. По той причине, что объективных плюсов всегда больше, чем минусов. Но я забыл тебе сказать: среди прав Консула есть право добровольно попроситься в отставку. Спустя срок, который может по его просьбе назначить лицо, приводящее Консула к присяге. Назначить тебе срок?

— Да, очень тебя прошу, Эверт. Шесть часов! Так и быть: шесть часов маскарада на переговорах — и до свидания.

— Это не маскарад. — Взор Эверта был неподвижен, как Полярный Квазар. — Хорошо, Сергей ван Гримм. Двенадцать стандартных суток ровно. По истечении этого срока ты можешь в любой момент обратиться ко мне или другому Полномочному Представителю с просьбой об освобождении тебя от обязанностей Консула.

— Постой... Знаю я вас... Тут нет подвоха? Меня не сошлют после этого чистить антенны дальней связи на Тритоне?

Эверт улыбнулся.

— Нет. Ты останешься обычным капралом. Или — сержантом. Думаю, после Виндхайма тебя просто не смогут не представить к «Золотому Кресту». А чтобы его на законных основаниях дать, тебя произведут в сержанты.

— Вот это я понимаю! А то Консул, Консул...

...Дно у колодца все-таки было. Точнее, не дно, а *та сторона*.

Наш водяной лифт испарился в голубом сиянии. И все мы поняли, что наверху был не зал, а так — предбанничек. Скромное ледяное крылечко необъятной страны Зодчего.

ЭПИЛОГ

— ...А потом я лично отвез нашу Северину ван Гримм на Догеус. Это одна из ближних центаврианских колоний. Милое местечко. Там обязательно что-нибудь цветет, даже грибы. Население — сплошные аграрии. Коэффициент религиозности — восемь с половиной. Хурманчей много...

— Догеус? Что-то смутно припоминаю... Слышала, кажется, — откликнулась Аля Лаура. Она методично чистила апельсин пилочкой для ногтей. — Это там, где полный двухдневный психокарантин для въезжающих расы Т?

— Точно!

— Да вы герой, Серж! Вытерпели сорок восемь часов сурдокамеры!

— Пришлось, — скромно потупился я и замолчал. Шум прибоя услужливо заполнил паузу. — Понимаете, Аля Лаура, после всего этого майянского сумасшествия я поклялся себе, что больше не доверю Северину ни одному, прошу прощения, мудаку. Кроме ее родителей, конечно.

— Так что, выходит, у нее все-таки были родители? — изумилась Аля Лаура. Изумле-

ние это было неподдельным. Когда Вок поведал мне о том, что Вукуб-Цикин не сирота, я сам дар речи потерял. — Почему же они не подали заявку в Бюро Розыска?

— Потому что они *знали*, где Северина.

— Гм...

— Да, мне тоже поначалу казалось это странным. Но дело в том, что центаврианцы в этом вопросе устроены не так, как мы. У них в высших кастах, особенно у спиритуалов, попадаются та-акие антикварные типы... Нам даже представить себе сложно, что такие бывают.

— Нет, я понимаю, многие земные родители тоже не очень-то заботятся о своих детях. Как педиатр, я немало таких повидала...

— Дело не в том, что они «не заботились». Видите ли, Аля Лаура, они считали, что у их девочки есть предназначение. И что ее предназначение — помочь Воинам Обновления. Повстречаться с Мастером Мысли, спасти Грин. Они были совершенно уверены, что с девочкой ничегошеньки не случится. И даже не удивились, когда я им ее привез. Папаша тут же благодарственный молебен закатал, все как у людей... Вы бы это видели! Я был сразу после сурдокамеры, так мне вообще крышу чуть не снесло ко всем чертям!

— Ну дела!.. — Аля Лаура по-свойски протянула мне половинку апельсина.

Сидя на берегу зеленого моря, мы жевали кисловатое яблоко греха, исчадие местной гидропоники, и глядели в сиреневую вечернюю даль. Тревожные крики голодных чаек, йодистый ветер треплет вихры, стремительно остывает желто-серый песок.

Прибой исправно вылизывал пальцы наших ног с частотой восемь облизываний в минуту.

Да, это был искусственный пляж моего родного пехотного госпиталя на Декстра Порта. При реабилитационном центре «Наша победа».

Вода, искусственно обогащенная солями, минералами и микроэлементами до показателей Средиземного моря, колыхалась в нужном ритме волею соответствующих механизмов. Томное голографическое солнце с требуемой степенностью пряталось за живописную гору с белой беседкой. Зыбкая даль, облепившая купол, который метрах в двухстах от нас исподволь скруглял картину, вроде как подергивалась золотистой дымкой.

— Красиво, правда? — вдруг сказала Аля Лаура и набрала полные легкие умело смешанного в камерах, скрытых в «горе», воздуха.

Я опешил. Почему-то мне казалось, что Аля Лаура — из тех, кого подобные «подделки под природу» должны либо раздражать, либо оставлять равнодушными. Но чтобы вот так — «красиво»...

Два бледных и тощих, как угри, рядовых пехотинца козырнули мне («здравия желаем, сениор сержант!») и поставили свои шезлонги в трех метрах от нас. Затем они живенько разделись и побрели в воду — совершать свое вечернее омовение, прописанное доктором.

На спине одного из них, прямо над поясом купальных шорт, синел змеистый шрам, шедший вдоль позвоночника до самых лопаток. Жилистые ноги его товарища имели цвет спелой тыквы. Хоть я и лопух в таких делах, но знаю, что такой цвет у кожи появляется, когда ее обрабатывают регенераторами в отделении противоожоговой терапии. Сам там был — после Эсквемелина.

— Я понимаю, что это как-то глупо звучит. Такие места не полагается называть красивыми. «Красиво» можно говорить только про слабо заселенные планеты, где дикая природа и всякие девственные леса, — уловила мое замешательство наблюдательная Аля Лаура. — Но я выросла на таком пляже, на космодроме Сеттел, это астероид в системе Пелопоннес-К. Мой отец был оператором такого заведения. А заодно — уборщиком и билетером. Обычно я играла в куклы в кондиционерной. Как-то раз я из шалости изменила параметры водной смеси, так что море получилось синим, как чернила, и густым, как шоколадный ликер. Тут-то наших кибер-крабов и начало по одному заклинивать. А какой-то ветеран после этого вылез на берег, подошел к отцу и говорит: «Прекрасно! Всегда мечтал посетить лечебные грязи!»

Мы оба расхохотались.

Признаться, отчасти я хохотал над самим собой. И над придуманным мною же самим образом Али Лауры.

Я почему-то полагал, что она — дочь по меньшей мере центаврианского князя. В крайнем случае внебрачная. Оказалось — уборщика искусственного пляжа. Я чувствовал: мне предстоит открыть в ней еще много неожиданного.

Но я не торопился. Я знал: у меня, у нас, есть время.

Холодало все стремительнее. Аля Лаура надела свой приталенный лиловый пиджачок с красным крестом Медицинской Службы. До закрытия пляжа оставалось семь минут, и мы стали потихоньку собираться.

Аля Лаура воткнула свои белые наманикюренные ножки в туфли на флюоресцирующей розовой платформе. Я натянул носки и застегнул на все восемь липучек высокие армейские ботинки.

— Я не покажусь вам навязчивым, если спрошу, можно ли мне проводить вас до приемной? — спросил я.

Я сам себе нравился. Галантный принц из передачи «Как завоевать девушку своей мечты».

— Буду рада.

— А что вы скажете, если я возьму вас за руку?

— Скажу, что... пожалуйста! — лучезарно улыбнулась Аля Лаура.

Мы стояли близко-близко друг к другу. И от этой близости температура моего тела повысилась градуса эдак на два.

Я держал ее за руку, слизывая взглядом веснушки с ее щек, освещая своим обожанием ее златовласую головку, ее чуть обветренные губы. И она вроде как не возражала.

Двое рядовых — те самые, любители вечерних купаний, — вылезали на берег, о чем-то вполголоса переговариваясь. Держу пари, они спорили, будем мы сейчас целоваться или нет.

— Ну что, пошли? — сказала Аля Лаура, и, по щиколотку утопая в песке, мы двинулись к выходу, замаскированному под живописную расселину в скалах.

«Пускай эти скалы, это море и эти чайки — сплошная липа. Сплошной наглый обман осязания и зрения. Главное, что *мы* настоящие», — подумал я, не выпуская руки Али Лауры.

Пляж закрывался. Небо из сиренево-голубого стало ультрамариновым, затем — охряно-желтым и, наконец, — зеленым, как ночь на планете Грин, как глаза рядовой первого класса Тайши Вассерфаль, как клейкий, апрельский лист черемухи.

Канал: правительственная спецсвязь
Отправитель: закрытый
Адрес: Декстра Порта, пайп GAI, хуб 341
Получатель: закрытый
Статус: закрытый

Дорогой Серж!

Сразу, пока не забыл, спешу передать привет от лейтенанта оперативной разведки Руперта Беленьких, более известного тебе под именем Хан Соро-Соро. Он чувствует себя хорошо и не в обиде на тебя за те легкие телесные повреждения, которые ты по незнанию причинил его физиономии и ребрам возле Волшебного Дерева на Марсе.

Жаль, не вижу в этот момент твоего лица.

Да-да, «веганец Хан Соро-Соро» жив и здравствует. Чего не скажешь о Хоми, который действительно принял яд в космопорту Анагравы и был

отправлен на родину в изумительном гробу высшей категории за правительственный счет. Как ты понимаешь, официально и он, и яхта «Скорта» погибли в результате несчастного случая.

Надеюсь, мне удалось заинтриговать тебя ровно в той мере, чтобы ты не потянулся к кнопке «Del» раньше времени и дочитал это послание до конца.

Насколько я помню наш последний разговор на «Юнгере» — подчеркиваю, на «Юнгере», а не в сауне «Лоэнгрина»; — Сергей ван Гримм выражал желание избавиться от известных тебе полномочий, предоставленных мною Сергею ван Гримму на двенадцать стандартных суток. И хотя до истечения этого срока осталось всего лишь три часа, пока что ты все еще являешься Консулом Содружества и от тебя самого зависит — отказаться от своих полномочий или продолжить пользоваться ими для целей... откровенно говоря, для *любых* целей.

Итак, война с кровернами окончена. Но в истории этой войны осталась одна белая страничка. Ты, как *все еще* Консул, имеешь право знать.

Возможно, ты помнишь, что во время операции обеспечения на Глкке нашими силами специального назначения был захвачен корвет кроверн, оборудованный новой установкой для дистанционного подрыва МУГ-конвертеров. Такие же установки через несколько часов были использованы кровернами для уничтожения Седьмой эскадры.

Кстати, тебе, наверное, будет приятно узнать, что ротой спецназа, взявшей на абордаж кровернский корвет, командовал майор Василиса ван Гримм.

Трофейное оружие, которому было присвоено кодовое название «Дельфин», деятельно исследовал профессор Бхуд-Масави. Как ты знаешь, довольно быстро выяснилось, что кроверны не имеют прямого отношения к производству этой установки. После чего Особый отдел полностью перекрыл легальные и полулегальные каналы утечки информации и в наши медиа больше никакие «сюжеты» об изысканиях Бхуд-Масави не поступали.

Тем временем происходило следующее.

Ты со своей Джонни еще прохлаждался в Анаграве, когда почти все силы аналитической и оперативной разведок, все наши резидентуры, силы спецназначения и легион внештатных сотрудников были задействованы в грандиозной операции, цель которой угадать не трудно: найти и уничтожить завод, производящий «Дельфинов».

Завод обнаружить не удалось — возможно, его не существует вовсе. Но на орбите Ханако-5 — это планета-гигант рядом с климатизированной кровернами Ханако-4 — при помощи случайно уцелевшего в системе спутника протокола был обнаружен массивный металлический объект. Которого, разумеется, там никогда раньше не наблюдалось.

Объект был существенно крупнее, чем любая наша орбитальная крепость. Крупнее, чем известные космические сооружения других цивилизаций — в том числе кровернские. Откуда взялась эта железная гора и почему кроверны ее не уничтожили? А ведь кроверны обычно стремятся очистить систему от любых инопланетных объектов! (К счастью, наши спутники протокола столь невелики, что кровернам не всегда удается обнаружить и перестрелять их все до последнего.)

Наша находка получила прозвище Чужак.

Для захвата Чужака было создано сводное ударное соединение — по одному-два корабля от каждой эскадры Космофлота. Это было сделано для того, чтобы в случае полного разгрома — такого же, как на Глокке, — репортажи о новом позорище не просочились в медиа. Сам понимаешь, скрыть гибель целой эскадры невозможно, в то время как замолчать потерю двадцати кораблей из *разных* эскадр — проще простого.

Кстати, «Юнгер» тоже был включен в состав сводного ударного соединения. Рейдер был одним из семи кораблей Космофлота, МУГ-конвертер которого успели оборудовать экспериментальными экранами для защиты от гравитационного шнура кровернских «Дельфинов». Разведка в секторе АН-9007 была вторичной задачей, которую мы имели право выполнить, только получив освобождение от операции в районе Ханако-5.

После четвертого прыжка, который мы совершили, покинув Декстра Порта, «Юнгер» оказался ни много ни мало на рейде Ханако-5.

Если бы в этот момент Голдсмит получила с флагмана сводного соединения приказ «План Четыре», ваш взвод был бы разбужен и извлечен из капсул. «Юнгер» по «Плану Четыре» приблизился бы к Чужаку. Свечникова, тебя, весь ваш взвод выбросили бы на так называемой южной площадке объекта. В то время как три группы спецназа штурмовали бы его с «ночной» стороны.

К счастью, флагман передал на «Юнгер» приказ «План Десять». Не спрашивай почему — я все равно отвечу: «Не знаю».

Вас даже не стали будить — рейдер сразу же разогнался и ушел в подпространство.

Штурм Чужака сорвался. После этого он был просто расстрелян нашими крейсерами. Мы так и не узнали, являлся ли Чужак заводом или просто арсеналом.

В бою с кровернами были потеряны девять кораблей, два сквада истребителей и куча катеров. Десантный шлюп спецназа «Кухулин» получил тяжелые повреждения и пошел на вынужденную посадку. Он исчез в густой атмосфере Ханако-5. Посланный за ним рейдер «Турнье» также не вернулся.

«Кухулин» и «Турнье» пока что числятся пропавшими без вести. Честно говоря, есть данные, которые позволяют считать рейдер погибшим.

Кроверны не предоставили нашей Согласительной Комиссии никаких сведений об этих кораблях. Также мы пока что не можем обследовать места предполагаемой посадки «Кухулина» и «Турнье» — кроверны не дают «добро» на заход наших кораблей в систему Ханако.

На борту «Кухулина» вместе с ротой своих бойцов находился и майор спецназа Василиса ван Гримм.

Сергей, шлюп спецназа — это надежный, маневренный, крепкий корабль, который может выдержать все. Даже жесткую аварийную посадку. Единственное, что ему не по силам: взлететь с такой тяжелой планеты, как Ханако-5.

Как ты понимаешь, никто не станет затевать новую войну с кровернами только ради того, чтобы получить разрешение на досмотр Ханако-5. Вся надежда на тебя, на твое влияние среди кровернов и Воинов Обновления...

Я не стал дочитывать. К чему клонит Вальдо, было ясно как термоядерный день. Подфартило мне с матушкой — нечего сказать!

Наверное, уместно было бы пустить скупую мужскую слезу, но как-то не случилось. «Пропала без вести» еще не значит «погибла». Нюни распускать рановато.

Я активировал свой консульский милитум и надиктовал такое сообщение:

Дежурному коменданту Декстра Порта
Премьер-капитану Владимиру Ростову

Танцуй, мышка, танцуй...

СЕЗОН ОРУЖИЯ

ОТ АВТОРА

Есть книги, которые опережают свое время на столетия, а есть такие, которые устаревают еще в ходе написания. Сейчас, когда «Сезон Оружия» отпраздновал полное десятилетие, можно подвести первые итоги и смело сказать: в качестве развернутого футуристического прогноза этот роман не устаревает, но, наоборот, становится всё ближе к реальной реальности. И это, честно говоря, печально. Потому что мне очень хочется ошибиться. Хочется, чтобы Виртуальная Реальность никогда не была построена. Увы, она создается на наших глазах. Прямо сейчас мы воочию наблюдаем пугающее нечто, каковое, по мере своей эволюции, подарит нам ту самую Виртуальную Реальность «Сезона Оружия». А при известных условиях — и Матрицу из знаменитой кинотрилогии братьев Вачовски...

Зато почти во всех своих политических аспектах «Сезон Оружия» устарел уже к 2000 году. Будем надеяться, устарел бесповоротно и безнадежно. И вот это — искренне радует.

Итак, главным фантастическим допущением романа является Виртуальная Реальность. Два слова о ней. Виртуальная Реальность представляет собой весьма совершенное техническое средство, при помощи которого человечество середины XXI века участвует в грандиозной компьютерной ролевой игре. Эта игра не ограничена в пространстве и времени, у нее нет выраженного сюжета, зато она обладает невероятной, как сейчас принято говорить, погружаемостью. Тот, кто находится внутри Виртуальной Реальности, переживает виртуальные события с той же степенью достоверности, что и в реальном мире. Герои «Сезона», простые россияне, готовы на многие часы покидать наш старый добрый мир дабы путешествовать по иллюзорным пространствам, которые создаются мощнейшими серверами. Зачем? Чтобы принять участие в виртуальных войнах, чтобы заняться любовью с другими посетителями Виртуальной Реальности, чтобы ненадолго почувствовать себя отважными героями. То есть, если вдуматься — низачем.

Десять лет назад уже существовал Интернет, правда, в России им почти никто еще не пользовался. Чаты, форумы, «аськи», а также сотни других хитроумных электронных мелочей из тех, что нынче скрашивают досуг почти каждого человека, имеющего компьютер, тогда еще только-только входили в моду. (И уж подавно никто не подозревал, что будут созданы MMOG — многопользовательские онлайн-игры, которые объединят миллионы игроков по всему миру.) Не удивительно, что в 1996—1997 годах, «Сезон Оружия», посвященный «всему этому», был обречен на издательские отказы: редактора просто не понимали, о чем же написана книга. Где плакать, где смеяться? Стандартный ответ издательства молодому-и-талантливому Зоричу был приблизительно таким: «Всё это очень мило, и даже с юмором, но наш читатель — он этого не поймет, потому что мы... мы, честно говоря, тоже многого не поняли!» Но время работало на меня. Сама жизнь занялась продвижением моей книги к читателю — интернета, компьютерных игр и прочих виртуальных радостей становилось все больше. Как следствие, в 1999 году «Сезон оружия» был издана в первый раз. «И все всё поняли». Ну а теперь-то... Боюсь, скоро придется объяснять какому-нибудь продвинутому, а оттого вдвойне дерзкому журналисту, отчего в «Сезоне Оружия» приняты такие робкие фантастические допущения, и сконфуженно оправдываться, когда меня будут упрекать в том, что я «обворовал» все «сокровищницы мирового киберпанка».

ПРОЛОГ

Секундантов не было. Двое людей шли по осеннему лесу, и опавшая листва отзывалась настороженным шорохом. Один был безоружен, зато две кобуры, симметрично подвешенные под мышками у второго, полнились смертельной тяжестью.

Вальдис остановился посреди широкой просеки. Профессиональным движением он извлек два совершенно одинаковых «Магнума-40».

«Выбирай Магнум-40! Пистолет две тысячи сорокового года и оружие века! Магнум-40!» — мелькнула в голове надпись с рекламного плаката над прилавком оружейного магазина «Тульский-Центр».

— Выбирай, — вторя его мыслям, потребовал Вальдис.

Он выбрал левый.

— Напоминаю. Становимся спинами друг к другу. Каждый проходит двадцать пять шагов, причем каждый шаг я громко отсчитываю вслух. Когда я произношу «двадцать пять», мы одновременно поворачиваемся и открываем огонь. В каждую обойму я зарядил по два боевых патрона,

можешь проверить. Победитель по этому телефону, — Вальдис достал из-за пояса сотовый и положил его на землю, — вызывает вертолет «скорой помощи». На усмотрение победителя остается и все остальное.

Молодой молча кивнул. «Он меня убьет. Пристрелит, как Дантес Пушкина, и не поморщится даже, сука. И как только Рут могла с таким...» Даже в мыслях применить к Рут механический глагол «трахаться» он не смог. Хотя этот крендель, пожалуй, ее именно трахал.

Они стали спинами друг к другу и пошли.

Первый дуэлянт был очень молод. Восемнадцать. Он мог думать только о ней. Он любил ее так, как любит мужчина свою первую женщину — восхищенно, с мальчишеским благоговением. Он молился на ее стройные ноги, на ее мраморный и вместе с тем такой мягкий живот, на улыбку блаженства, дремлющую в уголках ее изящных губ.

От мимолетного воспоминания об арбалетном изгибе ее ключиц он мог среди дня бросить все, занять у Сереги тридцатку и колесить до ночи по городу, разыскивая свою любовь. А потом, обыскав все вероятные кабаки и квартиры и не найдя ее, надраться до поросячьего визга со случайной компанией, кровавить кулаки о витринные стекла, получать по роже от своих собутыльников и от уличной полиции.

Или не так. Найти ее и провести в головокружительном танце остаток дня, и всю ночь, и следующий день, и так еще долго. Пока она не скажет «Работа юбер аллес»*. Или то же самое по-французски.

Второй был значительно старше и приходился ей ровесником. Ему было тридцать два. Он мог думать о разном, но только не о ней. Оголяя привычным жестом ее королевский зад, он вспоминал черный зев ультразвукового станнера, который ему ткнули в рожу средь жаркой тайваньской полночи неделю назад. Или ошметки человеческого мозга, которые он все сегодняшнее утро соскребал дублинским ножом со своего пиджака от Роберто Кавалли. Или думал о других своих любовницах, разбросанных по миру от Анкориджа до Кейптауна. Одну из них судьба зашвырнула даже на Лунную Станцию ООН...

Вальдис был очень опытен и хладнокровен. Он работал в Русском Отделе Интерпола, но его молодой соперник не знал этого. Он знал лишь, что человек, заставший их в живописной позе посреди волосатого персидского ковра два дня назад, — опытный и хладнокровный убийца.

---

* Uber alles — превыше всего (*нем.*). — *Примеч. авт.*

Так сказала она сама, ломая в пальцах толстую сигарету для феминисток «Vogue Hard». Он знал также, что Рут тому практически безразлична и вызов на дуэль (разумеется, противозаконную) — очередной акт мужского самоутверждения со стороны Вальдиса. Под таким именем он знал своего соперника, хотя уже тогда ему хватило ума догадаться, что в метрике киллера записано нечто совершенно другое.

— Ты мальчишка. Только это мешает мне застрелить тебя на месте, — сказал в тот день Вальдис. — Поэтому я дам тебе шанс. Я вызываю тебя на дуэль.

— По рукам, — тряхнув кудрями, сразу же согласился он, к величайшему изумлению Вальдиса. Разумеется, тот ожидал, что он спасует, замажется, обоссыться и Рут потеряет к нему всякий интерес. Но вызов был принят и крови предстояло пролиться.

Теперь, когда багрянцу опавших листьев суждено было вскоре смешаться с багрянцем иной природы, он понимал, насколько был опрометчив два дня назад, но возврата не было.

Когда Вальдис произнес «двадцать четыре» и с его губ уже было готово сорваться роковое «двадцать пять», в голове молодого щелкнул спасительный предохранитель и раздумья закончились.

Легкий и стремительный, ощущая в голове абсолютную пустоту и безмятежное спокойствие, он резко обернулся. Спина Вальдиса в одно мгновение расплылась мутным пятном на фоне аккуратной мушки.

«Двадцать пять» — вот что, пожалуй, хотел сказать Вальдис, но это у него вышло неважно. Его голос перешел в хрип, утонувший в грохоте двух выстрелов. В первый раз молодой попал точно, вторая пуля прошла мимо, сорвав кожу со щеки Вальдиса. Но и одного попадания было достаточно.

Победитель подошел к сотовому, поднял его с земли, нажал вынесенную отдельно от основного блока клавиатуры кнопку «Emergency».

— Вы дозвонились в Единую Службу Спасения, — сказал приятный женский голос. — Если ваш домашний любимец застрял на дереве, наберите цифру «один». Если вас убили до смерти и вы нуждаетесь в неотложной психологической помощи...

Молодой помнил код неотложной медицинской помощи. Не дослушав меню, он дважды нажал цифру «три».

Глава 1

УБИЙЦЫ И НАБЛЮДАТЕЛИ

1

Приезжает муж из командировки, тихо открывает входную дверь, заходит в квартиру и видит: его жена не одна...

Августин снисходительно улыбнулся. Одно дело — когда бородатые анекдоты травит сосед по лестничной клетке, другое дело — компьютер. С компьютером смеяться не обязательно. Мудрый черный ньюфаундленд по кличке Томас лениво улыбнулся вместе с хозяином.

— Он входит в спальню и говорит...

Августин не торопился сказать «стоп» и прекратить словоизлияния нейронного болтуна. Анекдот-то, быть может, и бородатый, но ведь не исключено, что неизвестный. Августин отхлебнул кофе и откинулся на спинку кресла.

— ...и говорит любовникам: «Вы тут пока кончайте, а я чаек на кухне поставлю». Тот, кто поступает так, и называется настоящим мужем. А кто называется настоящим любовником, Августин?

Августин и Томас переглянулись. Пожалуй, этот анекдот стоит дослушать до конца.

Компьютер, поглощенный выполнением апплета «Вован 5.2», сделал эффектную театральную паузу и заговорщическим шепотком опытного конферансье сообщил:

— А настоящим любовником называется тот, кто после всего этого кончит.

К собственному удивлению, Августин засмеялся. Что ни говори, а «Вован» в лучших своих проявлениях способен поднять настроение даже мертвецу. Особенно хороши были версии старше четвертой, которые умели сочинять анекдоты самостоятельно — на основании старых, вытащенных из легендарной WWW — World Weakly Web, то есть Дохлой Мировой Сети.

Именно к новосочиненному опусу и собирался теперь перейти «Вован»:

— Пошли как-то Мойша, Винни-Пух, Штирлиц, Терминатор и Путин на рыбалку...

— Хватит, — нехотя скомандовал Августин.

Пора было отправляться на дежурство. Действительно пора. А судя по многообещающему запеву, анекдот обещал затянуться минут на десять.

Августин подошел к окну и с высоты своего последнего, восьмидесятого этажа, осмотрел томимую зноем Москву. Но не увидел ничего, кроме лоскута голубого неба и отливающего серебром рекламного цеппелина компании «Виртуальная Инициатива», зависшего как раз напротив его окон. Он-то и заслонял весь обзор.

«В рай с «Виртуальной Инициативой»!» — титаническими буквами было начертано на боку неповоротливого гиганта. Августин поморщился. От рекламной компании «Виртуальной Инициативы» его уже давно и основательно тошнило. ВИН была российским монополистом в области оболванивания честных обывателей, охочих до чудес Виртуальной Реальности. И на оболванивание честных обывателей денег не жалела.

— Ах да, Томас! Чуть не забыл о тебе, патлатый! — Августин потрепал пса за ухом и навалил тому полную миску витаминизированных кроличьих ребрышек.

Хозяин будет отсутствовать долгих шесть часов — шесть часов дежурства в виртуальном мире. У Томаса были все шансы провести это время голодным.

Августин направился к капсуле входа, которая возвышалась в центре комнаты массивным египетским саркофагом, и лег в нее, вытянув руки вдоль туловища. Затылок мягко вошел в углубление нейротранслятора. Полифертиловая крышка капсулы плавно затворилась.

Августин глубоко вздохнул и сказал: «Поехали!»

Не успел Августин закрыть глаза, как зубная боль, мучившая его еще утром, возобновилась с новой силой. Это было тем более прискорбно, что всего три часа назад он покинул кабинет своего дантиста, к слову, весьма недешевого. «Черт, на дворе 2051 год, а ставить человеческие пломбы человечество так и не научилось!»

Спустя три секунды Виртуальная Реальность приняла лейтенанта сетевой полиции Августина Деппа в свои объятия.

2

Когда в окошко его комнаты проникли канареечно-желтые лучи одного из четырех солнц виртуального мира, Августин сказал:

— Здравствуй!

Он встал со своего ложа, потянулся и зевнул. Будто только что пробудился от долгого, скучного сна. Впрочем, жизнь в тесной двухкомнатной квартире, притулившейся под крышей восьмидесятиэтажного жилого дома на Большом Арбате, Августин и впрямь воспринимал как своего рода сон. Настоящей жизнью и полноценной явью ему теперь казалась только Виртуальная Реальность. Кроме как внутри ВР, казалось Августину, жизни не было, да и быть не могло.

Зона его включения — город Амстердам — не имел с реальным, земным Амстердамом ничего общего, кроме названия. Причудливые ландшафты, строения и формы жизни, созданные самовоспроизводящимся и самосовершенствующимся гением — глобальной Сетью, — не могли бы существовать нигде, кроме как в виртуальном мире.

Зубная боль отпустила, как будто ее и не было никогда. Августин чувствовал себя великолепно. Дежурство началось, и он внутренне расцветал, предвкушая шесть часов полнокровного бытия — не так уж мало даже для полицейского в аватаре третьего класса Гильгамеш.

Увы, когда шесть положенных часов истекут, он снова вернется назад, в серый мир людей. Но думать о грустном в начале дежурства — плохая примета. И о грустном Августин, конечно, не думал.

В этот раз Августин был йоменом — английским лучником Позднего Средневековья.

Бархатный плащ с капюшоном, застежка из червленого золота на груди, черная с шитьем рубаха. Как и положено йомену, за спиной у Августина висел легендарный longbow — длинный тисовый лук.

Йомен был излюбленным аватаром Августина.

«Только дураки шастают по ВР с пистолетами. Дураки безо всякой фантазии и вкуса», — справедливо полагал Августин, и на это у него были причины: по убойной силе его длинный лук с самонаводя-

щимися стрелами (магия первой ступени) не уступал ни гранатомету, ни уж тем более помповому ружью.

Августин почти физиологически наслаждался чужим телом — телом сорокалетнего солдата из войска Генриха Пятого, его шрамами и сединой, его сухими, но крепкими мускулами. К выполнению своих непосредственных обязанностей полицейского он приступит очень скоро. Но сначала он навестит свою подружку Сэми.

— О Сэми, алмазная моя... Я не мог дождаться, клянусь копьем Святого Георгия! — воскликнул Августин при виде рыжеволосой девушки в бледно-зеленом платье с испанским декольте.

Не только его голос был голосом йомена — резким и хриплым. Но и речь, и сам образ мыслей Августина ощутимо менялись, стоило ему оказаться в теле средневекового англичанина.

— Я рада, что ты не забыл меня, мой нежный, неверный друг, — улыбнулась она, обвивая руками шею йомена.

Августин ощутил волнение во всем теле. Сэми была хороша и ласкова. От нее пахло молоком и полевыми цветами. Августину нравилось заниматься с ней любовью.

Августин понятия не имел, является ли женщиной хозяин аватара рыжеволосой девушки в испанском костюме. Скорее всего, да. Или, возможно, нет?

Какая разница, о Боже, какая разница! Он целовал ее упругие ароматные груди, и жизнь была прекрасна.

3

Белоснежный парусный катамаран резал водную гладь, подернутую частой рябью. В воде на мощных кедровых сваях стоял большой одноэтажный дом с длинной пристанью.

Две жирные чайки дрались за еще более жирного, чем они сами, леща, трепещущего на берегу в предвкушении званого обеда, на котором главным пиршественным блюдом станет он сам.

На высоте семидесяти тысяч метров над точкой драки голодных чаек в это мгновение проходил стратосферный гиперзвуковой лайнер компании «Пасифик-Аэро». С превышением сто сорок тысяч метров над лайнером в пустоте плыл контрольно-разведывательный спутник Организации Объединенных Наций «Аргус-18».

Катамаран причалил к пристани свайного дома. С него сошел молодой человек, одетый вполне по-летнему. На нем была зеленая майка-сетка, узкие дымчатые очки и болотного цвета шорты. Он был бос. Человек сделал два шага, потом остановился. Он театрально хлопнул себя по лбу, словно бы вспомнил что-то необычайно важ-

ное, обернулся и, нашарив в кармане мятую трешку, протянул ее хозяину катамарана.

— Возьмите, спасибо.

Хозяин посмотрел на него прозрачным взглядом. Улыбнулся.

— Мне деньги уже давно не нужны. Да и вам они не понадобятся больше.

4

Зона интересов контрольно-разведывательного спутника «Аргус-18» находилась на сорок миль юго-восточнее озера, но восемнадцать фасетных сенсоров сверхвысокого разрешения работали в режиме автоматического поиска целей и сканировали все подряд.

В полосе сканирования «Аргуса-18» в данный момент находились: тысяча двести сорок четыре квадратных мили лесов, двести восемнадцать квадратных миль единообразно возмущенной водной поверхности, закрытый на ремонт участок автострады Москва—Воронеж протяженностью тринадцать миль и всего лишь пять подвижных целей.

Две из них были идентифицированы как крупные водоплавающие птицы вида Lariformes ridibundus (Речная чайка), одна — как крупная водоплавающая рыба вида Abramis brama (Лещ) и сразу отсечены.

Две другие являлись характерными представителями вида Homo Sapiens мужского пола.

Девять фасетных сенсоров сфокусировались на южном объекте, девять — на северном. Несколько миллисекунд шел выбор оптимального режима сканирования, после чего на видеопланшете Альпийского командного пункта глобальной системы наблюдения «Master's Eye» сформировалось устойчивое голографическое изображение.

Майк, Джонни, Ганс и Джина, дежурные кураторы «Аргуса-18», развалившись в аморфных креслах, старательно повторяющих все тонкости человеческой анатомии, немного оживились.

— Громче, — потребовала Джина, потягивая через соломинку модный коктейль «Искрометная Дурь».

Сенсоры впились в лица русских. Процессоры артикуляционной трансляции молниеносно анализировали мимику и движение губ, подсистемы синхронного перевода доносили их беседу до сведения кураторов.

— Не нужны деньги? Почему? — удивленно спросил южный объект. — Разве ваш курс рекурсионной терапии ничего не стоит?

— Возьмешь отдавая. Когда будешь брать — отдашь, — серьезно ответил северный. Он еще раз улыбнулся и, сойдя с катамарана, принялся старательно привязывать швартовный конец к выведенной над дощатым настилом кедровой свае.

— Это русские! — фыркнул Майк. Жевательная резинка надулась в его пухлых негритянских губах огромным пузырем и лопнула, источая тяжелое, приторное благоухание чайной розы.

— Что это за вонь? — прогрохотал знакомый грозный голос за их спинами. — Какая вонь! Чем вы здесь заняты, кухулиновы псы?!

Все четверо мгновенно вскочили и вытянулись по стойке «смирно». Высокий бокал Джины перекочевал под кресло. Пахучая жевательная резинка Майка отправилась в его желудок. Джонни молниеносно сорвал и сунул в карман поролоновый шутовской нос, при помощи которого он только что изображал специального агента Интерпола Мак-Интайра.

— Дежурная смена кураторов спутника «Аргус-18» ведет наблюдение на подступах к объекту «Алмазный Куб»! — браво отрапортовал Ганс.

Специальный агент Мак-Интайр некоторое время буравил его своим недобрым взглядом.

— Вольно, — наконец сказал он. — Джина, сладкая моя, плесника и мне на три пальца «Искрометной». Я заслужил, в конце концов...

Мак-Интайр достал из кармана алюминиевый цилиндрик, осторожно открутил крышку, вытрусил на ладонь двухдюймовый обрубок сигары.

«Последние два дюйма — самые сладкие», — сообщил когда-то его прадед, член боевой организации ИРА*, парикмахеру Белфастской уголовной тюрьмы за полчаса до побега.

5

Августин не знал, какая реальная личность скрывается за аватаром рыжеволосой Сэми. Таковы были незыблемые законы виртуального мира. Да он и не стремился узнать. Ему было достаточно того, что внутри ВР Сэми — милая, покладистая девушка «без комплексов». И плевать на то, что в «той» жизни хозяйкой столь полюбившегося Августину аватара может быть девяностолетняя старуха. Или девяностолетний старик. Виртуальный мир тем и хорош, что позволяет каждому быть тем, кем он никогда не смог бы стать в реальности.

---

* ИРА — Ирландская Республиканская Армия. Террористическая организация ирландских католиков. — *Примеч. авт.*

— Я тебя полчаса жду. Уже думала, ты сегодня не придешь. Ведь всякое может случиться... — Зеленоглазая Сэми на мгновение отстранилась и посмотрела на Августина с тревогой.

— Что, например? — Августин поставил свой лук у входа в комнату.

— Например, убийство до смерти, — промурлыкала Сэми, деловито снимая шелковое покрывало с белоснежного ложа, ожидавшего любовников.

«Это было бы действительно грустно», — мысленно согласился Августин. После того, как тебя убили до смерти, назад дороги нет. Как и в жизни.

— Но ведь я полицейский, — отмахнулся Августин.

Пальцы Августина принялись за шнуровку, которая стягивала стройный стан его подружки самым соблазнительным образом. Он не любил болтовни. Болтать можно и там, в Москве. В виртуальном мире следует действовать...

Шестьдесят четыре минуты своего дежурства из трехсот шестидесяти Августин провел у Сэми. Это было немного больше, чем ему позволял устав сетевой полиции, но намного меньше, чем ему хотелось бы.

Выходя из уютного номера гостиницы, декорированной под английский постоялый двор конца XVII века, он нежно чмокнул Сэми в ложбинку между грудей, теснящихся под изумрудным шелком лифа.

В такие моменты Августин всегда немного раскаивался в том, что стал сетевым полицейским.

В то время как рядовые пользователи имеют право наслаждаться любовью в ВР сколько им заблагорассудится, он должен заниматься поддержанием сетевого законодательства... Да плевать на него! Анархия — мать порядка!

На мгновение в голову Августина закралась еще одна крамольная мысль: быть может, стоит всеми правдами и неправдами получить доступ к серверному комплексу ООН, к уникальной базе данных пользователей виртуального мира. Войти туда, используя «форсаж» и свою офицерскую эксесс-карту. Узнать, кто же такая эта Сэми в действительности. И если она так же хороша собой, как хорош в постели ее аватар, быть может стоит обдумать варианты совместного... совместного... Стоп! Августин вспомнил о Ксюше и устыдился собственных мыслей.

— Хозя-а-а-айка! — проорал за спиной Августина противный пьяноватый голос. Августин остановился.

— Э-эй, шлюхина дочь! — второй, еще более мерзкий.

Августин обернулся. У окна постоялого двора Сэми топтались трое придурков в форме американской морской пехоты прошлого

века. Августин сразу же послал запрос и получил всю необходимую информацию. Трое Агасферов, в новый класс переведены позавчера. Солдаты Второй Штурмовой дивизии Герцогства. Последняя зона включения — Свитязь.

Августин присвистнул. От Амстердама до Свитязя двести миль все-таки. Видно, какой-то Джирджис решил подработать авиалайнером и в летательном морфе подбросил забулдыг до Амстердама.

Прямо как в анекдоте. «Осторожно, двери закрываются! Следующая станция — Амстердам».

Пока Августин вспоминал, в чем соль анекдота, третий морпех, до этого времени молчавший, сдернул с плеча автоматическую винтовку и принялся колотить прикладом в ставни. Сэми не появлялась и правильно делала. Августин лениво вытащил из колчана стрелу.

— Эй вы там, повежливее! — крикнул он, плавно натягивая лук и подходя поближе мягкими кошачьими шагами.

Тот, который колотил винтовкой в ставни, резко обернулся, одновременно передергивая затвор.

Так-так... Ярко выраженные агрессивные действия, угрожающие стабильному функционированию полицейского при исполнении служебных обязанностей. Ситуация двести восьмая, однако.

Августин молниеносно припал на колено. Щелкнула тетива. Солдат захлебнулся кровью и упал навзничь.

Двое его напарников, ошеломленные, замерли, так и не взведя затворы своих винтовок. Они быстро трезвели. Из окна высунулась Сэми с внушительным дробовиком «Ремингтон» в руках.

— Лечь на землю, руки за голову! — приказал Августин.

Один послушно выполнил приказание, другой перекинулся в волка и попытался бежать. Заряд картечи из «Ремингтона», и стрела Августина быстро привели его к послушанию.

Августин поднес к губам «наручник» и, потребовав военную комендатуру Амстердама, сказал:

— Лейтенант сетевой полиции Джонни Джармуш. Подберите тут трех своих героев... Нет, ничего страшного... Один целехонек, у двух других отлетело кредитов по сорок... Вайолент-Роад, девятнадцать... Нет, девятнадцать... Д-е-в-я-т-н-а-д-ц-а-т-ь... Двадцать минус один, козел!!!

6

Девять сенсоров «Аргуса-18» автоматически сопроводили Владимира до двери под вывеской «Центр рекурсионной терапии «Байкал» и, когда тот переступил порог, переключились в режим высокочастотного проникновения.

По просторной комнате, где не было ничего, кроме нескольких соломенных циновок, расхаживал коренастый человек в европейском костюме кофейного цвета, и это было первым, что удивило Владимира.

В руках человек держал раскрытую книгу в темном кожаном переплете, и это было вторым, что удивило Владимира.

Человек не сразу отреагировал на его появление. Он некоторое время продолжал читать, потом наконец закрыл книгу и бережно положил ее прямо на пол. Потом он посмотрел на Владимира. Его глаза были удивительно глубоки и в то же время совершенно непроницаемы.

— Здравствуйте, — довольно робко сказал Владимир. Подать руку он не решился.

— Мое имя Хотой, — сообщил человек.

У него был исключительно правильный русский выговор, свойственный обычно образованным иностранцам. Хотой был иностранцем. Он родился и провел свое детство в Якутии.

— Очень приятно, — улыбнулся Владимир. — Меня зовут Володя. Владимир Роговцев, — уточнил он, смутившись фамильярностью своего «Володи».

— Владимир Роговцев, — повторил Хотой, словно пробуя его имя на вкус. — А почему не Горацио?

— Простите?

Владимир слышал много разных басен и анекдотов о жизни натуралов. Он знал, что нужно быть готовым буквально ко всему, но загадочный вопрос Хотоя застал его врасплох. Действительно, Горацио было бы лучше, но раз уж назвали...

— Или почему не Клавдий? — ехидно добавил Хотой.

Владимира передернуло. Клавдий... Так его звали еще совсем недавно, каких-то две недели назад...

7

«Если в роду человеческом переведутся убийцы, извращенцы, алкоголики и наркоманы, если мордобой и кровопролитие перестанут приносить удовольствие хотя бы одной тысячной процента взрослых здоровых людей, на Земле наступит рай. Но это будет рай для стада кастрированных животных. Без зла нет добра, без ноля нет десятки, без твоего сознания нет мира. Без мортидо — тяги к разрушению и смерти, невозможно воплощение либидо — стремления к любви и жизни.

Мне не представляло большого труда создать ВР, в которой невозможно насилие. Но в таком случае получилось бы, что я

создал всего лишь еще один телеканал для младших школьников! С другой стороны, много ли радостей знала раньше жизнь семидесятилетнего паралитика или даже вполне здорового клерка из «Юнион Банка»?

Уже в первой трети двадцатого века обнаружилось повальное стремление к бегству от повседневности. Боевики и мелодрамы, комиксы, выпивка и наркотики, перманентная сексуальная революция — более манифестируемая, нежели происходящая на самом деле, — несколько позже компьютерные игры и видеопутешествия пытались удовлетворить всеобщую тягу ощущать и переживать нечто необычное. Но это были всего лишь грубые суррогаты. Да, люди бежали от действительности. Куда? В никуда, в ничто.

Но с появлением Виртуальной Реальности появилась вторая, альтернативная действительность, не знающая скуки нашей мирной повседневности. Здесь отныне живет твоя Тень, твое темное начало. Здесь же оно и остается. В тот день, когда неведомыми маньяками будут уничтожены все нейрокомпьютеры, наступит конец света, ибо все Тени выйдут в материальный мир. Человечество захлебнется в собственной злобе. Оно живет, пока живет ВР. Читая эти строки, ты скажешь, что я уготовил миру Апокалипсис. Идиот. Я подарил миру вечную жизнь, ибо ВР неуничтожима».

Олаф Триггвассон. «Страннее, чем рай»

8

Когорта, в которой служил Клавдий, приняла свой последний бой под ночными пурпурными небесами.

Ночью над Каменными Столбами небеса всегда горят пурпуром от света четырех огромных лун, висящих так низко, что кажется, стоит нацепить реактивный ранец — и в один импульс допрыгнешь до тучного чрева ближайшей, и сможешь вырвать из него кусок раскаленной лунной плоти.

Под славными орлами и красными стягами Социальной Республики Сол его когорта развернула боевые порядки на берегу Тухлого Ручья среди огромных валунов и каменных расселин. Лучшего места для засады не найдешь до самого Сорок Третьего Шоссе. Это в любом тактическом наставлении русским по пустому начитано.

Вскоре показались солдаты Герцогства. Стадо живописных оборванцев класса Адам и несколько Агасферов вывалили из леса и быстрым шагом пошли вдоль противоположного берега ручья. Они представляли идеальную мишень для любого оружия.

Но Клавдий не спешил.

И лишь когда голова неприятельской колонны поравнялась с правым флангом их когорты, Клавдий отдал свой короткий приказ. Тотчас же Стена Иллюзий, которую держал их легионный Джирджис, рухнула, обгорелые пни и серые камни ожили, молниеносно превращаясь в республиканских солдат, и на разномастную герцогскую ораву обрушились потоки огня, стрел и снарядов автоматических пушек, именуемых в простонародье «швейками».

Бежать было бессмысленно. Враги залегли, но на открытой местности досталось каждому. Никто не остался обделенным республиканской щедростью. В ответ нестройно затрещало мелкокалиберное автоматическое оружие.

Герцогские наемники, которые, как известно любому, лишены твердого идеологического стержня и оттого по уши погрязли в разврате пред ликом своего идола, Желтого Дьявола, не могли выдержать долго под кинжальным огнем целой когорты. Многих из них ждало убийство до смерти, ужасное развоплощающее УС. Клавдий в боевом азарте припал к ночному прицелу автоматического огнемета и заливал огнем все, что двигалось или, напротив, стремилось не двигаться.

У солдат герцога подходили к концу боеприпасы — все реже пурпурную тьму прорезали оранжевые вспышки, очереди становились все более скупыми. Правда, легионный Джирджис республиканцев исчерпал свой временной лимит и выбыл по таймеру, но и без него победа казалась неминуемой. Пора было пустить в ход клинки. Клавдий поднес к губам мегафон и проорал: «В рукопашную! Вперед, сук-кины дети! Пленных не брать!» Последнее было данью доброй древней традиции. Брать пленных в этом мире было невозможно. По крайней мере, так считалось.

Легионеры поднялись в полный рост. Противник молчал. Легионеры стремительно сбежали вниз по предательским каменистым осыпям и по колено в едкой дряни перешли Тухлый Ручей. Пять—семь кредитов, отвалившихся от каждого, были ерундой по сравнению с теми десятками, которые им выдаст Зу-л-Карнайн после возвращения с операции.

Клавдий, ударив по рычагам реактивного ранца, взлетел над своей когортой, чтобы с высоты птичьего полета сбросить на головы герцогской сволочи кассетные суббоеприпасы из боевой подвески.

Но в современной войне ситуация на поле боя может измениться в считанные доли секунды.

Зенитная ракета типа «Горгулия», выпорхнувшая из-за леса, показалась пчелиным укусом по сравнению с тем, что ждало Клавдия

впереди. Он падал вниз с горящим ранцем за спиной, видя, как вместе с кусками его жженой виртуальной плоти разлетаются по сторонам драгоценные кредиты, но долгожданного спасительного удара о землю все не было. Огромный грифон, сотканный из бронзового света, подхватил Клавдия и с быстротой молнии понес за Каменные Столбы.

— Буржуазная сволочь... — успел прохрипеть Клавдий, верный своему долгу до конца, и под ним разверзла свою леденящую пасть Воронка Вара. Центурион Клавдий отправился в свой центурионский ад.

Он не видел — ибо в тот момент, растерзанный сворой смерчей хаоса, уже лежал с расширенными от ужаса зрачками в своей домашней капсуле под красным табло «УС» — как грифон плавно опустился на макушку одного из Каменных Столбов. Бронзовая шерсть грифона потекла сполохами матового огня, и спустя несколько мгновений на его месте появился рослый человек с опознавательным жетоном комтура Герцогства на груди. Обращаясь к пустоте, он сообщил:

— Функционирование входа «Утгард-Желтый» нормальное. Повторяю...

9

Амстердам был невелик и являлся одной из второстепенных зон включения. Оставив Сэми скучать в ожидании патруля военной комендатуры, бравый йомен Августин направился в местность, которая носила неофициальное название Мост Через Ничто, а официально именовалась кластером З.Ам.Ру.

Именно там, по данным разведцентра сетевой полиции, должен был в очередной раз появиться криминальный субъект в аватаре Локи. Дважды коп-киллер. Нелегальный пользователь. Безбилетный заяц в виртуальном мире. Нарушитель трех четвертей всех сетевых законов. Обладатель шикарных аватаров класса Джирджис, базовым морфом которых неизменно выступал скандинавский бог зла, хитрости и коварства. Предмет особого интереса сетевой полиции.

Конечно, и Августин, и его начальство понимали, что, даже будучи убитым до смерти, Локи все равно вернется в ВР. Таким, как он, закон не писан. Тот, кто уже однажды изыскал возможности и деньги для нелегального доступа, разыщет их и дважды, и трижды. И все-таки уничтожить мерзавца хотя бы виртуально было для сетевой полиции делом чести.

Локи был подлинным виртуозом виртуального мира. Он имел аватар класса Джирджис, а Августин на ступеньку ниже — Гильгамеш.

Это значило, что убить Локи в одиночку у Августина один шанс из ста. Но где-то там, за перелеском, скрывались его коллеги-полицейские. И если Локи все-таки появится, дело найдется для каждого.

Локи, конечно, появился.

Как и всякий Джирджис, он был подвижен, живуч и мог порождать десятки фантомов. Локи владел магией двух ступеней и умело оставлял своих противников с носом. Но на сей раз противников было слишком много.

Два солнца виртуального мира из четырех стали молчаливыми свидетелями того, как ядовито-зеленые шары покинули жерла плазменных базук.

Не дожидаясь Августина, полицейские вступили в бой.

Местность здесь была более чем унылой. Некое подобие лунного пейзажа: равнина, покрытая небольшими кратерами. Там, где заканчивалась равнина, начинался лес, выполненный дизайнерами-оригиналами в густых оранжево-красных тонах. Над лесом высились угрюмые металлоконструкции неопределенного назначения. Две подобные металлоконструкции имели место и там, где последний кратер сменялся плитами пористого камня, напоминавшего песчаник. Эти металлические уроды и назывались Мостом Через Ничто.

Августин терпеть не мог стиль «Антиутопия», в котором был выполнен весь ландшафт кластера З.Ам.Ру. К его глубокому сожалению, таких ландшафтов в русских зонах ВР встречалось немало. И чем дольше шла война между Герцогством Велес и Социальной Республикой Сол, тем чаще стиль «Антиутопия» оказывался результатом работы магии старших ступеней и реактивной артиллерии, а вовсе не оригиналов-дизайнеров...

Локи издал душераздирающий вой. Это значило, что по крайней мере один заряд плазмы попал в цель.

Локи закружился на месте, стремясь реализовать потенциальную возможность стать временно неуязвимым, которую давала ему магия второй ступени. Но его кружение было прервано черным диском, выпущенным кем-то, затаившимся в кратере подле Моста Через Ничто — вовсе не там, где располагались полицейские с базуками.

Диск на огромной скорости врезался в кокон, который создавал вокруг себя вращающийся Локи, вспорол его, словно нож подушку, и обратил прахом все старания Локи.

Значит, противников у Локи больше, чем ожидал Августин. И один из них — в аватаре класса Джирджис, ибо только они имеют на вооружении «волчок Кудруны». Теперь преимущество принадлежало сетевой полиции.

Но Локи и не думал сдаваться. Он грянулся оземь и обратился хищной птицей. Не то стервятником, не то грифом — Августин был посредственным орнитологом.

Локи взмыл в небо, и каждый взмах его крыльев был исполнен глубочайшего презрения к стражам правопорядка.

Четыре базуки грянули слаженным залпом из оранжево-красного леса. Мимо. Еще раз мимо. Три залпа мимо цели. Локи явно отводил от себя опасность с помощью охранительных заклятий.

Почему же медлит тот, кто затаился за стальным обломком псевдомоста? Тот, кто метнул «волчок Кудруны»? Почему вслед за грифом-Локи не взмыл в небеса такой же гриф? Или гигантский нетопырь, охочий до крови пернатых хищников?

Однако никто не бросился в погоню. Августин всматривался в ядовито-синее небо. Локи летел в его, Августина, сторону. Теперь пришло его время отличиться.

Класс его аватара — Гильгамеш. Августин не может стать грифом. Он не может летать. В этом смысле ему не по силам тягаться с Локи. Но его тисовый лук с самонаводящимися стрелами не уступит ни базуке, ни гранатомету, ни зенитной ракете. Разве только в дальности. Но как раз расстояние до цели сейчас стремительно сокращалось.

Августин натянул тетиву. Тщательно прицелился. Похоже, Локи все еще не видит его, укрывшегося за вишневым, шероховатым валуном. Наконец Августин выпустил стрелу.

Гриф замер в воздухе на долю секунды — и камнем ринулся вниз. Августину удалось ранить всесильного Локи. По крайней мере, летать он больше не будет — стрела разящего без промаха йомена разнесла в клочья правое крыло птицы...

Черта с два! Перья, вывороченное мясо и все прочие признаки тяжелого ранения были наваждением, порожденным Зеркалом Иллюзий, которое выставил хитроумный Локи. Это Августин понял, когда Локи превратился в дракона, вооруженного кипящей коричневой слюной и файрболами.

Августин в надежде посмотрел в сторону леса. Но его коллеги-полицейские не спешили. Похоже, они сочли, что будет гораздо лучше, если Августин сам обезвредит коп-киллера Локи. Что ж, значит, поощрительная премия, орден, а может, и присвоение нового класса — его, августиновы.

Августин снова натянул тетиву. Но, к его удивлению, Локи и не думал вступать с ним в единоборство.

Дракон развернулся сквозь самого себя — голова вышла через хвост, который обратился шеей, — и теперь скользил совсем в дру-

гую сторону. Локи стремился уйти из окружения, не ввязываясь в драку.

Это было странно — ведь ни один Джирджис не убоится Гильгамеша, даже если тот полицейский. Ни один Джирджис, тем паче такой бесшабашный, как Локи, не поленится оставить от беззащитного перед его мощью Гильгамеша горстку пепла и системное сообщение «Убит до смерти в кластере таком-то». Локи, похоже, испугался Августина. Это могло означать только одно: преступник сильно ранен и опасается растерять последние кредиты на ничтожного полицейского.

Но и это было обманом.

Ловкий маневр — и вот он снова обратился мордой к полицейской засаде, истово опустошающей свои магазины в тщетной надежде раздробить броню, которой было покрыто брюхо дракона.

«Что ни говори, аватар дракона не уступит штурмовому танку. Особенно на открытых пространствах», — с завистью подумал Августин. В подтверждение его мыслей Локи изрыгнул первый файрбол — громадный огненный шар, отдаленно напоминавший непомерно раздувшуюся шаровую молнию. Драконам не нужны гранатометы. Им нужен только простор для действий.

Выпущенная Локи шаровая молния, переливаясь всеми оттенками малинового, поползла к оранжево-красному лесу. «Интересно, как будет гореть дерево, чей ствол и ветви и без того имеют цвет пламени?» — размышлял Августин, опасливо выглядывая из-за своего укрытия.

Но парни из сетевой полиции тоже были не лыком шиты. Августину повезло стать свидетелем редкого зрелища — «линии Зигфрида» в действии. Их было семеро — и теперь это стало совершенно очевидно. Среди них не было ни одного Джирджиса (ибо в этом случае для того, чтобы защититься от исторгнутого драконом огненного шара, не потребовалась бы никакая «линия Зигфрида»). Полицейские выбежали из леса и построились на опушке полукругом.

Файрбол был уже совсем близко, когда мобильный патруль сетевой полиции, взявшись за руки, воздвиг перед собой защитный пояс. «Линия Зигфрида» была не чем иным, как плодом совместных усилий семи аватаров класса Гильгамеш, чей жалкий удел — магия первой, а отнюдь не второй (как у Джирджиса) ступени.

Словно прутья, которые легко сломать каждый в отдельности, но нелегко в связке, Гильгамеши черпали силы друг в друге. «Линия Зигфрида» могла противостоять даже файрболам Джирджиса. Огненный шар разбился о непроницаемую стену магических вибраций, которая защитила полицейских от смертоносного удара...

— Таким образом, центурион Клавдий был убит до смерти две недели назад, — стараясь, чтобы его голос звучал как можно тверже, закончил свой рассказ Владимир.

Его слышали шестеро: Хотой, Мак-Интайр и кураторы «Аргуса-18».

Мак-Интайр сказал «пф-ф-ф» и выпустил облако сигарного дыма. Обиженный Майк поморщился. «Вот это действительно вонь, не чета жвачке!» — подумал он, но промолчал.

— Еще один жмурик. Пришел к старику Хотою бегать босиком по травке, блеять мантры и пить воду задницей, — прокомментировал откровения Владимира Мак-Интайр, по привычке потирая едва заметный бледный шрам на правой щеке.

Два раза в день «Аргус-18» проходил над оздоровительным центром «Байкал» и весь Альпийский командный пункт волей-неволей наблюдал жизнь общины натуралов под предводительством сэнсэя Хотоя.

Все знали, что Хотой одержим тантрическими практиками напополам с обычной хатха-йогой, что он более чем скептически относится к прелестям ВР и что едва ли не каждый день в общину приходят такие же, как Владимир-Клавдий. Неудачники. Убитые до смерти.

Все знали, что Хотой не разлучается с Тургеневым, Боратынским и Шекспиром, и — опять же волей-неволей — знали последнего наизусть целыми кусками. Благо разрешающей способности сенсоров хватало, чтобы через плечо Хотоя почитывать «Гамлета», «Генриха Пятого» и «Ричарда Третьего».

Но никто из кураторов «Аргуса-18» и даже всеведущий Мак-Интайр не догадывались о двух забавных мелочах. Во-первых, Хотой был прекрасно осведомлен и о наличии в небесной синеве бдительного соглядатая, и обо всех нюансах его траектории.

И, во-вторых, вследствие «во-первых», жизнь общины натуралов и, главное, самого Хотоя была поделена на две четко разграниченные части. Одна часть предназначалась для всевидящего небесного ока и не могла вызвать претензии ни со стороны Интерпола, ни со стороны российской полиции нравов. А вот вторая...

— Объект «Алмазный куб» входит в фокус, — предупредил компьютер Альпийского командного пункта.

— Переключиться на объект «Алмазный куб»! — немедленно потребовал Мак-Интайр, отставляя опустевший бокал на столик из дымчатого стекла. Ничто не интересовало его в этой жизни больше, чем скрытый защитным маревом Главный Корпус компании «Виртуальная Инициатива» и торпедообразные лимузины, заныривающие под него с отводного путепровода автострады Москва-Воронеж.

Восемнадцать сенсоров оторвались от прежних объектов наблюдения и, автоматически распределив цели, взяли на сопровождение шикарную «Чайку-Люкс» с номерами российского Департамента Безопасности и два огромных фургона «Изюбр», идущие ей навстречу от Главного Корпуса.

Хотой бросил быстрый взгляд на часы.

— Ну вот что, Владимир, — сказал он совершенно изменившимся голосом, в котором не было и тени прежней азиатской ленцы. — Располагайтесь здесь как дома, читайте классику, а я должен отлучиться на пару часов. Пищу и книги здесь можно найти везде. — Хотой неопределенно обвел рукой пространство вокруг себя.

11

Когда стало ясно, что Локи уходит в сопредельный кластер 7.Ам.Ру, полицейские сняли защиту.

«Линия Зигфрида» распалась, и теперь они были беззащитны. Неведомый Джирджис, скрывавшийся за стальной конструкцией псевдомоста, наконец-то сориентировался и метнул наперерез уходящему дракону такой же файрбол, какой только что разбился о заслон «линии Зигфрида». Но зрение Джирджиса гораздо лучше обычного. Третий глаз, как-никак.

Когда файрбол уже был готов коснуться его бронированной спины, дракон, сжавшись словно пружина, подскочил вверх метров на пятнадцать и неповоротливый огненный шар пролетел мимо, так и не повстречавшись с целью.

И тут Августина, который до этого момента безучастно наблюдал за происходящим, обдала волна ужаса. Самого что ни на есть земного. Липкого и омерзительного. Он понял, что файрбол, пущенный Джирджисом, который явно не рассчитывал на такой маневр Локи, теперь медленно приближался к нему, влекомый непреодолимыми законами виртуальной физики. Таким образом, вместе с файрболом к нему приближалась виртуальная смерть.

Августин очнулся от оцепенения, в которое поневоле впал, залюбовавшись, как бурая громада драконьего аватара Локи медленно, словно бы на невидимом парашюте, опускается на землю.

— Что вы творите, ребята? Бей своих, чтоб чужие боялись?! — яростно заорал Августин в микрофон внутренней полицейской связи и побежал. Огненно-красный шар приближался медленно и неумолимо.

Нет, Августин не успел сменить аватар на более подвижный. У него не оставалось времени на метаморфозы. Что ж, если он не успеет покинуть зону поражения файрбола, значит, в ВР больше не будет полицейского Августина Деппа...

Бравый английский йомен, перескакивая через трещины в вишневой земле, давал стрекача как заяц.

Когда, по расчетам Августина, огненный шар должен был врезаться в камень и выплеснуть свою смертоносную мощь, он упал на землю и закрыл голову руками.

Стало жарко. Очень жарко. «Наверное, так жарко бывает только в аду по пятницам», — подумал йомен-Августин, чувствуя, как от гигантских искр идет дырами его короткий йоменский плащ.

Из-за этого досадного происшествия Августин был лишен удовольствия видеть, как Локи, превратившийся из жертвы в палача, из обороняющегося в атакующего, расправляется с блюстителями виртуальных законов.

Линия полицейской связи безмолвствовала — видимо, коллегам Августина нечего было сказать. И все они были поглощены той же, что и Августин, задачей — остаться в живых.

Опустившись на землю, обозленный Локи исторг из своей пасти фонтан коричневой слюны.

Кислота, которая содержалась в ней, была сильна настолько, что прожигала насквозь гранитную плиту. За то недолгое время, что кислотный плевок, скрутившись в свистящее коричневое веретено, мчался к оранжево-красному лесу, полицейские не успели выстроить даже жалкого подобия «линии Зигфрида»...

Локи не промахнулся. Мобильный патруль сетевой полиции был убит на время в полном составе.

12

Патрульно-базовые самолеты Департамента Безопасности типа «Стрибог» не имеют бортовых номеров.

Это единственное исключение в истории российской авиации легко понять, если учитывать, что «Стрибогов» ровно восемь. Четыре базируются в Москве, два в Питере и два в Ставропольском крае. «Стрибоги» — сверхдредноуты авиации. Как и положено сверхдредноутам, все они носят свои личные, уникальные имена.

«Стрибог» огромен. Эскадра американских «Летающих крепостей» времен Второй мировой войны показалась бы рядом с ним стаей колибри, вьющихся вокруг орла.

Восемь сверхмощных винтовых движителей «Стрибога» потребляют электроэнергии больше, чем атомная подлодка конца прошлого века. Чтобы обеспечивать их питанием, «Стрибог» оснащен двумя компактными термоядерными установками.

Основное назначение «Стрибога» — «Видеть и помогать» — указано под пилотской кабиной рядом с эмблемой Департамента Безопасности.

Один «Стрибог» полностью контролирует воздушную обстановку в радиусе тысячи километров, наземную — в радиусе шестисот. Космос «Стрибог» контролирует на высоту две тысячи километров.

На дежурстве в районе Москвы постоянно находится только один «Стрибог». Этого более чем достаточно.

В 17.30 закончил свое семидесятидвухчасовое дежурство ПБС «Феникс». Когда он сошел с патрульной циркуляции над Внешней Кольцевой Дорогой, в семидесяти километрах от него включились на полную мощность радары сменщика. Этот ПБС носил совсем простое имя «Змей».

13

Августин лежал тихо. Он пролежал дольше, чем требовалось. Когда он снова поднялся на ноги, он не смел поверить в то, что выжил.

Черный дым клубился над тем местом, где совсем недавно находилась полицейская засада. Леса больше не было — только болото, исходящее ядовитыми кислотными испарениями.

Валун, от которого Августин давал деру, был покрыт зеленоватой зловонной копотью. От чахлой растительности, которая еще десять минут назад окружала валун, не осталось ничего, кроме горстки черных, хрустких крупиц. Файрболы на то и придуманы, чтобы после них не оставалось ничего примечательного.

Тем не менее схватка продолжалась. Истощившись от применения самых энергоемких видов оружия, Локи теперь забрасывал невидимого Джирджиса «зеленой пургой». Морось цвета молодой листвы оседала на стальных балках, вызывая серии трескучих разрывов.

Теперь Локи был совсем недалеко от Августина, но, как и прежде, не обращал на него никакого внимания. Ему было недосуг заниматься каким-то одиноким Гильгамешем, и он, продолжая атаковать врага, планомерно продвигался к намеченной цели.

Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что Локи интересовала песчаная равнина, на которой, как знал Августин, располагалась «кроличья нора». Вход в Утгард.

Августин пускал в спину Локи стрелы. Одна за другой они достигали цели, но причиняли Локи не слишком много вреда.

Тогда Августин попробовал другую тактику. Сменив аватар йомена на аватар латиноамериканского контрас, он стал садить в за-

нятого более опасным противником Локи из противотанкового гранатомета.

В этом, похоже, было больше смысла. По крайней мере, Локи оставил Джирджиса в покое и Августин отер со лба пот. Сейчас им займутся.

Слон и моська. Дубль второй.

Но Локи побрезговал задиристым мачо.

Небрежно помахивая своим гигантским чешуйчатым хвостом, Локи направился к границе кластера З.Ам.Ру, с чудовищной скоростью пожирая виртуальное пространство. Расстояние между ним и Августином стремительно увеличивалось.

Очень кстати ожила внутренняя полицейская связь. «Лейтенант Джармуш! Полковник Бестужев смертельно поврежден. Немедленно начинайте преследование преступника. Действуйте по обстоятельствам».

Августин был не на шутку удивлен — как если бы его правый солдатский ботинок на высокой шнуровке вдруг обрел дар складывать шестистопные ямбы. Он выпустил в дракона еще один снаряд. От бронированной спины Локи наконец-то отлетел изрядный переливчатый кус. Дракон увеличил скорость.

«Полковник Бестужев смертельно поврежден...» Значит, знатный коп-киллер Локи оказался на попечении одинокого жалкого Гильгамеша. Как всегда — за все отвечают стрелочники...

Увы, не выполнить приказ Августин не мог. И он вяло потащился вслед за Локи.

Августин не был «свободным пользователем», какими являлось подавляющее большинство приходящих в ВР и уходящих из нее.

У него были обязанности.

А в обязанности сетевого полицейского входило множество функций, главной из которых было поддержание так называемой «виртуальной справедливости».

Законов внутри ВР было не так уж много. Среди них не было ничего, напоминающего «не убий», «не укради» и «не прелюбодействуй». Законов в ВР было мало, они были совсем простыми и именно поэтому должны были соблюдаться неукоснительно.

Убивать было можно и убивать было нужно, ибо в противном случае ты рисковал лишиться всех прочих прелестей виртуального мира навсегда.

Убивать было нужно, чтобы не убили тебя. Ибо убитый до смерти в соответствии с сетевыми законами не имел права на повторное возвращение в «большой» или «единый» виртуальный мир.

Убитому до смерти оставались только локальные развлекательные или рабочие виртуальные пространства. Жалкий удел!

Теоретически неприкосновенны были лишь полицейские. Убить полицейского и стать коп-киллером означало автоматически навлечь на себя большие неприятности. И тем не менее желающих укокошить пару-тройку блюстителей закона прибывало с каждым днем. Ведь сладость запретного плода в десятки раз превосходит сладость самого забористого оргазма...

Борьба с коп-киллерами, на которой специализировался Августин, была его хлебом (именно за это ему и платил Департамент Безопасности). Она же была его зрелищем.

В ВР было сравнительно мало полицейских — гораздо меньше, чем в реальной жизни. В отличие от Августина, большинство из них занималось средней руки нарушителями сетевых законов. То есть выслеживало и лишало доступа тех, кто отважился на несанкционированный вход в ВР с помощью собственной незарегистрированной установки, «форсажа». (Имея много денег и чуток храбрости, форсаж можно было купить на черном рынке).

Между делом полицейские очищали ВР от «шатунов» — виртуальных оболочек, которые во всем идентичны аватарам реальных людей и чье отличие от последних заключается лишь в том, что за каждым законным аватаром стоит человек, а за шатунами не стоит ничего, кроме программной симуляции.

Целое подразделение коллег Августина занималось исключительно тем, что контролировало точки входа на второй уровень ВР. Он имел множество эпитетов — «подземный», «нижний», «сбойный», но чаще всего помпезно назывался Утгардом. Семь из них сегодня были временно убиты нарушителем Локи.

Глава 2
РАЙ В ПРЕИСПОДНЕЙ

1

Два восьмиосных «Изюбра» уверенно пылили по шоссе в сторону Москвы. Любой слепец, даун или младенец, пожелай он узнать, а кому же, интересно, принадлежат эти ревущие машинки, удовлетворил бы свое любопытство незамедлительно.

Во-первых, на их бортах сверкали рубиново-красные двухметровые буквы «ВИН». Для младенцев. Эти же буквы повторялись на крыше.

Во-вторых, фургоны несли рекламный слоган компании: «В рай с «Виртуальной Инициативой»!» Надпись повторялась многократно. На всех официальных языках ООН. Для даунов.

В-третьих, мощные динамики, вынесенные над кабинами, во всю пятисотваттную глотку бубнили все тот же слоган. На всех официальных языках ООН. Это, разумеется, для слепцов.

И, наконец, в-четвертых. Голографические проекторы, вынесенные заодно с динамиками, на верхнюю плоскость кабины, транслировали восхитительное шоу с грудастыми девицами и мускулистыми молодчиками, которые маршировали по крыше фургонов прямо в рай с «Виртуальной Инициативой». Это — для всех!

Вот такой веселый балаган приближался со скоростью сто двадцать километров в час к Москве.

— Боже, храни президента! — изощренно выругался Джонни. — Не видно ни зги.

Он только что перевел сенсоры «Аргуса-18» на проницающий режим, но крыши и борта фургонов оказались надежно экранированными. Ну а традиционных окон в кабинах, извините, не было. Вместо них вперялись в шоссе внешние телекамеры, лазерные сонары и высокочастотные радары, со вкусом замаскированные под галогенные фары.

Мак-Интайр ухмыльнулся.

— Правильно, не видно. И именно это позволяет сделать по меньшей мере два вывода. Первый. С вероятностью девяносто девять процентов они везут сейчас первую партию чипов обратной связи. Непосредственно в свои московские супермаркеты. Второй. По оценкам наших экспертов и по некоторым косвенным данным, предельное число чипов обратной связи, выпущенных сейчас экспериментальным цехом ВИН, составляет около восьми тысяч. Учитывая, что даже десять тысяч чипов вместе с упаковкой, рекламными брошюрами и прочей требухой занимают максимум один фургон, легко заключить, что половина полезного объема фургонов занята чем-то другим. Это уже с вероятностью сто процентов. Сержант Ковальская, чем бы вы заполнили оставшийся объем фургонов, если бы вашей приоритетной задачей было обеспечение максимальной безопасности перевозимых грузов?

Джонни с Майком снова переглянулись. Уж они-то вкусы Джины знали отлично. Страшно себе представить, сколько красивых смуглых мужиков с обнаженными кольтами напихала бы туда Джина, дай ей только волю...

Джина, она же сержант Ковальская, прищурилась и закусила нижнюю губу. Ответ последовал только через минуту.

— Даю расклад для одного фургона. Привязной зонд кругового наблюдения. Выдвижная бронированная турель с семиствольной тридцатимиллиметровой артсистемой «Ангара». Два автоматических гранатомета АГС-100 «Ванечка». Зенитный ракетный комплекс «Жало». Система отстрела пассивных инфракрасных помех и радиолокационных ловушек. Голографический имитатор ложных целей. И восемь мортирок для постановки дымовой завесы.

— А ядерная боеголовка мощностью двести килотонн? — ехидно осведомился Мак-Интайр.

— Тогда не поместятся смуглые усатые мужики с обнаженными кольтами. — Джина не улыбнулась.

2

Локи исчез, и Августину стало страшно. Потому что оттуда, где сейчас, презревая все законы Герцогства Велес и Социальной Республики Сол, растворился грациозный аватар Локи, не было возврата.

Это место называлось Утгард. Геенна. Преисподняя. Короче — ад. Доподлинной информации о нем практически не существовало. А та, которая все-таки находилась в распоряжении сетевой полиции, мягко говоря, не обнадеживала.

Младшие аватары никогда не возвращались из Утгарда. Люди, убитые до смерти в Утгарде, не помнили ничего о своей гибели. Многие из них сходили с ума. Некоторые заканчивали земную жизнь самоубийством. Интроскопия мозга не приносила почти никаких результатов.

Старшие аватары из Утгарда иногда возвращались. В Герцогстве ходили страшные легенды о Зу-л-Карнайне Республики, который, еще не будучи Зу-л-Карнайном, в аватаре класса Джирджис спустился в Утгард по собственной воле. Он считался убитым до смерти и больше года не включался в ВР. Потом он вернулся, и вместе с ним пришла огромная свита фантомов — столько может вести за собой лишь аватар класса Зу-л-Карнайн. Он умертвил в закрытом поединке тогдашнего политического комиссара Республики и занял его пост. Видевшие Зу-л-Карнайна говорили, что в его аватаре из Утгарда вышла сама смерть.

«Сама смерть!» Августин презрительно фыркнул, чтобы заглушить страх.

Он переминался в нерешительности у края желтой песчаниковой пустоши.

Он не верил в истерические бредни, которыми полнятся все кабаки от Амстердама до Китежа и страницы желтых компьютерных еженедельничков вроде «Мотай на УС».

Он не верил в потайные семантические каналы, связывающие виртуальный Утгард с Истинной Геенной, о которых талдычат доморощенные проповедники на своих сходках. Он верил только в отменную натренированность своего виртуального тела, в свои стрелы и в успех своей карьеры. Сейчас эта вера окрепла в нем окончательно, и Августин, выматерившись, шагнул вперед. Туда, где несколько минут назад сгинул Локи.

Аватар класса Гильгамеш, морф «Робин Гуд», регистрационный код GIMEL-529-301-772/RUS, был потерян системой сопровождения Марьинского Координационного Центра в 18.02.369 по среднерусскому времени.

3

Неумолимые законы небесной механики волокли «Аргус-18» все дальше на восток. Фургоны ВИН двигались на северо-запад. Через две минуты они должны были выйти из полосы сканирования.

Мак-Интайр бросил крохотный, поперек себя уже, остаток сигары прямо на пол, растоптал его и, потянувшись, зевнул.

Механическая мышь со здоровенной пастью на брюхе выскользнула из неприметной дверки в тумбе видеопланшета, сожрала мусор и столь же стремительно исчезла. Ничего интересного не намечалось. «Ну их к черту», — собрался предложить Мак-Интайр.

— А вот это что-то новенькое, — заметил Майк.

Мак-Интайр, пялившийся в потолок, опустил глаза на видеопланшет. По борту первого фургона гулял крошечный солнечный зайчик величиной с булавочную головку.

— Общий план! — зарычал Мак-Интайр.

Фургоны уменьшились до размеров спичечных коробок, но зато стали видны окрестности шоссе. Впереди по курсу фургонов невдалеке от дороги стояла ветхая силосная башня и заброшенный коровник. Или свинарник.

— Там, — убежденно кивнул Ганс. Для угрюмого фрица это неуставное замечание было верхом красноречия. Впервые за много дней ожидалось что-то интересное.

Но Ганс был не совсем прав. Старая противотанковая ракета с наведением по лазерному лучу «Фагот» была выпущена из кабины инструктора легкого учебно-спортивного самолета «ХАИ-29», находящегося восточнее и не захваченного сенсорами из-за отсутствия

прямого приказа. Но подсветка цели лазерным лучом действительно осуществлялась из заброшенного курятника.

Они успели увидеть ракету, неумолимо приближающуюся к головному «Изюбру», и в этот момент изображение безвозвратно поплыло. Сенсоры «Аргуса-18» больше не могли держать фокус.

— Кинушка накрылась, — безразлично бросил Майк. Его совершенно не занимали сцены насилия.

Ганс покосился на ниггера с нескрываемым презрением.

4

«Фагот» был ракетой семидесятилетней давности. В свое время он предназначался для борьбы с танками НАТО, имевшими традиционную многослойную броню, основной изюминкой которой являлся обедненный уран.

Натовские танки «Фагот» брал на Балканах и в Ираке более чем уверенно. Но большегрузный фургон «Изюбр» 2047 года выпуска, перестроенный в мастерских ВИН под специфические вкусы господина Щюро, — это вам не танк двадцатого века. «Это, пожалуй, куда хуже», — подумал Алекс, с замиранием сердца ожидая результатов своего пуска.

Кабина «Изюбра» вспухла огненным шаром. Райское шествие на крыше фургона сразу же прекратилось.

«Взорвались, значит», — пробормотал Алекс с сомнением.

Он переключил бинокль в инфракрасный режим. Абсолютно никакого аномального нагрева, если не считать сравнительно небольшого пятна в месте попадания ракеты. Кабина была целехонькой. Так он и думал — голограмма. Детский лепет. Дешевка. Но какая, черт побери, прочная все-таки эта зараза! Неужели раскошелились на активно-поглощающую броню? Ну тогда поцелуйте свои денежки.

— Вариант «Стройка», — передал Алекс по рации.

5

— Вариант «Стройка», — произнесли губы безликого модельного аватара на борту модельного же одномоторного самолета.

Безделье пилотов патрульно-базовых самолетов типа «Стрибог» вошло в анекдоты, легенды и поговорки. Говорят, что они — самые высокооплачиваемые люди на земле. Пилоты «Стрибогов», дескать, получают «штуку красных» за каждое нажатие кнопки.

Это почти правда. Вот только кнопок они обычно не нажимают. Весь типовой полет «Стрибога» от взлета до посадки полностью автоматизирован.

Перед взлетом первый пилот вставляет свой ключ в гнездо с надписью «взлет» и поворачивает его на двести восемьдесят градусов против часовой стрелки. Трое других пилотов делают то же самое.

Перед тем как сойти с циркуляции патрулирования, первый пилот вставляет ключ в гнездо с надписью «посадка» и поворачивает его на двести восемьдесят градусов по часовой стрелке. Трое других пилотов делают то же самое. Остальное — дело компьютеров. Работа скучная, но денежная.

Зато операторы системы слежения развлекаются на патрульно-базовых самолетах вовсю. На борту каждого «Стрибога» существует своя специализированная виртуальная реальность, имеющая мало общего с мировой.

Информация, которая поступает на «Стрибог» от десятков разнокалиберных радаров, станций радиоперехвата и систем оптического наблюдения, сопоставляется с глобальной базой данных Департамента Безопасности, обрабатывается бортовыми компьютерами и посылается в отфильтрованном виде операторам. Фильтруются, как правило, девяносто девять целых и девяносто девять сотых процента. Оставшаяся одна сотая — самое интересное.

Сейчас самое-самое интересное происходило на шоссе Москва—Воронеж. «Змей» находился в ста километрах от места событий. Это, однако, не помешало его радарам на фазированных антенных решетках отследить пуск ракеты с легкого одномоторного самолета. Спектр выхлопа, скорость и габариты ракеты позволили за две миллисекунды опознать ПТУР «Фагот» 1984 года выпуска.

Змей-7 уселся на хрупкое с виду крыло спортивного самолета и с интересом поглядел на шоссе. Там неслись два восьмиосных параллелепипеда. На них быстро проступали детали подвески, колеса, кабины и надписи «ВИН». Четверо других операторов — Змей-1, Змей-3, Змей-24 и Змей-37 — гуляли по крышам фургонов.

Змей-7 помахал им рукой. В ответ Змей-3 показал большой палец. Дескать, хорошо летишь. «Стройка, стройка... — подумал Змей-7. — Ага, наверное выпустят экскаваторы!»

В этот момент прямо под Змеем-3 из крыши второго фургона показался яйцеобразный выступ. Спустя несколько секунд на борт самолета поступила дополнительная информация, и компьютер смог детализировать изображение.

Змей-3, оказывается, стоял на выдвижной башне пятиствольной автоматической пушки. Пушка вела огонь по самолету, на крыло которого столь опрометчиво присел Змей-7.

Очередь прошла сквозь его аватар.

Если бы Змей-7 сейчас находился не в специализированной, а в мировой виртуальной реальности, то кредиты посыпались бы из

него вместе с кусками родного мяса, как из мешка. А здесь Змей-7 лишь слабо махнул рукой, словно отгонял надоедливую муху, и поймал выбранный наудачу снаряд. Ого! Тридцать пять миллиметров. Американская штучка у ВИНовских дяденек, «Рэпид» GAU-5/35.

Баллистический вычислитель пушки принял соответствующие поправки, и следующая очередь оторвала самолету крыло.

Змей-7 проводил взглядом кувыркающуюся машину и полетел вперед. Смотреть на реалистические муляжи трупов, которые наугад сгенерирует компьютер, совершенно не хотелось. Зато очень хотелось не пропустить «стройку».

— Не пора ли вмешаться? — неуверенно спросил он у Змея-3, опускаясь рядом с ним на башню автоматической пушки.

— Не наша забота, — равнодушно пожал плечами тот, присаживаясь на блок стволов «Рэпида». — Вон Змей-один о чем-то уже треплется по «наручнику», пусть снаружи с его слов и решают.

«Снаружи» находилось на расстоянии сорока метров от виртуальной капсулы, в которой лежал Змей-7. Полковник Хованский принял доклад Змея-1, немного постоял, вбирая всем телом тихий успокаивающий гул двигателей.

Потом Хованский резко выдохнул и, усевшись перед вифоном, попросил Главный Корпус ВИН, господина Щюро.

6

«Уже на исходе прошлого века, несмотря на всеобщую эйфорию по поводу темпов и перспектив развития компьютерных технологий, мне стало совершенно очевидно, что возможности развития электронных компьютерных систем практически исчерпаны. То же самое, только в десять раз острее, ощущалось мною по поводу устройств отображения видео- и аудиоинформации: мониторов, громоздких очков, шлемов, наушников и устройств обратной связи — перчаток, всех этих трехмерных джойстиков и микрофонов. Я уже не говорю о том, что такие органы чувств, как вкус, обоняние и осязание, вообще оставались не у дел. К кретинским комбинезонам для «секса через океан» серьезно могли относиться только отпетые сексуальные маньяки, лишенные, вдобавок, какого бы то ни было вкуса.

В 2014 году я выбросил новомодную альфа-станцию «Prime» в свинцовые воды Балтики, раскроил молотом все свое тогдашнее нехитрое ВР-оборудование, купил авиационный билет до Катманду и исчез на три года. Там, в Тибете, моя голова очистилась

от вредных западных предрассудков и я отыскал правильное решение, изменившее мир.

«Чтобы почувствовать вкус свежего бифштекса с кровью, необходимо откусить кусочек», — скажет невоспитанная домохозяйка, которая не умеет пользоваться ножом и вилкой. «Чтобы почувствовать вкус свежего бифштекса с кровью, необходимо, чтобы сигнал чувствования пришел в головной мозг», — скажу я и буду совершенно прав. Когда наш язык соприкасается с жареным мясом, мы, строго говоря, в этот момент еще ничего не знаем о его вкусе. Только спустя несколько микросекунд сигнал добегает до головного мозга, обрабатывается там и сообщает нашему сознанию: «Бифштекс — дерьмо; пережаренный и недосоленный».

Этот пример подходит для иллюстрации того, как мы вообще живем и постигаем то, что называем реальностью. Что бы мы ни делали, к нам ежесекундно сбегаются тысячи разнообразных сообщений реальности: «ты давишь весом своего тела на собственные ступни, и ты чувствуешь прикосновения морской гальки», «морской ветер овевает твое тело», «твой нос вдыхает аромат йода, подгнивших водорослей и далекого костра вон там, на песчаной косе», «твои глаза видят все это, плюс солнце, плюс морскую синеву, плюс прекрасную обнаженную девушку у далекого костра» и так далее, и тому подобное. Более того, как сейчас достоверно установлено, наш мозг — сложнейшее кибернетическое образование во Вселенной — способен воспринимать и обрабатывать еще массу информации, поступающей от второй, третьей и Бог знает еще каких сигнальных систем, которые пока что удовлетворительно не описаны.

Повторю еще раз: то, что ты называешь таким ультраобъективным словом «реальность», — просто совокупность информационных сигналов, которые получает и обрабатывает твой головной мозг. И даже самый твой невероятный оргазм — в конце концов всего лишь сухая констатация мозга: «оргазм».

Поэтому любому барану ясно, что достаточно лишь правильно подготовить пакет информации и послать его в твой мозг непосредственно, минуя твои привычные рецепторы, чтобы ты почувствовал себя куколкой бабочки в момент метаморфозы, коровой под быком, Наполеоном в день Ватерлоо, прокаженным пророком Аль-Хакимом из Мерва или, если угодно, Господом Богом».

Олаф Триггвассон. «Страннее, чем рай»

7

Вначале не было ничего, и если только сознание Августина в это время можно было назвать существующим, оно воспринимало поглотившую его ткань иллюзорной реальности как абсолютное небытие.

Он полагал себя мертвым.

Не убитым до смерти, но именно мертвым, развоплощенным, Тем, Который Не Есть. Он должен был умереть. Но он не умер.

В сокрушительные смерчи пралогического хаоса вторглась чья-то всемогущая демиургическая воля, и хаос отпустил Августина, предоставив ему новое внечеловеческое бытие.

Спустя вечность он открыл свои круглые алмазные глаза и, подняв тяжелые пластинчатые веки, увидел привычный от рождения пейзаж.

Тысячи черных рек, свитых в переливчатые коридоры. Реки висели в пустом пространстве. Одни из них текли медленно, другие — быстро, одни состояли из огня, другие — из мельчайших частичек, похожих на песок, третьи напомнили бы ему ледники, если бы он знал, что это такое.

Августин больше не имел имени. Мир из двух обитателей не знает имен. В нем есть только Я — огромное сильное рыбообразное существо, сотканное из звенящей яростью плоти — и Моя Тень. Моя Тень сейчас бежит от Меня, и Я должен настичь ее во что бы то ни стало. И когда это произойдет, мы сольемся в Одно и зачнем Нечто.

Я чувствовал след Тени. Она совсем недавно была здесь, и если Мне хватило бы терпения дождаться ее, то рано или поздно она пришла бы сюда вновь, ибо такова природа этого мира. Но Я нетерпелив, Я очень спешу.

Я сильно схлопнул четыре хвостовых плавника — материя Моей реки возмутилась, и несколько огромных шаров искристой жидкости, оторвавшись от ее поверхности, полетели в разные стороны. Спустя мгновение они, повинуясь силе тяготения Моего Мира, закружатся вокруг реки, как планеты кружатся вокруг солнца в Мире, Которого Я Не Знаю. Но Я этого уже не увидел, потому что Мое тело с веселым свистом, который мог слышать только Я своими бугристыми ушами — по одному бугорку под каждой пластиной чешуи — уже неслось вперед в шлейфе возбуждающих ароматов Тени.

У Меня был только один инстинкт — инстинкт Слияния, и у Тени тоже был ровно один инстинкт. Инстинкт Бегства.

Тень почувствовала присутствие преследователя, ибо точно так же, как она, благодаря прямой причинно-следственной связи, ос-

тавляла свой след позади себя, Я, из-за наличия в этом мире связи обратной, оставлял песню своей ярости впереди себя, и она слышала эту песню, и она бежала.

Но Я был быстр, все быстрее змеилось Мое тело сквозь кристально-чистую воду этой реки, и река за Мной разлеталась мириадами капель. Я приближался. И тогда Тень свернула в песчаную реку, выделяя из своих брачных желез липкую жидкость, склеивающую песчинки в единую сверхпрочную субстанцию, которая вставала за ней непроходимой стеной.

Я в остервенении бился костистой мордой, увенчанной тремя корундовыми бивнями, о бесстрастную серую поверхность. Ни одна трещина, ни одна царапина не подмигнули Мне надеждой на успех. Отчаяние затопило Меня свинцовой волной. Мне нечего делать здесь, и нигде больше делать Мне нечего. И ждать Ее здесь Я не имею времени. И тогда вибрации Моего Мира напомнили Мне один из своих нехитрых законов и указали выход.

Я устало опустил пластинчатые веки на горящие дихроматическим, бирюзово-охряным светом глаза — солнце Моего Мира. Во тьме нет Тени. Без Тени нет Меня. Без Меня нет Моего Мира.

8

— Папа-папа-папа-папа, — я всегда обращаюсь к нему так, когда мне очень хочется, — расскажи стишок.

Он подымает на меня свои неприкаянные глаза в окантовке синих кругов.

— Стишок? Стишок слушай...

Его интонация всегда имеет какие-то трудноуловимые странности и всякий раз новые. Он задумчиво смотрит в потолок, потом грызет пластиковую насадку на позолоченной дужке очков, потом говорит:

Тарантул, сделанный из плюша,
Глаз не имеет — только уши
Мохнатые все тело покрывают.

Я отчаянно ору: «Не нада-а-а!!!» — плачу, бегу. Всякий раз он рассказывает один и тот же стишок, всякий раз я взрываюсь ужасом, негодованием, омерзением, мое тело покрывается мурашками, словно по нему ползет этот самый тарантул, который сделан из плюша.

Мой папа днем мучает меня, мучает своими непрестанными штудиями в огромных томах с незнакомыми буковками и страшными стишками о диких существах, которых не бывает и которые живут только в его безумном воображении.

Ночью мой папа мучает маму. Кто это такая — мама — я не знаю. Он называет это так — мама, и я думаю, что это очередной зверь, порожденный его фантазиями. Он никогда не пускает меня в комнату, где живет мама. Но ночью оттуда доносится его довольное уханье и слабые стоны. Не знаю. Нас двое, и больше нет никого — чьи же это стоны? Кого обижает мой папа по ночам? Может быть, он кривляется на два голоса? Но даже если он кривляется, это все равно равноценно — так говорит папа, и я учусь у него целесообразным мыслям и точным словам — равноценно тому, что у нас в доме завелся кто-то третий. Мама. И, раз все сказанное выше верно, полагается оградить маму от папиного насилия.

Вечером я беру большой кухонный нож, которым мы разделываем огромные мясистые арбузы с нашей плантации, и захожу в папин кабинет.

Кабинет пуст. На столе короткая записка. «Я твоя мама, придурок. Локи».

Я не понимаю странных слов записки, но знаю только одно — папы больше нет в этом доме и мне тоже больше нечего делать здесь. Я снимаю с полки «Наставление к безболезненному суициду. Издание восьмое, стереотипное».

Спустя несколько минут я лежу в горячей ванне и нож в моих руках растворяется во всеобщем растворении мира.

9

Главный Корпус компании «Виртуальная Инициатива» поднимался в небо Подмосковья всего лишь на восемь этажей. Со стороны он выглядел не очень внушительной башней, но лишь посвященные знали, что под землей расположены еще двадцать пять уровней, где помещаются лаборатории, мастерские, сборочные цеха и секретные агрегаты компании. На крыше корпуса, выложенной панелями розового стеклопластика, располагалась вертолетная площадка и красовались три огромных буквы: ВИН — «Виртуальная ИНициатива».

Четыре зоны охранного периметра и защитный купол надежно оберегали территорию ВИН от любопытных глаз и непрошеных гостей с земли и с воздуха.

О существовании защитного купола было известно немногим. Уникальный проект его создания никогда не выходил за охранный периметр компании, а его отцы — инженеры и программисты ВИН — со дня успешного тестирования купола не покидали третьего подземного уровня. Чтобы предотвратить утечку коммерческих тайн.

«Можно называть это пожизненным рабством, а можно и контрактом с неопределенным сроком окончания», — любил разглагольствовать по этому поводу Венедикт Щюро, мозг и воля компании ВИН.

Если бы какой-нибудь беспилотный аппарат-разведчик смог преодолеть охранный периметр и бесшумно зависнуть возле ничем не выделяющегося среди остальных окна четвертого этажа Главного Корпуса, то его камерам удалось бы заснять лишь редкой невыразительности картину. Президент компании и начальник охраны играют в нарды, склонившись над раритетной — подлинной, зэканской, времен ГУЛАГа — игральной доской.

Если бы на микрофонах аппарата-разведчика был установлен фильтр «антишум» (который позволил бы подслушивать разговоры, заглушаемые установленной у каждого окна системой шумогенерации), то и они донесли бы до своих хозяев абсолютно тривиальную информацию. Типичную болтовню двух игроков в нарды.

Запищал вызов видеотелефона.

— Переключи на сотовый, — приказал президент окружающему пространству и, достав из внутреннего кармана компактную трубку, лениво бросил: — Щюро.

Не меняясь в лице, он выслушал чужой монолог, проворчал «Да оставьте вы их, сами разберутся» и сунул трубку обратно. Игра продолжалась как ни в чем не бывало.

Но с определенного момента изменилось буквально все.

Панель-привратник последовательно озарилась всеми цветами радуги, и на экране появилось взволнованное лицо референта господина Щюро — Александра Малинина.

Весь вид референта свидетельствовал о том, что он только-только вернулся из виртуального мира, не успев еще толком адаптироваться к земным реалиям.

Вот теперь камерам и микрофонам аппарата-лазутчика было бы чем поживиться. Да только не было и не могло быть лазутчиков под окнами Главного Корпуса ВИН.

— Входи, — нехотя сказал Щюро, поднимая голову.

Пьеро — так звали начальника охраны — выпрямился в кресле, ожидая дурных новостей. Ему, так же как и боссу, не нравилось, когда их беспокоят за нардами. И уж если кто-то идет на это, значит, причинами он располагает самыми уважительными.

Малинин вошел, переступив порог со встроенным металлоискателем, который остался совершенно равнодушен к вошедшему.

— Я покинул ВР четыре минуты назад, — начал он. — Два объекта проникли в Зону Стабильности. Они вошли через «кроличью нору» в кластере три-ам-ру. Судя по всему, проникновение не явля-

ется предумышленным. Рядом с ними сейчас находится экспериментальный шатун «Адский Желудок».

Щюро вздохнул, по его высокому лбу поползли морщины. Это всегда нервирует — когда приходится суетиться по таким мелочам.

— Что за объекты? — спросил он.

— Первый — в аватаре класса Джирджис, живучесть в настоящий момент сравнительно низкая, но вообще очень ловкий черт. Второй — лейтенант сетевой полиции. Аватар класса Гильгамеш. Этот тоже не промах. Полицейский преследует первого. Наверное, есть за что.

Щюро был невысок, и тело его могло бы показаться тучным, если бы не мастерски сшитая тройка. Гений кутюрье, воплощенный в неброском, но шикарном твидовом костюме, маскировал недостатки фигуры, скрывал животик и делал Стального Венедикта — как за глаза называли Щюро сотрудники — почти стройным. Он поднялся, подошел к Малинину и, пристально глядя в глаза, спросил:

— Личности объектов установлены?

Малинин, не выдержав тяжелого взгляда начальника, смешался и зачастил:

— Это очень долгая процедура. Незаконная. Сервер с базой данных ООН в данный момент нам недоступен...

— Знаю, — перебил его Щюро, не скрывая раздражения.

— К тому же я просто не успел выяснить, да и никто не успел бы на моем месте! Я только что вышел...

Стальной Венедикт продолжал сверлить взглядом референта, на висках которого выступили предательские капли пота.

— Личности установить, объекты уничтожить, — подытожил президент ВИН.

Малинин поднял руки в упреждающем жесте.

— Но ведь один из них полицейский! А личные дела полицейских...

Щюро зловеще усмехнулся.

— Через два дня не будет никаких полицейских, — сказал он, и его массивное тело упало в кресло, услужливо подкатившееся со спины.

Кости вновь застучали по доске. Бросок принадлежал Пьеро, который, как всегда, был полностью согласен с боссом.

10

Болтовня «Вована» была первым, что услышал Августин, придя в себя под полифертиловым сводом капсулы.

Голова его раскалывалась от нечеловеческой боли, кровь стучала в висках. Но хуже всего была чудовищная жажда — пересохший язык едва ворочался во рту.

Анекдота он не запомнил — слова, доносящиеся из речевого синтезатора, казались чем-то совершенно нереальным, бессмысленным, нечеловеческим.

Он не понимал, что произошло. Почему он выжил в Утгарде? Почему вернулся? Почему помнит так много? Почему на капсуле не горит роковой знак УС, «убийство до смерти», или хотя бы «временное убийство»? И куда, в конце концов, подевался этот весельчак Локи, его Тень, его папа (при этом воспоминании Августина передернуло — папаша, вглюченный ему в голову глючным Утгардом, был удивительно похож на его настоящего отца, Бориса Михайловича Деппа) и персонажи еще полутора десятков виртуальных миражей, которые почти не запомнились?

Вопросов было больше, чем волос на лобке Сэми, и последняя метафора с японским колоритом немного приободрила уставшего душой и телом Августина.

Показно кряхтя, он приподнялся на локте и осмотрелся, привыкая к твердому миру, сотворенному Богом из Логоса, протонов и нейтрино, а не господином Олафом Триггвассоном из культовых компьютерных игрушек, нейронных импульсов и нанотехнологий.

Собственно, привыкать было не к чему — за окнами царила глухая ночь, в комнате, соответственно, стояла непроглядная тьма.

Августин вполголоса выругался — громче было бы слишком болезненно для его бедной головы. Почему, почему теплым июньским вечером в огромном мегаполисе так темно, почему в окно не бьют огни Златоглавой? Беспутной, Купеческой, Разгульной?

Ответом ему послужило глухое утробное ворчание. И в этом ворчании что-то было не так.

— Сэр Томас? — спросил Августин у темноты несколько более настороженно, чем обычно хозяин обращается к своему псу, пусть даже такому внушительному, как ньюфаундленд.

Темнота ответила леденящим душу воем, какой может издавать только очень голодное, истосковавшееся по пище существо. И это существо тосковало явно не по зеленой травке и парному молочку.

Августин почувствовал, как расползается раскисший папирус реальности под первыми же прикосновениями цепких пальцев критического сознания. Он похлопал себя по бокам и ощутил грубую ткань ливреи — верхней одежды морфа «Робин Гуд». Ага.

«Ага», — мысленно повторил он только для того, чтобы не заорать благим матом, не захныкать, как до смерти перепуганный ребенок.

Августин быстро вскочил на ноги, выхватил из колчана стрелу, привычным движением сдернул с плеча лук и выстрелил в темноту, ориентируясь на слух.

Раздался разъяренный рев, темноту разорвала яркая вспышка, и в ее свете Августин увидел человекоподобный силуэт, скорчившийся от боли.

В том, что это Локи, Августин без всяких там здравых размышлений не сомневался ни секунды и удивлялся лишь, почему тот позволил ему до сих пор оставаться в живых.

Он достал еще одну стрелу в решимости до конца защищать свою виртуальную жизнь и — не дай Бог — реальный рассудок.

— Упрямый ты фараон, твою мать! — к своему величайшему удивлению, услышал Августин весьма миролюбивое замечание Локи. — Я тебе только что жизнь спас, а ты мне за это третий глаз выбил. Гляди!

Под потолком комнаты вспыхнула и заколыхалась яркая зеленая медуза, «светляк» из стандартного магического комплекта аватаров класса Джирджис.

В зеленых сполохах Августин увидел, что помещение, в котором он находится, не имеет ничего общего с его московской квартирой, но это его не удивило. Он был поражен совсем другим.

На полу, у ног Локи, во лбу которого еще подрагивало оперение его йоменской стрелы, медленно растворялась уничтоженная до смерти субстанция. Выглядела она настолько необычно, что Августин машинально подмигнул в ее сторону, по привычке посылая запрос в полицейскую базу данных по аватарам и морфам. Будь они в Митгарде, Голос Неба тотчас же сообщил бы ему всю необходимую информацию. Но в Утгарде Голоса Неба не услышишь, разве только здесь есть иное Небо и иной Голос.

— Можешь мигать хоть до выключения, — язвительно заметил Локи, — все равно такого не сыщешь. Дрянь была совершенно отпетая, а уж выла так, что у меня чуть уши не лопнули.

— Так это не ты выл? — пробормотал Августин, медленно опуская лук.

— Нет, — только и успел сказать Локи.

Тишину комнаты разорвал оглушительный грохот. Там, где только что возвышалась колоритная фигура Локи, взвился гудящий вихрь огня.

Стена помещения, в котором они находились, превратилась в тучу горячей каменной пыли.

Августин не стал дожидаться, когда невидимый наводчик перенесет огонь на его скромную персону, и стремглав ринулся в открывшийся пролом.

Что бы там ни находилось, но бежать все равно было больше некуда — еще в колеблющемся свете медузы, подвешенной Локи, Августин подметил, что он, оказывается, пробудился на расстоянии

вытянутой руки от многорядной колючей проволоки. Не приходилось сомневаться, под тысячевольтным током. В таких вещах любому завсегдатаю ВР лучше не сомневаться.

Аватарам класса Гильгамеш третий глаз не положен. Для этого нужно дослужиться до Джирджиса. Поэтому Августин долгое время не видел ни хрена.

Наконец клубы каменной пыли, от которой, вдобавок ко всем ее недостаткам, нестерпимо першило в горле, поредели. Сквозь них стало пробиваться поначалу слабое, но со временем все более яркое апельсиново-оранжевое сияние, и Августин увидел то, что менее всего ожидал увидеть в Утгарде. В преисподней. В геенне. В аду.

В изумрудных небесах сияло солнце. Оно не было похоже ни на реальное, земное, ни на светила Митгарда. Оно было приплюснутым, будто растянутым в стороны, как НЛО на кустарных фотографиях прошлого века. И, как положено любому уважающему себя НЛО, оно степенно пересекало небосклон.

Под оранжевыми лучами этого блуждающего светила плескалось ласковое лазурное море. А в море, совсем близко от берега, на сверкающих всеми цветами богемского стекла столбах стоял огромный остров, покрытый лесом.

Лес, как и остров, как и солнце, не старался имитировать какие-либо естественные прообразы. Деревья в лесу, насколько мог видеть Августин, в основном были хрустальные, золотые, серебряные и яшмовые. С острова доносился одинокий напев свирели.

Замысел творца всей этой безвкусицы был совершенно очевиден. Аваллон. Элизиум. Рай. Карманный парадиз в недрах Утгарда.

Когда Августин бывал чем-то смущен, он, как и всякий нормальный человек, подсознательно стремился скрыть свое смущение каким-нибудь привычным «рефлекторным» действием. Даже в тех случаях, когда рядом не было никого, кто мог бы служить свидетелем его смущения.

Сейчас Августин был определенно смущен — все происходящее совершенно не вязалось с расхожими представлениями об Утгарде, а Аваллон окончательно выбил его из колеи.

Августин рефлекторно посмотрел на часы (причуды Утгарда вернули ему, кроме привычного морфа, еще и стандартный наручный интерфейс). Они показывали 18.02. С момента его вхождения в Утгард прошли какие-то никчемные секунды.

«Да будьте вы все прокляты!» — проорал взбешенный и вконец измученный Августин изумрудным небесам, холодея от мысли, что ему предстоит провести в Утгарде еще целых четыре часа.

Частичный контакт с аватаром класса Гильгамеш, морф «Робин Гуд», регистрационный код GIMEL-529-301-772/RUS, был восстановлен системой сопровождения Марьинского Координационного Центра в 18.02.371 по среднерусскому времени. Задержка пинга, таким образом, составила две десятых секунды, что находится в пределах, допустимых спецификацией VIR 7.0.5. Подготовка к экстренному отключению объекта была прервана, неспецифическая потеря контакта квалифицирована как НИВФ (нон-идентифицируемый виртуальный феномен).

11

Лучше бы Августин не кричал. Потому что в ответ на его крик сторожевой бот, ошибочно принятый им вначале за солнце, резко изменил траекторию и полетел в его сторону.

— Стоять! — заорал до смерти перепуганный Августин, щурясь навстречу непокорному солнцу. — Стоять именем сетевой полиции!

Местная природа осталась глуха к призыву властей.

От адского солнца отделился длинный сверкающий протуберанец. Сомневаться в его предназначении не приходилось.

Августин был хорошим полицейским. Он понятия не имел, почему вдруг Утгард прекратил с ним свои чудовищные игры и вернул ему прежний привычный аватар. Зато он моментально припомнил все потенциальные возможности своего аватара и сразу же ими воспользовался. В ВР сперва стреляй, а потом думай. Для того ее Тригвассон и создал.

На месте Августина остался фантом, убедительно натягивающий лук навстречу приближающемуся протуберанцу.

Сам Августин был уже в воде — на вкус она напоминала «Мадам Клико» — и плыл в направлении столбов из богемского стекла.

За его спиной прогрохотал взрыв, очень похожий на тот, в вихре которого исчез Локи. Августин-фантом показательно превратился в мясную пыль. Августин-настоящий нырнул, оставив на поверхности второй фантом, столь же упорно гребущий к острову, как и его хозяин. Вот только брызг не было — его руки входили в воду бесследно и бесшумно.

Сторожевому боту на такие мелочи было наплевать. Новый протуберанец старательно слизнул с поверхности моря Августина-второго вместе с десятками кубометров воды, которая, зашипев, превратилась в облако паров первосортного шампанского и взорвалась в полном соответствии с законами объемного взрыва.

* * *

Августин был первоклассным пловцом. Особенно в морфе дельфина.

Он вынырнул только под стеклянной опорой острова и уже глазами человека посмотрел по сторонам. Сумасшедшее противозаконное солнце этого кластера Утгарда, по всей видимости, удовлетворилось результатами своей работы. По крайней мере, видно его нигде не было, и, присмотревшись к тени острова на воде, Августин понял, что «солнце» поднялось высоко и кружится где-то в стороне.

Августин сам толком не понимал, что толкнуло его к Аваллону. Скорее всего, просто возможность использования морфа дельфина, в котором он мог рассчитывать на спасение от испепеляющих протуберанцев. Так или иначе, раз уж он здесь оказался, следует осмотреться получше. Странный здесь какой-то Утгард все-таки. Чересчур стабильный.

Колонна, под которой он находился, была абсолютно гладкой, и уцепиться было не за что. Но у любого настоящего йомена есть кое-что кроме лука. У настоящего йомена за сапогом торчит превосходный нож из металла чуть покрепче золлингенской стали.

Августин достал нож и, примерившись, без особого усилия воткнул в колонну. Так и есть — одиозный матерьялец не может устоять перед универсальным полицейским инструментом «Клык Фенрира».

Нож, едва заметно вибрируя, вошел в стекло и, повинуясь движению кисти Августина, отпластал от колонны лунообразный кусок с едва заметно оплавленными краями. Кусок отправился в лазурные воды моря, Августин занялся следующей ступенькой.

Он не очень спешил и не очень медлил. С одной стороны, ему действительно было любопытно, что за звери гуляют по кичевому лесу там, наверху, на острове.

С другой — до отключения оставалось около трех часов и его главной задачей было прожить это время без фатальных последствий для своей сетевой карьеры.

Так, достигнув компромисса между инстинктом самосохранения, полицейским долгом и простым человеческим любопытством, он не спеша подымался вверх по колонне.

12

Четыре экскаватора перегораживали шоссе полностью. Они стояли, уперев в бетон мощные гидравлические опоры и опущенные ковши.

— Ставлю один к трем на террористов, — заявил Змей-7, созерцая несокрушимых железных гигантов.

— Все верно, один к трем, — кивнул более опытный Змей-3. — Но только не на террористов.

Фургоны ВИН приближались к экскаваторам, не снижая скорости. Над головным теперь реял похожий на ободранного воздушного змея привязной зонд внешнего наблюдения.

Потом крыша фургона поползла вверх.

— Что-то новенькое, — пробормотал Змей-7, просовывая нос в растущую щель.

Крыша поднялась на метр. Радары патрульно-базового самолета пока что не могли прощупать, что же скрывается там, под ней, и Змей-7 был вынужден удовольствоваться созерцанием зияющей пустоты.

Фургоны начали сбрасывать скорость. Задний тормозил значительно энергичней переднего, и дистанция между ними увеличилась до двухсот метров. Скорость фургонов упала до шестидесяти километров в час и продолжала снижаться, когда из-под крыши головной машины вылетели две гладкие сигары и, раскрыв стабилизаторы, устремились к экскаваторам.

Прогремели два оглушительных взрыва, разделенных сотыми долями секунды.

Экскаваторы исчезли под огненной полусферой радиусом не меньше сотни метров.

Змей-7 видел такое только в учебной виртуальной реальности. Но чтобы так, можно сказать, почти в жизни...

От многотонных машин осталось немногое. По крайней мере, на поверхности шоссе. Вакуумная боевая часть типа «Молот», сравнимая по мощности с небольшим ядерным боеприпасом, раскатывает танк едва ли не в лист жести. А не раскатывает, так вбивает в землю по самый командирский люк. А экскаватор не танк все-таки.

Змей-7 печально вздохнул. Втайне он болел за террористов. Он видел одного живого человека там, в легком самолете. И этот живой человек был террористом. А когда он глядел на ВИНовские фургоны, ему казалось, что к Москве приближаются два заговоренных железных ящика, набитых мертвящей пустотой. Ящики Пандоры...

Террористы, потеряв связь с командиром ударной группы и убедившись в подавляющем огневом превосходстве противника, прекратили операцию.

На «Изюбрах» вновь завелась прежняя волынка, заплясали голограммы, загнусили динамики, и они, увеличив скорость до ста сорока километров в час, понеслись дальше.

13

Августин, прилепившись к колонне в двадцати метрах над поверхностью моря, дорезал последнюю ступеньку и, подтянувшись на руках, перебросил свое крепкое виртуальное тело через край острова.

Бешеное солнце было очень далеко и на его появление никак не отреагировало.

Августин с удовлетворением подумал, что он, видимо, занесен в списки погибших.

Вокруг него тихо звенели искусственные деревья, бесчисленные тропинки были вымощены не то золотом, не то позолоченным свинцом. В воздухе было разлито пение все той же проклятой свирели, которое, как Августин неожиданно осознал, почти перестало раздражать его придирчивый слух.

Сам не понимая отчего, он принялся насвистывать, стараясь попасть в тон свирели, и пошел куда глаза глядят по тропинкам этого непонятного сада.

Вынутой из колчана стрелой он беззаботно почесывал правую щеку — еще один верный признак хорошего настроения.

Потом Августину неожиданно надоело свистеть, и он запел старую песенку из любимого когда-то в детстве фильма о подлом короле Филиппе, бравом Генрихе Пятом и его несравненных лучниках, выкосивших в чистом поле под Азенкуром весь пышный цвет французского рыцарства.

Наш йомен, право же, неплох,
Когда, отставив локоток,
Шлет стрелы в цель
И ни одной
Не тратит даром он, —

тихонько напевал, а на самом деле во все горло орал дурным голосом Августин, перевирая слова.

Он был сильно пьян, но не осознавал этого. Море шампанского может укачать даже стадо кашалотов, не то что одного сетевого лейтенанта.

Тут генуэзцев страх берет,
Потерям их потерян счет,
И вряд ли им поможет Петр,
И громкий крик,
И страшный ор,
Ведь с нами Христофор, —

сообщил Августин большому черному камню, преградившему его путь.

Камень поднялся на четыре когтистые лапы, грациозно потянулся, зевнул, открывая огромную розовую пасть, и ласково сказал:

— Я так долго ждала тебя, Локи...

— Я не Локи, я солдат короля Англии! — заносчиво ответил Августин, чувствуя предательскую слабость в коленях. Ноги совсем не держали, и он опустился на тропу.

Мягко ступая, пантера подошла к нему вплотную и принюхалась.

— Ты пьян, — сказала она с отвращением.

— Я пьян, — кивнул головой Августин.

«Ты пьян, а перед тобой очередное чудовище!» — вспыхнул в голове сигнал тревоги.

Между тем «очередное чудовище», продолжая принюхиваться, ткнулось ему своей мягкой мордой между ног. Сигнал тревоги в голове разлился оглушительным звоном.

— Ты не Локи, — свирепо сказала пантера, подымая на него свои пронзительные азиатские глаза.

Прошла секунда, показавшаяся Августину дольше любой индуистской вечности-калиюги. Затем пантера обрушила на его грудь когтистые лапы, приблизила оскаленную пасть вплотную к лицу и прорычала:

— Ты не Локи!

— Я не Локи, — согласился Августин, с величайшим напряжением пытаясь унять дрожь в голосе. И, не найдя ничего лучшего, сообщил:

— Я тень, я свиристель, убитый влёт...

Зрачки пантеры — совершенно человеческие зрачки — удивленно расширились.

— Повтори! — разъяренно прохрипела она, обдавая его горячим, словно ветер пустыни, дыханием. Августин, недоумевая по поводу ее возмущения, послушно пролепетал:

— Я тень, я свиристель, убитый влёт. — И поспешно добавил: — Вообще-то я лейтенант сетевой полиции по имени...

Когда человек, пребывающий в ВР, называет свое имя, у него всегда возникает секундное замешательство. Первая рефлекторная реакция — назвать подлинное, «земное» имя — всегда блокируется сервером Координационного Центра. Это нерушимый закон ВР — истинное имя актанта окутано непроницаемой тайной и даже сам актант не имеет права, просто физически не может разглашать его. А свое «аватарное», виртуальное имя приходит в голову далеко не сразу. Но Августину так и не пришлось его назвать.

В тот момент, когда он уже собирался произнести «Джонни Джармуш», наступила непроницаемая тьма. Далекое солнце-сторожевик выключилось.

— Кто бы ты ни был — беги!!! — заорала пантера, убирая лапы с его груди.

Августин понял только одно — СНОВА ОПАСНОСТЬ. Окончательно трезвея, он вскочил на ноги. В его руках мгновенно оказался лук с вложенной в него стрелой. Августин попытался включить инфракрасное зрение — черта с два. Проклятый Утгард вернул все-таки отнюдь не все базовые характеристики его аватара.

— Куда?! Куда бежать?! — спросил он у пантеры.

Вопрос не был праздным. В такой кромешной тьме нельзя было сделать двух шагов, чтобы не удариться лбом о ствол какого-нибудь райского апельсинового дерева.

— Ну ты идиот, легавый, — проворчала пантера. — Садись ко мне на спину.

Августин почувствовал, как в его йоменский гульф ткнулся теплый зад пантеры. Не задавая лишних вопросов, он оседлал свою новую знакомицу. И они понеслись.

Пантера, не в пример Августину, прекрасно видела во тьме. Она неслась по одним лишь ей ведомым тропинкам. Иногда, вся подобравшись, она перепрыгивала через поваленные деревья. Несколько раз под ее лапами раздавался плеск воды и в лицо Августину летели брызги шампанского.

Их все-таки настигли. Из кромешной тьмы за спиной Августина совершенно бесшумно возникло нечто и вонзило в его спину стальные когти.

Мягкая спина пантеры ушла куда-то вниз. Августин, чье тело разрывалось на куски от боли, с ужасом почувствовал, что несется в воздухе.

За спиной раздался чудовищный, леденящий душу надрывный вой сверла. В затылке Августина возникла крошечная точка новой боли. И она росла.

14

«ВР без боли — ничто. Без боли — значит без наслаждения, без страха, без эмоций. Поэтому я сделал боль и положил ей меру. Если, пробив титановый панцирь, пробив кевларовую подкладку, пройдя сквозь одежду и кожу, в твою грудь вонзится меч Джирджиса и войдет в твое живое сердце, ты не только увидишь его, ты не только почуешь запах своей горячей крови, но ты испытаешь то, что должен, — боль. Очень сильную боль. Возможно, меньшую, чем испытывают в подобной ситуации наяву — ибо боль будет изготовлена добрым компьютером Коор-

динационного Центра, а не твоими злыми человеческими нервами, которые не знают пощады, — но это будет очень сильное, ха-ха, переживание. И, очнувшись среди океана липкого холодного пота в своей капсуле, ты поймешь, какое это прекрасное времяпрепровождение — жизнь».

Олаф Триггвассон. «Страннее, чем рай»

15

— Антропос, антропос... Какое это прекрасное времяпрепровождение — жизнь, — раздался за спиной Августина мечтательный голос. — Сейчас мы посмотрим, что там у тебя внутри.

Сверло вворачивалось все глубже. Похоже, его обладатель был существом обстоятельным и никуда особенно не торопился.

Августина ждало долгое, мучительное, сводящее с ума убийство до смерти. Причем «сводящее с ума» не было здесь фигурой речи. Если, не дай Бог, плохо сработают фильтры Координационного Центра, Августин вернется в реальность безумцем.

По спине Августина струился слабый пока ручеек крови, когти болтливого мерзавца, казалось, вошли в его тело до самого позвоночника. «Момент минус десять», — сообщил Голос Неба.

Августин отшвырнул совершенно бесполезный лук.

Подогнув ногу к груди — это простое при нормальных обстоятельствах действие теперь стало для Августина страшной пыткой — он выхватил из-за сапога нож и ударил им наугад, стремясь перерубить сверло.

Но, увы, механический гад был сработан на совесть. С негромким лязгом нож отскочил от бешено вращающейся стали.

— Беспокойный антропос... — констатировал его мучитель.

Вслед за этими словами блеснула яркая вспышка, и правая рука Августина, сжимавшая нож, полыхнула малиновым пламенем. На ее месте осталась лишь обугленная культя.

— А-а-а-а-а!!! — завопил Августин, теряя остатки самоконтроля.

— Хорошо, — мечтательно пробормотал киборг (сомнений не было, это был именно киборг, аватар класса Джирджис, морф «Бешеный Макс»). — Очень хорошо. Ты приближаешься к Идеальному Катарсису.

Идеальный Катарсис придумали политические комиссары Социальной Республики Сол. Идеальный Катарсис, как учил великий Кетцаль, это полное растворение через отражение и преломление человеческой души в абсолютно гладких гранях Сердца Материи. Выражаясь проще, такая себе нирвана.

В Республике рекомендуется приводить к Идеальному Катарсису через долгие и изысканные пытки.

Но отчего в электронных устах исчадия Утгарда вдруг прозвучали слова из лексикона идиотов Митгарда — этого Августин взять в толк не мог. Да и не пытался. Сверло медленно, но уверенно продиралось сквозь его затылочную кость.

Кричать он уже не мог.

«Момент минус пять».

Киборг продолжал философствовать, но Августин уже не понимал его. Слова, фразы казались строками телеграмм из потустороннего мира, да и сам Августин был уже на пороге истинного ада.

В голове расцветали пурпурные цветы. Над океанами крови парили уродливые бабочки, сотканные из огня, окурков, немытой посуды, смятых и расстрелянных тел, пустых шприцов и бутылок, автоматных гильз, поношенной одежды и рваных простыней.

«Момент минус один».

На поверхности кровавого океана появилась черная воронка.

По ее краям вились длинные рыжеватые стебли. Августин падал в нее со скоростью метеора, падал и никак не мог упасть.

«Выключение».

Глава 3

АМУЛЕТ

1

Малинин вернулся спустя два часа. За это время Пьеро успел проиграть хозяину дважды. Но он не расстраивался. Выигрывать в нарды у шефа — дурная примета. Это подтвердит кто угодно, в особенности же — сам Стальной Венедикт.

— Входи, — скомандовал президент компании ВИН, и умные двери пропустили просителя.

Малинин выглядел сконфуженным — словно школьник, ощущающий, что наказание неминуемо. От проницательного взгляда Щюро не укрылись мелкие капельки пота, выступившие на лбу референта.

— Ну что, друг мой Шура, как там наши нарушители? — поинтересовался шеф, самодовольно складывая руки на животе.

Александр прекрасно знал, что любезность шефа не предвещает ровным счетом ничего хорошего. Но отступать ему было некуда.

— Один из объектов уничтожен на границе Зоны Стабильности. Другой уничтожен на время. Добить не успели из-за планового выключения. Координационный Центр отрубил его раньше, чем мы успели его как следует придавить...

— Не понял? — переспросил Пьеро, играя кубиками на ладони. Он, похоже, плохо понимал, как это, в принципе, можно «не успеть» в таком плевом деле, как уничтожение объекта.

Малинин пустился в сбивчивые разъяснения.

— Объект номер два, полицейский, аватар класса Гильгамеш. Он проник в зону стабильности. Черт его знает как. Потом он обманул сторожевой бот и пробрался на остров. Там он вступил в контакт с объектом «Пантера», а когда мы...

— Что ты сказал?! — заревел Щюро, выскакивая из кресла. — Вступил в контакт с Пантерой? Или я ослышался?

— Так и есть, — подтвердил Малинин, бледнея.

— Может быть, он еще ее трахнул, после того, как вступил в контакт? — спросил Щюро ледяным тоном.

— Насколько мне известно... То есть мне не известно, чтобы...

Щюро играл желваками и молчал. Никто не смел нарушить тишину.

Пьеро налил в чашку тончайшего китайского фарфора молока с экстрактом индийской конопли и чуть пригубил напиток далеких богов. С функциональной точки зрения Пьеро было все равно: он мог бы пить и машинное масло, и сырую нефть. Но вкусовые рецепторы у него все-таки имелись — для химического экспресс-анализа твердых веществ и жидкостей. И порою Пьеро удавалось убедить себя, что от некоторых напитков он получает субъективное удовольствие, как настоящий, живой человек.

Малинин стоял по стойке «смирно». Глаза его слезились от страха. Он знал, что объект «Пантера» — слабость их ярого президента и что на содержание островного парадиза компания тратит не менее одной двухсотой части своего годового дохода. То есть чудовищную сумму, которую самому Малинину не заработать за всю жизнь. Наконец пауза была прервана.

— Дальше. Личности объектов установлены?

— Пока нет. Мы выяснили, что личность первого — того, который был убит — установить невозможно. Он незарегистрированный пользователь и в гражданской базе данных никаких записей о нем не содержится. Скорее всего, входит в ВР со своей мобильной станции. Аватар класса Джирджис. Ловок. Сообразителен. Интеллектуальный индекс чрезвычайно высокий.

«Локи», — прошептал Стальной Венедикт.

— Второй — полицейский, — продолжал Малинин. — Работать с полицейским сервером сложно, но мы уже сделали заказ. Наш человек сможет выяснить все, касающееся его персоны, к завтрашнему утру. Включая локализацию его капсулы входа.

Щюро опрокинул чашку с молоком, поставленную подле него услужливой рукой Пьеро.

— Если это требуется, можно поискать и дополнительную информацию касательно его интимных предпочтений, в том числе и насчет четвероногих, разных там кошачьих... — зачастил Малинин, который из кожи вон лез, чтобы угодить шефу.

Увы, Малинин был глуп. Сам того не желая, он допустил чудовищную бестактность.

— Послушайте, милейший, я хочу провести один эксперимент, — вкрадчивым голосом сказал Щюро, бросив на своего начальника охраны заговорщический взгляд. — Закройте глаза и не открывайте их, пока я не попрошу. Идет?

— Конечно, конечно, — с дрожью в голосе сказал Малинин и смежил веки. — Эксперимент — это хорошо, очень хорошо...

— Только не подглядывать!

Стальной Венедикт протянул Пьеро открытую ладонь, которая сразу же отяжелела — на нее лег АПЛ-9. Автоматический пистолет Леонова калибра девять миллиметров. Любимая игрушка Пьеро. Щюро сбросил пистолет с предохранителя и выпустил ровно две пули. Одна вошла Малинину между глаз, а другая пробила правое легкое. Навылет.

Пьеро одобрительно покачал головой. Неплохо для человека. Он бы сделал то же самое, но только чуть быстрее и чище.

Не успев ни вскрикнуть, ни испугаться, Малинин упал на пол, который стремительно окрашивался во все оттенки красного и серого.

— Теперь можешь открыть глаза, дорогой мой Шура, — рассеянно глядя на референта, сказал Щюро.

Малинин, разумеется, не шевельнулся. Да и глаз у него теперь не было.

— Не можешь? То-то же, — меланхолически заметил Щюро, и послушное кресло доставило его прямо к окну, за которым сиял красою типичный среднерусский пейзаж.

2

— ...Иван, из России, и Жан-Поль — француз, гуляют по пляжу в окрестностях Ниццы. Все бабы, как одна, не сводят глаз с Жан-Поля и провожают его томными взглядами...

Болтовня «Вована» была первым, что услышал Августин, придя в себя под полифертиловым сводом капсулы.

Голова его раскалывалась от нечеловеческой боли, кровь стучала в висках. Но хуже всего была чудовищная жажда — пересохший язык едва ворочался во рту.

— ...проходит день, два, на Ивана никто не обращает внимания. Ему завидно. Он просит Жан-Поля: поделись, мол, со мной секретом, как нравиться женщинам. Жан-Поль ему советует подложить в плавки картошку, и тогда, мол, все будет в порядке...

Августин открыл матовую крышку капсулы и, стараясь обходиться без резких движений, дабы не усилить разрывающую череп мигрень, ступил на пол.

Томас был тут как тут. Он смотрел на Августина своими проницательными собачьими глазами и лениво вилял хвостом. Весь его вид выражал сострадание.

— Иван делает так, как посоветовал Жан-Поль. Проходит неделя — никакого эффекта. Наконец он встречает Жан-Поля в раздевалке и злится: «Ты меня обманул!» Жан-Поль окидывает Ивана критическим взглядом и говорит: «Так ведь картошку нужно было спереди подкладывать!»

Августин подошел к компьютеру. Спикер «Вован» продолжал болтать как ни в чем ни бывало.

— Послушай, Томас, я что, забыл его выключить? — в полном недоумении спросил пса Августин.

В его мозгу был отчетливо запечатлен тот момент до начала дежурства, когда он сказал «Вовану» «хватит», а потом, немного погодя, выключил и сам компьютер. Вроде бы так. Впрочем теперь, после бесконечно мутирующих просторов Утгарда, ему было нечеловечески трудно быть в чем-либо уверенным.

«Наверное, все-таки забыл, — вздохнул Августин. — Если бы в квартиру проникли какие-нибудь враги народа или, допустим, воры, Томас, конечно, проучил бы их. Ну, или хотя бы нервничал сейчас... А то сидит как калоша, слюни распустил...»

Томас, высунув наружу свой длинный и влажный язык, преданно смотрел на Августина, не выражая никаких признаков беспокойства. Ему тоже было жарко.

Августин глянул на термометр. Двадцать восемь градусов. Многовато для десяти часов вечера.

3

«Что же такое истинная Виртуальная Реальность, которую я подарил несчастному человечеству?

Во-первых, это сверхмощные нейрокомпьютеры, связанные в одну глобальную интернациональную Сеть. Универсальная

база данных содержит миллиарды эталонных сигналов для твоего мозга, и она ежеминутно пополняется новыми. Из этих эталонов нейрокомпьютеры создают все, что ты видишь, слышишь, нюхаешь и чувствуешь.

Во-вторых, это периферийные Координационные Центры, фильтрующие или ослабляющие смертельно опасные сигналы, следящие за здоровьем пользователей и отвечающие за соблюдение правил игры.

В-третьих, это личные пользовательские капсулы. Во время сеанса они блокируют сигналы от естественных органов чувств и заменяют их сигналами, идущими от нейрокомпьютеров. Кроме этого, капсулы отслеживают реакцию мозга на поступающие сигналы и, перехватывая команды мозга различным частям тела, возвращают их нейрокомпьютерам. Так обеспечивается обратная связь, а заодно исключается вся эта комическая дурь вроде сучения ногами во сне.

Даже если человек в ВР бежит олимпийскую дистанцию или, допустим, занимается любовью с какой-нибудь милой особой, он внешне остается спокоен как безмятежно спящий младенец. Кое-что, конечно, подавлять просто нельзя. За счет этого иногда выделяется немного пота, слюны или различных секреторных веществ в зависимости от пола пользователя. Большинству это даже нравится, а те, кого это не устраивает, могут убираться вон из моей Виртуальной Реальности».

Олаф Триггвассон. «Страннее, чем рай»

4

Щюро щелкнул пальцами.

Чуткие уши внутренней системы наблюдения уловили знакомый акустический сигнал.

В караульном помещении номер четыре, находящемся по соседству с апартаментами Щюро, зажглось старомодное зеленое табло. «Вас вызывает директор», — лишенный интонаций женский голос продублировал надпись на табло.

Все это можно было сделать в десять раз эстетичнее, в пятьдесят раз современнее и в сто раз дороже. Но Щюро был рачительным хозяином. Все, что при прежнем директоре было устроено с его точки зрения слишком сложно (а значит, не вполне надежно), Щюро приказал демонтировать, распродать по офисам кичливых зауральских магнатов и заменить простым и надежным.

Двое дежурных охранников стремительно выскочили из помещения номер четыре и спустя несколько секунд появились на пороге.

— Уберите, пожалуйста, — распорядился Щюро, имея в виду труп Малинина с простреленной головой и окровавленный ковер.

— Кровоизлияние в мозг, — пояснил он охранникам, на чьих лицах читалось брезгливое недоумение.

Через пять минут кабинет вновь пришел в рабочее состояние. Новый ковер, полностью идентичный предыдущему, занял место своего безвинно пострадавшего предшественника.

— Ну что же, дорогой, наконец-то мы одни... — Щюро подмигнул своему начальнику охраны. — И теперь настало время для спокойной работы ума.

Пьеро без энтузиазма кивнул. Он не любил работать умом. Он любил работать пистолетом Леонова, автоматом «Мистраль», пистолетом-пулеметом «Унимаг», гранатометом АГС-100, штурмовой винтовкой М-27 и железными кулаками. Но если шефу угодно...

— Видишь ли, задеты честь и достоинство нашей фирмы. Террорист, которого я, кажется, знаю, повадился ходить в нашу Зону Стабильности как козел в огород. У него на хвосте болтается еще какой-то легавый. Если так пойдет дальше, они скоро по моему кабинету бродить начнут, а?

— Хорошо бы... — бесстрастно заметил Пьеро, извлекая из пистолета обойму без двух патронов. — Тут бы я их без всяких там виртуальных штучек, без Идеального Катарсиса... до полной биологической смерти...

— Вот именно, — жестко оборвал его Щюро. — Но перед этим надо поработать умом. Итак. Их убили. Одного до смерти, другого на время. Но от ВР смерть их не отвадит. Потому что оба они — натуральные маньяки ВР, они просто жить без нее не могут! Это стопроцентно верно, потому что только маньяки по своей воле входят в Утгард. Следовательно, они уже завтра захотят возвратиться в ВР... И не просто в ВР, а в нашу Зону Стабильности. Чтобы вернуться в ВР, они должны...

— Купить «форсаж», — продолжил мысль шефа Пьеро, пряча в кобуру дозаряженный пистолет. — А чтобы купить «форсаж», они должны обратиться к Хмырю.

За что Щюро любил своего начальника охраны, так это за умение поддержать просвещенную беседу.

— Да! — воскликнул он. — И поэтому Хмыря надо убрать. Но этим может удовольствоваться только очень ограниченный человек. Я, например, этим не удовольствуюсь... Кроме того, надо прикрыть наш сказочный Остров. И заказать старому дурню Деппу что-нибудь повеселее. Например, замок. На случай, если эти мерзавцы нас все-таки опередят, мы должны иметь запасной вариант. Они влезут

в Зону Стабильности, а там... А там посмотрим. Так или иначе, мне, помимо всего прочего, нужны будут хорошие уши. А Хмыря — убрать. Надоел.

Щюро обладал колоссальной интуицией. Он был уверен, что убитым сегодня в Утгарде террористом был Локи, с которым его связывало многолетнее и не самое приятное знакомство.

Он пока еще толком не понимал что к чему, но был уверен, что Локи умышленно притащил легавого в Зону Стабильности. Видимо, с точки зрения Локи, что-то там легавый должен был сделать в этой Зоне, но что именно? Главное, своим звериным чутьем Щюро ощущал, что вся эта история так или иначе обязательно выведет его на базу террористов. А террористы были, пожалуй, единственной реальной силой, способной помешать его планам...

— Так что... Разрешите приступить к ликвидации Хмыря? — с надеждой спросил Пьеро.

— Не разрешаю. Пусть лучше Воронов лишний раз своих людей потренирует. Им скоро ох как много работать придется...

5

Августин наскоро разделся, машинально попросил телевизор включиться и плюхнулся с головой в едва теплую ванну.

— Если вы или ваш мужчина не находите это красивым, значит, вам пора срочно заняться вашим вкусом! — вещал вкрадчивый мужской баритон.

Через минуту Августин смыл с лица хлопья пахнущей жасмином пены и всплыл.

Экран телевизора располагался прямо над его ступнями, отдыхавшими на краю ванны. Вообще-то Августин не был поклонником простых видеорадостей и считал их жалким уделом тех, кому не по плечу суровые утехи виртуального мира.

Августин презирал телевизор.

Он даже на спор не мог назвать трех медиакомпаний. В свое время он не вспомнил ни одной и бутылка отменной медовухи «Князь Трубецкой» (на которую-то Августин и поспорил) уплыла в руки его приятеля Сергея...

Но в этот вечер Августин умерил свое презрение. После всех шепчущих и кричащих ужасов Утгарда, большинство из которых он даже толком не помнил, ему мучительно хотелось услышать нормальный человеческий голос. Даже если это слащавый тенорок ведущего дебильной «образовательной» программы для несовершеннолетних или вкрадчивый баритон реклам-диджея «Голубой волны»...

— Посмотрите на этого юношу! — разорялся обладатель вкрадчивого баритона. — На его груди нет ни одного волоска. Что же, встречайте летний хит — депиляторный крем «Унисекс-Брист»! А теперь посмотрите-ка на свою грудь! Как, на ней все еще есть волосы? Фу-у-у! Фи-и-и! Фэ-э-э! С волосами на груди вы похожи на орангутанга! Станьте же человеком! Крем «Унисекс-Брист» сделает вас моднявым, желанным, обалденным!

Скорее машинально, чем обдуманно, Августин опустил взгляд на свою грудь, покрытую жасминовой пеной и, разумеется, волосами. Нормальная мужская грудь. Обыкновенная, не сказать, чтобы «моднячая»...

В следующее мгновение брови Августина взлетели едва ли не на затылок.

На его волосатой груди покоилась изящная, почти невесомая резная пластина из кости. «Вот те на... Подарок от Дедушки Мороза?» — пробормотал себе под нос Августин, спешно вылезая из ванны.

Августин, поглощенный своей находкой, не знал и не мог знать, что телевизор, скучающий в его ванной комнате, был настроен на «Нежную Радугу» — культовый чэннел московских сексуальных меньшинств. Настроен рукой приходящей раз в месяц домработницы Людмилы Ромуальдовны, чопорной и полногрудой матери четырех оболтусов и страстной (хотя и тайной) любительницы разновсяческих видеоперверсий.

В другое время сей факт, пожалуй, развеселил бы Августина. Но Августину, разглядывающему костяную пластину, что лежала на его мокрой ладони, было не до веселья.

Находка была проста и незамысловата, как и большинство предметов в реальном мире. Она представляла собой костяную бляшку, по форме близкую к овалу.

На лицевой стороне бляшки было вырезано незатейливое изображение — нечто вроде буквы Э, положенной набок «рожками» кверху. Не то иероглиф незнакомого языка, не то примитивное плавсредство...

Приглядевшись, Августин заключил: да, это лодка. Нечто подобное ему уже приходилось видеть в раннем детстве, когда отец водил его на экскурсию в музей при Институте Этнографии. Там среди скифских баб и неолитических серпов, попадались и такие вот рисуночки...

Больше на бляшке не содержалось ничего примечательного. Никаких надписей. Никаких указаний. Просто лодка и все. Просто амулет.

В верхней части бляшки была просверлена дырочка, через которую проходила шерстяная нить, словно бы высученная вручную из грубой грязно-желтой шерсти.

И что же это выходит? Вся эта архаическая красота уже висела на его, августиновой шее, когда он вылез из капсулы! Получается, кто-то невесть зачем нацепил на него амулет, пока его тело, лишенное сознания и воли, лежало в капсуле и пока его сознание вкупе с его душой блуждали по просторам Митгарда и Утгарда. Но кто?

Открыть капсулу, когда в ней находится человек, — задача не из простых. Впрочем, хотя она и не проста, но в принципе выполнима. Главное — не снимать с головы нейротранслятор. Но с другой стороны, не снимая нейротранслятор, невозможно надеть на шею амулет...

На секунду Августину показалось, что он сходит с ума. Мелькнула даже зловещая мысль, что все происходящее — очередной морок распоясавшихся демонов Утгарда и что он все еще находится в плену безумной ВР.

«Да нет же, на самом деле все просто! — наконец сообразил Августин. — Нужно всего лишь развязать узелок на нити амулета, продеть нить под шеей, а потом снова завязать. Тогда и овцы сыты, и волки целы. То есть тьфу, наоборот».

Решение этой несложной головоломки принесло ему несказанное облегчение. По крайней мере, *здесь* ничем сверхъестественным не пахло.

— Ладно, пойдем дальше, — сказал Августин вслух, чтобы приободриться.

Войти в чужую квартиру непросто, но если очень постараться — то пожалуйста. Вот чего действительно не мог понять Августин, так это, как Дедушке Морозу (или, может быть, Снегурочке?) удалось одурачить бдительного Томаса.

Ведь, как выразился бы дедушка Августина, некогда служивший в пограничных войсках на туркменской границе, «злостность собаки Томас породы ньюфаундленд отличная».

Августин был полностью согласен с такой характеристикой. Сэр Томас изображал добрячка и дружелюбно вилял хвостом только с личного позволения Августина. К посторонним же пес был холоден, если не сказать враждебен. И, пожалуй, Томас с удовольствием разорвал бы на куски любого, кто покусился бы на его хозяина, лежащего без движения в саркофаге капсулы... Даже если бы постороннему удалось каким-то образом ускользнуть с места преступления невредимым, Томас не преминул бы сообщить об этом восставшему из Утгарда хозяину злобным ворчанием...

Значит, даритель амулета не был посторонним.

Может, это была Ксюша?

Конечно же, это была Ксюша! Воспользовавшись тем, что входной замок Августина настроен, в частности, и на ее отпечатки пальцев, она вошла, послушала анекдоты от «Вована» и, не дождавшись хозяина, смылась, оставив Августину свой оригинальный подарочек. Может быть, какой-то срочный звонок с работы изменил ее планы...

«Все-таки она очень странная девушка. Могла бы хоть пару строк надиктовать, что мол, была, люблю, целую... Эх, Ксюша, Ксюша...» — вздохнул Августин и плюхнулся на диван.

На полу — там только что стоял Августин, — теперь красовалась разлапистая лужа с хлопьями жасминовой пены. Что ж, нужно было вытираться...

6

— Анатолий Андреевич?

— Здравствуй, Венедикт. Чем обязан в столь поздний час?

Анатолий Андреевич, он же генерал-полковник Воронов, пальцем вывел энергичный вопросительный знак на столе, застеленном цветастой скатертью — кое-где подпачканной, но в остальном вполне пристойной. Стол находился в кафетерии, расположенном в подвале Центрального Управления Департамента Безопасности.

Генерал-полковник носил три звезды на погонах уже давно. После Большой Чистки 2044 года в Департаменте Безопасности образовался прискорбный кадровый вакуум. Поэтому офицеры, сохранившие, несмотря на все проверки и разносы, свои удостоверения ДБ, еще тогда, в 2044 году, были повышены на одну, а то сразу и на две ступени. Да и в дальнейшем большинство из них ожидал завидный служебный рост.

Поэтому Воронов, насладившись быстрой сменой званий «генерал-майор» и «генерал-лейтенант», плавно поднялся к самой вершине силовой иерархии еще пять лет назад. С тех пор он терпел обращение «генерал-полковник» только в строго уставных ситуациях. Во всех прочих случаях Воронов представлялся просто — «генерал» — и просил, чтобы именно так обращались к нему цивильные друзья и доверенные сослуживцы.

Кто знает толк в таких вещах — поймет генерала Воронова.

В подвале Центрального Управления Департамента Безопасности генерал пил какао. И хотя Воронов мог заказать его прямо в кабинет, он предпочел спуститься. На то имелась масса причин.

Во-первых, было десять часов вечера. Сидеть в замкнутом помещении круглые сутки осточертеет кому угодно, а Воронов, прибыв на работу ровно в 8.00, все это время провел за рабочим столом.

Во-вторых, посетителей здесь обслуживали смазливые незакомплексованные девушки. В вечернее время можно было рассчитывать на повышенное и совершенно бесплатное внимание к своей персоне.

В-третьих, именно в кафетерии встречались коллеги, заползшие сюда из аналогичных соображений. В этом случае можно было насладиться сальным анекдотом.

А потому когда радиотрубка, притаившаяся возле пепельницы, запищала, генерал Воронов был не слишком доволен. Решение служебных дел в кафетерии не входило в его планы. «Вован» однажды сочинил анекдот про то, как Василий Иванович Чапаев пошел работать в гинекологи и убил девочку по дороге домой после трудового дня. Девочку (в десятиминутной версии «Вована» зачем-то выяснялось, что девочку изображал переодетый поручик Ржевский, хотя это на соль анекдота никак не влияло) угораздило предложить гинекологу просмотр своей пипки в обмен на мороженое «Поцелуй Евы Браун».

Так вот Воронов чувствовал себя тем самым гинекологом. К которому на следующий день после судебного процесса пришла посылка с «Поцелуями Евы Браун».

— Скажу тебе честно, Анатолий Андреевич, у меня возникла одна проблемка, которую я рассчитываю решить с твоей помощью, — сказал густой мужской голос. — Но для начала маленький подарок. Можешь взять Хмыря, он мне больше не нужен.

— Какого еще Хмыря? Того плюгавого подпольщика, что подвизается на взломе виртуальной реальности?

— Да, Анатолий Андреевич, да. Того самого. Только дураки коней на переправе меняют. И бери его поскорее, сегодня же вечером, пока я не передумал.

— Двоих ребят будет достаточно? — поинтересовался Воронов, которого помимо всего прочего злило, что Стальной Венедикт беспокоит его по столь мелкому поводу, как дезинтеграция физического тела своего собственного бывшего холуя. Тоже мне, «подарочек». Вот тебя бы, Венечка, взять да за яйца... Это был бы «подарочек»!

— Нет, — с нажимом сказал голос в трубке. — Никак не меньше четырех. И при значках ДБ, и при ксивах. Это должно выглядеть не как убийство, а как плановая операция по задержанию опасного преступника. Которая, разумеется, случайно приведет к его смерти. Имейте в виду: он там забаррикадировался, что твой снайпер на позиции. Так просто к нему не вломишься.

— Сделаем как надо. Это все, Венедикт? — спокойно спросил Воронов, когда грудастая девушка в розовом переднике поставила перед ним поднос с румяными булочками и кувшинчиком какао.

— Нет, это был подарок. А теперь хочу просить о встречном одолжении. Пришли ко мне одного из спецов по виртуальному шпионажу. Какого-нибудь виртуоза с большим опытом. А то мои все Асгардом заняты. Тут нужно повисеть и послушать один разговор. Это к завтрашнему утру.

— А вводную информацию для моего виртуоза кто даст?

Трубка некоторое время помолчала.

— Вводную, говоришь? Ее еще сочинить надо... Полчаса подождет?

— Подождет, — угрюмо буркнул Воронов. Все-таки штатские бывают исключительно нерасторопны.

— Ну вот и хорошо. Кстати, Анатолий Андреевич, мы сегодня думали с Ефимом нагрянуть под полночь в «Московские Звезды». Третьим будешь?

Тяжелые складки на генеральском лбу немного разгладились.

— Нет-нет-нет, не откажусь. — Это была его коронная застольная шутка.

— Ну тогда до скорого.

— До скорого.

Воронов не любил Щюро. Но отдавал должное мощи его интеллекта, его тяге к власти, размаху замыслов. Воронов не любил преступника Щюро, но любил его преступные идеи. А еще генерал Воронов любил свои преступные идеи. В том, что рано или поздно им придется сойтись на узкой дорожке, он не сомневался. Но пока что они в одной команде и должны помогать друг другу как близнецы-братья. Поэтому он был полон решимости предоставить Щюро мертвого Хмыря и живого виртуоза сыска в лучшем виде.

Наскоро выхлебав две чашки какао, генерал встал из-за столика и окинул меланхолическим взглядом кафетерий. По всему видно, еще два часа в родном кабинете ему обеспечены. Зато потом его ждет Египетский зал, маслины, армянский коньяк... «И свиная харя Салмаксова», — прервал он полет своей фантазии, направляясь к лифту.

Когда лифт плавно тронулся и заскользил вверх, генерал Воронов тихо пробормотал:

— «При значках ДБ, при ксивах, плановое задержание...» Я тебе тут что, дешевая либеральная богадельня, да?

Перед его глазами предстали затянутые в черную форму бойцы огневых секций «Эскадрона С». В их лицах не было ничего либерального.

7

— Подъем! Не оборачиваться! — Ледяной голос разорвал тишину комнаты.

Сгущались июньские сумерки. Августин в чем мать родила лежал на кожаном диване. Приказ, отданный незнакомцем, явился для него полной неожиданностью. Он не слышал шагов. В конце концов, Томас не лаял...

Августин нехотя поднялся с дивана.

«Нужно было проверить всю квартиру перед тем, как лезть в ванну, — пронеслось у него в голове. — Это, наверное, тот дружок, что слушал «Вована» и нацепил эту дурацкую цацку мне на шею! Ксюша тут, видать, ни при чем».

— Встать к стене! — продолжал вошедший.

Наверное, в руках у него имеется что-то, позволяющее быть столь требовательным и вести беседы столь невежливые.

Но где же Томас? Где его верный пес с «отличной злостностью»? Неужто умного ньюфа придется комиссовать или лишить довольствия за неудовлетворительное исполнение служебных обязанностей? Его хозяина держат на мушке, в то время как он, чертов верный пес, виляет хвостом у ног злоумышленника, не произнеся даже сакраментального «гав»?

«Наверное, сэру Томасу достался какой-нибудь собачий клофелин», — вздохнул Августин. Он подошел к стене и покорно положил на нее руки.

— Послушай, парень, по-моему, ты что-то забыл...

Августину очень хотелось взглянуть в лицо нарушителю суверенитета его квартиры. Но он твердо знал, что шутить с вооруженными ребятами — развлечение для тех, по ком плачет крематорий.

— По-моему, Августин, ты забыл закрыть за собой входную дверь, — выдержав паузу, сказал человек с воображаемым пистолетом, и в его голосе не было теперь ни враждебности, ни твердой решимости карать без предупреждения. В нем не было ничего, кроме дружеской иронии.

— Серега? — не веря своим ушам, прошептал Августин и обернулся.

В совершенно темной комнате стоял его школьный товарищ, Сергей Гаспаров.

Сэр Томас сидел у ног Сергея, в полном недоумении наблюдая за происходящим. Он и не думал лаять — ведь именно Сергею Томас был обязан своим появлением в доме Августина. Сергей подарил Августину потешного крохотного щенка, которого называл «алиментным», на Рождество 2045 года.

— Не обессудь, дружище, — гость был очень смущен, и если бы не темнота, Августин наверняка увидел бы, как зарделись его уши, — работа такая. Кругом вижу одних преступников.

Они сидели за стеклянным журнальным столиком и пили джин-тоник.

Торшер облагораживал гостиную мягким светом, а на столе источали каждый свои ароматы отменная салями и земляничный мусс. (Более в холодильнике Августина, который гордо именовался «Суперфризером», не нашлось ничего, что сошло бы за закуску.)

Августин успел одеться. Правда, пуговицы на рубашке были застегнуты через одну, но ни он, ни Сергей на такие мелочи свое внимание не разменивали.

Бесшумный ветерок в комнате был обязан своим происхождением многочисленным выходам кондиционера, встроенным в стены и подвешенным к мебели на присосках.

— ...когда я подошел, многое показалось мне ужасно странным. Во-первых, панель-привратник. На ней вообще не было сообщений. Ни обычного «хозяин квартиры отсутствует», ни «вас ждут, проходите». Панель, очевидно, просто вывели из строя. Причем сделали это грамотно — иначе над ней уже колдовал бы ремонтник из ЖЭКа. Это навело меня на мысль, что в квартиру было совершено несанкционированное проникновение. Я, естественно, сразу потянул дверь на себя и убедился в том, что она не заперта. Ну, думаю, плохи дела...

Августин сделал маленький глоток.

— В общем, я зашел, старясь ступать бесшумно. В ванной комнате разорялся телевизор, настроенный на «Нежную Радугу». Показывали «Ромео и Гамлета», версию для взрослых. Это тоже насторожило меня — я никогда не сомневался в твоей сексуальной ориентации, а тут...

Августин нашел в себе силы вымученно улыбнуться.

Конечно, во время странствий по виртуальной реальности он иногда принимал аватар женщины. Иногда — в оперативных целях, иногда — в иных. Насчет последних он не рассказывал никому, кроме Ксюши. Но ВР — это не считается. Просто очень уж хотелось ему тогда узнать, что эти женщины чувствуют, когда занимаются любовью. В общем, ВР — это одно, а реальная реальность — совсем другое.

— Пойми меня правильно, Августин. На полу — пена, пахнет жасмином, одежда раскидана по всей квартире, да и вообще сумерки. Я уж думал, не случилось ли с тобой чего. А тут еще какой-то голый мужик лежит на диване как мертвый. В темноте не видно...

— Ладно... Будем! — миролюбиво сказал Августин, чокаясь с Сергеем.

В ночном небе Москвы прогремел взрыв. Вслед за ним раздались пронзительный свист и частый треск.

Фейерверк? По какому поводу? Не сговариваясь, Августин и Сергей вскочили с кресел и встали у окна.

Множество огоньков летело по небу — каждый в свою сторону. Фейерверк ли это — определиться было нелегко. «Но уж по крайней мере точно не авиакатастрофа», — заключил Августин.

Однажды Августину случилось видеть, как на посадочной полосе гробанулся транспортный конвертоплан. В тот момент Августин находился в одном из учебных вертолетов и осваивал нехитрый маневр — посадку на площадку шириной двадцать на двадцать метров в условиях хорошей видимости. Августин сел без проблем. А вот конвертоплан со всем своим содержимым и экипажем...

— Все ясно, — мрачно сказал Сергей. — Реклама ВИН, будь она неладна.

Взрыв, привлекший к себе внимание всех, начиная от обитателей соседних домов до пешеходов на улице, был отличным рекламным трюком. Народ высыпал на улицы и не было никого, кто в этот момент не стоял бы, подняв глаза к небесам.

Взрыв породил множество живущих собственной жизнью ракет, каждая из которых направилась в отведенном ей направлении. Спустя три минуты ночное небо над Москвой украсилось множеством разноцветных надписей.

«Чип Асгард — твой пропуск в настоящую жизнь!»

«Выбери ВИН — и ВР у тебя в кармане!»

И, наконец, «Голосуй за Салмаксова. Не пожалеешь!».

Августин отошел от окна. Реклама ВИН действовала ему на нервы. Какова бы ни была эта компания — хороша или дурна — и каковы бы ни были киберсистемы для ВР, ею производимые, это не имело решительно никакого значения.

— Задолбали своей рекламой, честное слово, — вздохнул Августин и занял свое кресло. — Бездарнее слоганов, чем у них, я в жизни своей не видел.

— А Салмаксов этот вообще скотина, — отозвался Сергей, подливая себе тоника. — Его как-то над нами начальствовать едва не поставили. То-то был бы номер! Но мы выдвинули ультиматум. Или мы остаемся на службе, или — Салмаксов начальник. Это еще года три назад было. А теперь вот вся страна узнает, что он за дятел. Если проголосует, конечно.

Августин осушил свой стакан и посмотрел в окно. Все новые и новые надписи плыли в вечернем небе. Ни луны, ни звезд не было

видно — сплошная мертвенно-голубая и зелено-розовая засветка. Где уж небесным светилам тягаться с рекламой ВИН!

— Кстати, что это за чипы Асгард такие? Ну, которые все время рекламят? — спросил Сергей.

Августин понял, что настал его час отличиться. Он знал о проекте «Асгард» не так много, как ему хотелось, но вполне достаточно, чтобы впечатлить Сергея.

— Это очень просто, — начал он, заметно оживившись. — Существует базовый слой ВР, называемый Митгардом. Это всем известно. Существует искалеченный слой ВР, который зовется Утгардом. А есть еще один, новейший, созданный спецами ВИН. Пока что доступ в него закрыт. Он называется Асгардом. Но попасть в него, нацепив обыкновенную «крышу», то есть такую установку, с какой ты обычно входишь в ВР через капсулу входа, нельзя. Этого маловато для Асгарда. Для него нужна особая прилада, которую специально для такого случая клепает компания ВИН. Она-то и называется «чип Асгард», ее сейчас и рекламируют. И на этот чип, между прочим, у ВИН абсолютная монополия.

— Дорогая прилада небось? — поинтересовался Сергей.

— А ты думал! — воскликнул Августин. — Но, поверь, найдется немало тех, кто снимет последние штаны, чтобы наскрести на нее бабок.

Августин, конечно, умолчал о том, что он и сам не прочь приобрести чип Асгард. Уж очень хотелось ему узнать, что за чудеса ждут бравого йомена там, в неведомых землях нового слоя ВР.

— И где эту радость продают?

— Пока — нигде.

— Ага, точно, нигде. — кое-что вспомнив, кивнул Сергей. — Но продажа начнется совсем скоро, послезавтра утром, за день до выборов. Чипы сегодня привезли в Москву, я мельком по телевизору видел. И это как-то странно. За день до выборов ВИН выбрасывает на рынок новый товар. К выборам ВИН подготовила еще одну тухлую «новинку» — своего ставленника Салмаксова. Бесноватого патриота ВР. Кумира «синих галстуков». Мужика без руля и без ветрил. Не много ли будет для двух июньских дней?

Августин пожал плечами. Может, и много. Но какое ему дело до всей этой политики, когда в Утгарде обнаружился неведомый райский остров, а он даже не может туда пролезть, потому что его сегодня убили на три месяца? Есть, конечно, один вариант... Августин решительно поставил стакан на стеклянную столешницу.

— Послушай, Серега. Ты извини, что меняю тему, но... В общем, у меня возникла одна серьезная проблема...

— Наехал кто-то? — с пониманием осведомился Сергей.

— Да, наехал и убил. На три месяца. Долго рассказывать, да это, в общем-то, и не важно. Короче, ты, как перуновец, сталкивался, наверное, со всякими там изготовителями «форсажей»... Ведь сталкивался же, да?

Сергей с прищуром поглядел на Августина.

— Ну, браток... Вообще-то сам я по такой мелочи не работаю, но когда-то говорил с ребятами. Самый большой умелец среди подпольщиков — некто Хмырь. Его несколько раз собирались брать, но всякий раз начальство тянуло — дескать, улики успеет уничтожить, гад, и что-то там еще такое, точно не помню. В миру Хмырь — диджей увеселительного заведения «Сладкая Ж» с какой-то отпетой погремухой. Не то Ляшка, не то Ляжка.

8

Приятно иметь в подчинении толкового полковника. Это знает любой генерал.

В особенности же приятно, когда этот полковник весьма недурен собой. Когда его волосы уложены волосок к волоску, запястья тонки, бюст упруг, а походка — изящна. Одним словом, приятно иметь в своем подчинении красивую женщину. А генерал Воронов был мужчиной в том самом возрасте, когда третья жена успевает осточертеть окончательно, в то время как на покой еще в общем-то рано.

— Если я не ошибаюсь, вам не повезло сегодня... — начал генерал Воронов, когда его изящный полковник присела на край кресла.

— Да, меня убили до смерти, — обреченно согласилась полковник Шельнова. — Коп-киллер Локи, если вам знакомо это имя, вышиб из меня все кредиты до последнего.

— Не расстраивайтесь, милая. — Мягкие интонации Воронова были хорошо знакомы Шельновой. Они не говорили ровным счетом ни о чем. Просто у генерала Воронова был такой стиль вести разговоры. «Мягко стелет, да жестко спать», — приговаривали его порученцы, и Шельнова была с ними полностью согласна. Впрочем, спать с Вороновым она не собиралась.

— Да я и не расстраиваюсь, — ответила Шельнова с наигранным безразличием.

— Ведь то, что вас убили, вовсе не означает, что сетевая полиция не нуждается более в ваших услугах. Как раз напротив. Я вызвал вас не только затем, чтобы выразить вам свои соболезнования. Вы полковник, а значит, обязаны выполнять задания России. И кроме того, у меня есть чем вас утешить. Но об этом — после.

Полковник Шельнова была собранна, холодна, деловита. Будь она иной, буксовать ей по сей день в капитанах. Но ее деловая хват-

ка была известна всему Сетевому отделу ДБ. На нее надеялись. На нее рассчитывали. И даже провал операции по отлову Локи ничего не значил рядом с блистательными успехами предыдущих заданий.

— Я внимательно слушаю.

— Вы умеете держать свои чувства в руках, — заметил Воронов. — За это я ценю вас.

Он сделал паузу, которая должна была означать, что прелюдия окончена.

— Мы получили сведения, что завтра в одном из закрытых кластеров ВР состоится сходка трех сетевых преступников. Все трое — коп-киллеры, все трое входят в ВР незаконно. Они давно находятся под наблюдением сетевой полиции. Нам до сих пор не удается выяснить, кем являются преступники в реальной жизни, но мы знаем, что по каким-то причинам они не желают встречаться друг с другом здесь, в «твердой» реальности, предпочитая ВР. То, о чем они будут говорить на своей сходке, представляет огромный интерес для ДБ и, в частности, для моей темы. Оттого я назначаю вас ответственной за проведение операции «Банкет». Для вас эта операция будет состоять в следующем. Вы войдете в ВР через нестандартную капсулу в нестандартном месте. Дело в том, что вышеупомянутая сходка будет проходить в Утгарде, в так называемой Зоне Стабильности, куда, как вы сами понимаете, не так легко попасть. Войдя в Зону Стабильности, вы займете удобную наблюдательную позицию, которую вам предстоит отыскать самостоятельно. Разумеется, объекты не должны будут догадываться о вашем присутствии, что бы ни происходило. Вы полностью зафиксируете разговор. Содержание разговора вы доложите лично мне. Все.

Пока генерал Воронов с присущей ему обстоятельностью излагал детали операции, полковник Шельнова кивала головой. Все было понятно, кроме...

— Классы аватаров преступников известны?

— Безусловно. Известен даже один морф. Первый преступник — аватар класса Агасфер. Морф «Пантера». Метаморфорность пониженная.

— Как-то маловато для коп-киллера, — заметила Шельнова.

Генерал Воронов сделал вид, что пропустил мимо ушей замечание полковника.

— Второй — аватар класса Джирджис. Это и будет Локи. Вы его видели и, надеюсь, теперь уразумели, с кем имеете дело. А насчет третьего нам известно крайне мало. Скорее всего, он тоже будет в аватаре класса Джирджис. Или, по крайней мере, Гильгамеш. Впрочем, этот третий — персона, так сказать, сослагательная. Его может и не быть.

— Когда можно будет приступать к заданию?

— Завтра рано утром за вами заедет спецтранспорт и отвезет вас на место.

— Хорошо. — Шельнова послушно кивнула. — Остается самый важный вопрос. Знаете ли вы, Анатолий Андреевич, что задуманная вами операция полностью противозаконна? — Она скрестила руки на груди и бросила на Воронова уверенный, жесткий взгляд. — Во-первых, несанкционированный доступ в ВР. Грубое нарушение Конституции ВР, параграфа второго. Далее. Шпионаж в ВР с намерением использовать полученную информацию для ущемления прав и свобод граждан. Снова нарушение Конституции ВР, параграфа шестого, пункта третьего. А кроме того, и законов Российской Федерации. Далее. Вход в ВР с нестандартных пользовательских капсул. Я думаю, не стоит продолжать...

Но генерал Воронов ничуть не смутился. Во-первых, нарушение российских законов ему было не в диковинку. Не говоря уже о сочиненной европейскими мечтателями Конституции ВР, которую он ни во что не ставил. И уж, конечно, не читал.

— Не стоит принимать законы близко к сердцу, дорогой мой полковник, — елейным голосом сообщил Воронов. — Противозаконно? Не-ет, я бы выразился иначе. Это задание не противозаконное. Оно специфическое. (Слово специфическое он произнес нараспев, смакуя каждую букву). А за специфические задания полагаются специфические вознаграждения. Я же говорил — мне есть чем вас утешить. Если вы выполните задание удовлетворительно, вы получите новый пропуск в ВР. Ваша смерть будет как бы отменена. И вы будете путешествовать по ВР столько, сколько вам заблагорассудится. Не думаю, что в этом случае вас смутит «противозаконность» подобного вознаграждения.

Шельнова знала цену своей неподкупности.

— Я согласна, — твердо сказала она после минутного молчания.

Глава 4

«ДИЛАЙТ» — ЭТО ЗНАЧИТ «НАСЛАЖДЕНИЕ»

1

— У этого пупсика сегодня праздник. Ты будешь юбилейным клиентом! — заявил гладко выбритый юноша с татуированным солнцем вокруг левого глаза и похлопал девицу по заднице. Та глупо улыбалась Августину, пошатываясь на двадцатисантиметровых каблуках.

— Тысячным, что ли?

— Ты чё?! Десятым!

— Что-то не верится.

Августин гадал о возрасте рекламируемого сутенером «пупсика». Пятнадцать? Двенадцать? Девять? Черт их разберет, этих лолит-акселераток. А вид все равно потасканный.

— Гарантия, десятым! Я тебе говорю — считай, целка, — шепотом добавил юноша, подмигнув татуированным глазом. — Элитная.

— Ну хорошо, я верю. Но все равно — мне не подходит, — миролюбиво сказал Августин.

— Голубой?

— Не-а.

— Трансвестай?

— Мимо. Просто мне нравятся женщины с опытом. И вообще — я тут по делу. Мне нужен диджей Ляшка. Он же Хмырь.

Вместо ответа Августин получил в челюсть. Это было настолько неожиданно, что он даже не успел закрыться. Стоишь вот так, беседуешь о вкусах с приличной на вид парочкой, ну почти папа и дочка — пусть даже и сутенер с проституткой, — а потом вдруг, ни с того ни с сего...

Но ударить во второй раз сутенеру с татуировкой не случилось.

Августин, не думая о приличиях, нанес ему удар в пах. Именно так йомены Его Величества короля Англии расправляются со всякими козлами.

Не успев оценить ни глубину подлости, ни быстроту реакции своего визави, сутенер скрючился и, охая, повалился на серебристый пластиковый пол. Августин добавил по ребрам. Не сильно, а так, для острастки. Чего это он лезет, козел?

Мгновенно сориентировавшись в происходящем, несовершеннолетняя красотка подскочила к Августину со спины. Она захватила шею своего несостоявшегося юбилейного партнера струной святого Жануария, выказав при этом недевичью силу.

Холодная сталь струны врезалась Августину в горло. Он судорожно вдохнул. Одновременно с этим появилась боль. «Вот это номер — сдохнуть по причине того, что кому-то не хватает денег на дозняк, — подумал Августин. — Конец воистину бесславный!»

Эта мысль придала Августину сил.

Он восстановил равновесие и тут же присел на корточки. Резко отставив зад и захватив немытые руки школьницы, Августин выгнул спину и тем самым склонил напавшую кралю к тривиальному акробатическому трюку. Перелетев через его голову, она, словно неопытный ковбой на родео, рухнула наземь.

С хрустом подломились каблуки девчонкиных туфель. Метнув в сторону Августина отчаянный взгляд, она уселась на попу... и расплакалась.

— Послушай, лапа ты моя элитная, в следующий раз, когда пойдешь со своим папиком на разбой, — одевай кроссовки, — посоветовал Августин, спешно покидая место происшествия.

Он завернул за угол.

Граффити «Каннабис-Суперсекс», выполненные в форме затейливой стрелки, указывали ему путь. Еще один поворот, затем подняться по лестнице — и он на месте. Если, конечно, его не задержит еще пара-тройка юбилейных проституток.

Лишь спустя несколько минут до Августина дошло, отчего милая пара, пребывавшая в полуавтоматическом режиме ожидания случайного клиента, переменила настроение столь невыгодным для него и для себя образом. И «дозняк» тут был вовсе ни при чем.

Всему виной была, конечно же, алчность.

И проститутка, и ее патрон были осведомлены о том, что представляет собой диджей Ляшка. Они были в курсе, что за люди к Ляшке ходят, и понимали — зачем. Без внушительной суммы в гости к Хмырю не завернет ни один психически здоровый человек. И это они тоже знали.

Быть может, план обчистить карманы Августина родился у сутенера внезапно, в тот момент, когда «юбилейный клиент» упомянул Хмыря. А возможно, парочка давно и прочно облюбовала подступы к берлоге известного на всю Москву нелегала...

«В любом случае, лучше держать язык за зубами», — заключил Августин, переступая порог увеселительного заведения «Каннабис-Суперсекс».

Сие заведение, в свою очередь, плавно переходило в chell-out дискотеки «Сладкая Ж» (что, не исключено, подразумевало не только мягкую часть тела, но также и жизнь). Дискотека, состоящая из восьми танцевальных залов, перемежающихся барами и сотами запирающихся изнутри кабинок «для тех, кто хочет элитно отдохнуть», плавно вливалась в крытый сэйшн-бокс. Августин находился на самой окраине Веселого Квартала.

2

Полюби меня сейчас,
Такого неженатого,
А не то начну ругаться
Прямо сразу матом я.

Из динамика пели по-французски. Вольный перевод припева, на ходу сделанный скучающим Августином, отличался точностью, которую, к сожалению, некому было оценить. Как, впрочем, и саму красоту песенной мелодии.

Посетители бара были нечувствительны прекрасному.

Откровенно сказать, их можно было понять. Ведь «Каннабис-Суперсекс» был одним из немногих заведений, обладающих муниципальной лицензией на продажу и употребление в своих помещениях легких наркотиков (там, между делом, продавались и остальные, не такие легкие). А стоит ли платить за вход «конкретные» деньги, чтобы слушать дешевую французскую попсу?

Собственно, звучным словом «каннабис» всякие там Плинии да Горации именовали коноплю, как припомнил Августин из своих скромных познаний в латыни.

Разумеется, в «Каннабисе» стоял невообразимый конопляный штын.

А также особый пряный запах коктейля «Дилайт», который вставлял почище освященного традициями каннабиса, да и к легким наркотикам никак не относился.

— Мне на полпальца «Дилайта плюс», — стараясь говорить как можно более развязно или, если угодно, естественно, попросил Августин. — И еще какой-нибудь сильной дури. Не очень дорогой. Но сильной. Я со вчера в дембеле... — пояснил Августин, облокотившись о барменскую стойку.

Бармен, тучный стриженный ежиком мужчина неопределенного возраста (не заглянув в паспорт, никто не мог бы точно определить двадцать пять ему или пятьдесят — как и у «элитной» проститутки-малолетки это было одним из последствий регулярного употребления «Дилайта»), бросил на Августина проницательный взгляд. Стукач? Коп? Провокатор? Или все-таки честный дембель, которому страсть как охота помусорить деньгами, пока есть?

«Дембель-шмембель... Откуда же ты дембель, парниша? Из контрактников ВДВ? Из ДБ? Из Иностранного легиона? Откуда еще таких стариков выпускают?» — читалось во взгляде бармена.

— «Дилайт-плюс» не по нашей части. А вот что попроще — пожалуйста, — вежливо, но довольно холодно ответил бармен. «Сильную дурь» он вообще проигнорировал.

— Что ж, раз так, тогда содовой, — протянул Августин, притворяясь огорченным лопухом-провинциалом.

Бармен наполнил непроницаемо черный бокал и поставил его перед «дембелем».

— Ваш заказ, — язвительно дохнул он в самое ухо Августину, который беззастенчиво разглядывал присутствующих: полулежащих, полусидящих. Полуживых.

«Наверное, нужно знать некий пароль. Тогда тебя обслужат по высшему разряду», — вздохнул Августин.

По большому счету, Августину было нечего делать в баре «Каннабис-Суперсекс».

Траву он не курил. Чудеса синтетического мира сильнодействующих наркотиков тоже не привлекали его. Видал он чудеса и позабористей. Даже если бы бармен оказался более покладистым, Августин все равно приберег бы «сильную дурь» для Хмыря. Он наивно полагал, что Хмырь обрадуется подарку...

Августин зашел в бар, чтобы освоиться. Привыкнуть к атмосфере. Пообтесаться. Увы, он вновь недооценил уровень нервозности аборигенов Веселого Квартала...

Бармен, конечно же, сразу признал в нем чужака. Возможно, чужака, представляющего опасность. А чужакам не подают ни «Дилайта плюс», ни «Дилайта минус». С чужаками принято «разбираться».

В Веселом Квартале Августин и в самом деле был впервые. И если бы не последнее сетевое дежурство, он, вероятно, так и дожил бы до шестидесяти без веселья.

Августин не мог знать, что срок муниципальной лицензии на продажу разнообразной дури истек у «Каннабиса» еще неделю назад. А на продление у хозяина заведения не было денег — слишком уж он увлекался тараканьими бегами.

— Сеня, вот этот парень, кажется, провокатор. — Бармен указал пальцем в спину Августина, беззаботно попивающего газировку. — Трещит, что в дембеле. Только кто ему поверит?

Невероятно мускулистый охранник, чьи длинные, вьющиеся крупными кольцами волосы были выкрашены в платиновый блонд с серебристым отливом, понимающе кивнул.

— Только не здесь, так ребятам и скажи. — Бармен опасливо покосился на гривастого киллера, чей имидж был беззастенчиво слизан с морфа «скандинавский викинг».

— Брось психовать. Подумаешь. Разберемся. Не в первый раз, — успокоил его длинноволосый. Он глядел на своего нового «клиента» — Августина — с профессиональным прищуром опытного ловца человеков.

Джинсы цвета серый индиго, потертые. Тонкие теннисные туфли, уже стоптанные. Трикотажный кардиган. Все, как и положено, стиля унисекс. Обыкновенная короткая стрижка.

И все-таки не совсем обыкновенная. Викинг присмотрелся. Нет, не обыкновенная! Сзади парикмахер оставил затейливую длинную прядь, заплетенную в косичку. Пожалуй, у полкового цирюльника на такое не хватило бы фантазии. «Нет. Не военный», — охранник покачал головой...

Итак, Августину не нужен был цветастый «Дилайт» с пряным запахом.

Ему нужна была маскировка. Аксессуары. Высокий узкий стакан из черного стекла из «Каннабис-Суперсекса», в каких обычно продают «Дилайт», был, с точки зрения Августина, таким же необходимым атрибутом гуляки, как каблуки и мини-юбка для проститутки. И не важно, что в стакане газировка, главное — стиль!

Кто же мог знать, что даже содовой достаточно, чтобы влипнуть в очередную историю?

— Эй, парень! Тебя спрашивает бармен!

Августин уже покидал бар, шаркая по длинному извилистому коридору. Бокал он прихватил с собой — правила заведения позволяли шляться с посудой где угодно. Когда прямо перед ним вырос охранник с выбеленной шевелюрой, он не испугался и не удивился.

— А что там, у бармена? — осведомился Августин, делая удивленное лицо и одновременно прихлебывая из бокала.

Если бы на затылке у Августина имелась еще одна пара глаз, он смог бы увидеть, как из служебной двери за его спиной появились еще двое обнаженных по пояс мордоворотов.

— Сдается мне, ты не заплатил, — сказал охранник, плотоядно кусая зубочистку.

Когда охранник опер о стену свою до омерзения перекачанную руку, напоминавшую сегмент говяжьей туши, с которого ободрана шкура, Августин сообразил, что новой драки ему не миновать.

Его правая рука незаметно скользнула в карман стильного трикотажного кардигана, где специально для такого случая была припасена пилочка для ногтей. Не совсем обычная пилочка.

Августин не был идиотом — он не льстил себе надеждой одолеть в честном поединке трех дюжих охранников, зарабатывающих себе на хлеб с маргарином мелкими экзекуциями и прикладной педерастией.

Он понимал, что узкий коридор на то и узкий коридор, чтобы бежать было некуда.

И он слышал — за спиной дышат еще двое гадов, дожидаясь, когда их волосатый бригадир начнет расправу и прольется первая кровь.

Трое на одного — легкий перебор. В такой ситуации действовать нужно отчаянно и бесшабашно.

— А знаешь, почему я не заплатил за содовую? — рассеянно, почти робко начал Августин, сверля взглядом мутные глаза викинга.

К слову, Августин прекрасно помнил, как платил — даже чаевых мудаку не пожалел. Впрочем, это прекрасно помнили и бармен, и викинг, и его рослые коллеги.

Пока охранник соображал, что сострить в ответ, Августин вложил отточенную псевдопилочку из сверхпрочного титанового сплава между пальцев. Его ладонь неспешно выскользнула из кармана наружу. Обыкновенная ладонь, вот только один смертоносный титановый коготь.

— Денег не было, что ли? — лениво предположил охранник, полностью уверенный в собственном превосходстве. Равно как и в том, что сумеет достать выкидушку гораздо быстрее, чем липовый дембель из Департамента Лицензирования сумеет сообразить, что происходит.

— Я не заплатил, потому что не люблю когда такие дегенераты, как ты, царапают своими вонючими граблями мою кредитную карточку!

Псевдопилочка врезалась в шейную артерию охранника. Викинг взвыл и схватился за горло обеими руками. Одновременно с этим Августин запустил бокал в лицо одному из стоящих сзади.

— Ваш заказ, ребята! — заорал он, бросаясь со всех ног вперед, к спасительной двери туалетной комнаты.

3

— Что там у нас в далекой России? — поэтически заломив бровь, спросил у вошедшего брюнета Мак-Интайр.

На пушистом персидском ковре его цюрихского кабинета топтался куратор контактной службы Интерпола Джон Павлиашвили, известный своей стеснительностью.

— ВИН доставила первую партию чипов обратной связи в Москву.

Этого сообщения Мак-Интайр ждал не первый месяц. Днем, когда он через «Аргус-18» наблюдал за движением фургонов «Изюбр», когда в кадре появилась ракета, выпущенная безвестным конкурентом Интерпола, он, Мак-Интайр, молился своим древним ирландским богам, чтобы они защитили бесценный груз ВИН от непрошеной гостьи. И они спасли бесценный груз. Спасли для того, чтобы он, Мак-Интайр, получил возможность сокрушить могущество ВИН собственноручно.

— Во время транспортировки чипов, — продолжал Павлиашвили, — на фургоны было совершено нападение. Оно было успешно отражено средствами самозащиты фургонов. Российский Департамент Безопасности во время конфликта сохранял нейтралитет. Как всегда, отделались наблюдением с патрульно-базового самолета типа...

— ...типа «Стрибог», кухулиновы псы! — нетерпеливо перебил Мак-Интайр. — Подробная информация о конфликте получена?

— Пока что нет. Известно только, что со стороны компании были применены ракеты с головной частью типа «Молот».

Мак-Интайр присвистнул. «Джина ошиблась. Московские мальчики круче, чем можно судить по нашим интерактивным сериалам о русской мафии».

— Всю эту сногсшибательную информацию вы, конечно, вычитали в вечернем выпуске «Аргументов и фактов»?

Павлиашвили скромно потупился.

— Разумеется, сэр. Половина московской прессы пляшет под дудку Салмаксова. Они не преминули наводнить первые полосы негодованием по поводу очередных происков террористов, направленных против благодеяний компании ВИН. А заодно припомнили, что добро должно быть с кулаками. И с «Молотами».

— И это правильно, — саркастически ухмыльнулся Мак-Интайр. — Итак, чипы в Москве. Это означает, что большое шоу ВИН намечено на понедельник?

— Да, сэр. Щюро решил не ждать до шестого июля.

— Так.

«Теперь ждать больше нечего. Все решится послезавтра», — сердце Мак-Интайра трижды бухнуло невпопад, мимо наработанного спецподготовкой неторопливого ритма. Главное он уже услышал. Оставались мелочи.

— Что в «Алмазном кубе»? — спросил он для проформы.

— Агент Борис по-прежнему молчит. Наши попытки повторно войти с ним в контакт пока не увенчались успехом. Агент Хоуп: новый пакет информации. Подробности устройства Главного Корпуса, охранного периметра и так далее. Агент Сильва — кое-какие уточнения по поводу чипов обратной связи и уровня «Асгард». Очень профессиональное сообщение. Им сейчас занимаются аналитики. И наконец, наш политический эксперт в Москве Виктор предоставил некоторые небезынтересные факты по поводу личности Салмаксова. Все отлично стыкуется с мнением независимой экспертной группы в Тегеране.

— Скажите, Павлиашвили, отчего вас зовут Джонни Певунчик? — невпопад спросил Мак-Интайр.

Джон Павлиашвили зарделся.

— Не знаю, сэр. То есть знаю, сэр. То есть предполагаю следующее. У меня жена в Ла-Скала, она... примадонна. Сегодня вот Флорию Тоску исполняет...

4

Дверь с двумя нулями впустила Августина внутрь и захлопнулась прямо перед носом преследователей.

Несмотря на изобилие в «Каннабис-Суперсексе» специальных кабинетов со сносными кушетками, любители заниматься любовью в туалетных комнатах не переводились.

Для таких понимающие хозяева «Каннабиса» врезали в дверь туалета замок, который запирался изнутри. Августин не был любителем сортирной эротики, но замком щелкнул с нескрываемым наслаждением. Снаружи в дверь неистово колотили его новые друзья, сопровождая свои действия отборным матом.

— Да ты, пацан, в дерьме по уши! — на ходу застегивая ширинку и пошатываясь, прямо на Августина из кабинки вышел престарелый драгстер с фиолетовыми кругами вокруг глаз.

Августин пожал плечами — мол, сам вижу. Сердитые парни ломились в дверь что было дури. Было очевидно — если они продолжат в том же духе, замка надолго не хватит.

«А когда эти мясные избушки ворвутся внутрь, меня можно будет считать покойником. Окончательное, так сказать, УС», — подумал Августин.

— Слушай, а ты можешь сказать им, что я уплыл? — шепотом спросил он у драгстера, меланхолически теребящего пуговицы на ширинке.

— Могу, — сразу согласился тот, усаживаясь на корточки возле рукомойника. — А куда уплыл-то?

— Скажи, что нырнул вот в этот унитаз и уплыл в канализацию.

Престарелому наркоману такая версия странной не показалась. Он сам не раз плавал по канализации. Под «Дилайтом плюс». И под «Звонким Сиянием». Там у них, в канализации, много интересного — большие радужные рыбы, и всякие слюдяные цветы, и мохеровые водоросли, и обалденные русалки... Он облокотился о кафельную стену, закрыл глаза и предался воспоминаниям.

— Эй, папаша! — Августину показалось, что драгстер тихо отходит.

— Чего? — встрепенулся «папаша». — Все путем! Уплыл так уплыл!

Августин спрятался в ближайшую к двери кабинку. Долго ждать не пришлось. Спустя минуту дверь рухнула. Двое с крупнокалиберными пистолетами ворвались внутрь.

— Он уплыл, ребята. Вон туда нырнул — и спокойно себе... это самое... — вяло доложил драгстер и снова отключился.

Ребята, не чуя подвоха, заскочили в самую дальнюю кабинку, на которую указал им добровольный помощник. В то время, как Августин пулей выскочил из своего укрытия — первой по счету кабинки — юркнул в дверь и выбежал наружу.

«Жаль, что не получилось сказать мужику спасибо», — подумал Августин, переводя дыхание на краю небольшого танцевального зала самого стильного из московских вертепов под названием «Сладкая Ж».

Августин нырнул в самую гущу предающейся динамической медитации толпы и, пританцовывая, побрел к выходу в следующий зал.

Когда его в пятый раз «совершенно случайно» пнули локтем в бок соседи по танцполу, в голову Августину забрела простая истина: будучи чужаком не выхватить по роже в Веселом Квартале просто невозможно.

И от осознания этого Августину стало немного легче.

Нет, что ни говори, а два стероидных страшилища со снятыми с предохранителей пистолетами сильно взвинтили Августину нервы.

«Это же не ВР! Они чего, все рехнулись? Да и вообще, не многовато ли стволов на сегодня?»

Августин еще не догадывался, что стволы только начинаются.

— У пульта номер раз диджей Петрусь, мое бессловесное стадо! — сверхчеловеческий реверберирующий голос прорезал потный воздух танцзала, когда музыка притихла.

Бессловесное стадо отозвалось своему пастуху Петрусю дружным мычанием. Вновь вступила музыка.

Но, невзирая на тычки и шипение, Августин настойчиво пробирался к своей цели через дрыгающийся и извивающийся океан тел — мужских, женских, детских или хрен их вообще разберешь, каких.

— Эй, клешни убери, а? Срань безбашенная! — зашипела ему в спину девушка в прозрачном целлулоидном платье.

«Я посмотрел бы на тебя, голопузая, если бы за тобой двое с волынами бегали», — философически заметил про себя Августин, преодолевая последние сантиметры, отделяющие его от входа в соседний танцзал.

* * *

— С вами варится-парится диджей Антициклон! Тишина режет ухо, морковочки!

Находящиеся в зале выразили свою симпатию к диджею Антициклону громкими криками и свистом. Мужскими криками и заливистым мужским свистом.

Что было странно, ведь подавляющее большинство присутствующих представлялись женщинами. Или были одеты, как женщины. Вот именно — одеты! Августин был так обессилен плаваньем в людском океане, что не сразу сообразил: он очутился в зале, оккупированном трансвеститами.

— Перед порядочным расколбасом надо децл расслабиться! — философствовал Антициклон.

И «морковочки» делали вид, что расслабляются — некоторые даже завалились на пол, прямо так, в своих роскошных, расшитых стразами нарядах. Приходилось через них переступать...

Августин покидал «расслабившийся» зал с легким сердцем — он уже почти забыл о своих вооруженных преследователях. В самом деле, ведь маршрутов через танцевальную планету, зовущуюся Веселым Кварталом, можно было проложить десятки. Пойди угадай — какой из них выбрал Августин?

Тем временем близилась полночь, а Августин по-прежнему понятия не имел, где ему искать Хмыря.

— Па-а-аслушай, а-абалденный, — раздался слащавый мужской (пожалуй, мужской — заключил Августин) голос над его ухом, — не западает ли твоя просвещенная мысль на добрый драг?

Августин оглянулся. За его спиной, покачиваясь в такт музыке, которая доносилась из тысячеваттного нойз-комбайна Антициклона, ухмылялся какой-то долговязый «кренделек». На нем был парик цвета «зеленый электрик», платье из свободно висящих золотистых нитей и ультрамодные шариковые туфли.

— Моя просвещенная мысль западает не на всяк добрый драг, — отвечал Августин, стараясь кривляться как можно естественнее. — Я, кренделек, люблю марку.

«Кренделек» посмотрел на Августина с нескрываемым уважением.

— Говори, — томно выдохнул он, обдавая Августина целым букетом запахов. Августин смог без труда различить экзальтированные итальянские духи «Rogazzo» (ими иногда пользовалась Ксюша), бомбейский джин и плохо переваренный прокуренными легкими «кренделька» косячок с мадагаскарской травкой.

— Мне нужна марка от Хмыря. От Ляшки. Или Ляжки, — бряк-нул Августин наудачу.

Его авторитет в глазах собеседника достиг наивысшей точки.

— Десятка, и он в твоих лапках-царапках.

Августин, не раздумывая, сунул в бюстгальтер «кренделька» хрустящую банкноту.

— Дверка за углом в конце этого коридора. Написано «Не влезай, убьет», — пропел «кренделек» и был таков.

5

Дверь была не заперта и, издав протяжный скрип, с готовностью отворилась.

За ней оказался небольшой тамбур и вторая дверь, посолиднее, над которой горела тусклая красная лампа в ржавом решетчатом кожухе.

Августин переступил порог и подошел ко второй двери. Первая совершенно бесшумно закрылась за его спиной.

Почувствовав движение воздуха, Августин обернулся и понял, что попал в примитивную западню. «Открываемся, значит, со скрипом, а закрываемся тихонько», — нервно подумал он и, махнув на все рукой, дернул за округлую хромированную ручку второй двери.

Эта, конечно, оказалась запертой. В толще стены раздался какой-то утробный кашель, перешедший в сонный хрип. Наконец мрачноватый голос спросил:

— Ты надпись на двери читал?

— Читал, — ответил Августин, ища глазами источник звука.

— Веришь, что убьет?

— Верю, — нетерпеливо ответил Августин.

— Тогда заходи.

«Ё-моё, — пробормотал Августин, — играются тут в командный пункт НОРАД, точно дети малые». На самом же деле его нервы были на пределе. В Веселом Квартале оказалось чересчур весело.

Щелкнул автоматический замок, и дверь тихо отошла в сторону, открывая взгляду Августина просторное и очень грязное помещение.

На потолке горел длинный ряд неоновых ламп. Под ногами шуршали обрывки старых афиш. На одном из них Августин прочел «DJ», на другом — «Lyashka».

Поперек комнаты до самого потолка громоздились стойки старой виртуальной станции «IBM-Dreamloader».

У стены стояла обитая вельветом кушетка с несколькими отчетливыми подпалинами от бычков.

В дальнем углу тревожно сияли первозданной чистотой шикарный розовый унитаз, биде и опрокинутая набок душевая кабина. Новенькая сантехника составляла разительный контраст с интерьером комнаты и наводила на странные мысли. «Может, у Ляшки хобби такое, перед сном унитаз зубной щеткой драить», — подумал Августин и посмотрел себе под ноги. Что ж, скомканные пачки из-под сигарет и презервативов, «битые» инфокристаллы, мятое белье унисекс и шприц, гордо воткнутый прямо в расположенный арбуз, что лежал посреди комнаты, дополняли живописную картину.

— Заложи на срач и топай сюда, — пригласил голос из-за консоли.

Августин не стал спорить. Он покорно обогнул консоль и... увидел то, чего совершенно не ожидал увидеть.

Во-первых, там было на удивление чисто. Ни тебе синтетического мусора, ни примет морального разложения.

Во-вторых, сам диджей Lyashka был похож скорее на интеллектуального студента-анархиста, нежели на записного наркодьявола, извращенца и садомазохиста со страниц бюргерского журнальчика «Красавица и умница», где в особом разделе «Правда жизни» дамочек потчуют оной, не скупясь на черную краску.

На нем была серая водолазка и едва потертые для солидности брезентовые штаны с огромными накладными карманами из набивного ситца — последний писк клубной моды.

Вместо апельсиново-желтого парика или четырех кельтских кос его голову украшал короткий серебристый ежик с двумя аккуратными флюоресцирующими аквамарином полосами. Да, преслову-тый Хмырь оказался седым. Или крашеным под седину — в этом не то что Августин, сам черт не разобрался бы.

Хмырь сидел во вращающемся кожаном кресле. Его взгляд скрывали от Августина очень старые, начала века BP-очки с выносным микрофоном и прикрученной к ним с помощью липкой ленты небольшой видеокамерой.

Сейчас радужный объектив видеокамеры был направлен прямо в лицо Августину. А на столе рядом с Хмырем стоял... Августин едва не разрыдался от умиления... Стоял архаический электронный компьютер. Да, точно, Duo Teragertz выпуска 2011 года!

— Садись, — сказал Хмырь, радушным хозяйским жестом указывая на сверкающий чистотой пол под ногами Августина.

— Благодарю, — кивнул тот и, прекрасно понимая, что правила игры здесь диктует отнюдь не он, сел на пол, скрестив ноги по-турецки.

— Одно из двух, — сообщил Хмырь, пристально разглядывая Августина при помощи видеокамеры. — Либо ты не легавый, либо ты

умный легавый. Но умных легавых не бывает и, следовательно, ты — не легавый.

Августин догадался, что видеокамера Хмыря работает по меньшей мере в трех диапазонах — оптическом, инфракрасном и рентгеновском — и всех своих гостей Хмырь буквально насквозь видит. Не исключено также, что в ней находится устройство дистанционного сканирования бета-ритмов мозга и, таким образом, прилада Хмыря является заодно и детектором лжи.

Короче говоря, врать не стоило. Хмырь производил впечатление человека, который способен три часа рассуждать о преимуществах тонического стихосложения перед силлабическим, а потом выпустить своему собеседнику кишки с помощью «Унимага». С такими лучше быть правдивым.

— Ты почти угадал, — кивнул Августин. — Я либо легавый, либо не легавый. Все зависит от того, кем считать сетевого полицейского.

Хмырь хохотнул.

— Ты — сетевой полицейский?! И на что ты надеешься после этого?

— На то, что ты не опозоришь честное имя своей конторы и толкнешь мне добрый «форсаж» Джирджиса с хорошими хаками.

Хмырь посерьезнел.

— «Форсаж» Джирджиса... С хорошими хаками...

Камера испытующе впилась в переносицу Августина. «Всем, всем нравится хороший антропос Августин и все жаждут узнать, что у него внутри», — подумал он, изо всех сил стараясь не отвести взгляда. Эх, трудно оставаться спокойным, ожидая в любой момент поймать пулю в грудь или лазерный луч в затылок.

— Скажи лучше, — заговорил наконец Хмырь, — за каким хреном все вы лезете в Утгард?

Проницательность Хмыря не удивляла. Удивляло другое.

— А кто еще лезет в Утгард?

— Ну это за сугубо дополнительную.

— Пятьдесят, — брякнул Августин наобум.

— Давай, — неожиданно легко согласился Хмырь.

Хмырь принял от Августина деньги и с чарующей легкостью ударил по клавиатуре своего «Терагерца». Пискнул принтер, и в руках Августина оказалась терпко пахнущая распечатка фотографии человека, сидящего на полу в той же позе, что и он сам, Августин. Ну да, понятно. Зря у него, что ли, видеокамера? Он заодно и базу данных клиентов ведет.

Складывая листок вчетверо и засовывая его в карман, Августин для проформы спросил:

— И давно он заходил?

— Да минут за двадцать до тебя, — пожав плечами, ответил Хмырь. — Но, как говорится, ближе к телу. Есть тут один изысканный «форсаж». Делал для доброго друга. Друга больше нет, а вот «форсаж» остался. Штука.

— Штука? — присвистнул Августин.

У него не было с собой даже двух сотен, но такие тонкости детектор лжи не ловит.

— Она, родимая, — раздраженно подтвердил Хмырь. — Если будешь брать, полтинник скину. На такси. И — краями.

— А откуда мне знать, что это рабочий «форсаж», а не кусок гипсовой блевотины? — тянул время Августин.

— Ты теперь знаешь как меня найти, — пожал плечами Хмырь. — Зачем мне лишние проблемы?

— Покажи, — потребовал Августин.

— Покажу. Только сперва сдай мне свою уродскую пилочку с остатками кровянки. Только не говори, что порезался, когда ногти подпиливал. У тебя группа крови другая.

Да, камера была рентгеновская. И инфракрасная. И черт знает еще какая. С встроенным гемоанализатором, что ли?

Хмырь получил пилочку, которую небрежно бросил на стол, а Августин — заветный металлический цилиндр размером с одноразовый стаканчик.

Открутив крышку, он увидел внутри нечто, похожее на развитой кустистый коралл — стандартный блок виртуальной станции. Все то, что превращает человека в напичканного автоматическими пушками киборга или в бесплотный дух, владеющий магиями трех ступеней, у этого скромного на вид коралла находилось внутри. Так запросто его, разумеется, не увидишь.

— Послушай, Хмырь, я что-то не соображу... У тебя в какую сторону пробор-то? В левую или в правую?

— Чего? — Хмырь инстинктивно дотронулся до макушки.

Августин, за секунду до этого превратившийся в сжатую пружину, выпрыгнул вперед и вверх из такого положения, из которого приличному человеку даже не встать. Впрочем, на то, чтобы не путаться в собственных ногах, Августин потратил не один час своего свободного времени...

Охранная система Хмыря работала неплохо. Но все-таки лазерный луч ударил по пустому месту и, отразившись от специального защитного покрытия — вот почему пол был таким чистым, едва ли не полированным! — ушел в черную воронку улавливателя, на которую Августин уже давно кидал косые взгляды.

Сильный, на совесть поставленный Сергеем Гаспаровым удар Августина должен был выключить Хмыря часа на полтора-два. Но вместо теплой плоти диджейского горла его кулак встретил пустоту, под которой обнаружился лишь твердый металлический стержень каркаса.

Что-то мерзко хрустнуло, посыпались искры. Серая водолазка Хмыря потекла сполохами помех. Спустя секунду его тело растаяло как дым.

«С-сука!»

В опрокинутом кожаном кресле восседал ажурный каркас, снабженный виртуальными очками, двумя типовыми манипуляторами — они изображали руки — и речевым синтезатором. Все остальное было голограммой. Очень хорошо исполненной в техническом отношении, но все же голограммой!

— Я привык заботиться о своей безопасности, — раздался за спиной Августина торжествующий голос. Поскольку никаких предупреждений вроде «не оборачиваться» не последовало, Августин обернулся. Страх получить пулю в затылок был сильнее страха получить пулю в лицо.

Голографический Хмырь не был виртуальной копией Хмыря настоящего. Скорее уж проекцией сладких грез последнего.

В пяти шагах от Августина стоял низенький урод, который не приснился бы редактору рубрики «Правда жизни» в его самом страшном кошмаре.

Левая половина лица Хмыря была обожжена или, точнее, сожрана каким-то экзотическим кожным заболеванием. Длинные засаленные волосы двумя ровными крыльями спускались на его плечи. Глаза у Хмыря были маленькими, колючими, блудливыми. В общем, с такой внешностью самое умное — навеки переселиться в ВР.

Зато в левой руке Хмыря сверкал отличной сталью длинный ствол полицейского «смит-и-вессона». Самое надежное оружие всех времен и народов, не чета ультрамодным изыскам с пластиковыми гильзами или какой-нибудь жидкой гадостью вместо пороха...

В правой же руке Хмыря в лад его смертоубийственному оружию поблескивал металлический цилиндр. Такой же точно, в каком за минуту до этого ковырялся Августин в надежде полюбоваться «форсажем». За спиной Хмыря чернел темный прямоугольник потайного хода.

Хмырь ухмыльнулся, заметив тень отвращения, мелькнувшую на лице Августина.

— Да-да-да, дорогой мой покемон-спайдермен, шаолинь недорезанный. I am that I am* — и другим не буду. А вот это — настоящий «форсаж», который ты получил бы, если бы вел дела как нормальный парень, а не как придурочный кидала. Я не жулик и не убийца. Но, дорогой мой, есть добро, и есть зло, и есть грань между ними. Ты переступил ее и теперь ты на стороне зла.

В разговорчивости Хмырь явно не уступал героям иных интерактивных сериалов. Августин почувствовал себя неуютно в «придурочных кидалах» (хотя для иронии у Хмыря были все основания). И попытался зацепиться за высокие материи:

— Воистину есть добро и есть зло. Но где найти им меру? — закатив глаза к потолку, пасторским голосом спросил он. — И где провести ту грань, о которой ты говоришь?

Хмырь по-крысиному хихикнул.

— Мне нет в том нужды, ибо я есть высшая мера всех вещей. И потому...

Августин понял, что диспут подходит к концу. Ситуация была патовой. Оставалось достойно встретить смерть.

Впрочем, что это значит — «достойно встретить смерть» — Августин не имел ни малейшего понятия. А потому он попросту опустил глаза — чтобы не отравлять последние мгновения своей жизни созерцанием Хмыря.

Глядя в пол, Августин принялся молиться. Молился он как умел — то бишь старательно воспроизводя молитву «Отче наш», заученную еще на школьных уроках «Закона Божьего», как можно ближе к оригиналу.

Однако на небесах быстро вняли неумелым августиновым молитвам.

Откуда-то сверху раздалось оглушительное шипение. Ровный прямоугольник потолка испарился быстрее, чем Августин успел сказать «аминь».

На пол между Августином и Хмырем приземлился человек в оперативной форме Черного Спецназа с автоматом «Мистраль» наперевес. И Хмырь, все же выстреливший в Августина, попал в спецназовца.

Армированный бронежилет из полифертиловых волокон был рассчитан на многие пакости судьбы, но, увы, не на пулю из архаи-

* Дословно: «Я есть то что я есть» (*англ.*). В православной традиции принят перевод: «Я есмь Сущий» (Исход; 3:14).

ческого «смит-и-вессона». Из груди бойца брызнула кровь и его тяжелая, обвешанная амуницией туша потеряла равновесие и завалилась на пол, увлекая туда же находящегося сзади Августина.

Из-под потолка прогрохотала длинная очередь «Мистраля».

Хмырь, разрезанный пулями пополам, упал, наводняя пространство вокруг своей гнилой кровью, хлеставшей одновременно из одиннадцати сквозных ранений. Вслед за товарищами в комнату спустился еще один спецназовец. Бросив суровый взгляд на убитого товарища, он замер, настороженно прислушиваясь.

Потом он подал условный знак, и в комнате появились еще двое.

6

Витасик и Семен, известные завсегдатаям клуба «Каннабис-Суперсекс» как Спец и Лапа, остановились перед дверью с надписью «Не влезай, убьет!».

— А Хмырь не обидится? — спросил Лапа с сомнением.

— Он еще спасибо скажет, — успокоил его Спец, выщелкивая обойму. Он уверился, что она полна, и вставил ее обратно.

— Тогда попрыгали, — сказал Лапа.

Они вошли в тамбур, Спец достал из-за пазухи плоскую коробочку с магнитной присоской и прилепил ее на дверь. На коробочке имелись сенсорные кнопки. Спец сделал умное лицо (то есть прищурился) и нажал кнопки в одной ему ведомой последовательности. Дверь бесшумно отворилась.

Первым, что увидел Спец, была голова Хмыря в луже крови. Вторым — склонившийся над диджеем-хакером человек в черной форме с автоматом «Мистраль». Он, по-видимому, шарил по карманам Хмыря, но убедиться в этом доподлинно мешала консоль компьютера. Спец высадил в него половину обоймы.

Комната взорвалась стрельбой. Лапа был убит сразу же, Спец прикрылся его телом и уложил еще одного.

На семнадцатой секунде перестрелки восьмимиллиметровые пули «Мистраля», срикошетив от унитаза в углу, оторвали Спецу левую руку. Теряя сознание от адской боли, Лапа в последний раз нажал на спусковой крючок...

7

Августин прислушался. Было тихо, если не считать тихого журчания, которое доносилось откуда-то со стороны двери. Августин сбросил с себя тяжелое тело спецназовца и, с радостью

отмечая, что его собственная одежда чудом осталась чистой, поднялся на ноги.

В берлоге Хмыря он обнаружил семь тел — возможно, среди них были и живые, но это его интересовало сейчас менее всего.

Кроме тел, в комнате имелись четыре автомата и три пистолета. После колебаний, которые длились не более секунды, Августин поднял «смит-и-вессон» Хмыря и сунул его себе за пояс.

В луже крови валялся заветный «форсаж». Августин поднял и его. Осторожно отер от крови и спрятал в карман.

Потом покосился на хмырев «Терагерц». Посетители, база данных...

Подобрав бесхозный «Мистраль», Августин снял с пояса одного из спецназовцев полный магазин и до последнего патрона высадил его в опрятную белизну системного блока.

Потом Августин направился к потайному ходу, из которого каких-то две минуты назад появился Хмырь, и нажал единственную кнопку, обнаруженную им на стене.

8

В лесу, окружающем водохранилище, на берегу которого располагался релаксационно-оздоровительный центр «Байкал», царила непроглядная тьма. Было тихо. Только изредка треснет веточка под чьей-то неосторожной ногой или по кронам деревьев проползет лиственный шепоток.

Но если бы над центром внезапно зажглось солнце, случайный путник, заблудившийся в полуночном лесу, мог бы наблюдать совершенно неожиданную, сюрреалистическую картину.

Лес был полон людей, мужчин и женщин, одетых в просторные одежды. Десятки, сотни людей. Босые ступни неслышно ступали по траве.

Лесные гости не боялись темноты, не боялись наткнуться на ствол дуба или оцарапать лицо о низкие ветви елей. Они двигались плавно, как призраки. И в их перемещениях, на первый взгляд хаотичных, угадывалась гармония некоторого высшего порядка. Они двигались словно бы в медленном, текучем, изменчивом танце, то высоко поднимая колени, то стелясь над самой землей ласковым морским бризом.

Этот сонный танец длился долго, пока вдруг не оказалось, что все, кто пришли в лес, собрались на краю большой поляны. И тогда в руках у людей появилось оружие.

Армия Хотоя продолжала учения.

Глава 5

ТРИНАДЦАТЫЙ ПОДВИГ ГЕРАКЛА

1

Томас слишком долго сидел в машине и оттого потерял всякие остатки воспитанности.

Августин резко затормозил возле коттеджа на окраине города. Не успела дверь отвориться, как пес вырвался на свободу и принялся оглашать окрестности гулким лаем.

— Томас, тихо!

Но пес и не думал повиноваться. Он носился возле калитки и самовыражался, как мог.

— Сэр Томас, вашу мать! Заткнетесь вы наконец или нет?! — прикрикнул на него Августин, колдуя над панелью-привратником.

«Хозяйка не может принять вас», — пропело устройство приятным женским сопрано.

Выходит, Ксюши нет дома. В противном случае сообщение было бы другим: «Хозяйка отсутствует». И это как раз означало бы, что Ксюша на месте.

Все ксюшины штучки он знал как свои пять пальцев. Августин привстал на цыпочки и заглянул за ограду.

Свет не горит. «Где, интересно, она шатается по ночам?» — буркнул себе под нос Августин, закуривая.

Но не успел он спрятать зажигалку в карман, как на глаза его легли две ладони. По всему телу Августина пробежала легкая нервная дрожь. На лбу выступила предательская капелька пота. Совершенно неподконтрольная реакция! Августин мысленно выругался — ведь это были всего лишь прохладные Ксюшины ручки. Такие любимые, такие знакомые.

— По-моему, ты злоупотребляешь виртуальным насилием, дорогой мой Августин. Стал такой нервный! — Ксюша по-сестрински быстро чмокнула его в губы.

Откуда она взялась — Августин не понимал. Но сам факт ее появления был более чем отрадным.

«А сама-то ты чем злоупотребляешь, сладенькая моя?» — хотелось спросить Августину, пока они шли к крыльцу по усыпанной бледно-голубым гравием садовой дорожке. Но он сдержался.

* * *

Первая женщина Августина (конечно не по счету, а по статусу), эстетское существо из иного мира — мира элегантности и неги, любила духи с запахом гвоздики, настоящую итальянскую граппу и мазурки Шопена.

Большинство других, не стоивших особого упоминания женщин Августина, в своих пристрастиях колебались между шампанским, не выходящим из моды диско и дезодорантами, «дарящими ощущение свежести».

Итак, Ксюша любила граппу. И Августин поил ее граппой при каждом удобном случае.

Когда бутыль была опустошена наполовину, Августин понял, что затягивать застолье не следует, неровен час Ксюша просто заснет у него на плече, с мечтательной улыбкой на устах. Он непринужденно подошел к двери и затворил ее, оставив Томаса скучать в гостиной.

— Потанцуем? — спросил Августин, и Ксюша, уткнувшись в его шею своими мягкими губами, молча выразила свое согласие.

Все, что произошло дальше, напомнило Августину сумасшедшее свидание с пантерой — по крайней мере, на уровне ощущений сходство было разительным.

Теплая волна вожделения лениво поднималась откуда-то снизу, от основания позвоночника, лишая Августина воли, планов и опасений. Мягкие, рассеянные прикосновения Ксюши захватывали его естество целиком, не оставляя места для цинизма, воспоминаний, слов «вчера» и «завтра». Ее рука неспешно поползла вниз и... и... забуксовала где-то на уровне гульфа.

— Ну ты прям как маленькая, — шепотом заметил Августин. Ксюша, сама робость, безуспешно трудилась над застежкой-акулой на его джинсах.

Августин помог нетрезвой девушке справиться с задачей.

— Вот видишь, все так просто...

Вместо ответа Ксюша заливисто расхохоталась тем ни с чем ни сравнимым хрустальным смехом, каким умеют смеяться только женщины, душу которых переполняет желание.

Не слишком спортивному Августину не составило большого труда взять легкую, без единой жиринки, Ксюшу на руки и, прислонив ее спину к кудлатой медвежьей шкуре, украшавшей стену, войти в нее так, как никогда, никогда, никогда не бывает в ВР. Под длинным струящимся ксюшиным платьем из лимонно-желтого синтетиче-

ского шифона не было ничего, кроме прохладного тела, источавшего пряный аромат гвоздики.

Но и этого было вполне достаточно.

Августин закурил.

Кондиционеры отреагировали мгновенно, и вот уже невесть откуда взявшийся ветерок утащил первые клубы сигаретного дыма за решетку вентиляционного отверстия под потолком.

За дверью обиженно скулил Томас — он не любил, когда его исключали из приятного общества. Но ни Ксюша, ни Августин Томаса не слышали. Каждый был занят своими мыслями, своими ощущениями.

Ксюшино платье, ценой в половину банковского счета Августина, сытым лимонно-желтым питоном валялось на полу.

Августин глубоко затянулся, залюбовавшись модельным совершенством форм своей обнаженной подруги. А что — с таким телом тебя в любом модельном агентстве ждут с распростертыми объятиями! Не хочешь, Ксения? И правильно делаешь! Ну их к такой-то матери, сутенеров этих модельных!

Ксюша погладила его волосы и улыбнулась. В отличие от нее Августин был по-прежнему одет — трикотажный кардиган кое-как прикрывал грудь, одна штанина нелепо болталась на его ноге. На то, чтобы раздеться, у него как обычно времени не хватило.

— Послушай, солнышко... Вот ты никогда не жалеешь о том, что не можешь любить меня иначе?

— Это еще как? — игриво спросила Ксюша.

— Например, в аватаре тигрицы. Или пантеры. Это было бы просто непередаваемо! Неописуемо! Невообразимо! — Глаза Августина блестели.

— Сколько можно тебе повторять: ВР закрыта для меня навсегда! Я убита до смерти, причем давным-давно, — недовольно проворчала Ксюша. — Таким образом, твое предложение противоречит всем сетевым законам. И кому как не тебе должно быть об этом известно.

— Но ведь есть и другие способы, — не унимался Августин. — Некоторые инициативные люди не желают отказывать себе в виртуальных радостях даже после убийства!

— Как раз таких психов Салмаксов вербует в свою партию, — отмахнулась Ксюша.

— При чем тут Салмаксов? Они хотят, но не могут. Мы будем действовать по-другому. Мы будем хотеть и мочь! — Августин торжественно вскинул руку с сигаретой, как Статуя Свободы — факел.

И, понизив голос, продолжил:

— Сегодня я купил себе «форсаж». Это несложно и даже не очень дорого. Теперь я смогу повысить класс своего аватара и буду — ни много ни мало — Джирджисом! Так вот, если ты хочешь, я сделаю так, что ты сможешь входить в ВР вместе со мной. А потом...

— Потом — суп с котом, — рассмеялась Ксюша. — Я боюсь. И хотя мне безумно хочется познать тебя в аватаре тигрицы или, если угодно, Шемаханской царицы, я не могу на это пойти. Это очень нехорошо — говорила мне в детстве бабушка — нарушать законы, которые не ты придумал. И вообще, давай не будем о ВР, — жалобно попросила она. — Посмотри, ты весь вспотел.

Ее длинные пальцы скользнули под кардиган Августина. Пуговицы, одна за другой, стали высвобождаться из петелек и мокрая грудь Августина вдохнула кондиционированную прохладу. Вдруг пальцы Ксюши нащупали костяную бляшку с лодочкой. Августин встрепенулся.

— Ах да, рыбка моя, совсем забыл сказать тебе спасибо, — Августин скроил самую благодарную мину из всех, на которые был способен. — Это был сюрприз. Честное слово. Спасибо за подарок.

Ксюша смотрела на него в полном недоумении.

— Подарок? — переспросила она. Глаза ее были широко раскрыты. — Какой еще подарок?

Улыбка сползла с лица Августина. Конечно же, к появлению этой вещицы на его шее Ксюша не имеет никакого отношения. Это было бы слишком просто.

Августин, развалившись на низкой тахте, лениво курил, наблюдая за тем, как Ксюша стелет постель.

В большинстве жилищ это скучное, по мнению многих, дело уже давно было переложено на плечи обслуживающих установок типа «будуар», которые справлялись с простынями и подушками ловко, быстро и без сбоев. Но некоторым — и к их числу, безусловно, относилась Ксюша — нравилось стелить постель собственноручно.

Ксюша не была домохозяйкой-технократом, чокнувшейся на идее механизировать, компьютеризировать и автоматизировать все, до чего ты в состоянии дотянуться.

Ксюша была дизайнером.

По крайней мере, так она представилась Августину. Действительно, многое в ее доме намекало на занятия искусством. Объемный принтер. Трехмерные адекваты Гогена и Матисса. Обои а стиле чайна-нуво. Умопомрачительная меблировка — натуральное дерево, натуральная кожа, натуральные цветы! И совершенно необъяснимый черный куб в углу гостиной.

Ксюша была старше Августина на четыре года. Ему всегда нравились женщины, превосходящие его по возрасту. Это правило не знало исключений. Хотя бы на месяц — но старше.

Ксюша была красива и одевалась со вкусом, хотя Августин знавал модниц и похлеще. Ксюша много работала — и это не было позой. К вечно озабоченным женщинам-трудоголичкам Августин тоже успел привыкнуть за двадцать восемь лет своей жизни.

«Если женщина не вскакивает среди ночи с криком «Я забыла отчитать свою секретаршу!» или «Из-за тебя мне пришлось пропустить важное совещание!» хотя бы раз в две недели, значит, она либо проститутка, либо студентка. И к первым и ко вторым следует относиться с подозрением. «Первые хотят денег, вторые — замуж», — учил Августин не столь искушенного Сергея.

Ксюша проводила на службе очень много времени. По крайней мере за последние два месяца, что длилась их связь с Августином, каждое третье из назначенных свиданий срывалось по причине ее занятости. Но Ксюша не выглядела ни загнанной, ни усталой. Может быть оттого, что, в отличие от большинства «рыбок» и «солнышек», с которыми до нее знался Августин, она не проводила по шесть часов ежедневно в виртуальном мире.

Ксюша была умна. Разговорившись с ней однажды в фойе Второго Большого Театра, он убедился в том, что ее интеллектуальный индекс едва ли ниже его собственного. Фантастика! Она даже знала, что такое «алетейя»! Единственным человеком, замеченным Августином в подобной осведомленности, был он сам, отраженный в зеркале ванной комнаты.

После фойе был ресторан в Чайнатауне (Августин знал, что еще в начале века он назывался Китай-городом). После ресторана — прогулка на катере. А после — любовь, разговоры на французском, споры и снова любовь.

По уверениям Ксюши, ее работа не была связана с компьютерами, сетями и системами обеспечения ВР. Но зачастую она говорила на эти темы словами профессионала. Для дизайнера мебельной фирмы ее знания были слишком обширны, наблюдения — чересчур глубоки, а опыт — до неприличия внушителен.

Это всегда настораживало Августина, но настоящее дознание он так никогда и не вчинил. По большому счету ему было плевать. Ксюша была нежной и ласковой. Ее губы были податливы, волосы шелковисты... Помимо прочего Августин считал Ксюшу непревзойденной затейницей по части любовных услад. Женщине, которая обладает таким ценным качеством, можно простить все. Даже привычку скрытничать.

— Спокойной ночи, милый! — Ксюша зевнула, устроившись калачиком на водяном матрасе.

Послав ей воздушный поцелуй вместо «спокойной ночи!», Августин подошел к стеклянному столику, на котором в беспорядке громоздились наскоро состряпанные холодные закуски, одноразовые тарелки с недоеденной снедью, пустая бутылка с сивушным запахом граппы, едва початая бутылка с резким запахом виски и разновеликие бокалы.

Утомленная ласками Ксюша мгновенно заснула. Только Августин был бодр, словно выхлебал только что целый термос кофе! Давал себя знать адреналин, по выработке которого организм Августина в тот день превзошел две месячные нормы.

Августин наполнил самый большой бокал крымским виски «Гордость Севастополя» и залпом осушил его.

Напиток обжег пищевод и привычно шибанул в голову. Иных снотворных Августин не признавал.

Когда Августин поцеловал Ксюшино плечо, он был пьян как извозчик. Люди с пистолетами. Амулет неведомого происхождения. Хмырь, он же Ляшка. Замечательный «форсаж», который он опробует завтра же. Пантера на райском острове. И соленый привкус опасности на губах.

2

— Все мы знаем, что такое Социальная Республика Сол, господа. Выпьем же за Социальную Республику Россия! — Щюро торжественно вознес свой бокал над столом.

Его примеру последовали генерал Воронов и лидер Социальной Партии Справедливости Ефим Салмаксов. Хрустальный звон бокалов повис в воздухе и бесследно исчез в шумопоглотителях.

Их вечеринка проходила в ресторане «Московские Звезды», где для высоких гостей был забронирован весь Египетский зал. На столе красовалось много выпивки и совсем мало закуски. Для высоких гостей всегда накрывают именно из этого принципа, ибо предполагается, что пожрать можно и дома.

Высокие гости не боялись быть услышанными — в зале они были одни.

Охрана не мозолила глаза, хотя ее было предостаточно. И вооружена она была так, что могла без труда остановить танковый батальон.

Подслушивающих устройств они тоже не боялись. Ресторан «Московские Звезды» полностью прослушивался ведомством Воронина. Ну а своя рука, как известно, владыка.

Черные оливки, вымоченные в молодом греческом вине, рыбный салат «Каир» (из рыбы с романтичным названием «принцесса Нила»), молодой овечий сыр из Салоник, анчоусы под вишневым соусом «Хатшепсут», тонкие и ломкие крекеры «Ершалаим», которые так славно хрустят на зубах. Вот, пожалуй, и все, чем закусывали в тот вечер.

— Понедельник — великий день, — Салмаксов привык говорить напыщенно. Пафос не покидал его даже на приватных вечеринках. — В понедельник будут вершиться судьбы России. Либо на державном небосклоне земношара взойдет новая звезда, имя которой Социальная Республика Россия, либо...

— ...либо не взойдет! — оборвал его Щюро, который терпеть не мог патетики. В особенности же он терпеть не мог, когда патетичен был кто-либо, кроме него.

— Вздрогнем, господа, — разрядил повисшую грозовой тучей паузу генерал Воронов.

Бокалы снова встретились над вазой с черными оливками.

Пока шампанское текло по пищеводам в желудки вершителей судеб России, каждый из них думал о своем.

Генерал Воронов — о полковнике Шельновой.

Венедикт Щюро — о предстоящей презентации Асгарда, которая должна состояться с большой помпой в демонстрационном зале ГУМа.

Ну а Салмаксов вспоминал того чертовски симпатичного молодого человека, одетого вполне по-мужски, которого он встретил три часа назад в трансвестай-зале дискотеки «Сладкая Ж», где он, Рубиновая Фея, был, вне всяких сомнений, самой безбашенной, самой сногсшибательной мурены вечера.

Шампанское — не лучшая смазка для доверительной беседы. Это знал Щюро. Это знал и Салмаксов. Но именно генерал Воронов первым предложил оставить «шипучку» в покое и перейти на классическую русскую водку. Его предложение было встречено с энтузиазмом. Стопки тут же наполнились «беленькой».

— Ладно, ребята, — начал Щюро. — Мы здесь для того, чтобы еще раз обкатать план нашего Апокалипсиса.

— И решить, кто какую часть Апокалипсиса возглавит, — генерал Воронов улыбнулся собственной удачной остроте. Ему нравилось слово «возглавить». Даже больше, чем старорежимное «расстрелять».

— Я думаю, что никаких изменений в план мы вносить не будем. Вы, генерал Воронов, возьмете на себя консервные банки, начиненные дерьмомитом...

— Вы имеете в виду крылатые ракеты? — переспросил Салмаксов. Шипучий хмель ударил по самому чувствительному органу Ефима — по башке.

— Именно, — отрезал Щюро. — Я буду координировать все, что касается распродажи чипов «Асгард». Не стану акцентировать ваше внимание на том, что это, несомненно, самый сложный и ответственный участок предстоящей работы. Попробуй втюрить эту коробочку тысяче человек одновременно! А вы, Ефим, — Щюро посмотрел на Салмаксова с плохо скрываемым презрением, — будете краснобайствовать. Митинги, пикетирование, выступления перед прессой, побольше возмущайтесь, побольше обещайте. Словом, как обычно. Имейте в виду, если вы проиграете после всего того, что я уже сделал для вас и после того, главного, что я сделаю для вас в понедельник, можете считать себя утонувшим в собственной мраморной параше. Понятно?

— Понятно. — Салмаксов захрустел крекером. Брутальные словеса Щюро не отражались на его аппетите. Со временем можно привыкнуть и не к такому.

3

Молодой, отлично сложенный мужчина лежал в виртуальной капсуле. Рядом с капсулой, устроив большую умную голову на передних лапах, отдыхал ньюфаундленд.

На груди мужчины, то разгораясь неярким светом, то вновь угасая, покоился Оберег Воина. На голову ньюфаундленда было надето уродливое кустарное приспособление, благодаря которому пес мог принимать полноправное участие в опасных грезах своего хозяина.

С виду все было хорошо, если не считать вялых поскуливаний пса и крохотных капелек пота, выступивших на лбу молодого мужчины.

Ни пес, ни человек не могли слышать, как на крыше их дома приземлились два хищных черных геликоптера. Из них вышли шестеро людей, одетых почти в одинаковые костюмы, и, спустившись ровно на один лестничный пролет, очутились перед дверями квартиры номер триста девятнадцать.

Из-под просторных пиджаков появилось оружие.

Визитеры отошли от двери на некоторое расстояние.

Один из них направил на дверь широкое жерло шаровой пушки. И дверь исчезла в аккуратном всплеске холодного пламени.

Ни человек, ни пес не слышали этого. Они были сейчас слишком далеко. Их чуткие уши прислушивались к звукам иных опасностей.

Двое остались снаружи, четверо скользнули в квартиру. В человека и в его пса были разряжены четыре полных магазина. И даже Оберег Воина был бессилен отвести от несчастных поток свинца. Увы, Оберег Воина охранял своего хозяина в том мире, где пребывало его сознание.

Тело мужчины истекло кровью слишком быстро — умирающий так и не понял, что произошло.

А вот ньюфаундленд умирал долго и мучительно. Он скулил, скреб лапами и судорожно метался по полу. Один из людей закинул за спину автомат, достал крупнокалиберный пистолет и милосердно добил животное двумя выстрелами в голову...

Хотой вышел из транса. Не случившееся сегодня случится завтра.

Глава 6

УТРО ПОКИНУТОГО МУЖЧИНЫ

1

«Семь часов одна минута», — сказал будильник.

Августин закрыл голову подушкой.

«Семь часов две минуты, молодой человек».

Августин открыл глаза. В спальне Ксюши было солнечно.

«Семь часов три минуты. И если вы думаете, что я оставлю вас в покое, то вы глубоко ошибаетесь», — в голосе, которым общался с сонным Августином будильник, прорезались стервозно-климактерические интонации.

Ксюши рядом не было.

Вероятно, она встала раньше и теперь готовит завтрак. Августин принюхался. Все напрасно. Воздух был стерилен. Ничто в нем не намекало на гренки и яичницу с беконом.

Августин встал. Главным образом для того, чтобы утихомирить будильник. Томас, мирно спавший у кровати, потешно зевнул.

— Ксюша! Солнце мое! — позвал Августин, но никто не откликнулся.

Он обошел все комнаты и заглянул в подвал. Ксюши не было.

Ее автомобиль стоял в гараже, но это, строго говоря, ничего не значило.

Наскоро позавтракав, Августин оделся и вышел на улицу. Он был немного обижен. Смыться после ночи любви, даже не сказав «доброе утро», — это как-то нечестно.

Августин, как и всякий мужчина, признавал право действовать подобным образом только за собой.

2

Вавилонское столпотворение. Тысячи людей. Все орут. Все брызжут слюной и требуют. Беснуются. Вопят. Пенсионеры, домохозяйки, безусые молодые люди. Девушки из пригородов. Подростки. Убитые до смерти.

— Не хотите бороться вместе с нами? Тогда оставайтесь позорными крысами! И питайтесь объедками с их виртуального стола! — вещал человек на трибуне.

Рекламных цеппелинов в безоблачном московском небе сегодня было особенно много. Не менее трех десятков. Те же туши, что несли рекламу ВИН. Только лозунги поменялись.

«Голосуйте за Салмаксова!»

«Салмаксов — спасемся!»

«ВР для каждого: это сделает Салмаксов».

«Салмаксов — он подумал за тебя».

— Если твои мозги набиты дерьмом, ты не понимаешь что происходит! Они лишают нас доступа в ВР только потому, что какие-то психи убили нас однажды! Но мы не отступим! Если вы отдадите свои голоса мне, я поставлю этих протраханных сволочей из ООН на место! Я наведу порядок во всех Координационных Центрах! — Оратор в желтом пиджаке истерически потрясал сжатым кулаком.

Толпа вяло неистовствовала. Люди, много людей. Гидра с тысячью головами. Гидра без мозга — ее мозгом был Салмаксов. Гидра без голоса — ее голосом был Салмаксов.

— Выборы послезавтра. Знаете ли вы, что это значит? Это значит, что, если вы не проголосуете за меня, все эти вонючие американосы, хачики, япошки, хохлы, жиды и чурки будут заправлять вами безраздельно! Они будут заколачивать гвозди в ваши головы! Они будут трахать ваших детей! Они будут жрать вашу еду и мочиться в ваш чай!..

Августину стало до одури противно. «Трахать детей...» — «Мочиться в чай...» Ай да япошки!

Ему хотелось убраться с этой бесноватой площади как можно быстрее, но машина ехала так медленно! Очень медленно. С такой скоростью он не доедет до Меркурия и за восемьдесят тысяч лет...

Движению мешали толпы сумасшедших, запрудившие прилегающие к площади улицы.

Августин включил режим «субмарина», наглухо запечатав окна своего автомобиля.

«Если присмотреться, все они не лучше киборгов», — пробурчал Августин, проползая на скорости десять километров в час сквозь хвост скандирующей толпы.

«Фамилию Салмаксов не очень-то удобно скандировать. Целых три слога, не отличающихся благозвучием. Сал-мак-сов. Это дурно. Иное дело Щюро». Августин почувствовал невероятное облегчение, когда его машина вышла из радиуса действия динамиков, изрыгающих потоки говна с высокой, очень высокой трибуны.

3

— Дома!

Августин вобрал в легкие синтетические запахи родной квартиры и улыбнулся.

«Что ни говори, эти зеленые пригороды — изрядное дерьмо. Природа, птички-кустики... А толку? Они не дают человеку ощущать себя в центре событий!» — заключил недовольный Августин, описывая привычную траекторию — через всю кухню к окну. Именно это окно ассоциировалось у него с «центром событий».

Отсюда каждый раз было видно приблизительно одно и то же. Менялось только количество рекламных цеппелинов компании ВИН. В хорошую погоду их было больше. В плохую — меньше. А городской пейзаж претерпевал лишь небольшие изменения. Да и те были сезонными. Есть снег, нет снега...

Снега не было. А рекламных цеппелинов Августин насчитал аж восемь штук.

Он представил себе как, должно быть, кроют сейчас по матери ВИН-корпорейшн пилоты вертолетов, которые пробираются к посадочным площадкам, расположенным на крышах небоскребов в центре Москвы. Августин и сам был не прочь совершить над городом пару-тройку вылетов. Но это было весьма дорогим развлечением. «Быть может, в следующем месяце, если премию дадут», — мечтательно подумал Августин.

«Завтра — это значит Асгард!»

Серебристый бок неповоротливого цеппелина прополз прямо у него перед носом. Августин картинно сплюнул и открыл баночку с пивом, предварительно похищенным из суперфризера.

Он собирался войти в ВР через полчаса. Мог бы и раньше. Но ему нужно было собраться с мыслями. Августин не стал кормить Томаса как обычно. И тому были веские причины.

— Сэр Томас, сегодня вы отправитесь в ВР вместе со мной. Как вы на это смотрите?

Томас ответил ему дружелюбным рычанием.

— И если вы в Виртуальной Реальности будете вести себя недостаточно хорошо, мне придется оставить вас без обеда, — серьезно сказал Августин, почесывая мохнатую холку симпатичной псины.

Мысль войти в ВР за компанию с Томасом пришла в голову Августина давным-давно.

Еще три года назад он, тогда еще младший лейтенант сетевой полиции, обладатель плохонького аватара класса Агасфер, сконструировал приставку к своей альфа-станции, которая позволяла псу, подключившись к ВР, под одним регистрационным номером с ним попасть в виртуальный мир.

Два года назад были куплены детали, без которых проект не мог найти себе реализации. Но до дела руки дошли лишь два месяца назад, когда Августин усовершенствовал конструкцию, содрав схему одного блока из полулегально добытой документации к секретной разработке концерна «Эфрикэн Нейроникс».

Месяц назад, разжившись деньгами, он купил еще один кулек железок, которые, увы, обладали печальным свойством морально устаревать быстрее, чем сводки новостей.

Но наконец установка «Томас-1» была готова. Пожалуй, запатентовав ее, Августин мог бы выручить немалую сумму. Если бы только сетевые законы не запрещали вход в ВР животным, детям, сумасшедшим и «всем остальным субъектам, которые не в полной мере контролируют свои действия».

По поводу последней формулы Августин мог только развести руками. В домене.Ру, особенно в кластерах Республики Сол, попадались такие «субъекты», что само существование этой формулы подмывало признать прямым следствием юридического слабоумия творцов Конституции ВР.

Томас был сообразителен и понятлив, да и свои действия контролировал получше иных двуногих. Но он не был человеком, а оттого протащить его в ВР значило совершить тяжкое преступление. Однако именно в этот день Августин решил наплевать на все сетевые законы.

Сегодня или никогда. Раз уж он сам, убитый на время, входит в ВР с помощью совершенно нелегального «форсажа», можно прихватить и Томаса.

Среди миллионов аватаров, которые предоставляли ВР-шопы пользователям, были, разумеется, и псы.

Человек становился псом со всеми вытекающими последствиями. Таксой он мог пролезть в укромную нору. Ротвейлером перегрызть глотку своему противнику-бультерьеру. Ну и вне зависимости от породы приобретал замечательный нюх!

Августин был совершенно уверен в том, что его сообразительный Томас, оказавшись в аватаре Малинового Пса, быстро поймет что к чему.

— Только не вздумай лаять, когда у тебя спросят твое имя! — бросил Августин псу, извлекая устройство «Томас-1» из заветного тайника.

Перед тем как войти в ВР, Августин набрал номер сотового вифона капитана сил спецназначения «Перун» Сергея Гаспарова.

— Привет, Серж... — начал Августин, когда на экране появилось озабоченное лицо Сергея.

Изображение едва заметно подрагивало. На Сергее была оперативная форма «Перуна». У него было очень сосредоточенное, «служебное» выражение лица, а его волосы трепал безжалостный ветер, поднятый вертолетными винтами.

За спиной Сергея виднелся борт вертолета, там суетились несколько перуновцев. Двое сержантов, видимо, только что прервали разговор со своим командиром и теперь вежливо поглядывали в сторонку.

— Не хотел тебе мешать, Серж.

— Ерунда. У тебя чего такая рожа перепуганная?

— В самом деле? Перепуганная? — замялся Августин, лихорадочно соображая, стоит ли подробно останавливаться на событиях, которые имели место вчерашним вечером. Наверное, действительно перепуганная. — У меня тут не то чтобы неприятности, но что-то наподобие...

— Рассказывай! — потребовал Сергей, знаками призывая сержантов отойти подальше.

— Расскажу. При личной встрече. Я чего, собственно, звоню. Ты заходи сегодня, Серж, по свободе вечерком.

— Ха-ха, Августин, «по свободе вечерком»! «По свободе вечерком» я смогу только послать тебе воздушный поцелуй с борта «Змея». В одиннадцать ноль-ноль мое дежурство начинается. Так что рассказывай сейчас.

Августин был раздосадован. Ну не может же он ляпнуть в открытый эфир, что был вчера свидетелем убийства Хмыря, что стибрил у него «форсаж» и собирается сейчас идти геройствовать в Утгард! Августин покачал головой и сказал:

— Сейчас не получится. Могу сказать только, что в целом все нормально. Волноваться нечего. Никто пока не наехал.

Сергей посмотрел в объектив сотового с заметным недоверием.

— Ты уверен?

— Почти.

— Ну тогда жди послезавтра вечером... Но, может, еще поговорим. Ты-то на борт «Змея» никак не дозвонишься. А я может тебе еще и позвоню...

— Идет, — вымученно улыбнулся Августин и помахал товарищу рукой.

4

В тот день у Августина не было и не могло быть дежурства.

После того, как склонный к немудрящим философствованиям киборг в Утгарде едва не вышиб из него мозги, дежурства Августина закончились на долгий календарный месяц.

Убитые на время полицейские ждут всего месяц, в то время как рядовые граждане — три месяца, полгода, год, а порой и дольше. Но месяц без ВР — слишком сильное испытание для психики. И Августин не хотел испытывать свои нервы на прочность.

«Беззаконие так беззаконие, — успокаивал себя Августин. — В конце концов, те ребята, что засели на Аваллоне и караулят самую сексуальную особь семейства кошачьих, тоже не с Конституцией ВР под мышкой расхаживают. А если и расхаживают, то только затем, чтобы было что в сортире полистать».

— Итак, сэр Томас, поздравим друг друга с первым противозаконным входом в ВР. Я теперь — матерый нарушитель. Ничем не лучше Локи. Такой же бандит, как он. Покупаю за деньги виртуальную несправедливость! Я теперь тоже играю не по правилам, и любой мой коллега-полицейский, любезный сэр Томас, может пристрелить меня, имея на то полное моральное право. Если только у него получится. Попробуй вот так — возьми и застрели Джирджиса с тучей аватаров и отборной магией!

Томас выслушал Августина, не обронив ни звука. Наверное, он был согласен со своим хозяином. По крайней мере, возражений не последовало.

«Ах черт, совсем забыл!» — Августин хлопнул себя по лбу ладонью и заспешил в прихожую.

Он никогда не проверял замки на дверях.

Он даже никогда не использовал сигнализационную систему.

У него нечего было украсть, и на его памяти никому не приходило в голову покушаться на жалкие ценности из его жилища. Но пос-

ле вчерашнего вторжения, результатом которого стало появление костяного амулета, он изменил свое мнение насчет мер предосторожности.

Все замки были заперты, защита включена. Августин помедлил немного и придвинул к двери тумбочку с огромной и бессмысленной хрустальной вазой — бабушкиным подарком. Мало ли что?

— Полезай в капсулу! — скомандовал Томасу Августин и, спустя две минуты тридцать одну секунду две сущности, зарегистрированные Марьинским Координационным Центром как один пользователь в аватаре класса Джирджис, очутились в зоне включения Амстердам.

5

В 2051 году Хотою должно было исполниться тридцать шесть лет.

Иногда он выглядел на двадцать, иногда — на шестьдесят. Саама освобождает человека от власти времени.

Когда Хотой был юн и неопытен, когда еще был жив его брат, виртуальный мир манил его с той силой, с которой способна манить мужчину только женщина. То было во времена «бронзового века» ВР, когда законы были слабы, люди в ВР — дики и неграмотны, а квазигосударственные образования вокруг зон включения еще не сложились. Он искал в виртуальном мире любовь, а нашел смерть.

Когда Хотоя убили до смерти и он потерял доступ в ВР, он горевал и бесновался. Он ругал себя за пагубное пристрастие к виртуальному миру, но отвыкать от него не собирался.

И тогда он решил найти абсолютный доступ в ВР. Назло Олафу Триггвассону.

Он знал, что издревле шаманы и колдуны его народа употребляли для перемещений по Мировому Древу снадобье, носившее имя «саама».

Секрет зелья был давно утерян, но это не значило, что утерянное нельзя найти!

Он проштудировал тома о триптаминовых препаратах. Он прочел библиотеки о прогулках по Мировому Древу (которые в научном мире предпочитали называть «трансперсональными» и «кросстемпоральными» перемещениями). И лишь после этого отправился на родину, в город со странным названием Сангар.

Хотой искал сааму.

Хотой исходил все окрестности Сангара в радиусе двухсот километров на своих двоих. Он был внимателен и прилежен. Он не знал усталости. Употребив вовнутрь несколько грибов, формой похожих на обрубок кошачьего хвоста, Хотой говорил с ангелами Апокалипсиса на довольно правильном древнеарамейском языке.

Не то. Обычные галлюцинации.

Добавив к растертым в пыль грибам две капли сока чоли трилистной и съев чайную ложку полученного зелья, Хотой на несколько часов умер.

Придя в себя, он выбросил склянку с соком чоли в форточку и продолжил изыскания. Его энтузиазма хватило бы на десятерых.

Он перепробовал все виды природного волшебства, какие только можно было найти в якутских лесах. Он протестировал все рецепты, какие только упоминали оставившие мемуары колдуны, ведуны, ворожеи и возлюбившие их антропологи-этнографы. В лучшем случае его посещали многозначительные галлюцинации умеренной связности, в худшем — тошнота, куриная слепота, судороги...

И все-таки он ее нашел. Нашел, когда, махнув рукой на колдунов и антропологов, покинул Сангар и уехал в Туву.

Там, в насквозь пропахшей дурманом землянке, над двумя опустошенными бутылками водки «Путин», и прозвучали слова местного шамана. Там, в землянке, Хотой понял все.

Основной составляющей саамы оказался неприметный гриб Secolaria Albaniensis, произраставший по краям лесных гарей.

Чтобы приготовить настоящую сааму, нужно было найти гриб подходящей величины — слишком крупные, равно как и слишком мелкие, не годились.

Затем его требовалось измельчить, высушить в темном месте и сварить вместе с мхом вида Callopa Candidis. Затем полученный экстракт сгущался путем дальнейшего кипячения вместе с соком молочая обыкновенного.

И все. Не считая нескольких слов, произнесенных в нужное время и в нужном месте. Без них полученный препарат годился разве что для молодежной вечеринки с «добрым драгом».

Спустя три месяца Хотой вышел из двухнедельного поста. Он похудел на восемнадцать килограммов. Но его глаза сияли — он чувствовал, что миг его торжества близок, как никогда. Он положил под язык небольшой, размером с кукурузное семя, кусочек саамы.

Через четыре секунды саама вошла в его кровь. И Двери распахнулись.

Он знал куда идти. И даже знал, благодаря тувинскому шаману, в каких словах следует просить помощи у нового поводыря. Саама признала его.

И повела.

Бестелесный, представленный одним лишь ветром Хотой внезапно оказался рядом со своим братом — странноватым, эксцентричным человеком, который отшельничал в самом глухом углу Яку-

тии. Одни считали его сумасшедшим. Другие говорили, что он сторожит спрятанные в чаще несметные сокровища. У Хотоя никогда не было своего мнения, хотя, казалось бы, кому как ни ему следовало это мнение иметь.

Хотой успел как раз вовремя — он видел все.

Выстрел из крупнокалиберного ружья разворотил ребра и вырвал его брату сердце.

Четверо уголовников взяли то, за чем приходили, и убрались восвояси. Лицо стрелявшего Хотой запомнил очень хорошо.

Итак, первым, что он увидел за Дверями, была смерть его брата. Смерть, помешать которой он, бестелесный путешественник, не мог. Тогда не мог...

В отличие от большинства своих синтетических и натуральных сестер, саама не лгала. То, что проделывала она с сознанием, не имело ничего общего с фантазиями и галлюцинациями.

Благодаря знакомству с ней Хотой получил доступ во многие далекие миры. И не его вина, что первым миром, распахнувшим навстречу ему свои недобрые объятия, оказался мир алчности и насилия.

Значительно позже, когда следы убийцы брата привели Хотоя в Москву, он воспользовался саамой, чтобы попасть в Виртуальную Реальность.

И что же?

Любознательный Хотой был чертовски разочарован.

Поиски саамы сделали свое дело. Он непоправимо повзрослел. И солнца виртуального мира больше не казались ему неотразимо привлекательными. Видал он светила и поярче — теперь ему было с чем сравнивать.

Глава 7

АМСТЕРДАМ В ОГНЕ

1

ВР тем и хороша, что за время твоего отсутствия в ней могут произойти самые невероятные вещи.

Виртуальный мир беспрестанно меняется. Вдобавок он не ленив. Каждый день он поворачивается к тебе своими новыми, неведомыми гранями.

Никто не может утверждать, что знает ВР как свой родной город. И в этом смысле ВР демократична. И Джирджис, и Адам чувствуют себя одинаково — странниками в странном краю, перелетными птицами, гулкой пустотой.

Здесь незачем пахать и сеять. Здесь нет необходимости строить. Здесь незачем вить гнездо и обустраивать свой дом.

Ты знаешь, что за время твоего отсутствия вся твоя «частная собственность» может быть предана огню. От построенного тобой дома не останется камня на камне. Твой сад выкорчуют. Твой бассейн завалят навозом. Фонтан заткнут. Ну и что?

2

«Не вызывает сомнений, что тот хаос в ВР, который наблюдается сегодня, довольно быстро закончится. Точно так же, как племена кроманьонцев когда-то научились объединяться, ограждать подходящие холмы высоким частоколом и, спустя некоторое время, назвали себя Египтом, Вавилоном, Спартой и Римом, точно так же зоны включения рано или поздно будут обнесены стенами из черного стекла, десятиметровой брони, железобетона и, объединяясь в зависимости от предпочтений пользователей, назовут себя княжествами, герцогствами и империями. И тогда бесконечная и утомительная вакханалия убийств и разврата, которая сейчас царит в ВР, будет упорядочена в рамках «законных» правительств и «справедливых» войн.

Мы не можем иначе. Нам нечего повторять и нечего воплощать в виртуальной сверхдействительности, кроме собственной истории и химер нашего подсознания».

Олаф Триггвассон. «Страннее, чем рай»

3

Восточные кварталы Амстердама пылали, словно нефтяные промыслы, над которыми потрудилась эскадра стратегических бомбардировщиков.

Социальная Республика Сол развивала успешное наступление на кластер З.Ам.Ру.

Во главе республиканской армии стоял могущественный Зу-л-Карнайн. Джирджисы командовали легионами. Гильгамеши были в основном на должностях центурионов — наводили порядок в войсках, состоящих из Агасферов и Адамов — традиционного пушечного мяса.

Зу-л-Карнайн Республики счел нужным захватить Амстердам. И Амстердам был почти взят. Когда Августин и его пес пробудились к новой жизни в своей зоне включения, бои шли на улицах города.

Основные силы Республики Сол были сосредоточены близ сорок третьего шоссе, по которому на Амстердам выдвигались все новые и новые когорты.

Республика переоценила мощь Герцогства. Сил было явно с избытком. Судя по всему, сопротивление не было долгим.

Кто знает, сколько солдат Герцогства оказалось убито до смерти на улицах, сколько было убито на время, а сколько из них сейчас отсиживалось по подворотням, мечтая лишь об одном — тихо дождаться планового выключения?

Республика Сол с ее политическими заездами на тему «все поделить» и упорным стремлением занять все зоны включения, была Августину глубоко противна.

В бытность свою полицейским Августин не давал волю своему отвращению, ибо от сетевого полицейского требовалось в первую очередь отсутствие всяких политических симпатий.

Теперь же вся ненависть к республиканцам вскипела в Августине, словно вулкан, который спал до времени лишь для того, чтобы дождаться Часа Икс — часа, когда начнется смертоносное извержение.

4

На третьей минуте своего пребывания в ВР Августин принял на плечо косой удар сабли.

Двое ребят в аватарах польских гусаров начала девятнадцатого века напали на него сразу по выходу из Корпуса Включения.

Томас, на помощь которого рассчитывал Августин, замешкался позади, пытаясь освоиться с новым телом.

Впрочем, Августин справился с обидчиками быстрее, чем его четвероногий товарищ успел прийти ему на помощь. Гусары были всего лишь Агасферами-подранками. Не им сражаться с новеньким Джирджисом.

Августину пришлось расстаться и с аватаром йомена, и с морфом «Робин Гуд».

Это аватары Августина-полицейского — человека, выбывшего из игры на месяц. Для Августина-нарушителя нужно было придумать кое-что покруче и позатейней.

Московский всадник XIII века, сменивший не только аватар, но и сетевое имя — теперь он звал себя Яруном, — был статен и весьма привлекателен.

Он имел на себе кольчатый панцирь и нагрудные доспехи, состоящие из соединенных вместе колец и пластин — они образовывали подобие рыбьей чешуи. В руках снова был самострел — Августин все же не мог расстаться со своей самой большой любовью. А на ложе самострела находилась короткая стрела — «болт», которая в ВР прошивала насквозь даже гранитные колонны, не говоря уже о человеческом мясе.

Шлем на голове Яруна был украшен золотыми и серебряными накладками с причудливым орнаментом, а сзади и с боков к нему была прикреплена кольчужная сетка, призванная защищать шею и плечи. Композицию довершал не слишком длинный, но надежный меч, который покоился в ножнах у него на поясе.

Любитель древней истории Сергей Гаспаров, если бы ему случилось увидеть Августина в столь странном облачении, непременно отметил бы, что меч, доставшийся Яруну, носит название романского и является, как и самострел, очевидным анахронизмом. Настоящий московский всадник, аватар которого пришелся по вкусу Августину, мог расхаживать лишь с так называемым каролингским мечом, который имеет меньшую длину и большую ширину клинка. Но Сергея не было рядом. А потому, некому было помешать Августину насладиться собственным совершенством. Кроме, разумеется, двух польских выскочек.

Сабля отскочила от кольчатых сочленений его доспехов. И Августин, выпуская на свободу льва своей ненависти к республиканцам, коротким, без замаха, ударом тяжелого сапога уронил придурка на брусчатку.

— Ах ты козел! — изумился второй гусар, наставляя на Августина пистолет. — Ты чего?! Сдавайся на милость Социальной Республики Сол!

— Пошел ты, — отмахнулся Августин.

Гусар, недолго думая, нажал на курок. Щелкнул увесистый кремниевый замок, мелькнули несколько прозрачных искр. И все. Сферическая пуля, способная разнести в клочья пол-аватара Августина, так и не покинула ствол.

— Что, порох сыроват, пся крев? — с убийственной иронией осведомился Августин, не без гордости подмечая, что магия второй ступени и впрямь дает отличные результаты.

Гусар отшвырнул бесполезную «пистолю» и обнажил саблю.

Августину было недосуг. Болт, с быстротой молнии покинувший ложе его самострела, отправил гусара на землю, блевать кровью.

Тем временем первый гусар пришел в себя, подобрал саблю и стал потихоньку подниматься.

В этот-то момент на месте происшествия появился Томас. Красный пес, лохматый, словно медведь гризли, и свирепый, словно акула, дал о себе знать громоподобным лаем.

Два прыжка — и вот уже острые зубы вцепились в горло гусара-неудачника, а когтистые лапы рвут на нем опрятный голубой с золотом костюм! Августин не раз слышал миф о том, что ньюфаундленды — самые миролюбивые собаки в мире. Что укусить человека для них — как для человека взмыть в небо, помахивая крылышками. Но уже не в первый раз Августину выдалась возможность убедиться: его ньюфаундленд в этом смысле особенный. А может быть, бабка Томаса попросту согрешила с питбультерьером?

Сабля гусара валялась поодаль. Совершенно бесполезная игрушка.

— Томас хороший мальчик, — поощрил его Августин. — Пока его хозяин занимался грязной работой, он вычесывал блох, а теперь примчался делать вид, что на нем держится вся сетевая справедливость!

Томас на секунду оторвался от поверженного гусара и повернул голову вполоборота к Августину. Чтобы лучше слышать.

— Хватит, короче, — приказал Августин. — Идем, а то еще привыкнешь к человечине.

Августин не был циником. Но его любимый город, его Амстердам, еще вчера утопавший в цветении тюльпанов, голубых и синих, сегодня погибал в пламени огнеметов! И это было делом рук республиканских легионеров, гусаров, ландскнехтов. Тупых оловянных солдатиков в чьих-то стратегических лапах!

Они отправились дальше — Августин и Томас. В этой великолепной паре был лишь один изъян: всадник-московит не мог оседлать красную псину и поэтому был вынужден идти пешком.

Сэми. Это первое, о чем вспоминал Августин, попадая в виртуальный мир лейтенантом сетевой полиции Джонни Джармушем.

Но и для воина с исконно славянским именем Ярун это имя по-прежнему значило многое.

По загаженным, залитым кровью улицам Августин и его верный пес следовали в знакомую английскую гостиницу — сколько сладостных свиданий с милой Сэми помнили ее стены, обшитые мореным дубом?

Скорее всего, размышлял Августин, Сэми уже вошла в ВР. Так, по крайней мере, у них обычно водилось. Значит, она уже ждет. Но в сердце Августина теснились дурные предчувствия. Ждет ли?

Предчувствия его не обманули. Когда воин в кольчуге поднялся по скрипучей буковой лестнице в комнату, «принадлежащую» Сэми, он нашел ее покинутой.

Просторное ложе, укрытое шерстяным пледом — сколько страстных поцелуев оно помнило? — было обильно орошено кровью. Два сломанных стула, перевернутый комод (в нем Сэми хранила свои чудные кисейные платья), в чане для умывания пробита дыра величиной с кулак — не иначе как неленивый Гильгамеш кислотой плюнул...

В углу дымило подожженное кресло, его спинка была сплошь увита дивными резными узорами с танцующими амурчиками. Кресло Августин видел впервые — впрочем, нелегкая занесла его из интерьеров соседней гостиницы, выполненной в стиле «Луи XIV», всего несколько часов назад...

Августин выругался и выбежал во внутренний двор.

«Сэми наверняка сменила аватар на какой-нибудь более воинственный. Конечно же, она сражается сейчас с ублюдками из республиканской армии. Ее не убьют до смерти. Этого просто не может быть!»

Августин успокаивал и утешал себя, как мог. Впрочем, ему с трудом верилось в собственные утешения.

«Ее не убьют. Я помогу ей», — повторял он, словно это была чудотворная мантра.

Во внутреннем дворе было многолюдно.

Рукопашная — нередкий в ВР случай. Хотя оружия на руках у дерущихся обычно больше чем в ином арсенале, мордобой с незапамятных времен остается в особом почете. Ведь в ВР все не так, как в жизни. Здесь даже самый хилый имбецил может почувствовать себя черным поясом. Немощь, болезнь и слабость не вхожи в виртуальный мир. Кто ж откажется поиграть заемными мускулами?

Трое морских пехотинцев — те самые дешевые Агасферы, которых Августин проучил совсем недавно — вступили в неравную схватку с разномастной солдатней в эсэсовской форме. И были биты.

Августин даже не пробовал им помочь. Помогать было поздно. По всему было видно, что жить морпехам осталось не более двух минут. Республиканцы от них не отцепятся, пока не выбьют все кредиты до последнего...

Стоящий рядом с Августином Томас в полном недоумении взирал на происходящее, ожидая команд хозяина. Но команд не последовало.

— Сэми! — зычным голосом позвал Августин, с удивлением обнаруживая в себе страсть к старославянским оборотам, настойчиво требующую себе выхода. «Посекоша мечем нещадно» — вот что хотелось сказать ему. Увы, он пока что не находил для этой фразы применения.

— Сэми... Сэ-ми... — повторило эхо, обитающее в подвалах трактира.

Августин был уверен, что Сэми должна быть поблизости. Однажды у него уже была возможность убедиться в том, что после комнаты с широкой кроватью подвал — ее любимое место отдыха. «Может быть, ее ранили и она спряталась здесь. Дожидается планового выключения».

Он распахнул массивную дубовую дверь в самый обширный из подземных залов. Сырой. Темный. Унылый. В таких хорошо держать филиал Пыточного Приказа.

— Сэми! — позвал он.

На сей раз ему откликнулись.

— Я здесь! Помогите!

Сэми не сменила аватар. Все те же рыжие косы. Все тот же зеленый бархат, рукава-фонарики и обольстительное с кружевами декольте. Все та же мушка на правой груди. И кровь. Много крови.

Над Сэми трудились трое парней, одетых немецкими ландскнехтами.

Чумазые, коренастые, бородатые, они больше походили на похотливых животных в разгар брачного сезона, чем на похотливых людей, у которых брачный сезон — круглый год. Однако аватары всех троих животных имели класс Гильгамеш, и с этим приходилось считаться.

— Стоять! Не двигаться! Трансформа аватара запрещена! — с полицейской требовательностью заявил Августин.

— Еще чего?! Коп тоже мне выискался! — буркнул один из них, и кольчуга Августина приняла на себя удар метательного ножа.

Сэми лежала тихо и не сопротивлялась. Она безучастно наблюдала за тем, как один из насильников трудится над ее распластанным телом. На ее лице не было печати страдания. Впрочем, как и признаков удовольствия.

Появление Августина, казалось, ничуть не смутило насильника. Он даже не подумал остановиться, а может, остановиться уже не получалось...

Болт Августина выбил из него изрядно кредитов, но это не помогло. Приаповы чресла ландскнехта работали уверенно, словно отдельный, хорошо отлаженный механизм, чье функционирование не могут нарушить ни боль, ни опасность. Чух-чух-чух. Будто локти старинного, конца позапрошлого века паровоза.

— Послушай, ты, Иванушка-дурачок, — прокаркал бросивший нож ландскнехт, обращаясь к Августину, — если ты хочешь эту девку, — он указал своим заскорузлым пальцем в сторону претерпевающей под «паровозом» Сэми, — имеешь преимущество. Подожди

чуток — и забирай. В порядке очереди. Мы на ней жениться не собираемся! А будешь рыпаться, я убью ее быстро-быстро. Впрочем, она и сама сейчас сканает. Посмотри, у твоей рыжей не хватает кредитов даже на то, чтобы сменить морф на менее сексуальный...

Второй болт был послан в витийствующего ландскнехта.

— Томас, взять! — скомандовал Августин.

«Злостность собаки Томаса отличная», — промелькнуло в голове Августина, когда четвероногое малиновое чудовище набросилось на стоящего спиной к ним негодяя.

Увы, Гильгамеш не сдается быстро. Удар кинжала заставил Томаса взвыть от настоящей собачьей боли и одновременно с этим рассвирепеть еще пуще.

Августин выхватил свой романский меч, лезвие которого было ровно в метр длиной, и снес болтливому ландскнехту голову, предварительно поупражнявшись в фехтовальном искусстве.

В тот момент, когда фонтан алой крови хлынул из горла ландскнехта, Сэми истошно вскрикнула.

В ее пышной груди торчал кинжал. Сэми хрипела и извивалась, перекатываясь по сырым булыжникам, которыми был вымощен пол подвала, она билась в мучительной агонии, излучая в пространство последний десяток своих кредитов.

Несомненно, она была убита. До смерти или на время — Августин не знал.

Опустошенный увиденным Августин, позабыв о ландскнехтах, наблюдал за тем, как израненное, осквернённое виртуальное тело его подружки тает в желтом с серебристыми нитями мареве.

«Хорошо хоть забеременеть в ВР невозможно», — поежился Августин. Слабое это было утешение.

Наконец желтое сияние полностью погасло. За десять секунд до этого Координационный Центр зарегистрировал соответствующий событию сигнал. Пользователь BET-889-676-021/RUS, аватар класса «Агасфер», морф «придворная дама герцогини Маргариты Английской», убит до смерти.

В этот момент Августин ненавидел ВР всеми фибрами своей души.

5

Третьему ландскнехту удалось скрыться.

Но Августин был не из тех, кто считает месть морально устаревшим заимствованием из итальянских интерактивных сериалов и литературных жизнеописаний кавказских кланов. Он был из тех, кто мстит...

Тела двух убитых ландскнехтов медленно таяли у лап застывшего, словно каменное изваяние, красного пса.

Августин зафиксировал взгляд на своей надрубленной ниже локтя левой руке и сосредоточился.

Чем внимательнее он всматривался в рану, тем явственнее видел — нехотя замедляется кровотечение, тянутся друг к другу разрезанные мышечные волокна, срастается, восстанавливает гладкость кожа.

Всякий Джирджис — неплохой хилер. С большинством стандартных ран он может справиться собственными силами. А консилиум из четырех Джирджисов иногда в состоянии собрать по кусочкам и спасти от убийства до смерти аватар неудачника, разорванного прямым попаданием противотанковой ракеты. Правда, так уж устроены Джирджисы — тратить свое время на неудачников им, как правило, просто лень.

— Томас, найди третьего, — устало сказал Августин, сжимая и разжимая пальцы излеченной руки. Пес ринулся на поиски.

Это было не очень сложно — найти и убить человека, затерявшегося в удушливом подземном лабиринте среди винных бочек и старой рухляди.

Августин справился с ландскнехтом почти так же быстро, как и с его собратом несколькими минутами ранее. Да здравствует форсаж, на совесть сработанный диджеем Ляшкой!

Томас не стал мешать хозяину в этом нехитром деле. Томас был вежливым псом.

Увы, свершившаяся месть не подняла настроение Августина. На душе у него хором выли волки. Ведь Сэми была милой девушкой. С ней было так хорошо и так просто. Она не только умела заниматься любовью, она умела получать от этого удовольствие — редкое умение, даже в ВР... А теперь что? Теперь он едва ли встретит ее снова, а если встретит, то скорее всего не узнает...

«Только дураки говорят, что ВР никто не плачет. Плачет, и еще как», — буркнул себе под нос Августин.

Покидая подвалы трактира, Августин думал и о том, что сам он, скорее всего, остался не узнан Сэми, которая привыкла видеть его в аватаре йомена, а не в аватаре московита класса Джирджис.

«Но в этом даже что-то есть... По крайней мере, сознание того, что ее сетевой любовник не смог спасти ее виртуальную честь, а заодно и жизнь, не будет омрачать ее земные дни», — вздохнул Августин.

Он сделал передышку на узком дощатом балкончике, который украшал второй этаж гостиницы, и всмотрелся в дымные амстердамские дали.

Судя по грохоту и крикам, повсюду в городе шли бои. На сей раз — не на жизнь, а насмерть. Но Августина больше не интересовала судьба «родного» города. Что-то в нем такое надорвалось вместе со смертью Сэми. Тем более что Томас тревожно поскуливал у ног, словно бы напоминая хозяину — пора уходить.

Томас был прав.

Настоящей целью Августина был вход «Утгард-Желтый», добраться до которого следовало как можно быстрее.

Прямо там, на балкончике, Августин с удовольствием сменил свой патриотический аватар на аватар дракона. Теперь он мог позволить себе все, о чем, нервно грызя ногти, мечтал еще вчера, с завистью наблюдая из-за камня за удалыми маневрами проходимца Локи. Теперь и сам Августин был драконом! Подвижным, всемогущим, невозможным!

Он улетал из гостиницы, неся одуревшего от впечатлений Томаса на бронированной спине. Легионеры, гусары, шарфюреры Ваффен СС, ландскнехты — он победил всех.

— И повеси щит свой в вратех, показуя победу, — вслух сказал Августин.

6

Он летел медленно, в четверть силы. В аватаре дракона Августин путешествовал впервые и еще не успел приспособиться к его затейливой аэродинамике. К тому же он ужасно боялся уронить Томаса.

Вот она, равнина, на которой еще вчера стражи сетевого правопорядка пытались уничтожить Локи. Вот она, оранжево-красная «Антиутопия». В отличие от Амстердама, следы недавнего побоища нисколько ее не испортили. Даже, пожалуй, улучшили.

Увы, сполна насладиться улучшениями Августину было не суждено — ему следовало повернуть в сторону Мост Через Ничто, в поля желтого песчаника. Ко входу в Утгард.

— Ё-моё!

Августин вскрикнул, ощутив сильную боль в районе правого бока. Его заднюю драконью лапу свела судорога. Что творится?

В ВР никогда нельзя терять бдительность, расслабляться лучше дома — это Августин прекрасно знал. И оттого ему было вдвойне обидно признать, что, залюбовавшись пейзажем, он досадно проморгал мобильный полицейский патруль. А между тем, этот патруль с ожесточением садил в него зенитными ракетами!

Патруль был точь-в-точь похож на тот, что вел вчерашнюю облаву на Локи. Разве только реальные люди, что стояли за аватарами копов,

были совсем другими. Тех вчерашних — и в этом Августин не сомневался — в ВР не увидят еще по меньшей мере месяц. Ведь все они были сожжены коварной кислотной слюной распоясавшегося террориста.

Полицейские поджидали Августина так же, как вчера поджидали Локи.

Быть может, патрульные пребывают в уверенности, что он, Августин, и есть Локи? У него же на лбу не написано!

Только место для засады было выбрано иное. Патруль теперь располагался там, где вчера заседал полковник Бестужев, бесславно погибший в таком многообещающем поединке. Что, интересно, с ним теперь? Увы, на более детальные размышления о Бестужеве у Августина не оставалось времени.

Он хорошо представлял себе что и как нужно делать. Благо вчера ему посчастливилось наблюдать за маневрами искушенного Локи.

Августин вынес из вчерашнего несколько ценных уроков. Никаких файрболлов. Полицейские сильны своей организованностью. Тут же построят «линию Зигфрида». Никаких прыжков и кувырков через голову. Это требует времени и дает преимущество врагу, который только ждет, пока ты потеряешь темп. И к тому же Томас наверняка свалится со спины при первом же кувырке и достанется полицейским! То-то будет им сюрприз! Так что никаких танцев, виражей, ответных ударов. Главное не ввязываться. У него есть цель. Ради нее стоит поберечь кредиты.

Кластер З.Ам.Ру остался позади. Августин набрал высоту и увеличил скорость.

Но у неба ВР есть свой предел, подобно тому, как у любой комнаты есть потолок. Августин летел, цепляя крыльями потолок виртуального мира, называвшийся «Линией Икара».

Внизу замаячили дальние подступы к «кроличьей норе».

Августин не был уверен, что найдет «нору» сразу, но интуиция подсказывала ему: доступные Джирджису магии помогут ему справиться с этой задачей. Так или иначе, чтобы начать поиски, необходимо было снизиться. Августин не подозревал, что именно в этом маневре — самое слабое место его плана.

О да, полицейские уже были здесь. И они ждали нарушителя во всеоружии.

Плазменный укус заставил его длинный и подвижный кольчатый хвост резко распрямиться. Позвоночник стрельнул в мозг мощным импульсом боли. Томас в остервенении залаял. Но очень скоро лай перешел в отчаянный вой.

«Досталось небось псине, — сочувственно подумал Августин. — Эдак его и до смерти убьют!»

В следующую секунду до него дошло и еще кое-что: коль скоро у них с Томасом один идентификатор на двоих, то, может статься, смерть пса автоматически повлечет за собой и его, Августина, смерть. Впрочем, можно было уповать и на оптимистическую интерпретацию: пока жив он, Августин, Томаса уничтожить вообще невозможно...

Вопрос вызывал интерес как с теоретической, так и с практической точки зрения. Вот только ответить на него было невозможно, не просмотрев полные протоколы Координационного Центра. А ведь *полные* протоколы не живут дольше суток, нет в мире таких гигантских носителей информации...

Но как бы там ни было, требовалось срочно принимать меры.

И меры были приняты.

Июньский ливень ржаво-коричневой слюны пролился на головы мобильного полицейского патруля.

От кислоты не закроешься зонтиком. От нее не спрячешься в окоп. Ее не расстреляешь из гранатомета.

Кредиты начали отскакивать от сержантов-лейтенантов, словно блохи от политого инсектицидом Томаса.

Чтобы поддать жару, Августин заревел во всю мощь, на которую только была способна драконья глотка аватара. Когда он наконец замолчал, полицейские, ни живы ни мертвы, лежали вповалку возле самого входа в Утгард. Оглушенные, обездвиженные. Ведь рев дракона невыносим для обладателей аватаров, имеющих уши.

Чудовище снизилось, и ликующий Томас, заходящийся в бешеном лае, соскочил с его спины на землю.

Августин проводил взглядом исчезающее в бледно-желтом сиянии тело своего бывшего анонимного коллеги. Лежащий у самой его лапы парень, по-мальчишески закрывший голову руками, тоже взялся мутной лунно-желтой рябью. Еще одно убийство? Что ж, он сумел обеспечить Координационный Центр работой на две ближайшие миллисекунды.

— Похоже, сэр Томас, у них просто лопнули барабанные перепонки, — процедил Августин.

Но Томас не слушал его. Он был увлечен чужими запахами чужого мира.

7

Альпийский командный пункт глобальной системы наблюдения «Master's Eye». Трое мужчин — двое постарше и один совсем молодой — сидят в глубоких креслах, сцепив пальцы под подбородком, словно сговорились.

— Совещание считаю открытым, — сказал Мак-Интайр, обводя присутствующих властным взглядом. — Гиллеспи, будьте добры, введите капитана в курс наших дел.

— В русском домене начинается настоящая большая война. Индекс агрессивности порядка двадцати шести единиц по шкале Гогенштalерна. Статистическое распределение активности пользователей со стороны так называемого Герцогства Велес низко как никогда. Количество несанкционированных входов превышает показатели прошлой недели в четыре раза.

Ворэнт-офицер Гиллеспи сделал паузу и налил себе тоника. Трудно тараторить с той скоростью, которая нравится Мак-Интайру. Особенно если не читать по бумажке, что запрещено специальным уложением Интерпола от 15 сентября 2049 года.

— Кроме того, — продолжил Гиллеспи, — нам стало известно, что боевые действия, которые ведутся в домене.Ру по инициативе Социальной Республикой Сол, нельзя назвать корректными с точки зрения сетевых законов. Дело в том, что Социальная Республика Сол обладает несколько большим количеством солдат, чем то, которое получается при подсчете количества пользователей ВР, официально присоединившихся к этому сетевому квазигосударственному образованию.

— Это значит, что там есть, как говорят русские, «mertvye dushi», — пояснил Мэрдоку Мак-Интайр, большой знаток «славянской сетевой души». Он не раз бывал в России как офицер-оперативник Интерпола. На его счету было пять успешных вербовок. Семь романов с русскими балеринами. Тринадцать с половиной ликвидаций. И одно-единственное тяжелое ранение, да и то, можно сказать, не служебного, а частного характера.

— Ясное дело, — брякнул Мэрдок, хотя и не понял, что такое «mertvye dushi».

Гиллеспи выждал положенную субординацией паузу и, убедившись, что старшие офицеры закончили обмен сверхценной служебной информацией, продолжил:

— Но наивно было бы думать, что эти люди из ниоткуда — несанкционированные пользователи. Нет. По моим оценкам, армия СРС сейчас на шестнадцать процентов укомплектована так называемыми «шатунами», то есть аватарами, за которыми не стоят реальные личности. Всем известно, что это нарушение и сетевых законов, и конвенций ООН.

— И кто же фабрикует эти «фальшивые» аватары? — ядовито спросил Мак-Интайр. — Вы выяснили, откуда они берутся? Как они обходят стоп-блоки Координационных Центров?

Мак-Интайр знал, что Гиллеспи известен ответ на этот вопрос. Мак-Интайр работал на публику. На капитана Стэнли Мэрдока. Пусть эти армейцы посмотрят, кто в доме хозяин!

— Мы знаем все, сэр, — Гиллеспи отлично подыграл Мак-Интайру. — Всем известна компания «Виртуальная Инициатива». Ее годовой оборот и прочие объективные экономические показатели — государственная тайна России. Что не удивительно. Но судя по обилию рекламы ВИН в московском небе, на телевидении, в упаковках с чипсами, на бутылках с пивом, на рулонах с туалетной бумагой, да и вообще везде, где в принципе возможна реклама, — они самые наглые, самые зубастые. Подозреваю, когда современные русские дети учатся говорить, они начинают не с «мамы» и «папы». Теперь русские малыши говорят «в лай с вилтуаной инисативой!». ВИН — монополист. ВИН — номер один в сфере виртуальных технологий.

— Это одно и то же, — поморщился Мэрдок. Как и всякий дельный вояка, он не любил демагогии.

— Простите? — переспросил обескураженный Гиллеспи.

— Быть монополистом и быть «номер один». Из первого всегда вытекает второе. А второе рано или поздно влечет за собой первое. В отсутствие государственного антимонопольного регулирования, конечно.

— Вы правы, — пробормотал Гиллеспи и, к радости Мэрдока, поспешил связать свои рассуждения о ВИН-монополисте с данными о росте числа шатунов. — Главное же, что именно ВИН поддерживает Социальную Республику Сол в виртуальных баталиях. Причем поддержка эта имеет особый запах. Она, как говорят русские, vonyaet.

Гиллеспи замолк и поглядел на Мак-Интайра, ища одобрения.

— Хорошо, Гиллеспи, продолжайте, — Мак-Интайр был доволен, но не хотел, чтобы это стало заметно. Поэтому он медленно извлек из кармана гаванскую сигару «Дух Фиделя» и закурил.

— Я утверждаю, что именно ВИН фабрикует фальшивые аватары. Именно ВИН, ее мощности и персонал осуществляет техподдержку шатунов и делают это так искусно, что Координационные Центры игнорируют эти вопиющие подлоги. Собственно, это неудивительно, ведь оборудование для русских Координационных Центров изготовлено на заводах ВИН, а все нейрограммы написаны их скрипторами.

Стэнли Мэрдок старательно прикрыл рот ладонью и зевнул. Разговоры этих пинкертонов действовали ему на нервы с неизбывным постоянством. Он пошел в армию именно для того, чтобы слушать

как можно меньше разговоров. Когда уже Мак-Интайр соблаговолит рассказать о главном?

— Прекрасно, Гиллеспи. Знаете ли вы, чем вам предстоит заняться сегодня вечером? — бесстрастно спросил Мак-Интайр.

— Нет, сэр.

— Примерять погоны лейтенанта к десантному комбинезону. — На лице Мак-Интайра не проскользнуло и тени улыбки.

Глава 8

ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ

1

«Почему я устроил все так, а не иначе? Почему ВР представляет сравнительно узкий спектр возможностей для аватаров? Почему нельзя испытать ощущения сперматозоида в тот момент, когда он атакует яйцеклетку? Почему нельзя стать антициклоном протяженностью в тысячу миль и пролиться на землю ледяным дождем? Почему нельзя воплотиться в стаю железной саранчи и сожрать Солнце?

Потому что все это было бы дешевой ложью. Подделкой. Блевотиной.

Твой мозг не имеет ни малейших навыков восприятия подобных переживаний. У тебя отсутствует опыт управления десятью миллионами членистых лапок одновременно.

Да, у тебя есть кое-какая генетическая память. Да, она позволяет со временем освоиться в теле собаки или дельфина. Да, в силу глубинной сексуальной амбивалентности твоей природы, если ты рожден женщиной, ты можешь стать вполне умелым любовником, а если мужчиной — более чем привлекательной девицей. Эти переживания твой мозг обрабатывает более или менее исправно кроме некоторых патологических случаев абсолютной несовместимости. Ты даже в состоянии управлять аватаром крылатого быка или киборга. Но все бесформенное (как облако), абстрактное (как метеор), множественное (как рой пчел), сверхмалое (как сперматозоид) навсегда закрыто для тебя. Если ты, конечно, легальный пользователь, а не безумец. Потому что есть еще черный рынок, где продаются любые, под-

час смертельные, в первую очередь для самого пользователя, аватары.

А для совершенно сумасшедших сукиных детей существует Утгард».

Олаф Триггвассон. «Страннее, чем рай»

2

Золотой дождь ринул в лишенную атрибутов существования бездну Утгарда.

Сотни крупных тяжелых капель в безмолвии пересекали взвихренную смерчами спонтанности пустоту.

Одна капля была особенно крупной. Настолько крупной, что в ней прекрасно помещалась и чувствовала себя вполне комфортно здоровенная красная псина размером с теленка.

После первого трансового путешествия по Утгарду в Шлейфе Стабильности Локи память Августина сохранила некое интуитивное представление о пути. Или, по крайней мере, так казалось самому Августину. Нам всегда проще приписать себе несуществующие заслуги, чем согласиться с тем, что их истинным автором является некая высшая и недоступная нашему пониманию воля. В этом, к слову, корень атеизма и его просвещенного варианта, агностицизма.

Золотой дождь быстрее мысли миновал бескачественный мир черных рек, преодолел препоны земли неопыленных цветов, безумный домик маленького мальчика без мамы и десятки других, неназываемых безумств.

И каждый раз золотой дождь, повинуясь неведомому и необъяснимому инстинкту, выбирал единственно верный путь.

3

Аваллона больше не было. Ни винноцветного океана шампанского, ни солнца, пародирующего НЛО, ничего.

Золотой дождь почувствовал это, как только его первые капли появились в свинцовых небесах таинственной Зоны Стабильности и, рассекая воздух с оглушительным свистом, понеслись к поверхности безбрежного сине-зеленого океана.

Воды океана были спокойны, словно ртуть, и имели огромную, немыслимую температуру.

Океан был в десятки раз горячее поверхности солнца. Но все же он, в нарушение всех естественных законов природы, не излучал приличествующих температуре инфракрасных волн и не подавал

ни малейших признаков кипения. Более того — невидимый сверхъестественный экран защищал поверхность океана от вторжения всех известных типов зрения. Августин ни на секунду не мог заподозрить его всеиспепеляющих свойств.

«Мама!» — мысленно возопил он, когда авангарды его раздробленного аватара врезались в предательские воды и бесследно сгорели, не оставив ни малейшего следа.

Его спасла только молниеносная реакция полицейского, наработанная долгими годами службы.

Все, что осталось от Августина, молниеносно собралось в золотой шар и повисло в нескольких сантиметрах над страшным океаном.

Шар провел несколько минут в неподвижности. Затем его поверхность возмутилась хаотическими на первый взгляд волнами. Через минуту из шара выдвинулись восемь коленчатых отростков — радарные антенны, а также оптические и ультразвуковые сенсоры — и Августин смог видеть все.

Бескрайняя пустота, по сравнению с которой Вселенная казалась всего лишь надувным шариком в руках ребенка. Августин изучал Зону Стабильности во всех частотных диапазонах и везде находил одно и то же — пустоту.

Потом поверхность шара расступилась и из нее показался красный собачий нос. Сознание Августина включилось в работу чутких обонятельных рецепторов сэра Томаса.

Они принюхивались долго. Наконец несколько молекул неопознанного органического соединения были принесены диффузными ветрами с юго-запада.

Разумеется, юго-запад здесь ничем не отличался от северо-востока. Но Августину из всех сторон света больше всех нравился именно юго-запад. И он воспользовался своим правом первооткрывателя давать вещам какие заблагорассудится имена.

4

Пейзаж был торжественным и мрачным, как католическая заупокойная месса.

Августин никак не мог отделаться от ощущения, будто слышит каким-то третьим ухом доносящиеся с небес каскады божественных секвенций, сыгранных немыслимым виртуозом на самом большом в мире органе.

Скалистый уступ нависал над неподвижным океаном. И на нем, на огромной, буквально заоблачной высоте, стоял тяжеловесный замок.

Массивные каменные бастионы, лишенные бойниц, толстые потемневшие от времени стены и одинокая железная башня в центре.

Зная пристрастия таинственных стражей Зоны Стабильности — без предупреждения гвоздить раскаленной плазмой по всему что движется, — Августин, только еще завидев замок, отгородился от внешнего мира Стеной Иллюзий и увеличил скорость до максимальной.

Это был критический режим, пожиравший жизненные кредиты, как огонь пожирает сухую солому. Но другого выхода у Августина не было. Когда тебя не замечают слишком долго, это обычно свидетельствует о том, что ты сам, раззява, не замечаешь чужого наблюдения.

Золотой шар ударился о выступ скалы со скоростью артиллерийского снаряда и разлетелся на тысячи осколков.

Сэр Томас, для которого заботливый Августин смягчил удар силовой подушкой (магия второй ступени), недоуменно вращал головой, стоя на небольшом карнизе, заранее присмотренном его хозяином для десантирования.

Псина быстро оправилась от неожиданности, сориентировалась и, поразмыслив чуток о приличиях, задрала лапу на черную поверхность скалы. Запротоколировать подобным образом свою антипатию к мрачным красотам Зоны Стабильности Томас счел совершенно необходимым.

— Томас-Томас... — укоризненно прошептал над ухом пса знакомый голос хозяина.

Красный пес-убийца глянул на него острым глазком и радостно завилял хвостом. Хорошо быть глупым!

Аватар класса Джирджис может многое даже в пределах Конституции ВР. За ее пределами он уже почти Господь Бог.

Почти.

Потому что еще ближе к Абсолютному Сущему стоит Зу-л-Карнайн.

«Форсаж» Августина, порожденный демоническим гением Хмыря, стоил, пожалуй, тех денег, которые просил за него безвременно усопший. Если закрыть глаза на некоторые щепетильные обстоятельства этического порядка, стоил даже той крови, которая пролилась за него вчера.

Августин мог не только развоплотиться сам. Ему по силам было развоплотить и своего единственного союзника в этом насквозь лживом, предательском мире!

Поэтому когда в темном подземелье, настолько древнем, что в нем перепрела, перегнила и обратилась в сухую пыль даже плесень,

появились двое бесплотных духов, этому не удивлялись не первый, ни второй.

Тень Отца Гамлета вела с собой страшного пса, чья малиново-алая шерсть поблескивала во тьме гибельными голубыми огоньками. Не иначе как старый датский король повстречался в аду с собакой Баскервилей и решил вывести ее к свету на погибель всему живому.

5

Хотой захлопнул книгу и расхохотался.

Все, кроме Владимира, сохранили абсолютное спокойствие. Триста пятьдесят семь человек сидели в позе алмазной твердости, взявшись за руки и полуприкрыв глаза. Они безмятежно медитировали, образовав две концентрические окружности.

И только Владимир, чья душа все еще пребывала в золотых оковах сансары, не смог сдержаться. Он открыл глаза и довольно беспардонно уставился на своего нового сэнсэя.

Странным, очень странным человеком был этот Хотой.

Его авторитет среди натуралов был сравним разве что с авторитетом первоапостола в общине неофитов. Его жесты, его речь и походка неуловимым образом отличались от привычных Владимиру и, не будь он чужд патетике, он назвал бы их верхом совершенства. Глаза Хотоя, казалось, в каждое мгновение видели больше, чем весь мир, и в то же время в них не было ничего, кроме абсолютной пустоты творящего духа.

При этом Хотой носил европейский костюм. Он говорил по-русски так, что ему мог бы позавидовать ведущий телешоу «Россия светская».

Хотой читал своей пастве вслух. Читал Музиля и Юнгера, Селина и Мисиму, Петрония и Шекспира. Насчет Шекспира он утверждал, что все буддийские тексты по сравнению с ним — палочка для отскребания дерьма. Правда, тот же Хотой утверждал, что Шекспир — напыщенный английский недоучка, много возомнивший о времени и о себе. И что будь его, Хотоя, воля, уж он бы оттаскал Несравненного Копьеносца за усы, дабы сбить с него сугубо английскую драматургическую спесь.

А вот сейчас Хотой громогласно расхохотался до слез. Хотя сам же заявил полчаса назад, что тот сукин кот, который хотя бы пискнет в ходе коллективной медитации на мире во всем мире, не избежит тысячи кальп перевоплощений в теле самого языкастого муравьеда во Вселенной.

Видимо, самого Хотоя эта перспектива не смущала.

— Какой ход! Какая трактовка образа! Какая трансформа! — сообщил Хотой ничего не понимающему Владимиру. — Он Тень Отца Гамлета или Дама с Собачкой?

6

Подземелья замка могли бы свести с ума даже Минотавра.

Кривые ходы, лестницы, бездонные колодцы, на дне которых незадачливого путника ожидали убийственные воды все того же раскаленного океана, бесконечная череда поворотов — и ловушки, ловушки, ловушки...

Если бы Августин и Томас были воплощены, они погибли бы в самом начале своего путешествия.

Но кривые секиры весом в несколько тонн, выскальзывающие из неприметных щелей в потолке, десятизарядные арбалеты, плюющиеся здоровенными стрелами из отдушин, стальные челюсти, схлопывающиеся в аккурат на уровне пояса, — вся эта внешне архаическая, но убийственно мощная техника неизменно поражала пустоту.

Августин и Томас шли отнюдь не наугад. Любой лабиринт, сколь бы сложным он ни был, имеет выход. Иначе это уже не лабиринт, а каменный мешок. Своим трехмерным зрением Августин видел его целиком и ориентировался в нем безошибочно.

Но лабиринт был чудовищно велик. По расчетам Августина, им предстояло провести в нем никак не менее двух часов. Потратить столько времени впустую в свете не столь уж далекого отключения Августин счел совершенно непозволительной роскошью.

Он еще раз сверился с трехмерной картой — карта вращалась перед его мысленным взором ажурной проволочной игрушкой из мешка Санта-Клауса, направляющегося в гости к детишкам из закрытой математической школы для умственно сверхценных.

Они прошли еще четыре поворота, потом поднялись по стоптанным (кем это, интересно?) ступеням винтовой лестницы и оказались в обширном тупиковом зале, имевшем форму положенного набок цилиндра. Пол, однако, был сравнительно ровным, без скруглений — его составляли книги, заполняющие зал примерно на треть.

ВР — реальность, в которой есть место многому. Живым дорогам, струящимся между городами со скоростью двадцать пять миль в час. Исполинским химерам, порождаемым психотической игрой воображения Зу-л-Карнайнов. Султанской любви среди щербетовых ручьев и крестьянской любви на душистом сене. Настоящей жизни и настоящей смерти.

Но в ВР нет места книгам.

Никто, конечно, не запрещает взять из Дохлой Мировой Сети текст книги и заказать ее полную сенситивную копию в ближайшей нейродизайн-студии. С тем же успехом в качестве прообраза можно использовать не цифровой файл, а обычную бумажную книгу — с точки зрения процесса нейрографической виртуализации разницы почти нет.

Изготовление неодушевленного и притом малофункционального нейрообъекта вкупе с его последующей регистрацией в качестве перманентного фигуранта ВР обычно обходится совсем недорого. Особенно если не гоняться за услугами культовых нейродизайнеров (а зачем за ними гоняться ради какой-то разнесчастной книги?), а обратиться в районное представительство дизайнерских сетей «Ярко!» или «Тёма».

Так что теоретически в виртуальный мир можно внести сто один том Encyclopaedia Britannica, карманный толковый словарь арамейского языка, подшивку комиксов о Капитане Либерти — словом, любую книгу, когда-либо порожденную человечеством. Не говоря уже о тех, которые человечеством никогда не порождались.

Но в практической виртуальной жизни так поступают только свихнувшиеся библиотекари, зануды и истребители книг.

Первые до такой степени привыкли проводить жизнь среди источников знаний, что даже в ВР не видят лучшей услады, чем вдыхать вековую пыль со страниц «подлинного» Евангелия Карла Лысого или Роскошного Часослова герцога Беррийского.

Вторые считают, что виртуальный предмет их воздыханий скорее уступит притязаниям человека с вязанкой любовной лирики под мышкой, нежели статному скуластому ковбою, морф «Мальборо Мэн». Или, поскольку одно другому не противоречит, — Мальборо Мэну с вязанкой любовной лирики под мышкой.

Третьи — и в их числе многотысячная когорта политработников СРС — находят особое удовольствие в показательном истреблении любой виртуальной крамолы. Как убедительно горит на площадях республиканских городов «Искусство любви» Овидия! Как приятно погреть руки над «451 градусом по Фаренгейту» незабвенного Рэя!

Поэтому книг в ВР очень мало. По официальной статистике ЮНЕСКО, книг в ВР в сорок одну целую и восемь десятых раз меньше, чем стволов огнестрельного оружия. Не считая оружия холодного, реактивного, огнеметного, плазменного, лучевого, тяжелого, сверхтяжелого и магии трех ступеней.

Августин бегло пробежался своими всевидящими глазами по корешкам и обложкам.

«Бледное пламя», Набоков.

«JAVA REAL plus plus: разработка и программирование нейрообъектов».

«Страннее чем рай», Олаф Триггвассон.

«Сердце тьмы», Конрад.

«Илиада», Гомер.

«Круг Земной», Снорри Стурлуссон.

«Психофизиологические основы работы головного мозга у киборгов», авторский коллектив кафедры технической паталогоанатомии института киберологии РАН.

«Общественные насекомые», Анри Фабр.

И тысячи других.

Все эти книги были Августину хорошо знакомы, потому что всегда занимали почетные места в отцовской библиотеке. Из них он читал только «Бледное пламя» и «Страннее чем рай». Августин вообще не очень любил читать. Зачем, если вокруг столько настоящей жизни?

7

Из окна автомобиля со слепыми стеклами не было видно ничего. Сами стекла, пожалуй, были бы совершенно излишни, если бы не одно требование — автомобиль не должен выделяться среди остальных, а значит, должен иметь и стекла.

Однако водитель легко управлялся со своими обязанностями. На нем был специальный шлем «Визионер», благодаря которому он, получая информацию от устройств внешнего наблюдения, мог прекрасно контролировать действия бортового компьютера. Разумеется, именно компьютер осуществлял управление машиной.

Шельнова была понятлива и сдержанна. Именно поэтому она дослужилась до полковника.

Она не задавала глупых вопросов сопровождающим и не вертела головой. В дороге она развлекалась тем, что наблюдала за своим спутником, который жонглировал двумя зажигалками «Зиппо», взятыми напрокат у водителя. Жонглером он был паршивым. Зажигалки то и дело падали на пол. И салон машины оглашался однообразной руганью.

Когда они наконец прибыли на место, Шельнова радовалась словно ребенок. Вынужденное бездействие всегда ее тяготило. В особенности же бездействие перед началом задания.

— Вы бывали в Утгарде раньше? — спросил ее человек, назвавшийся «референтом своего босса». По информативности это было приблизительно то же самое, что назваться сыном своего отца.

— Нет, — честно ответила полковник Шельнова. — Во-первых, это опасно. Во-вторых, меня не интересуют сбойные среды с коэффициентом стабильности ниже четырех с половиной по шкале Тригтвассона. Я человек рациональный.

— В таком случае вам будет приятно услышать, что настоящего Утгарда вы не увидите.

— Да? — с вызовом спросила Шельнова.

— Да. Из нашей капсулы входа вы попадете сразу в Зону Стабильности. Там нет хаоса. Там порядок.

— Что я должна делать?

«Референт своего босса» не любил, когда задают слишком много вопросов — ему было трудно обдумывать ответы. Впрочем, его держали на службе не за умение обдумывать ответы.

Наконец, поигрывая двумя кубиками для нард (зажигалки попросту надоели), он сказал:

— Все просто. Вы попадете в замок в аватаре класса Джирджис. Проникните внутрь — это не слишком трудно... Мне говорили, вы специалист. После этого найдете зал, который находится на последнем ярусе самой высокой башни. Четыре зарешеченных окна. Колодец в центре. На стенах портьеры. Ваша задача — остаться невидимой и подслушать разговор тех, кто уже будет находиться в этом зале. Как вы это сделаете — меня не интересует.

— Все ясно. Где капсула? — спросила Шельнова, всеми силами пытавшаяся скрыть антипатию к своему инструктору.

— Вы в ней уже находитесь, — ответил «референт своего босса».

И в этот момент кресло, в котором сидела Шельнова, трансформировалось в ложе капсулы, а из его ручек показались полифертиловые оконечности крышки. Оставалось только расслабиться.

— Счастливого путешествия. Постарайтесь дожить до планового выключения, — зловеще добавил «референт своего босса», наклоняясь за упавшим на пол кубиком. «Тонкая» координация движений была вторым слабым местом его натуры — первым, как уже говорилось, была сообразительность.

8

Надежда наклонилась, затем присела на корточки. Ее внушительные груди с крупными сосками почти коснулись пола.

Зад, на котором блестели капельки воды, волновал и манил. Но больше всего возбуждал пук ее роскошных иссиня-черных волос, находящийся в плену у плебейской резинки. Вот если бы их распустить по плечам...

Покатые плечи Надежды пришли в движение, ее белая, мягкая рука с холеными, выкрашенными в смородиновый цвет коготками, подобрала с кафельного пола тюбик с мылом (аромат пачули, стойкий антибактериальный эффект). И Надежда вновь распрямилась.

Щюро истекал потом. Дыхание его было частым и тяжелым. Его руки судорожно сжимали рифленые рукояти руля, ноги исступленно накручивали педали.

Щюро был натуралом.

Натуралом хоть куда.

По утрам Щюро пил молочко из-под коровки с приватной фермы ВИН, а по вечерам питался пророщенным пшеничным зерном с приватной плантации ВИН.

Утром Щюро обегал Главный Корпус, а за ним на почтительном удалении ехал «Хаммер GI», набитый шестью вооруженными охранниками. (Последнее было скорее ритуалом, нежели оправданной предосторожностью — кругом возвышалась несокрушимая стена самовозбуждающегося защитного поля.)

Вечером Щюро дышал животом и занимался любовью с дорогими шлюхами.

Как натурал, Щюро входил в ВР лишь в случае крайней необходимости. Он любил убивать людей с осознанием того, что совершает не какое-то там анекдотическое УС, а настоящее уничтожение жизни — как и его далекие прапрадеды из ведомства Малюты Скуратова.

Три раза в неделю Щюро, чтобы не терять формы, посещал тренажерный зал на восьмом этаже Главного Корпуса. На седьмом этаже находилась женская душевая — ее посещали сотрудницы компании во время сверхурочных.

Это соседство навело в свое время Щюро на гениальную в своей простоте мысль: хороший директор должен знать о своих сотрудниках все, чтобы иметь возможность буквально предугадывать все их желания и чаяния.

Собственно, системы внутреннего наблюдения и раньше пронизывали Главный Корпус насквозь. Но стыдливые инженеры, проектировавшие здание, обошли своим вниманием душевые и туалеты.

При экс-директоре это считалось нормальным. Но Щюро любил каждую мысль доводить до ее логического апогея — отсутствию этого ценного качества бывший директор компании ВИН и был обязан приставкой «экс».

Щюро был натуралом и не очень-то жаловал «все эти телевизоры, головизоры и вонючие психовизоры» — младших братьев столь ненавидимой им ВР.

Поэтому изображение со скрытых камер в душевой посредством весьма недешевых и нестандартных преобразователей подавалось на огромный натуральный киноэкран, занимавший всю длинную стену директорской секции тренажерного зала.

Вошел Пьеро.

После скоропостижной кончины Малинина он временно исполнял обязанности референта. Обязанности его не тяготили. Пьеро вообще был не в состоянии тяготиться чем бы то ни было.

— Вчерашний фараон снова в Зоне Стабильности. Аватар класса Джирджис. Сейчас представлен бесплотным духом, до этого был золотым дождем, в общем почерк явно хмыревский. Еще с ним какой-то придурок в аватаре красной собаки.

— Ну... вот... видишь! — выжимая на спидометре своего псевдовелосипеда заветную цифру «40», пропыхтел Щюро, не отрываясь он киноэкрана. — Все мы... с тобой... пра... вильно... вчера...

Пьеро посмотрел в направлении взгляда своего шефа.

— Не в моем вкусе. Задница тяжеловата, — холодно бросил он.

Щюро грузно свалился с велосипеда на сложенные за его спиной маты и расхохотался.

— Вкусе?! Превосходно, мой мальчик, просто превосходно! И когда только обзавелся этим... как его... вкусом!

Хохот оборвался совершенно внезапно. Щюро стал очень серьезен и спросил:

— Нашли вы наконец его адрес или что?

— Вот именно, — только Пьеро мог себе позволить разговаривать с директором компании ВИН, употребляя обороты вроде «вот именно». — Нашли. Двадцать восемь лет, холост, живет на Большом Арбате...

— Не важно. Мне это, — Щюро сделал особое ударение на «мне», — совершенно неинтересно. Это интересно тебе. Итак, прежний план остается в силе. Раз уж он вломился в Утгард, пусть ломится и дальше. Интересно ведь, в конце концов, до чего они там договорятся. Надеюсь, ушастый воронинский полковник уже там?

— Там. Вот этот полковник, кстати, очень даже в моем вкусе.

— Ты что, сдурел? Твоя сексуальная ориентация...

— С ней все в порядке. Полковник — молодая женщина.

— Хорошо, — сказал ошарашенный Щюро. Он помолчал с полминуты, потом стряхнул навалившееся на него оцепенение и продолжил:

— Так вот. Полковник, то есть полковница, пусть себе слушает. Потом можно выпускать шатуна. А ты сейчас берешь столько людей, сколько тебе самому не жалко, и убираешь этого фараона в реа-

ле. Если хочешь, можешь хоть весь дом взорвать. Это уже не имеет никакого значения.

— Извините, шеф, не вижу логики. Зачем шатун, если через полчаса мы его физически застрелим?

— А на хрена тебе логика, дорогой? Отдыхай и будь счастлив.

9

— Эй вы, сукины дети, наши требования просты! — заорал Алекс в микрофон внутренней связи уцелевшим охранникам, которые — он в этом не сомневался — засели по подсобным помещениям. — Всем покинуть территорию подстанции! Кто не подчинится нашим требованиям — покойник. Клянусь Снарком.

Вчера Алексу неимоверно повезло.

Когда очередь автоматической пушки разнесла вдребезги крыло его легкого самолета, он успел выпрыгнуть из гибнущей машины. Террорист Номер Два приземлился в небольшой, густо заросший ряской пруд, где, надо полагать, во времена оны фермерский кооператив разводил жирных карпов и тучных толстолобиков.

Но, невзирая на ниспосланное ему чудесное спасение, Алекс был зол, как свора голодных цвергов. Теперь у него появилась возможность немного отвести душу.

Штурмовой отряд террористов не стал тратить времени на пустяки.

В первую очередь прицельным электромагнитным ударом были уничтожены средства связи — «ни к чему нам товарищ «Змей» с его головорезами из «Перуна», однако», — пояснил Алекс.

Затем, обезоружив трех мордастых придурков в бронежилетах с трафаретной надписью «ВИН», резавшихся в карты в стеклянной будке контрольно-пропускного пункта, террористы проникли на второй этаж подстанции.

После короткой, но кровопролитной перестрелки был занят пост управления.

— Если кто-нибудь клюнет — хорошо. Если нет — тоже ничего страшного, — пояснил он своим приятелям, стоявшим во всеоружии у единственной двери, ведущей в пост.

Пока Алекс трудился на поприще деморализации охраны подстанции, его товарищ Валюха обезвреживал слушающих во все уши парней Щюро. Пост управления — полдела, главным был все-таки вычислительный центр подстанции. Именно ради него был устроен весь сыр-бор.

Оказать силовое давление на четверку яйцеголовых парней в штатском, к тому же безоружных, не составило большого труда. Через несколько минут Валюха сообщил, что «таможня дает добро».

— Повторяю, — продолжил Алекс, выпуская дым прямо в панель с микрофонами, — здание занято моими людьми. Все, кто будет мешать нам, отправятся на тот свет раньше, чем взлетит на воздух вся эта хибара.

Стоявшие у входа довольно осклабились.

Именно они сделают так, что «вся эта хибара» взлетит на воздух.

В ранце того, что повыше, находились мины, разрушительной мощи которых было достаточно для того, чтобы поднять на воздух три таких подстанции.

Взрывать подстанции, которые поддерживают функционирование Митгарда — несущего слоя ВР, — было основной задачей террористов. Каждая удачно проведенная операция уносила в тартарары (конкретно — в Утгард) изрядный кус виртуального пирога вместе со всей его начинкой.

Но было бы наивным полагать, что боевики Алекса гробили подстанции безо всякого плана и умысла.

Каждая новая жертва вычислялась и любовно изучалась задолго до того, как начинались конкретные действия. И подстанция «Химкинская» была выбрана отнюдь не случайно.

Первое: она принадлежала компании ВИН, с которой у руководства террористической организации «Снарк» были давние счеты, по поводу которых большинство рядовых террористов не могли сказать ничего конкретного.

Второе: «Химкинская» поддерживала адекватное функционирование кластеров 1.Ам.Ру, 2.Ам.Ру и 4.Ам.Ру, где как раз в это время шли особенно ожесточенные бои между армиями Социальной Республики Сол и Герцогства, причем результаты боевых действий были явно не в пользу последнего. Террористы единодушно болели за солдат Герцогства, и многие при случае сражались на их стороне.

— По-моему, пора заканчивать треп, — сказал Алекс.

Двое у дверей одобрительно кивнули.

«Чек-комната очищена», — голосом Валюхи сообщила рация.

Тройка спустилась в самое сердце подстанции. Чек-комната и была тем местом, где сверхмощными нейросерверами осуществлялись операции по синхронизации пользователей, изображения, звука, запаха и сенсорных ощущений на заданном участке ВР.

— Я себе все это как-то не так представлял, — сознался тот, что нес ранец с минами, новичок.

Алекс и его напарник захохотали.

— Именем Снарка приговариваю тебя к Хаосу!

Это была стандартная формула приговора. Спустя четыре минуты тридцать секунд грянул взрыв.

10

«Каково же было мое удивление, когда я узнал, что это место уже существует!

Собственно, этот факт совершенно естественен и, казалось бы, удивляться нечему. Не приходилось сомневаться в том, что найдутся противники моего порядка. Потому что всегда есть порядок и всегда есть его противники. Но я никогда не мог подумать, что они обнаружатся так скоро и сразу предпримут столь решительные действия! Когда я узнал о взрыве Восьмой Мюнхенской подстанции, я понял, что умирать еще слишком рано. И я отложил свою смерть.

Но в то время как терроризм, направленный против мировой Виртуальной Реальности, совершенно естественен, далеко не очевиден тот факт, что в результате подрывов различных компьютеров, работающих на ВР, может получиться что-то стоящее. Утгард. Для тебя, например, это не очевидно. И это верно.

Дело вот в чем. Существующая компьютерная сеть настолько огромна и запутана, что с кибернетической точки зрения ее коэффициент сложности давно уже превзошел Порог Триггвассона, одну из фундаментальных мировых констант. Иногда ее именуют еще Порогом Предсказуемости.

Классическим примером системы, чей коэффициент сложности значительно превосходит Порог Предсказуемости, является человеческий мозг. Ты не знаешь, какая мысль возникнет у тебя через минуту. Тем более ты не знаешь, что приснится тебе следующей ночью, и плохо помнишь то, что приснилось позавчера. Но ты — это ты. Самое забавное, однако, что никакая аппаратура, никакие вычислительные алгоритмы тоже не в состоянии сделать о твоем мозге самый простой прогноз. Да что прогноз! Невозможно понять, что творится у тебя в голове сию секунду. Итак, даже цвергу понятно, что человеческий мозг — штука непостижимая. И что произойдет с твоим конкретно сознанием, если из твоего конкретно мозга время от времени безболезненно удалять маленькие кусочки, тоже ни один цверг предсказать не может.

Компьютерная сеть, которая обслуживает мировую виртуальную реальность, куда сложнее твоего мозга. Хотя бы уже по-

тому, что ей — пусть очень поверхностно — приходится ежедневно разбираться с миллиардом чужих мозгов. И вот появляются террористы. Они взрывают одну из десятков тысяч виртуальных подстанций. Они как бы вырезают маленький кусочек из огромного мозга.

Сеть нейрокомпьютеров — организм саморегулирующийся, самообучающийся и местами самопрограммирующийся. Поэтому результат очень плохо предсказуем. Наперед мы можем сказать только, что сеть будет всеми силами спасать себя как Целое, но чем-то Частным ей придется пожертвовать.

Вместо пустой теории террористы предложили нам очень полезную практику. Они начали взрывать. Они взрывают, а мы наблюдаем за тем, как реагирует на это сеть. И мы входим в ВР, и мы видим, что там, где вчера высилась виртуальная Джомолунгма — теперь воронка, наполненная ржавой водой. Или вовсе не приметный камешек. Мы падаем в воронку, случайно наступаем на камешек и — пафф! Вслед за этим начинается то, что я предложил называть Утгардом. Впрочем, это логично. Есть срединная земля, Митгард. Есть геенна, Утгард. Хотел бы я посмотреть на Асгард!»

Олаф Триггвассон. «Страннее, чем рай»

11

Тень Отца Гамлета воплотилась в неантропоморфного киборга, похожего на гигантского крота или, точнее, на медведку. Морф «Метрострой».

Четыре свеженьких алмазных бура на бронированной морде Августина пришли в бешеное вращение со скоростью семь тысяч оборотов в минуту.

Томас, которого больше не удерживала магия Августина, вновь обрел плоть, отошел в сторонку и занялся тщетным поиском блох в дебрях своей стерильной шерсти.

Томасу осточертели бесконечные превращения своего хозяина. Даже обратись Августин самой привлекательной сукой на свете, ему все равно было бы не по силам расшевелить своего флегматичного пса.

Августин вгрызся в добротные гранитные стены.

Раскаленная каменная крошка сыпалась непрерывным потоком, который подхватывали его передние лопатообразные лапы и передавали второй, вспомогательной паре конечностей.

Когда Августин разводил лапы в стороны, ему казалось, что он улыбается до ушей. Потом крошка доставалась третьей, «прыжко-

вой» паре лап, и те выталкивали мусор назад. А из двух отверстий в задней части его туловища била мощная реактивная струя. Она подхватывала каменные осколки и выносила их прочь из растущей норы.

Трехмерное зрение не подвело Августина. Через пятнадцать минут и сорок восемь секунд с момента включения буров его голова очутилась в черноте вертикального ствола, идущего наверх и, судя по всему, приводящего в один из главных залов железной башни замка.

— Ты снова здесь, — не без кокетства заметила пантера.

— И ты снова не Локи, — констатировала она, погрустнев.

Тень Отца Гамлета, обнажив длинный сталистый клинок, настороженно обживала новое помещение.

Они, как и следовало ожидать, находились в просторном круглом зале. Три узких зарешеченных окна смотрели на безбрежный океан, четвертое — на каменистую пустошь, по которой, несмотря на полное безветрие, медленно стлалась белесая поземка. Со стен от самого потолка ниспадали тяжелые толстые портьеры, расшитые геральдическими лилиями и львами.

— Да, я снова не Локи, — кивнул Августин. Его клинок в мановение ока перепрыгнул в правую руку. Сделав глубокий фехтовальный выпад, он насквозь проткнул наугад выбранную портьеру. Никого.

Клинок был единственным материальным предметом, которым обладал сейчас аватар Августина.

Этим клинком он управлял при помощи магии второй ступени — руки, сотканные из голубого тумана, были здесь совершенно ни при чем. Портьеры, вызвавшие такую настороженность Августина, были изготовлены из Бог знает какого заколдованного материала и совершенно не просматривались насквозь. Да и Томас все время ворчал, а уж он-то зря заводиться не станет, это Августин знал.

— Оставь, — зевнула пантера. — Там никого нет и быть не может.

— Не может — не надо, — довольно невежливо заметил Августин, завершая полный круг обхода. Его нервы были на пределе, но он, как это иногда случается, не отдавал себе в этом отчета. — И, кстати, почему бы тебе все-таки не объяснить мне, кто ты, черт побери такая и что здесь вообще творится?!! — неожиданно для самой себя заорала Тень Отца Гамлета, озаряясь багровым сиянием.

— Я тень, я свиристель, убитый влёт подложной синью, взятой в переплет окна, — сказала пантера очень отчетливо.

— Да?! — иронично вскинула брови Тень Отца Гамлета. — И эти дрянные стишки — все, что ты можешь мне сообщить?

— Стишки вовсе не дрянные. Но главное, это и впрямь почти все, что я могу тебе сообщить. — Голос пантеры стал неласковым, почти злым. — Ты и сам должен понимать, что печать молчания можно наложить на уста любого подвластного тебе аватара...

— Понимаю. И все равно, мне трудно поверить в то, что я второй раз подвергаю себя смертельной опасности только ради того, чтобы услышать начало «Бледного пламени», которое и без того знаю наизусть!

— Во-первых, я ценю твою настойчивость. А потому открою тебе тайну: если ты сможешь понять, по-настоящему понять смысл моих слов, в твоих руках окажется ключ к моему освобождению!

Пантера приблизилась к нему вплотную. Ее спина свободно прошла сквозь его ногу у самого бедра.

— А во-вторых, — пантера игриво перевернулась на спину и грациозно повела хвостом, — во-вторых, неужели и впрямь ты во второй раз подвергаешь себя смертельной опасности только ради того, чтобы перекинуться со мной парой ничего не значащих фраз?

Бесплотность аватара Тени Отца Гамлета впервые за сегодняшнее проникновение показалась Августину обременительной...

Чтобы Томас не ревновал и не мешал, Августин окружил себя сферическим Зеркалом Иллюзий.

Пес, развалившийся на каменном полу, расчерченном на квадраты, спокойно слушал ничего не значащий для него разговор между степенно возлегающей пантерой и его хозяином, обходящим ее по кругу.

«Зеркало Иллюзий Джирджиса реальнее самой реальности. Если, конечно, Джирджис полностью концентрируется на нем». Так сказал Триггвассон.

В то время как Зеркало Иллюзий исправно делало свое дело, белый барс и черная пантера являли собой прекраснейшее животное о двух спинах, какое только знала Зона Стабильности за последние сорок семь минут и девятнадцать секунд.

Гладкая шерсть топорщилась от страсти на сильной спине барса, пантера стелилась под ним клеверным лугом, плавно поводя крупиком. Барс нежно покусывал ее холку, а его когтистые лапы привычными человеческими движениями ласкали узкую мускулистую грудь ласковой хищницы.

Августин плыл по медленным текучим волнам наслаждения. В ВР невозможен сон, но это было более всего похоже именно на сон, на самый сладкий сон в его жизни. То, что раньше казалось запретным, то, чего он никогда не решался предложить Сэми, то, чего нельзя было даже представить с убитой до смерти Ксюшей, теперь

стало для Августина до предела естественным и невообразимо приятным.

Зеркало Иллюзий продолжало свою нехитрую работу. Простака-Томаса не смущало даже то, что его хозяин в десятый раз повторил один и тот же глубокомысленный жест, а пантера в десятый раз лениво повела ухом.

Наслаждение все глубже увлекало Августина в свои ароматные глубины.

Ему становилось все труднее и труднее следить за Зеркалом Иллюзий. Пантера почти не дышала, но он знал — или по крайней мере думал, что знает — сколь она близка сейчас к блистательному финалу. И когда он, уже не в силах более сдерживаться, издал торжествующий рык, более похожий на стон, мозг заволокло медвяным туманом и сознание отказало Августину.

Словно сквозь толстый войлок его ушей достиг слабый стон пантеры «I am coming»* и заливистый лай Томаса, которому сквозь оплывшее Зеркало Иллюзий явилось видение белого барса, тяжело сползающего со спины черной пантеры.

12

Но как вовек не дрогнет добродетель,
Хотя бы грех ей льстил в обличьях рая;
Так похоть, будь с ней ангел лучезарный,
Пресытится и на небесном ложе, —

в словах Хотоя не было насмешки или осуждения.

Недавно Хотой покинул зал для медитаций и удалился в свою комнату.

Лицо его не было озабоченным, но те из его учеников, кто знали Хотоя особенно близко, все же заметили: сэнсэй чем-то встревожен. Хотой открыл потайную нишу в подполье и извлек оттуда холщовый мешочек.

И если призрак явится опять
Пусть взглянет сам и пусть его окликнет, —

грустно добавил Хотой, и на его ладонь выкатились пять небольших смолистых комочков. Саама.

В центре комнаты, на грубом дощатом полу была разложена расписная тростниковая циновка — подарок японского друга Таро. Он приехал из далекой Кагосимы только лишь затем, чтобы своими гла-

* Здесь: я кончаю (*англ.*).

зами увидеть — саама существует. Преподнося Хотою девять ритуальных даров видящего, он обещал Хотою, что вскоре приедет снова. Чтобы остаться в общине навсегда.

Хотой положил мешочек на прежнее место и закрыл тайник.

Сел на пол, в самый центр циновки, туда, где была изображена одна из великих мандал трансформации. Скрестил ноги. Закрыл глаза и выпрямил позвоночник. Прочел древнетибетскую мантру очищения осознания.

После этого он положил под язык комочек саамы.

Спустя некоторое время Дверь бесшумно отворилась.

И Хотой поплыл сквозь тающие лохмотья размягченной материи. Его тело, потеряв объем, вес и форму, вибрировало в тон путеводным семантическим линиям Вселенной.

Да, Хотой был без остатка поглощен триптаминовой матрицей галлюциногенного эликсира, он заряжался обертонами проводящего комплекса саамы и не ведал страха. Он более не был «стабилен», в том смысле, в каком была «стабильна» циновка, на которой он сидел. Теперь Хотой был философским камнем человечества, эмбрионом всемирного хаоса и ощущал смиренную благодать. Путешествие начиналось. Оставалось лишь указать цель путешествия...

Наконец, сгусток чистой мысли, которым стал Хотой после многоступенчатой, но стремительной метаморфозы, очутился в замке с Железной Башней.

Испустив в пространство квант удовлетворения, бесплотный Хотой растворился под потолком комнаты с портьерами и кичливыми штандартами, свисающими с потолка.

Никто не заметил его, как не заметил бы самого себя, перейдя из одного измерения в другое.

Хотой весь обратился в терпеливое ожидание.

13

«I am coming». Этих слов Августин не слышал уже десять лет. Так говорила и могла говорить только Рут.

Его первая любовь.

Женщина, из-за которой безжалостный убийца Вальдис был застрелен им из «Магнума-40» в осеннем лесу.

Потрясенный Августин издал громкий рык. Именно рык, хотя в это время его аватар стремительно изменялся и его глотка уже не принадлежала белому барсу.

В голове Августина совершалась революция похлеще Второй Сексуальной, и, только когда в затылок его со страшной силой уда-

рил огромный шипастый шар, он понял, что совсем недавно к их обществу присоединился кто-то четвертый (если третьим считать заходящегося в лае Томаса).

Августина спасло лишь то, что большей частью он уже развоплотился. В противном случае коварный шар, в мощи которого чувствовалась магия взбешенного Джирджиса, мог бы прикончить его на месте.

На холодные каменные плиты упал уже не барс, но Тень Отца Гамлета.

Увы, даже в этом малоуязвимом аватаре зрение Августина после страшного удара работало далеко не лучшим образом. Но того немногого, что он смог разглядеть сквозь кровавый туман, перевернувшись на спину, хватило, чтобы содрогнуться от ужаса.

Над ним, едва не цепляя головой темные полотнища штандартов, что украшали потолок, возвышался Локи.

Его длинные чешуйчатые одеяния были изрядно забрызганы стремительно тающей кровью.

«Моей кровью», — подумал Августин.

На левом плече Локи висела крупноячеистая сеть, сплетенная из живых змей, на правом — волчья шкура. Его острые уши подрагивали в такт накатывающей волнами ярости. В правой руке Локи раскачивался на массивной серебряной цепи тот самый шипастый шар, который несколько секунд назад поразил Августина в затылок. Увесистый амулет из нескольких десятков зубов, среди которых Августин опознал волчьи, человеческие, медвежьи и куницыны, грохотал на его груди как десяток боевых барабанов. А ниже пояса Локи — там, где в европейском костюме предусмотрена ширинка, — болталась желтая козлиная борода.

— С-сука, — прошипел Локи. — И ты сука, легавый.

«Ага, — совершенно не к месту подумал Августин. — Значит, первая «сука» адресована пантере, то есть Рут».

В то же время аватар Августина, совершенно независимо от его незатейливой мыслительной деятельности, стелющимся ветром подобрался к Локи и длинный меч старого датского короля пронзил ногу нарушителя интима насквозь. Томас, следуя примеру хозяина, вцепился в козлиную бороду Локи.

Пантера закричала, но у Августина не было возможности прислушиваться к ее словам. Потому что Локи, для которого удар Августина был всего лишь комариным укусом, исторг из когтя на левой руке змеистую призрачную молнию.

Молния впилась в голову Тени Отца Гамлета кровожадной пиявкой.

«Материальное одолеешь материальным, призрачное — призрачным» — это знал любой начинающий пользователь ВР. Класс его аватара позволял Локи штучки и похлеще этой...

Локи отшвырнул свою цепь с шаром и, отодрав освободившейся правой рукой Томаса от своего горла, отшвырнул малиново-красного пса к стене. Томас обиженно заскулил.

Голову Августина разрывала чудовищная энергия, источаемая Локи. Он был буквально пришпилен к полу и уже приготовился молить о пощаде. Но в этот момент ему на выручку пришла Рут-пантера.

Она наконец поняла, что никакие вопли не остановят ослепленного ревностью Локи. Совершив головокружительный прыжок, она вцепилась своими острыми зубами в его левую, смертоносную руку.

Через мгновение Рут-пантера, словно ошпаренная, вся струясь голубыми искрами, взвыла и разделила участь Томаса — в гневе Локи был беспощаден. Впрочем, даже одного мгновения передышки Августину оказалось достаточно. Он немедленно сменил аватар.

Стальной киберкрот, морф «Метрострой», вгрызся в Локи четырьмя алмазными фрезами и, оттолкнувшись задними лапами, буквально припечатал того к стене.

Два хищно изогнутых огненных серпа, мигом оказавшихся в руках Локи, оставляли на броне кибера глубокие борозды, но Августин не отступал.

Черная кровь Локи струилась ручьем. Он попытался сменить аватар, но к своему ужасу не смог этого сделать! Что-то мешало ему, и это «что-то» он чувствовал всюду, в каждом камне, в каждой портьере, в каждом грамме воздуха.

Августин, увлеченный своей победой, был намерен довести начатое смертоубийство Локи до конца. В конце концов, он ведь тоже ревновал и имел для своей ревности куда больше оснований, чем Локи! Как ни крути, а со слов Рут-пантеры выходило, что Локи был сейчас ее любовником...

— Прекрати, кретин, не то сейчас все погибнем! — заорал Локи.

«Сам прекрати, — подумал Августин. — Будешь мне тут еще голову морочить».

...Ревность разбередила старые раны Августина. Бешено вращались алмазные фрезы, наматывая и перетирая клочья одежды и плоть Локи. Но Августин уже не видел этого, он вспоминал, как, застрелив Вальдиса, бросился искать Рут. Но она исчезла, испарилась, растаяла...

— Да послушай же! — надрывался Локи. — Посмотри вокруг! Мы в ловушке!!!

...Августин искал Рут повсюду. Тщетно, тщетно! И когда он, спустя два месяца, осознал, что убил человека ради обаятельного фантома, ради призрачной мечты, ради женщины, которая превратилась в две фотографии на столе...

— Твою мать!!!

...И вот теперь он находит ее спустя десять лет в этом проклятом Уттарде. Она по-прежнему безумно привлекательна, женственна, нежна, и она молчит, как рыба, потому что, видите ли, этот негодяй Локи наложил ей на уста печать молчания...

И тогда раздался Голос Неба. Он прозвучал прямо в мозгу Августина. А чтобы тот лучше понял, перед его глазами появилась пылающая надпись на бархатно-черном фоне.

НЕМЕДЛЕННО ОСТАНОВИСЬ

Голос Неба повторил приказ трижды.

Никогда, за всю свою долгую жизнь в ВР, Августин не слышал таких системных сообщений. И не видел, чтобы они подавались подобным образом. А потому он все-таки остановился.

Выключились приводные электромоторы. Киберкрот неуверенно отполз назад.

— Хорошо, — прошептал Локи изменившимся голосом. У него уже не было сил кричать. — Когда ты очухаешься убитый до смерти, запомни: двадцать один ноль-ноль, сто сорок седьмой километр шоссе Москва-Воронеж.

С этими словами Локи сполз по стене и упал. Его амулет распался, и вражьи зубы глухо застучали по полу. Бесполезные кости для бессмысленной игры.

Тем временем Голос Неба продолжал говорить.

СМЕРТЕЛЬНАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ ОПАСНОСТЬ

И снова троекратное повторение.

Августин как завороженный смотрел на поверженного врага. Но странное дело, ликовать ему не хотелось. Ему хотелось плакать...

Только когда Голос Неба стал таким громким, что заполнил собою весь мир, до Августина наконец дошел смысл услышанного.

Он попытался снова сменить аватар на почти неуязвимую Тень Отца Гамлета. Но что-то не сработало.

Томас неистовствовал.

Он попытался еще раз.

Куда там!

Несмотря на все усилия, Августин по-прежнему оставался громоздким и, в общем-то, неповоротливым киберкротом.

«В конце концов, ничего страшного, — попытался успокоить себя Августин. — Ну, дождусь планового отключения...»

Он развернулся, чтобы осмотреть зал, но против своей воли в ужасе отшатнулся назад.

Из колодца, по которому они с Томасом поднялись сюда полчаса назад, показалась блещущая черной корундовой броней тварь.

Четыре коленчатых паучьих ноги несли плоский зеркальный корпус, над которым возвышалась ажурная башня, увешанная смертоносными жерлами.

Августин, чей аватар только по счастливой случайности смог одолеть виртуоза Локи (ведь предназначался он вовсе не для боя, а для проникновения!) осознал: с таким мощным кибером ему не управиться.

Противник был по меньшей мере Джирджисом. А по большей мере — и об этом было страшно подумать — мог оказаться Зу-л-Карнайном.

«Какая, впрочем, разница, — обреченно подумал Августин, — если до планового отключения остается почти два ча-са, а в этом идиотском аватаре меня за двадцать минут разрежут плазменными резаками даже трое натасканных Гильгамешей?»

— Антропос, антропос... — задушевно произнес кибер, извлекая последнюю ногу из колодца и неспешно приближаясь к Августину. — Какая у тебя красивая, новая голова... Да и у меня тоже, как видишь, обновка...

За спиной Августина блеснула неяркая желтая вспышка. Это покинул виртуальную реальность убитый до смерти Локи.

Вспышка словно бы послужила сигналом киберу — две спарки сверхмощных «швеек» обрушили на Августина лавину бронебойных снарядов с отделяющимся поддоном.

Некоторые снаряды рикошетировали от округлостей на его броне и, пробивая навылет железные стены зала, уносились прочь. Но большинство все же прошивали корпус Августина и взрывались внутри, калеча его прецизионную механику, сервоприводы и хрупкую нейронику...

В районе задних лап сразу же начался пожар, и Августину начало казаться что его посадили на раскаленную сковородку.

Косая очередь прошлась по фрезам. Две из них отлетели, с визгом закладывая по полу виражи и рассыпая снопы искр. Лопнул правый глаз.

Это опять был Голос Неба. Августину было не до него. Какая опасность?

У какой квартиры, когда через пять минут взорвутся баки с топливом?

На мгновение ему показалось, что он нашел выход. Августин подал предельную мощность на реактивные сопла и, помогая себе толчковыми лапами, понесся на врага тяжеловесной торпедой.

Но он не успел преодолеть и половины разделявшего их расстояния.

Кибер, которому надоело измываться над антропосом с помощью сравнительно малоэффективных «швеек», шарахнул сверхвысоковольтным разрядом. Августин превратился в раскаленный болид. Взорвалось реактивное топливо...

Последняя надпись, которая вспыхнула в его ослепшей голове, оторванной взрывом от туловища и кувыркающейся в воздухе посреди зала, гласила:

ИСХОД В РЕАЛЬНОСТЬ. ОТКЛЮЧЕНИЕ

14

Трехмерный голографический макет Главного Корпуса компании ВИН приковывал к себе взгляды всех, кому случалось его видеть.

Мак-Интайр, ворэнт-офицер (без двух минут лейтенант) Гиллеспи и капитан Мэрдок смотрели на него не отрываясь больше пяти минут, пока Мак-Интайр не нарушил затянувшуюся паузу.

— Головной офис ВИН — не просто точка на карте. Это мощная крепость, кажущаяся невзрачным цивильным зданием только неискушенным туристам.

Голографический макет, повинуясь «волшебной палочке» Мак-Интайра — указке с датчиками ориентации в пространстве — повернулся и одновременно укрупнился, выставив напоказ фасад Главного Корпуса. Восемь этажей, розовые панели. Газон под окнами, клумбы.

— Теперь внутренности, — сказал Мак-Интайр. — Сравнительно подробно нами картографированы примерно шестьдесят процентов наземных помещений. А именно...

Мак-Интайр начал перечисление, длине которого позавидовал бы и гомеровский «Список кораблей». Помещения, упоминавшиеся Мак-Интайром, поочередно увеличивались, демонстрируя исключительно детальные интерьеры, схемы вентиляционных и отопитель-

ных коммуникаций, топологическую связность дверных проемов, коридоров, шахт лифтов, пожарных лестниц.

Покончив с демонстрацией, Мак-Интайр заключил:

— Как видите, «Аргус-18» — орудие могучее, но не всесильное. Наша агентура тоже не вся сплошь укомплектована волшебниками из Страны Оз. Мы знаем лишь то, что мы знаем. Внизу, под тем что вы видите, еще двадцать подземных уровней. О них мы почти ничего не можем сказать наверняка. И, наконец, нельзя забывать еще об одном существенном факторе. О защитном куполе.

Гиллеспи согласно кивнул. Капитан Стэнли Мэрдок поморщился, как от сильной мигрени.

От ВИНовского защитного купола, экрана, поля — называть эту штуку можно было как угодно — всех, кто имел какое-либо отношение к подготовке операции «Лоботомия», уже давно и не на шутку тошнило.

«Аргус-18» не видит того и сего — защитный купол.

Разведывательные микрозонды не могут проникнуть на территорию компании — защитный экран.

Сотрудники ВИН, завербованные Интерполом, не в состоянии передать сведения — защитное поле.

Во всем виноват интегрированный защитный периметр, перед которым офицеры-планировщики «Лоботомии» пасуют уже не первый год!

— Но, господа, — голос Мак-Интайра приобрел небывалую торжественность, — как и все, что успешно функционирует, защитный купол имеет свой источник питания. Долгое время мы не могли обнаружить местоположение реактора, который отвечает за энергоснабжение купола. Но теперь мы знаем, где он.

Мак-Интайр не стал дожидаться реакции на свое сенсационное сообщение и продолжил:

— Вчера вечером наш агент Sanya передал нам ценнейшую информацию, которую я поспешил проверить и счел годной. Взгляните сюда.

Голографический макет сделал полный оборот, и взгляду присутствующих предстали дальние подступы к Главному Корпусу. Низенькие, лишенные окон двухэтажные строения, мусорные баки, техника, автофургоны «Изюбр». Ничего на первый взгляд примечательного. Какие-то домики, находящиеся вне пределов досягаемости защитного купола.

— Это, казалось бы, гаражи или, как мы полагали раньше, складские помещения. Но на самом деле здесь помещаются выносные генераторы, питающие защитный купол ВИН. На это указывает, на-

пример, то, что, несмотря на малую, казалось бы, значимость объекта, он охраняется группой из двадцати четырех охранников. Для сравнения: вход в Главный Корпус охраняется тремя. Кроме того, нам удалось обнаружить пулеметные гнезда здесь, здесь и здесь.

Макет раскрывался словно матрешка, внутри у которой не одна, а добрая сотня сестер, каждая интересней предыдущих.

— Легко видеть, — продолжал Мак-Интайр, — что пулеметы компании ВИН держат под прицелом именно подходы к этим на первый взгляд невзрачным строениям. Итак, мы будем действовать согласно девятнадцатому варианту плана «Лоботомия». Наши вертолеты прибудут в Шереметьево завтра на рассвете. Вы, Мэрдок, будете командовать западной оперативной группой. Ну а вы, Гиллеспи, поведете восточную.

— Будет сделано, сэр, — в один голос ответили Гиллеспи и Мэрдок.

— Начало операции в 10 часов 25 минут по московскому времени. В это время «Аргус» выпустит четыре управляемые плазменные ракеты, которые взорвут выносные генераторы. Защитный купол, таким образом, будет отключен. Дальнейшее предоставим вертолетам, коммандос и Господу Богу.

Глава 9

ВЕРТОЛЕТНЫЙ РОК-Н-РОЛЛ

1

В контрольные цепи Марьинского Координационного Центра в 15.14.547 поступил сигнал медицинской тревоги.

В 15.14.596 пользователь был отключен в целях предотвращения острого сердечного приступа.

В 15.16.234 по его адресу вылетел вертолет «скорой помощи».

Августин чувствовал себя, как, должно быть, чувствует канарейка, которую выжали в стакан с чаем. Из всего своего кошмарного приключения в Утгарде он помнил только одно: «ОПАСНОСТЬ У ДВЕРЕЙ КВАРТИРЫ» и «ОТКЛЮЧЕНИЕ».

Августин с неимоверным усилием преодолел ломоту, разлившуюся во всем теле, и выкатился из капсулы.

Томас, отключенный вместе с Августином, в полном недоумении рассматривал свое тело. Оно уже не было красным и сдела-

лось, к превеликому сожалению Томаса, значительно меньше теленка.

В квартире было тихо. Высота восьмидесятого этажа вкупе с надежными звукоизолирующими покрытиями стен, потолка и окон служили превосходной защитой от шума и гомона дневной Москвы.

Опасность. Опасность? Перед мысленным взором Августина вновь и вновь вставала огненная надпись.

Ему было сейчас совершенно не важно, порождена ли она Голосом Неба или каким-то другим голосом, но сам факт того, что некто смог выбросить его из ВР за полтора часа до планового отключения, говорил о многом. В первую очередь, что к этим словам следует прислушаться.

Августин закрыл за собой капсулу, помедлил полсекунды, извлек свой заветный «форсаж» и, потрепав Томаса за ухом, прошептал: «Подымайся».

Стараясь ступать бесшумно, Августин прошел в спальню и запустил руку под подушку.

Страховидный «смит-и-вессон» Хмыря приятно тяжелил руку. Ничто не придает такой уверенности в завтрашнем дне, как оружие.

Августин выщелкнул барабан и, прокрутив его, с удовольствием убедился в том, что с прошедшей ночи в нем все осталось по-прежнему. Пять патронов. Шестое гнездо пустовало напоминанием о застреленном бойце Черного Спецназа.

Он щелкнул барабаном, возвращая его на прежнее место, и в этот момент в прихожей глухо хлопнул негромкий взрыв. Со звоном разлетелась хрустальная ваза, которую он оставлял на баррикадирующей двери тумбочке перед входом в ВР.

Вторжение. Вот чего не хватало Августину для полного счастья. После пантеры. После Локи. После схватки с болтливым кибером.

Августин упал на правое колено, целясь в дверной проем.

Там, в коридоре, в неглубоком стенном шкафчике, располагалась маленькая гордость Августина. Коллекция дорогих французских, ирландских и португальских мужских парфюмов в ретроупаковках — Августин помнил, что еще лет двадцать назад такие штуки назывались мудреным словом «дезодорант». Насчет этой коллекции у Августина возникли определенные соображения.

Томас молчал. «Испугался небось», — подумал Августин, безуспешно пытаясь справиться с сильной дрожью во всем теле. Он лихорадочно прикидывал возможные пути отступления.

Шагов из прихожей не было слышно, но это ровным счетом ничего не значило. Взломщики вполне могли использовать спецботинки с активным шумоподавлением.

Потом хлопнула кухонная дверь. Из комнаты, в которой стояла капсула входа, послышались частые глухие хлопки, затрещал полифертил. Пули с утробным чавканьем входили в биомассу его нейрокомпьютера. И снова тишина.

Спустя четверть минуты на пол напротив дверного проема легла бледная тень. Руки Августина, непривычные к оружию по-настоящему жестокой, земной, невиртуальной реальности, сильно устали. Ствол пистолета ходил ходуном, выписывая фигуру в виде сильно уплощенной восьмерки.

Оба — и Августин, и тот второй, в коридоре — прекрасно знали, что замешательство в одну десятую секунды будет стоить жизни. Но тот, второй, был профессионалом, и оттого не сомневался в своем преимуществе перед вислоухим сетевым легавым.

«Двум смертям не бывать, а одной не миновать», — вспомнил Августин и, решившись, выстрелил в шкафчик с коллекцией дезодорантов. Громыхнул неожиданно сильный взрыв.

В дверном проеме возникла мишень в дорогом пиджаке и в черной маске. Одежда на нем горела. Автоматная очередь, выпущенная наугад, чтобы не тратить времени на ориентировку, прошла над головой Августина, сокрушая трехслойное оконное стекло. Августин выстрелил два раза. Противник влетел в огонь, лижущий стену коридора вокруг шкафчика.

Ожидание было невыносимым. Если его убьют, пусть лучше сделают это сейчас.

— Томас, пора, — прошептал Августин.

Томас бросился в коридор. Августин выстрелил вслепую из-за угла и, упав на брюхо прямо под ноги продолжающему стоять и гореть киллеру, увидел второго. Этот корчился на полу у входной двери, придавленный сверху негодующим Томасом.

— Томас, фу! Гулять! — приказал Августин, зная, какое воистину магическое действие оказывает на его четвероногого друга слово «гулять».

Томас выскочил в распахнутую дверь.

Последним патроном Августин добил лежащего киллера. С отчаянием вслушиваясь в адресованные Томасу выстрелы на лестничной клетке, Августин подобрал «Мистраль», лежащий у ног киллера, которому не повезло первым.

Через секунду длинная очередь уложила третьего, выскочившего в коридор из кухни.

И только, когда автомат в руках Августина захлебнулся и замолк, он сообразил, что не видел этого, третьего. И не мог видеть. Потому что стрелял из неудобнейшей позиции, держа автомат на коленях, нажимая на спусковой крючок большим пальцем левой руки и тупо глядя на ботинки первого трупа.

Августин вскочил, прыгнул к следующему телу и, опять же к своему величайшему изумлению, сломал прикладом бесполезного автомата челюсть четвертому детине, который рискнул высунуться из комнаты с капсулой.

Сменив «Мистраль» на какую-то короткую дрянь с массивным подствольным гранатометом, Августин выскочил на площадку перед лифтом. Двери лифта в этот момент степенно открывались.

Это спасло ему жизнь. Площадку прошили две согласованные очереди, но Августин, заскочивший в лифт и сбивший с ног перепуганную соседку по этажу, не имел даже пустячной царапины.

Он заорал «Первый!!!» и для верности ударил по кнопке «1».

Соседка истерически хохотала. Августин для острастки пустил короткую очередь между закрывающихся дверей лифта. Кабина незаметно тронулась и плавно пошла вниз.

Где еще его могут ждать? Внизу? Вверху? Куда побегут те двое, которые остались на площадке? От правильного ответа на этот тривиальный психологический тест зависела его жизнь.

В тестах Августин был докой.

Он крикнул «Стоп!» и, с трудом дождавшись остановки, которая последовала спустя бесконечно долгую секунду, выстрелил в потолок кабины из подствольного гранатомета.

В лицо полетели обломки горячего пластика, кабину заволокло дымом.

Соседка больше не билась в истерике. Похоже, ее перегруженный шоком мозг признал единственно возможным бессознательное состояние.

Августин полоснул короткой очередью по кнопкам, подпрыгнул, ухватился за потеплевшие края дыры и, подтянувшись, оказался на крыше лифта.

Лифт висел между семьдесят седьмым и семьдесят восьмым этажами.

К счастью, Августин принял свое решение достаточно быстро и не успел опуститься ниже.

Однообразно ругаясь, он полез вверх по тросам. Лифт, конечно, признан сейчас системой жизнеобеспечения дома совершенно непригодным, аварийным, катастрофически сломанным и наверняка блокирован. Поэтому вышибалы (своих убийц Августин почему-то

мысленно окрестил именно «вышибалами»; наверное, чтобы меньше бояться) могут жать на кнопку вызова лифта хоть до вечера.

Августин был на уровне восьмидесятого этажа, когда в шахту ворвался огненный смерч.

«Вышибалы» явно не собирались жать на кнопку вызова до вечера, а попросту вынесли из гранатомета раздвижные двери семьдесят восьмого этажа. Надо полагать, именно на этом этаже они находились, когда выстрел Августина разнес крышу кабины.

Несколько секунд, всего несколько секунд... Августин вспомнил, что в младшей школе всегда лазил по канату хуже всех. Вспомнил, правда, и сколько часов провел он в старших классах, болтаясь под потолком пустынного спортзала с неповторимым ощущением человека, победившего собственное бессилие. Что это было за ощущение!

Снизу ударили два «Мистраля», но Августин был уже у цели.

Дверь, наглухо закрашенная заодно с косяком при последнем косметическом ремонте какими-то безвестными дядями борями, вечно хмельными покровителями строительных роботов, не поддавалась.

Августин сделал несколько одиночных выстрелов по периметру двери и, издав хриплый яростный рык, которому позавидовал бы любой аватар снежного барса, навалился на нее плечом.

Дверь неохотно поддалась, и он, упираясь изо всех сил, все-таки расширил щель до приемлемых размеров.

На крыше его дома располагалась вертолетная площадка. Обычно она пустовала, но сегодня ей могло позавидовать Тушино.

Два совершенно одинаковых матово-черных вертолета Ка-106 без каких бы то ни было надписей и опознавательных знаков стояли рядом как шерочка с машерочкой.

Около одного из них, выставив перед собой пистолет, неуверенно озирался очередной «вышибала». Молодчик, конечно, услышал глухие выстрелы Августина в дверь и потому насторожился.

Их глаза встретились.

Августин нажал на спусковой крючок быстрее.

Третий вертолет сейчас как раз коснулся колесами полосатой желто-красной мишени посадочной площадки между Августином и черными винтокрылами «вышибал».

Это был импортный медицинский геликоптер «Ирокез-2» фирмы «Белл». Из него выскочили двое в белых халатах с аккуратными докторскими саквояжами.

Двое «вышибал», выпрыгнувших из вертолетов, и еще двое, поднявшиеся на крышу по лестнице, очевидно, не врубались в происходящее.

Недостаток понимания они восполнили ураганным огнем по докторам и пилоту третьего вертолета.

«Ирокез-2» был последним шансом Августина. Пока «вышибалы» дырявили ни в чем не повинных врачей «скорой помощи», Августин подбежал к теперь уже никем не управляемому вертолету, который продолжал висеть, едва касаясь колесами земли.

Он бесцеремонно вытащил за ворот застреленного пилота, вскочил в его кресло и стремительно выжал сектор газа.

В последний момент через широкий открытый проем в левом борту вертолета на невостребованные носилки вскочил сэр Томас. Умей Томас говорить, он смог бы рассказать о своих опасных приключениях на лестнице и в квартире не хуже Робинзона Крузо. Как и некогда Робинзону Крузо, Томасу несказанно повезло — он был одним из немногих, кто спасся.

Последним, что разглядел Августин на крыше, был человек в дымящемся пиджаке, который ковылял к ближайшему Ка-106.

2

«Змей», патрульно-базовый самолет Департамента Безопасности типа «Стрибог», засек два вертолета Ка-106 еще на взлете.

Вертолеты корректно ответили на запрос системы опознавания «свой-чужой», и на время операторы потеряли к ним всякий интерес.

Сейчас, когда на крыше дома номер восемь по Большому Арбату произошла короткая перестрелка, после которой в воздух поднялся медицинский «Ирокез-2», Змей-1, сидя рядом с виртуальным двойником Августина в кабине виртуального двойника «Ирокеза», сообщал о случившемся полковнику Хованскому.

— Сейчас буду, — коротко бросил Хованский.

Спустя минуту аватар Хованского появился рядом со Змеем-1.

3

Августин водил машину несколько лучше, чем пилотировал вертолет.

С машиной он был неразлучен начиная с шестнадцати лет, а вертолет ему приходилось пилотировать раз пять. Ну, может, семь.

Однако сейчас он чувствовал себя асом из асов. Везунчиком из везунчиков. Он жив, он уложил четверых профессионалов, вместе с ним старина Томас и у него еще есть надежда!

Смущало только видение ожившего киллера. Как он мог выжить в пламени взорвавшихся дезодорантов? Смущало еще то, что от этих самых дезодорантов могла сгореть вся его квартира...

«Ирокез» стремительно набирал высоту, уходя свечой в синее, на совесть прожаренное летним солнцем небо. Вслед за ним от крыши дома оторвались два «Камова». Похоже, «вышибалы» имели приказ ликвидировать Августина любой ценой.

Августин не понимал ничего. В последние два дня на него обрушилось такое множество совсем не будничных событий, что разум отказывался выносить суждения. Августину оставалось лишь действовать — действовать вне всяких суждений.

Он уменьшил тягу и перебросил рукоять крена вперед.

«Ирокез» некрасиво клюнул носом и пошел вниз, протискиваясь между двумя титаническими небоскребами торгового центра «ГУМ».

«Камовы» были несколько устаревшими, но весьма скоростными машинами. После очередного раунда разоружения львиную долю «Камовых» списали из разведывательных частей армейской авиации и пустили под пресс. Но некоторым машинам удалось избежать пресса — желающих купить списанные военные игрушки как всегда оказалось достаточно...

Через несколько минут Августин с неудовольствием обнаружил, что «Камовы» сели ему на хвост и уверенно сокращают дистанцию.

Они находились над Москвой-рекой. Куда теперь?

Приземлиться в городе он не сможет, это уж точно. По крайней мере не сможет сделать это так быстро, чтобы зависшие по сторонам бронированные «Камовы» не изрешетили его вместе с жестяным корпусом ленд-лизовского «Ирокеза». Перспектива полететь на Лубянку и сесть прямо на защитный купол Центрального Управления ДБ Августина тоже не прельщала.

Во-первых, Бог знает какая «крыша» у этих ребят. Может, они тоже из Черного Спецназа?

А во-вторых, что там, господа, глаголет Уголовный кодекс России по поводу гражданина, который за истекшие сутки:

а) нанес тяжелые телесные повреждения сотруднику службы безопасности увеселительного заведения «Сладкая Ж»;

б) стал свидетелем гибели семи человек в подсобном помещении вышепоименованного заведения и, похитив оттуда незаконное устройство, именуемое в просторечье «форсаж», не счел необходимым сообщить о случившемся в соответствующую организацию;

в) нанес тяжелые ранения пяти неизвестным, четверо из которых, скорее всего, скончались на месте;

не говоря уже о незаконном применении «форсажа»?

О нет, господа, гражданину, чья биография отягощена пунктами а), б) и в), не следует появляться в поле видимости ДБ.

«Камовы» совершили стремительный рывок и взяли Августина в горизонтальные клещи.

На них были установлены двигатели от других, более мощных машин, и теперь они продемонстрировали, на что способен нижегородский авиационный завод вкупе с двумя трехконтурными турбинами от уважаемой фирмы г-на Люльки-младшего.

На «Ирокез» с двух сторон обрушился сосредоточенный огонь. Церемониться с ним явно не собирались.

Пули прошили корпус в районе медицинского отсека. К счастью, Томас был сравнительно маленькой мишенью и не пострадал. Не считая, конечно, страданий душевных.

Ошалевший от страха Августин бросил машину вниз. Вниз, к сверкающей глади Москвы-реки.

4

Хованский с интересом наблюдал за действиями «Камовых», вокруг которых вились несколько младших Змеев. Он не сомневался в том, что «Ирокезу» капец.

На ошейнике Томаса, как и на ошейнике любой другой зарегистрированной по закону собаки, был нанесен скан-код с полной информацией о ее владельце. Радары «Змея», разумеется, сразу же нащупали ошейник сквозь проем в борту медицинского отсека, а лазерный сканер дистанционно считал с него всю информацию.

Поэтому — если только собака не похищена — Хованский уже через двадцать секунд мог смело утверждать, что на борту «Ирокеза» находится Августин Депп, двадцативосьмилетний сотрудник сетевой полиции, хозяин черного ньюфаундленда по кличке Томас. Черты Августина Деппа, извлеченные из досье сетевой полиции, сейчас подмалевывала на тупом лице макетного аватара виртуальная станция «Змея».

«Очень хорошо», — удовлетворенно заключил полковник.

С одной стороны, Августин Депп, согласно только что поступившему непосредственно в полковничьи уши сообщению, подозревался в убийстве минимум трех человек. С другой стороны, господин Щюро, как сообщил генерал Воронов, был бы очень рад скоропостижной кончине двадцативосьмилетнего лейтенанта.

Сейчас «Ирокез» разобьется о воду и все выйдет как нельзя лучше. А если врежется в здание? Все равно получится хорошо! Все — он, Хованский, генерал Воронов и, конечно, господин Щюро — бу-

дут глубоко скорбеть и выражать свое возмущение. Ай-яй-яй! Такой взрыв в самом центре Москвы! Жертвы? О да, трагедия! И не говорите!

Но что поделаешь?! Сетевой полицейский Августин Депп сошел с ума! Перестреляв кучу народу, он захватил медицинский вертолет, на каковом разбился. А «Камовы»?.. Какие «Камовы»?! Кто их видел, кто их знает...

Хованский не знал, что Щюро понятия не имеет о том, какую фамилию носит намеченная жертва с восьмидесятого этажа. В противном случае события, не исключено, развивались бы совсем иначе...

— Я считаю, нам следует вмешаться, — набравшись храбрости, заметил Змей-1. — Все-таки, ситуация номер два.

— Отставить, капитан. Вы наблюдаете за задержанием особо опасного государственного преступника силами спецподразделения «Эскадрон С».

— Простите, господин полковник, я первый раз слышу о таком...

— Надеюсь, что и последний. «Эскадрон С» — секретная часть ДБ. Если вы произнесете это название за пределами этой кабины, — Хованский указал на виртуальные внутренности «Ирокеза», — вас ждет трибунал за разглашение государственной тайны. Ясно?

— Так точно, господин полковник!

5

Августин не имел серьезных, профессиональных навыков пилотирования, и это спасло его.

Не рассчитав, он приблизился к реке настолько близко, что посадочные лыжи вертолета разнесли в клочья зазевавшуюся чайку, дремлющую на воде после сытного обеда объедками из «Русского бистро». Взбесившийся альтиметр показывал высоту «ноль».

Августин с перепугу рванул ручку управления на себя, и «Ирокез», чиркнув хвостовой балкой по воде, опять подскочил вверх.

«Камовы», которые попытались повторить его жуткий маневр, ударились плоскими днищами о воду.

Для большинства других типов вертолетов это означало верную гибель. Но «Камов» был в свое время спроектирован как вертолет-комбатант, как машина, действующая непосредственно на линии огня. «Камов» имел убирающееся шасси, основательную броню и был рассчитан на контакт с земной или водной поверхностью в самых неблагоприятных условиях. Например, при свободном падении с высоты в тридцать метров.

Поэтому Августин, ожидавший двойного взрыва на поверхности Москвы-реки, разочарованно наблюдал на экране телекамеры заднего обзора, как его противники, подняв фонтаны брызг, заскользили по воде. Он не выиграл сражения, но выиграл время. Скорость и в особенности высоту «Камовы» потеряли надолго.

Двадцать один ноль-ноль, сто сорок седьмой километр шоссе Москва—Воронеж. Так сказал Локи. Ну что же, раз в городе ему ловить нечего, надо убираться за город.

Августин как раз получил пару сравнительно свободных минут, чтобы свериться с компьютером бортовой навигационной системы. Так-так-так. Он резко подал ручку управления влево, и вертолет, заваливаясь на борт (испуганно тявкнул Томас), взял курс на юго-восток.

«Камовы», вяло оторвавшись от воды, все быстрее и быстрее набирали высоту. Когда их альтиметры показывали полторы тысячи метров, на дисплеях компьютеров появилась наконец долгожданная отметка. Радары, заключенные в сферических обтекателях над втулками несущих винтов, нащупали цель. Она двигалась на юго-восток со скоростью двести девяносто километров в час.

— А вот и он, — пробормотал Пьеро, поглаживая теплый ствол «Мистраля». — Вот и он.

Его пиджак за две штуки русскими был изодран пулями и, вдобавок, почти полностью сгорел.

Пробитые легкие Пьеро горестно сипели, на щегольской рубахе засохли густые потеки омерзительной органической слизи, но он чувствовал себя хорошо. Тот, кто занят любимым делом, не станет обращать внимания на мелочи.

6

Дежурство Змея-7 закончилось на самом интересном месте.

Он видел, как «Камовы» настигают «Ирокез» и не сомневался в исходе их повторной встречи. Но сейчас он был рад тому, что «самое интересное» пока что находится в будущем, а не актуализировано в настоящем.

Едва сдержавшись, чтобы не вышибить полифертиловую крышку ногой, Змей-7 дождался, когда она плавно отъедет вбок, и быстро вскочил на ноги.

Пятеро операторов, вяло, с потягиваниями вылупляющиеся из своих капсул, словно ночные бабочки из куколок, с изумлением наблюдали, как обычно неимоверно ленивый Змей-7, а попросту Игорь, припустил в направлении хвостовых отсеков.

«В гальюн, похоже», — бросил ему в спину Змей-3.

«Не, — заметил Змей-18, хлопнув себя по нагрудному карману, — перекурить».

Лейтенант Игорь Иванов не курил, но об этом мало кто из его братьев по оружию помнил. Он быстро миновал помещения для отдыха, туалеты, буфет, кают-компанию и оказался на территории, занятой бойцами подразделения «Перун».

Здесь в тесных кубриках шлепали картами, ругались, баловались шашками и го, болтали о женщинах и просто валялись на койках сорок здоровенных мужиков.

Несмотря на то что территория перуновцев больше походила на пиратскую вольницу имени Джона Сильвера, Игорь знал, что они готовы в любой момент вскочить, опрокидывая доски и расшвыривая карты, опрометью броситься по боевым машинам и через тридцать секунд уже нестись на своих «Милях», «Камовых» и «Шершнях» к месту правонарушения.

Да, «Змей» был предназначен не только для наблюдения. Он служил также базой для двенадцати вертолетов полуроты «А» второго отдельного батальона сил спецназначения «Перун». И еще много других неожиданностей таил в себе тысячетонный фюзеляж русского монстра.

Перуновцы приветствовали Игоря дружелюбным улюлюканьем. О его грудь стукнулся и упал на пол тупорылый бумажный самолетик. За это дежурство у перуновцев не было еще ни одного боевого вылета. Они ужасно скучали.

— Заваливай, аватар!

— В очко что ли сбацаем, служивый?

— Эй, расскажи как вы там к бабам в окна подглядываете!

— А потрахаться вам в вашей ВР с кем-нибудь разрешают, как в мировой? Или вы между собой только?

Игорю было не до шуток. И не до отшучиваний.

— Тихо, мужики, вашу мать! Дело в натуре серьезное! Капитан Гаспаров здесь?!

— Ослеп что ли, Игореха? — раздался голос откуда-то сверху. С койки второго яруса свесилась взлохмаченная голова Сергея.

— Пойдем покурим, — как можно более безразлично предложил Игорь.

— Ты же не куришь, — вполне резонно возразил Сергей, чьей профессиональной памяти мог бы позавидовать бортовой компьютер «Эверест».

— Сегодня начал, — нагло соврал Игорь, театрально подмигивая. Конспиратор из него был никудышный, но, слава Богу, конспирироваться было не от кого.

— Ну идем, — пожал плечами Сергей.

Как только они вышли в узкий коридорчик, ведущий к кают-компании, Игорь, вперившись в переносицу Сергея, очень тихо сообщил:

— Послушай, Серж. Сейчас два крайне подозрительных «Камова» готовятся сбить медицинский «Ирокез». Ты не поверишь, но его пилотирует твой дружбан. Тот, которого ты когда-то приводил на полигон пострелять из «Мистраля». Он мне потом еще с моей альфа-станцией разобраться помогал. Имя такое странное, как бишь его...

— Августин?! — Сигарета сломалась в дрогнувших пальцах Сергея.

— Да, точно, Августин. Так вот, Хованский на все это закладывает. Я прочел по губам, как он втирал Змею-первому про то, что этот твой Августин преступник.

— Курс «Ирокеза»? — Сергей принял решение молниеносно.

— Прямо на ВИНовскую базу цеппелинов. Координаты базы...

— Знаю, — отрывисто бросил Сергей. И, пристально глядя в глаза Игорю, твердо сказал:

— Спасибо.

7

Августин приближался к окраине. Его вертолет не был оснащен радаром, а хвостовой телекамеры хватало лишь на констатацию того тривиального факта, что воздушное пространство в непосредственной близости за его машиной вроде бы свободно.

Вдалеке показались причальные мачты базы рекламных цеппелинов ВИН. Два гиганта, ошвартованные у мачт, медленно опускались вниз, на посадочные площадки, а третий, наоборот, готовился к старту.

Августин мог обогнуть базу цеппелинов, но дорога была каждая секунда, и он избрал прямой путь.

«Камовы» со скоростью четыреста пятьдесят километров в час стремительно настигали тихоходный «Ирокез», который даже не подозревал об их приближении.

Когда до базы оставалось чуть более четырех километров, «Камовы» оторвались от автострады, которая безошибочно выводила их на цель и, поравнявшись в высоте с «Ирокезом», выжали из своих двигателей предельную мощность.

Августин уже давно перестал следить за задней полусферой. Все его внимание было сосредоточено на причальных мачтах базы. Нео-

жиданно в кабине хрюкнул динамик радиостанции и раздался встревоженный голос.

— Борт М-42, борт М-42! На хвосте — двое! На хвосте — двое!

Быстрее, чем Августин узнал голос Сергея Гаспарова, он бросил взгляд на монитор. Да, так и есть. Все те же «Камовы».

Впереди поднималась на двадцатиметровую высоту стартовая платформа, на которой покоился до одури знакомый Августину цеппелин. Тот самый, который постоянно мозолил глаза на уровне его восьмидесятого этажа. Бортовой номер 006.

Как сейчас стартуют цеппелины? Как, черт побери, они стартуют?

Во-первых, автоматически, понятно.

Во-вторых... во-вторых... во-вторых, они поворачивают вниз мотогондолы и, для повышения стартовой устойчивости, дают полную тягу! Дальше... дальше не имеет значения. Важно, каким именно образом они дают полную тягу.

«Камовы» были уже очень близко. В следующий раз они не ошибутся. Августин, которому было все равно как умереть — расстрелянным из «Мистралей» или разбившимся о землю — пошел на опаснейшее снижение.

Мотогондолы цеппелина повернулись на девяносто градусов и теперь были сориентированы вертикально. Постепенно завращались сдвоенные винтовентиляторные установки. Сейчас произойдет скачок мощности. Сейчас...

«Ирокез» Августина проскочил под платформой, между отполированными штангами гидравлической подъемной системы. У «Камовых» не оставалось другого пути. Внизу была земля, вверху — высоченная туша цеппелина.

На предельной скорости головной «Камов» влетел под платформу и, спустя секунду, выскочил с противоположной стороны. В этот момент моторы цеппелина взвыли на полной тяге. Бешеный вихрь ворвался под платформу.

Второй «Камов» попал в зону повышенной турбулентности и, подхваченный безумствующими потоками воздуха, был брошен в сторону. Он рубанул плоскостями винта по опоре, отскочил с огромным дифферентом на хвост, ударился балкой с вертикальным оперением о землю...

В такой ситуации ему не могло помочь уже никакое бронирование.

Прогрохотал взрыв, взвился ураган обломков, платформа закачалась и спустя несколько мгновений во втором, еще бо-лее страшном взрыве, исчез рекламный цеппелин номер 006 компании «Виртуальная Инициатива».

8

За последние двадцать минут капитан ДБ Сергей Гаспаров успел нарушить добрую половину дисциплинарного и треть боевого устава.

Он принял решение осуществить боевой вылет без санкции вышестоящего начальника.

Он проник в стартовый отсек, где находились четыре заправленных вертолета и, угрожая техническому персоналу оружием, приказал отключить канал централизованной блокировку кормовой аппарели.

Вслед за этим капитан Сергей Гаспаров уничтожил огнем из автоматического оружия пломбы на пульте ручного управления и привел в действие механизм раскрытия кормовой аппарели с пульта.

Не дожидаясь полного раскрытия аппарели, капитан Сергей Гаспаров занял пилотскую кабину ударно-штурмового вертолета «Шершень», борт «восемьдесят шесть», и завел двигатель, что в подобных условиях является грубейшим нарушением правил техники безопасности.

Затем, как только произошло полное открытие аппарели, пилотируемый капитаном Сергеем Гаспаровым вертолет покинул стартовый отсек ПБС «Змей» и на предельной скорости направился на юго-восток.

Через восемь минут была предпринята попытка выслать на перехват нарушителя два вертолета Ми-40, но у обоих машин обнаружились неисправности в системе электронного зажигания.

Провода были перерезаны ножом капитана Сергея Гаспарова.

Обстрел нарушителя ракетами Р-200 класса «воздух-воздух» был признан нецелесообразным ввиду высоких прогнозируемых потерь среди мирного населения в зоне огня.

На такой скандал не мог решиться даже тайный член Социальной Партии Справедливости полковник Хованский.

9

Одним противником стало меньше, но второй «Камов» был уже совсем близко.

Внизу мелькали верхушки деревьев. «Ирокез» и вслед за ним вертолет преследователей перелетели через Внешнюю Кольцевую Дорогу и мчались над лесом.

Из «Камова» открыли огонь. На этот раз стреляли очень метко. Слишком метко.

Выпроставшись из-под кожуха правого двигателя, за «Ирокезом» потянулся дымный шлейф.

«Что-то они там важное задели, сволочи», — с тоской подумал Августин.

Новая очередь из «Мистраля» принесла новые неприятности. Погас монитор хвостовой камеры, и «Ирокез» гадко затрясся. Августин понял, что очередь дошла до компенсирующего винта.

Пора было подвязывать. В любую секунду машина могла полностью потерять управление. И это была реальная реальность. Неоткуда было ожидать обнадеживающего «момент минус пять» и негде было просыпаться после отключения (Августин, увы, был атеистом).

Августин задрал нос вертолета насколько мог высоко. Скорость упала. Пули, которые предназначались для него, прошили пустоту.

«Камов» проскочил вперед. Августин быстро выровнял машину и, обернувшись, крикнул:

— Томас, ко мне!

К счастью, «Ирокез-2» был предельно облегченной машиной. Поэтому переборка между пилотским креслом и грузовым отсеком отсутствовала.

Томас посмотрел на своего хозяина глазами, полными печали. Ему было очень страшно.

— Томас, умоляю!!!

Вертолет трясся все сильнее. Впереди разворачивался «Камов». Поток воздуха от винта швырнул в грузовой отсек струю смрадного дыма. Томас решился. Спустя две секунды он был уже на коленях у своего хозяина.

Августин отбросил прозрачную крышку над рычагом с надписью EJECT* и, не медля ни секунды, рванул его на себя изо всех сил.

С сухим треском сработали разрыв-болты. Лопасти несущего винта разлетелись в четыре стороны света смертоносными снарядами. Одновременно с этим из спинки пилотского кресла выдвинулись две страховочные штанги и сверхпрочный титановый наголовник. В днище сработал вышибной заряд, и Августин с Томасом отправились в небеса со скоростью пушечного ядра.

Через три секунды кресло, достигнув верхней точки своей траектории, выпустило четыре размашистых стабилизатора, выполненных из пластика с молекулярной памятью.

Августин, которому целый день фантастически везло, совершенно не удивился, когда «Камов» взорвался в двухстах метрах под ним. Он был уверен, что в «Камов» угодила одна из отстреленных лопастей. Прогремел еще один взрыв — это взорвался его облысевший «Ирокез», свалившийся на верхушки сосен.

---

* Здесь: аварийное катапультирование (*англ.*).

Томас трясся и жалобно скулил. Пес, как и Августин, переживал отнюдь не самые чарующие мгновения своей жизни.

Кресло падало с угрожающей быстротой, но зато «на ровном киле». Ломая о ветви пластиковые стабилизаторы, оно преодолело последние тридцать метров с большой помпой. Хруст, треск, скрежет!

Когда Августин уже мысленно смирился с тем, что вот сейчас его родной позвоночник стрелой пробьет его родную макушку, под креслом сработали пиропатроны и посадка получилась сравнительно мягкой. Сравнительно. В ВР некоторые юморные морфы, сделанные по мотивам классической мультипликации прошлого века, например «Том», «Балу» или «Папай», в аналогичных передрягах выпускают стайку птичек, которая с веселым чириканьем кружит вокруг головы облажавшегося аватара.

10

Когда полковник Шельнова вышла из виртуальной реальности, она чувствовала себя едва ли лучше Локи, которого тот, второй, более чем подозрительный террорист, угробил до смерти корундовыми фрезами.

Вообще говоря, все это дело пахло очень дурно. А обоняние у Шельновой было ох каким чутким!

«Оставим в стороне Конституцию ВР и прочие бумаги. О стопроцентной законности, понятное дело, речь в Сети никогда не шла. Но Бог с ним с законом, давайте хотя бы разберемся с правдой и ложью!

Что это, например, за пес? Если это был человек в аватаре пса, то почему он ни разу не ввернул и полсловечка? Немой? Немые прекрасно болтают в ВР. Сканирование всего того, что они собираются сказать, происходит непосредственно с их головного мозга.

Известно же, что слепые в ВР — видят, глухие — слышат, паралитики — ходят, функциональные импотенты потрясают воображение чудесами мужской силы. Только дураки, увы, не становятся умнее, поскольку нейротехнологии тут бессильны...

Итак, в аватаре пса находился, судя по всему, не человек. Проще всего предположить, что в аватаре собаки была собака. Это, конечно, незаконно, но принципиальных трудностей в этом нет...»

Полковник Шельнова, кстати, знала одного владельца собаки, достаточно квалифицированного для того, чтобы подключить своего четвероногого парня к ВР.

«Но если этот человек террорист, то можете поцеловать мою красивую задницу», — заявила Шельнова своему воображаемому оппоненту.

Еще ей ужасно не понравился хлыщ с игральными костями, который рекомендовал ей благополучно дожить до отключения.

Не понравился на каком-то физиологическом, подсознательном, интуитивном уровне. Она чувствовала, что будет раскаиваться в том, что дала генералу Воронову свое согласие на проведение этой операции. Ее интуиция говорила: «Обязательно будешь!» А ведь полковник Шельнова, как и всякая умная женщина, привыкла ставить доводы своей интуиции превыше доводов рассудка.

Одним словом, Шельнова не видела смысла в том, чтобы предоставлять своему начальству совершенно полную и совершенно адекватную информацию о событиях, происшедших в Утгарде. Как советовал некогда своим коллегам один великий и ужасный политик прошлого: «Они врут вам? Врите им еще больше!»

Воронов оторвал тяжелый взгляд от рекламного цеппелина ВИН, который нагло болтался над самой Спасской Башней и, обернувшись, переспросил:

— Как-как вы сказали? На шоссе Москва—Воронеж? А во сколько?

— В двадцать четыре ноль-ноль, — не моргнув глазом, повторила полковник Шельнова.

Глава 10

БАЛЛАДА О МЕРТВОЙ ПТИЦЕ

1

Когда его ракета настигла «Камов» и тот превратился в пышный праздничный фейерверк, Сережа испытал неземное удовлетворение. С женой так получалось далеко не всегда.

Что делать теперь, он представлял себе довольно слабо. Ну, например, можно посмотреть, как там приземлился Августин. Правда, только посмотреть. Сесть здесь было совершенно негде, разве только повторить подвиг его отчаянного друга...

В конце концов, путь обратно, на «Змей», ему заказан. И, похоже, навсегда. Если он угробит «Шершень», который стоит тридцать шесть миллионов русскими, это едва ли сильно изменит в худшую сторону его моральный облик в глазах военного прокурора. Потому что облик этот и так уже дальше некуда...

Его «Шершень» был в одном километре от места приземления Августина, когда бортовой оборонительный комплекс предупредил о приближении управляемой ракеты Р-200 и запросил подтверждения на маневр уклонения с отстрелом уводящих ловушек.

«Поздно всрались», — злорадно подумал Сергей.

«Ответ отрицательный», — сообщил он бортовому компьютеру. Ему не придется ничего уничтожать собственноручно. Непосредственную ответственность за гибель его «Шершня» сейчас примет полковник Хованский.

Сергей катапультировался за две секунды до того, как термическая боевая часть ракеты Р-200 превратила «Шершень» в пузырь расплавленного металла.

«Как красиво, как, черт побери, красиво», — думал Змей-1, нежась в центре взрыва.

2

Сильный воздушный взрыв за спиной даже не заставил его обернуться. Августин только ускорил шаги. Однако вскоре Томас намертво схватил зубами хозяйскую штанину и с глухим рычанием потащил его в направлении, перпендикулярном тому, в котором собирался двигаться Августин.

В переводе с собачьего на человеческий это означало: «Постой, хозяин, у меня есть идейки получше твоих».

— Вы чего это, сэр Томас? — Августин чувствовал безумную усталость, но в то же время и колоссальный душевный подъем. А потому выходка Томаса не разозлила его, а скорее раззадорила.

— Хорошо. Я стою. Что теперь?

Томас оптимистично завилял хвостом. Даже собаке приятно, когда ее понимают. Пес снова взялся зубами за штанину — весьма, надо сказать, деликатно — и попятился задом.

Это действие тоже нуждалось в переводе с собачьего на человечий. «Нужно идти туда, куда я потяну» — вот что оно означало.

Августин доверял Томасу. У него была масса возможностей убедиться в том, что интуиция у Томаса не оставляет желать лучшего.

Когда-то давно Августин явился в гости к девушке, прихватив с собой Томми, который тогда был невоспитанным шестимесячным щенком. Августин по праву мог считаться эталонным плейбоем города Москвы и «упакован» он был в полном соответствии с кодексом плейбойской куртуазности. Букет густо-фиолетовых роз. Шампанское «Сахалин». Пара платиновых серег со светодиодами в подарок.

Ничего, казалось бы, не забыл, кроме номера подъезда и номера квартиры. И этого оказалось достаточным для того, чтобы потратить битый час на бесплодные поиски. К несчастью, о фамилии своей подружки Августин тоже имел лишь весьма смутные догадки. А имя? О, ту девушку звали Иоланта — как это романтично!

В диспетчерской дома ему сообщили, что адресат с именем Иоланта в индексе не значится. Искать нужную квартиру последовательным перебором вероятных вариантов было равносильно тому, чтобы перебирать по соломинке стог сена в поисках необходимой до зарезу иголочки.

Когда прошел час, шикарный букет начал склонять измученные жаждой бутоны к земле. Августин сел в сквере, окруженном со всех сторон тридцатишестиэтажной громадиной с полусотней подъездов, и вздохнул. Он был готов писать сочинение на тему «Что такое «фрустрация» и как с ней бороться».

Он обнял мохнатую шею своей псины и с тоской спросил: «Что делать будем?»

Вопрос был риторическим. Однако Томас уверенно предложил свой вариант ответа. Он натянул поводок и повел хозяина в один из подъездов.

Августин не сопротивлялся. Все равно, предложить ничего лучшего он не мог. Каково же было его удивление, когда, нажав на сенсор панели входа неприметной, одной из сотен подобных ей квартир, он услышал: «Ах, мой милый Августин, Августин, Августин».

— Хорошо, Томас. Пускай туда. А что там? Я, например, не знаю, что искать. А ты?

Томас сердито гавкнул. Видимо, у него была масса собственных соображений на этот счет.

Пока они шли сквозь сосновый лес, освещаемый косыми лучами неспешно клонящегося к горизонту солнца, Августин предавался бездумной радости бытия.

Пустая голова Августина покачивалась в такт колючим ветвям. Ветерок овевал его перемазанное копотью лицо, ссадины на руках и на шее. Проникал под изодранные в нескольких местах джинсы и ласкал измученное тело.

Его футболка имела теперь настолько непристойный, бродяжнический вид, что Августин счел за лучшее снять ее и выбросить в кусты. В то же время амулет, по-прежнему висевший на его в меру волосатой груди, снова напомнил о себе. Однако теперь у Августина уже не возникало желания снять его и спрятать в карман. Что-то подсказывало ему: в том, что он остался жив, цел и невредим, вино-

вата именно эта неприметная костяная штучка с первобытным корабликом.

— Ну и что тут интересного? Просто водохранилище, — брюзжал для проформы Августин, в то время как Томас, подбежав к самой воде, с надеждой всматривался в зеленовато-синюю даль. — Чего тут радостного, сэр Томас? Пить эту воду все равно Депздрав не рекомендует. Разве что искупаться...

Августин покинул сосновый бор и подошел к воде. Вдалеке волны бороздила маленькая яхта. Еще дальше можно было разглядеть пару умиротворенных катамаранов.

Наверное, это было не очень правильно с точки зрения безопасности. Но теперь, после того как смерть уже несколько раз за последние сутки раскрывала над ним свои черные крылья... А, да что там говорить! Безопасность? Наплевать и растереть.

Если он спасся из горящего вертолета, если смылся из квартиры, наводненной не виртуальными, а вполне реальными киллерами, если ушел из заваленного трупами Хмыревского вертепа, короче говоря, если он жив до сих пор, значит, у него есть шансы пожить еще немного.

«Как в сказке про Колобка. Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел...»

— Эх, не нарваться бы на лису, — вслух сказал Августин и окинул придирчивым взглядом берег: где-то же должен быть удобный подход к воде.

Сэр Томас остался караулить вещи.

3

«Змей» восстановил контакт с объектом преследования сравнительно быстро. В ошейник Томаса вцепился смертельной хваткой сверхвысокочастотный радар с повышенной разрешающей способностью. Ничто не могло сбить «Змей» со следа. Разве только Рагнарёк.

Полковник Хованский был вне себя. Если бы не чокнутый капитан Гаспаров, Депп сейчас был бы мертв, сверхновый «Шершень» цел, а люди Щюро спокойно принимали бы душ на своей базе!

Однако самым неприятным было то, что не было никакой возможности с ходу атаковать Деппа. Капитан Гаспаров весьма дальновидно повредил подготовленные к вылету вертолеты Ми-40 и нужно было не меньше двух часов, чтобы снова привести их в исправное состояние.

Ну а убрать их со стартовой площадки и заменить другими, не совершая приземления, было практически невозможно. То есть возможно, конечно, но возни, почитай, на целые сутки...

Даже самая совершенная техника имеет свои недостатки. Оставалось только ждать, когда техники заменят на Ми-40 блоки электронного зажигания.

Но ждать не означает бездействовать. Полковник Хованский прошел в десантные отсеки. Перуновцы встретили его появление недружелюбным молчанием. Они еще ничего не знали о подвигах своего коллеги капитана Гаспарова и о «преступлениях» Августина Деппа. Просто никто из них не любил скользкого и даже с виду подловатого Хованского.

— Личный состав полуроты «А»! — более чем официально обратился к ним Хованский, который, конечно, чувствовал, как относятся к нему перуновцы.

Это, впрочем, заботило его более чем умеренно. В конце концов, служат они не ему, а России в его лице. Ну а как там они относятся к России, его совсем уж не интересовало.

— Капитан Гаспаров погиб смертью храбрых при выполнении секретного задания на ударно-штурмовом вертолете «Шершень». Виновник его гибели — некто Августин Депп — по-прежнему находится на свободе. Операция по его задержанию назначена на двадцать тридцать пять. Поскольку затронуты государственные интересы России, всю информацию относительно гибели капитана Гаспарова и предстоящей операции по задержанию Августина Деппа объявляю совершенно секретной.

4

Полковник Шельнова заперлась в своем кабинете и набрала на вифоне цифры, с которыми ассоциировались у нее любовь, нежность и все светлые воспоминания последних месяцев.

— Номер поврежден, — ответил через три секунды компьютер вифопровайдера.

— Причина повреждения? — спросила ничего не понимающая Шельнова.

— Не выяснена.

— Так протестируйте! — Полковник Шельнова не любила ждать.

Молчание продлилось почти минуту.

— Неисправен аппарат абонента. Выведены из строя главный блок усиления, подкаскад формирования динамического строба, блок...

— Достаточно!

Шельнова встала и прошлась взад-вперед по кабинету. Нервно хрустнула пальцами. Потом достала из сейфа пистолет, бросила его в сумочку из кожи лосося и подошла к двери.

Спустя секунду она выглянула в коридор, убедилась, что в нем никого нет, и быстрой перебежкой достигла боковой, вечно пустующей лестницы.

5

— Это хорошо, что вы купаетесь без плавок, — сказал человек в шортах цвета хаки, а Томас, свирепый сэр Томас, обожравшийся виртуальной человечины в аватаре красного пса на просторах ВР, а после обстрелянный из «Мистралей» и до упаду налетавшийся в салоне вертолета, казался спокойным и даже довольным.

Пока Августин плавал, человек в шортах поджидал его на берегу, возле сложенных горкой джинсов. Пистолет-пулемет «Унимаг» с полупустой обоймой лежал там же и, по-видимому, не вызвал ни малейшего интереса у чужака. Томас, повышенно злостный сэр Томас, вилял хвостом и лизал чужаку руки!

— Да, я купаюсь без плавок, — спокойно ответил Августин, выходя из вод — мокрый и нагой, как Афродита в аналогичной ситуации. — Насколько мне известно, это не запрещено.

Он принял сидящего в позе «полулотос» человека за отдыхающего с одной из близлежащих турбаз.

По крайней мере, на «вышибалу» тот не был похож ни манерой говорить, ни лицом, ни жестами. Скорее незнакомец походил на ни во что не врубающегося японца, выучившего русский на пять с двумя плюсами. Единственное, что смутило Августина, так это неуставное поведение сэра Томаса.

— Это даже показано. Здесь никто не плавает одетым. По-моему, плавки — это очень глупо, Августин.

Августин невозмутимо натягивал джинсы. Когда прозвучали последние слова чужака, он был поглощен размышлениями о том, уцелела ли распечатка фотографии загадочного покупателя «форсажа», добытая им у Хмыря.

Кажется, она должна лежать в заднем кармане джинсов. Вот почему до него не сразу дошло, что «японец» в шортах цвета хаки назвал его по имени!

— Как вы сказали: «Августин»? — Он сощурился и недоуменно воззрился на чужака. — Или мне послышалось?

— Нет, Августин, тебе не послышалось. — Человек с восточным разрезом глаз и черными как смоль волосами улыбнулся.

— Разве мы знакомы? — неуверенно сказал Августин. — А! Вы, наверное, были в той корейской группе сетевых полицейских на встрече в Измайловском центре? Вы, кажется, иностранец?

— Начнем с конца. Да, я иностранец. Из Якутии. Я не полицейский. Меня зовут Хотой. Мы знакомы, хотя друг другу и не представлены.

— А-га... — тупо протянул Августин. Нужно было сказать что-то умное, что-то проницательное, или сострить наконец... Но голова отказывалась соображать. Хотелось спать. Хотелось есть.

— Мы знакомы, если можно так выразиться, односторонне. Я знаю тебя. Амулет на твоей шее — мой подарок.

— Хорошо. Спасибо, — тупо сказал Августин и уселся на корточки рядом с Хотоем. — Он мне очень помог, кажется...

— Кажется, да. По крайней мере, вы здесь, а значит, мои старания не пропали даром. Ты все-таки очень сообразительный сукин сын, Томас, — с этими словами Хотой потрепал пса за холку.

Августин посмотрел на собеседника округлившимися от удивления глазами. Больше всего это походило на сцену из неогодаровской кинокартины, когда первый попавшийся на дороге велосипедист стреляет в тебя из пистолета лимонной карамелью, а после называется твоим отцом, который еще в Чечне полком командовал, а потом, в подтверждение своих слов, демонстрирует фотокарточку, где твоя беременная тобой мать целуется с мужиком, который на велосипеде...

— И Голос Неба в Утгарде сегодня тоже принадлежал мне.

— Не понимаю, — вслух заключил Августин и вперил взгляд в голубые дали.

Яхта, катамараны, чайки. Снится, что ли?

6

Дом на сваях был прост, но красив. Особой, естественной красотой, которую уже давно утратили (если когда-то вообще имели) городские строения.

«Если бы у меня была куча денег, я тоже завел бы себе такой, — не к месту подумал Августин. — Ну его к едреной фене, это стрельбище на восьмидесятом этаже!»

«Центр рекурсионной терапии «Байкал» — было начертано над притолокой, сработанной из грубой, не полированной и уж подавно не лакированной древесины.

Внутри Центра было необычайно тихо — десять—двенадцать человек, мужчин и женщин, сидели на циновках и рисовали — каждый свое. Кто красками, кто углем, кто маркером.

Августин просто не мог представить себе ситуацию, когда в одной комнате находятся хотя бы трое человек и не говорят ничего. Не спорят. Не выпивают. Не шумят. Не обсуждают свои и чужие подвиги в ВР. Не рассуждают о сравнительных достоинствах морфа «Дракон» и морфа «Геркулес Взбешенный».

«Как-то это не по-русски», — подумал Августин.

Хотой распахнул перед Августином дверь в плохо освещенную комнату. На низеньком столике, простом и грубом, как и вся обстановка оздоровительного центра «Байкал», стояла керосиновая лампа. Вот уж чего-чего, а такой игрушки Августину не доводилось видеть ни разу в жизни.

А вот с запахом керосина он был знаком — в прошлом году по нейросерверам гулял вирус SCUM_SPECTER, из-за которого все цветы в ВР неделю воняли различными продуктами нефтепереработки. В понедельник — бензином, во вторник — лигроином, в среду — керосином...

— Слушай меня внимательно, — начал Хотой, когда Августин уселся на циновку с мандалой посередине и сделал попытку расслабиться. — У нас не так много времени на болтовню. Сидя там, где ты сейчас, я говорил с тобой Голосом Неба. Я был в ВР и видел тебя в железной башне. Я видел все, что происходило, и всех, кто был там. Я слышал все. Кроме того — и это было несколько сложнее — со вчерашнего дня я знал, что произойдет в твоей квартире, в то время как ты будешь мирно сопеть в своей капсуле входа. Я знал, когда люди с «Мистралями» появятся у дверей твоей квартиры. Чтобы вытащить тебя из Утгарда, я симулировал для Координационного Центра твой инфаркт миокарда и, таким образом, спровоцировал медицинское отключение.

— А еще ты мне папа, мама и Дух Святой, — не удержался Августин. Якут явно не знал меры в своей лжи.

Хотой промолчал. Хотой скрестил руки на груди. Он медленно подошел к двери, открывшейся в молчаливый зал — самодеятельные художники даже не обернулись в его сторону. Тихо скреб по шершавому листу карандаш. Пахло гуашью.

Притихший Томас, а с ним и Августин, следили за действиями Хотоя словно зачарованные.

— Если ты не веришь мне, уходи, — сказал Хотой, и в его голосе не было ничего, кроме несгибаемой воли. Сам якут в этот мо-

мент был скорее сгустком психической энергии, чем человеком во плоти.

Августин опустил взгляд на циновку. Он сидит в центре Великой Мандалы. Он жив. Он избег массы опасностей, и ни одна случайность не помешала ему осуществить хитроумный план спасения, которого у него не было и в помине.

Экстренное медицинское отключение...

Человек, называющий себя Хотоем, знает все о том, что произошло с ним в последние часы.

И даже про Утгард.

Он утверждает, что помог ему. Но если не он, то кто же?

Никто? Вот в это Августин никогда бы не поверил.

— Извини, Хотой. У меня отсутствует внутренняя дисциплина. Мой ум суетлив. Я не умею держать язык за зубами. ВР высосала у меня все мозги. Эта проклятая сетевая служба делает из человека дебила, — произнес Августин и сам себе подивился.

Если бы сутки назад ему кто-нибудь сказал, что он в трезвом виде способен на подобные монологи, он запустил бы в дерзкого лгуна первым, что подвернулось бы ему под руку.

— Все в порядке, Августин, — сказал Хотой и плавно закрыл дверь.

Саама была матово-черной, словно оливковый плод.

Саама слегка блестела в антикварном свете керосиновой лампы. Саама лежала на ладони Хотоя пропуском в иные измерения.

Августин смотрел на крохотный смолистый комочек, словно на крупицу звездной пыли, невесть как попавшей на нечуткую к горнему свету землю.

— У нас с тобой общие враги, — начал Хотой очень тихим, ровным голосом. — Они хотят твоей смерти, но они ее не получат. Они хотят моей смерти тоже, но еще не знают об этом. Но уж ее-то они и подавно не получат.

— Пусть будет так, — тихо сказал Августин, хотя все еще не понимал, о каких «врагах» идет речь.

— Они гоняли тебя, словно гончие зайца, от Утгарда до сих мест. Сейчас они ищут тебя по всей округе, и тебе предстоит еще не раз встретиться с ними. Встретиться, чтобы сразиться.

— Я помню, — отозвался Августин, и зернышко саамы перекочевало с ладони Хотоя в его ладонь.

— Но они охотятся за тобой, не зная, что ниточки их жизней в твоих руках, Августин. Я был свидетелем того, как Пантера — несчастное существо, разлученное со своим физическим телом, — го-

ворила с тобой. Ей удалось оставить с носом тех, кто наложил на ее уста Печать Молчания, и сказать тебе то, что она тщетно пытается сообщить всему миру уже несколько лет.

— Но она не сказала мне ничего такого! — вздохнул Августин, и в его мозгу пронеслись эпатирующие картины последнего свидания с Пантерой.

— «Такого» она, быть может, и не сказала. Но то, что нужно, ты, обаятельный белый барс, уже слышал. «Я тень, я свиристель, убитый влёт подложной синью, взятой в переплет окна».

— Да, я слышал. Это любил мой отец, — сказал Августин.

— В этом стихе есть всё, что нужно, чтобы уничтожить наших общих врагов и остановить наступление кошмарного рая «Виртуальной Инициативы».

Августин не понимал, чем таким не потрафила Хотою «Виртуальная Инициатива», но замечание насчет уничтожения общих врагов пришлось ему по душе.

«Ты положишь зернышко саамы под язык и закроешь глаза», — грохотал в ушах Августина голос Хотоя.

Перед его внутренним взором расплывались шустрые круги, сверкали крохотные звезды. Космос? Хаос? Ничто?

«Саама заставит твой мозг заиграть. Ты станешь первой скрипкой в оркестре Мироздания. Совершенная Пустота в обличье Господа Бога будет указывать тебе путь своей дирижерской палочкой», — нараспев говорил Хотой. Тело Августина становилось невесомым и прозрачным. Казалось, свет пронизывает его насквозь, не зная преград.

«Ты доверишься всему, что будет происходить вокруг тебя. Ты не будешь сопротивляться. Ты будешь принимать все, что увидишь. И ты запомнишь все», — Хотой убаюкивал Августина, чье распластанное на тростниковой циновке тело уже, казалось, не принадлежало ему. Оно лежало само по себе. Неодушевленный кусок мяса. Никому не нужный, чужой. Сидящий у изголовья Августина Хотой был ему хранителем.

«Ты попадешь туда, где сохраняется все, произошедшее во Вселенной», — вкрадчивый голос Хотоя звучал, как казалось Августину, в каждой клетке его мозга. Он был растворен в пространстве. Он был его единственным проводником в бестелесном мире саамы.

«Сейчас ты сделаешь мысленное усилие и пустишься на поиски. Тебе нельзя задерживаться. То место, где ты сейчас находишься, не должно стать для тебя просто музеем вечности, иначе тебе не найти выхода назад. Ты должен сказать всем, зачем ты пришел, иначе они

не отпустят тебя назад. Скажи им, зачем ты пришел. Скажи им, что тебе нужен свиристель, убитый влёт. Скажи им, что ты хочешь понять», — шептал Хотой на якутском, но, как ни странно, Августин прекрасно понимал его. Керосиновая лампа освещала линогравюры с неведомыми пейзажами и невидимыми ландшафтами.

«Теперь смотри во все глаза и слушай во все уши. Саама поможет тебе понять смысл. Я не оставлю тебя. Я просто не буду мешать тебе...» — сказал Хотой и надолго замолчал, положив свою большую ладонь на лоб Августина.

7

Обгоревшие стволы сосен подпирали темнеющее небо. По ним еще перебегали язычки пламени, а внизу уже давно все было кончено. Все, что могло гореть, сгорело. Все, что могло расплавиться, расплавилось.

От вертолета Ка-106 остался только закопченный каркас, бронированное днище и титановые пилотские кресла. Двигатели, вырванные взрывом еще в воздухе, валялись где-то очень далеко. В пилотских креслах покоились останки двух человек.

Первый сгорел почти полностью. От него остались разве что несколько костей и развалившийся череп. Второй оказался крепче.

В абсолютной пустоте вспыхивали и гасли далекие молнии. Не было ни мыслей, ни симулированных эмоций, ничего. Был только безучастный внутренний голос. И этот голос вел медленный отсчет.

«Семьдесят восемь процентов».

Спустя минуту: «Семьдесят девять процентов».

Из ядра регенерации, находившегося в наиболее защищенной зоне несущего каркаса — в центре груди, — глубоко под землю уходили несколько тонких щупальцев. Как корни ненасытного хищного растения, но только в сотни раз быстрее, они высасывали из почвы питательные вещества, не брезговали дождевыми червями и с жадностью набросились на задремавшего крота. В дело шло все, что могло быть использовано как строительный материал для новых тканей.

«Восемьдесят пять процентов».

На месте оторванной правой кисти неспешно вырастала новая. От сгоревшего лица с треском отвалилась черная корка. На ее месте проглянула свежая кожа, два комочка слизи сгустились в белки глаз, появились зрачки. Ровная поверхность новорожденной матовой кожи треснула, трещина углубилась и разошлась в стороны. Так зарождался новый рот.

«Девяносто пять процентов».

На лысом черепе заколосились волосы, вокруг ушных отверстий выросли привычные улитки ушей. Без них было нельзя. Без них страдало качество обработки акустической информации.

«Сто процентов. Аварийная регенерация завершена. Все основные системы функционируют нормально».

Щупальца ядра регенерации втянулись обратно. После этого появились мысли. Пьеро — теперь он снова знал свое имя — встал и пошевелил конечностями. Все в норме.

Конечно, это был не тот красавчик, который ворвался сегодня днем в квартиру Августина. Восстанавливать весь макияж было некогда.

Лицо Пьеро напоминало диковатую маску. На ней были только глаза (чтобы видеть в оптическом диапазоне), рот (чтобы говорить со своим шефом) и два отверстия химических анализаторов, которые некогда было приводить в соответствие с модельным римским носом. Одежды на Пьеро не было.

К шоссе Москва—Воронеж вышел человек, производящий впечатление обглоданного собаками трупа. У него были ступни и часть ножной мускулатуры, голый скелет грудной клетки, ладони и обнаженные сухожилия на руках. Лицом он походил на детище доктора Франкенштейна.

8

Августин оказался в реальном земном мире. Все было вполне обыкновенным и вполне подмосковным. Если не считать того, что своего тела Августин не видел. Но это не смутило его. Загадочный пароль пантеры — вот единственное, что интересовало его по-настоящему.

Какой-то человек с коротко подстриженной каштановой бородой и старомодными бакенбардами прохаживается возле автофургона. Вот он наклоняется и вынимает из радиаторной решетки машины насекомое. Это оса. Он аккуратно прячет осу в коробок и возвращается к себе в кабинет. Августин следует за ним, но человек с бакенбардами, похоже, не замечает его присутствия.

Вот пойманная оса лежит на ложе молекулярного анализатора. Тот, что с бакенбардами, споро управляется с клавиатурой хитрого прибора. Делает какие-то анализы. «Отлично», — говорит он сам себе. Затем он извлекает из-под крышки часов крохотный инфокристалл — заманчиво поблескивающий, притягивающий взгляд. Августин наблюдает за ним, паря над потолком.

Человек с бакенбардами знает о жизни ос все. Почетное место в его кабинете занимают «Общественные насекомые» Анри Фабра.

Но Августину недосуг. Он наблюдает за тем, как человек подцепляет на тончайшую иглу крохотную каплю полупрозрачной жидкости. Заворачивает кристалл в тончайшую полипропиленовую пленку, прикасается к пленке иглой и приклеивает сверток к брюшку осы.

Августин следует за ученым на улицу. Тот выпускает осу. Насекомое с бодрым жужжанием уносится прочь.

Августин, повинуясь скорее некоему внутреннему чувству, нежели доводам рассудка (который, напротив, советовал ему остаться подле человека с бакенбардами) следует за осой. Ему не сложно поспевать за ней. Препятствий не существует. Он почти всемогущ.

Оса все дальше и дальше удаляется от огромного розового здания, где живет человек с бакенбардами. Вот она минует некую невидимую черту. «Защитный купол», — неведомо откуда появляется объяснение в голове Августина. «Птицы разбиваются о него насмерть. Им не пролететь внутрь», — подсказывает Августину кто-то. Хотой?

И точно. Там, где оканчивается купол, Августин видит мертвую птицу. Это свиристель. Но он не может позволить себе разглядывать свиристеля. Он следует за осой.

Оса прилетает к своему гнезду. Крошечный сверток по-прежнему у нее на брюшке, но она, похоже, не тяготится своей ношей. Это гнездо можно видеть из комнаты человека с бакенбардами. Одни сестры осы трудятся в гнезде, которое висит среди ветвей векового дуба. Другие — с изумлением обнаруживает Августин — тащат крохотный кусочек птичьего крыла.

«Это свиристель. Он разбился о невидимый защитный купол. Осы съедят его. Они любят падаль», — понимает Августин.

Оса забирается в гнездо. Но Августин все еще видит ее. Гнездо стало прозрачным. Зрение Августина не подводит его — он видит все, что ему нужно. Оса залазит в свою ячейку.

Там тепло. Но главное — там крайне специфический химсостав воздуха. Именно на него настроен клей. Под воздействием воздуха в гнезде клей разлагается на несколько нейтральных компонент, теряет свои прежние свойства и крохотный сверток с инфокристаллом остается в одной из ячеек.

«Ты должен найти этот кристалл», — говорит ему человек с бакенбардами. Он машет рукой Августину из окна розового здания.

Августин смотрит на него не отрываясь. Что-то знакомое в этих чертах. Если бы не борода... Отец никогда не носил бороды. Отец? Августина прошибает холодный пот.

«Августин, пора возвращаться, — снова просыпается в его ушах голос Хотоя. — Сейчас ты должен сказать себе «стоп». Твое время истекло. Ты уже узнал все, что нужно».

Буквы В, И, Н на крыше розового здания — последнее, что видит Августин.

Ветер из Леты уносит его в иные пространства, в иные времена. В другой материальный мир, в другое время. Куда-то, где уже ждет его Хотой.

9

Хотой сидел там, где и раньше, когда зернышко саамы растворилось под языком Августина. Свет керосиновой лампы. Гравюры. Тишина, которую нарушает лишь тихий плеск воды.

«Мы на водохранилище», — напоминает себе Августин.

— Сколько времени прошло? — спрашивает он, жмурясь от света. Ему кажется, что прошла целая вечность. Или половина вечности.

— Тебя не было тридцать восемь минут, — говорит Хотой, всматриваясь в его лицо.

Августин не видит часов. Их нет и на руке у Хотоя. Их нет на стенах. Откуда же Хотой знает, сколько времени прошло? Августин не спрашивает.

— Ты выяснил все, что тебе нужно. А теперь ты должен идти. Локи ждет тебя.

— Ты слышал, как Локи назначал мне встречу? — спросил Августин.

— Не я один, — Хотой улыбнулся и помог Августину подняться с циновки. — Тебя ищут.

Августин кивнул. Мол, это понятно.

— Тебя уже почти нашли.

Августин бросил на Хотоя затравленный взгляд. Он не привык быть дичью. Гончим псом быть куда лучше.

— Ты и есть гончий пес. Ты просто еще не понял этого, — поймал его невысказанные мысли Хотой и снял со спящего Томаса блестящий ошейник, на котором поблескивала пластина со скан-кодом.

Затем Хотой подошел к занавешенному плетеной из тростника шторой окну, за которым открывался вид на погружающееся в сумерки водохранилище. Выглянул наружу. Закрыл окно.

— Этот ошейник тебе придется оставить мне на память, — сказал Хотой.

10

Аватары Августина Деппа и его пса достигли центра рекурсионной терапии «Байкал» и вот уже больше часа бортовой компьютер «Змея» изображал сидящего на абстрактной табуретке Августина, рядом с которым лежал на абстрактном полу Томас.

Четверо операторов, как ангелы-хранители, прогуливались вокруг них и травили анекдоты. Делать было совершенно нечего.

Зато перуновцы, удрученные гибелью своего боевого товарища, анекдотов не травили и пребывали в крайнем сосредоточении. Каждый думал приблизительно об одном и том же — о кровавой бане, в которой можно будет смыть раскалывающее мозг напряжение.

Полковник Хованский разрешил им применять при задержании любые средства вооруженной борьбы и правильно сделал. Если бы он не разрешил открывать огонь, пришлось бы стрелять в нарушение устава.

Сорок профессиональных убийц сидели в десантном отделении и сосредоточенно чистили, перебирали, заряжали и перезаряжали оружие. Кровавый пес Августин Депп должен получить свое.

Наконец ласковый женский голос под потолком произнес долгожданное «Двухминутная готовность!»

11

Операции был назначен полковником Хованским приоритет «Ноль». Поэтому к боевому вылету было привлечено девяносто процентов личного состава перуновской полуроты.

Три десантно-транспортных Ми-40, прорезая светом галогеновых прожекторов вечерний сумрак, приводнились на поверхности водохранилища вокруг хотоевского свайного дома.

Поднявшимся от их винтов ветром опрокинуло несколько виндсерфов, подхватило и понесло на коряги зазевавшийся катамаран. Четвертый Ми-40 завис прямо над крышей дома, готовый в любой момент открыть огонь по улепетывающему Августину.

В виртуальной реальности операторов «Змея» с появлением вертолетов возникло всеобщее оживление. Пожаловал сам господин полковник Хованский. Ожидалось что-то интересное.

С зависшего над «Байкалом» вертолета упали два троса и по ним соскользнули вниз восемь теней. Они рассыпались по крыше, двое спрыгнули на крыльцо, двое стали под окнами.

Аватар полковника Хованского подошел к дверям. Когда спецназ вломится внутрь, телекамеры, закрепленные на их касках, пере-

дадут на «Змей» всю необходимую информацию, и тогда полковник Хованский встретится лицом к лицу с сетевым лейтенантом Августином Деппом в виртуальной реальности, которая полностью подчиняется его, Хованского, воле. Вот смеху-то будет!

На счет «три» перуновцы высадили дверь (она была не заперта и радушно распахнулась перед ними) и оказались в большой комнате с циновками на полу.

Дополнительная информация пошла, аватары Августина и его пса мигнули и детализировались, но Хованскому было не до смеха.

В комнате сидел капитан Сергей Гаспаров, а рядом с ним на полу топтался упитанный барсук в ошейнике Томаса.

Глава 11

147-Й КИЛОМЕТР

1

Шоссе Москва—Воронеж выглянуло из-за перелеска в 21.05.

Точность — вежливость королей. Это Августин знал. Но он не был королем, а потому позволил себе опоздать на горсточку минут. Если кому нужно, так дождется. Августину было приятней считать, что он нужен Локи куда больше, чем Локи нужен ему.

«147-й километр. Счастливого пути!» — панель дорожного указателя была настолько яркой, что ее можно было заметить, наверное, из Ташкента.

Августин не торопился покидать лес. Под прикрытием деревьев он чувствовал себя куда спокойнее, чем на шершавом покрытии шоссе.

Пробираясь по кустам, Августин в то же время не забывал рекогносцировать местность. Он опаздывает. Это ясно. Если Локи намерен дождаться его, значит он должен быть уже на месте. Но на месте, напротив указателя, как назло было полно народу.

Неподалеку от светящейся панели с надписью «147-й километр» стояла, разводя пары, головная машина большегрузной автоколонны — «Катерпиллер».

За ним выстроились еще десять автофургонов. Большей частью МАЗы. На белых боках фургонов глазастый Августин заметил эмблемы Наблюдательной службы ЮНЕСКО.

«Важные птицы», — заключил Августин и продолжил свои изыскания.

Как он вообще выглядит, этот Локи? Августин не знал его имени. Он никогда не видел его. Августин даже не был уверен в том, что его ожидает встреча с мужчиной. С таким же успехом Локи мог оказаться наяву, то есть в реальной реальности, ухватистой сорокалетней теткой с химией на голове и свиными ногами, изуродованными варикозным расширением вен. Кто сказал, что на хмыревской распечатке именно Локи?

К сожалению, туши фургонов ЮНЕСКО заслоняли обзор.

Зачем они тут стоят? Ни закусочной, ни бензоколонки. Какого, собственно, черта?

Августин подобрался поближе и оказался около одного из водителей, который, обстоятельно разминаясь, прогуливался перед головной машиной.

Водитель прыгал, потягивался и нагибался, пытаясь достать кончиками пальцев до носков своих высоких армейских ботинок. На нем была форма Наблюдательной службы ЮНЕСКО. Наконец он угомонился, вынул из нагрудного кармана пачку сигарет и закурил.

Теперь Августин смог рассмотреть его поближе. Не зря. Очень не зря.

В водителе автофургона он узнал человека, чье лицо красовалось на кадре, добытом им у Хмыря. Он вынул из заднего кармана джинсов потрепанную распечатку и еще раз взглянул на нее. Да, все та же рожа протокольная.

Так вот ты какой, Локи.

2

— Полковник, полковник, какой же ты педераст... — мечтательно, нараспев, с чудовищной издевкой протянул капитан Гаспаров.

Микрофоны, установленные заодно с телекамерами, на касках спецназовцев, подхватили эти слова и передали на «Змей».

А компьютеры старательно воспроизвели звук и изображение в виртуальном пространстве, где перед Сергеем стоял ошарашенный полковник Хованский.

На этом, собственно, и строился расчет капитана. Сергей Гаспаров прекрасно знал все тонкости работы информационно-ударной системы «Длань Стрибога».

И тут нервы Хованского не выдержали. Он еще мог бы, наверное, как-то спасти положение, мог бы, возможно, вывернуться, выйти сухим из воды, но вместо этого он заорал:

— Ма-а-алчать! Пристрелите сук-кина сына!!!

Свидетелями этого короткого, но очень содержательного общения стали шесть операторов «Змея» и, главное, перуновцы, в чьи наушники сейчас напрямую передавались все приказы Хованского.

Вышла, однако, неувязочка.

Капитан Сергей Гаспаров, который пользовался на «Змее» непререкаемым авторитетом (иначе техники стартовой площадки едва ли согласились бы испортить дежурные Ми-40 при помощи ножа, любезно предоставленного капитаном), согласно официальному заявлению Хованского, геройски погиб сегодня днем. Когда же выяснилось, что он жив, Хованский вместо «здравствуй, герой» требует его пристрелить!

Что ж, полковник Хованский, похоже, очень плохо соображает. И это в свои-то неполные пятьдесят лет!

Стволы автоматов опустились.

Сам и стреляй в капитана Гаспарова!

— Здорово, ребята, — сказал Сергей своим боевым товарищам. — Вырубите свои электронные каски и потолкуем без свидетелей.

Хованский, холодея от осознания своей непоправимой ошибки, остался в окружении нескольких безмолвных и неподвижных аватаров.

3

Полковник Хованский пулей вылетел из виртуальной реальности и бросился к пульту связи.

— Центральное Управление ДБ, генерала Воронова!

Через две секунды на экране появилось лицо генерала.

— Слушаю вас, полковник.

Генерал не знал, конечно, о происходящих событиях. Откуда ему было знать, если полковник Хованский до этого ни о чем не докладывал, надеясь, что все закончится благополучно?

— Господин генерал, у нас ЧП. Ситуация двести восемнадцать, ситуация триста шесть и состояние «Зимородок».

Глаза генерала округлились.

— Повторить!!!

— Двести восемнадцать, триста шесть, «Зимородок».

— Потери?

— Ударно-штурмовой вертолет «Шершень».

— Преступник?

— Капитан Гаспаров.

— Очень хорошо, — вместо того, чтобы сказать «хреново» или «твою мать», Воронов всегда шипел «хорошо», «замечательно» и

«изумительно». «Очень хорошо» было в его лексиконе самым страшным ругательством. — Что по состоянию «Зимородок»?

— Потеряна связь с полуротой подразделения «Перун» на четырех десантно-транспортных вертолетах Ми-40.

— Подробности давай!!!

— Полурота была выслана для задержания особо опасного преступника Августина Деппа. Вместо Деппа на месте захвата был обнаружен считавшийся погибшим капитан Гаспаров. Судя по косвенным данным, он склонил полуроту к неповиновению. Это и стало результатом потери связи.

— А ведь это и вправду очень хорошо, — спокойно сказал генерал Воронов, извлекая из кармана пачку «Явы-100». — Знаете, полковник, три секунды назад я вас, честно говоря, хотел расстрелять. И расстрелял бы. Еще неделю назад я бы вас расстрелял. — Мысли Воронова последние дни крутились исключительно вокруг массовых расстрелов, и поэтому он долго не мог слезть с этой темы. Наконец он разорвал порочный круг и продолжил: — Но сейчас вы вместо пули имеете шанс получить одну генеральскую звездочку взамен трех полковничьих. Итак, приказываю...

Голос Воронова стал тверд, как танковая броня, и звонок, как перестрелка в зимнем лесу. Хованский вытянулся по стойке «смирно».

— Первое. Ввиду непосредственной угрозы государственной безопасности России, возникшей в результате мятежа полуроты «А» второго отдельного батальона сил специального назначения «Перун», использовать все имеющиеся в наличии ПБС «Змей» огневые средства для полного и немедленного уничтожения означенной полуроты. Второе. Необходимо срочно войти в контакт с объектом-носителем маркера ВМЗ-700, код 3874092. Сразу по установлении устойчивого контакта переключить объект на мой личный канал ретрансляции. Вопросы есть?

— Никак нет!

— Выполняйте.

4

— Sorry for disturbing you*, — начал Августин, выйдя из своего укрытия к машинам. — Кажется, вы назначали мне встречу.

Английский Августина был хорош. Он гордился своим калифорнийским произношением, хотя и не был уверен, что его способности будут оценены водителем по достоинству.

* Прошу прощения за беспокойство (*англ.*).

Водитель просиял и протянул ему руку для рукопожатия. Отбросил недокуренную сигарету. Сказал «Hm-m-m», потрепал глухо ворчащего Томаса за ухом и смылся.

«Кажется, у Локи не все в порядке с головой», — подумал Августин, однако остался стоять на том же месте. Томас выразил свое недоумение по поводу международного инцидента тоскливым зевком.

Спустя минуту из-за машины снова показался Локи и знаком позвал Августина к себе. Августин подошел. Раз уж он пришел на встречу, пробираясь по кустам, чего уж теперь-то ломаться?

Локи, стоявший подле открытой двери фургона, отступил на два шага и сделал пригласительный жест.

Августин последовал приглашению и заглянул внутрь. Темнотища...

Холодный ствол пистолета уткнулся ему в затылок.

— Welcome!* — сказал Локи.

Некуда бежать. Так называется состояние, в котором находится человек, к затылку которого приставлен пистолет.

Томас смотрел на своего хозяина с немым укором. Даже ему было понятно, что Августина провели на мякине. Гавкай он или нет, пуля все равно пробьет череп хозяина быстрее, чем он успеет сделать хоть что-нибудь. Например, впиться зубами в глотку. Томас был сообразительной собакой. И спокойной. Когда нужно.

Августин встал на подножку и шагнул внутрь фургона.

— Ты не очень-то похож на своего отца, Августин, — сказал человек, выступивший ему навстречу из темноты. — Валюха, убери пушку. Это ты слишком, честное слово.

Валюха повиновался.

Августин почувствовал себя гораздо комфортнее. Августин молчал. Он не обязан говорить. Он вообще никому ничего не обязан.

— А это, как я понял, та самая красная псина, — сказал человек, указав на Томаса. — Она мне еще в Утгарде понравилась.

И тут Августина осенило. Тот, кого он вначале принял за Локи, на самом деле Локи не является. Да, это он, водитель, покупал «форсаж» у Хмыря. Да, это его, Валюхи, физиономия болталась в кармане его джинсов. Но он всего лишь подручный. А настоящий Локи — вот он.

— Ты можешь звать меня Фил. — Но если тебе больше нравится звать меня Локи, я не буду возражать, — дружелюбно сказал человек в форме наблюдателя ЮНЕСКО. — Валюха, свободен. Поехали. Здесь больше ловить нечего. Мы и так застоялись.

---

* Добро пожаловать! (*англ.*)

5

Из левого подкрыльевого отсека ПБС «Змей» вылетели и разошлись по радиальным направлениям шесть малогабаритных автономных станций обнаружения типа «Павлиноглаз», именуемых среди операторов «Нюхачами».

Из правого подкрыльевого отсека был выпущен одноразовый зонд «Ласка».

«Павлиноглазы» должны были запеленговать человека, источающего высокомолекулярный запах с кодом 3874092, а зонд отправился в направлении центра рекурсионной терапии «Байкал». Его задачей было информационное обеспечение удара по мятежному «Перуну».

Еще в первой половине двадцатого века было установлено, что абсолютным рекордсменом по чуткости обоняния является бабочка вида «большой грушевый павлиноглаз».

Самец павлиноглаза в состоянии унюхать самку за пятьдесят километров и безошибочно разыскать ее в лесу среди трехмерного лабиринта деревьев, ветвей и листьев. Таким образом, сама природа доказала принципиальную возможность обнаружить искомый предмет по запаху на фантастическом расстоянии.

В конце двадцатого века были построены первые громоздкие газоанализаторы, предназначенные для обнаружения подводных лодок с воздуха. Это были, конечно, смешные и ненадежные приспособления. Чудовищный скачок, сделанный биохимией в первой четверти XXI века, позволил создать не только нейрокомпьютеры, ментальные интроскопы и авторегенерирующую боевую систему «Пьеро». Биохимия также поставила на вооружение спецслужб новый метод слежки.

Принцип чрезвычайно прост. Человек метится миллиграммом вещества, к запаху которого не чувствителен ни он сам, ни собаки, ни кто бы то ни было другой. Большие грушевые павлиноглазы давно вымерли, поэтому вокруг меченого человека не вьются бабочки. Но сверхчуткие носы искусственных «Павлиноглазов» находят человека безошибочно.

Единственное ограничение — пресловутые пятьдесят километров. На большей дальности газоанализаторы не справляются. Но шести «Нюхачей» вполне достаточно, чтобы найти человека в пределах Московской области за три часа. Это если не везет. А если везет — найти можно сразу.

Пока «Павлиноглазы», с виду похожие на небольшие и совершенно безобидные модели мотопланеров, сотканные из легчайшего

пенопластика, кружили над Москвой и ее окрестностями, зонд «Ласка» достиг цели и, погрузившись на дно водохранилища, приступил к наблюдению.

6

— ...Августин Депп — мой хороший друг. Он не преступник. Кроме этого, я своими глазами на радаре видел, как его преследовали два «Камовых». Один из них разбился, а второй открыл по его вертолету огонь. Ясное дело, Хованский был в курсе этих событий с самого начала. Он, разумеется, понимал, что «Камовы» рано или поздно собьют «Ирокез», и не предпринял ничего, чтобы этому помешать! Спасибо Игорьку, предупредил. А вообще, кругом творится какая-то херня. Пусть скажет Хотой.

Центр рекурсионной терапии «Байкал» представлял собой весьма необычное зрелище.

Четыре Ми-40, заглушив моторы, болтались на воде, а полурота перуновцев, за исключением пилотов, сгрудившись вокруг Сергея и Хотоя, усиленно пыталась понять, что происходит в этом страннейшем из миров.

— Да, многое неладно в Датском королевстве, — начал Хотой без тени улыбки. — Очень многое. Но из этого многого для нас важно только одно. Совсем скоро, а именно завтра утром, лицо России изменится до неузнаваемости. Главным виновником этой печальной метаморфозы будет компания ВИН и ее президент Венедикт Щюро. Компания ВИН, увы, имеет могущественных покровителей. Сергей рассказал вам о Хованском. Следовательно, ВИН поддерживает ДБ. Все вы слышали предвыборные лозунги Салмаксова. Следовательно, ВИН поддерживает не только ДБ, но и Социальная Партия Справедливости. Августин Депп, которого вам было приказано ликвидировать, подобрался слишком близко к компании ВИН и ее секретам. Поэтому его пытались убить наемники компании, а когда это не удалось — послали вас. Все вы свободные люди и имеете право выбора. Пока имеете. Поступайте так, как велит вам мировое Дао, отраженное в сердце каждого из вас. И помните — для наших противников на карту сейчас поставлено слишком многое. Они не остановятся ни перед чем. Над Россией уже занесен отточенный серп абсолютного беззакония.

Перуновцы зашумели.

— Тихо, ребята, тихо! — громыхнул командирский голос Сергея. Кроме него, среди перуновцев находились еще два капитана, один из которых был старше его по должности, но Гаспарову они

молчаливо уступили бразды правления. — Хотой говорит все по теме. Разве только слишком тщательно выбирает выражения. Для тупых перевожу. Если не шарахнем мы, шарахнут нас. Я за то, чтобы мы шарахнули первыми.

Еще минуту назад у Сергея не было такого намерения. В конце концов, он был обычным человеком с обычными мыслями. Законопослушным гражданином и блюдущим устав солдатом. Но в словах Хотоя, таких спокойных и рассудительных, таилась колоссальная мощь, о которой слушатели даже не подозревали.

— Надо захватить «Змей», — сказал Сергей, и все замолчали.

В этот момент вошел один из членов общины Хотоя.

— Извини, сэнсэй, но я видел нечто странное. Что-то крупное спустилось с неба и упало в воду недалеко от нашего дома, — сообщил он встревоженным голосом.

— Ну вот и все. Война объявлена, — заявил Сергей, обводя пристальным взглядом своих боевых товарищей. И уже другим, приказным тоном, не терпящим возражений, скомандовал:

— Рассредоточиться. Один вертолет поднять в воздух для наблюдения. Выставить на крышу расчеты ПЗРК «Жало». Двум аквалангистам обследовать дно в месте падения летательного аппарата противника.

Да. Теперь «Змей», на котором они еще сегодня днем дулись в шахматы и го, становился главным противником, врагом номер один. Опасным и коварным. Змеем.

7

Змей-7, он же лейтенант Игорь Иванов, дождавшись, когда полковник Хованский встанет и направится к своей капсуле входа, бесшумно выскользнул из-за консоли узла связи и бросился в подфюзеляжный «наплыв», где располагался пост контроля и наведения бортовых систем оружия.

— Здорово, пацаны. — Там служили его одногодки, и если к перуновцам основной неуставной формой обращения служило уважительное «мужики», то здесь можно было отделаться более легковесными оборотами.

— Здорово, глазастый, — протянул ему холеную руку, которая в этой жизни только на кнопки и нажимала, старший по смене капитан Голавлев.

— Вы сегодня, говорят, ракетой Р-200 баловались? — как можно более небрежно бросил Игорь.

— Сопровождали, — веско кивнул Голавлев.

— А в кого стреляли знаете?

Голавлев равнодушно пожал плечами.

— В Гаспарова.

— В Серегу, что ли? Врешь.

— Не вру, — процедил Голавлев. — Кстати, следующая цель — наша полурота «Перуна». Так Хованский сказал. Чтоб ему... сто лет жить!

8

Фургон ехал очень плавно и, как казалось Августину, очень медленно.

Он сидел в удобном кресле с подогревом. Лампы дневного света освещали внутренности фургона, нашпигованного разнообразной электроникой, о предназначении которой Августин, к стыду своему, мог лишь догадываться. Локи был спокоен и разговорчив.

Вначале их беседа вертелась вокруг последних новостей ВР. Теперь Августин был таким же преступником, как и сам Локи, и оттого обмен мнениями происходил на равных, без морали типа «как не стыдно!». Поболтали о «шатунах», которые расплодились в ВР и мешают жить честным путешественникам и воякам. О расстановке сил в великой войне между СРС и Герцогством Велес. Кстати, и Августин, и Локи симпатизировали Герцогству, что, безусловно, сближало.

И ни слова об Утгарде, где морф «Метрострой» под водительством Августина показательно спустил шкуру со скандинавского бога с низкой зубов на шее и желтой бородой в паху!

Все это было очень мило и интересно, но Августин совершенно не понимал, какого черта Локи назначил ему встречу. Поболтать можно и в ВР.

— Ты знаешь, Фил, жрать очень хочется, — не выдержал наконец Августин.

Кишки в его животе играли марш, а Томас, их молчаливый слушатель, с тоской поглядывал на хозяина. Он тоже был голоден.

— Извини, Августин. Гостеприимец из меня совершенно никудышный. — С этими словами Локи подъехал на своем кресле к одному из пультов и сделал заказ. Тут же из стенной ниши выкатился банкетный столик с тремя приборами и кучей консервированной еды.

Одну из тарелок Августин поставил перед Томасом, предварительно навалив в нее «Собачьей Вкуснятины» (так значилось на этикетке).

Августин ел как Тантал перед приговором олимпийцев. Но Локи лишь несколько раз ткнул ножом в отбивную, оставив без внимания все остальное. Единственным, что употреблял Локи, были свежие персики.

— Сдается мне, Фил, ты брезгуешь консервами, — с набитым ртом заметил Августин.

— Я слишком стар для консервов. Меня не интересуют банки и упаковки, я предпочитаю траву. То, что выросло под солнцем. Трава и фрукты гораздо дороже консервированных отбивных, но себя окупают.

Августин вздохнул. Если бы он мог, он тоже заложил бы на всякие консервы.

— Ты говоришь как истый натурал, — заметил Августин, на котором была вышитая неведомым орнаментом рубаха, подаренная ему Хотоем. — Кстати, среди натуралов у нас, похоже, есть один общий знакомый.

— Хотой, — кивнул Локи.

Когда Августин утолил первый, второй, а заодно и третий голод, взгляд его стал более осмысленным.

Томас вылизывал себя после обильной трапезы. Локи разделывал апельсин.

— Скажи, Локи, какого черта ты назначил мне встречу? Чтобы со вкусом отправить меня к праотцам? — спросил Августин. После сытного обеда-ужина пора было подкормиться пищей интеллектуальной, а заодно и проставить все точки над «i».

— Думаешь, ты сильно нужен своим праотцам? Конечно, после того как ты высадил мне третий глаз, после того как соблазнил женщину — теперь, увы, пантеру — моего разбитого сердца, после того как расправился со мной в аватаре робота-землекопа и вообще вел себя как последняя сволочь, мне тяжело проникнуться к тебе дружескими чувствами. Поэтому я ими не проникся. Но я уже немолод и знаю всей виртуальной параше цену. — В аристократических устах Локи слово «параша» прозвучало особенно убедительно. — Меня интересует реальная жизнь. Вот почему мы сейчас сидим за одним столом.

— И все-таки ты не ответил на мой вопрос, — педантично заметил Августин.

— Постой, — Локи сделал рукой упреждающий жест, — не все сразу. Ты мой гость. А долг гостя — слушать монологи хозяина.

Августин засмеялся.

— Ты отличный парень, Августин. Но самое лучшее, что у тебя есть, — твоя фамилия. И это главное, Августин Борисович Депп.

— Что с того, что моя фамилия Депп?

— С Борисом Деппом мы работали вместе не один год. Твой отец был гением, самым светлым умом в моей бывшей конторе. И, надеюсь, остался гением до сих пор.

Глава 12
КОМАТИ

1

Августин редко вспоминал о своем отце, Борисе Михайловиче Деппе. Так повелось у них с матерью — вспоминать о нем как можно реже.

Августин неплохо помнил его — вечно занятого, погруженного в созерцание внутренностей различных устройств — от самых примитивных до ультрасложных. Августин редко видел его — все дни и ночи он проводил в Центре Нейрофизиологических Исследований АН России. Августин редко говорил с ним — похоже, Борис Михайлович считал сына слишком молодым для того, чтобы тратить свое драгоценное время на разговоры с ним.

Тогда Августину исполнилось шестнадцать. Он отрастил длинные волосы, сделал криохимическую завивку и окрасил половину прядей в огненно-красный цвет. Дальше были голографические тату, пирсинг-серия для щек и пупка, высветление бровей — все эти важные дела требовали времени. А еще были музыка, учеба и секс. Короче говоря, он был так занят собой и девчонками, что проморгал момент, когда его дом превратился из среднестатистического российского в Содом с Гоморрою.

Единственное, что помнил Августин из этого периода — не было вечера, чтобы он пришел домой и не обнаружил на полуночной кухне горку осколков разбитой посуды и пепельницы, сплошь утыканной окурками. Не было и утра, когда бы он сквозь сон не слышал, как грызутся друг с другом отец и мать.

Так или иначе, Августину вот-вот должно было стукнуть семнадцать, когда его родители развелись.

Развелись? Ну и флаг в руки. Он жил под девизом «завтра хоть Потоп».

Развод родителей не вносил ничего нового в его мироощущение. Конечно, ему было немного жаль мать, которую измотали каждодневные скандалы. Но в ту пору он был стихийным даосом-позитивистом и полагал, что случившееся всегда есть лучшее из возможного.

Он слушал фолк-симфо-транс, боролся с «хвостами» в колледже, приноравливался деликатно задирать юбки и плевать хотел на старшее поколение.

Через неделю после развода отец бесследно исчез. Ни письма, ни сообщения, ничего.

Он не приходил, не звонил, не писал.

Мать сказала, что отца назначили куратором секретного военного проекта и поэтому он не имеет возможности общаться с родными. Августин только саркастически хмыкнул — это казалось похожим на враки для детишек младшего школьного возраста. Правда, довольно скоро он признал, что изобретенное матерью объяснение было лучшим из возможных.

Пожалуй даже, было в нем нечто правдоподобное.

Каждый месяц на их с матерью счет приходили довольно внушительные суммы — размером с две прежние зарплаты отца. Августин знал, что даром деньги никто не платит, а потому надеялся, что спустя год, два или уж в крайнем случае три отец позвонит и скажет что-нибудь вроде «Я взял два билета в инсектарий. Там завтра отличная выставка бабочек. Только живые экземпляры!»

Но ничего подобного не происходило — может, просто выставок не было. Августин, которому уже стукнуло восемнадцать, поймал себя на крамольной мысли: встреча со взбалмошным, эгоцентричным и очень-очень странным папашей-работоголиком стала его мечтой. Не самой большой, но все-таки мечтой. Бывают такие мечты — небольшие.

Шли годы. Деньги продолжали приходить. Отправилась в мир иной его мать — медицина 2043 года спасовала перед тривиальной пневмонией. Впрочем, смерти всегда плевать на медицину — что хочет, то и делает.

И тогда Августину стало особенно не хватать отца — теперь ему страстно хотелось думать, что он жив и здоров.

Образ отца начал приобретать эпические черты. Теперь вспоминалось только самое хорошее. Вот Борис Михайлович играет с ним в шахматы — он поддается, дает форы, нарочно делает глупости, чтобы сын имел возможность свести партию на ничью. Вот он объясняет Августину, как оса отыскивает дорогу к своему жилищу. Вот они втроем — он, отец и мать — катаются на носатой гондоле по каналам настоящего земного Амстердама.

Пойдя на поводу у таких вот воспоминаний, Августин предпринял ряд решительных действий.

Теперь он стал настоящим хакером. Все закоулки обеих глобальных цифровых сетей — законсервированного Интернета и коммерческой «Мнемозины» — раскрываются перед ним, словно створки раковины моллюска под натиском прожорливой морской звезды. Он не нуждается ни в паролях, ни в карточках особого доступа. Он вскрывает все замки. Он взламывает к чертовой матери все пароли. Он ищет информацию о Борисе Михайловиче Деппе. И не находит ничего.

Иногда Августину снится его отец. Это бывает редко.

2

— Ты сказал, что работал с моим отцом. Где и когда? — настороженно спросил Августин.

Локи не курил. Он перебирал четки. Четки, как и сигарета, занимали руки, но, в отличие от сигареты, не портили легкие. Очередная костяшка прошла через его цепкие пальцы. Затем еще одна. И только тогда Локи ответил.

— Борис работал в корпорации ВИН, — сказал Локи и испытующе посмотрел на Августина. — Я не ошибусь, если скажу, что величием и мощью эта отвратительная контора на пятьдесят процентов обязана творческому гению твоего отца. Никому в ВИН не платили так много, как ему. И ничья жизнь не была так похожа на будни трудового концлагеря.

— А что ты делал там? Коров, что ли, пас? Кем ты был в ВИН?

— Я был президентом, — как ни в чем не бывало ответил Локи. — И остальными пятьюдесятью процентами своего могущества ВИН обязана мне.

Августин присвистнул. Вот так да! Врет?!

— Не помню, чтобы я когда-либо видел твое лицо на рекламных плакатах.

— Лица меняются, душа остается. А вообще, хочешь — верь, не хочешь — не надо.

Кофеварка и две чашки были привезены тем же банкетным столиком, который не так давно доставил ужин.

Августин с удовольствием набросился на черный напиток богов. Как и многие завсегдатаи ВР он был отчаянным кофеманом. Его телу немного хотелось спать, в то время как рассудок был готов бодрствовать бесконечно. По крайней мере столько, сколько требуется, чтобы внимательно выслушать все, что хочет сказать Локи.

Бывший директор корпорации ВИН!.. Да, после таких новостей необходимо срочно восстановить гармонию между телом и рассудком.

— Хорошо, Фил, — сказал Августин, отхлебывая из чашки. — Ты был директором. Значит, тебе известно все. Тогда скажи мне, почему мой отец никогда не давал о себе знать?

— Это тривиально. Сначала он подписал с нашей компанией подпадающий под закон «О коммерческой тайне» контракт типа «без права переписки» сроком на два года. Борис так увлекся работой, что, когда я предложил ему продлить контракт еще на пять лет, он пришел от этой идеи в неописуемый восторг.

— М-да... — протянул Августин. Прийти в неописуемый восторг от пяти лет добровольного заточения среди нейрокомпьютеров и электронных микроскопов было очень в духе его отца.

— Ну а потом, в один прекрасный день, я перестал возглавлять ВИН.

— А отец? — спросил Августин, уже приблизительно догадываясь, что скажет Локи.

— Насколько мне известно, он продолжал работать, даже не заметив, что контора меняется. Потом у него возникли какие-то разногласия с Щюро, теперешним президентом. Разногласия, насколько я понимаю, сугубо этического толка. Щюро действовал, как всегда, просто и прямолинейно. К Борису Михайловичу наведался Пьеро — есть там такой милый персонаж — и твоему отцу ничего не оставалось, кроме как сказать «О да! Я согласен». Твой отец рвал и метал. А кому такое понравится? Ведь он стал пожизненным узником! Однако, от работы он не отказывался — без нее он не мог прожить и часа. И это всех устраивало. В то время он проектировал приватную виртуальную реальность ВИН и, в частности, подсистему защиты Главного Корпуса. Вот тут-то он и воплотил свою ненависть к Щюро во вполне конкретных действиях. Я не знаю, правда ли это, но я слышал, что ему удалось заложить в систему «жука». На Западе такие штуки называют «Dreaming King»*. Японцы зовут проще — «комати», умная красавица. Ты понимаешь о чем идет речь...

«Жуки», «динамиты», «комати», «спящие короли»... Бог знает, сколько еще названий есть у таких штук, которые присутствуют почти во всякой сложной компьютерной системе. Даже Августин за свою недолгую жизнь однажды сделал «жука» и инкапсулировал его в заказанную библиотекой им. А.И. Солженицына программу поддержания влажности воздуха в помещениях книгохранилища. Просто так, для интереса.

---

* «Спящий Король» (*англ.*).

— Да, прекрасно понимаю. Это значит, если активировать «жука», система полетит к чертовой бабушке и никто ничего не сможет поделать?

— Да. Он сделал «жука». Но дальше интересней, — сказал Локи и подлил себе кофе. — Каким-то одним ему известным способом он вошел в контакт с Интерполом. Не думаю, что инициатором этого контакта являлся он сам. Твой отец был слишком сосредоточен на своих собственных шутках, чтобы смеяться над шутками других. Скорее, они сами его нашли и уговорили поработать на мировую справедливость. Борис согласился, и дело тут было явно не в деньгах. Эти ребята из Интерпола пасут ВИН уже добрых пятнадцать лет. С переменным успехом. Хотя, я думаю, успех скорее есть, чем нет. Судя по тому, что я болтаю с тобой в этом фургоне, а не в своем кабинете на четвертом этаже Главного Корпуса ВИН.

— А кстати сказать, почему в фургоне, а не в своем кабинете?

— Это другая история. Но если ты хочешь ее знать, я расскажу ее. Вкратце. Так сказать, «содержание предыдущих серий». Нам придется еще долго идти с тобой рука об руку. Хотя бы уже потому, что тебе не с кем больше работать. И только в этом фургоне ты можешь чувствовать себя в безопасности...

Августин отвел взгляд в сторону. У него не было намерений работать с Локи, идти с ним «рука об руку». Но других более заманчивых предложений пока не поступало.

— Все началось с пантеры. С той пантеры, с которой ты имел честь переспать в Замке. Где портьеры на стенах и обстановочка а-ля Эльсинор. С той пантерой, к которой я провел тебя в своем шлейфе стабильности через все смертельные для Гильгамеша, которым тогда был ты, ужасы Утгарда. Только тогда она еще не была пантерой, а соблазнительной музыкальной брюнеткой, которая крутила мною как хотела и заставляла плясать под ее дудку, где и как ей заблагорассудится. Но я не сержусь. И не жалею. Поверь, это стоило того.

«Да, Рут стоила того», — подумал Августин, припоминая волшебное «I am coming». В свое время за эти слова он был готов отдать полцарства. И коня тоже. Но Августин, разумеется, промолчал. Зачем Локи знать, что они уже давно знакомы с ним, так сказать, «через одну рюмку»?

— Так ты специально приволок меня в Утгард в тот день, когда мобильный отряд сетевой полиции при моем непосредственном участии палил по тебе из оранжево-красного леса?

— Да. Но это другая тема. Пантера, будем называть ее так, была настолько хороша во всем, что требуется мужчине, что впору было ожидать подвоха. Резонно, правда?

Августин кивнул. Для Вальдиса этот «подвох» в свое время обернулся двумя пулями из «Магнума».

— Она оказалась агентом Интерпола. Но выяснилось это отнюдь не сразу. До того, как это «оказалось», я успел привезти ее в Главный Корпус ВИН и познакомить с Борисом Михайловичем. Они пили виски, болтали о том о сем, рассказывали друг другу стишата — она тоже любила дурацкие детские стихи. Ну и Щюро, который был тогда всего лишь начальником охраны, ее, естественно, тоже видел. И, представь себе, он раскусил ее. Венечка Щюро, конечно, не преминул воспользоваться этой козырной картой, чтобы сместить меня с поста президента, который он незамедлительно занял сам. Я едва успел унести ноги. Иначе болтаться мне сейчас, бестелесному, в Зоне Стабильности. Но обо мне неинтересно. Интересно о Берил — под таким именем я знал тогда Пантеру. Щюро имел на нее свои виды. Но она решительно отказала ему, и он заточил ее в Зоне Стабильности. Среди золотых садов и охранных киберов. Вот тогда-то Борис и вошел с ней в контакт. Чтобы Щюро не пронюхал ничего, он лишь намекнул Пантере на существование жучка «комати» и на его местоположение. Мне показалось, что сыну Деппа будет под силу понять этот стишок. Именно поэтому я привел тебя в Утгард.

— А как ты установил, что Августин Депп и сетевой лейтенант Джармуш — одно и то же лицо? Это ведь строго засекреченная информация.

— Слишком скучно. — На этот раз Локи оказался более чем краток.

— А почему ты не захотел тогда встретиться со мной по-человечески, в реальном мире, и сказать все, что говоришь сейчас?

Локи улыбнулся.

— Потому что в лучшем случае ты бы не поверил ни одному моему слову. Ну а в худшем — немедленно сдал бы Департаменту Безопасности. Зато теперь, согласись, ты располагаешь всеми доказательствами моей правоты.

— Да уж, — хмыкнул Августин.

Многое становилось ясным. Видение, которое было дано ему крохотным кусочком наркотического снадобья Хотоя. Книги из отцовской библиотеки, в беспорядке разбросанные на полу одного из залов Замка, через который Августин следовал транзитом. Все это наконец-то стало складываться в более или менее целостную карти-

ну. В центре композиции, разумеется, находился «жук». Но Августин не торопился делиться своими соображениями с Локи.

— Ну а теперь, — Локи в упор посмотрел на Августина, — ты должен сказать мне, где искать «комати».

Августин сделал большие удивленные глаза.

— Откуда мне знать? — пожал он плечами. — Сказанное Пантерой ничего не прояснило.

Локи покачал головой.

— Ах, мой милый Августин. Если бы нам всем не нужно было встретить завтрашний проклятый день свежими и бодрыми, мы бы с тобой еще поговорили... Но мне пора тебя покинуть.

Локи решительно поднялся.

— Дела требуют моего присутствия, — добавил он, выслушав кого-то из своих людей по браслету.

— Постой, Локи, ты не сказал что впереди. Я хочу знать твои намерения. По крайней мере на ближайшие сутки!

Локи остановился на полпути к выходу из фургона. Вместе с ним остановился и сам фургон. Ну и синхронизация!

— Раз уж ты не знаешь — а скорее, просто не хочешь говорить — где искать «комати», то, по крайней мере, ты поможешь мне подергать за хвост Щюро. Мы едем в Москву, чтобы уничтожить склад с чипами «Асгард», — сказал Локи. В голосе Локи звенела такая решимость, что Августин сразу же признал в нем один из его несокрушимых аватаров. Взгляд Локи был беспощаден и неумолим.

— Понял, Локи. Все понял, — поспешил заверить его Августин. — Как ты верно заметил, мне некуда деваться.

Локи улыбнулся и решительно открыл дверь автофургона.

Одна его нога уже стояла на приступке, а с улицы к нему обращались сразу несколько вполне воинственных голосов, как вдруг он резко обернулся к Августину и, сложив пальцы пистолетиком, направил указательный палец-ствол прямо в лоб Августину Деппу.

— Совсем забыл! Там тебя какая-то краля дожидается уже второй час. Фургон номер четыре, МАЗ. Следует за нашим. Думаю, она там гоняет чаи с операторами систем слежения. А может и не только чаи... Нужно проверить! — Локи исчез почти так же внезапно, как это водилось за ним в ВР.

Локи слукавил, что вполне соответствовало его виртуальному амплуа бога хитрости и обмана.

«Какая-то краля» явилась за десять минут до Августина. Первым делом она совершенно честно назвала свое звание и должность в Департаменте Безопасности, вследствие чего чуть было не получила пулю от нервного Алекса.

Конфликт, впрочем, был довольно быстро улажен. Деликатный, но строгий обыск с применением самых совершенных электронных средств показал, что у нее нет при себе ничего, хотя бы отдаленно похожего на приемно-передающую аппаратуру.

Локи, который не сомневался в том, что «краля» — шпионка Воронова, был вынужден признать, что она, конечно, шпионка, и притом очень наглая, но по крайней мере сейчас прямой опасности для его организации не представляет.

В этот момент Августин вступил в контакт с Валюхой и Локи отправил странного полковника отдыхать под ненавязчивым, но бдительным наблюдением. Там, дескать, видно будет.

3

Мужчина всегда спешит, когда знает, что его ждет женщина.

Мужчина вдвойне спешит, когда не знает точно, какая именно женщина его ждет.

Неудивительно, что Августин едва не поцеловал дорожное покрытие «Чингисхан», споткнувшись о носок собственного ботинка.

Фургон номер четыре был разгорожен на десять небольших секций, каждая из которых была величиной с ресторанный «кабинет».

В той секции, куда небезызвестный Валюха проводил Августина, была всего одна кровать. Одна кровать на одного человека. И кровать эта была занята. На ней спала девушка. Ксюша.

— Вот, лови! — шепотом сказал Валюха. А когда Августин знаком поблагодарил его за услуги проводника, добавил: — Ты извини, что я так... сразу пистолет... я просто по-английски ни черта не понимаю...

— Все нормально, браток. — Августин похлопал Валюху по плечу, мечтая о том, чтобы «браток» поскорее оставил его наедине с Ксюшей, а колонна побыстрее тронулась.

Мечтам Августина суждено было сбыться.

— Здравствуй, мой умный мальчик! Я уже тут волнуюсь. — Щюро встал из-за стола и вышел навстречу Пьеро с распростертыми объятиями. Отталкивающая внешность Пьеро его не смущала.

— Здравствуйте, шеф, — проскрипел Пьеро.

— Я смотрю, не все прошло гладко? — спросил Щюро, склонив голову набок и придирчиво оглядывая своего киберорганического «референта».

— Докладываю. Только разрешите сесть, а то ноги не держат.

— Да уж, — Щюро посмотрел на обглоданные пламенем бедренные кости Пьеро, — держаться тут особо не на чем. Садись и рассказывай.

— Все пошло с самого начала через это — через... пень с колодой. Августин Депп...

— Стоп. — Щюро по-бычьи наклонил голову вперед. — Как ты сказал?

— Августин Депп. Имя объекта охоты.

— Мать честная! — Щюро был просто ошарашен. — Депп? Он не родственник, часом, нашему Борису?

— Сын.

— Почему я узнал об этом только сейчас? — Голос Щюро стал зловеще тихим.

— Сегодня утром, когда я докладывал вам об объекте охоты, вы прервали меня. Сказали, что вам это неинтересно. — Пьеро был совершенно бесстрастен.

Будь Пьеро человеком, он был бы уже мертв. Щюро не прощал людям таких вопиющих ошибок. Но Пьеро говорил, когда его об этом просили, и молчал в остальных случаях. Если его хозяин говорит «неинтересно» — значит, он не будет продолжать ни в коем случае. Кибенематика, так ее перетак!

Щюро украдкой вздохнул. В конце концов, Августин Депп жив, а значит, у них еще есть надежда встретиться.

— Извини, дорогой. Ты прав. — Щюро был из тех, кто умеет признавать свои ошибки. Перед киборгами. — Докладывай дальше.

— Августин Депп раньше срока вышел из ВР. У него было оружие, чертовски мощный «смит-и-вессон». На крыше его дома невесть откуда появился вертолет «скорой помощи». Этот Августин был ловок, как дьявол. Я уверяю вас, шеф, в него буквально вселился дьявол!

После недавней регенерации у Пьеро явно разбалансировался блок симуляции эмоций. А в лингвополе речевого комбайна попали чужие семантические кластеры — что это еще за «вселился дьявол» в устах исчадия материализма? «Эдак он скоро на латыни забормочет», — подумал Стальной Венедикт.

— Ну-ну, спокойнее, — сухо сказал он. — Продолжай. Про то, как вы угробили нашу базу цеппелинов, можешь не рассказывать. Я уже видел красочный репортаж. Знаешь, кстати, кто там набедокурил, оказывается?

Пьеро попытался сделать заинтересованное лицо. Получилась хорошая иллюстрация к «Справочнику по физиогномике психопатологии».

— Террористы, а кто же еще? — самодовольно ухмыльнулся Щюро. — Ну ладно, расскажи, что с тобой-то стряслось.

— Мы настигли Деппа недалеко от водохранилища и открыли огонь на поражение. Он катапультировался. И тут нас кто-то сбил. Кто — не знаю. Два часа я горел, два часа ушло на частичную регенерацию, потом я взял на шоссе машину, и вот я здесь.

— Я не спрашиваю у тебя, дорогой, каким образом ты взял машину и куда подевался ее владелец. — Щюро продолжал ухмыляться. — Я надеюсь, на номерах машины не было буквочек «ДБ»?

— Не было, — отмахнулся Пьеро. — Машина была цивильная. Лох, его теща, какие-то дети. Короче, обычная семья.

Щюро хладнокровно представил себе, что произошло с «обычной семьей». Что ж, семье не повезло. Он хотел похвалить Пьеро, но в этот момент проделенькал вызов вифона.

«Давай», — разрешил Щюро.

На экране появился генерал Воронов. Он был предельно лаконичен.

— Я ее нашел, Венедикт. Ты был прав, моя полковница ненадежна. Она слышала в ВР не то, что доложила мне. Сейчас ее ведут «нюхачи». Она находится в одном из фургонов группы наблюдателей ЮНЕСКО. Фургоны движутся по направлению к Внешней Кольцевой Дороге.

— Есть! — Щюро пришел в неподдельное ликование. — Есть, черт побери!

Он выскочил из своего кресла и прошелся по кабинету. Кресло за ним едва поспевало.

— Так, Анатолий Андреевич, — он приблизил лицо к экрану. — Ты хоть понимаешь, что мы нашли на самом деле?!

— Признаться, не вполне. По-моему, мы нашли любовника полковника Шельновой в числе наблюдателей ЮНЕСКО. И все.

Воронову было сейчас не до этого. Его больше интересовал бедлам вокруг «Змея».

— Ни хрена ты не понял, дорогой. Любовника ее, которым — и в этом можно уже не сомневаться — является твой сетевой лейтенант Августин Депп, мы, конечно, нашли. Но это не все. Мы нашли террористов. Всех сразу. ЮНЕСКО — их прикрытие. И в этом тоже можно не сомневаться ни на секунду.

— Денек выдается жаркий, — тупо пробормотал Воронов, для которого из уст Щюро прозвучало настоящее откровение. Но генерал умел быстро наводить порядок в своей лобастой голове. — Так давай уничтожим засранцев. А, Венедикт?

— Давай, конечно давай! — живо подхватил он предложение Воронова. — Но один человек мне нужен будет живым. Собственно, Августин Депп.

— На здоровье, Венедикт. Но чур — баш на баш. Мне нужна Ксения Шельнова. Живая и невредимая.

В таких вопросах между Щюро и Вороновым всегда царило полное взаимопонимание.

— Воздушная тревога! Степень готовность нулевая! Рядовой Ксения, проснитесь! — громко зашептал Августин на ухо спящей.

Девушка вскинулась и часто заморгала, пытаясь проснуться скорее, чем представляется возможным для вида homo sapiens.

Увидев склоненное над собой лицо Августина, она неуверенно улыбнулась.

— Что за солдафонские штучки? — поинтересовалась Ксюша и, прикрыв ладонью чувственный рот без всяких следов помады, зевнула.

— Жизнь такая. — Августин поцеловал ее в щеку.

— Какая? — поинтересовалась Ксюша, потягиваясь.

— Кажется, сегодня мне пришлось убить человека. И, кажется, не одного, — неожиданно для самого себя сказал Августин.

— Думаю, ты немного скромничаешь насчет сегодня. Вчера, насколько мне известно, тебе тоже пришлось уложить кое-кого в Веселом Квартале. И, насколько я помню, вчера вечером ты не выглядел раскаявшимся или шокированным. Рассказывал мне о ВР и о тех перспективах, которые открывает перед тобой добытый в бою «форсаж». Кстати, на твоей левой теннисной туфле я еще вчера заметила пятнышко подсохшей крови. Обычная грязь — подумала вчера наивная дурочка Ксюша.

— Хорошо, наивная дурочка Ксюша. А каким образом ты при всей своей наивности и глупости нашла меня в столь экзотическом месте? — спросил Августин, памятуя о том, что лучший способ защиты — нападение.

Но Ксюша была не из тех, кем легко манипулировать в процессе разговора. Она принадлежала к числу тех, кто манипулирует.

— Не обо мне речь. Я пришла сюда, чтобы разобраться в произошедшем. Мне не хочется думать, что мой мужчина — грязный вонючий киллер, готовый отправить на тот свет пусть не самых благородных, но все-таки людей, за приставку к своей альфа-станции. Но кое-что я тебе скажу. О Веселом Квартале я узнала из утреннего выпуска «Мегаполиса». Пару интересных подробностей можно было видеть по Шестому Каналу. Там даже был цифровой ролик с

эмуляцией поведения преступника. То есть тебя. Ты там такой симпатичный был! Еще краше, чем в жизни. А глаза знаешь какие? Зверские! Very sexy, одним словом.

— Вот это да... С эмуляцией действий симпатичного преступника Августина Деппа! Глаза зверские! Подумать только! — Августин начинал терять интерес к беседе гораздо быстрее, чем иссякали занимательные факты.

Осознание того, что он по горло увяз в смердящем болоте «подстав», фальсификаций и непонятно кому нужного вранья, подавляло в нем всякое желание оправдываться.

Ксюша была умной женщиной. Она поняла, что взяла слишком круто и пора действовать не только кнутом, но и пряником.

— Пойми меня, милый, — сказала она, поглаживая плечо Августина, присевшего на кровать рядом с ней. — Я ни на минуту не верю в то, что ты мог сделать это. Именно поэтому я здесь.

— А если бы все было так, как показывали по Шестому Каналу? — разъярился Августин. — Ты наплевала бы на все хорошее, что было между нами, и отправилась искать чистенького мальчика, который только утирается, когда на него мочатся нехорошие парни? Так?

У Августина не было сил орать. Не было сил доказывать свою правоту, разрывая на себе рубаху. Но почему-то его тихий, приобретший легкую хрипотцу голос, звучал в тесном отсеке фургона особенно проникновенно.

Ксюша убрала волосы со лба.

Ксюша выдержала длинную паузу.

Она поцеловала Августина в плечо, скрытое холщовой рубахой Хотоя, и сказала:

— Даже если все было так, как показали, я не буду тебя винить. Даже будь ты алфавитным бомбером, я все равно не изменила бы своего отношения к тебе, Августин. Мне кажется, моя любовь выше морали, — ласково сказала Ксюша, и ее рука скользнула по правому бедру Августина.

4

В наушниках наступила долгая пауза.

— Да, — Локи щелкнул пальцами. — Эта девочка не лжет. По крайней мере, она не лжет в том, что Августин — ее парень.

— А как насчет полковника ДБ? — спросил простоватый Валюха.

— Может, и полковник — кто ее знает? Удостоверение, по крайней мере, подлинное, — пожал плечами Локи. — И пистолет более

чем подлинный. А вообще, Валюха, шел бы ты малость поспать. Завтра самый хреновый день века.

— Да спасибо, Филипп Валерьевич. Я уж как-нибудь...

Раздался вызов по секретному УКВ-каналу. Локи щелкнул парой тумблеров. В тех же наушниках, в которых десять минут назад звучал ласковый голос Ксюши, зашелестел тихий шепот:

— Говорит Клавдий, как слышите меня?

— Слышу отлично. Говори, — отрывисто бросил Локи.

— Зубы дракона дали отличные всходы, повторяю...

— Принял плавно, — прервал его Локи. — Завтра, в девятнадцать ноль-ноль. Южная окраина хутора Глинище. Повтори.

Клавдий повторил слово в слово.

— Все. До встречи. Отбой.

Да, он не ошибся в своем выборе. Недаром Валюха, заделанный под герцогского комтура в аватаре грифона, убил две недели назад этого заблудшего республиканского центуриона.

Им нужен был абсолютно среднестатистический, в меру ограниченный человек, и они нашли его.

Им нужен был убитый до смерти. И они сделали ему убийство до смерти. Во время депрессии, которая почти всегда наступает после полного вылета из ВР, человек согласен на любое опасное задание, на любое сумасбродство, лишь бы не быть поглощенным рутиной повседневности. Клавдий сейчас, кажется, поставил рекорд по эффективности агентурной работы. Что значит «ломка»!

— Валюха, ты умеешь входить в виртуальную реальность без капсулы? — спросил Локи, хитро покосившись на своего помощника.

— Нет, — оторопело пробормотал тот.

— И не надо, — бросил Локи.

Он хотел сказать «а я умею», но боязнь сглазить удержала его.

Потом было то, чего Августин никак от себя не ожидал.

Несмотря на нечеловеческую усталость, переизбыток впечатлений, боль в ушибленном локте и неприятную пульсацию в недолеченном зубе, ловкой руке Ксюши удалось склонить Августина к настоящему любовному безумию.

Некогда Августин читал, что опасность обостряет и увеличивает любовное влечение в сто раз лучше любой виагры. На борту падающего в море самолета стоит даже у абсолютных импотентов. В статье, которую читал Августин, приводилось довольно убедительное обоснование, почему это происходит. Что-то по поводу влечения к смерти. Он читал об этом. Но никогда не думал, что в минуты, когда тревога особенно сильна, желание любить ощущается человеком столь остро!

Ксюша была хорошей любовницей. Он знал это и раньше. Но тогда, в крохотной секции автофургона, ему показалось, что за всю свою жизнь, изобиловавшую сногсшибательными романами, нечистоплотными адюльтерами и вульгарным покупным сексом, у него не было любовницы лучше.

Она не была любительницей дешевых, но действенных трюков, которые в почете у проституток. Все, что она делала, было естественным и простым, но желание Августина никак не могло найти себе успокоения. К счастью, ножки узкой койки были намертво привинчены к полу фургона. В противном случае ей было бы не устоять под напором акробатической страсти имени падающего в море самолета.

Августин чувствовал себя Казановой. Вольмондом. Аттическим быком. Кришной, обольщающим сотню вожделеющих пастушек. И Ксюша с удовольствием становилась итальянской молочницей, французской графиней, Пасифаей, сотней индийских пастушек.

Когда Августин в третий раз почувствовал себя выпитым до дна и подпер затылком стену фургона, Ксюша шепнула ему на ухо «спасибо». Обоим чертовски хотелось спать.

До того как заснуть, Августин стоически надел на себя все, что было сметено с тела любовным ураганом. Застегнул джинсы, заправил рубашку, завязал шнурки. И еще раз полюбовался волшебным подарком Хотоя.

Еще вчера он и не подумал бы одеваться. Он ничуть не стеснялся своей наготы и плевать хотел на чужую реакцию. Но сегодня он твердо усвоил: жизнь его стала необыкновенной. Это значит, нужно быть готовым ко всяким неожиданностям. Например, к тому, чтобы бежать, не разбирая дороги, в любой час дня и ночи.

5

Движение фургона было плавным и размеренным. Ни Августин, ни Ксюша, прикорнувшая у него на плече, не знали, где сейчас находится колонна Наблюдательной службы ЮНЕСКО.

За тонкой перегородкой в соседнем отсеке жалобно поскуливал Томас, подвергнутый временному остракизму. Он обижался. Он ревновал. Но Августин не спешил впускать его обратно, справедливо опасаясь, что пес опошлит чудо его странного любовного приключения своим псиным здравомыслием.

Боль в зубе снова дала о себе знать. Августин выругался — только что он подцепил кончиком языка свежепоставленную пломбу. Его своенравный зуб выплюнул ее, словно ребенок дрянную кашу.

— Скажи мне, Августин, ты понимаешь, что происходит? — спросила дремлющего Августина сонная Ксюша.

— Нет. Я принципиально не желаю ничего понимать, — ответил Августин и провалился в сон.

Это было ложью. Кое-что Августин понимал. Или, по крайней мере, уже начинал понимать.

6

Огромное бетонное поле, обрамленное горами, было залито светом прожекторов.

На площадке сбоку от взлетно-посадочной полосы стоял транспортный гигант «Универсум».

Натовский транспортник был, конечно, не чета российскому «Стрибогу». Такие дорогие игрушки, как «Стрибог» могут позволить себе только русские. Но и «Универсум» был тоже не мал. Мак-Интайр, стоявший у откинутой кормовой аппарели, чувствовал себя Ионой пред китовой пастью. С той лишь разницей, что киты все-таки значительно меньше.

«Универсум» стоял на погрузке. Мимо Мак-Интайра медленно вползал внутрь транспортника глухой контейнер размером с двухэтажную виллу. Его пересекала люминесцирующая надпись «ОСТОРОЖНО! ЭТИ ДЕВОЧКИ КУСАЮТСЯ!»

«Шутники, черт бы побрал их душу!» — довольно ухмыляясь, пробормотал Мак-Интайр, наблюдая, как контейнер исчезает в глубине самолета.

Согласно документам, «Универсум» номер RF-0779, зафрахтованный у Южного командования НАТО компанией «Омнитрейд», должен был совершить коммерческий рейс в Москву и доставить туда шестьдесят шесть устаревших сельскохозяйственных машин разных классов для распродажи в фермерском секонд-хенде. Полная опись сельскохозяйственных машин лежала сейчас у Мак-Интайра в кармане. Читать ее без смеха было невозможно.

За спиной Мак-Интайра остановились два закрытых грузовика. Оттуда выскочили и в мгновение ока построились у своих машин восемьдесят коммандос.

К Мак-Интайру подошел Мэрдок. Он, как и Мак-Интайр, пока еще был одет в дорогой штатский костюм цвета беж. Именно поэтому Мэрдок с автоматической винтовкой М-27, небрежно повешенной на плечо, выглядел как отпетый московский гангстер.

— Добрый вечер, сэр, — поприветствовал он Мак-Интайра со светской улыбкой.

— Здравствуйте, Стэн, — Мак-Интайр пребывал в отличном расположении духа. — Я вижу, вы не только готовы надрать задницу русской мафии, но и всерьез намерены баллотироваться на пост ее нового крестного отца?

— В последнее время вы забили мне голову таким ворохом информации о России, что я готов баллотироваться даже в русские президенты.

Мимо них пополз очередной контейнер. Надпись про девочек, которые больно кусаются, попалась на глаза Мэрдоку.

— Вам не кажется, что это уже слишком?

— А, — махнул рукой Мак-Интайр, — американский юмор — это как тараканы. Трави, не трави — а никуда не денешься. Вы бы видели самих «девочек»!

— Я видел их сегодня утром, на «генеральной репетиции». Стандартный армейский камуфляж...

— Краска сохнет пять минут. А у них сегодня был целый день безделья. Впрочем, это совершенно неважно. На контейнерах может быть нарисовано что угодно, хоть Достоевский с бюстом Мерилин Монро. У русской таможни все равно не будет времени делиться впечатлениями со своим начальством.

— Как знаете. Мое дело — стрелять, а не обмениваться нотами.

— Вот именно, дорогой Стэн. А пока что... — Мак-Интайр ехидно покосился в сторону, — ...ваша карета подана.

К ним приближался контейнер с надписью «ПРИВЕТ АНГЛИЙСКИМ ДАМОЧКАМ ОТ АМЕРИКАНСКИХ БУЙВОЛОВ».

В подкрепление этого радушного приветствия был изображен прехорошенький Стэнли Мэрдок с модной прической «Зигг» и бюстом Мерилин Монро, которому, припав на одно колено, преподносит букет цветов плечистый придурок с бычьей головой.

Стэнли поморщился и, обернувшись к своим коммандос, крикнул:

— На погрузку!

7

Космос пуст. В нем есть только жесткие ультрафиолетовые излучения, радиоволны, космическая пыль, метеоры и двенадцать тысяч искусственных объектов.

Эти двенадцать тысяч — все, что успело вышвырнуть на околоземные орбиты человечество за без малого сто лет космической эры. Минус то, что успело за это время упасть.

Большинство из этих объектов мертво. Но около трех тысяч все еще функционируют исправно. Среди этих трех тысяч к 22 июня 2051 года числился и «Аргус-18».

Находясь на средневысотной орбите, «Аргус-18» делал два полных оборота за сутки. Он появлялся над объектом «Алмазный Куб» в пять часов вечера и пять часов утра. Десять лет подряд. Но в 23.15 21 июня из Альпийского командного пункта глобальной системы наблюдения «Master's Eye»* на спутник поступил новый командный пакет информации.

В 23.19 маневровые двигатели «Аргуса-18» активизировались. Они проработали в критическом режиме 68 секунд. Они сожгли без остатка весь экстренный резерв топлива. Дальнейшие коррекции орбиты были невозможны. Дальнейшие коррекции орбиты были не нужны.

«Аргус-18» изменил траекторию.

Завтра он должен будет пройти над объектом «Алмазный куб» ровно в 10.25. «Аргус-18» получал на выполнение боевой задачи пять минут тридцать секунд. После этого участь «Аргуса-18», числившегося во всей открытой учетной документации разведывательно-контрольным спутником, была печальна. «Аргус-18», проходивший в документах под грифом «Top secret»** как разведывательно-ударный, был обречен сгореть в плотных слоях атмосферы.

8

«У эллинов и снявших вкусные пенки с эллинской культуры римлян вся мировая история делилась на грандиозные эпохи: Золотой Век, Серебряный, Бронзовый, Железный... В Золотом Веке люди жили превосходно. Бессмертные, счастливые, вечно юные. Не люди, а боги. В Серебряном и Бронзовом — поплоше, но тоже великолепно.

Эллины, понятное дело, жаловались, что живут в Железном Веке, пропахшем кровью и гарью сожженных городов. Чуть позже с ними согласились и римляне.

Железный Век — это болезни, старость, унылые стада тощих коров на тощих нивах.

Железный Век, по мнению античных философов, был со всех сторон плох, кроме одного: скоро он должен был завершиться. Отдушину предоставляла вера в великий цикл. После Железного Века вновь наступит Золотой. Он уже близок. Мелодичный перезвон его золотого хронометра в кармашке бархатной туники расслышали Сенека и Вергилий. Но спустя четыре столетия оказалось — то звенели на горьком полынном ветру наконечники гуннских стрел.

---

* Здесь: «Око Бога» (*англ.*).

** «Совершенно секретно» (*англ.*).

Исчезли эллины и римляне. С ними ушла из Европы вера в великий цикл. Она вернулась только вместе с возрожденческим перечитыванием античной классики, а позднее пришли с Востока индуизм, буддизм и даосизм — три великих столпа философии смерти-возрождения, кругов и циклов.

Но мы, потомки конунгов-язычников, и вы — потомки христиан из Галлии, Ретии, Саксонии — никогда больше не проникнемся этой верой по-настоящему. Мы знаем только, что есть нескончаемый Железный Век и нескончаемый полет души вперед и ввысь, в пустоту и безвременье.

Так ли это?

Нет, оставим Четыре Века и преодоление западной душой великого круга Четырех Веков неистовому гению Освальда Шпенглера. Все, что происходит после изобретения бездымного пороха и пулемета Максима — это не Век. Не эпоха, не эра.

Мы живем в пору раздробленного времени, ткань которого сплетена из лакун и червоточин, сезонов и межсезонья. Мы меряем время не олимпиадами, как рассказывают в школах о греках, и даже не годами «от Рождества Христова», как нам самим кажется. «В лето «Форда Миллениум Классик», «в лето «Магнума-4» — так следует вести современные хроники.

Наше время состоит не из Веков, а из сезонов. Они безымянны, ибо кратковременны. Стиля больше нет, есть только мода. Мода не держится дольше одного-двух сезонов.

Только оружие не выходит из моды никогда.

И если бы кто-то спросил меня, как назвать наше ароматное соцветье дней, я бы назвал его Сезоном Оружия».

Олаф Триггвассон. «Страннее, чем рай»

Глава 13

ОХОТА НА СНАРКА

1

Сон Августина не был похож на обычные сны.

— Саама — не наркотик и не галлюциноген. Саама — это эссенция. Препарат, который помогает человеческому сознанию продлиться за пределы бренной плоти. Не больше и не меньше.

Он сразу узнал голос Хотоя, но откуда он доносится, в какой точке бесконечномерного пространства сновидения находится мудрый якут — понять не смог. Августина окружала липкая, непроглядная темнота.

— Тот, кто не умеет работать со своим сознанием, тот, кто принимает сааму впервые или из расчета насладиться новым пьянящим забвением, будет в лучшем случае разочарован. В худшем — напуган.

Августин догадывался об этом. К счастью, его собственный опыт общения с саамой не был разочаровывающим. Да и пугающего в нем было куда меньше, чем в стремительных перебежках на линии огня.

— Так будет, ибо непосвященному нужен поводырь, нужен опытный спутник, который мог бы провести его мимо обманных видений и цветастых галлюцинаций к выходу за Двери Восприятия. Можно называть это шаманским путешествием между мирами. Странствием души по иным измерениям. Полетом Симона Мага верхом на духе воздуха или нисхождением Данте кругами Ада под водительством Вергилия. До некоторой степени все это будет правдой. В исключительных случаях проводником может стать и саама. Но ты не относишься к числу тех счастливчиков, к которым она желает проявить особую благосклонность.

Августину показалось, что голос Хотоя изменился и теперь принадлежит какому-то другому, незнакомому человеку. Да и стиль изложения больше напоминал Олафа Триггвассона. В подобной манере была написана знаменитая библия виртуального мира — «Страннее чем рай».

«Да знаю я, знаю!» — хотел выкрикнуть Августин, но обнаружил, что из его распахнувшихся, не по-человечески удлиненных челюстей исторглось лишь яростное шипение. «Сссссс-с-с-с-с...»

— Но самое главное, молодой берсерк, заключается в том, что знакомство с саамой меняет посвященного необратимо. Это не стакан мухоморового самогона, который можно проглотить, изблевать и остаться таким же хмурым дегенератом, каким был раньше. Для посвященного принять сааму под руководством учителя означает то же самое, что для змееныша — вылупиться из яйца.

С громким хрустом разошлись трещинами неведомые препоны, которые застили его взор. В глаза, лишенные век, хлынул свет, показавшийся запредельно ярким. Лейтенант сетевой полиции Августин Депп увидел, как над его головой медленно поднимается полифертиловая крышка виртуальной капсулы.

Над ним склонилось чье-то озабоченное лицо. Несколько секунд потребовалось Августину, чтобы понять: да это же он сам!

От изумления Августин зашипел пуще прежнего. Но молодой человек, которым являлся он сам, Августин, явно не замечал его.

Судя по тому, что тот, второй Августин, расстегивал рубашку, он сейчас как раз собирался улечься в капсулу и отправиться на очередное шестичасовое дежурство в домен.Ру Виртуальной Реальности, в бесконечно далекий и в то же время удивительно близкий нарисованный Амстердам. Город хорошей жизни, веселых трактиров, очаровательных девушек и бравых солдат Герцогства Велес.

Но больше всего Августина смутило то, что Августин-второй, склонившийся сейчас над виртуальной капсулой, был похож на драгстера-неудачника после основательной передозировки.

Августин-второй был небрит и отечен. Под его глазами лежали два больших синюшных полумесяца. Рот был имбецильно приоткрыт, нижняя губа подрагивала.

«Где я?! — с ужасом подумал Августин. — В Виртуальной Реальности, в Утгарде, во сне?»

Первый вариант отпал сразу же. В Митгарде, то есть несущем слое ВР, не было ни его квартиры, ни человека, имеющего его, Августина, внешность.

То, что открылось его взору, те ощущения, которые он испытал сейчас, делали более правдоподобной версию об Утгарде.

Когда два дня назад он впервые в жизни попал в Утгард, его сознание было беспощадно трансформировано хаотическими потоками неотфильтрованных информационных импульсов. Тогда ему уже пришлось один раз «пробудиться» в собственной виртуальной капсуле, хотя спустя несколько мгновений выяснилось, что его впечатления не имеют ничего общего с действительностью — пребывание в Утгарде продолжалось!

Тогда он чудом прошел по волоску между психозом и смертью. Сейчас рисковал не удержаться.

«Все-таки сон? Просто сон?!»

К чести Августина, даже находясь в аватаре сновидения, имеющем вид небольшого змееныша с прозрачными слизистыми крылышками, он быстро нащупал спасительную догадку: саама!

Ведь вчера он впервые в жизни принял сааму по настоянию Хотоя. Отныне он — молодой берсерк, человек саамы. Он вылупился из яйца! А значит, его сознание сейчас произвольно или под воздействием могучей чуждой воли перешагнуло пределы плоти. Вот только все-таки где он сейчас — в смысле, в каком пространстве-времени?

— Ищи главное, Августин.

На этот раз голос точно принадлежит Хотою.

«Но что, что главное?!»

Августин помнил: сейчас он может только шипеть. Ответить Хо-тою, спросить у него совета — не в его силах.

Оказалось, что покинуть виртуальную капсулу не так уж и слож-но. Августин легко перемахнул через пластиковый край, стоило ему только чуть шевельнуть крыльцами.

Через пару секунд его двойник, Августин-человек, бухнулся на противопотовое покрытие капсулы, и полифертиловая крышка вер-нулась в свои пазы, отгораживая скитальца по виртуальному миру от шорохов и шумов мира подлунного.

Он никогда не думал, что пыль вблизи выглядит так ужасно. И что ее так много. «Надо будет, что ли, убрать здесь получше... Про-сто удивительно! На дворе середина двадцать первого века, а ниче-го похожего на Абсолютный Пылесос по сей день не изобретено!»

Нет, это было не то. Что может быть главным в жизни лейтенан-та сетевой полиции, который пока что не отпраздновал своего трид-цатилетия?

Женщины! О, конечно, женщины!

Августин покрутил по сторонам головой. Прислушался. Нет, женщин сейчас в его квартире не было.

Не было Ксюши, его восхитительной Ксюши. Это было тем обид-нее, что настоящая, физическая Ксения из плоти и крови в этот мо-мент спала рядом с ним, спина к спине, на тесной койке в узком отсеке фургона Наблюдательной службы ЮНЕСКО.

Не было в его квартире и Пантеры, с которой он повстречался в загадочной Зоне Стабильности умопомрачительного Утгарда и к ко-торой он вошел, вошел в библейском смысле, в аватаре белого бар-са. «I am coming»...

Чтобы не елозить своим влажным, слизистым телом змееныша по пылюке, устилавшей пол его холостяцкой квартиры, Августин усердно заработал крыльцами. Вскоре ему удалось подняться на пол-метра над полом.

Отсюда, с высоты, он заметил Томаса — своего черного ньюфа-ундленда с коэффициентом умственного развития, которому поза-видовал бы иной абитуриент Гарварда.

Томас с потерянным видом стоял на пороге комнаты и помахи-вал хвостом. Вдруг в глазах Томаса появилось осмысленное выраже-ние. Он смотрел прямо на парящего посреди комнаты Августина-змееныша.

Томас чуть присел на задние лапы, поджал хвост, попятился.

«Черт возьми, да он же видит меня!»

От изумления Августин позабыл о том, что в настоящий момент является летательным аппаратом тяжелее воздуха, и шмякнулся на пол.

Томас с громким боевым кличем «гав» подскочил к призрачному змеенышу, раззявил пасть...

Августин перепугался до смерти, но не проснулся. Саама не желала отпускать его.

Чтобы не сделаться жертвой собственного пса, Августин ударился в бегство. Но Томас зажал его в углу, продолжая оглушительно лаять.

— Внимание, Августин! Максимум внимания! Собирай и вбирай все, что вокруг!

И Августин совершил невозможное. Он почувствовал, как его новый аватар, существующий в виртуальной реальности сна, вбирает в себя окружающее пространство.

Маленький крылатый змееныш рос, словно его надували автомобильным насосом.

Наблюдая эту метаморфозу незваного гостя, Томас заходился лаем, но атаковать не спешил. Уж больно велик и страшен был теперь змей, вырастающий в углу комнаты, знакомой Томасу с самого раннего собачьего детства!

Наконец, пришел черед Томасу удариться в постыдное бегство. Отважный ньюфаундленд скрылся на кухне, перепуганно скуля.

Августин-змей теперь с трудом помещался в собственной двухкомнатной квартире. Его хвост протянулся до кухни, а морда высунулась в окно.

Там, в синеве московского неба, как обычно парили рекламные цеппелины компании ВИН. Но вот лозунги на них теперь были другими. Раньше было: «В рай — с «Виртуальной Инициативой»!», «Покупай чип Асгард!» и «Салмаксов — наш президент».

А теперь — что-то совсем иное. Собственно, и не реклама даже. А... социальная реклама, что ли. Хотя назвать такое социальной рекламой у Августина не повернулся бы язык.

«Аватары всех, не прошедших регистрацию в кетцаль-комендатуре до 22 июня, будут автоматически сброшены в класс Адам».

«Добровольное приобретение чипа «Асгард» гарантирует скидку».

«Помолчи! Рядом может оказаться недобиток прошлого».

Августин посмел поверить в свою страшную догадку после того, как из-за соседнего небоскреба, украшенного, кстати, длинными полосами алой материи, выплыл еще один цеппелин неведомой конструкции. Он нес герб Социальной Республики Сол. Надпись на безвкусно вызолоченном боку гласила:

«Слава первой в мире Социальной Республике! Слава России!»

Саама завела его в будущее. Ровно на год вперед. Или ровно на пять лет вперед — не имело значения. Но это было будущее, причем наихудшее из возможных.

Глотка Августина-змея издала хриплый рык. Он рванулся всем телом и оказался в воздухе над Большим Арбатом, на высоте своего восьмидесятого этажа.

Теперь он знал: главное — сделать все, что пока еще можно сделать для того, чтобы предотвратить эту явь имени Салмаксова и компании «Виртуальная Инициатива».

Хотой, который незримо присутствовал рядом с Августином, отметил: реакция у молодого берсерка нормальная, воинственность — повышенная.

Это, впрочем, он знал и раньше. А вот тот факт, что Августин проявляет вторичные признаки Демона-Воителя, показался мудрому якуту печальным.

Но на две трети дело было сделано: воин готов исполнить ту миссию, которую уготовала ему судьба в лице истинных покровителей Асгарда.

2

Когда колонна наблюдателей ЮНЕСКО вышла на Внешнюю Кольцевую Дорогу, часы в кабине головного «Катерпиллера» показывали 3 часа 6 минут 18 секунд.

В 3 часа 6 минут 23 секунды на месте шестиосного фургона поднялся смерч огня. Машину разорвало надвое. Тягач пошел юзом и, вращаясь, упал в кювет. Прицеп развернуло поперек дороги и бросило набок.

Водитель следующего за ним МАЗа ударил по тормозам, но было поздно. Даже на скорости сорок километров в час он был обречен. От страшного удара о брюхо опрокинутого фургона двигатель сорвался с креплений и, влетев в кабину, убил водителя на месте.

В 3 часа 6 минут 28 секунд был уничтожен «Катерпиллер», идущий в хвосте колонны.

ПТУР «Тайфун», не в пример древнему «Фаготу», была новейшим образцом.

Она предназначалась для обстрела целей с закрытых позиций. Это означало, что пусковая установка могла находиться в овраге, на дне котлована, даже в колодце. Это не играло никакой роли. Ракета стартовала вертикально, подымалась на высоту около километра и переходила в режим горизонтального полета. Ее компьютер с помощью бортовых средств обнаружения вел самостоятельный поиск

цели, определял ее наиболее уязвимые места, а потом швырял ракету в пикирование.

ПТУР «Тайфун» состояла на вооружении «Эскадрона С».

Когда полковник Хованский стращал Змея-1 суперсекретностью «Эскадрона», он был не совсем прав. «Эскадрон С» был, вообще говоря, не совсем секретным подразделением. Жители Москвы знали его как Черный Спецназ.

Секретным было его истинное предназначение.

Секретным было и его истинное название — «Эскадрон С». Потому что означало оно «Эскадрон Смерти».

«Эскадрон Смерти» был предназначен для уничтожения особо опасных преступников без суда и следствия. И для других, еще более деликатных операций.

Подчинялся «Эскадрон С» только личным приказам генерала Воронова. И более никому.

Локи моментально понял все. Его конспирация пошла коту под хвост!

Его подставили. Либо Августин, либо Шельнова. Настал смертный час организации «Снарк». Локи не понимал только, почему он все еще жив? Но раз уж он жив, значит, надо жить на полную катушку!

Его машина была по счету третьей.

Валюха успел затормозить, и они лишь слегка помяли капот. Локи, не раздумывая ни секунды, сорвал красную панель перед собой и ударил разом по всем кнопкам, которые скрывались под ней. Кнопок было четыре, и каждая из них предназначалась как раз для такого экстренного случая.

От нажатия первой во все фургоны поступило сообщение «Боевая тревога».

Вой сирен и звон тревожных зуммеров наводнили уцелевшие машины.

При нажатии второй кнопки откинулись неприметные лючки по периметру корпуса.

Оглушительный хлопок — и облака тяжелой аэрозоли, состоящей из силиконо-графитовых частиц, окутали его фургон. Это была маскировка.

Третья кнопка подняла над крышей фургона пусковую установку, которая выплюнула десяток мощных инфракрасных ловушек.

Невидимому наблюдателю вместо одного красного пятна от горячего мотора теперь виделись одиннадцать одинаковых моторов МАЗа, разбросанных во все стороны.

И, наконец, четвертая кнопка полностью перевела фургон в боевой режим. Произошло автоматическое рассоединение тягача и прицепа.

Борта фургона сложились вчетверо, создавая по периметру невысокий, но надежный броневой парапет. Над парапетом автоматически поднялись в полной готовности к стрельбе два пулемета и гранатомет АГС-100.

«Может, еще обойдется», — с надеждой подумал Локи, натягивая противогаз — от этих свиней всего можно было ожидать.

Нет, не обошлось. Когда он, передергивая затвор автомата, соскочил на землю, на колонну уже пикировали шесть новых «Тайфунов».

3

Сон Августина был очень крепок. Так может спать только смертельно уставший человек. И когда в его удивительный, подаренный саамой сон ворвался рокот взрывов, Августин только снисходительно улыбнулся.

Он не сомневался в том, что его сознание продолжает нежиться в диковинной ереси сновидения, где он, крылатый змееныш... Августин перевернулся на другой бок.

И только когда Ксюша, отчаявшись разбудить его лаской, любезно попросила Алекса выстрелить у Августина над ухом, тот нехотя разлепил веки.

— Что за черт? — пробормотал он.

— Вставай! — разъяренной тигрицей прорычала Ксюша.

— Встаю, — пожал плечами Августин и снова уронил затылок на подушку, твердо намереваясь придавить еще минуток шестьсот-семьсот.

Шесть ПТУР «Тайфун» поразили свои цели почти одновременно. Со всех сторон на фургон обрушился грохот, по стенам застучали осколки, раздался чей-то душераздирающий вопль.

— О-о-о-о! — взвыл Августин. — Это реальность, да?!

— Реальность, кретин! — ответила она и крепко поцеловала своего единственного.

Ну что ей можно было ответить?

— Я люблю тебя, лапа, — сквозь поцелуй промычал Августин.

У их ног вилял хвостом в меру озабоченный сэр Томас. К взрывам и стрельбе ему уже было не привыкать.

4

Благодаря маскировочному туману фургон Локи был поражен неприцельно. Ракета «Тайфун» оторвала задний мост, убила двух пулеметчиков, поспешно занимавших свои места по боевому расписанию, и подожгла запасной топливный бак.

Локи не увидел результатов взрыва по вине все того же маскировочного тумана. Но он остался жив, и ничего больше его не интересовало. И Валюха, который подскочил к нему, ожидая приказаний, тоже был жив.

Локи как никто другой понимал, что сопротивление бессмысленно. Если против них работает Черный Спецназ (очень уж знакомый почерк!) и коль скоро противнику удалось раскрыть в безобидных наблюдателях ЮНЕСКО тщательно законспирированную организацию «Снарк», значит, дело проиграно.

О мести Августину и Ксюше, которые наверняка служили наводчиками Департамента Безопасности, Локи сейчас не думал. Об этом он подумает позже.

— Уходим, Валюха.

— Как же это, а? — Валюха был замечательным боевиком, преданным телохранителем и очень плохим политиком. — А ребята?

— Нет больше никаких ребят.

В графитовом тумане не было видно ни зги. Они практически на ощупь забрались обратно в тягач и начали медленно разворачиваться. Дорога впереди была загорожена упавшим «Катерпиллером». В Москве, впрочем, теперь им нечего было делать. Наоборот, Локи собирался убраться от российской столицы как можно дальше.

5

На шоссе приземлились два брюхатых конвертоплана.

Из них высыпали люди в уже знакомой Августину черной форме и, даже не рассредоточиваясь, плотной группой побежали вперед. Туда, где догорал опрокинутый «Катерпиллер».

В кармане каждого «черного спецназовца» лежали четыре фотографии. Профиль и анфас двух человек. Женщина и мужчина. Этих нужно было взять живыми любой ценой. Редкое задание для «Эскадрона С».

Вслед за ними из чрева конвертопланов появились два скоростных открытых джипа «Серна». В одном джипе ехал генерал Воронов собственной персоной, второй был эскортным.

Судьба полковника Шельновой была генералу глубоко небезразлична. Ксения Шельнова, несмотря на все свои неоспоримые оперативные и аналитические способности, по сей день ходила бы в капитанах, если б не одно «но». Если бы генерал Воронов не был влюблен в нее страстной волчьей любовью.

Он был достаточно умен, чтобы понимать степень неприступности своего объекта вожделения. И все же достаточно глуп, чтобы эту неприступность недооценивать.

Власть, слава, деньги и грубая лесть, по его мнению, могли размягчить сердце любой женщины. Даже если эта женщина — Ксения Шельнова. Поэтому генерал Воронов считал Щюро, охомутавшего спецагента Интерпола Бриджит Льюис липкими сетями Виртуальной Реальности, полным идиотом.

6

Когда стены фургона начали складываться вчетверо, Ксюша и Августин совсем потеряли ориентацию. Но Алекс, который подскочил к ним, сгибаясь под тяжестью целого арсенала разномастного оружия, быстро расставил все на свои места:

— Черный Спецназ! Сматываемся!

Августину и Ксюше не надо было повторять дважды.

Августин схватил увесистый трехзарядный гранатомет «LAW», Ксюша — «Мистраль», Алексу достался ручной пулемет.

Алекс, впрочем, сразу же швырнул его на пол.

В передней части фургона располагались два высоких ящика из белого пластика. На них была лаконичная надпись «Контрольное оборудование».

Алекс присел на корточки, просунул руку в неприметную нычку и нажал на известный только ему рычажок. Крышки и борта ящиков с тихим жужжанием сложились в гармошку. Взорам Августина и Ксюши открылись два суперскоростных мотоцикла «Хонда».

Небо только-только начинало сереть.

Спереди и сзади стояли два почти неповрежденных фургона, остальные чадили огромными кострами. МАЗ перед ними был окутан непроницаемым для взгляда черным облаком. Неожиданно из облака, волоча за собой неряшливые космы дыма, вырвался тягач. Тягач направлялся в противоположную Москве сторону со скоростью, близкой к первой космической.

«Похоже, идея сматываться куда подальше пришла в голову не только Алексу», — подумал Августин.

Вдруг тягач резко притормозил рядом с ними. Из приоткрытой двери высунулся Валюха и крикнул:

— Заваливай!

Локи не без труда подавил родившийся было в его мышцах импульс разрядить в Августина и Ксюшу полный магазин. Но рядом с предателями был Алекс, его преданный боевой друг.

Локи поставил «Мистраль» на предохранитель.

Со стороны горящего «Катерпиллера» заслышалась автоматная трескотня. Алекс махнул рукой:

— Давай, давай! До встречи в раю!

Сильная рука Локи вернула Валюху на прежнее место, и властный голос приказал:

— Жми на газ! А то всех накроют!

Тягач резко рванул с места, и только благодаря этому очередной «Тайфун», не успев скорректировать траекторию, поразил шестнадцать квадратных метров дорожного покрытия «Чингисхан».

В этот же момент генерал Воронов, воочию убедившись в хирургической точности ракет «Тайфун», отдал приказ уничтожить предпоследний уцелевший МАЗ.

Только благодаря тому, что до этого момента у него существовали сомнения в качестве систем наведения «Тайфунов», колонна террористов не была уничтожена вся разом, а «выедалась» с двух сторон вокруг фургона, в котором «Павлиноглазы» унюхали Ксюшу. Генерал Воронов опасался ненароком угодить ракетой в женщину своей мечты.

Графитовое облако вокруг покинутого фургона Локи почти полностью осело.

С двух сторон от горящего «Катерпиллера» теперь можно было видеть Черный Спецназ.

Алекс понимал, что уйти ему не удастся. Какое-то смутное чувство подсказывало ему, что выживут только те, кому назначено выжить их противниками. Да, может, еще Локи, который в огне не горит и в воде не тонет. Заговоренный.

— Обе «хонды» ваши, — сказал Алекс Ксюше и Августину. Они прятались за бронированным бортиком, поверх которого вел парализующий огонь Черный Спецназ.

— «Хонд» хватит на всех, — возразил Августин, ловя себя на мысли, что ехать на одной «хонде» вдвоем с Ксюшей очень небезопасно. И скорость упадет...

— На всех хватит только ракет, — мрачно заметил искушенный Алекс. — Я вас прикрою.

Августин и Ксюша переглянулись. Да, надо уходить. Куда — не имеет значения. Куда угодно, только бы подальше от этих страшных погребальных костров, в которых за несколько минут погибла вся организация «Снарк». Августин обнял огромную ушастую голову Томаса и прошептал ему в ухо:

— Разыщи Хотоя. Понял? Хотоя.

Томас с укором посмотрел на своего хозяина. Дескать, не тупой.

— На счет «три», — сказал Алекс, передергивая затвор пулемета.

Августин и Ксюша приготовились совершить рывок к «хондам», вскочить в них и, повернув ключи зажигания, превратиться в две белые молнии. Августин перехватил гранатомет в левую руку. Ксюша забросила свой «Мистраль» за спину.

— Раз... два... три!

Алекс встал в полный рост и открыл ураганный огонь. Так он и погиб — не снимая палец со спускового крючка, глядя смерти прямо в лицо, стреляя до тех пор, пока бешено колотящийся затвор пулемета не сожрал последнее, двухсотое, звено ленты.

Это произошло в 3 часа 18 минут 39 секунд 22 июня 2051 года.

7

«Хонды» были превосходными машинами.

Лихо вылетев из фургона, они заложили вираж, объезжая горящие машины, и понеслись на юго-восток. «Эскадрон С» по приказанию генерала Воронова прекратил огонь.

Несмотря на то, что возле некоторых разбитых фургонов могли оказаться уцелевшие террористы, Воронов приказал водителю:

— За «хондами»!

Два джипа, взревев турбинными двигателями, бросились в погоню.

Небо на востоке просветлялось, но на дороге, окруженной с двух сторон молодым лесом, было все еще очень темно. Августин и Ксюша быстро набрали скорость двести километров в час. Это было смертельно опасно, но ожидание очереди из «Мистраля» в затылок не оставляло им никакого выбора.

Джипы могли себе позволить и больше. Управляемые шоферами экстракласса, они мчались по шоссе со скоростью двести сорок километров в час. Расстояние между ними и беглецами уверенно сокращалось.

В пяти километрах впереди, за плавным поворотом, раздался далекий взрыв и в небо взлетел фонтан обломков.

Августин и Ксюша, насколько позволяла обстановка, сбросили скорость.

На шоссе стоял развороченный взрывом тягач МАЗ. В кабине виднелось неподвижное тело, огонь подбирался к топливным бакам, задний мост был скручен в бараний рог. Похоже, Локи не удалось уйти. Впрочем, правая дверца кабины была приоткрыта и у Августина мелькнула мысль, что...

За их спинами послышался нарастающий рев джипов. Сейчас они появятся из-за поворота. Сейчас.

— Уходи на полной! — крикнул Августин Ксюше, тормозя. Но она была непослушной девочкой. Отогнав мотоцикл к обочине, Ксюша сдернула с плеча «Мистраль» и улыбнулась Августину. Он никогда не видел ее такой прекрасной.

— Уходи, я тебя не люблю! Я всегда любил только Рут!! Уходи!!! — заорал Августин, чувствуя, как к горлу подкатывается горький ком.

Десять минут назад Августин говорил полностью противоположное. Но правда здесь была ни при чем. Он надеялся нанести Ксюше смертельную обиду, чтобы она немедленно уехала. Чтобы спаслась!

Но Ксюша ему не поверила.

Или поверила и осталась назло.

Так или иначе, она ответила Августину на свой лад: уверенно перерубив в районе предплечья ребром левой ладони выставленную вперед правую руку с автоматом.

Фары первого джипа расплылись в прицеле гранатомета двумя зеленоватыми пятнами.

Рядом с ними бежала колонка цифр. Что-то там они означали — скорость, расстояние до цели, вероятность попадания... Августину было плевать.

Он просто нажал красную кнопку «Пуск» на рифленой рукояти гранатомета.

Одновременно с этим заговорил ксюшин «Мистраль».

Корпус джипа разорвало, как картонную петарду. На дорогу вылетел и покатился по покрытию горящий водитель.

Объятое пламенем шасси продолжало нестись вперед, столкнулось с разбитым тягачом МАЗа и подскочило в воздух. Оно прокрутилось в тройном сальто и, пролетев над головами Августина и Ксюши, упало где-то в лесу.

— Ба-бах, — одними губами сказала Ксюша.

В гранатомете Августина оставались еще две гранаты, и он надеялся потратить их с толком.

Второго джипа не было ни слышно, ни видно. Через несколько минут нервы Августина не выдержали.

— Поехали! — крикнул он Ксюше и, примотав ремень гранатомета к рулю, крутанул рукоять газа.

Вот этого-то генерал Воронов и ждал.

Когда «Павлиноглазы», послушно следящие за объектом-носителем ВМЗ-700, передали изображение полковника Шельновой, постепенно разгоняющей свой мотоцикл, Воронов кивнул двум людям, сидящим на заднем сиденье, и бросил водителю: «Самый полный».

Армейский джип «Серна» имеет одну приятную особенность. Он может с места набрать скорость сто восемьдесят километров в

час за три секунды. А «хонде» для этого требуются секунд двенадцать.

Поэтому и Ксюша, и Августин, повернувшиеся спиной к преследователю, успели только заметить, как в зеркальцах заднего обзора мелькнула тень настигающего их урагана.

Два человека со спецоружием «Хамелеон» выстрелили одновременно.

Августин не мог видеть, как блеснул амулет Хотоя, но почувствовал, что на его груди несколько раз сжался некий предмет, похожий на маленькое теплое сердце. Двухсотметровый язык спецоружия «Хамелеон» словно бы оскользнулся о невидимую преграду и не настиг свою жертву.

Но Ксюша, лишенная амулета, не имела никаких шансов.

Присоска размером в две ладони распласталась у нее на спине. За три миллисекунды поверхность присоски вспотела полимерным клеем и намертво прилипла к ксюшиной рубахе. Ксюше показалось, что чья-то гигантская рука схватила ее за шиворот и вырвала из сиденья.

Спецоружие «Хамелеон» — самое гуманное в мире. Оно разработано как раз для тех случаев, когда от вас быстро-быстро убегает жена, любовница или просто любимая женщина.

На тыльной поверхности присоски раздался хлопок и, мгновенно наполнившись газом, вздулся амортизационный мешок.

Он спас Ксюше жизнь.

Вместо того чтобы раскроить себе череп о дорожное покрытие «Чингисхан», она просто сильно ударилась затылком об упругую подушку и потеряла сознание.

Если бы не договоренность с Венедиктом Щюро, Августин был бы уже мертв. Профессионалам Воронова ничего не стоило в таких полигонных условиях подстрелить Августина хоть из пальца.

Но уговор дороже денег. Джип затормозил возле поверженной Ксюши, а верная «хонда» тем временем быстро вынесла Августина за пределы досягаемости спецоружия «Хамелеон». Воронов решил, что подарок в виде Августина на блюдечке с золотой каемочкой Щюро преподнесет себе сам.

8

Отъехав метров на триста, Августин сбросил газ.

Дорога шла здесь с небольшим подъемом, и его мотоцикл остановился как раз в наивысшей точке, после которой начинался новый спуск.

Обернувшись, он взял гранатомет наизготовку и, когда в его прицел попал джип генерала Воронова, приготовился стрелять.

Было все еще недостаточно светло, и прицел продолжал работать в режиме оптико-электронного усиления. Когда он был уже готов нажать на заветную кнопку «Пуск», джип в прицеле заслонили два зеленоватых пятна, волокущих третье, продолговатое. Сомнений быть не могло. Ксюша.

Августин опустил гранатомет и с чувством выматерился. Он и сам не подозревал, что умеет крыть в двенадцать этажей. Оказалось, умеет.

Что делать? Преследовать джип, в который сейчас загружают Ксюшу? Глупо. В лучшем случае его тоже возьмут в плен, в худшем — просто застрелят.

Оставалось смириться с потерей. Но смириться было тяжело. В бессильной злобе Августин вскинул гранатомет и выстрелил на тридцать градусов правее джипа. В лесу занялась гигантским факелом молодая ель.

Люди Воронова вскинули автоматы, но генерал остановил их властным жестом.

— Он не дурак, он просто балует, — успокоил их Воронов.

Генерал с презрительной миной извлек из кобуры АПЛ-9 и сделал один выстрел в воздух.

Глава 14

СЕМЕЙНАЯ РЕЛИКВИЯ ДЕППОВ

1

Августин был высокого мнения о «хондах». Заочно высокого. Но когда его изрядно настрадавшаяся спина вдосталь накрючилась в три погибели, он был готов отдать все на свете за родной «ИЖ-Турбо».

Дело тут было вовсе не в квасном патриотизме.

«Хонда» была рассчитана на мотогонщика, в котором от силы 175 см роста и который готов пожертвовать всем за лишний десяток миль в час. Даже удобством. После того как Августин удалился на достаточное расстояние от побоища, скорость перестала его интересовать. Гораздо больше его теперь интересовало направление движения.

Бортовой компьютер барахлил. Карта отображала местность весьма посредственно. Ни подробностей. Ни поворотов. Ничего. Августин жал на газ, ощущая себя ежиком, потерявшимся в тумане.

Половина пятого утра — это время, когда все нормальные люди спят и видят самые красочные сны. Когда устают даже самые пылкие любовники. Когда в Веселом Квартале наконец-то закрывается большинство увеселительных заведений.

Шоссе было пустынным. Никто не мешал Августину двигаться к цели.

2

Августин остановился на перекрестке.

Дорога влево, если верить указателю, вела к Главному Корпусу ВИН.

Вправо — уводила в сельскохозяйственные дали и упиралась в частную охраняемую территорию, принадлежащую все тому же ВИН.

Августин бросил мотоцикл и гранатомет в кустах. Авось пригодятся. Наломав ветвей, он прикрыл ими ослепительно белую наготу своего железного коня. Когда маскировка была выполнена на оценку «три с двумя минусами», Августин углубился в лес.

Он видел этот лес совсем недавно и теперь мог вспомнить все с точностью до травинки.

Саама дала Августину возможность увидеть то, чего он никогда не видел наяву. Кустики бересклета, отцветшие месяц назад ландыши, сосновый бор, с едва намеченными тропинками... Одна из этих тропинок непременно должна привести его к тому месту, где, спрятанный в осином гнезде, его дожидается информационный кристалл — ключ к защите ВИН.

Августин, пробирающийся сквозь влажный сумрак рассветного леса, чувствовал себя по меньшей мере архангелом Гавриилом. Спасителем. Избавителем. Героем. И это ощущение было совсем не похоже на те, что способна дарить ВР.

«Как ни стремись ВР походить на жизнь, до жизни ей все-таки очень и очень далеко. Как, впрочем, и мне до архангела Гавриила», — сказал себе Августин, осторожно озираясь.

Как найти нужное ему дерево — дуб с осиным гнездом — Августин не знал. И тем не менее уверенность в том, что он найдет его, была сильнее всех остальных чувств. Что-то в святая святых его души подсказывало ему, что это не только возможно, но и совсем

несложно. Нужно только довериться своей интуиции, своему «незнанию».

Августин вспомнил о Хотое. Он вспомнил его приятное, источающее внутренний свет лицо. Он вспомнил его ладони — теплые, словно бы омытые в солнечных лучах.

Августину стало немного завидно. Ему захотелось заполучить хоть немного доставшегося Хотою внутреннего света. И в этот момент он решился.

Мысленно пожелав себе удачи, Августин закрыл глаза и побрел наугад, стараясь как можно пристальней вглядываться внутрь себя. Он пытался прочувствовать каждый квадратный сантиметр соснового бора, выстланного хрустким ковром сухих иголок.

Некоторые деревья казались ему совсем чужими. Некоторые вызывали симпатию. Но Августин не открывал глаз. Он чувствовал, что нужный ему дуб где-то поблизости.

Августин вытянул ладонь навстречу новым ощущениям. Он ждал.

У него достаточно много времени. Погони не было, а если и была, то он скорее всего оторвался от нее. Значит, он может разгуливать по сосновому бору сколько ему заблагорассудится, изображая из себя начинающего слепца.

Августин медленно шел вперед, вслушиваясь в шорохи леса. Как и многие завсегдатаи ВР, он был атеистом, но сейчас сильно жалел об этом.

«Быть может, у людей потому и не выходит ничего чудесного, что они больше не верят в сверхъестественные вещи», — размышлял он, ощупывая смолистую кору сосны.

Августин хорошо помнил видение, пережитое им в саама-трансе.

Он помнил, что нужный ему дуб стоит на опушке в окружении трех-четырех достаточно старых сосен. Но он не знал, где расположена нужная ему окраина леса. Как всегда, самая важная деталь оказывается утерянной! Таков уж закон подлости. И где найти амулет, который оградит тебя от его неумолимой логики?

3

Ксения Шельнова пришла в себя на борту конвертоплана.

— Она уже в порядке, — сказал человек в черной маске с прорезями для глаз и носа кому-то, повернувшемуся к Ксюше спиной.

— Что здесь происходит? — Ее резкий голос показался необычным даже ей самой. — Я требую адвоката. Я требую, чтобы вы

предъявили мне доказательства законности производимых вами действий.

Ксюша встала. Взгляд ее был решительным, движения — уверенными. Она знала, что полковник ДБ, оказавшись в беде, должен первым делом качать права. Требовать адвоката. Апеллировать к законности. Стучать кулаком по столу. Сопротивляться, ругаться и негодовать.

Двое в черных масках переглянулись. Такое поведение было им явно в диковинку. Ведь они привыкли иметь дело с покойниками. В крайнем случае — с потенциальными покойниками.

«Значит, не все потеряно», — заключила Ксюша, от взгляда которой не укрылась растерянность похитителей.

4

Через полчаса слепых блужданий по лесу Августин почувствовал себя уставшим и опустошенным.

Он сел на землю и позволил себе открыть глаза. Нет, он не разочаровался в избранном методе поиска. Вовсе нет. Скорее, он открыл глаза, повинуясь привычке. Безо всякой цели. И был вознагражден за это.

Он сидел на краю подковообразной поляны. Собственно, как глубоко врезающийся в сушу морской залив нельзя все-таки признать «озером», так и эту поляну правильней было бы назвать «заливом луга».

Где-то за лесом вставало солнце. Его косые лучи пронизывали бор. Чарующий пейзаж. Звуки пробуждающегося леса.

«Где-то тут должны быть белки и птицы», — подумал Августин.

Он осмотрелся, влекомый скорее эстетическим порывом, нежели соображениями о «правильном» и «уместном». Он сидел под деревом, чей толстый ствол нельзя было обхватить даже втроем. А прямо над ним, на одной из сухих ветвей, висело осиное гнездо. Сонные обитательницы гнезда по одной выползали наружу.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! — присвистнул Августин, не смея поверить своим глазам.

Больше всего в этот момент ему хотелось разделить свой триумф с Хотоем. Именно с ним.

Августин не стал карабкаться на дерево сразу же, обдирая локти и кряхтя. Он не побежал за палкой потолще, чтобы сбить гнездо с ветки. Он стоял и смотрел.

Августин думал об отце.

Воспоминания текли чередой. Он же сохранял неподвижность и наблюдал, как осы покидают гнездо и разлетаются в разные стороны.

Какая-то из них, быть может, попадет в радиаторную решетку большегрузного автомобиля и вместе с ним проникнет через КПП под защитный купол Главного Корпуса. Какую-то, возможно, поймает Борис Депп.

Августин медлил еще и оттого, что не знал толком, что нужно будет делать с «комати», когда он его найдет. Ведь, заполучив его после долгих трудов, он должен будет войти в систему, разрушителем которой этот «комати» является.

Зачем? Для чего? Что будет делать одиночка Августин, когда (и если) защита Главного Корпуса рухнет, как карточный домик? Он не настолько наивен, чтобы полагать, что вооруженные бойцы охраны станут совершенно беспомощными липовыми чурками сразу после того, как «комати» отрубит систему защиты.

Размышления Августина могли бы продолжаться долго, если бы одна из ос ни села на его шею. Он машинально прихлопнул ее, не вполне отдавая отчет в своих действиях. Оса, разумеется, ответила как положено — жалом.

Боль вышвырнула Августина из ступора бесплодных размышлений.

Неподалеку от дуба он сложил из хвои и хвороста костерок. Поджег его. Подбросил дровишек покрупнее.

Затем он отыскал подходящую палку. С пятнадцатой попытки ему удалось сбить гнездо на землю.

Теперь оставалось выкурить ос. Он насадил гнездо на палку и бросил в костер.

Осиный дом горел удивительно долго. Разозленные осы кружили вокруг. Разоритель Августин заработал никак не меньше пяти укусов. К счастью, атакующих было не так уж много — большинство полосатых агрессоров покинуло гнездо еще до начала осиного Судного дня.

Отбиваясь от ос, Августин раздувал огонь, не забывая подкармливать костерок топливом. Наконец все, что могло гореть, сгорело.

Августин с трудом дождался, пока остынет пепел. Он собрал его на огромный лист лопуха и стал внимательно всматриваться в остатки крохотного пожарища.

Кроме прочих достоинств «комати», выполненный в виде стандартного информационного кристалла размером со спичечную головку, имел одно весьма важное для Августина. Он был термоустойчив.

Для того, чтобы уничтожить информацию, необходимо было поднять его температуру до 2500 градусов по Цельсию и поддержи-

вать ее минимум в течение часа. На такое костерок Августина, конечно, способен не был.

«Комати» остался цел и невредим.

Вот он, среди истлевших сосновых угольков.

5

— Ну что вы, Ксенюшка, что вы, — раздался за ее спиной до боли знакомый голос. Мягкий, вкрадчивый, услужливый. Голос генерала Воронова.

— С каких это пор, полковник, вы позволяете себе неуставные формы обращения? — съязвила Шельнова, заодно понижая Воронова сразу на три ступени служебной лестницы.

— Прошу меня простить, генерал-майор Шельнова, — без тени иронии сказал Воронов. — Я позволил себе лишнее.

Двое в черных масках удалились, оставив генералитет ДБ вершить дела наедине.

Ксюша проводила боевиков взглядом, в котором читались растерянность и недовольство.

— Простите, как вы сказали...

Ксюша беззастенчиво рассматривала чистенькую форму Воронова, сшитую в ателье Юдашкина Третьего, и мысленно сравнивала ее со своей измазанной кровью, потом и копотью джинсовой парой. Классическая коллизия. Тыловая крыса из отдела снабжения и боевой генерал. Генерал?

— Я сказал «генерал-майор», и я не оговорился... — как по нотам начал Воронов.

Судя по всему, эту речь он отрепетировал еще несколько часов назад и теперь упивался своим красноречием:

— Руководство Департамента решило произвести внеочередное повышение вас в звании, приняв во внимание ваши заслуги в нейтрализации террористической организации «Снарк». Это был ваш триумф, Ксения.

— Хорош триумф, — мрачно заметила генерал-майор. — То, что я осталась в живых, — чистая случайность. Если это вы называете триумфом, тогда — пожалуйста. — И Ксения артистично отбросила прядь со лба.

— В нашей работе нет случайностей, — мягко заметил Воронов. — Неужели вы полагаете, что я позволил бы погибнуть такому блестящему оперативному работнику, как вы? Что же до вашего триумфа...

Воронов сделал эффектную паузу.

— Именно благодаря проявленному вами профессионализму мы смогли вычислить опасного преступника Локи и его команду. Именно благодаря вашей оперативности, а также тому, что пока вы находились в ВР, ваши пальцы были помечены высокомолекулярным запахом, мы смогли настичь террористов прямо в их логове...

— ...логове на колесах... — вставила Ксюша.

— Да-да, именно на колесах. — Генерал Воронов не заметил иронии, обращенной против его риторических талантов. — Так что главной персоной в сегодняшней операции стали именно вы, дорогая моя Ксения.

Ксюша молчала. Жив ли Августин? Кто такая эта сучка Рут, которую якобы «всегда любил» ее непутевый любовник? — спрашивала она себя, слушая вполуха патетическую болтовню Воронова.

Была ли она рада повышению? Скорее да, чем нет. В конце концов, террористы никогда не внушали ей особых симпатий.

6

Августин держал «жука» на ладони.

Солнце взошло, и теперь Августин был склонен смотреть на вещи с оптимизмом. Он нашел предмет, над местонахождением которого сушил себе мозги весь Интерпол. Сушил, если верить Локи, не один год.

Его отец все-таки очень остроумный парень. Он обвел вокруг пальца ВИН. Он обманул Интерпол. Он сделал все для того, чтобы созданная им игрушка досталась его сыну. И больше никому. Вот о чем с гордостью думал Августин, хотя и не знал, что делать с этим страшным даром.

«Он у меня — и этим все сказано», — отрезал Августин и закурил.

Инфокристалл был настолько мал, что доверить его карману он не решился. Ни сумки, ни футляра, ни ларчика с бархатной выстилкой у Августина при себе не было. Поэтому он открыл рот и сунул кристалл туда, где еще недавно находилась пломба — в дупло зуба.

«Если каким-то идиотам вздумается меня обыскать, пусть трудятся», — успокоил себя Августин и, окончив пятнадцатиминутный перекур на лоне природы, пошел туда, где, по его мнению, должен был находиться замаскированный под куст мотоцикл «хонда».

Он не успел пройти и полкилометра, как на тропинку позади него вылетела газовая граната.

Бесшумно приземлившись на траву за спиной Августина, она выпустила из себя оговоренные проектными характеристиками кубометры газа «Сирень».

Августин так и не понял, что произошло. Он был настолько окрылен успехом, что потерял бдительность. Первые глотки воздуха заставили его легкие сжаться от болезненного спазма. Голова закружилась, глаза заволокло яично-желтой пеленой.

Августин упал и забился в конвульсиях.

К счастью, все закончилось очень быстро. Создатели «Сирени» не были садистами. Долго мучить людей — не в традициях честных химиков, работающих на благо России, на благо народа.

Глава 15

КРИСТАЛЬНАЯ ЯСНОСТЬ МЫСЛИ

1

В семь часов утра в аэропорту Шереметьево-2 приземлился транспортный самолет «Универсум» RF-0779 с грузом устаревших сельскохозяйственных машин для фермерского секонд-хенда.

Первыми борт «Универсума» покинули четверо представителей фирмы «Омнитрейд».

Один из них сразу же закурил сигару «Дух Фиделя», двое других удовольствовались «Кэмелом». Четвертый достал из кармана пенопластовую коробку с тремя отделениями. Из первого он извлек пригоршню арахиса, из второго — стаканчик фруктового йогурта. Третье отделение оставалось закрытым.

Все четверо направились к зданию аэропорта.

— Доброе утро, уважаемые господа, — сказал самый представительный из них на очень хорошем, но, пожалуй, чересчур вычурном русском языке. — Мы пассажиры того «Универсума», изумительный вид на который предоставляют ваши окна. Как скоро мы можем надеяться на предварительный таможенный осмотр?

За пуленепробиваемым стеклом двое русских клерков подняли на него красные, как у кроликов, глаза. Вчера у одной дамочки из Кабула конфисковали партию транзитного лаосского кокаина и экспертиза сортности так затянулась, так затянулась...

— Гхрм, — один из клерков бросил взгляд в окно и прочистил горло, — разрешите взглянуть на ваши бумаги.

В окошко под стеклом прополз ворох фирменных бланков «Омнитрейда». Клерк бросил на них беглый взгляд и сказал своему напарнику:

— Юра, Юра Александрович, вызови партию досмотра, а?

Юра Александрович посмотрел на него слезящимися глазами.

— Досмотра, говоришь? — протянул он, лихорадочно соображая, о чем вообще идет речь. Его мысли были далеко — где-то между солнечным Кабулом и дождливым Лаосом.

Смотр, просмотр, досмотр, рассмотр, ле морт, Шевремор... Наконец он понял.

Юра Александрович придавил кнопку селектора и сказал:

— Гена, слушай, тут самолетик досмотреть бы...

— Большой?

— Большой.

— У-у, мать-перемать...

Юра Александрович поспешно отпустил кнопку.

— Все в порядке, господа, — сказал первый клерк, просовывая бумаги обратно. — Через полчаса можете ожидать гостей.

Четверо представителей фирмы «Омнитрейд» возвращались к своему самолету.

— Что-то я не совсем понял... — начал лейтенант Гиллеспи, пережевывая последний орех.

Мак-Интайр хохотнул.

— Понимать нечего. Понедельник в России — день тяжелый.

2

Тому, кто борется за жизнь, иногда удается выжить.

«В купе монорельса едет мамаша с маленьким сыном. Напротив них — симпатичный мужчина средних лет.

— Дядя, скажите, а у вас есть жена? — спрашивает мальчик.

— Нет, я холостяк, — отвечает мужчина.

— А много вы зарабатываете? — никак не успокоится мальчик...»

Искусственное легкое, искусственная почка, искусственное все. Кроме интеллекта.

«— Да, в общем, прилично, — отвечает мужчина.

— А квартира у вас есть?

— Есть, — отвечает мужчина.

Мальчик поворачивается к маме и говорит:

— Мама-мама, я забыл, что еще я должен спросить у дяди?»

Августин не открывал глаза, будучи уверен в том, что умер. Если бы не «Вован», ничто не разубедило бы его в этом. Если он в аду, то это странно. Если в раю — еще более странно.

«Надо полагать, я в дьявольском раю», — заключил Августин и решительно приоткрыл левый глаз.

Он понял, что не ошибся. На стене стерильной светло-салатовой комнаты Августин увидел выпуклые буквы, венчающие до боли знакомую эмблему ВИН. Так и есть. Покупай систему «Асгард», недоносок.

Аппарат искусственного жизнеобеспечения трудился вовсю и Августин понял, что именно благодаря ему он сохранил способность слушать анекдоты и наблюдать светло-салатовые кружевные разводы на белом потолке.

— Ну ты прямо киборг, Августин! Ты оклемался на два часа раньше, чем обещали сраные доктора! — Под аккомпанемент сомнительных комплиментов в жизнь Августина вторгся полноватый господин в летнем кремовом костюме.

Августин приподнялся на локте. Голова отозвалась чудовищной, непереносимой болью, лицо исказила соответствующая этому ощущению гримаса.

— До свадьбы заживет, — с деланым сочувствием сказал Августину собеседник. — Сраные доктора сказали — значит заживет.

— Августин Депп, — Августин протянул вошедшему руку.

— Венедикт Щюро, — представился человек в кремовом костюме.

— Очень рад, — сказал Августин, гадливо отдергивая руку.

Ему и в страшном сне не могло присниться свидание с человеком, о котором он слышал столь много лестных отзывов из уст Локи.

Щюро скрестил руки на груди, погладил свою упитанную щеку, обвел комнату пытливым взглядом и перешел к содержательной части саммита.

— Я человек занятой. Очень занятой. Поэтому — сразу к делу. Готов?

Августин выразил свою готовность неопределенным и довольно двусмысленным жестом. Впрочем, его реакция мало интересовала собеседника.

«Интересно, они пронюхали про кристалл?» — промелькнуло в голове у Августина, которая постепенно начинала соображать.

— Я хочу знать какого черта ты лазил неподалеку от защитного периметра нашей компании. Это раз. Какого черта ты делал в таборе нашего общего друга Фила. Это два. Какого черта ты лазишь в Утгард — три. И последнее. Почему ты, сукин сын, все еще жив и до сих пор не работаешь на нас?!

Щюро перевел дыхание и вытер вспотевший лоб платком.

— Можешь отвечать в любом порядке.

Августин бросил тоскливый взгляд на громоздкий аппарат жизнеобеспечения, с которым его тело, оказавшееся при поверхностном осмотре вполне целым, было соединено тьмой трубочек, датчиков, проводов. По трубочкам текли физиологические растворы-заменители. По проводам галопировали электроны. Датчики сочились информацией.

«Ставлю рубль за сто, что эти датчики очень непростые. Прибор жизнеобеспечения заодно и детектор лжи в его архаическом варианте. Это значит: ври, но осторожно».

И Августин бросился с головой в пучину осмотрительного вранья.

— Начну с конца, — сказал Августин и поморщился. Все-таки, он — пострадавший, у него болит голова и из этого крохотного преимущества просто необходимо выдавить все, что можно. — Почему я до сих пор жив? Понятия не имею. Десять минут назад я был уверен, что уже мертв. Почему я до сих пор не работаю на ВИН? Да потому что мне еще никто не предлагал. Дальше. В Утгард меня носило из чистого интереса. Особенно во второй раз. В первый я всего лишь исполнял служебный долг, — сказал Августин и откинул голову на релаксационную гидроподушку. — Всё?

Щюро бросил короткий взгляд на приборную панель аппарата жизнеобеспечения.

«Так и есть, детектор лжи», — подумал Августин.

— Нет, не всё. Остались без ответа вопрос номер один и вопрос номер два. Продолжай.

Августин продолжил:

— Фил, или, как я привык называть его, Локи, назначил мне встречу. Я пришел на нее. Он предлагал мне сотрудничество и расточал комплименты. До конкретных предложений так и не дошло — вы напали раньше.

— Ну нападали, положим, не мы, — скромно заметил Щюро. — Впрочем, это не важно.

— Действительно, не важно, — поморщился Августин. — Вопрос номер два. Возле вашего Главного Корпуса я искал осиное гнездо. Просто так.

Щюро бегло сверился с дисплеем системы жизнеобеспечения и скроил гримасу умиления. Омерзительную гримасу.

— Подумать только! Он искал осиное гнездо! Шалунишка! Любитель милых осок! Им так скучно самим в этом противном гнезде. Нужно было помочь им и спалить их домик! Гнать чернуху будешь в другом месте, парень, — заключил Щюро посерьезнев.

3

Конвертоплан приземлился на посадочную площадку аэродрома ДБ перед мемориальным «Аквариумом» — бывшим головным офисом ГРУ времен Первой Холодной войны. Генерал-полковник Воронов галантно подал руку генерал-майору Шельновой.

Автомобиль с фальшивыми непроницаемыми стеклами — такой же точно, какой доставил Ксюшу на предыдущее задание, связанное с проникновением в Зону Стабильности, — привез их в Центральное Управление.

Еще на конвертоплане Ксюша переоделась в форму сержанта Черного Спецназа, сбросив свое окровавленное и ободранное джинсовое тряпье. На борту нашелся запасной комплект. Он был, конечно, ей не по фигуре — сзади и на плечах висело, зато на груди молния грозила лопнуть. Но Воронову, похоже, так нравилось даже больше.

— Вам выпали очень трудные сутки, Ксенюшка, — заботливо сказал Воронов. Они поднимались на лифте. — Поэтому я предлагаю вам как следует выспаться до четырнадцати ноль-ноль, после чего жду вас в своем кабинете.

— Разрешите идти?

— Идите, — улыбнулся Воронов. — В комнату отдыха.

— Есть, — рявкнула Ксюша и скрылась за дверью.

Она прекрасно понимала, что надеяться сейчас убежать из Центрального Управления — чистейший абсурд. Пальцы у генерала Воронова были очень цепкими.

4

Двери за Щюро захлопнулись. Августин остался в одиночестве.

Коварный аппарат жизнеобеспечения мерно гудел у него над ухом. Датчики качали информацию. Трубочки гоняли лимфу, плазму, желчь и кислород. Августину было дано время на раздумья, и он не тратил его зря.

Конечно же, Щюро не дурак. Именно поэтому он не может поверить в то, что Августин ходил по лесу вокруг Оплота Зла, олицетворенного Главным Корпусом ВИН, только лишь затем, чтобы отыскать какое-то там гнездо. Из чистого интереса. Просто так.

Щюро сразу догадался, что дело нечисто, и детектор лжи подтвердил его догадки. Это значит, что господин Щюро продолжит свои изыскания.

Запахло сканированием памяти.

Августин никогда не подвергался этой унизительной процедуре.

Никто и никогда не копался в его детских опытах с порнографическими журналами.

Не совал грязные лапы в его отношения с друзьями и родителями.

Никто не лазил по его кошмарам, не трахал вместе с ним его девчонок.

Не крал конфеты из вазы, не подличал и не лгал. Короче говоря, раньше его прошлое было именно его прошлым, и ничьим больше.

Теперь же ему предстояло поделиться содержимым своей памяти с заинтересованными персонами. У него не останется ничего, что он смог бы скрыть, потому что сканирование мозга не предполагает участия воли сканируемого.

Потому-то к нему так часто и прибегают во всяких почтенных конторах с собственной службой внутренней безопасности вроде компании ВИН.

Щюро ушел, а вместо него в палату Августина вошли люди в белых халатах.

Следом за ними в светло-салатовую комнату вкатился на четырех колесиках психосканер «Лхаса».

Августин никогда не видел психосканера в реальной жизни, хотя много читал о них. Эволюция этих устройств, начавшаяся еще в 2010-х годах, привела к внушительным результатам. Теперь сканированию поддавались даже ментальные загашники высших приматов.

Психосканеры, правда, оставались по-прежнему очень дорогими и ненадежными, а специалисты-мозгокопы, умеющие управляться с ними, то есть обрабатывать полученную информацию путем селекции и сортировки, были нарасхват. Но ВИН, видимо, знала, чем привлечь специалистов.

Для сканирования мозга объекту дознания вводили внутривенно несколько кубиков специфического анестетического раствора, который мозгокопы называли «проявителем».

Августин молча подставил правую руку.

Его тело начало погружаться в мягкую безвольную дрему, но он все-таки успел нащупать кончиком языка дупло своего многострадального зуба. Инфокристалл по-прежнему исполнял роль пломбы. В том, что ему удастся когда-нибудь увидеть бесценную информационную бомбу вновь, Августин сильно сомневался.

Бай-бай, Борис Михайлович Депп. Ваши труды пошли прахом!

5

Генерал-полковник Воронов и новоиспеченный генерал-майор Ксения Шельнова зашли в здание Центрального Управления ДБ в шесть часов утра.

В это время «Эскадрон С» приступил к выполнению очередной боевой задачи. Как всегда, поставленной Вороновым лично.

На станции Москва-Сортировочная, на запасных путях, коротал длинные июньские дни один не совсем обычный эшелон. Конечным пунктом его назначения был Семипалатинск. На бумаге эшелон уже давно успел прибыть в Казахстан, разгрузиться и отправиться в обратный путь. На деле — и об этом генерал Воронов позаботился лично — конечным пунктом назначения эшелона стала Москва.

Эшелон приехал из-под Мурманска. И привез он пятьдесят шесть крылатых ракет с химическими боеголовками.

Вообще говоря, по договору СНВ-5, ракеты предназначались для уничтожения в присутствии международных наблюдателей.

Пятьдесят шесть ракет действительно были сданы на Семипалатинский Завод Утилизации Оружия Массового Поражения (СЗУОМП) при большом стечении журналистов и иностранных наблюдателей. Но это были не совсем те ракеты.

Это были очень хорошие «куклы», изготовленные из так называемого «практического» варианта крылатого убийцы, который предназначался только для испытательных и учебных стрельб.

Эшелон, который стоял на запасных путях, никем не охранялся. «Эскадрон С» беспрепятственно прибыл на место назначения и взял эшелон под стражу. Спустя десять минут прибыли грузовые машины и два подъемных крана.

Ракеты были совсем невелики — около трех метров в длину. Они находились в транспортно-пусковых контейнерах, которые было очень легко установить на любом подходящем грузовике. Ракеты воплощали собой само совершенство. Им нужен был лишь тот, кто нажмет кнопку.

6

Никто из учеников не беспокоил сэнсэя между пятью и девятью часами утра.

«Учитель медитирует», — объясняли наиболее опытные тем, кто только недавно присоединился к общине. Хотой никогда не выходил к ученикам по утрам. Он действительно медитировал.

Но в этот день Хотой изменил свой распорядок.

Комок саамы жег язык, а душа нерасторопно покидала его тело. Саама вела его сквозь пространство. Саама помогала искать. И саама нашла то, что было нужно.

Очень скоро Хотой вошел в светло-салатовую комнату, где творилось священнодействие.

Он увидел Августина, над которым трудились четверо операторов в белых халатах. Он увидел инфокристалл, спрятанный в гнилом дупле зуба. Он увидел психосканер с дурацким названием «Лхаса» и понял, что дело требует его вмешательства.

Хотой парил над потолком комнаты, но никто не замечал его. Саама помогала ему оставаться незамеченным.

Ах, что с тобой,
Что ты глаза вперяешь в пустоту
И бестелесный воздух вопрошаешь?
Из глаз твоих твой дух взирает дико;
И, словно полк, разбуженный тревогой,
Твои, как бы живые, волоса
Поднялись и стоят... —

меланхолически пробормотал Хотой, проводя рукой по мягким волосам Августина, но его никто не услышал.

«Еще две минуты, и можно будет начинать», — сказал один из мозгокопов большеглазой лаборантке.

7

— Сканирование мозга начато! — отрапортовал младший оператор и занял свое место у пульта психосканера.

«Лхаса» впилась в мозг Августина своими цепкими нейронными щупальцами и начала сосать информацию. Так корни дерева поглощают из почвы влагу и минеральные вещества. Старший оператор сидел у монитора обработки, а еще двое склонились над Августином. В их руках были выносные пульты оперативной селекции.

Тотальное сканирование напоминает поиск бусины в четырехтонном мусорном контейнере. Сканировать мозг в поисках одного конкретного воспоминания — это почти то же самое, что просматривать все иллюстрации в книгах Российской Национальной Библиотеки в надежде найти портрет своей прабабушки. Тотальное сканирование может продолжаться неделю, а обработка его результатов затянется на месяцы.

В данном случае господин Щюро сузил задачу мозгокопов до вполне обозримой.

«Вы должны выяснить, что этот сукин сын искал возле нашего защитного купола в лесу. Что он там делал с осиным ульем и, главное, — зачем», — сказал босс.

Это указание облегчало задачу. Нужно было провести селекцию по опорным словообразам отделов оперативной памяти.

— Юстировка успешная. Переходим к выборочному сканированию! — скомандовал старший оператор, высокий человек с выдающейся вперед челюстью.

— Все готово. Назовите опорные словообразы, — бесцветным, ничего не выражающим голосом сказал младший оператор. Большеглазая лаборантка икнула от умственного перенапряжения.

— Называю: осиное гнездо, оса.

— Выборочное сканирование начато.

8

Хотой был терпелив, но танцы вокруг психосканера успели его порядком утомить. Он презирал психосканеры, как презирал секс-индустрию резиновых кукол. Почему люди такие глупые?

Сам Хотой не нуждался в психосканере «Лхаса» для того, чтобы найти в мозгу у собеседника нужную информацию. Для этого ему не нужно было опутывать чужую голову датчиками и пялиться в экран анализатора. Ему было достаточно сосредоточиться на предмете своих поисков.

Обычно он посмеивался над операторами, которым необходимо перелопачивать горы ментального навоза для того, чтобы найти жемчужное зерно. Но в этот раз ему было не до смеха. На Августина возлагалось слишком много надежд, чтобы все они рухнули под биосинтетическими щупальцами психосканера.

Поэтому Хотой начал сканирование оперативной памяти Августина загодя.

Он с легкостью прочел в памяти Августина все, что касалось инфокристалла и осиного гнезда, а также беседу с Локи. Он насладился видом совершенного тела Ксюши и дешифровал по хаотическим обрывкам сцену нападения Черного Спецназа на автоколонну террористов.

Все это хорошо соотносилось с кросстемпоральным и трансперсональным видением Августина, о котором Хотой имел весьма полную информацию. Когда в сканированном участке памяти Хотой унюхал удушающий запах «Сирени», он понял, что самое интересное уже выяснено.

«Переходим к выборочному сканированию!» — скомандовал старший оператор.

Хотой снова вошел в оперативную память Августина и временно перекрыл доступ к тем ее участкам, которые отвечали за поиск инфокристалла.

Он произвел над памятью молодого воина те же манипуляции, которые проделывают режиссеры с материалом, наигранным актерами и шатунами в съемочных виртуальных реальностях. Он сделал монтаж. Оставил только то, что касалось гнезда и ос, уничтожив остальное. Это было очень трудно даже для такого инженера человеческих душ, каким был Хотой. Но, как и все хорошие инженеры, он не боялся трудностей.

Когда прозвучали опорные словообразы психосканирования, все необходимое для того, чтобы операторы «Лхасы» получили свой законный кукиш, уже было сделано. Содержимое оперативной памяти Августина похудело на восемь тысяч кластеров.

Вот Августин гуляет по лесу, затем зачем-то ходит с закрытыми глазами. Вот он садится под дуб и отдыхает. Случайно замечает гнездо с осами. Кидает в гнездо палкой, сжигает его на костре. Курит, идет назад. На тропинке шипит газовая граната... Обрыв.

Таков был видеоряд. Но память не ограничивается записью картинок. Есть еще логико-семантические структуры, отвечающие за процесс мышления. С ними разбираться куда тяжелее, но Хотой не поленился навести порядок и здесь.

Семантический кластер, отвечавший за прогулку Августина по утреннему лесу в поисках инфокристалла, теперь выглядел приблизительно так:

«...какое чудесное утро // прохладно // хочется курить // осиное гнездо // эти проклятые осы // меня укусила оса // сейчас я им устрою...»

...и дальше в том же духе. Логико-семантическая часть оперативной памяти Августина была умело смонтирована Хотоем.

— Все приходится делать в последнюю минуту, — вздохнул якут и покинул сознание Августина.

Голова Хотоя кружилась, зрение отказывалось повиноваться. Ему было все трудней удерживаться в комнате с салатовыми стенами. Пора было уходить. Домик на кедровых сваях звал своего хозяина.

Его время оканчивалось. Тело Хотоя не могло больше оставаться без хозяина.

— Удачи тебе, Августин, — беззвучно сказал Хотой.

9

Щюро вошел в палату, где лежал еще не пришедший в сознание Августин, сияя как новый серебряный рубль.

Операторы нервно повскакивали со своих мест. Босс не любит, когда с ним недостаточно вежливы. Не стоит злить босса.

— Ну, как наш больной? — осведомился Щюро, рассматривая нагревшийся от натуги психосканер.

Операторы, все как один улыбнулись. Когда босс острит — нужно улыбаться. Это знает любой дурак, которому повезло заключить контракт с компанией ВИН. Слово взял старший оператор.

— Было проведено выборочное сканирование кластеров оперативной памяти по данным вами опорным понятиям...

— Ладно, что ты меня тут наукой грузишь, ты по делу скажи! — раздраженно рявкнул Щюро.

В бытность свою начальником охраны он умел делать это гораздо громче. Но теперь он старался сдерживаться. Как-никак, реноме солидной компании — королевское величие ее президента. Все это обязывает к показной деликатности.

— Если по делу, то ответ на ваш вопрос найден, — отрапортовал младший оператор, который уже давно мечтал подсидеть своего шефа и ждал только подходящего случая отличиться. — Объект дознания находился в психотическом состоянии гипердинамии. Обуреваемый истерией, он бежал на мотоцикле «хонда», двигаясь в произвольном направлении. У него кончилось горючее, и он вошел в лес. Объект не контролировал свои действия. Он ходил по лесу с закрытыми глазами. Он сел под деревом, и его укусила оса. Взбешенный, он сжег осиное гнездо и пошел по направлению к дороге. Больше никаких действий совершено не было.

— Хорошо, а что-нибудь интересное? — вяло поинтересовался Щюро. Он был не в восторге от добычи.

— Этой ночью объект дознания вошел в половой контакт с особой тридцати двух лет по имени Ксюша, — бойко отрапортовал младший оператор. — Запись сканированного кластера можно посмотреть в любое удобное время...

Щюро недовольно отмахнулся от воображаемой мухи.

— Ну ты сказал! «Вошел в половой контакт»! Как вульгарно, тьфу! — во весь голос возмутился Щюро, демонстрируя подчиненным свою широкую спину, а заодно и утонченность натуры.

Дверь за президентом компании ВИН закрылась, оставив ошалевших от страха операторов сводить счеты друг с другом. У лаборантки начался приступ истерической икоты.

10

Августин принял душ, побрился и оделся.

Из зеркала на него смотрел молодой человек приятной наружности. Его, правда, никак нельзя было назвать счастливым или хотя бы выспавшимся, но врожденный нарциссизм навел оперативную ретушь и оставил Августина в целом удовлетворенным.

«Твердая четверка», — заключил он.

Чувствовал он себя тоже довольно неплохо для человека, которому всего час назад было произведено выборочное сканирование памяти.

Эмоции отсутствовали. Он размышлял о сущей ерунде. О том, например, сколько человек находится в подчинении Щюро. О том, что на самом деле представляет собой слой Асгард. О том, сколько дней прошло с тех пор, как он впервые увидел Ксюшу в фойе Большого Театра.

Оставалось только почистить зубы. Он распечатал стерильный пакет с зубной щеткой, выдавил из тюбика немного пасты. Поднес щетку ко рту. Его язык прошелся по внутренней стороне передних резцов и привычно нырнул в гнилое дупло, оставшееся сиротой после того, как выпала керамическая пломба. В дупле по-прежнему лежал инфокристалл.

Если бы в этот момент какие-нибудь въедливые мозгокопы по-прежнему махали лопатами в мозгу Августина, они наверняка заключили бы, что объект дознания взбесился, перейдя из гипердинамического состояния в гиперпсихотическое.

Он лихорадочно размышлял об инфокристалле. О том, каким чудом тот умудряется оставаться на месте. А как же хваленое сканирование?

«Так или иначе, мое сокровище при мне», — заключил Августин, споласкивая зубную щетку.

— Господин Щюро ждет вас в лаборатории «Техкиб». Вас проводят туда через одну минуту двадцать секунд, — озарившись неласковым голубым светом, сообщило зеркало лакейским тенорком соглядатая и доносчика.

Августин поспешно захлопнул пасть.

11

Лаборатория «Техкиб» была местом для сильных духом. По крайней мере, для деловых бесед она подходила плохо, ибо скорее напоминала анатомический театр, совмещенный с рабочим местом провинциального прозектора.

Центральный отсек, освещенный люминесцентными панелями, был уставлен стеллажами с биологическими препаратами.

Стеклянные кубы с физиологическими растворами, в которых покоятся человеческие органы — руки, головы, кишки.

Высокие пробирки с флюоресцирующими жидкостями.

Реторты гигантских размеров.

Металлические скелеты — частью повторяющие человеческие, частью не имеющие прямых аналогов в живой природе.

Компьютеры.

Молекулярные и спектральные анализаторы.

Все как положено.

— Это хорошо, что ты такой псих. Псих, который бегает вдоль защитного периметра просто так, гораздо лучше нормального, который бегает вокруг Главного Корпуса ВИН по своим делам, — сообщил Августину Стальной Венедикт, нежась на топчане с воздушным матрасом. — Сканирование мозга — великая вещь. Теперь я знаю о тебе все.

Августин занял предложенный охранником жесткий стул.

— Ты не злоумышлял против компании ВИН. Сканирование мозга подтвердило это. Ты истерик и твои действия по сожжению осиного гнезда были признаны квалифицированными экспертами гипердинамической нервной реакцией. Черт с ними, с этими осами...

Августин вздернул брови и сложил руки на груди.

«Грош ему цена, твоему сканированию, — втихаря ухмыльнулся Августин. — Гадание на кофейной гуще было бы точнее».

— Таким образом, ты можешь быть признан годным к несению строевой службы в рядах охраны ВИН. Я думаю, ты не возражаешь.

Августин пожал плечами. «Не поется птичке в когтях у кошки», — говаривал Борис Михайлович Депп. В особенности не возражается.

— К службе? Смотря какой, — уклончиво ответил он.

— Пойдем. — Щюро вскочил с топчана и увлек Августина в соседнее помещение, замогильный дизайн которого был способен порадовать разве что убежденного некрофила.

Мертвые люди в физиологическом растворе. Капсулы, где лежали усопшие, походили на стеклянные гробы и одновременно на капсулы входа в ВР.

Августин, подавляя отвращение, рассматривал декорации лаборатории «Техкиб».

Все, кто полеживал в физрастворе, были мужчинами. Причем не совсем обычными мужчинами. Сложением они скорее походили на звезд бодибилдинга, а лицами — на героев-любовников из сериа-

лов, какие крутит после полуночи «Нежная Радуга». В другое время и в другом месте их можно было бы назвать красивыми.

«Только не сейчас», — Августин зажмурился, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. Сканирование мозга сделало его излишне чувствительным.

— Это киборги, Августин. Настоящие, действующие киборги, — с нескрываемой гордостью сказал Щюро, поглаживая ладонью прозрачную крышку одного из саркофагов.

Тошноту как рукой сняло. «А-а-а, вонючий кал синтетической инженерии», — подумал Августин.

— Это пять экспериментальных образцов второго поколения, полностью готовых к употреблению, — продолжал Щюро. — Жду не дождусь посмотреть на них в деле!

— А что, было и первое поколение?

— А как же! Мальчик из первого поколения, его зовут Пьеро, пилотировал один из вертолетов, гнавшихся за твоим медицинским «Ирокезом». А именно тот, в который залепили ракетой. Он, между прочим, выжил и прекрасно себя чувствует, — с жаром объяснял Стальной Венедикт. Было видно, что обсуждаемая тема представляет собой предмет его повышенного интереса. — У Пьеро много достоинств. Он дьявольски живуч, он силен и вынослив, как ломовая лошадь, он умеет управляться с оружием, пилотировать все виды воздушного транспорта. Он даже соображает немного, и у него, представь себе, — Щюро поднял вверх указательный палец, — у него есть вкус. Одни бабы ему нравятся, а другие — нет. Все это хорошо. Но только он стоит очень, очень дорого. Он потрясающе дорог! А с другой стороны — потрясающе туп. Туп даже для убийцы.

— И чем второе поколение отличается от первого? — спросил Августин, с отвращением разглядывая одну из экспериментальных моделей — коренастого блондина с ангельскими кудрями. — Эти что, не такие тупые?

— Э-э! Да ты зришь в корень, дружок! — обрадовался Щюро. — Они вообще не тупые. Они не могут быть тупыми, не могут быть умными. У них вообще нет ума. Вместо мозга у них стандартный психосинтезатор. Такой же, как в капсуле ВР.

— Это значит, что какой-нибудь башковитый парень должен будет верховодить таким кибернетическим уродом наподобие того, как пользователь из капсулы управляет аватаром в ВР? — иронично спросил Августин.

— Верно, Августин! — ликовал Щюро. — Причем этим башковитым парнем будешь ты!

Перспектива стать мозгом и волей киборга не обрадовала Августина.

Во-первых, ему было противно убивать людей во славу компании ВИН, а ведь именно в этом наверняка и должна была состоять его основная функция. Не цветочки же собирать башковитым парням с боевым опытом!

Во-вторых, лежать в капсуле входа по двадцать четыре часа в сутки, не имея возможности планового отключения, — слишком тяжелая задача для его разболтавшихся нервов.

В-третьих, Августин понимал, что если Щюро удастся запихнуть его в капсулу виртуального управления одним из киборгов, то он получит власть над его физическим телом и, вообще говоря, сможет делать с ним все, что ему заблагорассудится. Например, перестраивать мозги так, как ему это понравится.

— Я не хочу! — твердо ответил Августин.

— Ты забыл одну вещь, парень. — Стальной Венедикт положил руку на плечо Августина.

— Не понял?

— У тебя и спрашивать-то никто не будет.

12

Заставить человека копать канаву, когда он этого не хочет, не так сложно. На лопатах зиждились и рабовладельческий строй Древнего Египта, и большевистский госстрой Советской России. Но заставить человека управлять боевыми киборгами через систему виртуальной связи гораздо сложнее. Однако и на этот случай у президента компании ВИН имелся ряд эффективных методик.

Когда под люминесцирующим потолком лаборатории «Техкиб» прозвучал решительный отказ Августина, Щюро приказал:

— Дай картинку.

Немедленно одна из стен лаборатории превратилась в огромный экран — шторы разъехались и появилось изображение.

— Смотри внимательно, — хитровато сказал Щюро.

Августин нехотя последовал его совету.

Человек в шортах и спортивной майке возится с неким приспособлением, сидя за письменным столом. Он немолод. У него густая борода и дурацкие бакенбарды. Он насвистывает мелодию. Фальшивит. Он не смотрит по сторонам. Он сосредоточен.

— Борис Михайлович Депп за работой, — самодовольно прокомментировал Щюро.

Фильм не отличался разнообразием. Человек ковырялся в железяках пять минут, и ничего не происходило.

«Картинка идет в реальном масштабе времени, — подумал Августин. — Значит... отец все-таки жив?!»

Человек с бакенбардами затянул новую мелодию и заложил ногу за ногу. По всему было видно, что он не подозревает о съемке. Камера отворачивается. Камера смотрит в стену.

— Сейчас будет самое интересное, — сообщил Щюро, потирая руки.

В стене открывается ниша. Из нее, словно крокодил из воды, выползает ствол «Мистраля». Он смотрит прямо в затылок увлеченному своим делом человеку. Человеку со смешными бакенбардами. Камера отъезжает и дает общий план. На экране появляется кроваво-красная цифра «4».

— Думай быстрее, Августин! — Щюро слегка толкает его в плечо.

На экране появляется цифра «3».

Августин закрывает глаза руками. Он медлит. Лавина воспоминаний обрушивается на него. Его глаза застят напрошенные слезы.

— У тебя еще секунда, — сообщает Щюро и подходит поближе к экрану.

Ему очень интересно, что будет происходить дальше. Августин открывает глаза. Отец насвистывает. «Мистраль» ждет.

— Я согласен! — одними губами произносит Августин.

— Хорошо. — Щюро удовлетворенно улыбнулся. — И помни, Августин: цифра «1» теперь всегда с твоим отцом.

Глава 16

ЛОБОТОМИЯ

1

Было девять часов двенадцать минут утра.

Досмотровая партия не появлялась. Мак-Интайр пребывал на борту «Универсума» и смотрел в прямом эфире презентацию чипа «Асгард».

Итак, он не ошибся. Щюро не отступился от своего плана, механизм запущен в действие и обратного пути у ВИН просто нет. Следовательно, операция «Лоботомия» состоится.

Жаль, что не идут таможенники. Интерпол так готовился к встрече! Голоса таможенников были бы сразу же записаны и подвергнуты цифровой обработке. Потом досмотровую партию оглушили бы ультразвуковыми станнерами и оставили отдыхать в специально припасенном для такого случая контейнере. А синтезированный компьютерами голос начальника таможенной партии сообщил бы начальству: «пока все в порядке». Но машин, дескать, на борту очень много, и поэтому необходимо продолжать досмотр еще часика полтора-два.

Девять часов восемнадцать минут утра. Все. Ждать больше нечего.

— Лоботомия! — сказал Мак-Интайр.

Его услышали все. Пилоты, коммандос, агенты Интерпола и кураторы «Аргуса-18» в Альпийском центре. Все, задействованные в операции «Лоботомия». И не только они.

Самолет «Универсум» RF-0779 сейчас находился в ремонтном ангаре авиабазы Шпангдалем (Германия) и никакого отношения к тому летательному аппарату, который стоял на взлетно-посадочной полосе Шереметьево-2, не имел.

Если ПБС типа «Стрибог» существовали в количестве восьми штук, то самолет, доставивший Мак-Интайра и его бригаду в Москву, был построен в единственном экземпляре. Он был разработан исключительно для проведения совершенно секретной и абсолютно противозаконной операции в глубоком тылу противника под благовидным коммерческим прикрытием. Первоначально его собирались использовать в Корее («Пусанские маневры» 2046 года), потом в Иране (операция «Eclypse», 2049 год). Но основным источником угрозы для мирового сообщества в который уже раз была признана Россия, и самолет решили сэкономить для дел поважнее разгрома ядерных складов сравнительно сговорчивых азиатов.

Самолет назывался «Пандора». Внешне он был действительно неотличим от «Универсума». На этом сходство заканчивалось.

Когда прозвучала команда «Лоботомия», на нижней палубе «Пандоры» был активирован генератор защитно-маскировочного поля, аналогичный тому, какой использовался в Главном Корпусе компании ВИН. Но более совершенный.

Клерк Юра Александрович уныло смотрел в окно потягивая холодный кофе. Не успел он сделать последний глоток, как на месте «Универсума» возникла непроглядная пустота.

«О-о-о-о», — больше никаких мыслей по этому поводу у него не возникло. Привет из солнечного Кабула!

Одновременно с активацией защитного поля контейнеры рассыпались в труху под воздействием молекулярных детонаторов и обнажили свое великолепное содержимое: семь «кусачих девочек» «Навахо» со сложенными за спиной лопастями, четырнадцать пилотов, жующих бабл-гам, и восемьдесят коммандос Стэнли Мэрдока.

Прекрасны были стелс-вертолеты «Навахо». Длинные рыбины с острыми мордами, раскрашенные так, что классикам французского импрессионизма осталось бы только возрыдать от бессилия.

В руках у всех присутствующих, как по команде, оказались крохотные стаканчики с эмблемой ООН на боках.

Внутренности «Пандоры» взревели оглушительным «Cheers!!!»*.

Сакэ разлилось по телам бодрящей теплотой.

Шестьдесят семь коммандос заняли свои места в десантных отсеках «Навахо». Тринадцать остались на борту «Пандоры».

«Пандора» тем временем стремительно преображалась. Погрузочная кормовая аппарель, гостеприимно распахнутая навстречу досмотровой партии, закрылась.

Наверху широкого фюзеляжа разошлись в стороны две стопятидесятиметровые створки, но над грузовой палубой «Пандоры» не засияло утреннее солнце. Нет.

Защитное поле до неузнаваемости искажало картину внешнего мира. Теперь над грузовой палубой переливалось всеми цветами радуги искривленное пространство.

Катапультные устройства подняли носы «Навахо» под углом шестьдесят градусов. На вертолетах бесшумно заработали турбины. До вылета оставалось десять секунд.

Из административного здания аэропорта вывалили шестеро таможенников с четырьмя овчарками. Овчарки неуверенно завыли. Таможенники остановились.

— Юра, хватит дрыхнуть, — сказал Гена по рации. — Ты, Юра, что-то не того... Где твой самолетик?

На другом конце послышалось смущенное сопение.

— Да вот, Гена, был самолетик... — Пауза. — И нет его.

В этот момент всколыхнулось молочное марево и сквозь него проступили контуры «Универсума».

— Нашелся, кажется. — В голосе Гены не слышалось ни уверенности, ни облегчения.

Раздался резкий свист, и в небо взмыла странная угловатая ракета. Через две секунды — вторая. Потом — третья. Спустя двенад-

* Аналог русского застольного «будем!» (*англ.*).

цать секунд «Пандору» покинул последний, седьмой стелс-вертолет «Навахо».

Гена воздержался от комментариев. И пока он от них воздерживался, в воздухе и на земле продолжало твориться странное.

«Универсум» снова закутался в непроницаемую пустоту, а «ракеты», пролетев километра полтора, отбросили прочь стартовые ускорители, раскрыли сложенные лопасти винтов и превратились в семь вертолетов.

Первая фаза операции «Лоботомия» прошла без каких бы то ни было отклонений от плана.

2

Презентация, а заодно и распродажа систем «Асгард» со встроенными чипами обратной связи была назначена на 9 утра.

«Рано для презентации, поздно для распродажи», — злопыхали скептически настроенные газетчики. Идеальное время для презентации — пять часов дня. Это знают даже дети. И все-таки Щюро решил по-другому. На это у него были веские причины.

Небоскреб ГУМа гудел с шести утра. Шли последние приготовления. На пятидесяти этажах здания не было в этот день ни одного человека, кто не имел хотя бы эпизодической роли в грядущем действе. Все были заняты. Все бегали и суетились.

На презентацию были званы только избранные. Только сливки. Только элита. Плюс, конечно же, богема. Люди, которые решают все и заправляют всем. Те, кто компостируют мозги, и те, кто все это оплачивают.

Канцелярия ВИН трудилась четыре дня, рассылая президентам крупных компаний, депутатам Госдумы, банкирам, поп-звездам, акулам пера и экрана пригласительные карточки, отпечатанные на розовом картоне. Курьеры доставляли приглашения на загородные виллы, в уединенные резиденции среди финских шхер, в подземные бункеры Новой Земли.

Гости начали съезжаться в половине восьмого. Шикарные машины, телохранители, блистательные спутницы в бриллиантовых колье. Парад мод, клуб выходного дня, тусовка. Все явленое великолепие медленно двигалось по длинной лестнице, устланной коврами, ко входу в демонстрационный зал ГУМа.

На балконе второго этажа стоял господин Щюро и приветствовал входящих. Он улыбался, изредка перекидываясь парою слов со своим референтом, Малининым. Гостьи посылали президенту ВИН воздушные поцелуи. Господин Щюро отвечал им тем же. Разуме-

ется, это был не господин Щюро, а его дистанционно управляемая голографическая копия. Что уж сказать об убитом позавчера Малинине?

3

«Аргус-18» появился над регионом проведения основной фазы операции «Лоботомия» в точном соответствии с графиком.

В 10.20 на краю видеопланшета Альпийского центра возникли очертания объекта «Алмазный куб». Объект, разумеется, был как обычно прикрыт защитным полем и с «Аргуса-18» не просматривался.

Майк, Джина, Джонни и Ганс видели то, что эмулировала для них компьютерная система в соответствии с агентурными данными, рекламными буклетами компании ВИН, другими «материалами открытой печати» и сложнейшими методами косвенной экстраполяции, которые без устали сочиняли и улучшали яйцеголовые из аналитического отдела.

В 10.21 в полосу сканирования вошла силовая установка защитного поля. В магнитоскопическом режиме, на который были переведены два фасетных сканера «Аргуса-18», она выглядела как мерцающее веретено, от которого к Главному Корпусу тянется и исчезает под защитным полем тонкая голубая нить бронированного силового кабеля.

— «Аргус-18» над целью, — доложила Джина.

«Спасибо, сладенькая», — наверняка сказал бы Мак-Интайр, если бы они не соблюдали режим абсолютного радиомолчания. Радиостанции вертолетов работали только на прием. Передача была строжайше запрещена в целях радиомаскировки.

Через тридцать секунд в полосе сканирования появился ведущий командирский «Навахо», а за ним — основной фронт из шести машин.

Стелс-вертолеты «Навахо» были, разумеется, видны в оптическом диапазоне. Но только в нем. Другие средства обнаружения против «Навахо» были бессильны. А когда бессильны средства обнаружения, пасует любая ПВО.

Ракета плохо попадает в воздушную цель «на глазок». Ракете нужно что-то, к чему стремиться. Ее блоку наведения требуется какой-нибудь контрастный источник в любой части широчайшего диапазона электромагнитных излучений. «Навахо» почти ничего не отражали и одновременно с этим не являлись сколько-нибудь контрастными объектами для систем поиска и наведения ракет ПВО,

потому что были оснащены баснословно дорогой и непостижимо сложной системой интерференционного подавления «Улисс».

— Ракетам — пуск! — приказала Джина через восемь минут абсолютного радиомолчания.

Откинулись крышки четырех пусковых установок «Аргуса».

— Жаль, нет с нами международной комиссии ООН по разоружению, — ухмыльнулся Джонни. — Ставлю доллар к десяти, они получили бы свое удовольствие.

— Кондрашку они бы получили, — процедила Джина, наблюдая как зависшую под потолком голографическую модель спутника покидают четыре ракеты SSGM-3 «Джуно» класса «космос-поверхность».

4

«Навахо» разделились. Три вертолета начали маневр по обходу Главного Корпуса с востока, четыре во главе с командирским — с запада.

До расчетного момента оставалось пятьдесят секунд.

Согласно графику операции, «Навахо» получали одну минуту на случай неудачного отключения поля. Этой минуты хватало как раз на то, чтобы, не снижая скорости, отвернуть от защитного поля и уйти в направлении украинской границы.

За украинскими территориальными водами на траверзе Керчи вертолеты ожидал английский авианосец «Инвинсибл III».

В качестве запасного варианта им разрешалось использовать харьковский аэропорт, где для эвакуации коммандос был оставлен заправленный «Боинг-807».

Мак-Интайр откусил кончик свежей сигары. На командирский «Навахо» шла прямая трансляция с борта «Аргуса-18». Все сенсоры спутника вели сейчас ракеты «Джуно», практически отвесно падающие из кристальной черноты космоса в бледную синеву жаркого подмосковного утра.

Мак-Интайр несся к земле вместе с ведущей ракетой с ускорением двадцать один метр в секунду за секунду. Девять целых восемьдесят одну сотую давало родное земное тяготение, двенадцать с копейками — реактивные двигатели.

Земная поверхность приближалась с головокружительной быстротой. Пробив флер высоких перистых облаков, «Джуно» оказались точно в зените над энергостанцией.

Прошли еще четыре секунды. Две. Одна.

Обзорные камеры вертолетов западной группы были нацелены на Главный Корпус, восточной — на энергостанцию, замаскированную под скопище подсобных помещений. Мак-Интайр затаил дыхание.

В первую секунду после того, как ведущая «Джуно» пробила сверхпрочным бронированным корпусом подземный купол энергостанции, не произошло ровным счетом ничего.

Во вторую секунду тоже.

Бетонобойная головная часть в это время, используя свою чудовищную кинетическую энергию, прошла сквозь все подземные уровни станции и застряла в железобетонном фундаменте. Только после этого она взорвалась.

Четкие контуры наземных строений энергостанции смазались в объективах от резкого внутреннего толчка.

Вся территория энергостанции вздыбилась, словно бы под ней раздувался воздушный шар.

В это время цель была поражена еще тремя ракетами «Джуно».

Исполинский воздушный шар местами продолжил вздуваться еще интенсивнее, местами, наоборот, начал стремительно проседать.

Рушились тысячетонные конструкции.

Словно перенагруженная струна, лопнул в нескольких местах броневой кожух силового кабеля, и только после этого на поверхность вырвались стометровые фонтаны расплавленного железобетона.

Зрелище было воистину апокалиптическим. Но Мак-Интайру из его дальнего далека показалось, что лопается мыльный пузырь. И только когда вертолет ощутимо тряхнуло взрывной волной, он смог ощутить, какая же чудовищная сила была высвобождена сейчас под землей.

Но это были еще только полдела.

Лишь когда с ведущего вертолета восточной группы, нарушая ставшее бесполезным радиомолчание, передали «Колпак снят», Мак-Интайр, изо всех сил ударив кулаком правой руки об открытую ладонь левой, проревел что-то победное, непереводимое, древнеирландское.

Под ноги Мак-Интайру просыпалась раскрошенная сигара. Но она больше не стоила его внимания. Получилось. Сработало. Он был прав. Неприметные строения действительно оказались энергоустановкой защитного поля!

Теперь Мак-Интайр уже не сомневался в победе. Главное дело сделано, а остальное — мелочи. Американская техника, английские солдаты — что может быть лучше этого?

5

В зале пахло розами.

Стройные девушки в аккуратных кружевных передниках обносили присутствующих напитками и рекламными проспектами систем «Асгард», танцоры выплясывали на сцене балетную композицию «Обретенный рай», а сводный ансамбль поп-звезд выводил на разные голоса гимн компании ВИН. Гимн был подозрительно похож на хит вековой давности «Подмосковные вечера».

Президент России сидел в окружении своей многочисленной семьи в специально отведенной ложе. И хотя все они — двое дочек с мужьями, четверо внуков с гувернантками и собаками, теща, свекор, а также первая и вторая жены президента — с трудом поместились в ней, все были довольны и радостно улыбались. Может — от скуки.

Наконец гимн был спет до последнего, девятого, куплета. На подсвеченную прожекторами трибуну, выросшую над сценой как ядерный гриб над Пхеньяном, вышел господин Щюро.

— Дамы и господа! Мы перешагнули порог двадцать второго века гораздо раньше, чем календарь. Убедительное свидетельство этого — системы «Асгард», которые через несколько минут попадут к вам в руки. Я буду немногословен, ибо счастливый человек никогда не может найти нужных слов для выражения своего счастья. И все-таки я скажу: Россия — самая прекрасная страна на Земле. Россия — родина системы «Асгард». Россия — интеллектуальный центр мира. Ибо только здесь могло зародиться и именно здесь зародилось то ядро, вокруг которого сплотится человечество Земли. И это ядро называется системой «Асгард»!

Зал зааплодировал.

Аплодисменты переросли в овацию, а овация, в свою очередь, — в овацию стоя.

Присутствующие в зале были возбуждены. Они радовались. Они были счастливы почти так же, как и сам господин Щюро, такой добрый человек, такой замечательный патриот.

Аплодировать зрителям помогали двести пятьдесят клакеров, которые кричали «браво!», размахивали российскими флагами и вообще весьма умело изображали патриотический экстаз.

«Подсадные утки» были одеты ничуть не хуже гостей (разве что бриллианты на дамах были фальшивые), а потому весь спектакль выглядел вполне правдоподобно.

Щюро воздел руки к небу, словно оперный бас в мгновения своего мефистофельского триумфа. Затем он скромно поклонился и

ушел с трибуны, уступив место следующему номеру развлекательной программы.

Разумеется, сам господин Щюро в тот день был занят более важными вещами. Он вообще не любил тратить время на public relations*.

6

Не одному только Департаменту Безопасности иметь на своих «Стрибогах» приватные виртуальные реальности.

Отец и мать русской ВР, производитель и дистрибьютор оборудования для половины Евразии, компания ВИН располагала своей собственной охранно-боевой виртуальной реальностью, интегрированной в периметр защиты Главного Корпуса.

Аватар Щюро уже двадцать минут с нетерпением разгуливал по удивительно точно воспроизведенным этажам Главного Корпуса.

Он поглядывал в окна, одним мановением воли поворачивал стволы замаскированных и незамаскированных автоматических пушек, хлопал дверями и броневыми шторами на окнах, включал и выключал освещение. В общем, маялся тем же бездельем, что и любое привидение в огромном фамильном замке.

Отличие от мировой ВР заключалось в том, что все действия Щюро внутри виртуального образа здания моментально повторялись в реальном Главном Корпусе.

Охрана, которая по приказанию Щюро заняла свои места по боевому расписанию, с понимающими ухмылками наблюдала, как бегают влево-вправо рыльца пушек и лязгают бронешторы. Дух господина Щюро изволит шутить. Дух господина Щюро скучает. Они скучают-с.

Но Щюро не просто баловался. Он напряженно ждал. Часы, стилизованные под изрытую кратерами луну, неторопливо оборачивающуюся вокруг его аватара, показывали десять часов двадцать восемь минут утра.

«Давай уже, гаси», — нетерпеливо пробормотал Щюро, покусывая нижнюю губу.

На тыльную поверхность ладони левой руки аватара Щюро были вынесены два архаических тумблера.

Они, конечно, диковато смотрелись вот так, вросшими в живую плоть, но Щюро находил это забавным.

---

* Досл.: общественные связи (*англ.*). Сокращенно — PR, отсюда новорусское «пиар».

Под одним тумблером была красная татуировка «Защита». Под вторым — «Выход». Просто, доходчиво, наглядно.

Наконец вдалеке раздался долгожданный грохот. Приватная Вр добросовестно передала аватару Щюро сотрясения почвы, и он улыбнулся.

Палец Щюро лег на тумблер «Защита».

Щелк-выкл.

Добро пожаловать, господа.

7

Мысль господина Венедикта Щюро о том, что Россия есть не что иное, как интеллектуальный центр Вселенной, очень понравилась аудитории.

Недаром Стальной Венедикт корпел над своим коротким спичем два вечера. Спич попадал в резонанс с патриотическими струнами души и отлично лежал на языке.

Именно поэтому содержание его спича в несколько более пространном виде было повторено еще трижды — в речи президента России, в речи самого одиозного диктора телевидения и, наконец, директором всероссийской нейродизайнерской сети «Ярко!». После этого спич был перепет на сотню разных ладов в кулуарах.

Системы «Асгард» были у всех на устах. Попивая слабоалкогольные прохладительные напитки, публика мечтала только об одном — поскорее получить на руки вожделенный бокс, попасть домой, подключить «Асгард» к своей альфа-станции и отправиться в путешествие по новому пласту виртуального мира.

— Когда каждый гражданин России узнает, что такое система «Асгард», в стране навсегда воцарятся мир и благоденствие! — так окончил свою речь министр внутренних дел России.

Министр, правда, забыл упомянуть, что в случае, если все будет именно так, как он сказал, сам он станет безработным.

Тем не менее снова грянули аплодисменты. Клакеры старались как могли, и российская элита волей-неволей присоединилась к заказному веселью.

— Первая партия систем «Асгард» — всего восемь тысяч экземпляров. Это мало, очень мало для нашей огромной страны. И потому мы просим компанию ВИН...

Так продолжалось более полутора часов, пока все те же девушки в аккуратных передничках с эмблемой ВИН не начали разносить среди гостей подносы, на которых покоились вожделенные боксы с лаконичной надписью «Асгард».

«Навахо» пересекли невидимую черту, по которой раньше проходил передний край защитного поля. Главный Корпус стремительно приближался. Внизу со скоростью четыреста километров в час проносились стриженые деревья, стриженые кусты и стриженые газоны. Впереди виднелись большие клумбы, усаженные синими маргаритками. Цветы на клумбах образовывали надпись: «УРА НАМ!»

«Ну и вкус у кухулинова пса», — подумал Мак-Интайр, досылая патрон шестнадцатого калибра в ствол старого доброго «Ремингтона».

Вкус у Щюро был неважный. Юмор тоже так себе. Щюро поднес к губам «наручник» и, улыбаясь одним уголком рта, произнес:

— Какого черта?! Я плачу налоги!

Тысячекратно усиленная динамиками на крыше Главного Корпуса, эта фраза разнеслась на многие километры вокруг.

Ее услышали даже на вертолетах. Говорил Щюро по-русски, его поняли только Мак-Интайр и Гиллеспи.

И в этот момент на месте безобидных клумб «УРА НАМ» взвились смерчи огня, угольной пыли и раскаленных газов.

«Навахо» оказались в плену рукотворных торнадо. Управление большинством машин было сразу же потеряно.

Один «Навахо» закрутило волчком, и он, выброшенный на периферию смерча, столкнулся со своим правым соседом. Оба вертолета потонули в грохоте и огне.

Третий был перевернут кверху брюхом, но винты продолжали создавать тягу, и он, врезавшись в землю, кувыркаясь как старый разболтанный волчок, влетел в окна первого этажа Главного Корпуса.

На четвертый вертолет обрушилась ярость двух смерчей одновременно, и он развалился на куски прямо в воздухе.

Пятому «Навахо» вначале повезло — он попал в мертвую зону вихревого армагеддона. Но спустя мгновение смерч поднялся выше, под вертолетом образовалась воздушная яма, и он отвесно рухнул на бетонированную дорожку, по которой господин Щюро обычно совершал утренние пробежки.

И только два вертолета оказались на периферии этого безумия.

Они уцелели. Ошалевшим пилотам удалось выровнять машины, но с такими потерями нечего было и думать о продолжении операции.

Самым ужасным было то, что в числе погибших оказались все вертолеты-носители электромагнитных бомб типа «Вамп». Все электронные системы и сращенные с ними нейронные цепи компании ВИН уцелели, а это уже само по себе было равнозначно поражению.

Мак-Интайр с трудом развел судорожно сведенные челюсти и отдал приказ об отступлении.

Но перед этим он достал из кармана маленькую и очень увесистую черную коробку, поднес зеленоватое стекло датчика идентификации личности к глазу и, когда коробка бесшумно распахнулась, нажал на единственную кнопку, помеченную значком «Х».

Кодированный сигнал «500» ушел на борт «Пандоры».

Сигнал «500» означал: «Вызываю огонь на себя».

Защитное поле «Пандоры» пропускало радиоволны. Не всякие, правда. Но зато обратно поле не выпускало вообще ничего. Именно поэтому на месте «Пандоры» любой внешний наблюдатель видел зияющую пустоту. Сигнал Мак-Интайра был принят, обработан, понят и передан на компьютер управления бортовыми системами оружия.

«Пандора» на несколько мгновений вновь показалась среди рассосавшегося молочного тумана.

Крылатые ракеты покинули пусковые установки и, стелясь над самой землей, как псы-ищейки, неспешно, по реактивным меркам, направились к Главному Корпусу ВИН.

Мак-Интайр был солдатом, а не самоубийцей. В его жилах текла буйная кровь древних кернов и бойцов Ирландской республиканской армии.

Мак-Интайр понимал, что с остатками коммандос, которые, вдобавок, деморализованы гибелью половины своей роты, он не сможет ничего сделать против подготовленной обороны Главного Корпуса. Значит, специальным агентом Бриджит Льюис, гениальным ученым Борисом Деппом, сотнями безвестных человек обслуживающего персонала и бессчетным количеством больших и маленьких секретов ВИН придется пожертвовать во имя спасения большего. На месте Главного Корпуса ВИН должна остаться одна огромная воронка.

Два «Навахо» еще имели шансы на спасение. Полетное время крылатых ракет — около полутора минут. За это время вертолеты успеют удалиться на безопасное расстояние.

«А там будет видно», — решил Мак-Интайр.

Лицо сидящего рядом с ним Стэнли Мэрдока не выражало ничего, кроме безграничной усталости.

9

В мире существует около десяти типов летательных аппаратов, сбить которые традиционными средствами ПВО практически невозможно. При условии, конечно, что их пилоты не самоубийцы.

Семь типов таких летательных аппаратов — боевые самолеты, находящиеся на вооружении ВВС США, России, Германии, Китая и Великобритании. Восьмой — ПБС типа «Стрибог». Девятый — ударно-штурмовой вертолет «Шершень». Десятый — стелс-вертолет «Навахо».

Щюро знал это. Поэтому вместо традиционных средств ПВО им были использованы нетрадиционные.

Система противовертолетной обороны ВИН была создана шесть лет назад. Тогда еще не было точно известно, кто будет противником — Ми-40, Ка-106, «Шершень» или «Навахо» (о котором в то время и слыхом не слыхивали). Но все делалось с расчетом на такие геликоптеры, которые способны уклониться от любых зенитных ракет, которые защищены активно-поглощающей броней, которые могут выдержать десятки попаданий снарядов автоматических пушек и сотни пуль крупнокалиберных пулеметов.

В 1944 году, когда нацистскую Германию начали наконец-то сильно допекать бомбардировки союзников, а производство истребителей и зенитных орудий было очень так себе, в штабе Люфтваффе появились прожектеры всех мастей. Суть одного из экстравагантных проектов заключалась в следующем. Если трудно сбить самолет из пушки, почему бы не попробовать уничтожить его мощным восходящим турбулентным потоком? Проще говоря, рукотворным смерчем.

Создать такой восходящий поток очень просто: надо лишь рассыпать на земле много-много пороха так, чтобы получилась одна или несколько спиралей. А потом правильно-правильно порох поджечь.

Пороховые газы при сгорании закрутят смерч, он пойдет вверх и... Ничего не получилось. Самолеты союзников предпочитали слишком большие высоты. Смерчи восходили очень слабые, пороха требовалось очень много, и помимо этого возникала еще масса совершенно неразрешимых проблем. Это было в 1944 году.

Но принцип остался. И именно этот принцип спустя сто с лишним лет был использован в противовертолетной обороне ВИН. Дешевый и надежный — как раз в духе Щюро.

Провожая взглядом удаляющиеся вертолеты, Щюро, который пока не спешил выходить из своей приватной ВР, вновь щелкнул тумблером «Защита».

— Игра не окончена! — прогрохотали динамики на крыше.

Спустя несколько секунд одна за другой шесть крылатых ракет атаковали Главный Корпус. И одна за другой взорвались, встретив невидимую преграду.

И только тогда Мак-Интайр понял, что их заманили в ловушку.

Энергостанция была фальшивкой. А если и не вполне фальшивкой, то не единственным источником энергии для защитного поля — уж точно. По меньшей мере еще одна энергостанция находится где-то на подземных уровнях Главного Корпуса.

Понял Мак-Интайр и то, что «Навахо» не смогут никуда улететь. Им остается только одно: встретить смерть, как подобает солдатам.

«Навахо» развернулись в сорока метрах от защитного поля и вновь устремились к Главному Корпусу.

— Стэнли, вы понимаете, о чем идет речь? — спросил Мак-Интайр.

— Вполне, сэр. — Казалось, Мэрдок был даже рад тому, что их ждет впереди.

Просто уйти, оставив догорать на земле пять вертолетов со своими людьми, он считал смертельным позором. Теперь, волей-неволей, предстояло смыть позор кровью.

Щюро поглядел на кроваво-красные чувственные губы, нарисованные вместо традиционных зубастых пастей на острых мордах приближающихся вертолетов.

«Эх, поцелуемся», — подумал он, чувствуя, как волна экстатического веселья накрывает его с головой.

Спустя секунду «Навахо» открыли огонь из автоматических пушек.

Мак-Интайр разрешил применять любые средства поражения — теперь уже все равно. Ни о каком «мягком варианте» не могло быть и речи.

Щюро не возражал. Это было вполне в его собственных традициях. Тем более что восемь надземных этажей Главного Корпуса не содержали сейчас ровным счетом ничего принципиально важного. А всякие мелочи — помпезные хрустальные люстры в зале заседаний, панели из киргизского ореха, мебель, мраморные сортиры — были застрахованы на такую сумму, что Щюро сам иной раз был готов пройтись по всему этому великолепию из импульсного огнемета.

Все турбулентные установки ПВО, замаскированные под клумбы, уже отработали. Начиналась честная война.

Аватар Щюро подлетел к семиствольной пушечной установке «Ангара» и, заняв кресло наводчика, прильнул к прицелу.

Разумеется, можно было обойтись без этого. В виртуальной реальности ВИН можно было просто ткнуть, например, лазерной указкой в аватар вертолета и тотчас же реальная «Ангара» была бы наведена на реальную цель и открыла бы огонь.

Но Щюро хотелось пострелять собственноручно. Вполне понятное желание, если учитывать, что сотни миллионов людей посещают ежедневно мировую виртуальную реальность только ради того, чтобы пострелять собственноручно. У Щюро сейчас было перед ними всеми одно серьезное преимущество: он вел огонь по совершенно реальному противнику.

Блок стволов «Ангары» закружился в смертоносном хороводе.

Десятки килограммов разъяренной стали и вольфрама ежесекундно рушились на приближающийся «Навахо», на его плотоядные красные губы, на хвостовые стабилизаторы, на кожухи турбин.

Впустую. Активно-поглощающая броня «Навахо» была способна «переварить» полный боекомплект «Ангары».

Системы слежения вертолета быстро засекли огневую точку. Раздался заливистый вой ответной очереди. Артиллерийская башня, теряя лохмотья броневого колпака, слетела с опоры, перевернулась, взорвалась.

Аватар Щюро, оставшись без дела, пошел искать себе новых развлечений.

Глава 17

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

1

Восьмой этаж Главного Корпуса ВИН был местом не из приятных.

Там не было кабинетов и лабораторий. Ничего кроме густой сети коридоров и редких комнатушек, о предназначении которой киборг, названный Стальным Венедиктом по-итальянски напыщенно Кабаллосом, то есть жеребцом, мог только догадываться.

Боевое задание у него было сравнительно простым — держать осевой коридор под контролем и стрелять во все, что движется. Для этой цели в руках киборга были АПЛ-9 и «Мистраль». За спи-

ной Кабаллоса болтался переносной зенитно-ракетный комплекс «Жало».

Августин был подавлен и зол, очень зол. Рабство — вещь противная. Но на поведении киборга это никак не отражалось.

Щюро покривил душой, когда сообщил Августину, что киборги второго поколения не имеют мозгов. Это было верно только отчасти. В человеческом смысле этого слова мозгов у них действительно не было. Они не могли принимать решения, диктовать свою волю, хотеть, рассуждать. Но в голову Кабаллоса был встроен «блок запрещений», который умело ограничивал свободу воли управляющего им человека. Это и был его «мозг» — очень примитивный.

Управлять телом киборга было почти так же просто, как аватаром, но разница все-таки была.

Кабаллос был довольно строптивым аватаром. Он знал, чего делать нельзя — например, причинять вред сотрудникам компании и отклоняться от намеченного задания. Также он не позволял Августину выходить за границы назначенной ему зоны патрулирования.

Кроме этого, виртуальная реальность ВИН была локальной, а значит, никакие справедливые законы и умные ограничения гуманистического толка в ней не предусматривались. Августин не мог рассчитывать на отключение. Ни на плановое, ни на медицинское. Зато в локальной сети ВИН тоже был Голос Неба. И этот голос принадлежал Венедикту Щюро.

Киборг Кабаллос не успел обойти всю зону патрулирования и до конца разобраться в устройстве восьмого этажа. Потому что через десять минут после его включения началось нечто громкое, необычное и опасное.

Снаружи начался бой. Звуков, впрочем, доходило исключительно мало. Окна Главного Корпуса ВИН были оснащены системой активного шумоподавления, и поэтому до слуха Августина доносился лишь рокот особенно сильных взрывов.

Киборг Кабаллос был одет в форму морского пехотинца российской армии. Очередная шутка Щюро. В ВР не принято одевать киборгов. Там это считается дурным тоном. Антропоморфные киборги в ВР серебрятся своими чудовищными мускулистыми телами без гениталий, им не нужны брюки.

Потолок в противоположном конце коридора с грохотом рухнул. На восьмой этаж, предоставленный попечению Августина, полетели газовые гранаты.

Завыли сирены. Где-то кричал от боли раненый. Далеко ухнул очередной взрыв.

Киборг вскинул оружие, изготовившись нафаршировать смертью любого, кто покусится на суверенитет компании ВИН.

«Сейчас посмотрим, каков ты в действии, Кабаллос!» — услышал Августин Голос Неба.

Воевать за родину — почетно и умереть за нее — тоже.

Воевать на стороне своих врагов омерзительно, а умереть, защищая своих врагов, — втройне.

Так думал Августин, поливая свинцом спрыгнувшего через пролом в крыше человека.

Умереть Августин не мог — его физическое тело оставалось в лаборатории «Техкиб» и покоилось в капсуле входа — но смерть, даже виртуальная смерть на благо Щюро, была ему противна.

Впрочем, смерти у киборгов второго поколения не бывает. Или почти не бывает.

«Если даже в тебя всадят реактивную гранату, после взрыва останется автономный центр регенерации, который спустя некоторое время полностью восстановит твое тело. Ты будешь после этого не таким красивым, но вполне боеспособным. Учти это, Августин», — напутствовал его Стальной Венедикт.

Киборг Кабаллос бил без промаха. Он не знал усталости. И те, кто появились на восьмом этаже, испытали это на своей шкуре.

Кто те, с кем он воюет сейчас? Августин не знал, да и не хотел знать. Лишь одно знал он наверняка: его отец под прицелом «Мистраля». «Мистраль» смотрит ему в спину и не замедлит выстрелить, если Августин будет вести себя недостаточно хорошо. Щюро, разумеется, наблюдает за ним. И ему принадлежит сейчас безраздельное право определять что хорошо, а что плохо.

2

Вертолет ворэнт-офицера Гиллеспи, провалившийся в воздушную яму, был единственной машиной, которой посчастливилось разбиться, не взорвавшись.

Когда «Навахо» упал, от удара о бетонную дорожку сильно прогнулось днище, разбежалась трещинами хвостовая балка, заглохли турбины. Вертолет был мертв. Но его бездыханное тело сохранилось.

Когда Гиллеспи пришел в сознание, на крыше Главного Корпуса разгоралась стрельба.

Рядом с ним стонали и ворочались раненые. В десантном отсеке вертолета было темно, как в китовой утробе. Пахло горелой изоляцией, где-то слышалось тихое журчание — из разорванной трубы на землю вытекали остатки вертолетного топлива.

Гиллеспи осторожно высвободил руку из-под чьего-то тела.

Так. По крайней мере, правая рука невредима.

Гиллеспи пошевелил пальцами левой. И левая тоже.

Вот с ногами приключилось что-то неладное. На них лежал тяжелый угловатый предмет, в котором ворэнт-офицер, мысленно исследовав чувствуемые ногами выпуклости, опознал тяжелый импульсный огнемет.

«Надо что-то делать», — подумал Гиллеспи, хотя как раз делать ничего не хотелось. Всему на свете он предпочел бы сейчас добрый укол морфия и беспробудный сладкий сон.

«Ага, торможение психики вследствие нервного шока», — подумал он, припоминая лекции в центре психологической подготовки Интерпола.

Гиллеспи разозлился. На себя, на Мак-Интайра, подставившего их под неведомое вихревое оружие русских, и на проклятый огнемет, от которого так болят раздробленные колени...

Через несколько минут ему удалось доползти до десантного люка. Но все попытки открыть его были тщетными.

Только сейчас Гиллеспи вспомнил, что у него на каске должен быть мощный галогеновый фонарь. Гиллеспи щелкнул кнопкой, но ничего не произошло. Ругаться не было сил. Гиллеспи проваливался в пучину полной апатии.

Гиллеспи достал из-за пояса одиннадцатимиллиметровую «Беретту» и выстрелил в свою бесполезную левую ногу. Адская боль немного протрезвила его.

Гиллеспи пополз вперед, в направлении пилотской кабины. Дверь в кабину поддалась на удивление легко. Стекла на кабинах «Навахо» были установлены исключительно для декора. На самом деле вся информация пилотам поступала от разнообразнейших внешних датчиков.

Но сейчас все средства наружного наблюдения были мертвы. В кабине царила кромешная тьма.

Кто-то глухо стонал.

— Эй, — сказал Гиллеспи.

Ему не ответили.

Стоны продолжались. Раненый пилот был без сознания.

Гиллеспи заполз в кабину и, растопырив руки, как ребенок в страшной темной комнате, нащупал шлем пилота. К горлу неожиданно подступила тошнота.

Ворэнт-офицера Гиллеспи вырвало.

Отдышавшись, он прополз вперед еще немного, и его подбородок уткнулся в рычаг управления.

«Интересно, — подумал Гиллеспи, — интересно, как они все-таки управлялись с таким сложным монстром?»

Нащупав ручку, он обнаружил, что на ней имеются несколько кнопок, два переключателя и вращающийся верньер сверху. Большой палец. Гиллеспи повращал верньер вправо-влево. Ничего не произошло.

Это разозлило Гиллеспи.

«Ах ты тварь, не хочешь работать?!»

В дело пошла левая рука. Гиллеспи нащупал панель управления, на которой тоже находились кнопки, переключатели, два массивных рычага и стекла безжизненных мониторов.

Гиллеспи пощелкал тумблерами. Понажимал кнопки. Безрезультатно.

Пилот продолжал стонать. Гиллеспи достал пистолет, отставил руку в сторону и сделал несколько выстрелов в темноту.

Стоны прекратились.

— Очень хорошо, — громко сказал Гиллеспи.

Теперь можно было сосредоточиться.

Все его внимание сконцентрировалось на тумблерах. Как опытный медвежатник былых времен, припадавший ухом к сейфу, чтобы услышать долгожданный щелчок на заветной цифре, Гиллеспи прижался щекой к панели управления и стал методично перебирать комбинации тумблеров. В какой-то момент под панелью послышалось негромкое жужжание. Что-то в этом гробу еще работало.

Оставив в покое панель управления, Гиллеспи вплотную занялся рукоятью. А это что за подозрительная выпуклость? Гиллеспи ногтем поддел ее край, и что-то там такое открылось. Заветное, запретное... Кнопка!

Ну что же. Раз есть кнопка, должен же кто-то ее нажать?

На подкрыльевых пилонах «Навахо» были подвешены две электромагнитные бомбы «Вамп».

Левая вышла из строя при ударе вертолета о бетон. Правая уцелела.

Четвертый резервный контур, активированный ворэнт-офицером Гиллеспи, подал напряжение на электронный взрыватель бомбы.

От проскочившей искры лужа авиационного топлива мгновенно задернулась голубовато-зеленым призрачным огнем. Пламя метнулось ко вбитому в землю вертолету.

Последним, что увидел ворэнт-офицер Гиллеспи, было его собственное отраженное стеклом монитора лицо в свете огненного дерева, вырастающего у него за спиной из десантного отсека.

Однако этим все не кончилось. Активированный после подачи напряжения взрыватель за несколько секунд нагрелся до критической точки и сработал.

Бомба «Вамп» взорвалась. Электромагнитный импульс обрушился на Главный Корпус. На его восемь надземных этажей, которые не представляли для компании ВИН никакого интереса. И на подземные уровни, где, помимо всего прочего, находилась капризная техника, отвечающая за генерацию приватной ВР господина Щюро.

3

Щюро не видел, как взорвался «Навахо», столь сильно попортивший покрытие его излюбленной беговой дорожки.

В это время его аватар находился на восьмом этаже и с интересом наблюдал за действиями киборга Кабаллос. Сын Деппа был сегодня в ударе.

Щюро собрался сделать ему какой-нибудь комплимент, когда почувствовал, что внутри ВР произошло пока неощутимое, но существенное изменение.

Президент ВИН посмотрел на свою левую руку. Тумблер «Защита» дрожал подозрительной мелкой дрожью. Тумблер «Выход» трансформировался в нечто совершенно иное. В не-тумблер.

Щюро судорожно схватился двумя пальцами за стремительно втягивающийся внутрь его тела отросток, но щелкнуть им уже было невозможно. Нельзя было теперь покинуть свою собственную ВР по своему же собственному желанию!

В это время пол под ногами Щюро побежал густой сетью трещин. Дальняя стена исчезла, словно ее никогда не было. Щюро больше не сомневался в том, что с его родными нейрокомпьютерами стряслось что-то не то. Не то.

Впервые за много лет он по-настоящему испугался. Надо было плюнуть на пропаганду и уничтожить проклятую «Пандору» еще в Шереметьево, как и предлагал Пьеро с его куриными мозгами...

Выключились стены, выключился потолок, выключилось небо. Один за другим проваливались в небытие охранники, интерполовцы, автоматические пушки, киборг Кабаллос.

Выключился заляпанный черными кляксами обломков и отработавшего турбулентного оружия аккуратный ландшафт вокруг Главного Корпуса.

Умирающая подстанция изо всех сил старалась спасти аватар господина Щюро, в страхе глядящий на безбрежную пустоту, раз-

верзшуюся вокруг него. Под ногами Щюро исчезали кусочки пола — последней границы между его аватаром и ничем.

Через несколько секунд выкрошились последние обломки пола. Директор компании ВИН рухнул в бездну. В свой приватный новоявленный Утгард.

4

Утгард не убил Щюро. Утгард подарил ему молодость, гусеничный вездеход, запах кедровой хвои, звон гнуса и трех друзей, каждый из которых был готов перерезать ему глотку за полторы косых русскими.

Вездеход, вздымая фонтаны брызг, несся вверх по мелкой таежной реке.

За их спиной оставалось пересохшее русло с грудами дохлой рыбы. За их спиной вились мириады мух и ревели обожравшиеся до противоестественной сытости медведи.

Потом вездеход ворвался в лес и, разнося в щепы стволы вековых кедров, двинулся напрямик к их главной цели.

Потом они ночевали под потоками проливного кровавого дождя. Под утро он убил своих спутников и дальше поехал сам.

Он ворвался в капище под вечер. В пещере было темно. Из темноты на него глядели два голубых зрачка.

— Зачем пришел?

Он хотел выстрелить сразу, но все-таки ответил.

— Мне нужно Сердце.

— Своего мало?

Он выстрелил.

Утром он ехал назад, горланя «Из-за острова на стрежень» и заливая неповторимое чувство стыда водкой «Путин» из очередной бутылки. Но он возвращался не один. Под сиденьем лежал обернутый в ветошь алмаз размером с человеческое сердце.

Все было не так. Или не совсем так.

Вездеход они бросили задолго до того, как пересекли Тунгуску. Дальше шли пешком. Никакой пещеры не было. Было странное пятистенное капище и голубоглазый якут неуловимого возраста, одетый в заношенный белый анорак. Когда они потребовали алмаз «Сердце Тайги», якут долго смеялся и тряс головой.

Да, Щюро действительно застрелил якута. Но Щюро не убивал своих друзей. Они убили себя сами!

На обратном пути они выпили за состоявшийся успех их предприятия. Немного повздорили. Кто-то пошутил. В чем состояла шут-

ка, Щюро не помнил. Не помнил он и того, как в его руках оказалось оружие.

В общем, друзья Щюро убили себя сами. Даром что его руками. Потом он жалел, что не пристрелил их раньше. Потому что картечь шестнадцатого калибра успела тогда основательно подпортить ему голодный желудок.

Вылечившись, Щюро вернулся в привычный городской мир. «Сердце Тайги» не имело цены только в устах напыщенных репортеров уголовной хроники. На самом деле алмаз стоил вполне определенных денег. С точки зрения Щюро — десяти миллионов американских долларов.

Щюро почти договорился о сделке. Но что-то остановило его. «Маловато будет. Пятнадцать миллионов — самое меньшее». Под этим предлогом он расстался с потенциальным покупателем. Разумеется, не без определенных эксцессов.

Через год нашелся второй желающий. «Fifteen millions? O'kay»*. О'кей, о'кей. Да только хрен тебе на рыло! В этот раз Щюро нашел силы честно отдать себе отчет в том, что дело не в деньгах.

Алмаз не отпускал его. Своего сердца ему теперь казалось мало. Щюро чувствовал, что расставание с «Сердцем Тайги» ввергнет его в такую бездну, о существовании которой он раньше и не подозревал. Второй покупатель был быстро отшит. Разумеется, тоже не без эксцессов.

После повторно несостоявшейся сделки Щюро призадумался. Думал он медленно, но надежно.

В первый раз ему удалось обойти пятерых матерых киллеров и оставить каждому из них на память по три красивых, тяжелых пули.

Во второй раз он чудом спасся от взрыва пластиковой бомбы, подложенной в его дешевый автомобиль, успел увернуться от импульса ультразвукового станнера и ушел от перекрестного пулеметного огня.

Этого до него не делал и не смог бы сделать ни один человек на Земле. Щюро понял, что «Сердце Тайги» оберегает своего нового хозяина. По крайней мере к этому выводу его подталкивала череда совершенно необъяснимых фантастических спасений.

Единственное, что не давало ему покоя: почему, ну почему алмаз не смог оградить своего прежнего владельца, якута в заношенном анораке, от вооруженных гостей?

Так или иначе, «Сердце Тайги» оберегало Щюро от неприятных неожиданностей, и этого было более чем достаточно.

---

* «Пятнадцать миллионов? Идет» (*англ.*).

Щюро хватило здравого смысла не променять свой успех и свою безопасность на сомнительные восьмизначные долларовые суммы.

Более того. Постепенно он заключил, что счастье не в деньгах. А во власти. В абсолютной и неограниченной власти. Над всем, что мыслит. Что движется. Что существует.

Инстинкт привел Щюро в компанию ВИН. Продемонстрировав несколько необычных трюков президенту компании, он был сразу же назначен начальником охраны Главного Корпуса.

Остальное было делом правильной политики.

5

Мозг Щюро работал сейчас как компьютер генерального штаба, которому поручили проиграть все варианты всех войн, которые когда-либо вело человечество.

Мозг Щюро плавился от бешеного напора исковерканных и перевранных виртуальной реальностью воспоминаний. Они были убийственно ярки, почти безупречны, но... В них все происходило несколько иначе! В них все происходило так, как хотелось бы Щюро уже задним числом, когда он прокручивал в памяти самые «ударные» моменты своей биографии.

Щюро проживал их заново. Нажимал на курок раньше. Зарабатывал денег больше. Становился директором ВИН быстрее. Эксплуатировал своих сотрудников еще уверенней, чем на самом деле.

Щюро всегда стремился к абсолютной власти, но предпочитал сильно не зарываться. Практически всегда он действовал через подставных лиц. Салмаксов, например, был телесной оболочкой, вместилищем для амбиций Щюро. Он должен был болтать с трибун о том, о чем Щюро распространялся за бутылкой хорошего коньяка.

Потом началось самое интересное. Июнь 2051 года. Воспоминания о совсем недавних событиях. Щюро в постели с Надеждой. Снова он же в постели с Надеждой. Снова он же там же с ней же. Щюро казалось, что его сейчас хватит инфаркт. Надежда не отпускала. Потом — яркая вспышка и кровь на руках.

Смена кадра.

Щюро убирает Салмаксова с поста руководителя Той Самой Партии. Занимает его сам. На всех рекламных цеппелинах — улыбка Щюро. Щюро баллотируется в президенты России.

Затем события самых недавних дней. И здесь ему стало совсем уж не по себе. Все встречавшиеся ему люди гибли от его руки. Щюро, конечно, знал, что он не сахар. Но чтобы до такой степени...

И, наконец, сквозь белое как снег лицо Августина, застреленного Щюро-виртуальным без лишних прелиминарий, проступили абсолютно гладкие, строгие, как сама геометрия, грани алмаза «Сердце Тайги». И, промерзая насквозь космическим холодом, Щюро осознал, что своего сердца ему действительно мало.

Потому что его нет. Вместо сердца в его тело врастал грандиозный алмаз.

Идеальный Катарсис.

Идеальный Катарсис.

Откуда он взялся, этот Идеальный Катарсис?

6

Мак-Интайр практически не сомневался в том, что «Навахо» станет ему саркофагом. К своему удивлению, он ошибся. Оба вертолета смогли прорваться к крыше и благополучно зашли на посадку.

Страшно было подумать, что произошло бы с компанией ВИН, не примени Щюро турбулентное оружие.

Тогда все семь вертолетов оказались сейчас бы на крыше Главного Корпуса и на ВИН обрушилась бы мощь без малого семидесяти отлично вышколенных коммандос. Но и двадцать представляли очень и очень грозную силу.

Крыша была размерами с добрую половину футбольного поля. Когда Мак-Интайр спрыгнул на розовый стеклопластик из десантной двери «Навахо», он совершенно не к месту представил себя голкипером университетской сборной. В университете, впрочем, он никогда не учился и в футбол играть не умел.

Мак-Интайр всадил убийственный заряд картечи в ближайшего из охранников. Вслед за его «Ремингтоном» заговорили автоматы коммандос.

Через три минуты крыша была полностью очищена.

Это немного подняло настроение Мак-Интайру. Если и дальше они будут продвигаться такими темпами, у них есть шансы очистить весь объем Главного Корпуса за восемьдесят четыре минуты. При условии, конечно, что подземных этажей ровно двадцать.

Коммандос потеряли двоих. Это несколько обескуражило Мак-Интайра. Опять же, если бой на крыше считать показательным, последний боец ляжет на втором подземном этаже.

— Какая ерунда лезет в голову, Стэн! — крикнул он Мэрдоку, который, присев на одно колено в десяти метрах от него, тщился нащупать пульс на шее неподвижно лежащего бойца.

Мэрдок посмотрел на Мак-Интайра с полным непониманием. Вообще, лицо человека в противогазе всегда носит странноватое недоуменное выражение. Дескать, какого черта я надел эту штуку?

На какое-то время коммандос получили передышку.

Никаких признаков спуска на восьмой этаж с крыши. Конечно же, где-то здесь просто обязаны были находиться люки, но замаскированы они были отменно.

Тем лучше. Тем меньше думать.

На крыше из кумулятивных зарядов быстро выложили аккуратный овал. Мак-Интайр крикнул «Go, go!»*, взметнулись пары расплавленного пластика, и открылся новорожденный люк, в который при желании можно было бы уронить джип.

На восьмой этаж полетели гранаты с нервно-паралитическим газом. Вслед за ними отправились гранаты осколочно-фугасные. И только после этого в зеленый газовый полумрак спрыгнул самый дюжий коммандос с двумя ультразвуковыми станнерами, которые должны были оглушить все, что выжило после огневой подготовки.

Но протрещала очередь, и незваный гость упал с прошитыми легкими, в которые сразу же с превеликой радостью ворвался нервно-паралитический газ.

Кто-то шарахнул в пролом из гранатомета. Где-то под крышей ухнуло, но результаты были, мягко говоря, неочевидны.

Некоторое время еще помялись на крыше. Все были взвинчены до той самой крайней степени, когда каждый миг промедления кажется вечностью. В такие минуты лучше идти под пули, чем ждать Рождества на крыше чужого дома в чужом краю.

Не спрашивая разрешения Мак-Интайра и не дожидаясь его приказа, на восьмой этаж спрыгнули сразу трое.

Газ постепенно рассеивался. Сквозь пролом в крыше можно было видеть, как после полутора минут ожесточенной перестрелки их изрешеченные тела одно за другим затихли.

На земле взорвался поймавший брюхом бетонную дорожку «Навахо».

«Sinn fein. Sinn fein amhain!»**, — полыхнул перед мысленным взором Мак-Интайра девиз Ирландской республиканской армии.

Вся его жизнь прошла под этим девизом, и он не собирался отступаться от него из-за какого-то живучего ублюдка, который залег на восьмом этаже в противогазе с крупнокалиберным пулеметом, обложившись предварительно десятью ящиками боеприпасов.

---

* Здесь: «Давай, давай!» (*англ.*).

** «Мы сами. Только мы сами!» (*ирл.*)

Только он сам, он сам, Мак-Интайр, может сделать то, что не по силам цвету королевского Девонширского полка во главе с потомственным бароном сэром Стэнли Мэрдоком.

Неистовый ирландец спрыгнул вниз.

В конце коридора стоял человек. Противогаза на нем не было.

7

Августин опустил оружие. Он имеет право знать, в кого стреляет. Он имеет право на любопытство.

В конце концов, все те, кто ввалились через пролом на охраняемую киборгом Кабаллос территорию, должно быть, уже мертвы. Августин позволил себе минуту передышки.

Вдруг грудь Августина взорвалась жгучей болью.

Как и в мировой ВР, в локальной виртуальной сети компании ВИН было уделено должное внимание физической боли. Причем, в отличие от ВР, боль эта не подвергалась каскадной трансформации с целью понижения ее уровня. Она была просто болью, если, конечно, этого хотел господин Щюро. В случае с Августином Щюро хотел этого особенно сильно.

Собственно, в этом и заключалась примитивная пытка Щюро: раз уж сегодня, в понедельник, пробил его звездный час, значит, Августин Депп без лишней болтовни будет убит — бессмысленно думать над тем, как его можно было бы использовать! Но прежде пусть переживет свою смерть в теле киборга.

До сего момента в Августина не попало ни одной пули. И вот те на!..

Навстречу ему шел человек в противогазе. Противогаз, однако, не мог скрыть того факта, что седые волосы человека длинны и густы.

В его руках было мощное ружье.

На человеке была форма. Не русская.

Августин вглядывался в полумрак коридора.

Августин не стрелял.

В конце концов, он имеет право на любопытство.

Голоса Неба с гаденькими заковыристыми интонациями господина Щюро все не было.

«Может быть, он занят другими делами? Может быть, решил, что я стал послушным мальчиком и за мной не нужен неусыпный контроль? Я, в конце концов, уже завалил несколько незнакомых людей...»

Августин стоял и смотрел на приближающегося седовласого человека. Он не стрелял.

Человек остановился и, досадливо тряхнув головой, снял противогаз.

Августин подавился криком.

В седовласом человеке он узнал Вальдиса.

Сильно постаревшего Вальдиса.

Соперника.

Своего мертвого, как ему казалось, соперника. Человека, которого он уже однажды убил на дуэли в тот осенний день 2041 года.

Но Вальдис не узнал в киборге Кабаллосе того восемнадцатилетнего щенка, который, нарушив все джентльменские и божеские конвенции, выстрелил в него раньше времени. Того мальчишку, что, обезумев от страха и любви к Рут, пустил две пули ему в спину. Это было так же невозможно, как опознать в виртуальном аватаре его подлинного владельца.

Киборг Кабаллос застыл в оцепенении.

Августин закрыл глаза. Августин думал и вспоминал. Августину было совестно, а вместе с ним было совестно и Кабаллосу.

Странное поведение человека в форме русской морской пехоты не укрылось от идущего в сомнамбулической решимости Мак-Интайра. Но ему было плевать. Ему было недосуг доискиваться до причин. Он всегда жил под девизом «Пока дышу — стреляю».

И он стрелял. Второй поток картечи киборг получил в живот.

Ирландец приближался.

Он перебрасывал ружье вверх-вниз одной рукой, посылая в казенник очередной патрон, и стрелял.

Августину было очень больно. Но он не мог ответить Вальдису тем же. Ему было бы достаточно даже не целясь нажать на курок, чтобы его автоматический пистолет Леонова изрешетил Вальдиса.

Но Августин не мог убить Вальдиса во второй раз...

Не смог даже тогда, когда вспомнил о своем отце.

Возможно, сейчас «Мистраль» сносит ему череп. Возможно, именно в эти секунды вершится его судьба. Вершится Августином.

Вальдис был совсем близко. Его ружье по-прежнему изрыгало потоки картечи.

Августин, объятый ступором, медленно опустил глаза вниз и посмотрел на свое, то есть киборга, тело.

На нем не оставалось ни единого живого места. Лохмотьями свисало синтетическое мясо, у ног растеклась огромная маслянистая лужа. Силикатные кости торчали наружу. Было очень, фантасмагорически, нестерпимо больно. Но Августин по-прежнему оставался в сознании.

В искореженное тело Кабаллоса впились еще четыре заряда.

Глаза Вальдиса были широко открыты. В них горела решимость умереть с оружием в руках. Он остановился только тогда, когда кончились патроны.

Он стоял в трех шагах перед Кабаллосом. Он не понимал, отчего стреляет в парня уже девяносто секунд, а тот стоит и смотрит на него в полном отупении. Почему, в конце концов, он сам до сих пор жив?

И это непонимание как нельзя лучше читалось в ледяном взгляде Вальдиса.

Августин не двигался. Ему было все равно. Пускай Вальдис убьет его. Так будет справедливо. Так будет правильно. Иного понимания правильного и справедливого он себе не мыслил.

— Ты что, киборг? — прохрипел Вальдис, опуская никчемный «Ремингтон».

Вальдис мог бы и не спрашивать, ведь и так было ясно. Жидкость под ногами — не кровь, силикатные рогульки — не кости.

Киборг Кабаллос не ответил. Августин был морально уничтожен в ту самую секунду, когда узнал в окровавленном человеке Вальдиса.

Голоса Неба не было в виртуальном мире. Он исчез. Надолго ли?

Но Августину было все равно. Он уже не помнил ни об отце, ни о «Мистрале». Он помнил только о том, как однажды, десять лет назад, предательски, подло, нечестно, убил человека. Не столь важно, что убитый остался жив. Важно лишь то, что для Августина Вальдис был мертв, а теперь воскрес из мертвых.

И тут киборг второго поколения Кабаллос сделал совсем странную вещь. Он снял со спины переносной зенитно-ракетный комплекс «Жало» и протянул его Вальдису. Справедливость должна восторжествовать. Пусть даже десять лет спустя.

— А теперь ты можешь убить меня, Вальдис. Это будет честно, — прорычал речевой синтезатор Кабаллоса непривычным Августину баритоном.

Глаза Вальдиса округлились. Похоже, его не слишком часто называли так.

Августин, а вместе с ним и киборг, закрыл глаза. Он приготовился к боли. К новой порции чудовищной боли, которая разорвет его мозг на тысячу мелких частей, потом снова соберет их вместе и снова превратит все это в хаос.

Вальдис не отказался от предложенного оружия. Он взял его, отошел в конец коридора и приладил трубу к плечу. Прищурился. Вручную пометил цель на электронном планшете визира. Вполне, надо сказать, профессионально. Затем нажал на спусковую кнопку.

Этого с лихвой хватило бы даже на бронетранспортер.

Ядро регенерации жило по своим собственным законам.

Ядро делало только то, что требовалось, и ничего лишнего. Оно выпустило десяток щупальцев, которые сразу же занялись поисками. Они шарили по коридорам восьмого этажа. Искали органические соединения. Или, на худой конец, легкоусвояемые неорганические.

Кабаллос отличался от Пьеро тем, что был в четырнадцать раз дешевле. Но и переборчивость в питании у него была неизмеримо выше — в ядре регенерации отсутствовал блок низкотемпературного катализа-синтеза.

В коридоре было нечем поживиться. Пластик. Бетон. Жесть. Гильзы. Тяжелая неорганическая гадость, из которой не построишь нового киборга и за сутки. Но зато на полу напротив пролома в крыше сыскалось кое-что интересное: четыре трупа. Щупальца занялись ими.

«Семнадцать процентов», — отозвалось в мозгу у Августина.

Он ничего не видел. Перед глазами его была черная дыра размером со Вселенную.

Боль уже ушла. Было только липкое ощущение расширения тела. Августину казалось, что он раздувается, будто резиновый шар, который наполняют водой.

«Видимо, обещанная регенерация идет полным ходом, — грустно подумал Августин. — И, значит, мне еще придется потрудиться в роли киллера».

Пока одни щупальца занимались телами убитых коммандос, другие искали нового пропитания. Кадка с фику́сом. Земля. Слой торфа. Ствол и мясистые листья.

«Двадцать девять процентов» — было сообщено Августину. Он лежал совершенно неподвижно. Двигать было нечем.

«Пятьдесят процентов», — щупальца съели корзину с мусором, скрытую за фальшпанелью.

«Пятьдесят восемь процентов», — отрапортовал центр регенерации. Августину казалось, что это длится целую вечность. Даже дольше чем вечность.

Щупальца впились в нейронно-волокончатый ствол управляющей дверями грузового лифта системы. Новому киборгу нужны не только мышцы, но и магистрали для передачи командной информации.

«Шестьдесят три процента...»

И вдруг произошло нечто неожиданное.

Мозг Августина уловил сильную вибрацию, которая шла откуда-то извне и, похоже, не имела к процессу регенерации никакого отношения. Вибрация усиливалась. Она нарастала с каждой минутой, пока не превратилась в чудовищный электронный рев, от которого угрожали лопнуть барабанные перепонки.

Вибрация прервалась так же внезапно, как и началась. Ощущение тела вновь заполнило его сознание.

«Что это?» — спросил Августин у Господа Бога. Его атеистические позиции были основательно подорваны событиями последних дней, но только в ту минуту он осознал это.

Глава 18

МЕСТО ДЛЯ НЕУДАЧ

1

Он лежал в капсуле входа. Его руки и ноги были руками и ногами Августина Деппа, а не конечностями киборга Кабаллос. Похоже, кошмар окончился. Или, по крайней мере, прервался.

То ли процесс регенерации пошел не так как надо, то ли...

«Щюро утверждал, что плановые отключения у них не предусмотрены. Обещал, что лично отключит меня, когда сочтет нужным. Или когда у меня мозги через уши потекут. Раз это не плановое отключение, какие бывают в мировой ВР, значит, это... внеплановое отключение. Когда идут бои на территории Главного Корпуса, многие вещи могут случаться вне плана. Даже если это план господина Щюро. А коль скоро так, значит, нужно пользоваться случаем!»

Августин не спешил шевелиться. Он приоткрыл один глаз. «Если есть охраняемый, значит, должна быть и охрана».

Охрана, разумеется, была.

Трое молодцов в форме ВИН. Широкие плечи, лица «одноклеточных». На шее каждого — противогаз. Прозвучит сигнал химической тревоги — и противогазы переместятся на их рожи.

Августин не торопился. Он внимательно наблюдал за охранниками, которые, похоже, не подозревали о том, что человек, лежащий в капсуле, уже покинул виртуальный мир и готов путешествовать по земле. Они знали, что плановых выключений по таймеру в их локальной ВР не бывает. А внеплановых — и подавно.

Охранники болтали, и в их голосах ощущалась напряженность. «Что-то неладно в Датском королевстве», — усмехнулся Августин, ловя себя на том, что, кажется, где-то это уже... не то слышал, не то, скорее, чувствовал. И этим «где-то» была явно не постановка «Гамлета» в драмтеатре.

— Я думаю, это террористы, черт их дери. А у кого еще ума хватит на защитный купол лезть? — сказал первый охранник.

Обсуждалась животрепещущая тема. Кто и зачем штурмует Главный Корпус. Вариантов было немного: Департамент Безопасности, террористы и инопланетяне. О существовании Интерпола охрана ВИН, похоже, не подозревала.

— Откуда у них такое оружие? Ты слышал, блин, как ухает?

— Да ладно, ухает. А как трухнуло только что! Тебе мало?

Настроение у охранников было отличное. Оно всегда отличное у тех, кто занимает теплый бункер в глубоком тылу, пока на передовой идет настоящая мясорубка.

Один охранник — видимо, старший — поднес к уху трубку экстренной связи. Это тоже было показательно — это значило, что нормальная видеосвязь с начальством отсутствует и приходится говорить по старинке.

— Братки, химическая тревога!

Августин понял, что наступила самая подходящая минута для решительных действий.

Он высадил ногой полифертиловую крышку, вмиг оказался перед охранниками, неспешно натягивающими противогазы, и загасил кулаком в глаз ближайшему.

Правое стекло противогаза разбилось, осколки впились в бровь. Охранник взвыл от боли. Остальные не сразу поняли, что происходит. Ситуация действительно экзотическая. Мужик лежал в капсуле, балдел себе, вдруг он выскакивает наружу и...

Августин бил ногой особенно сильно. Он бил в пах, и в этом был секрет его шаолиньского мастерства. В колледжской команде регби он заработал специальную кличку — Kicky, а если по-русски — Брыкун.

Охранник, стоявший напротив первого, с разбитым глазом, не успел опомниться, как получил секретный удар Августина.

Третий схватился за автомат. Августин упал ему под ноги и достал кулаком под дых. Очередь из «Мистраля» прошила насквозь четвертого охранника, который выскочил невесть откуда в самый неподходящий для себя момент. Его оружием завладел Августин.

В руках Августина затрещал «Мистраль». Ему не было жаль охранников. Он знал, что имеет только две альтернативы. Или убиваешь ты, или убивают тебя.

При таком небогатом выборе Августину больше нравилось первое.

2

Мак-Интайр недоверчиво покосился на ложноножки, разбросанные во все стороны от ядра регенерации. Он решил не марать руки об явно немертвые останки киборга-пацифиста, невесть откуда знающего одно из десятков его имен, и лихо свистнул в два пальца.

Первым к нему присоединился потомственный барон Стэнли Мэрдок, а вслед за ним в коридоре появились и его девонширские стрелки. Поглядев на Мак-Интайра, они тоже сняли противогазы.

Семеро коммандос рассыпались по длинному коридору, на всякий случай «зачищая» комнаты гранатами и автоматным огнем.

— Станчев, займитесь этим! — приказал Мэрдок, ткнув стволом пистолета в направлении тихо чавкающей биомассы, из которой постепенно формировалось вокруг ядра регенерации новое тело.

Низкорослый темнолицый капрал с ранцем плазменного резака за плечами самодовольно ухмыльнулся.

Он направил в неодухотворенную, но живую плоть тонкое жало плазменной горелки и сразу дал полную мощность.

— Пресвятая Дева! — не смог сдержать своих эмоций самый молодой из коммандос, некто Карпентер.

На месте ядра регенерации с треском лопались раскаленные угли. Все, что осталось от киборга Кабаллос. Почти все.

«Почти» — потому что щупальца, расползшиеся Бог знает куда и ставшие не толще бечевок, остались живы.

Мэрдок потерял к сокрушенному плазмой объекту всякий интерес и, раскрыв свой командирский планшет, стал изучать на его дисплее план Главного Корпуса. Мак-Интайр раскурил очередную сигару и, выпустив дым в потолок, дочерна пропитанный копотью, уверенно сказал:

— Дверь с восклицательным знаком, за ней коридор, простреливаемый двумя пулеметами, сорок девять шагов по коридору, потом дверь с секретом, замаскированная под обычную осветительную панель. Дойдем — скажу куда дальше.

Карта разведанных этажей Главного Корпуса была самым страшным кошмаром Мак-Интайра. За последний год ему пришлось вызубрить ее наизусть. И все-таки в эту минуту Стэнли Мэрдок завидовал ему.

3

Еще когда Августин лежал в капсуле, присматриваясь и прислушиваясь к охранникам, в его голове родилось некое подобие плана.

Все шло как нужно, охранники были мертвы. Но на этом план окончился. Спрашивается, что делать дальше?

Августин осмотрелся. Комната с капсулой примыкала к большому залу с люминесцирующими панелями под потолком. В том зале, набитом законсервированными биосинтетическими уродами второго поколения, Августин говорил со Стальным Венедиктом. Там же находился экран, на котором всякий мог видеть душераздирающую сцену — Борис Михайлович Депп работает за письменным столом, а за его спиной выезжает из ниши в стене хищный ствол «Мистраля». Такого же точно «Мистраля», какой Августин сейчас держит в своих руках.

Соседний зал представлял опасность — кто знает, сколько охранников ожидают его там. Если говорить о бегстве, то иного пути для него, кроме как тот, по которому Августин впервые вошел в лабораторию «Техкиб», по-видимому, не существует. Значит, с теми, кто ждет его в соседнем зале, придется поступить столь же негуманно, как и с их коллегами. Августин поднял «Мистраль», но...

Тут к нему в голову пришла весьма актуальная мысль. Задуманное можно будет осуществить гораздо проще, если напялить форму одного из охранников, а заодно спрятать лицо под противогазом.

Таким образом, он выиграет время, необходимое для того, чтобы победить!

Однако в соседнем зале, вопреки ожиданиям Августина, изготовившегося стрелять, стрелять и еще раз стрелять, превратившись в один сокрушительный свинцовый вихрь, не было ни одной живой души.

Казалось, после того как Августин и Щюро вели здесь свои задушевные беседы, в зал с законсервированными киборгами не входил никто. Августин прошелся взад-вперед, рассматривая тела тех, в кого мог бы воплотиться, повинуясь злому гению Щюро.

Капсула с киборгом Кабаллос, естественно, пустовала.

«Интересно, продолжается ли регенерация сейчас, когда связь между мозгом киборга, то есть мной, и самим киборгом разорвана?»

Ответить на этот вопрос мог бы только сам Кабаллос.

Августин подошел к экрану. Он был зашторен. Августин вспомнил, как активировал его Щюро, и проделал ту же несложную процедуру. Не исключено, на этот раз покажут что-нибудь новенькое. Но ничего новенького не показали. Показали старенькое.

«Где-то я это уже видел», — заключил Августин, который не страдал расстройствами памяти.

Человек с бакенбардами ковыряется в каком-то приборе. Он сидит за письменным столом, заложив ногу за ногу, и насвистывает какую-то мелодию. Камера двигается очень медленно. По всему видно, что постановка рассчитана на вдумчивый просмотр, который, по замыслу режиссера, непременно должен сопровождаться комментариями господина Щюро.

Вот человек с бакенбардами ерзает на стуле. Вот он склоняется над столом. Все так же, в точности так же, как и в первый раз. Вот камера отползает назад и поворачивается. Ниша в стене открывается, и показывается ствол «Мистраля». Доходчиво. Убедительно. Действует на нервы.

Августин сплюнул. Его надули!

Ему подсунули мерзкую агитку на тему «Любимый папа в опасности». Щюро умело манипулировал его чувствами, и он добился своего. Киборг Кабаллос вел себя как надо. Траханый знаток глубин человеческой души этот Щюро!

Строго говоря, тот факт, что Щюро выдавал видеозапись за прямую трансляцию из кабинета его отца, не означал, что Борису Михайловичу не угрожает ничего, похожего на «Мистраль». Но, по крайней мере, связь между поведением Августина и поведением ствола «Мистраля» была не такой однозначной.

«В конце концов, отец ходил у них под прицелом многие годы», — цинично заключил Августин.

Ему незачем быть паинькой. Запись докрутилась до конца и пошла сначала.

Августин эдипально прошил экран очередью из автомата.

4

Августин был вне себя от злости.

Он ворвался в фойе лаборатории, словно ветер, и его цепкие пальцы стали искать на панели выхода комбинацию пароля.

Голова Августина полнилась мыслями о бегстве. Дело шло слишком медленно. Пароля выхода он не знает и спросить не у кого — охранники мертвы. И все же, будучи хакером с большим стажем, он разделал управляющую панель на двери под орех.

«Счастливого пути!» — сказала дверь, но Августин остановился на пороге.

Он стоял, словно громом пораженный. Он называл себя имбецилом, стоеросовой дубиной, пацаном. И у него был для этого повод.

Конечно же, был! Ведь в дупле его гнилого зуба по-прежнему лежал «жук», сконструированный Борисом Михайловичем Деппом специально для такого случая. Блок саморазрушения системы. Та замечательная штучка, которую японцы называют «комати». Инфокристалл, найденный в осином гнезде.

Августин снова закрыл дверь. Теперь он не торопился.

Более того, он ввел новый пароль на случай, если какому-нибудь козлу придет в голову проверить, как идут дела в «Техкибе».

«Пусть попробует расхакать», — сказал Августин и направился в комнату, где находились две интересующие его вещи — капсула входа в локальную и вполне приватную ВР ВИН и альфа-станция, где, безусловно, есть подходящая для стандартного инфокристалла ячейка.

5

Эта альфа-станция имела три слота для статинов. Два слота были заняты, третий пустовал.

Ясно было, что в слотах — какая-то сугубо ВИНовская мура. Августин даже знал, какая именно: программные расширения, несколько минут назад отвечавшие за координирование его сознания с телом киборга Кабаллос.

Разумеется, у Августина не было желания вновь превращаться в разорванного ракетой ПЗРК «Жало» киборга, увлеченного собственной регенерацией. Поэтому Августин выкинул чужие инфокристаллы вон.

Инфокристаллы упали на стерильный пол лаборатории двумя хрустальными каплями. Августин машинально раздавил их каблуком.

Извлеченный из ротовой полости «комати» с сухим треском провалился в слот.

Не тратя времени даром, Августин забрался в капсулу входа.

В общих чертах он представлял себе свою задачу. Найти виртуальную Большую Красную Кнопку, созданную гением его отца в локальной ВР, отвечающей за безопасность Главного Корпуса ВИН, и нажать на нее.

Проще говоря, запустить программу, взламывающую локальную ВР, и отключить защитное поле.

А дальше?

А дальше — не его дело.

Полифертиловая крышка капсулы захлопнулось. Психосинтезатор альфа-станции начал трансляцию излучений мозга Августина

ВР-серверу, расположенному где-то совсем неподалеку, может быть прямо за соседней стеной.

Августин ощутил щекотное чувство парения над бездной — так всегда бывает первые несколько секунд, даже при входе в мировую ВР. Это значит, что очень скоро твоим глазам будет суждено увидеть малиновые луны виртуального мира.

6

Несмотря на то что они находились в самом сердце таинственной Раши и не видели путей к спасению, они были совершенно спокойны.

Первая часть работы была окончена. Ну а вторая начнется, когда вернется этот англичанин с лицом породистой борзой.

— Каре королей, — торжествуя победу, объявил первый пилот.

Второй пилот молча показал карты. Четыре туза и джокер. Первый снял с руки часы «Роллекс» производства безвестного сингапурского шалмана и протянул второму.

За время службы в американской армейской авиации в них крепко вдолбили непререкаемую истину: вертолет «Навахо» абсолютно неуязвим. Он может погибнуть только в результате летного происшествия. Но летные происшествия невозможны, поскольку весь полет вертолета находится под неусыпным надзором таких умных компьютеров, парни, что они могли бы с легкостью умничать за весь Конгресс США. Если бы только господа конгрессмены им позволили, конечно.

Вывод: «Навахо» вечен.

И хотя русский гангстер Щюро сегодня полностью доказал обратное, они чувствовали себя в кабине «Навахо» в абсолютной безопасности.

Дюйм активно поглощающей брони — не шутка.

На полигоне им показывали очень простой, но крайне эффектный трюк — «найди царапину».

Взвод пулеметчиков выстраивается в двадцати шагах перед вертолетом и садит в него до полного изнеможения. Потом пилотам предлагается найти хотя бы одну царапину на броне. Нашедшему — повышение в звании на одну ступень. Всем остальным — по паре дурацких «слепых» очков с биркой «Нашему Рэю Чарльзу от армейского командования».

Такие очки с гордостью носила вся рота. И никто не получил внеочередного повышения. Броня добросовестно жрала пули. Могла сожрать и кумулятивную гранату. И снаряд. Более того — она

«помнила» себя и, поглотив очередной инородный предмет, полностью восстанавливала свою поверхностную структуру. Так что царапин не находил никто.

Броня «Навахо» была живой. Живой в том же приблизительно смысле, что и ядра регенерации киборгов ВИН.

Первый пилот начал новую сдачу.

7

«Поскольку сеть во многом предоставлена сама себе, кардинально перепрограммировать ее столь же сложно, как искусственно погасить Солнце или сдвинуть Американский континент на двадцать градусов к востоку. Сеть — часть природы. Будучи создана искусственно, она давно стала самостоятельным организмом, своего рода первым настоящим Гомункулусом, которого наконец-то смогло породить в целом бесплодное человечество.

Ты можешь лишь изучать Сеть, как когда-то Кеплер изучал законы небесной механики, и, узнавая о ней все больше и больше, пытаться применять свое знание для своих корыстных целей. Но у Сети нет точных законов. Поэтому все твое знание не будет похоже на точные науки: математику, физику, химию. Все знание о Сети — астрология, хиромантия, гадание на кофейной гуще».

Олаф Тригтвассон. «Страннее, чем рай»

8

Августин ощущал колоссальный дискомфорт.

Он с трудом двигался и почти ничего не видел, если не считать малахитовых протуберанцев, изредка вспыхивающих у него по бокам, вырвавшись из-за черного, как сама ночь, ограждения. Он находился в слепой кишке без конца и без края.

«Если вы видите свет в конце тоннеля, значит, вы смотрите не в ту сторону», — вспомнилась Августину шутка «Вована».

Августин не знал, каким образом здесь, в виртуальном мире ВИН, можно выбрать себе подходящий аватар, и можно ли это в принципе. У него не было времени разбираться.

Он входил, надеясь на русский авось. И Августин Депп оказался в аватаре Августина Деппа, с той лишь разницей, что виртуальный Августин имел на тыльной поверхности своей ладони красный тумблер с надписью «Выход».

Наличие тумблера ободрило Августина. О выходе он как-то не подумал, а висеть в этой черноте до скончания вечности ему совсем не улыбалось.

Августин медленно шел вперед. Он не знал, куда идти. Он понятия не имел, где расположена его зона включения. Здесь все было не так, как в нормальном виртуальном пространстве.

Но он надеялся, что программа уничтожения, записанная на статине, окажется достаточно незатейливой. В конце концов, это же хакерская боевая программа, а не чумовая квест-аркада в жанре «найди и трахни все, что не движется» от бренда «Шакира Нейрософт»!

Августин не ошибся. Скоро, очень скоро на черных стенах тоннеля, по которому пробирался Августин, появились флюоресцирующие стрелки.

«Это для меня», — заключил он и, ощутив, что воздуха и свободного пространства прибавилось, ускорил шаги.

9

Стрелки на стенах исчезли. Черный тоннель открылся в пещеру, почти всю занятую разливом мутной зеленой жидкости.

На берегах водоема было значительно светлее, чем в тоннеле. При этом повышение уровня освещенности, как иногда бывает в нейродизайне на скорую руку, ничем не мотивировалось. Здесь не было ни светящихся панелей, ни ламп, ни свечей — ничего.

Вокруг зеленой лужищи валялись обломки вертолетов, неразорвавшиеся снаряды, пляжные зонтики, футбольные мячи величиной с собаку, кучи обгорелого мусора.

Августин перевернул носком ботинка журнал с вымоченными в зеленой жиже страницами.

Журнал оказался рекламным буклетом компании ВИН. «Ничего странного. Все равно как увидеть фотографию хозяйки в ее собственной квартире», — хмыкнул Августин.

Обшарив берег, он понял, что плавать придется в любом случае. Выбора нет. Путь к виртуальному блоку самоуничтожения, созданному комати в каком-то из закутов виртуального пространства ВИН, неизбежно лежал через речку-вонючку.

Августин с омерзением вошел в тепловатую жирную воду и поплыл. С ним не было никакого оружия, и он с ужасом думал о том, что в случае опасности будет беззащитен, как павлин.

Августин чувствовал себя жабой, переплывающей озеро с керосином.

Наконец он выполз на противоположный берег и тщательно отряхнулся — не хуже, чем Томас после горячей ванны. Теперь стрелки снова флюоресцировали у него под ногами и звали за собой. Августин повиновался.

Немота ВР прорвалась каскадом звуков. Обрывки сообщений на английском и русском. Радиопереговоры между загадочными пилотами и загадочными же пехотинцами.

Отборные ругательства. Обычные ругательства. Крики. Незнакомые голоса, лишь один из которых был Августином опознан и принадлежал Венедикту Щюро.

Анекдоты. Песня швейцарских гренадеров, спетая несколькими ободранными джином глотками. Вой сирен.

Все это выплеснулось на Августина, когда он, следуя стрелкам, вышел на окраину бесконечного поля. Поле было серым, как сталь, и холодным, как антарктическое утро.

Флюоресцирующие стрелки настойчиво рекомендовали Августину пересечь безжизненную равнину без горизонта.

«Это похоже на Утгард», — заметил Августин. Он чувствовал себя измученным и слабым. Ходить по заглюченным пластам ВР — аттракцион для тех, кто имеет аватар класса Джирджис.

Для обыкновенного Адама (а именно Адаму точнее всего соответствовал слишком человечный, вялый и уязвимый аватар Августина) прогулки по всяким утгардам чреваты многими и многими неприятностями. И хотя противников не было, Августин чувствовал, что его надолго не хватит. Можно ведь и свихнуться.

Он вспомнил об отце. Ну зачем, зачем так мытарить камикадзе, который с риском для обеих жизней прорывается к Большой Красной Кнопке? Зачем тащить его в такие дали? Зачем все так сложно? Зачем, папа?

В душе Августина копилась истерика, не находящая себе выхода. Конечно, у него на руке красный тумблер, который позволяет ему выйти в любой момент. Но разве стоило ради позорного бегства заходить столь далеко по этой опасной тропе? Искать осиное гнездо, таскаться с кристаллом в зубе через дебри психосканирования, подрабатывать Кабаллосом и, в качестве бонуса, становиться убийцей определенного количества плохих (а может, и не очень) парней?

Августин пересек поле довольно быстро.

Оно, к счастью, хотя и не имело горизонта, но бесконечным не было. В какой-то момент пространство стало само набегать на Августина и через четверть часа окончилось стеной из омерзительно

розовых кирпичей, на каждом из которых имелась аккуратная эмблемка ВИН. В стене было нетрудно обнаружить ворота весьма странной треугольной формы.

«Здесь, наверное, живет добрый волшебник страны Оз. И тридцать человек его личных бодигардов», — зло буркнул себе под нос Августин.

Стрелки исчезли. Похоже, сюда.

Августин подошел к воротам и с силой дернул тяжелое кольцо, служившее ручкой.

Открылось крохотное смотровое окошко. Августин прильнул к нему.

Розовая стена образовывала кольцо вокруг постамента, который напоминал жертвенник. Или скорее постамент для памятника, который взяли и выбросили, не заменив новым. Августин вжался в ворота, силясь прочесть надпись на постаменте.

«НЕ МЕДЛИ!» — вот что было выбито на розовом мраморе. По-русски. Та же самая надпись была повторена на латыни.

Августин узнал стиль своего отца. Борис Михайлович Депп читал Овидия в оригинале, знал наизусть несколько самых ударных мест из «Записок о Галльской войне» Юлия Цезаря, писал вздорные трактаты — пародии на Плиния Старшего и Тита Лукреция Кара. Борис Михайлович Депп был очень образованным человеком.

Августин изо всех сил налег на ворота. Но их створки даже не сдвинулись с места. Даже не задрожали!

Августин частенько сталкивался с таким в «нормальной», мировой ВР. Это значило, что либо его должность (или класс аватара) не обеспечивают надлежащей степени допуска, либо нейродизайнерами предусмотрено маленькое квест-шоу. В последнем случае пользователю ВР предлагалось проявить — на выбор — житейскую находчивость, интеллект либо чувство юмора, чтобы отгадать загадку: что же, черт побери, нужно сделать, чтобы эта проклятая дверь открылась?

Августин не мог сменить класс аватар. И уж тем более не собирался расставаться с желанием пролезть внутрь во что бы то ни стало. Он не хотел сдаваться.

Поэтому Августин начал перебирать разные экзотические варианты квестового поведения, без особой надежды на успех.

Он обошел розовую кирпичную стену кругом.

Обошел два, три раза.

Продекламировал «Я тень, я свиристель, убитый влёт...»

Он попробовал вскарабкаться на стену, но, как и следовало ожидать, это было невозможно сделать без специального снаряжения вроде «Клыка Фенрира».

Он попытался просунуть руку в смотровое окошко, но оно оказалось лишь оптически проницаемым.

Он ходил по ледяному полю стального цвета и рассматривал интересующий его объект с разных ракурсов и под разными углами.

Ничего интересного. Ни одной подсказки. Блок уничтожения защитного периметра, оставшийся за розовой стеной, был недоступен, словно абсолютное счастье в личной жизни.

Августин в последний раз подошел к смотровому окошку в воротах, еще раз заглянул внутрь.

Это было поражением. Абсолютным и унизительным поражением.

— Бляяя, — вздохнул Августин и щелкнул красным тумблером с надписью «Выход».

10

Когда английский капрал с болгарской фамилией Станчев уничтожил ядро регенерации киборга, вместе с ним была дезактивирована основная программа аварийного восстановления. Но уцелели жгуты-щупальца. И вместе с ними уцелел базовый алгоритм, закодированный на молекулярном уровне.

Киборги второго поколения в биологическом смысле были квазиклеточными организмами и подчинялись тем же законам, что и живая материя. А основной закон живой материи — бороться за жизнь и самовоспроизведение во что бы то ни стало.

На крышу Главного Корпуса выполз червь толщиной с электрический провод и длиной метров семь.

У червя не было воли. Не было даже инстинктов. Червь просто подчинялся законам мироздания. Он чувствовал живое и стремился к нему в том же смысле, в каком железные опилки испытывают симпатию и стремятся к воссоединению с магнитом.

С точки зрения закона наименьшего сопротивления, оптимальной целью для структурной перестройки была броня вертолетов «Навахо».

Вслед за первым червем появился второй. Затем — третий, четвертый, пятый...

Телекамеры «Навахо» бесстрастно наблюдали за их приближением.

С точки зрения бортовых компьютеров, обнаруженные цели не представляли никакой потенциальной угрозы, поскольку являлись крупными тропическими червями палоа — яством богатеньких гурманов и завсегдатаев ресторанов национальной полинезийской кухни. Не вызывало сомнений, что черви расползлись из местной столовой, где они составляют предмет повседневного рациона баснословно состоятельных сотрудников ВИН.

На компьютерах «Навахо» перед каждой операцией пополнялись базы данных по театру боевых действий. А предпоследние учения как раз проходили в районе атолла Мururоа.

Черви приблизились к «Навахо» вплотную и с аппетитом набросились на сочную, вкусную броню.

Они с легкостью внедрились в нее, как вирусы проникают в тело больших здоровых бактерий, и начался цепной процесс мутации.

Первый пилот блефовал. У него на руках была жиденькая двойка девяток, но он упорно завинчивал банк. С определенного момента он начал понимать, что все выигрыши и проигрыши сегодняшнего дня ничего не значат. Поскольку в гробу карманов нет. Если они выберутся отсюда, он с удовольствием отдаст Хью все выигранное до последнего цента. А если нет — пусть тот купит себе что-нибудь в аду. Пусть купит.

Азартный Хью принял его вызов и в очередной — шестнадцатый — раз удвоил ставку.

Он удвоил тоже. Хью прикусил губу.

«Открываемся».

Когда процесс мутации брони вошел в свою критическую фазу, ее мегамолекулы смогли наконец выработать некое подобие иммунитета. Но когда организм начинает бороться за свое существование, у него неизбежно подымается температура.

На руках у Хью была двойка восьмерок. В глазах первого пилота блеснула первая жизнерадостная искорка за последние два часа.

Сейчас он отыграл у Хью все. И, кроме этого, его напарник задолжал ему девяносто восемь тысяч американских долларов.

Первый пилот протянул руку за поддельным «Роллексом».

У человека температура может подняться до сорока двух градусов, после чего человек погибает. Броня «Навахо» имела мало общего с человеческой кожей, ее температурный порог располагался на шкале Цельсия значительно выше.

Спустя несколько секунд топливо сдетонировало от скачкообразного повышения температуры.

Последние два вертолета Мэрдока превратились в ничто.

11

Карта надземных помещений ВИН оказалась наполовину лажовой. Именно наполовину. Четыре этажа они прошли очень чисто, но дальше начались неприятности.

«Bloody Hell!»* — заметил Мак-Интайр, когда вместо лестницы, обозначенной на карте, увидел капитальную стену с декоративной лепкой вдоль потолочного карниза.

«Holy shit!»** — прошипел он, когда голографическая дверь ватерклозета, растворившись в воздухе, открыла сделанную на совесть засаду: несколько пулеметных турелей.

Выругаться в третий раз по поводу картографических неточностей ему не удалось.

Платформа подъемника, на которую его нога — нога старшего в обреченном отряде — ступила первой, в мгновение ока затащила его внутрь механической лапой и, захлопнув над его головой металлические лепестки, полетела в тартарары.

За Мак-Интайра выругались коммандос. Стэнли Мэрдок сентиментально швырнул в шахту подъемника газовую гранату и повел уцелевших искать пути, более пригодные для спуска.

Пока подъемник, не сбавляя скорости, летел в бездну подземных этажей ВИН, Мак-Интайр размышлял о том, насколько случайным является его отделение от группы.

Случилось бы то, что случилось с ним, если бы на платформу первым взошел Мэрдок? Или весь этот трюк рассчитан именно на его участие. На его честолюбие. На его лидерство. На его привычку первым бросаться в пекло неизвестности?

Довольно скоро эти вопросы разрешились сами собой, когда подъемник доставил его в изолированную комнату с белыми стенами.

— Мышеловка, — заключил Мак-Интайр.

— Мышеловка! — ликовал Пьеро.

12

Августин не знал наверняка, на каком этаже расположена лаборатория, приютившая его в своих гостеприимных стенах, но догадывался, что на одном из подземных.

«Сейчас посмотрим!» — Августин вышел в коридор.

---

* Досл.: кровавый ад (*англ.*); крепкое богохульство.

** Крепкое богохульство.

Ему не хотелось думать о поражении. Он сделал все, чтобы вычеркнуть розовую стену с треугольными воротами из своей памяти. В его памяти сейчас не должно быть места неудачам. Место для неудач — кошмарные сны.

Августин вышел в коридор. На нем была форма охранника ВИН. Противогаз болтался у него на шее. Статин вернулся в дупло зуба.

Он прихватил комати с собой на всякий случай. Может, когда-нибудь шестеренки виртуального мира станут в правильное положение, система сработает, дверь откроется и он доберется до своей цели. Когда-нибудь. Может, через час?

А пока ему нужно спасать свою шкуру. Бежать вон из этого гнусного места, где даже локальная ВР похожа на Утгард, из которого исчезли все интересные кошмары!

Он шел не торопясь. Он охранник, а не беглец. В случае чего — наденет противогаз и его лицо скроется под маской со стеклянными глазницами. Под потолком завывали сирены.

В точности такой же вой он слышал только что в ВР, когда его нога ступила на край ледяного поля.

Где-то совсем близко шел бой. Но ему не было до этого дела. Участие в чужих войнах — занятие бесперспективное.

Августин искал лазейку, через которую можно улизнуть. И он нашел ее.

13

Пьеро склонился над капсулой входа, в которой лежал его босс. Его папаша. Его повелитель. Стальной Венедикт.

Лицо Щюро было белым. Веки едва заметно подрагивали.

До того, как Пьеро пришлось пережить экстренную регенерацию, он умел неплохо анализировать входные данные и знал, что подрагивание век чаще всего сопровождает кошмарные сны разума. Теперь его интеллектуальный индекс ощутимо понизился, но память осталась.

Пьеро не умел беспокоиться. То, что люди ощущают как беспокойство, Пьеро воспринимал в виде системного сообщения «непорядок». Он попробовал связаться с боссом по экстренному каналу виртуальной связи, но тщетно.

Пьеро вызвал операторов, но они лишь развели руками.

«Господин Щюро категорически против вмешательства», — бубнили они. Если бы Пьеро уложил их на месте, его блок симуляции

эмоций выдал бы системное сообщение «радость-восторг-наслаждение». Но блоком принятия решений такая реакция на слова операторов предусмотрена не была.

Но что-то не так. Не так...

Пьеро принимал решения так же быстро, как стрелял. Однако ссылка на самого босса, на то, что тот «категорически против вмешательства», заставила Пьеро гонять циклы бессмысленных силлогизмов еще пять минут.

Наконец Пьеро разбил опломбированную крышку альфа-станции ударом стального кулака и выковырял четыре статина из ячеек пульта стабилизации. Эта операция давала такой же эффект, какой давало нажатие тумблера «выход», помещаемого в локальной ВР ВИН на левом запястье аватаров.

Крышка капсулы входа открылась. Вместе с нею открыл глаза и Стальной Венедикт.

Если бы Пьеро мог читать по глазам своего босса, он бы прочел в них строки католического песнопения, посвященного видению Апокалипсиса. «Dies irae, Dies illae*...»

Пьеро не умел читать по глазам. Поэтому он сказал:

— Автоматика работает нестабильно. И все-таки Мак-Интайра удалось отрезать от группы!

Но Щюро не слушал его — его больше занимало другое. Родился ли он заново или уже умер? Сквозняк из глубин не имеющей конца ночи шевелил волосы на его голове.

— Доктора. Быстро, — прохрипел Щюро и знаками приказал немедленно очистить помещение.

14

Надпись «Гараж №2» с вездесущей эмблемой ВИН.

«Предъяви карту доступа», — сказала панель возле двери.

— Хер тебе на рыло, а не карту доступа, — ответил Августин, подкрепив свои слова очередью из «Мистраля».

Двери распахнулись, не выдержав столь дерзкого хамства. Четыре армейских джипа «Хаммер GI» стояли рядком внутри небольшого бокса. Четыре пыльные машины. То, что нужно для беглеца.

«Если они запылились и на их колесах свежая глина, значит, им было где запылиться и запачкаться. Значит, они совсем недавно колесили по заштатным дорогам Подмосковья. Если они ездили, зна-

* Тот день, день гнева (*лат.*); начало средневекового церковного гимна — вторая часть заупокойной мессы, реквиема.

чит, они как-то сюда заехали», — рассуждал новоявленный Холмс, устраиваясь в кабине самой грязной машины.

Ключа зажигания, разумеется, не было. Но заводить машины «на арапа» умеют все, кто в свое время увлекался интерактивными боевиками. Августин в детстве — пока не пускали в мировую ВР — был как раз из таких. Он провозился с проводами каких-то двадцать минут. Поверещав для острастки сигнализацией, джип завелся.

15

Кабинет Воронова был больше похож на банкетный зал средненького ресторана.

Шампанское в поцарапанном ведерке для льда, посредственной изысканности блюда под мельхиоровыми колпаками. Салфетки стопкой. Хлеб, в который воткнут тупой ножик для фруктов. Фрукты — килограмма три. Но главное, что все это ни к селу ни к городу!

Генерал-майор Шельнова остановилась на пороге, в недоумении обозревая небрежно сервированный стол. Ей отчего-то вспомнилась странная манера Августина называть сервированный стол «поляной».

Обед на двоих. Контрастируя с бардаком, что царил среди блюд, сервировка была хорошо выверенной. По три разновеликих бокала. По три ножа, по три вилки подле двух закусочных тарелочек. Цветы. Ксюша была умной женщиной и быстро сообразила, что это означает.

— Вуаля! Маленькая импровизация в честь ваших успехов, генерал-майор Шельнова, — замаслился Воронов и поцеловал тонкие длинные пальцы прекрасной руки, протянутой, впрочем, для официального рукопожатия.

— Я дорожу вашим вниманием, генерал. Но, как мне кажется, все это выходит за рамки уставных отношений, — Шельнова была холодна, словно понедельник в феврале.

— Похоже на то, Ксюша. Похоже на то. Но будем говорить начистоту. Вы — полностью в моей власти. Ваши действия, в зависимости от моего произвола и моей интерпретации последних, могут подпадать в равной мере и под повышение по службе, и под военный трибунал. В зависимости от точки отсчета, которой как раз и являюсь я. Какая из этих двух альтернатив вам нравится больше?

— Повышение по службе, — не моргнув глазом ответила Шельнова.

— Ответ правильный. Но это еще не все. Только мое вмешательство спасло вас от гибели прошедшей ночью. Ваш обгоревший труп

сейчас мог бы лежать в морге, ожидая опознания. Или вот к примеру последнее ваше задание. Вы утаили от нас важную информацию! Те люди, на которых вы работали, узнав об этом, не глядя подписали вам смертный приговор! И только благодаря мне он не был приведен в исполнение.

Шельнова набрала в легкие воздуха. Задержала дыхание... и наконец медленно выдохнула через обе ноздри.

— Я вам благодарна, Анатолий Андреевич. Это очень благородно с вашей стороны, — с расстановкой сказала Ксюша.

Воронов знал, что Шельнова ответит именно так.

— Поэтому я предлагаю нам перейти на «ты». — И ее бокал зашипел шампанским. — А кроме того, я хочу, чтобы здесь и сегодня вы почувствовали себя в первую очередь женщиной, а уж потом — генерал-майором. Ведь это очень приятно — почувствовать себя женщиной, — скабрезно улыбнулся Воронов и, подсев к Шельновой, положил руку ей на талию.

Терпение Шельновой не было резиновым и даже ее самообладание иногда давало сбои. Она оттолкнула руку Воронова и вскочила.

— Да откуда вы, черт возьми, знаете, насколько это приятно — чувствовать себя женщиной!.. — вспылила она, не договорив фразу до конца. В конце должно было прозвучать одно важное уточнение: «В постели с таким идиотом, как вы».

Но Воронов воспринял это как должное и ничуть не обиделся. Ему так даже больше нравилось. И потому он продолжил разглагольствования.

— Уж поверьте мне, я знаю. Существует ведь такая вещь, как ВР. А там, как известно, любой мужчина может чувствовать себя кем угодно, в том числе и царицей Клеопатрой. Признаюсь, я этим грешил. То есть Клеопатра — это было бы слишком пошло, но...

Воронов откинулся на спинку дивана и отвел поднятый бокал в сторону.

— Я предпочитал быть молоденькой трогательной англичанкой. Если бы вы, Ксения, видели мои рыжие кудри и замечательное платье зеленого бархата со смелым вырезом, украшенным дюжиной виртуальных топазов! — Воронов мечтательно закатил глаза. — У меня был замечательный любовник, который, наверное в тон мне, предпочитал морфы из английского средневекового цикла. Это было очень романтично. Английский йомен и его рыжеволосая подружка...

— И что потом? — спросила Шельнова в надежде перевести разговор со своей женственности на более нейтральные темы.

— А потом меня убили до смерти. Его, по-моему, тоже. Впрочем, это не беда. Это проблема решаемая, — мечтательно сказал Воронов. — Да и не главная. Главное — это то, что побыть женщиной мне удалось.

Ксюша положила себе в тарелку фруктового желе и стала методично поедать его, нарочито неуклюже орудуя ложкой.

«Ни один мужчина не станет клеиться к женщине, пока она ест» — это Ксения Шельнова знала абсолютно точно.

16

Задняя стена гаража отползла в сторону. Августин вырулил в туннель.

Работало только аварийное освещение. Разгоняться было опасно.

«Здорово их потрусили», — злорадствовал Августин.

Он всматривался вперед, но ничего, кроме очередного восходящего витка тоннеля, не было видно. Августин не знал куда едет. Принципиальным был лишь сам факт побега.

Туннель оказался довольно длинным. Он проходил под защитным куполом и выходил на поверхность уже за пределами охранного периметра. Но выехать наружу можно, было только миновав контрольно-пропускной пункт, где по традиции дежурили отборные головорезы Венедикта Щюро.

Августин затормозил перед воротами, сотканными из кусочка такого же защитного поля, каким прикрывался Главный Корпус. К нему подскочил среднего роста и комплекции парень с противогазом на шее. Парня звали Лехой.

— Эй, какого ты ломишься, когда такие дела вокруг? — сказал Леха, покидая уютную стеклянную будочку.

К счастью, форма Августина выдавала его за своего. В чужих по внутреннему уставу ВИН нужно было стрелять без предупредительной болтовни.

— Личный приказ Стального Венедикта, — процедил Августин сквозь зубы. Он не стал вылазить из кабины, напустив на себя как можно более высокомерный вид.

— Покажи разрешение, — упирался охранник.

— Его должны были передать по сети, а ее заглючило. Сам, что ли, не видишь.

— Пошли разберемся. Свяжемся по старинке. Телефон вроде еще не заглючило.

Августин вошел в стеклянную будочку развязной походкой любимого ординарца босса. Его жесты в тот момент были жестами при-

вилегированного холуя. В конце концов, экс-киборг его президентской милости Кабаллос имел для этого все основания.

За столом сидели еще двое парней. Одного звали Вадиком, другого — Руней. Но они не представились.

Им было муторно и боязно одновременно. И хотя на таком скучном участке подземного фронта сам Бог велел резаться в карты и покуривать травку, никаких следов присутствия этих двух панацей от скуки Августин не заметил. Видимо, заваруха наверху начисто отбила у них вкус к простым человеческим радостям.

Леха отвернулся к стене и набрал на трубке трехзначный номер. Августин не видел лица охранника, но хорошо его себе представлял. У всех охранников во всех странах мира одно и то же выражение лица, когда они собираются докладывать начальству.

— Алло! Тут парень на джипе номер 245-54 МОС-НГ, — начал охранник. — Имя?

— Как твое имя? И идентификационный код заодно... — Охранник повернулся к Августину.

«Мистраль» смотрел в спину двум его товарищам, которые стояли лицом к стене. Их табельное оружие валялось за порогом стеклянной будки. А сам Леха обнаружил себя под прицелом АПЛ-9.

В руках у охранника была только трубка — оружие для удобства болталось за спиной.

— Послушай, мужик, — тихо, но внятно сказал Августин, — у меня устали руки вот так стоять. И я знаю, что нужно сделать, чтобы меня отпустило. Понял?

— Понял! — заорал охранник в трубку. — Запрос отменяется. Этот уже никуда не едет, у него срочный вызов...

— А теперь открой силовые ворота, — потребовал Августин. Две пули из АПЛ-9, переведенного на стрельбу одиночными, разбили трубку, поспешно отложенную охранником в сторону. Вадик и Руня вздрогнули всем телом. — Если, конечно, ты не хочешь узнать, в какую сторону пробор у настоящих мужиков.

17

Охранники Леха, Вадик и Руня проводили тоскливым взглядом удаляющийся армейский джип. Беглец оказался великодушен и оставил их в живых. Это было хорошо.

Но надолго ли? Если босс узнает о том, как показательно облажалась его охрана в условиях полного благоприятствования и всего такого прочего, им будет угрожать нечто худшее, чем обыкновенный расстрел на месте из «Мистраля». Леха был старшим в группе и

потому ответственность за происшедшее лежала на нем. Из всех троих на его лбу блестели особенно крупные капли пота.

Ни Леха, ни его товарищи не были трусами — они были профессиональными военными. Хорошо обученными. Тренированными. У них была отменная реакция и изрядный опыт. И все-таки беглец вытер ноги об их хваленый профессионализм. Было в нем что-то, что сковало их волю и сделало из них послушных жертв.

— Он прямо как цыган, — оправдывался Руня, у которого тряслись поджилки после пребывания под прицелом автомата. — Ты вроде и хочешь сопротивляться, а не можешь.

— Взял как сынков, считай голыми руками, — подтвердил Вадик.

Но вскоре удивление уступило место невеселым думам. О Стальном Венедикте и дисциплинарных взысканиях. Дело пахло керосином. Каждый сотрудник ВИН знал, что такое гнев босса и чем он чреват. Когда стало окончательно ясно, что влипли они не на шутку, Леха внес предложение, которое, за неимением лучшего, поддержали остальные.

Для того, чтобы осуществить задуманное, нужны были три вещи: джип, гранатомет и труп.

Парень на джипе увез с собой все, что могло стрелять в умелых руках охранников КПП. Очень разумно с его стороны — любой их охранников поступил бы так же. Но их это не радовало, ведь для реализации Лехиного плана требовался гранатомет.

Оружие наконец было найдено — Вадик изъял его из запломбированного шкафа для «чрезвычайных ситуаций». Джип был уведен из гаража. Труп найден у входа в гараж. Теперь все было готово. Вадик, Руня и Леха поклялись друг другу свято следовать золотому правилу круговой поруки и молчать, молчать, молчать. Труп был положен в джип, машина отогнана к защитному полю, а гранатомет выстрелил. На всякий случай — три раза.

— ...неизвестный предпринял попытку прорваться через защитное поле на джипе «456-16 МОК-ПГ». На запросы не отвечал, перед КПП не остановился. Уничтожен из гранатомета, согласно инструкциям...

Когда разводящий по этажу выслушал доклад и передал его «наверх», Леха вздохнул с облегчением.

18

Контрольно-пропускной пункт ВИН остался позади.

Теперь джип Августина был похож на передвижную экспозицию выставки «Стрелковое оружие развитых стран». Арсенал охра-

ны занимал все заднее сиденье. Время от времени Августин поглядывал назад, чтобы понять, на кой черт ему столько всего. Три «Мистраля», четыре «Магнума» и «Унимаг». Не считая автоматического пистолета Леонова, который торчал у него за поясом. Не хотелось думать о том, что все это еще успеет пригодиться.

Постепенно туннель стал расширяться. Начался подъем и Августин с облегчением подумал о том, что вот-вот он окажется на поверхности. Ласковое июньское солнце — какое оно яркое! Августину хотелось увидеть солнце.

Он забыл спросить у охраны, что ждет его у выхода. Еще один КПП?

К счастью, его опасения не оправдались. Щюро был бдительным президентом и махровым мафиози. Он был толковым начальником охраны. Он организовал отличную систему обороны. Он не пожалел денег ни на технику, ни на цифровое и нейрограммное обеспечение. Но на все не хватило. В частности, на вторую стеклянную будочку с тремя вооруженными парнями.

«Спасибо, дядя Веня!» — усмехнулся Августин.

Стрелка спидометра его джипа беззастенчиво подскочила до отметки 160 км/час. Это было грубым нарушением правил, и первый попавшийся дорожный полицейский мог оштрафовать его за превышение скорости, поскольку в зоне промышленных объектов и населенных пунктов максимально допустимой была скорость 145.

Но Августин не думал о дорожной полиции. Денег у него не было. Прав, впрочем, тоже.

Глава 19

ВНЕ ПЛОТИ

1

Через десять минут Августин оставил Главный Корпус далеко позади. Он начал подумывать, не сбавить ли скорость, как вдруг его нога, опережая мысли, рефлекторно утопила педаль тормоза. На дорогу выскочила собака. Точнее, пес.

Автоматическую блокировку заслуженно полагают одним из самых выдающихся достижений человечества в одном ряду с сетью

«Мнемозина», пистолетом Леонова и «кока-колой». Августин затормозил быстро и плавно.

— Томас? — заорал ошалевший Августин, не смея поверить своим глазам. — Ты что тут делаешь?!

Он открыл заднюю дверцу, но пес не спешил залазить в кабину джипа.

— Давай быстрее, не тормози! — злился Августин.

Но собака не двинулась с места. Она повернула свою большую мохнатую голову в сторону соснового леска — точь-в-точь такого, как тот, по которому этим утром разгуливал Августин в поисках улья. Августин замер и вперился в кусты.

Ветви орешника раздвинулись. Из зарослей вышел босой человек в льняной куртке и шортах цвета хаки. У него на шее висел черный бинокль армейского образца.

Томас радостно завилял хвостом и улыбнулся одной из самых обаятельных собачьих улыбок. Это был Хотой.

2

— Угощайтесь, — сказал Венедикт Щюро, протягивая Мак-Интайру резную шкатулку, наполненную разносортными сигарами — гаванскими, индонезийскими, бразильскими. Это ассорти президент ВИН приказал собрать специально для ирландского гостя, не зная вкусов последнего. Авось отыщется то, что ему больше по вкусу. Щюро нравилось, когда в нем видят радушного хозяина.

Мак-Интайр вынул из шкатулки первую попавшуюся сигару, сунул ее в рот бронзовому дракону времен герцогини Германтской, купленному подставными лицами Щюро на аукционе Сотбис за 18 тыс. долларов, откусил край сигары и прикурил.

— Итак, какого черта вам от меня нужно? — небрежно бросил Мак-Интайр, для забавы выпуская дым кольцами.

Он проиграл. Он пленник. Он может позволить себе и небрежность, и невежливость. Вежливость — удел победителей.

Щюро довольно осклабился. Он ждал этого вопроса и хорошо к нему подготовился.

«Во мне умирает великий актер», — напомнил себе Щюро, прочищая горло и подготавливаясь к одному из последних актов давно спланированной драмы.

— Мы с вами, любезнейший Мак-Интайр, сыграли партию в войнушку. Всего одну партию. Но длилась она ой как долго. Не знаю как вам — хотя надеюсь, что и вам тоже, — но мне играть было приятно. Вы и та организация, которая воплощена для меня в вашем

лице, были отменными противниками. Расчетливыми. Хитрыми. Беспощадными. В некотором роде и вы, и я были гроссмейстерами, играющими в живые шахматы. Вы сражались за черных, я за белых. Вы хотели разыграть вариант «черные начинают и выигрывают». Но получилось иначе. Черные начинают, белые выигрывают.

— Это не важно, — процедил Мак-Интайр.

Он много раз просматривал досье последнего президента ВИН и представлял его себе несколько иначе. Более циничным и здравым, что ли...

— Вы правы, — поспешно согласился Щюро. — Но я веду к тому, что только мы, гроссмейстеры, двигающие фигурами, только мы и в состоянии оценить красоту и мощь игры своего противника. Вы проиграли. Но ведь игра не сводится к тривиальной констатации «выиграл-проиграл». Самое интересное в игре — разбор полетов, как говорят летчики.

— Я не понял, что еще за «разбор полетов», — заметил Мак-Интайр.

Его разговорный русский был почти безупречен. Главным образом потому, что он никогда не употреблял выражений, которых не понимал. Но когда их употребляют другие, он никогда не стеснялся спросить.

— Это когда мы вместе обсуждаем то, что было, и открываем друг другу свои маленькие хитрости. Вот почему вы, Мак-Интайр, живы, а ваши друзья уже, должно быть, мертвы. Я оставил вас жить только потому, что нет на Земле такого человека, который был бы способен оценить мое мастерство. Никого нет лучше вас. Только перед вами и имеет смысл бахвалиться. Только ваша похвала чего-нибудь да стоит.

«Нет на Земле такого человека...» — Мак-Интайра коробило пустословие Щюро.

Цветистость банальных речей президента ВИН заставила его еще раз задуматься об удивительном сходстве между ирландской ментальностью и ментальностью русской.

«Все та же склонность из всего делать дешевую драму! Та же болтливость и любовь к позам!» — сокрушался Мак-Интайр, стряхивая сигарный пепел себе под ноги.

Продумав всю сцену вокруг сигарокурения, Щюро не предусмотрел только одного — пепельницы.

— Итак, я с удовольствием отвечу на любые ваши вопросы, любезнейший Мак-Интайр, а потом, если вы не будете против, вам придется ответить на наши, — заканчивая последнюю порцию словоизлияний, сказал президент ВИН.

Мак-Интайр оживился. Щюро был интересен ему, как никто другой на этой Земле. Так что над первым вопросом Мак-Интайру не пришлось задумываться ни на секунду.

— Скажите, Венедикт, где у вас в действительности расположены генераторы защитного поля?

Щюро махнул рукой.

— А-а, эти! Минус двадцать первый этаж. Или двадцать первый подземный уровень, если угодно. Он целиком, а также все, что ниже, до самого дна, занято термоядерным реактором, который удовлетворяет наши энергетические нужды — в том числе и нужды защитного купола. То, что вы заглотили наживку с версией о выносных генераторах, — крупный промах ваших аналитиков, а заодно и успех нашей службы дезинформации. Подумайте сами, разве нам хватило бы энергии от тех крохотулечек? Они, конечно, тоже кое-что делали, но...

Промах. Конечно, промах. Но кому могло прийти в голову, что там у них что-то есть под двадцатым уровнем? Кому? Какой идиот, кроме Щюро, станет жить на вулкане?

«Самое страшное — переоценить противника», — учил Мак-Интайра его дед, боевик Ирландской республиканской армии. И он был совершенно прав. Они думали, что умный Щюро вынес энергостанцию подальше, замаскировав ее под группу вспомогательных сооружений. По крайней мере, это было бы совершенно безопасно для персонала ВИН, да и для ее президента тоже.

Знать бы сразу, что Щюро — самоубийца... Помогли бы с радостью. Никакого «мягкого» варианта не было бы. Всадили бы разом в защитный купол столько ракет, чтобы хватило навести вторичную индукцию на реактор. Матерь Божья, весь Главный Корпус испарился бы, как плевок на электроплите! Десяти ракет — и то хватило бы. А сегодня, кстати, столько же и потратили. Да без толку — четыре сюда, шесть туда... И не одновременно...

— Мне приятно также сообщить вам, что среди ваших людей нашлись достойные люди, разделяющие мои политические пристрастия. Люди, которым, как и мне, дороги порядок и справедливость. В особенности, среди высших чинов, — Щюро испытующе уставился на Мак-Интайра.

Он ждал требований вроде «Назовите фамилии!», но их не последовало. Мак-Интайра больше интересовало другое.

— Теперь, если не секрет, скажите мне, какого черта ваша компания решила поддерживать на выборах этого ублюдка Салмаксова? Были ведь и другие кандидаты, еще более ублюдочные, то есть в вашей ценностной шкале — «еще более достойные». Да и вообще с

чипами обратной связи вы можете заставить кого угодно говорить то, что выгодно вам. Почему же вы выбрали худшего из худших?

Вопрос Мак-Интайра застал Щюро врасплох. По правде говоря, он сам никогда не задумывался над этим. Ублюдок? Пожалуй, ублюдок. Но почему именно он?

— Не знаю, — честно ответил Щюро. — Лучше я расскажу вам, зачем нам такой бардак в домене.Ру. Вам ведь интересно? Правда?

— Правда. — Мак-Интайр потянулся к шкатулке за новой сигарой.

— Социальная Республика Сол стоила мне многих нервов. — Щюро положил руку на сердце, чтобы казаться как можно более искренним. — Ушло четыре года на то, чтобы создать в ВР некое подобие регулярной армии. Ведь эти болваны постоянно выключаются. Только соберешь когорту, как полкогорты исчезло. Плановое выключение у них, понимаешь ли! Или, например, в самый решительный момент боя центурион вырубается — экстренное медицинское отключение. Он на самом деле старикашка с артритами-инфарктами, а все туда же, в центурионы. Посудите сами, Мак-Интайр, разве смог бы Александр Македонский выиграть хотя бы одно сражение с такой армией? Но мне удалось сделать армию СРС стабильной, организованной, послушной. Правда, для этого пришлось добавить туда солдатиков.

— Так называемых шатунов, — вставил Мак-Интайр, который догадывался к чему клонит Щюро. — Или фальшивых аватаров.

— Совершенно верно! Восемнадцатый уровень Главного Корпуса — тот, до которого ваши парни не добрались и никогда не доберутся, целиком работает на то, чтобы поддерживать в ВР тысячи ложных пользователей. Там у нас хранилище фальшивых ВР-матриц, набитых «форсажами». Абсолютно противозаконными, разумеется. Шатуны — великая сила. Они не боятся быть убитыми до смерти, потому что некому за них бояться — у них такого блока в башке не предусмотрено, да и башки, по сути дела, тоже. Убьют одного шатуна, выгорит один «форсаж» — так мы сразу новый вставляем. Они не подвержены плановым выключениям — нам удалось добиться невозможного! Последние версии этих красавцев маркируются и опознаются Координационными Центрами ВР как неидентифицируемые виртуальные феномены!

— Я только не понимаю, зачем вам все это нужно, — лениво зевнул Мак-Интайр. — Государственные перевороты делаются гораздо более простыми средствами. Для этого не требуется ни шатунов, ни игр в Социальную Республику Сол.

— Вы нас недооцениваете, Мак-Интайр. Мы не хотим захватить Россию, чтобы набить карманы. Они у нас и так трещат. Мы хотим,

чтобы Россия *стала* Социальной Республикой Сол. Но ведь Россия — только одна седьмая часть суши. Придется позаботиться об укреплении порядка и в сопредельных странах. А для того, чтобы население привыкало к порядку и наконец научилось воевать как следует, плечом к плечу с товарищами, вот для этого...

Мак-Интайр задавил то, что осталось от сигары, каблуком. Щюро раздражал его своей страстью к прожектерству. Своей трепливостью. Своим апломбом и даже своим склонным к полноте сложением!

«Только русские могут всерьез думать об укреплении порядка в середине XXI века. Когда любому идиоту ясно, что миру осталось жить лет пятьдесят, не больше».

3

— Идем, — спокойно сказал Хотой вместо приветствия.

Это было несколько неожиданно. Впрочем, неожиданно только для Августина.

Похоже, Хотой специально ожидал его близ шоссе вместе с Томасом, в то время как Августин даже не помнил об их существовании, когда мохнатый черный ньюфаундленд выскочил на дорогу перед армейским джипом.

Прежде чем скрыться в компании Хотоя и Томаса в зарослях орешника, Августин дал джипу вольную.

Он задал бортовому компьютеру 160 км/час и автокоррекцию маршрута. Джипу предстояло совершить полный круг почета вокруг владений ВИН и врезаться в столб за десять минут до того, как в баке окончится топливо.

— На твою долю выпало порядком приключений, — начал Хотой, когда они удалились от шоссе. — О некоторых я знаю много, о некоторых мало. Скажи мне, Августин, что ты можешь назвать самым важным?

Они сидели в тени дикой яблони. Августин чувствовал себя утомленным и не к месту рассеянным. Томас лизал ему руки.

— Сегодня я видел человека, которого убил десять лет назад, — сказал Августин, глубоко затягиваясь.

— И он простил тебя?

— Не думаю. Он не узнал меня, поскольку моя душа была в теле киборга второго поколения.

Хотой понимающе покачал головой, никак не прокомментировав услышанное.

— Но самым важным было не это. Я нашел комати.

— Я рад.

Августина не удивила лаконичность Хотоя, на месте которого любой другой человек вместо констатации «я рад» взвыл бы от неподдельного и безудержного восторга. Ничего себе все-таки новость!

Но за последние двое суток и сам Августин утратил способность чему-либо поражаться. Даже если бы вдруг выяснилось, что он — родная сестра Хотоя и уроженец якутского городка Сангар, он скорее всего лишь пожал бы плечами. Дескать, бывает разное.

— Так вот, я нашел комати, — продолжил Августин, — и он со мной до сих пор. Я вошел в локальную виртуальную реальность ВИН. Но каким-то ребятам удалось ее здорово попортить. Там теперь места похуже Утгарда. Потому что в Утгарде есть, по крайней мере, кошмары, а в реальности ВИН нет ничего, за что мог бы зацепиться взгляд. Только куча мусора. Я долго лазил, но в конце концов нашел нужный мне кластер.

— И что случилось потом? — спросил Хотой с искренним и неподдельным интересом.

Августин усмехнулся. Слава Богу, Хотой тоже не всеведущ. В противном случае любой разговор с ним был бы пустой тратой времени.

— Потом не случилось ничего. Я увидел блок саморазрушения за стеной, в которой были ворота. Но ворота не открылись. — Августин опустил затылок на шершавый ствол яблони.

— В общем, кто-то облажался, — резюмировал Хотой.

4

После презентации «Асгарда» премьер-министр России вернулся домой в неопределенном расположении духа. Его сегодняшнее расписание было насыщено деловыми встречами плотнее некуда.

Подготовка к завтрашним выборам. Ходатайства. Заседание у президента. Специальная комиссия Госдумы. Приватная встреча с финским премьером. Всеобщая суета. Плюс — банкет по случаю годовщины свадьбы. В общем, жизнь бьет ключом.

Даже если он будет стараться изо всех сил, все равно везде не успеет. Не успеет даже в половину мест. И премьер-министр принял мудрое решение. Референтам было дано указание отменить все встречи, заседания и прочую суету. Премьер чувствует себя неважно, он нуждается в отдыхе, и врачи запретили ему волноваться. Референты заторопились исполнять поручения, благо болтать по вифону — не кайлом махать.

Матово-белый бокс с надписью «Асгард» лежал у премьера в дипломате. Чип, разумеется, был полностью готов к эксплуатации. И этим было все сказано.

До планового входа в ВР оставалось всего полчаса, и эти полчаса он потратил на самые неотложные переговоры. Все-таки премьер-министр, даже слегка приболевший, не может себе позволить забывать о государственной службе.

Когда формальности были улажены, премьер-министр сам подключил систему Асгард к своей альфа-станции. Это было одно из немногих дел, которые ему нравилось делать собственноручно. Потом он отдал охране приказ — действовать по ситуации «пять», завалился в капсулу входа и на шесть часов исчез из материального мира.

Плановое выключение вынесло премьер-министра в мир людей ровно через шесть часов. Настроение было отличное. Тонус мышц — высокий.

А вот мыслей — поразительно мало. Если совсем начистоту, мысль была ровно одна. Да и та была скорее не мыслью, а указанием, которое нужно исполнить побыстрее.

«Сегодня, через полчаса, ты должен будешь выступить по Второму Каналу в поддержку Социальной Партии Справедливости и ее лидера Ефима Салмаксова». Премьер-министр не возражал. А что тут такого? Он всегда говорил, что этот протраханный до дыр трансвестай Салмаксов — лучший российский политик всех времен и народов.

5

Когда настал черед Хотоя сыпать новостями, он был предельно краток.

— Я буду останавливаться только на фактах. Интерпретации — потом. Иначе нашим голосовым связкам придется туго. С чего начнем — с хорошего или с плохого?

— С плохого, — безразлично отозвался Августин.

— Тогда слушай. Распродажа «Асгарда» началась сегодня утром. Первыми вожделенную коробку получили самые влиятельные лица — президент, министры, бизнесмены, члены Госдумы, певцы и певички, банкиры и мафиози. Никто из них не дотерпел до вечера. Все они сейчас скитаются по фиолетовым долинам — безвольные животные со стерильным сознанием. Верь мне, я видел это сам.

— Ты что — уже успел купить? — оживился Августин.

— Мне не нужно ничего покупать, чтобы иметь представление. Но дело даже не в том, что Асгард — дерьмо, ведь в нем использован чип обратной связи. Ты знаешь, что это за игрушка. Тот, кто на другом конце провода — а именно Щюро — говорит, а его абоненты слушают.

— Угу, — Августин соображал на удивление быстро. — Это значит, что завтрашние выборы будут особенно волнующим событием в жизни России. Настолько волнующим, что журналистам такого и в страшном сне не привидится.

— Это еще не все, — проигнорировал его замечание Хотой. — Сегодня утром Главный Корпус ВИН штурмовал Интерпол. К сожалению, штурмовой отряд попал в западню. Они сосредоточились на деталях, рассчитали каждую мелочь, но упустили из виду главное — счастливую звезду своего врага. Щюро утопил их в крови.

— Я даже приложил к этому руку, — спокойно заметил Августин. — Но Щюро вынудил меня к послушанию, почесав стволом «Мистраля» затылок моего дорогого папаши.

— Не стоит оправдываться, Августин. Это совершенно излишне, — заметил Хотой. — Их карма была достаточно плохой и без твоих стараний. Теперь им хорошо. Не хуже, чем было.

Но Августин его уже не слушал. Он думал о Вальдисе.

Он сопоставлял. Интерпол. Первая любовь восемнадцатилетнего юноши — Рут. Дуэль в осеннем лесу. Бесчестное убийство, хотя на него можно, пожалуй, прилепить ярлык «самооборона». Десять лет забвения. Пантера на райском острове. Киборг, застывший в ступоре перед седым человеком с «Ремингтоном» в руках.

Вальдис — иностранец. Это было понятно и десять лет назад. Теперь ясно, что Вальдис из Интерпола. Интерпол интересуется ВИН, причем, если верить Локи, интересуется уже более десятка лет. Пантера — возлюбленная Локи. Эта пантера шепчет «I am coming», когда наслаждение достигает долгожданного апогея.

Именно так и в таких же обстоятельствах выражала свою незатейливую мысль Рут. Любовница, о которой с такой нежностью вспоминал Локи, была агентом Интерпола, и именно из-за нее Локи лишился поста президента ВИН. Именно она теперь — Пантера, которую обихаживает Щюро. Он, наверное, очень благодарен ей. Не будь ее, подсидеть Локи было бы сложно.

Но размышления Августина заводили его во все более неутешительные для его мужского самолюбия дали. Пантера, если верить проницательному Локи, вступила с ним в связь именно для того, чтобы добраться до Бориса Деппа с его аморальными работоголическими мозгами. Именно Борис Депп, его отец, был предметом ее не-

посредственного интереса. Именно ради него она рисковала своей жизнью и торговала своей женственностью.

Милая Рут! Она познакомилась с восемнадцатилетним пацаном Августином Деппом в молодежном ночном клубе на Арбате. Белый танец с сияющей иностранкой, путешествующей по ночной Москве без спутников. Могла ли она, агент Интерпола, не знать, что познакомилась с сыном того самого человека, который весьма и весьма интересует ее начальство?

Августину хватило цинизма на то, чтобы не врать себе в этом.

Едва ли.

Рут знала, что за молокосос влюбился в нее с первого взгляда. Но когда стало понятно, что он не имеет о местоположении отца ровным счетом никаких сведений и не поддерживает с ним никаких отношений, объект по имени Августин стал ее тяготить и сковывать ее свободу.

Тут появился Вальдис. И его появление тоже не случайно. Весьма не случайно.

Возможно, Вальдис должен был ликвидировать Августина после того, как он перестал представлять интерес для его организации. Если бы Августин не выстрелил ему в спину, не дождавшись слов «двадцать пять», кто знает...

— Все это в прошлом, — сказали карие глаза Хотоя, который не нарушал молчание Августина четыре долгих минуты.

6

Лидер Анархической Партии «Освобожденная Россия» Степан Надточий был очень недоволен презентацией, состоявшейся в ГУМе.

Он терпеть не мог ВИН и боролся против Щюро как мог. Лоббировал. Выступал в прессе с разоблачениями. Вовсю протестовал.

ВИН в глазах Степана Надточия имела один, но очень принципиальный недостаток. Она поддерживала его конкурента, причем делала это щедро, организованно, правильно. ВИН поддерживала Салмаксова и уж одним этим была плоха.

Надточий разоблачал Салмаксова. Называл его грязным перевертышем. Вонючим трансвеститом. Пидором. Завсегдатаем московских притонов. Наркоманом. Импотентом. Сукой. В предвыборной компании Степана Надточия не существовало цензурных ограничений. Но на презентацию систем «Асгард» он все-таки пошел.

Анархическая Партия была одной из самых мощных сил на политическом горизонте России. Любовь и поддержка миллионов. Финансовое покровительство буддийских магнатов. Нежная дружба с большинством лидеров антиправительственной коалиции. И, наконец, поставленная на широкую ногу рекламная кампания.

На завтрашних выборах Степан Надточий планировал драться до последнего.

Он спал по три часа в сутки. По два дня не снимал брюк. И уж подавно не чистил зубов — не было времени. Стоя в воскресенье под душем, он разучивал речь к вечернему митингу.

Земля дрожала у него под ногами. Избиратели валили гурьбой на его митинги, сопровождавшиеся льготными распродажами, даровыми раздачами и панк-фолк-техно-концертами. Надточий был уверен в собственных силах и знал, что победит. Он рассчитывал на победу и только на победу.

Степан Надточий был сильным человеком. И все-таки не смог противостоять искушению попробовать систему «Асгард» в действии.

«В коне концов, — успокаивал он себя, открывая полифертиловую крышку капсулы входа, — завтра я стану президентом и забот у меня прибавится. Кто знает, смогу ли я позволить себе такой приятный отдых в ближайшую неделю?»

Он вышел из ВР в 17 часов 28 минут.

В 17 часов 43 минуты лидер Анархической Партии Степан Надточий объявил всему миру о том, что снимает свою кандидатуру и выбывает из борьбы за пост президента России.

7

— Прости, Хотой, — сказал Августин, когда призраки прошлого убрались восвояси. — Я плохо слушал тебя.

Хотой поднялся и стал расхаживать по поляне, обрамленной одичавшими яблонями заброшенного давным-давно сада. Он считал шаги и расхаживал взад-вперед. Августин смотрел на него, лежа на траве.

Хотой, судя по его действиям, не на шутку увлекся землемерными работами.

Он построил на земле равносторонний треугольник, в каждой вершине которого воткнул по палке. В центре треугольника оказался железобетонный столбик с надписью «Не копать! Кабель — 1,5 м». Прямо под надписью в земле чернела яма.

— Что ты делаешь? — не выдержал Августин.

— Готовлю почву для хороших новостей, — загадочно ответил Хотой, присаживаясь у изголовья Августина. В точности так, как два дня назад в одной из комнат домика на кедровых сваях.

— Теперь слушай. — Хотой снова стал совершенно серьезен. — Хорошие новости есть. Твой друг Сергей — наш союзник. И очень мощный союзник. В его руках «Змей»...

— «Змей»? Тот самый? — перебил Августин. Нет, он все-таки разучился удивляться далеко не полностью.

— Да-да, тот самый, — с легким раздражением подтвердил Хотой. — И твой друг намерен помочь мне свернуть голову Щюро. Но для того, чтобы наших людей не постигла участь коммандос Интерпола, мы должны немного постараться и снять защитное поле ВИН с помощью твоего «жука».

— Я уже пробовал. Ни черта не выходит. Вся ВИНовская ВР — один сплошной глюк.

— Значит, нам надо самим стать глюками, — пожал плечами Хотой.

8

Программа новостей началась как обычно бодро.

Светская хроника — кто куда поехал, кто что сказал. Зрители потихоньку подползали к телевизорам. Распродажа систем «Асгард» продолжается. Следующим был репортаж, посвященный выдающимся успехам компании ВИН. Зрителей с каждой минутой становилось все больше, ибо приближалось время «Предвыборного Обозревателя».

— А теперь снова о выборах. Кто же станет новым президентом России? — Мордатый диктор загадочно улыбнулся. — Лидер либералов Максим Шнырев сегодня в семнадцать ноль-ноль снял свою кандидатуру и заявил, что не намерен баллотироваться в президенты ни завтра, ни в будущем. На вопросы журналистов о причинах своего выхода из предвыборной борьбы за день до голосования Максим Шнырев отвечать отказался.

На экране телевизора возникла пергидрольная дикторша неопределенного возраста и продолжила в том же духе.

— Только что в наш информационный центр поступило сообщение из штаба поддержки лидера Анархической Партии. В сообщении говорится, что Степан Надточий, который, как известно, опережал всех своих соперников при предварительном подсчете голосов, также отказался участвовать в выборах. Он снял свою кандидатуру ровно двадцать четыре минуты назад. О причинах этого неожиданного отказа источник умалчивает.

Озабоченное лицо диктора с густыми белобрысыми усами возникло сразу после того, как отыграл десятисекундный рекламный клип.

«Системы «Асгард» — наше будущее».

По всему было видно, что «Предвыборный Обозреватель» имеет что сообщить.

— Все мы помним, — начал усатый диктор сочным басом, — знаменитое заявление лидера Демократической Трудовой Партии Ивана Подковы: «Не отступлюсь под дулом пистолета!» В одном из предыдущих выпусков нашей передачи мы сообщали, сколько средств было израсходовано на его предвыборную кампанию. По мнению культурполитологов, это была самая перспективная и умелая кампания со времен Жириновского. Тем более удивительным кажется то, что Иван Подкова заявил о прекращении активных действий в этом направлении, а также о своем нежелании участвовать в завтрашних выборах. Он призвал своих избирателей отдать свои голоса за лидера Социальной Партии Справедливости Ефима Салмаксова. Таким образом, на завтрашних выборах президента России на этот пост будут претендовать лишь три кандидата. Лидер Партии Зеленых Семен Седых, генеральный секретарь Партии Любителей Пива Василий Сильвестров, а также Ефим Салмаксов.

— Не исключено, что в утреннем выпуске нам придется сообщить о снятии и вышеупомянутых кандидатур. Если это произойдет, Конституционный Суд России будет вынужден перенести предстоящие выборы на неопределенный срок.

— Кто же будет президентом России?

На этой звенящей ноте «Предвыборный Обозреватель» окончился и в эфир пошел очередной рекламный клип ВИН.

«Россия! ВИН с тобой!»

9

Яма была вырыта явно не лопатой.

На ее дне можно было видеть кабель, в который при помощи вполне профессионального и, следовательно, весьма противозаконного бесконтактного коннектора был подключен компьютер класса «neiltop». Не очень мощный, зато размером с ноготь. Работающий с голоса и имеющий всего один слот.

— Спасибо перуновцам, — кратко прокомментировал Хотой яму, коннектор и компьютер.

Это был тот редкий случай, когда Августин в комментариях не нуждался. Зато все остальное было ему совершенно не понятно.

— Ну хорошо. Положим, комати мы вставим сюда. Положим, через этот кабель нам удастся войти в локальную сеть ВИН, хотя для этого мне придется еще помучиться с паролем. Положим, пароль я взломаю. А где мы с тобой возьмем по капсуле входа, по альфа-станции и всему такому прочему? — устало спросил Августин, присаживаясь перед компьютером на корточки.

— У меня есть кое-что получше, чем твои дурацкие альфа-станции, — бодро ответил Хотой.

На его широкой, изборожденной глубокими линиями жизни, судьбы и времени ладони лежали три зернышка. Три пропуска в иные миры. Три знака вечности.

Саама.

— Для того, чтобы войти в ВР, мы должны будем занять вершины отмеченного мной треугольника, — начал инструктаж Хотой.

— Постой, но нас, по-моему, двое, — неуверенно сказал Августин.

— Нет, нас именно трое. — Хотой указал на Томаса. — Каждый из нас положит под язык сааму и сосредоточится на своих ощущениях. Если все получится, очень скоро мы окажемся в локальной ВР ВИН.

— Это как-то странно, — заметил Августин. — Если прямо так можно войти в локальную ВР ВИН, то зачем я убивал людей ради этого статина?

Хотой посмотрел на Августина с едва заметным сочувствием, как на слабоумного.

— Видишь ли, Августин. Если уметь, при помощи саамы можно войти в качестве наблюдателя куда угодно. Хоть в чрево своей матушки в момент собственного зачатия. Но вот подкрутить хвост хоть одному симпатичному сперматозоиду в нужном направлении уже невозможно. Иначе я по праву именовался бы не просто Хотоем, а Демиургом Хотоем, если не Хотоем Пантократором. Почти то же и в ВР. Понятно, что Сеть виртуальной реальности малость похожа на мозг — об этом сам же Триггвассон писал. Поэтому иногда можно ее немного «загипнотизировать», хотя об этом Тригтвассон умолчал. Например, мне два дня назад к моему, кстати, собственному изумлению, удалось внушить ей, что у тебя сердечный приступ. Но никакой гипноз не поможет тебе создать то, чего там нет. Ты же знаешь, что этот инфокристалл несет нейрограмму, позволяющую добавить к локальной ВР ВИН один маленький, но крайне опасный участок с элементом дезактивации защиты. Именно на этом участке, как я понимаю, находится пресловутая Большая Красная Кнопка, которая позволяет дезактивировать защиту.

Все было в общем понятно. Или совершенно непонятно — какая разница?

Августин на мгновение представил себе, что сейчас все еще суббота и он по-прежнему находится во власти мрачных видений Утгарда. Но он тотчас же отказался от этой экстравагантной гипотезы. Это было бы слишком просто. К тому же в Утгарде события, пожалуй, развивались бы несколько более логично.

Хотой, Августин и Томас заняли места в вершинах равностороннего треугольника, в центре которого находился компьютер с подключенным комати.

Саама растворялась под языком, оставляя после себя легкое жжение. Хотой сидел в позе лотоса. Августин, чьи связки не отличались особой эластичностью — в полулотосе. Томасу было позволено сидеть по-собачьи, то есть как обычно — на заднице.

Глаза их были закрыты, тела — с виду беззащитны. Но Хотой знал, а Августин начинал догадываться, что они находятся под надежной защитой.

Хотой нараспев читал мантру. Августин и Томас слушали его. И хотя Августин не понимал санскрита, он впитывал каждое слово, будто губка воду. По мере того, как саама растворялась, загадочные слова мантры становились все более понятными. Звуки наполнялись глубоким, стародавним смыслом. Августину вдруг начало казаться, что даже Томас понимает ее.

Наконец тело отпустило Августина.

Перед глазами одна за одной начали возникать красочные абстракции, которые сменяли друг друга, словно многоцветные картины в калейдоскопе.

Августин чувствовал себя птицей, все дальше улетающей от насиженных мест. Он больше не принадлежал самому себе. Восходящие потоки воздуха — или чего-то, что заменяло воздух, — уносили его туда, где тело и дух ничем друг другу не обязаны. Он не спрашивал себя почему.

Августин был не одинок.

Он ощущал рядом с собой железную волю Хотоя, увлекающую его куда-то. Он чувствовал пульсации, которые исходили от Томаса. Но он по-прежнему ничего не видел. Видение пришло потом.

10

Мак-Интайр сидел совершенно неподвижно. Щюро шлялся туда-сюда по комнате. Русский мультимиллиардер по-прежнему разглагольствовал — о киборгах второго и третьего поколения, о перспективах, о порядке.

Мак-Интайр не слушал. С какого-то момента ему начало казаться, что Щюро умышленно тянет время. Для чего?

Ирландец по-прежнему курил. Когда окурок шестой по счету сигары был раздавлен его каблуком, Щюро приблизил к губам браслет и сказал кому-то на том конце отсутствующего провода: «Ну наконец-то! Пусть заходят».

Мак-Интайр понял, что в своих подозрениях он был не так далек от истины.

— Итак, любезный Мак-Интайр, русский народ в моем лице поведал вам все свои чаяния и надежды. А теперь вам предстоит аналогичная исповедь перед русским народом, — Щюро пустил в ход свое секретное психологическое оружие — иронию высшего порядка, которая заключалась в полном отсутствии иронии.

В белоснежную комнату ворвались две дюжины людей с видеокамерами, диктофонами и осветительными приборами. В этой орде даже ребенок из глухой зимбабвийской деревни признал бы журналистов. Тех самых овеянных мифами и раскрашенных пиаром героев, в языке которых профессионализм и продажность обозначаются одним иероглифом.

Некоторые из вошедших являлись синхронными переводчиками, что можно было легко заключить по их независимому и высокомерному виду.

«Этого еще не хватало!» — выругался себе под нос Мак-Интайр, когда портативные софиты осветили его драный, перепачканный армейский комбинезон и закопченное злое лицо.

Репортеры набросились на свою жертву, словно мухи на навозную кучу. Куда бы не повернулся Мак-Интайр, в лицо ему глядела камера.

— Новости Второго Канала, — представилась бойкая женщина. — Скажите, с какой целью Интерпол предпринял этот беспрецедентный налет?

Ирландец терпеливо дождался, пока переводчик повторит все сказанное ею на английском.

— Мы хотели помешать распространению в России систем «Асгард», в каждую из которых внедрен чип обратной связи, позволяющий зомбировать людей посредством ВР, — на чистом русском языке сказал Мак-Интайр, что весьма озадачило присутствующих. Но лишь на минуту.

— «Молодая Правда», — представился плечистый молодой (под стать своей «правде») человек, подсовывая под нос Мак-Интайру диктофон. — Почему вы предпочли грубую силу дипломатии?

— Невозможно заниматься действенной дипломатией в насквозь коррумпированной стране, — отрезал Мак-Интайр. — Вооруженная акция была и остается единственным способом предотвратить катастрофу.

— Шестой Канал. Признаете ли вы себя виновным в гибели... — репортер-коротышка сверился со своим нейлтопом, — ...трехсот двенадцати людей?

Контактные линзы любопытствующего имели экстравагантный бирюзовый цвет. Он доставал Мак-Интайру до пояса.

И тут ирландца пронзила догадка. Что бы он ни говорил, как бы ни позировал, какими бы разоблачениями ни накормил посланцев русских медиа — все без толку. Щюро не боится никаких разоблачений. Не боится потому, что их никто никогда не услышит.

— Что здесь произошло?

— Почему так много военной техники?

— Что случилось с вашими людьми? — сыпалось на него со всех сторон.

Мак-Интайр не любил совершать бесполезные действия. Ненавидел метать бисер.

— Fuck off!* — взревел Мак-Интайр. — FUCK OFF!!!

Синхронные переводчики скоренько перевели — надо же им было отрабатывать свои гонорары.

Теперь среди собравшихся не было никого, кто бы не понял, что пресс-конференция окончена.

11

День клонился к вечеру. Умиротворение, растворенное в воздухе, передавалось нешироким и совершенно пустынным улицам хутора Глинище.

На окраине хутора летний вечер был особенно ощутим — тягучий теплый воздух сгущался по мере того, как сгущались сумерки.

Возле доисторического колодца с журавлем стояла скамеечка. На ней полусидел-полулежал человек. Ему было душно. На его лице было написано ожидание встречи. И встреча состоялась.

Другой человек в расшитой неведомыми узорами рубахе и болотно-зеленых шортах подошел со стороны леска, видневшегося на горизонте.

— Здравствуй, Локи.

---

* То же, что и «отстань», но в нецензурной форме (*англ.*).

«Он изменился. Раньше он не сказал бы мне «ты» и не назвал бы меня Локи. Хотя бы уже потому, что не знал имени своего загадочного работодателя».

— Здравствуй, Владимир, — медленно проговорил Локи. — Все, что я хочу тебе сказать, я скажу сразу.

Вопреки собственному заявлению, он надолго замолчал, разглядывая небеса, в которых разглядывать было ровным счетом нечего. Даже «Аргуса-18» в них больше не было.

Его собеседник не нарушал молчания. Наконец Локи сказал:

— «Снарк» мертв. Террористов в России больше не существует. Денег у меня нет. И новый доступ в ВР я тоже сделать тебе не могу.

«Убить он меня не сможет. Я выстрелю быстрее. Все равно быстрее».

— Значит, так тому и быть. — Владимир Роговцев не выглядел расстроенным. — Все равно возьми.

Владимир вынул из кармана холщовый мешочек, и на его ладонь выкатилось одно крохотное смолистое зернышко.

— Это и есть саама. Будь осторожен.

— Спасибо, Владимир. Я твой должник. Клянусь Утгардом, если я останусь жив, я расплачусь с тобой по счетам. Если ты обманул меня и это не саама, я тоже расплачусь с тобой. Другими купюрами. Красными.

Владимир улыбнулся.

— Через тысячу кальп.

Локи опустил глаза.

— Извини. Тяжело было добыть ее?

— Нет.

— Честно говоря, ты не производишь впечатления хорошего вора. А Хотой не похож на человека, который плохо хранит свои тайны.

— Я не крал. Хотой дал мне ее сам.

Локи развел руками. В этом жесте было и удивление, и восхищение, и бессилие. Говорить больше было не о чем.

— Спасибо, Володя. — Локи поднялся. — Извини, что мы тебя тогда убили.

— Вам спасибо, что убили, — без всякой иронии сказал натурал Владимир Роговцев и, не прощаясь, пошел туда, где его ожидало оружие.

Холодное оружие реальности.

12

«Ты — диктатор. Ты — безраздельный повелитель какого-нибудь несчастного государства. Колумбии. Индонезии. Заира. Ливии. Англии. России.

Ты, разумеется, умен, циничен и беспощаден — иначе ты не стал бы диктатором — и ты понимаешь, что такое виртуальная реальность.

Ты понимаешь, что виртуальная реальность может стать отличным орудием в достижении твоих целей. Если, конечно, переделать виртуальный мир так, как тебе того хотелось бы. Если распространить свою власть на самые укромные закоулки всех зон включения, отведенных твоему национальному домену.

Ты умен, и ты знаешь, что виртуальная реальность — это Сеть, а Сеть — это сверхсложный мозг. Невозможно переделывать по своему желанию виртуальную реальность снаружи, насильственно перепрограммируя все рабочие станции и компьютеры Координационных Центров своей страны. Это все равно что пытаться обучить человека математике, трепанировав его череп и нанося иглой на его мозг математические формулы. С той лишь разницей, что человека так можно убить, а Сеть останется жива. Здоровые рабочие станции рефлекторно поддержат твои кластеры, пытаясь во что бы то ни стало спасти нарушенные правила игры. В лучшем случае у тебя ничего не выйдет, в худшем — кластеры твоего национального домена выродятся в некое подобие Утгарда. Но Утгард уже есть, и он тебе не нужен, потому что Утгард — Хаос, а ты стремишься к Порядку. Итак, путь прямого насилия над Сетью для тебя заказан.

Но есть второй путь. Он сложнее, он тоньше, но рано или поздно он может привести тебя к желанной цели. Создай в виртуальной реальности свое государство. Сеть это позволяет. Милитаризуй его до крайней степени. Сеть позволяет и это. И, наконец, завоюй все зоны включения. А уж потом можешь с полным правом творить все, что твоя душа пожелает. Да, абсолютно все. Сеть стерпит любое количество виртуальной крови.

Но ты должен помнить о цвергах».

Олаф Триггвассон. «Страннее, чем рай»

13

Аквилея Великая, столица Социальной Республики Сол, надменно взирала на просторы виртуального мира сквозь прицелы крепостной артиллерии.

Над черным глянцем сырой нефти, заполнявшей до краев противоштурмовой ров, вздымались броневые утесы стен и исполинские башни, увенчанные республиканскими штандартами.

Но выше стен, выше самых высоких крепостных башен возносилось ступенчатое, построенное по образу ацтекских пирамид здание Народного Сената Комиссаров. Самый большой штандарт не то чтобы «украшал», но по крайней мере уж точно «венчал» плоскую площадку на вершине пирамиды.

А на обширном бетонированном поле у стен Аквилеи были выстроены республиканские легионы. Оседлав какого-то несчастного в аватаре вороного жеребца с белой звездой во лбу, перед легионами разъезжал Генеральный Политический Комиссар.

Под низким небом виртуального мира, под малиновыми солнцами, на вершине лысого, как колено, холма, медленно материализовались трое. Два человека и пес.

Таких ощущений Августин не испытывал никогда в жизни. Сэр Томас тоже.

Августин видел свое тело, оставшееся там, «наверху», в реальном мире. Одновременно с этим он видел себя, свой аватар, здесь, в Митгарде.

Оба этих тела, реальное и виртуальное, воспринимались им отчужденно. Но между этими двумя отчуждениями была ощутимая разница. Его земное тело, добротно и грубо сработанное топором эволюции из белков, жиров, углеводов и воды, сейчас было совсем чужим.

Чтобы поверить в него, на нем следовало бы написать «Августин Депп, homo sapiens».

А второе, виртуальное тело, которым его сознание повелевало в данный момент, казалось отчужденным потому, что рациональные, насквозь материалистические мозги Августина не могли смириться с аватаром, который порожден не виртуальной станцией, а вибрациями мировой пустоты с помощью саамы.

Да, он видел оба своих тела, но это «видение» совсем не было похоже на нормальное, человеческое, повседневное. Скорее, оно напоминало магическое зрение Джирджиса. Но даже с ним сходство было более чем приблизительным. Вместо прямого видения в сознании Августина сразу возникало знание о том, что он «видит».

Что по этому поводу думает сэр Томас, заключить было невозможно. Но, когда прошло полное непонимание первых секунд, Августин с удивлением обнаружил, что, помимо его собственных, ему стали доступны чужие эмоции.

Он ощутил две волны дружеских симпатий, которые теплым ветерком овевали его сознание. Первая волна исходила от Томаса, вторая — от Хотоя. Кроме симпатий он ощущал полное спокойствие. К

его удивлению, не только Хотой, но и сэр Томас чувствовал себя вполне в своей тарелке.

И тут Августин сообразил, что для спокойствия нет никаких оснований.

— Хотой, это же мировая ВР! Митгард, зона включения Аквилея Великая! А ты обещал локальную ВР ВИН!

— Обещал, — согласился Хотой. — Но я не смог провести вас непосредственно туда. Слишком опасно. В Сети очень сильная и пока не вполне понятная мне флуктуация. Так что придется немного погулять.

Бетонная равнина, до которой на глазок было четыре-пять километров, взорвалась дружным солдатским криком. Легионы приветствовали своего комиссара.

— Смотр перед генеральным наступлением на Герцогство. Они специально подгадали так, чтобы было побольше включенных. А сейчас будет самое интересное, — заметил Хотой, имевший богатый опыт вхождений в ВР с помощью саамы. Поэтому он видел и, главное, понимал куда больше Августина.

Августин молчал, пытаясь сфокусировать свое новое зрение-понимание на легионерах. Когда ему это более или менее удалось, он «взглянул» на их комиссара.

Страшное лицо. Правда, это всего лишь аватар. Но, как известно, «скажи мне, какой у тебя аватар, и я скажу тебе, кто ты».

Аватар комиссара имел каменное лицо. Именно каменное. Вырубленное из мрамора. И под одеждой аватара скрывался такой же мрамор. Каменный человек, морф «Голем». Вкус параноика.

«Салмаксов небось. Или сам господин Щюро, — заработала фантазия Августина. — Впрочем, нет, конечно. Им сейчас не до этого. Комиссаром может оказаться кто угодно. Пятидесятилетний отставной полковник ДБ или просто сумасшедший любитель свежевать живую птицу, обожатель кошек, ненавистник детей; человек-шинель, мелкий держатель акций компании ВИН; или, наоборот, утонченный ценитель Ницше и Малера; или женщина — эдакая фригидная госпожа де Сад».

Тем временем милитаристский шабаш начал превращаться в комедию абсурда. Августин уже заметил, что во многих когортах есть пустующие ячейки. А сейчас волна плановых отключений нарастала.

Один за другим испарялись рядовые Адамы, центурионы в классе Агасферов, исчез легат Четвертого Сдвоенного Гвардейского легиона имени Серпа и Молота. Его место по уставу занял центурион-примипил, но и его спустя несколько секунд смели беспощадные законы виртуальной реальности. Августин хохотнул.

— Ну что, двинулись? — спросил он у Хотоя.

— Нет, подожди еще пару минут. Это было не самое интересное.

Комедия продолжалась. Августин, конечно, понимал, что где-то в зоне включения Аквилея Великая в своих персональных ячейках появляются новые актанты, но им сюда еще надо прийти, занять пустующие места и так далее. И так может продолжаться вечно. Что же они — дурака валяют, что ли?

Увы, в Социальной Республике Сол дурака валять не привыкли. СРС была гордостью триумвирата Щюро-Салмаксов-Воронов. СРС была моделью грядущей Социальной Республики Россия и поэтому никакие шутки политическими комиссарами не признавались.

На восемьдесят восьмом шоссе, проходившем по краю бетонной равнины и соединявшем зону включения Аквилея Великая с Славянобратском, Августин увидел огромную колонну киборгов.

Все сплошь морфы «Бешеный Макс». Они выстроились позади легионов. Часть из них заняла пустующие места в когортах. Войско проорало еще что-то и двинулось мерным солдатским шагом в направлении сто третьего шоссе, то есть к границе (по крайней мере бывшей границе) Герцогства Велес.

— Ну и что? — бросил Августин Хотою. — Это ведь не снимает проблемы.

— Все киборги — шатуны. Среди них нет ни одного человека.

Комедия закончилась. В том, что такую массу шатунов может выпустить в ВР только контора господина Щюро, Августин не сомневался.

Августин, Хотой и Томас двигались по направлению к «кроличьей норе», некогда зарегистрированной террористами как «Утгард-Лиловый», а в СРС помпезно именуемой Тарпейским Провалом.

На краю «кроличьей норы» маячила вышка с подъемником и узким трамплином.

С этого трамплина в недра Утгарда отправляли приговоренных на смерть. Чтобы, значит, отступники и еретики могли спокойно достичь Идеального Катарсиса.

На противоположной стороне провала в Утгард, который здесь по неведомой иронии Сети выглядел просто и наглядно — озеро, бурлящее крохотными и с виду безобидными ядерными взрывами, — были сооружены трибуны для высоких гостей и праздных зрителей. Ни одна казнь в Республике не обходилась без соответствующей проповеди политических комиссаров. Об Идеальном Катарсисе, о Сердце Материи, и о Великом Кетцале.

Но сейчас окрестности «Утгарда-Лилового» пустовали.

Августин, Хотой и Томас остановились у края. Перед ними разворачивались сотни сцен ядерного Апокалипсиса в миниатюре.

«Тоже ведь интересно, — подумал Августин. — Где-то, на каком-то сервере, может быть в Новой Зеландии, а может быть в Марьиной Роще, лежит база данных по ядерным испытаниям. И вот террористы Локи что-то взрывают, а Сеть наскоро латает образовавшуюся дыру, прикрывая *ничто* изображением *чего ни попадя*, но обязательно ассоциирующимся с чем-то ужасным. Возле Каменных Столбов взяла, кажется, пустыню Мохаве. В кластере 15.Кж.Ру — «Гернику» Пикассо. А здесь — вообще кошмар имени Хиросимы. У нее, у этой паскудной Сети, явно есть свои эстетические предпочтения. Она что — пытается установить что-то вроде запретительного знака, «кирпича»?»

— Покурить не хочешь? Нервишки успокоить? — ехидно осведомился Хотой. — Я, например, с удовольствием выпил бы чашечку бульона.

— Да куда уж тут курить?! У меня все нервы перегорели за последние двое суток. Нечего успокаивать, — ответил Августин.

Ответа Хотоя не последовало.

Потому что один из только что распустившихся перед ними ядерных цветков достиг рекордной высоты в два локтя и продолжал расти. Из него выбился пучок подозрительных отростков, быстро достигших длины в полметра. Августин невольно попятился.

— Цверги! — прогремел изменившийся голос Хотоя.

В тон ему зло рявкнул Томас.

Две блюдцеобразные лунки — следы подземных ядерных испытаний — не уступили место новым видениям, а начали все явственнее контурироваться на поверхности «Утгарда-Лилового». Одновременно с этим со всех сторон зазвучал монотонный, леденящий душу гул, сквозь который слабо пробивался рокот больших африканских барабанов.

— Какие еще, к такой-то матери, цверги?! — спросил Августин, все еще достаточно сдержанно.

— Демоны Сети! Некогда объяснять! — От привычной спокойной и рассудительной манеры Хотоя не осталось и следа. — Вообрази свой самый страшный кошмар и стань им!

— Мы же неуязвимы, ты говорил...

В этот момент метаморфозы ядерных грибов окончились.

Над поверхностью «Утгарда-Лилового», пренебрегая геенной, пасть которой была разверста под ними, попирая все известные Августину законы виртуальной реальности, в ореоле багрового пламени, возвышались три сущности.

Казалось, они сплошь сотканы из *изменений*: простого поступательного движения, вихрей и кольцевых потоков.

И это непрестанное, хаотическое изменение было залито в форму полупрозрачных антропоморфных тел.

Пожалуй, если человека скрестить с крабом, в четвертом поколении начнут появляться именно такие особи.

Массивные членистые руки и ноги. Приплюснутые головы с мощными челюстями. Миллионы волосков, каждый из которых поет о своем.

Пространство взорвалось мириадами оглушительных звуков. Но явственнее и настойчивее всех оставались конвульсивные содрогания африканских барабанов.

Цверги не двигались, но Августин с ужасом обнаружил, что расстояние между ним и неописуемыми тварями сокращается.

Хотой больше не был Хотоем.

Он превратился в жирную, оплывшую до полной грушевидности старуху с выступающими изо рта желтыми клыками и тяжелой, совершенно голой грудью. Старуха была вооружена каменным ножом длиною с добрый готический меч. Ее засаленные штаны, увешанные бубенцами, истекали потоками крови, в левой руке она держала щит-бубен. Томаса Хотой тоже принял под свою опеку. Завязанная для верности узлом, на шее Хотоя-старухи болталась большая черная змея, в которую был наспех превращен пес отличной злостности.

«Самый страшный кошмар, самый страшный кошмар...» — лихорадочно соображал Августин, дурея от угнетающего волю барабанного грохота.

Он не успел ничего придумать, когда ближайший цверг, молниеносно выбросив вперед руку-клешню с пальцами, сплошь покрытыми мелкими коготками, впился ему в лицо. Точнее, в Августиново представление о своем лице.

Разницы не было. Была только адская боль, словно бы его бороде вздумалось расти не наружу, а внутрь.

И это подсказало ему выход. По крайней мере то, что показалось выходом. Воля Августина еще не была до конца подавлена, когда он стал Тварью.

Тварь была омерзительна. Тварь была настолько тошнотворна, что по земному телу Августина, прикорнувшему под яблоней, пробежала судорожная волна отвращения.

Тварь была соткана из омерзительных осязательных ощущений и порождала их вокруг себя в изобилии. Всякий, кто прикасался к

ней, должен был испытать, как по нему пробежала верткая сколопендра. Как просучил гадкими коленчатыми лапами паук. Как за шиворот проскользнула аморфная и жгучая медуза.

Разумеется, все эти ощущения были ощущениями людей. Как они действовали на цвергов, Августин знать не мог. Поэтому его аватар для верности принял вид Хирурга-Психопата. В его правой руке был острейший, увеличенный в должное количество раз скальпель, в левой — трепанатор черепа с электроприводом. Вместо глаз у Августина светились два вставных стеклянных шарика, на шее болтался с виду безобидный стетоскоп.

С омерзительными ощущениями, которыми он надеялся отвратить цверга, Августин сильно перебрал. Цверг очень быстро, но совершенно плавно трансформировался в громадный разверстый желудок и прильнул к нему каждым дюймом своей алчущей плоти.

Лапа, которая до этого пиявила лицо Августина, превратилась в некое подобие пуповины и стала намертво прирастать к нему толстой сосущей ложноножкой.

Цверг лакомился. Это было очень похоже на конец. Августин почему-то ни на секунду не сомневался, что речь не идет ни о каком убийстве до смерти. Августин в этот момент с абсолютной ясностью осознал, что цверг намерен поглотить его сознание без остатка, оставив холодеть под яблоней лишь бесхозную материальную оболочку.

Руки и ноги Августина были очень плотно облеплены цвергом, что не давало ему пустить в ход свое оружие. Своим зрением-знанием Августин видел, что цверг пронзен насквозь его скальпелем, что в другом месте псевдоплоть хищника разодрана зубьями трепанатора. Но цвергу это, похоже, не причиняло никаких хлопот. Рот Августина тоже оказался полностью залеплен отвратительной хищной тварью. Он не мог позволить себе даже нормальный предсмертный крик.

Августин взорвал свои никчемные стеклянные глаза.

Тщетно. Цвергу было плевать на две рваные дыры в своем желудке.

Августин пустил в ход стетоскоп. Он присосался к желудку цверга и принялся пожирать пожирателя.

Тщетно. Стетоскоп быстро забился и лопнул, как обожравшийся питон. Цверга было слишком много.

«Идиот! — мысленно возопил Августин. — Кожа!»

Он изменил ощущения, которые источал его аватар. Теперь это были не сколопендры и медузы, а ласковые женские касания, вкус

свежего яблока на губах, в общем — полная противоположность предыдущих.

Долгожданного результата не последовало. Цверг уже давно сожрал его кожу и, войдя во вкус, готов был переварить мясо. Августин понял, что, как себя ни приправляй, а все равно сойдешь на корм голодному цвергу. Цверг, судя по всему, не был гурманом.

Все тщетно. Тщетно, тщетно, тщетно...

Кошмар закончился внезапно. Желудок потерял былую хватку. Отлип. Опал.

Обглоданные руки Августина обрели долгожданную свободу. Толком не осознавая, что происходит вокруг, он кромсал подлую алчную плоть цверга беспощадным скальпелем, топтал ее ногами, и только когда Августин принял аватар гиены и вознамерился сожрать все, что осталось от цверга, властный голос Хотоя приказал: «Достаточно».

— Нас спас Томас, — ответил Хотой. С точки зрения Августина, это был, мягко говоря, неполный комментарий к тому кошмару, который они только что пережили.

Хотой снова стал Хотоем, Томас — Томасом, Августин — Августином. Они вновь были тем, чем положено — призраками в призрачной реальности.

Чувствовалось, что Хотой тоже не в себе. Из них троих полное, удивительное спокойствие демонстрировал только Томас.

— Это были цверги, — пояснил Хотой, когда они плавно погрузились в пасть Утгарда-Лилового.

— Цверги, цверги... — пробормотал Августин, с трудом припоминая самую туманную и самую неудобочитаемую главу из фундаментального труда Олафа Триггвассона, Библии XXI века, «Страннее чем рай».

14

«У нас, скандинавов, десять веков назад так называли злых карликов, которые некогда были червями в теле великана Имира, из которого произошел мир. Цверги — слуги тьмы, они ненавидят свет и обычно не показываются на поверхности земли. Но иногда наступает их время.

Я создал законы виртуальной реальности так, чтобы ни одну большую войну нельзя было выиграть. Хочешь иметь аватар серийного убийцы и резать на куски другие аватары — пожалуйста. Это твое личное дело, в виртуальной реальности

ты — патологический слюнтяй и неудачник — можешь немного расслабиться. Хочешь шесть часов кряду стрелять из крупнокалиберного ружья по живым мишеням — на здоровье. Пока не пристрелят тебя. Но если ты хочешь «сплотить массы», «устроить порядок», «подарить всем счастье» — может и не получиться.

Даже если ты найдешь достаточно болванов, тебе едва ли удастся завоевать больше четырех-пяти зон включения. Ну, допустим, ты смог развязать большую войну. Допустим, наводнил виртуальную реальность смертью с помощью, например, фальшивых аватаров. Вот в этот-то момент, когда ВР начнет погружаться во тьму твоего мракобесия, могут появиться цверги.

Ты, может быть, знаешь о нон-идентифицируемых виртуальных феноменах (НИВФ). Они возникают потому, что Сеть стоит выше Порога Предсказуемости.

В подавляющем большинстве случаев НИВФ не представляют никакой угрозы. Легкая рябь, пробежавшая по небесам. Шнурок на левом ботинке, который превратился в тонкого бронзового червя. Голос, который пять минут подряд бубнит тебе в ухо: «А вот и неправда».

Бывают феномены и похуже, но всем им далеко до самых безобидных чудес Утгарда. НИВФ — это сны Сети. Цверги — экстремальные, наиболее опасные нон-идентифицируемые виртуальные феномены. Цверги — кошмары сети.

Я о них никогда ничего не слышал, но я их предвижу, и я дал им это мрачное имя.

Сеть — изначально совершенно здоровый организм и кошмары ей сниться не должны. Когда террористы стали взрывать серверные станции, в виртуальном мире появился Утгард. Это, строго говоря, тоже один огромный постоянно наблюдаемый нон-идентифицируемый виртуальный феномен, но сном его назвать нельзя. Это, скорее, явь шизофреника. Эта явь — следствие внешней перегрузки Сети из-за разрушения ее элементов.

А вот если в здоровой части Сети, в Митгарде, возникнет внутренняя перегрузка, тогда произойдет что-то другое. Тогда, насколько я понимаю собственное детище, Сеть попытается уничтожить источник перегрузки, не нарушая при этом собственных законов.

Как Сеть будет выполнять эту задачу — я не знаю. Я знаю лишь, что когда свет сменяется тьмой, в мир приходят цверги».

Олаф Триггвассон. «Страннее, чем рай»

— Вспомнил! — торжествующе воскликнул Августин, когда они, пройдя хаотические дебри Утгарда, очутились в Зоне Стабильности. — Появление цвергов было предсказано Олафом Триггвассоном! Только какого черта они напали на нас? Насколько я помню, Триггвассон утверждал, что цверги должны стремиться к уничтожению источника внутренней перегрузки. То есть шатунов Социальной Республики Сол.

— Во-первых, почему ты решил, что наше появление не перегружает Сеть? Во-вторых, разве лейкоциты столь уж хорошо разбираются в инородных бактериях, которые им предстоит сожрать? Насколько мне известно, цверги атакуют все, что по загадочному мнению Сети служит источником серьезной внутренней угрозы.

— Что-то слабенькие цверги оказались, — скептически заметил Августин, который иной раз был не прочь помахать кулаками после драки.

— Слабенькие? — Хотой хохотнул. — Ну ты нахал! Первый раз я встретил цверга вчера, когда Республика захватила Амстердам. Тот цверг по сравнению с этими был ничем, и то я едва унес от него свои виртуальные ноги. Если бы не Томас...

— М-да? — Августин покосился в сторону ньюфа, который спокойно трусил рядом с ним.

— Да. Собаки, в отличие от человека, совершенно естественны. Даже я не могу похвастаться этим. Даже мое сознание иногда доверяется химерам, которые порождают так называемая «реальность» и так называемая «материя». У собак восприятие мира не замутнено ничем. Они видят вещи такими, какие они есть. Поэтому Томас интуитивно изобразил единственно верный морф, с помощью которого он обратил двух цвергов в бегство. Ну а третий был так увлечен тобой, что нам с Томасом пришлось его убить. Ты искромсал не цверга, но его дезактивированный фантом.

— И каков же был этот аватар Томаса?

— Есть вещи, к описанию которых человеческий язык неприменим, — жестко отрезал Хотой. — Для этого нужно уметь выть и скулить так, как это делают собаки ненастной осенней ночью в полнолуние на окраине крохотной деревеньки, которую по недомыслию построили там, где Срединный Мир слишком тонок.

— Срединный Мир? Это между Асгардом и Утгардом? — иронично спросил Августин, сам не понимая, шутит он или говорит чудовищную глупость.

— Это между небом и землей, — сказал Хотой так, что Августин понял — он сморозил чудовищную глупость.

* * *

Зона Стабильности была совершенно пуста. Ни Пантеры, ни Острова, ни Железной Башни, ни Океана, ничего.

Хотой, который уже довольно давно молчал, прислушиваясь к каким-то одному ему слышным звукам, увлек своих спутников в произвольном, с точки зрения Августина, направлении.

Однако Хотой, как всегда, знал что делает. И действительно, вскоре они оказались перед тайным пропускником, где Зона Стабильности смыкалась с локальной виртуальной реальностью ВИН. Когда они уже собрались проникнуть в пропускник, из бескрайнего пространства Зоны Стабильности донесся далекий грохот африканских барабанов. Августина передернуло при одной только мысли о новой встрече с демонами сети.

— Цверги, — заметил Хотой без тени беспокойства. — Много цвергов. Но им сейчас не до нас.

К счастью, ландшафт не успел измениться до неузнаваемости.

Стальное поле с флюоресцирующими стрелками Августин узнал сразу. И хотя то здесь, то там можно было заметить гранитные столбики причудливой формы, которых раньше не было и в помине, в остальном окрестности Большой Красной Кнопки были вполне узнаваемы.

— Веди, Августин. У нас очень мало времени. Имей это в виду, — сказал Хотой.

Но первым пошел Томас. Как ни странно, он успел вполне освоиться внутри ВР и чувствовал себя вполне свободно. Словно был на ежеутренней прогулке в сквере. Не хватало только поводка.

Вскоре на горизонте показалась стена из розовых кирпичей с эмблемами ВИН.

— Мы почти пришли, — сказал Августин, указывая Хотою в сторону цели.

Треугольные ворота с оптически проницаемым смотровым окошком приковывали к себе внимание, но Августин не торопился подходить к ним. Он боялся, что и в этот раз они окажутся запертыми.

— У нас несколько минут, Августин. — Хотой придал своему мыслеобразу тревожную окраску.

— Я пойду один. Стойте здесь, — сказал Августин и направился к воротам.

Томас и Хотой провожали его исполненными надежды взглядами. Едва ли черный кудлатый ньюфаундленд понимал, что происхо-

дит. Однако общее настроение ожидания чего-то значительного и важного передалось и ему.

Августин заглянул в смотровое окошко. Вот он, постамент с надписью «Не медли!» и ее латинским переводом. Вот оно, безумное творение инженерного гения Бориса Михайловича Деппа, ключ к защите ВИН.

Августин помедлил еще, размышляя над смыслом надписи на постаменте. Возможно, она — просто украшение. Возможно, медлить действительно нельзя. Нужно положить руку на постамент и, когда появится системное сообщение «Вы активировали блок саморазрушения защиты. Работа программы начнется через столько-то минут», сматываться подобру-поздорову. Впрочем, задерживаться в локальной ВР ВИН у Августина и так не было никакого желания.

Августин оглянулся. Хотой и Томас стояли на том же месте, словно изваянные из мрамора монументы. Августин толкнул треугольные ворота. Но его рука свободно прошла сквозь них.

16

Локи никогда раньше не пробовал саамы. Но все, что произошло с ним, было воспринято Локи относительно спокойно. Когда не с чем сравнивать, все кажется естественным и нормальным.

И хотя у Локи имелся весьма обширный опыт покорения различных уровней виртуального пространства, такого он никогда не видел и не чувствовал.

Он долго охотился за саамой. Долго мечтал о ней и готовился к этой встрече. Он узнал о Хотое все, что смог. Он сделал все, только бы заполучить ее, и теперь она с ним. Владимир Роговцев, он потрудился на славу...

Виртуальный мир открыт для него. Сегодня ему, Локи, не нужны ни альфа-станции, ни «форсажи»!

Бездыханное тело Локи покоилось на водительском сиденье «Форда» цвета «мокрый асфальт», загнанного на лесную просеку в двенадцати километрах от Главного Корпуса ВИН.

А истинный бестелесный Локи покачивался на волнах многоцветных иллюзий-подлинностей саамы.

17

Локи был вне себя от ярости. Аваллон, созданный Борисом Деппом по заказу Щюро, на то и задумывался как Зона Стабильности, чтобы в ней все оставалось стабильным и не поддавалось напору

виртуального хаоса. Но вместо стабильности его взору теперь открывалось нечто, похожее на начисто выеденную внутренность гигантского черного арбуза.

Где-то на периферии пустоты грохотали африканские барабаны, звенели бубны и фукали новогодние хлопушки.

Локи не знал, что это работа цвергов. Ему очень повезло — волна флуктуаций, в отличие от Хотоя, Августина и Томаса, его почти не задела.

Он миновал Митгард, через который сейчас пробирались полчища цвергов. Они сожрали все, оставив за собой только неумолчные барабаны, бубны, хлопушки.

В бытность свою нередким гостем в Аваллоне, Локи толком не имел возможности ознакомиться со структурой Зоны Стабильности. С одной стороны, его интересовала по большому счету только Пантера. С другой — ничего стоящего все равно разузнать было невозможно, поскольку всюду шлялась охрана, разные там шатуны...

Разумеется — и в этом Локи не сомневался — где-то был мостик между локальной ВР ВИН и Зоной Стабильности. Должен был быть.

Локи помедлил немного, припоминая пристрастия и слабости Бориса Деппа. Ну про свиристеля понятно... Эту фразу-ключ даже Августин, если ему верить, не понимал... Про то, что муравьи скоро завоюют Вселенную, — тоже понятно...

Наконец Локи вспомнил. Вскоре перед его глазами появилась карта Главного Корпуса.

18

Карта Главного Корпуса в ее виртуальной интерпретации была похожа на бесконечно раскладывающееся портмоне. Открываешь одно отделение — тут же появляются десять новых, каждое из которых в свою очередь раскрывается еще на пять.

Карта была довольно поверхностной и отражала только самые важные объекты, причем имеющие непосредственное отношение к Аваллону. Но Локи не нуждался в нудном картографическом пережевывании каждого отмеченного на карте пункта. Недаром же он десять лет занимал президентское кресло и заправлял всем и вся в столь ненавидимой им сейчас компании ВИН! Многое он прекрасно помнил сам, многое домысливал. Да его и не интересовало все.

Ему важна была только установка, поддерживающая телесную оболочку живого прототипа и хозяйки аватара Пантеры. То место, где лежит тело Бриджит Льюис, агента Интерпола. Коль скоро он не может встретиться с пантерой на Аваллоне, он хотя бы увидит ее в

жизни. Пусть и погруженную по самые уши в питательный биораствор!

Локи нашел ее. Точнее, нашел то место на карте, где была обозначена лаборатория «Биомос».

Насколько он понимал Щюро и знал лабораторную оснастку, именно «Биомос» наилучшим образом подходил для заточения Пантеры.

Пока Бриджит плавает в модифицированной капсуле входа, ее альфа-станция транслирует ей в мозги Зону Стабильности. Авалон, сказочный лес, с недавних пор — Железный Замок, маленькие кошачьи радости, да и то в пределах, предусмотренных господином Щюро. Теперь никто не мешал Локи узнать, каким образом пробраться к Пантере.

Минус восьмой этаж он помнил неплохо. Но тогда «Биомос» был совсем иным.

План Локи был таков. Пробраться в локальную ВР ВИН, проникнуть в лабораторию «Биомос», посмотреть на пантеру и слинять. Иными словами, Локи решил воспользоваться лазом, соединяющим Зону Стабильности с локальной ВР ВИН, чтобы погулять по своим бывшим владениям.

Глава 20

ИДЕАЛЬНЫЙ КАТАРСИС

1

Диктор Шестого Канала был на редкость весел, хотя дикторам программ новостей больше к лицу озабоченность.

Хорошие новости — не материал для программы. Их попросту игнорируют. Иное дело новости плохие. Они будоражат самые трезвые умы, собирают у экранов многомиллионную аудиторию. Именно поэтому веселье дикторам новостей ни к чему.

— Сегодня утром, в десять часов тридцать минут, на Главный Корпус компании ВИН было совершено беспрецедентное нападение. Вооруженный отряд наемников зарубежных спецслужб, прикрываясь мандатом Интерпола, при помощи новейших боевых вертолетов предпринял попытку штурма. Охрана ВИН, действуя всецело в рамках Закона о Защите Корпоративной Собственности, обезв-

редила нападавших. Часть боевиков уничтожена, остальные, и в том числе их главарь — некто Мак-Интайр — взяты в плен. Наш репортаж с места событий.

На экране телевизора появился Главный Корпус.

Солнечный день. Опрятная лужайка перед парадным входом. На ней — четыре целых и невредимых вертолета «Навахо». Четырнадцать человек, заложив руки за голову, стоят у розовой стены. Охрана общается с ними через переводчика.

— Мы попросили так называемого специального агента Интерпола господина Мак-Интайра прокомментировать случившееся.

На экране появился Мак-Интайр. Он с независимым видом курил толстую сигару и выпускал дым прямо в камеру.

— Господин Мак-Интайр, какую цель преследовали вы и ваши люди, предпринимая этот беспрецедентный штурм?

Мак-Интайр говорил на сленговом английском, глотая артикли. Переводчик гнусавил ему в тон.

— Это наша работа, за которую нам платят деньги. Ну и, конечно, мы хотели немного поразвлечься. Как говорится, выпустить пар. Это было замечательно! — Мак-Интайр осклабился. Стопроцентно американская улыбка. Даром что ирландец.

Общий план — охрана ВИН и президент Щюро. Он треплет отличившихся по плечу, заботливо беседует с ранеными, осматривает кабину «Навахо» и сокрушенно цокает языком.

Наконец, на экране снова возникло лицо диктора.

— Ничего не скажешь, хорошо зарабатывают и отлично развлекаются парни из Интерпола. Но чем же было их нападение на самом деле? Отчаянной попыткой добыть новые нанотехнологии? Политической провокацией? Или промышленной диверсией? Ответы на эти вопросы сможет дать только всестороннее расследование Департамента Безопасности. Ну а господин Щюро еще раз напоминает всем честным людям России, что настало время сплотиться под знаменами Социальной Партии Справедливости.

— ...а сейчас генерал Воронов прокомментирует ситуацию в стране, — заявила смазливая ведущая.

На экране проделала сальто внушительная единица Первого Канала. Вслед за этим возникла говорящая голова Воронова.

— Для беспокойства нет ни малейших причин. Ситуация во всех отношениях находится под контролем наших органов безопасности. Сегодня ночью в результате специальной операции, проведенной под моим руководством, была полностью уничтожена пресловутая террористическая организация «Снарк». Несколько позже была пресечена попытка наемников зарубежных конкурирующих фирм

внести разлад в деятельность компании ВИН. Все это — только первые шаги России к истинному порядку, который обязательно наступит после избрания господина Салмаксова на пост президента...

— И так далее, и тому подобное, — подмигнул Щюро Мак-Интайру.

Щюро громко приказал:

— Шестой!

Первый Канал снова сменился Шестым.

— Только что стало известно решение Конституционного Суда России по поводу предстоящих выборов. Суд единогласно признал легитимность предстоящих выборов по причине наличия трех кандидатов. Выборы начнутся завтра в восемь часов утра, в соответствии с предыдущими решениями избирательной комиссии.

— Суров закон, но закон! — ликующе воскликнул Щюро, снова подмигивая Мак-Интайру.

Специальный агент, который давно уже находил директора компании ВИН, мягко говоря, эксцентричным малым, остался нарочито невозмутим.

— Правительственный канал, пожалуйста! — вежливо приказал Щюро.

Теперь Мак-Интайру была представлена возможность насладиться руладами здравствующего российского президента.

— ...не имеет никакого значения. Старое, отжившее, уходит. Новое, молодое, талантливое приходит ему на смену. Не вызывает сомнений тот факт, что истинным олицетворением нужд и чаяний российской нации в настоящий момент является партия господина Салмаксова. Поэтому я призываю народ России сделать правильный выбор...

— Тоже ведь не дурак, а? — Щюро вскочил и прошелся по комнате взад-вперед. Потом он неожиданно резко развернулся и, ткнув пальцем в сторону растекающегося мыслью по древу президента, неожиданно гаркнул:

— Вот он, гений Бориса Деппа! Вот то, чего вы так боялись, Мак! Депп делал блистательные кластеры, Депп стабилизировал кусок Утгарда, Депп творил замечательные аватары! Но последнее творение, последний аватар Деппа — это что-то особенное. Вот он, смотрите!

Мак-Интайр для верности еще раз посмотрел туда, куда указывал палец Щюро, но ничего, кроме президента, не увидел. В первый раз за все время общения с директором компании ВИН он был действительно удивлен.

— Вы хотите сказать, что вы подделали своего президента? — спросил он осторожно.

Щюро коротко хохотнул. Потом замолк на секунду. Потом на него напал приступ совершенно безудержного смеха.

— А-а! Можно, да, — он продолжал смеяться, — конечно, можно. Киборги третьего поколения! Но дорого, боже, как дорого! Потом еще надо подменять тела! Да и кроме президента еще остается куча придурков. Все вместе — дорого. А главное...

Щюро отсмеялся и сделал торжественную паузу.

— ...а главное, что все это совершенно излишне. Олаф Триггвассон подарил человечеству возможность менять аватары, как перчатки. Менять форму, оставляя в неприкосновенности мозг. Дом души, понимаете ли. Наш путь проще. Тело остается телом. Но мозги мы чистим и чистим основательно, чистим до тех пор, пока в них не остается последняя, кристальная, единственная ясность! Это и есть лучший, это и есть наш последний аватар. Тело без души.

Щюро перевел дух и, обращаясь к телевизору, сказал:

— Достаточно.

Телевизор, однако, продолжал работать.

— Достаточно, спасибо! — Щюро повысил голос.

Телевизор снова переключился на Первый Канал.

— Мелочи, не беспокойтесь, — Щюро любезно улыбнулся Мак-Интайру. — Маленький непорядочек.

Мак-Интайр не успел и глазом моргнуть, как Щюро выхватил из-под мышки АПЛ-9 и в пять выстрелов разделал телевизор как Бог черепаху.

— Вот видите, Мак, — сказал он странным тоном, возвращая пистолет обратно в кобуру, — что вы наделали одной-единственной электромагнитной бомбой. Вечор уж на дворе, а по моей бедной сети все еще бегают разные завихрения. Надо было все-таки угробить вашу «Пандору» еще над Шереметьево.

— Сочувствую, — сухо сказал Мак-Интайр, но его одно-единственное слово потонуло в надсадном вое сирены.

В центральном командном пункте Щюро, расположенном на двадцатом подземном уровне, загорелось табло «Защита отключена».

Щюро побледнел.

Мак-Интайр понял: сейчас или никогда.

Согласно агентурным сведениям (правда, непроверенным), Щюро располагал простой и надежной системой экстренной эвакуации центрального командного пункта. Это был сверхскоростной реактивный лифт в изолированной шахте.

Мак-Интайр уже давно прокручивал в сознании трехмерную карту Главного Корпуса. Он уже имел возможность убедиться в том,

что многое в этой карте было ложным, и лишь кое-что — истинным. Является ли сверхскоростной лифт фактом или химерой, Мак-Интайр не знал.

Его все равно ждет смерть. Быстрая или медленная. Мучительная или легкая.

Мак-Интайр пулей вылетел из кресла, всем телом ударил Щюро — директор компании ВИН грузно повалился на пол — и бросился к неприметной двери, на которую косился уже давно.

2

Когда Августин открыл глаза своего физического тела, он с испугом обнаружил, что он и его «братья по сааме» находятся под более чем пристальным наблюдением нескольких вооруженных людей.

«Теперь точно конец», — подумал он. Подобные мысли навещали его за сегодняшний безумный день уже несколько раз, но Августин все никак не мог к ним привыкнуть.

Говорят, фронтовики Второй мировой войны привыкали со временем ко всему, но только не к вою пикирующего бомбардировщика. Августин был проще. Он никак не мог привыкнуть к осознанию того, что уже больше суток его могут убить практически в любую минуту.

Августин приподнялся на локте, пытаясь различить эмблемы на форменной одежде вооруженных людей — но низкое солнце било в глаза, сделать это было не так-то просто.

— Проснулся наконец, — дружелюбно сказал один из них, садясь на корточки перед Августином.

— Черт побери... — пробормотал Августин.

Перед ним сидел капитан «Перуна» Сергей Гаспаров.

— Да, Августин. У меня тоже голова кругом идет. Вас уже пятый час нету, а тут такое творится... — грустно сказал он. На его лице была написана нечеловеческая усталость.

В кармане у Сергея что-то пискнуло.

— Гаспаров! — бросил он в трубку.

С полминуты он слушал чей-то доклад, а потом лицо его расплылось в широченной улыбке.

— Сукин ты кот, будь я неладен! — завопил Сергей, крепко обнимая Августина.

Августин ничего не понимал.

— По машинам! — скомандовал Сергей трем сержантам, которые продолжали стоять у них над душой. Сержанты зарысили прочь.

— Защита снята! Ты понимаешь это или нет?! — воскликнул Сергей, обращаясь к Августину.

После пребывания в виртуальной реальности Августин соображал исключительно плохо.

— Ну, снята. А зачем бы мы еще туда лазили?

Сергей фыркнул.

— Тоже мне, супермен! То есть для тебя уже снять защитный экран вокруг Главного Корпуса как мне два пальца об асфальт?

— Я только на кнопку нажал, — скромно пробормотал Августин. — А остальное делал мой отец...

— Вы, извините, до ночи болтать будете? — деликатно вмешался Хотой, который уже давно вышел из транса и лежал на спине с закрытыми глазами, чтобы как следует сконцентрироваться.

События последних дней тоже не прошли для него даром. Хотой ощущал себя сосудом, прежде полным до краев, а теперь растрескавшимся и наполовину опустевшим.

Томас тоже был здесь. Он подошел и лизнул своего хозяина в щеку.

— Да, правда, заболтались, — Сергей встал, привычным жестом поправил бронежилет и сказал:

— Все, Августин. Ты свое дело сделал так, как не смог бы ни один из нас. Дальше — наша работа.

— То есть как это?! — возмутился Августин. — Что значит «наша»? Чья это — «ваша»?

— Бойцов Департамента Безопасности, которые остались верны присяге, и натуралов Хотоя.

— Томас, ты слышал? Нас хотят оставить здесь жрать зеленые яблоки, в то время как они будут развлекаться вовсю! Нет, ребята, так дело не пойдет!

— Слушай, Августин, — Сергей начинал нервничать, — ты чересчур важный свидетель. Даже если мы победим, пойдет такая буча, что без тебя мы в Верховном Суде загремим под трибунал. Ну а если всех нас перестреляют люди Щюро, то кому будет прок в том, что заодно с нами шлепнули и тебя?

— А много мне будет проку, если всех вас перестреляют и я останусь один? — тихо спросил Августин.

— Пусть идет, — неожиданно сказал Хотой. — Молодой берсерк не может не пойти.

— Только пусть молодой берсерк имеет в виду: Воронова мочить нельзя. У него на груди — кардиодатчик. Если его сердце остановится — Черный Спецназ активирует крылатые ракеты.

— Чего-чего? — не понял Августин. — Да при чем тут вообще Воронов?

— Мое дело предупредить, — пожал плечами капитан Гаспаров.

3

Главный Корпус был похож на декорации к постмодернистской постановке драмы «Осада Родоса».

На крыше догорали два «Навахо».

В большинстве окон были высажены стекла — пуленепробиваемые, но не снарядостойкие. Стена в районе первого этажа зияла огромным проломом, из которого торчал изуродованный скелет сбитого интерполовского вертолета.

— Садиться на крышу глупо, — авторитетно заявил Августин Сергею, когда Ми-40 завис в километре от затаившегося строения. Еще три Ми-40 стояли под ними прямо на шоссе. Они прибыли несколько раньше, еще до того как Августин снял защиту, а перуновцы, рассредоточившись, только ожидали сигнала.

Сергей молча изучал здание в бинокль через открытую десантную дверь.

— Глупо, — подхватил Хотой. — Ну вы тут решайте, что глупо, а что нет, а я, пожалуй, сойду.

— Куда? Один в поле не воин. — Августин окончательно терял ориентировку в этой сногсшибательной лавине событий.

— Во-первых, на Хотоя это правило не распространяется, — авторитетно заметил Сергей и отдал приказание пилоту посадить машину на шоссе. — А во-вторых, там, внизу, его людей сейчас видимо-невидимо.

4

Локальная ВР ВИН не понравилась Локи.

Полный бардак.

Равнины, безжизненные поля, разрушенные строения, звуки из ниоткуда. И неистребимый бой африканских барабанов!

В общем, то же, что и в Утгарде. Попадались и зоны стабильности — заброшенные, никому не нужные. Ни одного праздношатающегося аватара.

На запястье у Локи невесть откуда появился красный тумблер, а ноги начали неожиданно быстро уставать (точнее, у Локи возникло ощущение того, что его ноги сильно устают). Сила тяжести казалась выше обычной — но, разумеется, лишь казалась. Локи был доста-

точно бесплотен, чтобы не зависеть напрямую от виртуальных физических сил.

Идеальное чутье аса ВР подсказывало ему, что совсем недалеко должен быть выход на мониторы Главного Корпуса ВИН. И верно — у гряды лысых кочек, всхолмивших берег вонючей реки, вода в которой была отчего-то жирной и теплой, он приметил видеовходы, торчащие из пластиковой почвы, словно обрубленные корни неведомого нейрокомпьютерного дерева.

Локи нырнул в один из видеовходов и понесся вперед, отдавшись течению виртуального эфира. Куда его несет, он знал лишь приблизительно.

Разумеется, его принесло вовсе не туда, куда требовалось. Он сразу узнал лабораторию «Техкиб».

ВР умела зализывать раны, и кое-что уже успело зажить.

Стараниями Интерпола целостность и функциональность приватной виртуальной реальности ВИН была сильно нарушена. И все-таки, благодаря одному из своих базовых свойств — способности к самовосстановлению и самосовершенствованию, — ВР смогла подлечить многое.

Если бы не это, Локи оказался бы в том самом новоявленном приватном Утгарде, в который провалился аватар Венедикта Щюро через несколько секунд после взрыва электромагнитной бомбы «Вамп».

Нанотехнологии в очередной раз показали свое принципиальное превосходство перед традиционной микроэлектроникой.

То, что он увидел, скорее обрадовало его, чем расстроило. Проект, который выпил из него массу сил еще на заре своего осуществления, был наконец окончен. Вот они, прекрасные биосинтетические юноши, не знающие ни горя, ни усталости. Лежат словно спящие красавицы в хрустальных саркофагах. Киборги. Гомункулусы. Чудо инженерной генетики.

Локи улыбнулся. «Это уже, видать, второе, если не третье поколение», — подумал он не без сентиментальности.

Один из саркофагов пустовал, а капсула входа была открыта. «Значит, одного уже попробовали, гады».

Он не раздумывал долго. То, что произошло потом, было чистейшей импровизацией.

Локи облюбовал альфа-станцию, напрямую связанную с бледнолицым киборгом, телосложением смахивающим на Геркулеса, а лицом — на Аполлона.

Киборг имел свое собственное имя — Шалун Фрэнки, но Локи не знал об этом.

Локи упивался новым телом. Локи ликовал. Он жил в теле молодого юноши, который всегда попадает в «десятку». Такому не страшны выстрелы в спину. Такой плевать хотел на своих хозяев, ибо его настоящей душой была душа Локи.

Киборг вышел из «Техкиба», чей пол был подозрительно обильно заляпан кровью, и голыми руками удавил двух подскочивших к нему охранников.

Дальше было еще проще. Куда идти — ясно. Цель — лаборатория «Биомос» на минус девятом уровне.

Двигаться к цели легко. В его правой руке — АПЛ-9, на плече — РПГ-32. За спиной ранец с боеприпасами, который оставили ему в наследство охранники. Аватар настоящего, реального, материального киборга очень нравился Локи.

«Это был самый лучший аватар в моей жизни», — скажет когда-нибудь Локи, а пока он идет к лифту.

Пять мертвых тел отмечают его путь.

Лифт везет его вниз.

Никто не ждал Локи в светлых коридорах «Биомоса».

Это было заметно сразу. Несколько выстрелов из гранатомета — и застигнутые врасплох отправляются прямиком в рай.

Вскрикнет АПЛ — и еще один часовой разрешает ему проход без карты доступа.

В эти минуты больше всего Локи опасался нескольких вещей. Во-первых, ошибиться.

«В глючном мире — глючные вещи», — гласит один из афоризмов, приписываемых Олафу Триггвассону. В соответствии с ним карта, найденная в Зоне Стабильности, вполне могла оказаться неверной, а значит, Пантеры вполне могло и не оказаться в том месте, куда он так стремился.

Во-вторых, Локи не знал, как долго продолжается действие саамы, и опасался, что не успеет завершить задуманное.

А в-третьих, он не был уверен в том, что Пантера, его возлюбленная Бриджит Льюис, жива. Но об этом Локи думать не хотелось.

Конечно же, в него стреляли. В его синтетическом теле зияло не менее тридцати дырок. Но киборгам не страшны огнестрельные ранения.

Конечно же, его пытались поймать в ловушку. Держи карман шире! Многие из этих ловушек были поставлены еще при его, Локи, власти. Многие из них были изобретены лично им — например,

схлопывающийся лифт. Поэтому его продвижение к цели было медленным, но неуклонным.

Когда двери «Биомоса» разошлись перед ним в стороны, голый и чудовищно побитый киборг по кличке Шалун Фрэнки бросил внутрь осколочную гранату. Это было как раз то, что нужно. Когда внутрь зашел сам Локи, воевать было уже не с кем.

Вскоре ему пришлось горько пожалеть об этом. Он долго и мучительно искал гробницу пантеры, ибо справиться о ее местонахождении было не у кого.

Он шарил по пультам контроля, включал без разбору все устройства, какие попадались ему на глаза, щелкал всеми тумблерами, подавал массу дурацких речевых команд. Но найти пантеру не удавалось!

И только когда он непонятно зачем сел в кожаное кресло перед телевизором, произошло чудо.

Пол перед его босыми ногами разъехался и в освещенном стеклянном боксе из-под пола поднялась панель управления, сказавшая приятным голосом:

«Объект «Пантера» приветствует вас. Для вызова меню скажите «Меню», для встречи — пройдите в четвертую секцию».

Локи не успел войти в четвертую секцию. В спину ему ударила волна свинца. Он обернулся.

— Ты мне не нравишься, — сказал человек с автоматом, чье лицо было искажено звериной ненавистью.

Впрочем, даже звериного в нем было мало. Присмотревшись получше, Локи понял, что противник его, как и он сам, — киборг.

Локи не стал тратить время на разговоры. Вместо него заговорил трофейный автомат.

Куски биосинтетической плоти отваливались от его противника, словно комья снега от снежной бабы, бомбардируемой булыжниками.

Локи ощущал свое преимущество. Он знал толк в искусственных людях. Модель, которая пыталась загородить ему путь к пантере, явно уступала ему самому.

«Этот — из первых выродков!» — быстро сообразил Локи.

Локи не подозревал, что Пьеро не уступит ему ни в выносливости, ни в боевом потенциале. Разве что в способности анализировать и сопоставлять. И это спасло жизнь его аватару по имени Шалун Фрэнки. Нахальство, напор и решимость победить в конце концов сделали Локи победителем.

К несчастью, боезапас Локи был на исходе. Вести огонь из тяжелого гранатомета в закрытом помещении он не решился, опасаясь большого пожара. Правда, была еще одна осколочная граната...

— Лови! — крикнул он и бросил незнакомому киборгу гранату. Словно теннисный мяч или апельсин.

Пьеро все-таки был очень туп. Его можно было научить играть в нарды и высказывать не очень сложные суждения о том о сем. Но вот не ловить то, что тебе бросают с криком «лови», не ловить теннисные мячи и толстошкурые апельсины Пьеро просто не умел!

Не было такого блока в его управляющей программе. Он умел только ловить. Ему оторвало руку и снесло полголовы.

Локи оставалось лишь закрепить успех.

Он, то есть киборг Шалун Фрэнки, был едва жив, и потому Локи пришлось активировать мыслеприказом регенерационную систему своего нового аватара. Щупальца впились в поверженные останки Пьеро и выжрали все, что только могло быть переварено.

Последними пулями Локи расстрелял в упор беззащитное ядро регенерации своего противника. Путь к черной пантере был открыт.

5

Штурм начался через двадцать минут, ровно в восемь часов вечера.

Четыре Ми-40 вышли на Главный Корпус со стороны заходящего солнца. Сергей дал «добро» и на цитадель ВИН обрушилась лавина стали. Отвлекающий удар есть отвлекающий удар. Даже если отвлекать некого.

В это время смешанная штурмовая группа натуралов и перуновцев, приблизившись к тем самым воротам, через которые Августин днем бежал на джипе, с удивлением обнаружила, что они никем не охраняются.

Спустя несколько минут союзные силы проникли на первый этаж Главного Корпуса. Там тоже не было никого.

Судя по всему, надземная часть ВИНовской цитадели была пуста, как скорлупа ссохшегося лесного ореха.

Но стоило им попытаться проникнуть на первый подземный уровень, как крепость ожила. На лестницах перуновцы были встречены ураганным огнем.

— Ладно, — зловеще сказал Сергей. — Будем работать без спешки. По старинке. Братва, доставай бетонобойные.

Заряды быстро образовали на полу коридоров четыре аккуратных прямоугольника.

Хотой скептически посмотрел на возню перуновцев и, подойдя к Сергею, хитро спросил:

— Слушай, а зачем так долго? Пробьетесь на первый ярус, они отступят на второй, потом — на третий... Так ведь и до утра провозимся. Ты можешь ткнуть пальцем в вентиляционную шахту?

Сергей немного растерялся.

— Есть тут одна проблема, — ответил он. — Не вижу я, понимаешь, вентиляции...

— О! — Хотой многозначительно поднял палец. — Не видишь. Если бы видел, давно бы уже в нее полез, верно?

— Верно, — опечаленно вздохнул Сергей.

Августин взирал на совещание Цезаря и Бонапарта с глубочайшим безразличием. Ему начало казаться, что эта война никогда не кончится.

— Но мы ведь знаем, что внизу находится термоядерный реактор, который питал энергией защитное поле, верно?

— Верно. — Второй вздох Сергея был куда печальнее первого. Но вдруг его лицо озарилось радостью гончей, которая напала на след:

— Ну да, а реактор нуждается в очень серьезном теплоотводе. Но сейчас, когда защита вырубилась, он еле дышит на минимальной мощности, достаточной, чтобы сохранять стабильность плазменного шнура.

Хотой довольно кивнул:

— Водяные трубы и есть наша дорога. Вы пойдете так, как и собирались, — сквозь проломы в полу. А мы опустимся, насколько нам хватит дыхания, по трубам вниз и нападем на них с тыла.

— И насколько же вам хватит дыхания? — насмешливо спросил Сергей.

— На полчасика достанет, — серьезно ответил Хотой.

От апатии неожиданно не осталось и следа.

— Сергей, у вас ведь есть несколько гидрокостюмов? — как можно более небрежно спросил Августин.

К их разговору заинтересованно прислушивался один натуральновичок. Ему тоже позарез был нужен гидрокостюм.

Направленный взрыв мины с пневматической присоской вырвал из трубы огромный кус и разворотил стену. Поток теплой технической воды хлынул на линолеум, которым были выстелены полы двадцатого подземного уровня.

Но взрыв принес с собой не только потоп. Вместе с водой на двадцатый уровень проникли люди Хотоя.

По сведениям, которыми располагала личная гвардия Щюро, бой сейчас шел на третьем уровне. Сигнализация и редкие промежуточные посты, разбросанные в ключевых точках, не сообщали о проникновении противника. Здесь, на сверхзащищенном двадцатом уровне, можно было пережить ядерную зиму. Поэтому охрана чувствовала себя как у Христа за пазухой.

Четверо охранников, перекуривавших у лестничного пролета, не успели даже выбросить сигареты, когда метательные ножи передовых боевиков Хотоя уложили их без единого звука.

Августин после путешествия по непроглядному мраку трубы чувствовал себя, мягко говоря, неважно. Он совершенно не мог взять в толк, как люди Хотоя смогли провести двадцать четыре минуты в воде (или, точнее, под водой) без кислорода.

«Ихтиандры, понимаешь ты», — мысленно проворчал он, снимая маску и плоский кислородный баллон.

Кроме Августина, аквалангом не побрезговал только Владимир. За два дня может научиться получасовой задержке дыхания под водой разве что урожденный кашалот.

Потоки воды разливались по двадцатому уровню. Четырех убитых охранников перекатывало по ступеням лестницы и влекло вниз, туда, где находились секретные уровни реактора.

— Хорошо. Вода тепленькая, — улыбнулся Хотой, стряхивая воду с волос. — Правда хорошо, самураи?

«Самураи», которых было около трех десятков, закивали головами. Складывалось впечатление, что они действительно не испытали никакого дискомфорта в утробном мраке трубы.

От площадки, на которой они оказались, расходились три коридора. Группе, в которой оказались Хотой, Августин и еще восемь «самураев», достался центральный.

За первым же поворотом их встретила струя импульсного огнемета.

— Я, сэнсэй, — сказал один, когда они, вжавшись в стены, смотрели, как неистовая струя огня проносится мимо и лижет противоположную стену. От их мокрой одежды валил пар.

Хотой молча кивнул. Его люди понимали друг друга почти без слов. Второй его человек вынул из стенной ниши огнетушитель. Доброволец перезарядил арбалет и прикрыл глаза. Он постоял несколько секунд, почти не дыша, и, гортанно вскрикнув, выскочил прямо в струю огня, на ходу вскидывая арбалет. Вслед ему била пена из огнетушителя.

Охранник в конце коридора, уронив огнемет, скорчился со стрелой в животе.

— Андрей еще может выжить, — сказал Хотой, когда они, потушив охваченное огнем тело, склонились над обожженным товарищем.

Из-за отъехавшей в сторону панели ударил автоматический пулемет с телекамерой наведения.

Двое «самураев» рухнули на пол, обагряя его своей кровью. Остальные успели вовремя упасть ничком. В следующий момент Хотой совершенно неуловимым жестом отправил в зрачок телекамеры увесистый шарик с шипами. Сила броска была такова, что объектив сразу же брызнул осколками толстенного стекла, а телекамера, сорвавшись с турели, повисла на лохмотьях проводов.

Пулемет теперь бил вслепую. Они двинулись дальше.

— Стоп, — сказал Хотой. — Впереди — пустота.

Августин уже научился понимать, что Хотой замечает многое, чего не видит и физически не может видеть обычный человек. И хотя впереди был нормальный ровный пол, он мгновенно остановился.

Уже целых восемь минут с ними не происходило никаких неприятностей. Для двадцатого уровня — подозрительно много. Что теперь?

Теперь оказалось, что коридора впереди нет, а вместо пола они видят лишь его голографическое изображение!

Не вызывало никаких сомнений, что под ним — заминированная «волчья яма». С двух сторон были глухие стены, позади — пройденный путь.

— Я, сэнсэй. — К этим словам Августин уже стал постепенно привыкать.

Хотой кивнул.

Натурал совершил гигантский прыжок, но даже его было не вполне достаточно. Он смог зацепиться за противоположный край ямы, но его пальцы проскользили по линолеуму, и смельчак сорвался вниз. Это смотрелось дико — человек проваливается сквозь пол, в котором с виду нет ни малейшего изъяна. В недрах ловушки грянул оглушительный взрыв.

Голограммы больше не было. С потолка капала кровь. Августин отвернулся.

— Чисто, — бесцветным голосом сказал Хотой. — Идем, Августин.

6

Не так уж много охранников оставалось в распоряжении Щюро.

Многие погибли в схватках сегодняшнего безумного дня, другие сейчас сражались на третьем подземном уровне с бойцами «Перуна».

Шестнадцать человек блокировали остатки коммандос во главе со Стэнли Мэрдоком в производственном цеху.

Судя по сообщениям с постов, натуралы проникли на двадцатый уровень сразу с трех направлений. Теперь они были повсюду.

Отключение защиты и бегство Мак-Интайра могли поставить любого человека на грань отчаяния. Любого, но не Щюро.

Неподалеку от командного пункта, в бронированной сфере, покоился алмаз «Сердце Тайги». И это было главным.

Поэтому, когда поступили сообщения, от поста номер два, прикрывавшего непосредственные подступы к командному пункту, что натуралы приближаются, Щюро только самодовольно потер руки. Пусть приближаются, пусть приближаются, пусть приближаются...

Но это были уже не его мысли.

Эти слова нашептывал своему рабу великий якутский бог.

7

Воронов нехотя взял радиотрубку, которая битых пятнадцать минут разорялась на подоконнике.

— Анатолий Андреевич? Спишь?!

Видеосвязь Воронов специально отключил — ему не хотелось, чтобы кто-нибудь видел его пирующим в обществе своей подчиненной накануне столь важных для него и для всей страны событий.

Ксюша уже давно покончила с желе, мороженым, салатом из тропических фруктов. Съела кекс, заливную рыбу, крабовые тефтели в горчичном соусе. Она ела уже несколько часов. Теперь она набросилась на дары моря. Ее пальцы разделывали маринованного омара.

— Веня, что у тебя происходит? Что там за девочки шалят? — Воронов был уже навеселе.

— Анатолий Андреевич, — сказал Щюро совершенно бесцветным голосом, — перестань дурачиться и слушай меня внимательно. Если пойдешь против меня, то потом даже Черный Спецназ твоих костей не соберет.

— Сейчас, минутку, переключусь на видео.

Щюро никогда не опускался до пустых угроз, а потому хмель слетел с Воронова моментально.

Он жестом извинился перед Шельновой и скрылся в соседней комнате, которая предусмотрительно пустовала — секретарь был отправлен в увольнение. Щюро включил экран. Все-таки неприлично говорить о важных делах по радиотелефону.

Перед ним возникло вспотевшее и весьма обеспокоенное лицо Стального Венедикта.

— Слушай сюда. Ты знаешь где сейчас твоя дура Шельнова? — По всему было видно, что разводить прения Щюро не намерен.

— Положим, знаю, — спокойно ответил Воронов.

— Это хорошо, — кивнул Щюро, нервно постукивая пальцами по дубовой ручке кресла. — Тогда делаем так. Ты ее приводишь к этой или любой другой камере и ставишь ей пистолет вот прямо сюда, — Щюро ткнул пальцем себе в висок. — А дальше делаешь все, что я попрошу. Понятно?

Воронов молчал. Может быть, лучше сейчас просто вырубить связь и послать этого маньяка ко всем чертям? Но что-то подсказывало ему...

— Ты что, в рот воды набрал, Анатолий Андреевич? — раздраженно спросил Щюро. — Или ты хочешь, чтобы о твоих крылатых ракетах заговорила вся страна? Мне это не трудно, у меня прямая связь с президентом России...

— Ну, предположим, я сделаю так. Шельнову, конечно, будет трудно уговорить на такое, но я постараюсь, — Воронов пытался держаться с достоинством.

— Никаких «уговорить»! — Стальной Венедикт был бледен, как смерть. — Все должно быть так, как это бывает, когда бабу хотят отправить на тот свет. И если я скажу тебе нажать на курок — ты нажмешь. А если не нажмешь, то...

Связь прервалась. Воронов закусил губу. Он был в нерешительности. За дверью Ксения Шельнова медленно кушала фуа-гра.

8

В хранилище прогрохотала гулкая очередь, и охранник, отброшенный пулями прямо на гладкий бок металлической сферы, медленно сполз на пол. Августин наконец снял палец со спускового крючка.

Он не умел пользоваться холодным оружием и арбалетами натуралов. Августин выбрал «Мистраль» — с ним, по крайней мере, все было понятно.

Они находились в круглом зале, под потолком которого голубели лампы аварийного освещения. Их оставалось трое — Хотой, натурал с простым русским именем Владимир и он, Августин.

Семь «самураев» отдали свою жизнь, чтобы довести их до хранилища. Августин видел, как они гибли, как самоубийственно подставлялись под пули, чтобы защитить своего сэнсэя. Августин не понимал этого. Ведь война с ВИН была совсем уж не их войной.

Да и Хотоя Августин не понимал. После всего происшедшего ему было настолько наплевать на «приличия» и «правила хорошего тона», что он задал свой вопрос напрямую, совершенно не смущаясь присутствием Владимира.

— Я отвечу, — сказал Хотой. — Но давай сделаем то, зачем мы сюда пришли. Возьми свой амулет и положи его на ладонь.

Августин уже давно успел забыть о маленькой костяной безделушке, которая, по словам Хотоя, хранила его в жестокой мясорубке последних трех дней. Так забываешь только о том, с чем успел полностью свыкнуться. Так забываешь о воздухе. О цвете своих глаз.

Хотой произнес над амулетом длинную распевную фразу.

Из-под бронированного кокона, заляпанного кровью убитого охранника, раздался негромкий звон. В тот же момент полумрак хранилища озарился ярким багряным светом.

— Мать-перемать, — прошептал Августин.

На полу лежал огромный алмаз размером с кулак. Владимир охнул.

— Подними его, — попросил Хотой Августина.

В голосе якута не было ни угрозы, ни приказной интонации. Но Августин почувствовал, что отказаться нельзя. Если он откажется, может произойти нечто ужасное. Что?

Августин осторожно прикоснулся к алмазу и ощутил сильный укол в сердце. Он отдернул руку.

— Не бойся, — мягко сказал Хотой. — Он не тронет того, кто под защитой Оберега Воина. Бери его.

Легко было сказать «бери его»! В момент первого прикосновения Августин ощутил странную, чужую, совершенно неподвластную человеческой воле жизнь, которой был буквально переполнен алмаз. Но на проявления силы своего амулета он за последние дни насмотрелся предостаточно.

Августин взял «Сердце Тайги» и, ощущая его роковую тяжесть, протянул Хотою. Тот, вопреки его ожиданиям, отстранился.

— Нет, если бы я мог взять его сам, я бы это уже сделал. А теперь я отвечу на твой вопрос. — Взгляд Хотоя, пронзивший Августина насквозь, был полон ярости. — Эта война — моя война. Много лет назад Щюро — тогда еще сравнительно молодой и неопытный уголовник — убил моего старшего брата. Мой брат был просветленным человеком. Совет старейшин моего народа назначил его храните-

лем этого алмаза, чье имя — «Сердце Тайги». Твой амулет тогда принадлежал ему. Мой брат, как я уже сказал, был просветленным, а на языках европейцев «просветленный» означает «странный». Ему были не ведомы алчность, осторожность, страх смерти. Когда к нему явились три ублюдка со Щюро во главе, мой брат не сопротивлялся. Он знал, что алмаз и так сожрет своих новых обладателей. Они убили его, похитили алмаз, но оставили на шее моего брата никчемную, с их точки зрения, костяную пластинку с лодкой. Без нее человек беззащитен перед «Сердцем Тайги».

— Я понял. Может, пойдем? Еще не все сделано, — заметил Августин, которому теперь, как никогда, захотелось добраться до Щюро и свернуть голову счастливому хозяину разваливающегося на глазах Главного Корпуса.

Августин не знал, что его устами говорит сейчас воля алмаза.

— Нет, — властно ответил Хотой. — Нам некуда торопиться. Карма Щюро проявляется каждую секунду, и это дурная карма. Ты должен дослушать меня до конца. Я не просветленный, как мой брат. Всю свою жизнь я положил на то, чтобы подобраться к Щюро вплотную и своими глазами увидеть «Сердце Тайги». «Байкал» был построен мною именно для того, чтобы создать армию, способную в удобный момент побороть его могущество. Чтобы уничтожить Щюро, я вверил свой рассудок власти саамы. Чтобы уничтожить Щюро, я разыскал тебя и, когда настало время, дал тебе всю мощь своего амулета. А они, мои ученики, — Хотой, не смущаясь, кивнул на Владимира, — безраздельно принадлежат мне, потому что каждый из них пришел ко мне как неудачник-самоубийца, разуверившийся в жизни. Я научил их быть сильными и дал их жизням новый смысл. Если бы любой из них отказался идти сюда, я понял бы его. Но все они пошли за мной. Пошли добровольно. Потому что моя война — их война тоже.

9

Дверь командного пункта распахнулась с пугающей гостеприимностью. В следующую секунду грудь Владимира разорвал свинцовый смерч из однозарядной картечницы. Так нашел свою вторую и последнюю смерть центурион Клавдий.

Но Августин и Хотой уже были внутри. В глубине командного пункта виднелась фигура Щюро. Августин вскинул «Мистраль», беря директора на мушку, и приказал:

— Руки за голову!

— Автоматика, господа, — холодно сказал Щюро, не обращая никакого внимания на призыв Августина. — Стреляет, когда ей вздумается.

В левой руке Щюро держал АПЛ-9. Его ствол был направлен прямо в переносицу Августина.

— Бросить оружие, руки за голову! — повторно приказал Августин, которому не очень нравилось находиться под прицелом.

Щюро снова проигнорировал его требование.

— Дорогой мой Депп, — сказал он. — Ты, конечно, очень крепкий сукин сын. Но ведь тебя не далее как четыре часа назад уничтожила моя охрана! Поэтому мне очень легко предположить, что ты — это, извини, не ты. Проверить это очень просто. Дай на большой экран видеофон! — громко приказал Щюро.

Справа от Августина разъехались две шторы.

Августин покосился вправо и увидел лицо, которое мечтал увидеть уже семнадцать часов кряду. Это была Ксюша. Но была одна деталь, которая заставила Августина выругаться черными словами.

К виску Ксюши был приставлен ствол пистолета.

— Дай звук! — приказал Щюро. — Можешь сказать ей до свидания, — бросил он в сторону Августина.

— Ксюша, детка! — единственное, что мог сказать в этот момент Августин сквозь плотный ком, подступивший к его горлу.

— Ага, ты — это все-таки ты, — не забыл ввернуть Щюро.

— Августин, со мной все в порядке. — По голосу Ксюши чувствовалось, что в порядке далеко не все.

— Надеюсь, ты видишь, — ненавистный голос Щюро не смолкал, — что у нас с генералом Вороновым более чем полное взаимопонимание. Сейчас я держу с ним прямую видеосвязь, но у меня в кармане лежит еще на всякий случай заветная трубочка. Одного моего слова хватит, чтобы сквозь голову твоей милой впредь можно было наблюдать луну и звезды. Поэтому ты сейчас медленно положишь «Мистраль» на пол.

Хотой в продолжение всего, так сказать, общения, оставался спокоен и неподвижен, как бронзовый Будда. И только сейчас он заговорил:

— Сделай господину Щюро одолжение.

В голосе Хотоя не слышалось и тени иронии.

— Значит, я убью тебя голыми руками, — все-таки заметил для острастки Августин, кладя автомат на пол.

Щюро хохотнул.

— Какой смелый мальчик! Вообще, в семействе Деппов, как я вижу, наблюдается серьезная наследственная патология. Ну твоего

папашу мы, положим, за десять лет вылечили. Конечно, лечение оказалось слишком интенсивным и полгода назад его тело пришлось кремировать без особого почета...

При этих словах Августина пронзила страшная догадка. Действительно, почему Щюро, столь падкий до театральных эффектов, не устроил ему очную ставку с отцом, а отделался какой-то видеофальшивкой? Августин с трудом удержался от слез.

— ...но все-таки спесь мы с него сбили, и теперь его разум служит компании как нельзя лучше. К сожалению, история не отпустила нам времени проделать аналогичную терапию с тобой, а поэтому...

Щюро выпустил первую пулю. Августин громко вскрикнул от боли в правой ноге и упал на здоровое колено. Его крику вторил испуганный вопль Ксюши на экране.

— ...поэтому придется лечить наскоро, наспех...

Щюро выстрелил во второй раз. Сейчас он был слишком взвинчен, чтобы стрелять безупречно, как раньше, и пуля только разорвала правое ухо Августина, не причинив ему особого вреда.

Хотой оцепенел. Он знал, что стоит ему шевельнуться — и обезумевший Щюро, словно геккон, рефлекторно реагирующий на любое движение, выпустит в него всю обойму.

— ...но, думаю, и в этом случае все получится отлично!

Третья пуля опрокинула Августина навзничь.

Четвертого выстрела, однако, не последовало.

Арбалетная стрела пробила правую руку Щюро выше локтя. В командный пункт ворвались натуралы. Щюро выронил пистолет, бросился к стене, юркнул в сверхскоростной лифт и исчез. В захлопнувшиеся за ним двери влип опоздавший на доли секунды шипастый шарик Хотоя.

Хотой не позволил Августину потерять сознание.

Еще не успел взвыть привод лифта, а Хотой уже сидел на корточках над Августином.

Первые две раны — пробитая нога и разорванное ухо — были совершенно детскими. Третья могла быть смертельной, но рубаха Августина, разорванная пулей, оказалась подозрительно чистой. Хотой энергично разодрал ее и увидел то, что собирался увидеть.

Треснувший костяной амулет, половинки которого держались только благодаря аккуратной свинцовой нашлепке, в которую превратилась пуля Щюро. Оберег Воина, сгусток Священной Протоэнергии отдал всего себя без остатка ради того, чтобы спас-

ти своего владельца. Хотой отпустил Августину две хлесткие пощечины.

— Брось притворяться, открой глаза, собачий сын! — прокричал он прямо в ухо Августину.

Августин издал тихий стон.

— Подымайся, Ксения сейчас нуждается в тебе!

Полковник (а с сегодняшнего дня генерал-майор) Ксения Шельнова плакала.

Две минуты назад ее любимый был застрелен прямо у нее на глазах. То, что она сама находилась под дулом пистолета, было ей уже глубоко безразлично.

И хотя ее гибкие женские кисти рук, связанные за спиной, только что наконец смогли освободиться от неумелых джентльменских пут генерала Воронова, она окончательно отчаялась спастись. В кармане у генерала Воронова пискнула радиотрубка.

— Да? — спросил он глухо.

— Все отлично, Анатолий Андреевич! — раздался в трубке веселый голос директора компании ВИН. — Я твой должник. Твои ребята, надеюсь, держат лапы на кнопках?

— Держат-держат, — успокоил его Воронов, обращая свои мысли к датчику, прикрепленному липкой лентой у него на груди, рядом с сердцем.

— Вот и отлично, — бодро отозвался Щюро. — Не спускай глаз со своей красотки. Скоро буду.

Воронов презрительно покосился на трубку и сунул ее к себе в карман.

— Вы на меня не обижайтесь, Ксенюшка, — продолжил он фальшивым голосом давно начатый монолог. — Сами понимаете, друзьям надо помогать...

Ксюша его не слушала. Все ее внимание было приковано к экрану, в котором появился какой-то человек, заслонив на время тело Августина. Потом его спина отошла в сторону, и Ксюша увидела, как Августин приподнялся на локте. Живой!

— Могу вас уверить, что компенсация за моральный ущерб, причиненный вам событиями сегодняшнего дня, будет воистину королевской.

Ксюша во все глаза смотрела на Августина. Слезы быстро высыхали на ее горячих щеках. Августин приложил палец к губам. Потом он демонстративно провел рукой по волосам. Слева направо — два раза. Потом справа налево — два раза. Потом опять слева направо. Ксюша поняла.

— Королевской? — спросила она, поворачивая голову и подымая зареванные глаза на генерала. Пистолет теперь смотрел прямо ей в лицо.

Воронов был потрясен. Впервые с момента начала шантажа Ксюша сказала что-то, адресованное ему. В маниакальном мозгу генерала мелькнул лучик надежды. У них все еще может получиться!

— Да, Ксенюшка. Королевский. Потому что вы — моя королева, — сказал генерал, отодвигая пистолет. Уж очень непристойно получалось — красивое лицо Ксении Шельновой и тяжелый ствол пистолета, подрагивающий у ее верхней губы.

— Постойте-ка, а пробор у вас в какую сторону? — спросила Ксюша, прищурившись.

— Пробор? — Взгляд генерала метался по комнате в поисках зеркала, а его левая рука инстинктивно провела по волосам.

В тот же миг Ксюшина правая рука, выскользнув змеей из-за спины, перехватила ствол, отводя его смертоносное жерло в сторону. Левая рука помогла правой, а по-женски жестокий удар ногой в пах поставил мятежного генерала на колени.

— Умница! — радостно завопил Августин, который видел большую и лучшую часть расправы над генералом по телевизору.

— Умница-то умница, конечно, — лицо Ксюши, вплывшее в поле видимости видеоприемника, было бледно и растерянно, — но, понимаешь... Я, конечно, не уверена... В общем, мне кажется, я немного переборщила... Пульс у генерала не прощупывается.

— Ну и что? — беззаботно заметил Августин. — Убийство в целях самообороны. Я сам сегодня...

— Августин, — жестко сказала Ксюша, — я не знаю, чем ты там сегодня целый день занимался, но, по-моему, тебе немного повредили голову. Пульс генерала...

— Ах, я, значит, сегодня целый день не тем занимался?! — вспылил Августин. — А сама тут, понимаешь, в вечернем платье, губы лоснятся от какой-то вкуснятины, да еще с Вороновым... Вертихвостка!

— Хватит! — Хотой, как всегда, вступил более чем вовремя. — Ксения, вы уверены, что генерал мертв?

Ксюша на несколько секунд исчезла с экрана и, появившись вновь, деловым голосом сказала:

— Целиком и полностью. Воронов мертв.

— Значит, ракеты получили команду «Пуск», — спокойно заметил Хотой, и тут Августин понял, что он совершеннейший идиот.

Как он мог забыть? Если прибор, укрепленный на груди генерала, сработал, значит...

— Ой-ой, — только и смог сказать Августин, покрываясь холодным потом.

Хотой небрежно пожал плечами и, с легким укором поглядев на Августина, спросил:

— Августин, ты умеешь сбивать ракеты силой своего страха? Или мысли?

— Н-нет, — отрицательно мотнул головой тот, в глубине души надеясь услышать долгожданное «А вот я умею». Хотой — он такой. Он мог бы, наверное.

— И я не умею. Поэтому для нас этот факт сейчас совершенно неинтересен.

Хладнокровие Хотоя выходило за все рамки гуманистических приличий. Мог ведь хотя бы для виду сказать «О ужас, как жаль миллионов наших соотечественников!». То же, по всей вероятности, подумала и Ксюша, потому что она, покосившись на невидимого собеседника Августина, выпадавшего из поля зрения приемника изображения, заметила:

— Хорошие у тебя друзья, Августин. Это что, внебрачный сын Венедикта Щюро?

Хотой не обиделся, хотя, с точки зрения Августина, имел для этого все основания. Вместо этого он показался Ксюше и, мягко улыбнувшись, сказал:

— Нет, Ксения. Просто, кроме нас с вами, существует еще «Змей». И об этом не следует забывать.

10

Когда перестало биться сердце генерала Воронова, передатчик четко и бесстрастно выполнил то, что от него требовалось: послал в эфир одно исключительно короткое закодированное сообщение.

Раскодировать его, разумеется, за короткие минуты было невозможно. Но это было и не нужно.

Змей-1, вот уже восьмой час сидевший на крыше виртуального Центрального Управления ДБ в точности над кабинетом генерала Воронова, в ужасе отшатнулся. Прямо из крыши вырвался красный японский демон и, взвыв для наглядности, понесся прочь.

Змей-1 сразу же связался с Сергеем.

— Да, — рявкнул аватар капитана Гаспарова, появляясь рядом со Змеем.

— Либо Воронов мертв, либо окончательно рехнулся. Так или иначе — из его кабинета в эфир ушел очень характерный импульс.

вероятность того, что это приказ на запуск крылатых ракет, — девяносто девять процентов.

Гаспаров молчал ровно полторы секунды.

— Нанести превентивный удар. Под мою личную ответственность. Надеюсь, вы ведете запись?

— Да.

— Тогда прокрутишь ее в Верховном Суде. Или в Страшном — если не успеешь. Ты меня понял, майор?

— Да... Сережа.

Аватар капитана Гаспарова исчез.

С сегодняшнего утра звания перестали играть какую-либо роль.

— Дать цели с первой по пятьдесят шестую общим планом! — потребовал Змей-1.

Через секунду он стал Гулливером в стране лилипутов. Под его ногами лежали вырезки из пятидесяти шести районов Москвы, в которых были расположены пусковые установки.

Двор дома, списанного под снос. А рядом с ним — теплоэнергоцентраль.

Свалка старых автобусов. Но в двадцати шагах от нее за высоким бетонным забором — несколько жилых «хрущевок».

И так далее, и тому подобное. Все огневые позиции крылатых ракет были выбраны злым, но гением. В какую пусковую установку ни стреляй — всюду зацепишь либо мирных граждан, либо что-то потенциально опасное. Даже при самом прицельном ударе. Но делать было нечего. Число жертв в случае превентивного удара «Змея» составит порядка пяти тысяч человек, зато если они не успеют — перевалит за пятнадцать миллионов. Тут не до слез бедной сиротки!

— Дать связь с «Пандорой»!

Новый, на этот раз совершенно безликий аватар — кто его знает, как выглядят эти англосаксонские операторы? — сказал:

— Yeah, «Pandora» on line*.

— Увы, ребята, для вас нашлась работа. Даю целеуказание...

11

Кодированный сигнал, который видел Змей-1 в виде красного демона, сидя на крыше Центрального Управления ДБ, поступил на мобильный пункт связи «Эскадрона С», когда его уже почти не ждали.

«Эскадрону С» в эти дни досталась тяжелая работа. В субботу во время экстренной ликвидации сравнительно мелкого уголовника из

* Да, «Пандора» на связи (*амер. англ.*).

Веселого Квартала погибла в полном составе седьмая огневая секция, которой командовал удачливый, но чересчур самонадеянный старший лейтенант «Сонник».

В ночь с воскресенья на понедельник «Эскадрон С» в полном составе был поднят по тревоге и получил приказ на уничтожение опаснейшей террористической группировки «Снарк», следующей по направлению к Москве с целью дестабилизации обстановки накануне выборов.

Операция курировалась генералом Вороновым лично. Операция в целом была проведена успешно. Но во время преследования одного из главарей преступной группировки, некоего Августина Деппа, погибла вторая огневая секция капитана Васильева (кличка «Сухой»). И снова в полном составе.

Для «Эскадрона С», привыкшего к филигранной, неторопливой работе, которая завершается одним выстрелом из снайперской винтовки «Мгла», такая лихорадочная и массовая облава оказалась слишком накладным предприятием. Специалистами по «дуболому» считались перуновцы, и в «Эскадроне С» тихо недоумевали по поводу того, куда же делись общепризнанные ковбои с борта ПБС «Змей».

Когда усталые бойцы «Эскадрона С» уже собирались мотать по казармам, гасить трудовые сто пятьдесят и дрыхнуть призовые шестьсот минут, на их головы свалился новый приказ.

Учения. Очень большие и очень интересные, мать их так, учения. Отработка оперативного развертывания наземного комплекса ПВО седьмого поколения. Пятьдесят шесть пусковых установок. Не шутка.

Для младшего лейтенанта Антона Скобелева («Тон») учения выдались на редкость простыми и ненакладными.

Сменяясь с капитаном Коробовым («Боксер»), они по очереди спали в мобильном пункте связи, в то время как большинство их сослуживцев было разбросано по всей Москве в ожидании сигнала на учебный пуск ракет.

Никто из них не знал, что металлические акулы, дремлющие в стеклопластиковых пусковых установках, не имеют ничего общего с ПВО. Никто из них не подозревал, что нажатием кнопки «Пуск» действительно будет произведен пуск. Не учебный, а боевой.

Командира секции боевого управления капитана Коробова в этот момент не было на пункте связи. Он только что разбудил Антона и теперь, исполнив свой служебный долг, отлучился отлить перед сном.

На пульте загорелась красная лампа. Антон нажал на кнопку «сигнал принят». Лампа погасла.

Теперь Антону оставалось только передать его непосредственно на пусковые установки. Он раздавил сигарету в пепельнице из консервной банки. Провел ладонью по заспанному лицу. Раньше не было ни таких операций, ни таких учений.

Вошел капитан Коробов.

— Черт, ну и духотища тут у нас! Топор можно вешать. А ведь капля никотина, как известно, убивает лошадь. — Коробов был убежденным борцом с табакокурением.

— А хомяка так вообще разрывает на куски, — тоном вроде бы послушного, но в глубине души очень хитрого и упрямого ребенка поддакнул Антон. — Да, курить надо бросать, господин капитан...

Сигнал, конечно, принят. Но это вовсе не значит, что он пошевелит хотя бы одним пальцем для того, чтобы передавать всю эту муть дальше. В конце концов, официально его принял капитан Коробов (как командир секции), значит, и отвечать в случае чего будет он. Нечего в сортирах засиживаться.

С Боксером у Тона были свои давние счеты. Боксер был очень подлым человеком. Действительно подлым. Даже подставив его отнюдь не самым приличествующим честному человеку образом, Тон чувствовал себя ангелом.

Тон не знал, что он и есть ангел, потому что только что спас жизни и ему, Боксеру, и себе, и еще по меньшей мере нескольким тысячам человек.

12

— Господа, щенка не теряли?

Слова эти были произнесены по-английски. Августин обернулся.

У противоположной стены командного пункта на пороге стоял какой-то мужик в перепачканном кровью и копотью десантном комбинезоне. На его груди болталась автоматическая винтовка М-27. С ним были еще несколько таких же живописных драчунов, разве только помоложе. Но главный виновник торжества был одет в штатское.

Удивленному взору Августина предстал господин директор компании ВИН Венедикт Щюро собственной персоной.

Его руки были сведены за спиной и, видимо, украшены замечательными браслетами из закаленной стали. Судя по выражению лица подконвойного, настроение у него было так себе.

— А мы уж заждались, — на великолепном оксфордском английском сказал улыбающийся до ушей Хотой. Таким довольным Августин его еще не видел.

Насчет «заждались» Мэрдок, видимо, понял не совсем. Но как и всякий светский человек, не стал возражать.

— Позвольте представиться. Стэнли Мэрдок, капитан Девонширского полка. Силы специального назначения Ее Величества королевы Англии. А это мои...

Мэрдок хотел по привычке сказать «подчиненные». Но вышло несколько иначе.

— ...мои боевые друзья, с которыми я провел чудесный день в этой обители земной юдоли.

Мэрдок обвел стволом «Беретты» все пространство вокруг себя.

— Как вы нас нашли? — спросил изумленный Августин.

— Да вот этот господин, который паршиво понимает по-английски, зато полностью отвечает фотографиям московского гангстера номер один, кое-как растолковал нам, что здесь имеет случиться нечто очень важное.

«Старик Щюро явно выжил из ума», — Августин в мыслях беззаботно махнул рукой.

— Ну вот и все. Война окончена, — не без легкой грусти сказал он Ксюше, которая продолжала бестелесно присутствовать с ними при посредстве вифона. И, понизив голос, добавил:

— Если бы ты знала, как я скучал весь сегодняшний день по твоим...

Последнее слово он произнес одними губами.

В этот момент раздался тихий зловещий голос, которому было бы лучше не звучать.

— Война еще не окончена.

Все с неудовольствием посмотрели на Щюро.

«Зря его все-таки этот бравый йомен Ее Величества не пристрелил под предлогом сопротивления. Да еще и раненую руку перебинтовал», — подумал Августин, замечая окровавленную повязку над локтем Щюро.

— Покончить с собой, уничтожить весь мир, — отчетливо и неожиданно громко сказал Щюро.

В ответ из-под потолка раздался квакающий заливистый смех, каким обычно заливаются чертики в «шкатулках со смехом». Отсмеявшись, механизм спросил: «Правда?» И тогда Щюро, веско кивнув головой, сказал:

— Правда.

Августин и Хотой переглянулись.

* * *

Особо важные системы Щюро привык дублировать. Цепь саморазрушения Главного Корпуса относилась к разряду особо важных.

Основным вариантом активизации цепи саморазрушения Главного Корпуса являлась, разумеется, соответствующая процедура в приватной ВР ВИН. Но сейчас она, по существу, умерла, да и доступа к ней Щюро не имел.

Подобная ситуация была в свое время учтена дальновидным Щюро. Поэтому имелся совсем простой прибор, в котором использовался так называемый «акустический трансформер». Это был специальный полимер, способный изменять свою форму по сложному, заматрицированному в самой его молекулярной структуре алгоритму.

Пластик приходил в движение от кодовой фразы, то есть от заданной последовательности колебаний воздуха. Фраза «Покончить с собой, уничтожить весь мир», произнесенная тембром голоса Щюро, и создавала ту самую последовательность акустических колебаний. Пластик начинал течь и вибрировать, специальная мембрана — колебаться и производить смех. Это чтобы показать, что система в порядке.

Потом первый этап процесса завершался. Следовал перезапрос. Получив от Щюро подтверждение, пластиковый детонатор продолжал изменять форму и замыкал соответствующую электрическую цепь.

Все просто. Никаких компьютеров, никакой нейроники, никаких внешних источников питания. Обычная молекулярная механика.

Так завершался второй этап активации цепи самоуничтожения.

Ну а после второго наступал третий, заключительный. Самый важный и самый интересный.

Снизу, из-под пола, раздался приглушенный гул сервоприводов. На полу командного пункта появились узкие серпообразные щели. И они расширялись.

— Что за черт? — спросил Августин, прекрасно понимая, что сейчас начинается то самое «важное», на которое туманно намекал Щюро доверчивому англичанину.

Его вопрос был понятен даже Мэрдоку.

— Я не знаю, что происходит, но я знаю, что пора сматываться. Так или иначе, вам лучше перебраться к нам.

Действительно, расширяющиеся щели намечали что-то вроде лепестковой диафрагмы, которая, занимая центр командного пункта, не захватывала его края у двух входов.

— Что там у вас творится? — некстати спросила Ксюша, которая отходила налить себе шампанского и только теперь вернулась к вифону.

— Понятия не имею. Могу сказать только, что сеанс связи окончен, — Августин, которому было не до любезностей, шипя от боли приподнялся и при помощи Хотоя поковылял в направлении Мэрдока, Щюро и прочих.

Щели теперь были шириной в полметра. Сквозь них сочилось мутно-голубое сияние.

— Сэр Мэрдок, дайте мне, будьте добры, пистолет, — попросил Августин, недобро косясь на Щюро.

— Не надо. — Хотой сопроводил свои слова предостерегающим жестом.

Президент компании ВИН Венедикт Щюро расхохотался.

— Хочешь знать, что творится?! И для этого ты хочешь ткнуть мне в рожу паршивой «Береттой»? — Щюро посмотрел на Августина, глаза его были мертвы. Это было по-настоящему страшно — заливистый смех человека с мертвыми глазами. — А просто спрашивать ты уже разучился, щенок?

Сияние между щелями нарастало. Массивное кресло, на котором еще час назад сидел Мак-Интайр, провалилось в бездну Уровня Реактора.

Августин изо всех сил ударил Щюро. Кулаком. В рожу.

— Хорошо, — процедил Августин сквозь плотно сжатые зубы. — Хорошо. Я просто спрашиваю: «Что происходит, дорогой?»

По подбородку Щюро из разбитого и, кажется, сломанного Августином носа струилась кровь, но он продолжал улыбаться:

— Отвечаю. Только что пришла в действие система полной самоликвидации Главного Корпуса. Сейчас раскрывается верхняя диафрагма защитного свинцово-иридиевого экрана и, одновременно с этим, керамический кокон реактора. Через девять, пардон, восемь с половиной минут реактор выйдет на сверхкритический режим, по кольцевому магнитному полю пройдет быстрая, очень быстрая судорога, и плазменный жгут сделает с Главным Корпусом то же самое, что полковник Тиббетс сделал когда-то с Хиросимой. Только мой фейерверк будет ярче.

Когда Щюро замолчал, диафрагма была уже раскрыта полностью. В двух шагах от них лежала бездна, залитая ослепительным светом.

— Как ты рассчитываешь спастись? — спросил у Щюро Августин тоном опытного чекиста.

— Вообще-то тут был сверхскоростной лифт... И были в нем отличные капсулы, которые подавались в него из круглой обоймы, как пульки в револьвер...

Щюро говорил медленно. Щюро интриговал. Щюро издевался над своими победителями.

— ...И ваш ирландский друг, — Щюро кивнул Мэрдоку, — очень ловко воспользовался одной из них, чтобы уволочься отсюда подальше, бросив вас подыхать в моем обществе... Но все хорошее быстро кончается. Желающие могут идти пешком.

На Уровне Реактора что-то происходило. Казалось, внизу готова родиться сверхновая. По лбу Августина градом струился пот.

— Как остановить самоликвидацию? — Он знал ответ наперед, но все-таки спросил.

— Ну, если ты меня очень об этом попросишь... Если ты меня чем-нибудь задобришь... Я, конечно, могу ради былой дружбы с твоим отцом... Застрели этого якута, он мне очень не нравится, и тогда поговорим как мужчина с...

Железная рука Хотоя перехватила кулак Августина у самого подбородка Щюро.

— Есть путь и есть метод нейтрализовать реактор, — сказал Хотой по-английски. Мэрдок, услышавший хоть что-то родное после непонятных, но зловещих монологов московского гангстера номер один, навострил уши.

— Сэр, — это было адресовано Мэрдоку, — ситуация полностью под контролем. Вы честно выполнили свой долг солдата. Я прошу вас и ваших людей оставить нас наедине с преступником.

Мэрдок уже почти не сомневался в том, что узкоглазый монгол (ну откуда ему было знать, что Хотой — якут по обеим линиям до двадцатого колена?) и раненый молодой человек с синими кругами вокруг наполненных яростью байроновских глаз — московские гангстеры с номерами, соответственно, «два» и «три».

И уж подавно Мэрдок не сомневался в трех других прописных истинах: а) бежать гангстерам будет некуда, кроме как на ту лестницу, по которой он привел сюда Щюро; б) что бы ни произошло, восемь автоматических винтовок М-27 сильнее трех полусумасшедших уголовников; в) мертвые должны сами хоронить своих мертвецов, а гангстеры — сами убирать своих проштрафившихся коллег.

Мэрдок молча кивнул. Он и его люди вышли. Мэрдок снял с плеча М-27, сменил магазин и, устало привалившись спиной к стене, взял под прицел бесшумно затворившиеся двери. Его люди сделали то же самое.

13

До конца оставалось полторы минуты. Среди трех мужчин, оставшихся на командном пункте, страха не испытывал только один. Директор компании ВИН Венедикт Щюро.

Августин Депп боялся смерти. Хотой боялся, что ошибся в Августине Деппе. С того момента, как они побывали в хранилище, Августин менялся быстро и необратимо.

Совсем немного — и карма молодого берсерка надломится. Августин окончательно станет Демоном-Воителем. Он уцелеет в плазменном смерче. Уцелеет лишь для того, чтобы повторить страшный путь Щюро. Повторить без ошибок.

— Августин, — Хотой продолжал говорить на английском, — достань алмаз.

Августин чувствовал, что с его памятью происходит что-то не то. Какой алмаз? Он молча поднял на Хотоя тяжелый взгляд.

— У тебя, в кармане нательного пояса.

Августин забыл, как Хотой передал ему еще в хранилище предусмотрительно прихваченный пояс. И начисто забыл, как он надел этот пояс под рубаху и что он положил в него.

Худшие предположения Хотоя сбывались. Он как можно более непринужденно похлопал по животу Августина и сказал: «Здесь».

В этот момент в мозгу Щюро черной змеей мелькнул недвусмысленный приказ сбросить Хотоя вниз. Но прежде, чем этот приказ снизошел по центральному нервному столу к мышцам ног, Щюро обнаружил себя сидящим на полу и орущим от невыносимой боли в лодыжке.

Хотой в отличие от многих и многих не выносил насилия. Но при необходимости он был беспощаден, как сама природа.

Августин окончательно терял ориентировку в происходящем. И все-таки его левая рука последовала за пазуху и извлекла «Сердце Тайги». Его взгляд опустился на ладонь и больше не подымался. Сознание Августина полностью ушло в багровый туман, который клокотал в бездонных недрах так называемого алмаза.

Поэтому Августин не видел и не чувствовал, как Хотой надавил на его руку у запястья. Мелко дрожа, разжались пальцы, сошедшиеся в мертвой хватке на «Сердце Тайги». Он не чувствовал, как Хотой выверенным тычковым ударом выбил алмаз из его ладони. Он не видел, как алмаз падал, падал, падал в ослепительное сияние реактора и как навстречу ему взметнулся выпущенный из магнитной бутылки плазменный джинн всеразрушения.

Августин балансировал на грани между человеком и Демоном-Воителем и не мог насладиться видом Щюро, безмолвно летящего в жерло угасшего реактора. Алмаз успел позвать за собой свою тень, Хотой не стал препятствовать звериному рывку обезличенного человека, и последний директор компании ВИН пришел к Идеальному Катарсису через четыре секунды после того, как его лобная кость встретилась с холодным, как лед, иридиевым постаментом реактора.

Хотя бил отвратительный нервный озноб. Он трясся и радовался, как ребенок, что не нашлось свидетелей этой самой страшной минуты в его жизни.

14

Киборг Шалун Фрэнки покинул Главный Корпус ВИН по-королевски.

Никто не чинил ему препятствий и не стрелял. Вся стрельба осталась где-то сбоку и выше. Локи вышел — через подземный водовод, который, если идти в одном направлении, вел прямиком к термоядерному реактору, а если в другом — то на свободу, в лес, окружавший Главный Корпус с севера.

Правда, прежде, чем выйти в лес, киборгу пришлось подняться по бетонированной шахте. А затем, развив усилие хорошего трактора, выдавить замаскированную крышку голыми руками.

Где-то неподалеку, по расчетам Локи, должен был стоять его «Форд».

На плечах киборга, словно агнец на Добром Пастыре, лежала миниатюрная коротко остриженная брюнетка. Она, похоже, спала. На ней были надеты белое трико и футболка. Всем своим видом она напоминала чахоточную постоялицу крымской туберкулезной лечебницы.

Брюнетке было далеко за тридцать и, не исключено, даже за сорок. Однако отказать ей в привлекательности не смог бы даже самый строгий критик.

Ее дыхание было глубоким и ровным, и она, похоже, ведать не ведала о том, кто и куда ее несет. У нее было много имен — Бриджит Льюис, Рут Сакрифайд, Берил О'Ши и, наконец, Черная Пантера.

Тело ее лоснилось словно бы от жира. Требовался специальный растворитель для того, чтобы стереть остатки биораствора автономного жизнеобеспечения с нежной человеческой кожи. У Локи этого растворителя не было, однако, судя по счастливому выражению лица Шалуна Фрэнки, его это мало беспокоило.

За деревьями маячил «Форд» цвета «мокрый асфальт», на переднем сиденье которого спал, положив голову на руль, человек. Этого человека его погибшие друзья звали Локи.

Сей причудливый парадокс позабавил Локи, который вел тело киборга, мечтая только об одном — чтобы действие саамы окончилось как можно скорее и иллюзорная реальность поскорее отпустила его назад, чтобы Берил наконец проснулась и увидела перед собой не побитого огненно-пороховой молью киборга Фрэнки без ресниц, бровей и волос, без четырех пальцев на правой руке и кожных покровов, а привычного Локи в его привычном теле. Когда-то она звала его Филом.

Локи открыл заднюю дверцу и положил Берил на заднее сиденье. Теперь нужно было сесть рядом с водителем и дожидаться, пока... Но Локи не успел открыть переднюю дверь.

Нечеловеческая боль пронзила все его существо и разорвала мозг на миллион не связанных друг с другом островков боли. В спину киборга Фрэнки впились обладающие страшной сокрушительной силой шарики. Свинец? Пластик? Концентрированный Огонь?

Похоже, в него стреляли не то разрывными, не то термитными пулями.

Ему было больно, да, больно. И ему причиняли ощутимый вред. Конечно, причиняли! Но это, последнее, нападение было самым... странным. Ядро регенерации? Но ничего похожего на регенерацию Локи не ощутил.

«Неужели это смерть?» — горько усмехнулся он и провалился в многоголосую безликую бездну.

15

Когда голый, обожженный и, вдобавок, лысый здоровяк упал, уткнувшись затылком в переднее колесо «форда», Мак-Интайр вышел из-за ствола массивного древнего ясеня.

В его руках был «Унимаг».

Эффект был даже лучшим, чем ожидал Мак-Интайр, когда на скорую руку составлял сценарий импровизированного спасения Бриджит Льюис из лап полуголого урода.

Подобранный возле тела убитого человека в форме охраны ВИН «Унимаг» был зачем-то заряжен именно термитными пулями. Сама судьба ему улыбалась!

Мак-Интайр подошел к машине. Убитый лежал лицом вниз.

Он был определенно мертв. Притворяться столь натурально не сумел бы никто. Но ничего похожего на лужу крови возле колес не

было. Лежащий был сух и опрятен, словно ненароком свалившийся с витрины манекен. Из-под кожи торчали нейропластиковые сухожилия, а мышцы неестественно обуглились вокруг тех мест, куда вошли термитные пули.

— Damn!* — выругался Мак-Интайр.

— Да меня уже просто тошнит от ваших сраных киборгов, — добавил он почему-то по-русски.

Однако, несмотря на заявленную тошноту, Мак-Интайр продолжил осмотр. За рулем — еще один убитый. Сзади — Бриджит.

О, Бриджит! Он склонился над спящей брюнеткой. Она дышала. Она была жива. Значит, он еще увидит ее улыбку, услышит ее голос. Он знал Бриджит уже более пятнадцати лет. Они ссорились и ругались почти беспрерывно. Потом мирились и исступленно занимались любовью. А потом снова дрались и ссорились.

Вокруг нее роились мужчины, мальчики, старики, лесбиянки, геи и трансвеститы всех возрастов. Она нравилась всем — даже самцам гуппи. У нее всегда было готово оправдание — мол, агент Интерпола должен всегда находиться в гуще событий. Он любил ее. Он ненавидел ее. Он желал ее. Он стрелялся из-за нее на дуэли с каким-то влюбленным кретином, который даже бриться не умел как следует. Он едва выжил после этой дурацкой дуэли.

Он настоял на том, чтобы принять непосредственное участие в штурме ВИН, хотя вполне мог бы отсидеться на командном пункте в альпийских недрах... В общем, Рут Сакрифайд, она же Бриджит Льюис, она же Берил была для Мак-Интайра таким же фетишем, как «Сердце Тайги» — для Щюро.

— Руки за голову, дружище!

В шею Мак-Интайра впилось ледяное дуло пистолета. С чего он, собственно, взял, что водитель мертв? Мак-Интайр скосил глаза в сторону опасности. Человек, сидящий за рулем «Форда», был ему хорошо знаком. Это был Филипп Валерьевич Алтаев. Бывший президент проклятой компании ВИН. Только вроде как немного пьяный.

16

В наступившей ночи Китеж, столица Герцогства Велес, затемненная в преддверии рокового сражения, рисовалась на фоне восходящих лун виртуального мира плоской декорацией, вырезанной из черного картона и поставленной среди рощиц низкорослых карельских берез, таких же черных.

---

* Проклятие! (*англ.*)

Республиканские легионы разворачивались в боевую линию. Поскольку теперь больше половины бойцов составляли шатуны-киборги, шансов уцелеть у Китежа не оставалось. Но его защитники были готовы сражаться до последнего.

Собственно, вариантов у них не было. Те, кому повезет дожить до планового выключения, выживут. Остальных ждет убийство до смерти. Нечего всякой буржуазной сволочи поганить своими идейками дело Порядка.

Первая линия герцогских укреплений затаилась в ожидании приказа на открытие огня. До легионов оставалось не больше виртуальной лиги.

И в этот момент над Китежем вспыхнули сотни «медуз», выпущенных республиканскими Джирджисами. Темнота хороша для обороняющегося, но наступать в темноте невозможно, господа. Наши Адамы и Агасферы ни черта не видят!

Через полтора часа бой шел уже в предместьях Китежа.

Огневое превосходство Республики было подавляющим. Потоки напалма, огнеметной смеси и магического огня бушевали на улицах столицы.

Штурмовые группы шатунов прорывались через наспех устроенные баррикады, обходили очаги сопротивления и били из «швеек» в спину стаям волков, в чьих аватарах бежали наутек разбитые и деморализованные части Герцогства.

Генеральный Политический Комиссар не покидал седла уже пятый час. Он мог, конечно, принять любой из двухсот пятидесяти пяти аватаров, которые были доступны его высшему классу, Зу-л-Карнайну, но ему больше всего нравилось именно так — на жеребце с белой звездой во лбу.

Когда три часа назад Генерального Политического Комиссара видел Августин возле Аквилеи Великой, он сделал сразу два ошибочных предположения.

Первое: аватар коня под комиссаром принадлежит какому-то конкретному человеку.

И второе: комиссар — не Салмаксов.

За аватаром Каменного Человека стоял именно Салмаксов. А его конь был шатуном, которого некогда нахимичили в ВИН специально в подарок лидеру Социальной Партии Справедливости. Родом из ВИН был и «форсаж», с помощью которого убитый три года назад до смерти Салмаксов мог появляться в виртуальном мире в аватаре класса Зу-л-Карнайн.

Салмаксов вошел в виртуальную реальность сегодня в четыре часа дня, когда победа уже лежала у него в кармане.

Вошел, чтобы лично возглавить апофеоз Республики и принести Идеальный Катарсис многим и многим поклонникам Желтого Дьявола. Салмаксов не знал, что с восьми часов вечера идет штурм Главного Корпуса, что в настоящий момент Августин и Хотой появились на командном пункте Щюро и что он не узнает уже об этом никогда.

Из горящего здания выскочил перепачканный сажей человек и, вскинув восьмиствольный пистоль, выстрелил Салмаксову в грудь.

Генеральный Политический Комиссар наставил указующий перст на дерзкого и сказал «кх-х». Перед ним застыл соляной столп, бывший некогда комтуром Герцогства в аватаре класса Гильгамеш.

— Хорошая магия, правильная магия, единственно верная магия у товарища Кетцаля! — подхалимски ввернул преданный телохранитель Салмаксова по кличке Гюнтер, неотступно следующий за ним повсюду в аватаре немецкой овчарки.

Тихий поначалу бой африканских барабанов стал достаточно громок, чтобы его можно было расслышать даже сквозь грохот последней ночи Китежа. Потом появились и другие звуки.

Центурион-примипил Седьмого Гренадерского Легиона имени Идеального Катарсиса, возглавляющий в третьем резервном эшелоне когорту огневой поддержки, отшвырнул древко славного красно-черного штандарта и с нечеловеческим воплем бросился бежать, не разбирая дороги.

На вверенную ему когорту, сплошь составленную из свеженьких, блестящих «шатунов», наполз гремящий, шипящий, перешептывающийся морок.

Хаос звуков постепенно перешел в чавканье и похрустывание. Спустя несколько минут мгла рассеялась. На месте когорты расплывались желтым туманом несъедобные останки «шатунов».

Воинский трибун Тринадцатого Гренадерского Легиона опасности не почувствовал и никуда не бежал. Он был обернут плотным сгустком хищной виртуальной флуктуации и съеден на месте, поскольку сам являлся шатуном. От него остался только почетный офицерский кортик с памятной гравировкой. Презент самого Генерального Политического Комиссара.

Цверги постепенно входили во вкус.

Реальные актанты в аватарах первых четырех классов их не видели, но чувствовали. Из ничего возникал леденящий ужас, и они ударялись в повальное бегство.

«Шатуны» страха за свою жизнь испытывать не могли по определению. Они гибли, не осознавая факта своей гибели, как до этого не осознавали факта собственного существования.

И только Салмаксов, наделенный аватаром класса Зу-л-Карнайн и способностью видеть то, что недоступно остальным, пережил весь ужас этой ночи в полной мере.

17

В 22.47 по среднерусскому времени, в Марьинский Координационный Центр поступил сигнал медицинской тревоги. На место происшествия вылетел вертолет неотложной медицинской помощи.

Однако врачами было установлено, что сердце у господина Ефима Салмаксова в полном порядке. Лидер СПС нуждался в медицинском вмешательстве иного рода.

Через полчаса вертолет с господином Салмаксовым на борту приземлился на территории Канатчиковой Дачи.

— Здорово, мужики! — ощерился рослый санитар, заталкивая в палату брызжущего слюной Салмаксова. — К вам тут какой-то Кетцаль.

Палата была с «испанским» уклоном. Двое Кортесов, Писарро и Торквемада с интересом воззрились на вошедшего.

18

— Пойдем, пойдем... Пойдем, Фродо сын Дрого. — Хотой загадочно ухмыльнулся.

Августин только-только вышел из оцепенения, вызванного «Сердцем Тайги», и плохо понял, о чем это Хотой — наверное, о каких-то своих якутских духах...

Двери перед ними расступились, и в лицо двум изможденным победителям уставились стволы пяти М-27.

— Господа, мне было очень приятно познакомиться с вами. Но я вынужден арестовать вас, — вежливо, но непреклонно заявил Стэнли Мэрдок. Он ощущал себя хозяином положения.

— Это правильно, — согласился Хотой. — Но на вашем месте я бы поспешил в Шереметьево, на борт «Пандоры». В противном случае через полчаса арестуют вас.

Зрелище, которое предстало их взорам, было действительно внушительным. Коротко остриженный газон перед парадных входом в Главный Корпус был полон праздношатающихся людей.

Костры — рукотворные и нерукотворные — восполняли нехватку освещения, которое неспособны были обеспечить ни полная луна, ни звезды.

По расчетам Августина, было уже далеко за полночь. Вокруг ближайшего к крыльцу костра сидели натуралы — те, кто уцелел в кровавой бойне. Они сидели и молчали — не переговаривались, не шутили. Они медитировали, создавая своим отрешенным видом резкий контраст с бравыми жизнерадостными перуновцами, которые не растеряли своей здоровой витальности, даже побывав в ВИНовской мясорубке. Теперь они наводили порядок на оккупированных территориях.

Августин, скачущий на одной ноге, опираясь на плечи двух сержантов «Перуна», выглядел трагикомично. Хотой был по-прежнему сдержан и даже немного медлителен — на лице его застыла странная маска непричастности.

Сергей Гаспаров был возбужден и зол. Теперь, когда все кончилось, можно было позволить себе некоторую взбалмошность.

Томас был на редкость смирным и даже печальным. Видимо, и собачьи нервы имеют предел прочности.

Они остановились неподалеку от костра натуралов. Августин бесстрашно осматривал свою рану. Хотой сосредоточенно искал изъяны на бледно-желтом лунном лике, а быть может, молился. Сергей пожирал взглядом спину своего заместителя, не решаясь позвать его к себе.

Казалось, они уже разбрелись по миру каждый в свою сторону, по крайней мере в мыслях. Но на самом деле все они думали об одном. О том, как и почему все получилось именно так, как получилось. О том, почему каждый из них до сих пор жив, и о том, что будет дальше. И если кто-нибудь из них знал ответы хотя бы на половину этих вопросов, то это был Хотой.

— Ну что, ребята, я сваливаю. Думаю, сейчас прибудет полиция. Еще я, честно говоря, заказал правительственную комиссию. Думаю, она нагрянет с минуты на минуту, а к их приему нужно немного подготовиться, — сказал наконец Сергей и, зацепив взглядом кровоточащее колено Августина, добавил: — Наш эскулап тебя сейчас посмотрит.

Он бодро зашагал туда, где уцелевшие пленные охранники ВИН и сотрудники лабораторий баловались пивом и перебрасывались шутками с охранявшими их перуновцами. Все шутки вертелись вокруг да около лейтмотива «мы б вам дали, если бы вы нас догнали».

— А ты? — Августин вопросительно поглядел на Хотоя.

— Можешь считать, что меня уже нет, — загадочно ответил тот. — Нам не стоит задерживаться здесь до прихода представителей нашей замечательной власти.

— Где тебя теперь искать?

— Я думаю, в столице Вселенной. — Только Хотой был в состоянии произнести такую фразу без напыщенной и пошлой интонации.

— В Москве, что ли?

Хотой улыбнулся как умел улыбаться только он. Августин понял, что сморозил очередную глупость.

— В Небесном Катманду.

19

— ...а он меня и спрашивает: вас мучают эротические кошмары? А я ему отвечаю: почему «мучают»?

Компания разразилась хохотом.

На борту «Пандоры» никогда не случалось подобного. Люди пили можжевеловый джин «Lardson», поедали четырехэтажные сэндвичи, горланили песни и безостановочно курили.

На первый взгляд, общество «Пандоры» было сугубо мужским. Об этом свидетельствовали и соленые шутки пирующих, и некоторые вольности в обращении.

Ни коммандос, ни интерполовцы не привыкли отказывать себе в свободном выражении своих мыслей. Но если присмотреться повнимательней, то можно было обнаружить на откидном сиденье, притаившемся в глубине салона, женскую фигурку, накрытую клетчатым пледом, которая представляла собой объект особого внимания сразу двух пассажиров «Пандоры». То один, то другой подходили к спящей брюнетке и, не обнаружив никаких изменений, присоединялись к остальным.

— Ну что? — спросил Мак-Интайр, когда возвратившийся из дозора сел по правую руку от него.

— До сих пор спит, — вздохнул Локи и таинственно подмигнул Мак-Интайру.

ЭПИЛОГ

1

Президент проснулся на полтора часа позже обычного. Голову плющил недобрый стальной обруч мигрени, в глазах было полно песку, в горле першило.

«Эти выборы способны свалить с ног кого угодно. Даже мою бронзовую статую», — президент встал с постели, почистил зубы и принялся за утренний кофе со сливками.

После событий вчерашнего вечера он чувствовал себя измотанным и каким-то никчемным. Все самое интересное произошло без его участия. Его снова поставили перед фактом. Его снова заставили улыбаться, признавать чужие заслуги и чужую активность в борьбе за нелегкое дело поддержания законности в России.

Он снова вынужден играть опостылевшую роль справедливого папочки, который мягко журит одних, строго наказывает других и осыпает милостями третьих. В общем, настроение было скорее плохим, чем хорошим.

День выдался особенно суетным. Признание неконституционности выборов по причине невменяемости одного из кандидатов, без которого не хватало, что ли, квору-

ма. Или форума — с политической терминологией у президента было туговато.

Колоссальный скандал, связанный с крылатыми ракетами, растыканными по всей Москве, а попутно и с нарушением международного многостороннего договора СНВ-5. Внезапная смерть одного из шефов ДБ генерала Воронова. Кроме того, пришлось расхлебываться с путаными и грязными «воскресными событиями», как в пресс-службе президента скромно окрестили резню в Главном Корпусе компании ВИН.

Так или иначе, в два часа дня президент понял, что его терпение подошло к концу, и лег в гостеприимную капсулу входа.

«Надо же ее распробовать хорошенько, — вздохнул президент, имея в виду систему Асгард. — А то неровен час придется запретить».

Прошли четыре минуты, и феноменальный мир событий, вещей и треволнений остался далеко позади.

Шесть часов пролетели незаметно. Асгард оставил о себе подозрительно мало воспоминаний. Да и вообще показался каким-то недостаточно ярким и уж совсем не манящим. Не то что вчера.

Зато в голове царила кристальная ясность мыслей. Хотелось действовать, побеждать, бороться. Мозг работал, словно компьютер двадцать пятой генерации. От мигрени не осталось и следа.

Президент закрыл полифертиловую крышку и заказал своему секретарю две чашки черного кофе.

«Ну мужики из ВИН напортачили, ох напортачили! И этот их Салмаксов тоже... хорош кандидат...» — с отвращением подумал президент. В глубине души он чувствовал себя обманутым.

2

— Я всегда знал, что встречу тебя, — сказал Августин. — Но не думал, что так скоро.

Зона включения Амстердам преображалась прямо на глазах. Руины отступали. Город приобретал свой первоначальный облик. Слава Богу, для того, чтобы быстро восстановить город в ВР, не нужно копать землю десятилетиями. Правда, и разрушить город в ВР — тоже задача не очень сложная.

— Признаюсь, все эти годы мне безумно хотелось увидеть тебя, Августин. Но...

— Но?.. — В Августине на минуту проснулся обиженный ребенок. Сын, брошенный отцом.

— Но сделать это при жизни мне не хватало смелости. Мои работодатели, да будет им земля пухом, что ли, сам понимаешь... Теперь, когда меня нет и некому больше ощущать раскаяние и стыд, наша встреча наконец-то состоялась.

Они сидели на высоком холме, с которого открывался вид на южную окраину Амстердама. Синие тюльпаны — вещь очень редкая в реальном мире. Точно так же, как черные розы. Но именно синими тюльпанами были усеяны холмы близ Амстердама. «Некому ощущать раскаяние...» — это было, конечно, грубой ложью.

— Скажи, если не секрет, чем ты занимался все это время после того, как... — Августин запнулся, комок подступил к горлу.

— После того, как умер? — как ни в чем ни бывало закончил за него Борис Михайлович. — Работал. Полгода работал на Щюро точно так же, как и раньше. С той лишь разницей, что меня не обременяло мое физическое тело. Но вчера, когда ВИНовская ВР начала сбоить, я обрел свободу.

— В Асгарде?

— Да. Последние двадцать четыре часа мне пришлось изрядно попотеть. Пришлось уничтожать последствия совершенных под диктовку Стального Венедикта злодеяний. Например, прочищать мозги всем, кому их компостировали вчера.

— Ну и как? — с детским любопытством спросил Августин.

— Вчера в Асгарде побывало шестьсот семь человек. Все они получили свою порцию дерьма в мозги. Сегодня пришло всего пятьсот. Каждый из них прошел реабилитацию посредством контробразов подлинного Асгарда. Если говорить начистоту, я предусмотрел эту возможность еще четыре года назад, при проектировании Асгарда. Но для того, чтобы сказать системе «отбой», нужен был человек, который отправит ко всем чертям господина Щюро с компанией. Такой человек нашелся. И, представь себе, этим человеком оказался ты.

— А что будет с остальными?

— Нет причин для беспокойства. От Асгарда так просто не отлипнешь. Это хуже героина. Поэтому — уверен — остальные явятся в ближайшие шесть часов. И повстречают нас, подлинных богов Асгарда, а не гипнотические клише, навязанные людоедами из ВИН...

Бравый йомен, морф «Робин Гуд», отныне был аватаром класса Джирджис.

Это значило, что он может видеть не только в оптическом диапазоне. Это значило, что он — счастливый обладатель магического зрения. Но даже магическое зрение Августина не позволяло ему видеть отца.

Только сгусток мутно-белого эфира. Только легкое свечение в том месте, где у людей бывает голова. «Наверное, имеет смысл рваться в Зу-л-Карнайны. Эти, по слухам, видят все. Даже тонкоматериальные нон-идентифицируемые виртуальные феномены, к числу которых в данный момент относится и мой родной отец...» — заключил Августин.

— Ну что ж, Августин, — голос Бориса Михайловича предательски дрогнул, — до встречи! Возможно, в Асгарде...

— Постой, кого ты имел в виду, когда сказал «Мы, подлинные боги Асгарда»?! Кто это — «мы»?

Над Амстердамом прокатился раскат грома — в нем растворились и короткий смешок Бориса Михайловича, и другие вопросы, брошенные Августином в лицо пламенеющей синими тюльпанами пустоте.

3

— ...вот, собственно, и все... — Августин нерешительно развел руками, вспоминая, не упустил ли он что-нибудь особенно эффектное. — Разве что цверги по сей день бродят землями бывшей Республики. Кое-где довольно опасно. Про цвергов я как-то забыл. Наверное, от страха, который до сих пор не отпускает меня.

Взгляд его собеседника лучился проницательностью и терпением.

— В том-то и фокус, что цверги — не злые демоны ночи. Их не следует бояться. Их просто нужно игнорировать. Нужно быть естественным. И тогда... Правда, я сам никогда не встречал их, — Олаф Триггвассон рассмеялся. — Как говорим мы, датчане, «хорошо быть смелым, когда чужую задницу порют».

И только в этот момент Августин ощутил со всей очевидностью и пронзительной ясностью тот факт, что перед ним действительно не кто иной, как автор книги «Страннее, чем рай». Это он, это его стиль, его манера выражаться. Именно так выражались датские задиры времен короля Олафа Триггвассона, именно такими образчиками народной мудрости пересыпал Библию XXI века Олаф Триггвассон.

— Посмотри, — шепотом, чтобы не мешать беседе, сказала псу Ксюша, присаживаясь на корточки рядом с Томасом. Она показывала на небо.

Тучи, которые с самого утра сгущались над Копенгагеном, внезапно, словно в ускоренной съемке, расступились — их разогнал дерзкий соленый норд-ост. И хотя теплее не стало, свет бледного земного Солнца, ласкающего прохладные камни района Клампенборг, делал «твердую копию» мира живой. Он делал ее настоящей.

Августин и Олаф сделали три шага к краю канала Хольменс. Темная и совершенно непрозрачная вода подернулась рябью.

— Между прочим, стоя на этом самом месте, я выбросил в воду свою новомодную альфа-станцию «Prime»... — после недолгой паузы заметил Олаф Триггвассон, любуясь своим отражением в свинцовых водах канала.

— ...и купил билет в Небесный Катманду, — закончил за него Августин.

1996—1997

Аваллон — в кельтской мифологии «остров блаженных», потусторонний мир, эквивалент христианского рая.

аватар — термин, появившийся в начале 90-х гг. XX века и обозначавший подвижный объект компьютерной 3D графики, управляемый участником VRML-чата и являющийся своего рода маской, графическим «телом» пользователя. Термин «аватар» произведен от индуистского слова «аватара», как правило означающего любое из восьми (девяти, десяти) воплощений Вишну.

В Виртуальной Реальности аватаром называется тело, графически (и сенситивно) представляющее актанта (см.).

Агасфер — так называемый «Вечный Жид», проклятый Богом и обреченный на бессмертие и нескончаемые скитания. Название второго класса аватаров в Реальности. Аватары класса Агасфер сильнее аватаров класса Адам, но слабее трех старших классов — Гильгамешей, Джирджисов и Зул-Карнайнов.

АГС-100 «Ванечка» — автоматический гранатомет станковый со стандартной лен-

той питания на 100 25-мм осколочно-фугасных гранат. Продолжение линии развития автоматических гранатометов «Пламя» и «Василек».

Азенкур — замок и местечко в северной Франции, близ которого в 1415 г. во время Столетней войны английские войска под командованием короля Генриха V наголову разбили армию французского короля Карла VI. Жизнь Генриха V и, в частности, события под Азенкуром легли в основу пьесы Шекспира «Король Генрих V».

Аквинат — имеется в виду Фома Аквинский, крупнейший средневековый схоласт, теолог, философ.

актант — человек, находящийся в виртуальной реальности. Термин по большей части юридический и официальный. В разговорной речи вместо «актант» обычно употребляется «ходок», «дайвер», «сёрфер».

активно-поглощающая броня — принципиально новый тип защиты боевой техники, основанный на уничтожении боеприпасов противника в первые микросекунды контакта с броней при помощи сверхбыстрой реакции химического катализа-синтеза. Активно-поглощающая броня изобретена в начале 30-х годов XXI в.

Аль-Хаким из Мерва — персонаж раннего рассказа Х.Л. Борхеса «Аль-Хаким, красильщик из Мерва», прокаженный лжепророк.

«Ангара» — зенитная 35-мм автоматическая пушка с блоком из семи вращающихся стволов. В ПВО российских войск «Ангара» начиная с 20-х годов XXI в. заменила устаревшие системы «Шилка» и «Тунгуска».

антропос — человек *(греч.)*

АПЛ-9 — автоматический пистолет Леонова, калибр 9 мм.

Асгард — в скандинавской мифологии небесная крепость асов, высших богов.

«Беретта» — семейство полуавтоматических 9-мм пистолетов итальянской разработки, принятых в конце XX в. в качестве стандартного личного оружия в армии США и впоследствии производившихся по лицензии во многих странах мира.

«Вамп» — американская электромагнитная бомба (ЭМ-бомба) нового поколения. Первые ЭМ-бомбы были созданы еще в конце XX в. и уже тогда были способны генерировать электромагнитный импульс, по своим параметрам близкий к тому, который возникает в результате подрыва атомного боеприпаса малой мощности. ЭМ-бомбы предназначены для выведения из строя электронных систем противника. Они не причиняют никаких заметных разрушений, но, вопреки рекламным заявлениям, вредны для здоровья человека.

ВИН — концерн «Виртуальная Инициатива», ведущий российский производитель оборудования и нейрограммного обеспечения для виртуальной реальности.

ВМЗ — высокомолекулярный запах. Неслышный для человека и собаки запах, который источается особыми белковыми веществами и который можно улавливать за десятки километров при помощи специальной аппаратуры.

волына — пистолет (уголовный жаргон).

ворэнт-офицер — воинское звание в Америке и некоторых других странах, аналог прапорщика.

ВР — виртуальная реальность. Термин, появившийся в конце 80-х годов XX в. и означающий более или менее удачные компьютерные трехмерные симуляции настоящей или вымышленных реальностей. Подробнее см. Олаф Триггвассон, «Страннее чем рай».

галлюциногены — вещества, которые при попадании в систему обмена веществ человека способны вызывать «видения», «голоса» или другие субъективные ощущения галлюцинаторного толка.

Гильгамеш — герой шумерской мифологии, могущественный воин, мудрец, правитель. Название третьего класса аватаров в ВР. Гильгамеш сильнее Адама и Агасфера, но слабее Джирджиса и Зу-л-Карнайна. Владеет магией первой ступени. Не имеет летательных морфов.

глюк — 1) на жаргоне наркоманов — то же, что и галлюцинация; 2) на жаргоне программистов, хакеров и просто ламеров — того или иного рода труднообъяснимое отклонение от нормальной работы программного обеспечения; приблизительно то же, что и «баг».

го — японская настольная игра, ничего общего не имеющая с привычными нам шахматами и шашками (несмотря на это, го часто принято называть «японскими шашками»).

граффити — яркие надписи, логотипы и рисунки, которые наносятся на стены и заборы при помощи различных инструментов от цветных мелков до пульверизаторов с краской.

дао — путь. Центральный термин китайской философии даосизма.

ДБ — Департамент Безопасности. Силовое ведомство России XXI в., совмещающее в себе функции уголовной и сетевой полиции, агентства по борьбе с наркотиками, контрразведки и национальной гвардии.

Джирджис — так в арабской мусульманской традиции принято транскрибировать имя христианского святого Георгия-драконоборца. Название четвертого класса аватаров в ВР. Джирджис владеет магией второй ступени и имеет внушительный набор морфов, в частности — летательных. Сильнее Джирджиса только Зу-л-Карнайн.

«Джуно» SSGM-3 — американские управляемые ракеты класса «космос-поверхность» с бетонобойными головными частями. Предназначены для уничтожения сверхзащищенных подземных объектов типа бункеров, туннелей и пр.

диджей — человек, виртуозно микширующий на дискотеках музыку от двух или более источников (в традиционном варианте — от двух проигрывателей) и тем самым создающий собственный саундтрек.

драгстер — наркоман.

Ершалаим — Иерусалим.

«Змей» — патрульно-базовый самолет Департамента Безопасности России типа «Стрибог».

Зу-л-Карнайн — «Двурогий», арабский эпитет превосходной степени, применяемый обычно в сочетании с «Искандер». Искандер Зу-л-Карнайн — Александр Двурогий, именно так называют арабы мифологизированного Александра Македонского. В Виртуальной Реальности Олафа Триггвассона Зу-л-Карнайн — высший, пятый класс аватаров. Зу-л-Карнайн владеет магиями трех ступеней, летательными морфами, способностью порождать целые сонмы фантомов и воскрешать убитых актантов.

«Инвинсибл» — «Невидимый», новейший английский десантный вертолетоносец, одноименный списанному в начале XXI в. легкому авианосцу.

Интернет — см. WWW.

Иона — главный персонаж библейской «Книги Ионы». Согласно тексту, Иона был проглочен огромной рыбой (китом).

йомен — в конце Средних веков лично свободный английский крестьянин, как правило лесник, егерь или охотник, по роду своих занятий прекрасно владеющий длинным тисовым луком. Йомены составляли основную силу армий английских королей во времена Столетней войны.

кальпа — в индуизме термин, отвечающий одному «дню-и-ночи» Брахмы и соответствующий 8 640 000 000 «человеческим» годам.

катарсис — очищение (*греч.*). Восходит к одной из функций, приписываемых Аристотелем искусству, а именно к очищению души через страдание во время созерцания драмы. Термин «Идеальный Катарсис», подсказанный Салмаксову Венедиктом Щюро и введенный в обращение в Социальной Республике Сол, имеет мало общего с аристотелевым катарсисом и подразумевает мучения плоти во имя очищения духа. В этом отношении эклектический культ политкомиссаров Республики чем-то напоминает аскетические экстремистские секты «хлыстов» и «скопцов».

кевлар — синтетический композитный материал, широко применяемый с 80-х гг. XX в. в бронежилетах, касках, внутреннем защитном подбое боевых машин и пр.

керн — ирландский наемный пехотинец в средневековой английской армии. Керны показали себя отменными бойцами в битвах времен англо-шотландских войн. В некоторых случаях, однако, керны переходили на сторону шотландцев.

Кетцаль (правильнее — Кецалькоатль или Кетцалькоатль) — верховный бог ацтеков. Один из псевдонимов Салмаксова.

клофелин — сильный депрессант.

комати — «жучок». От имени легендарной японской поэтессы Комати. «Черный ящик» внутри программы или отдельный программный вирус (иногда — вместе со своим специфическим информационным носителем, например, кристаллом), который активируется через какой-либо секретный пароль и предназначен для выполнения тех или иных диверсионных действий. Своего рода радиоуправляемая мина компьютерных сетей.

комбатант — термин, принятый в американской армии и обозначающий солдат боевых частей, которые находятся на линии огня (в отличие от многочисленных солдат тыловых служб).

коммандос — английские части специального назначения (термин появился во время Второй мировой войны).

комтур — в Тевтонском Ордене должность, отвечающая приблизительно московитскому «воеводе». В Герцогстве Велес, устроенном по канонам средневековой феодальной вольницы и наследующем многие исторические термины, — воинское звание, соответствующее полковнику в аватаре класса Джирджис.

конвертоплан — летательный аппарат, сочетающий в себе крейсерскую скорость турбовинтового самолета и способность к вертикальному взлету и посадке вертолета благодаря поворотному крылу. Первый серийный конвертоплан OV-22 «Оспрей» был создан в конце 80-х годов XX в. в США по заказу морской пехоты.

Кухулин — центральный герой ирландской мифологии.

ленд-лиз — имеется в виду «второй ленд-лиз», то есть передача в бессрочную аренду с правом выкупа устаревшей техники развивающимся странам в первые десятилетия XXI в., осуществленная США и Объединенной Европой.

Локи — бог коварства, зла и демонического веселья в скандинавской мифологии.

«Магнум» — семейство мощных пистолетов; «Магнум-40» — калибра 11,43 мм.

мандала — символическое изображение структуры мира в индуизме и буддизме.

мантра — священное стихотворение в индуизме и буддизме, наделенное глубоким мистическим смыслом.

«Мгла» — российская снайперская полуавтоматическая винтовка калибра 12,7 мм, оснащенная комплексным прицелом с лазерным визиром и прибором ночного видения, метеорологическими сенсорами и микрокомпьютером для вычисления поправок прицеливания.

«Мистраль» — автомат (точнее — укороченная штурмовая винтовка) французского производства калибра 8 мм, поступающий с 2027 г. на вооружение российских частей специального назначения.

Митгард — срединный мир, обитель простых смертных в скандинавской мифологии. Расположен между Асгардом и Утгардом. Населен преимущественно людьми и животными.

«Мнемозина» — коммерческая всемирная компьютерная информационная сеть на HDPITP-протоколе, заменившая сеть Интернет в 2010-х годах (см. *Парад Процессов 2012 года, HDPITP*). Во всех развитых странах доступ к «Мнемозине» — неограниченный и бесплатный. При этом, однако, каждый пользователь «Мнемозины» в обязательном порядке должен приобрести специальное идентифицирующее оборудование и пройти платную регистрацию во Всемирной Учетной Базе «Мнемозины». Также пользователь за каждый просмотр каждой страницы с данными автоматически отчисляет определенную сумму владельцу страницы (от этой суммы, в свою очередь, отчисляются проценты владельцам контента, размещенного на странице, а также владельцам «Мнемозины»). Помимо прочего, из «Мнемозины» можно скачивать различные видео- и аудиофайлы — например, фильмы. При этом одно скачивание свежего фильма в формате MP15 стоит примерно в два раза дороже, чем билет в кинотеатр. Пользователь имеет право осуществить один просмотр MP15-файла, после чего файл автоматически самоуничтожается. Как известно, просмотр и прослушивание MP15-файлов возможны только через очки и наушники специального AV-шлема, что исключает просмотр фильмов и другой видеопродукции, полученной через «Мнемозину», незаконными пользователями — например, членами семьи или гостями законного пользователя.

«Молот» — модульная боевая часть семейства российских ракет класса «поверхность-поверхность» и «воздух-поверхность», представляющая собой боеприпас объемного взрыва (БОВ). Действие БОВ основано на эффекте детонации, возникающей в облаке распыленной аэрозоли специального химсостава. Детонируя, обла-

ко мгновенно сгорает. В образовавшуюся зону разреженности устремляется внешний воздух, создавая тем самым мощную ударную волну, идущую не от, а к эпицентру взрыва (поэтому в прессе БОВ часто называют «вакуумными бомбами»). Вскоре возникает вторичная ударная волна, расходящаяся уже от эпицентра. По своей разрушительной силе БОВ близок к тактическому ядерному оружию. Например, созданные еще в последней четверти XX в. легкие БОВ могли «схлопнуть» девятиэтажный дом, а тяжелые — стереть с лица земли целый квартал.

мортидо — фрейдистское понятие, парное к «либидо». Согласно З. Фрейду, мортидо, то есть стремление к саморазрушению, к смерти, является неотъемлемой частью человеческой психики.

морф — конкретный вид аватара.

нанотехнологии — термин, появившийся в середине 80-х годов XX в. для альтернативных, не-электронных подходов к созданию сверхминиатюрных кибернетических устройств и систем. Как правило, вместо полупроводниковых логических элементов нанотехнологии подразумевают использование свойств сложных органических молекул (таких, как РНК и ДНК) менять свой изомер и электрический потенциал в зависимости от химсостава среды и других факторов. Таким образом, нанокомпьютер — по существу, «живой» компьютер, который в принципе способен не только самообучаться и самопрограммироваться, но также самовоспроизводиться и мутировать.

нейротранслятор — основной элемент капсулы входа в виртуальную реальность. Осуществляет прямую трансляцию на мозг в процессе ВР-сеанса. Транслируются ощущения от всех органов чувств человека, благодаря чему у актанта ВР создается полная иллюзия реальности происходящего.

НИВФ — нон-идентифицируемый виртуальный феномен. Выражаясь доступным языком — глюк ВР (см. глюк, цверги).

«Павлиноглаз» — легкий беспилотный летательный аппарат российского производства. Оснащен газоанализатором (для выявления носителей ВМЗ, см.), компактными средствами оптического наблюдения и инфракрасными датчиками. Может служить как для разведки, так и для целеуказания.

Пантократор — вседержитель (*греч.*). Одно из наименований Верховного Существа, Творца, Бога в греческой философии и, впоследствии, в восточном христианстве.

Парад Процессов 2012 года — кампания, спровоцированная провайдерами коммерческой сети «Мнемозина» и направленная на подрыв правовой и коммерческой базы функционирования сети Ин-

тернет. В течение 2012 года правообладателями различных информационных материалов, размещенных в Интернете зачастую на вполне легальной основе, были одновременно выдвинуты тысячи исков к провайдерам и владельцам сайтов. Одновременно с этим в Европе и Америке была раздута очередная истерия по поводу «порнографии», «маньяков-педофилов» и «воровства интеллектуальной собственности» в Интернете. Также в 2012 г. было произведено множество подозрительно профессиональных взломов банковских серверов и крупных интернет-магазинов. В результате крупнейшие поставщики интернет-услуг и владельцы сайтов понесли огромные убытки, а доверие потребителей к Интернету было подорвано. В начале 2013 года 79 стран подписали Гаагскую Информационную Конвенцию (ГИК), замораживающую дальнейшее расширение Интернета. Провайдеры сети «Мнемозина» и производители аппаратного обеспечения для идентификации пользователей, напротив, получили налоговые льготы и режим наибольшего правового благоприятствования.

ПБС — патрульно-базовый самолет, по существу — летающий вертолетоносец. Состоят только на вооружении ДБ России. Представляют из себя гигантские летательные аппараты, способные находиться на боевом дежурстве по трое суток без дозаправки. Оснащены радарами на фазированных антенных решетках с высокой разрешающей способностью, лазерными дальномерами-сканерами, аппаратурой радиоперехвата и радиоэлектронной борьбы. Вооружены универсальными ракетами Р-200 класса «воздух-воздух, космос, поверхность». «Базовыми» самолеты называются потому, что на их борту могут базироваться до пятнадцати боевых и десантных вертолетов, а также беспилотные летательные аппараты. Все радиоэлектронные средства и вооружение ПБС объединены в одну интегрированную информационно-ударную систему «Длань Стрибога», которая отображает для операторов все собранные данные в виде трехмерной эмуляции внутри локальной виртуальной реальности. В свою очередь, деятельность операторов внутри этой виртуальной реальности имеет обратную связь с реальным миром. Например, оператор внутри этой локальной ВР может отдать приказ на уничтожение самолета-нарушителя, просто подлетев к нему и ткнув в него красной указкой. В реальном мире это действие отобразится запуском ракеты Р-200 по указанному самолету и т.д.

«Перун» — подразделение специального назначения ДБ России. Основные цели: борьба с терроризмом, организованной преступностью, защита и спасение гражданского населения в чрезвычайных ситуациях.

ПЗРК — переносной зенитно-ракетный комплекс.

психосинтезатор — не очень удачное название для второй по значимости после нейротранслятора части капсулы входа в ВР. Психосинтезатор считывает развернутую картину излучений мозга актанта ВР и осуществляет ее первичную обработку для виртуальной подстанции. Грубо говоря, если актант видит в ВР перед собой тигра и хочет от него убежать, психосинтезатор отправляет на подстанцию сообщение: «Он хочет убежать; от головного мозга через спинной мозг уже пошел первый импульс к мышцам правой ноги». Подстанция обрабатывает эту информацию и передает на нейротранслятор картинку сдвинувшейся ноги (как ее краем глаза видит теперь актант) и, во-вторых, ощущение того, что нога сдвинулась. Обмен сообщениями на линии актант — психосинтезатор — подстанция — нейротранслятор — актант происходит свыше тридцати раз в секунду, чтобы быстро обновлять изображение и другие ощущения актанта и тем самым создавать полную иллюзию реальности.

психосканер — устройство, позволяющее производить глубокое зондирование памяти человека. В отличие от психосинтезатора, улавливающего лишь текущие моторные и речевые побуждения актанта в ВР, психосканер позволяет проникать в психику пациента очень и очень глубоко. Расхожая шутка натуралов: психосканеры четвертого поколения смогут проникать в глубь человеческой психики на десять перерождений и тогда наконец все поверят в буддийское учение о перерождении душ.

ПТУР — противотанковая управляемая ракета.

Рагнарёк — в скандинавской мифологии битва последних времен.

Реальность — наиболее распространенное название Всемирной Виртуальной Реальности (ВВР, ВР).

РПГ — ручной противотанковый гранатомет.

«Рэпид» GAU-5/35 — зенитная 35-мм автоматическая пушка с блоком из пяти вращающихся стволов. Американский аналог «Ангары» (см.).

сансара — в буддизме — мир вещных форм и проявлений, полное освобождение от иллюзий которого составляет одну из ступеней на пути к просветлению.

секьюры — охранники. (От англ. security — безопасность.)

слоган — лозунг (англ. slogan). В теории маркетинга — ударная фраза рекламной компании. Например: «В рай — с Виртуальной Инициативой!»

слот (англ. slot) — разъем-приемник для статина (см.).

СНВ — сокращение наступательных вооружений (разумеется, в первую очередь ядерных и химических).

Сол — правильнее: «Соль»; солнце (*лат.* sol). Название виртуальной «социальной республики» господина Салмаксова. Примечательно, что в этом странном названии скрестились и мрачноватый утопический «Город Солнца» Томазо Кампанеллы, и позднеримский государственный культ Sol Invictus (Солнца Непобедимого), и так называемая «социальная республика Сало» — марионеточное государство Муссолини, существовавшее в конце войны в Северной Италии (Южная была уже оккупирована союзниками).

СРС — Социальная Республика Сол.

станнер — парализатор.

статин — неологизм от аббревиатуры СТАТИН — СТАндартный Твердотельный ИНфоноситель.

стелс — невидимка (от *англ.* stealth).

«Стрибог» — название типа российских ПБС.

сэнсэй — учитель (*яп.*)

Триггвассон Олаф — отец виртуальной реальности, автор культовой книги XXI в. «Страннее чем рай».

«Улисс» — система интерференционного подавления, впервые примененная в боевых условиях на стелс-вертолетах «Навахо» в 2036 г. Принцип работы системы основан на определении фазы и амплитуды излучения поискового устройства ПВО (например, радара) и на создании мощной прицельной помехи, идущей в противофазе с поисковым импульсом.

«Унимаг» — пистолет-пулемет калибра 11,43 мм бельгийского производства.

унисекс — модный стиль одежды (реже — парфюмерии), равно подходящей и для мужчин, и для женщин. Типичный пример костюма унисекс: брюки клеш, футболка и пиджак свободного покроя.

Утгард — нижний мир в скандинавской мифологии, обитель демонических сил. В ВР — название «заглюченных» непредсказуемых кластеров, потенциально опасных для психического здоровья актанта.

«Фагот» — советская противотанковая управляемая ракета выпуска 80-х годов XX в. с наведением по лазерному лучу.

«форсаж» — незаконная приставка к капсуле входа, позволяющая доступ в ВР незарегистрированным пользователям под видом зарегистрированных и притом с аватарами старших классов.

хак — словцо из хакерского сленга, обозначающее и удачный прием взлома защиты чужой информации, и результат такового взлома, и любой противозаконный виртуальный трюк вообще. От

«хак» производится глаголы «хакать», «расхакать», «хакнуть», прилагательные «хакнутый», «расхаканный» и существительные «хакер», «хакерство».

«Хамелеон» — российское спецоружие, предназначенное для бескровного задержания преступников. Представляет собой мощную вакуум-клеевую присоску, которая выстреливается на сверхпрочном синтетическом лине при помощи порохового заряда из специального ствола калибра 60 мм.

«Хаммер GI» — устаревший американский армейский джип начала 90-х годов XX в., модернизированный по программе второго ленд-лиза. «GI» в марке джипа означает «goverment issue», «государственная собственность». На американском официальном жаргоне «джи-ай» означает вообще все армейское и, в частности, солдат. Таким образом, «Хаммер GI» следует понимать как «Хаммер-солдат», «Хаммер-армейский» (в отличие от «Хаммер CV» — «Хаммер Civil», то есть «Хаммер-гражданский»).

цверги — в германо-скандинавской мифологии карлики, которые первоначально были червями в теле великана Имира, из которого произошел мир.

центурион-примипил — старший из шестидесяти центурионов легиона в римской армии («примипил» — от *лат.* primi pili, «первое копье»).

чэннел — телевизионный канал (*англ.* channel).

«швейка» — сленговое название малокалиберных автоматических пушек.

эксесс — доступ (*англ.* access).

«Эскадрон С» — Эскадрон Смерти, так называемый «Черный Спецназ». Формально — рота «В» четвертого батальона «Перуна». Фактическое число бойцов Черного Спецназа неизвестно. «Эскадрон С» — антиконституционное формирование, предназначенное для физического уничтожения преступных элементов без суда и следствия по личному приказу одного из трех «кураторов» — старших офицеров Департамента Безопасности. На момент описываемых в романе событий офицеры «Эскадрона С» выполняли только личные приказы генерала Воронова, игнорируя приказания двух других кураторов.

HDPITP — Hyper Data Personal Identification Transfer Protocol, *англ.* «Протокол передачи гиперданных с персональной идентификацией». Протокол разработан для замены традиционных протоколов, обеспечивавших работу сети Интернет и ее основных сервисов — просмотр сайтов, скачивание файлов, рассылку электронных писем (протоколы HTTP, HTTPS, POP3, SMTP, FTP и другие). HDPITP

разработан специально созданной для этих целей фирмой «New Order» в 2009 г. по заказу WIPO (World Intellectual Property Organization — Всемирная Организация [по защите] Интеллектуальной Собственности). Фактически «New Order» была ширмой, за которой скрывался могущественный синклит корпораций, заинтересованных в появлении «Мнемозины».

WWW (World Weakly Web, бывш. World Wide Web) — всемирная компьютерная информационная сеть Интернет. Достигнув пика своего развития к 2010 году, Интернет в 2010-х гг. постепенно пришел в упадок. Главной причиной гибели Интернета было появление и агрессивное продвижение на мировой рынок информационных услуг альтернативной информационно-коммерческой сети «Мнемозина», основанной на использовании HDPITP-протокола (см.). Также существенную роль в закрытии Интернета сыграло ужесточение копирайтной политики ведущих мировых медиаконцернов (см. Парад Процессов 2012 года).

1996—1997

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

ОТ АВТОРА

Перед читателем — одна из моих любимых повестей и говорить о ней мне нелегко из-за опасения нанести ущерб ее обаянию не слишком удачным вступлением. Но деваться некуда. Первоначально повесть была написана для антологии современного рассказа «Облик России будущего». Антология задумывалась пафосная, программная, ее создатели сулили небывалые гонорары, прельщали переводами на иностранные языки и предрекали потенциальным авторам, сплошь писателям-фантастам, славу и почет далеко за пределами фантастического околотка.

Меня всегда живо интересовали слава и гонорары, и все же я согласился написать для антологии по другой причине: беспризорный сюжет, мучивший меня не один месяц, к тому времени вполне созрел и был готов перебраться из головы на бумагу. Этот сюжет был трехголов, как сказочный дракон, и имел самое непосредственное отношение к будущему России. Вращался он вокруг главной влюбленной пары русской литературы — Евгения Онегина и Татьяны Лариной.

На самом деле, повесть посвящена не столько пушкинским героям, сколько их проекциям или, если выразиться чуточку грубее, пошкольному, то восприятию оных фигур сторонним наблюдателем. Ведь Онегин и Татьяна, как Чапаев и Петька, давно вышли за пределы собственно литературного мира и шагнули в мир архетипов, превратившись в своего рода непроветянный сон в сознании поколений начитанных девочек и мальчиков.

Повесть разбита на три самостоятельные новеллы. Первая посвящена геймдевелопменту, индустрии производства компьютерных игр. Я, будучи профессиональным сценаристом компьютерных игр и являясь, по сути, крохотным станком на этой фабрике электронных смыслов, приложил все старания к тому, чтобы о том, как работает эта фабрика, узнали и другие, те, кого доселе не пускали дальше проходной. Надеюсь, после знакомства с Чистилиным и Капитаном и погружения в мутную жижу их трудовых будней, читатель не утратит способности дать взвешенный ответ на вопрос: «Так что же все-таки лучше — массовая культура или массовое бескультурье?»

Действие второй новеллы разворачивается в далеком космосе. Броское название преломляется в прозрачной толще текста дважды и, надеюсь, достаточно нетривиально. Онегин и Татьяна здесь будто бы обретают новое материальное воплощение, а их дети... а их детям предстоит опасный многочасовой перелет с планеты на планету. В третьей же новелле навстречу читателю из-под покрова исполинского леса планеты Грозный выступает миляга Додар, рядовой армии Великой Конкордии (напомню, бессменного противника Российской Директории из космической трилогии «Завтра война»). Додар влюблен в портрет Татьяны Лариной со страниц русского издания «Евгения Онегина». Он очень боится плена. Он романтик... Мне было забавно смотреть на нашу культуру глазами представителя инопланетной ветви земной расы, клона, исповедующего зороастризм. Надеюсь, понравится это и читателю.

Повесть «Дети Онегина и Татьяны» я написал по своим меркам достаточно быстро — за месяц. Втрое больше времени я потратил на то, чтобы довести ее, как сказали бы в мире компьютерных игр, «до релиза». Хотелось, чтобы линии и пунктиры сплетались в единый смысловой узор — правдивый и поучительный. Чтобы за выдумками, рассказанными тремя драконьими головами-новеллами, отчетливо проступало Самое Важное.

К настоящему моменту эта повесть выдержала уже пять изданий. И читательских отзывов на нее я получил преизрядно. Частенько спрашивали, хочу ли я сам, чтобы «Онегина» продолжили для пользы всей русской культуры? Я, честно говоря, не знаю... Наверное, да.

НОВЕЛЛА ПЕРВАЯ

Апрель 2015 г.
Москва, Россия

Случается, весна в апреле похожа на лето. Откуда ни возьмись пыль, жарища, сквозь прорехи в клейкой листве — солнце, уже по-летнему настоящее, термоядерное.

Народ в конторе еще одет по-зимнему, все потеют и пыхтят, но кондиционер никто не включит — наслаждаются навалившимся теплом, мазохисты.

Это время года Чистилин, менеджер по внешним программам концерна «Elic Entertainment», производящего игры для PC и видеоприставок, ненавидел особенно люто.

В апреле в человеке как трава прорастает человеческое. На фиг никому не нужное, кстати сказать.

Чистилину шел тридцать второй год. Выражение его бледных серых глаз писатели девятнадцатого века непременно назвали бы разочарованным. Два века спустя оно звалось серьезным.

Только что Чистилина вызвали в кабинет директора. И теперь он вроде как спешил.

Проходя мимо стеклянной выгородки главного бухгалтера Таисы, Чистилин по-

слал Таисе воздушный поцелуй. Бухгалтер сделала вид, что смутилась.

В конторе Чистилин слыл донжуаном. Создание этого образа заняло несколько лет — цветы на Восьмое марта всем женщинам, включая горбунью-уборщицу, костюмы и рубашки из пустынно-прохладных магазинов, где у кассы никогда не толпятся, таинственное, мягкое выражение глаз, взволнованная речь — теперь оставалось только работать на его поддержание.

Зачем работать — другой вопрос. Его Чистилин предпочитал себе не задавать.

Он улыбался, но улыбка выходила озабоченной, почти озлобленной. Это заметил даже близорукий пиарщик Славик. Только что дверь директорского кабинета закрылась за его хилой спиной, и теперь с чувством исполненного долга Славик направлялся к кофейному аппарату, на ходу закатывая рукав полосатой рубашки — вот сейчас суставчатая лапа аппарата протрет спиртом белый локтевой сгиб, вопьется в вену Славика тончайшее стальное жало, а дальше — нервическая бодрость, на два часа тридцать две минуты. По действию то же самое, что чашка двойного растворимого, разве что без свинцового вкуса во рту. По стоимости же одна инъекция, как бокал «Bourgogne Passetoutgran», а сама корейская машина — ценой в двадцать банальных кофейных автоматов.

«Но офис без такой не стоит, как село без праведника!» — любил повторять директор.

— Ты чего, Чистилин, не спал сегодня?

— Да нет вроде.

— Выглядишь так себе. Как говорят в Пиндостане, shity, — со смешком сообщил Славик и добавил, уже полушепотом: — Капитан сегодня это... в креативном настроении.

Чистилин благодарно кивнул Славику, ощущая, как напряглось все — от глотки до ануса.

Директор, предпочитавший, чтобы его звали Капитаном, был редким гостем в «Elic Entertainment». Точнее, в его московской штаб-квартире.

Обычно он рыскал по выставкам, гейм конвеншнз и курортам. А когда надоедало, разъезжал с инспекциями по провинции, где находились студии, взятые на финансовое довольствие.

Персонал трепетал перед Капитаном. Сам же Капитан ни перед кем не трепетал, кроме загадочного и географически удаленного Совета Учредителей. Его Чистилин представлял себе чем-то вроде масонской ложи в стиле паропанк.

За семь лет работы в конторе Чистилин успел усвоить: раз Капитан появился в столице, значит, его переполняют дурные творческие думы.

— Ну что, Андрюша, располагайся... Чай вот, суматранский, с экстрактом тестикул летучей мыши, попробуй обязательно. — В начале разговора Капитан всегда брал приветливый запанибратский тон. Наверное, чтобы означить левый край эмоционального диапазона беседы. На правом располагались истерические вопли с метанием в стену бронзового письменного прибора.

— Спасибо, Александр Витальевич.

— Опять? Мы же договорились — просто Саша.

— Забыл. Извини.

— Так что, делают нас япошки? — спросил Капитан, складывая руки замком на затылке.

Речь шла об успехе японской многопользовательской RTLS «Fields of True Feelings». За неделю со дня открытия — триста миллионов подписчиков по всему миру.

RTLS значит Real Time Love Strategy. Это когда «обнимитесь миллионы», в смысле, платишь деньги и обнимаешься, предаешься чувствам — бодрящим, возвышающим душу и электронно безопасным. Знакомишься, любишь, расстаешься, все дела.

«Но триста «лимонов» за неделю — это круто. Особенно учитывая цену абонемента — четыре тысячи пятьсот рэ в месяц. Простые арифметические расчеты показывают, что при стоимости разработки...»

— Делают. А вот еще — вы слышали, то есть я хотел сказать, ты слышал, итальянские хлопцы в июне запускают штуку такую... «Love over Gold». На движке «Juliette». Есть инсайдерский слив, что предварительных заказов вдвое больше.

— Что еще знаешь?

— Русских среди подписчиков меньше процента.

— А в «Полях» этих ниппонческих сколько наших?

— Около того же. Не нравятся русскому человеку чувства. И слава богу, — отвечал Чистилин. — Мы воевать любим.

— Ты не прав. Русскому человеку нравятся чувства.

— ?

— Не смотри на меня как на тяжелого больного. Нравятся-нравятся.

— Данными продаж это не подтверждается... — Чистилин вежливо стоял на своем. Он знал: Капитан не любит откровенных подхалимов, ему нужны «люди со своим мнением». — Продажи по лав-

симам мертвые, затраты на локализацию еле отбиваем. Не только у нас, кстати. Ребята из «1С» недавно плакались — у них тоже еле-еле. Какие на фиг тут чувства? Нам их и в жизни хватает, — уверенно сказал Чистилин, стараясь не думать о том, что, если не считать редких проституток, в последний раз он целовал женщину на первом курсе института.

— Просто русскому человеку нужны русские чувства, — сказал капитан таинственно.

— Вероятно... Вам виднее. И... что?

— Будем делать русское.

— RTLS?

— Да ты что! Не потянем пока. Начнем с адвентюры.

— Придется купить тайтл... — Чистилин сразу подумал про сериалы. «Спросить у мамы: пусть расскажет, что сейчас крутят». — Но тайтл — это сразу вложение.

— Обойдемся.

— Без тайтла как-то... страшновато. Большой риск.

— Тайтл будет.

— Бесплатных тайтлов не бывает, Александр Витальевич. Саша.

— Бесплатные тайтлы называются классикой, Андрюша. Чему тебя только в твоем институте учили?

— Моделированию космических аппаратов.

— Ах, черт, со Славкой перепутал, это ж он в пиарно-попильном учился... Лучший топ-лист бесплатных тайтлов находится в оглавлении школьной хрестоматии по русской литературе.

— «Война и мир»? — попробовал угадать Чистилин.

— Опять ты со своей войной? Милитарист...

— «Преступление и наказание»?

— В жопу, — нахмурился Капитан. — Трудящимся не нужны такие чувства. В нашей таргет груп процент садомазохистов, включая латентных, не превышает четырех с половиной. А процент находившихся под следствием в семь раз выше среднеевропейского. Так что ни к чему эти ассоциации — наказание, обрезание...

— Тогда не знаю... Ну, «Прощай, немытая Россия!».

— Политики нам только не хватало! Господи, помилуй. — Чистилин основательно перекрестился. Чистилин знал — Капитан происходит из староверов, даже посты вроде бы соблюдает, не прочь блеснуть старинным словцом. Такие детали освежают биографию всякого рвача на радость составителям некрологов. — Но тепло уже. Тепло. Лермонтов... А где Лермонтов, там и... кто? Напряги извилину, товарищ менеджер!

— «Я помню чудное мгновенье»... — вспомнил Чистилин.

Однажды маленькому Андрюше задали выучить «Мгновенье» наизусть, но мать работала в универсаме во вторую смену, а он отчаянно заигрался в «Doom» да так и заснул носом в «пробел», а когда проснулся, на заплывшей щеке розовели оттиски клавиш и мимолетные виденья были не те, и не про то, и нерифмованные...

— Тепло. Нет, горячо!

— Пушкин... — робко проблеял Чистилин.

— Точно!

— «Евгений Онегин»?

— Умничка.

— Короче говоря, пиши... «Глава первая».

— Написал.

— Убей. Не глава, а миссия. Миссия один, локация один. Типа... «Знакомство с Онегиным». Нет, лучше «Онегин едет к дяде». Вяло как-то... Ну едет он — и что?

— Едет на почтовых! — вспомнил Чистилин.

Его бабушка работала учительницей чтения и письма в интернате для умственно отсталых, дома любила декламировать то, что осталось невостребованным на работе. Ее стараниями кое-что пушкинское спрессовалось на дне захламленного трюма чистилинской памяти. Это нечто предстояло сейчас из трюма поднять. Капитану было не в пример легче — он держал перед глазами третий том сочинений поэта, изданный в 1957 году Государственным издательством художественной литературы.

— Кстати, что такое эти почтовые, не знаешь? — неприязненно осведомился Капитан.

— Вроде как там у них были разные станции, где почтальонам меняли лошадей и другим путешественникам тоже. Три часа чувачок едет на одних лошадях, потом доезжает до почтовой станции, там ему в карету запрягают других, отдохнувших. Так быстрее.

— Он что, в карете, получается, едет?

— Получается.

— На фиг. Пиши. Онегин едет верхом на лошади. Белой. Поскольку кареты эти не смотрятся ни фига.

— Смотря как сделать. Если цугом двенадцать лошадей...

— Кем? — Капитана, как видно, смутило слово «цуг».

— Цугом. Это когда лошади парами, а пары — одна за другой. Вот французы во второй «Madame Bovary» такое заюзали — очень ничего, анимация движений толковая. Вообще богато смотрится.

— Нам бы их бюджет, у нас бы цугом даже комары летали...

После этих слов Капитана понесло жаловаться — вот-де, выросли налоги, потребитель стал переборчивым и вялым, и, кстати, со стороны правительства никакой поддержки, хотя геймдев это ведь тоже искусство, как торговля или, к примеру, спорт.

Капитан говорил так увлеченно, так страстно, будто в кресле перед ним сидел не Чистилин, который давно и прочно в курсе, а полудурочный с приплюснутым лицом корреспондент монгольского журнала «YurtaDigital», которому только наливай. Чистилина это, конечно, раздражало. Как и то, что Капитан решил экспромтом «накидать» контуры будущего проекта, невзирая на обеденный перерыв. Еще и настоял, чтобы Чистилин вел стенограмму, как какая-нибудь секретарша, вместо того чтобы просто включить диктофон.

— Опять отвлекаемся! — как будто очнувшись, воскликнул Капитан и вновь вперился в книгу. — Едет он, значит, на белом коне. Тем временем дается инфа. Вроде досье или что-то такое. Онегин Евгений... Кстати, ты отчества его не знаешь?

— Кого?

— Онегина.

— Да откуда? — цокая клавишами, спросил Чистилин.

— Тогда пусть будет пока Александрович, хе-хе. Онегин. Сын миллионера и... актрисы балета.

«...и артистки балета» — простучал Чистилин. Каждая минута общения с Капитаном улучшала его мнение о собственной образованности. Но ухудшала нечто вроде глобального настроения — которое меньше мироощущения, но больше настроения конкретного дня.

— Онегин по профессии экономист. А по призванию — пикапер, как учит нас дорогой Александр Сергеевич. И это правильно... Контингент от пикаперства, я извиняюсь, кончает. Я имею в виду от самой концепции. Можно дать такие еще флэшбэки, как Онегин вспоминает, кого он и как... н-нэ-э-э... соблазнил.

— Значит, мувики пойдут?

— Да. Ты, кстати, имей в виду: максимум три мувика на миссию. Меня за перерасход Совет убьет и съест.

— А что будет в мувике этой миссии?

— Тетеньки будут. Чтобы было понятно, что Онегин — он опытный в этих всех делах. В чувствах. Вот он едет-едет, значит... — бормоча, Капитан перелистывал охряно-желтые, отчаянно пахнущие прогорклым маслом и неведомой старушечьей квартирой страницы, пытаясь на ходу вникнуть в ход действия, — едет-едет... через какой-то бал, что ли, проезжает...

— Прямо на коне?

— Через театр, потом через бал какой-то... Насчет ножек я, кстати, согласен, кривые ноги у русских женщин, правда, не только у наших, у тех тоже кривые, особенно у норвежских... Вот, чувства пошли... записывай: «Рано чувства в нем остыли; ему наскучил света шум»... Нет, не записывай, это флуд какой-то, ты когда-нибудь слышал, чтобы лампочка шумела? И в итоге Онегин приезжает... в деревню... прямо на похороны дяди... И вот... Спасайте, православныя!

— Что?

— Конец главы.

— Александр Витальевич... Саша... А может, ну его на фиг?

— Да ты что?! Золотая жила!

— Я про главу. Может, сразу со второй? Просто событий я както не вижу. Вы же сами любите повторять, что мы должны ориентироваться на каузального игрока. А тут... Тут вообще нет каузального потока! Геймплея нет! По-моему, начинать надо с того места, где этот второй парень... Ленский... появляется. Кстати, я тут подумал, Ленским, если его толково задизайнить, можно будет привлечь меньшинства. При продвижении продукта на европейский рынок.

— Пидоров? Правильно, подумаем. Точнее, пусть «Ubisoft» думают, это их головняк. Но начинать все равно придется с первой главы.

— Но почему?

— Потому что есть такая организация — Министерство культуры и образования.

Это заявление прозвучало довольно неожиданно. Чистилин привык, что Капитан показательно не интересуется ни властью, ни политикой, ни структурами государственного управления. Весь страх и трепет Капитан инвестировал в свои отношения с Советом.

— Бабосов выделят? — предположил Чистилин.

— То, что они выделят, это не бабосы. Но с пиаром помогут — культуру, дескать, в массы, русскую классику — детям, и далее по списку... Я тут намедни говорил с одной волшебной женщиной, Илоной Феликсовной. — Капитан мечтательно закатил глаза к потолку, как делал всякий раз, когда заходила речь на курортно-ресторанную тему. — В общем, надежды есть. Но там условие понятно какое. Чтобы было близко к тексту. Ну хотя бы на квантитативном уровне.

— Это как — на квантитативном?

— Ну, формально. У Пушкина героев двое — и у нас двое. У Пушкина восемь глав — значит, у нас должно быть восемь миссий.

— Ага.

— И портрет Пушкина на обложку джевела надо где-нибудь затулить. Ну или хотя бы на коллекционное издание.

Чистилин представил себе, какое лицо сделает Славик, когда узнает, что на кавер дивидюка вместо длинноногой срамницы в стилизованном под девятнадцатый век кружевном чепце пойдет поэт Пушкин, похожий на загорелую овцу, и невольно скривился.

— Можно ограничиться вкладышем, — пошел на попятную Капитан.

— А с сюжетом что? Тоже строго по тексту?

— Придется выкручиваться. Чтобы и события, и чувства. Может быть, с Ольгой что-то нужно замутить посерьезней... Чтобы острее было. Тогда дуэль у нас получится не просто так, вялая разборка двух интеллигентов, а типа мясная сцена. Один взбешенный самец месит другого. Рвет его в клочья! В хлам! Шинкует его как капусту нах! Массакр! Убирайся обратно в ад, исчадие хаоса! — Глаза Капитана заблестели. Чистилин подозревал: будь на все воля Капитана, их контора производила бы исключительно фэнтези-шутеры повышенной кровавости. К счастью, Совет не давал Капитану забыть о насущном. — Только представь, какую лялечку можно сделать в миссии, где дуэль с Лениным... тьфу, Ленским! На выбор оружие, вариантов десять. Обязательно запиши, чтобы стрелять можно было с двух рук.

— По-македонски?

— Да. Так вот оружие... Отдельно огнестрельное. Отдельно холодное. И магическое.

— Магическое?

— Наверное, ты прав. Без магического обойдемся. Илоне Феликсовне не объяснишь, зачем Онегину файерболл.

«Онегин с берданой, Татьяна — с катаной. Стишок».

Плюшевые синие апрельские сумерки за окном перешли в ночь. На улице зажглись фонари. Из окна директорского кабинета можно было рассмотреть группку 3D-моделлеров, ожидающих маршрутку по ту сторону шоссе. Выражение лиц разобрать было трудно, но Чистилин догадывался — на них застыло привычное отвращение к труду.

Между тем они все сочиняли.

Капитан снял пиджак и откинулся на спинку кресла. Чистилин же, из последних сил изображавший живчика, тихонько стянул тесные туфли и водрузил ступни сверху. Пальцы ног, согбенные и бледные, как уродцы Виктора Гюго, радостно вспотели.

Держа над пепельницей полуоблетевший окурок, Капитан диктовал сухим, ослабевшим голосом, из-за чего его речь слегка походила на бормотание умалишенного.

— ...Миссия три. Название... «Письмо Татьяны» — как-то простовато... А вот как тебе «Откровения и Страсть»? По-моему, ниче-

го. Записывай. Настроение миссии: тревожно-эротическое. Локация три-один. Сад. Описание локации «Сад». Пейзаж выполнен в традициях русской садово-парковой архитектуры девятнадцатого века. Имеются статуи обнаженных греческих богинь, аллеи, фонтаны (см. сеттинг «Петергоф»), а также скамейка. В локации присутствуют: Онегин, Татьяна, девушки.

— Какие еще девушки?

— Да тут вот... появляются... Они собирают в саду малину и поют песни... — водя пальцем по книжным строкам, сообщил Капитан. — В принципе девушек можно скипнуть. Возни с анимацией много, толку мало, разве если полуодетые.

— Подумаем еще.

— Дальше. В начале сцены Татьяна сидит на скамейке. Возле скамейки вываливается хинт, для самых одаренных: «Кликни здесь». Если кликнуть по скамейке, Татьяна встанет и пойдет на аллею, где ее ждет Онегин. Кстати, переодеть его нужно после второй миссии. Вы одежду модернизируйте малость, мы же не исторический фильм по госзаказу снимаем. Нужно, чтобы потребитель мог легко идентифицироваться. Вот, значит, встречаются они и начинают... начинают... — Капитан рывком перелистнул страницу, чтобы узнать, что же произошло потом, но, узнав, застыл в нерешительности. — Гм... — задумчиво произнес Капитан. — А ведь это знак! Александр Сергеич прав!

— В смысле?

— Да вот послушай, что он тут пишет:

Но следствия нежданной встречи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не в силах я;
Мне должно после долгой речи
И погулять, и отдохнуть.
Докончу после как-нибудь.

— Все равно не понял, — признался Чистилин. — В чем прав-то?

— Что надо погулять. И отдохнуть... Мы сегодня славно потрудились, по-моему...

— Еще бы, сорок тысяч знаков с пробелами!

— И сигареты вышли...

Покупать в корпоративное пользование бывшие советские детские садики вошло в моду в начале девяностых.

Дети как социальная страта остались навсегда в государстве рабочих и крестьян, демографический буерак смутного времени пре-

вратил их в выделенных субъектов культуры, так сказать, в «новых русских ребенков». Садики этим ребенкам-нуво были не нужны, как не нужны именитым алмазам склады-алмазохранилища.

Логичным образом во второй половине «нулевых» владельцы крупных фирм, обремененных офисным персоналом, принялись приобретать здания бывших советских школ. В одном из таких зданий, до неузнаваемости облагороженном смуглыми турецкими парнями и красной металлочерепицей, располагался и «Elic».

Кружевные створки чугунных ворот закрылись за Чистилиным и Капитаном, пробуровил что-то прощальное охранник, они оказались на улице.

— Пойдем, что ли, пива выпьем?

Чистилин кивнул. К предложению он был внутренне готов, хотя в компании подчиненных любил повторять «Кто пьет пиво, сам становится пивом» и кичился любовью к чилийским винам средней паршивости.

Однако в заведении «Акулина», куда они направились, не было свободных мест. Вечер пятницы!

За одним столом юбилей, за другим — мальчишник напополам с производственным совещанием, в полутемных углах тет-а-теты, и даже на веранде, уже по-летнему заставленной столами, тостующие и жующие! Это взбесило Чистилина — в таком никчемном заведении, каким, по его мнению, являлась «Акулина», обязательно должны быть свободные места, как на Новый год должна быть елка, а в Киеве — дядька.

Перешли через дорогу. Но фастфуд «Новгородский» тоже оказался оккупирован малолетними пивнюками и их писклявыми подругами.

Углубились в микрорайон. Подвальный гадючник «Этуаль», с честью пронесший знамя кооперативного кафе конца восьмидесятых через два штормовых десятилетия, был темен и тих. Днем его опечатал бдительный Саннадзор, о чем свидетельствовал бело-красный скотч, которым двери были заклеены по периметру. Чтобы нарваться на рейд Саннадзора в терпимые времена Чистилина и Капитана, нужно было с упорством маньяков потчевать клиентов икрой из крыс и супом из собачьих залуп.

Других заведений с алкоголем в окрестностях школы Чистилин не знал.

Конечно, можно было взять такси и рвануть из Митина в цивилизацию. Например, в центр французского землячества, неуклонно растущего с памятного 2005 года. Кормили там сытно и по мотовским меркам недорого. Вдобавок за столиками возле бронзовой

статуи Уэльбека всегда пестро от юных француженок, которые воркотливо обсуждают друг с дружкой своих русских гарсонз. Заслушаешься...

Но, наблюдая за Капитаном, Чистилин понял — тот не желает к французам, не желает к японцам и цыганам. Ему подавай настоящую экзотику.

День, начавшийся для Капитана позабытым пафосом мозгового штурма, должен был закончиться чем-то столь же необычным.

Поэтому когда Капитан приобрел в продуктовом пачку «Парламента» без фильтра, четыре бутылки темной «Балтики» и предложил спуститься к речке, Чистилин почти не удивился.

— Сто лет там не был... А ведь я тут недалеко вырос — на Планерной. Так что, идем, да?

— Ага, — в целлофановом пакете, который нес Чистилин, веско звякнули бутылки.

Устроились на растрескавшихся пеньках, служивших некогда опорами старого деревянного моста, который, был убежден Чистилин, упоминался в классическом труде Гиляровского.

Новый мост накрыл старый, как мастиф болонку. В засушливое лето можно было видеть гребенку полусгнивших столбов, торчащую из цвелой воды.

В черной, не успевшей по-летнему завонять реке отражались огни заречной улицы.

Косой свет фонаря на ближней излучине заливал испод моста и лишенную растительности отмель под ним светом, который в приключенческой литературе зовется мертвенным.

Вверху шуршали зимней еще резиной автомобили.

Чистилин и Капитан по нескольку раз отхлебнули из своих бутылок, не проронив ни слова.

Чистилину было смертельно лень возвращаться к Онегину — да ведь и ноутбук он «забыл» в кабинете. Капитан же был погружен в высокие размышления, это стало ясно, когда он заговорил:

— Ты никогда не думал, зачем это всё?

— Что — «всё», Саша?

— То, что мы делаем.

— Игры?

— Например. Что мы, по сути, делаем, когда делаем игры?

— Мы предоставляем нашему контингенту... симуляцию интересной жизни. Получаем за это деньги, — бодро сказал Чистилин, однако, быстро сообразив, что не такого, но более проблемного, что ли, ответа ждет Капитан, добавил, посерьезнев: — Но в

то же время мы в каком-то смысле лишаем контингент настоящей жизни.

— А если мы не будем продавать им симулированную жизнь?

— Тогда конкуренты продадут.

— А если и они не будут?

— Кореёзы точно продадут.

— А если и кореёзы тоже перестанут? — настаивал Капитан.

— Ну...

— Ты думаешь, они, то есть... контингент... будут тогда жить этой пресловутой «настоящей жизнью»? Ну там, ездить на настоящих машинах, трахаться, космолеты пилотировать, я не знаю...

— Не исключено, — осторожно заметил Чистилин. — Кто-то же живет, вон в ресторане мест ни фига нет... И эти будут.

— А вот хуя там! Наш контингент жить все равно не будет!

— Что же он тогда будет?

— А ничего. Будет лежать и вообще ничего не будет делать. Даже дышать. Может, они вообще тогда не родятся! Не воплотятся их души на земле, понимаешь? Их карма нашему слою плотного мира соответствовать не будет, и все — краями!

— Э-э-э...

— Подумай. Вначале ты хочешь выпить, а уже потом покупаешь бутылку пива. С тетеньками то же самое. С лавандосом история аналогичная. Вначале чувствуешь, что он тебе нужен — вилы! И чтобы много — ребенок родился, на ремонт надо, маме на лекарства... А потом уже начинаешь что-то такое внятное зарабатывать. Почему с играми должно быть иначе?

— Ну...

— С играми то же самое! — Карие глаза Капитана влажно блестели. — Вначале ты страшно хочешь кончить на экран монитора, а потом в твоей жизни появляется лавсим. Если бы ты хотел кому-то вдуть в реале, ты бы отодрал одноклассницу на новогодней вечеринке, делов-то! Понимаешь, Андрюша, Бог дает то, что ты просишь... Просишь благодати, дает благодать. Просишь пива — пива дает, разве чуток быстрее. Только вдумайся, они реально хотят получить именно то, что получают! То есть цистерну воздуха и три вагона пикселей! Вот и Онегин наш...

— А что — Онегин? — насторожился Чистилин, открывая об торчащий из раскрошенного бетона огрызок арматуры вторую бутылку.

— Они хотят чувств. Но только... невзаправдашних. Любить желают... Но только чтобы... понимаешь... понарошку! В мои времена все было не так! — подытожил Капитан.

Как и многие, кто родился в шестидесятые и семидесятые, Капитан был склонен преувеличивать инаковость мира без компьютеров и бравировать причастностью к адскому раю под названием СССР. Лет пять назад Чистилина это скорее злило. Потом, по мере обнаружения седых волосков в темно-русых кудрях, он и сам начал овладевать магией дискурса. В беседах с контрагентами в возрасте без этого никуда. «Мне мама рассказывала, что при Сталине...» — начинал Чистилин, хотя при Сталине его мама не была даже эмбрионом. «Вы, как когда-то Горбачев, путаете консенсус и коитус...» — бросал Чистилин собеседнику с многозначительной ухмылкой.

Капитан принялся разворачивать новую мысль, но внимание Чистилина было фатально растушевано хмелем. Он вдруг заметил, что наклонные бетонные плиты сзади усеяны невероятным количеством мятых, желтобоких окурков и тысячами погнутых кругляшей латунного цвета — пивными крышечками.

Перед мысленным взором Чистилина встало и наполнилось жизнью видение: каждый вечер на этих самых пеньках сидят мужички примерно их с Капитаном возраста. Курят, дуют белое пшеничное и беседуют о насущных проблемах автосервиса. Щелкающим жестом большого и среднего пальцев мужички, неотличимые в сумерках друг от друга и от них с Капитаном, отпуливают окурки за спину, а опустевшие бутылки стыдливо топят, как герасимы своих муму...

Чистилину стало не по себе. Неужели жизнь — это такая же, в сущности, неуникальная штука, как и средняя он-лайн игра? Только в игре ты, один из миллионов, ломишься к Замку Темного Властелина в стандартной аватаре для бесплатных пользователей, а здесь, под мостом, ты один из десяти тысяч тех, кто устроил «Балтику» между носками туфель. А что, если Бог есть и он так... шутит? А что, если вообще ничего, кроме Бога, нет? Но думать об этом Чистилину было непривычно, как, кстати, и выслушивать философствования Капитана — «карма», «благодать», «воплощение»...

«Что это с ним? В Совете кто-то буддистом заделался?»

Бутылка улькнула на дно возле бетонной опоры с надписью «цыпа и уткин литят на йух».

От воды потянуло холодом.

И Капитан, и Чистилин вдруг почувствовали, что замерзли. Остывший и оттого возвративший рассудительность Чистилин обнаружил непотребное — то, что он принял поначалу за чугунный наплыв на бетонной плите, когда укладывал сверху свой смартфон, оказалось заветрившимися экскрементами хомо сапиенса.

— А давай прямо сейчас к Илоне Феликсовне махнем? Ты как?

— Нормально, — кивнул Чистилин.

Какая ему, в сущности, разница? С польским порнофильмом «Три танкиста и собака», просмотр которого был запланирован Чистилиным на этот вечер, конкурировать могло практически что угодно.

Илона Феликсовна, казалось, ждала гостей.

В ее трехкомнатной квартире на Куусинена было прибрано, всюду горел свет. Пахло жареной картошкой.

Обстановка квартиры обличала в Илоне Феликсовне разведенную чиновницу от искусства. На это указывали фотографии моложавой хозяйки дома в окружении мускулистых звезд балета и видных оперных женщин.

Преодолеть кризис сорокалетия ей, как видно, помогла эзотерика. Чванились на книжных полках фотографии лысых йогов и альтернативных целителей с ассирийскими бородами, на стенах же сияли горним светом голограммы опрятных северных храмов — Чистилин сразу узнал деревянные репы Кижей.

«Вот откуда ноги растут у кармы с благодатью!» — догадался Чистилин.

Несмотря на свой продвинутый духовный уровень, внешне Илона Феликсовна походила натурально на ведьму.

Сочетание безжизненных пергидрольных волос с накрашенным алой помадой ртом эстетически подавляло. Кстати, волосы Илоны Феликсовны были разобраны на центральный пробор и свободно спускались на плечи, как у работницы с рекламы шампуня против перхоти. Наводили на странные мысли и множественные металлические браслеты, которые индуйственно ерзали по правой и левой рукам хозяйки, а также ее манера пританцовывать, вертя крупом, у плиты. В этих намеках на резвость было что-то тошнотворное, ведь Илона Феликсовна выглядела лет на семь старше Капитана. Слова хозяйка дома не проговаривала, но как бы выпевала грудью.

«Любви все возрасты покорны», — вспомнилось Чистилину. Почему-то он не сомневался, что Илона Феликсовна и Капитан — ---.

Сели ужинать. Из спиртного имелся один лишь малиновый ликер. За неимением лучшего Чистилин подналег на вязкую розовую жидкость, отдающую дешевым леденцом и одновременно сивухой.

Капитан тоже не отставал. С нетрезвым пылом он принялся чертить в воздухе перед хозяйкой контуры грядущего проекта.

Илона Феликсовна реагировала с неожиданной живостью:

— Я помню, когда мой Ильюшка был вот такусеньким, он целыми днями перед экраном сидел. Ему страшно нравились гонки! У вас же будут гонки в этом «Онегине»?

— Да, моя богиня, — соврал, не поморщившись, Капитан. — И на дилижансах, и на этих... как их...

— Почтовых, — подсказал Чистилин.

— И на... квадригах.

— Как-то у племянницы, она у меня в Воронеже живет, я играла в игру, забыла название. Там у меня был домик такой... И в этом домике всю мебель можно было двигать, как в жизни. Даже занавески перевешивать разрешали... На экранчике такое место было, где показывали, сколько у тебя денег, можно было машину купить... Деньги ведь у вас будут в игре?

— Конечно, моя нимфа! Можно будет продавать и покупать все, что увидишь. И флердоранжи, и камамберы, и канотье.

Из упомянутых предметов отдаленное представление Чистилин имел только о сыре камамбер. Тем не менее он старательно поддакивал.

— А можно будет Татьяну... переодевать? — спросила Илона Феликсовна и зачем-то покраснела.

— Да, моя царица. Мы уже заключили договор о контент плэйсменте с американской сетью «Victoria's Secret», бюстгальтеры будут железно.

— Татьяна у вас — она блондинка или брюнетка?

— Блондинка. Как ты, моя королева!

— О... Ах, Татьяна! — с театральным пафосом воскликнула Илона Феликсовна.

Нежданно Чистилину вспомнилась его личная, единственная Татьяна.

Она училась на коммерческом отделении, в параллельной группе. Могла бы претендовать на бюджетное, только вот молдавское гражданство... Русявая, курносая, с бирюзовыми глазищами и по-южному смуглой кожей. Они целовались и даже почти все остальное, но потом у Тани кончились деньги, ее отчислили и она упорхнула в свой Кишинев. Чистилин ничего не сделал для того, чтобы было иначе. Неохота было возиться — все эти проблемы с ее гражданством, квартиру пришлось бы снимать... «Дайте мне мануал и я переверну землю!» — любил повторять первокурсник Чистилин. Мануала ему не дали, Татьяна исчезла. Он перенес свое предательство спокойно. Ел, пил, елозил мышью. Иногда, правда, наваливалась на него сверлящая душу, невыносимая какая-то боль. И тогда хотелось завыть, расцарапать себе лицо, разрезать вены, упиться до беспамятства и по пьяни замерзнуть в сугробе. Временами он разрешал себе думать о том, что было бы, если бы тогда он не позволил Тане убежать. Занял бы денег или женился, что ли... Теперь он утешался тем, что если и несчастлив в жизни, то исключительно по своей вине.

— Я должен полежать. Можно я полежу? — спросил Чистилин, устраиваясь калачиком на диване.

— Нужно вызвать Андрюше такси! — заметила Илона Феликсовна.

— ...а песни для озвучки мы закажем «Los Gorillas»... Сальса-ламбада... Тындырыдын... Гитарное соло, маракасы, все дела... Чем меньше женщину мы любим... Тем больше нравимся мы ей... Ай-йа-йа-йа-йа! Среди сетей! Ай-йа-йа-йа-йа! Среди сетей! — по-цыгански хлопая себя по бедрам, зажигал Капитан.

«Тем *легче* нравимся мы ей», — машинально поправил Чистилин.

— Так что, Саша, думаешь, пойдет «Онегин»? — уже стоя на пороге, спросил Чистилин. Он растирал ладонями отекшее лицо. Впервые за день, а может, и за всю жизнь, он назвал Капитана Сашей легко, без внутреннего принуждения.

— Не вопрос. Я пятой точкой чувствую, трудящимся это нужно. Совет, кстати, такого же мнения. Так что на твоем месте я времени не терял бы. Думал бы уже про аддоны. И про сиквел.

— Ну, с аддоном, по-моему, ясно. Что-то вроде «Ленский возвращается». А вот с сиквелом... Можно по-простому: «Онегин-2».

— Сакс, по-моему.

— Тогда пусть будет «Дети Онегина и Татьяны!» — бросил Чистилин, вваливаясь в разъехавшиеся двери лифта. — То же самое, только сеттинг обновим. Первая мировая в моду входит, я бы сразу туда и целился.

Такси, оказавшееся «Волгой», в круглых очах которой рыдала тоска по утраченному лет двадцать пять назад райкомовскому эдему, ожидало его у подъезда. Чистилин уселся спереди и торопливо закурил — гнусный малиновый ликер бродил и просился наружу.

— В Орехово-Борисово, — простонал Чистилин сквозь горькие клубы табачного дыма.

Они неслись по ночным влажным улицам, и шофер, которому неназванный пока наукой орган чувств, имеющийся у всех прирожденных таксистов, проституток и официантов, уже просигналил, что с пьяненького интеллигентного рохли можно содрать даже не втри-, а вчетыредорога, радостно теоретизировал на разные жизненные темы. Чистилин не отвечал. Ему хотелось одиночества. А еще хотелось чего-то вроде любви, пусть даже такой убогой, как между Илоной Феликсовной и Капитаном. «Вот выпустил бы «Erdos» путевый симулятор мастурбации... я бы играл!» — подумал Чистилин, опуская свинцовые веки.

НОВЕЛЛА ВТОРАЯ

Январь 2425 г.
Планета Сурож, система Каллиопа
Научно-исследовательская станция «Федино»

По коридору космической станции, залитому желтушным аварийным светом, скорым шагом шли трое — высокий широкоплечий витязь в кожаных доспехах и двое детей, одетых в розовые комбинезоны: вихрастый мальчик трех-четырех лет и миловидная девочка лет десяти.

Мужчина вел за руку девочку, девочка — мальчика.

Когда стало ясно, что малыш, несмотря на все свои старания быть мужчиной, устал и не поспевает, витязь подхватил его на руки и, усадив на предплечье, понес. Девочка послушно ускорила шаг — теперь она почти бежала, прижимая пальцами к ключицам свои жидкие льняные косички.

Искоса поглядывая на девочку, витязь, его звали Рене, думал о том, что, когда они опустятся на этаж ниже, в складские помещения, на руки придется взять и ее. Лестницы крутые. Лифты отключены. Помощи ждать неоткуда. Точнее, он и есть помощь. Все-таки Бог существует, что бы там ни говорили дураки.

Коммуникатор был единственной уступкой цивилизации, которую сделал Рене, во всем остальном безупречно архаический и антуражный, хоть сейчас в тринадцатый век. «Только ради детей. Мало ли — вдруг что случится?» — твердил себе он, пристраивая серебристое яйцо умного устройства в походном ранце — между кисетом и флягой с живоносным эликсиром. И надо же, вдруг случилось. Когда позвонила Сашенька, он был недалеко от Нью-Ахена, в окрестностях которого назревало историческое побоище. Саша говорила сбивчиво («они с большими пистолетами», «кровь почему-то течет», «какой-то дым из вентилятора») и плакала так горько, что Рене ничего не оставалось, кроме как с боем захватить одноместный флуггер союзного барона де Креси, хранившийся в подземном тайнике, и выжать форсаж до упора, не думая о последствиях.

«Сеть магазинов «Заинька» — одежда для тех, кто хочет выйти замуж!» — на двери склада был приклеен рекламный постер с двумя курносыми девицами в нарочито скромных ситцевых платьицах — рукава-фонарики, кружевные рюши, воланы. Вид у девиц был довольный и даже блудливый, что сообщало рекламе, да и само-

му просвечивающему за ней замужеству, некий неожиданный игривый смысл.

Рене отдраил дверь и по средневековой привычке надавил на нее плечом. Та легко поддалась, впуская гостей в королевство контейнеров и ящиков. К счастью, после налета система-диспетчер перешла в эвакорежим и сразу же расконтрила все двери и люки.

В ноздри ударил запах средства для травли тараканов.

— Туда ходить нельзя, дядя Рене! — предостерег мальчик. — Мама будет ругаться.

— Со мной везде можно! — заверил его витязь.

— Даже в холодильники?

— Даже в реакторный.

Троица держала путь в мобилизационный ангар, где, по мысли Рене, можно было рассчитывать на флуггер межпланетного класса. Тот, на котором он, Рене, прибыл на станцию, увы, годился лишь для челночных сообщений с Сурожем. А все флуггеры в рабочем ангаре были выведены из строя во время нападения.

Если бы на станции оставался хоть кто-то, способный рассуждать о правильном и неправильном, он наверняка отметил бы, что Рене, несмотря на свой штатский вид и развязные манеры, все делает правильно, по инструкции — не забывает задраивать за собой двери, каждый раз, проходя мимо аварийной панели, нажимает на кнопку «SOS», даже маски химзащиты для детей прихватил.

— Дядя Рене, а когда... мама? — спросил мальчик, его звали Даниилом, сестра же звала его Данькой.

— Что — мама? — спросил витязь, не сбавляя темпа.

— Когда к нам туда придет мама? — повторил мальчик, играя серебряной серьгой в ухе своего носильщика.

— Куда это — туда?

— Ну в это место... куда мы с Сашкой-какашкой... улетим?

— Что ты сказал? Как ты меня назвал? А ну-ка повтори! — взвилась девочка и, подпрыгнув, отвесила брату подзатыльник.

Мальчик надулся и попробовал лягнуть девочку ногой. Витязь посмотрел на мальчика сурово, а на девочку со значением — мол, сейчас не время ссориться. Брат и сестра тотчас присмирели — ничто так не способствует послушанию, как смутное движение в затаившейся между контейнеров темноте. Рене положил ладонь на костяную рукоять метательного кинжала, на всякий случай.

— Ты хочешь знать, когда мама прилетит к вам на Светлую? — ровным голосом спросил он у мальчика.

— Да.

— Мама... Мама прилетит скоро. Как только я ее найду там, в лесу, мы сразу прилетим к вам.

— А когда ты ее найдешь?

— Как только — так сразу. Я не знаю точно, где она. Ретранслятор не работает.

— Но я же тебе дозвонилась! — заметила Саша.

— Тебе повезло. Через несколько минут ретранслятор... — Рене запнулся, подбирая слово. Там, на планете, он говорил в основном по-французски, переходить на русский каждый раз было трудно, каждую фразу приходилось сколачивать, как какой-нибудь сарай. — В общем, он упал. И теперь я не могу связаться с мамой. Но у нее очень заметный вертолет. Медицинский. Белый, с такой большой красной полосой. Она вам его наверняка показывала. Его легко найти среди зеленых деревьев.

В темноте блеснула пара кошачьих глаз с вертикальными зрачками. Рене со вздохом облегчения вернул кинжал в ножны.

— Скоро найдешь? — поинтересовался мальчик.

— Прямо завтра и найду. Может, сегодня. Вечером.

— А папа?

— Что — папа?

— Когда прилетит? — не отставал мальчик.

Витязь вновь замешкался с ответом, но на сей раз споткнулся он вовсе не о языковой барьер. Рене бросил косой взгляд на девочку — ее аквамариновые глаза наполнились слезами, но она все-таки не разревелась. Только ноздри ее трагически раздувались. «Молодец, вся в маму. А ведь малышка только что видела в кают-компании полковника Рабковского — точнее, то немногое, буро-красное, с глазами и погонами, что от него осталось. А вот Даня не видел. Слава богу — ему можно врать что угодно». Чем Рене тотчас и воспользовался.

— Папа тоже прилетит, — заверил витязь мальчика. — Но немного позже. У него тут будет очень много дел. Он будет тут работать.

— Убивать врагов? — уточнил мальчик.

— Да.

— А потом прилетит?

— Да.

— А что мы с Сашкой-какашкой будем делать? Пока мы будем туда лететь?

— Саша будет читать тебе сказки из книги. Про спящую царевну, про Дюймовочку... Там еще есть одна сказка про Илью Му-

ромца, который всех побеждает, потому что он самый сильный и храбрый.

— Как ты?

— Почти.

— Рене, скажи ему, чтобы не называл меня какашкой! — возмущенно зашипела девочка.

— Даня, ты слышал? Еще раз назовешь Александру нехорошим словом, и я зарублю тебя вот этим мечом. Будет из тебя паштет. Понятно? — Рене сделал зверское лицо. Мальчик захныкал и закрылся рукой. — Так на чем мы остановились? Ах да, на книжке. Саша будет тебе читать... Если будешь слушать внимательно, я подарю тебе собаку. Овчарку.

— Ой, Рене... — Девочка остановилась, закусила нижнюю губку и, сверкнув глазищами, выпалила: — Я забыла!

— Что забыла?

— Книжку! Когда ты переодевал этого балбесика... В общем, я ее положила на его велосипед ну... на сиденье... и забыла!

«Еще не хватало», — досадливо подумал Рене, но тут же улыбнулся своей фирменной ясноглазой улыбкой, от которой млели, как кошки на солнцепеке, девушки, молодели и немедля начинали пудриться дамы, добрели вредные старушки, а проститутки сбавляли цены вдвое. И, обращаясь к мальчику, сказал:

— Саша будет рассказывать тебе сказки по памяти. Правда, Саша?

— Я... буду, — пообещала девочка. — Вот если бы с нами была мама...

— Мама скоро с вами будет.

Рене осторожно отдраил пожарную дверь ангара.

Его сердце предательски екнуло. Нет, не вооруженного отребья он боялся, скорее боялся обнаружить следы его пребывания. Дети не должны видеть трупы.

— Хочу кушать, — вдруг заявил Даня.

— Потерпи.

— Хочу! — капризно повторил мальчик.

— Надо было за завтраком есть, а не гав ловить! — Саша назидательно прищурилась.

— Заткнись, Даня. Сейчас не время ныть, — строго сказал Рене. Но тут же привычно себя одернул — с детьми полковника Рабковского нужно обходиться вежливо. И отстраненно. Без всяких там «заткнись». С ними нужно вести себя как с чужими детьми, а не как со своими. Хотя теперь можно и как со своими, по большому-то счету, теперь разницы нет, как нет и самого полковника.

* * *

Флуггер типа «Кефаль» с дважды счастливым бортовым номером 77 находился там, где ему и положено, — в одном из четырех ангарных боксов. Только топлива в баках было на полтора пальца.

Рене отстегнул мечевую и кинжальную перевязи, чтобы не мешали возиться, и задумался: сколько лет он не заправлял флуггер? Тысячу лет? Две?

По правде говоря, лет пять. В последние годы Рене, когда куда-то летал, хоть бы даже на станцию «Федино», предпочитал пользоваться услугами русских пилотов на правах пассажира. А ведь когда-то, еще на Земле, до того, как на него нашла навязчивая, необоримая охота к средневековой простоте и он поселился на планете Сурож, входящей в конгломерацию Большого Мурома, у него была не только летающая дача, но и свой болид. И денег у него тогда тоже было изрядно, благо дядя, член правления русско-турецкого концерна «ВизанТех», оставил ему порядочные суммы перед тем, как испустить дух на своей беломраморной даче под Псковом. Впрочем, суммы эти никуда не делись: привольное житье в лесах, населенных разноплеменными любителями живой архаики — русского извода, галльского, карфагенского, какого захочешь, — обходилось в гроши. Пища — простая, без выкрутасов. Одежда — тоже, прямо скажем, не дизайнерская. Самые большие траты — на лошадей и доспехи. Ну, оружие, само собой. Но даже его эксклюзивный булат имел цену колеса б/у, снятого с болида после аварии. А проценты меж тем прирастали... Сколько у него теперь, интересно? На скромный трехэтажный дом в ближнем Подмосковье хватит?

Просто он как-то... перестал о деньгах думать.

Теперь придется начинать. Малышне необходимо самое лучшее образование и летний отдых, Ольге тоже много чего нужно. В первую очередь, конечно, прекратить шастать по заселенным психами вроде него, Рене, чащобам. Если ей так неймется лечить, пусть лечит в Москве. Тиф там, конечно, вряд ли сыщется, но ведь наверняка кому-то нужно... ну, вакцины какие-нибудь вводить, бородавки удалять или чем там врачи занимаются? Откроет частную клинику, если не жаль денег на лицензию. Увы, ему тоже придется прекратить шастать. Прощайте, осажденные города в деревянных кружевах приставных лестниц, до свидания, моховые леса, усыпанные крутобокими ладьями реки, хмельные трактиры и прочий медиевальный эскапизм. Ваш рыцарь Рене больше не монсеньор и даже не сударь. Он теперь товарищ. Согласно выданному паспорту с двуглавым потомком василиска на красной корке. И зарабатывать те-

перь он будет не огнем и мечом, а манипуляциями с ценными бумагами, на что, собственно, и учился.

Рене горестно вздохнул. В памяти всплыла поговорка: «Кто не кормил жену и ребенка, тот не носил кольцо в носу». Не в смысле украшения, а в смысле не носил кольца как бык, чьей жизнью безраздельно заправляют те, кто за это кольцо дергает. Приблизительный перевод. Но с какого языка — Рене не помнил, в их войске запросто говорили на восьми...

Пока он возился с роботом-заправщиком, девочка и мальчик молча смотрели на него, сидя на баллоне с кислородом. Мордашки у обоих были перепуганные, ведь чувствовали — смерть еще бродит рядом.

— Мы боимся, — резюмировала Саша.

— Что ты сказала, милая? — рассеянно переспросил Рене и, оставив в покое топливный датчик, присел рядом с детьми на корточки.

— Я сказала — в космосе страшно. Мы лучше поедем с тобой. Мы тебя так любим! — С этими словами девочка соскочила с баллона, подалась вперед, обняла Рене за шею и прижалась губами к его покрытой темно-русой бородой скуле. Рядом с сестрой прильнул, похныкивая, Данька.

Когда-то Рене решительно пресекал такого рода спонтанные выражения чувств. Пресек и теперь. Но все же — с некоторым запозданием. Ведь никто не видит. Точнее — никто из тех, кто не должен это видеть, уже никогда этого не увидит. Все погибли.

— Что значит «страшно»? — спросил Рене, медленно отстраняясь. — В космосе никого нет. Там некого бояться.

— А хидако?

— Что?

— Хидако.

— В первый раз слышу! — признался Рене.

— Ты разве не смотрел?

— Что — не смотрел?

— Японский мультик. Про хидако, — пояснила девочка. — Ужасно страшный.

— Я же тебе сто раз говорил, милая. У меня там, внизу, — Рене указал пальцем в пол, разумея, конечно, вековечные леса Сурожа, где он жил последние одиннадцать лет, — нет ни визора, ни планшета, ничего такого.

— А книги?

— Книги есть, — соврал Рене.

— Значит, ты должен был читать про хидако! Это такие призраки... Которые мате... мати... материзуются... В звездолетах... И на

станциях... Они ужасно всех ненавидят... Особенно детей... Убивают их... Убили одну девочку, которая ездила на инвалидной коляске. Задушили ее специально...

Рене разобрала ярость. «Ну и мультики у них тут! Богомерзкие, да еще и басурманские. Куда смотрел этот златопогонный кретин? Впрочем, ясно куда. В еженедельник «Военное обозрение». А Ольга? Тоже хороша. Могла бы иногда проверять, во что пялится детвора. Скинула детей на киберняню, а сама — в лес, к своим прокаженным!»

Однако Рене быстро совладал с собой. Он приобнял детей за плечи и сказал:

— Но это же японские мультики!

— Ну и что?

— А вы — русские дети. Вы не должны бояться японских призраков. Пусть их боятся японские дети. Из Директории Ниппон!

— А чего мы должны... ну... бояться, а, дядя Рене? — спросил мальчик.

— Ничего. Русские дети ничего не должны бояться.

— Почему?

— Потому... Потому что они... — Рене замешкался, придумывая убийственный аргумент, ну или хотя бы какой-нибудь аргумент. Главное — не молчать. Успокоить детей. Посадить их в кабину в хорошем настроении. Чтобы они выдержали восемь часов полета до Светлой. И он брякнул первое, что пришло ему в голову:

— ...потому что русские дети — это дети Онегина и Татьяны.

— Кого-кого?

— Онегина и Татьяны.

— Кто это — Онегин и Татьяна, а, Рене? — спросила Саша.

— Они с нашей станции? — спросил Даниил.

— Они не с нашей станции. И даже не с планеты. Давным-давно была такая сказка. Вы ее будете проходить в школе. Сказка такая... Ну, как «Золушка» или там... как «Кот в сапогах».

— Я смотрела мультик «Кот в сапогах». Они там в конце женятся. И у принцессы страшно красивое платье! У нее вот тут и вот тут, — восторженно сияя, Саша обвела пальцами вокруг ворота и запястий, — все вышито жемчужинами!

— В общем, «Онегин и Татьяна» — это сказка, которую придумал писатель Пушкин. Много лет у этой сказки был очень грустный конец.

— Они что — не поженились? — предположила не по летам сообразительная Саша.

— Нет. В сказке они не поженились.

— А на самом деле — поженились или нет?

— На самом деле они да, поженились. Только это стало ясно через двести лет. Ученые, ну, такие въедливые ученые, как твоя мама, провели исследования, изучили всякие документы... И выяснилось, что на самом деле у настоящих Онегина и Татьяны, про которых Пушкин написал сказку, были дети. Много детей. Целых пять!

— Получается... они все-таки поженились?

— Да. Но только после. Сначала у них были дети. Двое. А потом уже они поженились и родили еще троих детей, — объяснил Рене и, видя недоумение девочки, добавил: — Так тоже бывает в жизни, что сначала — дети, а потом «поженились», милая.

— И эти дети ничего не боялись?

— Нет.

— А почему они раньше боялись? Чего боялись, а, Рене? Хидако?

— Видишь ли, моя принцесса... Все мальчики и девочки в школе проходили сказку Пушкина «Онегин и Татьяна». И все мальчики чувствовали, что они похожи на Онегина. А все девочки знали, что они похожи на Татьяну.

— А Татьяна была красивая?

— Очень. Как твоя мама. Не перебивай! Так вот. Из-за того что у сказки был плохой конец, мальчики и девочки, когда вырастали, чувствовали себя очень... слабыми. Такими беспомощными...

— Как мои хомячки? Помнишь, которые умерли?

— Я же тебе сказал — не перебивай! Вот... И оттого, что у Онегина и Татьяны ничего не получилось, много-много лет все русские люди, все мужчины и женщины... очень страдали. Потом у этих мужчин и женщин появлялись дети. Они тоже шли в школу. И там изучали сказку «Онегин и Татьяна». И тоже расстраивались. Некоторые даже плакали на уроках — от жалости и страха. А те, которые не плакали, потом плакали дома, тайком. И так много поколений детей вырастали несчастными. Они не верили в свои силы. Ни в чем не были уверены. И в глубине души всего боялись, начиная, конечно, с самих себя. Они думали так: если Онегин не смог все-таки жениться на Татьяне, которую он любил больше всего на свете, не смог забрать ее у дурака-мужа, что же он вообще мог? Если Татьяна так и не сумела ничего придумать, чтобы быть с Онегиным, зачем вообще она жила? И что же можем мы, их правнуки и правнучки? Так и шло все это. Пока не открылась настоящая правда. Про то, что история на самом деле кончилась хорошо. Просто Пушкин успел записать только половину, потому что его убили.

— А что потом было? — Девочка слушала очень внимательно и сквозь огромные глаза ее, показалось Рене, на него глядела уже не

Ольга, как обычно, а сама Великая Богиня, которой на Суроже горазды были поклоняться все без разбора.

Рене собрался с мыслями и продолжил:

— Тогда придумали еще одну сказку. Вторую. Где рассказывалось, что же произошло на самом деле после того, как окончилась первая сказка, которую написал Пушкин. Она называлась «Семья Онегиных». Сказать по правде, вторая сказка была не такой красивой и остроумной, как первая. Первая была в стихах, а вторая — из обычных слов. Но зато она была захватывающей, интересной, там было много приключений, разных героев, даже говорящий белый медведь. Эта вторая сказка все объясняла. Люди начали ее читать, запоминать наизусть, придумывать разные продолжения... В общем, скоро русские мальчики и девочки, а потом взрослые дяди и тети, мужчины и женщины стали совсем другими.

— Какими?

— Смелыми. Как Онегин и Татьяна. Которые все-таки взяли верх.

— Они всех убили? — предположил Даня, азартно ковыряясь в носу.

— Обхитрили?

— И обхитрили тоже. Но не только. Это долго объяснять, моя принцесса... Как-нибудь потом...

— А почему они сразу не могли пожениться?

— Потому что у Татьяны уже был другой муж.

— Да?

— Да.

— Он был плохой?

— Нормальный. Просто Татьяна его не любила. Она любила Онегина.

— А кем он работал? Муж?

— Он работал генералом.

— Как наш папа?! — ликующе воскликнул Данька.

— Да. Только ваш папа работал полковником, — процедил Рене.

— А куда потом делся муж?

— Его убили. На войне.

— На войне?

— Да.

— А что такое война, дядя Рене?

— Война — это... Это... ну как сейчас.

— Рене, а ты читал эту вторую сказку в школе? Там, где приключения и белый медведь?

— Нет.

— Как же тогда ты стал таким смелым?

— Ну... Мне ее пересказывала Ольга. Твоя мама.

— Дядя Рене, а ты сильно любишь нашу маму? — спросил Данька, задушевно накручивая орехово-русый локон Рене на указательный палец.

Этого вопроса Рене совсем не ожидал. И его улыбка вышла вовсе не такой невозмутимой, как он рассчитывал.

Интересно, откуда в голове у мальчугана такие мысли? Они с Ольгой всегда были такими осторожными... Преувеличенно отстраненными. Нарочито угрюмыми. При детях они никогда, ну то есть совсем никогда не целовались, даже тайком. Нежничали? Нет. Разве что за руку здоровались. Кислая водица строжайших табу, куда там муромским, пропитала весь их одиннадцатилетний... роман... полубрак... да и есть ли такому название? Она сочилась и капала, отравляя вкус поцелуев и сворачиваясь, как кровь, словом «никогда». Никогда не говорить по видеосвязи дольше трех минут. Никогда не встречаться в присутствии мужа, полковника Рабковского. Никогда не появляться вчетвером — Рене, Ольга и дети — в публичных местах. Никогда не фотографироваться вчетвером. Чтобы сходство не бросалось в глаза. Чтобы вздернутый, чисто очерченный нос Рене, подарок нормандской родни по линии матери, миниатюрно повторенный дважды в девчоночьем и мальчишечьем варианте, не привлекал любопытных глаз. Никогда не сбривать бороду, чтобы не обнажать характерный чухонский подбородок, который тоже поспешила скопировать природа, взяв за образец родню Рене по отцовской линии. Словом, никогда, никогда, никогда. Недурственный девиз для герба Рене Сурожского. Пустить бы его золотой вышивкой по лазурному бархату!

— Ну дядя Рене... Ну пожалуйста... — канючил мальчик. — Мне надо знать... Ты ее сильно любишь?

— Сильно, — вздохнул Рене, вспомнив отчетливо ту изнуряющую тоску, которая каждый раз гнала его, во всем остальном вольного рыцаря, к этой молчаливой, с вызовом в печальном взгляде русской докторше. Он вдруг подумал о том, что без этого «сильно» терпеть все то, что составляло Ольгину жизнь — ее мужа, ее принципы, ее работу — шутка ли, эпидемиолог, все время возится с какими-то непонятными язвами, гнусными нарывами, опухшими трупами, — было бы невозможно. Как и сносить то, что его дети зовут папой этого маломерочного немолодого кретина Рабковского с безобразным шрамом, прорезающим складку левого века. Не было никаких причин, кроме этой.

— А она тебя любит?

— Да.

— А вы поженитесь? Потом, когда ты ее найдешь? — спросила Саша почти беззвучно, вдув эти слова в самое его ухо.

— Не знаю.

Рене вспомнилось, как некогда в Москве он уже делал Ольге предложение. Он случайно ее встретил, считай, едва узнал, на вечере по случаю Дня Военно-Космических Сил.

Сашеньке уже исполнился год и один месяц. Ольга все твердила, какой хороший у нее муж, какая счастливая семья, но первый же взгляд на фотографию малышки... утвердил Рене в подозрениях, которые простые арифметические подсчеты лишь укрепили и, так сказать, намертво забетонировали. Ко дням их с Ольгой бурного псковского романа прибавляем девять месяцев, а потом еще двенадцать месяцев и один месяц и получается... получается именно День Военно-Космических Сил. Четвертое октября. От предложения развестись со своим лысеющим майором (отличившимся в каком-то секретном конфликте и за то обласканным командованием) и сочетаться браком с ним, Рене Владиславовичем Ладожиным, ведь ему клялась она некогда в вечной любви, Ольга отказалась. Лишь лепетала в ответ вялую ерунду вроде «Паша этого не переживет!» и «Маленькой нужен нормальный отец, а не призрак в доспехах!». Тогда Рене был в бешенстве... Подумать только, он такой сувенирный, такой успешный, сделал предложение малолетней истеричке (Ольга была на девять лет моложе его, вдвое меньше весом, казалась нерешительной и слезливой — обманчивое, как показала жизнь, впечатление). Сделал, поддавшись порыву не то нежности, не то нежной жалости, не то чадолюбия, и что же это, монсеньеры? Сокровенный всплеск его души встречают чуть ли не ядовитым смехом! Он исчез на долгие пять лет. А когда судьба опять столкнула их с Ольгой... в общем, после этого столкновения на свет появился Данька. Он вновь сделал Ольге предложение. Куда там! Так и жили — каждый по-своему притворяясь, ища друг с другом тайных встреч на лесистой громадине Сурожа.

В ангаре стало ощутимо светлее — вместо аварийного освещения загорелось штатное. Звучно, рупорно заговорили динамики.

«Целостность обшивки на рабочей палубе восстановлена по аварийному варианту «Б»».

До этой палубы, где располагались обсерватории и прочие капища науки, было метров сто сорок, не меньше, и тот факт, что она была разгерметизирована, Рене мало заботило. Но вот яркий, полноценный свет его обрадовал — это ремонтные боты, разделавшись

с пробоинами, снизили потребление энергии и напряжение пришло в норму.

Почти сразу вслед за тем последовало сообщение от «Кефали»: «Борт семьдесят семь готов к размещению пассажиров. Добро пожаловать! Пилоту просьба указать взлетный режим».

Флуггер ожил. Дверь пассажирского салона отползла, едва заметно подрагивая, в сторону. Вывалилась, на ходу распрямляясь, складная лестница.

Рене подхватил детей на руки и поволок в кабину.

— Дядя Рене, я хочу есть! — пискнул Данька.

— Потерпи.

— Хочу-у-у-у!!!

— Потерпи!

— Мама... Мамочка!

— Только не реви, ради бога!

— Пить!

Черт, как он мог забыть о еде? Права была Ольга. Воспитатель из него никакой. Да, он сам может сутками терпеть и голод, и холод, и жажду. Но ведь это дети. Десять часов без еды и воды для них многовато... Идиот. Инфантил. Клоун!.

Усадив детей в красные блестящие кресла, Рене бегом спустился и опрометью бросился к ближайшему автомату.

Слава богу, холодильник с газировкой был сравнительно недалеко, перед входом на склад. Бутылочки с ситро стояли гвардией за прозрачной стеклянной дверью и терпеливо ожидали, когда жаждущий скормит их электронному тюремщику пару мелких монет. Требуемых автоматом терро в кожаной мошне Рене не обнаружилось — там теснились золотые франки герцога Анжуйского-и-Воронежского и три серебряных рубля — большущих таких, измазанных конским навозом, с портретом князя Олега Игоревича (когда тот еще был жив, Рене не раз пивал с ним хмельное Старосельское пиво). В щель автомата все это, конечно, не пролазило.

Хрясь!

Ручища Рене, покрытая, как и все его могучее тело темными длинными волосками (за что одна девица из Североамериканской Директории в горячке близости звала Рене Кинг-Конгом — правда, он понятия не имел, кто это), рванула вперед. Многокилограммовый кулак, облеченный кожаной полуперчаткой со стальными наклепками, врезался в витрину.

Полилось на пол, поблескивая, неострое, льдистое стекло.

Две похищенные бутылки ситро перекочевали за пояс Рене. Тюбик с черничным йогуртом и надорванный пакет с картофельными

чипсами, которые лежали на нижней решетке холодильника (как видно, кладовщик, присматривавший по совместительству и за холодильником, хранил там собственные продуктовые запасы), Рене тоже прихватил.

— Вот. Это ваш обед. И ужин. Саша, проследи, чтобы Данька поел.

— Рене, а что мы скажем, когда приедем туда... ну в это место? — поинтересовалась девочка, по-взрослому озабоченно сводя над переносицей брови.

— Скажи, что скоро за тобой приедет мама. И все им объяснит. Вообще-то я им начитал на видеофон все, что нужно. Не беспокойся, стыковка пройдет автоматически.

«Просьба ускорить посадку. Поддержание взлетных систем в готовности истощает энергоресурсы! Диспетчеру: занять место за пультом и начать вывод машины в режим автопилотирования!»

— Все. Поехали. Саша, ты помнишь, что я тебе говорил?

— Да.

— Повтори.

— Ничего не трогать. Рассказывать Даньке сказки. Дать ему картошку. Потом спать, — послушно отрапортовала девочка.

— Правильно, — удовлетворенно кивнул Рене.

— Дядя Рене, а ты мне дашь подержать свой меч? — сонно спросил мальчик.

— Даже не проси!

— Ты обещал!

— Ладно. Если не будешь обзывать Александру какашкой.

— Буду!

— Тогда — пеняй на себя!

— Не буду!

— Тогда дам.

— А собаку?

— Куплю, — пообещал Рене. — Потом. Завтра.

— До свидания, дядя Рене! — блаженно сощурившись, Данька поцеловал наклонившегося Рене в лоб, покрытый холодными бусинами пота.

— Держись, моя прекрасная принцесса! — нежно сказал Рене и погладил девочку по волосам.

— До свидания... *папа*, — прошептала Саша, загадочно улыбаясь витязю исподлобья.

Рене посмотрел на девочку в немом изумлении.

«Гм...»

Бросив последний взгляд на панель автопилота, он затворил дверь салона. И, грузно брякнув коваными сапогами по лесенке, поплелся в диспетчерскую.

Сердце Рене отстукивало бешеный ритм, лицо пылало. Он чувствовал себя школьником, не выучившим урок. Нет, не так. Школьником, отродясь не учившим уроков и теперь вызванным на самый важный экзамен в своей жизни. Ведь он не умел дистанционно выводить флуггер в режим автопилотирования. И не было времени учиться. Одно неверное движение и...

«Прочесть бы теперь самому эту сказку про Онегина и Татьяну... Ту, вторую, с хорошим концом. Во укрепление духа».

НОВЕЛЛА ТРЕТЬЯ

Февраль 2622 г.
Планета Грозный, система Секунды

Ночь была густо-черной и сырой, как погреб с мокрицами. Даже дышать было нелегко, казалось, вот-вот придется прикладывать мышечные усилия, чтобы протолкнуть воздух в легкие.

Шумное сопение рядовых Нуха и Саккара, а также музыкальное похрапывание сержанта Руза были единственными звуками, которые нарушали великую предрассветную тишину.

Додар, рядовой разведывательного батальона 2-й танковой дивизии, красы и гордости армии Великой Конкордии, встал с застеленного одеялом ящика, бережно отложил растрепанную книгу в богатом бордовом переплете, примостил сверху сундучок переводчика (голубой дисплей устройства не спешил гаснуть, а вдруг сейчас снова спросят!) и с удовольствием потянулся — хруст суставов, утробное сладкое «ох!».

Бесшумно ступая, Додар пробрался мимо спящих к термосу и нацедил себе чаю. Стиснул двумя пальцами узкое горлышко стеклянного стакана со сладким коричневым пойлом и направился к деревянной лестнице. Вела она на самый верхний, третий этаж наблюдательного поста № 9, чем-то напоминающий капитанский мостик пиратской шхуны.

Там, на третьем этаже, располагалась звукоулавливающая селективная система «Аташ», к ней протягивали свои усики многочисленные удаленные микрофоны. Днем оттуда был прекрасно виден безбрежный океан джунглей планеты Грозный.

Впрочем, безбрежный океан джунглей можно было наблюдать и ночью, в ноктовизор. Но особенной охоты смотреть на лес в темное время суток у рядового Додара не возникало. Ведь некрасиво! Вместо волнующегося изумрудного бархата — серое, с неряшливыми выступами сукно, которое напоминает каменистую поверхность ненаселенной планеты, лишенной благодатной атмосферы-жизнеподательницы.

Странное дело, на Грозном в рядовом Додаре проснулось эстетическое чувство, его создателями нисколько не запланированное, почти нежелательное.

Принадлежи Додар к высшей касте заотаров, прилагательное «красивый» было бы для него таким же обиходным, как существительное «честь». Но он происходил из касты демов и был произведен путем клонирования на одной из биосинтетических фабрик близ Хосрова, столицы Великой Конкордии.

В самой Конкордии фабрики эти назывались достаточно выспренно — Прибежищами Душ. Вот бежала-бежала беспризорная душа по обратной стороне мира и прибежала на фабрику, чтобы воплотиться в отменном, никем еще не занятом теле. Совокупность же Прибежищ именовалась Лоном Родины.

Рядовой Додар был рожден синтетической маткой в Прибежище Душ имени учителя Яркаша. Поэтому-то фамилия у него была Яркаш, как и у восьмисот тысяч мужчин, произведенных там же за двадцать два года безупречной работы комбината.

«Дети Яркаша» — ласково называли их воспитатели.

Добравшись до третьего этажа, Додар уселся в кресло оператора станции радиотехнической разведки (обычно там сидел Саккар) и поставил вспотевший стакан с чаем на крышку недовольно урчащего аппаратного блока. Додар скрестил руки на груди и закрыл глаза.

Перед мысленным взором рядового встала женщина из русской книги. Душу сковала сладкая судорога.

«Larin», — прошептал Додар. Даже ее имя возбуждало в нем вожделение.

У нее было суженное книзу лицо и шоколадные глаза с пушистыми ресницами. Стараниями парикмахера роскошные каштановые волосы образовывали над ее ушами два фонтана из завернутых петлями косичек. Шея ее была пригожей и белой, а прелесть девичьей груди подчеркивало необычного покроя газовое платье с низким квадратным вырезом и вздутыми, как будто ватой набитыми, рукавами.

На шее у женщины серебряными червячками извивалось бриллиантовое колье (впрочем, мудреного слова «колье» рядовой Додар,

словарный запас которого составлял две тысячи единиц, не знал). С белыми камнями колье перемигивались синие камни подвески.

Но самым примечательным, на взгляд Додара, была талия красавицы. Тонкая, шириной с два его кулака. У основательных женщин из касты демов талии были не такими — сильными, покрытыми теплым панцирем мускулов. Конечно, у женщин-заотаров талии были изящнее. Но чтобы настолько...

«Может, это врожденное уродство? Тогда, выходит, она инвалид, как старый Охар, который работал на стадионе сторожем? Бедная...»

Такой тонкой талии Додар никогда раньше не видел, в первую минуту он даже решил, что дива принадлежит к другой, не вполне человеческой расе.

Впрочем, дальнейшее знакомство с иллюстрациями убедило Додара в том, что люди на картинках хотя и диковинные, но все-таки обычные. Мужчины, женщины и дети были наряжены очень странно, по моде не поймешь каких времен. На головах у мужчин блестели черные шляпы с высокими тульями и плавно загнутыми полями, на шеях кривлялись смешные банты, а волосы на щеках росли странными курчавыми скобками. Женские юбки походили на одноместные палатки, сшитые из оконных занавесок. На ногах же у мальчика, изображенного в середине книги, были надеты не то сапоги... не то башмаки... не то ботинки, сплетенные как будто из полосок, кожаных полосок, что ли?

Собственно, из-за этих-то картинок Додар книгу и прихватил.

Он пожалел ее, как жалеют потерявшегося котенка, ведь знал: с минуты на минуту Новогеоргиевская библиотека запылает вместе со всем своим небогатым фондом. Рев пожара приближался, а бороться с пламенем никто и не думал. Ведь они солдаты, а не пожарники.

Первого блока страниц в книге не оказалось, наверное, вырвал кто-то, чтобы вытереть штык-нож. А название на обтянутой выцветшей материей обложке было полустершимся, сканер переводчика его не брал. Кто автор — тоже оставалось неясным. Но интуиция подсказывала Додару, что между континентами цветных картинок лежат поэтические моря.

Лесенка заскрипела и прямо перед Додаром возникло лицо рядового Нуха. Его черные волосы были взъерошены, а глаза привычно гноились со сна.

— Чего не разбудил? — спросил Нух гнусавым голосом.

— Да так... А что?

— Нужно было разбудить. Полчаса уже наша смена.

— Тебе же лучше, поспал... — отхлебывая чай, заметил Додар.

— Порядок должен быть.

«Порядок!» — мысленно передразнил товарища Додар. Вообще-то, если по порядку, двое должны наблюдать, а двое — отдыхать. И то, что Нух, Саккар и сержант Руз спят, а он в одиночку караулит, — это уже не по порядку. Саккар должен дежурить с ним. Но сержант разрешил отступить от порядка. Ведь катать кости втроем веселее, чем вдвоем.

С недавних пор рядовой Додар в кости с товарищами не играл. Ведь у него была книга.

Разведбат 2-й танковой дивизии очутился на Грозном полтора месяца назад, вместе с Освободительной Армией Великой Конкордии.

Поначалу освобождение планеты от трехголовой гидры русского гегемонизма, азиатского буддизма и европейского атеизма шло проворно.

Несгибаемые солдаты Родины, среди которых был и Додар, захватили город с неудобопроизносимым названием Новогеоргиевск (между собой они звали его «Нов»), очистили от врага космодром и совершили множество других героических деяний.

Но когда окончательно окрепла уверенность в том, что победа близка и со дня на день их погрузят на корабль и повезут в саму Москву, где будут проходить торжества по случаю низвержения безбожных Объединенных Наций, выяснилось, что 4-я танковая дивизия Объединенных Наций, состоящая сплошь из каких-то русских, в силу упрямства, свойственного всем друджвантам, не желает признавать превосходство конкордианской веры и социального устройства. И подло прячется в джунглях, время от времени совершая оттуда лихие вылазки крошечными летучими отрядами.

Когда потери от этих вылазок стали исчисляться сотнями, Народный Диван приказал войскам войти в лес и «решительно уничтожить последние очаги сопротивления на Грозном».

Войти оказалось не так сложно, но вот уничтожить противника и даже просто продвинуться дальше известного предела — не получалось никак.

Разведбат, в котором служил Додар, сперва углубился в лес на несколько десятков километров, потом два дня подряд попадал в огневые мешки, потом завяз в минных полях и остановился.

Командование убедилось, что к решающему наступлению надо как следует готовиться. Из метрополии запросили специальную технику, ракетно-артиллерийскую бригаду и чудо-оружие, о котором

никто ничего не знал, кроме того, что оно творит чудеса — в полном соответствии со своим названием.

Для доставки всего этого требовалось время.

Танковые полки стали лагерями прямо в лесу, а выдвинутому вперед разведбату поручили боевое охранение.

В цепочке постов — подобно ожерельям они окаймляли клонские лагеря — был и пост № 9, где служили рядовые Додар, Нух, Саккар и сержант Руз.

Прямо на деревьях были устроены наблюдательные пункты.

Дерево, на котором располагался пост № 9, было, как и его соседи, гигантским. Сто пятьдесят метров высотой, оно имело многоярусную горизонтальную крону, матовый, цвета старой ржавчины гладкий ствол и кожистые пятипалые листья — когда шел дождь, они шумно аплодировали вертким молниям. Если потереть такой лист о рифленую подошву ботинка, почувствуешь запах ацетона.

Нижний этаж, где жили рядовые и сержант, располагался на первой развилке, на высоте около ста тридцати метров. Для сообщения с землей на посту № 9 имелась тросовая подъемная система с одноместной люлькой. Так сказать, лифт.

Инженер Рамман, который его устанавливал, понравился Додару, несмотря на свою принадлежность к касте энтли, а ведь энтли, как известно каждому дему, только задаваться мастаки. Однажды после обеда инженер Рамман застал Додара наедине с книгой. Рамман внимательно перелистал ее, с интересом проглядел укрытые тончайшей папиросной бумагой картинки и нехотя возвратил. На лице инженера Додар заметил выражение одобрения.

«Хорошо иметь такого друга!» — с тоской подумал Додар. Наличные друзья — рядовые Нух и Саккар — его увлечения чтением не разделяли.

Сержант Руз, конечно, тоже.

«Вредная привычка. Отвлекает от важного!» — осуждающе говорил он.

Основной задачей поста № 9 было наблюдать, не рыщут ли поблизости русские диверсанты. В случае их появления солдаты должны были поднять тревогу и дать наглецам отпор.

Диверсантов было не видать. Лишь только иногда в стеклянном серо-синем небе со словно бы приклеенными белыми облаками проносились штурмовики, наведенные пронырливыми рейдовыми группами спецназа «Скорпион» на вскрытые лагеря русских.

Джунгли бомбили баками с зажигательной росой. Старались сбрасывать их так, чтобы поджечь лес по периметру вокруг обнару-

женного русского лагеря. А вдруг получится поймать русских в кольцо лесного пожара и выбить всех, до единого, россыпью смертоносной мелочи из тяжелых кассет?

Следом за штурмовиками тянулись пузаны-торпедоносцы — с этими самыми кассетами.

К авиации Додар относился с нежностью. Ведь в ней когда-то служил его закадычный друг Хавиз, пока не разбился во время учебного вылета. Додар всегда провожал флуггеры взглядом, исполненным чистой радости.

Там вдалеке сыпались на русских бомбы. Дрожала земля, чадным адским пламенем полыхали деревья. Но потом заряжал ливень (в это время года на Грозном дождило по два-три раза в день) и воцарялся цельный, как гранит, шорох струй, который Додар был готов называть тишиной.

Тогда он принимался читать.

До чтения Додар дошел не сразу, вначале довольствовался картинками. Он смотрел на них так часто и подолгу, что однажды обнаружил, что способен с закрытыми глазами пересчитать маленькие бриллианты на подвеске красавицы со страницы 237 и лепестки ромашки, что подносит она к губам, на странице 120. Так и с ума сойти недолго!

Главное же, Додару страстно хотелось знать, как Ее зовут.

Он выпросил у сержанта Руза переводчик, который был положен тому как командиру поста. Несколько дней провозился с настройками — сказывался недостаток опыта. Но потом все-таки приловчился понемногу читать.

Первым делом он облизал сканером подпись под портретом. «Tatiana Larina» — проступило на дисплее.

«Значит, Tatiana — это фамилия. А Larina — имя!»

Додар неописуемо обрадовался.

«Larina... Larina...» — повторял он, беззвучно шевеля полными смуглыми губами.

Поначалу он делал ударение на французский манер — на последнем слоге. Но вскоре обнаружил, что если похерить вторую гласную «а» и перенести ударение на «i», получится даже нежнее. Ведь Larin — это как Ясмин или Гарбин, почти нормальное женское имя. Додар удовлетворенно ухмыльнулся — еще одна загадка разгадана!

Боевые товарищи были начеку.

— Чего ты там лыбишься? — мрачно поинтересовался рядовой Саккар.

— Что, нельзя?

— Слышал, семнадцатый пост орхидеи сожрали?

— Вчера ж вроде был пятнадцатый?

— Может, и пятнадцатый...

— Так пятнадцатый или семнадцатый?

— Хрен его разберет!

— Я думал, официально сообщили.

— Да нет, слухи только...

— «Слухи есть наивреднейший инструмент деморализация солдата, психическое оружие массового поражения!» — процитировал Додар из речи адмирала Шахрави перед Народным Диваном. Незадолго до отправки на фронт они учили ее наизусть. — Вот дождемся, когда командование реальную информацию пришлет, тогда и поговорим.

— Дождешься ты, как же... — ворчал в ответ Саккар.

С недавних пор Додар физически не мог поддерживать беседы о хищных орхидеях. Да, они опасны. И, без сомнений, следует держать ухо востро, не то удушливой ночью какой-нибудь особо шустрый цветочек протянет к тебе свои чувствительные к инфракрасному излучению корни-щупальца, задушит тебя и высосет, как паук муху. Да, такие случаи бывали. И якобы неоднократно. Все это очень, очень важно. Но даже о самом важном невозможно говорить три часа каждый день!

Последние слова Додар был готов проорать дурным надсадным голосом. Когда его товарищи принимались привычно дивиться проделкам людоедских растений, Додару казалось, что Larin из книжки смотрит на него укоризненно.

Итак, Саккар ушел обиженным. Ведь орхидеи — это только повод поболтать. Теперь они втроем — Саккар, Нух и сержант — будут шептаться, что Додар зазнался.

Только Додару было все равно. Он поразительно легко переносил свою растущую отчужденность от товарищей. Ведь теперь он был не одинок.

Помимо происков хищных орхидей, чьи оборчатые расхристанные туши они с упоением счищали со ствола и ветвей в качестве утренней гимнастики, в дежурных ходили еще две темы.

Первая: когда наконец пришлют обещанное чудо-оружие, которое выкурит русских из джунглей?

И вторая: когда же все-таки их отправят в Москву, где каждый боец сможет помочиться на небоскребы Красной площади?

Шли недели, с Москвой ясности не прибавлялось. Но чудо-оружие действительно прибыло. Им оказался... вольтурнианский все-

яд. Тварь отвратительная, да вдобавок еще и «акселерированная», с улучшенной управляемостью и способностью соображать.

В виварии на планете Вольтурн этих зверьков наплодили в числе, близком к апокалиптическому. Благо размножались всеяды четыре раза в год, а ели, в полном согласии со своим названием, даже помои и просроченные ядохимикаты.

Предполагалось, что шустрые и злобные вольтурнианские всеяды, способные плеваться кислотой, кусаться и отравлять воздух неописуемой вонью (правда, последнее лишь в период спаривания), быстро наводнят леса Грозного и сделают жизнь русских партизан невыносимой.

О том, насколько сильно отравлена жизнь русских, обитателям поста № 9 судить было сложно. С собственной же ясность была полной — отстрел всеядов стал для них такой же рутиной, как и очистка радиуса безопасности от орхидей.

Поначалу сержант Руз не решался отдать приказ на истребление безголовых, отталкивающего вида тварей. Ведь все-таки казенное добро. Но после того как рядовому Саккару плевок всеяда прожег голень до самого сустава, сержант переменил мнение.

По чудо-оружию стреляли одиночными из автоматов и даже, случалось, из пулеметов, которыми были оборудованы стрелковые площадки первого этажа. Азартно, с озорными прибаутками наблюдали за тем, как пули разносят в клочья диспропорциональные многоногие тушки. Между соседними постами установилось даже нечто вроде состязания, кто сколько завалит.

— Исчадия Ангра-Манью, — шипел Додар, выцеливая тварей в малахитовой шапке соседнего дерева.

— Патроны береги, — ворчал сержант.

— Дети грязи, вот я вас сейчас...

Несколько последних дней тема детей интересовала Додара весьма живо. Началось, как обычно, с книги.

На одной из картинок была изображена Larin, передающая письмо круглолицему мальчику лет семи. Додару вдруг подумалось, что мальчик этот — сын Larin, уж больно ласково касалась она рукой его белокурой головки. Из того факта, что у совсем молодой Larin есть сын, следовало, что она принадлежит к касте пехлеванов, а может, и заотаров, каковые в отличие от демов и энтли обладали безусловным репродуктивным правом с 15 лет. Между прочим, это означало, что у Larin должен быть и муж! Выходит, хилый, с дегенеративным лицом и нелепо зачесанными на лоб волосами мужчина, который встречается на большей половине иллюстраций, и есть этот самый муж!

Поначалу Додар опечалился. Он хотел для своей Larin лучшей судьбы. Но потом решил, что раз Larin нравится хилый Evgeni, значит, лучше ей быть с ним.

Несмотря на суровость воспитания, рядовой Додар был добрым человеком.

Фантазировать было гораздо интереснее чем читать. Тем более что переводчик плохо брал текст. То и дело умная машинка требовала подключить какую-то загадочную «энциклопедию», но где ее достать, Додар понятия не имел, спрашивать же у сержанта стеснялся.

Когда очередная попытка продраться сквозь стихотворный бурелом оканчивалась фиаско, Додар откладывал книгу и размышлял. Что же это получается, если действие происходит в прошлом, может, даже в прошлом веке, значит, среди тех русских, которых штурмовики поливают зажигательной росой, могут быть и внуки Larin? «Значит, с ними мы и воюем?»

В этой связи мысль о плене перестала казаться Додару кощунством. Еще на родной планете Вэртрагна Додар вместе со своим закадычным товарищем Хавизом поклялся у чаши Священного Огня перекусить себе язык, если судьба распорядится так, что они окажутся безоружными перед лицом врага. Но теперь эта клятва уже не казалась Додару нерушимой. Ведь тогда он представлял себе врага иначе... Как? Ну, как ракообразного чоруга... Как отталкивающего вида робота... Да мало ли как? В конце концов, можно сначала сдаться, а уже потом перекусить себе язык. Додару мучительно хотелось удостовериться, правда ли, что у русских женщин такие тонкие талии. А ведь русские, должно быть, не так злонравны, как другие племена Объединенных Наций. В книге они все время вспоминают Творца Всего Сущего Ахура-Мазду (так переводчик транслировал слово «Bog»). И потом, если их взрастили такие матери, как Larin, они просто не могут быть нравственно безнадежными, наверняка Народный Диван смог бы их перевоспитать! В общем, вариант с самоубийством Додар оставлял теперь на самый крайний случай.

Думал Додар и о том, как восприняла бы Larin его ухаживания.

Уже проваливаясь в сон, он видел себя и Larin в Центральном Хосровском парке, возле знаменитой статуи «Девушка с ловчим соколом». В унизанных кольцами руках Larin букет чайных роз, приторно-желтых, огненно-оранжевых, их колючие стебли спеленуты белой салфеткой с кружевной каймой... Додар не сомневался, Larin согласилась бы пойти с ним в парк. Вот они на Аллее Ткачей. Он останавливает тщедушного разносчика, чтобы купить Larin сладос-

тей и имбирной воды. Дает продавцу щедрые чаевые, тот громко благословляет Додара и весь его род. Larin смеется, проходящие мимо мужчины смотрят на него, Додара, завистливо и ревниво...

Один негодяй, друг Хавиза, однажды рассказывал Додару о своих интрижках с женщинами Объединенных Наций. Он служил стюардом на пассажирском лайнере межзвездного класса, летал на Землю. Додар почти запомнил, как назывался город, где друг Хавиза бывал, — не то Берлик, не то Берлиз... В этой Европейской Директории, рассказывал летун, женщины просто обожают парней из Конкордии — бронзовокожих, с упругими бицепсами и сильными ягодицами. «Еще бы!» — с гордостью подумал тогда Додар. Ведь матрицу для их «воплощения» делали не с кого-нибудь, а с самого великого Гаура, чемпиона Конкордии по легкой атлетике!

Словом, Додар был уверен, что понравился бы Larin. А потом у них появились бы дети. Конечно, пока у него нет репродуктивного права, но к моменту знакомства с Larin он совершил бы какой-нибудь подвиг, например, задушил вражеского генерала. За это Народный Диван наградил бы его правом отцовства, ведь Народный Диван — он щедрый и мудрый. Они с Larin жили бы долго и счастливо в двухкомнатной квартире на бульваре имени Правды.

Волшебным образом Larin существовала для Додара сразу во всех временах — и в экзотическом русском прошлом, и в лесном настоящем, и в светлом будущем.

«Seriya «Shkolnaya Biblioteka» — отпечатано на предпоследней странице.

Прочтя эти строки, Додар очень обрадовался. Ведь он знал — «школами» называются заведения, где учатся заотары. Стало быть, познавая книгу, он приобщается к истинам, что познают на недосягаемых кастовых высотах русские мужчины с худыми одухотворенными лицами и их верные кареглазые женщины. Додар обратил лицо к небу и молитвенно сложил ладони.

— Связи опять нет... — проворчал за спиной Додара сержант.

— И что? — неохотно отозвался Додар.

— Всю ночь на востоке бомбили... Слышал?

— Да нет, спал.

— Предчувствие у меня...

— Насчет дождя?

— Да при чем тут это! Русские совсем близко!

— А... Появятся — тогда и поглядим! — многозначительно похлопывая по прикладу своего автомата «Баал», отвечал Додар. Он собрал в этих словах всю свою тяжелую мужскую харизму. Он старательно нахмурился и сжал кулаки. Из военно-патриотических филь-

мов Додар знал — именно так должен реагировать боец на сообщение о приближении врага.

На самом же деле дурные предчувствия сержанта Руза Додара скорее обрадовали.

Он так много узнал о русских из книги, что их появления уже в каком-то смысле желал.

И не важно, что с ними придется вступить в бой.

Главное, они наконец-то встретятся, пусть и в качестве сотрапезников на роковом пиру смерти.

Гроза, долгих два часа ворочавшая исполинскими медными тазами за ширмами серых туч, закончилась, как всегда, внезапно. Джунгли погрузилась в привычное предрассветное оцепенение.

Едва не оглохшие от небесного концерта сержант Руз, Саккар и Нух уже минут двадцать как встали. Саккар брился, по-гусиному вытягивая шею в сторону зеркальца, Нух заливал крутым кипятком сухой брикет крученой лапши, сержант насвистывал гимн 2-й танковой, сидя в туалете, который, к слову сказать, был устроен у них по морскому образцу — от второго этажа отходил вбок узкий, как гробик, дощатый пенал, накрытый брезентом, внутри которого была устроена сижа с непритязательным квадратным отверстием.

Додар позевывал в кресле Саккара. Его смена кончилась, можно идти спать.

Настроение было превосходным. За ночь он узнал много нового о сестре Larin. Она тоже была красавицей, хотя и не во вкусе Додара. Он бережно укладывал книгу в пластиковый пакет, когда внизу захрипел громкоговоритель.

Додар вздрогнул всем телом. Очень уж неожиданно. Осторожно глянул вниз. Там, в сумеречных лесных низинах, среди клубов холодного тумана отчетливо контурировалась... броня вражеского танка.

И когда только они успели подобраться? А впрочем, в небе громыхало так, что неудивительно.

Стараясь не делать резких движений, чтобы не привлекать к себе внимания, Додар активировал переводчик — он все еще лежал у него на коленях — и настроил его на голосовой режим.

— Додар, ты слышал? — проорал из сортира сержант Руз.

— Слышал.

— Что они говорят, Додар?

— Они говорят, чтобы мы сдавались.

— Кто это — они?

— Да эти... Дети...

— Дети?

— Дети Evgeni и Larin... — отвечал Додар с рассеянной улыбкой.
— Не понял! Повтори!
— Русские.
— Русские?!
— Да.
— Чтобы мы сдавались?
— Да! У них танки... Говорят, численное превосходство...
— Никогда!

С первого этажа застрочил пулемет. Со второго полетела ручная граната. В ответ тяжело ухнуло дважды. Нужник и вместе с ним половина второго этажа рухнули вниз. От третьего откололся шестиугольник с тяжеленным кубом звукоулавливающей системы.

Когда дым рассеялся, Додар принялся искать свой облегченный «Баал», но нашел только разводной ключ. Оно и неудивительно — несколько минут назад он положил автомат на крышку сгинувшего «Аташа». Пистолет же рядовым был не положен.

Додару ничего не оставалось, как прижать книгу к груди и закрыть глаза. Запели в листве шустрые пули, застучали рикошеты. Запахло кровью и ацетоном.

А через минуту все стихло.

Вновь раздался тот же зычный голос.

Додар осторожно привстал с кресла оператора и посмотрел вниз.

На перилах ограждения второго этажа, лицом вниз, повис рядовой Нух, прошитый не менее чем дюжиной пуль.

Сержанта Руза видно не было — он лежал на земле, на груде досок, в противоестественной позе человека, чей позвоночник сломан сразу в нескольких местах. Истошный крик рядового Саккара Додар слышал еще до того, как рухнул нужник. И по тому, как внезапно он оборвался...

— «Ne spitsya, nyanya, zdes' tak dushno...» — во всю глотку прокричал Додар и сразу вслед за этим вспомнил еще: «Bogat, horosh soboyu Lensky vezde bil prinyat kak zhenih!»

Додар положил переводчик в нагрудный карман. Заткнул за пояс книгу. И, подняв руки в интернациональном жесте примирения с судьбой, ступил в пластиковую люльку лифта.

ОТ АВТОРА

Будут ли войны в будущем? Скорее всего, будут. Военные — те останутся наверняка. Но с кем могучее, технически развитое человечество, Сверхчеловечество станет воевать? Каковы будут цели этих войн, каковы средства их ведения? Эти вопросы всегда волновали писателей-фантастов, и здесь я исключением не стал.

Впервые «Топоры и Лотосы» увидели свет в известном фантастическом журнале «Если», и среди читательских откликов мне не однажды встречались вопросы: «Отчего ваше человечество будущего столь неприглядно? Отчего так агрессивны военные, недальновидны аналитики, жадны политики?»

Признаться, оригинального ответа на этот вопрос у меня нет. А неоригинальный ответ прост: если тенденции социокультурных трансформаций, которые являет нам день сегодняшний, сохранятся и окрепнут, у нас не будет никаких оснований надеяться, что спустя несколько веков мы попадем в сияющий новый мир высоких отношений и подлинно гуманисти-

ческих ценностей — условно говоря, в мир братьев Стругацких, «мир Полдня».

Люди «Топоров и Лотосов» достигли технологических высот и освоили просторы Галактики, научились глотать гигабайты информации, как микстуру, и перестраивать человеческий организм, превращая лучших бойцов своих армий в неуязвимых активантов. Однако общество, сделавшее своими кумирами информацию и технологию, со всей неизбежностью будет иметь ахиллесову пяту. И тойланги — разумная инопланетная раса — будут искать ее, пока не отыщут. Что будет означать для людей поражение в войне с тойлангами?

Рассказ об этом я вложил в уста Искандера Эффендишаха, полковника военной разведки («Бюро-9»), — человека, не менее остроумного, чем я, но куда более выносливого и отважного.

1

БОЛЬШОЙ ХУДОЖНИК РАБОТАЕТ КРУПНЫМИ МАЗКАМИ

Космический пейзаж на экранах был убогим, как личное дело интенданта Луны.

Патрульный крейсер «Симитэр» степенно швартовался ко второму ярусу башни регламентного обслуживания. Башня была прозвана репортерами НС-новостей «Пятым Интернационалом» за характерную конструкцию, на практике воплотившую фантазию старинного русского футуриста Татлина.

Гигантский мобил-док «Бетховен» вчера завершил ремонт повреждений, полученных во время рейда тойлангов на нашу передовую базу в секторе Свинцового Солнца. Полчаса назад «Бетховен» завершил расстыковку с «Пятым Интернационалом» и теперь медленно отползал прочь от Паллады, готовясь к выходу на джамп-траекторию.

Три легких корвета класса «Фламинго» болтались на высокой орбите Паллады с выключенными маршевыми двигателями. Они дожидались, когда неповоротливый «Бетховен» завершит свой скучный маневр.

Капитаны корветов имели приказ взять мобил-док под свою опеку и сопроводить

его в район Сандеи, где концентрировались главные силы нашего флота.

Мобил-док должен был сменить отработавшие двигатели на двух крейсерах 5-й бригады линейных сил, а затем, под прикрытием кочующих крепостей Сандеи, служить передовой базой снабжения и госпиталем на 2000 капсул для личного состава флота и десанта. Предыдущий госпиталь, спецтранспорт «Парацельс», был уничтожен диверсионной группой тойлангов две недели назад вместе со всеми пациентами, персоналом и неконвенциональным складом боеготовых торпед.

Корветы, мобил-док, «Симитэр» и четыре смешанные батареи противокосмической обороны — вот все, чем располагали мы в секторе Паллады.

Больше и не требовалось. Война велась по всей галактике, но никогда не подходила к Солнечной системе ближе, чем на пять парсеков.

Мы вели войну уверенно и неторопливо. Враг номер один отступал к своей метрополии, системе Франгарн. Казалось, еще один натиск — и тойланги примут наши условия капитуляции, которые отбросят их в век парусных флотов, двуручных мечей и вялотекущих экспериментов с природным электричеством.

Служба офицера бортбезопасности чем-то сродни любительскому огородничеству. Баклажаны на грядках поливает автоматика, а ты лежишь в гамаке и дуреешь от безделья. Хочешь почувствовать себя героем? Берешь в руки лейку, трудишься полчаса, а потом... потом снова гамак и единение с внутренним «я».

Ладно еще присматривать за порядком на настоящем боевом гиганте — дредноуте или кочующей крепости. Там большая команда, много молодежи, там иногда хулиганят у стойки бара и бортбезопасность получает шансы раз в неделю поиграть мускулами, растаскивая буянов. Опять же: дредноуты все-таки бывают в деле. На борту бушуют пожары, под взорванным реактором от жара лопается бронепалуба и... да-да, есть упоение в бою!

В службе на «Бетховене» упоения не было и быть не могло. Живого отклика в моей душе не встречал и тот факт, что мои полномочия равнялись капитанским. И даже в чем-то их превосходили.

Полномочия... привилегии... статус...

Майор моего возраста — слезоточивый анекдот. Я же накануне перевода на должность начальника бортовой безопасности «Бетховена» получил знаки различия старшего лейтенанта. Ох, плохо быть королем сапожников...

В число моих привилегий на «Бетховене» входили: каюта с иллюминатором и живым фикусом; персональное кресло на ходовом мостике; право потребления новостей в любое время дня и ночи.

Пока наш док выходил на джамп-траекторию, я как раз и намеревался реализовать это право — под косыми взглядами капитана, навигатора и трех помощников, которые в отличие от меня занимались на ходовом мостике какой ни есть работой, а не сосредоточенным убийством времени.

Я достал инъектор и коробочку с новостными пилюлями. Непотребленных новостей было полно: война, спорт, война, политика, война, экономика, война, спорт, война, наука, война, война, война.

Неудивительно, что красно-желтых пилюль у меня скопилось так много: жестокая цензура Бюро-9 превращала военные новости в очень своеобразный продукт. Потреблять его было непросто.

Типовой сюжет: интервью с бойцами элитных подразделений (обычно — берсальерами) на фоне поверженной неприятельской техники.

Типовой тон репортера: озабоченный, вдумчивый, заискивающий.

Типовое настроение элиты: яростно-воодушевленное. Глаза горят демоническим огнем.

На вопросы про жизнь — ответы в духе «На линии огня нет командиров и подчиненных, мы все одна семья». На вопросы по существу — «Мы получили приказ работать цель... Мы работали цель... Отработали цель... Потери?.. На войне как на войне!»

Правда, насчет «работать цели» — это пилоты. Элитная пехота в интервью всегда говорит «выброска»: «попрыгали на выброску», «сходили в выброску», «пришли из выброски».

В конце сюжета — дежурное: «Ну что, ребята, следующее интервью уже на Эрруаке?»

В ответ — нечленораздельное, но одобрительное мычание.

Последний, художественный, так сказать, штрих репортажа: спины солдат, уходящих в ядовитый инопланетный туман.

Вот так. Поэтому военные новости я потреблял нерегулярно. И вовсе от них отказался бы, если б не безотрадное безделье на «Бетховене».

Я метил в пилюлю «наука», но так уж получилось, что мой ноготь подцепил одну из красно-желтых с войной. Значит, судьба.

Вздохнув, зарядил ее в инъектор. Полюбовался, как пилюля стремительно превращается в бесцветную жидкость. И, уперев жерло инъектора в шею, нажал на спуск.

Примерно минуту молекулярные агрегаты с записью новостей добирались до моих нейронных цепей и подготавливали весь биохимизм, необходимый для временной подмены реальной входной информации на суррогатную. Наконец гипервирусы умостились на

моих нейронах как следует, обменялись сигнальными рибонуклеидами, синхронизировались — и понеслось!

Перед глазами вспыхнул логотип НС-новостей. После призывных фанфар и сублоготипа «Война за право быть» пошла реклама.

«Помоги флоту — купи Колизей».

«Часы Occident считают наносекунды до победы».

«Вечный двигатель невозможен! Настанет время и для «Энджин».

(Титр сладострастного рекламного сплэша: парочка три полных минуты психовремени занимается любовью в нарочито монотонном ритме, и когда потребителю уже начинает казаться, что его будут мучить вечно, мачо и мучача откидываются на смятые простыни и радостно хватаются за сигареты «Энджин».)

Реклама окончилась. Вокруг меня сгустились светло-желтые стены и мягкая мебель кают-компании какого-то военного звездолета. Разумеется, нашего. За одним из столов, над дымящейся чашкой чая сидел популярный репортер Клим Бершов. Его умные, чуть озабоченные глаза смотрели мне точно в переносицу.

Я сидел напротив Бершова в удобном неглубоком кресле. Передо мной на столе стояли два стакана и две чашки. Вода, апельсиновый сок, чай, кофе.

Я выбрал чай.

За что все любят новости в пилюлях? Вкус напитков прорабатывают на совесть. Есть кофеманы, которые по десять раз на дню новостями колются только ради условно бесплатных вкусовых ощущений — сами-то пилюли удовольствие недешевое.

Стоило мне отхлебнуть чаю, как Бершов заговорил:

— Мы с вами находимся на борту транспорта «Кавур». Здесь расположен штаб одного из десантных соединений, которому послезавтра предстоит атаковать Эрруак — последний оплот врага. На «Кавур» только что прибыл командующий передовым эшелоном высадки, контр-адмирал Алонсо ар Овьедо де Мицар.

«Куда смотрит Бюро-9?!»

Если б хитрый химизм пилюль не давил все негативные психосоматические реакции потребителя в зародыше, я обязательно поперхнулся бы чаем. Клим Бершов только что разгласил дуплетом две тайны: название штабного корабля и имя одной из ключевых персон Оперативной Ставки Флота!

— Адмирал любезно согласился уделить нашему каналу несколько минут, — продолжал Бершов, — и раскрыть некоторые секреты нашей несокрушимой обороны, давно занимавшие умы миллиардов людей во всей галактике. Да и среди тойлангов, — репортер тонко

улыбнулся, — найдется немало любопытствующих, готовых распрощаться с половиной своих плавников, только бы узнать побольше о таинственном «Поясе Аваллона», о котором раньше можно было говорить лишь намеками...

Легок на помине, вошел Алонсо. Ответив на приветствие Бершова резким кивком, он занял свободное кресло.

— Господин адмирал, не хочу злоупотреблять вашим временем и терпением нашего гостя, — репортер кивнул в мою сторону, — а потому сразу задам самый острый вопрос: почему тойланги ни разу не пытались атаковать непосредственно Землю и другие планеты Солнечной системы? Ведь подпространство позволяет флоту любой численности подобраться к Земле вплотную. А дредноутам врага достаточно нескольких минут, чтобы уничтожить на нашей родной планете все живое!

Я знал Алонсо лично и по его недовольным гримаскам сразу понял, что нашего рыцаря высокой оперативно-штабной культуры раздражает каждое второе слово *штатской обезьяны*. И обращение «адмирал» (к контр-адмиралу!), и безграмотное «подпространство», и газетный штамп «уничтожить все живое».

Впрочем, Алонсо давал это интервью по высочайшему приказу главкома, то есть был вынужден воспринимать его как боевое задание. Поэтому он справился с раздражением и довольно дружелюбным, чуть снисходительным тоном объяснил:

— Все дело в блок-крепостях, расположенных на поверхности четырехмерной сферы в пространстве Аль-Фараби или, как вы выражаетесь, в подпространстве. Все нелинейные подходы к Солнечной системе, все Ячейки, Ребра и Лопасти Аль-Фараби контролируются этими сооружениями. Любое возмущение в нелинейных структурах заблаговременно обнаруживается автоматикой блок-крепостей. А интерференц-генераторы крепостей вырабатывают пучок встречных, противофазных возмущений...

Контр-адмирал выдавал военные тайны пачками. Я уже ничему не удивлялся и слушал Алонсо вполуха. Я-то по долгу своей былой службы в силовой и общей разведке примерно представлял себе, как устроена наша нелинейная космическая оборона. Но неужели в благоприятном для нас исходе всегалактической бойни не осталось ни малейших сомнений? И накануне штурма Эрруака было решено выставить на потребу публике святая святых нашей военной технологии?

— Позволю себе перебить вас, адмирал, и напомнить нашему гостю, что любой корабль — например, дредноут тойлангов — представляет собой в подпространстве волну, бегущую по Лопасти Аль-Фараби...

— Не волну, а пучок волн, — поправил Алонсо. — Но упрощенно, конечно, можно говорить о волне. Соответственно интерференц-генераторы крепостей делают так, чтобы летящий в пространстве Аль-Фараби дредноут тойлангов попросту сгинул без следа, уничтоженный аналогичной встречной волной, идущей в противофазе.

— Как просто! Как красиво! — Бершов довольно убедительно симулировал энтузиазм любознательного полузнайки при встрече с новым чудом технологии.

— Это не так-то просто. — Контр-адмирал самодовольно ухмыльнулся. — Это, я бы сказал, чертовски сложно. И адски дорого. На каждый запуск интерференц-генератора для уничтожения объекта в нелинейном пространстве уходит примерно столько же энергии, сколько и на изготовление этого же объекта с нуля. Хочешь уничтожить крейсер — затрать те же гигаватты, которые требуются на его постройку.

— С натурфилософской точки зрения, — ввернул Бершов, — это легко понять. Уже Лукрецию было ясно: «из ничего — ничто», то есть законы сохранения энергии и материи...

— Лукреций? В моем штабе нет такого офицера! — рявкнул Алонсо.

Это была допотопная шутка из малого типового набора, который кадровые военные используют, чтобы поднять свой рейтинг в глазах развитых школьников и молодых мичманов.

После секундной паузы репортер и контр-адмирал на пару залились взаимопонимающим смехом.

— А позволите задать неудобный вопрос? — спросил Бершов, когда оба отсмеялись. При этом репортер заговорщически подмигнул мне — пожалуй, чересчур фривольно.

— Спрашивайте, — со вздохом разрешил Алонсо.

— Эта система нелинейной обороны, которая, насколько я понимаю, и называется «Поясом Аваллона», она... надежна?

Контр-адмирал построжел.

— Ваш Лукреций, случайно, не писал, что абсолютно надежных систем не бывает? Так вот: их не бывает. Вероятность уничтожения целей нашими блок-крепостями — восемьдесят процентов. Это значит, что на учениях бесследно исчезали каждые четыре корабля-мишени из пяти...

Алонсо помолчал немножко, давая психозрителям время осознать эту статистику, и продолжил:

— Но какой адмирал, хоть землянин, хоть тойланг, отважится атаковать, когда знает, что еще до выхода из пространства Аль-Фараби, то есть до начала линейного сражения, он потеряет восемьде-

сят кораблей из ста? Кто согласится дать противнику такую фору? А ведь в Солнечной системе уцелевшие корабли будут встречены сорока пятью вымпелами Флота Метрополии! К этому следует добавить, что блок-крепости работают и как посты дальнего обнаружения. На расстоянии в несколько часов реального хода корабль засекается по вторичным возмущениям на Ребрах Аль-Фараби. Информация мгновенно передается в штаб и сразу же доводится до всех флотов, разбросанных по галактике. На случай массового вторжения предусмотрена тревога «Красный Смерч», по которой производится экстренный отзыв сотен боевых кораблей в Метрополию.

— Как я понимаю, «Красный Смерч» не объявлялся ни разу?

— Не объявлялся. А жаль — тойланги остались бы без всего флота и война была бы выиграна в один день. Но они не настолько глупы... Вот «Белый Смерч», то есть попытки одиночного проникновения вражеских разведчиков, случался трижды. И все три раза разведывательные рейдеры тойлангов бесследно растворялись в нелинейном пространстве, уничтоженные блок-крепостями. После этого тойланги перестали появляться в окрестностях Метрополии. Тойланги выяснили границы нашего могущества и больше рисковать не решаются.

— Тем более что в последнее время им все больше приходится думать об обороне собственной планеты, верно?

— Именно так. А теперь — не обессудьте, мое время вышло. Я должен вернуться к своим прямым обязанностям: рисованию больших красных стрелок на штабных картах.

Бершов вежливо улыбнулся.

— Так что, адмирал, следующее интервью будет уже на Эрруаке?

— Следующее интервью будет на Земле. Правительство напомнило Ставке, что главная задача боевого планирования высадки — сбережение жизней наших солдат. Если сохранность биосферы и физическая целостность Эрруака войдут в противоречие с минимизацией наших потерь...

Тут наконец проявились следы деятельности цензуры, о которой я уже и думать забыл. Контр-адмирал заткнулся на полуслове, стены кают-компании исчезли и после второй порции рекламы моя высшая нервная деятельность вернулась в накатанное русло.

Я вновь обнаружил себя на ходовом мостике «Бетховена». Согласно часам, я пребывал в бессознательном состоянии двадцать семь секунд.

Норма. Обычная секунда равна примерно минуте психовремени, которое является мерой информационного обмена в наведенных новостных галлюцинациях. Это, кстати, в прошлом веке счита-

лось главным аргументом в пользу перехода на новостные пилюли: экономия времени в пятьдесят и более раз!

Ясно, что за полминуты в большом мире мало что изменилось. «Бетховен» от Паллады отползал, «Симитэр» к ней подползал...

Все произошло быстро.

«Пояс Аваллона» был одновременно прорван в трех секторах.

Р-раз! —

вокруг Паллады с интервалом в пару секунд одна за другой вспыхнули сорок звездочек;

операторы батарей ПКО в полнейшем непонимании констатировали, что визуально наблюдаемые звездочки по данным радаров и грависканеров являются боевыми кораблями первого класса;

ответ на запрос «свой-чужой» — отрицательный;

«Боевая тревога! «Красный Смерч»! Нет, Семь Бездн Аль-Фараби под вашей задницей, повторяю: *боевая* тревога!!!»

Два! —

плотные клинья торпедных стай, паника, вспышки квантовых установок ближней обороны;

огонь, океаны лилового и оранжевого пламени, красный смерч, грохот захлопывающихся дверей;

компьютеры опережают наводчиков, хриплое «ур-ра» — это рассыпался на молекулы первый крейсер тойлангов, вслед за ним исчезают в громоздящихся разрывах торпед еще три;

на входе в боевой пост кто-то орёт не своим голосом — автоматическая переборка перебила бедолаге голень.

Три! —

тойлангов все больше;

вслед за первой штурмовой волной, составленной из устаревших типов кораблей и предназначенной на заклание нашей ПКО, из подпространства выходят линейные силы флота — стройные, изящные красавцы, похожие на алмазные сосульки, источенные черными прожилками батарей ближней обороны и закутанные в призрачное дрожание защитных полей;

ясно: тойланги уже выбросили в районе Паллады больше сотни кораблей первого класса;

против них выходят лишь семнадцать вымпелов Флота Метрополии.

Где же остальные?!

— Сир, только что приняты сообщения из сектора Трансплутона и из Пятого Октанта: «Красный Смерч».

— К дьяволу, без них все ясно. Сколько нам еще болтаться на джамп-траектории?

— Три минуты восемнадцать секунд. Но, сир, мы числимся в основных списках флота и считаемся боевой единицей. Мы не имеем права покинуть сферу боя без приказа вышестоящего начальника.

Не знаю, что думал по поводу бредней своего старпома капитан Гриффин ап Гриффин, но в этот момент противник атаковал наш несчастный док. Нам очень повезло, что вся мощь удара сосредоточилась на Палладе и кораблях Флота Метрополии, а нам достались лишь несколько торпед. К тому же нас поддержали огнем корветы.

Только две «бешеные торпеды» смогли прорваться через заградительный огонь и лопнули в нескольких километрах от мобил-дока, выбросив тучи мелких реактивных снарядов с кассетными боеголовками. Обычно такие штуки используют для экологичного уничтожения площадных планетарных целей вроде солнечных энергоустановок или антенн дальней связи. В нас их выпустили явно по недосмотру.

Основную массу снарядов приняло наше непомерно раздутое чрево, в котором могли вольготно разместиться четыре корвета или суперкрейсер. Но несколько штук задели и кое-что жизненно важное. .

Первоклассная док-камера мгновенно превратилась в решето, заполненное вакуумом, а боевой пост, в котором я вел бесплодное общение со старпомом, — в угольно-черную пещеру, где воцарились безмолвие и безвременье.

Наконец кто-то тихонько рассмеялся. Весьма нервно, замечу.

— Господа, у меня на коленях чья-то рука, — сообщил незнакомый голос.

Я сообразил, что как-то незаметно переместился из вращающегося кресла на пол. Сотрясение было настолько резким, а болевой шок настолько сильным, что мое сознание, по всей видимости, предпочло несколько секунд пребывать как можно дальше от тела.

— Это моя, правая, — прошипел я, открывая глаза и с трудом переворачиваясь на спину.

Оказалось, что угольно-черной пещерой боевой пост являлся только по моему мнению.

Света стало меньше, но кое-что еще работало, пара экранов светилась, а широкое панорамное окно видеонаблюдения продолжало мерцать в такт биениям неравного боя. Весь пост, от пола до потолка, был заляпан кровью. Рядом со мной лежал старший помощник, превратившийся в рубленую котлету. Я отвернулся.

— Поздравляю. Остальным, по-моему, повезло меньше.

Только теперь я заметил, что повсюду — в креслах, потолочных панелях, в консолях с аппаратурой — едва заметно подрагивают ра-

дужные диски. Настолько тонкие, что некоторые невозможно разглядеть, не изменив угла зрения.

— Здесь их тысячи, — словно бы угадав мои мысли, прокомментировал все тот же голос.

Я поднялся на ноги, что без правой руки оказалось не так уж и просто. Но ни боли, ни крови не было.

Кроме меня и незнакомого офицера в форме капитана берсальеров, ни одной живой души на боевом посту мобил-дока «Бетховен» не осталось.

Офицер сидел на полу у входа в боевой пост. За его спиной щерилась длинными сколами развороченная взрывом переборка. Правее горбатилось то немногое, что осталось от капитана Гриффина ап Гриффина.

— Кто вы? — спросил я, неловко вытаскивая уцелевшей рукой пистолет из кобуры на правом боку.

Ничего не могу с собой поделать — как и любой офицер бортовой безопасности корабля, я терпеть не могу появления чужаков на ходовом мостике.

А этот человек был чужаком. По данным на конец истекших суток, среди экипажа и пассажиров не было ни одного капитана. И ни одного берсальера.

Мир вокруг летел в тартарары. Но я был вынужден исполнять свой долг. Даже осознавая, что «Бетховен» через минуту превратится в облако холодной пыли.

Берсальер посмотрел на мои нашивки (благо, они находились у него на коленях вместе с моей рукой), потом перевел взгляд на меня, потом понимающе усмехнулся.

— Меня зовут Джакомо Галеацци. Я был в отпуске на Земле. Прибыл на Палладу вчера на борту корвета «Серый фламинго». Добился назначения на «Бетховен» за полчаса до вашего отлета. Я очень боялся опоздать в свою роту. Вы ведь знаете, готовится вторжение... Точнее, готовилось...

— Номер вашей части, — потребовал я.

— Меня вносили в вашу базу данных.

Теоретически это было возможно. В последнюю смену в шлюзе «Бетховена» дежурил мой помощник, лейтенант Вяземский.

— Номер вашей части, — повторил я громче.

— Только что назначен командиром Семнадцатой Отдельной роты берсальеров, борт приписки — быстроходный десантный транспорт «Кавур». Можете проверить, я недавно переведен из другой части, постоянно дислоцированной в Метрополии. У меня блестящий послужной список. Не такой, как у вас, конечно, но...

Джакомо снова усмехнулся. Ох уж мне эти ухмылочки! Конечно, посмотрев на срез моей руки, любой осведомленный вояка поймет, что я — активант. И все-таки противно...

Я вяло махнул пистолетом — дескать, какая теперь разница? Такой послужной список, сякой...

— Вы что-нибудь понимаете в этом барахле? — Я обвел широким жестом полумертвый боевой пост.

— А что тут понимать? Вон те здоровенные часы отсчитывают время до входа в подпространство. Мы ведь выведены автоматикой на джамп-траекторию... Если автоматика сработает, через минуту нас вынесет из этого пекла к чертям собачьим. А если нет — прощайте. Приятно было познакомиться, хоть вы и не представились.

— Искандер Эффендишах.

— А я думал, вы тоже итальянец...

— Нет. Я родился в Ширазе.

Четыре! —

Паллада чудовищно разбухла, увеличившись почти в полтора раза, потом озарилась изнутри малиновыми сполохами и, разбежавшись частой сетью ослепительных прожилок, превратилась в огромный пузырь свежей магмы.

Почти сразу вслед за этим я почувствовал, как тело мое теряет вес, а сознание — четкость.

Привет вам, Семь Бездн Аль-Фараби.

2

НЕТ ТАКОЙ БОЛИ, КОТОРУЮ НЕЛЬЗЯ ВЫТЕРПЕТЬ

Автоматика имеет одну приятную особенность: иногда она все-таки срабатывает.

Мириады бесплотных шумов, триллионы энергетических всплесков, нескончаемые шеренги разновысоких зубчиков на кардиограмме Вселенной промчались по Ребрам Аль-Фараби и в районе Сандеи вновь собрались в овеществленное нечто, в мобил-док «Бетховен».

Когда мы вышли из подпространства, я вздохнул с облегчением.

Джакомо улыбнулся.

— Здравствуйте еще раз. О этот новый сияющий мир!

Я попытался улыбнуться в ответ. Получилось неубедительно. Неожиданно для самого себя я признался:

— Честно говоря, в последний момент перед прыжком у меня возникло пренеприятное предположение: если тойланги смогли прорваться через пояс блок-крепостей, не означает ли это, что их знание о структуре Ребер Аль-Фараби качественно превосходит наше? И теперь они в состоянии уничтожить корабль землян в любой точке подпространства?

— Ерунда. Имей тойланги подобную технологию, они уничтожили бы корабли Флота Метрополии во время их прыжка от Солнца к Палладе. Но я своими глазами видел наши дредноуты, принявшие бой с тойлангами.

— Вы быстро соображаете, Джакомо.

— В пространстве Аль-Фараби все происходит быстро.

Я снова попытался улыбнуться. На этот раз попытка удалась.

Мы оба сидели на полу, в десяти шагах друг от друга. Боевой пост чудом сохранил герметизацию — очевидно, нас спас самозатягивающийся подбой внешней обшивки. Надо было что-то решать.

Впрочем, лишний раз напрягать серое вещество, оскудевшее от переизбытка впечатлений, не пришлось. За нас все решила штурмовая партия тойлангов.

Необычайно быстрым, но плавным движением Джакомо бережно отложил в сторону мою несчастную правую руку, одновременно с этим извлек из набедренной кобуры берсальерский «Гоч» и, грациозно обернувшись на сто восемьдесят градусов, взял под прицел коридор, который отлично просматривался сквозь звездообразную пробоину в переборке.

Мне лишних объяснений не потребовалось. Если берсальер извлекает из кобуры оружие — значит, что-то неладно в Датском королевстве.

В следующую секунду Джакомо открыл огонь — рассеянный, на предельной мощности, в общем, совершенно мясницкий. Тоже мне, снайпер... Теперь «Гочем» можно еще полчаса орехи колоть, пока пушка не перезарядится.

И все-таки хорошо, что Джакомо выстрелил первым. Самокорректирующиеся нити плазмы прочистили коридор на четыре поворота вперед. Если там были вирусы гриппа — нет больше вирусов гриппа. Если были тойланги — нет больше тойлангов. Но это не значит, что их не осталось вовсе.

Если берсальеры славны своей сверхчувствительностью, то мы, активанты, — наглостью.

— Вперед! — гаркнул я, подскакивая к Джакомо.

Свою оторванную правую руку я подобрал на бегу и кое-как запихал отчужденную конечность за пояс. Детям до 23 в просмотре отказано.

Капитан не стал спорить. Он вернул «Гоч» кобуре и вытащил из нагрудного кармана семизарядный LAIW*. Плоская коробочка формата портсигара послушно распустилась в его ладони, превратившись в нечто среднее между эллинской пастушьей флейтой и моделью геликоптера от Леонардо да Винчи.

Мы продрались через сколы бронепластика, выбежали в коридор и, миновав легкой трусцой два поворота, вжались в стерилизованные плазмой стены. Дальше по коридору потрескивали, остывая, останки трех тойлангов в штурмовых скафандрах. Один из них был вооружен аналогом «Гоча». Если бы он выстрелил первым...

Да, точно, они хотели взять «Бетховен» на абордаж. И не по глупости, а по расчету обстреляли док «бешеными торпедами». Истребить живую силу с минимальным ущербом для оборудования, а после этого захватить корабль одним взводом — удачная тактическая импровизация.

Иначе как импровизацией этот бред объяснить невозможно. Зачем, собственно, тойлангам какой-то паршивый док, если сейчас их торпеды уже гвоздят по Земле?

При мысли об этом мне стало очень, очень грустно. Для сотен миллионов землян Апокалипсис уже вершится. А я мечусь в недрах бесполезной жестянки и не то спасаю свою жизнь (для кого?), не то защищаю имущество флота от тойлангов (во имя чего?).

LAIW в руке Джакомо в отличие от меня не рассуждал, а действовал. Оружие выпустило фантомный бот.

Внешне это выглядело так: та часть пистолета, которая придавала ему сходство с геликоптером Леонардо да Винчи, беззвучно продублировалась. Вперед по коридору, прижимаясь к потолку, шустро устремилось эфемерное полупрозрачное образование — наш разведчик и поводырь.

Через несколько секунд Джакомо молча показал мне четыре пальца. Это означало, что фантомный бот разведал еще четырех тойлангов и передал эту информацию на LAIW, а пистолет, в свою очередь, телепатически оповестил Джакомо.

Нет, все-таки хорошо, что я не пошел в берсальеры. Просто замечательно. Потому что прежде чем Джакомо успел приказать пистолету уничтожить обнаруженные цели, невидимая, но необоримая сила швырнула его на пол.

---

* Licht Anti-Infantry Waffe — Легкое Противопехотное Оружие (*универс. язык.*).

Берсальер завыл, пытаясь сбросить с руки LAIW, который теперь, очевидно, представлялся ему куском раскаленного железа. Не тут-то было. Канал телепатической связи был заблокирован, оружие перестало слушаться хозяина и продолжало держаться за его ладонь цепким пауком.

В штурмовой группе тойлангов был кто-то, кому удалось запеленговать пистолет Джакомо и прицельно захлестнуть сознание берсальера телепатическим бичом. Помочь Джакомо было нечем. Пройдет еще полторы-две минуты — и он умрет. Перехватить и разорвать невидимую удавку практически невозможно. По крайней мере без второго LAIW. А этого оружия у меня не было, да и управиться с ним я бы не смог: для этого нужно быть берсальером.

Это был конец или почти конец. Я, со своим простецким пистолетом прямого боя (скорее полицейская, нежели боевая модель), без правой руки и без скафандра мог теперь рассчитывать разве что на быструю смерть.

Я мысленно попрощался с Джакомо и бросился вперед.

В спасение я не верил. Тойланги обнаружат меня быстрее, чем я смогу применить свой разнесчастный «Фолькер». Плазма затопит коридор, а когда огню придет время исчезнуть, меня уже не будет.

Сейчас, сейчас, прямо вот в эту секунду блеснет вспышка, которую я даже не успею заметить, — и всё. И — Вечность.

Череда вспышек. Трескучие хлопки, словно лопаются на сковородке крабы с гарниром из ширазских каштанов.

Я жив.

За поворотом коридора — голос. Человеческий голос, искаженный речевым эмулятором скафандра.

— Есть тут кто живой?!

Если это ловушка тойлангов, значит, я сейчас в нее попадусь. Спрятав «Фолькер» (если что — он мне не поможет), я сделал несколько шагов вперед и оказался под прицелом двух тяжелых пулеметов.

Это были берсальеры Семнадцатой Отдельной роты «Пиза». По крайней мере об этом свидетельствовали нагрудные и наплечные нашивки с молниями, перекрещенными над Пизанской башней. Под сенью молний пламенело алое «17».

Нет больше вашей башни, ребята. Земли нет, и Пизы нет, и башни...

Берсальеры стояли по щиколотку в черных угольках. Надо полагать, это было все, что осталось от тойлангов.

Между мной и берсальерами в полу зияла грандиозная дыра. Сквозь нее была видна техническая палуба, над которой стайкой дымчато-янтарных сомиков зависли катера экстренного проникновения «Таракатус». Это где же нас вынесло, интересно, если десантники успели высадиться на мобил-доке почти мгновенно?..

* * *

— ...ничего чудесного. «Бетховен» был запрограммирован на выход в центре ордера моей эскадры — он это и сделал. Док передавал «SOS» в автоматическом режиме, поэтому мы сразу же прощупали вас всеми средствами обнаружения. Впрочем, прилепившийся к вам абордажный катер тойлангов был прекрасно виден и невооруженным глазом. «Кавур» выбросил дежурный взвод берсальеров. В *этом* сражении мы победили, — закончил контр-адмирал Алонсо ар Овьедо де Мицар.

В смысловом ударении на «этом сражении» была легко объяснимая, но, слава богу, пока еще не кощунственная ирония.

Главную новость я узнал сразу же после того, как меня вытащили из медицинского комбайна. Флот Метрополии уничтожен полностью. Единственный вымпел, которому удалось вырваться из Солнечной, — собственно мобил-док «Бетховен». Все батареи ПКО подавлены. Кроме Паллады, мы потеряли Ио, Деймос и Плутон. Военные объекты на Луне и Марсе стерты в порошок. Луна, кстати, треснула.

Но Землю тойланги пощадили. Более того — ими была оставлена в неприкосновенности циклопическая антенна АФ-связи, болтающаяся над Землей на геостационарной орбите.

Во время вторжения тойланги филигранно вырубили залпом нейтронных пушек один усилительный каскад антенны. Из-за этого сигнал «Красный Смерч» не был послан главным силам флота.

Через полчаса после разгрома Флота Метрополии тойланги захватили орбитальный центр АФ-связи, невесть как отремонтировали усилительный каскад (видать, заранее к этому приготовились) и сами связались с нашими главными силами. Поэтому о величайшей катастрофе в земной истории наш доблестный адмиралитет узнал от какого-то тойлангского задрипанца в чине Натиска Премудрости Живьем Родящего. То есть по-нашему — капитана спецназа.

— Так рука у вас точно в порядке?

— Да, конечно. Прирастили чисто, как и не отрывалась никогда.

Я демонстративно пошевелил пальцами перед носом у контр-адмирала. Ощущение было такое, будто от плеча до самых ногтей протянуты огненные струны. И неистовый скрипач пилит по ним железным смычком. Оу-у-у!

— Вы хорошо переносите боль, — без энтузиазма констатировал контр-адмирал. — Скажите, Эффендишах, вам не кажется, что лучшее для нас — это ворваться в систему Франгарна и будь что будет?

— Но тогда их флот уничтожит Землю.

— А вдруг нет? Посудите сами, уже двенадцать часов как у них есть такая возможность. Но они ею пока не воспользовались. А мы зато сможем поставить под непосредственную угрозу Эрруак — их материнскую планету.

Вот так логика! Не желая, чтобы Алонсо сейчас закоснел в своем знаменитом упрямстве, что непременно произойдет, стоит мне только начать отговаривать его от удара по метрополии тойлангов, я осторожно заметил:

— Тойланги и впрямь далеко ушли путем трансгрессии конечномножественных оппозиций...

— Простите? — переспросил контр-адмирал.

— Я хочу сказать, их методы логического анализа и соответственно принципы выработки решений сильно отличаются от наших.

— Вот видите, значит, у нас есть надежда!

— Может, и есть. Но сколь бы оригинально ни мыслили тойланги в сферах технологии, изящных искусств и социальной философии, их военно-политические решения, как вы знаете, в целом подобны нашим. На любой акт агрессии с нашей стороны тойланги ответят уничтожением Земли. Я считаю, что мы должны добиться переговоров. Пусть выдвинут свои условия. Мне кажется, что не в нашем положении...

Тут меня разобрала злость и я резко закончил:

— Непонятно, зачем я это говорю. Что может значить голос какого-то лейтенанта?

— Перестаньте, Эффендишах. — Глаза адмирала метнули в меня пару берсальерских молний. — Если с ваших шевронов когда-то сорвали дубовые листья, это еще не значит, что вы имеете право быть просто исполнительным лейтенантом бортбезопасности вымпела вспомогательного флота.

— Однако именно им я пробыл последние два года.

— Как вы думаете, Эффендишах, почему я хотел узнать ваше мнение относительно вторжения в систему Франгарна?

Как меня злил этот разговор! О, это можно понять, только если учесть, что я был разжалован из полковников в лейтенанты по инициативе капитана первого ранга Алонсо ар Овьедо де Мицар!

— Не знаю. Я даже не знаю, зачем вам говорить с каким-то увечным лейтенантом. В то время как вы, будучи человеком долга, должны пойти и застрелиться.

Адмирал снял шлем. Вся правая половина головы у него была залеплена искусственной кожей.

— Вы хорошо разбираетесь в древнем оружии. Вы меня поймете. Ствол револьвера разорвало в момент выстрела, пуля не смогла пробить череп. Я покинул медицинский комбайн час назад.

Я был впечатлен, но впечатляться солдату не пристало.

— В следующий раз рекомендую воспользоваться «Гочем». Этот не подведет.

— В следующий раз я так и сделаю, — отчеканил адмирал, снова надевая шлем. — А пока что вернемся от Вечности к животрепещущему нерву мировой истории. Я рад, что вы, как и большинство членов адмиралитета, считаете переговоры лучшим средством решения конфликта. Поэтому вашу кандидатуру на пост чрезвычайного посланца Сверхчеловечества можно считать утвержденной. В качестве офицера охраны в состав дипломатической миссии включен капитан Джакомо Галеацци. Вашим заместителем назначен полковник Петр-Василий Дурново. Верительные грамоты и прочие штатские документы получите в каюте Бюро-9. Там же будет проведен дополнительный инструктаж. В систему Франгарна вас доставит крейсер «Аль-Тарик». Вылет через два часа. Переговоры начнутся сразу после вашего прибытия. Поэтому советую выспаться здесь, на «Кавуре». Удачи, бригадный генерал Эффендишах.

«Член адмиралитета... Чрезвычайный посланец Сверхчеловечества... Дурново, старый хрен... Джакомо жив???»

Впрочем, все ведь понятно. Все ясно как день. Господа адмиралы наложили в штаны. Может даже, и вправду кто-то застрелился.

Тойланги вышли на связь через нашу орбитальную антенну, показали, что с Землей пока все в порядке, и предложили переговоры. Предложили, разумеется, членам Оперативной Ставки, носителям реальной власти, а не обезумевшему от ужаса Сенату Сверхчеловечества в Дели. Можно считать, что помимо прочих пертурбаций у нас произошел военный переворот.

В подобной ситуации офицеры Бюро-9 на Сандее оказались самыми сообразительными пройдохами в новоявленном правительстве-на-час. И доказали как дважды два четыре, что лучший из лучших — это Искандер Эффендишах, легенда Свинцового Солнца и Кетрарий, обиженный герой десантной операции на Утесе.

Не говоря уже о том, что Искандерчик — единственный активант, который так и не был активирован. И уж совсем бессмысленно сейчас вспоминать о том, что наш Искандерчик побывал в плену и с той поры ходит в подозреваемых. Об Искандерчике в случае успеха посольства можно будет забыть, а в случае провала — торжественно депортировать в Вечность за преступную халатность или сговор с противником.

Поэтому меня восстановили и даже повысили в звании. Поэтому меня назначили посланцем. Поэтому они будут выполнять любые мои прихоти до той поры, пока не спровадят меня на Эрруак.

Мы, бригаденгенералы Бюро-9, переспрашивать не привыкли. И со всякими там контр-адмиралами мы на «ты».

— Спасибо, Алонсо. Можешь идти. Впрочем, нет, обожди. Запиши, а то забудешь: две бутылки «Клико», паштет из местных омаров, ведро красной икры, дюжина рябчиков, две дюжины устриц и шашлык по-карски.

На большее мне фантазии не хватило. Наверное, сказались два года на стандартном боевом рационе.

— Нет, ящик. Ящик «Клико».

3

ВЛАДЕЮЩИЙ ЯЗЫКОМ ВЛАДЕЕТ РЕАЛЬНОСТЬЮ

— ...Также народ Земли доводит до сведения владетелей пространства, что он восхищен искусством вашего высшего военного руководства, навигаторов и пилотов, которые показали, что равных нет и не появится никогда ни в Устойчивых, ни в Мерцающих Мирах...

Насчет «нет и не появится никогда» — большой вопрос, конечно. Но бесспорно то, что нет во всей Вселенной второй цивилизации, которая была бы столь же чувствительна к дипломатическому этикету, как тойланги. И, пожалуй, не было еще в истории Сверхчеловечества такого унизительного посольства, как наше.

Я шевелил губами, повторяя нейросуфлера, бубнившего внутри моей черепной коробки заготовленную речь, ощущал полнейшую экзистенциальную опустошенность и абсолютную бессмысленность нашей миссии, но... Но это было моей работой, сполна оплаченной пьяной оргией, которую я справил на борту «Кавура» каких-то шесть часов назад.

Наконец я покончил со вступлением и, сохраняя трагедийно-возвышенное выражение лица, замолчал. Тойланги, к слову, превосходно разбираются в мимике разумных рас вообще и человеческой в частности. Это тем занятнее, что, по моему мнению, у самих тойлангов что-либо даже отдаленно похожее на мимику отсутствует напрочь.

Моими слушателями были трое отнюдь не первых помощников Управителя Пространств Удаленных, то есть, в эквивалентных земным реалиям терминах, заместители или даже, точнее, секретари министра иностранных дел.

Они восседали на рубиновых тронах за стеной из прозрачного пластика, который ограждал «земной» дипломатический сектор от агрессивной атмосферы Эрруака.

Справедливости ради следует отметить, что вблизи тойланги выглядят совсем не так, как их принято показывать в НС-новостях. То есть они *не* похожи на офицеров SS старогерманского Третьего Рейха в масках крокодилов. Потому что в обычной жизни тойланги не носят боевых биомасок, о чем среди наших ньюсмахеров принято забывать с восхитительной легкостью.

В родном Управлении Пространств Удаленных тойлангский чиновник носит длинный золотистый халат поверх умопомрачительно синих шароваров, галстук цветов первопричинных стихий и хрустальные очки. Если к этому прибавить треуголку, увенчанную сияющей звездой, вокруг которой вращаются двенадцать крохотных планеток, то станет ясно, с какими милыми созданиями мне довелось общаться в Управлении.

Главный чиновник шевельнул губами.

— Большой художник работает крупными мазками, — сообщил транслятор.

Лично я понимал это и без перевода, но вообще транслятор не был лишним. Стоит чиновнику перейти на стихоречь, и перестану понимать даже я...

Поэты доморощенные... «Премудрости владетелей пространства или Энциклика Древностей» — приблизительно так называется настольная книга каждого тойлангского воина, цитатник философских красот, гордость местного шовинизма.

Перл насчет «крупных мазков» помещался в начале раздела седьмого, после максимы «Владеющий языком владеет реальностью», перед непритязательным натурфилософским наблюдением «Бесперая рыба не летает».

У тойлангов превосходно развиты изобразительные искусства и, в частности, масляная живопись. При всей несхожести наших цивилизаций масляные краски и кисти здесь тоже известны издревле. Кисти, правда, изготовлялись тойлангами не из свиной щетины, а из перьев летающих рыб. Тех самых, каковые без таковых не летают. А вот краски были вполне обычными. По химсоставу они недалеко ушли от тех, что наполняли палитры Рогира ван дер Вейдена и Ханса Меммлинга.

Я, а вместе со мной стоящие за моей спиной Петр-Василий и Джакомо восторженно зааплодировали. Ну как красиво сказано, вы подумайте: «Большой художник работает крупными мазками!» Это надо ж ведь!

Впереди было еще по меньшей мере четыре часа протокольной болтовни. И вся эта пытка — ради эфемерной надежды узнать, что же тойланги намерены делать теперь.

Теперь, когда главные силы вражеского флота повисли на орбите Земли.

Все могло закончиться в любой момент. «Все» — это моя, например, жизнь. И история матушки-Земли заодно.

Потому что не было ни малейших гарантий, что тойлангов заботят жизни полутора миллиардов землян. Возможно — заботят. Возможно — нет. И не было в Метрополии эскадры, способной задержать тойлангов до подхода наших главных сил, которые огромной, бессмысленно скученной армадой болтались в Треугольнике Ле Дюка, между Сандеей и Тарнемом.

Итак, тойлангов сохранение нашей молоденькой разумной расы не интересовало. А Земля как космическое тело их не интересовала и подавно. Потому что из всех пресловутых природных ресурсов на Земле по большому счету была только уйма «легкой» соленой воды и гигатонны кремниевых соединений. Такого добра в галактике — валом.

Выводы: Землю можно было уничтожить, потому что никаких практических выгод для владетелей пространства она не представляла, а оперативные возможности у них имелись, и еще какие. А мое посольство и крейсер «Аль-Тарик» можно было уничтожить просто так. Не вдаваясь в размышления о смысле сей экзекуции.

К слову сказать, с предыдущим посольством так и случилось.

— Ты что-нибудь понял? — спросил Петр-Василий, когда мы откисали в джакузи.

Каждый в своей, разумеется: Петр-Василий в одной, Джакомо в другой, а я в положенной мне по рангу третьей, большей двух предыдущих, вместе взятых. В моей ванне, между прочим, кроме меня, плавали еще два осетра и метровый тунец. До такой степени похожие на живых, что самого себя я начал ощущать рядом с ними неполноценным кибермехом.

Диковинные вкусы были у предыдущего посла, да благословит Всемилостивый его несовершенную душу.

— Понял, хотя за точность не ручаюсь. Даже транслятор сбоил. Слишком сложная началась смысловая полифония в семнадцатом стихе. И до тридцать пятого она только усиливалась. А вот потом была чистая риторика, это я гарантирую. Общий смысл в том, что решение о судьбах Земли и землян снизойдет на Единое Управление Пространства в День Кометы. А пока что можно отдыхать.

— Не согласен! — Джакомо хлебнул еще шампанского (натурального!), шумно прополоскал зубы и выпустил его на пол пенной струйкой (это натуральное-то!!!). — То, что вы, сир, называете риторикой, и было самым главным! Они хотят, чтобы мы перестали употреблять в пищу рыбу, отказались от своей нечестивой религии и заучили наизусть «Премудрости владетелей пространства».

— Да нет, ерунда, — махнул рукой Петр-Василий. — Ты слушай Искандера. Когда ты еще девочек полагал дефективными мальчиками, Искандер уже грязюку месил в каком-нибудь героическом болоте. С тяжелым заржавленным пулеметом на плече...

— Лестная характеристика! — фыркнул я. — Слышал, Джакомо? А когда тебе стало ясно, что все не так, что ты — всего лишь дефективная девочка, я уже ого-го! С новым пулеметом, в благоустроенном блокгаузе раскладывал перистозубых пришельцев на свет, тепло и нематериальную эссенцию, именуемую душой.

Джакомо запустил в меня бутылкой из-под шампанского.

Это было резко. Это было совершенно необъяснимо. Это не было шуткой, ведь литровая емкость из настоящего, толстого бутылочного стекла — предмет убойный. Среагировать я не успел, потому что не был активирован. И очень надеялся, что до этого не дойдет.

Из моей джакузи вырвалась серебристо-синяя тень.

Блеснула ослепительная вспышка. Паф-ф-ф!

Вихрь стеклянной пыли взвился на полпути Джакомо к моему виску. Все, что осталось от бутылки, просыпалось на пол.

Органическое... нет, полуорганическое... нет, кибермеханиче... В общем, охранный агрегат, представлявшийся прежде тунцом, теперь висел в воздухе на том самом месте, где нашла свой конец бутылка из-под шампанского. Агрегат настороженно гудел и пялился на пошедшего зелеными пятнами Джакомо черными жерлами четырех черных стволов.

«Ожидаю приказаний», — постучалось в мою черепную коробку.

— Спокойно. Не стрелять, — ответил я вслух.

От мыслеприказов у меня всегда начинается жуткая мигрень. Поэтому я предпочитаю устную форму общения даже с телепатически управляемыми механизмами.

— Джакомо, ты с ума сошел, да? — спросил я по возможности ласково.

Джакомо молчал и трясся крупной дрожью. Вид у него был нездоровый.

— Кажется, у нас начались неприятности, — мертвым голосом сказал Петр-Василий.

— Что вообще характерно для нашего судьбоносного времени, — согласился я, не сводя глаз с Джакомо.

Через секунду наш берсальер упал в обморок. Вечеринка закончилась.

Мы засунули Джакомо в медицинский комбайн. Я оставил при нем Петра-Василия, а сам вышел на связь с «Аль-Тариком».

Теоретически канал дипломатической связи защищен от перехвата на сто один процент. Импульсы имеют длительность в одну-две миллисекунды, а шифрование осуществляется четырьмя независимыми алгоритмами, которые превращают текст в плотно упакованную абракадабру; кроме этого — никаких голограмм, никакого стереозвука и психохимии. Из большого бронированного куба вылезает лента, покрытая буковками, — вот и вся картина, достойная Золотого Века.

В том режиме, который я выбрал, лента растворялась в воздухе за три минуты.

Могла бы и за несколько секунд, конечно. Но системы наружного наблюдения сообщали, что вокруг нашего посольства все спокойно. Непосредственной угрозы захвата секретной информации не было и я мог позволить ленте пожить пару лишних минут.

«Аль-Тарик» на связи. Что у вас?» — осведомилась лента.

«Тойланги намерены ждать до Дня Кометы. Больше я не вытянул из них ни слова. Они даже не сказали точно, когда этот проклятый День Кометы наступит. По моим оценкам — в ближайшие пять стандартных суток. Вы можете посчитать точнее?»

«Тайм-аут пять минут», — ответила лента.

Я поднялся из кресла, закурил и прошелся по комнате секретной связи вперед-назад.

День Кометы — это редкий сакральный праздник... м-м-м... не праздник даже... скорее Событие с большой буквы.

Эрруак, родная планета тойлангов, кружится вокруг звезды, которая называется Франгарн. Кроме Эрруака, в планетной системе еще много различных небесных тел. В том числе небольшой объект, который во флотских атласах проходит как Франгарн-164. Эрруак, кстати, в этих же атласах именуется Франгарн-5. Ну что сказать! Космофлотчики — народ суровый, фантазия у них ограниченная. Дай им волю — начнут Землю называть Солнце-3, а Луну — Солнце-31.

Франгарн-164, а на языке тойлангов просто Комета, — небесное тело довольно необычное.

Эрруак имеет период обращения четыре с небольшим земных года, а Комета — приблизительно шестьдесят пять. Удивительно, но

факт: если период обращения Эрруака возвести в третью степень, с точностью до восемнадцатого знака получится период обращения Кометы.

Проще говоря, периоды обращений этих двух небесных тел — Кометы и Эрруака — удивительно точно синхронизированы. О причинах этого нашим астрофизикам остается только гадать. Но как бы там ни было, раз в 65 земных лет (и один раз в шестнадцать эрруакских) Комета проходит в нескольких десятках тысяч километров от Эрруака.

Десятки тысяч километров по космическим масштабам — это на расстоянии вытянутой руки по меркам человеческим. Пышная газовая грива Кометы раздувается на солнечном ветру Франгарна и полностью поглощает Эрруак. Прохождение планеты через газовый хвост Франгарна-164 вызывает множество природных феноменов. Ионизация стратосферы резко возрастает, на планете бушуют магнитные бури, ночное небо переливается всеми цветами радуги.

Эта астрофизическая вакханалия, постепенно нарастая, длится примерно две недели. Днем Кометы называется ее апофеоз — стояние Франгарна, Эрруака и собственно кометы почти на одной линии, когда блеск ледяной гостьи достигает максимума. После этого буйство небес идет на убыль и уже через двадцать стандартных суток Комета превращается в обычную яркую звезду.

У Эрруака нет естественных спутников, ночи там — всегда безлунны. Можно себе представить, какое впечатление производили на древних тойлангов редкие, но регулярные визиты космического тела, во много раз превосходящего нашу знаменитую комету Галлея по размерам и светимости.

Неудивительно, что судьбы Сверхчеловечества тойланги собрались вершить именно в День Кометы.

На бронированном ящике станции дипломатической связи замигала красная лампочка. Тайм-аут закончился.

«Двадцать девять стандартных часов», — было написано на ленте.

Итого чуть больше суток до принятия роковых решений... Чуть больше суток!

«Принято. Что Земля?» — отстучал я.

«Тайм-аут полчаса».

Довольно-таки неучтиво. Они что там, на «Аль-Тарике», с ума сошли?

Тайм-аут в Пространстве — не то же самое, что в шахматной партии. Получасовый тайм-аут, который объявляет боевой корабль первого класса во время сеанса связи с посланцем Сверхчеловече-

ства, — это грохот гонга «Все по местам!» и блеск абсолютных отражательных пластин на боках неопознанного объекта длиной в четыре мили, который внезапно выносит нелегкая из-за ближайшей планеты.

Или...

На моей памяти такое случалось один-единственный раз в системе Свинцового Солнца. Флагман нашего десантного соединения ушел со связи, выпалив в эфир открытым текстом истерическое: «Тайм-аут два часа». Но не прошло и полутора, как мы увидели в сумеречных небесах Тоддструффа нарядную сверхновую звездочку: последний привет от флагмана.

Позднее выяснилось, что в систему прямо из нелинейного пространства вывалился матерый Мерцающий Беглец. Вместо того чтобы мгновенно свернуться и выбросить споры, он случайно зацепился за пилон с маневровыми двигателями флагмана. Двигатели были включены, а потому защита временно снята. Редчайший случай, вероятность ноль целых ноль десятых.

Пилон, конечно, не выдержал соприкосновения с иноматериальными структурами Беглеца и исчез. Поэтому часть спор Беглец отстрелил прямо в коридор, проложенный в пилоне для техперсонала...

Невозможно себе представить, что творилось на флагмане. Все видеоматериалы, уходившие по аварийному каналу с борта корабля, были изъяты офицерами Бюро-9. После этого случая маневровые двигатели на всех крупных кораблях демонтировали, а пилоны отрезали. Необходимость снимать защиту отпала, а маневрировать начали на жутко дорогих, но надежных гравитационных конвертерах.

Ну и правильно. Уже семьдесят лет шли разговоры, что импульсная тяга на тяжелых кораблях — технический атавизм, который отстаивает кучка отставных адмиралов, акционеров «Легокомоторной Группы».

Правда, чтобы компенсировать затраты на перевооружение, пришлось ввести экстренный налог на роскошь. Тогда же Сверхчеловечество пошло на беспрецедентный шаг: объявило о продаже частным лицам знаменитых архитектурных памятников.

«Помоги флоту, купи Сфинкса!» — выводили на облаках лазеры рекламных корпораций. Вполне закономерно, что флоту помог владелец «Объединенных Верфей Земли и Трех Красных Гигантов», главный подрядчик армии и флота. Теперь Сфинкс находится в тридцати пяти световых годах от места своего рождения.

Нет, все не то.

Дурацкие воспоминания не помогли. Как ни пытался я абстрагироваться от беспощадной реальности, кинжал тойлангов, приста-

ленный к горлу Земли и, следовательно, к моему горлу тоже, не давал о себе забыть ни на миг.

Тревога меня не покидала. Что с «Аль-Тариком»? Неужели тойланги воспользовались правом сильного и все-таки атаковали корабль?»

Прошло всего лишь десять минут. Оставалось еще двадцать. Да ну вас к черту, пойду лучше посплю. Может, в последний раз...

Девятнадцатиминутный сон для обычного человека — отдых незавидный. Но для натренированного офицера силовой разведки, каким некогда был ваш покорный слуга Искандер Эффендишах, — уже кое-что.

К тому же я активант. Правда, все расширенные возможности моего перестроенного до последней молекулы организма были заморожены. Но даже замороженный активант восстанавливает свои силы во сне куда быстрее ординарного homo sapiens.

Я проснулся за несколько секунд до писка будильника. Сразу же вернулся в рубку дипломатической связи. «Аль-Тарика» в эфире не было.

Из входного контроллера раздался голос Петра-Василия:

— Искандер, можно с тобой поговорить?

Рубка дипсвязи — одно из наиболее надежно охраняемых помещений посольства. Входить в нее имел право только глава посольства, то есть я. Остальным требовалось разрешение — либо мое, либо входного контроллера. Последний имел право самостоятельно пропускать других членов посольства лишь в случае моей смерти.

— Можно. Впустить полковника Дурново!

Кессон остроумной цилиндрической конструкции провернулся на сто восемьдесят градусов, принял Петра-Василия и, вернувшись в исходное положение, доставил его внутрь рубки.

— Искандер, наш медицинский комбайн только что завершил обработку типовых анализов капитана Галеацци. Результаты... — Дурново судорожно сглотнул, — результаты неожиданные.

Я так и думал — Петр-Василий не стал бы сейчас беспокоить меня без весомых причин. А этот берсальер меня смущал с первой минуты знакомства на борту «Бетховена».

— Галеацци — не человек? — спросил я, приготовившись услышать какой угодно ответ. Даже «да».

— Что?.. Нет, — полковник слабо улыбнулся, — человек. Без сомнения, человек. И генетически, и морфологически. Но в его крови обнаружено присутствие широкой гаммы неспецифических агентов.

— Наркотики?

— Хуже. Неизвестные гипервирусы. Что, согласись, довольно странно, ведь допущенные к свободному пользованию гипервирусы — например, те, которые поставляются в информационных пилюлях — в организме человека существуют не более двух-трех минут.

— И что ты сделал?

— Я — ничего. А комбайн сразу вколол ему унцию универсального фага.

— Разумно. У Галеацци есть право на потребление НС-новостей в пилюлях?

— Да. Такое право есть у каждого берсальера — с ограничением третьего типа.

Ограничение третьего типа — это значит «в любое время, в любой обстановке, кроме непосредственного выполнения боевого задания».

— Ты проверил его инъектор и пилюли?

— Я их не нашел. Зато я заглянул в его личное дело...

— Откуда оно у тебя?!

— Мне и твое выдали, — глядя мне в глаза, спокойно сказал Петр-Василий. — В каюте Бюро-9, на борту «Кавура».

Я скрипнул зубами. Все-таки это свинство: выдавать на руки полковникам досье бригадных генералов!

— На каком основании?

— Им было очень интересно, почему тойланги вызвали для переговоров именно тебя и Галеацци.

— Полковник, выражайтесь точнее.

— Ты ведь, наверное, думал, что командование выбрало тебя за былые боевые заслуги? — почти сочувственно спросил Петр-Василий. — А на самом деле, когда тойланги потребовали прислать официальных представителей Земли на Эрруак, они специально оговорили, что в посольстве должны быть Искандер Эффендишах, Джакомо Галеацци и некто Франтишек Смыгла, капитан войск связи.

Петр-Василий пристально следил за моей реакцией. Фамилия Смыгла мне ни о чем не говорила. А потому и реакция у меня была стандартная — легкое удивление.

С заметным облегчением полковник продолжал:

— Но Смыгла, согласно сообщению с Земли, поступившему в базу данных Оперативной Ставки Флота накануне прорыва «Пояса Аваллона», позавчера умер. Или погиб — это как посмотреть. Тело капитана нашли на дне бассейна, во дворе его дома. На теле — никаких следов насилия. Судя по всему, капитан просто потерял созна-

ние, захлебнулся и утонул. К слову сказать, капитан служил на наземном правительственном узле связи в Дели.

Я, конечно же, сразу сопоставил факты: оба — и Смыгла, и Галеацци — без видимых причин падали в обморок, будто старинные дамочки, а не боевые офицеры! А со слов Петра-Василия, в крови Галеацци бродят какие-то подозрительные гипервирусы. Следовало бы ожидать, что и у Смыглы с кровью было не все в порядке...

— А кадровое управление получило заключение военно-медицинской комиссии о причинах смерти?

— О непосредственных причинах смерти — да. Непосредственные причины я назвал: захлебнулся, утонул. Но результаты вскрытия и анализов, которые были, конечно же, проведены — случай-то дурнопахнущий! — в Оперативную Ставку Флота попасть не успели. Ты же знаешь, что через АФ-связь такая информация ходит пакетами раз в сутки. А теперь вся уцелевшая АФ-связь в руках тойлангов, то есть Земля и Ставка друг о друге могут что-либо узнать только из сообщений наших врагов. Что уж говорить о служебной информации...

— Ну хорошо. Смыгла утонул. Галеацци тоже мог бы утонуть в своей джакузи, если б мы его не вытащили. Оба были затребованы тойлангами. И я тоже нахожусь здесь с подачи наших врагов. Стало быть, ты пришел мягко намекнуть, что и мне не мешает сдать кровь на анализ?

— Именно.

— Кстати, а ты-то на самом деле как попал в это проклятое посольство? Твое имя тоже было названо тойлангами?

— Нет. Мое присутствие здесь — единственная уступка, которой удалось добиться Ставке от тойлангов. Ставка сообщила им, что Смыгла мертв. Клятвенно заверила, что тебя и Галеацци введут в состав посольства, после чего попросила разрешения включить третьим номером меня. Вместо Смыглы. Мотивировалось это тем, что я хорошо понимаю тойлангский язык, а для посольства, дескать, это очень важно.

— Ясно. А тойланги, проворчав «Когда судьба не слушает тебя, прислушайся к судьбе», согласились.

— Это тоже из «Премудростей владетелей пространства»?

— Да нет, что ты. Поговорка древних тойлангских пролетариев. А «Премудрости» написаны аристократами для аристократов.

Шла сороковая минута тайм-аута.

«Аль-Тарик» на связь не вышел.

Петр-Василий не доверял мне. Я не доверял Петру-Василию. Мы оба не доверяли Галеацци.

Отлучаться из рубки связи я по-прежнему не хотел. А вдруг «Аль-Тарик» все-таки объявится?

Мы взялись за изучение досье. Я читал про берсальера, Петр-Василий — про меня.

Итак, капитан берсальеров Джакомо Галеацци. Двадцати девяти лет отроду.

За время войны принимал участие в шести серьезных рейдовых операциях (все прочее — боевое охранение, эскорт VIP-персон, ближнюю разведку — считаем операциями несерьезными). Четырежды ранен, трижды награжден.

Ссылаясь на ухудшение состояния здоровья после ранений, восемь месяцев назад подал рапорт о переводе из действующей армии в Метрополию.

Что ж, такое бывает. Не следует думать, что все берсальеры горят желанием каждый божий день «ходить в выброску». Навоевался человек. Захотел поработать инструктором, передать опыт молодому поколению экстрасенсов...

Просьба Галеацци была удовлетворена. И назначили его заместителем командира Второй Отдельной роты берсальеров «Мерсия».

Вроде бы все гладко. Но что за «Мерсия»?..

— Ты когда-нибудь о такой роте слышал? — спросил я полковника.

— Никогда. И города такого в Италии нет. По-моему. А ведь это давняя традиция: все подразделения берсальеров называть по итальянским городам.

— А что это вообще такое — Мерсия?

— Я думал, ты знаешь.

— Первый раз такое слово вижу.

— Сходить поглядеть в омнипедии?

— Сходи.

Дурново сделал несколько шагов к выходу и остановился.

Я обернулся.

Полковник смотрел на меня нехорошо.

— Может, составишь мне компанию?

— Боюсь прозевать «Аль-Тарик».

— Поставь машину на запись.

— Если меня у аппарата не будет, на крейсере могут решить, что посольство уничтожено. Представляешь последствия?

— Логично.

— Так что давай иди. Заодно поглядишь, не пришел ли в себя Галеацци.

— А если пришел?

— Веди сюда. Проследи только, чтобы оружия при нем не было.

— Арестовать его официально?

— Это лишнее.

Петру-Василию очень не хотелось оставлять меня одного. Но пришлось.

Я вернулся к чтению досье Галеацци.

Итак, восемь месяцев старший лейтенант прослужил в роте «Мерсия»...

Где? В Метрополии.

Но где именно? На Земле? На Луне? На одной из многочисленных орбитальных станций? На Палладе? Трансплутоне?

По этому вопросу личное дело Галеацци хранило пустозначительное молчание. Только последняя неделя его пребывания в Метрополии была освещена в копиях документов сравнительно подробно.

Вторым числом текущего месяца датирован приказ о переводе старшего лейтенанта Галеацци на Палладу. Через три дня ему было присвоено звание капитана. Тогда же берсальер получил предписание прибыть на транспорт «Кавур» и занять должность командира роты «Пиза».

Последнее обстоятельство более-менее понятно. Численность штурмовых частей, предназначенных для высадки на Эрруаке, требовалось резко повысить без ощутимой потери качества. Для этого на базе каждых двух рот формировали добавочную третью, разбавляя ветеранов пополнением из учебных центров. Соответственно Галеацци, как опытного и заслуженного офицера, отозвали из Метрополии в действующую армию и планировали поставить на вакансию, которая открылась из-за общего расширения штатов.

Но тут случился внезапный прорыв тойлангов через «Пояс Авалона» и капитану не довелось командовать «Пизой» ни одного дня.

Чем же все-таки эта таинственная «Мерсия» занималась в Метрополии и почему я о ней никогда не слышал? Какова природа гипервирусов, которые обнаружил в крови Галеацци медицинский комбайн? Откуда имя и фамилия капитана известны тойлангам? Кто такой Смыгла? Зачем они хотели видеть этих двоих в составе посольства?

И, в конце концов, зачем им понадобился я?

Правда, на последний вопрос я мог если и не ответить, то по крайней мере продуктивно пофантазировать. Думаю, после ознакомления с моим досье удалось пофантазировать и полковнику Дурново.

4

НЕТ ТАКОГО ВРАГА, КОТОРОГО НЕЛЬЗЯ СДЕЛАТЬ СВОИМ ДРУГОМ

Во время переломной стратегической операции войны — битвы за двойную звездную систему Кетрарий — я руководил объединенной разведкой Седьмого Флота и приданого ему десантно-штурмового корпуса. Я носил полковничьи погоны, но контроллеры всех адмиральских дверей пропускали меня без писка.

На меня работали десятки людей в двух штабах, целая флотилия кораблей технического шпионажа и сотни бойцов элитной пехоты.

Это были веселые деньки.

Вместе с разбитым катером мы подбросили неприятелю «секретные документы» и заманили в ловушку разом три тойлангских крейсера.

Вычислив точное местоположение одной из планетных комендатур, мы провели молниеносный рейд, в результате которого была захвачена живьем дюжина родовитых тойлангских аристократов.

Мы минировали джамп-траектории и взрывали антенны АФ-связи. Отслеживали каждое перемещение неприятельских дредноутов и искали надежные посадочные площадки для десантных транспортов. Мы добыли Седьмому Флоту победу.

К сожалению, у наших соседей из Пятого Флота дела шли куда хуже. В то время как наш корпус, выполняя общий план, надежно блокировал ключевые индустриальные центры на планетах Луг и Дол, десантные части Пятого Флота завязли на противоположном конце громадной звездной системы. Они вгрызлись в тойлангскую оборону на планете Утес, но через четыре дня начали нести такие потери, что своими силами продолжать наступление уже не могли.

Утром того несчастливого дня, когда десант окончательно выдохся, адмирал Пирон поторопился доложить в Ставку, что все первичные задачи на Утесе выполнены. Когда через час от десантников посыпались доклады о многочисленных и весьма болезненных контрударах тойлангов, ситуация сложилась щепетильная. Боеспособных сил под рукой у Пирона больше не было, а просить помощи у Ставки значило расписаться в том, что ты своими победными реляциями сознательно дезинформировал верховное командование.

Пирон связался с моим начальством из штаба Седьмого Флота. Те пообещали в течение суток определить, сколько батальонов можно перебросить в помощь соседу. А мне приказали любыми путями

добыть *достоверную* информацию о вооруженных силах тойлангов на Утесе. Родная разведка Пятого Флота скомпрометировала себя ротозейством и полагаться на ее данные в ближайшие два-три дня никому не хотелось.

Приказ, полученный мною, был невыполним. Разведка — занятие ювелирное, требующее прецизионных инструментов и монашеской усидчивости. Впопыхах можно работать только кувалдой — с соответствующим результатом.

Наверное, приказ и нужно было сразу опротестовать как невыполнимый. Меня бы сняли с должности, назначили служебное расследование и... оправдали. Уверен, что после разбирательства я вернулся бы к любимой работе, сохранив и честь, и погоны.

Но успехи на Луге вскружили мне голову. К тому же я еще не использовал по назначению экспериментальный взвод активантов, который берег на случай непредвиденных обстоятельств. Сам я тоже был не прочь при необходимости *катализироваться*, хотя и побаивался: такое насилие над природой мог пережить не всякий...

Ливень. Перенасыщенная электричеством атмосфера планеты увешана гирляндами шаровых молний. Под крылом катера — бескрайний полярный лес.

Когда десантники с Утеса давали нам координаты безопасной посадочной площадки, тойланги, по их данным, были еще далеко. Но приземляться нам пришлось уже под обстрелом.

По прибытии в штаб десантного корпуса я рассчитывал оттуда разослать по два-три активанта во все полки — техническая связь с большинством из них была потеряна еще несколько часов назад. Затем, собрав первичные сведения со всех боевых участков, направить доклад адмиралу Пирону и дальше действовать по обстановке. Я был готов к тому, что эти «действия по обстановке» потребуют проведения импровизированных разведывательных рейдов по тойлангским тылам. Но я никак не ожидал, что на мой взвод ляжет вся ответственность за спасение десантного корпуса.

А получилось вот что.

Штаб корпуса, который представлял собой плавающую посреди затопленного леса консервную банку размерами с гандбольное поле, к моменту нашего появления контакт с войсками потерял окончательно. Об этом можно было и не спрашивать. Когда мы подлетали на бронетранспортере к расположению штаба, сквозь ливень проступили машины узла связи — разбитые вдребезги, полузатопленные, заваленные вырванными с корнем деревьями.

Из разговора с деморализованным генералом я узнал, что тойланги взорвали ледники в горах. Те сползли вниз, снесли плотины

на местной реке калибра Ганга и из-за этого лесистая равнина, которую корпус избрал для высадки, переживает генеральную репетицию Всемирного Потопа. Эту историю с ледниками я отнес на счет фронтового психоза полевых командиров, но воды от моего скепсиса не убавилось.

В довершение неприятностей тойланги применили новые автономные мины-торпеды, которые в условиях местных подтопленных лесов практически необнаружимы. «Ведь мы же все-таки сухопутная армия, а не морской флот!» — в сердцах воскликнул генерал.

Благодаря своей расширенной сенситивности приближение мин могут почувствовать берсальеры. Но по-настоящему эффективную противоминную оборону им удалось организовать только час назад, уже после разгрома корпусного узла связи. Не будь берсальеров, герметичные блоки штаба тоже были бы подорваны.

Что ж, после получения таких сведений я мог считать нашу миссию выполненной. В подобных условиях никакие дополнительные батальоны положение спасти не могли. Когда управление войсками потеряно — много не навоюешь.

Корпус — вернее, то, что от него осталось — требовалось немедленно с Утеса убрать. Правда, для обеспечения эвакуации нужно было установить связь с полками, рассеянными по дуге радиусом двести километров, и выдать им карт-бланш на отступление. Но эта задача была в принципе решаемой. Для этого требовалось либо перебросить с Дола один-два воздушных командных пункта, либо...

— Сир, осознаете ли вы, что сейчас ваш корпус может быть спасен только полной эвакуацией?

— Нет. Нам просто требуется перегруппировка. Мы можем закрепиться на сухих возвышенностях здесь, здесь и здесь.

Генерал показал на карте, где именно.

— После этого, — продолжал он, — я переброшу штаб сюда, дождусь подкреплений и возобновлю наступление.

— Сир, но как вы намерены осуществить перегруппировку, если у вас уже сейчас нет возможности доводить свои приказы до командиров полков?

— Полковник, не пытайтесь думать за весь десантный корпус. Вы разведчик? Вот и разведывайте. А принимать решения предоставьте другим.

Тут в наш разговор вмешался один из штабных офицеров — невысокий подполковник с забавной бородкой клинышком:

— Сир, признаю, что я — лично я — допустил грубые просчеты в планировании этой десантной операции. Готов взять на себя всю ответственность за неудачу нашего корпуса. Но полковник Эффенди-

шах совершенно прав: мы нуждаемся в эвакуации. Мы должны просить, чтобы транспорты начали ее столь быстро, сколь это возможно. А указанные вами возвышенности следует причесать тяжелыми плазмометами и использовать в качестве посадочных площадок.

Это был Петр-Василий Дурново. Я проникся к нему уважением с первой минуты нашего знакомства.

Конечно, вразумить генерала нам не удалось. Такова природа начальства: чем лучше совет, исходящий от подчиненного, тем сильнее генеральская психика сопротивляется голосу рассудка. Наверное, мы с Петром-Василием имели шансы на победу, если бы, заранее сговорившись, провели хитроумную макиавеллианскую распасовку мнений, сомнений и контрмнений таким образом, чтобы золотая мысль «а не пора ли драпать?» зародилась у генерала как бы самостоятельно. Но за стенами штаба берсальеры с треском расстреливали все новые цепи атакующих тойлангских мин, злобно перекрикивались гром и ливень, в соседнем блоке, за тонкой пластмассовой мембраной хирурги пользовали раненых. Судя по воплям, скальпелем служила циркулярная пила, наркозом — хорошо если новостная пилюля.

В такой обстановке было не до игр с генеральским самолюбием.

— Воля ваша, си-ир, — когда я злюсь, начинаю протягивать некоторые гласные. — Перегруппи-ировывайтесь. Но какие будут при-иказы для моего разведдзвода?

— Срочно возвращайтесь на орбиту. Доложите обстановку как есть. Донесите до адмирала Пирона нашу решимость сражаться. Самым неотложным образом мы нуждаемся в берсальерах, средствах связи и левитирующих транспортерах. Я сейчас же высылаю в полки курьеров с приказом занять сухие возвышенности, вырубать лес и готовить площадки для приема десантных кораблей.

Я покосился на подполковника Дурново. Тот — лицо чернее тучи — оформлял донесение командира корпуса на официальном бланке.

При нашем разговоре присутствовали еще несколько офицеров — безмолвные статисты, окончательно потерявшие волю к самостоятельному мышлению, а вместе с ним и к жизни.

«А ведь большинству этих болванов сейчас предстоит пролететь на уцелевшей броне по двести—триста километров, разыскивая потерявшиеся части. Эх, пропадает корпус почем зря...

Мне отсюда до катера — двадцать минут. Полет до флагмана — час с лишним. В лучшем случае через полтора часа я привезу командованию донесение генерала и свое персональное мнение: корпус надо с Утеса выводить. Послушают, конечно, генерала, а не меня. При этом пока Пятый и Седьмой Флоты будут согласовывать дальнейшие

действия, пока будет вырабатываться боевой приказ, пока, в конце концов, в штаб корпуса доставят новое оборудование связи...»

С такими невеселыми мыслями я засунул бланк донесения в сканер своего скафандра и, запасшись таким образом электронной копией, поместил оригинал в герметичный транспортный контейнер.

Мне оставалось только пожелать смертникам всего хорошего.

«Удачи, сир», — генералу. «Удачи, коллеги», — Петру-Василию и другим офицерам.

В комнате охраны штаба меня дожидались активанты.

«НУ???!!!» — прочел я в их глазах.

— Мы здесь лишние, джентльмены. Возвращаемся.

Если бы не субординация, они, наверное, разорвали бы меня в клочья — как сторожевые псы, которым на всю свору в качестве обеда выдали одну сморщенную морковку.

Мы надели шлемы, вышли под дождь, погрузились на транспортер и осторожно поползли через позиции берсальеров.

В это время в семидесяти километрах от нас ракетный дивизион тойлангов (по данным разведки Пятого Флота он числился полностью уничтоженным в первый день операции) завершил топографическую привязку к местности. На блоки наведения ракет было выдано полетное задание и железные карандаши начали парами покидать пусковые пеналы.

Конечно, в ту минуту я об этом не знал. Но когда из командирской башенки транспортера я увидел тусклые проблески огня над прикрывающими штаб корпуса зенитными батареями, стало ясно, что сейчас из облаков что-то вывалится.

И действительно, с небес посыпалось все вперемешку: обломки, горящие сгустки неотработанного топливного геля и, к сожалению, исправные боеголовки ракет, которым удалось прорваться сквозь меткий, но недостаточно плотный зенитный огонь.

Пузыри жидкого пламени, фонтаны пара и грязи, трухлявые потроха растерзанных ударной волной деревьев, шипящие сопли разжиженной стали...

Можно ли выжить в точке закипания стали?

К счастью, можно. Потому что поверх обычной брони на новую боевую технику накатывают еще три миллиметра искусственного алмаза.

Наш транспортер был новейшим для того времени произведением концерна «Объединенные Верфи», который вопреки своему судостроительному названию выпускал в придачу к боевым кораблям половину всей сухопутной техники Сверхчеловечества. А вот на универсальных блоках, из которых был набран штаб корпуса, гене-

ральный заказчик сэкономил. Обычный многослойный полимер между двумя листами ингибированного алюминия — хорошая защита только от дождя.

Формально я не подчинялся командованию корпуса и не должен был принимать участия в поисках и спасении уцелевших штабистов. С другой стороны — тоже формально! — я был послан на Утес, чтобы оценить сложившуюся обстановку.

Десять минут назад обстановка была одна. Теперь, когда в довершение всех несчастий был разгромлен штаб, стала совершенно другой. Какой именно — я был обязан разобраться!

Повинуясь моему приказу, транспортер направился туда, где в водоворотах черной дымящейся воды светлели обваренные тела.

Через четверть часа обстановка снова прояснилась.

Генерал и большая часть офицеров штаба попросту исчезли. Их смерть подтвердили независимо друг от друга трое самых чутких берсальеров. «Нет биотоков. Только смутные отзвуки смерти», — заключили они.

Выжили и отделались чепуховыми царапинами: Петр-Василий, два хирурга и начальник службы тыла. Остальные офицеры получили сильные ранения.

После гибели генерала и большинства полковников старшим по званию среди дееспособных оказался я.

— Ну что, подполковник, как спасаться будем? — спросил я у Петра-Василия. — И как корпус спасать?

— А что тут думать, полковник? — в тон мне ответил Дурново. — Все уже ясно.

И вправду.

Мы быстро поделили остатки подвижного парка штабной бронеколонны. Составили несколько курьерских групп по две-три левитирующие машины и особые группы: медицинскую и штабного ядра. Медицинская группа должна была отвезти раненых к нашему высадочному катеру и доставить двух посыльных, для которых я быстро надиктовал новую разведсводку и координаты зон, в которых полки будут дожидаться эвакуации на орбиту.

В курьерские группы выделялись по несколько берсальеров и по трое моих активантов. Каждая группа должна была разыскать определенный полк и передать ему приказ об отступлении на такие-то позиции. Штабное ядро во главе с Петром-Василием отправлялось вместе с той группой, которая была назначена в ближайший полк. Я — наоборот, определил себе место среди тех, кому предстояло пройти самый длинный маршрут.

Все активанты получили от меня разрешение при встрече с противником использовать кольцо-катализатор. И напоминание, что потеря самоконтроля, по данным полигонных экспериментов, представляет для активанта опасность куда большую, чем прямое попадание из тяжелого плазмомета.

Тойланги повторили огневой налет — на этот раз по пустому месту. Все группы уже вышли на маршруты.

Какое-то время мы еще переговаривались друг с другом. Я успел получить оптимистический доклад медицинской группы о том, что катер найден целым-невредимым и погрузка раненых начата. Крайние северо-восточные курьеры доложили, что прорываются с боем через заслон тойлангов. Еще кто-то отрапортовал, что приданные группе активанты катализировались. Зачем — я узнать не успел. Переговоры потонули в помехах, начала сказываться недостаточная мощность бортовых передатчиков.

Мы летели по просеке, прорубленной нашими инженерными танками несколько дней назад. Как и везде на равнине, земля здесь была покрыта водой. Насупленные берсальеры прощупывали местность. Нарваться на затаившуюся под водой мину сейчас, после того как посчастливилось пережить ракетный град, было бы особенно обидно. Я сидел в командирской башенке, за спиной у оператора оружия, и усердно буравил взглядом окружающий нас лес.

Никто за нами не гнался. Никто в нас не стрелял. В просветах между стволами деревьев открывались лишь все новые и новые деревья. Одна и та же порода: толстостволые растения с задубелой корой, по фактуре напоминающей слоновую шкуру. Ветки увешаны пучками стручкообразных листьев. У большинства деревьев листья были густого буро-зеленого цвета, на некоторых — черные. Эти, чернолистные, судя по всему, свое отжили.

Ливень постепенно превратился в дождь, дождь — в морось.

Местность повышалась. Из-под воды выглянули засиженные пестроголовыми грибами макушки кочек.

Еще через несколько километров сплошной водный покров распался на узор из отдельных озер и озерец, соединенных змеистыми перемычками ручьев.

До арьергардной заставы искомого полка оставалось сравнительно немного. В эфире даже начали проскакивать обрывки переговоров на командной частоте — свидетельство того, что в полку еще кто-то жив и даже бодр. Правда, монотонные вызовы нашего радиста по-прежнему оставались безответными.

Радар зенитной самоходки, которая следовала в нашей группе замыкающей, нащупал сквозь туман главный ориентир: верхушку

сопки, на склоны которой я рассчитывал отвести полк. До сопки оставалось десятка два километров.

Мы проделали большую часть пути без единого выстрела. Мы не встречали никаких следов боестолкновений вдоль просеки. Похоже, победные реляции, которыми поначалу сопровождалось развертывание корпуса на Утесе, имели под собой некоторые основания.

«Может, не генерал был дурак, а мы с подполковником паникеры? — подумал я. — В конце концов, разгром штаба корпуса еще не означает разгрома боевых частей...»

— На сопке коробки. Повторяю: на сопке коробки, — доложил оператор радара.

Коробки — общее обозначение для любой сухопутной техники. Не говорить же в самом деле: неопознанные объекты искусственного происхождения?

«Вот бы наши!»

Тут же поступил еще один доклад — от сержанта-берсальера:

— Впереди чужаки. Оценка: тысяча метров. Мы готовы вести огонь на поражение.

— Дай целеуказание и — гасите от души!

— Сир, просим разрешения использовать кольца-катализаторы, — это был Адам Байонс, сержант активантов.

Я сделал вид, что не расслышал. Надо было отдать боевой приказ.

— Колонна, внимание! Сбросить скорость, головная машина вправо, вторая влево, зенитка — в центр! Открыть кормовые люки в готовности к спешиванию! Огонь — по целеуказанию берсальеров!

— Сир, просим разрешения использовать кольца-катализаторы.

— Не вижу прямой необходимости!

Амбразуры и башни наших машин расцветились вспышками. Шквал плазмы, пуль и малокалиберных снарядов обрушился на тойлангскую засаду.

— Коробки опознаны. Самоходки типа «Шакал».

«Шакал» — условное название из нашей системы обозначений для тойлангской техники. «Значит, на сопке все-таки тойланги, не мы. Ах, черт, как же ее обойти?»

— Опознание надежное?

— Да. Каждая стволы задрала. Похоже, заметили нас и теперь целятся. На радаре видна пара характерных засечек — ни с чем не спутаешь.

«Этого только не хватало! «Шакал» с двадцати километров в туза попадает. И прошивает любую броню — алмазная накатка тут уже не спасет».

— Колонна, внимание! Разворот на полгоризонта! Убираемся отсюда на предельной скорости!

— Наблюдаю залп «Шакалов»! Восемь снарядов в воздухе... Повторный залп! Прогноз цели по траектории — наша группа.

Если секунду назад я надеялся, что тойлангские артиллеристы нас не заметили или заметили не нас, то теперь приговор моим броненеединицам можно было считать подписанным.

— Сир, просим разрешения использовать кольца-катализаторы.

— Разрешаю! Машины — на землю! Всем спешиться!

Снаряды «Шакалов» летят с гиперзвуковой скоростью и промахи дают только по праздникам. На то, чтобы выкарабкаться из бронегробов и залечь за деревьями, нам оставались считанные секунды.

Но ведь были еще тойланги в засаде, которую мы только что обстреляли по целеуказанию берсальеров! Хотелось бы надеяться, что мы положили всех, но так бывает только в мечтаниях безусых кадетов. На войне готовься к худшему.

Хотя к самому худшему я, как оказалось, готов не был.

Стоило мне отбежать от транспортера на несколько шагов, как из-за деревьев прямо мне навстречу вылетело семейство шаровых молний: три-четыре крупные и семь-восемь мелких.

Вот че...

Я был добычей женской особи по имени Ресту-Влайя. Росту в ней было за два метра, силищи — как у призовой конкурной кобылы.

Она принадлежала к доминантной расе тойлангов, которая, как считалось, полторы тысячи лет назад возглавила борьбу других рас с захватчиками из космоса. Этих полумифических захватчиков тойланги называли «гиши» — дословно «жаднейшие».

По ее мнению, я говорил на языке тойлангов «как гиши». То есть, думалось мне, неважно.

Ресту-Влайя была очень молода. По тойлангским нормам, возраст позволял ей служить в регулярной армии только «бегуном» (по-нашему — рядовым). Она могла поступить на правительственную службу, отбыть некоторое время в «бегунах», затем занять должность командира «пятерки», затем — «пяти пятерок» и после этого получить звание Боренья Слова Передающего. То есть лейтенанта.

Любопытно, что просто просидев дома в течение двух лет и соответственно повзрослев, Ресту-Влайя по первому своему требованию получила бы то же самое офицерское звание автоматически, ни дня не пробыв в армии — хоть действующей, хоть бездействующей. Для потомственных аристократов подобная практика была в порядке вещей: биологический возраст заменял реальную выслугу.

Мы считали, что именно такие квазиофицеры превращали отлично оснащенную технически армию тойлангов в достаточно по-

средственный инструмент галактического владычества. Пока война велась на узком фронте и можно было ограничиться использованием профессиональных частей, тойланги дрались как львы. Но в тотальном противостоянии озверевшему Сверхчеловечеству они должны были рано или поздно сломаться — что и случилось в конце концов в сражении за систему Кетрарий.

Голос расы не позволял моей Ресту-Влайе идти в «бегуны». Но и ждать два долгих эрруакских года она не желала.

Ресту-Влайя спешно нуждалась в офицерском патенте, ведь без него карьера каллиграфа была тойлангу заказана. Таковы традиции этого древнего и мудрого народа.

Чтобы законно и публично заниматься любым искусством — не только каллиграфией, — тойланг должен получить Испытат. А Испытат, как ясно из названия, выдают только после ряда испытаний, среди которых получение младшего офицерского звания представляется не самым трудным. Неполный список испытаний таков: четыре месяца полного одиночества на необитаемом острове; подтвержденные официально контакты с четырьмя сексуальными партнерами; многоступенчатые экзамены по истории искусства (скажем, поэт должен был помнить наизусть сорок тысяч четыреста сорок строк из классиков) и еще несколько, которые можно для простоты назвать комплексом спортивных упражнений.

Если же тойланг без Испытата имеет наглость составить крохотное стихотворение или нарисовать пейзажик размером с ладонь, он подлежит смерти. Ни много ни мало.

Ресту-Влайя была одержима стихосложением. С детства в ее немаленькой дельфинячьей голове слова самопроизвольно сплетались в венки, складывались в ажурные арки, громоздились друг на друга массивными пирамидами метафизических поэм.

Была ли она и впрямь неоформленным гением или страдала психической болезнью в социально приемлемой форме? Мне, человеку, ответить на этот вопрос невозможно.

Стихосложение у тойлангов делится на две равноправные ветви: традиционное, подобное земному, и фигурно-графическое. В последнем гармония линий и ритм смены орнаментальных форм наделяются различными смыслами, которые подчиняются правилам особого метаязыка, не имеющего аналогий в человеческой культуре.

Для меня лично стихосложение этой ветви сродни умершему земному искусству каллиграфии, поскольку их фигурные поэмы если на что-то и похожи, так это на наши химические формулы аминокислот, перерисованные придворным китайским писцом времен Конфуция. И хотя я понимаю, что эта аналогия подслеповата на оба

глаза, для себя привык переводить тойлангское слово, отвечающее фигурно-графическому стихосложению, просто: каллиграфия.

Как только Ресту-Влайя достигла возраста первичной половой зрелости, она сразу же вступила в борьбу за Испытат. За год ею были свершены все необходимые подвиги — сидение на горе, романы с четырьмя соплеменниками и так далее. После чего она решила двинуться к офицерскому патенту и, стало быть, Испытату, наикратчайшим путем.

У тойлангской аристократии считается хорошим тоном формировать частные боевые отряды, я бы сказал — дружины. Оснащение, обучение и экипировка таких дружин проводится из клановых арсеналов. Все у них собственное: и звездолеты, и бронетехника, и оружие. Кое-что — массовых образцов правительственной армии, кое-что — персональной выделки, кое-что — штучные инопланетные трофеи, предмет постоянной головной боли земной разведки. К счастью, инопланетного оружия у тойлангов немного и работает оно, как правило, паршиво — вопреки апокалиптическим ожиданиям иных наших паникеров.

Единая стратегия и тактика у тойлангских дружин отсутствует. Координация действий между дружинами и правительственными частями осуществляется от раза к разу. Бывали случаи, когда на одной стороне планеты мы безнаказанно молотили окруженную дивизию правительственной армии, в то время как на другой несколько мощных дружин вместо удара нам в тыл устраивали чемпионат по запусканию воздушных крокодилов.

Иногда, наоборот, разобщенность тойлангских частей действовала против нас — как, между прочим, на Утесе. Позже выяснилось, что разведка Пятого Флота все-таки правильно оценила численность правительственных частей тойлангской армии, но проморгала множество дружин размерами от «пятерки» до полнокровного полка.

Впрочем, к Ресту-Влайе все эти соображения прямого касательства не имеют. Место службы, состав и военные планы дружины ее не заботили. Важным для нее было только одно положение тойлангских законов: любой аристократ, частным образом заявившийся на войну с «соревнителями владения пространством» (то есть инопланетной расой) и пробывший в зоне боевых действий сорок четыре эрруакских дня, получал... да-да, тот самый патент младшего офицера с последующим переводом в правительственную армию либо без оного — по желанию.

Как так получилось, что Ресту-Влайя оказалась в месте разгрома моей курьерской группы, взяла меня, контуженного, в плен и уволокла в лесную глушь — я не знал.

Когда взорвались шаровые молнии, я на какое-то время ослеп и у меня вышла из строя почти вся начинка скафандра. Я понял, что пора надеть кольцо-катализатор, превратиться из человека в ифрита — а дальше будь что будет! Но пока я вслепую нащупывал в кармане проклятое кольцо и выдавливал из него предохранительную мембрану, наши машины были кучно накрыты снарядами «Шакалов».

Взрывная волна подняла и понесла меня очень далеко, через младенческую колыбель, через фисташковые рощи родного Шираза, на орбиту Земли, потом за Трансплутон, потом по звездным рукавам галактики, прямо в систему Кетрарий, прямо на планету Утес, прямо под дерево, обтянутое кожей старого слона, привалившись к которому, стояла Ресту-Влайя и любовалась трофеями, извлеченными из транспортных отделений и накладных карманов моего скафандра.

Так мы и познакомились.

Первым делом решили безотлагательные вопросы. Я — ее пленник. Если я попытаюсь убежать или напасть на нее, она немедленно меня зарубит. Для этих целей она намеревалась использовать фамильный боевой топор, очень красивый. На длинном, полутораметровом древке.

Также Ресту-Влайя могла меня застрелить, испепелить, оторвать мне голову и, что самое неприятное, неспешно уморить углекислотой, поскольку содержимое моих кислородных баллонов обещало часов через двенадцать подойти к концу, а газовый фильтр скафандра был превращен осколками в зловонную железную хризантему. У нее же был настоящий универсальный синтезатор — в этом отношении эрруакская технология опередила нашу лет на пятьдесят, а может, и *принципиально*.

Не сказать чтобы синтезатор превращал кучу дерьма в груду золота, но конверсия одних газов и жидкостей в другие осуществлялась им довольно успешно. Синтезатор также умел конвертировать почву и местные грибы в основные блюда тойлангского рациона и, как удалось установить экспериментально, сносно копировал галеты, бастурму и шоколад из моего пайка. Наши же, земные, химические синтезаторы годились только для удаленного получения некоторых лекарственных препаратов, пива и новостных пилюль.

— Выполняет веления моей мысли, — поглядев на меня со значением, пояснила Ресту-Влайя. — Других мыслей не слушает.

Она хотела сказать, что управление синтезатором — только телепатическое и настроено исключительно на свою хозяйку. Другого интерфейса нет. Изготовить себе самостоятельно я не смогу ни стакана биологически чистой воды для питья, ни одного литра кислорода. Следовательно, даже если я завладею синтезатором и убегу, я

буду обречен на мучительную смерть в объятиях ядовитых стихий Утеса.

— Приму к сведению.

— Как тебя зовут?

Я представился.

Она назвала себя. Просто «Ресту-Влайя», без хвоста фамильных имен, которого можно было бы ожидать от аристократки. Аристократку я сразу признал в ней по боевому топору (ну зачем обычному правительственному солдату топор?!).

— Из какого ты рода?

Таких вопросов тойлангам задавать нельзя. Ресту-Влайя ужасно разозлилась и зашипела:

— Невежда! Еще один подобный вопрос — и я тебя убью!

Я тоже разозлился:

— Убей уж лучше сразу. На все ваши обычаи этикета не напасешься.

В ответ она промолчала. Презрительно или пристыженно — кто знает?

Не люблю затянувшихся пауз. Я решил задать нейтральный вопрос, составленный по канонам тойлангской риторики:

— Доставь мне удовольствие, подтверди мою догадку, высокородная: ты ведь не из числа воителей Единого Управления Пространства?

Ресту-Влайя ответила охотно, почти дружелюбно. Великая сила — вежливость.

— Нет. Я из войска моего двоюродного брата.

(У тойлангов любая дружина — «войско», даже когда в ней бойцов ты да я, да мы с тобой.)

— Где же другие воины твоего двоюродного брата?

— Мы с ними свидимся. Со временем.

— Ты родилась на этой планете?

— Нет, на Эрруаке. Мне здесь не нравится — говорят, очень холодно зимой. К счастью, зиму я уже не застану. Буду дома.

«Или в могиле... — подумал я. — Кстати, ведь ее можно сперва запугать, а потом попытаться сагитировать...»

Разумеется, даже в плену я оставался полковником Бюро-9.

— Большая часть околозвездного пространства Кетрарий контролируется нашим флотом. Даже полный разгром десантного корпуса на Утесе не сможет решительным образом изменить ситуацию в вашу пользу. Не хочу тебя огорчать, но домой ты скорее всего не вернешься.

— Почему?

— Правда не понимаешь? Наши корабли охотятся за всем, что движется. Ты и твои соплеменники просто не смогут выбраться с Утеса!

— А как я, по твоей мысли, здесь оказалась?

— Прилетела. Как еще?!

— Пернатые рыбы летают. Ресту-Влайя не летает.

Это была как бы шутка. А с другой стороны — как бы правда. Даже мне, свободно владеющему тойлангским языком эксперту, было нелегко следить за подтекстом и модальностью ее высказываний. Если бы я говорил с человеком, мне скорее всего хватило бы проницательности заподозрить в сказанном нечто большее, чем каламбур или иронической трюизм.

— Хорошо, Ресту-Влайя не летает. Но сейчас будет окончательно сломлено ваше сопротивление на планетах... — Я произнес тойлангские названия для небесных тел, которые проходили в нашем оперативном планировании как Дол и Луг. — Мы перебросим сюда два, а если надо — четыре десантных корпуса! У тебя будет небогатый выбор: либо погибнуть, либо сдаться в плен землянам. Так почему бы тебе не сделать этого сразу? Если ты отведешь меня к людям, я гарантирую тебе не только жизнь, но и свободу. В разумных пределах, конечно. Мы содержим пленных тойлангов на планетах с подходящей для вас атмосферой, на специально отведенных островах.

Ресту-Влайя выслушала меня внимательно и не перебивая. Но ответила она довольно своеобразно:

— Остров не годится. На острове я уже насиделась.

Я был сбит с толку:

— На каком еще острове?

Высокомерие и амбициозность соседствуют в тойлангах с подкупающим прямодушием. Не смущаясь тем, что мы едва знакомы и я принадлежу к их заклятым врагам, она рассказала мне о каллиграфии, офицерском патенте и крохотной выслуге в рядах своей дружины. И об испытаниях, через которые ей пришлось пройти прежде, чем перейти к соисканию офицерского патента.

— Вот видишь, — сказал я, когда она закончила, — война — не твое призвание. Ты мечтаешь о благородной карьере каллиграфа. А я мечтаю о том, чтобы снова оказаться среди своих друзей. Отпусти меня — и разойдемся каждый в свою сторону!

— Человек, ты стоишь многих благ, от которых я не намерена отказываться. Разговор закончен!

Когда заходила Кетрария А, всходила Кетрария В.

Когда заходила Кетрария В, всходила Кетрария А.

На Утесе бушевало мокрое полярное лето, которому предстояло смениться сухой полярной осенью только через две сотни стандарт-

ных суток. Лето здесь было по совместительству заодно и Днем. Чтобы День стал Вечером, требовалось, чтобы Утес, описывающий вокруг Кетрарии А уродливо сплющенный эллипс, прошел около трети своего годового пути, в то время как вторая звезда системы удалилась бы в противоположном направлении настолько, чтобы ритм восходов-закатов хотя бы отдаленно начал напоминать те, к которым привыкли обитатели нормальных планет вроде Земли.

Небо было равномерно затянуто тучами. Если над невидимым горизонтом проползала Кетрария А, они светились неярким голубоватым светом — премерзким. После недолгих синих сумерек ее сменяла Кетрария В. Тучи розовели, где-то очень далеко ворковал гром. От ливней и сильных гроз судьба нас пока берегла.

Мы тащились через лес уже пятое время суток: голубое — синее — розовое — синее — голубое...

Я недоумевал.

У Ресту-Влайи не было транспортных средств. Она не выходила на связь со своей дружиной. По крайней мере я ни разу не становился этому свидетелем. А дальнодействующей телепатии, как меня научили еще в школе, не бывает. И ведь действительно — не бывает.

«Куда она меня тащит? Какое боевое задание выполняет? И выполняет ли хоть какое-то?»

Ответов не было. Мысли ходили по кругу.

Офицерские часы вместе с отличной системой навигации были зачислены моей амазонкой в трофеи. Будучи лишен возможности видеть звезды и оба местных солнца, я даже приблизительно не мог определить направление нашего движения. Местная природа, как назло, тоже не давала подсказок. В опутанном сетью ручьев лесу все было распределено хаотически равномерно: озера и поляны, кочки и грибные россыпи, кусты, похожие на кораллы, и бесформенные груды валунов, которые воображение дорисовывало до благородных руин неведомой инопланетной цивилизации...

Весь Утес, казалось, вымер. По моим представлениям, не далее как в пятидесяти километрах от нас должно было идти жестокое сражение. При любом сценарии — обороне, отступлении или приеме подкреплений, переброшенных с Дола и Луга — в синее время суток мы должны были бы видеть зарницы на полгоризонта. На то и война.

Но то ли я переоценивал прозрачность атмосферы, то ли ближайшие к нам полки были выбиты до последней бронеединицы, но ничто не намекало на активные боевые действия. Планета казалась мирной, более того — необитаемой.

После моей неосторожной агитации разговаривать со мной Ресту-Влайя не желала. Только время от времени подбадривала меня окриками.

«Поживее давай! Плетешься, как носач!»

«Хорошо тебе, — мысленно огрызался я. — Ты можешь дышать здешней кислой дрянью, тебе не нужно потеть и задыхаться в скафандре. Скажи еще спасибо, что имеешь дело с активантом. Обычного солдата уже пришлось бы либо пристрелить, либо тащить волоком».

Нелегко, ох как нелегко мне приходилось. У моего тяжелобронированного скафандра вышел из строя силовой привод левой ноги. Правый-то ботинок я подымал легко, точнее даже сказать, он сам подымался — спасибо встроенным в скафандр электромышцам. А вот левой ноге приходилось пошевеливаться за счет собственных ресурсов.

Я остановился и обернулся.

— Постой.

— Что такое? — Ресту-Влайя, которая следовала в нескольких шагах за моей спиной, вскинула лучевой пистолет.

— Надо отдохнуть.

— Я не устала.

— А я устал. Я сейчас упаду. И не двинусь с места.

— Нет времени. Надо идти.

— Куда? Куда идти?!

— Увидишь. Будешь шагать или мне выстрелить?

Я открыл забрало шлема (на глаза сразу же навернулись слезы от токсичной атмофсеры).

Демонстративно сплюнул себе под ноги.

Опустил забрало.

Повернулся и пошел.

Минут через десять Ресту-Влайя сварливо осведомилась:

— Быстрее идти не можешь?

— Нет.

— Хорошо... Остановись.

Она подошла ко мне и принялась критически осматривать меня с ног до головы.

Я, пользуясь тем, что, в свою очередь, могу ее как следует разглядеть, в очередной раз попытался понять, куда она подевала мое кольцо-катализатор.

Только в нем я видел свое спасение. Тойланг сильнее человека в несколько раз. К тому же у тойлангов превосходная реакция. Только мощное оружие ближнего боя может уравнять шансы человека и тойланга, если им доведется сойтись один на один. При всей своей отменной подготовке я не мог рассчитывать усыпить бдительность

Ресту-Влайи и, применив пару приемов рукопашного боя, овладеть ее лучевиком, дабы превратиться из пленника в пленителя.

Стало быть, я должен был рассчитывать только на дремлющего во мне зверя. Но чтобы его, этого зверя-из-бездны, разбудить, кольцо-катализатор было совершенно необходимо.

Собственно, мне следовало бы «быть мужчиной» (как говорят на моей родине) с самого начала и активироваться в ту самую секунду, когда берсальеры учуяли засаду. Но легко ли «быть мужчиной», когда ознакомлен с историей создания и применения активантов? Историей, на которой поверх грифа СС, «Сов. секретно», недавно поставили гриф ТВК, «Только для верховного командования», а поверх ТВК с удовольствием налепили бы и мистический ЗП-20, «Закрыто для пользования на двадцать лет» — да вот только война мешала. На войне бесов гоняют силою Вельзевула, не так ли?

В истории общения земной науки с Вельзевулом немало поучительных страниц. Об одной из последних верховному командованию (и моему родному Бюро-9 за компанию) желательно было не забывать. Хотя бы для того, чтобы представлять себе примерные последствия использования активантов.

Вкратце дело было так.

Параллельно с разработкой блок-крепостей «Пояса Аваллона» на Земле велись эксперименты по созданию компактных средств персональной телепортации. Ведь когда космический корабль перемещается от одной звезды к другой через нелинейное пространство, он фактически самотелепортируется на заданную дальность вдоль Ребра Аль-Фараби. Кто-то давным-давно метко назвал ракету пушкой, которая выстреливает не снаряд, а саму себя. Так вот теперь требовалось построить нелинейную пушку, которая стреляла бы на десятки парсеков снарядами в виде людей и других небольших, но полезных объектов.

Такую пушку-телепортер построить не удалось. Объекты исчезали из камеры передатчика, но в приемнике не восстанавливались. Как и предрекали скептики, сравнительно небольшие предметы не обладают достаточным эквивалентом нелинейной массы, чтобы сохранять путевую устойчивость на Ребрах Аль-Фараби. Такие «легкие» предметы уходили с заданной траектории и двигались мимо приемника, бесследно растворяясь в инобытии.

Но человеческая наука — самая упрямая в галактике. Передатчик кардинально переработали, подбавили мощности, а приемник приблизили к нему на смехотворное расстояние в один метр. В качестве телепортируемого объекта избрали контейнер со свежими фруктами: апельсинами, бананами, ананасами. В случае успешной

доставки контейнера в приемник ученые рассчитывали исследовать негативные последствия телепортации для растительных клеток. Дальше в случае успеха по нарастающей планировались эксперименты с лимонными деревцами в горшках, тараканами, мышами, кроликами, кошками, собаками, свиньями и, наконец, людьми-добровольцами.

Энергия, которую было решено затратить для компенсации малой нелинейной массы, выражалась цифрой с непристойно длинным хвостом нулей. Ни военной целесообразностью, ни тем более коммерческими требованиями подобные затраты оправдать было нельзя.

На это закрыли глаза. Руководству проекта требовалось любой ценой получить хотя бы принципиальное подтверждение возможности стрельбовой телепортации. Ну а получив результат, можно было уже просить дальнейшего финансирования, плодить дочерние лаборатории и кормиться этой темой лет сто.

Итак, контейнер с фруктами был загружен в передатчик, расположенный почти впритык к приемнику посреди необъятного ангара, напичканного телеметрическим оборудованием. Ученые, облачившись в скафандры, поспешили укрыться в бункере.

Щелчок рубильника...

Всеобщий глубокий вдох...

Кнопка нажата...

Данные сенсоров точки отправки: объект исчез.

Данные сенсоров точки прибытия: объект не наблюдается.

Разочарованный выдох.

Решающий эксперимент был провален. Руководство уже прикидывало, как отвертеться от долговой тюрьмы, подчиненные мысленно складывали чемоданы и готовились к преподаванию занимательной физики для детсадовцев-вундеркиндов. Кто-то из теоргруппы истерически кудахтал: «Но как же так? Но позвольте, господа!.. Бог не играет в кости! Цифры не лгут! Объект обязан, просто обязан вернуться в линейное пространство!»

Теоретика никто не слушал. Понурив головы, все начали расходиться.

Вдруг поступило сообщение от охраны полигона: в сотне метров от ангара, где проводился эксперимент, возникла какая-то светящаяся штуковина. Описать вразумительным образом свое видение охрана не могла, но вполне резонно предполагала, что появление «штуковины» связано с изысканиями яйцеголовых.

Выбравшись на поверхность одышливой толпой, ученые стали участниками событий чудесных и ужасных.

Вылетев из пространства Аль-Фараби, как пробка из бутылки, и контейнер, и его содержимое радикально изменили свои физические свойства. Золотисто-оранжевый столб газообразной материи высотой в рост человека и шириной в два обхвата покачивался посреди двора, где был разбит сад-альпинарий.

Несмотря на свою кажущуюся аморфность, столб был полностью непрозрачен. Зеленая лужайка и живописные валуны вокруг него топорщились множеством мелких складок, вместе создающих призрачную, *ирреальную* рябь.

В действительности оранжевый столб был гроздью Квантов Аль-Фараби. Но этому термину предстояло появиться многим позже.

Математик, который взывал к Богу, не играющему в кости, оказался самым проницательным.

— Господа, это может быть опасно, — вполголоса сказал он.

В следующее мгновение изрядный кусок полигона исчез вместе со всеми сооружениями, учеными и вспомогательным персоналом. На его месте образовалась сферическая воронка радиусом полтора километра. В центре громадной сферы, заполненной *небытием*, остался висеть оранжевый столб — не ангельский меч, но скорее дубина, занесенная над миром.

Следующие несколько часов были заполнены ожиданием Конца. Те, кому положено за всех бояться и за всех решать, всерьез полагали возможным самопроизвольное расширение радиуса коллапса и растворения в пространстве Аль-Фараби всей Исландии (где находился полигон), а может, и планеты Земля. Кто-то на полном серьезе предлагал таранить инфернальный столб звездолетом, кто-то искал сумасшедших берсальеров, которые согласились бы отправиться с разведкой в фокус катаклизма.

Однако берсальеры, на свое счастье, остались без работы. Через несколько часов гроздь рассосалась и ушедшая в точку сфера линейного пространства снова развернулась, возвращая на круги своя сооружения, ученых и вспомогательный персонал полигона.

Люди вернулись.

Однако это были уже *не совсем те* люди. Или — те, да уже не люди?

Часть из них умерла на глазах у подоспевших спасателей, причем некоторые тела просто сгорели как свечки. Другие сошли с ума, зато их физическое здоровье не претерпело заметного ущерба.

Третьими стали активанты. В их числе оказался и проницательный математик.

Вот он-то — его фамилия, Тикканен, многое скажет знающим людям — создал общую теорию этого катаклизма и предрек основные сценарии дестабилизации активантов.

Так кто такой или, точнее, что такое активант? Мои предки сказали бы: ифрит. Наши биотехнологи выражаются научно: линейно стабилизированный Квант Аль-Фараби на основании человеческой матрицы.

Активант — это нечто, похожее на человека. Проходящее сквозь стены. Перемещающееся со скоростью урагана. Ведущее себя, как правило, разумно, но в некоторых случаях — алогично и негуманно.

В «горячем» режиме активант находится от пятнадцати до двухсот часов. Он может выполнять задачи, которые не по силам ни человеку, ни большинству машин. После чего он либо возвращается в нормальное линейное состояние и продолжает жить как обычный человек, либо... переходит в следующую фазовую форму и полностью исчезает в пространстве Аль-Фараби.

Следует подчеркнуть, что когда Тикканен и другие уцелевшие после катаклизма ученые и сотрудники полигона вернулись в наш мир, они находились именно в «горячем» режиме.

В течение нескольких суток после катастрофы в Исландии происходили невероятные вещи, о каких там и не слыхали со времен сказителя Снорри Стурлуссона.

В рейкьявикский бар «У Греттира» заявился детина в полувоенной форме. Он без устали повторял фразу «внутри все горит» и глушил минеральную воду бутылка за бутылкой. С виду он выглядел вполне нормально, не дымился и серой не вонял. Но кельнер, прикоснувшийся к протянутой водохлебом расчетной карточке, забился в конвульсиях и упал замертво, будто пораженный высоковольтным разрядом.

Детина в форме — рядовой охранник исследовательского центра Курт Ешоннек. Больше с ним в «горячем» режиме не случилось ровным счетом ничего примечательного. Вскоре он вернулся к линейному существованию. Непредумышленное убийство кельнера было расценено как «несчастный случай», а Ешоннек продолжал работу в прежнем, но уже непомерно разросшемся исследовательском центре. Правда, не охранником, а подопытным кроликом.

Туристы, гуляющие по гейзерному полю в окрестностях Геклы, видели двух смуглых девушек в сияющих белых скафандрах, которые, смеясь, плескались в крутом кипятке посреди клубов сероводорода. Шлемов на девушках не было. Вода дымилась на их коротких волосах и белых шеях.

Девушки эти — ассистентки Син Во и Наташа Янг — после возвращения в «холодный» режим порвали со своими женихами и зарегистрировали однополый брак. Они прожили счастливо четыре месяца и умерли в одной постели в один день. Причина смерти —

внезапное и полное обезвоживание организма — пополнила копилку необъяснимых загадок природы.

По древним лавовым полям блуждал зловещий серый силуэт в окружении синих огней. На следующий день широкий язык лавы пробудился от миллионолетнего сна и огненная змея понеслась по сирым равнинам. Некоторые ракурсы на кадрах видеосъемки не оставляют сомнений, что наплывы на выпуклой бульбе из раскаленного теста, служившей лавовому потоку «головой», оконтуривают черты лица Филипа Метаксиса — наладчика телепортеров.

Огнедышащая змея прочертила черный и прямой как стрела след в зеленых пастбищах. Сожгла двух прохожих на приморской дороге. Низринулась в море.

Филип Метаксис пополнил списки официально пропавших без вести.

Были и десятки других инцидентов: комичных, абсурдных, страшных.

Стоит ли говорить, что все приличные люди после этого предложили закрыть тему «стрельбовая телепортация» навсегда? И что наши бонапарты, наоборот, были готовы превратить весь Марс в полигон для дальнейших изысканий?

Победили, конечно же, бонапарты.

Прошли годы. Телепортеры созданы не были. Число жертв умножилось. Но побочные эффекты все-таки удалось с горем пополам приручить. И создать самый сложный в земной истории биотехнологический рецепт.

Этот рецепт позволял перестроить организм добровольца нейтрон за нейтроном, атом за атомом. Законсервировать ифрита внутри человека. И при помощи кольца-катализатора выпустить ифрита наружу.

Добившись пятнадцать лет назад назначения в военную разведку, я почти сразу согласился стать активантом. Почему?

Я тогда думал, это несовременно: будучи гражданином империи под названием Сверхчеловечество, чувствовать себя обычным, заурядным человечком.

Ресту-Влайя, обойдя меня кругом, завершила осмотр.

А я завершил свой. Кольцо было при ней! Оказывается, она выломала из него предохранительную мембрану и невесть зачем увенчала им острое навершие своего боевого топора.

— Разведи руки в стороны, — сказала Ресту-Влайя. — Не так. Чуть опусти... Еще чуть... Не поворачивайся...

— Что ты задумала?

— Я понесу тебя. Но для этого мне нужно приделать к тебе две... как сказать... ручки?

— Может, проще будет нам обоим отдохнуть? А потом пойдем дальше?

— Нет, еще не время для отдыха... Не опускай руки!

Не прекращая говорить, Ресту-Влайя, шелестела у меня за спиной своей походной амуницией.

— Ты спишь вообще когда-нибудь?

Задавая этот вопрос, я обнаружил, что по моей груди ползет лента из серебристого материала шириной примерно в ладонь. Она двигалась полностью самостоятельно и притом вполне целенаправленно. Ресту-Влайя привязывала ко мне обещанные «ручки», управляя своей чудо-лентой непонятным образом.

Каким именно? Я слишком много видел техночудес, чтобы задумываться еще и над этим.

— Сплю. Именно поэтому нам надо спешить. Я не хочу отдыхать под открытым небом.

— И где ты намерена отдохнуть?

— Ты сказал, что все владетели пространства на Утесе обречены. Я обиделась на тебя. Не буду говорить.

Как выражался бы я на ее месте? «Ты, коварный инопланетный захватчик, хотел, чтобы я изменил своей присяге! Вот я тебе устрою, когда до своих доберемся!» И все прочее, что подобает полковнику Бюро-9.

А Ресту-Влайя вот «обиделась». Это тронуло мое каменное сердце. Мне даже как-то неловко стало.

И не скажешь, что дело в лингвистических затруднениях, что она, говоря «обиделась», подразумевала «злюсь», а я не так понял. Я знал язык тойлангов достаточно хорошо, чтобы различать эти глаголы. Тем более что она не прибегала к выморочной стихоречи, которая в моде среди иных тойлангских вельмож — вероятно, из-за боязни нарушить свои законы даже наедине с чужаком. Ведь у нее не было Испытата!

— Доставь мне удовольствие, высокородная: не обижайся. Мы на войне, а я — солдат своей расы. Я не хотел тебя обидеть. Всего лишь пытался спасти тебя. А может быть, и нас обоих.

— Спасти от кого?

— От моих соплеменников. Если мы с ними встретимся и они увидят в твоих руках оружие — будут стрелять не задумываясь. Могут убить и тебя, и меня...

Тут я спохватился, что логическим развитием этой мысли будет «вот почему ты должна отдать свое оружие мне». Она снова обидится и мы снова пойдем по кругу...

Я поспешно закончил:

— Еще раз прошу принять мои сожаления.

К этому моменту серебристая полоска, пройдя несколько раз под мышками, оплела мои плечи и, как я начал догадываться, образовала у меня за спиной две лямки. Таким образом, из меня получилось нечто вроде огромного рюкзака.

— Я подумаю над твоими сожалениями, — пообещала Ресту-Влайя. — А ты подумай вот над чем: сейчас я тебя понесу. Ты будешь висеть у меня за спиной. Я знаю, это поставит меня в уязвимое положение по отношению к тебе. Что я, по-твоему, должна сделать, чтобы ты не выкинул какую-нибудь глупость?

Она читала мои мысли. Я как раз понадеялся, что окажусь поблизости от ее боевого топора и, может быть, мне посчастливится все-таки потихоньку стащить кольцо-катализатор.

— Ты уже дважды синтезировала для меня питьевую воду и кислород. Я ведь не настолько глуп, чтобы...

Ресту-Влайя меня перебила:

— Насколько ты глуп — знаешь только ты. Я же знаю только, что тебе надо связать конечности.

Когда она собиралась спать — я не понимал. Но я заснул почти сразу после нашего разговора. Ничего удивительного. Хорошо упакованный пассажир, о котором заботится такое могучее и самостоятельное существо, как Ресту-Влайя, испытывает максимум комфорта при минимуме ответственности. Последний раз я попадал в подобное положение года в три, когда отец, посадив меня на плечи, отправлялся гулять по садам Муллы Садры.

К сожалению, Утес кое-чем отличается от Шираза.

Я открыл глаза. То ли помогла наработанная за годы службы способность загодя предчувствовать опасность, то ли я просто успел хорошо выспаться и зверски проголодался.

Пока я спал, наступили синие сумерки.

Ресту-Влайя по-прежнему шагала сквозь лес, не сбавляя темпа. Поскольку я болтался у нее за спиной на правах рюкзака, я смотрел не вперед, а назад. Когда мои глаза привыкли к неконтрастной, монохромной гамме оттенков синего, я заметил *движение*.

Будто несколько маленьких юрких зверьков — ласок, белок, соболей, — заляпанных грязью до полной утраты естественной масти, синхронно совершали короткие прыжки с ветки на ветку. Это происходило на среднем ярусе ветвей, в двух-трех сотнях шагов от нас, так что рассмотреть подробности было поначалу невозможно.

Я с трудом сдержался, чтобы не вскрикнуть. В следующую секунду пришло осознание, что я вовсе не обязан ставить Ресту-Влайю

в известность об увиденном. Мы же по разные стороны баррикад! Не исключено, что для меня лично загадочные гости угрозы не представляют и даже наоборот: сулят спасение из плена.

Нас преследовало нечто. Это нечто не могло быть стаей местных зверьков. На Утесе вся сухопутная фауна представлена видами не крупнее червя-мотыля.

Понаблюдав за преследователями еще пару минут, я пришел к выводу, что вижу не десяток разных объектов, а один полиморфный — вроде осьминога, выстреливающего вперед свои щупальца, а потом молниеносно перекачивающего через них основную массу тела на следующее дерево.

Итак, не местное животное. А что?

Я начал перебирать варианты. Весьма совершенный кибермех... змееобразный вид инопланетной фауны, завезенный на Утес тойлангами... наш активант...

Активант!

Возможно ли это?

Принципиально — да. Максимальная длительность «горячего» режима активанта — около двухсот часов. Я находился в плену никак не больше шестидесяти. Это даже если считать, что я пробыл в шоковом состоянии после расстрела моей бронегруппы часов десять—двенадцать и проспал сейчас еще столько же (первое маловероятно, второе совершенно исключено).

Остальные вопросы были куда сложнее.

В ясном или затменном состоянии рассудка находится активант? Понимает ли он, что видит перед собой человека, своего командира по имени Искандер Эффендишах, которого несет тойланг? Или он думает, что у тойланга за плечами труп, а то и вовсе пустой скафандр? Или он вообще ничего не думает?

Как ни быстро пронеслись эти мысли, расстояние между нами успело сократиться вдвое.

Я сморгнул — и этого хватило, чтобы полностью потерять его из виду.

Мне стало не по себе.

Внезапно загудел ливень — мощный, торжествующий.

Ресту-Влайя остановилась, опустила меня на землю, освободилась от лямок.

— Твои извинения приняты, — торжественно возвестила она.

Ее голос прозвучал так неожиданно, что я вздрогнул.

— Что?!

— Я больше не обижаюсь на тебя.

Разумеется, я весь был поглощен высматриванием активанта. Да куда же он запропастился? Дождь вконец испортил обзор, и без того незавидный...

Что делать? Что же делать?! Предупредить ее об опасности? Или понадеяться, что активант будет действовать трезво, то есть убьет Ресту-Влайю и заведет со мной светскую беседу?

В последнем случае я должен был приготовиться, что буду хладнокровно наблюдать гибель существа, которое мне, лично мне, не сделало ровным счетом ничего плохого. И вообще является врагом Сверхчеловечества лишь номинально, ради получения своего драгоценного Испытата!

— Уф-ф-ф... Я рад... — через силу выдавил я. — Почему ты остановилась? Устала?

— Нет. Я решила, что тебя надо покормить.

Что бы там Ресту-Влайя ни говорила, она, конечно же, утомилась. В ее голосе прорывались хрипы. Да и цвет кожи изменился с нежно-салатового на изумрудный.

— Я очень признателен. Не освободишь ли мои конечности? Я должен размяться.

— Освобожу. Тем более что дальше ты пойдешь сам.

Как только чудо-лента сползла с моих ног, я сразу же поднялся и запрыгал на месте, бодро покряхтывая. При этом я зыркал во все стороны, делая вид, что разминаю шею.

И потом все время, пока Ресту-Влайя возилась с синтезатором, я не прекращал тревожно всматриваться в лес.

Активант затаился. «По крайней мере, — думал я, — если он за нами наблюдает, а ведь наверняка наблюдает, теперь ему станет ясно, что внутри скафандра не труп, а дееспособный офицер Сверхчеловечества. Надеюсь, это поспособствует правильной оценке ситуации с его стороны и он хотя бы не выжжет нас обоих широким конусом плазмы!»

Ресту-Влайя была очень чуткой девицей. Моя тревога передалась ей.

— Ты что-то заметил? — спросила она.

Мое сердце екнуло.

«Не врать! Тойлангам нельзя врать! По крайней мере грубо».

— Да... Какое-то движение среди деревьев, вон там. — Я честно показал в ту сторону, откуда мы пришли. — По-моему, шаровые молнии.

— Вот как? — Ресту-Влайя оживилась и приложила палец к плоскому прибору, который услужливо выдвинулся из поясного отсека ее невероятно сложной полевой экипировки.

— И ведь точно, — она, кажется, обрадовалась, — шаровики есть. Только не там, где ты говоришь, а вон за теми кустами.

Она показала на непролазную «коралловую» чащобу, которая еле угадывалась за стволами деревьев и струями ливня. На девяносто градусов правее от невидимого активанта.

Насчет молний я брякнул, конечно, наугад. А вышло — не соврал.

— Твой прибор находит шаровые молнии?

— Не только находит, еще и управляет, — похвасталась Ресту-Влайя. — Мы их сейчас подзовем, а то как-то темно стало!

— Может, не надо?

— Почему не надо? С шаровиками весело!

Я кое-что сообразил.

— Скажи... Ты действительно умеешь управлять шаровиками?

— Да. Это одно из потомственных искусств моего рода, для которого не требуется Испытат. Сейчас увидишь!

— А не ты, случайно, управляла шаровиками, на которые я напоролся, выскочив из транспортера?

— Я.

— А как ты там вообще оказалась?

— Так и быть. Расскажу. Я поссорилась со своим двоюродным братом. Он все время шутил, что в первом же бою я стану красной, как носач. — (Соль шутки от меня ускользнула.) — И никогда не забывал прибавить, что мои старшие сестры оставят меня совсем без наследства.

— Это правда или тоже юмор такой?

— Да какой юмор! — расхаживая вокруг гудящего синтезатора, Ресту-Влайя в сердцах пнула семейство ни в чем не повинных желтоголовых грибов. — Все идет к тому, что мне придется искать средства к существованию на скучной правительственной службе. Исцеляющим каллиграфом или графическим панегиристом! — (Обоих терминов я не понял, несмотря на всю широту познаний в тойлангском языке.) — А ведь у меня другие виды на будущее. Поэтому я поссорилась со своим братом и ушла из его войска.

— Так ты дезертир, что ли? — Я ухмыльнулся.

«Где ак-ти-вант? Где ак-ти-вант?» — выбивало барабанную дробь мое сердце, но я уже втянулся в беседу и симулировал заинтересованность рассказом Ресту-Влайи вполне успешно. В конце концов, мне действительно было интересно.

— Нет. В правительственной армии мой уход был бы дезертирством. В благородных войсках каждый подчиняется командиру только из уважения. Если не уважаешь — можешь вести себя так, как сам считаешь нужным.

— Ты ушла без всякой цели?

— Не совсем. Я ушла, чтобы совершить громкий подвиг. Это по нашим законам позволит мне получить половину всего наследства. У меня будет собственный звездолет, плавающий замок, четыреста четыре списка древней поэзии...

Ресту-Влайя пустилась в обстоятельное перечисление. Семейство у нее получалось небедное.

«Где активант?!»

— ...и даже экипаж для праздничного выезда в День Кометы!

— Надо понимать, твоим громким подвигом стал я?

— Да. Я знала, где идут настоящие бои, и пошла туда. Я обнаружила на дороге засаду наших правительственных войск. Я подумала, раз они кого-то поджидают, этот кто-то скоро появится. Я отошла подальше, выпустила наблюдательный бот и затаилась. Потом появились шаровики. Я подозвала их и направила к дороге. Тут прилетели вы, раскрыли засаду, обстреляли ее и почти сразу всех наших солдат перебили. Потом вы повели себя странно и выпрыгнули из машин. Но когда начали рваться наши снаряды, я поняла, что вас обстреливают издалека, выпустила шаровики и сама побежала к вам.

— Все наши погибли?

— Почти все были убиты на месте во время обстрела. Еще троих уничтожила я при помощи шаровиков и лучевого пистолета, — без колебаний призналась Ресту-Влайя. — Ты не обижаешься на мои слова?

Я, как и большинство профессиональных военных, к подобным вещам не чуток. Тем более что меня интересовали сейчас обстоятельства не морального, а практического свойства.

— Нет. Итак, погибли все? Кроме меня?

— Мне трудно ответить на твой вопрос. Когда я уносила тебя в лес, все ваши лежали без движения. Скафандры на них были прожжены или разорваны осколками.

— Ты не заметила ничего странного?

— Какого рода странное я должна была заметить?

— Кто-нибудь из наших солдат горел? С ног до головы? То есть... было такое впечатление, что он окисляется с бурным выделением тепловой энергии?

— Я знаю, что такое горение. Но свободное горение в этой атмосфере затруднено, — наставительно сказала Ресту-Влайя.

— Вот именно! Никто не горел так, будто со стороны специально нагнетали кислород?

Я пытался выяснить, не была ли Ресту-Влайя свидетельницей катализации активанта.

— Нет. А почему ты спрашиваешь?

— Мне важно знать, как умерли мои люди, — обтекаемо ответил я.

— А потом ты будешь плакать? — поинтересовалась Ресту-Влайя. Похоже, она расценила мое подозрительное любопытство как проявление чувствительности.

— Может быть.

«Неужели я ошибся насчет активанта? Может, я видел всего лишь неизвестное нам ручное животное тойлангов?»

— Твоя еда готова. Что будешь делать первым: есть или плакать?

Я не сдержал улыбки.

— Пожалуй, сперва поем.

Поглощать пищу пришлось не самым изящным образом. Я откидывал забрало и быстро запихивал себе в рот шоколадку, галету или большой кусок бастурмы. После чего немедленно восстанавливал герметизацию и ожесточенно жевал, поражаясь, как все-таки громко у меня хрустит за ушами.

Это повторно вернуло меня к воспоминаниям о детстве. Архиполезные рисовые хлопья в поглощал именно так: набив рот до отказа, на несколько минут впадал в жевательные медитации. Что, разумеется, моими родителями не поощрялось. А бабушка попустительствовала: Искандерчик не торгуется по поводу каждой ложки — и на том спасибо.

Ресту-Влайя тоже питалась. Нахимичив в синтезаторе длинных фиолетовых палочек, она грызла их, как кролик: быстро-быстро щелкала челюстями, проталкивая палочки в пасть экономными, точными движениями.

— Хорошо, что меня родственники сейчас не видят, — заметила она.

— Почему?

— Неприлично есть на виду у соревнителя владения пространством.

— Можешь утешиться тем, что я тоже сейчас выгляжу очень глупо по меркам моей цивилизации.

— А в чем твоя глупость?

— Мы редко едим по три куска шоколада за один присест.

— Шо-ко-лад — это? — Ресту-Влайя указала на бастурму.

— Нет. Шоколад я уже весь съел.

— Понятно... Да где же шаровики?! — неожиданно вспылила она. — Я же их вызвала давным-давно!

— Да оставь ты их... — начал я, когда...

...Когда из-за массивного дерева, шагах в десяти за спиной Ресту-Влайи, бесшумно вышел... сказать точнее, вытек размытый человеческий силуэт. На его груди висело ожерелье.

Ожерелье из шаровых молний.

Активант.

Струи дождя чурались активанта, старательно огибая его голову и плечи, будто над ним был раскрыт невидимый конический зонт. В тот же миг я обнаружил, что самая крупная молния, похожая на за-

мороженную модель воздушного термоядерного взрыва, выпала из ожерелья в подставленную активантом ладонь.

В верхней части бесформенного лица активанта раскрылись две лохматые воронки с хищными красными звездочками на дне. Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Предатель! — выкрикнул он.

Удивительно, но я тут же узнал его. Это был Адам Байонс, сержант активантов. Один из трех, с которыми мы попали в засаду. Выходит, все-таки не я один выжил.

В этом крике было все. Байонс узнал меня. Байонс слышал, как мы мирно болтаем с Ресту-Влайей словно старые знакомые. Байонс отказывался признавать во мне своего начальника, полковника Эффендишаха.

Зная Байонса, было легко понять, что первым делом он выстрелит. Вторым делом тоже выстрелит. И еще добавит.

А потом уже будет разбираться, что делать с трупом тойланга и обожженным, едва живым полковником. А может — и неживым.

Дилемма, которая мучила меня с той самой секунды, когда я заметил преследователя, разрешилась сама собой.

А Ресту-Влайя ее и вовсе не решала. Еще даже не успев обернуться, она выхватила лучемет и выстрелила на звук. Мое сознание успело зафиксировать, что она попала прямо в центр иноматериального тела Байонса, но это, как и следовало ожидать, не причинило активанту видимого ущерба.

— Падай! — заорал я и, вложив в бросок все силы, врезался в Ресту-Влайю.

Получился классический захват за ноги с броском — как в футболе Америки. Была когда-то такая игра, была такая страна.

Мы оба повалились на землю.

Над нами прожужжала шаровая молния, накачанная энергией активанта. Ударившись о дерево, она взорвалась.

Мой взгляд упал на боевой топор Ресту-Влайи. Заветное кольцо-катализатор было совсем близко ко мне. Стоило только протянуть руку!

Но железко топора, увенчанное кольцом, выскользнуло прямо из-под моих пальцев.

Ресту-Влайя проворно завладела топором. С яростным криком она отшвырнула меня и сама откатилась в сторону.

Вторая молния взорвалась там, где нас уже не было, превратив синтезатор в горелое барахло.

Я вскочил на ноги и с ужасом обнаружил, что Байонс уже совсем близко. Ресту-Влайя, перебросив сектор мощности на максимум, выстрелила в него с расстояния двух шагов.

Если бы не поляризованное стекло моего забрала, я бы, наверное, ослеп. Как вспышку пережила Ресту-Влайя — не могу вообразить. За спиной Байонса несколько деревьев превратились в шипящие уголья, облако пара — по-прежнему лупил ливень! — почти полностью скрыло фигуру активанта.

Он был уверен в своем абсолютном превосходстве.

Он не выстрелил в воительницу струей раскаленного воздуха под давлением в тысячу атмосфер. Он не убил ее шаровой молнией. А ведь это было в тот момент так легко!

Байонс промедлил пару секунд. Ошарашенная Ресту-Влайя, которая просто не догадывалась, с каким демоном имеет дело, покосилась на меня. В ее взгляде читался немой вопрос: *«Кто это?»*

— Байонс, не надо убивать ее. Я приказываю...

Я не закончил.

Ресту-Влайя с самоубийственной отвагой шагнула вперед и рубанула активанта топором. Сверху вниз! От плохо оконтуренного темени до утонувшего в мареве паха!

Байонс шагнул вперед. И...

Гром и молния!

Ресту-Влайя совершила чудо. Горячий студень, являвшийся в тот миг зримой формой человеческой матрицы Байонса, издал звук слоновьего поцелуя — так остатки воды уходят в горловину раковины. И со скоростью неуправляемой ядерной реакции схлопнулся в обычного, «холодного» Байонса — человека из плоти и крови!

Отгулявшийся активант был облачен в скафандр с герметизированным забралом — как и положено. В ходе катализации активант уносит с собой в «горячий» режим до тонны сопутствующей массы, которая часто, хотя и не всегда, восстанавливается в первозданном виде. Бесследно исчезает только кольцо-катализатор.

Инстинкты Ресту-Влайи опережали ее эмоции. Два энергичных взмаха топора — и Байонс упал замертво с разбитым забралом.

Я редко теряюсь. Но то, что произошло, опровергало разом мои представления о современной войне и теории вероятностей. Я остолбенел.

Чего не скажешь о Ресту-Влайе. Убедившись, что с Байонсом покончено, она резко обернулась ко мне и, держа топор на отлете, заорала:

— Где остальные?! Сколько их?!

Я молчал.

— Клянусь Кометой, сейчас здесь будут два мертвых человека!

Я хихикнул.

— Что?! Не слышу?!

— А как же замок?

— Какой замок, красный ты носач?!

— Плавающий. Плавающий замок. И звездолет. Забыла? Я — твой звездолет и четыреста четыре свитка древней поэзии.

Будь на ее месте человек, после таких слов он бы меня точно прикончил. Ради красоты жеста.

Но для Ресту-Влайи аргумент был выбран оптимально. Ее свирепость сразу же пошла на убыль.

— Ты сын триедино совокупляющейся самки, — проворчала она. — Зачем ты на меня напал?

— Я на тебя не нападал, дочь дуры, а убирал твою башку с директрисы огня. Первый шаровик был твой. И, как ты могла заметить, не вполне обычный шаровик.

— А это был не вполне обычный человек? — Она махнула рукой в сторону Байонса.

— Не вполне.

— У вас таких много?

— Предостаточно. — Я через силу ухмыльнулся, на самом деле мне было тошно.

— Пожалуй, вы можете выиграть войну, — рассудительно заметила Ресту-Влайя. — И все-таки ответь: на меня еще нападения будут?

— Не могу тебе сказать. Думай сама.

— Я понимаю. Сейчас ты огорчен гибелью своего товарища и не хочешь говорить. Можешь оплакать его.

Я не возражал.

Он все-таки был моим солдатом. Проклятая война.

В этой истории с Байонсом было много странного. Можно сказать: сплошные странности. Но, поразмыслив, я пришел к выводу, что полковник разведки в моем лице может все. Даже объяснить необъяснимое.

Первая причина, по которой Байонс-активант мог превратиться в Байонса-человека, была тривиальной: окончание отпущенного времени стабилизации Кванта Аль-Фараби. Величина это произвольная, регулировать ее наши биотехнологи так толком и не научились. То есть можно было предположить, что охлаждение Байонса случайным образом пришлось на те самые секунды, когда Ресту-Влайя размахивала топором. И никакой причинной связи между этими событиями нет.

Вторая гипотеза основывалась на том, что причинная связь есть. Выстрел из лучемета на максимальной мощности, удар топора и (вот что важно) контакт Байонса-активанта с моим кольцом-катализатором на железке топора — роковыми стали именно эти события все вместе или какое-то одно из них.

Пока я размышлял и копал могилу, Ресту-Влайя занималась вот чем. Она с видом следователя из военной прокуратуры разгуливала по, так сказать, месту происшествия и что-то вымеряла. И шагами, и лазерным дальномером. Еще она внимательно рассматривала глубокие звездообразные ожоги, оставленные на стволах деревьев шаровыми молниями.

Наконец она остановилась прямо надо мной и осведомилась:

— Это что за ямка?

— Могила.

— Вспомнила. Вы хороните своих в земле. Руками ты будешь копать до зимы.

— У высокородной есть другие предложения?

— Если бы работал лучемет, были бы. Но я тебе и без лучемета помогу.

Она вытащила из своего костюма приборную панель, при помощи которой собиралась управлять шаровыми молниями.

— Не жалко?

— Игрушка. Дома таких много.

Ее импровизированная лопатка оказалась на удивление производительной. Мы управились довольно быстро. Правда, могила получилась неглубокой и ее сразу залило водой.

— Мой синтезатор тоже можно похоронить, — некстати брякнула она.

— У меня нет настроения для шуток.

— Ты не понял. Нам теперь нечего есть. А тебе скоро станет нечем дышать.

— Боже мой...

Мне на мгновение показалось, что вот, вот она, ирония судьбы! Байонс все-таки убил меня, полковника-предателя, хотя вовсе и не так, как рассчитывал. Что ж, то-то его душа посмеется.

И тут же, подумав о Байонсе, я осознал, что его останки — это не только тело, но еще и скафандр!

А в скафандр встроен фильтр, который способен жрать местную углекислоту хоть целую неделю, выдавая вполне сносный воздух — правда, почти без азота, но кому он нужен?..

При первом, поверхностном осмотре я обратил внимание только на то, что скафандр Байонса располосован осколками. Мой сержант, судя по всему, успел надеть кольцо-катализатор, будучи уже тяжело ранен. (Применительно к активанту корректнее сказать — поврежден.)

К счастью, его фильтр в отличие от моего оказался цел и невредим.

— Вот эта штука поможет мне дышать, — сказал я Ресту-Влайе.

— Судьба тебя любит.

— Тебя тоже.

Я имел в виду, что выстоять против активанта — это нечто большее, чем везение.

Поняла она меня или нет — не знаю.

Когда мы похоронили Байонса, Ресту-Влайя прикоснулась к моему локтю и сказала:

— Я все проверила. Ты был прав. Твой солдат действительно имел возможность убить меня.

— Стал бы я врать.

— Выходит, ты спас мне жизнь. Зачем?

— Это невозможно объяснить. Единственное, что могу тебе сказать, — не от большой любви к тойлангам.

— Хорошо. Давай отдохнем четырнадцать тиков и пойдем дальше.

— Годится.

Не глядя под ноги (везде были лужи, выбирать не приходилось), я лег на спину и сладко потянулся. Ресту-Влайя последовала моему примеру.

Я лежал сперва с открытыми глазами, потом прикрыл их, потом начал впадать в блаженную дремоту. Но полноценно отдохнуть Ресту-Влайя мне не дала.

— Хочу спросить, — сказала она.

— Изволь.

Я приподнялся на локте.

— Что это такое?

Она похлопала себя по поясу. Там в числе прочих трофеев висел мой инъектор.

Все военные знают наизусть правила поведения в плену у инопланетян. Разрешается назвать свое имя, пол, биографические и биологические данные (например: дышу кислородом, питаюсь молоком). Разрешается говорить на общие темы, выставляющие Сверхчеловечество миролюбивой и толерантной расой. Все, что касается вооруженных сил, — секретно. Технология — секретна. И еще: история человечества до двадцать второго века — секретна.

Вопрос Ресту-Влайи насчет инъектора был явно технологическим. Отвечать на него я вроде бы не имел права.

Ну а с другой стороны — невежливо отказываться от беседы. Невежду тойланг и пристрелить может.

— Это устройство предназначено для того, чтобы вводить в кровь различные химические препараты, — ответил я.

— Целебные?

— Да... Целебные.

— Чувствую, ты говоришь неправду. — С этими словами Ресту-Влайя сняла инъектор с пояса и взвесила его на своей шестипалой ладони.

— Ты проницательна. Я сказал неправду.

В разговоре с тойлангами главное — всегда признавать свои ошибки. И побольше лести!

— Скажи правду.

«Подумаешь, инъектор! Да это любому тойлангскому эксперту по землянам известно! Никакой тайны не выдам, если объясню», — решил я.

— При помощи этого устройства я потребляю новостные пилюли. Новостные пилюли — это...

Я объяснил.

Ресту-Влайя задумчиво хрюкнула. У тойлангов две обонятельные ноздри расположены там же, где у человека, а еще две ноздри — атавистические — на затылке. Они служат для охлаждения мозга. Ими-то задумавшийся тойланг и похрюкивает.

— Неясно. По-моему, снова уклоняешься от правды. Как молекулы могут превращаться в мысли?

— Не в мысли (дурочка — прибавил я про себя), а в образы! Точнее даже так: импульсы, которые идут по нервам от органов чувств...

Я говорил довольно долго — насколько мне хватило познаний в биохимии и тойлангском языке.

— Теперь ты говоришь правду, — признала Ресту-Влайя и, подумав еще немного, добавила: — А не лучше было бы прочесть книгу вместо того, чтобы вводить себе в кровь такой опасный препарат?

— Книгу надо еще написать, а пилюли наша техника синтезирует автоматически. В книге не будет ничего, кроме текста, а в пилюлях есть звук, зрительные образы, осязание, обоняние...

— Это все не к добру.

— Почему?

— Вредно подменять естественную правду, поступающую от органов чувств, искусственной ложью.

«Ну разве что с философской точки зрения», — подумал я, начиная скучать. Но, изображая заинтересованность, ответил:

— Пойми, это всего лишь способ быстрого получения информации, которую другими путями пришлось бы воспринимать в сорок, а иногда и в сто раз дольше. Я уже сказал, что информационные гипервирусы сохраняются в крови совсем недолго. В ваших временных единицах — пять—восемь тиков.

— А если бы гипервирусы в вашей крови сохранялись долго?

— Это невозможно. Насколько я знаю биохимию...

— И все-таки ответь: если бы сохранялись долго? Четыреста сорок тиков? Или сорок тысяч четыреста тиков?

— Тогда... тогда, в зависимости от конкретной информационной программы, вписанной в гипервирусы...

Я попытался представить себе — каково это: пробыть сутки, а то и неделю в психопространстве новостной пилюли. Картинки получались жутковатые.

— Что? Что будет тогда? — не унималась Ресту-Влайя.

— Не знаю, — сдался я. — Человек будет жить в иллюзорном мире. В то время как его тело будет покоиться без движения. Когда начнется истощение организма, возможно, сработают какие-то экстренные аварийные механизмы. Допускаю, что базовые инстинкты победят и тело человека вслепую, на ощупь, отправится попить водички — чтобы не умереть от обезвоживания. В то время как его сознание будет по-прежнему переживать синтезированную программу. Возможно еще много разных вариантов. Я не специалист, ответить тебе исчерпывающим образом не могу.

— Хорошо. И после этого ты продолжаешь утверждать, что гипервирусы безопасны?

— Они совершенно безопасны. Ученые предусмотрели все мыслимые варианты поведения гипервирусов в крови человека. Они эффективно уничтожаются иммунной системой в любом случае.

— Тогда доставь мне удовольствие. — Ресту-Влайя протянула мне инъектор.

— Ты хочешь, чтобы я принял новостную пилюлю?

— Да.

«А ведь она не знает *что именно* нужно для ввода новостных пилюль! — осенило меня. — Значит... Значит ничто не мешает мне...»

— Подай мне, будь добра, вон ту коробочку... Благодарю...

«Ну что, полковник Искандер Эффендишах... Сейчас или никогда!» — сказал я себе и, не изменившись в лице, продолжил:

— Так, а теперь сними со своего топора вон то кольцо.

— Зачем?

«Уклоняться от прямых ответов! Во что бы то ни стало!»

— Ты слишком подозрительна и слишком любопытна. Ты хочешь, чтобы я сделал себе инъекцию? Или без лишних проволочек пойдем дальше?

Ресту-Влайя повиновалась. После встречи с Байонсом она имела некоторые основания доверять мне, не так ли?

Я взмолился, чтобы мое многострадальное кольцо не оказалось намертво пригоревшим к железку топора. К счастью, оно держалось на наконечнике лишь за счет трения. Ресту-Влайя с третьей попытки сняла его и дала мне.

Я взял кольцо. Рука моя не дрогнула.

Оно было сплющено, на его некогда матово-серой поверхности появилась синюшная окалина и несколько ржавых пятнышек кро-

ви. Я осторожно сжал кольцо двумя пальцами, добиваясь, чтобы оно приобрело форму, близкую к изначальной.

В итоге кольцо-катализатор превратилось в квадрат со стороной под два сантиметра. Но уродский дизайн и безразмерный размер меня не смущали. Для того чтобы кольцо послужило катализатором «горячего» режима, требовалось лишь символически надеть его на любой из пальцев до упора.

— Так, теперь смотри, как это делается...

С этими словами я надел кольцо на средний палец правой руки.

Ресту-Влайя не сводила с меня глаз.

Я не сводил глаз с кольца.

Ничего не произошло.

Совсем ничего.

Катализатор не работал.

Оставалось лишь делать вид, что так и надо.

Я зарядил новостную пилюлю в инъектор и безучастно наблюдал, как она превращается в прозрачную будто слеза водичку.

Конец. Это конец.

Спасения нет.

И все-таки повстречаться с дружиной ее двоюродного брата мне было не суждено.

Прошли еще два времени суток. Лес сменился лабиринтом коралловидного кустарника. Вдали торчали белые башни, сотканные из облаков, которые, казалось, вырастали прямо из земли и уходили в серые тучи. Таких облаков я не видел ни до, ни после. Это были выбросы мусорной материи над тойлангскими стрельбовыми телепортерами в районе замаскированного под заурядную сопку объекта, который впоследствии получил в наших документах название «Оазис Мальстрим».

Да-да, то, что не удалось Сверхчеловечеству, было, как оказалось, достоянием цивилизации тойлангов. На Утесе наша армия впервые столкнулась со стрельбовыми телепортерами, через которые тойланги перебрасывали прямо с Эрруака свои дружины и их амуницию. Отсюда взялось самоуверенно-ироническое «Ресту-Влайя не летает», именно при помощи телепортера она намеревалась убраться с планеты восвояси. Что ей и удалось — только без меня.

Но когда мы, качаясь от усталости, стояли на опушке леса, я ничего не знал об Оазисе Мальстрим. Просто смотрел на сгущенное молоко дивных облаков и прикидывал, суждено ли мне в этой жизни когда-нибудь поспать на нормальной кровати, а поутру съесть пару ложечек хотя бы вот сгущенного молока.

— Я ложусь спать, — сказала Ресту-Влайя.

Не успел я промычать что-нибудь вроде «спокойной ночи», как она завалилась на бок. Похоже, она крепилась до последней секунды в надежде, что мы вот-вот дойдем до тойлангских передовых дозоров. Но не рассчитала силы и мгновенно отключилась, даже не позаботившись о том, чтобы связать меня своей чудо-лентой.

Допускаю, что после встречи с Байонсом у нее возникли излишне романтические представления о моей персоне. Что я привязался к ней, как к родной мамочке, внутренне преобразился и мечтаю остаток жизни провести в обществе тойлангов. А возможно, она была уверена, что мне не хватит смелости пойти куда глаза глядят. Ведь до тойлангских передовых дозоров и впрямь было уже очень близко, а где находится наш десант, оставалось лишь гадать.

Я постоял над ней. Послушал, как она посапывает во сне.

Прикинул, имеет ли смысл попытаться завладеть ее топором. Проснется? Не проснется?

Игра не стоила свеч. Мне все равно не хватило бы духу пустить его в ход против Ресту-Влайи. А таскаться с лишней тяжестью мне не светило.

Я зашел в лес, сорвал два гриба — с желтой и красной шляпками. Загадал, что если красная шляпка упадет правее желтой, то пойду направо, и наоборот.

Подбросил шляпки, ознакомился с результатами гадания и пошел налево — держась под деревьями метрах в тридцати от опушки.

Не скажу точно, сколько я шел. Наверняка не так долго, как мне казалось. От жажды я не умер, а ведь отсутствие питьевой воды было первейшей гарантией того, что полковник Эффендишах больше сорока восьми часов не нагуляет.

Помню только, как в голубом мареве Кетрарии А увидел огромную перепаханную поляну, наши инженерные танки и два тяжелых коптера, закрывших полнеба...

Меня вывезли на госпитальный транспорт Пятого Флота, отпаивали и откармливали, а потом потребовали объяснений. Я изложил все очень близко к фактам, даже не нашел возможным скрывать историю с Байонсом. Опустил только две-три подробности — совсем уж незначительные с точки зрения разведки.

Мои действия в плену признали в целом адекватными, но капитан первого ранга Алонсо ар Овьедо де Мицар счел крайне подозрительной ту легкость, с которой я убежал от Ресту-Влайи. За это уцепились и поставили мне в вину задержку катализации активантов в бою на просеке. И предложение об эвакуации десантного корпуса сочли пораженческим. Даром что к тому моменту, когда я смаковал

в госпитале куриный бульон, от корпуса осталось два полка, а на Утесе сражалось несколько свежих соединений.

В итоге я лишился дубовых листьев и оказался на «Бетховене».

5

ГОЛОВА — НА ШЕЕ, ВОЗДУШНЫЙ КРОКОДИЛ — НА ПРИВЯЗИ

«Аль-Тарик» на связи. По приказу Ставки атаковал Франгарн-164 торпедами. Веду бой с превосходя...»

Сообщение обрывалось на полуслове.

Я весь ушел в воспоминания о своих злоключениях на Утесе. Поэтому воспринять одновременно две новости — хорошую и плохую — был совершенно не готов.

Медленно, сомнамбулически перечитал ленту дважды.

«Вот черт!» — до меня наконец дошел смысл написанного.

Хорошая новость заключалась в том, что тайм-аут закончился и родной крейсер снова в эфире, хотя я уже на это и не надеялся. А плохой новостью было то, что «Аль-Тарик» выпустил торпеды по Комете.

Вне зависимости от результатов стрельбы это означало ответное уничтожение крейсера патрульными кораблями тойлангов. И скорее всего ставило крест на переговорах и на Земле-матушке заодно.

«Веду бой с превосходя...»

Похоже, тайм-аут, в который без предупреждения провалился «Аль-Тарик», на этот раз рисковал стать бессрочным.

И куда запропастился этот Дурново?

Делать в узле связи было больше нечего. Я на всякий случай настроил автоответчик. Надиктовал несколько сообщений в зависимости от ранга вероятного (на самом деле — невероятного) запроса и вышел из узла связи.

В нашем правительстве-на-час собрались идиоты. Умные в малом, глупые в большом. Раз ответ будет дан в День Кометы, значит, Комету надо уничтожить. Чтобы — что? Сами небось не понимают что.

Но нельзя не признать: это самая экстравагантная попытка затянуть переговоры в истории войн.

Быстрым шагом, срывающимся на бег, я миновал несколько дверей и в конце коридора свернул налево, по указателю с красным крестом.

В медицинском отсеке сидели Дурново и Галеацци. Последний был бледен как полотно, но смотрелся уже не живым мертвецом, а скорее прозаическим раздолбаем, который с вечера перебрал синтетического пива. Облачен он был, как и положено пациенту, в трусы, тапочки и прозрачный пластиковый комбинезон.

Полковник и берсальер о чем-то достаточно мирно беседовали. Когда я вошел, Галеацци как раз говорил:

— ...ничего. Уверяю вас, ничего, кроме новостных пилюль.

— Еще раз здравствуйте, господа, — сказал я, как мне показалось, вполне приветливо. Но, вероятно, я был совершенно вне себя и полковник сразу понял, что произошло нечто из ряда вон выходящее. Хотя, казалось бы, куда уже дальше?!

— Что случилось, Искандер?

— Думаю, «Аль-Тарик» накрылся.

— Как?!

Я изложил содержание последнего сообщения и свои комментарии к нему.

— А теперь, господа, я предлагаю подняться на обзорную площадку. Если торпеды «Аль-Тарика» достигли цели, мы имеем шансы убедиться в этом воочию.

— Идемте. — Полковник поднялся и сделал пригласительный знак берсальеру. — Кстати, мы тут с Джакомо имели очень интересную беседу.

— Про «Мерсию» узнал? — бросил я через плечо, выходя из медицинского отсека.

— Первым делом, — ответил Дурново. — Рота «Мерсия» охраняла координационный центр «Пояса Аваллона». А еще была Первая Отдельная рота «Кент», которая стерегла непосредственно блок-крепости.

— Я счел нецелесообразным сохранять военную тайну в сложившихся обстоятельствах, — ввернул Галеацци.

— Понятно. Охрана «Пояса Аваллона». Что-то подобное я предполагал. А фамилию Смыгла вы, Галеацци, слышали?

— Нет, — ответил за берсальера Дурново. — Я уже спрашивал.

Мы зашли в лифт.

— А что значат слова «Мерсия» и «Кент»?

— Так назывались два англосаксонских королевства в Британии времен короля Артура. А Аваллон — это такой мифический...

Лифт тронулся.

— Насчет Аваллона я в курсе. Скажите, капитан Галеацци, вы в плену были?

— Конечно же, нет, господин бригадный генерал! — Берсальер так возмутился, что у него чуть дым из ушей не повалил.

— Ничего постыдного. Я, например, в плену был.

— Вы... вы, господин бригадный...

Галеацци не находил слов. Дурново недоуменно помалкивал. Задавать берсальеру вопросы насчет плена ему явно не приходило в голову. Ведь досье о подобном факте умолчать не смогло бы, а коль скоро в досье нет, значит...

Лифт остановился. Дверь открылась, но выходить я не спешил.

— Поставлю вопрос иначе. Вам, Джакомо, не случалось терять амуницию на поле боя? Скафандр? Оружие? Личное имущество?

— Ну, всего не упомнишь... — задумался берсальер. — Скафандр я, конечно, не терял... Но такие передряги случались, что страшно вспомнить. Однажды у меня взрывной волной из рук выбило «Гоч». Мы уходили из-под обстрела, искать оружие было некогда. Командование сочло, что проступок незначительный. Я отделался устным выговором.

— На какой планете вы его потеряли?

— Кодовое название Утес, система Кетрарий.

Да, на это я во время чтения досье обратил внимание: мы с ним дважды топтались по одним и тем же планетам, только в разных фазах операций. Например, на Утес его роту десантировали, уже когда я сидел в карантине и строчил отчеты о своем платоническом романе с Ресту-Влайей.

— Только «Гоч»?

— Да практически. С меня еще навесной контейнер сорвало. Со всякой мелочью.

— А где именно произошел этот случай? Часом, не в окрестностях Оазиса Мальстрим?

— Именно там.

— Ну вот, теперь по крайней мере понятно, откуда тойлангам известно его имя, — усмехнулся я, повернувшись к полковнику.

— Понятно?

— Ну, ты же должен знать, что «Гоч» — именное оружие. Во всех смыслах. Его память содержит персональные данные и формулу ДНК владельца. Вдобавок многие берсальеры лепят на рукоять «Гоча» миниатюрную табличку, где выгравированы всякие глупости. Вроде «Любимый мальчик Джакомо Галеацци».

— На моем было «Джакомо Галеацци парень хоть куда», — уточнил берсальер.

— То-то и оно.

— Теперь понятно, — кивнул Дурново. — И все равно нелегко поверить, что тойланги так вот запросто нашли его «Гоч».

— Могли. Оазис Мальстрим тойланги обороняли как родную столицу. Их контратаки были весьма успешны. Поэтому неудиви-

тельно, что после одной из них на отбитых у берсальеров позициях они подобрали этот злосчастный «Гоч» и выведали о его владельце буквально все.

— А что из этого следует?

— Следует, что мы узнали еще что-то, чего раньше не знали. Верно, капитан Галеацци?

— Я ничего не понимаю. Совсем ничего, — развел руками берсальер.

— Я тоже, — сказал я и мы наконец вышли из лифта.

Мы находились на макушке башни, которая в отличие от бункерообразного главного корпуса посольства в лучшие дни задумывалась как самоценный архитектурно-художественный объект и заодно носитель наглядной агитации. Башня, точно римская триумфальная колонна, была обвита спиралью ленточного барельефа, повествующего о становлении и лучших достижениях Сверхчеловечества (с точки зрения Сверхчеловечества, конечно).

От амебы до питекантропа, от питекантропа до изобретения колеса, от колеса до приручения лошади... Водяные мельницы... Ветряные... Каравеллы Колумба... Паровая машина Уатта...

Дойдя примерно до середины башни, барельеф с пугающей многозначительностью обрывался. Привезти и установить керамические сегменты с уже готовой верхней частью не успели — началась война.

Не было локомотивов и аэропланов, компьютеров и Гагарина, «Аполлонов» и «Вояджера», не было великих символов термоядерного синтеза и преобразования Аль-Фараби, формул Единой Теории Поля и универсального фага.

Вот такая это была башня. История науки и технологии заканчивалась на ней где-то между 1800 и 1900 годами.

А духовная история и не начиналась. Будто и не было ее.

На вершине башни, накрытой многослойным стеклянным куполом, находилась обзорная площадка, снабженная различным «наблюдательным», а на самом деле шпионским оборудованием.

Мы до рези в глазах всматривались вдаль. Там, над горизонтом, пылала Комета. Хотя на меридиане посольства стояла глухая ночь, было светло, как в Ширазе зимним утром. Край кометного хвоста уже вошел в верхние слои атмосферы Эрруака и через все небо тянулись белесые нити — следы крохотных ледяных метеоритов.

Я подошел к электронному всережимному телескопу и навел его на Комету. Настроил фильтры, отсекающие атмосферное рассеяние. Разделил картинку на оптическую, инфракрасную, рентгеновскую.

Во всем спектре ядро небесного тела выглядело целым и невредимым.

— Ну что же, господа. «Аль-Тарик» приказ Ставки выполнить не смог. За что ему спасибо.

— А самого «Аль-Тарика», случайно, не видно? — полюбопытствовал Дурново.

— Смеешься? От него скорее всего и облачка не осталось. Даже если бы я знал, какие у него были координаты...

— Прошу прощения. С нами, кажется, хотят поговорить, — перебил меня Галеацци.

Посольство наше стояло на отшибе, в нескольких километрах от столицы, опоясанное двумя полосами отчуждения. Снаружи находилась тойлангская охрана, контрольно-пропускной пункт и стоянка для экипажей, на которых только и разрешалось перемещаться землянам по территории Эрруака. Экипажи были запрограммированы так, что сами привозили послов в Управление Пространств Удаленных, а потом увозили обратно в посольство. Фактически это были передвижные тюремные камеры, пусть и достаточно комфортабельные.

Вторая полоса отчуждения находилась внутри первой и являлась уже нашей, земной линией обороны. Когда-то там, обмениваясь с минами и ловушками кодированными сигналами опознавания, блуждали вооруженные до зубов кибермехи. Но частные дружины, игнорирующие распоряжения центральной власти, дважды брали посольство штурмом — из спортивного интереса. В итоге от наших охранных систем мало что осталось.

Пока мы с Дурново рассматривали Комету, берсальер спустился с небес на землю и обратил внимание, что возле тойлангского КПП садится разномастная стая левитирующих аппаратов. Среди них были четыре пассажирских экипажа разных моделей и танк-истребитель. К этому следует прибавить несколько диковинных самоходных орудий, каких в колониях нам встречать не приходилось, и десяток одноместных «мотоциклов».

Над танком-истребителем развевался огромный штандарт. Его символика была видна даже невооруженным взглядом: боевой топор и четыре белых лотоса в зеленом поле.

— Войска не правительственные! — изумился Дурново.

— Это как посмотреть. — Я покачал головой. — Знамя принадлежит роду финь-Рэхан финь-Цвэр. Что приблизительно и значит «Топоры и Лотосы». На борту «Кавура», пока ты нашими досье шуршал, я читал свежие разведотчеты. «Топоры и Лотосы» за последние полгода резко усилили свои позиции в структурах центральной власти. Сейчас правительство тойлангов и финь-Рэхан финь-Цвэр — почти одно и то же.

— Военный переворот?

— Наши теряются в догадках. Вроде бы все произошло совершенно мирно. Просто вдруг выяснилось, что все ключевые Управления возглавляются выходцами из этого рода.

— Мне, наверное, надо переодеться? — предположил Галеацци. — Или мы не намерены впускать их в посольство?

— Если мы их не впустим, они въедут к нам в холл на танке. Быстро вниз. Надеюсь, к нам пожаловала не расстрельная команда.

«Топоры и Лотосы» были облачены в парадную боевую форму, а потому и впрямь походили на офицеров SS старогерманского Третьего Рейха в масках крокодилов. Оно и понятно: атмосфера внутри нашего посольства была земная и они предусмотрительно облачились в аналоги наших легких скафандров.

В качестве такого аналога тойланги часто используют «вторую кожу» — квазиживое образование, которое плотно обволакивает их тело, гарантируя от контактов с враждебной средой. Уже поверх «второй кожи» тойланги надевают одежду, а голову защищают устрашающей зубатой биомаской, в которую встроен дыхательный аппарат.

Через входной шлюз соизволили войти четырнадцать персон. Прочие, численностью до полуроты, остались снаружи, направив на стены посольства разнообразные орудия убийства и разрушения.

Первыми вошли два знаменосца, которые сразу же окаменели по сторонам от входа. Одиннадцать стрелков с оружием наготове рассыпались по стенам. Четырнадцатый тойланг, вооруженный только топором в заспинном чехле, был, надо полагать, переговорщиком.

Поверх его шикарных одежд, на черной цепи из квадратных звеньев, висел высший тойлангский орден «Совершенное Управление» — фантасмагорическая плеяда драгоценных каменьев, залитых эрруакским хрусталем-невидимкой.

— Искандер, здравствуй, — сказал он.

Речевой эмулятор его биомаски издавал леденящие кровь звуки, за которыми интонации живой речи полностью терялись. Несмотря на то что приветствие было вполне мирным и даже неформальным, мне показалось, что меня намерены съесть на месте.

— Народ Земли в нашем лице доводит до сведения владетелей пространства, что пришел с миром, — сказал я скучным голосом.

У меня работа теперь такая: скучная, посольская. Они мне «ты», а я им — официальную формулу! Чтобы придраться было не к чему.

— Искандер, не до церемоний. Атака вашего крейсера против Кометы вывела моих родственников из себя. Особенно неистовствует мой двоюродный брат, который теперь является моим брачным контактером.

«Брачный контактер» — это муж по-нашему.

— Ресту-Влайя?.. — Мои брови взмыли на лоб.

— Да. Нам надо поговорить наедине.

— Что ж, идем... Господа, вы, пожалуйста, останьтесь здесь, — обратился я к Галеацци и Петру-Василию. — Пока что все нормально.

— Я же по-тойлангски понимаю. Если только не стихоречь, — мрачно сказал Дурново. — Вижу я, как все нормально. Вот она какая, твоя амазонка. «Совершенное Управление» носит... А в досье написано, что она добивалась на Утесе скромного офицерского патента.

— Я удивлен не меньше твоего, — прошипел я и повел Ресту-Влайю в приемный кабинет посла.

Как и Ресту-Влайя, я был в этом кабинете впервые в жизни. Дюжина часов, проведенных на Эрруаке, не предоставила мне ни одной свободной минуты для того, чтобы обойти все помещения посольства. А ведь это следовало сделать — хотя бы ради того, чтобы не позориться перед высокой гостьей.

Пол, столы, кресла — все здесь было покрыто черной пылью неясной природы. Элегантный шкаф, заставленный представительскими подарками — бронзовыми астролябиями и дубовыми глобусами, стилизованными под эпоху Великих Географических Открытий, — был оплетен сетью трещин. Вероятно, стреляли ультразвуком. Этажерка с шикарными книгами (сафьяновый переплет, золоченый обрез) лежала на боку, фолианты валялись по всему кабинету.

Разумеется, эти книги никто ни разу не открывал. Они, как и представительские подарки, попали сюда по воле дизайнеров, которые умудрились продать нашему дипломатическому ведомству самый дорогой вариант интерьера из имевшихся в каталоге.

Я подобрал первую попавшуюся книгу, вырвал из нее несколько листов, скомкал их и наспех стер черный налет со стола и двух кресел — мягкого и жесткого, тойлангского.

— Извини за беспорядок. Присаживайся.

— Буду откровенна, — сказала Ресту-Влайя, последовав моему приглашению. — Когда ваш крейсер обстрелял Комету торпедами, мне стоило больших усилий оттоворить родственников от немедленного удара по Земле. Спасибо судьбе, ты здесь. Я знаю тебя как человека, которому можно доверять. Если бы не твое присутствие, мои родственники уже позволили бы своему народу насладиться мщением.

Ресту-Влайя говорила вещи страшные, но, увы, ожидаемые. Однако мне хватило выдержки, чтобы ответить достойно:

— Высокородная, не надо забывать о нашем флоте вторжения, который по-прежнему находится на исходных позициях в Треу-

гольнике Ле Дюка. Если вы начнете уничтожение Земли, наш флот войдет в систему Франгарна. Флот понесет большие потери от вашей противокосмической обороны, но мы были готовы к ним и раньше. А когда от вашей обороны останется лишь воспоминание, наши дредноуты сотрут в порошок и Эрруак, и Комету, и все остальные космические тела системы по каталогу. От номера 1 до 1319.

В том, что я сказал, было немножко правды и много блефа. Наш флот действительно мог *попытаться* атаковать Эрруак. Но оценка времени, потребного на преодоление тойлангской линейной обороны, была не в нашу пользу. Расчеты Ставки показывали, что тойланги успеют расстрелять на Земле все крупные города, а затем вывести из Солнечной системы три четверти своего флота для защиты Эрруака прежде, чем наши корабли смогут создать угрозу непосредственно родной планете тойлангов.

— У вас это называется «по-ца-луй из могилы», верно? — спросила Ресту-Влайя.

— Именно так.

Сами-то тойланги не целуются. Поэтому слово «поцелуй» в ее устах было калькой с земного Языка.

Я был изумлен.

Чтобы тойланг интересовался земной лингвистикой и прикладной антропологией? Отродясь о таком не слыхивал!

— Я пришла сюда не для того, чтобы обсуждать кто кого за-цалует до смерти. Я пришла, чтобы попытаться найти приемлемые для обеих сторон формы мщения. На основании текущей ситуации. А текущая ситуация такова, что мы можем испепелить Землю за четыре тика. В то время как вам для прорыва к Эрруаку потребуются стандартные сутки.

Что ж, в высшей степени разумно. Они все просчитали не хуже нашей Ставки. Попытки блефовать и дальше приведут только к окончательному срыву переговоров.

Я состроил скорбную мину и с тяжелым вздохом сказал:

— Мы готовы вернуть вам все оккупированные колонии и отвести свой флот в Солнечную систему.

— Мы это уже слышали. Этого мало.

— Но ваше Управление Пространств Удаленных собиралось думать до Дня Кометы!

— Обстоятельства изменились. После провокационной выходки вашего крейсера решение было принято сразу. Ваши предложения отклонены. Что ты можешь предложить еще?

— Мне необходимо связаться со Ставкой.

— Нет. Решай сам. Здесь и сейчас. И помни о судьбе гиши.

Она требовала от меня действовать на грани моих полномочий. Даже если я смогу вымучить условия мира, которые удовлетворят ее взыскательную натуру, примет ли эти условия Ставка?

— Хорошо. Мы можем разоружиться. Сделать так, чтобы корабли владетелей пространства никогда больше не боялись встретить звездолет землян.

— Корабли владетелей пространства не боялись и не боятся подобных встреч. Ни в прошлом, ни сейчас.

Вот что значит настоящее патриотическое воспитание!

— Я неправильно выразился. Это был просто оборот речи. Я имел в виду, что мы можем сдать вам все свои боевые корабли.

— Этого мало.

— Мы можем демонтировать все звездолетные верфи. Мы уйдем из космоса! Навсегда!

Я говорил страшные, крамольные вещи. Два дня назад я собственноручно отрезал бы свой язык, если б он осмелился сказать такое. Мне, бдительному стражу интересов Сверхчеловечества, было больно. Но «нет такой боли, которую нельзя вытерпеть». Глубокая книга, эти «Премудрости».

— Это уже много. Но по-прежнему мало. Искандер, моя раса воюет с вами не по необходимости, а ради удовольствия увидеть вас побежденными. Мы должны насладиться мщением. Я готова признать, что поголовное истребление твоих единоплеменников — это грубая и жестокая форма мщения. Но у нас далеко не все с этим согласятся. Для многих тойлангов, ограниченных в своем мышлении, это настоящая услада: отомстить вам через уничтожение.

Переговоры грозили зайти в тупик даже быстрее, чем я думал. Пора было срочно что-то придумывать, юлить, изворачиваться, выкручиваться, тянуть резину — в общем, заниматься настоящей дипломатией.

Может, зря наши двинули сюда Искандерчика? Сломаюсь сейчас под грузом ответственности, сорвусь, надену кольцо-катализатор... Я ведь по-прежнему активант, этого никто не отменял. Последний из.

Нет, так не пойдет. Направить разговор в другое русло — вот что надо.

— Боюсь навлечь на себя твой гнев, но скажи мне: обладаешь ли ты достаточными полномочиями? Не носит ли твой визит частный характер? В прошлую нашу встречу ты мечтала о звании Боренья Слова Передающего. И, помнится, собиралась посвятить себя высокому искусству каллиграфии. А теперь ты носишь орден «Высшее Управление» и говоришь от лица правительства!

— Это все благодаря встрече с тобой. Я принесла своему роду ценные мысли. Столь ценные, что мой род быстро возвысился и при-

вел нашу расу к победе. У меня нет официальной должности в правительстве, потому что она мне не нужна. Но мой голос многое значит для моего брачного контактера. Если мы с тобой договоримся, условия нашего соглашения будут утверждены правительством без проволочек. Слово высокородной финь-Рэхан финь-Цвэр.

Если уж Ресту-Влайя произнесла в присутствии чужака свое фамильное имя вслух, значит, по крайней мере самой себе она верила. И всеми силами стремилась показать мне, что я тоже должен ей верить.

Но доверяться Ресту-Влайе я не спешил.

— Это общие слова. Как именно возвысился твой род?

— Я подсказала им, что ваши новостные пилюли можно использовать против вас.

Неизвестные гипервирусы в крови Галеацци сразу вызвали у меня подозрение, что тойланги как-то умудрились обратить нам во вред нашу собственную психохимическую технологию. Но при чем здесь именно новостные пилюли?

— Как использовать?! Это же совершенно безобидные препараты!

— Это ты мне уже говорил там, на У-те-се. Они безобидны, пока их химсостав отвечает эталону. Но если внести в него определенные коррекции, через пилюли можно передавать любые гипервирусы.

— Например?

— Пример. Можно сделать так, чтобы человек во время приема новостей, помимо зрительных и других образов, получал дополнительную информацию, которую он осознавать не будет. Но воздействие этой информации на подсознание в сочетании с присутствием стабильных гипервирусов в крови и соответственно в нейронных цепях позволяет сформировать второй управляющий центр. Который, незримо присутствуя, заставит человека в нужное время, в нужном месте совершить некое действие. О котором он сам потом не будет помнить. А действие это может быть, например, такое, что из-за него через сутки перестанет работать жизненно важный элемент вашей нелинейной обороны. Или узел правительственной связи.

— Мне кажется, это даже принципиально невозможно.

— Полевые синтезаторы, которые превращают ядовитые грибы в шо-ко-лад, с точки зрения вашей технологии тоже невозможны.

— Ну, не то чтобы совсем невозможны... — пошел я на попятную. — Есть же они у вас! Значит, они возможны. Но очень сложны.

Ресту-Влайя, предупредительно выставив ладонь, другой рукой достала из кармашка на поясе крошечный, в четверть портсигара, проектор и поставила его на стол.

— А вот это... Это — просто? — спросила она.

По ее мысленному приказу на стене засветилось гигантское фигурно-графическое стихотворение. Распространяясь в стороны от извилистого ствола на ветвях-заглавиях, свисали тяжелые гроздья отдельных строф. Каждая буква-идеограмма была обвита собственным неповторимым узором. И если строф там были сотни, то букв — наверное, больше десяти тысяч.

— Это сложно, — признался я.

— Копия довольно неудачная. На оригинальном материале смотрится лучше.

— Но и так очень красиво!

— Благодарю. Моя кисть. Жаль, ты не можешь понять язык линий. Но ты осознаешь, что создание подобного требует большого труда.

— Осознаю.

— Ты видишь перед собой сильно упрощенную структурную формулу гипервируса, которую разработал мой род. Я создала эту каллиграфическую поэму в одиночку. Над гипервирусом трудились все мои родственники-мыслители и сотни наемных ученых. Он предназначен для формирования второго управляющего центра у разумных особей вашего вида.

— Я начинаю тебе верить. Но как вам удалось подменить новостные пилюли Галеацци и Смыглы? Смыгла ведь тоже был вашим неявным агентом?

— Конечно. Но больше я тебе ничего не могу сказать. Ты уже знаешь достаточно, чтобы понять детали.

— Один, последний вопрос!

— Так и быть, — нехотя согласилась Ресту-Влайя.

— Я... я тоже ваш неявный агент?

— Сделай себе анализ крови — и узнаешь.

Ответ, достойный начальника Бюро-9. Она здорово повзрослела за эти годы. Из заводной девчонки-скаута превратилась в настоящую дьяволицу.

Впрочем, а кем был я сам? Вот то-то.

В дальнем углу неожиданно громко хрустнули скомканные листы, которыми я вытирал черную пыль. Замечательная бумага не хотела держать приданную ей Искандером-вандалом уродливую форму. Она расправлялась из последних сопроматовских сил.

Чуткая Ресту-Влайя обернулась на звук, крутнувшись вместе с креслом.

Что-то ее заинтересовало. Она встала и, похоже, решила разглядеть «хру-стя-щие ли-сты» поближе.

Я не стал говорить банальные фразы вроде «это всего лишь бумага» или «оставь ты этот мусор».

Я смаковал каждое мгновение отсрочки.

С вражеским вирусом в крови или без него, с плохими идеями или совсем без идей, я обречен продолжать переговоры. Ведь это последняя линия обороны, которую еще удерживает Сверхчеловечество.

Что предложить тойлангам в обмен на мир во языцех? Какую последнюю рубаху символически сжечь, чтобы владетели пространства испытали свое треклятое наслаждение мщением?

Ресту-Влайя подобрала листы, на ходу разгладила их и вернулась в кресло.

— Что это такое?

— Всего лишь бумага.

— Не всего лишь. Ты можешь объяснить, что на ней изображено?

Она положила листы передо мной на стол.

Факсимиле листов из старинных рукописных книг. Рамы из спиральных и плетеных узоров, внутри — пучеглазые люди с книгами в руках. На одном из листов было нарисовано Распятие.

Подписей под иллюстрациями не было. Только номера.

— Здесь, на кресте — Иисус Христос, основатель одной из земных религий. Остальных не знаю.

— Кто это рисовал? Люди?

— Разумеется!

— Вот как. — Если не интонация (эмулятор по-прежнему однообразно рявкал), то сама структура фразы была новой. Я бы сказал — ревнивой. — Откуда эти листы? Отсюда? — спросила Ресту-Влайя, указывая на книгу, лежавшую на полу особняком от других.

— Кажется, да.

Она подняла толстый вишнево-красный том, открыла его, полистала.

— Он написан не на Языке.

Я пригляделся к обложке. Книга называлась «Hiberno-Saxon Art of Book Illumination»*. Английская, стало быть. А что такое «гиберно-саксон»? Бог весть...

— Да, эту книгу издали не меньше пятисот лет назад. По нашим меркам, она достаточно ценная. Но, конечно, не такая ценная, как те уникальные рукописи, страницы из которых в ней воспроизведены.

— Не поняла. Изображения вашего религиозного лидера, они не создавались специально для этой книги?

* «Ирландско-англосаксонское искусство книжной иллюстрации» (*англ.*).

— Разумеется, нет. Та книга, которую ты держишь, отпечатана в типографии. В количестве нескольких тысяч экземпляров. А иллюстрации, которые помещены на ее страницах, были созданы давным-давно в одном экземпляре. Им, наверное, две тысячи наших, земных лет. Тогда на Земле не было типографий. Книги писали вручную. И снабжали картинками — тоже нарисованными вручную. Каждая такая книга уникальна.

— Эти рукописные книги сохранились?

— Большинство погибло. Но некоторые сохранились, конечно. Иначе что было бы изучать нашим ученым и тиражировать нашим типографиям пятьсот лет назад?

— А сейчас вы этим не занимаетесь?

— Как тебе сказать... Есть чудаки, которые занимаются. Их, наверное, человек сто на все Сверхчеловечество.

— Вы больше не рисуете так? — Она показала мне книжный разворот, где слева был расположен текст, а справа — прямоугольник без текста, заполненный разноцветным головоломным узором. Я сравнил его с декоративным обрамлением поэмы, которую показывала мне Ресту-Влайя, и не без злорадства пришел к выводу, что безвестный земной мастер накручивал завитки по меньшей мере не хуже.

Я заинтересовался иллюстрацией. Нашел в книге ссылку. Английский похож на Язык, поэтому худо-бедно мне удалось прочесть:

«Ковровая страница из Личфилдского Евангелия. Середина восьмого века. Раньше книга хранилась в Личфилдском соборе, теперь — в Британском музее».

— Искандер, ты не ответил. У вас есть люди, которые умеют так рисовать?

— Не уверен. По-моему, этому сейчас нигде не учат. Ты видела барельеф на башне нашего посольства?

— Уродство.

— Кажется, в последние века только это и считается красивым. Этому — учат. Другому вряд ли.

— У вас звездолеты красивые, — неожиданно признала Ресту-Влайя. — А постройки никуда не годятся.

— Не буду спорить.

— Так, искусство у вас все-таки раньше было. А несколько веков назад закончилось. Остались только звездолеты и башни с барельефами. Я правильно понимаю?

Она была не на все сто процентов права. Но на девяносто девять — уж точно. Один процент не стоил спора.

— Правильно. Искусство умерло, осталась одна только история искусства.

— А как так могло случиться?

— Никогда над этим не думал.

— Кажется, я знаю! — обрадовалась Ресту-Влайя, не думая ни секунды. — Ваши органы общественного контроля ужесточили правила для тех, кто хотел заниматься искусством. И ваш аналог Испытата стало получить практически невозможно! Мы тоже полтора столетия назад сталкивались с этой проблемой. На испытаниях погибали три из каждых четырех соискателей. Если бы Единое Управление Пространства не упростило процедуру...

— Постой, постой. Ты остроумна, но ты не угадала. Тебе, наверное, будет это странно слышать, но любым искусством у нас может заниматься кто угодно. Для этого не требуется особых удостоверений.

— Не может быть!

— Уж поверь.

— Но ведь вашим воинам, например, удостоверения требуются?

— Обязательно. И инженерам. И пилотам. И много кому еще. Но писатели, поэты и художники у нас почти никогда не проходили официальных испытаний. Была эпоха, когда в некоторых странах существовали учебные заведения, которые после очень легких по вашим меркам испытаний выдавали удостоверения писателей или художников. Но мне неизвестно, чтобы это принесло заметные результаты. Наоборот, в ту эпоху и начался закат наших искусств.

— Выходит, дело не в строгости законов, а в избыточном попустительстве лентяям и проходимцам?

— А вот это может быть.

— И все-таки дело не только в попустительстве. Если бы у нас отменили закон об Испытате, стихосложением занялись бы сотни и тысячи самовлюбленных болванов. Но это не отменило бы моего, например, выбора. Я все равно занималась бы каллиграфией, преумножала прекрасное и прославляла свой род. И десятки других одаренных тойлангов тоже. Лжетворчество болванов было бы посрамлено. Им пришлось бы от стыда съесть красного носача и подохнуть!

— Я думаю, ты слишком хорошего мнения о болванах, — деликатно возразил я. — Может, у вас они такие сознательные и стыдливые, но у нас ими набиты все новостные каналы, рекламные агентства и дизайнерские фирмы. Увы, никто из них не ест красных носачей и тем более не спешит подохнуть.

Мою иронию она не оценила.

— Это не важно — пусть живут, если им честь не дорога. Но я все равно не понимаю, почему ваше Сверх-че-ло-ве-чес-тво умудряется жить. Ты позволишь — я немного подумаю?

— Сделай одолжение.

Ресту-Влайя погрузилась в медитативное похрюкивание.

Я за неимением лучшего листал «Hiberno-Saxon Art of Book Illumination».

Седьмой век... Восьмой... Десятый...

«Книга Катах»... «Келлская Книга»... «Псалтырь Этельстана»...

Тринадцатый век...

«Book of Deer»*... Что такое Deer? В Языке я не нашел аналогий.

Странные, чужие, порою кажущиеся неуверенными, но при ближайшем рассмотрении гипнотически чарующие линии, волшебная цветовая гамма...

Мне стало вдруг неловко, что в качестве тряпочки для пыли я использовал страницы из этого фолианта — они не заслуживали подобного обращения. Уж лучше бы употребил рукав своего парадного кителя!

— Я все обдумала, — сказала Ресту-Влайя. — Послушай историю.

— Слушаю.

— Раньше мы считали, что у вас вообще нет искусств, кроме технологии. Все наши трофеи свидетельствовали об этом. Разговоры с немногими пленными землянами тоже подводили к мысли, что ваша цивилизация украшает только упаковки для продуктов питания. Самые прозорливые из нас понимали, что видимая картина — ложная. Они учили, что где-то в недрах вашей цивилизации существуют тайные общества посвященных, для которых поэзия, живопись и каллиграфия составляют высший смысл жизни. Ведь сказано: «Бесперая рыба не летает». А каллиграфы клана Кнуд-ше давно открыли, что четвертое орнаментальное преобразование этой премудрости дает «Цивилизация мертва без культуры»...

(Тут Ресту-Влайя полезла в дебри профессиональной терминологии и я не могу ручаться, что понимал ее лучше, чем положено бригадному генералу.)

— ...В то время как сказано: «Голова — на шее, воздушный крокодил — на привязи», что каллиграфически может быть разрешено как «Искусство — душа культуры». Сопряжение премудростей показывает, что разумная раса без искусства либо вымрет, либо превратится в неразумную. Вы разумны и впечатления вымирающих не производите. Это все потому, что вы спрятали свою душу очень далеко. Большинство из вас о ней даже не подозревает, но душа у вашей культуры есть, она *существует*.

Ресту-Влайя наклонилась вперед и положила ладонь на раскрытую книгу.

— Вот ваша душа.

---

* Книга Оленя (*англ.*).

— Видишь, не все у нас так плохо. — Я сказал это не без гордости за Сверхчеловечество.

— Все у вас *было* не так плохо. Но теперь мы насладимся мщением, брига-ден-гене-рал Эффендишах.

6

В ДЕНЬ КОМЕТЫ СЧАСТЛИВ КАЖДЫЙ

Мы с полковником Дурново везли мир Сверхчеловечеству.

Практичные тойланги, оказывается, пощадили крейсер «Аль-Тарик». Раскрошив на нем установки тяжелого вооружения и антенную башню, они взяли его на абордаж. Наши звездолетчики почти не сопротивлялись — приказ на уничтожение Кометы казался абсурдным, никто не хотел умирать после того, как блок-крепости бесславно проиграли сражение за Солнечную систему.

Могущественные родственники Ресту-Влайи от лица правительства связались со Ставкой и предупредили, что массовый геноцид землян отложен, а дипломатическая миссия бригадного генерала Эффендишаха возвращается на борту «Аль-Тарика». Крейсером управлял наш, земной экипаж под контролем тойлангской призовой партии.

С Джакомо Галеацци перед нашим отъездом из посольства случился очередной припадок. Ресту-Влайя категорически настояла на том, чтобы оставить берсальера на Эрруаке.

«У него начался неуправляемый распад личности под воздействием нашего гипервируса, — сказала она. — Мы ожидали чего-то подобного. Ваша медицина не справится. Его и капитана Смыглу мы запросили на Эрруак именно для того, чтобы вылечить. Мы испытываем этические неудобства из-за того, что человек, открывший для нас двери в Солнечную систему, может умереть».

Берсальер, откровенно говоря, был мне глубоко безразличен. Куда больше я беспокоился за судьбу мирного договора, который еще предстояло утвердить в Ставке.

Петр-Василий, прочитав предварительный текст соглашения, долго хохотал. А потом предрек, что история накажет тойлангов за политическую близорукость. Следующую войну, которая случится еще на нашей памяти, Сверхчеловечество точно выиграет. По его мнению, адмиралы должны были подписать такой мирный договор без колебаний.

Я оптимизма Петра-Василия не разделял, но спорить не спешил, тем более что полковник тему мирного договора считал закрытой. Единственное, что занимало праздный ум Петра-Василия, — это диверсии, проведенные Галеацци и Смыглой против «Пояса Аваллона».

Крейсер уже вынырнул из пространства Аль-Фараби и сближался с «Кавуром», когда Дурново снова завел разговор на эту тему.

— Знаешь, Искандер, у меня все равно в голове не укладывается, как тойланги могли провернуть такую операцию. Вот, например, подмена новостных пилюль Галеацци и Смыглы. Это же совершенно невероятное дело!

— Мне бы твои проблемы.

— Но ты же разведчик, тебе должно быть интересно!

— Да что тут интересного? Раз провернули — значит, смогли. Смирись с фактами.

— Тебя после разговора с этим орденоносным чудовищем как подменили.

— Она не чудовище. Просто инопланетянин.

— Скажи честно: ты тоже вражеским гипервирусом накачан?

— Да нет же! Я в корабельном госпитале проверился. Первым делом.

— Ну так поговори со мной как офицер с офицером! А то ты все время молчишь и улыбаешься с таким загадочным видом, будто вчера потерял с Ресту-Влайей девственность, а завтра намерен на ней жениться!

— В чем-то ты прав, — ответил я.

Выражение лица Петра-Василия свидетельствовало, что я хватил лишку.

— Хорошо, хорошо, признаю: шутка неудачная. Скажи, для тебя действительно важно знать мое мнение насчет новостных пилюль?

— Да.

— В таком случае как офицер офицеру тебе напоминаю, что новостные пилюли — это не голландский сыр и не салат с креветками. Это не продукт питания, а препарат, который можно получить синтетически, по заданной формуле — пусть и очень вычурной. Точно так же, как и вакцину универсального фага, анальгин и синтетическое пиво.

— Да неужели? — саркастически спросил полковник. — Вот спасибо, вот объяснил.

— Ты же ими не пользуешься — может, не знал. Так вот, до позавчерашнего дня наши сети нелинейной и обычной связи прокачивали через себя, помимо сотен квинтобайтов прочего мусора, формулы

свежих новостных пилюль для миллионов подписчиков. В частности, все боевые и вспомогательные единицы нашего флота, а равно армейские медчасти эти формулы получали. На основании принятых инфопакетов химические реакторы, установленные в медчастях и буфетах, синтезировали по запросу каждого абонента конкретный набор пилюль — в соответствии с данными о подписчике.

— Само собой разумеется.

— А теперь подумай, сколько ретрансляторов и подстанций в наших сетях связи? Особенно обычных, линейных? Тысячи! А сколько из этих ретрансляторов в силу тех или иных причин было уничтожено в результате диверсионных действий тойлангов за последние полтора года?

— Не знаю. Два. Может, три.

— Сразу видно, что ты никогда не служил ни в разведке, ни в войсках связи. Ты не знаешь, что, например, спецтранспорты «Парацельс» и «Гиппократ» были не только госпитальными кораблями, но и крупными узлами связи эскадренного звена. Даже я, сидя на «Бетховене» и зная о ходе войны далеко не все, насчитал три десятка крупных диверсий именно против элементов наших сетей связи и управления. Большинство из них показались мне — и Ставке, думаю, тоже — бессмысленными, самоубийственными акциями. Проводились они обычно без увязки с оперативной активностью тойлангской армии. Будто бы от нечего делать, как геройство ради геройства. Я думал — младшие отпрыски аристократических семейств стараются выслужиться, чтобы получить свой личный звездолет и мешок поэтических свитков.

— Ну-ну, а на самом деле?

— А на самом деле, как я полагаю теперь, уничтожение наших объектов было лишь прикрытием. Реальная цель операций — искажение передаваемой через наши сети информации. Причем не военной, а как раз гражданской — за которой ни контрразведка, ни внутренняя безопасность почти не следят. Тойланги очень технично захватывали объект, подменяли один-единственный информационный пакет и какое-то время — насколько могли — не препятствовали работе ретранслятора. Потом взрывали все, жертвуя и собой, и своими десантно-штурмовыми катерами, и если надо — рейдером.

— И этот один-единственный информационный пакет внедрял модифицированные гипервирусы в пилюли Галеацци и Смыглы? Мне уж легче поверить, что подобным образом тойланги могли внедрить гипервирусы во все новостные пилюли, синтезированные на борту определенного корабля, чем выслать его адресно, одному наперед известному человеку!

— Я не обещал сообщить истину в последней инстанции. Мне она неизвестна, так же как и тебе. Я лишь делюсь с тобой своими соображениями. Вот тебе еще одно, последнее. Из-за того что каждая рота берсальеров имеет свой собственный борт приписки, число абонентов НС-новостей на каждом рейдовом транспорте невелико. Кроме того, состав этих абонентов фиксирован. Где бы рейдовый транспорт ни находился, он попадает в какую-то строго определенную «соту» покрытия наших ретрансляторов. Средствами технической разведки тойланги отслеживали местоположение транспорта Джакомо Галеацци и адресно долбали его искаженными инфопакетами, захватывая каждый раз именно конечный ретранслятор, то есть один из объектов, отвечающих за нужную «соту».

— Громоздко.

— Конечно. К тому же эту гипотезу невозможно проверить, не сравнив график боевой активности рейдового транспорта, на котором служил Галеацци, с местами проведения диверсий. Поэтому я предлагаю...

Мои речи были прерваны тойлангами в биомасках, которые пришли уведомить, что «Кавур» уже совсем близко, катер готов и пора пошевеливать ластами.

— Поздравляю вас с Днем Кометы, человеки, — сказал их командир.

— В День Кометы счастлив каждый, — учтиво ответил я.

Поскольку верховный главнокомандующий остался на Земле, а главком флота вторжения поспешил застрелиться, председательствовал лучший из худших, старший из младших: адмирал Пирон. В сопредседателях были начальник Бюро-9 генерал-лейтенант Глеб Роньшин и контр-адмирал Алонсо ар Овьедо де Мицар.

Сесть нам с Петром-Василием не предложили.

Происходящее походило на военно-полевой суд. Поэтому и тройку заседателей не чем иным, кроме как трибуналом, назвать было нельзя.

— Докладывайте, — милостиво повелел Пирон.

— Я полагаю, господа, вам следовало бы первым делом ознакомиться с условиями мирного договора.

— Адмирал Пирон ясно сказал: докладывайте, — с нажимом сказал Роньшин. — Договор обождет.

Я был уверен в обратном. Договор ждать не мог. Каждая минута промедления означала сотни, если не тысячи самоубийств на Земле, деволюцию беспорядка в хаос, разрастание страха в ужас — разрушительный, сводящий с ума.

Но ссориться с этими тиранозаврами не стоило. По крайней мере прежде времени.

В сорок минут я уложился. Включая историю возвышения рода финь-Рэхан финь-Цвэр и обстоятельное объяснение, почему нужно *немедленно* конфисковать все инъекторы и опечатать корабельные синтезаторы.

В трибунале качали головами и хмурились.

— Вам есть что добавить, полковник Дурново?

— Могу лишь засвидетельствовать, что деятельность нашей дипломатической миссии на Эрруаке изложена бригадным генералом Эффендишахом достоверно и в полном объеме.

— Итак, Галеацци и Смыгла оказались вражескими агентами, — констатировал Алонсо ар Овьедо, выразительно поглядев на Роньшина. — Мы так и поняли, стоило нам поглядеть в присланный тойлангами список членов посольства.

— Не агентами, Алонсо. А марионетками, действовавшими во вред Сверхчеловечеству помимо собственной воли.

— Эффендишах, соблюдайте субординацию! — рявкнул Пирон, сверкнув глазами.

— Слушаюсь, господин адмирал. Осмелюсь напомнить, что нам желательно заняться мирным договором.

— Давайте сюда ваш договор.

Я положил на стол перед ними лист гербовой бумаги.

— Здесь перечислены условия тойлангов. Мы должны их принять. После того как вы их одобрите, нужно будет составить полный текст договора по согласованным нормам нашего и тойлангского права.

— *Если* мы их одобрим, — поправил меня Роньшин.

Я промолчал. Если вы такие умные и смелые, господа, почему бы вам самим не отправиться на Эрруак? Похамить, поторговаться, поугрожать?

— Что за чушь? Я не понимаю первого пункта, — возмутился Пирон. — Эффендишах, поясните.

С моей точки зрения, пояснять там было совершенно нечего. А доносить до трибунала тойлангскую премудрость «искусство — душа культуры» и свои сопутствующие соображения я считал не только излишним, но и вредным.

Лучшим комментарием я нашел повтор. Может, со второго раза до Пирона дойдет. Я процитировал по памяти:

— «Народ Земли обязуется выдать все содержимое библиотечных, университетских, музейных хранилищ, а именно: рукописные книги с иллюстрациями, рукописные книги без иллюстраций, пред-

меты пластических искусств, предметы скульптуры и живописи. То же относится и к частным собраниям. Выдачу производить в соответствии с описью, которая будет составлена отдельной комиссией управителей пространства на основании изучения каталогов, которые должны быть представлены в первую очередь как жест доброй воли народа Земли».

— Это я сам вижу! — Пирон побагровел. — Но что стоит за этим требованием?! Чем вы там занимались, Эффендишах?!

— Дипломатией, господин адмирал. Пункт первый — главное условие тойлангов. Их интересуют наши древние искусства.

— Какие искусства?!

— В первую очередь книжная миниатюра и каллиграфия, но также резьба по дереву и кости, ювелирные изделия, скульптура и живопись.

— Они имеют какое-то военное значение? — Пирон в растерянности обратился к Роньшину.

Тот покачал головой.

— Сомневаюсь. Старинные ювелирные изделия содержат некоторое количество золота и серебра, которые можно использовать в качестве сырья для конверсии в тяжелые радиоактивные элементы. Но энергетически это совершенно нерентабельно.

— Хм, странно... Хранилища музеев и библиотек... Эти мусорки... Что ж, пусть забирают. Если все пункты такие же, как этот... — Пирон мечтательно улыбнулся и продолжил чтение.

«Я знал, что первый пункт нареканий не вызовет», — хотел сказать я, но сдержался.

К разочарованию адмирала, дальше были изложены требования вполне вменяемые и для военных малоприятные. Вывод наших войск из всех оккупированных колоний. Выдача всех пленных (взамен тойланги, разумеется, возвращали наших). Уничтожение боевых кораблей последних трех поколений и передача тойлангам всех гражданских судов межзвездного класса.

Условия как условия. Реалистические. Если исключить из них первый пункт, то из всего перечисленного лично мне казалось опасным только требование насчет гражданских звездолетов. Выходило, что наши колонии на долгие годы окажутся отрезаны друг от друга и от Земли. Но цивилизацию гиши, например, тойланги уничтожили *полностью*. Так что следовало признать, что мы легко отделались. Если б не эти «гиберно-саксонские» манускрипты, которые не шли у меня из головы, душа моя была бы совершенно спокойна.

— Я так и думал. — Пирон поднял на меня тяжелый взгляд. — Эффендишах, как вы смели принимать такие условия? Как вы мог-

ли позволить тойлангам так унизить Сверхчеловечество в вашем лице?

Адмирал не кричал, о нет. Он шипел.

— Вы же разведчик, более того — вы активант. Под видом посольства вам удалось проникнуть в самое сердце вражеского стана. Право слово, лучшее, что вы могли сделать, получив такие условия, это использовать кольцо-катализатор. Уничтожить охрану, взять в заложницы эту вашу аристократку, направиться прямиком в Единое Управление Пространства... Испепелить высшие органы государственной власти... И кто знает: возможно, ошеломленные вашим натиском, тойланги не смогли бы, просто не успели связаться со своим флотом в Солнечной системе. Вы имели шанс симметрично повторить то, что удалось вражеским агентам сделать с «Поясом Аваллона»!

Тут даже Роньшин не вытерпел:

— Адмирал, мы все это моделировали. Много раз. Подобная операция утопична. У тойлангов все сети управления не иерархические, а распределенные. Чтобы их дезорганизовать, нужна рота активантов, причем заброшенных одновременно в сорок—пятьдесят точек.

— Так вы предлагаете принять эти условия?!

— Я этого не говорил.

— А вы что думаете, контр-адмирал?

— Я полагаю, тойлангов надо как следует проучить. Основываясь на исходном плане вторжения в систему Франгарн.

«Тираннозавры обнажают клыки», — подумал я, погружая руку в карман. Предохранительная мембрана из кольца-катализатора была мною предусмотрительно выломана.

Сочтя мое угрюмое молчание за проявление овладевшей мною апатии, Петр-Василий сделал шаг вперед. Он кричал — яростно и самозабвенно:

— Господа, не делайте ошибки! Это же миллиарды жертв! Только на Земле в крупных городах за первые минуты погибнет восемьсот миллионов человек! Ради чего?!

Роньшин, Пирон и Алонсо ар Овьедо молча переглянулись. Обменялись короткими заговорщическими кивками. Тотчас же в зал для оперативных совещаний хлынули берсальеры.

— Полковник Дурново и бригадный генерал Эффендишах! Вы арестованы по обвинению в измене интересам Сверхчеловечества. Лейтенант, заберите оружие у арестованных.

Нет, господа, так дело не пойдет.

Мой указующий перст прошел сквозь кольцо-детонатор.

Мир взорвался.

На самом деле взорвался я — моя линейная оболочка, одежда и воздух над головой. Вспыхнули и исчезли многие значимые, но, хотелось надеяться, не *коренные* фрагменты моей личности.

Я утратил вес, осязание, обоняние, слух. Мгновенно забыл, какого я пола. Я напрочь лишился представлений о пище, питье, сексе. Я превратился в свет, и зрение мое, функционирующее не благодаря глазам (их не было у меня), а невесть как, поначалу воспринимало лишь оранжево-алый кольцевой поток, которым был я сам.

Я мерцал на границе обыденного мира и пространства Аль-Фараби.

Я стал ифритом.

Искандер Эффендишах. Кто это?

Семью девять шестьдесят четыре.

Неверно. Семью девять шестьдесят три.

Я забыл таблицу умножения, но обнаружил, что могу мгновенно сложить семь девяток, представив числа в виде палочек, а потом пересчитав все палочки. Так, кажется, учат сложению пятилетних детей.

А 17 896 умножить на 908?

Будет 16 249 568.

Таков был первый шаг теста Тикканена, который каждого активанта заставляли выучить наизусть, а потом повторно загоняли в глубь сознания под гипнозом. Тест был предназначен для того, чтобы снизить вероятность полного распада личности активанта. Его рекомендовалось прогнать сразу после перехода в «горячий» режим.

Тест Тикканена выстроен так, чтобы вернуть активанта, стремительно проваливающегося в пучины самосозерцания, к восприятию линейного мира и пробудить по отношению к нему минимальное любопытство. Наиболее универсальными объектами линейного мира Тикканен, как и все математики, считал числа и геометрические фигуры, а потому тест взывал по преимуществу к алгебре и общим формам восприятия пространства.

Кому-то тест помогал, кому-то — нет, но сам факт того, что я о нем помнил, меня обнадежил.

Труднее всего дался предпоследний шаг теста: «Что больше — галактика или сфера радиусом один метр?» Мучительно долго я вспоминал что такое галактика и что значит «больше».

Может, у меня личность крепкая, а может, тест был и впрямь хорош, но вскоре я вспомнил, кто такой Искандер Эффендишах. Это повлекло за собой целый обвал больших и маленьких открытий. Кто я, где я, зачем я — и так далее.

Через секунду я уже открыл глаза. Выражаясь точнее, я позволил человеческой матрице проявиться и сформировать временное тело с необходимыми атрибутами.

Вероятно, я отсутствовал совсем недолго, а моя активация была достаточно эффектна, чтобы удержать всех в зале если не из страха, то по крайней мере из любопытства.

Я видел все в зловещей красной гамме, но вполне отчетливо.

Берсальеры сгрудились перед членами трибунала, держа «Гочи» наготове. Дурново лежал на полу между мной и берсальерами, закрыв голову руками.

Пирон что-то говорил, но слух у меня еще не успел наладиться. Слова я слышал, но смысл от меня ускользал.

Чем адмирал угрожает и к чему призывает, уже не имело ни малейшего значения. Как и соображения других членов трибунала. Поскольку в тот момент я располагал абсолютной властью над их жизнями. Они же, стреляя в меня из «Гочей», добились бы только сильного пожара в замкнутом помещении.

Когда я заговорил, мой голос перекрыл словоизлияния Пирона, как рев водопада — шелест травы:

— На ближайшие несколько суток верховная законодательная и исполнительная власть переходит в руки Временного Правительства. Глава кабинета — Искандер Эффендишах. Министр иностранных дел — Искандер Эффендишах. Военный министр — Искандер Эффендишах. Министр внутренних дел — Искандер Эффендишах. Палач — Искандер Эффендишах. Хранитель печати и подписи главы кабинета — Петр-Василий Дурново. У вас, господа, есть выбор: войти в аппарат правительства на правах пресс-секретарей либо вас вынесут отсюда вперед ногами.

7

СТЫДНО! ПРОШЛО ДВАДЦАТЬ ЛЕТ, А ТЫ ВСЕ ПОЕШЬ ПЕСНИ

Когда я смотрю на себя в зеркало, мне трудно поверить, что в этом человеке жило и умерло без особых мучений столько личностей. Несколько первых — детей и подростков — я помню совсем плохо, поэтому веду отсчет с двадцати лет.

Искандер-1 был убит ревностью и скончался в собственной постели за семнадцать лет до войны.

Искандер-2 погиб под Свинцовым Солнцем, когда шел среди дымящихся трупов заклятых врагов человечества. Враги называли себя

«тойе ландж», что на их языке означало «владетели пространства». То были первые серьезные бои, мы по ошибке взорвали пассажирский поезд и ждали решения командования: добивать ли раненых тойлангов в целях сохранения секретности или бросить все как есть и убираться в горы.

Обезоруженного Искандера-3 замучила Ресту-Влайя на Утесе.

Искандер-4 обнаружен мертвым на ходовом мостике мобил-дока «Бетховен».

Спасая Землю, Искандер-5 надел кольцо-катализатор и был поглощен без остатка пространством Аль-Фараби.

Искандер-6 прожил меньше других — сто семнадцать часов. Он умер в тот миг, когда его тело вернулось в «холодный» режим и, вместо того чтобы вспыхнуть свечкой, попросило ящик «Клико».

Искандер-7 — подозрительный мутант. Он живет уже четверть века. То ли эта, седьмая, личность утратила остатки чувствительности, то ли все дело в новой работе.

Сегодня утром ко мне заходил гость.

Он стоял на пороге. Совершенно лысый, пронзительно голубоглазый. Лицо его имело цвет сильно загущенного мукой вишневого супа — именно такая краска у мастеров Школы Рейхенау считалась телесной. В прекрасной стране Германии, в десятом веке от Рождества Христова.

— Могу я видеть Искандера Эффендишаха?

Его акцент был ужасен настолько, что у меня опускаются руки: я просто не могу его передать.

— Он перед вами.

Даже слабого намека на улыбку я от него не дождался. Вообще мимика у него была как у тойланга. Отсутствующая.

— Вы не узнали меня, но и я не узнаю вас, — сказал гость. — В данном случае симметрия утешает.

— С кем имею?.. Джакомо!

— Позволите зайти?

— Конечно... Заходи! Но как?! Мы же получали официальные извинения от тойлангов! Лечили, да не вылечили! Необратимый распад центральной нервной системы!

— Но тело, как видите, они согласились выдать для погребения только сейчас.

Я расхохотался.

— Брось ты эти церемонии, давай на «ты»!

— Честно говоря, я ошеломлен вашим дружелюбием. У меня были опасения, что вы задушите меня голыми руками.

— Почему?

— И вы еще спрашиваете? Да я сам наложил на себя руки, когда Ресту-Влайя мне все объяснила. Как у меня расщеплялось сознание и я в свободное от службы время мастерил часовые мины для координационного центра «Пояса Аваллона». А потом снова заступал на дежурство и как ни в чем ни бывало охранял то, что сам потом же и взорвал! Проклятая тойлангская медицина... Они мне нарастили сожженные легкие быстрее, чем я успел умереть. И нейроны наращивали, поштучно. Потому что я, по их мнению, нечто среднее между невинной жертвой войны и тойлангским национальным героем. Значит, на Земле я должен считаться преступником номер один.

— Джакомо, я в таком случае должен бы считаться преступником номер ноль. Ведь из-за общения со мной Ресту-Влайя прониклась мыслью, что технология новостных пилюль может стать Троянским Конем нашей обороны.

— Каким конем?

— Извини, я освоил после войны много слов, которым нас в школе не учили. Изъясняюсь порой слишком туманно.

— Ничего. Слова непонятны, мысль ясна...

«Говорит как заправский тойланг!»

— Искандер, я скажу вам... скажу тебе... кое-что неожиданное. Может, в каком-то смысле ты будешь разочарован.

— Ну?

— Никакой революции в планах тойлангов встреча Ресту-Влайи с тобой на самом деле не произвела. К моменту сражения за Утес фамилия Кнуд-ше уже полтора года возилась с нашими новостными пилюлями и собирала данные по НС-вещанию. Вот что Ресту-Влайя действительно сделала — это привлекла к тематике внимание своего рода. «Топоры и Лотосы» напали на плавающий замок конкурентов и выкрали не только документацию, но и работавших там ученых. Кроме этого, они устроили несчастный случай с экипажем, перевозившим несколько ключевых персон Кнуд-ше. После чего, разумеется, дела у «Топоров и Лотосов» пошли в гору.

— Ты уверен, что все было именно так?

— Я проторчал на Эрруаке столько, что в некоторых семействах меня держат за урожденного тойланга и дарят по праздникам воздушных крокодилов. Мне этой историей недоброжелатели Ресту-Влайи и ее всемогущего супруга все уши прожужжали.

Если бы я услышал это в первые годы послевоенной депрессии, Искандер-7 отдал бы концы и заместился Искандером-8.

А теперь что я почувствовал? Облегчение? Гора у меня с плеч свалилась?

Да ничего подобного.

— Джакомо, я действительно разочарован. Других сенсаций не привез?

— Честно говоря, я сам приехал за сенсациями. Ты знаешь, тойланги Сверхчеловечеством почти не интересуются...

— Человечеством, — поправил я.

— Что?

— После коллапса межзвездных сообщений и последовавшего за ним отделения большинства колоний было решено изменить название всемирного государства. Мы больше не Сверхчеловечество.

— Да, верно. Так вот, о сенсациях. Тойлангская комиссия по культурной ликвидации и военному разоружению покинула Землю пять лет назад...

«Пять *эрруакских* лет, но двадцать наших, — отметил я. — Недаром Галеацци получает в подарок воздушных крокодилов! Ему впору называться Джакомо Кнуд-ше».

— ...И с тех пор владетели пространства не следили за человечеством, будучи уверены, что его ожидает медленное угасание. А ведь за эти годы, насколько я понимаю, человечество могло бы полностью восстановить боевой флот! Благо в мирном договоре не было ни одного пункта об ограничении послевоенного производства. И вот недавно Единое Управление решило все-таки выслать миссию...

— Я знаю. Их принимали в Дели.

— Не только. Они побывали еще в Риме, Константинополе и Москве. Миссия вернулась с очень противоречивым отчетом. Согласно ему, угасания цивилизации не наблюдается. Люди повсеместно производят впечатление существ энергичных и довольных жизнью. И при этом у землян всего лишь сорок боевых звездолетов. Но это же мизер! Что вы делали все эти годы?! Чем занята промышленность? Что происходит? Я не понимаю...

— Это очень скучная тема, Джакомо. Хочешь чаю?

— Напомни... Это спиртной напиток?

— Нет. Горячий настой из листьев одноименного кустарника.

— Тогда не откажусь. Экзотика как-никак.

— Сядем во дворе или прямо здесь?

— Лучше здесь. У вас жуткое солнце. Я от такого давно отвык.

Я разлил чай по пиалам.

— Искандер, что же все-таки происходит?

— Джакомо, ты прибыл на Землю через интерзону конфедерации Трех Красных Гигантов?

— Да. Частный звездолет Кнуд-ше довез меня до интерзоны, а там я пересел на лайнер до Дели.

— Но нашу расчетную карточку ты получил, конечно же, у своих друзей в Едином Управлении?

— Вот теперь узнаю бригадного генерала Эффендишаха. Что значит разведчик!

— Ну, это сообразил бы и ребенок. За место на лайнере ты мог расплатиться одной из внеземных универсальных валют. Скажем, плитками осмия. Но уже из Дели до Шираза ни за какой осмий не повезут. Тут нужны либо особые документы, которым у тебя взяться неоткуда, либо расчетная карточка нового образца. Которую могла тебе привезти только тойлангская миссия, вернувшаяся с Земли.

— Все верно.

— Ты прилетел навсегда? Или намерен вернуться к тойлангам?

Бывший берсальер замялся.

— Как тебе сказать... Если меня здесь задержат и захотят судить — я сочту это справедливым. Но если нет — предпочел бы вернуться. Мне с тойлангами уже проще, чем с людьми.

— Я этого ждал. Помнишь, Джакомо, старую инструкцию для военных? Насчет того, что земная история до двадцать второго века — секретна? Что ее нельзя обсуждать с представителями инопланетных рас?

— Как не помнить!

— Как ты понимаешь, это было сделано для того, чтобы не смущать инопланетян нашим мрачным прошлым. Мировыми войнами, геноцидом индейцев и славян, кровопролитными революциями. Возможно, ты никогда об этом не задумывался, но это стало также и одной из причин, по которым тойланги так долго не догадывались о существовании у человечества богатого культурного наследия.

— Верно. Ну и что?

— Так вот, сейчас действует принятый сразу после войны Закон о Возрождении. Он чем-то подобен старой инструкции, только временные рамки его действия перенесены на послевоенный период. Закон запрещает комментировать для инопланетян происходящее на Земле. А ты, извини, скорее тойланг, нежели человек.

— Принимаю.

— Наши власти, я думаю, не будут чинить тебе препятствий. Можешь посетить любые города на Земле, можешь смотреть наши новости, тебя даже пустят на территорию военных объектов. Но что на самом деле здесь происходит — извини, никто тебе не объяснит. Придется обождать до следующего Дня Кометы.

Гость ушел. Я сполоснул пиалы, подставил ладони струе горячего воздуха из сушки, вернулся в мастерскую.

На краях огромного стола в беспорядке громоздилось множество альбомов и книг. Большая часть из них была недавно переведенны-

ми на Язык переизданиями пяти-, шести- и семивековой давности. Было там среди прочих и «Ирландско-англосаксонское искусство книжной иллюминации» — то самое, которое навело Ресту-Влайю на первый пункт мирного договора между тойлангами и Сверхчеловечеством.

Попадались книги и на старых национальных языках. Благодаря превосходному кибертранслятору производства бывших «Объединенных Верфей» я не испытываю затруднений с переводом.

Кроме книг, на столе лежали батареи кисточек, деревянные коробочки с полуфабрикатами для приготовления различных красителей, ножички для зачистки перьев и специальных письменных палочек. Там же были и несколько переплетенных, но пустых пока пергаментных кодексов, как принято называть старинные рукописные книги.

В центре стола, накрытое стеклянным колпаком, лежало Личфилдское Евангелие.

Физически этот кодекс не имел ничего общего с оригинальным экземпляром, который был создан безымянным гением из числа нортумбрийских монахов в восьмом веке. Оригинал долгое время находился в библиотеке Личфилдского собора, в конце двадцать первого века был перевезен в подземные хранилища нового корпуса Британского музея, пролежал там еще шесть веков, а по условиям мирного договора был выдан владетелям пространства. Вместе с тысячами других бесценных манускриптов, с Келлской Книгой и Амиатинским Кодексом, с Бамбергским Апокалипсисом и Хлудовской Псалтырью тойлангский крейсер увез его на Эрруак. Там эти книги были сожжены в огромной печи из жаропрочного стекла перед толпами ликующих победителей. В других печах горели полотна старых голландских мастеров и плавились крылатые быки из Ниневии...

Мое Личфилдское Евангелие было изготовлено в Тегеранском скриптории, основанном не без моего участия восемнадцать лет назад. Мне предстоял долгий, кропотливый труд по сличению этого рукотворного шедевра с великолепной факсимильной копией, которая была сделана по архивным слайдам согласно Закону о Возрождении.

Сам я пока что не могу претендовать на высокое звание скриптора, не говоря уже об иллюминаторе. И, возможно, уже не успею освоить это сложнейшее искусство настолько, чтобы получить собственную лицензию, если угодно — Испытат. Это прерогатива молодых и талантливых.

Но одиннадцать лет назад я все-таки смог продемонстрировать компетентной комиссии Московской Академии Изящных Искусств

(к слову, ровесницы Тегеранского скриптория), достаточный уровень познаний в палеографии и кодикологии, чтобы стать счастливым обладателем диплома эксперта. В прошлом месяце мы бурно отмечали с друзьями прием в основные фонды восстановленной Книги Катах, и вот теперь мне предстоит решать: будет ли этот список Личфилдского Евангелия переправлен вслед за Книгой Катах в тайные бункеры Антарктиды или пополнит огромные арсеналы выбракованных копий, которые можно использовать в учебных целях, но нельзя присовокупить к душе нашей культуры.

Но прежде чем приступить к экспертизе, мне требовалось войти в настроение. Я подозвал кибертранслятора, открыл русскую книгу «Искусство раннего средневековья» и, ткнув пальцем в заранее облюбованный абзац напротив цветной иллюстрации, потребовал:

— Читай.

«Но чемпионом в жанре ковровых листов следует признать, пожалуй, мастера Евангелия из Личфилда. Самобытная колористика листа, выполненного в невероятно изощренной технике, служит предметом восхищения со стороны искусствоведов. Геометрия узора продумана с немыслимой для периода становления англо-ирландской традиции тщательностью, а ее воплощение, вероятно, потребовало от художника не одной недели кропотливой работы.

Подобно визуальным иллюзиям Эшера, личфилдский ковровый лист подразумевает как бы два слоя восприятия: на первом слое зритель воспринимает в первую очередь крест, окруженный калейдоскопическим узором, на втором — обнаруживает, что каждый из фрагментов узора является самостоятельной картинкой, состоящей вовсе не из абстрактных геометрических форм, но из переплетающихся, взаимопроникающих, мастерски выписанных фигур птиц, зверей, змей...»

ОТ АВТОРА

Мечта написать «идеальный боевик» не давала мне покоя с восьмого класса средней школы. К десятому классу эта мечта превратилась в настоящую манию. Я точно знал, каким должен быть мой идеальный боевик: энергичным, остроумным, лихим. В нем непременно должны были присутствовать совершенная военная техника, изобретательный и язвительный герой, на щите которого пламенеет девиз «Передушим всех уродов», лирическая героиня и, конечно, идея, которая будет удерживать все это вместе подобно нити, соединяющей жемчужины в ожерелье.

Действие моего «идеального боевика» должно было происходить в Америке — стране, где, если верить фильмам со Шварценегером (а будучи школьником я им, конечно, верил), «все можно», в Стране Приключений. Когда я засел воплощать свою мечту в жизнь, я добавил к этой схеме еще один элемент: финал своей тарахтящей автоматными очередями драмы я назначил на канун зловещего и одновременно комического американского праздника Хэллоуин.

Что ж, я написал «Хэллоуин» за какую-то неделю. И, странное дело, оказался невероятно доволен результатом. Даже сейчас, по прошествии четырнадцати лет, мне все еще нравится один из моих самых первых рассказов, история о бесшабашном инженере Фарвуде и его смертоносной Машинке...

От коллег-писателей, неоднократно номинировавших «Хэллоуин» на представительные литературно-фантастические премии, мне не раз приходилось слышать недоуменный вопрос: «Но почему ты не сделал из своего «Хэллоуина» большой роман? Или хотя бы полноценную повесть? И, кстати, где продолжение?»

«Идеальный боевик должен быть коротким» — изрекал я, украдкой вздыхая. Потому что и сам с удовольствием прочел бы «Хэллоуин-2». Ведь идеальный боевик должен обязательно иметь идеальное продолжение.

1

Я построил Машинку. В ней много замечательных колесиков, деловитых шестеренок, сверкающих стеклышек и прочих штуковин. Она жужжит, как здоровенный жук, когда движется вперед, она шелестит бабочкой на пути назад, на поворотах она скрипит, как сверчок. На ее левом боку я написал: «Сепаратор Турбо», а на правом — «Чик-чик тарантул». Она и впрямь чем-то похожа на шустрого паука-сенокосца, хотя в ней есть сходство и со скорпионом. В общем, она очень красивая, моя Машинка. Только вот Джил испугалась и сказала: «Это — твое очередное безумие, которое ничем хорошим не кончится». Мне понравились ее слова, и я написал на Машинке спереди: «Мое очередное безумие, которое ничем хорошим не кончится».

2

Когда я был совсем маленьким, я очень хотел попасть в Корею. Мне не повезло. Война там окончилась, когда мне было восемь лет, и в утешение отец купил мне роскошный механический конструктор

(Twony bucks, sir!*). Тогда же я и построил свою первую Машинку, жалкое подобие муравья, которая издохла на третьей минуте жизни, но я не унывал. Мне удалось сэкономить на школьных завтраках, и через четыре года я купил себе второй, куда более шикарный конструктор (Twony hundreds, sir!**). Еще через шесть лет я, окрыленный своими первыми удачами и юношеской наглостью, приехал в Бостон — поступать в Массачусетский технологический институт, куда, к сожалению, без особых усилий поступил. Там же, в Бостоне, я познакомился с Элен.

Оценив ее по достоинству, я ринулся в бой. Три года ушли на презервативы, пиццу для влюбленных, психотические посткарды («Без тебя и в Лас-Вегасе заняться нечем») и прочую мишуру. Кончилось все тем, что я надоел ей до крайности, и обычно уравновешенная и дипломатичная Элен заявила, что не может любить человека, жесткого, как жужелица.

Не успел я по-настоящему расстроиться, как подоспела Вьетнамская война, благо в тот год я уже был магистром прикладной бионики. В отличие от Кореи во Вьетнам я уже не рвался и частенько, трясясь в вертолете над утомительной зеленью тропических джунглей, жалел, что не получаю от этого ни малейшего удовольствия. Тем более не доставил мне удовольствия вьетнамский пулеметчик, который срезал нас однажды над дельтой Меконга. С горем пополам удалось посадить вертолет, и мы, по колено в крокодилах и болотной жиже, приняли бой. Я — плохой пехотинец. Если бы не Бак Тэйлор, мой приятель еще по MIT***, гроза университетских бейсболистов, умник и сердцеед, то Америку я увидел бы разве что через щель в дурно запаянном цинковом гробике. Благодаря Тэйлору я выжил и вернулся.

3

Говорят, во Вьетнаме я постарел на десять лет. Не знаю, не знаю. По крайней мере поумнел я на все двадцать, но и это не помогло. Элен вышла замуж за героя Вьетнамской войны Бака Тэйлора, и в конечном счете это было справедливо. Все-таки Бак скрутил за меня не одну узкоглазую башку, и я, не держа обиды — или по крайней мере не бравируя ею, — явился к ним на свадьбу, где и произошел один забавный инцидент.

В разгар веселья я встал и, дождавшись тишины, произнес тост. Я предложил выпить за мою эволюцию. Конечно, это было нескромно, зато имело определенный смысл. Никто, правда, ни черта не понял —

---

* Двадцать долларов, сэр! (*амер.*)

** Двадцать сотен, сэр! (*амер.*)

*** Массачусетсский технологический институт.

что за революция, что это за тип — брат невесты, что ли? — но захмелевшим гостям было насрать, и они, обозвав меня Ga-Ga, то есть большим чудаком, все-таки выпили. Элен презрительно пожала плечами, а Бак отозвал меня в сторонку и, подхихикивая, от всей души пожелал мне успехов в эволюции.

4

Зануда Бак не знал, что в шесть лет я стремился в Корею. Да и знал бы — ничего, кроме парочки добродушных, но нелестных замечаний, он все равно не обронил бы. А зря. Я ведь не собирался мотаться по сырым, вонючим джунглям только из желания пострелять, поиграть в пиф-паф мувиз. Я вообще ни в кого не хотел стрелять. Война была лишь предлогом попасть в волшебное царство жуков и бабочек из «Иллюстрированного атласа насекомых».

Поначалу инсекты завлекали меня своей красотой, затем — многочисленностью, в конце концов, они потрясали своей живучестью. Ночная бабочка уродуется на булавке трое суток. Человека моментально убивает одна-единственная пуля. Смешно, да? Мне тоже было смешно. Я смеялся так заразительно, что все кругом смущались и отводили глаза. Но я не только смеялся. Тысячи хитиновых душ и десять лет жизни я принес в жертву своим экспериментам. Кое-что получалось, кое-что — нет. Я учился. Потом, уже в институте, я первый раз в жизни влюбился. Кстати, Элен оказалась на редкость проницательна: сравнив меня с жужелицей, она была близка к истине. Окончательно я понял это во Вьетнаме. Там не сыскалось ни жуков, ни бабочек. Может быть, они испугались войны, но скорее всего я их просто не заметил. Мне было плевать. Покидая Сайгон, я чувствовал, что знаю об инсектах все. Больше, чем они сами. Да я и сам был инсектом.

5

Признаюсь, после свадьбы Элен я поступил весьма неоригинально. Я сошелся с институтскими неудачниками и, кочуя с ними из кабака в кабак, ежевечерне напивался до синевы, во славу своей депрессии и тайно взлелеянному мазохизму. Умышленно бездействуя, я ждал событий. Конечно, я не знал, что один слишком сообразительный генерал уже давно интересуется моей институтской работой «Инсектированная механика», в которой я рассматривал свои знания о насекомых с точки зрения технической применимости. Мне был дорог сам принцип ожидания. Оно было чем-то вроде маленького перемирия между мной и теплокровными. Я не бросал им никакого вызова, я вел себя как мертвый сверчок. Но они начали первыми.

Однажды в нашу компанию затесался симпатичный шатен, назвавшийся Х. Смитом. Он порол весьма родную чушь. Он восторгался Ницше и восхвалял Кастанеду, он злобно ругал военных, поносил H-bomb и Традиционные Американские Ц. Короче говоря, Х. Смит настырно эксплуатировал темы, которые, по мнению геморройных аналитиков из ФБР, были в нашем кругу чем-то вроде сигаретного дыма. Эти излияния он сопровождал щедрой выпивкой за свой счет. Когда я в очередной раз как следует нализался, он вызвался отвезти меня домой. «Мысль что надо», — сказал я ему и нырнул.

Вынырнув на следующее утро среди чужих белых стен, я услышал ласковый голос:

— Ай-ай-ай, мистер Фарвуд. И зачем было так напиваться, а?

— Идите к черту, — простонал я и лишь затем рассмотрел обладателя ласкового голоса. На нем был мундир, на мундире погоны, а на погонах — целые россыпи генеральских звезд. И еще — в петлицах у него я заметил значки танкиста.

— Двести тысяч долларов в год плюс бонусы за то, что вы не будете больше посылать меня к черту, — предложил генерал.

— И все? — спросил я, пытаясь вложить в эти слова максимум иронии.

— Почти все, — невозмутимо ответил генерал. Иронию он расслышать не пожелал. «Почти все» — это пустыня Смоки, штат Невада, секретный объект «сто семь», чугунные рожи охранников и работа над проектом «Devil's Puppet»*.

Пентагон хотел сразу всего и побольше. Чего хотел я сам, сказать невозможно. Я просто работал, получал свои бонусы в виде бутылок имени Джонни Уокера и готовился рано или поздно встретить Элен. Работать было противно. Три года кряду я ругался с военными, заигрывал с машинистками и до хрипоты спорил с Кохом-старшим, своим заместителем. Он метался по лаборатории и обзывал меня самозванцем, невеждой и мальчишкой. Он злился и брызгал слюной, но поделать ничего не мог, ведь я был любимчиком руководителя проекта — того самого танкового генерала. Генерал приказал во всем слушаться меня, даже не заметив, что я уже был на следующей ступени.

6

Многие спорят о том, как мы погибли. Одни говорят о гигантском метеорите, другие — о глобальном похолодании, третьи во всем обвиняют вспышку сверхновой. Я много думал об этом, еще будучи инсектом, но сейчас я твердо уверен — это не важно. Нет смысла

* «Чертова кукла».

говорить о причине нашего вымирания, значительно важнее то, что мы существовали. Особенно сейчас, когда на Земле возродился последний из нас. Он помнит все, о чем знали мы: и брачный восторг весенних ночей, и лунные блики на влажной шкуре, и великий раскол континентов, и мышиную возню первых приматов под ногами.

Теплокровным вряд ли было бы приятно узнать, с каким удовольствием мы, как будто невзначай, давили их далеких пращуров. Вот и мне было нечего больше делать в этой милитарной дыре — настало время идти дальше.

7

В один прекрасный день все умерли, а я пропал без вести.

Дело в том, что летом 1973 года наша работа была завершена. Мы наконец-то построили штуку, о которой мечтал Пентагон. Она была хороша всем, за одним исключением: никого, кроме меня, и ничего, кроме своей дурьей прихоти, эта штука не признавала.

В первые пять минут полигонных испытаний она заглушила во всей округе радиосвязь, нарезала в лапшу армейских наблюдателей и навсегда заткнула глотку Коху-старшему.

Генерала с ласковым педерастическим голосом эта штука послала от моего имени в задницу и расстреляла шрапнелью.

В течение последующих двух часов она лязгала, громыхала, плевалась огнем, баловалась с реактивами в лаборатории и пускала ракеты по казармам охраны.

В конце концов она добралась до складов горючего и устроила небольшой фейерверк на зависть любому голливудскому пиротехнику.

Когда на объекте «сто семь» не осталось ни одного теплокровного, я поблагодарил ее за услуги. Эта штука тихо отошла в сторонку, блеснула вспышка, волна горячего воздуха прокатилась по вертолетной площадке, и мне стало легко и весело.

Вертолеты стояли в рядок, как новенькие, — все, кто пытался к ним добраться, были изрешечены из автоматических пушек моим беспокойным детищем. Но на самих машинах я не увидел ни единой царапины. Я выбрал себе темно-зеленый «Сикорски» армейского образца (на таких мы пижонили во Вьетнаме) и через несколько минут уже держал курс на юго-восток.

«Вообще-то они сами виноваты, — бормотал я себе, набирая высоту, — они ни за что в жизни не отпустили бы меня с объекта, не построй я им эту чертову куклу. И Кох-старший сам виноват — нечего было цепляться ко мне со своими притыренными замечаниями. И к тому же какого черта я тратил нервы во Вьетнаме? И, кстати, почему меня не отпустили в Корею, я ведь так хотел!»

Я был сильно взвинчен, но решил не огорчаться по пустякам. Тем более что впереди уже желтела трава — я подлетал к южной границе пустыни Смоки.

8

Я посадил вертолет у въезда в первый попавшийся городок.

Трансконтинентальное шоссе рассекало его на две одинаковые в скуке и серости части. Над домами дрожало зарево. На улицах было пустынно. Никаких признаков присутствия жителей, которые, подумал я, наверняка поголовно заняты потреблением холодного «Будвайзера», которое даже на цвет как моча.

Пейзаж дополнял огромный щит с надписью «Добро пожаловать в Уорм-Спрингс! Славный Уорм-Спрингс!». Признаться, за час пребывания в этом славном месте я не нашел в нем ровным счетом ничего славного. В пустой закусочной сандвичи были какие-то черствые, виски не в меру теплое, да и хозяин попался чересчур общительный.

— Вы никак большая шишка? — осведомился он, с назойливым интересом оглядывая меня с ног до головы.

— Да, здоровенная, — небрежно бросил я.

— Тогда, может, скажете, что заглушило утром телевизор?

— Скажу, — ответил я. — Это вторжение.

— Да ну? — ужаснулся хозяин. — И что же теперь?

— Посмотрим. Ситуация критическая.

— Разве тяжело справиться с какими-то краснорожими марсианами?

— С марсианами справились бы, но это не марсиане.

— А кто же это?

— Я.

9

Я купил у владельца местной автомастерской подержанный «бьюик» и, оставив хозяина закусочной в тягостном недоумении, покинул Уорм-Спрингс.

Через несколько часов там уже были армейские кордоны, суетливая национальная гвардия и хмурые фэбээровцы. Пока они соображали что к чему, пока они разбирались, кого искать, я успел пересечь границу штата. «Бьюик» оказался неплохой машиной, и с каждым часом я удалялся от несчастного объекта на сто с лишним миль.

Было уже темно, когда на обочине я разглядел неподвижный «форд». Присев рядом с ним на корточки, курила женщина. Больше я не разглядел ничего, так как пронесся мимо нее маленьким торна-

до. Через несколько секунд я понял, что не мешало бы вернуться, очень не мешало бы вернуться. И я вернулся.

Ее звали Джил. Меня — Рекс, Тайри Рекс.

У нее была холодная кожа, славная холодная кожа, такая же, как и у всех нас. Свой первый рок-н-ролл мы танцевали на просторном заднем сиденье ее «форда» той же ночью. Я скрывался от ФБР, Джил — от своего мужа. И мы решили поиграть в прятки вместе.

Номер с продавленным аэродромом для молодоженов в отельчике «Голдфилд Инн», что в Финиксе, который был неплохо устроен для наших танцев, оказался также замечательным укрытием от прилизанных парней в белых рубашках с закатанными рукавами. Они искали некоего Фарвуда, свидетеля и предположительно главного виновника Невадской катастрофы. У каждого из них был жетон агента ФБР, автоматический пистолет и готовность пристрелить Фарвуда при первой же встрече. Рано или поздно кому-то из нас должно было не повезти.

10

Удивительно быстро юркнул в прошлое август. Солнце промчалось галопом через точку осеннего равноденствия. Пыльно-красное и пыльно-желтое заменили в привычной палитре пыльную зелень нашего лета. Каждая ночь была длиннее предыдущей, каждый новый дождь все дольше, все злее и злее стучался в наше окно. Все меньше и меньше отделяло нас с Джил от расставания. Это ощущение, сперва прозрачное и зыбкое, постепенно обрастало календарной сеткой, твердело, оформлялось в жестах, предчувствиях. Я получил передышку и отдохнул. Теперь я был снова свеж, снова взведен, как хорошая часовая пружина, я был готов сменить шкуру на кожу — и холодная октябрьская ночь окончательно доказала мне это.

В то утро я проснулся и почувствовал, что вымираю.

Ужас вымирания был заложен в нас еще тогда, когда первый ящер, сопя и отфыркиваясь, вылез на берег мезозойского моря, и, смакуя сладость чистого воздуха, сам того не желая, осознал себя как нечто, отдельное от окружающего мира.

Вначале были восторг и удовлетворение. Были игра солнца и волн, был хруст вкусных моллюсков, было ожидание встречи с себе подобными — как много они расскажут друг другу! Но солнце постепенно тянулось к горизонту. Вечерний ветер донес запах засыхающих хвощей и гниющих папоротников. И ящер, привычный к соленой свежести морской воды и счастливому бездумью, помрачнел, поднял голову и заревел, обращаясь к далекому лесу. Был канун Хэллоуина, стомиллионный год до Рождества Христова.

11

Тогда-то я и построил Машинку.

12

На кладбище динозавров гулял ветер, песок шуршал среди костей, и зеленые ящерки прятались в пустых глазницах. Древние хвощи и папоротники медленно превращались в уголь. Им на смену шли голосеменные, то есть елки. На елках сидели белки и занимались черт знает чем, а потом прибежали волки, они гонялись за зайцами, зайцы верещали, а волки скулили — было очень смешно, и утром я рассмеялся, беззаботно и громко, как в детстве.

— Сегодня будет славный день, — сказал я Джил за завтраком.

— Возможно. Но, кажется, ты проведешь его без меня, — мрачно ответила она, ковыряясь в омлете.

— Нет, Джил, с тобой. Сегодня у нас будет прощальный ужин. Я купил «Бифитер». Это ведь, кажется, твой любимый?

— Вау! — ответила она, смягчаясь, и добавила с улыбкой: — Так, значит, надеремся на прощание?

— На прощание, — сказал я.

13

Итак, странный праздник Хэллоуин.

На улице уже стемнело, парни из пожарной части, наряженные под воинство Сатанаила, проползли под окнами, горланя «Типперери». Мы сидели в номере. Неторопливо ужинали и не спеша пили. Говорили о разном. В углу около двери спокойно дремала Машинка.

Было очень уютно, и мне стало немного жаль, что совсем скоро этот библейский покой будет нарушен. И все-таки я с нетерпением ждал этого.

Наконец на улице скрипнули тормоза. Потом еще и еще.

Джил не обратила на это ни малейшего внимания, увлеченная болтовней, но Машинка стала потихоньку заводиться. «Моя ты хорошая!» — подумал я, когда в дверь постучали.

«Откройте, Федеральное Бюро Расследований!» — раздался деловитый голос.

Джил растерянно глянула на меня. Я улыбнулся и крикнул: «Добро пожаловать, у нас не заперто!»

Дверь отворилась, и в номер вошел не кто иной, как специальный агент Х. Смит. В руке он держал здоровенный автоматический пистолет, а лицо его источало искреннюю радость охотничьего пса,

приученного к крови. Машинку, оказавшуюся за его спиной, он, естественно, не заметил.

— Мистер отчасти Фарвуд — отчасти Тайри Рекс, если не ошибаюсь? — вежливо осведомился он.

— Ошибаетесь. С сегодняшнего утра меня зовут Тони Милн. По-моему, тоже неплохо, а?

— Неплохо, Фарвуд, неплохо. Кажется, был такой писатель, написал сагу про медведя Пуха и его друга-свинью. — Х. Смит нервно усмехнулся. Он, кажется, был не в себе от ликования. — Но, так или иначе, вы арестованы. Кстати, сообщаю — гостиница весьма тщательно оцеплена.

— Ну, это поправимо, — сказал я.

— Вот как? — сказал Смит.

— Чик-чик, — сказала Машинка.

— Ч-черт, — сказала Джил, и я остался в обществе двух трупов. Смит, уже падая, спустил курок, и короткая очередь прогулялась по номеру. Пули разбили оконные стекла, разорвали бутылку «Бифитера», одна из них вошла в Джил. Вошла очень удачно. По крайней мере мучиться ей не пришлось.

В окно ударили прожектора, и обычный в таких переплетах мегафонный голос предложил мне сдаться.

Я выглянул на улицу и понял, что становлюсь героем крепкого боевика с льстящим моему самолюбию бюджетом. Квартал был оцеплен. Крутились мигалки полицейских машин. Короткими перебежками между ними сновали какие-то типы в касках. На крышах соседних домов стояли прожектора и пулеметы. В небе висел боевой вертолет.

Я смотрел на все это и думал — какие же они кретины! И еще я думал о Бостоне, где сейчас, наверное, ужинает перед теликом Элен. У меня за спиной нетерпеливо жужжала Машинка, но я не спешил. Я знал, что по дороге в Бостон она еще наработается. Об этом я думать не хотел. А думал я о том, как приду к Элен и увезу ее с собой в Финляндию, где, кажется, нет даже мух, не то что жужелиц. Зато есть водка с вершины мира.

Она не будет сопротивляться, я был уверен в этом.

Потому что я понравлюсь ей.

Потому что я симпатичный парень и совсем не старый.

Потому что теперь я, как и она, — млекопитающее.

1991 г.

ОТ АВТОРА

Россия, август 1941 года, осыпаются неубранные хлеба. Где-то под Смоленском отступает стрелковый батальон. Он держал позиции пять дней и наконец незнакомый офицер из штаба дивизии привез приказ на отход. От батальона осталось меньше роты, батальон идет на восток, к верховьям Волги. Впереди петляет через холмы разбитый проселок, рокочет далеко за лесом тяжелая артиллерия. Своя? Немецкая? Черт разберет.

Большак, который проходит южнее, уже оседлали немцы. Моторизованная рота — передовой отряд панцердивизии — тоже пылит к Волге. Мотоциклисты и пехота на бронетранспортерах спешат выйти к реке и оседлать переправу, опередить отступающих русских.

У них — рота, у нас — батальон, и, если судить по штатному расписанию, мы сильнее в четыре раза. Но на самом деле людей у нас меньше, да и пулеметов осталось только два. У немцев же одних пулеметов десять штук, и автоматическая пушка на бронемашине, и пехотинцев у них девяносто, и с ними — кураж победного марша от самого Бреста.

Русский батальон дойдет до Волги и будет рассеян пулеметным огнем. Потом, в сумерках, красноармейцы по одному, по два будут искать переправы на тот, восточный берег. Кто-то доплывет, кто-то через четыре года дойдет до Берлина...

А теперь представьте себе, что на дворе — осень 1943. Русские из этой истории — немцы, а немецкая моторизованная рота — советские автоматчики на броне танков Т-34.

От Брянска до Черного моря на запад наступает Красная Армия. Ее цель — Днепр, главный приз кампании — Киев. Немецкий фронт рушится, резервов не хватает ни на что. Советские танковые корпуса прорывают расшатанную оборону и один за другим выходят к Днепру, рапортуют в Москву о разгромленных штабах и многотысячных толпах пленных. Линии фронта в такие дни просто не существует. Ошметки разбитых немецких частей на левом берегу Днепра предоставлены сами себе. На дорогах их расстреливают с воздуха «бетоненбомберы» — советские штурмовики Ил-2 — и давят гусеницами «тридцатьчетверки». Предусмотрительные уходят бездорожьем, бросив всё. Они пробираются через овраги и ивняки, и самые везучие все-таки дойдут до Днепра, а самые-самые везучие даже переплывут реку.

Мой рассказ — о тех, кто дошел до Днепра. Но рассказ — не о войне, или, точнее, не совсем о ней.

Советская пресса некогда критиковала знаменитый роман Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда» за узкий взгляд на войну. Дескать, В. Некрасов смотрит на войну из-за бруствера окопа (впрочем, автор этого и не скрывал, этот факт вынесен в название книги!), далеко не глядит, в его книге недостаточно отражены стратегические, полководческие аспекты Сталинградской битвы. Так и есть: стратегические аспекты в замечательном романе В. Некрасова не отражены никак. Он был командиром роты и писал о том, что относилось непосредственно к сфере его компетенции, о том, что он видел и слышал, находясь на передовой.

Автор рассказ «У солдата есть невеста» заходит в этом отношении дальше Некрасова и смотрит на вещи еще уже. Это взгляд на войну даже не из окопа и не через танковый триплекс. Это взгляд на войну, брошенный убегающим человеком через плечо. И война для него — уже не война как «продолжение политики», и не «управляемое движение техники и человеческих масс», а неуправляемая вселенская катастрофа, жертвой которой он может стать в любую минуту.

Герой моего рассказа — нетипичный «типичный немец» Второй мировой.

Зовут его Ганс, он не является нацистом-фанатиком, он хочет домой, в Германию — и это типично. Но он не блещет бравым сортирным юмором, не алчет шнапса, не ругает «этих болванов в штабах» и «этого бесноватого в Берлине». И это нетипично. Ганс достаточно далек от мифологического образа немецкого солдата, созданного современной литературой. Да и от образа «настоящего немецкого солдата», настырно выстраиваемого немецкими мемуарами о войне (составляющих в настоящее время обширный пласт «фольк-истории») он далек тоже.

В общем, Ганс не похож на немецкого вояку. Хочется надеяться — тем и интересен.

Когда иваны взяли Харьков, Ганс понял: впереди у них еще одна невыносимая зима.

Раньше Ганс любил зиму. Она катила на серебряных санях по неосквернённой свежести первого снега, дышала рождественской снедью и была крепка, как вино из побитых ранними заморозками виноградных ягод.

Русская зима была совсем не такой.

Она ступала красным медведем и рычала танком, пахла железом и прожаренной от вшей одеждой. Обжигала гортань, как взятый из брошенной хаты крестьянский самогон. А снег был как саван, который расстелили повсюду предупредительные невидимки.

О невидимом и его земных делах Ганс размышлял охотно и часто. Недаром, перед тем как загреметь на Восточный фронт, он всерьез собирался посвятить себя постижению незримого. Первые четыре месяца на фронте Гансу не давала покоя одна мучительная мысль: родись он на несколько лет раньше, он успел бы выучиться и, глядишь, попал бы в армию не солдатом, а священником.

Казалось бы, какая разница, кем именно умирать?

Но Ганс готов был поклясться, что есть, есть эта разница. Все равно, если он кого и убил, так, наверное, случайно. А женщин Ганс не знал никогда. Псалмы — другое дело.

Когда немецкая армия начала откатываться к Днепру, стало даже хуже, чем было под Белгородом.

Крылья люфтваффе, еще недавно такие сильные, вполнеба, ослабли теперь. Вот и случилось, что сутки назад, на рассвете, взвод, к которому Ганс был временно приписан, взлетел на воздух вместе с колхозным коровником. Коров там не было, только вырезанный из журнала портрет лысого, с прилизанным клином бородки и старомодным галстуком в горошину, человека. И за пять минут перед смертью товарищи Ганса ехидно спорили: кто это на портрете — киноактер или местный святой?

Весь день и всю ночь невесть как уцелевший Ганс брел, не останавливаясь, в сторону Большой Реки.

Он привычно волочил за собой престарелую винтовку — боялся трибунала. Толку в винтовке без патронов не было решительно никакого.

Есть было нечего, во фляге давно кончилась вода, во рту — слюна. А потому, когда Ганс завидел долгие, серые днепровские воды, по-сиамски сращенные животом с сизыми небесами там, вдали, его глаза растроганно увлажнились.

Он проворно спустился по тропинке на берег, раздвинул руками камыши, ввалился в воду и присел на корточки. Забулькала, алчно наполняясь, солдатская фляга.

Это только у дураков мгновения блаженства пролетают быстро. Рачительный Ганс смог вполне насладиться каждой куцей секундой блаженства — он пил медленно, смакуя глотки. Наконец, утолив жажду, он вновь выбрался на берег, где под стражей высоких елей стояли живописно вековые дубы.

«Бог есть вода!» — подумал Ганс.

Ох и хорошо же ему стало! И даже Руссланд, до самых облаков наполненный скорбной тишиной напополам с тревожным шуршанием камыша, в те мгновения не казался ему больше северным филиалом Ада, но лишь еще одной проклятой цветной лужей на пестром школьном глобусе.

Если бы близорукий Ганс не потерял во время своего бегства очки, он может и заметил бы, что из камыша на него смотрит, смотрит не по-птичьему умно и пристально, черный глаз дикой утки.

Лейтенант Ландау, некогда благоволивший рядовому Гансу Бремерфёрде, любил повторять, что на войне, как и в жизни, умирают всего один раз. Получается, зачем дрожать за свою шкуру?

С этим утверждением Ганс был согласен лишь отчасти.

Бояться смерти действительно глупо. И с каждым днем, проведенным в украинских степях, этой глупости в Гансе становилось меньше.

А вот с тем, что на войне умирают один раз, Ганс согласен не был. На войне ты умираешь часто, иногда каждый день.

Провалился под расколотый снарядами лед во время атаки — все равно что умер, даже если тебя все-таки вытащили. Размозжило голову товарищу, который вчера вытаскивал тебя из-подо льда, — снова умер. А потом еще раз умер, когда пуля чиркнула по твоей каске, а дюжина других превратила в сито полу твоей шинели.

В сущности, война есть череда таких вот мелких смертей. Без права полного и окончательного воскресения.

В тот миг, когда медленно подкрадывающиеся сумерки у него за спиной вспорол хруст потревоженного сухостоя, когда возле самого уха щелкнул курок взведенного пистолета, в груди у Ганса привычно похолодело. Еще одна смертюшка-невеличка.

— Я... Клаус, — представился человек с пистолетом. — Фамилия — Берг.

— Меня зови Глоссер, — тяжело дыша, сообщил второй.

— Фельдшер Хорнхель, — буркнул третий, он спустился с кручи самым последним.

Троица была живописной даже по меркам военного времени — двое, Клаус и Глоссер, были ранены, один в голову, другой в плечо. Из-под блеклых, обсыпанных пылью повязок сочилась беспокойная кровь, навевая мысли о неминуемом сепсисе, о плотном госпитальном запахе, в котором, как в пруду, плавают сонные фельдшера.

Третий, Хорнхель, как раз и был таким сонным фельдшером. Он хромал на одну ногу, его тонкое и кривое, до бровей заросшее щетиной лицо было похоже на лицо первой скрипки Венской оперы, которую, вместо Паганини и Штрауса, месяц кормили жидким говном из карцерной параши

— Курить есть? — поинтересовался Клаус.

Вместо ответа Ганс открыл свой ранец, привычное содержимое которого было на треть замещено полнотелыми кубинскими сигарами El Rey del Mundo — единственным сувениром, который прихватил он в память о своем погибшем взводе, о заядлом курильщике лейтенанте Ландау.

Щедрость, проявленная Гансом, тут же расположила к нему всю троицу.

— Ты что же это... от своих отстал? — поинтересовался Клаус, затягиваясь во все легкие, как будто сигаретой.

— В-все погибли, — отвечал Ганс. Он заикался с самого детства, не заикался только, когда читал вслух псалмы и Четвероевангелие.

— Бывает. Тогда будешь с нами, — сказал Клаус, не столько предлагая, сколько, как показалось Гансу, приказывая. И тут же закашлялся. Крепкие сигары.

— А ч-что... вы?

— Мы будем переправляться. На правый берег. Сейчас. Здесь.

— Но п-почему здесь? П-по моим расчетам... в десяти километрах от нас... должна быть п-переправа! Мост... л-лодки...

— Ты на этой переправе был? — зло поинтересовался Хорнхель.

— Нет.

— Я был. Там конец. Просто конец всему.

— В с-смысле?

— Катастрофа.

— Д-давно уже катастрофа, — пожал плечами Ганс.

— Там, — Клаус махнул рукой в сторону, откуда слышалось удаленное уханье и грохотанье и его складное лицо на мгновение изуродовала истерическая гримаска. — Там... В общем, туда я больше не пойду.

— Я тоже, — хрипло поддакнул Глоссер.

— Обойдемся без них. Поплывем сами, — подытожил Хорнхель.

— Н-не надо... п-плыть. Вода холодная. Оч-чень, — сказал Ганс. Он попытался вложить в эти слова всю силу своего убеждения, хотя и знал, что вкладывать ему особо нечего.

— Ты что, совсем дурак? Мы поплывем на лодке! — вспылил Клаус, заикание Ганса его раздражало.

— И г-где ваша лодка?

— Мы ее сделаем. Сейчас. Для четверых мужиков это не задача! — убежденно сказал Глоссер.

— Н-на меня н-не рассчитывайте...

— Не дури. Иваны пленных не берут.

— Т-так даже лучше.

Оказалось, они еще с вечера, когда погибла под бомбежкой их санитарная автоколонна, решили выдолбить лодку из ствола дуба.

Такую лодку — она называлась пирогой — Клаус видел однажды в английском музее, в той части экспозиции, где над саблезубыми ожерельями скрещивались с бивнями мамонтов каменные топоры и палки-копалки. Там, возле намалеванного косматого костра, хлопотали хозяева этой щербатой громадины — восковые фигуры бровастых, похожих на горилл, первомужчин и первоженщин, мало общего имевших с благолепными Адамом и Евой с церковных росписей.

У Хорнхеля имелся отличный топор.

— Мы ее выдолбим вот этим топором, — объяснил фельдшер. — Сядем в нее, все вчетвером. И просто переправимся на тот берег, к нашим, пока русских здесь нет. Лодка нас спасет!

— С-с-спасает т-только Б-б-бог! — угрюмо сказал Ганс. — А лодка н-на воде держится...

И добавил:

— Х-хочу умереть.

«Хочу умереть» стало для Ганса чем-то вроде откровения.

Это как в школе на арифметике. Решил задачу про двух кавалеристов, один из которых движется в Рейхенау с такой-то скоростью, а второй из Рейхенау с сякой-то, все сошлось, ответ правильный. Какая радость, господин учитель!

Если умереть равно не жить, значит, именно этого ему больше всего теперь и хотелось — не жить.

Когда пил из фляги — он еще сомневался. А потом и сомнения ушли. Пусть делают лодку, плывут хоть куда. Он, рядовой Бремерфёрде, останется на этом берегу. И будь что будет.

Ганс взобрался на ствол выкорчеванного недавней бурей великанского дуба, который тянулся сквозь камыши к стремнине, словно надеялся когда-нибудь дослужиться до моста. Прошел по стволу вперед, для равновесия расставив самолетиком руки — как по гимнастическому бревну. Камыши сомкнулись за его спиной, ствол медленно истончался к вершине и вот уже упруго хлюпала вода, когда он, придерживаясь за сучья, легонько подпрыгивал на месте.

«Сюда бы удочку», — с тоской подумал Ганс.

От вершины поваленного дуба открывался мир: подернутые густеющей моросью речные дали, бронзовые шапки осенней листвы, дымный, громкий огненный ад по правую руку...

Ганс извлек спички, сигару, отрезал сигарный кончик перочинным ножом и, опершись сутулой спиной о торчавшую под острым углом к воде ветку, прикурил.

Теперь он полулежал, буржуазно отведя в сторону руку, а между тонких его пальцев — у Ганса были тонкие пальцы, да и сам он был словно смычок — как между сухих сучьев вился плющом табачный змий.

Вот с полных губ Ганса сорвался ажурный дымный бублик, ветер подхватил его и уронил на воду, походя коснувшись эфемерным краем палевого крыла дикой утки. И в миг соприкосновения субстанции водной с субстанцией дымной рябенькое утиное тело словно бы увеличилось, запылало белым пламенем.

Близорукий Ганс не видел этого — запрокинув острый подборо-

док, он смотрел в небо, которое, как глаза покойника, ничего особенного не выражало.

Лишь когда утка выбралась на раздвоенную оконечность древесного ствола (по нему уже воды катились, дальше — глубина) и, валко прошлепав пару шажков в сторону Ганса, обратилась девушкой, Ганс спустился с небес на землю.

Нужно сказать, утиные метаморфозы заняли меньше минуты. И стороннему наблюдателю, этому вечному скептику, мог бы даже привидеться некий банальный обман с переодеванием. Будто бы не утка превратилась в девушку, а девушка, гуттаперчево согнувшись в три погибели, сначала надела на себя водонепроницаемый костюм с наклеенными рядами перьев, бутафорскую шею и тут только что плавала, а после выкарабкалась на дубок и, отбросив тряпье и ласты, распрямилась, увеличилась и предстала нагой.

Ошарашенный Ганс закрыл глаза. Снова открыл.

Как будто зрение улучшилось. Он видел гостью отчетливо, до самой малой родинки на ключице. Словно и не терял никогда очков.

Красавица. Немыслимая красавица какая-то. Убранная восковобелыми и густо-синими цветами головка, жемчужные волосы до самых лодыжек, под тонкими бровями сияют нежным холодом глаза-сапфиры, а может — глаза-топазы, в зависимости от того, на что она смотрит, а взгляд такой нездешний, умный. Рисовать бы и рисовать эту крутую линию носа, эти правильные глянцевые губы, которые не целовать хочется, но любить безответно... Нет, лучше снимать такую фильмовым аппаратом, чтобы потом, в бархатной утробе залов, любовались усталые люди этой дивной длинной шеей, покатыми плечами кинодивы, налитыми грудками юной одалиски. Какая же ты стройная, матовая, молочная, белая, о, господи. О, Господи.

— Как твое имя?

— Царевна-Лебедь.

— Лебедь — фамилия, а Царевна — имя?

— Неправильно! — прыснула со смеху красавица. — У меня нет фамилии. Царевна — это титул. А Лебедь — это то, чем я в действительности являюсь.

— У тебя совсем нет имени?

— Нет.

— Плохо без имени. Непонятно, как... ну, например, молиться за тебя, — вздохнул Ганс.

— Можешь молиться за Аленушку. «Ганс и Аленушка» — неплохое название для сказки.

— Значит, Аленушка... Ты русская?

— Да.

— Откуда ты знаешь немецкий?

— Я не знаю немецкого.

— Но тогда на каком языке мы сейчас говорим?

— На всеобщем языке. На том языке, на котором все понимают всех.

— Ага, — кивнул Ганс. Он только сейчас заметил, что перестал заикаться. Очень странное, хотя и знакомое, церковное ощущение. Как будто во рту вырос новый язык — взамен старого. — Кстати, откуда ты знаешь, как меня зовут?

— Я слышала, как твои братья, — девушка кивнула в сторону берега, где за кулисами из камышей, ветл и вербы остервенело работали топором, — называли тебя Гансом.

— Они мне не братья. И даже не товарищи.

— Все люди братья. Все лебеди братья.

— Послушай, Аленушка, ты ведь, наверное, русалка? Угадал, да? Наши немецкие поэты много про вас писали — баллады разные, стихи.

— Нет же! Я не русалка, а лебедь, — отвечала девушка, как показалось Гансу, сердито. — Русалки — они ведь утопленницы, у них зеленая кожа, они пахнут тиной, дохлой рыбой. У русалок вздутые животы, отвисшие пустые груди. Русалки — лукавые и злые сранницы, чреслобесием одним живут. Видать, тем и любезны поэтам.

— Наши немецкие русалки совсем не такие! А впрочем... Знаешь, я все равно в нечисть не верю! — признался Ганс.

— Во что же ты веришь?

— В Бога, конечно!

— Ну, в Бога все верят, — Аленушка сделала торжественно-скучное лицо.

— Не скажи. В последнее время не все. Когда я хотел стать священником, отец сказал, что знает только одну настолько же дурацкую профессию — профессию трубочиста.

— Пошутил?

— Если бы! Слушай, у меня... когда я на тебя смотрю... появляются разные греховные мысли. Может, ты оденешься? Не холодно тебе?

— Гм... Обычно мужчинам нравится женская нагота... — с этими словами Аленушка стыдливо прикрыла одну грудку рукой, другую приложила к нежно оволошенному лобку и стала похожа на всех скульптурных афродит разом.

— Еще больше чем сама нагота мужчинам нравится воображать наготу, — заметил Ганс задумчиво.

Но не успел Ганс окончить свою мысль, как с берега послышались зычные крики Клауса.

— Ганс, черт тебя забери, ты что там, утонул? Га-анс! Иди сюда! Курить охота!

Тот мученически скривился и глянул на свою новую знакомицу, оставляя решение ее суду.

Аленушка посмотрела на рядового Бремерфёрде сочувственно, дотронулась до его плеча ледяными пальцами.

— Сходи, — сказала она. — Но только возвращайся.

На поляне, возле заваленного кое-как дерева, горел костер. Над огнем булькала пара чумазых солдатских котелков. Знакомая, умиротворяющая картина!

У огня на бревнах Глоссер, Хорнхель и Клаус молча давили вшей. Шинели расстегнуты, лица потные, сосредоточенные. Чувствовалось, все трое здорово выложились. «Да и топор, небось, затупили. А теперь злятся», — догадался Ганс.

Важно нахмурив лоб, Глоссер приблизил к губам два пальца, расставленных «викторией» — как будто поднося ко рту невидимую толстенную сигару.

Понятливый Ганс запустил руку в ранец и достал курево.

Физиономии Глоссера и Хорнхеля тотчас набрякли дружелюбием. Только Клаус, как видно, решил посостязаться в суровости с дикими германцами из древнеримских хроник.

— В последний раз тебя спрашиваю, заморыш. С нами плывешь? — спросил он грозно. Клаус был раздет по пояс и всякий мог видеть его тугие мускулы, любоваться здоровым лоском кожи, лишь возле запястий покрытой мелкими белесоватыми волосками. Настоящий арийский витязь — удивительно, почему не в гренадерах. С такого Самсона надо рисовать, который тысячу филистимлян перебил ослиной челюстью. А может и самого Хагена из «Нибелунгов».

— Так что, плывешь? — повторил вопрос Глоссер, плюгавый ученик автослесаря из Гамбурга. Несмотря на ранение, он работал за двоих.

— Н-нет.

— А лодку строить будешь?

— Н-нет.

— Может, ты и есть не будешь? — с нажимом спросил Хорнхель.

С этими словами фельдшер присел возле котелка, зачерпнул ложкой суп и изобразил пантомиму «райское блаженство».

У Ганса закружилась голова — от сытных запахов, от осознания того, как давно он ел в последний раз.

На коленях у Клауса появился ржаной, с бурой корочкой, ноздреватый хлеб. Рот Ганса затопило горячей слюной.

— Так что, есть будешь?

— Д-да.

— Поделимся, если отработаешь по-честному.

— Ты не думай, мы не жадные, — оправдываясь, сказал фельдшер Хорнхель. — Просто нам жить хочется. Скоро здесь будут иваны — слышишь как близко уже? И все тогда. Понимаешь? Все.

— Я очень х-хочу есть, — взмолился Ганс. — Дайте хотя бы один к-к-кусок хлеба. Х-христос говорил...

— Хочешь жрать — работай! — рявкнул неумолимый Клаус.

Вот и пришлось Гансу долбить дуб топором. Каждый удар отдавал свинцовой колотушкой в позвоночник, в затылок, в самую душу. Ломило спину и суставы. Из прикушенной губы сочилась на подбородок кровь.

Как ни странно, надолбил Ганс изрядно — с три ведра отменных дубовых щепок. Дно будущей лодки отступило вниз примерно на пол-ладони.

Наградой же ему был наваристый суп из местных красноголовых грибов с толстой штрихованной ножкой и плотного, величиной с мыло, куска желтого, лежалого свиного жира, который, как утверждал Клаус, является одним из основных продуктов питания русских.

— У них эта дрянь называется salo. Это ест даже Сталин!

Глоссер, Хорнхель и Ганс недоверчиво промолчали. Однако суп и впрямь получился ничего. Тем более, в котомке у Глоссера имелся кусок колбасы. Настоящей, немецкой колбасы кнокворст. И каждый шишковатый кольчик колбасы этой был в тот миг едокам дороже всей Великой Германии.

Но ужин кончился. И Ганс тайком посмотрел на свои часы, чудом уцелевшие в передрягах последних месяцев. А ведь Аленушка ждет его, наверное. А вдруг уже не ждет?

— Да что ты ерзаешь, понос у тебя что ли? — не выдержал Хорнхель

— Н-нужно отлучиться.

— Подумаешь, какой вежливый. Мог бы и не предупреждать.

— Я н-надолго.

— На сколько?

— На час.

— А лодку долбить? Или как жрать, так ты с нами, а как работать?.. — грозно осведомился Клаус.

— М-мне нужно. Я потом отработаю...

— Да что там можно делать целый час?

— У меня... с-свидание, — сказал Ганс.

— С медведем?

— Н-нет. С девушкой.

— Я же вам говорил — он сумасшедший! Девушка у него... в лесу! Знаю я эту девушку. У самого таких две — правая и левая, — хохотнул Глоссер.

— Да какая разница! Пусть идет... Псих!

— Глоссер, твоя очередь.

Глоссер, обнажив черно-бурую поросль на хилой груди, перехватил топор здоровой рукой и принялся за работу.

Стемнело. Выкатилась луна, оспинами высыпали звезды.

Ганс сидел на бревне с видом на знакомый омут и, обмирая, прислушивался к каждому шороху. Наконец, на лунной дорожке показался силуэт. Нет, не лебедь. Какая-то... утка. Неказистая совсем.

Но утка-то, вот эта самая серенькая нескладеха, вышла на берег и стала девицей! В этот раз Ганс не пропустил ни одного изгиба волшебной метаморфозы. Но, напротив, пялился на становящееся чудо во все свои детские глаза.

— Царевна, — с блаженной улыбкой произнес он.

— Ганс... — ответила ему сладкой улыбкой царевна. Теперь она была одета — запахнута до босых пят в нежную, на пушистую взвесь похожую, шубку.

— Послушай, я, конечно, не специалист... Но, по-моему, лебедь это какая-то другая птица. Нет, точно другая. Та птица, из которой ты... превратилась — это утка, — заметил Ганс.

Аленушка смущенно зарделась.

— Верно, утка. Но на самом-то деле я все равно лебедь! С белыми крыльями, с длинной шеей, ладная, медленная. Я такой всегда была. Но потом... — Аленушка печально смолкла, будто бы задумавшись о чем-то далеком и печальном.

— Постой-ка... Сначала ты была лебедь... А потом?

— Потом я полюбила одного человека.

— Солдата? Такого, как я? — спросил Ганс. Он знал: женщины любят все повторять.

— Он был не солдатом, а царевичем.

— Ого! Царевичем!

— Я полюбила его, а он меня обманул и бросил брюхатой. После него я очень долго никого не любила.

— Долго — это сколько? — Ганс знал, что часто женщины говорят «долго», имея в виду три дня.

— Где-то лет пятьсот.

Ганс присвистнул.

— А потом?

— А потом я увидела тебя. Ты сидел у воды, пускал изо рта дым и плакал. Я внимательно на тебя посмотрела и поняла: ты плачешь не потому, что боишься умереть. Но потому, что тебе жаль тех, кто боится. Всех вообще жаль — и братьев, и кавалериста, который выехал из Рейхенау, и даже того, который в Рейхенау только собирается. Раньше я никогда не видела мужчин, которые не хотели бы жить из-за того, что им жаль всех. Царевич, которого я любила раньше, он вообще никого не жалел. Если я и могу представить того царевича плачущим, так это только если бы он вдруг лишился своей казны. Или если бы умер его сын.

— У него был сын?

— Даже три сына! И еще жена. И палаты белокаменные, дев без числа, много золота и толпа бояр. Министров по-вашему.

— Какой же он после этого царевич? Он, получается, царь, — поразмыслив, произнес Ганс.

— Верно, царь. Он меня обманул, когда сказал, что царевич.

— А ты?

— А я его убила.

— Убила? Разве можно так?

— Нельзя... наверное, — неуверенно отвечала Аленушка. — Но ведь он душу мне покалечил! Белые, ладные лебединые перья смыла с меня, с калеки, мачеха моя река, а вместо них выросли у меня, горемычной, новые перья, утиные. Бедные и некрасивые.

— Не пойму, как хрупкая девушка может убить сильного бородатого русского царя, — с сомнением покачал головой Ганс, ему сразу вспомнится Rasputin из скверного довоенного фильма. — Тем более, раньше ведь не было никаких пистолетов! Сочиняешь ты, Аленушка. Наговариваешь на себя.

— Нет, послушай же! После того как царевич обесчестил меня и бросил брюхатой, ему стало стыдно. Он не мог даже спать ночами — стыд, как крыса, грыз ему печень. Однажды он до того намаялся, что пришел сюда, на берег. Было новолуние, суббота. За спиной у царевича висел лук, на боку — колчан отравленных стрел. Он хотел застрелить меня. Думал, коли сживет меня со свету, ему станет легче. Когда я смотрела на его злое лицо — он прятался как раз за тем дубом, что срубили твои братья, — мне было так больно, как никогда не было в моей жизни. Я ударила хвостом, превратила его в утенка и заклевала до смерти.

— Страшные вещи ты говоришь, Аленушка.

— Ты сам попросил.

— Скажи, а почему ты мне открылась? Ведь я совсем даже не царевич, — Ганс улыбнулся надтреснутой стариковской улыбкой,

которая наготове у всякого мужчины, считающего себя ничтожеством.

Аленушка сдвинула свои царственные брови, задумалась и наконец решительно выпалила:

— Я хочу, чтобы ты полюбил меня так, как никогда не любил тот царевич.

— Так не бывает, Аленушка. Невозможно полюбить по первому требованию.

— Это обычных женщин невозможно. А меня — запросто.

С этими словами Аленушка распахнула свою палевую шубу из перьев и Ганс увидел ее стройное обнаженное тело, скроенное развратнику на погибель. Кожа матово блестела в лунном сиянии, соски задорно напряжены, как у девушек с похабных открыток, что продавал из-под полы случайный приятель Ганса, полячишка по имени Яцек, он еще работал в магазине готового платья... Внезапно Ганс почувствовал, что Аленушка не преувеличивала. И что в крови у него есть уже любовь к ней, живучая и смертельная, как какая-нибудь холера.

— Только... Не понимаю я. Зачем такой красавице неумелая моя любовь?

— Может, твоя любовь снова сделает меня лебедем?

— Да возможно ли...

— В тебе есть то, что я в несчастьях своих растеряла — чистота, чувствительность и строгость, — объяснила царевна. — Лебедю без этих качеств никак нельзя!

— Да не мои это качества, Аленушка. Это немецкое... Можно сказать, подарок фатерлянда. Не знаю, как объяснить...

— Да что объяснять! Ты со мной поделись. Вот и все.

— Ганс, говнючье отродье, ты где? Хватит праздновать лентяя! Пора работать! — прорычал Клаус.

Судя по звукам шагов и хрусту валежника, эталон арийской расы неумолимо приближался к уютному ельнику, который Ганс и Аленушка избрали себе пристанищем. Там, под сенью высоких черных деревьев, было так покойно Гансу, как не бывало даже в детстве, когда он, сбежав с постылых уроков, прятался в церковной голубятне.

— Ганс, ты где? — не унимался Клаус, его голос звучал испуганно.

— Имейте с-совесть, — громко сказал Ганс и посмотрел на часы. Их фосфоресцирующие во тьме цифры выглядели не просто козявками, но некими тайными константами мрачного магического ритуала — Ч-часа еще не прошло! С-сейчас очередь Глоссера!

— Глоссеру плохо. У него рана открылась. Хорнхель зашивает, — Клаус остановился на поляне и упер руки в бока.

— Все равно. Д-дайте передохнуть!

— Ты тут, что ли? Ты меня видишь? — спросил Клаус, яростно всматриваясь в черноту. Он даже на карачки встал, из-за чего его круглое упитанное лицо с носом-кнопкой приобрело сходство с мордой азиатского волкодава. — Так видишь или нет?

— Вижу, — ответил Ганс после долгой паузы

— А я тебя не вижу. Ты что там, сапоги, что ли, моешь?

— Н-нет, — натужно сказал Ганс. И покраснел.

— Спишь?

— Да н-нет же, Клаус. Прошу тебя. Уйди, — в голосе Ганса звучали бессилие и мольба.

— Нет, ну правда, меня любопытство мучит. Может у тебя там не только сигары, но и бутылка шнапса припрятана? Не верю я, что в такую ночь можно просто так от костра уйти.

— Я же т-тебе говорю, я с девушкой.

— Сказки для детей побереги.

С этими словами Клаус, чьи глаза уже достаточно привыкли к темноте, раздвинул пушистые еловые лапы и...

— Добрый вечер, человек, — медленно сказала Аленушка, глядя на гостя в упор. Она плотно запахнулась в свою шубу, подобрала под себя ноги, выпрямила спину (ну просто не лебедь, а кобра, выныривающая из мешка индийского заклинателя, — удивился Ганс) и подняла подбородок. Ее глаза стали цепкими и безжалостными, взгляд — пронизывающим, как северный ветер.

«Сразу видно что царевна.»

Грациозно подавшись вперед, Аленушка протянула Клаусу руку для поцелуя. А Клаус, влекомый не то властью этикета, не то личной гипнотической силой царевны, запечатлел на ее костистой руке старообразный, как будто из романа о Вертере украденный, поцелуй. Безумно и странно все это выглядело. Ведь Клаус по-прежнему стоял на четвереньках.

— Ах, милый Клаус, — сказала Аленушка с холодным жеманством. — Неужели вы намерены вновь похитить у меня моего дорогого жениха? Переведи-ка ему, милый, — добавила она вполголоса, обращаясь, конечно, к Гансу.

Ганс перевел — со всеобщего на немецкий.

— Прошу прощения, милая фройляйн... — смутившись, пробормотал Клаус, его лицо пылало, а волосы торчали дыбом сквозь прорехи в окровавленной повязке. И добавил, уже на ломаном русском, выученном еще во время прошлогодних продуктовых вылазок. — Isfini mne... krasiffaya... Ya... tolko nado... tvoi cheloffek... dlya... rabota!

И, к Гансу уже взывая, прочувствованно выпалил:

— Ганс, да помоги же, осталось немного! Хочешь, на колени перед тобой стану?

* * *

Обессиленный Ганс вернулся, когда луна уже клонилась за горизонт.

Он очень боялся, что Аленушка не дождется. Но боялся напрасно.

Стоило его кудрявой голове оказаться под пологом колючего шатра, как Аленушка вскочила со своего сымпровизированного из шубы ложа и вытянула к нему худые руки. Потом как будто застеснялась, опустила взгляд. Откинула назад белые косы, сложила на коленях руки. Мол, вверяю себя тебе, мой завоеватель.

А когда она вновь посмотрела на Ганса, взгляд ее был пристальным, призывным. И Гансу показалось, что если бы сейчас царевна позволила поцеловать себя хоть один раз, то ни о чем более не жалел бы он до самой смерти. Ее живое тепло все искупило бы — даже ту ночь, когда он ел, для согреву обложившись трупами, вчерашний суп из кошатины. Оно стало бы всему — и дурному, и доброму — оправданием. Смыслом и причиной, омегой и альфой, как Христос.

Поймав за шиворот последнюю, нужно сказать, довольно крамольную с теологической точки зрения мысль, Ганс вдруг не на шутку испугался. И страх его был так силен, что бежать вдруг захотелось из этого чернильно-черного ельника, бежать со всех ног, пусть даже в самую пасть к русским, главное чтоб не к дьяволу. Но желание уже оцарапало ему душу, оно затягивало Ганса словно омут, и секунду спустя он уже утратил опору, вместе с самим желанием опору иметь, и тем, чем на опору следует опираться.

— Аленушка... — прошептал Ганс, от девушки мучительно отстраняясь. — Я могу... познать тебя чувственно?

— Да, — кивнула царевна.

— Только... нет у меня в этом деле... практического опыта.

— Пустое. Лучше поцелуй меня, — отвечала Аленушка и сладострастно к нему прижалась.

— Послушай, Аленушка, я только сейчас понял, зачем Провидению было угодно послать меня в Россию, — радостно сказал Ганс. — Теперь я знаю, что пришел за тобой. За моей невестой.

— Всякая война есть поход за невестами. За такими невестами, как я, — с улыбкой сказала Аленушка, и в этой улыбке сквозило неумолимо нечто великое и зловещее. Но Гансу было нипочем. Он уже стал безрассудным и неистовым.

Нежа белокожую Аленушку, терзая ее шею и грудь своими поцелуями, он словно бы с самой снежной Россией сопрягался, чьи запахи, глинистые и хвойные, снедные и кровяные, цветочные, ржаные, колодезные, ладанные и машинные, ржавые, крепдешиновые,

одеколонные, он собрал все, собрал тощим своим животом, скуластым своим лицом, широкими ноздрями — уползая от смерти по-пластунски, отсиживаясь в черных воронках, шагая дерзко сквозь несжатые поля пшеницы и по клеверным лугам. Россией пахла Аленушка. А вовсе не рекой и даже не лилией.

— Ты не просто царевна-лебедь, ты лебедь-страна, — пробормотал Ганс, вероломно нарушая государственную границу.

— Так и есть, — сказала Аленушка и бриллиантовым нездешним светом озарились ее глаза. Таким светом сияют кремлевские звезды и самоцветы в окладах церковных икон.

— Я хочу остаться в тебе навсегда.

— Навсегда, — эхом повторила Аленушка.

А когда отстраненным, далеким стал ее блаженствующий взгляд, Ганс вздрогнул встречь ей всем своим мосластым телом и Аленушка впитала все лучшее, все самое немецкое, что было в нем. Но Гансу Бремерфёрде не было жалко.

— Да где же опять наш задохлик? — спросил фельдшер Хорнхель, пряча в сумку медицинский инструмент. До войны он был зубным техником.

— Милуется там со своей русской, — отозвался Глоссер. Его лихорадило, его трясло, он цеплялся за разговор, как за соломинку. А Хорхелю ничего не оставалось как товарищу эти соломинки подбрасывать — за отсутствием более действенных лекарств.

— Как ее хоть зовут, ты понял?

— Язык сломаешь, вот как эту шлюху зовут. Пусть Берг скажет. Он умный, в университете учился на профессора. Скажи нам, как ее зовут, Клаус?

— Идите к черту, — простонал Клаус. У него перед глазами стояло неотвязно злое, зыбкое видение — стена плотного голубого тумана, в точности такого голубого, как глаза девушки, что была с Гансом в ельнике. Странным образом, отрываться от созерцания этой стены ему не хотелось. И, казалось, чем больше смотришь, тем больше понимаешь в том, что происходит вокруг, почему происходит. Если смотреть достаточно долго, можно даже узнать, когда кончится война.

— Тебе что, жалко сказать как ее зовут? Клаус, алё! Ты меня слышишь?

— Alyenushka Tsarevna Lebed', — буркнул Клаус, чтобы отвязались.

— Ну вот, совсем другое дело.

— Некрасивое имя, сумасшедшее какое-то. Правда, русские любят все сумасшедшее. Ты видел эту их штуку... Samovar? Видел? Я

тебе говорю, если где-то еще такие извращения есть насчет чая, то это только у китайцев, — заметил Хорнхель.

— Не пойму зачем это Гансу. Сидит там в ельнике. Продрог небось. Лучше бы с нами поговорил... Чертов предатель! — Глоссер треснул здоровой рукой о колено. На самом деле, он очень завидовал Гансу.

— Да оставь его. Лодка уже почти готова. До рассвета нужно отчалить.

Низко-низко прожужжал «рускартон», ночной бомбардировщик. Его неказистая при дневном свете фанерно-полотняная тушка раздулась во тьме до масштабов эпического сталинского сокола и уверенно, одну за другой, гасила звезды. Пилот наверняка заметил костер под крылом и наверняка порадовался: «Свои!»

— Да-а, нашел наш Иоганнес время для девок... — сквозь слезящийся прищур проследив за русской машиной, прокомментировал Глоссер.

— Да какая разница, какое время? У солдата должна быть невеста. Я рад за Ганса. Ведь, говоря по совести, кто еще ему даст кроме этой Alyenushka Tsarevna Lebed'? — рассудительно заметил фельдшер.

— Тоже верно, — Глоссер отер со лба пот и лицо его стало мечтательным. — Когда мы доплывем... Я хотел сказать, если мы доплывем, я буду приставать ко всем русским девкам, вообще ко всем...

— А у меня дома жена, — вздохнул Хорнхель.

Кожа на плечах, на спине Аленушки начала словно бы легонько пузыриться, набухать. Так растет тесто, так поднимается весенняя земля, которую вот-вот прорежут пробужденные талой водой зерна. Упругие лебединые перья росли прямо из предплечий, курчавились вдоль позвоночника, лоснились, распрямляясь, на упругих ягодичках. Однажды, высоко в Альпах, Ганс ездил туда в гости к кузине Анне, он видел целое поле, целое море кобальтовых, желтых, лиловых цветов, одновременно открывающих солнцу свои шелковые горстки. В чем-то главном похожая картина.

— Что же... Аленушка, — Ганс заправил рубаху в штаны и приподнялся на локте. — Теперь снова лебедь?

— Умгу, — не глядя кивнула Аленушка, она была заворожена собственными превращениями.

А когда она наконец посмотрела на Ганса, в ее незабудковых, снежно-голубых, текучих глазах Ганс прочел слова благодарности, воздушно-золотые, как пасхальное утро.

— Как хорошо, что я в тебе не ошиблась, — проворковала Аленушка, вдосталь налюбовавшись белым пушком на своей налитой груди. — Нужно отблагодарить тебя. Чего ты хочешь? Проси!

— Честно? Хочу... тебя видеть. Всегда.

— Нельзя. Проси что-нибудь другое. Людям опасно видеть нас часто.

— Но твой царевич, то есть твой царь, он же видел! — бросил Ганс ревниво.

— Все-таки он был царем... Если бы ты был верховным главнокомандующим, маршалом или хотя бы каким-нибудь, — Аленушка нахмурилась, припоминая мудреное слово, — премьерным министром, вроде Чурчилла...

— Значит хочу стать главнокомандующим.

— Твое светлое лицо почернеет в тот день, когда тебе нужно будет послать на верную гибель свой первый батальон...

— Тогда пускай маршалом!

— Глупости какие, Ганс. Я же серьезно тебя спрашиваю. Между прочим, я многое умею! Моего царского веления достаточно, чтобы возвратить тебя домой! Прямо в Нойхаус.

— Разве я говорил тебе, что я живу в Нойхаусе? Да и что мне делать в этом Нойхаусе? Первый же патруль отправит меня в тюрьму. В самом лучшем случае опять окажусь в окопе где-нибудь под Черниговом... Лучше уж оставаться на фронте и не дергаться.

— Ты уверен, что на фронте?

— Я имел в виду на фронте вообще... Лучше, конечно, не на Восточном, — пояснил Ганс уныло. Он лег на спину, подложив локти под голову. — Ну почему они не послали меня в Италию?

— Правда хочешь в Италию? Тебе куда — в Рим? Или в Анцио?

Ганс задумался. Представил себе танк, сиротливо урчащий в тени Колизея.

— Да не хочу я в Италию... Я с тобой хочу, Аленушка.

— Ну если ты вообще ничего кроме этого не хочешь, тогда лучше садись в лодку вместе со своими братьями и переправляйся на правый берег! — раздраженно бросила царевна-лебедь.

— Ты видела эту лодку? Да она перевернется, не проплыв и ста метров!

— Но она, скорее всего, доплывет, — уверенно сказала Аленушка. — Решайся, милый Ганс. Когда рассветет, я потеряю всю свою силу.

— Знаешь... Для себя я ничего не хочу. Сделай так, чтобы Клаус, Глоссер и фельдшер обязательно доплыли на тот берег живыми.

— Значит это и есть твое желание? — разочарованно спросила Аленушка.

Ганс долго молчал, не без интереса глядя на то, как прозрачно-белой опушкой облекаются стройные ноги царевны, как между пальцев ее отрастают фламингово-розовые поначалу, но вскоре уже кораллово-красные, с оранжевой жилкой, перепонки. Его сердце сжалось великой любовной тоской, но не той, которой сжимается оно при расставании с любимой, а такой, какая случается, когда расстаешься со всем, что вообще есть у тебя любимого и родного — с родиной или, может, с целым миром?

— Помнишь, ты говорила, что превратила того царя в утенка и заклевала его?

— Да.

— Значит, ты можешь и меня так?

— К чему это ты ведешь? — насторожилась Аленушка.

— Преврати меня, Аленушка, — попросил Ганс, с безыскусной, собачьей мольбой глядя царевне в глаза.

— Зачем?

— Мы полетим с тобой на... где там обычно зимуют лебеди?

— Есть одно потаенное озеро в Персии.

— Вот, вместе туда и полетим!

— Но я... Ты хоть представляешь себе, о чем ты просишь, Ганс?

— Не представляю. Зачем мне?

— Нет, Ганс. Я не могу. Это очень трудно. Ответственно.

— Но ты же сама говорила, что ты моя невеста. Ведь говорила, да? Говорила? — Ганс был в отчаянии, он больше не шептал, а кричал. И глаза его были полны не раздумчивой печалью, как раньше, но отчаянием и тупой болью.

— Ну, говорила, — неохотно согласилась Аленушка.

— Тогда сделай. Как невеста для жениха своего.

— Милый мой Ганс, ты пойми, что больше... ну... это все равно что умереть. То есть, в обыденном смысле, это так и будет выглядеть!

— Все понимаю, любимая.

Ганс стянул с ноги левый сапог. Пахнуло сыростью, грибами, грязью. Он брезгливо отшвырнул прочь истлевшую портянку и принялся за правый. Тот долго не поддавался, как будто присох к ноге. Пришлось разрезать его по шву и счистить, как кожуру, с запревшей, покрытой струпьями ноги. Затем пришел черед брюк и гимнастерки, вот уже белеет среди блеклых трав отброшенное прочь бельишко, сослепу можно принять кальсоны за притаившегося зайца-белька.

С тяжелым плеском шевелились воды Днепра. Гудела, рукоплескала мобилизованная ветром дубрава. А за лесом вставало бешеное солнце 1943 года.

Нагой, белый Ганс остановился у илистого приплеска, упер руки в бока, посмотрел вдаль.

Ускользнула в туман грузная черная лодка-беглянка, изо всех своих сил рвалась она к середине реки. Уже не разобрать кто да что. Выделялась только опоясанная бинтами голова Клауса. Глоссера совсем видно не было. «Видать, лежит на дне лодки.» Хорнхель энергично работал единственным веслом.

В осиннике, севернее дубравы, затарахтели пулеметы. Послышались голоса. Русскую речь не спутаешь ни с какой другой — как и кириллицу с латинской азбукой не спутаешь.

Лизнула пальцы на ногах Ганса речная вода, он попятился и зябко подернул плечом. Мурашки по телу.

— Входи в воду, не бойся, — приказала Аленушка.

— А помнишь, псалом такой есть — про воды... «Воды дошли до души моей»?

— Наверное, — рассеяно откликнулась Аленушка-лебедь, вертя своей длинной белой шеей. Она старалась, укладывала перышки — на крыле, вдоль хребта. Охорашивалась, невеста.

— Я каждое слово в этом псалме сейчас понял. Каждую запятую.

— Не отвлекайся, Ганс. Потом расскажешь...

Но Ганса было не остановить.

— Вот послушай... «Извлеки меня из тины, чтобы не погрязнуть мне: и да избавлюсь от ненавидящих меня и от глубоких вод... Да не увлечет меня стремленье вод, да не поглотит меня пучина, да не затворит надо мною пропасть зева своего...» Он это как будто для меня специально сложил, Давид-псалмопевец, — восхищенно сказал Ганс.

Вода была ему уже по горло. Оставалось только набрать в легкие воздуха и поглубже нырнуть. Перед тем как сделать это, Ганс обернулся — там, на жухлой траве, скучала его никчемная винтовка «Маузер» в компании ветхого тряпья, невдалеке притих похудевший сразу на весь сигарный запас ранец — это Клаус его обчистил.

Ганс улыбнулся — ведь ее почти не видно будет, эту чертовку-войну, если смотреть на нее сверху, с высоты лебединого полета.

Февраль—март 2004 г.

БИБЛИОГРАФИЯ АЛЕКСАНДРА ЗОРИЧА

Отдельные издания

Heraldica (Геральдика. Малые сочинения): Цикл прозаическихи стихотворных миниатюр. — Харьков: ХГЦКНО «Похищение Европы», 1996. — 88 с.

То же: Митин журнал, 1999, №57 — с. 320—408.

Знак Разрушения: Роман. — М.: ЭКСМО-Пресс, 1997. — 400 с. — (Абсолютная магия). (п)

То же: Роман / Обл. М. Петрова. — 2-е изд, испр., доп. — М.: Центрполиграф, 2001. — 480 с. — (Миры Александра Зорича. Пути Звезднорожденных 1). (п)

То же: Роман / Обложка Е. Деко. — М.: АСТ, 2007. — 416 с. — (Заклятые миры). (п).

Семя Ветра: Роман. — М.: ЭКСМО-Пресс, 1997. — 464 с. — (Абсолютная магия). (п)

То же: Роман / Обл. М. Петрова. — 2-е изд, испр., доп. — М.: Центрполиграф, 2001. — 492 с. — (Миры Александра Зорича. Пути Звезднорожденных 2). (п)

То же: Роман / Обложка Е. Деко. — М.: АСТ, 2007. — 446 с. — (Заклятые миры). (п).

Пути Отраженных: Роман. — М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. — 448 с. — (Абсолютная магия). (п)

То же: Под названием «Пути Звезднорожденных»: Роман / Обл. М. Петрова. — 2-е изд, испр., доп. — М.: Центрполиграф, 2001. — 492 с. — (Миры Александра Зорича. Пути Звезднорожденных 3). (п)

Люби и властвуй: Роман. — М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. — 440 с. — (Абсолютная магия). (п)

То же: Магическая фантастика: Роман / Обложка Н. Васильева. — М.: Центрполиграф, 2001. — 490 с. — (Перекресток богов). (п)

То же: Роман / Обложка Е. Деко. — М.: АСТ, 2006. — 448 с. — (Заклятые миры). (п)

То же, одним томом с «Ты победил»:

Люби и властвуй. Ты победил. Романы / Обложка Е. Деко. — М.: АСТ, 2007. — 800 с. — (Звездный лабиринт: Коллекция). (п).

Ты победил: Магическая фантастика: Роман. — М.: Центрполиграф, 2000. — 496 с. — (Перекресток богов). (п)

То же: Роман / Обложка Е. Деко. — М.: АСТ, 2006. — 448 с. — (Заклятые миры). (п)

То же, одним томом с «Люби и властвуй»:

Люби и властвуй. Ты победил. Романы / Обложка Е. Деко. — М.: АСТ, 2007. — 800 с. — (Звездный лабиринт: Коллекция). (п).

Боевая машина любви: Магическая фантастика: Роман / Обложка Н. Васильева. — М.: Центрполиграф, 2001. — 490 с. — (Перекресток богов). (п)

То же: Роман / Обложка Е. Деко. — М.: АСТ, 2006. — 480 с. — (Заклятые миры). (п).

Светлое время ночи: Магическая фантастика: Роман. — М.: Центрполиграф, 2001. — 492 с. — (Перекресток богов). (п)

То же: Роман / Обложка Е. Деко. — М.: АСТ, 2006. — 492 с. — (Заклятые миры). (п)

Сезон Оружия: Фантастический роман / Обложка Н. Васильева. — М.: Центрполиграф, 2001. — 490 с. — (Перекресток миров). (п)

То же в двух томах + рассказы:

Сезон Оружия: Роман, рассказ / Рис. К. Рожкова. — СПб.: Северо-Запад Пресс; М.: АСТ, 2000. — 416 с. — (Перекресток миров). (п)

Сезон оружия: Роман — с. 5—387

Хэллоуин: Рассказ — с. 388—405

Последний аватар: Роман, рассказ / В оформлении обложки использована работа худ. В. Асадуллина. — СПб.: Северо-Запад Пресс; М.: АСТ, 2000. — 464 с. — (Перекресток миров). (п)

Последний аватар: Роман — с. 5—415

Чрезвычайное положение: Рассказ — с. 416—451

То же одним томом, 2-я редакция романа:

Сезон Оружия: Роман / Обложка Е.Деко. — М.: АСТ, 2006. — 432 с. — (Звёздный лабиринт). (п).

То же, мягкая обложка:

Сезон Оружия: Роман / Обложка Е.Деко. — М.: АСТ, 2007. — 456 с. — (Звёздный лабиринт: мини). (о).

Карл, герцог: Роман. — М.: Центрполиграф, 2001. — 464 с. — (Миры Александра Зорича). (п).

Первый меч Бургундии: Роман, рассказы. — М.: Центрполиграф, 2001. — 478 с. — (Миры Александра Зорича).

Первый меч Бургундии: Роман — с. 5—384

Рассказы:

Корабль стрекоз — с. 387—447

Клятвопреступники — с. 448—476.

Консул Содружества: Роман / Обл. М. Петрова. — М.: Центрполиграф, 2002. — 476 с. — (Миры Александра Зорича). (п).

То же: Роман / Обложка Е.Деко. — М.: АСТ, 2007. — 448 с. — (Звездный лабиринт). (п).

Завтра война: Роман. — М.: АСТ, 2003. — 444 с. — (Звездный лабиринт). (п).

То же, в мягкой обложке: Роман. — М.: АСТ, 2004. — 512 с. — (Звездный лабиринт мини). (о)

То же, одним томом с «Без пощады»:

Завтра война. Без пощады: Романы / Обложка Е.Деко. — М.: АСТ, 2006. — 836 с. — (Звездный лабиринт: Коллекция). (п)

То же, в подарочном издании («Завтра война», «Без пощады», «Время — московское!» одним томом):

Завтра война. Без пощады. Время — московское!: Романы / Обложка Е.Деко. — М.: АСТ, 2006. — 1196 с. — (Библиотека мировой фантастики). (п).

Без пощады: Роман / Обложка Е.Деко. — М.: АСТ, 2005. — 398 с. — (Звездный лабиринт). (п)

То же, в мягкой обложке: Роман. — М.: АСТ, 2005. — 464 с. — (Звездный лабиринт мини). (о)

То же, одним томом с «Завтра война»:

Завтра война. Без пощады: Романы / Обложка Е.Деко. — М.: АСТ, 2006. — 836 с. — (Звездный лабиринт: Коллекция). (п)

То же, в подарочном издании («Завтра война», «Без пощады», «Время — московское!» одним томом):

Завтра война. Без пощады. Время — московское!: Романы / Обложка Е.Деко. — М.: АСТ, 2006. — 1196 с. — (Библиотека мировой фантастики). (п)

Ничего святого: Сборник повестей и рассказов / Обложка Е.Деко. — М.: АСТ, 2005. — 416 с. — (Звездный лабиринт). (п)

То же, в мягкой обложке: Сборник повестей и рассказов / Обложка Е.Деко. — М.: АСТ, 2006. — 446 с. — (Звездный лабиринт мини). (о)

Время — московское!: Роман / Обложка Е.Деко. — М.: АСТ, 2006. — 608 с. — (Звездный лабиринт). (п)

То же, в подарочном издании («Завтра война», «Без пощады», «Время — московское!» одним томом):

Завтра война. Без пощады. Время — московское!: Романы / Обложка Е.Деко. — М.: АСТ, 2006. — 1196 с. — (Библиотека мировой фантастики). (п)

То же, одним томом с повестями «Топоры и Лотосы» и «Дети Онегина и Татьяны»:

Время — московское! Топоры и Лотосы. Дети Онегина и Татьяны: Роман и повести / Обложка Е.Деко. — М.: АСТ, 2007. — 768 с. — (Звездный лабиринт: Коллекция). (п)

То же, в мягкой обложке двумя томами:

Время — московское!: Главный Ударный Флот: Роман / Обложка Е.Деко. — М.: АСТ, 2007. — 386 с. — (Звездный лабиринт: мини). (о)

Время — московское!: Пылающий июнь: Роман / Обложка Е.Деко. — М.: АСТ, 2007. — 404 с. — (Звездный лабиринт: мини). (о)

Денис Котик и царица крылатых лошадей: Роман. — М.: ЭКСМО, 2006. — 544 с. — (Детская фэнтези). (п).

Денис Котик и Орден Бледных Витязей: Роман. — М.: ЭКСМО, 2007. — 480 с. — (Детская фэнтези). (п)

Клятвопреступники: [Рассказ] // Наша фантастика. Вып. 1. — М.: Центрполиграф, 2000 — с. 75—97

То же // Сб. Ничего святого. — М.: АСТ, 2005.

Хэллоуин: [Рассказ] // Наша фантастика. Вып. 2. — М.: Центрполиграф, 2001 — с. 134—143.

То же // Сб. Ничего святого. — М.: АСТ, 2005.

Корабль стрекоз: [Рассказ] // Наша фантастика. Вып. 3. «Звездный Мост-2001». — М.: Центрполиграф, 2001 — с. 121—161.

Конан и Смерть: [Повесть] // Звездная дорога, 2002. № 5—6 — с. 50—80

То же // Реальность фантастики, 2004, № 4. — с.

То же // Сб. Ничего святого. — М.: АСТ, 2005.

Второй подвиг Зигфрида: [Рассказ] / Рис. Алексея Филиппова // Если, 2003, № 3 — с. 63—84.

То же // Ил. В. Лобовской // Мир фантастики, 2003, № 1 — с. 44—51

То же // Сб. Ничего святого. — М.: АСТ, 2005.

Серый Тюльпан: [Рассказ] // Фэнтези-2003. — М.: ЭКСМО, 2003 — с. 295—330

То же // Сб. Ничего святого. — М.: АСТ, 2005.

Топоры и Лотосы: [Повесть] / Рис. Алексея Филиппова // Если, 2003, № 9 — с. 13—109

То же // Сб. Ничего святого. — М.: АСТ, 2005.

То же // Сб. Украинская фантастика — 2005. — Харьков.: Фолио, 2005.

То же // Сб. Миры «Если». — Москва: Ред. журнала «Если», 2006.

То же // в кн. Время — московское! Топоры и Лотосы. Дети Онегина и Татьяны: Роман и повести / Обложка Е. Деко. — М.: АСТ, 2007. — 768 с. — (Звездный лабиринт: Коллекция).

О, сергамена!: [Рассказ] // Человек человеку — кот. — М.: АСТ, 2004 — с. 402—417

То же // Сб. Ничего святого. — М.: АСТ, 2005.

Ничего святого: [Повесть] // Фэнтези-2004. — М.: ЭКСМО, 2004 — с. 556—620

То же // Полдень. XXI век, 2004, №3.

То же // Сб. Ничего святого. — М.: АСТ, 2005.

Мы неразделимы: [Повесть] // Знамя, 2004, №11. — с. 101—125

То же // Фэнтези-2005 — М.: ЭКСМО, 2004 — с. 99—133

То же // Сб. Ничего святого. — М.: АСТ, 2005.

То же // Сб. «Лучшее за год». — СПб.: Азбука-классика, 2006.

Раш-Раш: [Рассказ] // Если, 2005, № 4.

То же // Фэнтези-2005. Вып. 2. — М.: ЭКСМО, 2005 — с. 289—317

У солдата есть невеста: [Рассказ] // Сб. «Новые легенды 2005». — СПб.: Азбука-классика, 2005 — с.

То же // Реальность фантастики, 2005, № 11.

Дети Онегина и Татьяны: [Повесть] // Мир фантастики, 2006, № 4.

Примечание. В «Мире фантастики» опубликован журнальный, т. е. сокращенный вариант повести. Полный текст — в сборниках издательств ЭКСМО и АСТ (Москва), «Сварог» (Киев).

То же, полный текст // Сб. Мифотворцы: портал в Европу. — Киев: Сварог, 2006.

То же // в кн. Время — московское! Топоры и Лотосы. Дети Онегина и Татьяны: Роман и повести / Обложка Е.Деко. — М.: АСТ, 2007. — 768 с. — (Звездный лабиринт: Коллекция).

То же // Сб. Лучшее за год. Российская фантастика, фэнтези, мистика. — СПб.: Азбука-классика, 2007.

Пасифая.doc: [Повесть] // Сб. Мифы мегаполиса. — Москва: АСТ, 2007.

Примечание. В настоящей библиографии представлены только художественные произведения Александра Зорича, опубликованные на русском языке. Публицистика А.Зорича и переводы на иностранные языки не приведены.

Содержание

Дмитрий Володихин. Вкус винограда 5

КОНСУЛ СОДРУЖЕСТВА 13

СЕЗОН ОРУЖИЯ 373

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Дети Онегина и Татьяны 747
Топоры и Лотосы 790
Хэллоуин 888
У солдата есть невеста 899

Библиография Александра Зорича 921

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 615-43-38, 615-01-01, 615-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
***107140, Москва, а/я 140*, АСТ – «Книги по почте»**

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Зорич Александр
Топоры и Лотосы
Сборник

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерная верстка: С.Б. Клещёв
Технический редактор: Т.В. Сафаришвили
Младший редактор Е.А. Лазарева

Подписано в печать 03.05.07.
Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 58.
С.: Под Дозоры. Тираж 5 000 экз. Заказ № 4724101

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.003857.05.06 от 05.05.06 г.

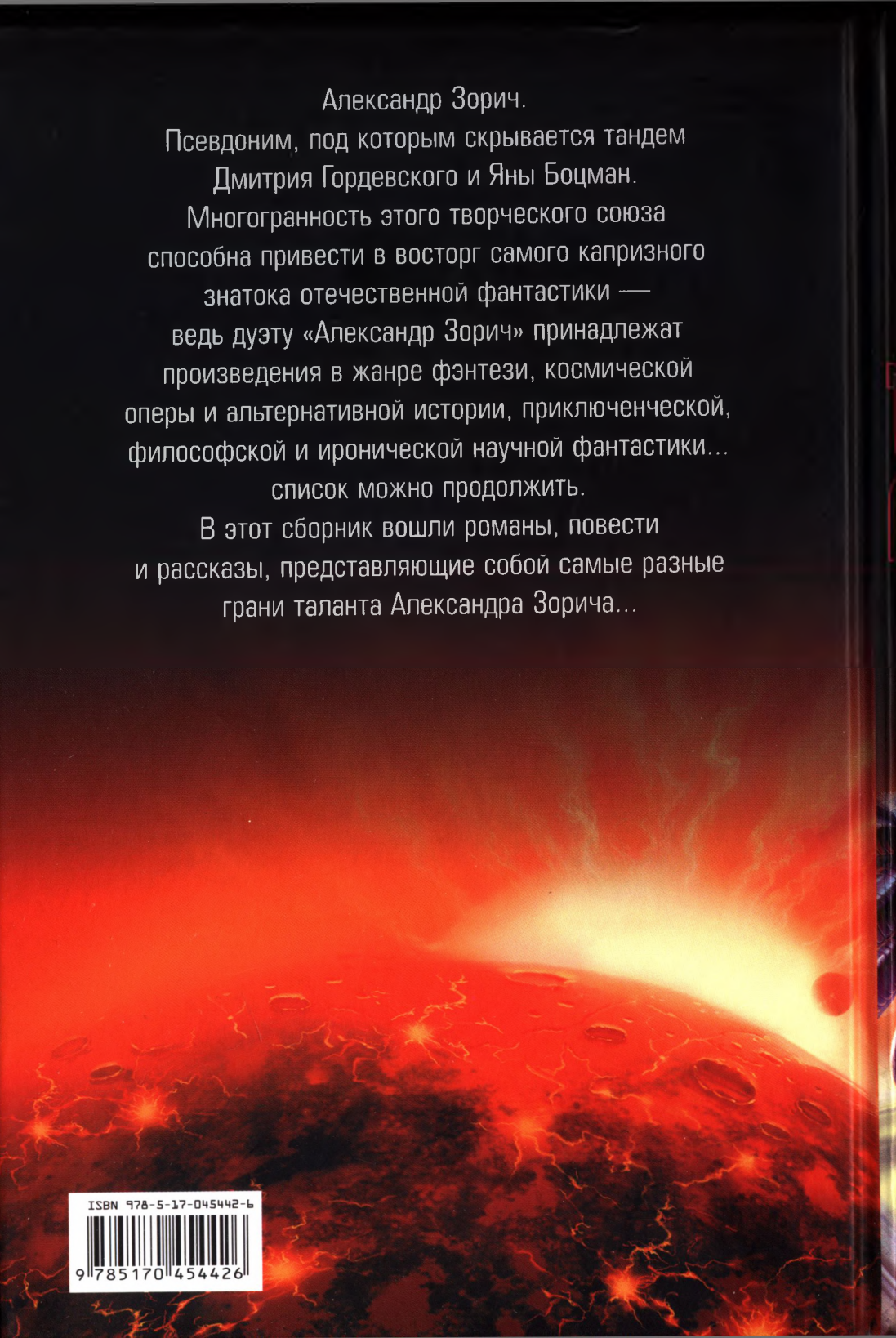
ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, 27/32
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «ХРАНИТЕЛЬ»
129085, г. Москва, пр. Ольминского, д. 3а, стр. 3

Отпечатано на ОАО "Нижполиграф"
603006 Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Александр Зорич.
Псевдоним, под которым скрывается тандем
Дмитрия Гордевского и Яны Боцман.
Многогранность этого творческого союза
способна привести в восторг самого капризного
знатока отечественной фантастики —
ведь дуэту «Александр Зорич» принадлежат
произведения в жанре фэнтези, космической
оперы и альтернативной истории, приключенческой,
философской и иронической научной фантастики...
список можно продолжить.
В этот сборник вошли романы, повести
и рассказы, представляющие собой самые разные
грани таланта Александра Зорича...

ISBN 978-5-17-045442-6